Д 69/35

910
Р87

ЖИВОПИСНАЯ ИНДІЯ.

ИНДІЯ РАДЖЕЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КОРОЛЕВСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДІИ И ВЪ БЕНГАЛЬСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

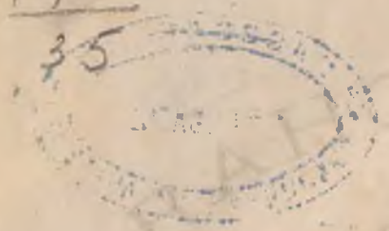
Людовика Русселэ.

Проверена в 1934 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подъяческая, № 39.
1877.

© ГПНТБ СО РАН

Д 69
35



ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-
техническая библиотека
Сверено 1980 г.
17 12 69

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТРАН.
Предисловіе	. . . . .	1
I.	**Бомбэй.** — Касты. — Религія. — Танецъ баядерокъ. — Религіозная драма. — Праздники. — Праздникъ змѣй. — Праздникъ кокосовъ. — Парсы. — Бракъ. — Финансовый кризисъ 1865 г. .	3
II.	**Конканъ и Гаты.** — Бомбэйскій архипелагъ. — Каллианъ и Амбернаутскій храмъ. — Переѣздъ черезъ Гаты. — Матхеранскій санитаріумъ. — Кандаллахъ. — Карлійскій храмъ. . .	19
III.	**Западный Деканъ.** — Пунахъ. — Дворецъ Пейхваха. — Кварталъ Будваръ. — Окрестности Пунаха. — Лони. — Ахмеднагаръ. — Аурунгабадъ. — Даулутабадъ. — Пещеры Эллоры. — Храмы Аджунтаха	24
IV.	**Сѣверный Конканъ.** — Бассейнъ, старый португальскій городъ. — Желѣзная дорога и касты. — Суратъ, плантаціи хлопчатника. — Броахъ. — Сердоликовые рудники Ратанпура. . .	34
V.	**Барода.** — Городъ и предмѣстья. — Татіа Сагибъ. — Гарри-бакти. — *Совари* южной звѣзды. — Свиданіе съ Гюлковаромъ .	41
VI.	**Празднества и охоты Гюлковара.** — Бой слоновъ, носороговъ и буйволовъ. — Битва людей съ когтями. — Не особенно любезные астрологи. — Охота на антилопъ. — Охота на кабановъ. — Охота на тигровъ. — Королевскій звѣринецъ . .	52
VII.	**Королевскія забавы. — Окрестности Бароды.** — Прихоти Гюлковара. — Казнь слономъ. — Праздники *Дассара*. — Жилище факировъ. — Валы Дубюга. — *Дивали*. — Отъѣздъ изъ Бароды	66
VIII.	**Гузуратъ.** — Окрестности Бароды. — Типъ города изъ гузуратской провинціи. — Ахмедабадъ, его стѣны, дворцы, мечети и гробницы. — Раджпутскіе всадники и принцъ Мути-Сингъ. — Мечеть Сиркхей, древнее чудо Индіи. — Гробница Шаха Аллума.	75
IX.	**Страна Биль.** — Караванъ. — Остановки въ Райпурѣ. — Горы Дунгеръ. — Такуръ въ Тинтуи. — *Баоли*. — Нравы Билей. — Тигръ-людоѣдъ. — Самейрикскій маккамъ	88

© ГПНТБ СО РАН

СТРАН.

X. **Страна Билей и Удейпуръ.** — Непріятное происшествіе. — Пьяный Раджпутъ. — Долина Кервара. — Цѣпь горъ Аравилисъ; ея богатства. — Нурсадъ. — Рысь. — Мы заблудились. — Удейпуръ, столица Мейвара. — Стоянка въ амфитеатрѣ. — Насъ подозрѣваютъ въ шпіонствѣ. — Раджпуты. — Легенды. — Байдлахскій Рао 100

XI. **Дворъ Мага-Раны Удейпурскаго.** — Дворецъ. — Торжественная аудіенція 123

XII. Дворецъ. — Праздникъ въ Жугъ-Навасъ. — Озеро Пешола. — Охота въ Аравалисскихъ горахъ 125

XIII. **Удейпурскія празднества.** — Агаръ. — Мага Сати. — Праздники *Голи*. — Дурбаръ. 139

XIV. Кушъ-Магалъ. — Бой кабана съ пантерою. — Праздники Гури. — Охота на медвѣдя 148

XV. **Мейваръ.** — Дюбокъ. — Нѣсколько совѣтовъ. — Минаръ. — Сасунъ. — Муггервара. — Взятіе Онталы. — Морвунъ. — Чурнара. — Шиттора и ея памятники. . . . , ... 157

XVI. Разграбленіе Шиттора. — Гунгахаръ. — Гумиргуръ. — Раджа-Бунеры. — Дабла. 174

XVII. **Область Ажмиръ.** — Буней. — Нуссерабадъ. — Ажмиръ, его базары и памятники. — Мечеть Арай-Динъ-ка-Джопра. — Крѣпость Терагуръ 182

XVIII. **Отъ Аджмира до Джейпура.** — Священное озеро Пошкуръ. — Расточительность раджпутскихъ королей. — Храмъ Герамы 196

XIX. Странники на берегу священнаго озера. — Нага Пагаръ. — Индѣйская пустыня. — Кишенгуръ и его магараджа. — Миражъ. — Соляные холмы. — Джейпуръ. 200

XX. **Джейпуръ.** — Бунгаловъ. — Великій Сова. — Дворецъ. — Обсерваторія. — Свиданіе съ магараджею. — Племя Кучвагасовъ. — Политика Рамъ-Синга. — Минасы. — Жаркіе вѣтры. — Дѣвушки *нютни*. — Святой, повѣшанный за ноги. — Ярмарка въ Ганезѣ 208

XXI. **Амберъ и Самберъ.** — Озеро Джейпуръ. — Долина Амбера. — Дворецъ 221

XXII. Амберскій дворецъ. — Обезьяны «Лангуръ». — Мертвый городъ. — Дождь саранчи. — Индійская пустыня и соленое озеро. — Прощаніе съ Рамъ-Сингомъ 225

XXIII. **Королевство Ульвуръ.** — Могунпоръ. — Горы Мевати. — Гудба. — Крѣпость Раджгуръ. — Зеркальный дворецъ. — Смерть Антилопы. — Пріемъ, оказанный намъ въ Ульвурѣ 235

XXIV. **Ульвуръ.** — Меватъ. — Шоданъ-Сингъ. — Городъ и дворцы. — Свиданіе съ магараджею. — Приключеніе на охотѣ. — Баядерки въ Армуджанѣ. — Призракъ войны 242

XXV. **Изъ Ульвура въ Агру.** — Королевскій лагерь. — Меватъ. — Дигъ. — Дворецъ Буртпурскаго раджи. — Празднество въ Дигѣ. — Секундра 249

СТРАН.

XXVI. **Агра.** — Акберская крѣпость. — Жемчужная мечеть. — Таджъ. — Этматдовлахскій мавзолей. — Сады Джумны 256

XXVII. **Императорскій дурбаръ въ Агрѣ.** — Важность дурбара. — Отказъ Мага-Раны. — Прибытіе вице-короля Индіи. — Праздникъ, даваемый Синдіей въ Таджѣ. — Большой смотръ. — Церемонія пожалованія «индѣйской звѣздой». — Дурбаръ. — Присутствующіе раджи 266

XXVIII. Приглашенные на Дурбаръ. — Нуццуръ. — Киллутъ-магараджа, танцующій европейскій танецъ 274

XXIX. **Королевство Буртпоръ.** — Суттеръ-Чопайа. — Буртпоръ. — Яты. — Двѣ осады. — Капитанъ Фантомъ 277

XXX. **Развалины Футтепора.** — Футтепоръ-Сикри. — Общій видъ. — Дурга Селимъ. — Императоръ Акберъ и святой. — Дворецъ Падишаха. — Игра патчизи. — Девани-Казъ. — Старый Футтепорскій путеводитель 285

XXXI. **Королевство Долепоръ.** — Кайрагуръ. — Долепоръ. — Визитъ министра. — Кладбище Жарджира 295

XXXII. Священное озеро Мучкунда. — Магунтъ. — Дурбаръ магараджи Рана. — Переправа черезъ Чумбулъ. — Чангда. — Нурабадъ . . 299

XXXIII. **Гваліоръ.** — Исторія Гваліора. — Крѣпость. — Дворецъ короля Паль. — Британскій вандализмъ. — Храмы джаиновъ. — Буддійскій храмъ. — Лощина Урвая, или Счастливая долина. — Джаинизмъ. — Юго-восточные раскопки 308

XXXIV. **Дворъ Сциндія.** — Происхожденіе магаратскаго могущества. — Индійскіе казаки. — Носитель туфель пейхваха. — Даолатъ-Рао и французскіе офицеры. — Генералъ Перронъ. — Области Сциндія. — Магаратскій лагерь въ Гваліорѣ, его базары и памятники. — Королевскій каруселъ. — Свиданіе съ магараджей. — Дурбаръ и баядерки 325

XXXV. **Королевство Дуттіахъ.** — Отъѣздъ изъ Гваліора. — Нашъ караванъ. — Бунделькундъ. — Гурдео Сингъ и невольникъ Бунди. — Княжества Бунделасъ. — Дуттіа. — Дворецъ Бирсингъ Део. — Mindi или henné. — Околѣвшій верблюдъ. — Свиданіе съ Рао магараджей Дуттіаха. — Канатные плясуны. — Священная гора Сунагуръ. — Факиръ Священнаго цвѣтка. — Лѣса pâlas. — Патуди 336

XXXVI. **Провинція Иганзи.** — Иганзи. — Рани и Тангія Топи. — Вожаки медвѣдей. — Бетва. — Барва. — Воздушный лагерь. — Озеро и плотина Бирзингъ. — Ужинъ «дяди». — Ночь на сторожѣ . 351

XXXVII. **Урча.** — Урча, древняя столица Бунделькунда. — Бунделькіе короли. — Дворецъ въ цвѣтахъ. — Цитадель и дворцы. — Храмъ Чуттеръ-Бойе. — Могила Бирзингъ Део. — Приготовленіе къ празднеству. — Качнаиръ. — Собака и жандармы . . . 362

XXXVIII. **Королевство Чуттерпоръ.** — Ягиръ Алипура. — Новгонгъ. — Непріятность. — Мовъ. — Чуттерпоръ. — Первые пушечные выстрѣлы 372

СТРАН.

XXXIX. Изъ Чуттерпюра въ Райпугуръ. — Привѣтствіе короля. — Кайрага. — Храмы и развалины. — Ярмарка Голи. — 1-е апрѣля. — Королевская процессія. — Вакханаліи. — Прощальный дурбаръ. — Райгуръ 378

XL. **Королевство Панна.** — Марва Гать. — Посланцы короля на границѣ. — Панна. — Свиданіе съ магараджей. — Алмазныя копи. — Королевскій огородъ. — Охотничьи эпизоды. — Воспитаніе слоновъ. — Охотникъ въ клѣткѣ. 392

XLI. Охота съ загонщиками. — Стадо самберовъ, — Поѣздка въ Аджигуръ и Калинжеръ 405

XLII. **Отъ Панна до Роваха:** — Нагода. — Англо-индійское гостепріимство. — Отъѣздъ конвоя Сциндіа. — Охота въ англійскомъ вкусѣ. — Мадгогуръ. — Согавулъ. — Раджа Дуржунпора. — Ревахъ 410

XLIII. **Богелькундъ.** — Богелькундъ, его пространство, границы и исторія. — Легенда Багеласовъ. — Бандугуръ. — Деванъ. — Ревахъ. — Дворецъ. — Прокаженный король. — Королевскій спичъ. — Водопадъ Тонзы 417

XLIV. **Говиндгуръ.** — Маукундпоръ. — Дерево *мговахъ* и его свойства. — Волки. — Говиндгуръ, дворецъ и городъ. — Первая охота. — Гуди и тигръ. — Визитъ короля. 424

XLV. Долина Соны. — Бандары или люди обезьяны. — Джангаль, орангъ-утангъ англійскихъ путешественниковъ. — Тофанъ. — Королевскій *кучеръ* 434

XLVI. **Долина Тонзы.** — Амарпатанъ. — Княжество Мигере. — Мы принимаемъ въ дурбарѣ раиса мигерскаго. — Пріемъ во дворцѣ. — Долина Тонзы. — Гундвара. — Кормленіе слоновъ во время пути. — Джонкейскій бунгаловъ. — Дакоиты и отравительницы. 438

XLVII. **Гундвана (провинціи Думохъ и Согоръ).** — Географическія и историческія замѣчанія. — Гундсы, ихъ нравы, обычаи и религія. — Почему до сего времени всегда смѣшивали между собою гундсовъ и кундовъ. — Отъ Джонкея до Буртулла. — Талукдаръ изъ Кумари. — Охота за бизономъ. — Думохъ. — Озеро Путуррія. — Банжарисы. — Согоръ 447

XLVIII. **Долина Бильза.** — Укротители змѣй. — Чудо. — Ратгуръ. — Развалины Гариспура. — Бильза. — Опять-таки «топы и топы». — Лохангирскій утесъ и легенда о бѣломъ конѣ. — Бесснагуръ. — Асока и прекрасная Деви. — Холмъ Удгири. — Гротъ и надпись Санаканика. — Вараха Аватаръ. — Вишну и Магадева. — Жилище тигра. — Страшный сосѣдъ 464

XLIX. **Санши.** — Буддистскіе топы, ихъ происхожденіе и преобразованіе. — Могущество и упадокъ буддизма въ Индіи. — Монастырь Санши. — Великій Шантіа. — Ограда, двери и барельефы. — Латы. — Описаніе большаго топа. — Храмъ Шантіа. — Топъ Казіапа. — Дакоиты грабятъ нашъ лагерь. — Деревня аманатовъ. — Правосудіе въ джунглѣ 477

СТРАН.

L. **Долина топовъ.** — Смѣтливость слона. — Пипліа-Биджоли. — Топы Боджепура. — Андхеръ. — Топы Сонари. — Сатдхара. — Лошади Сахапура. — Легенда Шаказіама. — Бопалъ. — Мути бенгаловъ 493

LI. **Бопалъ.** — Бегаума Секундеръ. — Бопальскіе набобы. — Городъ, базары, озера, цитадель. — Джехангхирабадъ. — Визитъ Дуланѣ Сиркаръ. — Елизавета Бурбонская. — Бопальскіе Бурбоны. — Празднество Мохаремъ. — Ярмарка въ Футтехгурѣ. — Джогуисы. — Сехоръ. — Таинственное посланіе. — Вспыхнувшій мятежъ 499

LII. **Дворъ Бегаумы.** — Время дождей. — Жизнь въ Бопалѣ. — Вечеръ у Бегаумы. — Кофе и гука. — Катаки. — Танецъ яицъ. — Человѣкъ съ желѣзнымъ черепомъ. — Свиданіе съ Шахъ Джеханой. — Смерть Умры Дула. — Визитъ соболѣзнованія. — Тофанъ 517

LIII. Бопалъ-Талъ. — Плотины Бходже. — Развалины Боджепоръ. — Храмъ Магадевы. — Переправа черезъ Бетву. — Великій Кхиллатъ. — Празднество 15-го августа у принцессы Бурбонской. — Собраніе гадовъ. — Индійскій боа. — Кильдары и мусульмане. — Послѣднее свиданіе съ Бегаумой. — Отъѣздъ 527

LIV. **Малъва.** — Путешествіе въ коляскѣ. — Переправа чрезъ Парбати. — Негостепріимный раджа. — Нарзингуръ. — Біура. — Большой Тренкъ-родъ. — Гунагъ. — Сипри. — Чопайа. — Маль-картъ. — Гваліоръ. 542

LV. **Гваліоръ.** — Лагерь у подножія крѣпости. — Мораръ. — Придворная драма. — Фуль Багъ. — Синдскій дурбаръ. — Бракъ дочери короля. — Взглядъ назадъ. — Дакъ гари. — Агра. 557

LVI. **Изъ Агры въ Дели.** — Недѣля въ Таджѣ. — На берегахъ Джумны. — Секундра. — Могила Акбера. — Муттра. — Легенда о Кришнѣ. — Говердганъ. — Биндра бандъ. — Верхній Доабъ. — Алигуръ. — Дели 566

LVII. **Дели.** — Дели сравнительно съ Римомъ. — Палладіумъ Индіи. — Индрапехта. — Городъ Шаха-Жегана. — Джумна Муссджидъ. — Императорскій дворецъ. — Англичане и памятники Индіи. — Тронъ павлиновъ. — Императорскія бани. — Улица Хандни-Хаукъ. — Кашмирскія ворота. — Кала Муссджидъ. — Совѣтъ туристамъ. — Опыты одного фотографа въ Индіи. — Бани на манеръ могольскихъ. — Язвы Дели. 582

LVIII. **Равнина Дели.** — Городъ и дворецъ Фероза. — Шпицъ Асоки. — Цитадель Пурана Кила. — Афганская мечеть. — Могила Гумаюна. — Какъ пресѣкается династія. — Дерзкая гіена. — Охота въ комнатѣ. — Низамъ-Удинъ. — Арабъ Ка-Серай. — Мавзолей Сафдаръ Юнга. — Круги и указатели солнечныхъ часовъ. — Ночь въ гробницѣ. — Импровизированный научъ. 599

LIX **Кутабъ.** — Врата Аладина. — Кутабъ. — Большая мечеть. — Галереи Пирти-раджъ. — Латъ Дава. — Легенда о змѣѣ. — Могила Альтамша. — Меровли. — Крѣпость Тоглакабадъ. 611

СТРАН.

LX. **Пенджабъ и Гималайи.** — Панипатъ — поле битвы Индіи. — Карнаулъ. — Равнины Пенджаба. — Танесваръ. — Амбалла. — Фабрики шалей въ Лудіана. — Рѣка Біасъ. — Амритсиръ, священный городъ. — Лагоръ. — Первый видъ на Гималайи. — Джампанъ.— Симла - Лѣтняя столица.—Пикъ Джако.— Восхожденіе на Гималай — Меерутъ. — Агра. 621

LXI. **Страна Аудъ.**—Удъ и Аудъ.—Каунпоръ.—Возстаніе 1857 года и Нана Сагибъ.— Кровавая комната.— Цистерна и памятникъ. — Гангъ. — Пилигримы. — Лукновъ. — Городъ. — Кайзербагъ. — Гуссейнабадъ Имамбара. — Ла Мартиньеръ. 631

LXII. **Изъ Каунпора въ Бенаресъ.** — Нижній Доабъ. — Аллагабадъ. — Поселенія. — Равнина Праяга. — Тривени. — Богомольцы и вода Ганга.— Колонна Асоки. — Дворецъ Акбера. — Подземный храмъ.— Мусульманская школа.—Факторія. — Сборъ и фабрикація индиго. — Мирзапоръ.— Крѣпость Чунаръ. — Престолъ божества.—Моголь-Серай.— Бенаресъ. 646

LXIII. **Бенаресъ.** — Историческая замѣтка. —Прогулка по Гангу.— Набережная.—Обсерваторія Жей Сингa.— Непальская пагода.— Гатъ мертвыхъ. —Храмъ короля Амети.—Мечеть Аурангзеба.— Внутренность города.— Золотой храмъ.— Колодезь Мудрости.— Брамины и нищіе. — Проповѣдь на открытомъ воздухѣ.—Дурга Кундъ. — Обезьяній рай. — Англійская церковь. — Сарнатъ. — Гіуэнъ - Чангъ. — Лѣсъ антилопъ. — Ступа. — Пожаръ монастыря. — Праздникъ Ганеза. — Священныя баядерки. — Раджа Бенареса. — Дворецъ Рамнагаръ 656

LXIV. **Бегаръ.** — Карамнаса, проклятая рѣка. — Мостъ черезъ Сону. — Бегаръ, въ древности Магада. — Патна, въ древности Палиботра.— Гайа.—Дерево Будды.— Бегарскія пещеры.— Монгиръ.—Лодочники на Гангѣ.— Теплыя воды Сита Кундъ.—Горы Куррукпоръ. — Султангангъ. — Островъ Девинатъ и скалы Янгира. — Буддійскій монастырь. — Багульпоръ. — Идолъ Мандаръ. — Пастушеская легенда. — Горы Раджмагаль. — Сонталы и Малеры.— Сонтальская деревня.— Охота на тигра.—Опасный противникъ.—Раджмагальскіе медвѣди 673

LXV. **Бенгалія.** — Ночь въ вагонѣ. — Двѣ тысячи восемъ сотъ девяносто семь километровъ въ семь съ половиною дней. — Бенгалъ. — Раджмагалъ. — Развалины Гаура. — Мурчедабадъ.— Бенгальцы.— Навабъ Ниццама. — Равнины дельты. — Колыбель холеры.—Кокосовыя деревья.—Бурдванъ.—Магараджа. . . . 687

LXVI. **Калькутта.**—Городъ.—Базары.—Жители.—Бабу.—«Молодая Индія». — Рамъ - Могунъ - Рой. — Брама Сомаджъ. — Женская школа.—Бракъ вдовъ.—Кали. — Харакъ-Пуджа. — Европейская жизнь.—Странд.—Ботаническій садъ.—Циклоны.—Аргилахи.— Джагернаутъ.—Портъ Канингъ.— Зондербундъ. — Тигры и крокодилы. — Экскурсія въ Даку. — Гангъ и Брахмапутра. — Діамонтъ-Гарбо.—Взглядъ назадъ 699

ИНДІЯ РАДЖЕЙ.

Путешествіе въ королевства центральной Индіи и въ Бенгальское президентство.

1864—1868 г.

Людовика Русселэ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ іюлѣ 1864 года англійскій пароходъ Суэцкой линіи высадилъ меня въ Бомбэѣ.

Я имѣлъ намѣреніе посѣтить всю сѣверную часть Индіи, заключающую въ себѣ, кромѣ англійскаго президенства Бенгаліи, ленныя владѣнія Раджастана (Rajasthan), Бунделькундъ, Пенджабъ и королевство Непалъ.

Эта обширная область образуетъ собою параллелограмъ, ограниченный съ сѣвера Гималайями, съ юга горами Виндія и рѣкою Нербуддою, съ востока Брахмапутрой а съ запада Синдомъ или Индомъ.

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ мѣстности, надѣленной лучшими естественными границами, обильнѣе орошаемой рѣками и притоками, плодороднѣе и съ болѣе благопріятнымъ климатомъ. Эту-то страну оспаривали по очереди вторгавшіяся въ нее племена арійцевъ, грековъ, монголовъ и татаръ; въ ней-то развилась та цивилизація, которая отразилась на весь остальной міръ; она—колыбель всѣхъ извѣстныхъ религій, изящныхъ искусствъ и восточныхъ наукъ, это та Индія, которая прослави-

СПИБ ОРАН

лась величайшими въ свѣтѣ династіями Моріасской, Туарской, Чоганской и Тимуридской.

Наконецъ, только въ ней послѣдніе представители индусскихъ племенъ сохранили нѣкоторую долю своей прежней самостоятельности, и только здѣсь мы находимъ царства, основанныя до нашей эры, управляемыя потомками Рамы и съ болѣе чѣмъ вѣковыми учрежденіями.

Эта собственно Индія имѣетъ лишь малое сходство съ Декканомъ, лежащимъ на югѣ и отъ котораго она оставалась совершенно отдѣленною въ теченіе вѣковъ.

Немногія свѣденія объ этой замѣчательной странѣ мы имѣемъ отъ англійскихъ путешественниковъ: Тода, Малькольма и Хебера, дѣлавшихъ свои сообщенія болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ; путешественники эти обозрѣли лишь нѣкоторую часть этого обширнаго материка, оставивъ еще многое безъ описанія. Однако, до сихъ поръ, за исключеніемъ Жакмона, де-Варрена и нѣкоторыхъ другихъ, посѣтившихъ долину Ганга и на-скоро обозрѣвшихъ нѣсколько сосѣднихъ провинцій, наши французскіе изслѣдователи всегда стремились на югъ, въ Декканъ, посвящая свои труды изученію памятниковъ, уже болѣе ста лѣтъ извѣстныхъ Европѣ.

Предпринимая путешествіе въ мало извѣстную еще страну, первою моею цѣлью было заняться основательнымъ изученіемъ древнихъ памятниковъ, если бы таковые мнѣ посчастливилось найдти; по общему мнѣнію, распространенному даже въ Бомбэѣ, — гдѣ свѣдѣнія не простираются далѣе знакомства съ президентствомъ, — въ странѣ вовсе нѣтъ подобныхъ памятниковъ. Въ случаѣ если бы собственнымъ опытомъ мнѣ пришлось убѣдиться въ основательности такого мнѣнія, то я предполагалъ избрать иной путь и направиться въ Бирманъ; однако мое путешествіе, вмѣсто того, чтобы ограничиться нѣсколькими мѣсяцами, продлилось четыре года; мои предположенія оказались вѣрными, въ чемъ удостовѣряютъ привезенные мною фотографическіе снимки.

Слѣдующее за симъ описаніе есть не болѣе, какъ бѣглый разсказъ о моихъ путевыхъ приключеніяхъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, по большей части копія съ моего дневника, съ прибавкою нѣсколькихъ замѣчаній относительно нравовъ и обычаевъ посѣщенныхъ много странъ и краткихъ описаній наиболѣе достопримѣчательныхъ памятниковъ; я исключилъ археологическія изслѣдованія, которыя для большинства читателей, быть можетъ, показались бы слишкомъ спеціальными.

I.

Бомбэй.

Касты.—Религія. — Танецъ баядерокъ. — Религіозная драма. — Праздники. — Праздникъ змѣй. — Праздникъ кокосовъ. — Парсы. — Бракъ. — Финансовый кризисъ 1865 года.

Я прибылъ въ Бомбэй въ періодъ юго-западнаго муссона; ливни этого времени года наводнили всю страну, снесли мосты и віадуки и размыли дороги. И такъ, я принужденъ былъ не выходить и, желая употребить съ пользою мое заточеніе, которое должно было продолжиться не менѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, принялся за изученіе языковъ индустани и магаратскаго. Послѣ Грандидье [1]), я не стану описывать столь замѣчательные базары этого города, а ограничусь лишь бѣглымъ очеркомъ нравовъ и обычаевъ племенъ, населяющихъ архипелагъ и провинцію Конканъ. Основное населеніе, какъ и въ остальной Индіи, составляютъ индусы,—общее названіе всѣхъ сектъ, какъ бы противоположны онѣ между собою ни были, но принявшихъ кастовую систему и признающихъ верховную власть Брамы.

Главныя секты суть: *Сиваитовъ* поклонниковъ Сивы; *Вишнуасовъ* поклонниковъ Вишну въ различныхъ его воплощеніяхъ и наконецъ *Джайновъ*, предшественниковъ или послѣдователей буддистовъ, и считающихъ индусскій пантеонъ второстепеннымъ. Извѣстно, что каждая секта дѣлится на четыре отличительныя касты: *браминовъ* или священнослужителей; *кшатріевъ* или воиновъ; *вачшіасовъ* (Vaïchyas),

---

[1]) Индія и Цейлонъ издано ред. «Всемірнаго Путешественника» отдѣльною книгою.

ОНТИ ИБ СО РАН

купцовъ и земледѣльцевъ и *судрасовъ* (Sudras), мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Сбивчивость, порождаемая этой сложной системой сектъ и кастъ, увеличивается еще подраздѣленіемъ этихъ послѣднихъ на отдѣлы и корпораціи по ремесламъ, тѣмъ болѣе, что существуетъ еще значительная часть населенія, признаваемаго также индусскимъ или языческимъ, но не входящаго въ эту организацію. Бомбэйскіе индусы представляютъ обыкновенное смѣшеніе кастъ и сектъ, изъ коихъ каста кшатріевъ весьма мала, тогда какъ касты браминовъ и ваишіасовъ наиболѣе многочисленныя. Брамины составляютъ значительную отрасль, держащую себя особнякомъ отъ большой части другихъ отдѣловъ этой касты.

Одежда ихъ состоитъ изъ бѣлой полотняной ткани, а головной уборъ изъ тяжелой чалмы или тюрбана; пища ихъ исключительно растительная; табаку они не употребляютъ ни въ какомъ видѣ.

Пурвусы (purvous) принадлежатъ къ непосредственно за этой слѣдующей низшей кастѣ и составляютъ классъ чиновниковъ; чистоплотные, дѣятельные и честные, они занимаютъ мѣста въ таможняхъ, правительственныхъ канцеляріяхъ и коммерческихъ учрежденіяхъ. Ихъ легко можно отличить по цвѣтной чалмѣ отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ. Нѣкоторые изъ этихъ пурвусовъ достигли высокихъ положеній и пріобрѣли значительныя состоянія; одинъ изъ нихъ, по имени Югернаутъ Зундерсетъ (Inggernauth Sunderseth), въ наше время, сдѣлался членомъ правительственнаго совѣта и былъ первый изъ касты, удостоившійся монумента.

Затѣмъ, слѣдуютъ *кайэты* (Kayeths), изъ касты писателей; это жалкаго вида сухощавые люди, но съ тонкими чертами и смышленнымъ выраженіемъ, пользующіеся, не безъ основанія, репутаціей хитрецовъ и плутовъ. Они стоятъ здѣсь ниже пурвусовъ, захватившихъ тѣ мѣста при европейцахъ, которыя принадлежали кайэтамъ по наслѣдству; но въ остальной Индіи они всемогущи. Всякій кайэтъ умѣетъ читать и писать на одномъ или нѣсколькихъ языкахъ.

Между тѣмъ, классъ купцовъ представляетъ самую вліятельную касту, состоящую изъ *буньяховъ* (Buniahs) и джайновъ (Jaïnas). Они принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, населяющимъ берегъ Конкана и Гузарата и образуютъ могущественную корпорацію. Изъ ихъ-то среды выходятъ тѣ спекуляторы индѣйскимъ хлопкомъ и англійскими полотнами, которые доставили Бомбэю высокое положеніе, занимаемое имъ въ торговлѣ этого рода. Типъ ихъ иногда отличается достоинствомъ и всегда смышленный; ихъ можно узнать въ толпѣ бомбэйскаго населенія по круглой и высокой какъ киверъ, или свернутой въ видѣ вынутой раковины, чалмѣ; онъ носитъ *дути* (dhouti) съ красными полосами, родъ панталонъ, и длинную коленкоровую тунику, стянутую на груди.

Любимое его ремесло—маклерство, потому что здѣсь онъ находитъ случай выказать свои коммерческія способности; иногда онъ бываетъ и честенъ; однако, все таки, благоразумнѣе — не довѣряться ему въ дѣлахъ.

Богатые индусы ведутъ здѣсь жизнь весьма отличную отъ жизни ихъ отцовъ; не измѣняя ничего въ томъ, что касается ихъ религіи, они усвоили роскошь вполнѣ европейскую.

Каждый вечеръ мѣста гуляній загромождены ихъ колясками, запряженными чистокровными лошадьми и съ лакеями въ парадныхъ ливреяхъ.

Дома ихъ пышны и всегда заключаютъ въ себѣ такое количество мебели, произведеній искусства, зеркалъ и люстръ, что можно принять ихъ за магазины. Большею частію эти диковинныя вещи остаются нагроможденными безъ всякаго вкуса; но слѣдуетъ сказать, что владѣлецъ считаетъ ихъ не болѣе, какъ коллекціею драгоцѣнныхъ рѣдкостей, способною внушить посѣтителямъ изъ провинцій высокую идею о положеніи хозяина; самъ же довольствуется кокетливою комнатою въ индѣйскомъ вкусѣ, помѣщенной въ одномъ изъ угловъ своего дворца.

Сношенія этихъ племенъ съ европейцами весьма ограниченны; внѣ торговли или оффиціальной стороны жизни, рѣдко случается увидѣть что либо касающееся домашняго ихъ быта. Впрочемъ, нельзя вполнѣ упрекать ихъ въ такой сдержанности, принявъ во вниманіе, что они имѣютъ дѣло съ столь холодной и обрядолюбивой націей, каковы англичане; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя же требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ открывалъ свой домъ или выказывалъ дружбу тому, кто отказываетъ ему въ подобныхъ же знакахъ вниманія. Вообще, для всякаго англичанина колоній индусъ всегда есть не болѣе какъ nigger, и если онъ иногда и выказываетъ индусу нѣкоторое почтеніе или принимаетъ его къ себѣ, то не ради его личныхъ качествъ, а изъ за его милліоновъ.

Однако, мнѣ удалось имѣть продолжительное и близкое знакомство съ нѣсколькими туземными джентельменами. Это дало мнѣ возможность иногда присутствовать на ихъ праздникахъ или въ собраніяхъ, которыя иначе были бы для меня закрыты.

Нáчи (nautchs) или танцы баядерокъ составляютъ одно изъ люби-

мыхъ развлеченій для богачей и обязательную принадлежность всякаго праздника; въ такихъ важныхъ случаяхъ, глава дома иногда приглашаетъ европейцевъ, съ которыми онъ имѣетъ сношенія. Въ первый же мѣсяцъ моего пребыванія въ Бомбэѣ, я получилъ карточку, написанную золотыми буквами и извѣщавшую меня, что мой другъ Пурбютъ-Ляльджи (Purbutt Lallji), богатый баттіахъ (Battiah), женитъ своего сына и что въ 9 часовъ вечера будетъ происходить большой нáчъ, на которомъ просили меня присутствовать.

Улица была блестящее иллюминована; сводъ изъ обоевъ, съ привѣшенными къ нему великолѣпными жирондолями, покрывавшій улицу тянулся до самыхъ дверей. Тамъ были навалены горы цвѣтовъ, образовывавшихъ собою стѣну, скрывавшую шумный португальскій оркестръ. При моемъ приближеніи, музыканты прогремѣли военный маршъ, а Пурбютъ поспѣшилъ встрѣтить меня и, взявши за руку, ввелъ меня въ обширный салонъ, гдѣ долженъ былъ происходить начъ. Большія зеркала отражали свѣтъ тысячи люстръ; богатые ковры и обитыя кашемиромъ софы покрывали полъ, а блестящіе костюмы приглашенныхъ и множество слугъ, махавшихъ вѣерами, придавали залу театральный видъ, столь пріятный народамъ Востока. Помѣстившись на мягкомъ диванѣ, я тотчасъ былъ окруженъ слугами, предлагавшими шербеты и фрукты и брызгавшими на меня розовой водой изъ серебряныхъ флаконовъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня баядерки, съ блѣдными лицами и большими черными глазами, покрытыя алмазами и драгоцѣнными матеріями, сидѣли съ поджатыми ногами подлѣ своихъ музыкантовъ, въ ожиданіи сигнала для танцевъ.

Когда большая часть приглашенныхъ собралась, хозяинъ представилъ намъ своего сына, восьмилѣтняго мальчика, въ честь котораго давался праздникъ, и по исполненіи этой формальности, онъ сѣлъ возлѣ меня и подалъ сигналъ.

Тогда танцовщицы встали, распустили шарфы и расправили юбки, при чемъ загремѣли побрякушки, надѣтыхъ на ихъ ноги браслетовъ, служившихъ для обозначенія такта.

По исполненіи предварительнаго хора, сопровождавшагося звуками трубъ и тамтамовъ, онѣ образовали изъ себя полукругъ и одна изъ нихъ приблизилась къ намъ. Скругливъ руки, съ развѣвавшимся вуалемъ, она медленно поворачивалась съ легкимъ судорожнымъ вздрагиваніемъ тѣла, производившимъ гремѣніе побрякушекъ; тихая и томная музыка, казалось, убаюкивала ее; глаза ея были полузакрыты. Такимъ образомъ, одна за другою, онѣ исполняли свои роли: одна изображала

очаровывателя змѣй или борца; другая, пламенная и страстная, быстро кружилась. Одна, одѣтая въ граціозную тогу, вышитую жемчугомъ, дѣлала намъ вызывающіе жесты, и слѣдовала музыкѣ, кокетливымъ совершенно особеннымъ тѣлодвиженіемъ. Онѣ закончили оживленнымъ рондомъ съ пѣснями и хлопаніемъ руками.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего того грубаго, безнравственнаго, что обыкновенно разсчитываютъ встрѣтить въ танцахъ баядерокъ: ихъ осанка и поступь всегда скромныя, съ оттѣнкомъ кокетливости, а костюмъ ихъ строже чѣмъ у обыкновенныхъ женщинъ. Тѣмъ болѣе, здѣсь не слѣдуетъ искать танца въ полномъ значеніи этого слова; позы, различныя тѣлодвиженія и пѣсни—вотъ что составляетъ оффиціальный начъ индусовъ. Я говорю оффиціальный, такъ какъ впослѣдствіи я имѣлъ случай видѣть танцы совершенно иного характера, танцы, на которые иностранцы рѣдко допускаются. Эти танцы—настоящіе наши оперные балеты, но исполненные сладострастнаго и горячаго восточнаго характера. Во всѣхъ другихъ случаяхъ начъ такъ жеманенъ, а иногда такъ мало привлекателенъ,—въ особенности если женщины не молоды и не красивы, что многіе европейцы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, представляютъ себѣ, что присутствуютъ на какой нибудь печальной церемоніи. Къ счастію, мой другъ Пурбютъ выказалъ вкусъ выборомъ своихъ танцовщицъ, красота, граціозность движеній и богатство нарядовъ которыхъ оставили во мнѣ весьма пріятное впечатлѣніе.

Около двухъ часовъ, я незамѣтно удалился, предоставивъ моимъ друзьямъ оканчивать ихъ религіозныя церемоніи.

Одною изъ другихъ забавъ индусской аристократіи служитъ театръ, но такъ какъ онъ составляетъ для нихъ дѣло полусвященное, то въ этомъ случаѣ они выказываютъ большую исключительность нежели по отношенію къ ночамъ, и рѣдко случается европейцу присутствовать на этихъ представленіяхъ. Упадокъ въ религіи и философіи повлекъ за собою паденіе и драматической литературы. Образованные индусы попробовали воскресить эту національную воспитательную отрасль, и старыя трагедіи, извлеченныя изъ забвенія, стали вновь появляться на сценахъ богатыхъ дворцовъ.

Не смотря на всѣ попытки, я еще не могъ присутствовать ни на одномъ изъ такихъ представленій, за исключеніемъ нѣсколькихъ фарсовъ, плохо разыгранныхъ на сценѣ маленькаго публичнаго театра.

Наконецъ, одинъ изъ моихъ друзей, пюрвусъ, по имени Говэндъ Сундеръ (Govind Sounder), обѣщалъ мнѣ, при первомъ случаѣ, показать большую индусскую драму, такъ что я былъ въ восторгѣ въ тотъ

день, когда онъ пришелъ сообщить мнѣ, что ему удалось на этотъ вечеръ заручиться услугами превосходной труппы комедіантовъ. Въ назначенное время я отправился къ нему и засталъ его посреди многочисленной компаніи.

Салонъ былъ обращенъ въ теаральный залъ; одна изъ оконечностей его служила сценою, а кусокъ легкой коленкоровой ткани, прикрѣпленной къ бамбуковой перекладинѣ, замѣнялъ занавѣсъ. Едва мы успѣли занять мѣста, какъ изъ-за занавѣса вышелъ браминъ въ сопроводеніи флейтистовъ, и поставивъ на авансценѣ идола Ганеза (Ganesa), бога мудрости, пропѣлъ воззваніе къ богу, прося его просвѣтить разумъ актеровъ и позволить имъ надлежащимъ образомъ исполнить ихъ роли. Эта оригинальная прелюдія была выслушана присутствующими со вниманіемъ, изъ чего я понялъ, что эта часть церемоніи принята не въ шутку. Объявивъ за тѣмъ, что въ піесѣ идетъ рѣчь о любовной страсти бога Кришны, браминъ удалился за занавѣсъ.

Занавѣсъ этотъ тотчасъ же былъ поднятъ и мы увидѣли вымазаннаго желтою охрой и съ громаднымъ парикомъ на головѣ рослаго малаго, который, торжественно сидя передъ входомъ въ храмъ, изображенный на занавѣсѣ въ глубинѣ сцены, пребывалъ въ глубокомъ размышленіи. Онъ изображалъ Ричи (Richi) или религіознаго аскета, который въ индусской драмѣ всегда обладаетъ сверхъестественнымъ могуществомъ и играетъ роль генія покровителя.

Вслѣдъ за этимъ сцена наполнилась богами и богинями, между которыми я узналъ голубаго Вишну, прекрасную Сарасвати (Sarasvati), Раму и др. Преклонившись передъ равнодушнымъ геніемъ, каждый изъ нихъ проговорилъ тираду, изъ которыхъ я не много понялъ. Наиболѣе всего я любовался костюмами, до того похожими на одѣянія старинныхъ идоловъ, что я не сомнѣвался въ томъ, что они были точнымъ воспроизведеніемъ этихъ одѣяній.

Слоновья голова бога Ганезы, ноги и огромное брюхо были совершенно вѣрно изображены. Боги были въ высокихъ золоченыхъ митрахъ и блестящихъ костюмахъ, а богини были одѣты въ *сарри* (sarri) изъ легкой почти прозрачной матеріи, вышитыя жемчугомъ и золотомъ.

Немного спустя вошелъ Кришна и толпа удалилась; это красивый молодой человѣкъ, съ лицомъ окрашеннымъ голубою краскою и одѣтый какъ король. Мрачный и задумчивый, онъ прохаживается и при этомъ выразительно разсказываетъ о терзающихъ его чувствахъ; сердце его борется между двумя привязанностями, одинаково сильными. Выходитъ супруга его Сатіавама (Satyavama) и бросается къ ногамъ его; изъ

Празднованіе могарекма въ Бомбеѣ.

ея прекрасныхъ черныхъ глазъ ручьемъ льются слезы и она цѣлуетъ колѣни бога. Пріятнымъ голосомъ и на нѣжномъ языкѣ гинди, она упрекаетъ его въ равнодушіи; затѣмъ, видя его нерѣшительнымъ и тронутымъ ея словами, она осыпаетъ его ласками и обнимаетъ. По исполненію сцена эта была великолѣпна: скорбь, любовь и радость были выражены съ тонкостію и натуральностію, на которыя я никогда не считалъ индусску способною. Костюмы такъ граціозны, языкъ столь благозвученъ и жесты до того выразительны, что можно прослѣдить всю драму, даже не понимая ни одного слова.

Актеры уходятъ за кулисы и вмѣсто нихъ на сценѣ появляется новое дѣйствующее лице, Рукмини, соперница Сатіавамы. Это женщина съ величественнымъ типомъ; она съ оживленіемъ разсказываетъ намъ о всѣхъ хитростяхъ, къ которымъ она прибѣгала для того, чтобы восторжествовать надъ слабодушнымъ Кришною. Этотъ послѣдній снова приходитъ въ своею супругою и тогда начинается между этими двумя женщинами разговоръ, по истинѣ восхитительный. Одна превозноситъ свою генеалогію, доходящую до Вишну, свою красоту, свой умъ, и укоряетъ Кришну въ недостойной любви. Другая тихо отвѣчаетъ, что единственнымъ преступленіемъ ея было то, что она полюбила своего божественнаго супруга; она разсказываетъ, какъ, будучи молодою крестьянкою, окруженная своими подругами и, играя на берегахъ очаровательный Джумны, она была замѣчена богомъ; жизнь ея была всегда проста и любовь ея оставалась постоянною. Но Рукмини торжествуетъ; ея надменныя рѣчи пробуждаютъ гордость Кришны; Сатіавама уходитъ, снова возвращается съ своимъ сыномъ, становится на колѣна и указывая на сына говоритъ: «Убей насъ обоихъ, ибо мы не будемъ въ состояніи жить безъ твоей любви!» Подстрекаемый Рукмини, которая поднимаетъ на смѣхъ эти чувства, Кришна подаетъ своей супругѣ чашку съ ядомъ; та залпомъ выпиваетъ ядъ и опускается: «Не боли причиняемыя ядомъ меня терзаютъ, говоритъ она, а сердце мое разбито неблагодарностію того, котораго я такъ любила!» Прощая, она умираетъ. Но индусская драма не можетъ оканчиваться столь плачевнымъ образомъ: геній покровитель входитъ и громовымъ голосомъ требуетъ у Кришны отчета въ его поведеніи; тотъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, не въ состояніи извинить себя; прогоняетъ Рукмини и проситъ генія умилостивиться. Сатіавама возвращается къ жизни и подноситъ сына къ супругу, который протягиваетъ къ нему руки; занавѣсъ на этомъ падаетъ, посреди бенгальскихъ огней и криковъ зрителей: Вахъ! Вахъ! Эта піеса, продолжавшаяся много часовъ, состоитъ, по большей части,

© ГПНТБ СОРАН

изъ очень длинныхъ монологовъ, съ которыми актеръ обращается къ публикѣ. Впрочемъ, нисколько не утомляешься, слушая эти хорошо размѣренные стихи, читаемые пріятнымъ голосомъ и сопровождаемые выразительной пантомимой актера; выражаемыя чувства носятъ отпечатокъ плѣнительной нѣжности. Я поздравилъ моего друга Говэнда съ талантами его актеровъ, въ особенности же съ его очаровательными актрисами; но это послѣднее мое замѣчаніе, повидимому, его очень забавило. Насмѣявшись вдоволь, онъ объяснилъ мнѣ, что законы ихъ театральнаго искусства не позволяютъ выводить на сцену женщинъ; всѣ женскія роли были исполнены молодыми людьми, замѣчательными по своей красотѣ и нѣжности голоса. Никогда еще я не былъ болѣе удивленъ, и ему стоило большаго труда убѣдить меня.

Кромѣ начей и театральныхъ *тамаша* (tamachas), еще въ своихъ многочисленныхъ религіозныхъ праздникахъ индусы находятъ случай выказать роскошь и великолѣпіе, до которыхъ они всегда падки. Этихъ праздниковъ такъ много, что для описанія ихъ нужно было бы составлять цѣлый курсъ индѣйской миѳологіи; кромѣ извѣстнаго числа праздниковъ, торжествуемыхъ во всей Индіи, еще и всякая мѣстность имѣетъ особые дни, посвященные своимъ домашнимъ богамъ; душамъ умершихъ предковъ или различнымъ эпохамъ земледѣльческихъ работъ.

Въ Бомбэѣ насчитываютъ, что у индусовъ не менѣе двухъ сотъ праздничныхъ дней: англійское правительство принуждено признавать болѣе сорока изъ этихъ праздниковъ, въ которые закрываются англійскія административныя учрежденія и прекращаются дѣла. Если вспомнить, кромѣ того, что Бомбэй обладаетъ еще многочисленнымъ населеніемъ персовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, которые всѣ имѣютъ несмѣтное число праздниковъ, то будетъ понятно, что рѣдкій день проходитъ безъ церемоніи.

Одинъ изъ индусскихъ праздниковъ, на которомъ я присутствовалъ въ этомъ городѣ и одинъ изъ болѣе оригинальныхъ—это праздникъ *Нага панчами* (Naga panĉhâmi) или праздникъ змѣй. День этотъ назначенъ принесенію жертвъ змѣямъ, задабриванію ихъ посредствомъ молитвъ, обезпеченію себя ихъ покровительствомъ противъ смертельныхъ ужаленій. Въ этотъ день у храмовъ тѣснится густая толпа въ праздничныхъ одеждахъ, и улицы унизаны лавочками, въ которыхъ продаются пирожныя, игрушки и статуэтки боговъ.

Длинныя процессіи женщинъ въ костюмахъ мадоннъ, поэтически

драпированныхъ своими шелковыми покрывалами, переходятъ улицы, съ пѣніемъ, неся приношенія изъ рису и сахару, которыя онѣ разсыпаютъ передъ идолами Кришны. Это годовщина того самаго дня, въ который этотъ богъ убилъ большаго змѣя, питона Биндрабундскаго, опустошавшаго берега рѣки Джумны. Знамена, громадныя мѣдныя трубы, желѣзные факелы, наполненные горящею резиною, со всѣхъ сторонъ возвышаются надъ этою блестящею толпою; красиво обитые паланкины съ сидящими въ нихъ жирными лукавой наружности браминами перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ.

Непрерывающаяся толпа, загромождающая окрестности озера Пайдона, тѣснится по прилегающимъ переулкамъ на сосѣднюю площадь, гдѣ должна совершиться наиболѣе важная церемонія праздника.

Тамъ стоятъ, выстроившись въ рядъ, двѣсти или триста *сапваллаховъ* (sapvallahs) или очарователей змѣй, имѣя каждый передъ собою корзинку, содержащую двадцать штукъ змѣй кобра-капелло (cobras-cadello); набожные индусы приносятъ имъ чаши съ буйволовымъ молокомъ, до котораго эти гады большіе лакомки. Вскорѣ каждую чашу окружаютъ со всѣхъ сторонъ кобра, которыя, погрузивъ голову въ молоко, остаются въ состояніи полной неподвижности; время отъ времени, сапваллахъ одну изъ нихъ вынимаетъ, чтобы дать мѣсто другой, и любопытно видѣть гнѣвъ оторваннаго животнаго, которое поднимается, надуваетъ свой капишонъ и бьетъ все окружающее. Очарователей окружаетъ толпа любопытныхъ; видъ этихъ гадовъ, этихъ полунагихъ или покрытыхъ цвѣтною мишурою людей, безъ малѣйшаго страху бе рущихъ гадовъ руками,—производитъ эффектъ, по истинѣ, весьма оригинальный. Это странное кормленіе длится цѣлый день, и двѣ или три тысячи гадовъ вполнѣ насыщаются молокомъ; на слѣдующее утро всѣ очарователи покидаютъ островъ, милостиво отпустивъ свою коллекцію змѣй въ траву. Вечеромъ дома иллюминованы; процессіи въ сопровожденіи факеловъ проходятъ по улицамъ и со всѣхъ сторонъ раздается ужасная какофонія цимбаловъ, тамтамовъ и гобоевъ. Праздникъ этотъ вообще происходитъ въ іюлѣ или августѣ, періодъ, въ который кобра бываютъ наиболѣе опасны и инстинктъ боязливости этихъ народовъ заставилъ ихъ выбрать это время года для смягченія гнѣва этихъ ужасныхъ полубоговъ.

Праздникъ *Нарiаль Пуранама* (Naryal Purapama) или Кокосовый праздникъ полнолунія, есть также одинъ изъ наиболѣе важныхъ праздниковъ, торжествуемыхъ въ Бомбэѣ; вообще, онъ бываетъ около послѣднихъ чиселъ сентября, и считается какъ бы опредѣляющимъ конецъ

дождливаго періода. Хотя это чисто индусскій праздникъ, однако, для совершенія его собираются всѣ племена острова: громадная толпа собирается на берегу Бэкъ-бэя; весь верхъ крутаго берега покрывается балаганами, бараками, и впродолженіи двухъ дней, это мѣсто, обыкновенно пустынное, представляетъ самое живописное и оживленное зрѣлище. Каждый подходитъ къ морю, или даже входитъ до половины ногъ въ море, и бросаетъ какъ можно дальше въ воду нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ; къ этому приношенію присоединяютъ короткую молитву, обращенную къ морю, прося его отдалить всякую опасность отъ предпринимающихъ дальнія плаванія. Передъ выходомъ изъ воды, бросаютъ еще вѣнки изъ цвѣтовъ, въ благодарность волнамъ за принятіе дани. Такъ бросаются въ заливъ тысячи кокосовыхъ орѣховъ въ теченіи этихъ двухъ дней, потому, что все населеніе Бомбэя живетъ моремъ, и для каждаго выгодна его благосклонность: рыбаки, моряки, арматоры, женщины и дѣти,—всѣ молятъ его о милосердіи. Этотъ обычай, во всей его оригинальной простотѣ, весьма трогателенъ и хорошо показываетъ, что индусъ въ своей религіи не забываетъ ни того, кого онъ любитъ и кто составляетъ для него источникъ благодѣяній, ни того, кто внушаетъ ему страхъ, и чей гнѣвъ нужно смягчить; онъ одинаково поклоняется небу, деревьямъ, землѣ, звѣздамъ и рѣкамъ, какъ богамъ, и змѣямъ. Въ день праздника Кокосовъ, всѣ туземныя шлюпки разцвѣчиваются флагами и большое число ихъ снова пускается въ путь, прерванный муссономъ.

Парсы составляютъ племя, имѣющее послѣ индусовъ наиболѣе важное значеніе на островѣ Бомбэѣ. Нѣсколько словъ о ихъ происхожденіи и исторіи послужатъ для объясненія того, какимъ образомъ они вошли въ составъ народовъ, отъ которыхъ разнятся цвѣтомъ кожи, религіей и нравами.

Парсы или геебры суть потомки огнепоклонниковъ, послѣдователей Зароастра. Наслѣдники Александра Великаго съ жестокостью ихъ преслѣдовали; принужденные покинуть Персію, геебры укрылись на островъ Ормузъ и потомъ, опасаясь еще преслѣдованій мусульманъ, они покинули островъ и сѣвъ на суда, пристали къ берегамъ Гузурата. Царствовавшій въ ту эпоху въ провинціяхъ Жампаниръ, раджпутскій князь Айя Дэва, уступилъ имъ небольшую землю на берегу Конкана, гдѣ они основали городъ Санджанъ (Sanjân). Раджа поставилъ условіемъ, чтобы парсы приняли индѣйскій костюмъ, не ѣли говядины и праздновали бы свадьбу послѣ заката солнца; до нашихъ дней они остаются верными данному ими обѣщанію. Этой маленькой колоніи пришлось много

вытерпѣть отъ постоянныхъ перемѣнъ властителей, происходившихъ въ Индіи, начиная съ восьмаго или девятаго вѣка; помогая своимъ покровителямъ въ сраженіяхъ противъ мусульманъ, они были почти истреблены этими послѣдними.

Такъ какъ послѣ пораженія на нихъ стали смотрѣть какъ на паріевъ, то они терпѣливо оставались въ своихъ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ и мастерствами, до того самаго дня, когда англичане, оцѣнивъ выгоду отъ присоединенія къ себѣ столь преданное и способное племя, привлекли ихъ въ Бомбэй. Въ настоящее время почти всѣ они на острову, гдѣ образуютъ сословіе людей богатыхъ, дѣятельныхъ, исполненныхъ преданности англійскому владычеству, и имъ страна обязана значительной долей своего процвѣтанія. Нѣтъ ни одного коммерческаго учрежденія, въ которомъ бы одинъ изъ нихъ не имѣлъ своей части и не рѣдко наиболѣе значительной. Трудолюбивые и терпѣливые, они соединяютъ въ себѣ всѣ хорошія качества евреевъ, не имѣя за собою ихъ недостатковъ, потому что они, по большей части, весьма щедры и цѣнятъ роскошь и комфортъ въ жизни. Вліяніе ихъ громадно и увеличивается вслѣдствіе согласія и дружбы царствующихъ между членами этого образцоваго племени. Они справедливо гордятся, что во всемъ Бомбэѣ нѣтъ ни одного бѣднаго, ни одной проститутки изъ ихъ касты: всѣ, находящіеся въ нуждѣ, получаютъ вспомоществованіе изъ общины, которая обладаетъ обширной организаціей госпиталей и благотворительныхъ лечебницъ. Языкъ ихъ гузаратскій, на который они когда-то промѣняли персидскій языкъ; но въ настоящее время англійскій языкъ вошелъ у нихъ въ постоянное употребленіе; на немъ говорятъ ихъ дѣти и жены и, вѣроятно, современемъ онъ сдѣлается ихъ національнымъ языкомъ. Они сохранили костюмъ предписанный имъ Айя Дэвой, костюмъ, въ которомъ не красивъ только головной уборъ, имѣющій видъ усѣченнаго и наклоненнаго конуса, покрытаго клеенкою; однако, любопытно, что они дорожатъ этою частію одѣянія болѣе нежели остальнымъ костюмомъ, который многіе изъ нихъ перемѣнили на европейскій, сохранивъ свой комическій головной уборъ, который не только не красивъ, но и не защищаетъ ни отъ солнца, ни отъ дождя.

Типъ у нихъ вполнѣ европейскій; только у всѣхъ носъ очень длинный и крючковатый, что составляетъ отличительный признакъ всѣхъ племенъ Западной Азіи. Что касается костюма ихъ женщинъ, то эти послѣднія съумѣли красиво соединить въ немъ древніе персидскій и индѣйскій костюмы: онѣ элегантно драпируются широкимъ и длиннымъ кускомъ шелковой матеріи, которая, обхватывая поясницу и образуя

юбку, обвертывается вокругъ бюста и на половину закрываетъ голову. Онѣ также имѣютъ странный обычай обматыватъ себѣ волосы бѣлымъ платкомъ, который образуетъ на лбу ихъ повязку, подобную повязкамъ нашихъ монахинь. Вообще, онѣ очень бѣлы, иногда очень красивы и, по видимому, пользуются свободою наровнѣ съ нашими европейскими женщинами, потому что не рѣдко видишь ихъ прогуливающихся по базарамъ или появляющихся вечеромъ въ элегантныхъ экипажахъ на гуляніяхъ, посѣщаемыхъ лучшимъ обществомъ.

Парсы вообще характера тихаго и миролюбиваго и ищутъ сближенія съ европейцами; всѣ ихъ манеры скопированы съ нашихъ. У нихъ великолѣпные экипажи, пышныя жилища; они даютъ обѣды и устраиваютъ празднества; но съ одной стороны они не обладаютъ утонченностью вкуса европейца, съ другой имъ не достаетъ природной склонности индѣйца къ роскоши и величественнымъ зрѣлищамъ. Это неустановившійся народъ: они ни европейцы, ни индусы. Я имѣлъ, однако, случай присутствовать на брачной церемоніи въ домѣ богатаго негоціанта Ковасжэ Джехангира и, конечно, трудно увидѣть гдѣ-либо большую роскошь и встрѣтить болѣе милыхъ хозяевъ.

Жилище Ковасжэ находилось посреди большаго сада, который былъ иллюминованъ a giorno; аллеи освѣщались люстрами, а деревья были покрыты огненными плодами и цвѣтами. Едва я успѣлъ проникнуть въ это очаровательное мѣсто, какъ очутился посреди многочисленнаго общества джентельменовъ парсовъ, которые, въ своихъ длинныхъ, бѣлыхъ и развѣвающихся костюмахъ, прогуливались и разговаривали; этотъ костюмъ древнихъ персовъ придавалъ картинѣ азіатскій характеръ, котораго ей отчасти недоставало. Я былъ весьма любезно принятъ; обмѣнявшись многочисленными рукоплесканіями я присоединился къ группѣ и послѣдовалъ за нею во внутренность дома. Тамъ я встрѣтилъ Ковасжэ, который ввелъ меня въ богато убранный залъ, гдѣ должна была праздноваться церемонія; *дустуры* (dustours) въ парадныхъ одѣяніяхъ, стояли въ кружкѣ и уже читали свои монотонныя псалмопѣнія, а въ это время хорошая военная музыка, помѣщенная на веррандѣ, играла намъ вальсы и кадрили.

Когда всѣ приглашенные размѣстились вокругъ обширнаго зала, то свѣтскіе аккорды музыки были прекращены и главный дустуръ пропѣлъ свадебный гимнъ тѣмъ гнусливымъ голосомъ, который составляетъ особенность духовенства многихъ вѣроисповѣданій. За тѣмъ, священники, построившись въ рядъ, вышли на встрѣчу счастливой четѣ, вошедшей въ одну изъ большихъ дверей зала. Молодой человѣкъ, весь

въ бѣломъ, съ надѣтыми на шею ожерельями изъ цвѣтовъ, шелъ рядомъ съ невѣстою, которая, драпируясь превосходною парчевою *сарра*, скрывала отъ насъ на половину лице свое подъ вуалемъ. Придя на средину залы, молодые пали ницъ, а когда помѣстился возлѣ нихъ великій дустуръ, то эту группу покрыли громадною кашемировою шалью, образовывавшею собою палатку и совершенно скрывшею группу. Когда, двадцать минутъ спустя, адскій шумъ священнослужителей прекратился и вуаль былъ снятъ, молодые были обвѣнчаны; тогда молодую женщину окружило множество дамъ, которыя ее поздравляли, цѣловали и ли плакали отъ радости, а молодой пошелъ поцѣловать отца и пожать руку своимъ друзьямъ.

Послѣ этой любопытной церемоніи, насъ перевели въ садъ, гдѣ, подъ густымъ сводомъ манговыхъ и тамариндовыхъ деревьевъ, насъ ожидалъ великолѣпный ужинъ и тончайшія вина; самыя изысканныя европейскія кушанья и самые красивые тропическіе цвѣты совершенно покрывали столъ.

Гармоніи англійской и индѣйской музыкъ чередовались: то сладко убаюкивалъ насъ какой нибудь томный гузаратскій мотивъ, то съ громомъ раздавался ритурнель блестящей парижской кадрили. Около одинадцати часовъ насъ представили дамамъ; большая часть изъ нихъ были одѣты въ костюмы, покрытые золотомъ, алмазами и жемчугомъ, отсвѣчивавшими отъ дѣйствія люстръ волшебнымъ образомъ; я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, превосходно владѣвшими англійскимъ языкомъ. Это смѣшеніе индусскихъ нравовъ съ почти европейскою внѣшностію нигдѣ не могло представиться въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, какъ на этомъ праздникѣ, такъ что когда настало время уходить, я отъ души поблагодарилъ Ковасжэ за приглашеніе.

Парсы не имѣютъ, подобно другимъ индѣйцамъ, многочисленныхъ праздниковъ, безпрестанно задерживающихъ теченіе дѣлъ; у нихъ есть небольшое число праздничныхъ дней, которые они проводятъ въ молитвѣ и семейныхъ развлеченіяхъ. Праздникъ Зороастра, одинъ изъ главныхъ, бываетъ въ сентябрѣ; женщины и священники наполняютъ храмы и проводятъ день въ молитвахъ; что же касается мужчинъ, то они, собравшись въ садахъ или на берегу моря, проводятъ время въ развлеченіяхъ всякаго рода. *Новрой* (el Novroj) или день Новаго года, который вообще приходится между августомъ и сентябремъ, празднуютъ также какъ и у насъ; друзья обмѣниваются визитами и подарками, устраиваютъ большіе обѣды и раздаютъ милостыню бѣднымъ всѣхъ сектъ.

© ГПНТБ СОРАН

Мусульмане всѣхъ исповѣданій, живущихъ на островѣ Бомбэѣ, составляютъ около трети населенія; большая часть арабовъ или персовъ, собственно говоря, суть не болѣе какъ чужеземцы, привлеченные цвѣтущимъ состояніемъ этого города, которые,—разъ что цѣль ихъ достигнута, то есть состояніе составлено,—снова возвращаются въ свою страну. Въ Бомбэѣ существуетъ много исламистскихъ племенъ, нравы и обычаи которыхъ представляютъ нѣкоторыя интересныя подробности. Между ними, шіитское племя *бохора* наиболѣе важное; названіе это, на гузаратскомъ языкѣ, значитъ—купцы, и всѣ они безъ исключенія пускаются въ торговлю. По преданію, они происходятъ отъ древняго индусскаго племени бохораховъ, обитавшаго въ окрестностяхъ озера Ахмедабада и обращеннаго миссіонеромъ Моллахомъ Али въ магометанство.

Мусульмане суниты, которыхъ численностію больше, смотрятъ на нихъ съ ужасомъ, какъ на нечестивыхъ еретиковъ, и различіе во взглядахъ составляютъ причину многихъ столкновеній въ Бомбэѣ между этими двумя сектами. Типъ бохора чисто индѣйскій съ нѣкоторыми слѣдами примѣси арабскаго; въ ихъ рукахъ монополія всей мелкой торговли въ Бомбеѣ; ихъ лавки, наполняющія базары, представляютъ собраніе всѣхъ предметовъ швейной и мелочной желѣзной торговли Европы. Они тихаго и скрытнаго нрава, и даже наиболѣе богатые изъ нихъ живутъ скупо и безъ роскоши; сношенія ихъ съ европейцами исключительно коммерческія. Возлѣ нихъ поселилась и другая секта шіитовъ, черезъ что увеличилось ихъ вліяніе во всей странѣ; секта эта *коджахи* (les kodjahs), потомки племени Измаильтянъ, теперешній глава которыхъ Ага-Ханъ, есть прямой наслѣдникъ Гассанъ Сабаха, принца Убійцъ или Старца Горы, столь знаменитаго во времена крестовыхъ походовъ. Увлеченные этимъ безпокойнымъ племенемъ, мирные бохара стали въ ряды, подъ знамена Ага-Хана и, благодаря ихъ ловкости и пронырству, одержали нѣсколько побѣдъ надъ бомбэйскими суннитами.

Не удивительно встрѣтить въ дикихъ племенахъ, обращенныхъ въ исламизмъ, много суевѣрія свойственнаго ихъ первоначальному культу. Не смотря на строго иконоборческій духъ ихъ религіи, природный вкусъ индѣйскихъ магометанъ къ статуямъ и эмблематическимъ украшеніямъ, можно замѣтить во время ихъ публичныхъ праздниковъ, на которыхъ предметы эти бываютъ выставлены сотнями. Во время *Мохарема*, который празднуется въ началѣ ихъ года, они выдѣлываютъ изъ золоченой бумаги, а иногда изъ драгоцѣнныхъ металловъ, модели храмовъ, подражая, по возможности, гробницамъ имамовъ и, пронёсши торжественно по городу, бросаютъ ихъ въ море. Этимъ они совершаютъ, нисколько не подозрѣвая, ту-же церемонію, которою ихъ предки, правовѣрные индусы, праздновали начало новаго года, принося въ жертву землѣ десятую часть своего богатства. Эти модели храмовъ или *табу* украшены статуями фей, лошадей и чудовищъ, внушающихъ самое глубокое отвращеніе строго религіознымъ магометанамъ, и бываютъ причиною частыхъ безпорядковъ.

Женщины ихъ пользуются бо́льшею свободой нежели женщины другихъ странъ Востока; онѣ выходятъ на улицу съ открытымъ лицомъ и носятъ такой же костюмъ, какъ индусскіе женщины. Между ними есть красивыя, но ни одной нѣтъ опрятной; часто ихъ неряшливость отвратительна и это даетъ возможность легко отличить ихъ отъ очаровательныхъ соотечественницъ ихъ, язычницъ, которыя доводятъ чистоплотность до крайности, проводя половину дня въ водѣ.

Бомбэй вмѣщаетъ въ себѣ также значительную колонію восточныхъ евреевъ, которые, по большей части, поселившись въ странѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, усвоили почти всѣ обычаи магометанъ и съ трудомъ отличаются отъ этихъ послѣднихъ.

Многіе лица въ Европѣ издали слѣдили за тѣмъ знаменитымъ движеніемъ 1864—65 годовъ, которое на минуту привело было Бомбэй къ апогею процвѣтанія, для того чтобы потомъ повергнуть его въ разстройство страшнаго кризиса.

Бывши свидѣтелемъ этихъ событій, сходныхъ съ тѣми, которыя волновали Францію во времена Лоу, позволяю себѣ сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Америка, терзаемая ужасами междоусобной войны, лишила Европу одного изъ элементовъ наиболѣе необходимыхъ для ея промышленности—хлопчатой бумаги; и Индія, понявши, какъ было бы важно для нея попытаться занять мѣсто, остававшееся на минуту вакантнымъ, достигла, благодаря разумнымъ усиліямъ того, что значительно пополнила недостатокъ продукта, снабжающаго фабрики всего свѣта. И такъ, Бомбэй сдѣлался складочнымъ пунктомъ всей Индіи; пользуясь громадными выгодами своего положенія, онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ всю коммерцію и сдѣлался почти единственнымъ ея властелиномъ. Невѣроятныя богатства быстро накоплялись, и тогда-то индусы, подстрекаемые желаніемъ спекулировать, овладѣвшимъ тогда всѣми умами, отрыли свои сокровища, скрытыя въ теченіи вѣковъ, и биржа переполнилась деньгами. Со всѣхъ сторонъ появлялись проэкты, хлопокъ, все таки

ГПНТБ ... СССР
Г с. пу... научно-

оставаясь основаніемъ коммерціи, вскорѣ сдѣлался лишь предлогомъ для необузданныхъ спекуляцій.

Люди способные, но неблагоразумные, основывали гигантскія компаніи. Одинъ изъ нихъ, Мишель Скоттъ, при содѣйствіи нѣкоего индуса Премшунда Ройшунда, предложилъ укеличить территорію острова отнятіемъ у моря залива, именуемаго Бекъ-Байемъ, которымъ океанъ владѣлъ въ теченіи вѣковъ. Составилась компанія и когда, немного дней спустя по выпускѣ акцій, онѣ достигли преміи въ 75,000 франковъ, тогда спекуляція не знала границъ. Компаніи на акціяхъ, съ сумазбродными капиталами, возникали одна за другою; болѣе шестидесяти банковъ было основано; но все это лишь только на одной бумагѣ и для того, чтобы написать на бюллетенѣ громкое названіе; это была лишь игра, и всѣ въ ней приняли участіе. Даже дамы, сидя въ своихъ колясках, на морскомъ берегу, горячо толковали о колебаніяхъ на биржѣ; слуги рисковали своимъ жалованьемъ и рабочіе своей платой въ этой ненасытной рулеткѣ. Вдругъ пришли въ Бомбэй извѣстія о бѣдствіяхъ Ли: банки закрылись и наступило всеобщее раззореніе. Упадокъ былъ такъ силенъ, что даже самъ бомбэйскій банкъ былъ вынужденъ прекратить платежи.

Медленно и съ трудомъ Бомбэй оправился послѣ этого страшнаго кризиса, но нынѣ онъ опять стремится сдѣлаться коммерческою метрополіей Индіи.

II.

Конканъ и Гаты.

Бомбэйскій архипелагъ. — Калліанъ и Амбернаутскій храмъ. — Переѣздъ черезъ Гаты. — Матхеранскій санитаріумъ. — Кандаллахъ. — Карлійскій храмъ.

Наконецъ, небо очистилось; вѣчные ливни муссона смѣнились легкими сѣверовосточными бризами, и я могъ помышлять начать мои изслѣдованія около первыхъ чиселъ октября. Я началъ съ подробнаго осмотра бомбейскаго архипелага, въ которомъ легко узнать древнюю Хептанезію географа Арріана, и который, повидимому, заселенъ и цивилизованъ съ самой глубокой древности. Группу эту составляютъ двѣнадцать острововъ, изъ которыхъ главные: Сакти или Сальцета, Гарапури или Элефанта, Драви, Бассеинъ, Версова, Тромбэй и Бомбэй. Названіе этого послѣдняго, которое нѣкоторые этимологи производятъ отъ португальскаго, Боа-Бахія (Boa-Bahia), происходитъ отъ Бомба, одного изъ именъ богини Мамба-Деви, которой посвященъ островъ. Два изъ этихъ острововъ, Сальцета и Элефанта сохранили великолѣпныя воспоминанія отдаленныхъ временъ. Болѣе мѣсяца я оставался на этихъ островахъ, употребивъ это время на осмотръ десяти или двѣнадцати группъ разсѣянныхъ на нихъ храмовъ, изъ коихъ нѣкоторые, почти неизвѣстные, меня въ особенности заинтересовали. Во время моего пребыванія въ дикихъ долинахъ Сальцеты, гдѣ, подъ легкимъ навѣсомъ, я пренебрегалъ вредными здоровью октябрьскими жарами, и въ особенности во время этихъ продолжительныхъ и заманчивыхъ боевъ съ обитателями лѣсовъ, — я поступалъ крайне неосторожно, и возвратился въ Бомбэй съ перемежающейся лихорадкой, которая чуть было не привела меня къ смерти. Я былъ жертвою пагубныхъ свойствъ того

© ГПНТБ СО РАН

холоднаго, насыщеннаго заразительными міазмами вѣтра, который англичане называютъ land wind (материковый вѣтеръ); дѣйствіе его такъ ужасно, что до введенія хинина ежегодно онъ похищалъ часть европейскаго населенія Бомбэя. Какъ показываетъ его англійское названіе, онъ дуетъ съ материка и поднимается по вечерамъ въ теченіи октября и ноября мѣсяцевъ.

Я окончательно оправился отъ продолжительной и жестокой лихорадки только къ началу декабря; опасаясь возвращенія болѣзни, я рѣшилъ, до поѣздки въ Раджпутанъ, совершить быструю экскурсію въ Кандейхъ, экскурсію, изъ которой я надѣялся извлечь двоякую пользу: она давала мнѣ возможность окончательно акклиматизироваться въ странѣ, гдѣ сообщенія еще не представляютъ затрудненій, а за тѣмъ, я могъ осмотрѣть всѣ подземные памятники Карли, Эллоры и Аджунтаха.

10 числа я отправился съ поѣздомъ желѣзной дороги Great Indian Peninsular, которая соединяла Бомбэй съ Декканомъ и которая теперь связываетъ его съ Калькутой. Начинаясь на островѣ, она пересѣкаетъ Сальцету и выходитъ на материкъ противъ Таннаха. Полоса земли, образующаяся между западнымъ склономъ Гатовъ (Gathes) или Готовъ и моремъ, имѣетъ въ этомъ мѣстѣ не болѣе пятидесяти километровъ ширины и составляетъ южный Конканъ, одну изъ самыхъ красивыхъ, но наименѣе производительныхъ странъ Индіи. Отрасли Гатовъ тянутся до самаго моря, образуя долины, покрытыя великолѣпною природною растительностію, но мало пригодныя для земледѣлія. Изъ нихъ долина, лежащая вдоль полотна желѣзной дороги, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ; многочисленныя поля доходятъ до самыхъ береговъ красивой рѣки Уласъ, и деревни хотя и бѣдно выстроены, но велики и кокетливо помѣстились или подлѣ кокосовыхъ лѣсовъ или на не высокихъ холмахъ. Уласъ, главная мѣстная рѣка, и дельту ея образуетъ архипелагъ Бомбэя. Она судоходна на небольшомъ протяженіи для мелко сидящихъ барокъ. Расположенный на одномъ изъ ея береговъ городъ Калліанъ, древняя столица Конкана, былъ долгое время однимъ изъ первыхъ коммерческихъ портовъ этого прибрежья и, вѣроятно, имѣлъ продолжительныя сношенія съ греками. Великая индусская династія Соланки возвысила его до степени богатства и извѣстности, воспоминаніе о которыхъ сохранено преданіемъ. Его замки и памятники были воспѣты поэтами, и одинъ изъ этихъ послѣднихъ, въ *Ратанъ Мала*— величественной поэмѣ седьмаго вѣка, восклицаетъ: «Солнце попеременно проводитъ шесть мѣсяцевъ на югѣ и шесть на сѣверѣ, только для того, чтобы имѣть возможность сравнивать дивную столицу Цейлона

съ великолѣпнымъ городомъ Калліаномъ». Немного осталось отъ всего этого величія въ этомъ городѣ, нынѣ низведенномъ до скромной роли главнаго города англійской провинціи; базары его тѣсны, извилисты и не представляютъ ничего интереснаго, но окрестности его покрыты развалинами дворцовъ и храмовъ глубокой древности, и достойны изслѣдованія археологовъ.

Я здѣсь оставался нѣсколько дней, которые были употреблены мною на осмотръ всѣхъ этихъ памятниковъ. Одинъ изъ болѣе достопримѣчательныхъ между ними это — Амбернаутскій храмъ, все еще величественный, не смотря на то, что почти совершенно разрушенный. Снаружи онъ покрытъ мелкою скульптурною работою, выполненною съ тою тонкою законченностію, которою отличаются всѣ индусскія образцовыя произведенія искусствъ, а на одной изъ его сторонъ двѣ изящныя колонны поддерживаютъ красивый портикъ. Никакое описаніе не можетъ дать понятіе о всей красотѣ стиля, который не походитъ ни на что въ Европѣ; только имѣя передъ глазами оригиналъ, можно оцѣнить всю тонкость и богатство фантазіи, которыя выказалъ скульпторъ въ этомъ памятникѣ. Окружающее поле повсюду покрыто обломками: рѣзныя притолки, барельефы, куски колоннъ на половину закрыты высокою травой джунгля; но и тамъ есть изъ чего составить цѣлый музеумъ индусскихъ древностей.

15 числа я уѣхалъ изъ Калліана на станцію Нарель, самый близкій пунктъ отъ знаменитаго матхеранскаго санитаріума.

Почти всѣ болѣзни, свойственныя индѣйскому климату, уступаютъ чаще всего перемѣнѣ температуры и въ особенности свѣжему воздуху Гатскихъ нагорныхъ равнинъ, среднее возвышеніе которыхъ здѣсь доходитъ до 700 метровъ. Въ Матхеранѣ были выстроены казармы для больныхъ солдатъ бомбэйскаго гарнизона и всѣ торговцы и зажиточные люди имѣютъ здѣсь виллы, въ которыхъ жены и дѣти ихъ проводятъ нездоровое время года и куда, по праздникамъ, они сами пріѣзжаютъ подкрѣпиться горнымъ воздухомъ. Въ Нарели имѣются палаикины и *тату*, маленькой породы мѣстныя лошади, для подъема на высоты Матхерана.

Для переѣзда черезъ Боргатское ущелье (Borе-ghat), изъ Матхерана я отправился въ Кампули, лежащій у подошвы Гатовъ. Желѣзная дорога, благодаря гигантскимъ работамъ, идетъ теперь изъ Бомбэя прямо въ Пунахъ, восходя на горы по покатостямъ и проникая сквозь нихъ посредствомъ туннелей. Незначительный перерывъ линіи въ этомъ мѣстѣ заставилъ насъ прибѣгнуть къ старинному способу передвиже-

ОПТИБСОРАТ

нія. И такъ, намъ нужно было достать въ Кампули паланкины и носильщиковъ, чтобы достичь находящейся на вершинѣ горы станціи Кандаллахъ. Гаты, составляя окраину большаго Деккапскаго плато, оканчиваются крутымъ склономъ съ западной стороны. Самое названіе ихъ *гатъ* (ghât) есть индусское слово, означающее—*набережная*; названіе, очень вѣрное, потому что горы эти образуютъ вдоль моря непрерывную стѣну, мѣстами имѣющую ущелья, которыя индусы называютъ ампигатами (лѣстницы спускающіяся къ морю). Деревня Кампули кокетливо расположилась на небольшой высотѣ у входа на обширное плато, съ отвѣсныхъ боковъ котораго падаютъ безчисленные водопады въ долину; холмы покрыты джунглемъ, а на одномъ изъ нихъ красуется прелестный индусскій храмъ, съ его остроконечнымъ шпицомъ и колоннами портика.

Дорога поднимается, извиваясь, на гору и караванъ изъ паланкиновъ, забравшій всѣхъ путешественниковъ съ поѣзда, тянется по краямъ пропастей; на половинѣ пути застаетъ насъ ночь и свѣжесть воздуха даетъ себя чувствовать. Наша длинная вереница паланкиновъ, сопровождаемыхъ факельщиками, появляется и исчезаетъ посреди лѣсовъ и скалъ; слабый свѣтъ луны пробивается сквозь вѣтви, и славные малые *берасы* хоромъ поютъ что-то протяжное и монотонное, но оригинальное. Кто не путешествовалъ въ тропическихъ странахъ, тотъ не можетъ составить себѣ идею о великолѣпіи подобной ночи! Мои носильщики ссадили меня передъ кандалахскою гостинницею (бунгалоу), гдѣ послѣ продолжительнаго крика и стучанья въ дверь, я, наконецъ, добылъ плохой ужинъ и кровать.

Кандалахскій *бунгалоу* (bungalow) есть единственный, пережившій проведеніе желѣзной дороги въ Боргатъ, и этимъ онъ обязанъ чудному, своему положенію. Находясь на самомъ краю плато, онъ возвышается надъ глубокою долиною, отвѣсныя пропасти которой теряются въ густыхъ лѣсахъ; съ одной стороны его поднимается высокая гора, которую, по ошибкѣ, можно принять за крѣпость, а съ другой стороны великолѣпный водопадъ, падающій съ высоты трехъ сотъ футовъ въ долину. За то бунгалоу всегда занятъ туристами, и съ трудомъ находишь въ немъ комнату.

Въ полу-милѣ находится санитаріумъ заключающій въ себѣ англійскія казармы и многочисленныя виллы, потому что воздухъ этого плато, вслѣдствіе находящихся въ окрестности лѣсовъ, считается болѣе здоровымъ нежели матхеранскій. По счастливой случайности я встрѣтился съ инженеромъ желѣзной дороги, прибывшимъ для наблюденія

© ГПНТБ СО РАН

за ея исправленіемъ; онъ не только снабдилъ меня интересными указаніями, но и еще былъ настолько обязателенъ, что далъ мнѣ случай вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть всю линію желѣзной дороги. Работы на желѣзной дорогѣ, для проведенія ея черезъ горы, ни въ чемъ не уступаютъ знаменитымъ столь извѣстнымъ въ Европѣ подъемамъ Жіови (de Giovi), на желѣзной дорогѣ между Туриномъ и Генуею и Земмерингу, при переѣздѣ черезъ австрійскія альпы [1]). Нужно было устроить восемь віадуковъ, прорыть двадцать два туннеля и дѣлать насыпи, около двухъ милліоновъ кубическихъ метровъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ деревни Канадалахъ находятся великолѣпныя пещеры Карли, Байрезіахская и Баджахская, представляющія одну изъ болѣе интересныхъ группъ; памятники эти принадлежатъ къ буддитскому стилю и существуютъ со временъ близкихъ къ началу христіанской эры. Большой chagtya Карли есть самый красивый пещера-храмъ Индіи, но существуетъ столько описаній его, что я не стану болѣе говорить о немъ; что же касается другихъ, то они мало извѣстны и хотя весьма любопытны съ археологической точки зрѣнія, но мало отличаются отъ храма Карли.

[1]) Со времени устройства Боргатскихъ выходовъ, другіе, болѣе крутые спуски, были проложены инженерами желѣзныхъ дорогъ. Мы упомянемъ о подъемѣ южной желѣзной дороги на покатость Ланнемезанскаго плато. Склоненіе ея доходитъ отъ тридцати одного до тридцати двухъ миллиметровъ на метръ.

III.

Западный Деканъ.

Пунахъ.—Дворецъ Пейхвахъ.—Кварталъ Будваръ.—Окрестности Пунаха.—Лони.—Ахмеднагаръ.—Аурунгабадъ.—Даулутабадъ.—Пещеры Эллоры.—Храмы Аджунтаха.

Изъ Кандалаха до Пунаха, столицы западнаго Декана, дорога проходитъ по большимъ обнаженнымъ и безплоднымъ равнинамъ, ограниченнымъ закругленными невысокими горами. Общій видъ страны представляетъ поразительный контрастъ съ богатыми и зеленѣющими домиками Конкана; но если страна и менѣе живописна, то, за то она болѣе обработанная и, въ хорошее время года, покрывается прекрасными полями пшеницы и маиса. Миновавъ важную военную станцію Корки, пріѣзжаешь, наконецъ, въ Пунахъ, который, съ своими садами и живописными индусскими постройками, кокетливо раскинулся на берегахъ рѣки Муты.

Я помѣстился въ довольно хорошей гостинницѣ, содержимой однимъ парсомъ и находившейся между городомъ и поселеніемъ англійскихъ войскъ. Это поселеніе, подобно почти всѣмъ учрежденіямъ этого рода, состоитъ изъ красивыхъ домовъ, окруженныхъ садами и расположенныхъ посреди обширнаго Марсова поля, на которомъ находятся казармы. Тамъ живетъ все европейское населеніе Пунаха, числомъ отъ двухсотъ до трехъ сотъ человѣкъ, не считая офицеровъ и чиновниковъ правительства. Городъ находится въ срединѣ обширной, почти лишенной деревьевъ, равнины, простирающейся до синеватыхъ горъ Саттара.

Каждый изъ его семи кварталовъ носитъ названіе одного изъ дней

© ГПНТБ СО РАН

недѣли. Въ немъ есть нѣсколько широкихъ и прямыхъ улицъ, но большею частію онъ состоитъ изъ переулковъ, и извилистыхъ базаровъ. Дома богатыхъ, имѣющіе нижнюю часть изъ кирпича, а верхніе этажи изъ дерева и извести, отличаются своими рѣзными балками и филенками, росписанными весьма яркими красками, животными, изображеніями боговъ, слоновъ и тигровъ. Храмы многочисленны, но большею частію не велики, имѣютъ очень красивыя остроконченныя башенки, окруженныя маленькими колокольнями, производящими весьма пріятное впечатлѣніе, посреди черепичныхъ, съ деревянными щипцами крышъ окружающихъ домовъ. Такъ какъ почти все населеніе составляетъ индусы, то и улицы наполнены: жирными браминами, опрятными и веселыми; религіозными нищими, нагими и покрытыми пепломъ и значительнымъ числомъ священныхъ быковъ, свободно бродящихъ по базарамъ и съѣдающихъ все, что имъ понравится изъ выставленнаго продавцами, или лежащихъ тамъ и сямъ и загораждающихъ путь. Улицы такой чистоты, которая дѣлаетъ стыдъ грязному городу Бомбэю и которую нужно отнести столько же къ привычкамъ магаратовъ, сколько и къ англійскому вліянію. Во многихъ кварталахъ еще можно осматривать дворцы аристократовъ, составлявшихъ придворный штатъ Пейхваха.

Дворецъ этого послѣдняго полонъ воспоминаній объ этой династіи министровъ. Проводникъ указалъ мнѣ балконъ съ пилястрами, съ котораго бросился Махадео молодой пейхвахъ, въ 1797 году; его первый министръ, Нана Фарновезъ, вздумалъ дѣлать ему выговоръ въ присутствіи общаго собранія аристократіи и магаратскихъ старшинъ а потому принцъ, оскорбленный въ своемъ достоинствѣ, бросился съ верху террасы и убился.

Внутренность дворца не представляетъ ничего замѣчательнаго; дворы обширны и пустынны; внутреннимъ покоямъ не достать тѣхъ драпировокъ, той живописи и всей той оживленности, которая составляетъ красоту королевскихъ резиденцій Индіи. Но за то, каждый залъ, каждый корридоръ имѣетъ свою исторію убійства или насилія. Захвативши престолъ магаратскихъ раджей, которыхъ они были министрами, пейхвахи, въ свою очередь, увидѣли что престолъ ихъ сдѣлался предметомъ честолюбивыхъ стремленій индѣйцевъ, Холькаровъ и англичанъ, и со времени достиженія ими власти въ 1720 году до ихъ паденія, въ 1818 году, когда послѣдній изъ нихъ былъ свернуть съ престола и владѣнія его сдѣлались добычею англичанъ,—за все это время исторія ихъ представляетъ собою не болѣе какъ рядъ пререканій и замѣшательствъ. Нѣкоторые изъ старинныхъ аристократическихъ

© ГПНТБ СОРАН

домовъ придаютъ средневѣковый видъ кварталу Будваръ или Среды; большія двери съ тяжелыми створами, окна въ видѣ бойницъ, толстыя стѣны съ зубцами или съ массивными щипцами, напоминаютъ собою постройки дворянства четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ; нынѣ большая часть ихъ заброшена и грозитъ разрушеніемъ.

Къ западу отъ Пунаха возвышается холмъ Парвати, усѣянный храмами и господствующій надъ великолѣпнымъ Алмазнымъ Садомъ (Гира-Богъ), нѣкогда бывшимъ любимымъ мѣстопребываніемъ Пейхваховъ. Тутъ, на берегу прекраснаго пруда, до сихъ поръ возвышается одинъ изъ ихъ лѣтнихъ дворцовъ — изящный павильонъ съ колонадой, полускрытый въ густой рощицѣ манговыхъ деревьевъ. Комнаты дворца убраны изящно, карнизы и потолки расписаны цвѣтами и фруктами, балконы утопаютъ въ листвѣ деревъ; нѣсколько лѣстницъ спускается къ пруду, окруженному растительностью, маленькими кіосками и часовеньками. Лѣстница съ перилами ведетъ на вершину Парвати, къ знаменитому храму этой богини, гдѣ между прочими рѣдкостями, находится серебряная статуя Сивы, у котораго на колѣняхъ стоятъ статуи Парвати и Ганезы, сдѣланныя изъ чистаго золота. Говорятъ, будто у этихъ идоловъ вмѣсто глазъ вставлены крупные алмазы.

Одна изъ самыхъ живописныхъ точекъ Пунаха есть Сангамъ—мѣсто сліянія Муты и Мулы: тутъ индусы сожигаютъ тѣла умершихъ; берега обоихъ рѣкъ покрыты кенотафами и кіосками; эти памятники воздвигаются единственно въ память усопшихъ, такъ какъ подъ ними не покоится праха; они отличаются изяществомъ формъ и не производятъ тяжелаго впечатлѣнія, что совершенно согласуется съ представленіемъ индусовъ о смерти, такъ какъ они считаютъ ея счастливымъ переходомъ изъ здѣшней жизни въ лучшій міръ. Легкіе купола, поддерживаемые нѣсколькими тоненькими колоннами, возвышаются надъ площадкой, среди которой на камнѣ вырѣзаны слѣды ступни покойнаго и небольшая надпись. По вечерамъ эти маленькіе павильоны наполняются друзьями и родственниками, которые сходятся сюда поболтать, подышать свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ и полюбоваться панорамой города, который со своими базарами и садами доходитъ до самаго холма Парвати.

Хотя Пунахъ находится теперь во власти англичанъ, однако магараты все еще считаютъ его столицею своей страны и самые богатые изъ нихъ часто возвращаются туда съ тѣмъ, чтобы спокойно пользоваться тѣми средствами, которыя они пріобрѣли въ другихъ странахъ торговлею. Западное плоскогорье Декана, включая сюда Кандейхъ и

© ГПНТБ

Гузуратъ, было колыбелью этого племени, столь могущественнаго въ послѣдніе вѣка. Земля ихъ, въ незапамятныя времена занятая арійской расой, была уже во время Сакія Муни извѣстна подъ именемъ Мага Рахтра, или «великаго королевства». Обитатели его, занимавшіеся по большей части земледѣліемъ, съумѣли однако сохранить всѣ преимущества воинскаго сословія.

Гіуенъ Чангъ, китайскій путешественникъ седьмаго вѣка, говоритъ о нихъ: «Они уважаютъ честь и долгъ, и презираютъ смерть.... Ихъ король воинственъ, ставитъ выше всего славу своего оружія, и содержитъ во всякое время нѣсколько тысячъ воиновъ и нѣколько сотъ дикихъ слоновъ [1])». Оказывается, что кавалерія ихъ славилась уже въ то время. Порабощенные мусульманами магараты возстали противъ нихъ въ концѣ шестнадцатаго вѣка, напали на владѣнія моголовъ и, вездѣ одерживая побѣды завладѣли всею Индіею, ограбивъ ея сокровища. Дели была въ ихъ рукахъ и они владѣли одно время всею мѣстностью, заключающеюся между Гималаемъ и Крихнахомъ. Наконецъ въ средѣ этихъ новыхъ монарховъ возникли раздоры, которыми съумѣли воспользоваться англичане. Почти всѣ земли Магы Рахтры были присоединены къ владѣніямъ индѣйской компаніи. Дворянство стало выселяться, найдя убѣжище при дворѣ этихъ королей; тутъ то и можно изучить нравы и военныя доблести, доставившія побѣду этимъ *индѣйскимъ казакамъ* [2]). Что же касается магаратскихъ крестьянъ, то нравы ихъ можно изучать во всѣхъ деревняхъ. Они большею частію средняго роста, но сильные и коренастые; питаются зернами, овощами и масломъ, а иногда ѣдятъ баранину и мясо кабана; религія разрѣшаетъ имъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, но они рѣдко злоупотребляютъ этимъ и достигаютъ глубокой старости: во многихъ селеніяхъ можно встрѣтить девяносто и столѣтнихъ старцевъ.

Климатъ Пунаха несравненно пріятнѣе Бомбэйскаго; если лѣто бываетъ очень сухо и жарко, за то въ другіе времена года часто выпадаетъ дождь. Губернаторъ президентства проводитъ тутъ со своимъ дворомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ году и присутствіе его придаетъ городу оживленіе и веселость, которыхъ лишена на это время столица.

Я пробылъ въ Пунахѣ одну только недѣлю съ тѣмъ, чтобы устроить мою поѣздку къ пещерамъ Эллоры и Аджунтаха. По утру 14 января

---

[1]) Julien, Hiouen Thsang, p. 202.
[2]) Malcolm, Central India.

© ГПНТБ СО РАН

1865 г. я пустился въ путь съ моимъ караваномъ; всѣ мои люди были повидимому довольны этимъ и шли, болтая и смѣясь. Пройдя восемдесять километровъ по довольно хорошей дорогѣ, гдѣ быки наши шли безъ труда, а плоская окрестная мѣстность имѣла пустынный видъ, мы достигли перваго бунгалоу, близъ деревни Лони, принятой англійскимъ писателемъ, г. Томасомъ Коатсомъ, за типъ магаратскаго селенія [3]). Оно занимаетъ довольно высокій холмъ, образовавшійся быть можетъ въ теченіи многихъ вѣковъ отъ наслоенія разныхъ развалинъ, и господствуетъ надъ окрестными садами и полями. Издали деревня производятъ впечатлѣніе массы развалившихся глиняныхъ стѣнъ, съ нѣсколькими невзрачными деревцами, а тамъ и сямъ возвышается высокая, черепичная и остроконечная крыша какой нибудь риги. У основанія холма идетъ толстая стѣна, окружающая деревню, въ которую ведутъ двое воротъ, грубой работы. То, что издали имѣло видъ безформенной массы грязи, оказывается теперь крестьянскими жилищами, построенными изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, съ плоскими крышами, крытыми соломою.

16-го ч. на разсвѣтѣ я прибылъ въ Ахмеднагаръ. Этотъ многолюдный и торговый городъ, любопытный по полуиндускому, полупатанскому (pathan) стилю его домовъ и базаровъ, защищенъ крѣпостью съ валами и высокими башнями. За городомъ находится довольно значительный англійскій военный постъ; его сады и деревья образуютъ какъ бы оазисъ среди обнаженной равнины. Я осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ была вылита чудовищная Биджапурская пушка, по словамъ индусовъ бросавшая ядро на разстояніе тридцати километровъ.

Рѣдко доводилось мнѣ видѣть болѣе унылую страну какъ та мѣстность, которая тянется за Ахмеднагаромъ: нескончаемыя поля хлопчатника покрываютъ равнину, на которой кое-гдѣ виднѣется нѣсколько тощихъ деревьевъ, а на горизонтѣ тамъ и сямъ возвышается горы освѣщенныя голубоватымъ свѣтомъ. Эта обширная долина орошается рѣкою Годавери, которая въ это время года высыхаетъ, и русло ея, шириною болѣе мили, теперь ничто иное, какъ полоса мелкаго песку и голышей.

По утру 20-го числа я съ несказаннымъ удовольствіемъ различилъ наконецъ минареты Аурунгабада. Городъ этотъ является во всей красѣ, составляющей особую прелесть азіятскихъ городовъ; стѣны его, украшены круглыми башнями, осѣнены сводомъ листвы, надъ которымъ возвышаются высокія шпицы мечетей и дворцовыя террасы.

[3]) См. Murray's Hand-book, стр. 352.

Въ Аурунгабадѣ въ настоящее время болѣе развалинъ обширныхъ зданій и болѣе садовъ нежели жилыхъ домовъ. Императоръ Аурэнгзебъ, измѣнившій древнее индусское названіе города Кирки, на настоящее его наименованіе, перенесъ туда свою резиденцію, доставивъ этимъ городу временной блескъ. Въ настоящее время онъ улучшается заботами англичанъ, которые управляютъ страною отъ имени Низама Гейдерабадскаго. Новые базары обширны, выстроены въ одну линію, и дома отличаются изящнымъ стилемъ; тамъ ведется значительная торговля мѣстными шелковыми и парчевыми матеріями и превосходными плодами, которые посылаются даже въ Бомбэй. Древній императорскій дворецъ, на берегу Дудны, не болѣе какъ огромная развалина, которая никогда не могла быть особенно замѣчательна. Впрочемъ, Аурэнгзебъ одинъ изъ великихъ моголовъ пренебрегалъ искусствами и не оставилъ намъ ни одного памятника, который можно бы сравнить съ сооруженіями, воздвигнутыми его предшественниками. Близъ дворца находится могила Рабія Дудани, для котораго Аурэнгзебъ хотѣлъ воздвигнуть столь-же великолѣпный мавзолей, какъ отецъ его поставилъ въ честь Таджъ Агры. Памятникъ вышелъ не болѣе какъ плохая копія, но онъ производитъ большое впечатлѣніе на того, кто не видѣлъ его чудеснаго оригинала.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, среди великолѣпнаго пруда, находится другой замѣчательный мавзолей, содержащій мощи извѣстнаго святаго магометанина шаха Суфи. Могила эта посѣщается ежегодно множествомъ богомольцевъ изъ Декана, которые являются туда за излеченіемъ недуговъ или для полученія прощенія грѣховъ. Климатъ Аурунгабада славится: лихорадки посѣщаютъ его рѣдко, а холера совсѣмъ неизвѣстна, такъ какъ городъ лежитъ на пятьсотъ или шестьсотъ метровъ надъ уровнемъ моря. Зима бываетъ довольно прохладная и средняя температура въ это время года доходитъ до 18 градусовъ.

Три или четыре версты сѣвернѣе, огромная коническая глыба гранита поддерживаетъ одну изъ извѣстнѣйшихъ крѣпостей Индіи, называемую Даулутабадъ, или «Мѣстопребываніе счастія». Совершенно уединенная среди равнины, она должна была рано привлечь вниманіе воинственныхъ племенъ, владѣвшихъ страною; у подошвы ея возникъ обширный городъ, принимаемый нѣкоторыми учеными за знаменитую Тагару грековъ. Позднѣе она сдѣлалась столицею декканскихъ королей, принявъ названіе Деогуръ или «Жилища Бога».

ОТТИСКЪ

Императоръ Ала-Удинъ завладѣлъ этимъ городомъ въ 1.294 г., а одинъ изъ его пріемниковъ, Магомедъ Тоглукъ, пораженный неприступностью крѣпости, хотѣлъ сдѣлать ее столицею Индустана; онъ принудилъ жителей Дели оставить свой городъ и въ числѣ болѣе 60 тысячъ человѣкъ переселиться въ Даулутабадъ. Въ настоящее время это не болѣе какъ ничтожное селеніе.

Дорога, идущая къ вершинѣ холма имѣетъ видъ длинной галлереи, пробитой въ скалѣ, куда свѣтъ и воздухъ проникаютъ черезъ отдушины. Такимъ образомъ она подымается по довольно отлогой покатости, минуя опускныя двери и рѣшетки, готовыя ежеминутно остановить того, кто обманулъ бы бдительность сторожей. На срединѣ косогора приходится подняться по весьма крутой лѣстницѣ, оканчивающейся горизонтальною желѣзною площадкою, съ просверленными въ ней дырками; въ военное время на эту площадку ставили жаровню, въ которой день и ночь поддерживался огонь. Нельзя съ точностью опредѣлить, къ какой эпохѣ относится это чудесное сооруженіе; но оно вѣроятно современно Эллорскимъ пещерамъ. Въ концѣ этой дороги великолѣпная опускная рѣшетка открываетъ доступъ къ наружной стѣнѣ, толщиною въ пять и вышиною въ шестнадцать метровъ, которая идетъ по краю холма на протяженіе версты. Внутренность крѣпости раздѣляется на девять частей, столькими же концентрическими стѣнами, возвышающимися одна надъ другою; послѣдняя стѣна господствуетъ надъ всѣми остальными.

Отъ Эллоры отдѣляло меня теперь лишь нѣсколько километровъ холмистой мѣстности. 19-го по утру нашъ караванъ подымался ко входу Пипалгатъ; это значительное сооруженіе воздвигнуто, какъ гласятъ двѣ колонны, поставленныя на краю дороги, однимъ изъ придворныхъ Аурангзеба. Желая угодить фанатическому рвенію своего повелителя, этотъ царедворецъ употребилъ на свою постройку матеріалы изъ разрушенныхъ индускихъ храмовъ; плиты, которыми вымощена дорога покрыты рисунками, изобличающими ихъ происхожденіе. Дорога оканчивается обширнымъ плоскогорьемъ, покрытымъ мавзолеями и мусульманскими гробницами, по большей части развалившимися и скрывающими свои купола и минареты подъ листвою вѣковыхъ деревьевъ. Въ концѣ плоскогорья находится деревня Роцахъ (Рай), вокругъ которой также простирается обширное магометанское кладбище; тутъ мы видимъ могилу императора Аурэнгзеба,—это одинъ изъ простѣйшихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь кого нибудь изъ Великихъ Моголовъ. Тутъ же находится и мавзолей извѣстнаго потомка пророка святаго

Бергама Удина; двери гробницы покрыты серебряными пластинками, съ тонкими выпуклыми изображеніями.

Знаменитыя Эллорскія пещеры, на западномъ склонѣ Роцальскаго холма, получили свое названіе отъ небольшой деревеньки, полускрытой деревьями и расположенной у подошвы высокой стѣны скалъ, которая имѣетъ видъ громаднаго полумѣсяца. Эллорскую группу образуютъ тридцать или сорокъ пещеръ; въ нихъ мы находимъ четыре храма или *шаитіаса* (chaityas), двадцать четыре буддійскихъ монастыря или *вигараса* и пещеры въ стилѣ *джайна* (jaina), соединяющемъ въ себѣ почти всѣ особенности первыхъ двухъ. Громадное значеніе Эллоры заключается въ томъ, что пещеры эти даютъ намъ возможность изучать подземную архитектуру индусовъ на произведеніяхъ, сооруженныхъ съ четвертаго по десятый вѣкъ нашей эры.

Идя по горѣ на той высотѣ, гдѣ находятся пещеры, вы видите роскошные храмы и монастыри самыхъ величественныхъ размѣровъ. Скала повсюду изрыта; въ ней высѣчены лѣстницы, обширные покои или исполины на подобіе сфинксовъ. Природа присоединяется здѣсь къ трудамъ человѣка, чтобы еще болѣе увеличить волшебную прелесть этихъ мѣстъ; передъ пещерами низвергаются водопады, у подошвы горы виднѣются овраги, поросшіе кустарникомъ, а глубокіе ущелья наполнены вѣковыми деревьями. Но главную достопримѣчательность Эллоры составляетъ храмъ Каиласъ, который вмѣсто темныхъ и таинственныхъ пещеръ представляетъ собою величественное зданіе, высѣченное изъ одной скалы со всѣми куполами, колоннами, шпицами и обелисками. Въ центрѣ обширнаго двора возвышается главная пагода, съ ея башнями и колокольнами, достигающая высоты тридцати метровъ. Она отличается исполинскими размѣрами и всѣ украшенія вполнѣ соотвѣтствуютъ общему величественному впечатлѣнію. Великолѣпная галлерея, осѣняющая двойную лѣстницу, ведетъ въ обширную залу, сводъ которой поддерживается нѣсколькими рядами колоннъ; въ нее выходятъ двери изъ пяти часовень. Во дворъ выступаютъ балконы съ легкими перилами; стѣны покрыты барельефами, изображающими тысячи лицъ. Слоны и львы, поставленные сзади храма, какъ будто поддерживаютъ на своихъ спинахъ все зданіе. Каменные мостки соединяютъ галлерею съ изящнымъ павильономъ, выдвинутымъ на первомъ планѣ; по обѣ стороны его находится по изящному и оригинальному обелиску. Любуясь этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, исполненнымъ симметріи и величія, невольно задаешься вопросомъ, какой геній могъ задумать и выполнить подобное сооруженіе? Малѣйшее препятствіе, какая нибудь рудная жила или пу-

стота, встрѣтившаяся въ этой массѣ базальта—и все гигантское сооруженіе было бы неудавшеюся попыткою. Единственный недостатокъ этого чудеснаго храма заключается въ его замкнутомъ положеніи; не найдя отдѣльной глыбы, въ которой можно бы высѣчь зданіе, архитекторы были вынуждены помѣстить его въ самой горѣ; такимъ образомъ образовался дворъ, длиною въ 125 и шириною въ 62 метра, окруженный отвѣсными стѣнами скалъ, вышина которыхъ за храмомъ превосходитъ 30 метровъ (со стороны входа скала возвышается лишь на 7 метровъ). Со двора лучше всего обнять однимъ взглядомъ весь чудесный Кайлласъ. Длинный рядъ колоннъ, украшающій основаніе скалы, содержитъ рядъ великолѣпнѣйшихъ и наиболѣе совершенныхъ въ Индіи рельефныхъ скульптурныхъ изображеній всѣхъ боговъ индусской миѳологіи. Большинство статуй грѣшитъ относительно размѣровъ, но отличается за то тѣмъ величіемъ и колоссальностью, которые такъ поражаютъ въ египетскихъ произведеніяхъ. Такъ какъ стиль этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника несомнѣнно изобличаетъ иноземное происхожденіе, то зданіе это приписывали съ нѣкоторою долею вѣроятія шоланскимъ князьямъ южной Индіи, которые около девятаго вѣка заняли Мага-Ратра, сопровождаемые ордами тамулъ, изгнанныхъ нѣкогда Аріасами.

Я употребилъ цѣлую недѣлю на осмотръ пещеръ и отправился затѣмъ въ Аджунтахъ, лежащій оттуда приблизительно въ 80 километрахъ.

Долина пещеръ находится почти на разстояніи одного километра отъ города; живописная дорога ведетъ туда черезъ узкое ущелье, окруженное горами и наполненное высокими деревьями, въ числѣ которыхъ мы видимъ индѣйскихъ исполиновъ; *баніанъ, пипаль, нимъ и баръ*, (banian, pipal, nim et le bar). Съ вѣтки на вѣтку перепрыгиваютъ обезьяны; попугаи рѣзвятся на берегу потоковъ.

Ущелье съуживается все болѣе и болѣе подходя къ Саткунду, великолѣпному водопаду, который, перескакивая съ одной скалы на другую, ниспадаетъ съ высоты почти ста метровъ; тутъ лощина неожиданно сворачиваетъ вправо; въ высокой отвѣсной скалѣ, возвышающейся противъ ущелья, находятся пещеры. Гора на протяженіи пяти или шести сотъ метровъ пробита рядомъ дверей и верандъ, которыя, находясь на значительной высотѣ надъ потокомъ, кажутся сначала незначительными отверстіями, но въ сущности отличаются громадными размѣрами.

Съ археологической точки зрѣнія, это самый полный и великолѣпный рядъ чисто буддистскихъ пещеръ Индіи, имѣющихъ также большой интересъ для туриста.

По великолѣпію эти памятники превосходятъ все существующее въ Эллорѣ или Конканѣ. Это уже не пещеры грубой работы, украшенныя странными, мистическими статуями, но настоящіе, красивые и изящные дворцы, отдѣланные великолѣпною живописью. Фрески, пощаженныя временемъ, сохранили по большей части первоначальную яркость красокъ и образуютъ цѣлый музей и быть можетъ первую достопримѣчательность этой страны, столь богатой воспоминаніями прошлаго.

Колонны украшены гирляндами цвѣтовъ, масками и превосходными геометрическими фигурами; потолки отдѣланы рѣшетками, гдѣ фигуры людей и животныхъ перемѣшиваются съ нѣжными очертаніями арабесокъ, а на стѣнахъ изображены типы, костюмы и нравы отдаленныхъ временъ: тутъ—монахи проповѣдуютъ народу, который съ восторгомъ внимаетъ ихъ словамъ; тамъ принцы и дворяне поклоняются священнымъ предметамъ; вотъ процессія, въ которой является король верхомъ, окруженный своимъ дворомъ, идутъ слоны съ мощами и толпа народа отправляется въ храмъ; далѣе, кровопролитныя сраженія, осады гдѣ съ необычайной вѣрностью и живостью представлены напоръ сражающихся, озлобленіе осажденныхъ, бросающихъ огромныя камни со стѣнъ и разныя орудія.

Рядомъ съ этими бурными сценами, группы исполненныя граціи и выраженія изображаютъ сцены изъ частной жизни; передъ нами раскрываются всѣ тайны дворца, гарема, монастыря и школъ.

Къ сожалѣнію, рисунки эти не продержатся долго; лишь только они гдѣ нибудь облупятся, сырость размягчаетъ глину и вся филёнка отваливается.

Англійскіе путешественники ускорили разрушеніе своею убійственною наклонностью собирать коллекціи; во многихъ мѣстахъ они разрушали цѣлую фреску, чтобы унести какую нибудь голову. Пещеры эти не произведеніе одной какой либо эпохи; древнѣйшія изъ нихъ имѣютъ по видимому отъ тысячи девяти сотъ до двухъ тысячъ лѣтъ, а позднѣйшія образовались вѣроятно въ восьмомъ или девятомъ вѣкѣ.

Проведя нѣсколько дней въ изслѣдованіяхъ, я проѣхалъ снова черезъ Аурунгабадъ и Пунахъ, и 26 февраля въ третій разъ возвратился на островъ Бомбэй.

IV.

Сѣверный Коканъ.

Бассейнъ, старый португальскій городъ. — Желѣзная дорога и касты. — Сурат, плантаціи хлопчатника. — Броахъ. — Сердоликовые рудники Ратанпура.

Около половины мая я снова пустился въ путь.

Мнѣ представлялось два пути въ сѣверную Индію: наиболѣе короткій, черезъ Индоръ и Гваліоръ, былъ уже пройденъ нѣсколькими путешественниками; другой, черезъ земли Биль и Раджпутану, болѣе длинный, трудный и опасный, былъ менѣе изслѣдованъ. Устарѣвшія уже описанія Тода и Гебера обѣщали мнѣ столько наслажденій, что я, не колеблясь, избралъ этотъ второй путь.

Г. Шаумбургъ, молодой фламандскій живописецъ, съ которымъ я познакомился въ Бомбэѣ, изъявилъ желаніе сопровождать меня. Я принялъ его предложеніе съ живѣйшимъ удовольствіемъ. То, что я зналъ уже объ Индіи и ея жителяхъ, заставляло меня опасаться того одиночества, среди котораго я долженъ былъ очутиться въ странѣ не особенно расположенной къ европейцамъ и гдѣ было весьма немного англичанъ. Если можно безопасно проѣхать одному по Индіи изъ конца въ конецъ, не выѣзжая изъ англійскихъ владѣній и слѣдуя по большимъ военнымъ дорогамъ, то за то чрезвычайно трудно путешествовать тамъ медленно среди населенія, которое, не относясь къ иностранцамъ съ открытою враждою, все же смотритъ на нихъ недовѣрчиво.

22 мая я окончательно оставилъ островъ Бомбэй. Страна была мнѣ знакома еще нѣсколько сѣвернѣе Сальцеты; желѣзная дорога проходила по тѣмъ великолѣпнымъ лѣсамъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я видѣлъ во всей ихъ красѣ; теперь же они начинали высыхать подъ вліяніемъ жгучихъ солнечныхъ лучей. У сѣверной оконечности острова, надъ проливомъ Гора-Бандаръ перекинутъ великолѣпный желѣзный мостъ; съ него открывается прелестный видъ въ даль: съ одной стороны величественный проливъ теряется между берегомъ, поросшимъ лѣсомъ, и громадными скалами, съ другой, длинный, скалистый мысъ, увѣнчанный стѣнами Бассейна, вдается въ губу чудно голубаго цвѣта, по которой снуютъ сотни туземныхъ лодокъ. Зубчатыя стѣны древняго португальскаго города защищаютъ теперь лишь лѣсъ кокосовыхъ деревьевъ, надъ которымъ тамъ и сямъ возвышаются разрушенныя башни церквей.

Бассейнъ былъ одною изъ наиболѣе цвѣтущихъ лузитанскихъ колоній. Тутъ погребенъ великій Албукеркъ, и мраморная гробница его поросла теперь терновникомъ да ліанами. Холмы вокругъ Бассейна увѣнчаны фортами, замками и монастырями, представляющими, впрочемъ, по большей части однѣ развалины; во многихъ селеніяхъ преобладаетъ до сихъ поръ португальскій элементъ.

За небольшей деревенькой Пальгуръ начинаются равнины, покрытыя на необозримое пространство арековыми и другими пальмами (aréquiers et taras), ростущими другъ отъ друга шагахъ въ двадцати, образуя такимъ образомъ оригинальный и довольно рѣдкій лѣсъ. Населеніе весьма немногочисленныхъ тутъ деревень живетъ произведеніями этихъ деревьевъ, которыя доставляютъ ему орѣхи, и пальмовое вино весьма любимое въ этой мѣстности. Тутъ желѣзная дорога составляетъ еще рѣдкость; густая толпа народа, собравшаяся на станціи изъ окрестныхъ деревень съ любопытствомъ смотрѣла на эту «hàg-ghàgu» или «огненную повозку». Нѣсколько болѣе отважныхъ баніанъ рѣшались отправиться съ поѣздомъ, но стоило посмотрѣть съ какимъ растеряннымъ лицомъ они исполняли приказанія кондукторовъ, которые, не дозволяя имъ мѣшкать, безжалостно вталкивали ихъ въ вагоны. Бѣдняки съ грустью, но безъ ропота, подчинялись правилу индѣйскихъ желѣзныхъ дорогъ, по которому женщины отдѣляются отъ мужчинъ, въ силу кастовыхъ предразсудковъ: мужчины слѣдили унылымъ взоромъ за своими подругами, которыхъ кондукторъ впускалъ гуртомъ въ особый вагонъ, въ концѣ поѣзда.

Мы подъѣзжаемъ къ Сурату; деревья исчезаютъ, почва становится красноватою и покрывается плантаціями хлопчатника; до самаго горизонта тянутся сѣрыя, сухія поля, производящія хлопокъ, извѣстный

подъ названіемъ «Суратъ Броахъ»; но всѣ сорта его гораздо ниже американскаго хлопка.

Хлопокъ! повсюду одинъ только хлопокъ! тщетно бы вы стали искать на этой обширной равнинѣ поля, засѣяннаго хлѣбомъ.

Тутъ крестьянинъ истребилъ овощи, чтобы насадить хлопчатникъ и на каждой станціи онъ преслѣдуетъ васъ вопросами о войнѣ, раздиравшей Америку, страну для него загадочную, положенія которой онъ даже не знаетъ на земномъ шарѣ.

Около трехъ часовъ изъ за высокихъ деревьевъ показались стѣны древняго Сурата, и поѣздъ остановился передъ величественнымъ вокзаломъ.

У станціи дожидались такъ называемые *думни* или двухъ-колесныя повозки съ парусиннымъ чахломъ, запряженныя тѣми большими горбатыми быками, коими такъ славится Суратъ; я нанялъ подобный экипажъ и поѣхалъ осматривать городъ, въ который можно было проникнуть черезъ отверстіе, проломленное въ стѣнѣ; послѣдняя не имѣла ни гласисовъ, ни рвовъ, но была очень высокая, толстая и снабжена бойницами для стрѣлковъ.

Эта разрушенная стѣна сохранила свое громкое названіе Алампанахъ или «покровитель земли»; она тянется на разстояніе десяти километровъ и снабжена множествомъ башень.

Суратъ, названіе котораго значитъ *хорошій городъ*, составлялъ въ эпоху Птоломеевъ часть великаго королевства Су-Рахтра; это одинъ изъ древнѣйшихъ прибрежныхъ портовъ, но отъ прежняго его величія осталось немного слѣдовъ. Въ 1827 г. пожаръ уничтожилъ болѣе шести тысячъ домовъ; затѣмъ было наводненіе, погубившее многихъ жителей. Кварталъ, посѣщенный мною первымъ, былъ изъ наиболѣе пострадавшихъ; обугленныя развалины наполняли еще улицы, кое гдѣ тамъ и сямъ возвышалось нѣсколько мрачныхъ зданій, съ ихъ кирпичными стѣнами, рѣзными балконами и деревянными колоннами; это единственные остатки знаменитыхъ базаровъ. Можно было подумать, что страшное происшествіе случилось не далѣе какъ вчера. Городъ смотрѣлъ уныло: я приписалъ сначала это обстоятельство мрачному виду развалинъ, но оказалось, что сильнѣйшая холера похищала ежедневно сотни жертвъ. По улицамъ тянулись процессіи со статуями боговъ; храмы были окружены женщинами, приносившими свою лепту; поминутно попадались толпы плачущихъ, провожавшихъ трупъ на костеръ.

Съ какимъ наслажденіемъ я вдыхалъ свѣжій воздухъ съ набережны,

идущей вдоль Тапти! Заходящее солнце золотило вершины пальмовыхъ деревъ; у ногъ моихъ протекала величественная рѣка съ ея портомъ въ миніатюрѣ, и нѣсколько параходовъ покачивались среди цѣлой флотиліи *патемаровъ* (мѣстныя лодки); на право крѣпость Набабъ высилась со своими башнями надъ амфитеатромъ крышъ и террассъ. Нижняя часть города, прилегающая къ порту, была совершенно перестроена; мы видимъ тутъ широкіе базары, окруженные прекрасными домами и наполненные шумной толпой.

Узкія улицы, по которымъ я проходилъ, были плохо освѣщены; но на перекресткахъ горѣли огромные костры, бросавшіе зловѣщій отблескъ на густую массу столпившихся вокругъ ихъ больныхъ. Во время холерныхъ эпидемій индусы зажигаютъ большіе костры для очищенія воздуха и позволяютъ бѣднымъ грѣться возлѣ нихъ.

Базары Сурата возбудили во мнѣ живѣйшій интересъ; тутъ продаютъ прекрасныя шелковыя матеріи и разныя бездѣлицы изъ кованнаго желѣза съ золотой и серебряной отдѣлкою, заслужившіе извѣстность по всему берегу. Парсы имѣютъ въ Суратѣ нѣсколько храмовъ, посвященныхъ богу огня. Они составляютъ значительную часть населенія, но все же тутъ преобладаютъ баніаны и джаины; на улицѣ постоянно встрѣчаешь ихъ священниковъ, съ остриженной головой и окутанныхъ въ широкіе плащи. Они закрываютъ ротъ вуалью, чтобы не проглотить нечаянно какого нибудь насѣкомаго, и носятъ при себѣ небольшую метлу, чтобы чистить то мѣсто, на которое садятся. Здѣсь, какъ и въ Бомбэѣ, есть ветеринарное заведеніе для призрѣнія животныхъ, извѣстное въ Индіи подъ названіемъ «Пинжраполь.» На обширный чердакъ этого заведенія сваливаютъ все попорченное зерно съ базаровъ, чтобы содержать милліоны насѣкомыхъ, таракановъ, червей и т. п. посѣтителямъ дозволяютъ подняться туда и съ лѣстницы полюбоваться оригинальнымъ зрѣлищемъ.

25 мая я отправился съ утреннимъ поѣздомъ въ Броахъ, лежащій на сто километровъ сѣвернѣе. Почва, все еще плоская и лишенная деревьевъ, была совершенно покрыта плантаціями хлопчатника; весь округъ этотъ производитъ извѣстный родъ хлопка, называемый Faïr Broach. Близъ станціи Унклеисуръ, мѣстность покрыта рытвинами, вслѣдствіе частыхъ разливовъ Нербуды, которую переѣзжаешь около Броаха.

Послѣ Инда, эта рѣка является самою важною данницею Оманскаго моря; она орошаетъ центральную Индію и служитъ границею между

Индустаномъ и Деканомъ; индусы почитаютъ ее наравнѣ съ Гангомъ. Она впадаетъ въ Камбейскій заливъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Броаха; передъ этимъ городомъ русло ея имѣетъ ширину болѣе трехъ километровъ. Желѣзнодорожная компанія перекинула черезъ рѣку прекрасный желѣзный мостъ, состоящій изъ 65 тройныхъ быковъ, возвышающихся на 25 метровъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды, который быстро повышается при полноводіи во время муссоновъ.

Броахъ,—это древняя Баригаца, о которой упоминаютъ Арріанъ и Птоломей; онъ очень походитъ на Суратъ и былъ однимъ изъ первыхъ портовъ, открывшихся для грековъ въ силу договоровъ, заключенныхъ ими съ королями Су Рахтры и Конкана. Главную достопримѣчательность Броаха составляетъ *Шанди Мусджидъ* или «Серебряная Мечеть» съ гробницами набобовъ: одна изъ нихъ покрыта серебряными пластинками, отчего и все зданіе получило свое громкое названіе; нѣкоторые саркофаги сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, замѣчательны отдѣлкой и стоятъ подъ бархатными балдахинами.

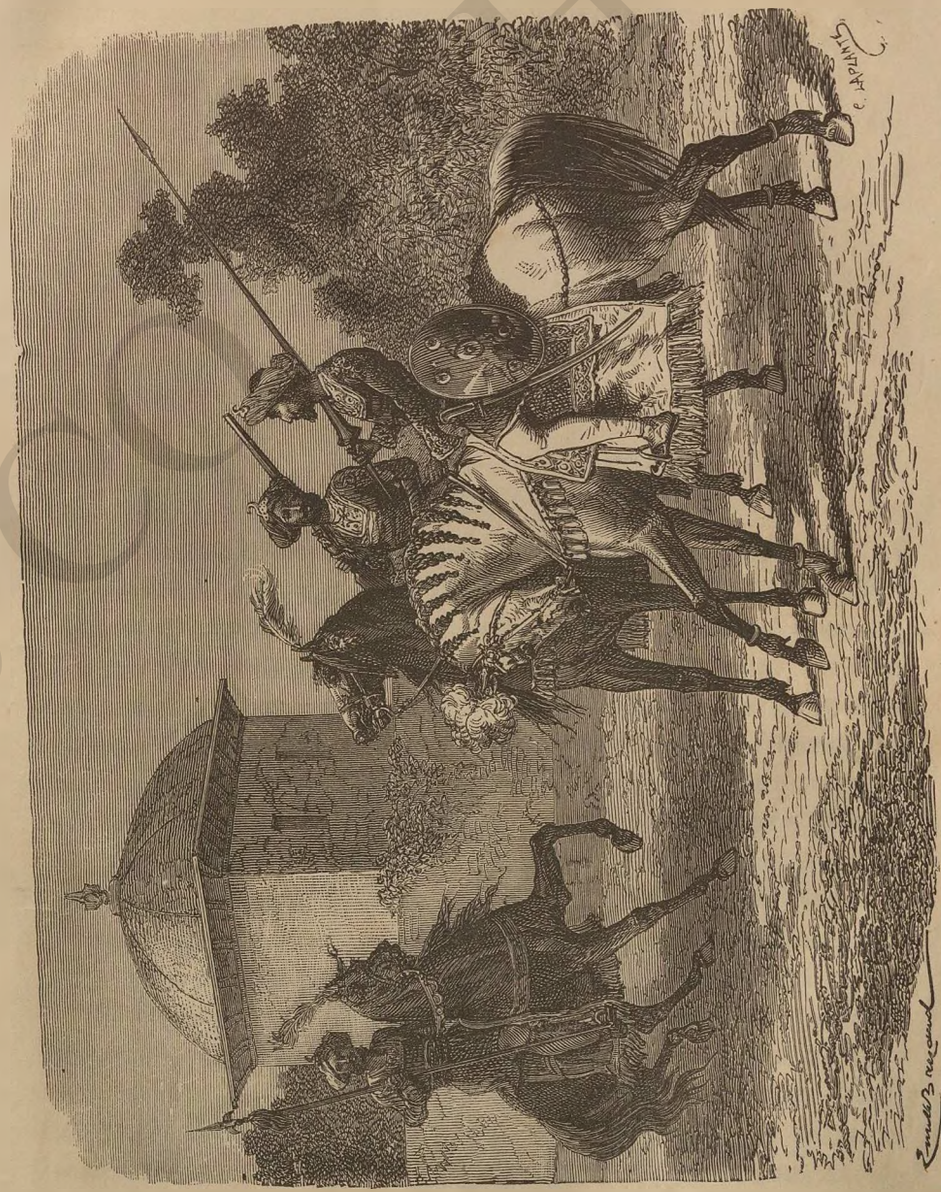
Знаменитыя Ратанпурскія сердоликовыя копи находятся въ 29 километрахъ къ востоку отъ Броаха. До Сукаль Тирта дорога идетъ глубокими оврагами, вырытыми потоками, и приводитъ наконецъ на отлично обработанную равнину. Деревня Сукаль, раскинувшаяся на берегу Нербуды, имѣетъ нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ, усердно посѣщаемыхъ богомольцами. По близости возвышается извѣстный *Кабирабаръ*, самый древній и крѣпкій бананъ въ цѣлой Индіи. По преданію, онъ посаженъ мудрымъ Кабира задолго до Рождества Христова. Благодаря постоянному приращенію вѣтвей и увеличенію числа подпорокъ, онъ покрылъ наконецъ площадь въ тысячу метровъ, но буря значительно поломала его въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и теперь дерево занимаетъ всего 600 метровъ. Центральный стволъ давно уже исчезъ, и мѣсто его занято небольшимъ храмомъ; вѣтви и корни сплелись такъ тѣсно и тѣнь такъ велика, что трудно проникнуть подъ этотъ волшебный сводъ. Сырая и рыхлая почва кишитъ змѣями и скорпіонами, и подъ листьями его живутъ тучи вампировъ. Дерево это само по себѣ представляетъ какъ бы маленькій дѣвственный лѣсокъ.

На противуположномъ берегу Нербуды начинается слой мелкаго песку, весьма утомительный для лошадей и покрывающій почву на десять километровъ, до деревни Минавары. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе, почва покрывается множествомъ агатовъ, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и размѣровъ; число ихъ постоянно увеличивается

и за Ратанпуромъ они буквально покрываютъ землю. Копи этого камня, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города, тянутся у подошвы невысокаго холма. Безчисленное множество галерей пробито въ толстомъ слоѣ жирной глины, въ которой вкраплёнъ сердоликъ и агаты, и тутъ работаютъ тысячи индусовъ. Перенесенные въ окрестности города, эти драгоцѣнные камни раскладываются въ полѣ, на солнцѣ мѣсяцевъ на восемь или на десять для того, чтобы цвѣтъ ихъ сдѣлался гуще. Затѣмъ ихъ собираютъ и варятъ въ глиняныхъ горшкахъ, на огнѣ, разжигаемомъ изъ овечьяго кала; говорятъ, будто иной горючій матеріалъ не годится для этого дѣла. Сердоликъ измѣняетъ при этомъ первоначальный черный цвѣтъ на ярко красный. Въ деревнѣ есть нѣсколько заведеній, гдѣ эти камни обдѣлываются въ видѣ шаровъ, подвѣсокъ и другихъ вещей, вывозимыхъ затѣмъ въ Африку и Аравію. Эти рудники находятся исключительно подъ вѣдѣніемъ туземцевъ и употребляемыя тутъ машины и самый способъ добыванія руды доказываютъ, что индусы болѣе трудолюбивы и предпріимчивы нежели обыкновенно думаютъ.

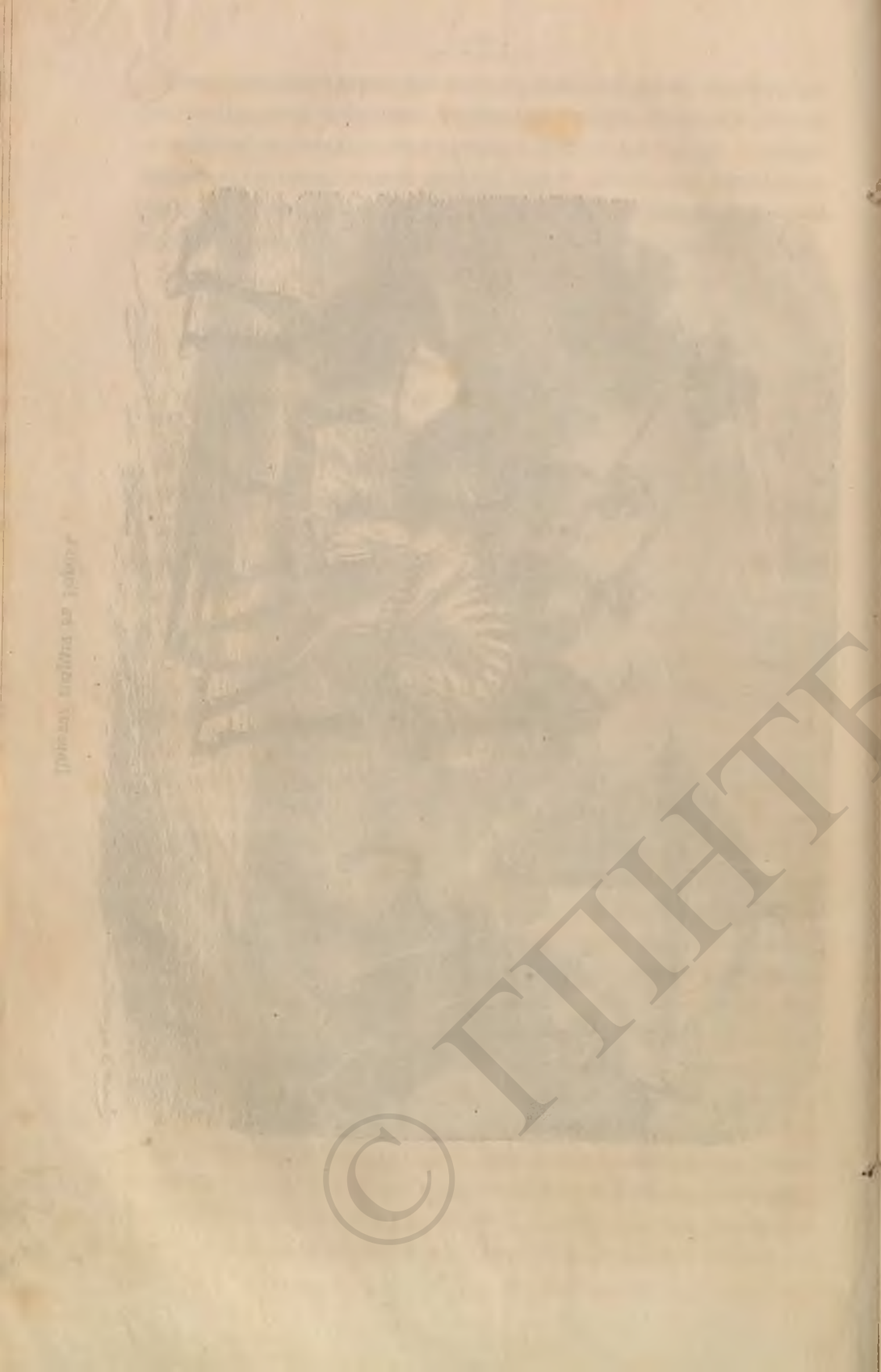
29 мая я оставилъ Броахъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ оттуда, желѣзная дорога вдается во владѣнія могучаго магаратскаго короля Гюлковара. Мѣстность внезапно измѣняется. Однообразныя сѣрыя равнины смѣняются плодородною почвою, покрытою богатою растительностью, необозримыми полями маиса, *баджри* (bajry родъ просо), сахарнаго тростника и *жовара* (jowar, родъ ячменя). Этотъ округъ считается самымъ плодоноснымъ въ Индіи; индусы называютъ его садомъ Гузарата, который въ свою очередь слываетъ садомъ Индустана. Красоту пейзажа увеличиваютъ прекрасныя группы матовыхъ фиговыхъ деревъ и тамириндъ; хижины прячутся въ великолѣпныхъ плодовыхъ садахъ, и соломенныя кровли ихъ едва проглядываютъ сквозь листву великолѣпныхъ тыквенныхъ растеній. Повсюду раздается скрыпъ колесъ отъ гидравлическихъ машинъ, устроенныхъ для орошенія полей, и слышится мѣрный напѣвъ рабочихъ, подгоняющихъ быковъ, которые работаютъ у цистернъ; вода течетъ тысячью ручьями. Трудно представить себѣ какое довольство и веселье царствуетъ у обитателей этой благодатной почвы; мужчины съ пѣснями идутъ за плугомъ, а за ними слѣдуютъ здоровыя, крѣпкія женщины красиваго тѣлосложенія; дѣти рѣзвятся на нивахъ, отгоняя отъ колосьевъ стаи попугаевъ и другихъ крылатыхъ воришекъ; взобравшись на старый пень, дѣти кричатъ что есть мочи, кидая пращей небольшіе камни.

Станція желѣзной дороги находится въ семи или восьми километрахъ отъ Бароды, возлѣ небольшаго постояннаго лагеря англичанъ. Имѣвъ къ счастію рекомендательныя письма, я помѣстился вскорѣ со своими людьми подъ гостепріимной кровлей одного англійскаго офицера въ обширномъ и прелестномъ бунгалоу, стоявшемъ на берегу небольшой рѣчки Вихвамитры, среди группы великолѣпныхъ деревьевъ.



Царская гвардія въ Бародѣ.

© ГПНТБ СО РАН



V.

Барода.

Городъ и предмѣстья. — Татіа Сагибъ. — Гаррибакти. — *Совари* южной звѣзды. — Свиданіе съ Гюлковаромъ.

Барода считается столицею владѣній Гюлковара — одного изъ самыхъ могущественныхъ раджей Индіи. Будущій спутникъ мой, г. Шаумбургъ, долженъ былъ присоединиться ко мнѣ лишь недѣлю спустя, и я отложилъ до этого времени мой первый визитъ монарху. Чтобы не потерять эти нѣсколько дней даромъ, я посѣтилъ нѣсколькихъ придворныхъ сановниковъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ моимъ, англійскимъ капитаномъ и осмотрѣлъ городъ, соединенный съ англійскимъ лагеремъ посредствомъ дороги, длиною въ одну версту, пролегающею по прелестной мѣстности. Вѣтви высокихъ деревьевъ, окаймляющихъ дорогу, обломаны, какъ оказывается, въ наказаніе за преступленіе однаго попугая: сидя на вѣткѣ, онъ нанесъ тяжкое оскорбленіе царской порфирѣ; одно только заступничество придворныхъ спасло самыя деревья.

По ту сторону Вихвамитры, черезъ которую переброшенъ старинный индусскій мостъ съ двумя рядами арокъ, мы видимъ улицы, которыя буквально кишатъ народомъ, и гдѣ намъ приходится пробираться цѣлый часъ, чтобы достичь городскихъ воротъ. На этихъ загородныхъ базарахъ обрѣтается болѣе 150 тысячь душъ, что превышаетъ населеніе самого города; дома почти всѣ деревянные и построены въ живописномъ стилѣ, свойственномъ Гузарату; на всѣхъ перекресткахъ стоятъ пагоды и идолы, а надъ ними развѣваются яркія хоругви.

Наконецъ передъ нами раскрываются большія ворота, украшенныя высокими круглыми башнями; фасадъ ихъ росписанъ чудовищами и бо-

© ГПНТБ СО РАН

жествами; солдаты Гюлковара отдаютъ намъ честь, и мы входимъ въ городъ. Двѣ широкія улицы, встрѣчающіяся подъ прямымъ угломъ, идутъ съ одного конца города на другой, раздѣляя его на четыре части, изъ коихъ три наполнены домами знати и богачей, а въ четвертомъ находится королевскій дворецъ. При соединеніи обѣихъ улицъ, стоитъ огромный павильонъ, основаніемъ которому служатъ высокіе каменные своды, а онъ въ свою очередь поддерживаетъ высокую, деревянную пирамиду, съ нѣсколькими этажами балконовъ, увѣнчанными большими часами; гдѣ бы вы не находились, вездѣ у васъ на глазахъ эта монументальная башня, съ ея росписанными этажами, напоминающая китайскія пагоды. Мы выходимъ изъ экипажа передъ дворцомъ Татіи Сагибъ Килидара, зятя Гюлковара.

Мой спутникъ смѣло вошелъ по темной, почти отвѣсной и до того узкой лѣстницѣ, что я легко касался локтями стѣнъ; сверху она закрывалась опускной дверью, которую открылъ и тотчасъ же снова заперъ за нами слуга. Капитанъ объяснилъ мнѣ происхожденіе этой своеобразной постройки; благородные магараты, потомки простыхъ крестьянъ, захвативъ эту страну насиліемъ, превратили свои жилища въ неприступныя крѣпости. Позднѣе, постоянныя распри ихъ съ своимъ царемъ заставили ихъ соблюдать такую мѣру предосторожности, которая защищала бы ихъ отъ кинжала убійцы.

На площадкѣ лѣстницы находится всегда караульня, и застигнуть людей врасплохъ невозможно, такъ какъ одинъ человѣкъ могъ бы защитить входъ противъ сотни нападающихъ.

Мы проходимъ обширные покои, нѣсколько дворовъ и цѣлый лабиринтъ корридоровъ. Повидимому, весь домъ наполненъ солдатами и свитой Килидара, и походитъ скорѣе на казарму, нежели на дворецъ; одни играютъ въ кости, другіе поютъ, наигрывая на лютнѣ, тогда какъ иные спятъ, растянувшись на коврахъ. Въ каждомъ этажѣ насъ встрѣчаетъ швейцаръ съ серебряной булавой, указывая намъ дорогу; въ пятомъ этажѣ мы выходимъ на обширную террасу, покрывающую весь дворецъ, и вокругъ которой расположены изящныя помѣщенія, обнесенныя галереями съ колоннами.

Вопреки обычаямъ европейцевъ, которые помѣщаютъ всегда прислугу въ верхнихъ этажахъ, хозяинъ дома занимаетъ обыкновенно здѣсь самую верхнюю часть жилища, которая оказывается дѣйствительно наиболѣе пріятною и прохладною. Въ нее проникаетъ одинъ только чистый воздухъ, лишенный базарныхъ испареній, а выштукатуренныя

террасы, защищенныя отъ солнца навѣсами, превращаются въ обширныя залы.

Килидаръ — мужчина лѣтъ двадцати пяти или тридцати представляетъ совершеннѣйшій типъ магарата; обнаженное тѣло его, бронзоваго цвѣта, отличается самыми совершенными формами; тонкіе, правильные черты его дышатъ необыкновенною красотою, въ лицѣ отражается что то дикое, хотя большіе глаза находятся постоянно въ движеніи; дорогія серьги, висящія у него въ ушахъ, и ожерелья изъ жемчуга, покрывающія его грудь, придаютъ ему нѣсколько женственный видъ. Я долго бесѣдовалъ съ нимъ о Европѣ, о цѣли моего путешествія и моихъ планахъ.

Одна высокопоставленная индусская дама, вдова царскаго казначея Гаррибакти, любившая посѣщать высшее европейское общество, изъявила также желаніе принять насъ. Рѣдко удается въ этихъ странахъ быть принятымъ богатой дамой высшей касты! Правила *ценанаха* (гарема) такъ строги и предразсудки вкоренились такъ глубоко, что даже вдовы рѣдко дерзаютъ оставить *пурдахъ* (занавѣсъ): это общее выраженіе въ Индіи, употребляемое для обозначенія гаремной жизни...

Вдова Гаррибакти приняла насъ въ залѣ, обтянутой камкою и убранной съ роскошью; окутанная въ легкое покрывало изъ розовой шелковой матеріи и полулёжа на бархатныхъ подушкахъ, она казалась ослѣпительною среди всѣхъ своихъ богатствъ; лицо ея было поразительной красоты, одежда блистала драгоцѣнными каменьями и золотомъ. При входѣ нашемъ, она слегка привстала и, протянувъ намъ руку, пригласила сѣсть рядомъ съ нею. Мягкій голосъ ея придавалъ особенную гармонію красивому урдусскому нарѣчію; она осыпала меня множествомъ вопросовъ о Парижѣ, о нашихъ французскихъ нравахъ и въ особенности о женскихъ костюмахъ. Отвѣты мои нерѣдко вызывали ея смѣхъ, но болѣе всего ее удивляло то, какимъ образомъ наши дамы рѣшаются ходить пѣшкомъ по улицамъ и на гуляньѣ. Ея оживленная, веселая бесѣда о различныхъ предметахъ и англійскія слова, попадавшіеся въ ея рѣчи, обнаруживали въ этой женщинѣ такую степень образованности, которую никакъ нельзя ожидать въ стѣнахъ ценанаха. Она любезно пригласила меня посѣтить ее еще разъ и сама предложила мнѣ такъ называемый *пансопари* — смѣсь бѣтеля, арековыхъ орѣховъ и извести, которую въ обычаѣ подавать знатнымъ лицамъ, когда они уходятъ: первые разы эта смѣсь кажется непріятною, но впослѣдствіи къ ней привыкаешь; хозяинъ дома обливаетъ также руки и бороду посѣтителей розовой водою.

ОТГБС РАН

На слѣдующій день, 11 числа я написалъ Гюлковару, чтобы оффиціально извѣстить его о нашемъ пріѣздѣ и просить у него аудіенціи; отвѣтъ былъ переданъ намъ въ тотъ же вечеръ его личнымъ секретаремъ (каетъ, kayeth), — истымъ дипломатомъ, говорившимъ отлично по англійски. Король посылалъ намъ свой salâm, приглашая насъ завтра присутствовать на большомъ *совари* или военномъ парадѣ. Онъ велѣлъ приготовить мѣсто, откуда мы могли видѣть всю церемонію, и сверхъ того приказалъ, чтобы на все время пребываніе нашего въ Бародѣ, въ нашемъ распоряженіи находился придворный экипажъ и слонъ.

Въ условленный часъ явился за нами каетъ Руттарамъ; дорога была залита сплошной массой народа, шедшаго на празднество, и всадники, конвоировавшіе нашу карету, съ трудомъ могли расчистить дорогу съ помощью ругательствъ и пинковъ. Берега рѣки были усѣяны зрителями; всѣ дома увѣшаны флагами.

Ни разу потомъ не удавалось мнѣ видѣть индусскій народъ въ болѣе яркихъ и прекрасныхъ краскахъ. Можно было перенестись мысленно въ средніе вѣка: до того блестящая одежда и наружность толпы, тѣснившейся около нашей эстрады, напоминали описанія той эпохи.

Вотъ крестьяне въ огромныхъ чалмахъ изъ небѣлёнаго полотна; они идутъ, взявшись за руки, задравъ голову къ верху и съ восторгомъ слѣдятъ за королевскимъ атлетомъ исполинскаго роста съ самыми дерзкими манерами. Жены ихъ, граціозно окутавшись въ шелковый сарри Гуцзарата, обремененныя золотыми и серебряными украшеніями, останавливаются передъ лавочками полунагихъ факировъ, которые продаютъ плоды и разсказываютъ легенды.

Далѣе, образовали кружокъ городскіе жители, купцы и писаря, одѣтые въ бѣломъ, съ маленькими цвѣтными чалмами и мѣдной чернильницей, привѣшанной къ поясу; они осуждаютъ новое пріобрѣтеніе короля, которое можетъ создать для нихъ только новые налоги. Тамъ магараты въ одеждѣ, шитой золотомъ, съ рамирой на боку; буніахи съ базара; полунагіе нищіе Деры, съ ихъ озлобленнымъ лицомъ, простымъ ожерельемъ изъ раковинъ, ихъ лукомъ и стрѣлами; веселыя баядерки въ обтянутыхъ панталонахъ снуютъ вмѣстѣ со своими музыкантами взадъ и впередъ среди толпы. Вотъ герольды верхомъ съ ихъ длинными трубами, покрытыми сукномъ, они расчищаютъ мѣсто для вельможи, который гарцуетъ на своей роскошной лошади и самъ покрытъ бархатомъ и драгоцѣнными камнями, а лобъ его украшенъ брилліантовой *сирпехъ* (діадемой), до половины скрывающей его чалму; это какой нибудь молодой дворянинъ, отправляющійся со своею свитой во дворецъ,

чтобы присоединится къ совари. Изящные *рушъ* (индусскія кареты) съ легкими позолоченными балдахинами, отъ которыхъ спускаются шелковыя занавѣси, проѣзжаютъ мимо насъ, запряженныя четырьмя бѣлыми быками, съ вызолоченными рогами и горбомъ, окрашеннымъ голубою краскою; это экипажи придворныхъ дамъ, которыя встанутъ за какую нибудь мраморную рѣшетку, чтобы полюбоваться на церемонію. Время отъ времени занавѣсы приподнимаются, но такъ осторожно, что изъ за нихъ показывается только два любопытныхъ глаза.

Молодыя невольницы, одѣтыя въ розовомъ платьѣ цѣпляются за подножки каретъ своихъ повелительницъ, мѣсто которыхъ они займутъ быть можетъ завтра-же.

Разнообразныя сцены смѣняются одна за другой; тутъ царскіе служители ведутъ по базарамъ великолѣпнаго осѣдланнаго и зануздданнаго жирафа, покрытаго богатой попоной; онъ вызываетъ на пути восторгъ толпы, которая своими возгласами могла-бы напугать и менѣе робкое животное. Въ воздухѣ носятся крики, пѣсни, мелодіи въ сравненіи съ которыми шумъ парижскаго праздника показался бы тишиною. Я не могъ налюбоваться этимъ столь новымъ для меня зрѣлищемъ, превосходившемъ всѣ мои надежды.

Видя мой восторгъ, Руттарамъ безпрестанно повторялъ мнѣ: «Это ничего, сагибъ, но какъ прекрасенъ покажется вамъ совари Гюиковара»!

Наконецъ показалась и процессія, ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ; часовые расчистили дорогу—и толпа мгновенно смолкла.

Впереди шли войска раджи, находящіеся подъ командою европейцевъ; за ними слѣдовали арабскіе отряды, эскадроны магаратской кавалеріи, *пурдассіевъ*, полевая артиллерія, мушкетеры, алебардщики, словомъ, говорятъ, тутъ были всѣ двѣнадцать тысячъ человѣкъ гюиковарской арміи: шествіе длилось болѣе часа. Сзади двигался королевскій знаменосецъ; сидя на великолѣпномъ слонѣ покрытомъ рисунками и вышитыми попонами, онъ держалъ въ рукахъ парчевое знамя, вышиною болѣе двѣнадцати метровъ. Его окружали отборные офицеры, обязанные защищать знамя во время сраженія. Вооруженные длинными пиками и широкими *тарварсами* (изогнутая сабля), съ стальными наручами, они одѣты съ неслыханною роскошью: ихъ обтянутая верхняя одежда изъ малиноваго бархата, панталоны въ обтяжку и остроконечные сапоги составляютъ самый изящный рыцарскій нарядъ, какой только возможно придумать. Нѣкоторые носятъ небольшой стальной шишакъ, придерживаемый чалмою и сарицинскую кольчугу; иные-

ОГПИБ

же надѣваютъ роскошно вышитыя толстыя латы изъ буйволовой кожи; концы ихъ копій высеребрены, а щиты, сдѣланные изъ лакированной кожи носорога, покрыты выпуклыми золотыми украшеніями. За ними появляется цѣлый оркестръ барабановъ всевозможной формы и величины, начиная съ двухъ турецкихъ барабановъ, которые везутъ на слонѣ или верблюдѣ и кончая маленькимъ тамъ-тамомъ; но всѣхъ ихъ гораздо пріятнѣе видѣть нежели слышать. Далѣе шествуютъ вельможи и знать королевства; каждый изъ нихъ, разукрашенный золотомъ и драгоцѣнными каменьями, сидитъ на великолѣпной лошади, масть которой едва различишь подъ шорами и сбруей, украшенными серебряными бляхами и подъ богатымъ шитымъ чепракомъ. Они гордо проѣзжаютъ мимо васъ, съ пикою въ рукѣ и по индусскому обычаю заставляютъ лошадей становиться на дыбы; вокругъ нихъ толпятся слуги, съ ихъ знаменами и герольды, выкрикивающіе что есть мочи о славѣ и богатствѣ своихъ господъ. Эта пестрая смѣсь роскошныхъ одѣяній, бряцанье оружія и уборовъ, красивые молодые наѣздники на своихъ горячихъ лошадяхъ, развѣвающіяся перья, копья и знамена образуютъ блестящую картину, передъ которой блѣднѣютъ самыя торжественныя наши церемоніи.

За военными слѣдуютъ высшія должностныя лица королевства, министры, губернаторы, священнослужители и важнѣйшія придворныя лица. Каждый изъ нихъ сидитъ на великолѣпномъ слонѣ, покрытомъ громаднымъ чепракомъ, отъ котораго золотая бахрома спускается до земли.

Такимъ образомъ серьезно и величественно выступаютъ передъ вами восемьдесятъ слоновъ, сознающіе всю прелесть своихъ украшеній; хоботъ и лобъ у большой части изъ нихъ покрыты фантастическими рисунками, а на головѣ торчатъ высокіе султаны изъ бѣлыхъ перьевъ.

Каждый сановникъ сидитъ, скрестя ноги, на богатомъ серебряномъ гаудахѣ (сѣдалище), а надъ нимъ растянутъ великолѣпный зонтикъ, богатство котораго указываетъ на мѣсто, занимаемое имъ при дворѣ. Эта часть процессіи имѣетъ по истинѣ волшебный характеръ.

Съ какимъ вкусомъ обставлена вся эта церемонія! Какъ искусно сгруппированы всѣ эти солдаты, всадники, слоны, чтобы произвести большое впечатлѣніе на толпу! Какъ ловко поддерживается вниманіе этой постепенно увеличивающейся роскошью до появленія самаго короля—героя совари!

Но вотъ и онъ показывается наконецъ, предшествуемый своимъ семействомъ, своими дочерьми и сыновьями, сидящими на великолѣпныхъ слонахъ. Гюльковаръ ѣдетъ на исполинскомъ слонѣ.

Массивный золотой гаудахъ, подарокъ англійской королевы, весь блеститъ драгоцѣнными камнями. Гюльковаръ сидитъ на немъ на вышитыхъ подушкахъ; на немъ надѣта богатая туника изъ краснаго бархата, отдѣланная множествомъ драгоцѣнныхъ камней; къ чалмѣ прикрѣпленъ брилліантовый султанъ на которомъ блеститъ знаменитая *Южная Звѣзда*

Сзади его первый министръ, одежда котораго равняется костюму его повелителя.

На обоихъ бокахъ слона на подножкахъ стоятъ по четыре человѣка; одинъ изъ нихъ держитъ гукахъ, подаренный властителю вице-королемъ Индіи, а другіе колеблятъ надъ нимъ опахало изъ павлиныхъ перьевъ. Въ числѣ ихъ находится и королевскій герольдъ, ежеминутно развертывающій широкій кусокъ парчи, восклицая:

«Вотъ Кундерао Гюльковаръ, король изъ королей, армія котораго непобѣдима и храбрость непреодолима».

Толпа преклоняется, оставаясь въ этомъ положеніи, покуда слонъ не пройдетъ. Животное это, совершенно покрытое массою украшеній, походитъ на золотую гору, блестящую алмазами; его окружаютъ служители, курящіе благовонные травы, голубоватый дымъ которыхъ придаетъ всей картинѣ нѣсколько волшебный видъ.

Вскорѣ послышались пушечные залпы, возвѣщавшіе минуту торжественнаго благословенія; затѣмъ шествіе возвратилось тѣмъ же порядкомъ и только въ восемь часовъ мы возвратились въ бунгалоу капитана. Вспоминая вечеромъ видѣнное мною великолѣпіе, день этотъ казался мнѣ сновидѣніемъ.

16 іюня Рутторамъ явился къ намъ съ приглашеніемъ отъ имени короля отправиться во дворецъ; онъ сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету, которая часъ спустя остановилась передъ главнымъ входомъ, въ видѣ простаго крыльца вышиною въ нѣсколько футовъ и на которомъ стояла шотландская стража. Комнаты, оклеенныя обоями, съ виду довольно роскошны, но невелики. Мы дошли до обширной верхней террасы, на которой со всѣхъ сторонъ возвышаются кіоски и павильоны, построенные иногда въ четыре этажа. Столько построекъ, утвержденныхъ почти на одномъ только деревянномъ зданіи, стоящемъ на болотистой почвѣ, обнаруживаетъ большую смѣлость со стороны архитекторовъ и еще большую довѣрчивость короля; термиты легко могли бы когда нибудь подкопать основанія этого величественнаго сооруженія.

© ГПИБ СОРАН

Пространство, занимаемое дворцомъ, такъ велико, что терраса образуетъ цѣлый лабиринтъ дворовъ и корридоровъ, по которымъ невозможно пройти безъ проводника. Мы идемъ по галереѣ, гдѣ полъ буквально покрытъ башмаками: это королевская передняя. Восточный обычай обязываетъ всякаго посѣтителя оставлять свою обувь у дверей королевскихъ покоевъ, точно также какъ у насъ принято снимать шляпу. Тутъ была полная коллекція, начиная отъ вызолоченнаго башмака съ носкомъ длиною въ цѣлый футъ и кончая микроскопической шелковой туфлей. Опытный придворный могъ бы по виду этихъ башмаковъ объяснить намъ чинъ, касту и возрасть всѣхъ лицъ, бывшихъ въ то время у короля. Званіе европейцевъ освобождаетъ насъ отъ этого обычая и мы входимъ обутые въ длинную веранду, гдѣ сидитъ король.

Шубдаръ, т. е. придверникъ съ золотою булавой въ рукахъ расчищаетъ намъ путь сквозь толпу просителей, военныхъ и придворныхъ; онъ возвѣщаетъ королю объ насъ обычнымъ: Магараджа! Саламъ! Король встаетъ, приближается къ намъ, и когда Рутторамъ представилъ насъ, то король пожалъ намъ руку и усадилъ возлѣ себя на широкой деревянной скамьѣ изящной работы, замѣняющей ему тронъ. Скамья эта—единственная мебель во всей галереи, исключая сидѣнья главнокомандующаго Бао-Сагиба. Прочіе лица, каково бы ни было ихъ званіе садятся на полъ по восточному обычаю. Поэтому сидѣть на королевской скамьѣ считается великою честью. Весьма тронутый подобнымъ почетомъ, я предпочелъ бы однако имѣть стулъ, но Гюлковаръ, ненавидя подушки какъ изнѣженный обычай, изгналъ ихъ изъ тронной залы.

Первыя минуты нашего свиданья прошли молча. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ азіятскихъ привѣтствій онъ попросилъ у насъ позволенія продолжать свой гукахъ, и повидимому совершенно погрузился въ это занятіе; въ дѣйствительности же онъ хотѣлъ изучить наши физіономіи прежде нежели вступить съ нами въ разговоръ. Я сдѣлалъ то же самое и могъ вполнѣ разглядѣть что это былъ за человѣкъ. Одежда его рѣзко отличалась отъ его костюма на совари; одѣтый со вкусомъ въ бѣлое полотняное верхнее платье и обутый по европейски, на немъ не было ни одной вышивки, ни одного драгоцѣннаго камня. Это мужчина лѣтъ сорока пяти, нѣсколько сутуловатый съ сильно развитыми, правильными формами. Лицо его загорѣло отъ солнца, но природный цвѣтъ кожи довольно свѣтлый; рѣзкіе черты лица даютъ полное понятіе о характерѣ этого замѣчательнаго человѣка, въ которомъ съ удивительной добротой въ дѣлахъ обыденной жизни соединяется неслыханная жестокость, проявляющаяся при другихъ обстоятельствахъ. Онъ носитъ короткую

бороду, стараясь придать ей, по магаратскому обычаю растрепаный видъ; голова его совершенно выбрита, только на затылкѣ оставленъ небольшой пукъ волосъ. Обращеніе его ласковое и любезное и далеко отъ того, чтобы быть неприступнымъ, подобно другимъ раджамъ: дворецъ его открытъ для всѣхъ, кто имѣетъ къ нему просьбу или жалобу.

Отдавъ свой гукахъ служителю, онъ сталъ распрашивать меня о моемъ путешествіи и былъ восхищенъ тѣмъ, что я отвѣчалъ ему прямо на его гузаратскомъ нарѣчіи. Мы разговаривали нѣсколько часовъ; онъ интересовался всѣми европейскими державами, разспрашивалъ меня о ихъ величинѣ, доходахъ, о формѣ правленія и международныхъ сношеніяхъ. Онъ повидимому слѣдилъ за дѣлами Франціи, Англіи и Россіи, и усиленіе русской власти въ центральной Азіи сильно занимало его. Объ остальныхъ государствахъ онъ не имѣлъ понятія. Прощаясь, король пожалъ мнѣ руку, высказавъ, что посѣщеніе мое доставило ему большое удовольствіе, и слова эти звучали не простой вѣжливою фразой. Онъ взялъ съ меня слово посѣщать его каждое утро, пока я буду находиться въ Бародѣ и такъ какъ я извинялся большимъ разстояніемъ отъ моего жилища, то онъ объявилъ, что велитъ приготовить мнѣ помѣщеніе ближе ко дворцу.

Любопытны происхожденіе и исторія династіи Гюлковаровъ. Имя ихъ, которое они не хотѣли промѣнять ни на какой титулъ и коимъ въ высшей степени гордятся значитъ по магаратски *пастухъ*. Они происходятъ отъ одного изъ тѣхъ семействъ магаратскихъ крестьянъ, которыя по смерти Аурэнгзеба стали подъ знамена пейхваховъ съ цѣлью напасть на имперію Моголовъ. Пилай Гюлковаръ, бывшій нѣкогда слугою, сдѣлался основателемъ династіи. Онъ командовалъ частью арміи этихъ князей въ то время, когда въ 1724 г. завладѣлъ всѣмъ королевствомъ Гузуратъ и Каттиваръ, которымъ владѣетъ и теперешній король Кундерао.

Нѣсколько дней спустя послѣ нашего посѣщенія, король объявилъ намъ, что наше новое жилище въ Мутибаугѣ готово. Мутибаугъ или «Жемчужный Садъ»—изящный лѣтній дворецъ, выстроенный въ нѣкоторомъ разстояніи отъ предмѣстьевъ. Длинный рядъ зданій въ индускомъ стилѣ занимаетъ одну сторону сада, засаженнаго плодовыми деревьями и другими красивыми растеніями; статуи, фонтаны, и кіоски превращаютъ этотъ садъ въ пріятнѣйшее мѣсто для прогулки, а въ огромномъ павильонѣ, стоящемъ въ центрѣ, находится довольно значительный музей европейскихъ достопримѣчательностей. Наше жилище могло похвастаться всѣмъ, что только краситъ жизнь въ этихъ странахъ, и прохладою и

тѣнью и большою роскошью гармонирующею съ прелестнѣйшими видами. Въ нашемъ распоряженіи была многочисленная челядь и столъ нашъ, оплачиваемый королемъ, состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ яствъ и лучшихъ европейскихъ винъ.

Поселившись въ Мутибаугѣ, я сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ дворца, и, отправляясь туда каждое утро въ каретѣ, я проводилъ съ Гюлковаромъ по нѣсколько часовъ. Дружеское расположеніе ко мнѣ короля увеличивалось съ каждымъ днемъ, и всѣ придворные, стараясь угодить своему повелителю, оказывали мнѣ особенное вниманіе. Такимъ образомъ я жилъ придворною жизнью, напоминавшею собою ту, которую Европа переживала въ средніе вѣка.

Изъ числа моихъ новыхъ друзей я уважалъ болѣе всего Бао Сагиба— любимца короля; искренность его обхожденія и уваженіе, которое онъ мнѣ выказывалъ, не впадая въ пошлый тонъ прочихъ придворныхъ, понравились мнѣ, и мы сошлись очень близко. Проснувшись по утру, Гюлковаръ призывалъ Бао и не открывалъ глазъ прежде, нежели этотъ вѣрный слуга подходилъ къ нему: «съ тѣмъ,» говорилъ онъ, «чтобы первое лицо, которое я увижу, произвело на меня пріятное впечатлѣніе; такъ какъ отъ хорошаго или дурнаго настроенія духа много зависятъ дневныя дѣла.»

Бародскій дворецъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, и васъ поражаетъ только его величина. Что же касается комнатъ, то онѣ отдѣланы весьма роскошно, но безъ вкуса; мебель и другіе предметы европейскаго издѣлья плохо гармонируютъ съ индускими обоями и лѣпными колоннами. Королевская сокровищница занимаетъ нѣсколько обширныхъ комнатъ съ толстыми стѣнами, запертыми желѣзными дверьми, къ которымъ приставлено множество караульныхъ. Коллекція эта представляетъ самые роскошные образцы драгоцѣнныхъ камней: ожерелья изъ алмазовъ, діадемы, кольца, браслеты; все это было захвачено вмѣстѣ съ прочими сокровищами Мейвара, Гузурата, Малвы; тутъ же были необычайно роскошныя одежды, плащи, шитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Между этими драгоцѣнностями, стоимость которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ, отличалось одно ожерелье, отдѣланное только что по повелѣнію Гюлковара; на немъ сверкала знаменитая *Южная звѣзда*, *Дрезденская звѣзда* и другіе бриліанты замѣчательной величины, такъ что ожерелье это безъ сомнѣнія богатѣйшее въ мірѣ. Сокровища Гюлковаровъ славятся въ Индіи, и въ этомъ отношеніи съ ними не можетъ соперничать ни одинъ раджа.

Войска Гюлковара, обмундированныя и вооруженныя подобно сипаямъ англійской арміи, находясь подъ начальствомъ европейцевъ, составляютъ превосходно дисциплинированную армію въ 15 тысячъ человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; къ этому нужно прибавить и ррегулярное войско, цифру котораго нельзя точно опредѣлить, но все же оно состоитъ болѣе нежели изъ 50 тысячъ человѣкъ. Одинъ полкъ носитъ мундиръ шотландской гвардіи англійской королевы; онъ обставленъ съ большой роскошью; одна артиллерійская батарея, предназначенная собственно для защиты особы короля, имѣетъ серебряныя пушки она носитъ громкое названіе: *Дулбадулъ*, т. е. «Облако дыма.»

Гюлковаръ содержитъ при дворѣ множество шутовъ, и эти важныя особы, своими подъ часъ довольно плоскими шутками, не щадятъ никого. Окруживъ тронъ, они задѣваютъ своими насмѣшками придворныхъ, представляющихся королю, и послѣднимъ иногда нужно много самообладанія, чтобы не разсмѣяться. Шуты продѣлываютъ тысячу шалостей съ придворными, связываютъ ихъ шарфы, сбрасываютъ чалмы; оскорбленный такимъ образомъ сановникъ мститъ иногда, приказывая убить ихъ. Король при каждой удавшейся шуткѣ смѣется до упаду: но все это допускается только на малыхъ пріемахъ; во время церемоній и оффиціальныхъ пріемовъ беретъ верхъ спокойное достоинство индуса.

Къ толпѣ придворныхъ примѣшивается множество красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями и одѣтыхъ въ самыя легкія ткани. Это баядерки, имѣющія свободный доступъ всюду. Онѣ подходятъ къ самому трону, садятся на полъ и болтаютъ безъ малѣйшаго стѣсненія. Эта необыкновенная привиллегія, дарованная баядеркамъ, оказывается весьма полезною, ибо ихъ присутствіе замѣняетъ до нѣкоторой степени отсутствіе дамъ, замкнутыхъ въ ихъ ценанахахъ.

Вечеромъ, со всѣхъ сторонъ роздаются звуки лютни; комнаты и террасы освѣщаются, и блестящіе кружки образуются вокругъ этихъ прелестныхъ *нотшнисъ*, которыя своими пѣснями и танцами придаютъ дворцу праздничный видъ. Въ это время король и его министры собираются на *кутчери* (совѣтъ) и обсуждаютъ государственныя дѣла, покуривая свой гукахъ.

Мы же рѣдко возвращаемся въ наше жилище Жемчужина Сада ранѣе десяти часовъ вечера.

© ГПНТБ СО РАН

VI.

Празднества и охоты Гюлковара.

Бой слоновъ, носороговъ и буйволовъ.—Битва людей съ когтями.—Не особенно любезные астрологи. — Охота на антилопъ. — Охота на кабановъ. — Охота на тигровъ.—Королевскій звѣринецъ.

Къ концу іюня дожди прекратились и Гюлковаръ воспользовался этимъ, чтобы начать рядъ празднествъ, которыя онъ хотѣлъ дать намъ. Охоты, бои и состязанія слѣдовали однѣ за другими.

Средневѣковые обычаи сохранились въ Индіи во всемъ ихъ первобытномъ блескѣ только при дворѣ Гюлковаровъ. Обѣднѣніе владѣній прочихъ раджей вынудило ихъ значительно ограничить роскошь этихъ великолѣпныхъ церемоній; въ другіе же государства англійское вліяніе внесло европейскіе обычаи, которые плохо вяжутся съ туземными понятіями.

Гюлковаръ предпочитаетъ всѣмъ увеселеніямъ состязанія атлетовъ или звѣрей и тратитъ на это громадныя суммы. Кровожадный и горячій до страсти, онъ любитъ эти потрясающія и жестокія игры, въ которыхъ человѣческая жизнь вѣчно находится въ опасности, и устраиваетъ эти празднества съ такою щедростью, которая доходитъ до расточительности. Онъ содержитъ множество слоновъ, предназначаемыхъ исключительно для этихъ боевъ, и рѣдкая недѣля проходитъ безъ подобнаго зрѣлища. Слонъ, отъ природы животное весьма кроткое, можетъ быть доведенъ особаго рода возбуждающею пищей до страшнаго бѣшенства, которое индѣйцы называютъ *мустъ*; разъяренный онъ нападаетъ иногда на людей и животныхъ. Одни только самцы могутъ быть доведены до состоянія «мустъ», и чтобы получить этотъ результатъ

нужно въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ кормить его сахаромъ и масломъ.

Магараджа объявилъ мнѣ однажды, съ видимымъ удовольствіемъ, что на слѣдующій день будетъ бой слоновъ. Мы пошли взглянуть на звѣрей, которыхъ намѣревались стравить и о которыхъ многіе уже держали пари. Два громадные звѣря, окованные тяжелыми желѣзными цѣпями, были отдѣлены одинъ отъ другаго толстою стѣною.

Вокругъ толпилась густая масса народа, хваля или критикуя качества и недостатки каждаго животнаго. Король расхаживалъ среди придворныхъ какъ частный человѣкъ, кричалъ, размахивалъ руками и держалъ пари со всѣми. Я съ своей стороны также заключилъ нѣсколько пари съ раджею, Бао и нѣкоторыми придворными просто для того, чтобы не отстать отъ другихъ, такъ какъ мнѣ было бы весьма трудно сказать почему я отдаю предпочтеніе одному слону передъ другимъ.

На слѣдующій день оберъ-егермейстеръ, Гарибадада явился за нами въ экипажѣ въ Мотибаугъ и мы поѣхали съ нимъ въ *гагуръ* или арену для слоновъ, довольно старинное зданіе, помѣщающееся въ древнемъ дворцѣ набобовъ Гузарата. Прекрасный портикъ ведетъ въ обширный дворъ, окруженный кирпичными зданіями, покрытыми высѣченнымъ камнемъ, и въ цѣломъ напоминающее стиль Франциска I.

Пройдя нѣсколько темныхъ и пустыхъ комнатъ мы вошли въ королевскую ложу, куда уже собрались вельможи, сидѣвшіе на подушкахъ вокругъ трона; для насъ были приготовлены кресла. Арена, которую мы обозрѣвали, вполнѣ имѣетъ видъ большаго параллелограма, длиною въ триста и шириною въ двѣсти метровъ; она обнесена со всѣхъ сторонъ толстыми стѣнами; множество узкихъ дверей, чрезъ которыя люди проходятъ свободно, не выпускаютъ слоновъ изъ арены. Надъ стѣнами устроены подмостки, куда впускаютъ толпу, страстно любящую подобныя зрѣлища; крыши сосѣднихъ домовъ и деревья покрыты массою народа, какъ это бываетъ при всѣхъ празднествахъ. На высокомъ холмикѣ стоятъ слоны—самки, которымъ этотъ бой доставляетъ по видимому большое удовольствіе. На арену выпущены два самца, прикованные къ противуположнымъ стѣнамъ; они выражаютъ свою ярость, издавая особенный крикъ и вскидывая песокъ клыками.

Любопытенъ инстинктъ разъяреннаго слона по которому онъ всегда узнавалъ своего *магута* или вожака, подпуская его къ себѣ даже и въ этомъ состояніи раздраженія.

Граціозные полунагіе юноши группами расхаживаютъ по аренѣ; это

сатмаршаллахи, исполняющіе здѣсь туже роль, какую играютъ *тореадоры* въ бояхъ быковъ и которыхъ я поэтому назову *элефантадорами*.

На нихъ надѣта только лёгенькая цвѣтная чалма и короткіе въ обтяжку панталоны, за которые не можетъ ухватиться хоботъ слона. Самые ловкіе вооружены однимъ хлыстомъ, сдѣланнымъ изъ бычачьей жилы и шелковымъ краснымъ вуалемъ; иные выходятъ съ длинными копьями и наконецъ нѣсколько человѣкъ держутъ въ рукахъ палку съ воткнутой на концѣ ея ракетой и зажженый фитиль. Обязанность этихъ послѣднихъ самая важная; они должны поспѣвать въ разные концы арены и спасать элефантадора, которому грозитъ опасность. Ставъ передъ разъяреннымъ слономъ они пускаютъ свою ракету; испуганный звѣрь отступаетъ, и тогда можно подать помощь раненому.

Но имъ дозволено прибѣгать къ этому средству только въ случаѣ большой опасности; за каждую ошибку они получаютъ выговоръ, а если не успѣютъ спасти элефантадора, то бываютъ за это строго наказаны. Всѣ эти юноши, избираемые обыкновенно изъ числа самыхъ красивыхъ и хорошо сложенныхъ, отличаются удивительною ловкостью.

Нѣсколько минутъ спустя въ ложу вошелъ Гюлковаръ и сѣлъ между мною и оберъ-эгермейстеромъ; раздался сигналъ—и арена опустѣла. Магуты усѣлись на шеяхъ своихъ слоновъ; съ послѣднихъ сбросили цѣпи и обаживотныя стояли на свободѣ одинъ противъ другаго. Послѣ минутнаго колебанія они начали сходиться, высоко поднявъ хоботъ и рыча отъ гнѣва. Они сходятся все быстрѣе и быстрѣе и встрѣчаются на срединѣ арены, столкнувшись лбами съ такою неимовѣрною силою, что толчекъ заставляетъ ихъ подняться на дыбы. Каждый изъ слоновъ съ яростью смотритъ на магута своего противника и старается схватить его.

Начинается борьба (*кусти*); хоботы переплетаются, и вожакамъ нерѣдко приходится защищаться пиками. Нѣсколько минутъ слоны смотрятъ другъ на друга въ упоръ, покуда наконецъ одинъ изъ нихъ не ослабѣетъ и не почувствуетъ, что долженъ будетъ сдаться. Эта минута самая критическая, такъ какъ животное знаетъ, что, убѣгая, оно должно повернуться къ непріятелю бокомъ и тотъ можетъ опрокинуть его или пронзить клыками.

Поэтому, собравъ всѣ свои силы, побѣжденный однимъ прыжкомъ отталкиваетъ противника и обращается въ бѣгство.

Бой оконченъ; со всѣхъ сторонъ раздаются радостные крики—и зрители заняты теперь болѣе своими пари нежели слонами.

Тогда нужно увести побѣжденнаго, предоставивъ поле битвы побѣдителю. На арену являются люди съ большими клещами, на которыхъ насажены желѣзные зубья; весьма длинные рукоятки ихъ соединены пружиной. Они ловко кидаютъ эти клещи на заднюю ногу животнаго, которая крѣпко обхватывается пружиной, а длинныя рукоятки клещей путаются въ ногахъ животнаго, и такъ какъ зубья съ каждымъ шагомъ проникаютъ въ кожу все глубже и глубже, то слонъ мгновенно останавливается. Его тотчасъ же окружаютъ, связываютъ, и, надѣвъ на него цѣпи, нѣсколько вооруженныхъ людей выводятъ его съ арены. Побѣдитель остается одинъ; съ него снимаютъ клещи, магутъ спускается на землю и тогда начинается *сатмари*.

Это второе дѣйствіе зрѣлища, т. е. борьба слона съ людьми. Агуръ наполняется блестящей толпою элефантадоровъ и ракетчиковъ, которые сбѣгаются со всѣхъ сторонъ съ громкимъ крикомъ. Животное, ошеломленное этимъ неожиданнымъ появленіемъ, стоитъ въ нерѣшимости; но вотъ его ударяютъ хлыстомъ по хобату, со всѣхъ сторонъ сыпятся удары пиками—и разъяренный слонъ кидается на одного изъ нападающихъ. Другой мчится въ это время мимо него, развѣвая свой красный вуаль; слонъ бросается за нимъ, но его дразнятъ со всѣхъ сторонъ, и онъ никого не успѣваетъ схватить. Послѣ многихъ тщетныхъ усилій слонъ понимаетъ, наконецъ, свою ошибку и выжидаетъ. Тогда одинъ изъ элефантадоровъ подходитъ къ нему, сильно ударяетъ его хлыстомъ и прыгаетъ въ сторону въ то самое мгновеніе, когда животное готовится схватить его хоботомъ. Но теперь уже слонъ не теряетъ его изъ виду; онъ избралъ своего врага и ни за что не покинетъ его; элефантадору остается только бѣжать къ одной изъ маленькихъ дверей и выйти съ арены. Животное, ослѣпленное бѣшенствомъ, ударяется объ стѣну и думая, что держитъ наконецъ въ своей власти непріятеля, съ бѣшенствомъ топчетъ землю.

Въ первый бой, на которомъ я присутствовалъ, слонъ преслѣдовалъ юношу—отличнаго скорохода и, не смотря на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ удары, ни на минуту не терялъ его изъ виду. Растерявшись, молодой человѣкъ хотѣлъ ускользнуть въ одну изъ дверей, но въ эту самую минуту слонъ схватилъ его хоботомъ за руку, и, поднявъ на воздухъ, съ силою бросилъ на землю. Еще минута—и поднятая уже громадная нога размозжила бы ему черепъ, но одинъ изъ ракетниковъ бросился къ слону и ослѣпилъ его пламенемъ; животное отскочило съ громкимъ ревомъ.

Наконецъ прозвучали трубы и элефантадоры исчезли за маленькими

© ПНБ СОПАН

дверцами. Слонъ не понимаетъ причины этого внезапнаго бѣгства и, повидимому, готовиться къ неожиданному нападенію. Между тѣмъ, снова открываются двери и на арену вылетаетъ съ копьемъ въ рукѣ магаратскій всадникъ на красивой лошади, у которой хвостъ коротко обрѣзанъ, чтобы слонъ не могъ схватить его. Поднявъ хоботъ, этотъ послѣдній съ бѣшенствомъ кидается ему на встрѣчу, чтобы уничтожить то животное, къ которому онъ чувствуетъ сильнѣйшую ненависть. Дѣйствительно, слонъ имѣетъ къ лошади особенное отвращеніе, проявляющееся даже при самомъ кроткомъ его настроеніи духа.

Эта третья часть боя самая граціозная. Превосходно выѣзжанная лошадь трогается съ мѣста только по желанію всадника, онъ же даетъ слону подойти совсѣмъ близко и только уже тогда отскакиваетъ на нѣсколько шаговъ. Всадникъ ударяетъ это громадное животное копьемъ то сзади, то по бокамъ, доводя его такимъ образомъ до изступленія, но въ эту самую минуту слонъ выказываетъ удивительную смышленность: дѣлая видъ, что онъ болѣе не обращаетъ вниманія на всадника, слонъ даетъ ему подойти сзади и вдругъ, повернушись съ изумительной быстротою, готовъ уже схватить лошадь, которая спасается только отчаяннымъ прыжкомъ. Наконецъ бой оконченъ и всадникъ удаляется. На арену является за слономъ прислуга, встрѣчаемая громкимъ смѣхомъ толпы. Этимъ бѣднягамъ достается много труда, такъ какъ разъяренное животное бросается на нихъ и они съ трудомъ могутъ остановить его.

Раджа призвалъ того ракетника, который спасъ жизнь бѣдному сатмариваллаху и далъ ему въ награду кусокъ затканной матеріи и кошелекъ съ пятью стами рупій.

Весьма оригиналенъ также другаго рода бой, именно борьба носороговъ, хотя она и не представляетъ такой интересной и величественной картины. Къ двумъ противоположнымъ концемъ арены прикованы звѣри, предназначенные для боя. Одинъ изъ нихъ окрашенъ черною краскою, другой красной для того, чтобы ихъ можно было отличить. При нашемъ появленіи этихъ неуклюжихъ животныхъ спускаютъ съ цѣпи и они, рыча, пускаются бѣгать по аренѣ. Зрѣніе у нихъ, повидимому, очень плохое, такъ какъ они встрѣчаются нѣсколько разъ не останавливаясь; наконецъ, разсмотрѣвъ другъ друга, они вступаютъ въ отчаянную борьбу. Дѣйствуя рогами, носороги употребляютъ тѣ же пріемы какъ при фехтованьи, стараясь ударить другъ друга въ шею, ибо это единственное уязвимое ихъ мѣсто; поэтому носорогъ, очутившись въ такомъ жалкомъ положеніи, быстро поворачиваетъ голову такъ, чтобы

ОГПНТБ СО РАН

Парскій штандартъ въ совари въ Бородѣ.

рогъ его противника упирался въ нижнюю челюсть, не пронзая горла. Они стоятъ, такимъ образомъ, нѣсколько минутъ неподвижно, а затѣмъ одинъ изъ нихъ убѣгаетъ. Носороги дерутся такимъ образомъ съ часъ съ постянно возрастающею яростью; рога ихъ сталкиваются съ шумомъ, огромныя губы покрыты пѣною и на лбу выступаетъ кровь. Въ это время слуги обливаютъ ихъ водою, чтобы освѣжить ихъ и дать имъ возможность продолжать борьбу. Гюлковаръ приказываетъ наконецъ прекратить бой; носороговъ раздѣляютъ, пустивъ между ними ракету, привязываютъ ихъ, обмываютъ и уводятъ съ арены.

Буйволы выказываютъ также страшную ярость при борьбѣ; ихъ огромные рога являются опаснымъ орудіемъ даже для тигра, а удивительная проворность дѣлаетъ ихъ опаснѣе слона. Но самая оригинальная борьба, какую мнѣ довелось видѣть въ агурѣ Бароды происходила между осломъ и гіеною—и кто бы подумалъ! побѣда осталась за осломъ. Увидя гіену онъ пришелъ въ такую ярость, что тотчасъ напалъ на нее и своимъ ляганьемъ и ревомъ скоро ошеломилъ ее. Увѣнчаннаго цвѣточными гирляндами осла увели при громкихъ возгласахъ публики.

Страсть Гюлковара къ подобнымъ зрѣлищамъ не ограничивается тѣмъ, что передъ нимъ выводятъ на бой всѣхъ животныхъ, которыхъ можно вышколить для этого; онъ содержитъ еще при дворѣ цѣлый полкъ атлетовъ, славящихся во всей Индіи. Впрочемъ, король самъ гордится названіемъ *пельвана* или борца и ежедневно занимается этими упражненіями. Совершивъ по утру обычное омовеніе, онъ выходитъ на дворцовую террасу и борется съ однимъ изъ своихъ пельвановъ. Страстный любитель этого увеселенія, онъ очень дорожитъ своимъ талантомъ и былъ бы разумѣется чрезвычайно озлобленъ замѣтивъ, что борецъ дѣлаетъ ему малѣйшее снисхожденіе; поэтому послѣдній долженъ свободно бороться съ королемъ, но въ то же время какъ хорошій придворный обязанъ предоставлять ему побѣду. Эти борцы набираются со всѣхъ провинцій Индіи, но главнымъ образомъ являются изъ Пенджаба и Траванкора. Подготовляемые съ дѣтства къ этой профессіи, они достигаютъ замѣчательнаго развитія мускуловъ.

Ихъ пища, образъ жизни и жилище опредѣляются самимъ королемъ, который заботится о нихъ также какъ о своихъ буйволахъ и слонахъ.

Зрѣлища эти должны были начаться 19 іюня и мы отправились по этому случаю въ агуръ. Раджа и придворные его уже прибыли и сидѣли на стульяхъ вокругъ арены, усыпанной пескомъ. Насъ ожидали, и лишь только мы усѣлись, два полунагихъ человѣка геркулесовскаго

© ГПНТБ СО РАН

сложенія подошли къ королю съ низкимъ поклономъ. Ставъ посрединѣ круга, они дружно обнялись и сцѣпились.

Правило борьбы таково, что одинъ изъ сражающихся долженъ опрокинуть своего противника на спину или вынудить его къ сдачѣ.

Когда одинъ изъ борцовъ повалитъ другаго, но не можетъ еще окончательно побороть его, то онъ хватаетъ его за руку, стараясь вывихнуть ее, и тогда побѣжденный проситъ помилованія; но борцы иногда до того ожесточаются во время этихъ игръ, что не рѣдко предпочитаютъ претерпѣть страданіе, чѣмъ объявить себя побѣжденнымъ—и тогда приходится насильно прекратить нескончаемую борьбу.

Гораздо болѣе ужасное зрѣлище представляетъ *нуки какусти* (борьба съ когтями), которую можно видѣть теперь въ одной Бародѣ. Борцы, совершенно голые, украшенные вѣнками и гирляндами, разрываютъ другъ друга когтями Это орудіе дѣлалось прежде изъ стали и неизбѣжно причиняло смерть одному изъ борющихся; теперь же оружіе это какъ слишкомъ жестокое, замѣнено подобными же когтями изъ слоновой кости, и привязывается къ рукѣ ремнями. Борцы опьянѣлые отъ *банга* (жидкій опіумъ съ настоемъ конопли) кидаются одинъ на другаго съ пѣснями; вскорѣ лицо ихъ и голова обагряются кровью, и бѣшенство ихъ не знаетъ тогда границъ. Между тѣмъ король со страстью слѣдитъ за этой борьбой, глаза его блуждаютъ, жилы на шеѣ натягиваются, наконецъ онъ не въ силахъ сидѣть спокойно и жестами подражаетъ движеніямъ борцовъ. Арена обагряется кровью, побѣжденнаго уводятъ иногда умирающимъ, а побѣдитель, у котораго кожа на лбу виситъ лохмотьями, бросается къ ногамъ короля; послѣдній надѣваетъ ему на шею жемчужное ожерелье и даритъ ему весьма цѣнную одежду. Одинъ эпизодъ этой борьбы возбудилъ во мнѣ въ особенности такое отвращеніе, что я удалился, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе мой уходъ могъ произвести на Гюлковара. Одинъ изъ борцовъ, не дошедшій еще до высшей степени опьяненія, вздумалъ бѣжать послѣ первыхъ же ударовъ; противникъ повалилъ его и они оба покатились къ ногамъ короля. Побѣдитель, видя что несчастный проситъ помилованья, обратился къ королю, чтобы узнать какъ поступить съ нимъ; но король, увлекшись зрѣлищемъ, закричалъ: Маро! маро! (бей! бей!)—и черепъ несчастнаго былъ безъ жалости размозженъ; его вынесли безъ чувствъ. Въ этотъ день раджа роздалъ побѣдителямъ ожерельями и деньгами болѣе ста тысячъ франковъ.

Гюлковаръ очень суевѣренъ. Мы нѣсколько дней не могли начать охоты, потому что астрологи не находили для этого благопріятнаго дня.

Надѣвъ очки, этипочтенные прорицатели каждое утро становились въ кругъ и дѣлали видъ, что наблюдаютъ надъ мѣдными таблицами, покрытыми кабалистическими знаками. По [illegible]шествіи часа одинъ изъ нихъ приходилъ къ намъ и, качая головою, печальнымъ тономъ объявлялъ королю, что предзнаменованія были неблагопріятныя. Я не могъ понять что побуждало ихъ дѣйствовать такимъ образомъ и шутка ихъ длилась уже по моему мнѣнію слишкомъ долго. Къ несчастію, раджа этимъ былъ такъ недоволенъ и высказалъ такое сильное желаніе послѣдовать моему совѣту и не обращать болѣе вниманія на астрологовъ и ихъ волшебную книгу, что мы на слѣдующій же день получили желаемое разрѣшеніе.

Утромъ въ назначенный день передъ дворцомъ собрались слоны со своими охотничьими гаудахами; взадъ и впередъ разъѣзжали всадники, передавая приказанія въ тѣ деревни, черезъ которыя мы должны были проѣхать, а толпа слугъ суетилась и шумѣла.

Король одинъ сѣлъ на своего слона; я помѣстился на другомъ вмѣстѣ съ Бао-Сагибомъ, а Шаумбургъ усѣлся съ Гаррибададой. Мы образовали веселый поѣздъ; за нами слѣдовали паланкины съ ружьями и съѣстными припасами. Король, довольный тѣмъ, что отправлялся на одно изъ своихъ любимѣйшихъ занятій, громко смѣялся надъ шутками и остротами шутовъ, ѣхавшихъ также на слонѣ.

Это было 22 іюля: въ воздухѣ носился легкій туманъ, придававшій листьямъ и травѣ необыкновенный блескъ; небо, слегка покрытое тучами, сулило намъ прекрасную погоду для охоты. Дождливое время года не такъ дурно здѣсь какъ на югѣ, и за исключеніемъ весьма дождливыхъ мѣсяцовъ іюня и октября оно напоминаетъ европейское лѣто. Однако, по выѣздѣ изъ деревни Бинагомъ, мы нашли, что почва до того пропиталась влагою отъ послѣднихъ дождей что слоны вязли на нѣсколько футовъ и ихъ пришлось оставить. Мы пересѣли на лошадей и, проѣхавъ версту или двѣ, встрѣтили *нуллахъ* (ровъ) съ очень крутыми берегами.

Переправа черезъ ровъ заняла цѣлый часъ и нѣсколько затруднила нашу свиту. На другомъ берегу насъ ожидало новое разочарованіе; лошади по грудь утопали въ разрыхленной почвѣ; усилія, дѣлаемыя ими, чтобы вылезть изъ грязи и овладѣвшій ими паническій страхъ окончательно разстроили нашъ поѣздъ; нѣсколько всадниковъ были сброшены съ лошади.

Между тѣмъ пошелъ мелкій дождь. Гюлковаръ былъ въ отчаяніи; Какъ бы посмѣялись астрологи, увидѣвши насъ въ этомъ жалкомъ положеніи.

Объ охотѣ нечего было и думать, сигналъ былъ поданъ и каждый старался выбраться поскорѣе на болѣе твердую почву.

Въ вознагражденіе за эту неудачу оберъ-егермейстеръ получилъ приказаніе устроить большую охоту на антилопъ, въ окрестностяхъ Этолы, близъ станціи желѣзной дороги.

Передъ нашимъ отъѣздомъ Гаррибадада поручился головою въ томъ, что бинагомская неудача не повторится и что дороги будутъ въ исправности.

Все было подготовлено; для раджи заказанъ экстренный поѣздъ, и 2-го сентября мы помчались въ королевскомъ вагонѣ, подаренномъ Гюлковару желѣзнодорожной компаніей.

Это настоящая зала отдѣланная весьма роскошно и изящно; она обита парчею и меблирована въ азіатскомъ вкусѣ; въ срединѣ находится тронъ, предназначенный для короля, но на которомъ онъ никогда не сидитъ. Гюльковаръ не особенно довѣряетъ европейскимъ изобрѣтеніямъ, и, проѣзжая по желѣзной дорогѣ, онъ сажаетъ на локомотивъ своего любимца Бао Сагиба, думая что это можетъ спасти его отъ всякаго несчастья. Можетъ быть онъ до нѣкоторой степени и правъ, такъ какъ достаточно было бы какимъ нибудь заговорщикамъ подкупить машиниста—и король со всѣмъ своимъ дворомъ отправился бы на тотъ свѣтъ; въ этой странѣ всякое средство считается возможнымъ, чтобы отдѣлаться отъ рага.

Мы благополучно прибыли на станцію Эталу, гдѣ ожидали наши люди съ лошадьми. Ни у кого изъ насъ не было ружей: за насъ должны были охотиться двѣ хорошенькія пантеры (барсъ). Каждая изъ нихъ лежитъ въ особомъ паланкинѣ, который несутъ четверо людей: животное сидитъ на цѣпи и глаза его закрыты небольшимъ мѣднымъ клобукомъ, такъ что оно остается совершенно смирнымъ, не смотря на окружающую его суетню. Охотниковъ или лучше сказать зрителей собралось много; ихъ раздѣлили на двѣ группы: одною руководилъ король, другою Бао. Мы съ Шаумбургомъ находились въ партіи короля и ѣхали верхами рядомъ съ нимъ; въ свитѣ красовались индѣйскіе, магаратскіе и мусульманскіе всадники. Мы окружали барса, котораго все еще несли въ паланкинѣ; со всѣхъ сторонъ показывались стада антилопъ; онѣ убѣгаютъ или смотрятъ на насъ съ любопытствомъ. Все искуство этой охоты состоитъ въ томъ, чтобы подойти къ стаду, держась все время противъ вѣтра, такъ какъ въ противномъ случаѣ самцы скоро нанюхаютъ пантеру. Всадники не возбуждаютъ особеннаго недовѣрія животныхъ, которые привыкли каждый день видѣть въ полѣ много

народа и ни разу не слыхали выстрѣла. Когда король найдетъ, что стадо довольно близко, то всѣ охотники останавливаются; *читу* (пантера) спускаютъ съ паланкина и съ глазъ ея снимаютъ клабучекъ. Простоявъ нѣсколько минутъ неподвижно, она подкрадывается къ стаду и ползетъ осторожно до тѣхъ поръ, покуда антилопы не завидятъ ее и не обратятся въ бѣгство. Охотники слѣдуютъ за ними въ галопъ, чтобы присутствовать при поимкѣ и агоніи антилопы.

Барсъ хватаетъ добычу когтями и вонзаетъ свои зубы въ шею животнаго; въ это время подходитъ слуга, надѣваетъ ему клабучекъ на глаза и съ нѣкоторымъ трудомъ отрываетъ ее отъ лакомаго куска. Въ награду барсу даютъ цѣлую миску крови антилопы, кладутъ его снова въ паланкинъ—и охота продолжается. Особенно замѣчательно, что барсъ никогда не нападаетъ на ланей и молодыхъ косуль, но бросается всегда на самца, хотя бы онъ былъ одинъ во всемъ стадѣ. Поймавъ нѣсколько сяйгъ, барсъ устаетъ и тогда охота становится интереснѣе, такъ какъ часто случается что антилопа храбро защищается ногами и ей удается вырваться изъ когтей.

Сайга великолѣпное животное; прямые рога его имѣютъ въ длину до четырехъ футовъ. Она отличается отъ ланей черною полосою на спинѣ, которая съ годами постоянно увеличивается и у самыхъ старыхъ доходитъ до живота, гдѣ шерсть бываетъ всегда ослѣпительно бѣлаго цвѣта.

Къ вечеру мы имѣли пятнадцать великолѣпныхъ сайгъ; король далъ сигналъ къ прекращенію охоты, и помчался галопомъ. Пріѣхавъ на мѣсто сборища, мы застали уже тутъ партію Бао, которая оказалась менѣе счастливою и привезла только девять антилопъ. На прелестной лужайкѣ, окруженной высокими деревьями, были раскинуты наши палатки, гдѣ насъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Картина была самая оживленная: дворцовая прислуга разносила большіе подносы; слуги потрошили добычу и складывали ее на верблюдовъ; изъ Бароды явились слоны съ факельщиками, которые должны были отвезти насъ обратно; послѣдніе лучи заходившаго солнца позлащали всю эту сцену, обливая яркимъ свѣтомъ группы придворныхъ, солдатъ и лошадей. Послѣ обѣда мы сѣли на слоновъ и возвратились въ Бароду при свѣтѣ факеловъ и при звукахъ барабана и гобоя.

Подобная охота продолжалась нѣсколько дней. Однажды егеря поѣхали не верхомъ, но въ магаратскихъ повозкахъ, запряженныхъ быками. Эти небольшія двухколесныя повозки очень легки и опрокидываются при малѣйшемъ толчкѣ: легко понять какое онѣ производятъ

дѣйствіе, катясь по неровной почвѣ, покрытой кустарникомъ. Маленькіе быки, запряженные въ нихъ, очень хорошіе бѣгуны, но видъ антилопъ сильно раздражаетъ ихъ. Повозки часто опрокидываются, но къ счастію безъ дурныхъ послѣдствій и это вызываетъ общій смѣхъ; ухабы хуже всего для подобнаго экипажа, такъ какъ онъ сдѣланъ весь изъ ивовыхъ прутьевъ и не имѣетъ рессоръ.

Особенно интересна охота на кабана, называемая англичанами pig-sticking.

Окрестности Бароды чрезвычайно удобны для этой охоты и Гюлковаръ нѣсколько разъ устроивалъ ее при мнѣ. Восемь или десять охотниковъ направляются на лошадяхъ, выѣзженныхъ для этого дѣла; каждый изъ нихъ вооруженъ короткимъ копьемъ длиною въ шесть или восемь футовъ, снабженнымъ весьма острымъ стальнымъ наконечникомъ. Охотниковъ сопровождаютъ пажи съ копьями на случай если ихъ оружіе сломается или потеряется. Загонщики окружаютъ стадо кабановъ и сгоняютъ его къ всадникамъ, которые преслѣдуютъ его съ копьями, стараясь поразить ими звѣря. Нападаютъ обыкновенно на самаго сильнаго и рослаго кабана и часто онъ въ свою очередь аттакуетъ лошадей, нанося имъ своими клыками ужасныя раны. Поэтому, пронзая звѣря копьемъ, нужно повернуть лошадь такъ, чтобы озлобленный кабанъ не могъ задѣть ее; въ этомъ то и заключается главная трудность. Часто кабанъ ограничивается бѣгствомъ, заставляя охотниковъ преслѣдовать его по мѣстности, усѣянной препятствіями и гдѣ весьма трудно бросить въ него копье.

Однажды мы гонялись за кабаномъ цѣлый часъ; раненый уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ сохранилъ повидимому всю свою силу. Гюлковаръ остановилъ его съ такою ловкостью, которая весьма уважается въ этой странѣ и возвышаетъ репутацію мужчины. Бросивъ копье и выпустивъ одну ногу изъ стремени онъ перегнулся на лошади и, пролетѣвъ галопомъ мимо кабана, разсѣкъ ему голову *тарваромъ*. Восторженные крики привѣтствовали этотъ подвигъ и онъ долгое время былъ предметомъ разговоровъ при дворѣ.

12-го сентября мы присутствовали въ королевскомъ дворцѣ при большой церемоніи по случаю дня рожденія Гюлковара. Король, роскошно одѣтый, сидя на тронѣ въ залѣ дурбара (совѣта), принималъ поздравленія всѣхъ дворянъ и сановниковъ королевства. Каждый изъ нихъ, подойдя къ трону, преклонялъ колѣно, подавая королю свой *нуццуранн* или дань, между тѣмъ какъ герольды превозглашали его имя и званіе. Нуццарани состоитъ изъ нѣсколькихъ золотыхъ монетъ, лежащихъ на

шелковомъ, сложенномъ платкѣ, который дворянинъ держитъ на ладонѣ. Король дотрогивается до дани, которую принимаетъ министръ, и кланяется придворному; тогда этотъ послѣдній встаетъ и возвращается на свое мѣсто.

Существуетъ обычай въ день рожденія короля уменьшать жалованье всѣмъ служащимъ, какого бы званія они ни были, начиная отъ дворцоваго слуги и кончая первымъ министромъ и главнокомандующимъ, эта значительная сумма образуетъ подарокъ раджѣ.

Въ началѣ октября установилась хорошая погода и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы посѣтить развалины древняго города Шампаниръ, расположеннаго у подошвы горъ Виндія, въ 45 километрахъ къ востоку отъ Бароды. Капитанъ королевской арміи Линчъ устроилъ охоту на тигра и пригласилъ насъ принять въ ней участіе.

Равнины, простирающіяся между Шампаниромъ и столицею, чрезвычайно безплодны, что весьма удивительно, такъ какъ окрестная страна очень плодоносна. Поверхность почвы до того плоская, что съ перваго взгляда это пространство можно принять за обширное поле для кавалерійскихъ маневровъ; но, отъѣхавъ нѣсколько, вы встрѣчаете ежеминутно глубокіе и довольно широкіе рытвины, вырытыя въ рыхлой почвѣ потоками, низвергающимися съ горы. Во время засухи эти овраги замѣняютъ дорогу, и тогда вы ѣдете все время между высокими, отвѣсными берегами. Проложить постоянную дорогу по этой мѣстности стоило бы весьма дорого, такъ какъ пришлось бы строить множество мостовъ.

Въ Шампанирѣ были уже раскинуты наши палатки и насъ ожидало множество слугъ и нѣсколько слоновъ, присланныхъ королемъ. Мы расположились у высокихъ стѣнъ древней столицы, имѣющей въ окружности около двухъ километровъ. Внутри города разросся густой лѣсъ, усѣянный развалинами; среди чащи возвышается нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ съ ихъ высокими башнями, уцѣлѣвшія тамъ и сямъ стѣны указываютъ на мѣста древнихъ раджпутанскихъ дворцовъ. За самымъ городомъ возвышается прелестная гора Павангуръ, увѣнчанная знаменитою крѣпостью. Она была резиденціей индусскихъ королей, свергнутыхъ въ 1480 г.. Махмудъ Шахомъ I; въ настоящее время она принадлежитъ магаратамъ, которые содержатъ среди ея развалинъ небольшой гарнизонъ.

Съ перваго же дня нашего пріѣзда въ лѣсъ были посланы *шикарисы* (загонщики) съ туземными проводниками, чтобы выслѣдить тигра. Такъ какъ ѣхать на слонахъ по свойству почвы было невозможно, а я вовсе не желалъ для перваго же раза встрѣтится лицомъ къ лицу съ однимъ

ОТПЕЧАТОК

изъ самыхъ страшныхъ животныхъ, то для насъ устроили шалашъ на деревѣ. Чтобы привлечь къ этому мѣсту тигра, къ сосѣднему деревцу былъ привязанъ быкъ. На другой день шикарисы нашли только его обглоданный остовъ и поэтому было рѣшено отправиться на охоту въ тотъ же вечеръ.

Въ четыре часа Линчъ, Шаумбургъ, Татіа и я сидѣли уже на нашемъ деревѣ, нетерпѣливо ожидая тигра, устремивъ глаза на трупъ несчастнаго быка, служившаго приманкою. Быстро наступила ночь и въ чащѣ все стемнѣло. Малѣйшій шумъ заставлялъ насъ вздрагивать и мы каждую минуту ожидали увидѣть блестящіе глаза дикаго звѣря. На добычу сбѣжались только нѣсколько шакаловъ, но мы отогнали ихъ. Долго не забуду я этой ночи, проведенной въ лѣсу на деревѣ, дрожа отъ холода. Начинало разсвѣтать и прождавъ, такъ долго понапрасно, мы уже думали возвратиться въ лагерь, когда шикарисъ, сидѣвшій на сосѣднемъ деревѣ, сдѣлалъ намъ знакъ. Нѣсколько минутъ спустя послышался трескъ поломанныхъ сучьевъ и я увидѣлъ ожидаемаго тигра; онъ шелъ медленно, осторожно, какъ будто чуя западню. Едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по лужайкѣ, какъ наши четыре выстрѣла раздались почти одновременно; пораженный тигръ остановился; одна пуля пробила ему заднюю лапу, другая, проникнувъ въ бокъ, причинила ему жестокую рану; послѣ минутнаго колебанія онъ нѣсколькими прыжками скрылся въ чащу. Шикарисы спустились съ деревьевъ и преслѣдовали его; мы сдѣлали тоже, но у меня до того окоченѣли ноги, что я едва могъ двигаться. Большой кровавый слѣдъ указывалъ на путь, по которому прошло животное и вскорѣ загонщики остановили насъ, показывая на густую чащу, куда онъ скрылся на ихъ глазахъ. Въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ выстрѣлъ, и тигръ, выведенный изъ себя этимъ послѣднимъ вызовомъ оставилъ свое убѣжище. Онъ шелъ прямо на насъ, съ открытою пастью, опустивъ уши; не смотря на раны, его страшные прыжки придавали ему что-то величественное даже во время бѣшенства; но мнѣ нѣкогда было долго разсуждать. Когда онъ былъ въ двадцати шагахъ отъ насъ, Татіа выстрѣлилъ, и пуля засѣла ему въ грудь, не остановивъ его; тогда я старательно прицѣлился въ его лобъ и взвелъ курокъ; дѣйствіе выстрѣла было мгновенное; тигръ подпрыгнулъ и упалъ на землю безжизненный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Капитанъ и Шаумбургъ выстрѣлили по немъ еще, чтобы убѣдиться точно ли онъ убитъ, и мы подошли къ нему при повторяемыхъ восклицаніяхъ индѣйцевъ: *баг маркая!* «тигръ убитъ!» Это было великолѣпное животное, лѣтъ семи или восьми, длиною не менѣе девяти футовъ отъ

носа до конца хвоста. Во все время охоты мы убили одного этого тигра, но, возвратившись въ Бароду, привезли съ собою еще шесть великолѣпныхъ барсовъ и довольно много дичи.

Гюлковаръ имѣетъ нѣсколько звѣринцевъ съ великолѣпными дикими звѣрями: между ними находятся львы изъ Каттивара, нѣсколько породъ тигровъ, барсы и медвѣди. Они помѣщаются въ сараѣ и просто привязаны къ столбу длинною цѣпью. Посѣтитель долженъ проходить мимо нихъ весьма осторожно, и хотя цѣпи крѣпкія, но среди этого дикаго общества чувствуешь себя какъ-то неспокойно. У самыхъ дверей привязанъ великолѣпный черный барсъ и кто нибудь изъ сторожей долженъ придержать его за цѣпь, чтобы вы могли войти или выйти; животное рвется, чтобы кинуться на васъ какъ разъяренный пёсъ и поэтому нужно быстро проскользнуть мимо. Въ другомъ зданіи находятся барсы и рыси, выдресированные для охоты; ихъ водятъ каждый день на цѣпи по базарамъ. Индѣйская рысь весьма красивое животное, ростомъ и сложеніемъ походящее на собаку; только голова ея нѣсколько тоньше, глаза кошачьи, а длинныя уши оканчиваются пучкомъ длинныхъ волосъ; шерсть у него свѣтло-бурая на спинѣ и бѣлая на груди. Ее дрессируютъ подобно читѣ, но только для охоты за болѣе мелкими животными, каковы заяцъ и другіе. Въ одномъ павильонѣ звѣринца находятся сокола, коршуны и сарычи, съ которыми охотятся какъ охотились въ Европѣ въ средніе вѣка.

VII.

Королевскія забавы.—Окрестности Бароды.

Прихоти Гюлковара.—Казнь слономъ.—Праздники *Дассара*.—Жилище факировъ.—Валы Дубюга.—*Дивали*.—Отъѣздъ изъ Бароды.

Владѣя обширною и весьма богатою страною, пользующейся восхитительнымъ мѣстоположеніемъ, король Бароды не избѣгнулъ разумѣется нападковъ со стороны англо-индѣйской прессы, которая употребила всѣ возможныя усилія, чтобы побудить императорское правительство низложить Кундерао.

Гюлковару являются безпрестанно самыя разнообразныя прихоти, обходящіяся чрезвычайно дорого: его прельщаетъ всякая новизна. Одинъ день онъ увлекается бриліантами, тогда агенты его бѣгаютъ по магазинамъ, отыскивая самыя рѣдкіе и самые драгоцѣнные камни. Иной разъ его занимаютъ голуби; онъ набираетъ ихъ во дворецъ до 60 тысячъ штукъ самыхъ разнообразныхъ по цвѣту и проводитъ цѣлые утра любуясь на нихъ; или придумаетъ сочинить свадьбу этихъ птицъ и такая забава устраивается съ несказанною роскошью. Я присутствовалъ при подобной церемоніи и надобно сознаться, что она была интереснѣе всего видѣннаго мною при дворѣ.

Два голубя, украшенные ожерельями были вынесены пажами на роскошно убранную дворцовую террасу. Король и придворные въ праздничной одеждѣ окружали браминовъ, пѣвшихъ обычные гимны. Значительная сумма денегъ, назначенная птицамъ въ приданое, была вѣроятно присвоена жрецами, подавшими мысль устроить эту церемонію. Праздникъ закончился танцами и большимъ обѣдомъ, сопровождавшимся иллюминаціей. Однако развязка его вышла совершенно непредвидѣнная,

такъ какъ большая кошка, разгуливавшая по дворцу, воспользовалась суматохой, чтобы утащить несчастнаго молодаго, оставившаго по себѣ неутѣшную вдову.

Послѣ этой фантазіи явилось пристрастіе къ *бульбулямъ*. Такъ называются прелестные индѣйскіе соловьи; они отличаются очень красивыми пестрыми перышками, а часть ихъ хвоста бываетъ ярко краснаго цвѣта; на головѣ у этихъ птичекъ находится подвижной хохолокъ, что придаетъ имъ нѣсколько кокетливый и дерзкій видъ. Болѣе пятисотъ бульбулей было привезено во дворецъ и заботы о нихъ и обученіе ихъ цѣлый мѣсяцъ занимали Гюлковара и его придворныхъ. По прошествіи этого времени было устроено сраженіе, во время котораго эти граціозныя птички дрались съ остервѣненіемъ и многія изъ нихъ были убиты.

Нѣсколько времени спустя, Гюлковару вздумалось окружить себя всѣми святыми людьми, какихъ только можно было собрать. Монахи въ этой странѣ не рѣдкость, такъ что въ короткое время онъ собралъ цѣлую коллекцію индусскихъ *гуссаиновъ* и мусульманскихъ *факировъ*. Онъ содержалъ ихъ по царски, одѣвалъ въ дорогія ткани и оказывалъ имъ величайшее уваженіе.

Одинъ изъ этихъ святыхъ людей имѣлъ удивительную способность доводить себя до такого созерцанія, что онъ какъ будто дѣлался безчувственнымъ ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Глаза его становились неподвижны, онъ не шевелился ни однимъ членомъ и выстрѣлъ, сдѣланный надъ самымъ его ухомъ, не производилъ на него никакого, впечатлѣнія. Король подобралъ этого святаго на навозной кучѣ въ одномъ изъ предмѣстьевъ города и окружилъ его попеченіемъ и величайшей роскошью.

Одинъ *саіедъ* (мусульманинъ изъ семейства пророка) принадлежавшій къ святому полчищу, охладилъ нѣсколько увлеченіе Гюлковара; онъ похитилъ дочь богатаго золотыхъ дѣлъ мастера и скрылся съ нею въ Ахмедабадѣ, во владѣніи англичанъ. По требованію короля городскія власти выдали виновныхъ, которые и были приведены ко дворцу. Я никогда не видалъ болѣе печальнаго зрѣлища: молодая дѣвушка стояла съ окаменѣлымъ лицомъ, выслушивая насмѣшки толпы; у ногъ ея въ страшныхъ конвульсіяхъ лежалъ ея обольститель, принявшій яду, чтобы избѣжать королевскаго мщенія. Всѣ холодно смотрѣли на это тяжелое зрѣлище.

Около этого времени королевской казнѣ грозило полнѣйшее истощеніе вслѣдствіе огромныхъ издержекъ, вызванныхъ покупкою «Южной Звѣзды» и другихъ брилліантовъ, стоившихъ болѣе шести милліоновъ.

ОТПЕЧАТОРАН

Король старался найти средство наполнить свои сундуки, не облагая народъ новыми налогами, и хитрость, придуманная имъ, оказалась столь-же дѣйствительною какъ и остроумною. Въ индѣйскихъ провинціяхъ лихоимство до того распространено въ чиновничьемъ мірѣ, что оно признается почти всѣми открыто; многія доходныя мѣста сами по себѣ были бы весьма незначительны и чиновники живутъ только воровствомъ. Гюлковару пришло на умъ, что громадныя суммы, полученныя такимъ образомъ его чиновниками, могли считаться какъ бы украденными изъ королевской казны. Поэтому онъ велѣлъ роздать своимъ *каркунамъ* слѣдующую прокламацію, Его Величество съ прискорбіемъ замѣчаетъ лихоимство, вкравшееся въ его управленіе, но онъ надѣется что подобное положеніе дѣла скоро измѣнится. Онъ совѣтуетъ чиновникамъ, вдавшимся въ подобное лихоимство, внести въ королевскую казну деньги, полученныя ими такимъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе. Считая внесеніе этихъ денегъ за публичное покаяніе. Его Величество забудетъ прошлое; но если кто либо изъ каркунъ не позаботится внести пеню, то онъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ строгому наказанію». Этотъ приказъ былъ громовымъ ударомъ для всѣхъ управленій; всѣ громко жаловались и даже газеты попытались взять сторону каркуновъ.

Но все же пришлось покориться, и черезъ двѣ недѣли въ королевскую казну было внесено болѣе 27 *лакъ* рупій *саисъ*, или около семи милліоновъ франковъ. Кундерао, смѣясь, разсказывалъ мнѣ эту штуку.

Кромѣ Гузурата, Гюлковаръ владѣетъ почти всѣмъ обширнымъ полуостровомъ Каттиваръ, заключающимся между заливомъ Камбей и Кутаукскимъ Руннъ. Часть этихъ земель занята не особенно цивилизованнымъ племенемъ ваггуровъ, которое вѣчно враждуетъ съ правителями, присланными изъ Бароды. Одинъ ваггурскій набобъ рѣшилъ освободить страну отъ ига, убивъ Гюлковара. Король узналъ о существованіи заговора, и вагуръ, бывшій въ то время во дворцѣ, бросился съ терассы, но по какому то особенному счастію не расшибся и вскочилъ на лошадь, ожидавшую его у дверей; Гюлковаръ закричалъ часовымъ, чтобы они убили его, и тѣ покончили вагура саблями. Заговорщики хотѣли также освободить изъ государственной тюрьмы четырехъ вагурскихъ начальниковъ, заключенныхъ тамъ уже много лѣтъ; они бѣжали, но королевскіе конные воины поймали ихъ вмѣстѣ съ городскимъ слесаремъ, открывшимъ имъ двери. Судъ былъ коротокъ; начальники обезглавлены передъ одними изъ городскихъ воротъ, а несчастнаго слесаря присудили быть казненнымъ «слономъ».

Это самая тяжкая изъ всѣхъ пытокъ, придуманныхъ человѣкомъ.

Связавъ осужденному руки и ноги, къ его поясу привязываютъ длинную веревку, прикрѣпленную къ заднимъ ногамъ слона, который искаютъ рысью по улицамъ; каждый его шагъ сообщаетъ веревкѣ сильное сотрясеніе, отъ чего тѣло казнимаго подпрыгиваетъ по мостовой. Единственная надежда, остающаяся несчастному—это быть убитымъ однимъ изъ этихъ ударовъ; если же это не случилось, то, когда слонъ обѣжитъ весь городъ, несчастнаго отвязываютъ и чтобы еще усилить истязаніе ему подаютъ стаканъ воды. Затѣмъ голову его кладутъ на тумбу и слонъ—палачъ раздробляетъ ее своею огромною ногою.

При дворѣ соблюдается очень строгій этикетъ; только нѣкоторые оригинальные обычаи отличаются отъ нравовъ соблюдаемыхъ у насъ. Такъ напримѣръ, въ присутствіи короля строго запрещено чихать, и человѣкъ, нарушившій этотъ обычай, подвергается строгому наказанію, такъ какъ его поступокъ вынуждаетъ короля отложить всѣ дѣла до другаго дня. За то нѣкоторыя другія естественныя потребности, недопускаемыя въ нашемъ обществѣ, считаются здѣсь позволительными; если это сдѣлаетъ король, то придворные привѣтствуютъ его, подобно нашему: «Будьте здоровы»! Весьма вѣжливымъ считается также щолкнуть пальцами въ то время, когда король зѣваетъ, чтобы удалить всѣхъ насѣкомыхъ, которые могли бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы проникнуть въ августѣйшій ротъ.

Праздники *Дассара* начались 7-го октября и мы пріѣхали во время, чтобы присутствовать при самыхъ интересныхъ церемоніяхъ. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ индусскихъ праздниковъ; онъ продолжается десять дней и ознаменовываетъ окончаніе дождливаго времени и начало военныхъ дѣйствій; магараты всегда избирали это время года, чтобы нападать на сосѣднія земли или продолжать начатую войну.

Первые девять дней, называемые индѣйцами *Норатри* или девять посидѣлокъ, назначены для освященія оружія и лошадей.

Тщательно вычищенныя сабли, ружья и щиты раскладываются на жертвенникъ и брамины благословляютъ ихъ; по улицамъ водятъ лошадей, убранныхъ цвѣтами и окрашенныхъ яркими красками. Ясно съ какою предусмотрительностью это освященіе было установлено въ странѣ, гдѣ чрезмѣрная сырость муссона дѣлаетъ невозможнымъ употребленіе оружія и причиняетъ опасныя болѣзни лошадямъ. Ночь проводятъ во всевозможныхъ увеселеніяхъ и городскія баядерки собираются на танцы во дворецъ и въ жилища дворянъ.

Согласно преданію, этотъ обычай соблюдается вслѣдствіе древняго обѣщанія Вишну, которое обязаны соблюдать всѣ раджи. «Этотъ богъ,

по словамъ легенды, сошелъ однажды на землю подъ видомъ прекраснаго юноши. Это было ночью и поэтому, находясь близъ одной деревни, онъ искалъ въ ней пріюта и постучался къ брамину, въ увѣренности, что тотъ хорошо приметъ бѣднаго путешественника; но браминъ грубо отказалъ ему; тогда богъ обратился съ этой просьбой къ другимъ, но вездѣ получалъ отказъ, а иногда выслушивалъ и ругательства. Опечаленный людской грубостью, онъ выходилъ изъ деревни, собираясь оставить землю безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ уничтожить ее, какъ вдругъ изъ за деревьевъ мелькнулъ свѣтъ,—исходившій изъ бѣдной соломенной хижины, откуда доносилось мелодичное пѣніе. Желая попытать еще разъ счастія, онъ молилъ обитателя хижины о помощи. На порогѣ появилась молодая баядерка, ввела путешественника въ хижину, усадила его у очага и стала готовить ему поѣсть; когда юноша насытился, она спѣла ему и наконецъ уложила его спать. Гостепріимство бѣдной дѣвушки спасло міръ отъ погибели и, уходя отъ нея утромъ, богъ обѣщалъ, что съ этого дня она будетъ уважаема всѣми и что его потомки будутъ ея покровителями.

Раджи, ведущіе свое происхожденіе отъ Рамы, воплощенія Вишну, считаютъ себя обязанными исполнять обѣщаніе своего предка.

Десятый день или Дассара ознаменовывается большою процессіей въ память побѣды, одержанной Рамой надъ цейлонскимъ королемъ Раваной. Кундерао Гюлковаръ не преминулъ выставить по этому случаю всѣ свои сокровища и чтобы придать совари еще болѣе блеска онъ пригласилъ учавствовать въ немъ войска изъ англійскаго лагеря. Процессія вступила на большую площадь, гдѣ былъ приготовленъ жертвенникъ. Тутъ Гюлковаръ сошелъ съ лошади и объявилъ своему войску, что и на этотъ годъ Богъ избавитъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій войны. Въ это время королю подвели великолѣпнаго буйвола, которому онъ однимъ ударомъ меча отсѣкъ голову; это такой подвигъ, который могутъ вполнѣ оцѣнить только люди, видѣвшіе буйвола. Въ ту же минуту раздался пушечный выстрѣлъ и народъ кинулся на жертву, разорвавъ ее на части, которыя сохраняются какъ талисманъ. Убіеніе буйвола совершается въ память богини Дурги, которая убила въ этотъ день демона-буйвола, Магес-газура.

Въ одну изъ прогулокъ, совершаемыхъ мною каждое утро въ окрестностяхъ резиденціи, я наткнулся нечаянно на великолѣпный и повидимому весьма древній мусульманскій мавзолей. Онъ построенъ весь изъ матеріаловъ одного древняго храма джаиновъ и отличается тѣмъ изяществомъ, какое династія Ахмедовъ умѣла придавать сооруженнымъ ею

памятникамъ, соединивъ вмѣстѣ мусульманскій и индусскій стили. Центральный куполъ, прикрывающій могилу, окруженъ девятью меньшими, которые возвышаются надъ галлереями и портиками. Колонны отличаются простотою, и зала, въ которой находится надгробный камень, образована каменными перегородками, высѣченными ажурно на подобіе тонкой рѣшетки. Вокругъ мавзолея стоятъ полуобломанныя колонны и развалины храма; большія деревья распространяютъ тутъ очаровательную прохладу и берберскія фиговыя деревья, кактусы и молочайники окружаютъ древніе камни. Я полюбилъ это мѣстечко и приходилъ сюда каждое утро передъ солнечнымъ восходомъ; въ этихъ деревьяхъ гнѣздятся тысячи попугаевъ, и мнѣ доставляло удовольствіе видѣть, какъ они рѣзвились или быстрѣе стрѣлы улетали при малѣйшемъ шорохѣ.

Старый сѣдовласый мусульманинъ разсказалъ мнѣ исторію этой гробницы. Въ ней покоится прахъ извѣстнаго святаго Аллумъ-Сайеда, жившаго въ царствованіе Махмуда, Гузуратскаго шаха, около 1459 г. Народъ называетъ это мѣсто Гора-Ра-пиръ или Лошадиная могила, такъ какъ, согласно преданію, тутъ же была похоронена кобыла святаго подъ деревомъ, вѣтви котораго увѣшаны небольшими изображеніями лошадей;—это благочестивыя приношенія индусовъ.

Другое весьма интересное мѣстечко, которое я часто посѣщалъ по близостиотъ Мутибауга—эта такъ называемая *Факиръ-Кана* или пріютъ для бѣдныхъ. Всѣ бѣдные, являющіеся сюда въ извѣстное время дня, получаютъ отъ короля даровой обѣдъ. Брамины и бѣдные люди высшихъ кастъ, которые не могутъ ѣсть кушанья, приготовленнаго другими, получаютъ рисъ и дрова для варки его; мусульманамъ и людямъ, не подлежащимъ подобнымъ запрещеніямъ, раздаютъ готовое кушанье, которое они могутъ ѣсть тутъ-же. Какъ у всѣхъ индѣйцевъ благотворительность распространена здѣсь и на животныхъ; по повелѣнію Гюлковара нѣсколько слугъ ходятъ ежедневно по улицамъ, раздавая сѣно священнымъ быкамъ, хлѣбъ уличнымъ собакамъ и зерна попугаямъ и прочимъ птицамъ.

19 октября я поѣхалъ осмотрѣть знаменитый Дубхогъ, лежащій приблизительно въ 27 километрахъ къ юго-востоку отъ Бароды. Это весьма древній городъ, въ которомъ находится до сихъ поръ нѣсколько превосходныхъ памятниковъ Гузурата. Стѣны его, длиною около трехъ километровъ, стоятъ до сихъ поръ и принадлежатъ къ числу великолѣпнѣйшихъ въ Индіи. Онѣ построены изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, плотно связанныхъ и возвышающихся болѣе чѣмъ на пятнадцать мет-

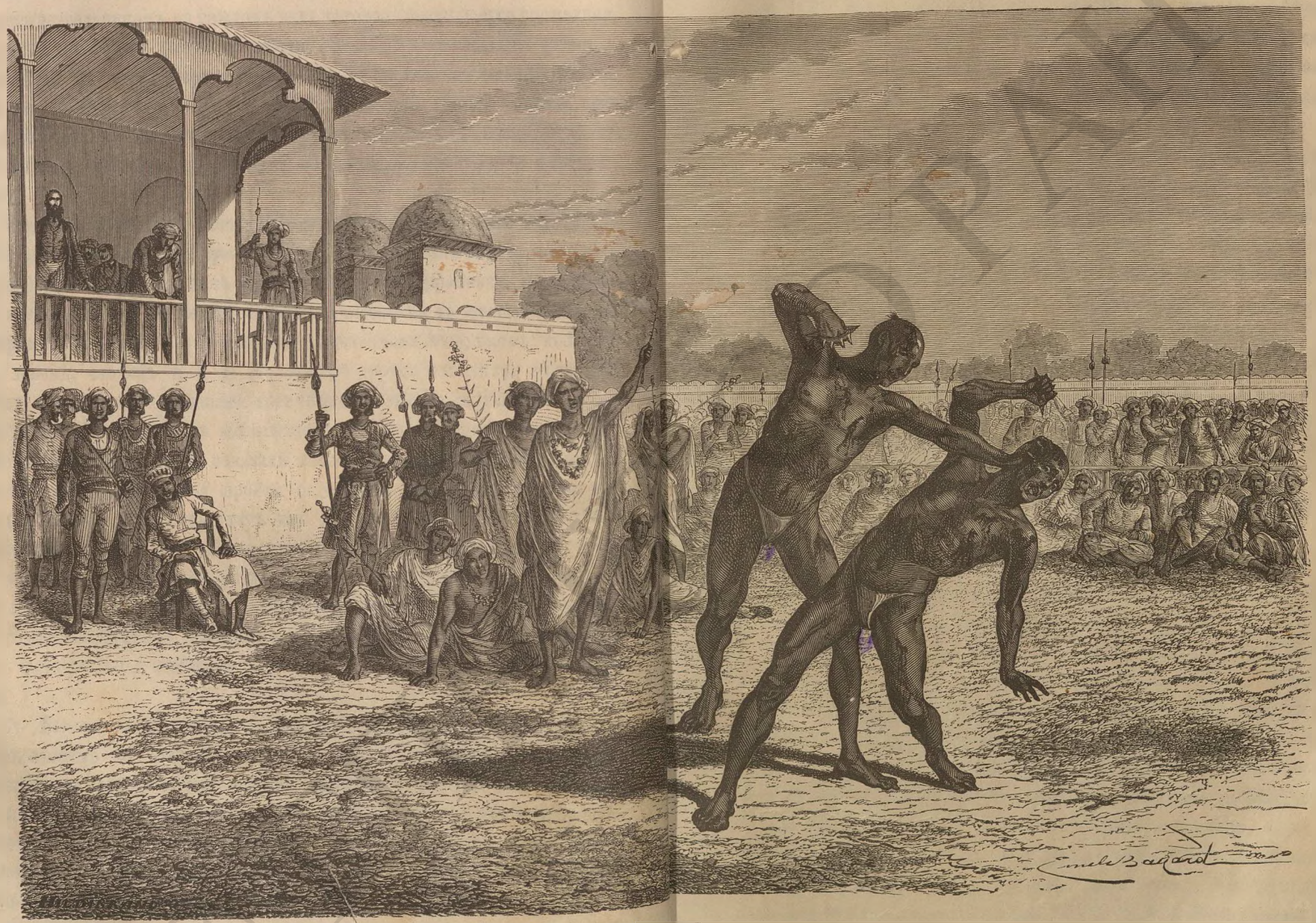
ровъ; съ внутренней стороны онѣ окружены галлереями съ колоннами служившими нѣкогда помѣщеніемъ для гарнизона. Укрѣпленія расположены четыреугольникомъ, на каждомъ углу котораго возвышается громадная, но съ виду изящная, башня множество бастіоновъ защищаютъ стѣны, а на каждой сторонѣ четыреугольника находятся монументальныя ворота. Всѣ эти постройки украшены широкими полосами лѣпной работы, огибающими весь городъ, изображающими самыя оживленныя сцены; отдѣлка ихъ до того сложная, что объ нихъ невозможно дать понятія карандашемъ.

Самая великолѣпная часть этого сооруженія—восточные ворота, наназываемые индѣйцами *Гира Дарваза* или Алмазныя ворота, стоившія по преданію болѣе ста лакъ или 25 милліоновъ франковъ. Это огромное зданіе длиною болѣе ста метровъ и вышиною въ шестьдесятъ; оно совершенно покрыто барельефами, изображающими всадниковъ, колесницы, львовъ, слоновъ и т. д. Въ центрѣ города находится обширный прудъ, окруженный большими лѣстницами, которыя спускаются до самой воды; недалеко оттуда возвышается нѣсколько великолѣпныхъ индѣйскихъ храмовъ. Мнѣ показали также узкую разщелину въ скалѣ, черезъ которую стараются пройти богомольцы, воображая что они такимъ образомъ снова выходятъ изъ нѣдръ земли и очищаются отъ всѣхъ грѣховъ. Любуясь великолѣпными произведеніями Дубхога, я сожалѣлъ, что не могъ воспроизвести ихъ фотографически и понялъ что безъ этого искусства мнѣ немыслимо съ пользою продолжать мои изслѣдованія. Поэтому, возвратясь въ Бароду, я принялся серьезно изучать фотографію и выписалъ для этого всѣ нужные приборы изъ Бомбэя.

Съ *Дивали* наступилъ рядъ празднествъ, превосходившихъ иногда великолѣпіемъ все видѣнное мною до тѣхъ поръ. Дивали или праздникъ лампъ славится повсемѣстно иллюминаціями въ честь Лакми богини плодородія. На жертвенникъ кладутъ золотую или серебряную монету и всѣ воздаютъ ей поклоненіе; впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ деньги на свѣтѣ пользуются общимъ почетомъ и помимо жертвенника.

Во время Дивали чинятъ и красятъ всѣ дома, а также сводятъ всѣ счеты. Праздникъ продолжается четыре дня; первый день, называемый *Данъ*, посвященъ богатству (фортунѣ) и въ каждомъ домѣ горитъ свѣча въ честь Ямы, индусскаго плутона. Второй день—*Наракъ* или Адъ въ этотъ день принято дѣлать подарки хозяйкѣ дома. Третій, собственно *Дивали*, также посвященъ Сарасвати, богини мудрости: это первый

ОПИТ СО РАН



Единоборство. Бародъ.

день индѣйскаго года; женщины метутъ полъ, складывая всю пыль въ корзину, ставятъ въ средину ея зажженную лампу и выбрасываютъ все это на улицу, восклицая: «Да исчезнетъ съ вами горе и бѣдность и наступитъ царство Бали (т. е. вѣкъ благоденствія)»! Послѣдній день называется *Яма Девита*; въ память посѣщенія богомъ Яма своей сестры, всѣ индусы идутъ въ этотъ день въ гинекеи къ своимъ сестрамъ и дѣлаютъ имъ подарки.

Въ первыхъ числахъ ноября Гюлковаръ объявилъ мнѣ, что королева, жена его, желая выѣхать на дачу, просила его узнать, не уступлю ли я ей часть нашего дворца въ Мутибаугѣ. Эта просьба чрезвычайно удивила меня, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что у индусовъ не принято говорить о своихъ женахъ, я думалъ что правила ценанахи слишкомъ строги, чтобы допустить подобную вещь, и полагалъ сначала, что это была какая нибудь ловушка; тѣмъ не менѣе я велѣлъ отдать въ распоряженіе королевы цѣлый рядъ комнатъ смежныхъ съ нашими. Въ тотъ же вечеръ ихъ наполнила шумливая толпа молодыхъ невольницъ и сама *рани* пріѣхала въ ночь. Съ этого дня наше прелестное жилище утратило свою монотонность; садъ оживился толпою граціозныхъ молодыхъ дѣвушекъ, взадъ и впередъ расхаживали евнухи и всѣ они съ любопытствомъ слѣдили за малѣйшимъ нашимъ движеніемъ. Однако эта маленькая инквизиція дала мнѣ возможность видѣть многое, чего бы иначе я никакъ не могъ узнать. Я имѣлъ случай видѣть придворныхъ дамъ и даже самую королеву. Но такъ какъ король надѣялся на мою скромность, то я долженъ до конца оправдать это довѣріе.

Настало 15 ноября; нужно было собираться въ путь. Я напомнилъ Гюлковару его обѣщаніе, но онъ объявилъ мнѣ, что недастъ мнѣ своего согласія на отъѣздъ и что я не добьюсь этого отъ него. Вслѣдствіе разныхъ потѣхъ, созданныхъ королемъ, и которыя я могъ приписать только расположенію его ко мнѣ, весь ноябрь прошелъ въ сборахъ. Наконецъ 2 декабря я отослалъ главный багажъ мой въ Ахмедабадъ.

На слѣдующій день я пошелъ проститься съ королемъ и засталъ его по обыкновенію на дворцовой террасѣ, окруженнаго придворными. Онъ былъ повидимому тронутъ не менѣе меня: въ эту минуту я почувствовалъ на сколько этотъ человѣкъ сдѣлался для меня дорогъ; мы долго разговаривали. «Вспомните ли вы о Гюлковарѣ, говорилъ онъ, вернувшись въ тотъ обширный городъ, о которомъ вы такъ часто разсказывали мнѣ и гдѣ вѣроятно все забывается? Разскажите ли вы своимъ соотечественникамъ, какъ я васъ принялъ и не отзоветесь ли вы обо мнѣ слишкомъ строго? Вспомните когда нибудь о Кундерао и его дво-

© ГПНТБ СОРАН

рѣ, которые надѣялись, что вы останетесь у нихъ и искренно сожалѣютъ о вашемъ отъѣздѣ». Затѣмъ явились слуги съ *королевскимъ подаркомъ*, который король просилъ меня принять отъ него на память. Это былъ одинъ изъ тѣхъ *киллутовъ* или почетныхъ подарковъ, какія подносятся только самымъ знатнымъ лицамъ. Мой товарищъ также не былъ забытъ. Наконецъ я пожалъ послѣдній разъ руку Кундерао; придворные провожали меня до экипажа. Другъ мой Бао Сагибъ простился со мною въ Мутибаугѣ и, разставаясь, мы крѣпко обнялись. Я не успѣлъ еще выѣхать изъ Бароды, какъ сердце мое уже сжалось при мысли, что я никогда не увижу болѣе этихъ мѣстъ, гдѣ провелъ столько счастливыхъ дней, не увижу также и добрыхъ друзей, которые обошлись со мною такъ любезно.

VIII.

Гузуратъ.

Окрестности Бароды. — Типъ города изъ гузуратской провинціи. — Ахмедабадъ, его стѣны, дворцы, мечети и гробницы. — Раджпутскіе всадники и принцъ Мути-Сингъ. — Мечеть Сиркхей, древнее чудо Индіи. — Гробница Шахъ Аллума.

По выходѣ изъ Бароды желѣзная дорога пересѣкаетъ плодоносныя равнины, орошаемыя множествомъ рѣкъ. Почва покрыта рытвинами и чрезвычайно неровная, не смотря на то, что верхній уровень ея совершенно горизонтальный. На краю этихъ овраговъ стоятъ города и деревни и дома ихъ раскинулись живописно среди рощицъ манговыхъ деревьевъ и тамариндъ. Путь, по которому проходитъ желѣзная дорога, устроенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что дорога проходитъ по громадному мосту, соединяющему Вассудъ съ Бародой. Первый городъ на половину скрытъ въ оврагахъ въ небольшомъ разстояніи отъ Мги (Mhye)—величественной рѣки, черезъ которую перекинутъ мостъ на желѣзныхъ столбахъ, длиною въ шесть сотъ и вышиною болѣе сорока метровъ.

Нѣсколько далѣе находится укрѣпленное селеніе Неріадъ, выглядывающее весьма кокетливо со своими зубчатыми стѣнами и башеньками надъ воротами, полускрытыми деревьями; возлѣ станціи находится великолѣпный прудъ, окруженный лѣстницею, а надъ нимъ возвышаются высокія, палуразвалившіяся теперь террасы, усѣянныя кіосками и храмами.

Мы вышли на слѣдующей станціи съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть Каиру—довольно значительный городъ съ нѣсколькими достопримѣчательностями.

© ГПНТБ СО РАН

Старинный деревянный мостъ ведетъ въ индусскую часть города, стоящую при сліяніи рѣкъ Сери и Ватрукъ. Городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ кирпичными стѣнами, съ круглыми башнями. Это самый вѣрный типъ провинціальнаго города въ Гузуратѣ; узкія, извилистыя улицы содержатся чисто и опрятно; кирпичные дома украшены весьма оригинальной рѣзной работой. Въ центрѣ города стоитъ большой храмъ джаиновъ, гдѣ находятся деревянныя статуи изящной работы и идолы съ механизмомъ, приводящимъ въ движеніе руки и ноги, и открывающимъ ротъ и глаза какъ въ нашихъ игрушкахъ. Почтенный священнослужитель, показывавшій намъ храмъ, не преминулъ обратить вниманіе путешественника на это искусное приспособленіе туземнаго Вокансона и за нѣсколько рупій привелъ въ движеніе весь этотъ ничтожный Олимпъ. Къ пещерѣ, подъ этимъ святилищемъ стоятъ идолы джаиновъ, которыхъ народъ не можетъ видѣть, но, благодаря его замѣчательной вѣротерпимости, ихъ часто показываютъ посѣтителямъ. Это три громадныя статуи изъ бѣлаго мрамора, изображающія трехъ *тиртокарсовъ* [1]) въ ихъ обычной позѣ, т. е. со сложенными руками и ногами. Черты лица ихъ, какъ у всѣхъ подобныхъ статуй, имѣютъ египетскій характеръ, а серебряные глаза сверкаютъ волшебнымъ блескомъ. Такъ какъ эти идолы отличаются отъ буддистскихъ своею наготою, то артистъ постарался выказать ее какъ можно рѣзче, что придаетъ этимъ статуямъ нѣсколько непристойный видъ.

На слѣдующій день, 5 декабря, мы прибыли въ Ахмедабадъ, древнюю столицу султановъ и одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Востока. Превосходный бенгалоу далъ намъ возможность устроиться здѣсь камфортабельно съ тѣмъ, чтобы подробно осмотрѣть всѣ памятники, прославившіе этотъ городъ въ цѣлой Азіи. Тотчасъ по въѣздѣ въ него, вы видите со всѣхъ сторонъ высокіе минареты, изящные купола и высокіе, стрѣльчатые своды.

Ахмедабадъ основанъ въ 1426 г., султаномъ Ахмедъ-Шахомъ, на мѣстѣ древняго индусскаго города. Владѣтель этотъ воспользовался по всей вѣроятности матеріалами изъ развалинъ столицъ Раджпутера Шандравати и Ангильвара Патанъ, которыя онъ разорилъ съ тѣмъ, чтобы выстроить себѣ мечети и дворцы. Пріемники его выказали такую же любовь къ искусствамъ, и, будучи индусскаго происхожденія, сохранили въ храмахъ своей новой религіи архитектурный стиль свойственный странѣ; этотъ чистый и оригинальный стиль весьма отличенъ отъ саррацинскаго, проникнувшаго въ Индустанъ вмѣстѣ съ Моголами.

[1]) Обоготворенные философы джаиновъ.

Около 1570 г. городъ подпалъ подъ владычество могольскихъ императоровъ и сдѣлался столицею одного изъ ихъ роскошныхъ вице-королевствъ; красавица Нуръ-Джеганъ, жена падишаха Джегангира, жила тутъ долгое время со своимъ дворомъ и положила основаніе знаменитому монетному двору. Въ 1737 г. Дамаджи Гюлковаръ, пользуясь неспособностью представителей имперіи присоединилъ Ахмедабадъ и его богатый округъ къ королевству Барода; одинъ изъ его пріемниковъ былъ вынужденъ въ 1818 г. уступить его англичанамъ, которые владѣютъ имъ донынѣ.

Городъ окруженъ великолѣпными стѣнами, окружностью болѣе семи километровъ; башни и бастіоны довершаютъ эту систему укрѣпленій, которыя приписываютъ султану Махмудъ Бегару (1485). Восемнадцать монументальныхъ дверей ведутъ въ городъ, занятый нѣкогда многочисленнымъ населеніемъ; теперь же обширные сады, и необработанные пустыри отдѣляютъ городъ отъ этихъ стѣнъ, и въ кварталахъ его насчитаютъ не болѣе 150 тысячъ жителей.

Хотя городъ и пришелъ въ упадокъ, но все же онъ имѣетъ веселый и оживленный видъ; во всѣ стороны расходятся великолѣпныя аллеи, и небольшія выбѣленныя хижины бѣдняковъ тѣснятся вокругъ великолѣпныхъ остатковъ древности, смягчая нѣсколько ихъ холодный, величавый видъ. Великолѣпная широкая улица Маникъ-Шокъ образуетъ промышленный кварталъ города и соединяетъ въ одной точкѣ всѣ достопримѣчательности Ахмедабада. Тутъ бываютъ базары, а близость пустыни привлекаетъ туда тѣ прелестные типы кочевниковъ Раджпута, Катиса и Баттиса, которые придаютъ рынку своеобразный живописный отпечатокъ: верблюды и слоны медленно двигаются среди этой пестрой и шумливой толпы, которую англійскіе сипаи держатъ въ повиновеніи Эта улица начинается у большихъ воротъ Маникъ Бургъ, служащихъ резиденціею вице-королей и которыя своими огромными башнями напоминаютъ европейскія бастиліи; англичане превратили ихъ въ исправительный домъ, гдѣ нѣсколько тысячъ каторжниковъ заняты выдѣлкою ковровъ, грубыхъ тканей и бумаги. Въ этотъ дворецъ ведутъ великолѣпныя саррацинскія ворота, сводъ которыхъ прикрываетъ гауптвахту. Теперешнее убранство даетъ слабое понятіе о великолѣпіи этого королевскаго жилища, и обширные покои три раза были выбѣлены англичанами, такъ что невозможно открыть ни одного сколько нибудь интереснаго воспоминанія. Тутъ показываютъ тронъ знаменитаго индусскаго вѣроотступника Жака, основателя императорской династіи Ахмедабадовъ.

Бадръ или цитадель соединена съ замкомъ длиннымъ рядомъ строеній, служившихъ помѣщеніемъ значительному гарнизону султановъ. Нѣкоторый интересъ представляютъ только обширные дворы, засаженные нѣкогда красивыми садами, но обезображенные теперь неуклюжими англійскими бенгалоу; осталось теперь нѣсколько арокъ и одинъ обширный бастіонъ. Посѣтителю также показываютъ древнюю мишень, находящуюся надъ одною изъ дверей и до сихъ поръ покрытую знаками; это цѣль, въ которую какой нибудь опытный стрѣлокъ старался попасть всякій разъ, когда султанъ отправлялся въ путешествіе или въ походъ; если стрѣла не попадала въ цѣль, то предпріятіе откладывалось, по крайней мѣрѣ до слѣдующаго дня.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка улица Маникъ Шокъ перерѣзана великолѣпной тріумфальной аркой, которая по ея тремъ сарацинскимъ аркамъ получила названіе: Тіу-Дурвазе или трое воротъ: это одинъ изъ наиболѣе изящныхъ памятниковъ шестнадцатаго вѣка. По другую сторону тріумфальной арки находится Джумахъ-Мусджидъ— соборная мечеть и слава Ахмедабада. Надъ входной дверью написано что султанъ Мехмудъ Шахъ Бегарахъ, завоеватель городовъ, построилъ ее изъ развалинъ храмовъ невѣрныхъ, въ 827 году геджри. Главное зданіе находится въ концѣ обширнаго вымощеннаго двора, окруженнаго монастырскими галлереями съ колонадой. Въ фасадѣ пробиты три стрѣльчатыя высокія двери, сквозь которыя проглядываютъ многочисленныя колонны, поддерживающія сводъ большой залы. По обѣимъ сторонамъ средней двери возвышаются два минарета чрезвычайно роскошной отдѣлки, но верхушки ихъ были разрушены землетрясеніемъ 1818 года. При входѣ въ молельню васъ поражаетъ видъ этихъ длинныхъ колонадъ, изваянныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ; купола, образованные изъ разныхъ, концентрическихъ рядовъ поддерживаются надъ сводомъ небольшими колонками, которыя пропускаютъ въ храмъ цѣлый потокъ свѣта. Полное отсутствіе статуй, множество колоннъ и роскошная ихъ отдѣлка придаютъ этому индусскому храму, превращенному въ мечеть, чрезвычайно оригинальный видъ. Посреди залы, напротивъ Меккской ниши находится огромная плита, которая, по словамъ преданія, прикрываетъ древній идолъ джаиновъ, бывшій въ храмѣ; всякій правовѣрный, входя въ святилище, ударяетъ ногою по этой плитѣ въ знакъ презрѣнія къ идолопоклонническому символу, который она прикрываетъ. Возлѣ мечети находится императорская соборная церковь, гдѣ подъ роскошными мраморными балдахинами покоятся остатки императоровъ Ахмеда, Магомеда и Кутубъ Удина; кругомъ нихъ лежатъ

ихъ жены и потомки. Всѣ эти гробницы отличаются изящными формами и покрыты рѣзьбой, а иногда и мозаикою.

Въ Ахмедабадѣ находится до сихъ поръ болѣе пятидесяти мечетей и множество мавзолеевъ, достойныхъ спеціальнаго изученія. Городъ этотъ, безъ сомнѣнія, самый богатый въ Индіи подобнаго рода памятниками. Эти мечети окружены по большей части обыкновенными и фруктовыми садами и стоятъ постоянно на высокихъ каменныхъ террасахъ, господствующихъ надъ окрестными домами. Благодаря подобному расположенію, прелестные стрѣльчатые своды, купола и минареты отдѣляются какъ нельзя болѣе выгодно на голубомъ фонѣ индѣйскаго неба.

Тутъ же вы видите мавзолей, весьма замѣчательный по простотѣ и изяществу архитектуры и называемый *Рани-Ра-Роцахъ* или могила королевъ; онъ окруженъ верандою съ колоннами, а внутри украшенъ богатыми изваяніями.

Дома богатыхъ жителей выстроены изъ кирпича и дерева, и всѣ отличаются тѣмъ оригинальнымъ характеромъ, какой придаютъ зданіямъ Гузурата множество балконовъ и рѣзныхъ колонокъ. Достойно замѣчанія, что дома Ахмедабада никогда не бываютъ окрашены, и по этой причинѣ кирпичъ и дерево принимаютъ со временемъ тѣ богатые оттѣнки, которыя такъ цѣнятся художниками.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, я совершилъ утреннюю прогулку верхомъ, вдыхая полной грудью свѣжій, ароматичный воздухъ, какъ вдругъ замѣтилъ облако пыли, несшееся прямо на меня. Едва успѣлъ я посторониться, какъ мимо меня промчались пять или шесть колясокъ съ оригинальной упряжью; въ нихъ сидѣло нѣсколько туземцевъ и, судя по ихъ золотымъ чалмамъ, это были все люди вліятельные. За этими экипажами слѣдовала цѣлая орда всадниковъ, типомъ напоминавшіе казаковъ, съ длинной бородой, съ копьемъ въ рукѣ; они мигомъ пронеслись на своихъ огромныхъ лошадяхъ, покрытыхъ роскошной сбруей. Я машинально поклонился, и одинъ изъ путешественниковъ отвѣчалъ на мой поклонъ. Меня чрезвычайно заинтересовало присутствіе этихъ чужеземныхъ гостей въ добромъ англійскомъ городѣ и я поспѣшилъ вернуться въ бунгалоу. Дворъ его былъ наполненъ таинственными всадниками, которые безъ церемоніи превратили его въ бивуакъ; огни пылали со всѣхъ сторонъ, лошади были выстроены въ одну линію, и парадные экипажи стояли въ углу, еще всѣ покрытыя пылью. Вся эта суматоха была вызвана пріѣздомъ князя Мути-Синга, сына Марварскаго раджи. Всадники, составлявшіе его свиту, были рад-

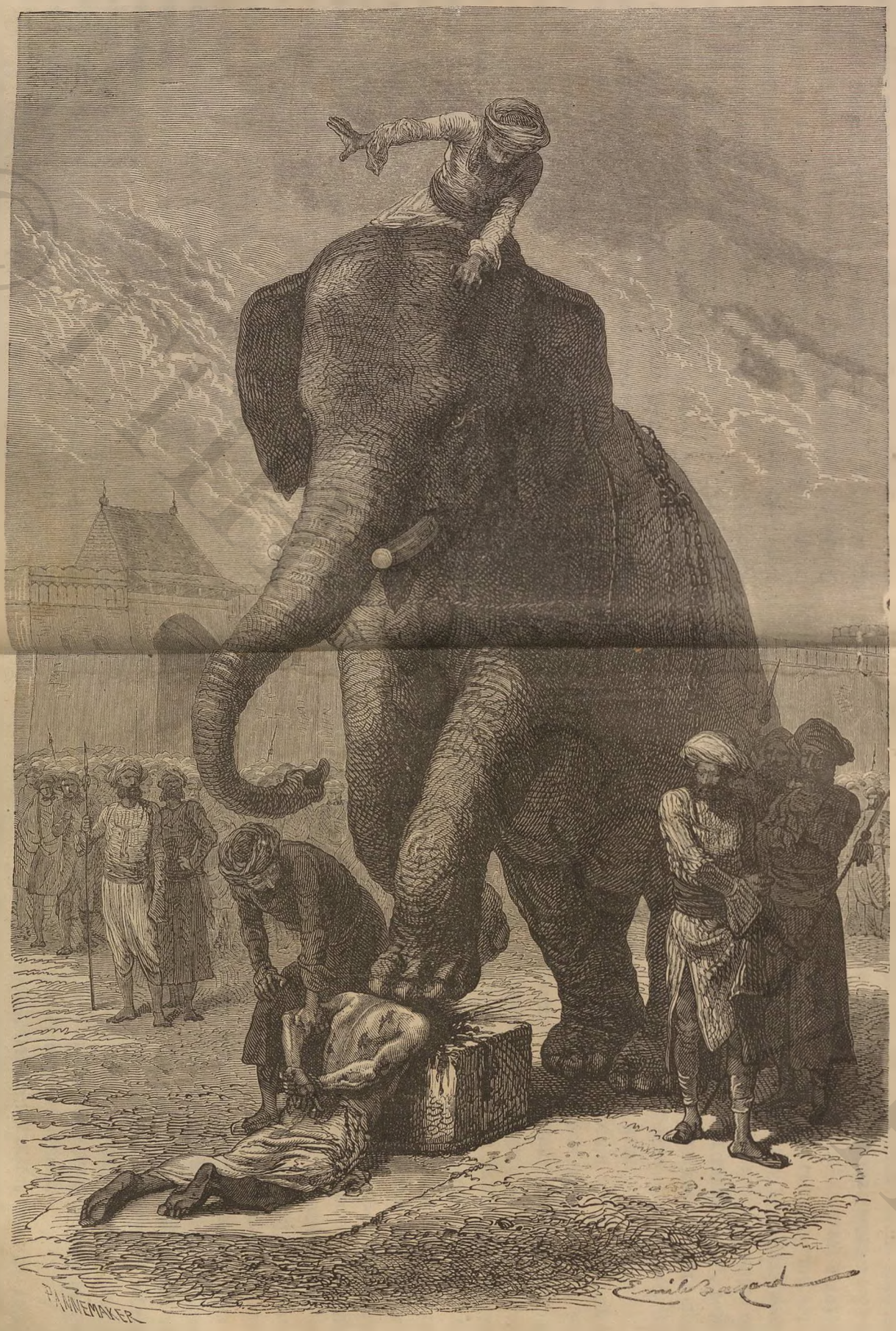
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

жпуты изъ племени Раторъ — одного изъ наиболѣе знаменитыхъ въ индѣйской пустынѣ.

Въ ожиданіи, покуда принцъ отдыхаетъ отъ своей поѣздки, я съ любопытствомъ наблюдалъ за этими храбрыми раджпутами, которые ходили взадъ и впередъ вокругъ дома. Ихъ честныя, окрытыя лица и воинственныя манеры возбуждали во мнѣ симпатію. Я подошелъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ и былъ пораженъ ихъ почтительными манерами, исполненными въ тоже время чувствомъ собственнаго достоинства, рѣзко отличаясь этимъ отъ раболѣпства гузуратцевъ. Я распрашивалъ ихъ о пустыняхъ, которыя они проѣхали, и высказалъ предположеніе, что сады Гузурата должны показаться имъ раемъ, но ихъ отвѣты убѣдили меня въ томъ, на сколько они привязаны къ своей родинѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «наша пустыня суха и безплодна, но оазисы, сокрытыя въ ущельяхъ Аравалисскихъ горъ прекраснѣе и богаче всѣхъ индѣйскихъ земель!» Впослѣдствіи я убѣдился, что его восторгъ былъ вполнѣ заслуженъ.

На слѣдующій день по пріѣздѣ принца, я послалъ моего *канза-маха*, облеченнаго по этому случаю въ санъ *чубдара*, изъявить пріѣзжему нашъ салаамъ. Этотъ послѣдній въ отвѣтъ прислалъ мнѣ своего придверника съ золотою булавою, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, объявилъ, что меня могутъ принять въ тотъ же день. Я явился съ Шаумбургомъ въ назначенный часъ и засталъ Мути-Синга въ большой залѣ, гдѣ четыре стула и коверъ составляли обычный дурбаръ. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку, сѣлъ между нами и съ трудомъ началъ разговоръ на англійскомъ языкѣ. Я прервалъ его, отвѣчая по индусски: восхищенный этимъ, онъ съ оживленіемъ сталъ говорить на своемъ природномъ нарѣчіи. Онъ увѣрялъ меня, что отцу его, раджѣ Марварскому, будетъ весьма пріятно принять насъ къ себѣ, и что, впрочемъ, извѣстное гостепріимство прочихъ Раджпутскихъ раджей не дастъ и повода думать, чтобы мы не встрѣтили самый радушный пріемъ. «Европейскій путешественникъ,» говорилъ онъ, «вещь почти неизвѣстная у насъ; мы видимъ однихъ только посланниковъ вице-короля или нѣкоторыхъ офицеровъ, возвращающихся въ свои гарнизоны и въ Бомбэй. Но я не помню, чтобы французъ посѣтилъ когда нибудь Джудпоръ.» Онъ подробно объяснилъ мнѣ тотъ путь, по которому мнѣ придется ѣхать, и тѣ препятствія, какія я встрѣчу на этомъ пути, и очень уговаривалъ меня ѣхать на Диссу, Серои и Джудпоръ, вмѣсто того, чтобы посѣтить земли Биль и Удейпуръ. Но мое рѣшеніе по этому поводу

ОТДЕЛ РБ СО РАН



Казнь въ Бародѣ.

было уже принято, и я могъ только обѣщать ему какъ нибудь добраться до Джудпора черезъ Аймиръ.

Мути-Сингъ былъ четырнадцатый или пятнадцатый изъ числа ста сыновей стараго Джудпурскаго раджи, Тукта-Синга. Этотъ монархъ владѣетъ довольно обширнымъ королевствомъ, состоящимъ впрочемъ болѣе изъ пустынь нежели изъ пахатной земли; однако столица его считается однимъ изъ прелестнѣйшихъ городовъ Раджпутана, и доходы его довольно значительны. Мути-Сингъ говорилъ съ восторгомъ о своихъ равнинахъ, изобилующихъ дичью, и обѣщалъ, по пріѣздѣ моемъ, устроить великолѣпныя охоты. Это былъ истый раджпутанецъ по его тонкимъ, рѣзкимъ чертамъ лица, свѣтлой кожѣ и длинной бородѣ, раздѣленной на два большихъ бакенбарда; но его изнѣженный видъ и дипломатическая рѣчь нѣсколько предубѣдили меня противъ него. Впослѣдствіи я узналъ, что чувства не обманули меня.

Я посвятилъ послѣдніе дни моего пребыванія въ Ахмедабадѣ на обозрѣніе окрестностей, представляющихъ много любопытнаго, въ особенности по множеству историческихъ воспоминаній. Первую экскурсію я совершилъ въ Сиркіехъ — древнюю лѣтнюю резиденцію императора Ахмеда, лежащую въ 8 километрахъ отъ города. Выѣхавъ изъ нашего бунгалоу въ четыре часа утра, мы прибыли къ восходу солнца на берегъ прелестной рѣчки Субермутти, омывающей стѣны Ахмедабада. Наша прислуга и небольшое количество провизіи, захваченное нами въ путь, помѣщались въ телѣжкѣ, запряженной волами, которые должны были перейти рѣчку въ бродъ. Уровень воды былъ низокъ, но теченіе до того сильно, что я ежеминутно опасался какъ бы оно не увлекло нашу телѣгу. Верхомъ на лошади, которая храбро переплыла рѣку, я любовался этимъ зрѣлищемъ, которому зимнее индусское утро придавало особенную прелесть. Рѣка сверкала; надъ поверхностью ея носились стаями водяныя птицы, а длинный рядъ стѣнъ и башень противуположнаго берега былъ подернутъ рѣдкимъ, голубоватымъ туманомъ; рѣзкій, свѣжій вѣтерокъ производилъ на меня освѣжающее вліяніе, не смотря на свѣтившее уже солнце. Впрочемъ ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ зимняго утра въ Индіи: это европейская весна со всею величественною обстановкою этихъ благословенныхъ странъ.

Лишь только телѣги переправились, мы пустились галопомъ по направленію Сиркіеха; мы ѣхали по дорогамъ, поросшимъ свѣжей травкой или совершенно песчанымъ, окаймленнымъ высокими изгородями изъ кактуса, ракитника, оплетеннаго вьюнковыми и тысячью другими растеніями въ полномъ цвѣту. Множество веселыхъ, бѣлокрылыхъ горлицъ

© ГПНТБ СО РАН

взлетало передъ нами съ тѣмъ слабымъ крикомъ, который походитъ на усмѣшку; попугаи съ рѣзкимъ крикомъ носились въ воздухѣ, и сорокопуты чирикали во всѣхъ кустахъ. Вѣковыя деревья съ исполинскимъ стволомъ осѣняютъ остроконечныя мавзолеи, придавая этому веселому пейзажу чрезвычайно красивый отпечатокъ.

Проѣхавъ съ полъ часа въ галопъ, мы вступили въ обработанную, но съ виду довольно обнаженную равнину; въ концѣ ея виднѣлись высоты Сиркіеха, увѣнчанныя очертаніемъ многочисленныхъ памятниковъ. Субермутти протекала нѣкогда у подошвы этихъ холмовъ, и ея высохшее русло, покрытое мелкимъ и неплотнымъ пескомъ, задерживало бѣгъ нашихъ лошадей. На берегу возвышаются двѣ высокія башни, основаніе которыхъ совершенно размыто водою; онѣ образовывали нѣкогда главный входъ въ императорское жилище; дорога до сихъ поръ вымощена плитами, и надъ головою прохожаго грозно висятъ обломки прежнихъ сводовъ.

Мы направились къ мечети — единственной части дворца, которая до сихъ поръ обитаема. Тяжелая дверь ея была закрыта; я сошелъ съ лошади и ударилъ нѣсколько разъ уцѣлѣвшимъ еще желѣзнымъ стукальцемъ. Вокругъ насъ царствовало глубочайшее молчаніе; только нѣсколько вяхирей, испуганныхъ непривычнымъ шумомъ, кружились надъ нашими головами. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, заскрипѣли засовы, и низенькій старичокъ съ длинной бѣлой бородою открылъ намъ дверь. Это· святой человѣкъ, приставленный къ этому святому мѣсту; онъ принялъ насъ чрезвычайно любезно.

Мы вошли сначала въ обширный дворъ, вымощенный плитою и окруженный галлереями; въ центрѣ его стояло тяжелое мусульманское зданіе съ вызолоченнымъ куполомъ. Здѣсь въ массивной серебряной ракѣ покоятся мощи шейка-Ахмеда-Гунжъ-Букеха, священника императора Ахмеда и покровитель Сиркіеха. Къ могилѣ его стекаются на богомолье изъ окрестности всѣ ревностные мусульмане, и пустынный дворъ его два раза въ годъ наполняется нѣсколькими тысячами путешественниковъ. Передъ *Гумбаемъ* или мавзолеемъ Гунжъ-Букеха находится кіоскъ, образованный изъ шестнадцати тонкихъ колоннъ, поддерживающихъ девять куполовъ; это одно изъ наиболѣе изящныхъ зданій въ этомъ родѣ, воздвигнутыхъ когда либо индо-мусульманами.

На лѣвой сторонѣ двора находится прекрасный перистиль, служащій входомъ къ могиламъ Ранисовъ; это большія комнаты, дугообразные своды которыхъ поддерживаются толстыми столбами; бѣлыя мраморныя гробницы стоятъ въ часовняхъ, окруженныя каменными рѣшетками,

высѣченными ажурно. Комнаты эти смотрятъ величественно, но (какъ и всѣ мусульманскіе мавзолеи) не производятъ грустнаго впечатлѣнія; широкія окна съ балконами пропускаютъ въ нихъ цѣлые потоки свѣта и изъ нихъ открывается великолѣпный видъ на большой прудъ, омывающій основаніе мечети. Тутъ мы рѣшили поселиться на время, съ согласія нашего проводника. Огромная лѣстница, спускающаяся къ озеру, отдѣляетъ эти комнаты отъ другаго ряда болѣе обширныхъ покоевъ, гдѣ находятся гробницы нѣкоторыхъ императоровъ, и между прочимъ могила славнаго Махмуда-Бегара. Другая сторона двора занята обширною мечетью, которая представляетъ, какъ говорятъ, вѣрный снимокъ съ большой Мекской мечети. Я не видѣлъ этой послѣдней, но сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы существовало какое нибудь сходство между индусскими колонами Сиркіеха и колонадой арабскаго храма.

Прудъ, теперь уже высохшій, занимаетъ поверхность около одного квадратнаго километра; во времена Ахмеда онъ былъ однимъ изъ чудесъ Индіи. Одну сторону его занимаетъ мечеть съ прилегающими къ ней зданіями, а три остальныя образованы громадными лѣстницами которыя были увѣнчаны великолѣпными павильонами. Два изъ этихъ зданій существуютъ до сихъ поръ; это дворецъ и гаремъ Ахмеда. Ихъ высокіе фасады, украшенные нѣсколькими рядами колоннъ и лѣпной работой, придаютъ имъ отпечатокъ величія, какой рѣдко встрѣчается въ позднѣйшихъ мусульманскихъ произведеніяхъ. Широкіе, прочно построенные тоннели проходили подъ этими дворцами къ пруду. Въ одномъ изъ угловъ находится монументальный шлюзъ, черезъ который изливались въ бассейнъ воды Субермути. Мы провели въ Сиркіехѣ нѣсколько дней, срисовывая или снимая фотографически самые интересные памятники. Озеро доставляло намъ превосходную рыбу, которую наши люди ловили наскоро изготовленными сѣтями, а за обѣдомъ мы имѣли куропатокъ и бекасовъ, доставляемыхъ намъ охотою въ окрестностяхъ.

Вторая экскурсія была совершена нами къ мавзолею Шаха Аллума, стоящему въ двухъ миляхъ отъ Ахмедабада; вокругъ него находится множество гробницъ, мечетей, дворцовъ и садовъ. Самый мавзолей покрытъ высокимъ куполомъ и содержитъ нѣсколько залъ; въ одной изъ нихъ находится порфировая гробница Шахъ-Аллума. Эта зала украшена перламутровыми инкрустаціями, и свѣтъ проникаетъ туда лишь сквозь тонкія каменныя рѣшетки. Сосѣдняя большая мечеть представляетъ длинное зданіе съ колоннами, построенное на великолѣпной тер-

расѣ; два минарета ея, вышиною отъ двадцати пяти до тридцати метровъ, уцѣлѣли до сихъ поръ. Подъ террасой находится подземный прудъ; тяжелые столбы, поддерживающіе сводъ, покрыты символами и кабалистическими знаками.

Окрестности Ахмедабада представляютъ такое множество рѣдкостей, что, осматривая ихъ, поневолѣ пропускаешь много такое, что въ иномъ мѣстѣ непремѣнно бы обратило ваше вниманіе.

Тоже самое можно сказать о Делли, но тамъ смѣнилось много династій и могущественныхъ племенъ, тогда какъ здѣсь всѣ эти чудеса возникли въ царствованіе нѣсколькихъ принцевъ, жившихъ въ XV вѣкѣ.

Англійская часть города Ахмедабада находится въ четырехъ километрахъ отъ индѣйскаго города, съ которымъ она соединяется великолѣпными аллеями; онъ раскинулся на обширной равнинѣ, и кромѣ казармъ и другихъ военныхъ заведеній можетъ похвастаться красивыми домами, окруженными садиками, въ которыхъ живетъ до ста европейцевъ, состоящихъ на государственной службѣ. По близости оттуда находится дворецъ Шаги-Бога, построенный въ 1625 г. для вице-короля, султана Куррума. Этотъ султанъ не могъ попасть въ него, такъ какъ архитекторъ не позаботился сдѣлать главный входъ въ стѣнѣ, на столько высокимъ, чтобы черезъ него могъ пройти слонъ, на которомъ возсѣдалъ султанъ. Прежде нежели ворота могли быть передѣланы, отецъ его, Жеангиръ умеръ, и онъ оставилъ свое вице-королевство съ тѣмъ, чтобы занять престолъ Дели подъ именемъ Шаха-Жегана.

Единственное развлеченіе офицеровъ англійскаго гарнизона составляетъ охота, и сосѣднія равнины представляютъ для этого самыя удобнѣйшія мѣста въ цѣлой Индіи. Тигры и пантеры встрѣчаются во множествѣ, и даже львы нерѣдко спускаются изъ ущелій Каттуивара; что же касается оленей, антилопъ, кабановъ и другой мелкой дичи, то она попадается въ изобиліи. Я воспользовался приглашеніемъ нѣсколькихъ гарнизонныхъ офицеровъ сопровождать ихъ на охоту, устраиваемую въ окрестностяхъ. Этотъ разъ цѣлью охоты были не тигры и не львы, на которыхъ охотятся обыкновенно лѣтомъ, но пестрыя сайги—большой видъ антилопы, называемый индѣйцами голубымъ быкомъ. Это великолѣпное животное—ростомъ съ нашего оленя, но болѣе тонкое; свѣтло сѣрая шерсть его принимаетъ у нѣкоторыхъ недѣлимыхъ почти голубоватый оттѣнокъ. Длинная голова его, слегка выпуклая, какъ у нѣкоторыхъ лошадей, снабжена двумя острыми и прямыми рогами, которые рѣдко достигаютъ 30 сентиметровъ длины. Въ парижскомъ ботаническомъ саду находятся быть можетъ еще два прекрасныхъ образчика этого вида антилопъ.

Охотники условились сойтись близь Ламба-Гаумы — деревни, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ахмедабада, и каждый долженъ былъ отправиться тутъ одинъ. Мы съ Шаумбургомъ вышли изъ бунгалова въ два часа утра; ночь была темная; проводники шли впередъ съ факелами; предосторожность эта необходима въ странѣ, гдѣ почва до того изрыта, что лошади спотыкаются на каждомъ шагу. Послѣ довольно продолжительной поѣздки, мы увидѣли огни въ охотничьемъ лагерѣ; загонщики, окутавшись въ свои шерстяные одѣяла, расположились кружкомъ около громаднаго костра. Прохладный ночной воздухъ заставилъ меня позавидовать ихъ положенію, и думая, что мы прибыли изъ первыхъ, я намѣревался попросить себѣ мѣсто у костра, какъ вдругъ меня привѣтствовали нѣсколькими «Halloa!» Занавѣсъ палатки приподнялась, и я увидѣлъ своихъ хозяевъ; они прибыли ранѣе насъ и, какъ истые англо-индѣйцы, разбили уже свои палатки и привели все въ порядокъ, какъ будто намѣреваясь простоять тутъ нѣсколько дней. Войдя въ главную палатку, я засталъ ихъ распивающими brandy pany и покуривая въ ожиданіи разсвѣта; намъ очистили мѣсто и, нѣсколько минутъ спустя, за столомъ мы угощались cheroots и ликерами mess court'a.

Въ нашей веселой компаніи не было человѣка, который не испыталъ бы всѣхъ треволненій охоты, и разсказы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, могли бы составить весьма интересную книгу.

Часъ или два послѣ моего прибытія, одинъ шикари просунулъ голову въ отверстіе палатки, прокричавъ: «Сагибъ-логъ, динъ гане яте! шикари логунъ таярдай!» Всѣ въ минуту были на ногахъ и черезъ нѣсколько минутъ вышли изъ палатки, крѣпко опоясанные и съ ружьями на плечахъ. Бѣловатый свѣтъ на востокѣ возвѣщалъ приближеніе дня. Холодъ былъ до того рѣзкій, что пальцы мои окоченѣли, и я долженъ былъ согрѣть ихъ надъ пламенемъ. Нѣсколько волнистая равнина, поросшая травою *каламъ*, вышиною въ пятнадцать футовъ, образовала прекрасное мѣсто для охоты; всадники, ставъ на самыя возвышенныя мѣста и спрятавшись за травою, могли слѣдить за всѣми движеніями загонщиковъ и видѣть приближеніе антилопъ. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно, такъ какъ сайга во время преслѣдованія является весьма опаснымъ животнымъ; чувствуя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, оно приходитъ въ ярость, и горе тому, кто будетъ застигнутъ стадомъ врасплохъ! Загонщики, стоявшіе уже на мѣстахъ,

образовали на равнинѣ дугу въ нѣсколько миль, напоминавшую лукъ, тетивой котораго служила линія охотниковъ.

Между тѣмъ разсвѣло, и вскорѣ я услышалъ пронзительные крики шикарисовъ; равнина какъ бы мгновенно оживилась, и мы увидѣли нѣсколько группъ обыкновенныхъ антилопъ и прекрасное стадо сайгъ. Испуганные криками, они прыгали то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; нѣкоторые изъ нихъ, какъ будто понявъ инстинктивно, что дѣйствительная опасность была съ нашей стороны, направились къ загонщикамъ, стараясь прорвать ихъ цѣпь. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, они бросились во всю прыть на насъ, и можно было опасаться, что намъ не удастся остановить ихъ. Стоя на концѣ, противуположномъ тому, куда они стремились, я досадовалъ уже на эту неудачу, какъ вдругъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ; стадо остановилось, а за тѣмъ побѣжало ко мнѣ. Это было ихъ пагубой, такъ какъ они подверглись такимъ образомъ перекрестному огню, и при первыхъ же выстрѣлахъ двое изъ нихъ зашатались и упали. Все стадо пронеслось мимо меня вскачь; я прицѣлился въ прекраснаго самца, мчавшагося впереди; онъ подпрыгнулъ отъ выстрѣла, но продолжалъ бѣжать; пуля моего сосѣда свалила его на землю. Еще нѣсколько выстрѣловъ, и все стадо, опрокинувъ загонщиковъ, исчезло на равнинѣ.

Четверо изъ этихъ великолѣпныхъ животныхъ лежали на землѣ, убитые на повалъ. Загонщики устроили носилки, и охотники торжественно вернулись въ палатки со своею добычею. Тутъ ожидалъ насъ хорошій завтракъ, и такъ какъ свѣжій утренній воздухъ возбудилъ нашъ аппетитъ, то мы съ удовольствіемъ отвѣдали портеръ и мясо. Покончивъ съ ѣдою, иные растянулись на кроватяхъ, другіе отправились на охоту за зайцами и куропатками; что же касается меня, то я отправился съ однимъ изъ офицеровъ отыскивать павлиновъ; судя по разсказамъ, въ окрестности ихъ было очень много.

Мы вскорѣ убили нѣсколько штукъ и собирались уже вернуться въ лагерь, какъ вдругъ спутникъ мой, завидѣвъ павлина на деревѣ, близъ деревни, прицѣлился и свалилъ его на землю. Лишь только раздался выстрѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались поселяне, и мы очутились вскорѣ среди большой, шумѣвшей толпы. Вскорѣ на насъ посыпались камни, и я понялъ, что положеніе наше могло сдѣлаться опаснымъ, если бы намъ не удалось усмирить нѣсколько волненіе этой толпы. Увидя въ толпѣ деревенскаго *пателя* (старосту) я прицѣлился въ него, закричавъ, что если онъ не разгонитъ немедленно толпы, то я выстрѣлю въ него. Видя, что его узнали, онъ приказалъ

людямъ остановиться, и, подошедши къ намъ, просилъ извиненія, сказавъ, что онъ преданъ, но тщетно пытался удержать людей, напавшихъ на насъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что такъ какъ въ этой деревнѣ есть брамины, то жители ея считаютъ павлиновъ священными и не дозволяютъ охотиться на нихъ. Я обѣщалъ щадить впредь священную птицу, съ условіемъ, что намъ дозволяютъ унести нашу добычу и что крестьяне тотчасъ же удалятся. Эти условія были приняты; толпа послала намъ еще нѣсколько угрозъ, но, видя, что мы рѣшились защищаться, отпустила насъ.

Возвратясь въ палатки, я разсказалъ капитану Б... о своемъ приключеніи. Онъ осудилъ моего спутника за его неосторожность, увѣривъ меня, что мы еще счастливо отдѣлались. Павлинъ служилъ эмблемою богини Сарасвати — индѣйской Юноны, покровительницы рожденій и браковъ; поэтому онъ почитается во всѣхъ раджпутскихъ владѣніяхъ, и охота на него, въ особенности близъ городовъ и деревень, строго воспрещена. Англійское правительство признало этотъ обычай закономъ. Впрочемъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное о предразсудкахъ деревенскихъ жителей, такъ какъ иные изъ нихъ умоляютъ европейцевъ уничтожать павлиновъ, причиняющихъ страшныя опустошенія, между тѣмъ какъ другіе защищаютъ ихъ, не щадя себя; это подаетъ поводъ къ многочисленнымъ столкновеніямъ, которыя съ той и съ другой стороны нерѣдко оканчиваются весьма трагически.

На слѣдующій день я имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ верблюдовожатами, требовавшими непомѣрную сумму, чтобы довести меня до Удейпура, вслѣдствіе дурной славы, какою пользовалась избранная мною дорога. Наконецъ я уговорился съ однимъ изъ нихъ, который за 180 рупій долженъ былъ поставить мнѣ двухъ верблюдовъ подъ сѣдло и семь для багажа. Чтобы не обременять себя поклажей, я купилъ маленькую, весьма легонькую палатку, и пополнилъ все, чего намъ не доставало для ночлеговъ, для варки кушанья и другихъ надобностей, какія неминуемо представятся намъ въ этой странѣ, лишенной отелей и бунгалоу, и гдѣ я предполагалъ провести около года.

IX.

Страна Биль.

Караванъ.—Остановки въ Райпурѣ.—Горы Дунгеръ.—Такуръ въ Тинтуи.—*Баоли.*—Нравы Билей.—Тигръ людоѣдъ.—Самейрикскій Раккамъ.

Отъѣздъ каравана былъ назначенъ на 19 число, и къ назначенному часу верблюды, поставленные во дворѣ бунгалоу, ожидали, чтобы ихъ навьючили; тѣ два, на которыхъ мы сами должны были ѣхать, отличались богатой сбруей, шелковыми попонами, отдѣланными множествомъ кисточекъ; но всѣ эти украшенія были надѣты только на время отъѣзда и должны были исчезнуть, лишь только мы выйдемъ въ поле. Караванъ нашъ состоялъ изъ четырехъ слугъ, двухъ санивалласовъ и семи верблюдовожатыхъ; весь этотъ людъ былъ вооруженъ саблями и ружьями, и каждый разсчитывалъ, что они понадобятся ему въ скоромъ времени. Я собралъ людей передъ крыльцемъ бунгалоу и обратился къ нимъ съ коротенькою рѣчью, въ которой увѣрялъ ихъ, что страна, гдѣ намъ предстоитъ ѣхать, не представляетъ ничего опаснаго, и къ тому же намъ нечего опасаться Билей, такъ какъ мы отлично вооружены. Я выбралъ начальника каравана и, справившись съ своимъ путеводителемъ, приказалъ ему въ тотъ же вечеръ придти на ночлегъ въ деревню Райпуръ, въ 24 километрахъ отъ Ахмедабада. Что же касается насъ, то я рѣшилъ переночевать еще одну ночь подъ гостепріимной крышей бунгалоу и присоединиться къ каравану лишь на слѣдующее утро.

Въ четыре часа утра меня разбудилъ санивалласъ; я поднялъ въ свою очередь Шаумбурга, и мы были готовы въ нѣсколько минутъ. У дверей ожидалъ меня сани *(верблюдъ);* я положилъ на сѣдло нѣсколько одѣялъ, чтобы

71
72
73
74
75
27
26
25
24
23
22
Дидвани
Нагоръ
Пустыня Марустанская
Пилоди
Мерта
Рианъ
Мундоръ
Жудпоръ
Самберъ
Дуду
Покуръ
Ажмиръ
Киттенгуръ
Нуссерабадъ
Бунай
Биаура
Сопутъ
Пали
Дабока
Бунера
Горы Аравалли
Лаза
Камулжеръ
Билвара
Серохи
Удейпуръ
Дабокъ
Мугговара
Шитторъ
Горы Натаръ
Явудъ
Нимучъ
Садри
Пертабгуръ
Салхамбуръ
Палланпуръ
Ловаръ
Пурсадъ
Кайрвара
Питтиара
Горы Виндхійскія
Данкроль
Курсоль
Ресіаль
Ахмедабадъ
Сиркей
Лунаварра
Хатка
Паванпуръ
Шантанпуръ
Удипоръ
Камбей
Барода
Дабой
Ятога
Бабулехаръ
Нербудда
Ювова
Баугъ
Мундлейсиръ
Синавудъ
Мандю
Дефиле Мокундра
Бампура
Думнаръ
Мехидпуръ
Сарунгпоръ
Ужейнъ
Бхопалъ
Обширная Гундсъ
Горы Виндхійскія
Хиндіа
Калькутту
Бомбай
Желѣзная дорога изъ
Горы Калигенгъ
Буртпоръ
Скундра
АГРА
Муттехпоръ
Кайрагуръ
ЖАТСЪ
Дольпоръ
Шанга
Нирабадъ
Гваліоръ
Кероули
Нероули
Рампура
Додуръ
Супуръ
Сахабадъ
Шіпри
Будерваса
Жагуръ
Чхапторъ
Гоонахъ
Ратгуръ
Кирди
Бильга
Шеджуръ
Ратеай
Рагугхуръ
Хайгуръ
Нурсингуръ
Ратгуръ
Шуджалпуръ
Шуръ
Божепоръ
Синекупчи
Хошунгабадъ
Джаласъ
Ситаръ
Ситаръ
Ситаръ

устроиться поудобнѣе, и усѣлся сзади; мой проводникъ помѣстился верхомъ на переднемъ сидѣньѣ, и верблюдъ вскочилъ на ноги, какъ будто движимый пружиною. Сѣдло бѣговыхъ верблюдовъ, какъ извѣстно вѣроятно большинству моихъ читателей — двойное, такъ что всадники сидятъ одинъ за другимъ; благодаря столь близкому сосѣдству, положеніе задняго не особенно пріятно, но я избралъ его съ тѣмъ, чтобы нѣсколько привыкнуть къ походкѣ верблюда, прежде чѣмъ я попытаюсь самъ управлять имъ. Съ полъ часа я не могъ прійти въ равновѣсіе, и при каждомъ толчкѣ ухватывался за спину моего верблюдовожатаго; впрочемъ и спутникъ мой страдалъ не менѣе. Но по прошествіи этого времени, я освоился съ своимъ положеніемъ и сталъ болѣе обращать вниманія на окрестность. Ахмедабадъ былъ уже далеко отъ насъ, и утренняя заря освѣщала обширную равнину, покрытую обнаженными полями и усѣянную небольшими группами деревьевъ, которыя обозначаютъ начало деревень.

Въ Райпурѣ, куда мы прибыли въ шесть часовъ утра, наша палатка была раскинута подъ толстымъ деревомъ, на берегу рѣки и на разстояніи выстрѣла отъ деревни. Наши пожитки были сложены около другаго дерева, гдѣ люди устроили кухню и расположились на ночлегъ; ружья и сабли, привѣшанныя къ вѣтвямъ, придавали картинѣ воинственный видъ. Я не могъ нарадоваться, глядя на эту прелестную сцену, освѣщенную лучами утренняго солнца. Это было начало серьезной части моего путешествія. До этого—я ѣхалъ по проѣзжимъ дорогамъ, въ странѣ, гдѣ цивилизація высказывалась на каждомъ шагу, и о которой я имѣлъ многочисленныя свѣдѣнія; здѣсь—все было неизвѣстно для меня. Хорошій или дурной пріемъ ожидалъ меня въ Раджпутанѣ; найду ли я тамъ рай или пустыню? Я провелъ весь день, гуляя по деревнѣ, охотясь за зайцами и павлинами, которые здѣсь не считаются священными, а вечеромъ я любовался великолѣпнымъ зрѣлищемъ — возвращеніемъ стадъ съ поля; мимо меня пронеслось двѣ или три тысячи быковъ и буйволовъ, спѣшившихъ къ высохшей почти рѣкѣ, чтобы утолить жажду за цѣлый день.

Теперь я буду дѣлать выписки изъ моего журнала, что дастъ мнѣ возможность болѣе точно и подробно передать читателю событія этого путешествія.

21 декабря. — Выѣхавъ изъ Райпура въ два часа пополуночи и перейдя рѣку въ бродъ мы очутились во владѣніяхъ Гюлковара. Ночь очень темная, но путь пролегалъ по плоской мѣстности; наши верблюды двигаются безъ труда; всѣ деревни находятся въ нѣкоторомъ раз-

© ГПНТБ СОРАН

стояніи отъ дороги, такъ какъ мы не встрѣтили ни одной до Деагома—довольно значительнаго города, куда мы прибыли въ четыре часа. У городскихъ воротъ насъ останавливаютъ нѣсколько *соварсъ*, спрашивая куда мы ѣдемъ и даютъ намъ *бошміасовъ* до слѣдующей деревни. Учрежденіе башміасовъ одно изъ наиболѣе любопытныхъ и полезныхъ въ этой странѣ; это люди низшаго сословія, обязанные за небольшое вознагражденіе провожать путешественниковъ отъ деревни до деревни.

За обязательную службу общинный совѣтъ вознаграждаетъ ихъ, давая право жить въ этой мѣстности и отводя имъ извѣстные участки пахатной земли. Такъ какъ въ странѣ дороги не проложены, то за неимѣніемъ этихъ проводниковъ, путешественнику часто пришлось бы блуждать въ открытомъ полѣ. Трудъ этихъ бѣдняковъ весьма тяжелый, ибо они обязаны вставать во всякое время ночи, чтобы сопровождать караваны, которые платятъ имъ нѣсколько менѣе одного су за разстояніе (корсъ) въ двѣ англійскія мили; хорошо еще если ихъ не заставятъ пройти въ двое дальше и не отправятъ безъ всякаго вознагражденія.

Утренняя заря застала насъ еще среди этихъ нескончаемыхъ равнинъ, но деревья становятся еще многочисленнѣе и, образуя небольшія рощицы, возвѣщаютъ близость горъ. Въ шесть часовъ мы достигли деревни Резіаль, гдѣ провели весь день. Напрасно мы пытались достать здѣсь какой нибудь провизіи; мы были вынуждены довольствоваться курами и продуктами нашей охоты. Начальникъ деревни явился ко мнѣ съ просьбою подарить ему одного изъ убитыхъ мною павлиновъ; я исполнилъ его желаніе, а остальныхъ птицъ роздалъ нашимъ людямъ.

22 декабря. — По выѣздѣ изъ Резіаля, который мы оставили въ два часа утра, мы вступаемъ въ обширныя песчаныя степи, гдѣ холодъ становится особенно чувствительнымъ; люди наши, окутавшись въ свои одѣяла, повидимому сильно страдаютъ отъ него. На разсвѣтѣ мы встрѣчаемъ глубокіе овраги, изрытые дождями; ихъ края принимаютъ самыя фантастическія очертанія, а деревни построенныя на верху точно находятся на вершинѣ неприступныхъ холмовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ находятся на одномъ уровнѣ съ равниной. Близъ деревни Гурсаль мы переправляемся черезъ великолѣпную рѣку, протекающую между отвѣсными скалами, вышиною въ 15 метровъ; значительная ширина русла, высота земляныхъ стѣнъ и полнѣйшее отсутствіе растительности придаютъ дикій и величественный видъ этому руслу, которое теперь уже почти высохло. Мы подымаемся по другому берегу на равнину, гдѣ видны развалины стариннаго англійскаго поселенія, покинутаго уже много лѣтъ тому назадъ. Провалившіяся крыши поросли ліанами, и сады, обнесенные еще стѣнами, наполнены роскошнѣйшими растеніями.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого разрушеннаго селенія идетъ цѣпь невысокихъ обнаженныхъ холмовъ, которые со стороны Гузурата можно считать первыми отрогами горъ Дунгеръ. За этими холмами начинается Багуръ, или страна Билей, дикая и гористая мѣстность отдѣляющая Гузуратъ отъ плоскогорій Мальва, служа въ то же время южной границей обширныхъ владѣній Раджпутовъ. Горы, покрывающія этотъ округъ. соединяютъ двѣ большія цѣпи индѣйскихъ горъ: Аравалисъ и Виндія.... Жара становится уже невыносимою въ то время когда мы переправляемся черезъ холмы, поэтому мы останавливаемся не болѣе какъ на нѣсколько минутъ, чтобы поохотиться и убить антилопу.

Проѣхавъ часъ по песчаной равнинѣ, подъ жгучими лучами палящаго солнца, мы достигли гюлковарской деревни Баръ-Данкроль. Вслѣдствіе ошибки въ разсчетѣ, мы прошли сегодня двадцать пять километровъ и люди прибыли въ лагерь изнуренные; подобный переходъ въ Европѣ, почитаемый весьма умѣреннымъ, составляетъ усиленный трудъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ и приходится вѣчно дѣлать обходы. Баръ-Данкроль — довольно большая деревня, раскинувшаяся среди рощи манговыхъ деревъ; жители ея сохранили еще чисто гузуратскій типъ и чувствуютъ повидимому такое же отвращеніе къ Билямъ какъ ихъ соотечественники, живущіе на равнинѣ. Вечеромъ я сдѣлалъ важное пріобрѣтеніе для нашего каравана: четыре солдата изъ Путтіалы, храбрые, молодые, вооруженные саблями и ружьями, возвращаясь на родину, просили позволенія проѣхать землю Билей вмѣстѣ съ нами; я тотчасъ же согласился на это, обѣщавъ съ своей стороны щедрое вознагражденіе въ Удейпурѣ, если они въ дорогѣ будутъ вести себя хорошо. Пріобрѣтеніе этихъ помощниковъ чрезвычайно обрадовало моихъ людей и имъ поручили караулить лагерь ночью.

23 декабря. — Нѣсколько часовъ ѣзды ночью привели насъ къ концу тѣхъ разнообразныхъ равнинъ, которыя тянутся начиная отъ Бароды, и по утру мы прибыли въ хорошенькую деревеньку, раскинувшуюся по живописному холму изъ кварца молочно-бѣлаго цвѣта. По ту сторону деревни протекаетъ небольшая рѣчка; русло ея осѣняется высокими деревьями и окружено кустами вереска, напоминающими прелестные ручьи Швейцаріи; вода клокочетъ между мраморными скалами

ОТПЕЧАТАНО

и, разливаясь по тысячи каналамъ, орошаетъ поля, сообщая имъ удивительное плодородіе. Мы видимъ издали нѣсколько полунагихъ мужчинъ, которыхъ мои люди признаютъ за Билей. Вдругъ эти плодоносныя поля исчезаютъ—и мы вступаемъ въ прекрасный лѣсъ, а въ концѣ его открывается роскошное озеро. Здѣсь вашимъ взорамъ представляется очаровательная картина; этотъ обширный водоемъ, покрытый лотусами въ полномъ цвѣту, среди которыхъ рѣзвится тысяча водныхъ птицъ, окруженъ бананами и другими исполинами тропиковъ съ темнозеленою листвою. На этихъ берегахъ не видно ни одного человѣческаго существа, и обитатели озера спокойно наслаждаются прекраснымъ утромъ. На одномъ изъ пловучихъ острововъ сидятъ дозоромъ краснокрылые фламинго; въ глубокихъ водахъ, подобно цѣлой флотиліи, плаваютъ дикіе гуси и утки всевозможныхъ видовъ; краснопёрыя и сизыя лысухи перепрыгиваютъ по широкимъ листьямъ лотуса, а цапли, и *киркунджи* покрываютъ затопленныя корни прибрежныхъ деревъ.

Я запрещаю людямъ тревожить это водное населеніе и мы проѣзжаемъ по берегу, не возбудивъ между ними особеннаго волненія. Дорожки окружены цвѣтущими изгородями, которыя подымаются выше нашихъ головъ и образуютъ прелестную аллею; она приводитъ насъ наконецъ къ *меккаму*.

Меккамъ или мѣстомъ стоянки служитъ обыкновенно лѣсъ по сосѣдству какой нибудь деревни. Земля въ немъ расчищена, такъ какъ онъ предназначается исключительно для путешественниковъ и всегда снабженъ цистерной; иногда тутъ бываетъ и храмъ, такъ что богомолецъ найдетъ въ немъ все необходимое: воду, тѣнь и святилище для своихъ молитвъ. Меккамъ около Тинтуи отличается всѣми удобствами: высокіе манговыя деревья и бананы окружаютъ лужайку, поросшую ровной, зеленой травкой; тутъ я велѣлъ разбить нашу палатку; въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣется деревня, расположенная на холмѣ при входѣ въ мрачныя ущелья, голубоватыя вершины которыхъ обрисовываются на горизонтѣ; надъ окрестными полями господствуетъ крѣпость съ зубчатыми стѣнами.

Тинтуи, имѣющая большое значеніе по своему положенію у входа въ ущелье горъ Дунгеръ, принадлежитъ еще Гюлковару и образуетъ крайнюю границу его владѣній; но это значительное мѣстечко служитъ резиденціей одного раджпутскаго владѣтеля или такура, который, признавая власть Бародскаго раджи, является въ сущности единовластнымъ повелителемъ всей этой мѣстности. Эти такуры вполнѣ соотвѣтствуютъ

нашимъ средневѣковымъ баронамъ; весьма любопытно встрѣтить еще въ наше время феодальную систему со всѣми ея особенностями, характеризовавшими это учрежденіе въ Европѣ. Такуры имѣютъ право суда въ своихъ земляхъ и выражаютъ свою зависимость государю лишь уплатою извѣстной дани натурою или вооруженными людьми, да рѣдкими посѣщеніями столицы. Гордые и непокорные, они находятся въ постоянной враждѣ съ сосѣдями и живутъ грабежемъ каравановъ, проѣзжающихъ по ихъ владѣніямъ. Правда, англійское правительство обуздало по видимому этотъ разбой; но въ сущности оно не могло уничтожить его, но сдѣлало его лишь нѣсколько правильнѣе и умѣреннѣе. Изъ грабителя каравановъ, такуръ превратился въ покровителя ихъ, онъ болѣе не грабитъ ихъ, но облагаетъ пошлиной, по системѣ blackmail's бывшій нѣкогда въ ходу у горныхъ шотландцевъ. Вступивъ во владѣнія такура, караванъ долженъ уплатить извѣстный процентъ съ цѣнности его товаровъ и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ право свободнаго проѣзда черезъ ущелья; если-же, положась на свою силу, онъ отважится обойтись безъ этого охраннаго листа, то навѣрно будетъ ограбленъ горными жителями. Такуръ, въ качествѣ судьи, принимаетъ жалобы ограбленныхъ, торжественно составляетъ протоколъ и подымаетъ на ноги весь свой гарнизонъ; но поиски всегда оказываются тщетными, солдаты возвращаются безъ плѣнныхъ, и такуръ доказываетъ купцамъ какъ безразсудно было съ ихъ стороны отказаться отъ его могучей защиты.

По пріѣздѣ моемъ въ Тинтуи, ко мнѣ явилась стража такура и передала мнѣ его поклонъ и намѣреніе посѣтить меня; но, желая осмотрѣть замокъ, я просилъ меня самаго отвести къ нему. Довольно крутой скатъ, вымощенный плитами, по которымъ лошади скользятъ на каждомъ шагу, ведетъ къ дверямъ замка, защищеннаго башенками и заборомъ изъ свай, окованныхъ желѣзомъ. Внутренность замка до того походитъ на наши феодальныя крѣпости 12 и 13 вѣковъ, что читателю стоитъ только припомнить устройство одного изъ многочисленныхъ замковъ, возвышающихся на берегахъ Рейна. Съ одной стороны пропасти вы видите множество башень, стѣнъ и террасъ, а въ глубинѣ стоятъ дома мирныхъ обитателей Тинтуи.

Такуръ—благородный сѣдовласый раджпутъ принимаетъ меня весьма любезно и освѣдомляется о цѣли моего путешествія; при имени его властителя Кундерао, онъ отвѣшиваетъ глубокій поклонъ, говоря что онъ мой рабъ, такъ какъ я состою въ дружбѣ съ могучимъ Гюлковаромъ, и что я могу вполнѣ распологать имъ, его людьми и его землею.

Затѣмъ я разспрашиваю его о Биляхъ, объ ихъ правахъ и обычаяхъ и узнаю множество интересныхъ подробностей. Онъ отзывается съ непритворною грустью о грабежахъ этого племени, которые раззорили страну, запугавъ караваны. Такуръ разумѣется жаловался на алчность своихъ сосѣдей, которые значительно уменьшаютъ его собственные доходы.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ моего посѣщенія такуръ явился въ мой лагерь съ оффиціальнымъ визитомъ; его сопровождала толпа раджпутскихъ всадниковъ, гарцуя на своихъ красивыхъ лошадкахъ и типомъ своимъ напоминали сильно нѣмецкихъ рейтаровъ; поселяне, столпившись въ нѣкоторомъ разстояніи, смотрѣли на нашу встрѣчу; манеры стараго такура исполнены достоинства и всѣ слова его дышатъ образцовой вѣжливостью удейпурскаго придворнаго, который служитъ типомъ высшаго тона въ цѣлой Индіи. Прощаясь, онъ обнялъ меня, говоря, что еслибы не его преклонные лѣта, то онъ никому не предоставилъ бы чести провожать меня до аван-постовъ. Сынъ его и трое всадниковъ должны были присоединиться къ намъ, и въ тотъ же вечеръ разбили свои шатры рядомъ съ нами.

Въ Меккамѣ близь Тинтуи находится одна изъ тѣхъ древнихъ цистернъ, извѣстныхъ подъ именемъ *баолисъ*, которыя можно причислить къ самымъ интереснымъ памятникамъ страны. Снаружи она имѣетъ видъ ряда *тшатрисъ* или кіосковъ, расположенныхъ въ одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго; входъ въ баолисъ находится подъ первымъ кіоскомъ, откуда идетъ лѣстница, оканчивающаяся площадкой, которая приходится непосредственно подъ вторымъ кіоскомъ и послѣдній поддерживается такимъ образомъ двумя ярусами колоннъ; лѣстница поднимается все болѣе и болѣе, и число этажей колоннъ увеличивается съ каждымъ кіоскомъ, такъ что послѣдній опирается на четыре или пять этажей колоннъ, окруженныхъ галлереями; въ глубинѣ находится широкій круглый колодезь, омывающій послѣднія ступени лѣстницы. Эти зданія имѣютъ иногда въ длину болѣе ста метровъ и содержатъ въ себѣ настоящія залы со сводами, поддерживаемыми изящными столбами, а стѣны этихъ залъ украшены барельефами. Рѣдкіе памятники въ пустынной мѣстности могутъ поражать болѣе путешественника, спустившагося первый разъ въ эти чудныя галлереи.

Но пора сказать читателю нѣсколько словъ о Биляхъ, такъ долго интересовавшихъ насъ и къ которымъ мы наконецъ попали.

Билей можно считать остатками большаго отохтонскаго племени, населявшаго земли, извѣстныя подъ названіемъ Раджпутана и

Мальвы. Оттѣсненные арійскимъ нашествіемъ, Били укрылись въ горахъ и, забывъ мало по малу свою древнюю цивилизацію, дошли до той степени упадка, въ какомъ мы находимъ ихъ въ настоящее время. Ихъ легенды сохранили немного воспоминаній о той эпохѣ, когда они господствовали на этихъ равнинахъ; однако въ одной изъ пѣсень ихъ бардовъ мы находимъ намекъ на происхожденіе вражды, существующей между ними и браминами. По ихъ преданію, богъ Магадео, блуждая однажды усталый въ лѣсу, былъ принятъ молодою и чрезвычайно красивою женщиной; онъ женился на ней и имѣлъ нѣсколько дѣтей; одинъ изъ нихъ, отличавшійся своею уродливостью, темнымъ цвѣтомъ кожи и необыкновенною силою, убилъ Нанди, священнаго быка. бога. Въ наказаніе за это преступленіе, онъ былъ проклятъ, изгнанъ изъ лѣса и получилъ имя Нашада или Биль, т. е. изгнанникъ. Не доказываетъ ли эта легенда, что племя Билей, не хотѣвшее подобно прочимъ сударасамъ подчиниться игу браминовъ, было обвинено ими въ самомъ тяжкомъ преступленіи въ глазахъ индусовъ, именно въ убіеніи священнаго быка, въ чемъ они по своей гордости никогда не хотѣли оправдаться? Два факта достаточно свидѣтельствуютъ о древнемъ могуществѣ Билей: во первыхъ та роль, которую ихъ представитель постоянно играетъ при коронаціи раджпутскихъ раджей мейварскимъ, вручая имъ знаки ихъ новаго достоинства; а во вторыхъ то уваженіе, которое они сохранили къ нѣкоторымъ разрушеннымъ городамъ, развалины коихъ свидѣтельствуютъ о существованіи довольно значительной цивилизаціи.

Били, съ которыми въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ обращались какъ съ дикими звѣрями, прозвали сами себя «разбойниками Магадео» и страшно мстили изгнавшимъ ихъ индусамъ. Удалившись въ неприступныя земли, они жили почти въ полной независимости, не платя никому дани и наводя страхъ на купцовъ и земледѣльцевъ. Они раздѣляются на племена или колѣна, подчиненныя отдѣльнымъ начальникамъ, которымъ они слѣпо повинуются и которые руководятъ ихъ разбойничьими набѣгами. Ихъ деревни или *палы* расположены обыкновенно на холмахъ, недалеко отъ проѣзжихъ дорогъ, и каждый домъ представляетъ настоящую крѣпость, толстыя каменныя стѣны которой поддерживаютъ соломенную или черепичную кровлю. Дома обнесены живой изгородью изъ кустарниковъ и кактусовъ; въ случаѣ опасности, Били прячутся за этими стѣнами, высматривая оттуда непріятеля и пуская въ него стрѣлы. При малѣйшей серьезной тревогѣ, женщины и дѣти собираютъ скотъ и удаляются въ глубокія пещеры.

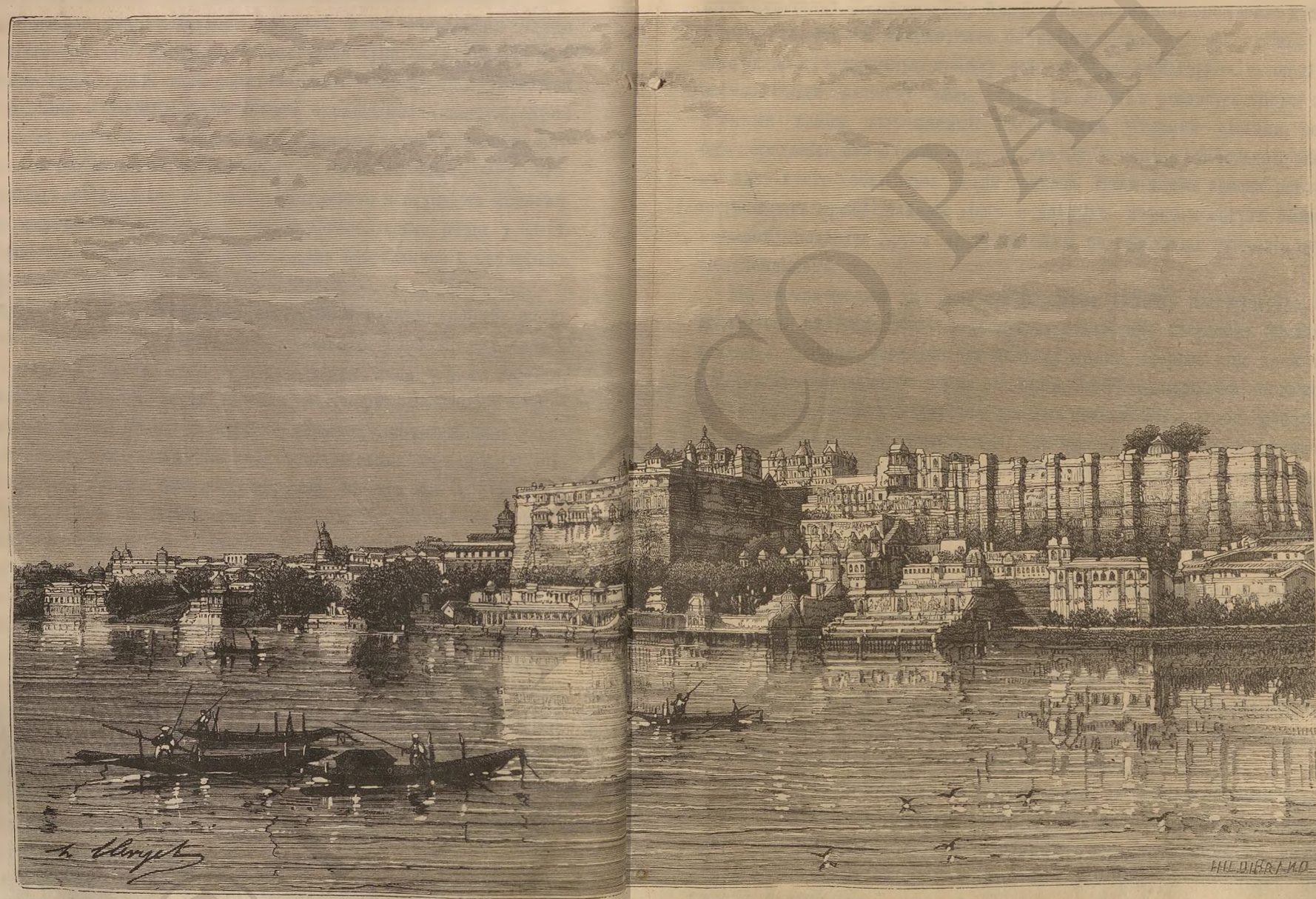
Они не признаютъ между собою никакихъ кастъ и люди разныхъ

колѣнъ свободно вступаютъ въ бракъ; обрядъ этотъ совершается чрезвычайно просто. Въ назначенный день всѣ молодые люди, имѣющіе желаніе вступить въ бракъ выбираютъ себѣ по взрослой дѣвушкѣ и удаляются съ избраннымъ предметомъ въ лѣсъ, и по возвращеніи оттуда черезъ нѣсколько дней признаются законными супругами. Религія ихъ совершенно первобытная, такъ какъ главными божествами почитаются у нихъ болѣзни и стихіи; кучка камней, окрашенныхъ красной охрой или довольно грубо высѣченная плита образуютъ храмъ. Однако они относятся съ особеннымъ благоговѣніемъ къ исполинскому дереву: *мговахъ*, которое доставляетъ имъ все: хлѣбъ, дерево и водку; къ вѣтвямъ его они привѣшиваютъ желѣзныя орудія. Относительно пищи у нихъ нѣтъ никакихъ предразсудковъ и они ѣдятъ безразлично и нечистыхъ животныхъ, каковы: крысы, змѣи и крокодилы.

Били бываютъ обыкновенно средняго роста и гораздо сильнѣе индусовъ, хотя отличаются отъ нихъ менѣе изящными формами; ихъ сила и ловкость бываютъ иногда поразительны. Черты лица у нихъ грубыя, носъ почти плоскій и скулы выдающіяся; ихъ черные волосы въ безпорядкѣ висятъ во всѣ стороны; простая веревка, прикрѣпленная у висковъ, замѣняетъ имъ чалму. Они ходятъ почти голые, не надѣвая обыкновенно ничего кромѣ *лангути*, шириною въ два или три пальца. Женскій типъ красивѣе, цвѣтъ кожи ихъ свѣтлѣе, формы изящнѣе, и осанка нѣсколько горделивая. Одежда ихъ состоитъ изъ запона, который, обхвативъ поясницу и перекинувшись черезъ плечо оставляетъ одну грудь обнаженною; онѣ носятъ на рукахъ и на ногахъ такое множество мѣдныхъ колецъ, что онѣ идутъ отъ кисти руки до плеча и отъ лодыжки до колѣна. Биль никогда не выходитъ изъ дома безъ лука и стрѣлъ; лукъ его сдѣланъ весьма искусно изъ двухъ кусковъ бамбука такъ, что наиболѣе тонкій образуетъ тетиву; стрѣлы бываютъ длиною въ два фута и дѣлаются изъ легкаго тростника, обсажены перьями и снабжены желѣзнымъ остріемъ, длиною отъ пяти до шести сентиметровъ. Они искусно управляютъ этимъ орудіемъ и съ изумительною вѣрностью мечутъ стрѣлы на разстояніи шестидесяти метровъ; съ этимъ же оружіемъ они охотятся и на тигра. Любимое ихъ занятіе составляютъ охота и рыбная ловля; они отправляются цѣлою толпою на охоту и отравляютъ рѣки сокомъ изъ кактуса, чтобы умертвить рыбу.

Отъ природы храбрые, они дѣйствуютъ однако осторожно и никогда не нападаютъ на врага, не будучи увѣрены въ побѣдѣ; но война состав-

© ГПНТБ СО РАН



Удейпуръ.

ляетъ для нихъ потребность и если имъ не съ кѣмъ воевать, то они вызываютъ на бой сосѣднѣе племя, что нерѣдко ведетъ къ кровопролитнымъ схваткамъ. Женщины Билей имѣютъ большое вліяніе на своихъ мужей, и говорятъ, что онѣ обходятся съ плѣнными весьма человѣколюбиво. Не смотря на ихъ взаимную вражду, всѣ племена дѣйствуютъ за одно въ случаѣ общей опасности; лишь только въ долинѣ роздастся *кисри* или военный кличъ, выражаемый нѣсколькими рѣзкими слогами, какъ онъ передается изъ одного *паля* въ другой, и черезъ нѣсколько времени въ одно мѣсто собираются сотни воиновъ. Били также весьма искусно подражаютъ крику шакалъ, гіенъ и ночныхъ птицъ и могутъ такимъ образомъ подавать другъ другу сигналы, не возбуждая вниманія путешественниковъ.

Не смотря на всѣ ихъ недостатки, Били имѣютъ два качества, недостающія индусамъ: это—глубокую благодарность къ своимъ благодѣтелямъ и большое уваженіе къ данному слову. Первое они доказали блестящимъ образомъ во время возстанія 1857 г., защищая англичанъ противъ ихъ сипаевъ и вступивъ даже въ ряды войска, чтобы сразиться съ бунтовщиками. Дѣйствительно, они многимъ обязаны англичанамъ, которые сдѣлали все возможное, чтобы отвлечь ихъ отъ варварства, и теперь уже вполнѣ успѣли пріостановить разбойничьи набѣги Раджпутовъ, которые ежегодно отправлялись въ ихъ страну и жгли деревни и жатвы этихъ несчастныхъ дикарей.

Племена Билей населяютъ въ настоящее время Багуръ, часть Аравалисской цѣпи и почти всѣ горы Виндія; число ихъ доходитъ до одного или двухъ милліоновъ душъ, и это доказываетъ, что они составляютъ до сихъ поръ одно изъ значительнѣйшихъ племенъ Индіи. Отъ смѣшенія Билей и Раджпутовъ произошла новая каста Билаласовъ, которые довольно многочисленны въ долинахъ Мейвара, но не обладаютъ ни однимъ изъ качествъ того и другого племени.

24 декабря. Сегодня, въ минуту отъѣзда, люди наши подняли бунтъ отказываясь выѣхать ранѣе солнечнаго восхода. Причина этого страннаго поведенія заключалась въ извѣстіи, что на дорогѣ показался *адмиканевалахъ*, т. е. тигръ-людоѣдъ. Молодой такуръ убѣждаетъ ихъ вмѣстѣ со мною немедленно пуститься въ путь, доказывая, что такъ какъ тигръ только что съѣлъ человѣка (это то именно и напугало ихъ) то онъ долженъ быть сытъ и слѣдовательно это самая благопріятная минута, чтобы онъ оставилъ насъ цѣлыми и невредимыми. Мы оставляемъ лагерь среди ропота верблюдовожатыхъ, которые находятъ, что намъ грозитъ довольно опасности отъ Билей, не говоря уже о тиграхъ. Однако

© ГПНТБ СО РАН

нашъ караванъ довольно многочисленъ, чтобы обезпечить насъ отъ этихъ враговъ; насъ всего теперь 23 вооруженныхъ человѣка, такъ что мы могли бы выдержать цѣлое сраженіе противъ дикарей, не имѣющихъ огнестрѣльнаго оружія.

Молодой такуръ, Буктавуръ-Сингъ, ѣдетъ рядомъ со мною и развлекаетъ меня анекдотами о Биляхъ. Онъ также разсказываетъ мнѣ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ этимъ тигромъ-людоѣдомъ, такъ сильно напугавшимъ нашихъ людей; не проходитъ дня, чтобы онъ не утащилъ новой жертвы и онъ до того хитеръ, что охотникамъ ни разу еще не удавалось поймать его. Индусы утверждаютъ, что тигръ, отвѣдавъ однажды человѣческаго мяса, не можетъ ѣсть никакого другого; съ другой стороны европейскіе охотники, замѣчая иногда, что эти адмиканеваллахи линяютъ и худѣютъ, приписывали это болѣзненное состояніе дѣйствію человѣческаго мяса. Самое простое объясненіе этихъ двухъ предположеній слѣдующее: состарѣвшись, тигръ утрачиваетъ силу и проворство; нападая по прежнему на какого нибудь быка, заблудившагося въ горахъ онъ уже не въ состояніи одолѣть его и, преслѣдуя оленя или антилопу, не можетъ догнать ихъ. Тогда онъ выходитъ на большую дорогу, гдѣ встрѣчаетъ человѣка; голодъ заставляетъ его преодолѣть страхъ, который онъ всегда ощущалъ при видѣ этого страннаго животнаго—и онъ находитъ въ немъ легкую добычу.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Тинтуи ущелья съуживаются и на разсвѣтѣ мы очутились въ тѣснинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ стѣнами черноватыхъ скалъ; скаты и вершины горнаго хребта поросли густымъ лѣсомъ, наполненнымъ самыми роскошными представителями индѣйской флоры.

Окрестная мѣстность необыкновенно дика и величественна; громадныя глыбы бѣлаго мрамора, набросанныя тамъ и сямъ, сверкаютъ на солнцѣ; пѣнистые потоки съ грохотомъ стремятся въ овраги, ниспадая въ нихъ серебристыми потоками съ вершины скалъ. Дикіе *палы* Билей, разсѣянные подобно крѣпостямъ на вершинахъ утесовъ и окруженные тощими полями, походятъ съ ихъ живыми изгородями на исполинскія орлиныя гнѣзда. Кое-гдѣ на вершинѣ скалы обрисовывается силуэтъ Биля: это караульные, обозрѣвающіе дорогу; но наша численность и покровительство такура ограждаютъ насъ отъ всякой опасности.

Одна изъ долинъ, по которой мы проѣзжаемъ около восьми часовъ утра, считается весьма священнымъ мѣстомъ Багура; среди рощи, засаженной фруктовыми деревьями, возвышаются три или четыре весьма древнія пагоды, посѣщаемыя въ извѣстное время года окрестными племенами Билей и даже Раджпутовъ. Это храмы съ высокими башнями, украшенными рѣзьбой и великолѣпными колоннами, поддерживающими изящные перистили; при входѣ стоятъ статуи слоновъ, съ поднятымъ вверхъ хоботомъ. Во время нашего проѣзда въ этомъ оазисѣ жили только нѣсколько бардовъ и я позавидовалъ имъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма между деревьями извивался широкій ручей и тысяча золотистыхъ птичекъ и попугаевъ порхала на вѣткахъ.

Солнце стояло уже высоко, когда мы прибыли въ меккамъ Самейры. Эта деревня, принадлежащая такуру, подвластному Дунгерпурскому раджѣ, расположена при началѣ небольшой, но плодоносной долины. И тутъ крѣпость такура господствуетъ надъ всею окрестностью. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей палатки находится интересный баолись, описанный уже мною въ Тинтуи; здѣсь онъ повидимому болѣе древняго происхожденія, и колонны и барельефы его отличаются болѣе изящной отдѣлкой. Вечеромъ, молодыя женщины являются къ цистернѣ со своими кувшинами: я любуюсь прелестными группами полунагихъ дѣвушекъ съ прекрасными формами, которыя граціозно идутъ, неся свои тяжелые сосуды на головѣ. Нѣсколько воиновъ, съ суровой наружностью, усаживаются подъ кіосками баоли и внимательно осматриваютъ насъ. Заходящее солнце золотитъ окружающія вершины, набрасывая волшебный свѣтъ на чудесную картину, развертывающуюся передъ нами. Эту ночь число часовыхъ удвоено; вокругъ лагеря зажигаютъ костры, чтобы показать Билямъ, что мы находимся на сторожѣ.

ОТПЕЧАТАНО

X.

Страна Билей и Удейпуръ.

Непріятное происшествіе.—Пьяный Раджпутъ.—Долина Кервара.—Цѣпь горъ Аравилисъ; ея богатства. — Пурсадъ. — Рысь. — Мы заблудились. — Удейпуръ, столица Мейвара. — Стоянка въ амфитеатрѣ. — Насъ подозрѣваютъ въ шпіонствѣ.—Раджпуты.—Легенды.—Байдлахскій Рао.

25 декабря. — Такъ какъ намъ предстоитъ совершить нѣсколько трудныхъ переходовъ, то мы оставляемъ нашу стоянку лишь въ шесть часовъ утра. Страна имѣетъ чрезвычайно дикій видъ; долины загромождены скалами, между которыми извиваются узкія тропинки; любопытно видѣть съ какимъ терпѣньемъ и съ какою ловкостью наши тяжело-навьюченные верблюды переходятъ черезъ эти препятствія. Всадники изъ Тинтуи и солдаты изъ Путтіалы образуютъ вмѣстѣ со мною авангардъ; въ срединѣ идутъ верблюды со своими вожатыми и человѣкъ до тридцати путешественниковъ, присоединившихся къ намъ въ различныхъ мѣстахъ, чтобы пройти ущелья подъ нашею защитою; наконецъ Шаумбургъ съ нѣсколькими всадниками заключаетъ шествіе. Намъ совѣтывали быть какъ можно осторожнѣе, такъ какъ теперь намъ предстояло проѣхать одинъ изъ наиболѣе опасныхъ округовъ; жители его, не признающіе ничьей власти, не щадятъ положительно ни одного каравана. Миновавъ нѣсколько тѣснинъ, мы вступаемъ въ плодоносную долину, окруженную великолѣпнѣйшими горами; эти массы скалъ и лѣса, покрывающіе горные склоны, образуютъ величественную картину. Деревни Билей многочисленны и точно нагромождены одна на другой по обѣимъ сторонамъ.

Только что мы вступили въ этотъ вертепъ, какъ одно приключеніе

чуть не задержало насъ въ этомъ мѣстѣ. Съ утра намъ попадались Били, проходившіе мимо насъ молча, не отвѣчая на дружелюбное привѣтствіе нашихъ соваровъ; одинъ изъ нихъ, возмущенный этой невѣжливостью, воспользовался тѣмъ, что Биль проходилъ одинъ, кинулся на него, избилъ и отнялъ у него лукъ и стрѣлы. Событіе это, могущее имѣть для насъ такія страшныя послѣдствія, случилось безъ моего вѣдома, въ то время какъ я разговаривалъ съ Буктавуромъ; но я вскорѣ узналъ объ немъ, такъ какъ солдатъ, зная мое желаніе имѣть стрѣлы билей, съ торжествомъ принесъ свои трофеи. Я тотчасъ же понялъ наше опасное положеніе; едва успѣлъ я отдать нѣсколько приказаній, какъ долина огласилась воинственнымъ крикомъ, повтореннымъ многократнымъ эхо; изо всѣхъ деревень выходили люди, бѣгомъ пускаясь къ намъ. Трудно описать какое смятеніе произошло тогда въ центрѣ нашего каравана: женщины кричали, купцы бѣсновались и даже верблюды принимали участіе въ общей суматохѣ. Что же касается солдатъ, то поведеніе ихъ вполнѣ заслуживаетъ похвалы: они зарядили свое оружіе, зажгли фители и дожидались моихъ приказаній.

Видя, что мы готовимся къ отпору, Били приближались къ намъ нерѣшительно; наши штуцера наводили на нихъ нѣкоторый страхъ; но ихъ собралось уже довольно много и они рѣшились кидать въ насъ стрѣлы, которыя не попадали въ цѣль по дальнему разстоянію.

Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось подойти къ намъ ближе; прокравшись за кустами, они стали метать въ насъ стрѣлы, ранивъ слегка одного верблюда, который своимъ ревомъ еще болѣе увеличилъ безпорядокъ. Я собирался уже отдать приказаніе открыть по нимъ огонь, какъ вдругъ одинъ старый раджпутскій всадникъ изъ нашего конвоя полетѣлъ галопомъ къ высокой травѣ, росшей неподалеко. Вскорѣ мы увидѣли какъ онъ налетѣлъ съ обнаженной саблей на стараго Биля, засѣвшаго въ кустахъ; онъ мигомъ взялъ его въ плѣнъ и связалъ ему руки. Поступокъ этотъ произвелъ страшное впечатленіе; раздались дикіе крики; вокругъ насъ посыпались стрѣлы и нѣсколько выстрѣловъ раздалось среди каравана. Мы отступили вмѣстѣ съ нашимъ плѣннымъ, и такъ какъ старый соваръ успѣлъ объяснить мнѣ, что этотъ старикъ качальникъ одной изъ деревень, то я велѣлъ закричать Билямъ, что если они не отстанутъ отъ насъ, то мы прежде всего убьемъ ихъ начальника. Они отвѣчали намъ криками, но не удалялись.

Я велѣлъ развязать стараго Биля,который на плохомъ индустанскомъ нарѣчіи объяснилъ мнѣ, какъ всѣ они были огорчены и удивлены нанесенной имъ обидой; они считали европейцевъ своими покровителями и

не привыкли къ подобнымъ поступкамъ съ ихъ стороны. «Конечно, прибавилъ онъ, это первый случай, чтобы кто нибудь осмѣлился оскорбить Билей, въ ихъ собственныхъ долинахъ». Онъ требовалъ чтобы мы возвратили ему лукъ и стрѣлы и выдали виновнаго солдата прежде, чѣмъ отправимся въ дальнѣйшій путь. Я увѣрялъ его, что чрезвычайно сожалѣю о случившемся и предложилъ отдать ему лукъ и стрѣлы и принудить совара извиниться; ему очень хотѣлось имѣть этого несчастнаго въ своей власти, но онъ согласился наконецъ на мои условія. Подойдя къ своимъ, подъ охраною двухъ солдатъ, онъ передалъ имъ наше рѣшеніе. Лукъ и стрѣлы были возвращены ему, но его самаго мы удержали до выхода изъ долины. Передъ тѣмъ какъ отпустить старика на волю, я велѣлъ налить ему большую рюмку водки, которую онъ выпилъ залпомъ. Онъ поспѣшно догналъ своихъ, которые слѣдовали за нами молча и тогда обратился къ нашимъ людямъ со всевозможными ругательствами, говоря что они обязаны спасеніемъ только присутствію Сагибовъ и клялся, что если онъ увидитъ одного изъ нихъ въ долинѣ, то жестоко отомститъ ему. Но эта угроза повидимому не тронула нашихъ соваровъ, хотя имъ предстояло возвращаться домой тѣмъ же самымъ путемъ.

Мы остановились сегодня близъ селенія Битчувара, расположеннаго въ центрѣ широкой долины, и чтобы защититься нѣсколько отъ холоднаго вѣтра, дувшаго съ утра, мы раскинули палатку за холмомъ, на которомъ стоитъ храмъ, посвященный Ганезѣ. Мѣстный такуръ явился къ намъ съ визитомъ, но такъ какъ онъ изрядно выпилъ, вѣроятно для большей храбрости, то и явился къ намъ въ страшномъ опьяненіи. Онъ обращается повидимому со своими подданными весьма гордо и грубо, и они при немъ же изъявляютъ по этому поводу свои жалобы; во все время свиданія такуръ разъигрываетъ чрезвычайно комичную роль, разсыпаясь въ извиненіяхъ, оправдывается въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ—словомъ принимаетъ насъ за англійскихъ агентовъ, присланныхъ требовать отчета въ его поведеніи.

Нуждаясь въ нѣкоторой провизіи, которую нельзя достать въ деревнѣ, я вступаю съ нимъ въ переговоры и онъ соглашается дать мнѣ 8 курицъ и 4 десятка яицъ за бутылку англійскаго рома. Часъ спустя, онъ появляется снова, шатаясь, окруженный своею свитою, которая слѣдуетъ за нимъ съ самымъ почтительнымъ видомъ; такуръ самъ несетъ куръ, со всевожможными ужимками складываетъ ихъ у моихъ ногъ и уходитъ очень довольный, унося съ собою бутылку. Во все мое пребываніе въ Индіи я ни разу не видѣлъ человѣка высшей касты, и въ особенности раджпута въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился Битчуварскій такуръ.

26 декабря. — Ущелья расширяются, горы, понижаясь, становятся обнаженнѣе и состоятъ повидимому исключительно изъ очень блестящаго тонкаго сланца, между которымъ пробѣгаютъ толстыя жилы бѣловатаго кварца. Оставивъ послѣдній нашъ лагеръ въ пять часовъ утра, мы прибыли къ полудню въ Кеирвару. Это длинная долина, окруженная невысокими и округлыми горами; въ срединѣ ея находится англійская out-station Кеирвары; ея бунгаловы, казармы и базаръ разсѣяны по отдѣльнымъ холмикамъ. Этотъ аванпостъ служитъ обсерваціоннымъ пунктомъ, устроеннымъ британскимъ правительствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы держать Билей въ повиновеніи. Гарнизонъ состоитъ изъ туземныхъ горцевъ, подъ командою трехъ европейскихъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ врачемъ составляютъ все общество этого заброшеннаго пункта. Гавильдаръ бильскаго полка отводитъ насъ чрезвычайно вѣжливо въ хорошенкій бунголовъ, предоставляемый маіоромъ въ распоряженіе рѣдкихъ посѣтителей.

27 декабря. — Удовольствіе, ощущаемое нами въ уютномъ жилищѣ, вынудило насъ провести еще одинъ день въ Кеирварѣ; это первый домъ въ Индіи, гдѣ я втрѣтилъ каминъ и порядочный холодъ заставляетъ меня вполнѣ оцѣнить всю его прелесть. Маіоръ—человѣкъ весьма любезный, выказываетъ намъ живѣйшее участіе и съ удивленіемъ освѣдомляются о той цѣли, которая привлекла насъ въ эти дикія страны. Внимательно выслушавъ все то, что я ему разсказываю, онъ нашелъ что намъ грозила большая опасность во время нашей схватки 25 числа. Мы провели вечерь весьма пріятно въ обществѣ офицеровъ, собравшихся у маіора; всѣ удивлялись избранному нами пути. Сто тридцать километровъ отдѣляютъ насъ еще отъ конечной цѣли путешествія, и хотя мы находимся все еще въ землѣ билей, но намъ уже нечего опасаться.

28 декабря по утру нашъ караванъ удалился изъ Кеирвары, сопровождаемый пятью солдатами изъ Удейпура, которыхъ маіоръ далъ намъ взамѣнъ отпущенныхъ мною соваровъ изъ Самейры и Тинтуи. Въ двухъ или трехъ километрахъ отъ станціи мы углубились въ ущелья; очертаніе горъ совершенно измѣнилось; ихъ высокіе, обнаженные гребни очень походили на крутыя вершины южнаго Багура, а болѣе обширныя цѣпи ихъ образовали широкія долины, орошаемыя потоками. Выѣхавъ изъ горъ Виндіи мы въѣхали въ цѣпь Аравилисъ. Эта горная цѣпь, отдѣляясь отъ общаго хребта, тянется къ сѣверу черезъ весь Раджпу-

танъ до Дели и считается одною изъ богатѣйшихъ и наименѣе извѣстныхъ частей Индіи. Главная масса ея состоитъ изъ гранита, лежащаго на плотномъ слоѣ шифера темносиняго цвѣта; въ долинахъ встрѣчается много цвѣтнаго кварца и сланцеватаго шифера, представляющаго всевозможные оттѣнки, начиная отъ багроваго и кончая золотымъ Въ этихъ горахъ находятся богатыя залежи мрамора, рядомъ съ которымъ попадается черный и цвѣтной, а равно гнейсъ и сіенитъ. Кромѣ золота, серебра, мѣди, свинца, олова эти горы содержатъ въ изобиліи горный хрусталь, аметисты, гранаты и небольшіе изумруды. Всѣ эти богатства лежатъ неразработанныя, и туземцы ревниво оберегаютъ ихъ отъ европейцевъ, не умѣя въ тоже время сами извлекать изъ нихъ пользу. Горы эти начинаются на плоскогорьѣ, возвышающимся на 400 или 500 метровъ надъ уровнемъ моря, и такимъ образомъ нѣкоторыя ихъ вершины подымаются болѣе чѣмъ на тысячу сто метровъ.

Пройдя сорокъ километровъ, мы достигли Пурсада, гдѣ намѣревались остановиться. Въ долинѣ, окружающей деревню, вырубленъ весь лѣсъ, уступившій мѣсто полямъ и это даетъ возможность обозрѣть всю окрестность; дома живописно лѣпятся по вершинѣ обнаженной, остроконечной горы, вышиною въ 50 метровъ, увѣнчанной розовымъ кварцомъ; по скату разсѣяны сады, и надо всѣмъ этимъ высится шпицъ пагоды и башни замка. Верхнія части горы усѣяны деревнями билей; дома ихъ, построенные изъ сланцеватаго шифера сверкаютъ волшебнымъ блескомъ.

Мы колебались съ минуту между древнимъ и живописнымъ караван-сараемъ и вѣковымъ бананомъ на берегу нуллаха; наконецъ послѣдній одержалъ верхъ и палатки наши были раскинуты подъ его громадными вѣтвями. Меня посѣтилъ здѣшній такуръ, и въ тотъ же день къ намъ присоединились два совара изъ Кеирвара, посланные маіоромъ для нашего подкрѣпленія. Нашъ караванъ значительно усилился съ Ахмедабада, такъ что посторонній наблюдатель могъ бы принять насъ за авангардъ экспедиціи, а не за мирныхъ путешественниковъ.

Одинъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ весьма любезно предложилъ мнѣ путешествіе Гебера по центральной Индіи и, читая по вечерамъ разсказы этого неутомимаго путешественника, я знакомился съ тою страною, куда мы вскорѣ должны были вступить.

Въ 1820 г., когда Геберъ предпринялъ посѣтить Раджпутанъ, это путешествіе, какъ онъ самъ говоритъ, считалось столь же опаснымъ, какъ изслѣдованіе центральной Африки. Онъ съ трудомъ могъ набрать въ Бенгалѣ конвой, такъ какъ про земли, которыя онъ готовился посѣтить, говорили, что онѣ дики и негостепріимны, лишены воды и наполнены разбойничьими шайками, которыя столь же опасны для путешественника, какъ и жители страны. Эти то нѣсколько преувеличенныя описанія Тода и Гебера заставили вѣроятно многихъ путешественниковъ отказаться отъ посѣщенія этой великолѣпной страны, о которой мы не имѣемъ съ тѣхъ поръ никакихъ извѣстій. Правда, эта страна недоступна еще для простаго туриста, судя по тѣмъ предосторожностямъ, какія мы должны были принять тотчасъ по вступленіи въ нее.

Много разъ ночью я былъ пробужденъ пронзительнымъ крикомъ рысей, искавшихъ добычи около нашего лагера. Наскучивъ ихъ назойливостью, я вышелъ изъ палатки, чтобы приказать одному изъ часовыхъ разогнать ихъ ружейными выстрѣлами. Но солдаты, утомленные дневнымъ переходомъ, спали вокругъ костровъ, предоставляя караулить лагерь лунѣ, сіявшей полнымъ блескомъ. Я направился къ лѣнтямъ, какъ вдругъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня какое-то животное стало на заднія лапы и затѣмъ медленно удалилось; это была чита (tchita), подошедшая къ кострамъ въ надеждѣ захватить одну изъ нашихъ собакъ. Я далъ ей спокойно удалиться и разбудилъ караульныхъ съ строгимъ выговоромъ за ихъ нерадѣніе.

Утромъ 29 числа мы встрѣтили рядъ такихъ дикихъ ущелій, овраговъ и тѣснинъ, что я съ минуту думалъ, что наши вьючныя животныя не пройдутъ по этой дорогѣ. Почва была покрыта темнымъ шиферомъ, заостреннымъ иногда какъ лезвее ножа; до сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ наши бѣдные верблюды не получили тутъ ранъ. При видѣ ихъ длинныхъ ногъ и огромнаго горба, трудно повѣрить, насколько этотъ корабль пустыни можетъ быть полезенъ въ горахъ, перенося на спинѣ тяжелые ящики, или переходя съ увѣреностью горнаго лошака черезъ самыя дикія ущелья.

Въ одинадцать часовъ мы спустились въ прекрасную долину, по которой протекаетъ быстрый потокъ; среди равнины, недалеко отъ деревни Жоваръ, возвышается группа великолѣпныхъ храмовъ изъ бѣлаго мрамора.

Маіоръ Макензи совѣтовалъ мнѣ посѣтить ихъ и даже остановиться въ одномъ изъ нихъ. Я послѣдовалъ его совѣту, и между тѣмъ какъ мои люди разбивали свои палатки подъ вѣковыми бананами, я размѣщался въ раскошной залѣ самой большой пагоды.

Это былъ первый образецъ знаменитой раджпутанской архитектуры джаиновъ, который мнѣ случилось видѣть, и я осматривалъ его съ величайшимъ любопытствомъ. Святилище, надъ которымъ находится высокая

башня пирамидальной формы, покрыта множествомъ статуй и превосходной рѣзной работой, что придаетъ ему особое великолѣпіе; большая часть статуй изображаютъ музыкантовъ, танцовщицъ, чудовищъ, индусскихъ боговъ, которымъ поклоняются безстрастные первосвященники индѣйскихъ гимнософистовъ. Передъ святилищемъ возвышается *чаори*, самая главная часть храма, предназначенная для поклонниковъ: она состоитъ изъ высокихъ, угловатыхъ и чрезвычайно простыхъ колоннъ, образующихъ большую четыреугольную залу, окруженную балконами. Среди залы остается большое свободное пространство, надъ которымъ возвышается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ куполовъ, въ стилѣ джаиновъ, такъ что рядъ небольшихъ колонокъ приподнимаетъ его на нѣсколько футъ надъ плоской крышей залы, и это придаетъ ей чрезвычайно легкій и воздушный видъ. Ни въ одномъ памятникѣ я не встрѣчалъ еще такой высоты, легкости и такой изящной отдѣлки; бѣлый мраморъ, изъ котораго онъ построенъ, получилъ съ теченіемъ времени желтоватый оттѣнокъ, и поэтому все зданіе кажется высѣченнымъ изъ одной громадной глыбы слоновой кости.

Противъ главнаго храма лежитъ множество статуй изъ чернаго мрамора и змѣевика; онѣ остались отъ развалинъ разрушенныхъ храмовъ. По другую сторону рѣки, у подошвы ската изъ розоватаго шифера находится другая группа храмовъ, обитаемыхъ летучими мышами, которыя гнѣздятся въ терновыхъ кустахъ; въ нихъ сохранилось еще нѣсколько статуй Тиртанкарсовъ. Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ объ усиліяхъ, употребленныхъ джайнасскими миссіонерами для того, чтобы цивилизовать и обратить въ свою вѣру населеніе долинъ; это удалось имъ быть можетъ на нѣкоторое время; но отъ ихъ дѣятельности остались одни лишь величественные памятники.

До Удейпура намъ оставался теперь всего одинъ переходъ, но такъ какъ онъ былъ длиненъ и утомителенъ и намъ приходилось еще пройти 45 километровъ въ горахъ, то я объявилъ моимъ людямъ, что мы воспользуемся лунной ночью, чтобы пуститься въ путь въ часъ пополуночи. Поэтому, слегка вздремнувъ, мы выступили въ назначенный часъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими билями, данными намъ въ проводники Жаварскимъ такуромъ. Луна ярко освѣщала путь и мы быстро шли впередъ, какъ вдругъ проводникъ объявилъ намъ, что сбился съ дороги. Это казалось весьма неправдоподобнымъ, но все же намъ пришлось слѣдовать за нимъ въ лѣсъ, гдѣ наши верблюды то и дѣло спотыкались о камни и запутывались въ колючихъ кустарникахъ; наша брань по видимому весьма

мало трогала биля, котораго одинъ изъ нашихъ соваровъ связалъ, чтобы отнять у него всякую возможность къ побѣгу. Въ довершеніе бѣдствія, сильный вѣтеръ быстро нагналъ большія тучи и ночь сдѣлалась совершенно темною. Мы зажгли костры, сошли съ верблюдовъ и, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, терпѣливо стали ожидать разсвѣта.

Около пяти часовъ утра мы снова двинулись въ путь и къ общему удовольствію нашли тропинку, которая привела насъ къ паллу. Недоѣзжая ея, мы были встревожены появленіемъ тигра, который перебѣжалъ намъ дорогу, посмотрѣлъ на насъ нѣсколько минутъ и исчезъ въ кустахъ: появленіе этого звѣря чрезвычайно напугало верблюдовъ. Жители первой деревни обошлись съ нами довольно вѣжливо и предложили свои услуги въ качествѣ проводниковъ; они осыпали бранью того биля, который велъ насъ изъ Жовара, но причиною этого могло быть и то, что онъ не довольно точно исполнилъ ихъ планъ.

Когда солнце взошло, мы уже ѣхали по великолѣпному лѣсу, гдѣ съ разныхъ сторонъ раздавался ревъ тигра и мы видѣли огромныя стада кабановъ. Затѣмъ растительность стала мало по малу исчезать и часовъ въ семь мы очутились среди множества холмиковъ, поросшихъ высокою травою изъ породы *каламъ*. Рѣдко доводилось мнѣ видѣть болѣе оригинальную мѣстность. Въ этихъ травахъ водилось множество дичи, и я убилъ мимоходомъ нѣсколько куропатокъ и глухарей.

Мы обогнули послѣдній холмъ и передъ нами открылся Удейпуръ, столица Мейвара. Люди кричали и прыгали отъ радости; а я былъ пораженъ великолѣпной панорамой, развернувшейся у нашихъ ногъ. Я никогда не думалъ видѣть что либо подобное; это было какъ бы появленіе волшебнаго города изъ Тысячи и одной Ночи. На первомъ планѣ надъ цѣлымъ лѣсомъ садовъ тянется длинный рядъ крѣпостей, пагодъ и дворцовъ; надъ ними высится самый городъ, представляющій волшебное сплетеніе башень и кіосковъ, которые лѣпятся по пирамидальному холму; на самой вершинѣ его стоитъ обширный дворецъ изъ бѣлаго мрамора, рѣзко выдѣляясь на голубоватомъ фонѣ окрестныхъ горъ.

Этотъ дворецъ величественныхъ размѣровъ точно паритъ, подобно новому Іерусалиму надъ земнымъ городомъ. Ни красками, ни перомъ невозможно передать волшебнаго впечатлѣнія, какое производитъ этотъ городъ, такъ вѣрно прозванный Удейпуромъ, т. е. «городъ солнечнаго восхода». Вскорѣ великолѣпная картина исчезла изъ нашихъ глазъ и мы съ трудомъ спустились по обнаженнымъ оврагамъ, окружающимъ этотъ рай.

Подъѣхавъ къ городу я обратился къ нѣкоторымъ прохожимъ съ просьбою указать мнѣ дорогу къ жилищу Резидента и они весьма обязательно проводили насъ. Это обширный дворецъ со множествомъ куполовъ и съ обширными террасами; онъ занимаетъ всю вершину холма, находящагося на растояніи одного или двухъ километровъ отъ городской стѣны. Къ величайшему моему разочарованію, лакеи, явившіеся въ простыхъ ливреяхъ, сообщили мнѣ, что англійскій агентъ не возвратился еще изъ своей поѣздки и что во время его отсутствія намъ не удастся найти помѣщенія въ городѣ. Я взглянулъ съ отчаяніемъ на окружающую мѣстность, но увидѣлъ одни только каменистые холмики, безъ малѣйшаго деревца, которое могло бы защитить нашу палатку отъ солнечныхъ лучей и отъ ночнаго холода! Въ это время прибѣжалъ *жемадаръ* или главный лакей съ предложеніемъ отвести намъ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей. Колебатся было невозможно и я поневолѣ согласился на предложеніе джемадара, давъ себѣ обѣщаніе оставить резиденцію, лишь только мнѣ удастся найти какое нибудь мѣсто стоянки.

На слѣдующій день, 31 декабря, мы отправились первымъ долгомъ верхами къ девану, Лучмуну Рао, которому привезли письмо отъ маіора Макензи. Совары сопровождали насъ въ видѣ конвоя и мы направились къ ближайшимъ, такъ называемымъ Слоновымъ воротамъ, которыя вели прямо въ городъ. Высокія, зубчатыя стѣны окружены глубокимъ рвомъ, наполненнымъ проточною водою; но это простыя, чрезвычайно толстыя стѣны, безъ земляныхъ контрефорсовъ; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ сдѣлали бы въ нихъ огромную брешь. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣна укрѣпляется тяжелыми четыреугольными бастіонами, снабженными пушками. Самыя ворота сильно укрѣплены и образуютъ поворотъ, защищенный нѣсколькими опускными рѣшетками и находящійся подъ самымъ перекрестнымъ огнемъ. Обѣ половинки воротъ снабжены желѣзными остріями, что лишаетъ осаждающихъ возможности выбивать ихъ съ помощью слоновъ. Караульный офицеръ шелъ къ намъ на встрѣчу и спросилъ куда мы ѣдемъ. При имени Девана онъ дѣлаетъ знакъ, что мы можемъ проѣхать и даетъ намъ солдата, чтобы проводить насъ до дому министра. Мы въѣхали на очень шумный и очень узкій базаръ, сквозь который совары довольно дерзко расчищали намъ путь; жители осматривали насъ съ любопытствомъ, не привыкши повидимому видѣть другихъ европейцевъ кромѣ членовъ посольства. Здѣсь для меня все ново: и архитектура домовъ, и самый типъ жителей; со всѣхъ сторонъ возвышаются храмы и роскошныя постройки среди полуразвалившихся домишекъ. Все, окружающее меня, не только ново, но въ высшей степени живописно и носитъ отпечатокъ такого стиля, о которомъ я до сихъ поръ не имѣлъ понятія.

Я слѣзъ съ верблюда на дворѣ Лучмуна Рао; домъ его съ виду довольно бѣдный, но оригинальный; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ галлереями съ колоннами, а выдающіеся окна задѣланы плитами, въ которыхъ пробиты небольшія отверстія. Министръ принялъ насъ хорошо, но сейчасъ видно, что онъ браминъ, а не раджпутъ. Освѣдомившись о цѣли нашего путешествія, онъ отвѣчалъ намъ тѣми индѣйскими обѣщаніями, которыя ровно ничего не обѣщаютъ. «Мы хотимъ видѣть Магарана!»—«Разумѣется, ему будетъ очень пріятно ваше посѣщеніе!» отвѣчалъ онъ; но я никакъ не могъ добиться отъ него, когда и гдѣ произойдетъ это свиданіе. Впрочемъ, этотъ жалкій министръ не имѣетъ особенной власти и боится, какъ бы мы этого не замѣтили.

Я убѣдительно прошу его дать намъ какое нибудь помѣщеніе въ городѣ, но онъ отказывается взять на себя эту отвѣтственность, не посовѣтовавшись съ Раной, и предлагаетъ намъ зданія Гаваллы или арену, за городомъ и возлѣ самой резиденціи.

Возвратясь къ себѣ, я засталъ всѣхъ своихъ людей въ праздничной одеждѣ; столъ былъ накрытъ роскошно: тутъ была и дичь, и овощи и фрукты! Я потребовалъ объясненія этого торжества; слуги отвѣсили мнѣ по низкому поклону, объясняя, что они хотѣли этимъ отпраздновать окончаніе года и пожелать мнѣ счастливо встрѣтить новый. Мы съ Шаумбургомъ пировали одни и пили въ честь этого новаго года, отъ котораго ожидали такъ много, и который засталъ насъ одинокими и заброшенными въ негостепріимномъ городѣ. Но положеніе наше во многомъ измѣнилось черезъ нѣсколько дней!

На слѣдующій день, 1 января 1866 г. мы перенесли свои вещи въ зданіе арены. При другихъ обстоятельствахъ я полюбовался бы имъ, но день былъ холодный, и среди этихъ колоннъ я не могъ найти защиты отъ вѣтра, что навѣяло на меня особенную грусть. Я былъ вынужденъ превратить средину самой обширной залы въ искусственную комнату, растянувъ между столбами парусину съ нашей палатки.

Эти арены, въ которыхъ происходили нѣкогда бои слоновъ и состязанія людей, состоятъ изъ нѣсколькихъ большихъ павильоновъ, окружающихъ частью дворъ, защищенный со стороны поля стѣною. Павильоны отличаются чрезвычайно величественнымъ стилемъ; они стоятъ на каменныхъ террасахъ, вышиною отъ 6 до 10 метровъ и образуются нѣсколькими рядами колоннъ, которыя поддерживаютъ пло-

скую крышу. Въ томъ павильонѣ, который мы занимали, было не менѣе 48 колоннъ, расположенныхъ въ четыре ряда, что образовало прелестную перспективу. Вообще, въ этихъ постройкахъ нѣтъ ни одной стѣны, и изъ центра этого возвышеннаго павильона открывается видъ на всю окрестность. Таково было жилище, предоставленное въ наше распоряженіе, благодаря покровительству перваго министра и щедрости самаго Раны; очень красивое и величественное въ архитектурномъ отношеніи и безъ сомнѣнія, чрезвычайно пріятное лѣтомъ, оно было крайне неуютно зимою.

Вскорѣ послѣ нашего переселенія, насъ посѣтило нѣсколько лицъ и между прочимъ директоръ королевскихъ тюремъ и одинъ гвардейскій капитанъ; оба они были чрезвычайно любезны, и осыпали насъ вопросами; но я вскорѣ понялъ, что насъ принимали за шпіоновъ. Напрасно старался я увѣрить ихъ, что мы пріѣхали изслѣдовать эти земли, изучить ихъ нравы и достопримѣчательности; мнѣ опять предлагали вопросъ: «Кто послалъ васъ?» и всѣ мои объясненія не могли убѣдить ихъ, что я пренебрегъ всѣми опасностями путешествія изъ любви къ наукѣ. Первый министръ также посѣтилъ насъ въ сопровожденіи довольно значительнаго конвоя; онъ былъ любезенъ до крайности, восхищался тѣмъ превращеніемъ, которое мы совершили съ ареною, восторгался нашими лошадьми и всѣмъ, что мы привезли съ собою; а затѣмъ самымъ обыкновеннымъ тономъ попросилъ меня передать ему возложенное на меня политическое порученіе, увѣряя, что оно будетъ передано одному только Ранѣ. Видя, что я упорствовалъ въ своихъ доводахъ, онъ обѣщалъ на слѣдующій же день оффиціально представить меня государю.

На другой день та же самая исторія. Въ ту самую минуту, какъ я отправился во дворецъ, на обѣщанную аудіенцію, примчался верхомъ Булкунтъ Рао — одинъ изъ секретарей короля и съ многозначительнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что до аудіенціи я долженъ изложить все то, что намѣренъ высказать королю. Мнѣ сильно захотѣлось прогнать его, сказавъ, что я даже и не желаю видѣть Раны, но у меня хватило терпѣнія повторить мои объясненія, и я долженъ былъ удовлетвориться обычнымъ отвѣтомъ. Этотъ разъ секретарь записалъ мои слова стенографически и уѣхалъ, увѣряя меня, что я получу черезъ нѣсколько дней желаемую аудіенцію. Я такъ настаивалъ на свиданіи съ Раной потому, что, принятый имъ, я могъ разсчитывать на хорошій пріемъ и со стороны другихъ раджпутскихъ раджей, которые считаютъ его какъ бы главою своего племени.

Нынѣшній Мага-Рана-Мейварскій, Самбу-Сингъ молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, гелотскій раджпутъ, племени Сесудіасовъ, признанъ представителемъ Суріавансисовъ — извѣстнаго Солнечнаго племени Индіи. Особа его составляетъ предметъ почитанія для всѣхъ индусовъ, и онъ имѣетъ право на громкое названіе *Гинду Сураджъ*, т. е. солнце индусовъ. Подобный почетъ, оказываемый королевскому семейству, второстепенному по могуществу, обязанъ своимъ происхожденіемъ тому храброму сопротивленію, которое оно оказало мусульманскимъ завоевателямъ. Побѣжденное, оно отвергло тѣ выгодные браки, которые прочіе раджи поспѣшили заключить, и сохранили цѣною крови чистоту своей касты незапятнанною. Это мужество поставило его не только въ главѣ всего индѣйскаго дворянства, но заслужило ему многія почести и преимущества. Въ собраніи королей, Рана занимаетъ всегда почетное мѣсто и пользуется правомъ слова; въ спорахъ, возникающихъ между раджпутами по религіознымъ и кастовымъ вопросамъ, онъ одинъ считается неоспоримымъ судьею и посредникомъ.

Владѣніе этого семейства приблизительно также велико теперь, какъ оно было въ то время, когда Гелотъ Банна свергнулъ въ 728 г. шиторскихъ королей Мори и основалъ династію Рана. Оно заключаетъ провинціи Мейвара, ограниченныя съ юга горами Виндія, съ запада цѣпью горъ Аравалисъ, на востокѣ Мальвой и на сѣверѣ англійскимъ владѣніемъ Аймеръ. По доходу этого государства, доходящему теперь до 40 лакъ (lakhs) рупій, его слѣдуетъ отнести къ числу второстепенныхъ государствъ, тогда какъ, по значительной величинѣ, оно должно бы занять гораздо болѣе видное мѣсто; впрочемъ, этой странѣ предстоитъ великое будущее и доходы ея должны увеличиться со временемъ во сто разъ.

Изъ числа генеалогическихъ претензій Рановъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія двѣ: они считаютъ себя родственными персидскимъ царямъ, по дочери послѣдняго Хозроя, великаго Нушірвана, которая вышла замужъ за одного Рана; съ другой стороны—подобнаго же рода бракъ связываетъ ихъ съ римскими императорами, царствовавшими въ Константинополѣ. Нѣтъ въ мірѣ семейства съ болѣе точною родословною, начиная отъ сказочныхъ временъ, какъ королевское семейство Рановъ Шиттора и Удейпура:

Еще въ наше время въ Удейпурѣ живутъ начальники главныхъ племенъ раджпутовъ, сесудіасовъ, рахторовъ и шоланъ; и это единственный пунктъ, гдѣ это племя сохранилось во всей своей чистотѣ. Среди раджпутовъ встрѣчаются еще тѣ блестящія качества, та гордость, чест-

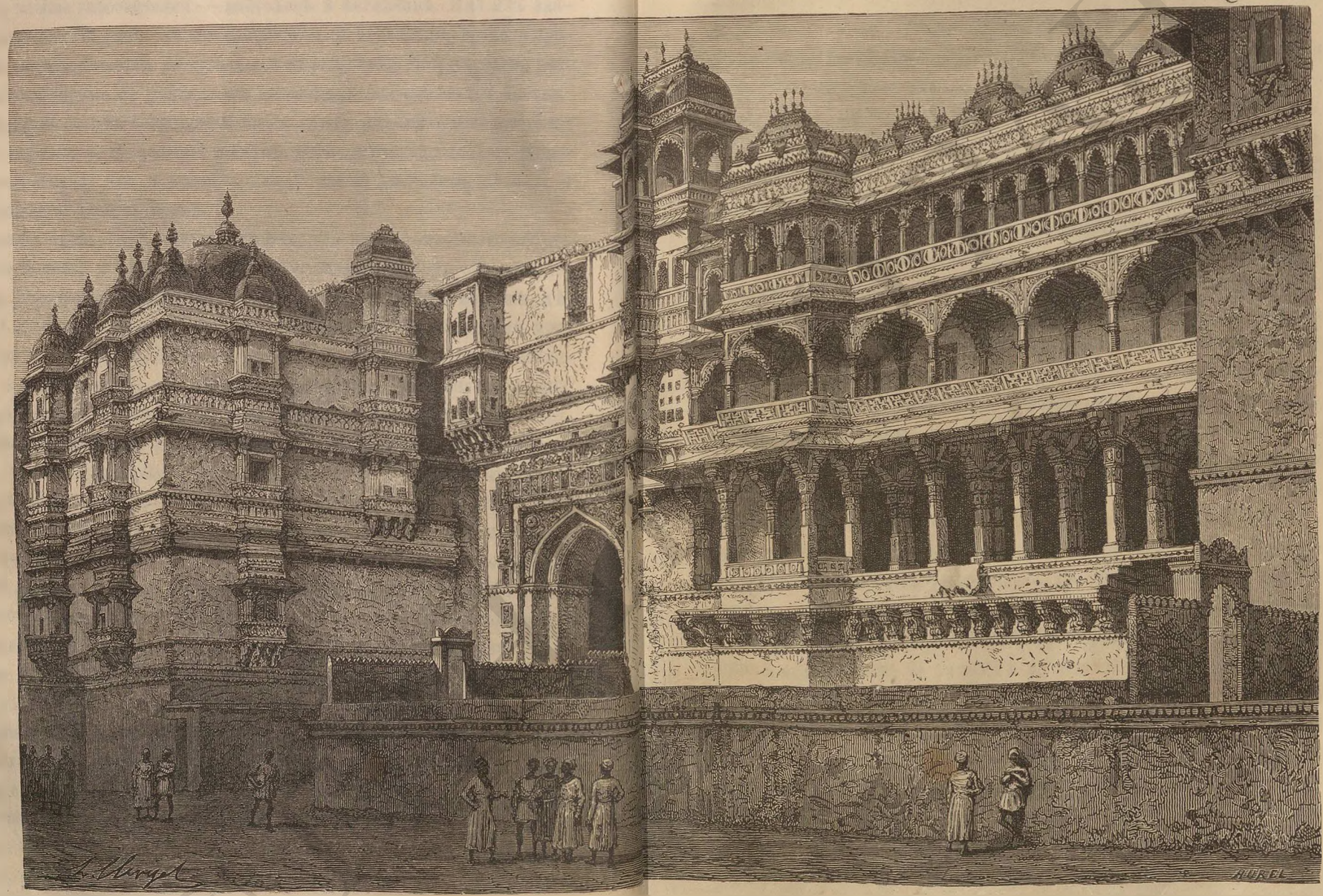
ОТПРАВ

ность и вѣжливость, которыми былъ такъ восхищенъ ихъ панегиристъ и историкъ, полковникъ Тодъ; здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ либо отразилось на нихъ вліяніе завоевателей — монголовъ и англичанъ. Имя ихъ значитъ «королевскій сынъ», и каждый можетъ въ отдаленныя времена прослѣдить свою генеалогію до туземныхъ властителей. Каждое племя раздѣляется на колѣна съ различными названіями; любопытный и чрезвычайно мудрый законъ запрещаетъ браки между лицами одного и того же колѣна: молодые люди должны выбирать себѣ супругу изъ другаго раджпутскаго племени; это сближаетъ между собою различныя племена и поддерживаетъ чистоту крови.

Названія отдѣльныхъ колѣнъ происходятъ всегда отъ какого нибудь славнаго подвига, совершеннаго его основателемъ. Такимъ образомъ сесудіасы, королевское семейство Удейпура, обязаны своимъ именемъ слѣдующей легендѣ. Однажды, одинъ изъ Рановъ, охотясь со своими придворными на равнинахъ Мейвара, проглотилъ большую муху; поселившись въ его желудкѣ, это насѣкомое причиняло ему такія страданія, что онъ хотѣлъ посягнуть на свою жизнь; но явился одинъ факиръ, предложившій вылечить Рану. Обрѣзавъ тайно кончикъ уха у коровы, святой человѣкъ завернулъ его къ тряпочку и, привязавъ къ ниткѣ, далъ проглотить королю. Когда приманка дошла до желудка, то муха инстинктивно сѣла на нее и ее легко было вытащить. Король непремѣнно хотѣлъ узнать какое средство было употреблено факиромъ, и послѣдній долженъ былъ наконецъ сознаться въ ужасной тайнѣ. Узнавъ, что кусочекъ священнаго животнаго былъ у него во рту, Рана пришелъ въ неописанный ужасъ; онъ не считалъ себя достойнымъ жить послѣ подобнаго преступленія, и рѣшилъ покончить съ собою, предварительно очистивъ себя, проглотивши расплавленнаго свинца. Окруженный рыдающими придворными, король твердою рукою поднесъ къ губамъ чашу и залпомъ опорожнилъ ее. Но, что за чудо, расплавленный металлъ не обжегъ его губъ и превратился у него во рту въ чудную, свѣжую воду. Признавая въ этомъ волю боговъ, Рана и все его племя приняли имя Сесудіа, происходящее отъ существительнаго сиса, (siça) (свинецъ). Правда, нѣкоторые враждебные племена утверждаютъ, что это имя произошло отъ слова сисса (sissa—заяцъ), и было дано этому племени потому, что воины его бросили однажды преслѣдованіе непріятеля, чтобы поймать зайца, перебѣжавшаго черезъ дорогу. Какъ видно каламбуръ въ ходу и у раджпутовъ.

Сесудіасы представляютъ настоящій типъ племени царскихъ сыновей; высокаго роста и прекрасно сложенные, они имѣютъ выразитель-

ОТДЕЛ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ СОРАН



Дворцовый дворъ въ Удейпурѣ.

ныя, чрезвычайно красивыя черты лица, дышащія гордостью и совершенно напоминающія арійскій типъ; они носятъ очень длинную бороду, раздѣляя ее на два большихъ, остроконечныхъ бакенбарда, которые составляютъ отличительную особенность почти каждаго раджпута. Они занимаются исключительно военнымъ дѣломъ и образуютъ въ Мейварѣ всю аристократію и войско. Обладая большою храбростью, они прекрасные всадники и неустрашимые охотники. Охота составляетъ для нихъ не препровожденіе времени, но особый религіозный обрядъ; по уставамъ ихъ религіи, они должны заниматься ею въ извѣстное время года и они рѣдко проводятъ нѣсколько недѣль, не преслѣдуя дикаго звѣря. Молодой раджпутъ, достигшій совершеннолѣтія, принимается въ обществѣ мужчинъ не иначе, какъ убивъ собственною рукою одного изъ громадныхъ кабановъ, живущихъ въ Аравалискихъ горахъ; онъ идетъ на охоту одинъ, вооруженный щитомъ и тяжелымъ *катаромъ* (catâr); выйдя на мѣсто, посѣщаемое этими животными, онъ ожидаетъ, ставъ на одно колѣно, появленія своего противника; если онъ побѣдилъ звѣря, то, прійдя домой, приглашаетъ мужчинъ своей семьи на пиръ, гдѣ фигурируетъ на первомъ планѣ его добыча. Раджпуты очень любятъ мясо кабана, и въ извѣстное время года питаются имъ почти исключительно.

Чалмы Раджпутовъ сплетены всегда весьма кокетливо и граціозно; форма ихъ чрезвычайно разнообразна; иныя сложены въ видѣ токи съ приподнятыми краями, другія на подобіе греческой каски. Чрезвычайно изящный костюмъ ихъ состоитъ изъ длинной, обтянутой туники и очень узкихъ панталонъ, дѣлаемыхъ обыкновенно изъ роскошно вышитыхъ матерій, украшенныхъ золотыми галунами; они одни изъ всѣхъ индѣйскихъ кастъ носятъ на рукахъ и на ногахъ тяжелые браслеты изъ чистаго золота. Ихъ поясъ вѣчно украшенъ цѣлымъ арсеналомъ кинжаловъ и шпагъ, а на плечѣ виситъ круглый щитъ изъ шкуры носорога, покрытый выпуклыми золотыми украшеніями. Сбруя на лошадяхъ сдѣлана съ большимъ вкусомъ и роскошью; сѣдло высокое, набитое волосомъ и покрытое шелковымъ чепракомъ; съ обѣихъ сторонъ висятъ бѣлые какъ снѣгъ хвосты яка, покрывающіе ноги всадника; голова лошади, украшенная перьями, соединена съ грудью весьма короткимъ мартингаломъ, что принуждаетъ лошадь чрезвычайно граціозно закруглять шею. Они очень заботятся о своихъ лошадяхъ, любятъ, чтобы они были откормлены, и, подобно магаратамъ, заставляютъ ихъ скакать, прыгать и гарцовать.

Женщины—раджпутки бываютъ высокаго роста, хорошо сложены и иногда весьма красивы; жены дворянъ ведутъ замкнутую жизнь въ це-

© ГПНТБ СО РАН

нанахѣ, а прочія пользуются свободою и ходятъ съ открытымъ лицомъ, но скромно надвигаютъ на него свое сарри, лишь только замѣтятъ, что за ними слѣдитъ европеецъ. Ихъ одежда чрезвычайно граціозна, но менѣе легка, нежели у женщинъ Гузурата и Декана; онѣ носятъ широкую юбку въ сборкахъ, спускающуюся до колѣнъ; небольшой корсажъ покрываетъ только плечи и груди, оставляя животъ и спину полуобнаженными; кромѣ того онѣ закутываются газовымъ или шелковымъ шарфомъ, прикрѣпляя одинъ конецъ его къ головѣ. Подобно женщинамъ всѣхъ прочихъ индѣйскихъ племенъ онѣ носятъ множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній.

Каждый зажиточный Раджпутъ имѣетъ по крайней мѣрѣ трехъ женъ; но тутъ онѣ играютъ весьма важную роль въ общественной жизни: ничто не дѣлается безъ согласія обитательницъ гинекея. Мужчина всегда откажется дать отвѣтъ немедленно; ему нужно посовѣтываться съ женою, и онъ скажетъ вамъ лишь рѣшеніе этой послѣдней. Раджпуты питаютъ къ женщинамъ то уваженіе, которое характеризуетъ всѣ рыцарскія племена; ихъ поэмы наполнены разсказами о приключеніяхъ, предпринятыхъ для освобожденія какой нибудь плѣнной красавицы или въ отмщеніе за оскорбленіе женской чести. Всѣ великія войны ихъ были предприняты по поводу какой нибудь женщины и, говоря о Шитторѣ, я буду имѣть случай разсказать съ какимъ геройствомъ цѣлый городъ подвергся разоренію, не желая выдать принцессы, которую требовалъ Акберъ. И въ настоящее время, если раджпутской женщинѣ нужно отомстить за оскорбленіе, то она посылаетъ браслетъ тому воину, котораго избираетъ себѣ въ защитники, и этотъ простой залогъ обязываетъ его вступиться за честь женщины. Впрочемъ, исторія Раджпутана изобилуетъ геройскими подвигами и со стороны самихъ раджпутскихъ женщинъ.

Еще одинъ классъ людей съ древнихъ временъ пользуется особымъ почетомъ у раджпутовъ: это барды или героическіе поэты. Каждое племя, каждое болѣе значительное семейство, каждый король или феодальный баронъ имѣетъ своего барда. Онъ обязанъ сохранять всѣ преданія, относящіяся до происхожденія племени или семейства; ведетъ родословное дерево и при великихъ событіяхъ провозглашаетъ имена предковъ и прославляетъ ихъ дѣянія. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ, сочиняетъ гимны и стихи для семейныхъ праздниковъ, и своими импровизаціями оживляетъ вечера. Особа *бата* или барда священна; ему предоставляется честь дѣлать вызовъ и объявлять войну; онъ устраиваетъ браки и играетъ главную роль при всѣхъ переговорахъ. Онъ занимается также астрологіей, и жители пустыни уважаютъ его болѣе самаго браминскаго жреца.

Раджпуты гордятся нынѣ званіемъ кшатріевъ, которымъ означалось нѣкогда воинственное арійское племя, поселившееся на плоскогорьяхъ Индустана вмѣстѣ съ браминами—кастой жрецовъ. Подобно кшатріямъ, они ведутъ свое происхожденіе отъ Рамы, короля солнечнаго племени, побѣдителя Легуки, и это заставляетъ думать, что они поселились въ этой странѣ за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Но въ настоящее время можно почти съ увѣренностью сказать, что по всей Индіи они распространились въ болѣе позднее время. По словамъ браминовъ, всѣ кшатріи погибли во время возстанія прочихъ кастъ, руководимыхъ Парасурамой, въ лицѣ котораго воплотился Вишну за нѣсколько столѣтій до нашей эры. Были ли они окончательно уничтожены или нѣтъ, но дѣло въ томъ, что они уже утратили свое значеніе господствующаго племени, такъ какъ мы видимъ, что на императорскомъ тронѣ Магадха смѣнялось нѣсколько династій Сударасовъ между коими были и Моріасы. Раджпуты появляются на политическомъ поприщѣ Индіи лишь въ VI или VII вѣкѣ; они долго жили по прибрежьямъ Инда, и Тодъ считаетъ ихъ остатками скиѳскихъ племенъ, заселившихъ мало-по-малу западныя окраины Индіи. Между шестымъ и седьмымъ вѣками эти раджпутскія племена становятся всемогущи; ханделасы населяютъ Мальву, шоганы и раторы занимаютъ Канужъ и Дели, гелоты и багеласы — Мейваръ и Гузуратъ. Въ эту эпоху раджпуты были еще отдѣлены отъ большаго индусскаго племени; исповѣдывали религію джаиновъ, и всѣ ихъ преданія группировались въ центрѣ индѣйской пустыни, вокругъ славной горы Абу. Но вскорѣ они приняли религію браминовъ и изъявили тогда свои притязанія на титулъ кшатріевъ, который брамины до сихъ поръ не соглашаются признать за ними. Типомъ лица они до того отличаются отъ прочихъ индусовъ, а нравами и обычаями такъ напоминаютъ парѳянъ и скиѳовъ, что все заставляетъ думать, что раджпуты—суть представители послѣдняго нашествія индо-европейскаго племени на Индію.

Холодъ значительно усилился, и наше жилище сдѣлалось вполнѣ невыносимымъ. Я не видѣлъ другаго исхода, какъ продолжать нашъ путь къ англійской провинціи Аймиръ, оставивъ негостепріимную страну Раны неизслѣдованною. Намъ не удалось еще осмотрѣть города, и всѣ наши экскурсіи ограничивались ближайшими окрестностями амфитеатра, но онѣ открыли мнѣ такъ много любопытнаго, что я рѣшился подождать еще, не смотря на оказанный намъ дурной пріемъ.

Съ вершины одной горы мнѣ представилось волшебное зрѣлище; я увидѣлъ городъ, спускавшійся со своими садами и дворцами къ берегамъ огромнаго озера, окруженнаго величественными горами; среди этого обширнаго воднаго пространства возвышались двѣ группы дворцовъ и садовъ; у самыхъ ногъ моихъ, нѣсколько каналовъ, съ перекинутыми черезъ нихъ мостиками, перерѣзывали многодомные кварталы; дворецъ Раны, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ, сверкалъ надъ этой картиной своей ослѣпительной бѣлизной. Я провелъ уже нѣсколько дней около этого города и до сихъ поръ не зналъ, что въ немъ находилось это озеро и всѣ тѣ красоты, какія я увидалъ при восхожденіи на гору.

Директоръ тюремъ, посѣщавшій меня время отъ времени, предложилъ мнѣ осмотрѣть главную тюрьму. Это хорошенькая крѣпостца, стоящая на вершинѣ одного изъ невысокихъ холмовъ, господствующихъ надъ стѣнами города; надъ главнымъ входомъ находится флигель съ башнями, балконами и толстыми, наклонными карнизами весьма красиваго стиля; это жилище—*таннадара.* Арестанты помѣщаются въ большихъ сараяхъ; они спятъ на голой землѣ, и вдоль стѣнъ прикрѣплены длинныя, желѣзныя полосы, къ которымъ привязываютъ на ночь ихъ цѣпи. Съ ними обращаются довольно снисходительно; оковы ихъ легки, просто заклепаны у лодыжекъ, и по своей длинѣ дозволяютъ имъ бѣгать. Каждый арестантъ сохраняетъ ту одежду, какая была на немъ при поступленіи въ тюрьму; онъ получаетъ каждый день свою пищу, которую самъ же и готовитъ разводя для этого огонь и черпая воду, когда ему вздумается. Арестантовъ заставляютъ расчищать и прокладывать дороги, но за работой ихъ мало слѣдятъ. Вообще положеніе ихъ не особенно жалкое, и обитатели нашихъ европейскихъ тюремъ почли бы себя счастливыми пользоваться подобною жизнью.

Въ ту самую минуту, когда я уже отчаявался достигнуть какого нибудь результата, вдругъ явилась неожиданная помощь изъ Удейпура. Оттуда пріѣхалъ Байдлахскій рао, первый баронъ королевства, который, узнавъ о нашемъ прибытіи, поспѣшилъ вывести насъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ явился на богатыхъ носилкахъ, окруженный блестящею свитою. Взявъ его за руку, я помогъ ему сойти и торжественно подвелъ его къ креслу. Этотъ поступокъ, повидимому чрезвычайно простой, оказался весьма выгоднымъ для меня.

«Гдѣ это вы научились индѣйскому этикету, котораго не знаютъ обыкновенно сагибы?» спросилъ рао. Это дало мнѣ случай разсказать о моемъ долгомъ пребываніи въ Бародѣ, о дружбѣ моей съ Гюлковаромъ и о цѣли моей поѣздки въ Мейваръ. Внимательно выслушавъ

меня, онъ упрекалъ насъ за то, что я не обратился къ нему тотчасъ по пріѣздѣ и увѣрялъ меня, что Рана навѣрно заставитъ меня забыть первое впечатлѣніе и приметъ меня съ такимъ же великолѣпіемъ какъ и Кундерао.

Рао Байдлаха—красивый старикъ и чистый типъ раджпута; изящныя манеры его исполнены достоинства, и разговоръ дышетъ откровенностью, умѣренную этикетомъ, какую рѣдко можно встрѣтить у индѣйцевъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ феодальномъ совѣтѣ шестнадцати рао или герцоговъ Мейварскаго королевства, этихъ могучихъ вассаловъ, которые до вмѣшательства англичанъ въ дѣла этой страны сдѣлали почти ничтожною власть самаго раджи. Эти рао, происходя почти всѣ отъ королевскаго семейства, владѣютъ обширными ленами, управляя ими почти совершенно независимо; живя въ своихъ столицахъ, они рѣдко посѣщаютъ Удейпуръ и часто находятся въ открытой враждѣ съ Раной. Британское правительство употребило много усилій, чтобы ослабить могущество рао и сосредоточить власть въ рукахъ Раны, но до сихъ поръ это не особенно удалось ему. Владѣнія рао Байдлахскаго очень обширны и приносятъ ему болѣе 120 тысячъ франковъ годоваго дохода; столица его находится всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Удейпура, что даетъ ему возможность жить въ ней, посѣщая въ то же время и дворъ. Онъ происходитъ изъ племени шогановъ и пользуется нѣкоторыми любопытными привилегіями; такъ напр. третьяго числа мѣсяца самватеири, ему приносятъ въ Байдлахъ королевскіе знаки, и онъ торжественно отправляется къ Ранѣ, который принимаетъ его у дверей своего дворца. Умный и проницательный, онъ съумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе молодаго короля и въ то же время находится въ дружбѣ съ британскимъ правительствомъ. Въ сущности онъ является представителемъ двухъ партій: онъ заботится о сохраненіи древняго величія удейпурскаго царскаго дома и поддерживаетъ привилегію дворянства, но въ то же время покровительствуетъ и нововведеніямъ, приносимымъ въ страну европейцами. Являясь «либеральнымъ консерваторомъ,» онъ былъ бы счастливъ, если бы въ странѣ привились европейская торговля и промышленность, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы привилегіи его не были затронуты. Благодаря его вліянію, было оказано покровительство европейцамъ, бѣжавшимъ во время возстанія 1857 г.; ихъ не только защитили отъ бунтовщиковъ, но они въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовались хорошимъ помѣщеніемъ, хорошею пищею и полнымъ вниманіемъ. Англійская королева наградила стараго рао, пославъ ему саблю, которую онъ съ гордостью показывалъ намъ.

ОТПЕЧАТОК

Первое посѣщеніе его продолжалось болѣе часа; ему хотѣлось осмотрѣть всѣ наши вещи, до мельчайшихъ туалетныхъ принадлежностей, и онъ долго восхищался стереоскопомъ съ раскрашенными видами Тюльери и Версали; я былъ вынужденъ наконецъ подарить ему эту вещь, такъ какъ онъ не могъ отъ нея оторваться. Чтобы доказать намъ, что онъ не былъ чуждъ нашихъ цивилизованныхъ обычаевъ, онъ выпилъ рюмку хереса и попросилъ сигару; это чрезвычайно удивило меня, такъ какъ я ни разу не видалъ, чтобы индѣецъ высшей касты такъ открыто перенималъ наши обычаи; но впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что раджпуты отбросили свои кастовые предразсудки относительно нашихъ винъ и табаку и потребляютъ ихъ въ большомъ количествѣ.

Едва удалился рао, какъ мы получили отъ нѣкоторыхъ придворныхъ *дали*, т. е. корзины съ фруктами и овощами, а вечеромъ Рана прислалъ своего чубдара передать намъ его салаамъ и великолѣпную дали; посѣщеніе рао совершенно измѣнило наши отношенія.

Поутру къ нашимъ дверямъ подвели слона, присланнаго отъ рао вмѣстѣ съ джемадаромъ и четырьмя соварами въ видѣ конвоя. Королевскій секретарь Бульвантъ-рао, исполняющій роль нашего чичероне, провелъ насъ по предмѣстью, застроенному виллами богатыхъ обитателей Удейпура; со всѣхъ сторонъ небольшіе холмики покрыты тѣнистыми садами, въ которыхъ мы видимъ изящные кіоски съ колоннами, павильоны на берегу небольшихъ прудовъ и множество храмовъ съ мраморными башенками. Мы проникли въ городъ черезъ ворота, защищенныя бастіонами, и проѣхали по великолѣпному базару; дома здѣсь всѣ каменные и съ террасами; лавки находятся подъ арками по обѣимъ сторонамъ улицы и отличаются чистотою и правильностью, какихъ никакъ не ожидаешь, видѣвши постройки Гузурата. Общій видъ города поражаетъ своимъ великолѣпіемъ; при каждомъ домѣ есть свои тіатри (chatris), поддерживающіе легкіе куполы; фасады украшены балконами и окнами съ каменными рѣшетками, а террасы громоздятся одна надъ другою въ поэтическомъ безпорядкѣ; статуи, фрески и арабески придаютъ монументальный видъ самому скромному жилищу.

Нѣкоторыя улицы тянутся по прямой линіи на далекое разстояніе и чрезвычайно оживлены; въ одной живутъ всѣ сапожники, въ другой всѣ ткачи, поставляющіе чалмы; здѣсь каждый магазинъ представляетъ настоящій арсеналъ сабель, ружей и щитовъ; далѣе лавки наполнены парчей и золотыми издѣліями; каждый промыселъ, каждое ремесло сосредоточено въ отдѣльномъ кварталѣ, и всякій повидимому весьма мало заботится о конкуренціи съ сосѣдомъ. Дворянскій кварталъ наполненъ

величественными зданіями, настоящими укрѣпленными замками съ зубчатыми стѣнами, башнями, дворцами и казармами, но красота ихъ значительно уменьшается множествомъ развалинъ, примыкающихъ къ самымъ великолѣпнымъ постройкамъ. Присутствіе этихъ развалинъ въ такой части города, гдѣ земля сравнительно цѣнится дорого, происходитъ отъ ложнаго уваженія раджпутовъ къ произведеніямъ ихъ предковъ; они не хотятъ ни чинить, ни окончательно снести ихъ и оставляютъ обломки тамъ, куда они случайно упали. Изъ всѣхъ частей города видѣнъ дворецъ—величественное зданіе со множествомъ куполовъ, башень и портиковъ.

Мы съ трудомъ поднялись по улицамъ, которыя ведутъ къ королевскому жилищу; онѣ до того покаты, что экипажи съ трудомъ могутъ подняться по нимъ. На главной улицѣ, идущей отъ Гаттиполя ко дворцу, близъ самаго главнаго входа его находится большая королевская пагода, посвященная Джагернауту и построенная Пертапъ—Сингомъ, въ концѣ XVI столѣтія. Она стоитъ на высокой террасѣ изъ бѣлаго мрамора, на которую ведетъ великолѣпная лѣстница, охраняемая двумя мраморными слонами, съ поднятымъ вверхъ хоботомъ. Храмъ построенъ весь изъ бѣлаго мрамора и украшенъ рѣзьбой; весьма изящная средняя башня его возвышается приблизительно на 25 метровъ; надъ нею, на вызолоченномъ древкѣ развѣвается знамя этого бога. Передъ святилищемъ находится хорошенькій павильонъ съ колоннами и пирамидальною крышей; карнизы его украшены барельефами, изображающими случаи изъ жизни Кришны, а самое основаніе зданія окружено статуетками слоновъ и львовъ; этотъ перистиль представляетъ собою одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ образчиковъ архитектуры джайновъ въ Удейпурѣ.

Мы спустились затѣмъ по той сторонѣ холма, которая обращена къ озеру и достигли монументальныхъ воротъ, построенныхъ на самомъ берегу озера. Эта тріумфальная арка, подобно всѣмъ памятникамъ Удейпура, сдѣланная изъ бѣлаго мрамора, состоитъ изъ трехъ зубчатыхъ арокъ и поддерживаетъ изящный аттикъ, окруженный балконами. Индѣйцы оказываютъ большое почтеніе этимъ воротамъ, называемымъ Триполія или Тройныя ворота; онѣ предназначены для поѣздовъ и процессій, отправляющихся на озеро во время празднествъ. У набережной насъ ожидала лодка, чтобы перевезти на острова и вскорѣ мы поплыли по поверхности тихаго Пешолы; вокругъ этого обширнаго озера тянется городъ, отражаясь въ немъ со своими деревьями и домами. Образуя сначала узкій рукавъ, надъ которымъ нависли небольшіе мысы, усѣянные дворцами, озеро разливается затѣмъ обширнымъ эллипсомъ, дли-

ною въ пятнадцать и шириною въ семь километровъ; въ центрѣ его находятся два острова Жугъ-Навасъ и Жугъ-Мундеръ. По одному берегу тянется цѣпь выдающихся горъ, съ раскинувшимся на ея отрогахъ городомъ, а по другому идутъ болота, окруженные густымъ лѣсомъ; надъ ними возвышаются довольно значительно остроконечныя горы.

Мы пристали къ ближайшему острову Жугъ-Навасъ; онъ весь занятъ рядомъ дворцовъ, построенныхъ Раной-Жуггутъ-Сингомъ, и занимающихъ поверхность въ 160 англійскихъ аръ. Эти дворцы содержатъ пріемныя залы, ванны и кіоски необыкновенно изящной архитектуры и чудесной отдѣлки. На эти постройки употребляли одинъ только мраморъ: колонны, своды, резервуары, стѣны, садовыя аллеи, все сдѣлано изъ бѣлаго или чернаго мрамора, стѣны украшены великолѣпной мозаикой, а главные покои отдѣланы весьма цѣнными историческими фресками. При каждомъ флигелѣ есть садъ, обнесенный галлереями; цвѣтники, апельсинныя и лимонныя рощи возвышаются тутъ среди извилинъ нѣсколькихъ ручейковъ, соединенныхъ каналами причудливыхъ очертаній; огромныя манговыя деревья и чудесныя тамаринды осѣняютъ своею листвою эти изящные дворцы; кокосовыя и финиковыя пальмы возвышаютъ надъ куполами свои верхушки, которыя тихо покачиваются подъ дуновеніемъ вѣтра. Мельчайшія подробности находятся въ гармоніи съ красотою всей мѣстности; тутъ нѣтъ ничего величественнаго, ничего поражающаго или утомительнаго для глаза: дворцы невелики, изящны и уютны; Рана пріѣзжаетъ сюда отдохнуть отъ натянутости и пышности, господствующихъ постоянно при дворѣ Солнца Индусовъ.

Я провелъ бы нѣсколько часовъ на Жугъ-Навасѣ, но Бульвантъ-рао торопилъ меня переѣхать на второй островъ, гдѣ насъ ожидалъ завтракъ, присланный Байдлахскимъ-рао. Жугъ-Мундеръ показывается издали подобно волшебному миражу, съ его рядомъ куполовъ и пальмъ, отражающихся въ водѣ. Мы причалили къ мраморной лѣстницѣ возлѣ которой рядъ слоновъ, съ поднятымъ къ верху хоботомъ какъ будто поддерживалъ набережную; исполинское манговое дерево почти наполняетъ первый дворъ, окруженный дворцами; по другую сторону находится садъ, занимающій весь уголъ острова и на который выходитъ обширное зданіе, увѣнчанное монгольскими куполами и названное моимъ проводникомъ дворцомъ Шахъ-Жеана. Этотъ принцъ, сынъ императора Жеангира, возмутившись противъ отца, бѣжалъ ко двору Рана Куруна, сына Умры, который оказалъ ему великолѣпный пріемъ. Онъ велѣлъ

выстроить для него на островѣ Жугъ-Мундеръ роскошный дворецъ, надъ которымъ поставилъ мусульманскій полумѣсяцъ; внутренность зданія была отдѣлана мозаикой изъ яшмы, агата и оникса и обита дорогими матеріями; въ одной изъ залъ былъ поставленъ тронъ, высѣченный изъ цѣлой глыбы зеленоватаго змѣевика, и поддерживаемый четырьмя женскими каріатидами. Во дворѣ часовня, сдѣланная также изъ серпентина была посвящена мусульманскому святому Мадаръ. Всѣ эти воспоминанія царскаго гостепріимства существуютъ до сихъ поръ. Въ концѣ сада находится павильонъ, длиною въ шесть и шириною въ три съ половиною метра, называемый комнатою Двѣнадцати Камней, потому что онъ составленъ изъ двѣнадцати глыбъ бѣлаго мрамора.

На западной сторонѣ острова стоитъ огромный дворецъ, увѣнчанный четырьмя черепаховыми куполами и имѣющій великолѣпные сады; наконецъ, среди озера разсѣяны въ разныхъ направленіяхъ кіоски, поддерживаемые множествомъ колоннъ и которые по своему положенію пользуются очаровательной прохладой. Эта поэтичная резиденція, воздвигнутая для царскаго изгнанника, по странному стеченію обстоятельствъ, служила много лѣтъ спустя убѣжищемъ для другаго рода изгнанниковъ; въ 1857 г. несчастные англичане, уцѣлѣвшіе отъ гарнизоновъ Немуха и Индора искали здѣсь пріюта, чтобы укрыться отъ толпы фанатиковъ, наполнявшихъ городъ. Лодки съ озера были подведены къ Жунгъ-Мундеру, и европейцы могли спокойно переждать здѣсь окончанія бури.

Послѣ небольшаго завтрака, поданнаго намъ въ одномъ изъ кіосковъ, мы садимся снова въ лодку; съ этой точки озера видѣнъ весь рядъ удейпурскихъ дворцовъ. Во первыхъ, на оконечности холма показывается дворецъ Умра, въ настоящее время необитаемый; далѣе возвышается теперешній дворецъ съ его зубчатымъ ценанахомъ, Розана съ ея громадной стѣною, которая спускается съ вершины плоскогорья къ самому берегу озера, ея сады, усѣянные кіосками, покрывающими скатъ до самой воды и наконецъ самый городъ, волшебный силуэтъ котораго исчезаетъ въ массѣ высокихъ деревьевъ. Озеро Пешола отражаетъ на своей поверхности всѣ эти чудеса и эта картина безспорно можетъ назваться лучшею во всей Индіи и въ цѣломъ мірѣ.

На возвратномъ пути къ набережной, мнѣ показали парадныя лодки Раны; это обширныя гондолы весьма изящной формы; въ нихъ можетъ помѣстится до ста человѣкъ. Корма устроена въ нѣсколько этажей, и на самомъ высшемъ стоитъ тронъ Раны; къ носу придѣланы большія статуи лошадей или павлиновъ, на половину погруженныя въ воду.

Вечеромъ насъ посѣтилъ нашъ другъ, рао Байдлахскій, и мы благо-

дарили его за доставленное намъ удовольствіе; онъ объявилъ, что отдалъ приказаніе своимъ шикарисамъ, отвезти насъ въ прелестное мѣстечко, гдѣ мы встрѣтимъ дичь въ изобиліи. Дѣйствительно, на слѣдующій день насъ провели къ очаровательному озерку, скрытому въ ущельѣ, и гдѣ мы нашли цѣлыя стаи утокъ и гусей; крокодилы здѣсь весьма многочисленны и перехватываютъ у насъ значительную часть добычи, но за то мы вознаграждаемъ себя, застрѣливъ много куропатокъ и зайцевъ, изобилующихъ въ окрестности.

Рао Байдлахскій задержалъ насъ такимъ образомъ нѣсколько дней, придумывая ежедневно новыя забавы, какъ вдругъ однажды утромъ я проснулся отъ пушечной пальбы, возвѣщавшей о столь давно ожидаемомъ пріѣздѣ маіора Никсона, политическаго агента вице-короля Индіи при дворѣ Мага-Раны. Я тотчасъ же написалъ ему, пославъ свои рекомендательныя письма; полъ-часа спустя, мы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ за хорошимъ завтракомъ. Узнавъ съ какою холодностью мы были приняты, онъ, повидимому, ничуть не былъ этому удивленъ и увѣрялъ меня, что насъ приняли, вѣроятно, за русскихъ шпіоновъ; но онъ совѣтывалъ мнѣ остаться здѣсь еще нѣсколько времени, обѣщая, что послѣ представленія нашего Магаранѣ, мы встрѣтимъ здѣсь также много интереснаго какъ и въ Бародѣ. Онъ немедленно сдѣлалъ распоряженія, чтобы мы оставили свой амфитеатръ и поселились возлѣ него. Въ тотъ же вечеръ маіоръ познакомилъ меня съ двумя англійскими офицерами, инженеромъ и докторомъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ нимъ весь европейскій контингентъ посольства. Рѣдко приходилось мнѣ провести вечеръ пріятнѣе; мнѣ казалось, что прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ бѣлаго лица, и даже англійскій языкъ казался мнѣ теперь гармоничнымъ. Офицеры пили за наше здоровье, и мы разошлись поздно ночью.

XI.

Дворъ Мага Раны Удейпурскаго.

Дворецъ.—Торжественная аудіенція.

Какъ я и предвидѣлъ, пріѣздъ англійскаго политическаго агента совершенно измѣнилъ наше положеніе въ Удейпурѣ; Рана, получивъ оффиціальное извѣщеніе о нашемъ пріѣздѣ, пересталъ считать насъ русскими шпіонами, имѣющими цѣль втянуть его въ какой нибудь заговоръ, и онъ согласился принять насъ въ качествѣ французскихъ путешественниковъ. Желая оказать намъ особенную любезность, маіоръ Никсонъ предложилъ лично представить насъ раджѣ и устроилъ такъ, чтобы первое свиданіе вознаградило насъ за долгое ожиданіе. Придворная карета съ почетнымъ карауломъ явилась за нами въ резиденцію, и мы проѣхали такимъ образомъ торжественно черезъ городъ. У большихъ воротъ, въ три арки, служащихъ входомъ во дворецъ, солдаты королевской гвардіи отдали намъ честь, и мы вышли изъ экипажа на обширномъ дворцовомъ дворѣ; рао Байдлахскій, которому Мага-Рана поручилъ принять насъ, ожидалъ на крыльцѣ.

Прежде чѣмъ послѣдовать за чубдарами съ золотыми булавами, которые повели насъ въ тронную залу, я остановился на минуту, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ зданіемъ, въ которое входъ такъ долго былъ воспрещенъ мнѣ: высокія стѣны, съ пробитыми въ нихъ окнами и каменными рѣшетками, башни съ изящными куполами, галлереи, громоздящіяся одна надъ другою до изумительной высоты — все это изъ бѣлаго мрамора, покрытаго самой мелкой рѣзьбой; зданіе это поражаетъ своею роскошью и величественными размѣрами, и въ этомъ отношеніи ничто не можетъ съ нимъ сравниться.

© ГПИБ СО РАН

Но мнѣ удалось взглянуть на всѣ эти чудеса только мелькомъ, и я послѣдовалъ за маіоромъ въ длинныя галлереи со сводами, въ которыхъ царствовала прохлада; идя незамѣтнымъ подъёмомъ, онъ привелъ насъ въ верхніе этажи. Рана сдѣлалъ намъ честь принять насъ во время *дурбара*. Этимъ именемъ называются во всемъ Раджпутанѣ торжественныя аудіенціи, даваемыя раджами въ присутствіи главнѣйшихъ сановниковъ; въ обширномъ смыслѣ это слово примѣняется и къ самому королю, когда онъ присутствуетъ при большихъ церемоніяхъ. Тронная зала помѣщается во дворѣ одного изъ верхнихъ этажей; большой кусокъ полотна, натянутый надъ этимъ дворомъ, превращаетъ его въ обширную и прохладную комнату. Придверники ввели насъ съ большимъ шумомъ; король сидѣлъ на серебряномъ тронѣ, поддерживаемымъ золотыми львами, а придворные помѣщались полукругомъ по обѣимъ сторонамъ. Увидя насъ, король поднялся съ своего трона, подошелъ къ намъ на нѣсколько шаговъ, пожалъ намъ руку, и мы сѣли возлѣ него на серебряныя кресла.

Самбу Сингу было, какъ я уже сказалъ, лѣтъ восемнадцать или девятнадцать; выраженіе его лица кроткое и пріятное, но черты его не отличаются тою тонкостью, какая характеризуетъ вообще людей его племени; манеры его любезны, предупредительны и исполнены достоинства. Онъ чрезвычайно вѣжливо извинялся въ томъ, что ранѣе не могъ намъ дать аудіенціи, и увѣрялъ, что этому были причиной чисто политическія соображенія. Онъ выслушалъ внимательно все то, что я разсказывалъ ему о цѣли моего путешествія, долго распрашивалъ меня о Франціи и наконецъ предложилъ мнѣ продлить мое пребываніе въ Удейпурѣ. Въ ту минуту, когда мы собирались уйти, Рана самъ исполняетъ церемонію *уттеръ* и *панъ*, о которой я уже говорилъ, описывая дворъ Бароды; онъ вручилъ посланнику, моему спутнику и мнѣ самому пакетъ листьевъ бетеля, называемый *бира*, и налилъ нѣсколько капель розовой эссенціи на наши платки. Эта церемонія, соблюдаемая при всѣхъ индѣйскихъ дворахъ, при прощаньи, имѣетъ здѣсь особенно важное значеніе; нужно быть природнымъ принцемъ, славнымъ воиномъ или сановитымъ иностранцемъ, чтобы получить биру изъ рукъ Маги Раны Удейпурскаго. Этотъ знакъ почета считается столь же важнымъ какъ и дворянскій титулъ. Я положилъ, не поморщась, знаменитую бира въ карманъ и сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ политическимъ агентомъ; насъ сопровождали салаамы придворныхъ, вышедшихъ проводить насъ на дворъ.

XII.

Дворецъ. — Праздникъ въ Жугъ Навасъ. — Озеро Пешола. — Охота въ Аравалисскихъ горахъ.

Удейпурскій дворецъ, самый большой и великолѣпный въ Индіи, занимаетъ вершину довольно высокаго холма, идущаго съ востока на западъ, параллельно озеру. Такъ какъ площадка, на которой онъ выстроенъ, была слишкомъ узка, то индусскіе архитекторы увеличили ее выдвинувъ надъ однимъ скатомъ огромную террасу, опирающуюся на трехъэтажный сводъ; это исполинское сооруженіе сдѣлано съ такою прочностью, что дворецъ возвышается частью на этой искусственной почвѣ, а остальное пространство образуетъ обширный дворъ, на которомъ воздвигнуты казармы и парки для слоновъ.

Всѣ дворцы, построенные со времени Умра Синга и кончая, Сирдаръ Сингомъ, обнесены двумя сплошными стѣнами; всѣ эти зданія занимаютъ въ длину болѣе трехъ километровъ. Главный входъ обращенъ къ городу; это великолѣпныя мраморныя ворота съ тремя зубчатыми арками, увѣнчанными роскошнымъ аттикомъ; филенки, балконы и купола отдѣланы со вкусомъ и безъ примѣси идоловъ.

По другую сторону этихъ воротъ находится большой дворъ, окруженный съ двухъ сторонъ королевскими покоями, а по угламъ стоятъ осьмиугольныя башни, увѣнчанныя куполами.

Зданіе это вышиною въ тридцать семь метровъ; но ослѣпительная бѣлизна мрамора, изъ котораго оно выстроено, и его простой и въ тоже время величественный стиль увеличиваютъ эти размѣры и заставляютъ съ перваго взгляда предположить, что оно вдвое выше.

© ПГПБ СО РАН

Въ концѣ двора находятся большія, запертыя ворота, охраняемыя гауптвахтой; это входъ въ ценанахъ или помѣщеніе для женъ Рана, куда могутъ входить только король и члены его семейства; надъ аркою стоитъ статуя Ганезы, бога Мудрости, охраняющая эти священныя двери.

Внутренняя часть дворца вполнѣ соотвѣтствуетъ величественному стилю его фасада, а равно и требованіямъ здѣшняго тропическаго климата: темные, отлогіе корридоры, замѣняющіе лѣстницы ведутъ отъ одного этажа къ другому; стѣны обширныхъ, хорошо освѣщенныхъ залъ покрыты полированнымъ мраморомъ; въ нихъ царствуетъ вѣчная прохлада; повсюду видны дворы, фонтаны и цвѣты. Громадныя залы обвѣшаны драпировками; полы покрыты коврами и мягкими подушками, а стѣны сверкаютъ инкрустаціею, зеркалами и роскошными фресками. Одна зала украшена оригинальною мозаикою, вызывающею сначала улыбку на лицо европейца, но въ сущности она ничуть не смѣшнѣе нашихъ фарфоровыхъ залъ въ Фонтенебло и другихъ мѣстахъ; стѣны этой комнаты украшены европейскими тарелками, чашками, стекляшками и т. п.; самый грубый фаянсъ находится здѣсь рядомъ съ самымъ драгоцѣннымъ саксонскимъ фарфоромъ, богемскимъ хрусталемъ или двухъкопѣечной солонкой; индусскій артистъ не обращалъ вниманія на цѣнность той или другой посуды, онъ смотрѣлъ только на ея цвѣтъ и, благодаря врожденному вкусу, ему удалось составить изъ этой пестрой смѣси нѣчто оригинальное и граціозное; чрезвычайно интересны фрески, покрывающія стѣны и потолки нѣкоторыхъ комнатъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь во первыхъ портреты всѣхъ Ранъ, начиная отъ Удай Синга, основателя Удейпура и кончая нашимъ современникомъ — Самбу Сингомъ; эти портреты сопровождаются самыми замѣчательными эпизодами изъ царствованія каждаго короля. Написанные весьма тщательно и съ большимъ искусствомъ эти картины составляютъ драгоцѣнные документы для изученія исторіи и нравовъ племени Сесудіасовъ.

Одну изъ наиболѣе любопытныхъ частей Удейпурскаго дворца составляетъ, безспорно, обширный садъ, простирающійся надъ его верхнимъ этажемъ; странно видѣть вѣковыя деревья и прелестные цвѣтники, на такой значительной высотѣ и надъ зданіемъ въ нѣсколько этажей. Въ центрѣ сада находится бассейнъ, отъ котораго идутъ аллеи, вымощенныя бѣлымъ мраморомъ; вода разливается по каналамъ, выложеннымъ этимъ камнемъ и, журча, протекаетъ между рощами померанцовыхъ и гранатныхъ деревъ. Этотъ очаровательный садъ окруженъ мраморною галлереею, гдѣ на бархатныхъ диванахъ придворные вкушаютъ отдыхъ въ послѣобѣденное время. Передъ ихъ взорами открывается

отсюда вся долина, и обозрѣвая ее, они могутъ припоминать славные дѣянія своихъ предковъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ защищали отъ мусульманскихъ ордъ этотъ дикій и безплодный клочекъ земли, превращенный ими въ рай; утомившись этою обширною панорамою, взоры могутъ отдохнуть на волшебной картинѣ сада.

Изъ этихъ аллей я пустился къ Кушъ Магалу, дворцу построенному послѣднимъ Рана Сирдаръ Сингомъ для пріема своихъ европейскихъ друзей. Онъ состоитъ изъ большихъ залъ, отдѣланныхъ съ необыкновенною роскошью; тутъ даются обѣды и празднества, во время пребыванія западныхъ гостей. Мой проводникъ чубдаръ обратилъ мое вниманіе на приготовленія къ празднеству, устраиваемому въ честь нашего пріѣзда. Надъ этими залами возвышаются мраморные кіоски, изъ которыхъ открывается великолѣпный видъ на городъ, озеро и окрестныя горы. Цѣпь горъ, окружающая долину Удейпура носитъ названіе *Гюирво*, т. е. круга, но въ сущности она образуетъ неправильный эллипсъ, имѣющій 22 километра съ сѣвера на югъ и 17 съ востока на западъ. Городъ находится въ концѣ большой дуги и отдѣленъ отъ самыхъ горъ однимъ только озеромъ Пешола. Среднюю высоту Гюирво полагаютъ въ 606 метровъ, считая отъ уровня долины; на берегу озера горы достигаютъ вышины тысячи метровъ, такъ что вообще онѣ возвышаются на тысячу пятьсотъ метровъ надъ уровнемъ моря; формы ихъ измѣняются самымъ причудливымъ образомъ отъ совершенно круглой до самой остроконечной вершины. Эта кругообразная форма чрезвычайно важна въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ только на восточной сторонѣ горъ есть три выхода: одинъ при Добарри, и два другихъ при Дельварѣ и Наенѣ, да и то—это не болѣе какъ узкія, чрезвычайно длинныя ущелья, которыя весьма легко защищать.

На склонѣ, обращенномъ къ озеру, стоитъ Розанахъ—обширный дворецъ, обращенный фасадомъ къ водѣ; въ немъ живутъ королевскіе офицеры. Къ озеру спускаются прелестные сады, расположенные терасами, на которыхъ каждый Рана воздвигалъ по своей фантазіи лѣтніе дворцы и кіоски, полускрытые деревьями и окруженные фонтанами. Одинъ изъ этихъ дворцовъ отдохновенія стоитъ на самомъ берегу озера; тысяча колоннъ поддерживаютъ сводъ, покрытый мазаикою, и фонтаны, окружающіе его, образуютъ какъ бы прозрачную водяную стѣну. Въ самые жаркіе дни сюда пріѣзжаетъ Рана со своимъ дворомъ и въ этомъ чудномъ водномъ жилищѣ проводятъ самые жаркіе часы дня.

Когда я возвратился въ резиденцію, то маіоръ объявилъ мнѣ, что

Магарана назначилъ на слѣдующій день праздникъ на Жугъ Навасѣ и охоту на озерѣ.

На слѣдующій день мы оставили свое жилище рано утромъ и сѣли въ лодку на набережной Триполіа Дерваце; нѣсколько минутъ спустя мы уже причалили къ Жугъ Навасу. Этотъ островъ, столь спокойный и пустынный нѣсколько дней тому назадъ, представился намъ теперь чрезвычайно оживленнымъ; слуги Раны ходили взадъ и впередъ, выгружая провизію и устраивая все для нашего кратковременнаго пребыванія. Комнаты поспѣшно наполнялись мебелью; арки затягивались драпировками или сторами; мраморные полы покрывали подушками и коврами. Въ концѣ острова для насъ было приготовлено цѣлое зданіе; мы нашли тутъ готовыя постели, стулья, туалетъ и наконецъ закуску, что доставило намъ не менѣе удовольствія. На сосѣднемъ дворѣ повара заняты приготовленіемъ другаго, болѣе существеннаго завтрака, и бангикули приносятъ такое множество шампанскаго и still hock, что во мнѣ явилось сомнѣніе, не хочетъ ли Рана посягнуть на нашу жизнь. Фонтаны бьютъ въ рощахъ со всѣхъ сторонъ, и тысяча ручейковъ, которые были высохши во время нашего перваго посѣщенія, извиваются теперь среди цвѣтниковъ. Тутъ ничто не было забыто: въ одномъ кіоскѣ, на берегу ручья я вижу толпу веселыхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ костюмѣ, сверкающемъ драгоцѣнными камнями; это придворныя *научницы*, присланныя Раною, чтобы развлекать насъ своими пѣснями и пляскою. Заговоривъ съ этими баядерками, я былъ удивленъ ихъ чистымъ акцентомъ и изысканными выраженіями, что служитъ здѣсь вѣрнымъ признакомъ высшаго образованія; молодой раджпутъ, которому я высказалъ свое удивленіе, объяснилъ мнѣ, что онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ несчастныхъ *научницъ*, которыя выростаютъ на произволъ судьбы, но здѣсь ихъ съ ранняго возраста воспитываютъ весьма тщательно и учатъ всему, что можетъ правиться: поэзіи, музыкѣ и изящнымъ манерамъ.

Мы позавтракали въ залѣ, изъ которой балконы выдаются на озеро, и отдыхали затѣмъ на диванахъ, любуясь на танцы баядерокъ. Что за роскошь послѣ нашего столкновенія съ билями!

Самбу Сингъ присоединился къ намъ въ два часа; онъ подъѣхалъ въ роскошной лодкѣ къ лѣстницѣ, гдѣ мы его встрѣтили; его сопровождали рао Байдлахскій и рао Пурсаоли. Мы бесѣдовали покуда оканчивались послѣднія приготовленія къ охотѣ; затѣмъ чубдары съ золотыми булавами и тѣлохранители стали шпалерами, и шествіе двинулось; впереди шли баядерки, пѣвшія гимнъ; мы всѣ торжественно размѣстились въ нѣ-

ОТИПБ СО РАН

Баядерки во дић Мага Раны Югъ Наваса.

сколькихъ лодкахъ. Чрезвычайно плоскодонныя лодки эти разсчитаны на три или на четыре человѣка каждая и прекрасно приспособлены для охоты въ этихъ болотахъ, гдѣ вода не бываетъ особенно глубока.

Мы переплыли озера и вслѣдъ за докторомъ, который слыветъ Удейпурскимъ Нимвродомъ, вступили въ настоящій лабиринтъ узкихъ каналовъ, перерѣзывающихъ болото, которое тянется у подошвы этихъ горъ; насъ окружалъ со всѣхъ сторонъ тростникъ и необыкновенно высокая трава, и по мѣрѣ того какъ мы плыли далѣе, изъ нихъ взлѣтали цѣлыя стаи огромныхъ гусей, утокъ и фламинго. Началась стрѣльба, не прекращавшаяся цѣлый часъ, и мы могли похвастаться огромною добычею, убивъ болѣе 250 паръ бекасовъ и другой дичи. Въ четыре часа мы оставили болото, пересѣвъ въ парадныя лодки. Тутъ Рана повторилъ церемонію бира, поцѣловалъ насъ и повѣсилъ намъ на шею искусно сплетенную гирлянду изъ розъ; затѣмъ лодка его удалилась, а мы вплоть до обѣда продолжали охотиться на выдръ и крокодиловъ, наполняющихъ озеро.

Крокодилъ, водящійся во внутреннихъ озерахъ Индіи, опасное животное; онъ достигаетъ значительной длины и бываетъ до того прожорливъ, что прибрежные жители часто становятся его добычею. По его короткой мордѣ и треугольной пасти, этого крокодила можно причислить къ аллигаторамъ, хотя это имя дается ему рѣдко. Съ тѣхъ поръ, какъ англійское посольство поселилось въ Удейпурѣ, и Рана, пренебрегая смѣшнымъ религіознымъ предразсудкомъ, запрещающимъ убивать этихъ животныхъ, дозволилъ европейцамъ уничтожать ихъ, эти страшные звѣри покинули окрестности города и удалились на противуположные берега. Нещадно преслѣдуемыя въ своихъ убѣжищахъ, они сдѣлались весьма осторожны; лишь только на озерѣ покажется шлюпка, они тотчасъ всѣ ныряютъ и, выплывая на поверхность, выставляютъ изъ воды одну только морду. Но для охотника и этого достаточно, и пули нашихъ нарѣзныхъ ружей поражали ихъ подъ водою, которая вслѣдъ за выстрѣломъ сильно взволнуется и окрасится кровью—вотъ единственныя видимыя послѣдствія этой охоты, такъ какъ тѣло убитаго аллигатора тотчасъ идетъ ко дну. Но иногда ихъ застаютъ спящими на скалахъ и въ такомъ случаѣ имъ не удается умереть въ ихъ любимой стихіѣ.

Въ рѣдкомъ озерѣ встрѣтишь такое изобиліе рыбы какъ въ дворцовомъ, гдѣ она водится разныхъ породъ, большею частью весьма вкусныхъ; но лучшимъ сортомъ считается мазееръ, рыба съ весьма нѣжнымъ мясомъ, напоминающая вкусомъ нашего карпа.

Мы возвращаемся на нашъ очаровательный островъ, гдѣ насъ встрѣ-

тили пѣсни баядерокъ; послѣ обѣда мы опять сѣли въ лодку и нѣсколько часовъ плавали по озеру. Восходящая луна освѣщала своимъ мягкимъ свѣтомъ многочисленные купола дворцовъ; подъ нами сверкала вода и легкій вѣтерокъ доносили до насъ поэтическіе звуки «Тасъ би таи» [1]), распѣваемаго баядерками, которыя слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за нами.

Пора возвращаться домой; наши слоны ожидаютъ уже насъ у Триполіи и мы возвращаемся въ резиденцію, причисляя этотъ день къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ нашимъ объ Индіи. Рана былъ правъ: онъ уже заставилъ насъ позабыть о любезномъ гостепріимствѣ нашего друга Кундерао.

День, проведенный на Жугъ Навасѣ, былъ только началомъ цѣлаго ряда увеселеній, продолжавшихся безпрерывно до 17-го января. Ничто не могло такъ отвлекать насъ отъ мысли, что намъ предстояло еще совершить длинный путь до слѣдующей нашей остановки въ Джейпурѣ; однако я рѣшилъ вырваться изъ этой одуряющей жизни и объявилъ маіору, что намѣренъ выѣхать 20-го.

Между тѣмъ былъ уже найденъ предлогъ, чтобы задержать насъ: вскорѣ должна была начаться большая ежегодная охота, на которую Рана отправляется въ Аравалисскія горы; маіоръ описалъ мнѣ эту чудовищную охоту такими яркими красками, что я тотчасъ же отложилъ свой отъѣздъ. Впрочемъ, мнѣ некуда было торопиться; и къ тому же я далъ себѣ обѣщаніе никогда не проѣзжать по странѣ на почтовыхъ, подобно тѣмъ путешественникамъ, которые вѣчно торопятся, ничего не увидятъ хорошенько и, дойдя до конечной цѣли, сами не знаютъ куда торопились. Ежели въ три года я не успѣю посѣтить всей Индіи, то употреблю на это четыре, даже пять лѣтъ, но по крайней мѣрѣ вынесу что нибудь изъ этого путешествія.

18-го по утру около резиденціи замѣчалась та суетня, которая на востокѣ всегда предшествуетъ отъѣзду какого нибудь властителя. Маіоръ бралъ съ собою всю прислугу, поэтому нѣсколько слоновъ и множество верблюдовъ явились за палатками, багажемъ и провизіей. Увеселительная поѣздка составляетъ здѣсь немаловажное событіе; роскошь проявляется во всемъ и, отправляясь на двѣ недѣли на охоту, маіоръ долженъ былъ вести съ собою полную меблировку: столы, кресла, кровати, диваны, буфеты и серебро. Онъ былъ бы униженъ и оскорбленъ, если бы

[1]) Индусская поэма Фейзи, положенная на музыку дочерью Шахъ Фелана.

въ его лагерной спальнѣ оказалось однимъ кресломъ или однимъ ковромъ менѣе нежели въ Удейпурѣ. Этотъ предразсудокъ такъ силенъ, что, входя въ любую палатку, вы видите этажерки, уставленныя разными бездѣлушками, столы, заваленные книгами, и стѣны (khanats), увѣшанныя картинами точно такъ, какъ это бываетъ обыкновенно въ домахъ.

Дворъ долженъ былъ присоединиться къ намъ на слѣдующій день; маіоръ, докторъ, Шаумбургъ и я предполагали переночевать внѣ Гюирво и отправиться на другой день къ мѣсту общаго сборища въ Нармугру. Въ два часа за нами являются коляски; я сажусь въ одну изъ нихъ вмѣстѣ съ посланникомъ, а спутники наши занимаютъ другую. Странная упряжь обращаетъ мое вниманіе: веревочныя постромки прикрѣплены къ деревянному ярму, соединяющему лошадей по-парно; индѣйскіе почтари, вооруженные саблями, садятся первый на правую лошадь первой пары, а второй на лѣвую лошадь третьей пары; средняя же пара идетъ безъ кучера. Все готово, раздался звукъ бичей, и мы полетѣли въ карьеръ, сопровождаемые цѣлымъ эскадрономъ королевскихъ улановъ.

Дороги въ долинѣ очень хороши; онѣ выстроены по большей части капитаномъ Тайлоромъ, англійскимъ инженеромъ, состоящимъ на службѣ у короля; одно неудобство, что онѣ проложены по весьма крутымъ косогорамъ и представляютъ такимъ образомъ рядъ крутыхъ спусковъ.

Не доѣзжая ущелья, выходящаго на равнины Мейвара, маіоръ показалъ намъ озеро Удей-Сагуръ, лежащее около Гюирво, со стороны противуположной Удейпуру. Это—прелестное водное пространство, окруженное лѣсами; съ трехъ сторонъ его окружаютъ вершины Аравалиса, придавая ему чрезвычайно дикій видъ. Подобно Пешолѣ, это озеро образовано искусственно, посредствомъ плотины, устроенной на незначительной рѣчкѣ Бунасъ, которая питаетъ такимъ образомъ два великолѣпнѣйшихъ озера, находящихся въ нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другаго. Плотины Удэй Сагура и Пешолы могутъ быть причислены къ самымъ искуснѣйшимъ сооруженіямъ раджпутовъ. Пешолская плотина имѣетъ протяженія два километра и сдерживаетъ надъ уровнемъ долины массу воды болѣе чѣмъ въ два милліарда кубическихъ литровъ; о прочности этого сооруженія свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что на немъ стоитъ цѣлый кварталъ города. Плотина Удей Сагура имѣетъ въ длину шестьсотъ метровъ, а средняя высота ея равна 20 метрамъ, и она сдерживаетъ массу воды, покрывающую поверхность длиною въ 4 и шириною въ 3 километра, при средней глубинѣ въ 10 метровъ.

Плотина эта построена изъ камня и украшена кіосками, скамейками и прелестнымъ загороднымъ дворцомъ. Мѣсто для нея избрано какъ нельзя лучше, и весьма естественно, что шитторскій изгнанникъ, Удэй Сингъ, захотѣлъ создать среди этихъ ущелій озеро, которое напоминало бы ему роскошную мѣстность Мейвара.

Эти искусственныя озера, кромѣ удовлетворенія тщеславной прихоти королей, приносятъ еще другаго рода пользу. Они покрываютъ весь Раджпутанъ, который имъ только и обязанъ своимъ плодородіемъ; вода, поднятая такимъ образомъ на значительный уровень противъ окрестныхъ полей, поддерживаетъ въ нихъ во время засухи благотворную влагу и наполняетъ цистерны сосѣднихъ деревень. Если снять плотины этихъ озеръ, то рѣки, образующія ихъ, станутъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде т. е. бурными потоками во время дождей и изсохшими оврагами въ остальное время года, а плодородныя теперь равнины сольются черезъ нѣсколько лѣтъ съ великой Тульской пустыней. Племена, населявшія эти земли, и вообще всю центральную Индію, съ давнихъ поръ сознали всю важность искусственныхъ озеръ; они всюду преградили теченіе воды исполинскими плотинами съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи направить её по своему желанію. Нѣкоторые изъ этихъ сооруженій существуютъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ и до сихъ поръ удивляютъ путешественниковъ своими громадными размѣрами; я приведу въ примѣръ плотину баснословнаго Бойэ (Bhoje), которая, изгибаясь на нѣсколько километровъ, преграждала теченіе семи большихъ рѣкъ, оплодотворяя значительное пространство земли, которое сдѣлалось снова безплоднымъ съ тѣхъ поръ, какъ плотину прорвало.

Мы снова выѣхали на большую дорогу и по весьма крутой покатости добрались до входа въ ущелье Добарри. По обѣимъ сторонамъ возвышаются скалистыя стѣны, оставляя небольшую тропинку шириною въ нѣсколько метровъ; эта дикая и въ тоже время величественная мѣстность производитъ глубокое впечатлѣніе на того, кто первый разъ вступаетъ въ «долину Счастія». Въ этихъ извилистыхъ ущельяхъ царствуетъ величайшая тишина; окружающія ихъ зубчатыя стѣны, воздвигнутыя на каждой вершинѣ скалы, не допускаютъ сюда животныхъ. Въ самой узкой части ущелья находятся укрѣпленныя ворота, защищаемыя бастіонами и стѣнами, которыя лѣпятся по боковымъ склонамъ; у самыхъ воротъ въ павильонѣ помѣщается караулъ, который не пропускаетъ никого безъ разспроса; въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда находится храмъ и цистерна, гдѣ отдыхаютъ богомольцы.

Миновавъ ворота, мы видимъ передъ собою роскошныя и плодоносныя равнины Мейвара; вдали показываются горы Шиттора, древней столицы Рановъ. По словамъ легенды, съ того пункта, гдѣ мы находимся, Пертапъ Сингъ, глядя на владѣнія своихъ предковъ, поклялся въ вѣчной враждѣ къ завоевателямъ. Лишенный своихъ земель императорами Дели, Пертапъ владѣлъ однимъ только амфитеатромъ, заключавшимся въ полукружіи Гюирво; тѣмъ не менѣе, отказавшись отъ предложеній Моголовъ, сулившихъ ему за покорность многочисленныя почести, онъ объявилъ имъ непремиримую вражду. Съ горстью дворянъ, сохранившихъ ему вѣрность, и съ помощью дикихъ билей, онъ выдержалъ въ ущельѣ Добарри нападеніе императорскихъ войскъ и, благодаря своему мужеству, медленнымъ путемъ снова завоевалъ весь Мейваръ. Немногія племена могутъ, подобно мейварскимъ раджпутамъ, похвастаться такимъ множествомъ геройскихъ подвиговъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ высокомъ патріотизмѣ; они одни изъ всѣхъ индѣйскихъ племенъ отказались преклониться передъ мусульманами и мужественно отстояли свою независимость, не смотря на самыя ужасныя преслѣдованія.

Окружающая мѣстность придаетъ особенно живой интересъ разсказу маіора Никсона; раджпутскіе всадники изъ нашего конвоя съ большою гордостью попираютъ эту почву, которая такъ часто обагрялась кровью ихъ предковъ, и я самъ испытываю тотъ трепетъ, какой возбуждаютъ всегда великія воспоминанія. Отъ этихъ романическихъ грезъ насъ отвлекло появленіе бунгалова Дюбока, куда уже прибыли наши слуги и гдѣ насъ ожидаетъ вкусный обѣдъ. Дюбокъ—небольшая деревенька у южной оконечности цѣпи Нармугра (гора Тигровъ) и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ всѣмъ назначено сойтись; мы переночевали въ этомъ бунгаловѣ.

19-го по утру наши люди собрали всѣ вещи и отправились къ деревнѣ Нармугра; мы же предпочли ѣхать по плоскогорью, чтобы ознакомиться съ топографіей той мѣстности, гдѣ предстояло намъ охотиться слѣдующіе дни. Горы Нармугра образуютъ небольшую цѣпь, идущую на пять или шесть верстъ параллельно восточной цѣпи Гюирво; онѣ отдѣлены отъ нее довольно широкой долиной, усѣянной отдѣльными плоскими возвышенностями. Горные склоны образуютъ множество выступовъ, которые выдаются въ долину или, перепутываясь между собою, образуютъ настоящую сѣть овраговъ. Отлогости совершенно поросли небольшимъ колючимъ кустарникомъ акаціи Acacia detinens, называемой англичанами wait-a-bit buch; этотъ кустарникъ, рѣдко достигающій болѣе трехъ метровъ вышины, производитъ въ изобиліи желтоватыя ягоды,

весьма любимыя кабанами. Эти животныя живутъ въ лѣсу огромными стадами, и королевскіе указы защищаютъ ихъ самымъ строгимъ образомъ; никто не имѣетъ права, безъ королевскаго разрѣшенія, сдѣлать хотя бы одинъ выстрѣлъ, не говоря уже объ охотѣ. Поэтому, пробираясь сквозь чащу, мы видимъ цѣлыя массы кабановъ, которые убѣгаютъ во всѣхъ направленіяхъ. Деревня Нармугра находится на сѣверной оконечности горной цѣпи; за деревьями показываются купола и башни изящнаго дворца, служащаго резиденціей раджи во время охоты.

Подъѣхавъ къ лагерю охотниковъ, мы нашли ихъ въ полномъ сборѣ; у самаго дворца были раскинуты наши палатки, бѣлѣющія на обширномъ пространствѣ. По другую сторону небольшаго оврага находились цвѣтныя палатки королевской свиты, помѣщеніе для слоновъ и лагери кавалеріи и двухъ пѣхотныхъ полковъ, которые должны были служить намъ загонщиками. Въ этомъ, обыкновенно пустынномъ, мѣстечкѣ собралось болѣе 10 тысячъ человѣкъ и, несмотря на оглушительный шумъ, доносящійся изъ лагеря, въ немъ царствовалъ, повидимому, полнѣйшій порядокъ. Раджпутанскій этикетъ соблюдается здѣсь также строго какъ и при дворѣ: насъ торжественно приняла отъ имени Раны депутація дворянъ, сообщая намъ программу празднествъ, какія должны совершиться въ эти двѣ недѣли. Благодаря любезности распорядителя, баядеркамъ велѣно расположиться возлѣ палатокъ сагибовъ. Вечеромъ пріѣхалъ Рана, и мы посѣтили его во дворцѣ; онъ подробно показалъ намъ свое жилище, отдѣланное просто, но съ большимъ вкусомъ.

20-го въ полдень началась охота. Рана выѣхалъ изъ дворца на своемъ охотничьемъ слонѣ, окруженный бардами, которые пѣли гимны, сочиненные для этого случая, размахивая большими пальмовыми вѣтвями, украшенными розами. Главный егермейстеръ ѣхалъ среди загонщиковъ на верблюдѣ, покрытомъ роскошною попоной; гости и дворяне сидѣли на своихъ слонахъ, а за ними двигался многочисленный конвой раджпутанскихъ всадниковъ. Поѣздъ медленно подвигался по равнинѣ, среди тѣсной толпы поселянъ, собравшихся посмотрѣть на церемонію. Отойдя съ версту отъ деревни, Рана указалъ на тѣхъ лицъ, которыя будутъ имѣть честь охотиться съ нимъ: въ числѣ этихъ избранныхъ попали только маіоръ, докторъ, Шаумбургъ, я и два рао, изъ Байдлаха и Пурсаоли; прочіе должны были ограничиться ролью зрителей. Когда предварительныя распоряженія были такимъ образомъ окончены, и охота объявлена открытою, загонщики разсѣялись по равнинѣ и погнали стадо кабановъ, которое пронеслось мимо нашихъ слоновъ; четыре звѣря были убиты на повалъ, и такъ какъ подобная добыча считалась

удовлетворительною для перваго дня, то поѣздъ тѣмъ же порядкомъ возвратился въ лагерь. У воротъ дворца, баядерки въ самыхъ роскошныхъ нарядахъ явились, подобно древнимъ израильтянкамъ, поздравить насъ съ успѣшной охотой.

Слѣдующіе четыре дня были употреблены на загонщичью охоту въ равнинѣ, съ цѣлью загнать звѣря къ горѣ. Трудно представить себѣ что-либо живописнѣе длинной цѣпи слоновъ, являющихся въ долинѣ и окруженныхъ всадниками; эти громадныя животныя, покрытыя чепраками, сдѣланными изъ шкуръ ихъ предшественниковъ, возвышаются надъ кустарникомъ на подобіе башень и тихимъ, мѣрнымъ шагомъ пробираются сквозь колючія чащи. Самая интересная часть загонщичьей охоты, въ которой обнаруживается необыкновенная смышленость охотничьихъ слоновъ — это преслѣдованіе раненаго звѣря. Кабаны несутся мимо охотниковъ цѣлымъ стадомъ, и лишь только одинъ изъ нихъ раненъ онъ удаляется отъ стада, углубляясь въ чащу. Всякій раненый звѣрь принадлежитъ по праву тому, чья пуля первая попала въ него, и этотъ охотникъ долженъ отдѣлиться отъ товарищей и преслѣдовать звѣря. Тогда слонъ, на которомъ сидитъ охотникъ, замѣняетъ ему собаку; онъ неутомимо слѣдитъ за звѣремъ и, не имѣя копытъ, ступаетъ такъ мягко, что можетъ пройти возлѣ самыхъ боязливыхъ звѣрей, не обративъ ихъ вниманія. Слѣдуя на слонѣ за раненымъ звѣремъ, мнѣ часто случалось видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ стада ланей, которыя паслись совершенно спокойно, не смотря на наше присутствіе. Прослѣдивъ животное, слонъ неожиданно останавливается, и иногда приходится долго озираться, прежде нежели замѣтишь несчастнаго кабана, который, выбившись изъ силъ и едва дыша, лежитъ въ кустѣ; пуля оканчиваетъ его страданія, и слонъ выражаетъ свое удовольствіе особеннымъ крикомъ.

21 числа шикарисы объявили намъ, что мы могли начать *ганкъ* или загонщичью охоту въ горахъ; по ихъ словамъ, звѣри, испуганные продолжительной травлей, укрылись въ большомъ числѣ въ лѣсистыя ущелья Тотчасъ же былъ составленъ планъ загонщичьей охоты: мы должны были начать преслѣдованіе съ южной части горной цѣпи и переходить отъ оврага къ оврагу, до послѣдняго ущелья, господствующаго надъ Нармугрой, гдѣ должна была произойти послѣдняя и самая продолжительная охота.

Утромъ 25 числа всѣ охотники тронулись обратно по направленію къ Дюбоку, откуда они поѣхали къ *гуди*, изъ котораго должны были слѣдить за ганкъ (охотой). Гуди называютъ небольшія зубчатыя крѣ-

постцы, служащія сторожками; онѣ строятся обыкновенно при входѣ въ ущелье, такъ что охотники могутъ совершенно преградить доступъ въ него. Мы размѣстились здѣсь весьма удобно; для Раны и его гостей приготовлены были кресла; не забыты также и прохладительные напитки: шампанское и лимонадъ со льдомъ. Поэтому охота въ гуди самая легкая, какую только можно себѣ представить. За каждымъ охотникомъ стоятъ по два шикариса, завѣдующіе цѣлой батареей ружей; одинъ заряжаетъ ихъ въ то время, какъ другой передаетъ охотнику по мѣрѣ того, какъ онѣ ему нужны, принимая разряженныя ружья.

Дюбокскій гуди стоитъ въ очаровательной мѣстности, среди небольшой рощицы, на краю глубокаго оврага, съ котораго открывается обширный видъ на равнину и Аравалисскія горы. Три тысячи загонщиковъ, опередивъ насъ, засѣли въ горахъ, не оставивъ лѣснымъ жителямъ другаго исхода какъ пройти мимо насъ. Вскорѣ издали начинаютъ доноситься крики; въ кустахъ раздаются звуки трубъ и тамъ-тамовъ. Нѣсколько минутъ спустя, послышался трескъ сучьевъ, и первое стадо кабановъ понеслось въ оврагъ; ихъ было всего штукъ двадцать, и они, казалось, были напуганы. Лишь только они подошли на разстояніе выстрѣла, какъ мы направили на нихъ свои ружья; нѣкоторые кабаны такъ и остались на мѣстѣ, другіе возвратились въ горы, а болѣе смышленные побѣжали далѣе и исчезли на равнинѣ. Четверть часа спустя, смятеніе достигло высшей степени; въ оврагѣ тѣснились сотни кабановъ, и выстрѣлы раздаются изъ гуди не переставая. Между этими звѣрями проскальзываютъ шакалы и гіены, которыхъ пули охотниковъ иногда также останавливаютъ на пути; всѣ эти несчастныя животныя объяты ужасомъ. Вотъ медленно прокрадывается пантера, стараясь обойти гуди, взобравшись на скалы; но пронизанная пулями, она скоро катится въ оврагъ, при радостныхъ крикахъ раджпутовъ.

Наконецъ, загонщики возвращаются, и охота окончена. Мы спустились въ нуллахъ чтобы сосчитать число убитыхъ и осмотрѣть нашу добычу. Тутъ намъ представилось страшное зрѣлище; животныя лежали одно на другомъ въ ужасномъ безпорядкѣ, и разсѣлины скалъ были наполнены цѣлыми лужами крови. Въ полъ часа охоты болѣе сорока кабановъ, пятнадцать шакаловъ, гіенъ и дикихъ собакъ и одна пантера пали жертвами нашихъ выстрѣловъ. Въ этой добычѣ меня интересуютъ болѣе всего дикія собаки, о которыхъ я часто слышалъ, но никогда еще не имѣлъ случая видѣть ихъ. Это животное величиною съ шакала, и чрезвычайно походитъ на него формою головы, но шерсть его короче, бураго цвѣта и хвостъ совершенно гладкій. Лай ея напоминаетъ голосъ

обыкновенной собаки, но болѣе пронзительный и звучитъ какъ то зловѣще. Эти собаки цѣлыми стаями преслѣдуютъ ланей и антилопъ и, благодаря ихъ хитрости и проворству, эти послѣднія легко становятся ихъ добычею; онѣ никогда не нападаютъ на человѣка и не приручаются даже въ томъ случаѣ, когда были пойманы въ молодости.

Загонщики устроили носилки, сложили на нихъ убитыхъ животныхъ и нашъ поѣздъ торжественно направился къ Нармугрѣ. Чтобы достойно отпраздновать этотъ день, Рана пригласилъ насъ вечеромъ къ обѣду во дворецъ; пиръ продолжался далеко за полночь, и мы на славу угощались королевскимъ шампанскимъ. Баядерки и барды увеселяли насъ нѣсколько часовъ своими танцами и пѣснями, и мы, кажется, доставили имъ не меньше удовольствія, спѣвъ Gaod save the Queen и Марсельезу.

Разговаривая съ Магараной, я получилъ отъ него много интересныхъ свѣденій о фаунѣ этой страны. Страстно любя охоту, онъ изучилъ нравы лѣсныхъ жителей и говоритъ объ нихъ тономъ знатока. Я высказалъ ему мое удивленіе по поводу отсутствія тигровъ въ этой большой охотѣ; на это онъ отвѣчалъ мнѣ, что подобное обстоятельство составляетъ не исключеніе, но скорѣе общее правило въ тѣхъ округахъ, гдѣ водятся большія стада кабановъ, которые соединяются всегда, чтобы напасть на тигра, тревожащаго ихъ убѣжища, и имъ всегда удается изгнать этого врага или даже убить его. Такъ какъ я нѣсколько сомнѣвался въ возможности подобнаго маневра со стороны животныхъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ защитѣ, то онъ обѣщалъ мнѣ доказать справедливость своихъ словъ, сдѣлавъ меня свидѣтелемъ подобной борьбы.

Наша жизнь въ лагерѣ при Нармугра составляла непрерывную цѣпь удовольствій; въ доказательство привожу наудачу описаніе одного дня, проведеннаго нами въ лагерѣ. Наши спальныя палатки расположены кругомъ около двухъ обширныхъ шатровъ, обнесенныхъ верандой и меблированныхъ съ роскошью; одинъ изъ шатровъ служитъ столовой; другой, Reunion Tent, замѣняетъ залу. Въ шесть часовъ утра слуги приходятъ будить насъ съ рюмкою хереса въ рукахъ; вскочивъ съ моей кровати, съ серебряными ножками, я сбрасываю верхнюю одежду и, оставшись въ однѣхъ *жангирѣ* т. е. панталонахъ въ обтяжку, выхожу изъ палатки и усаживаюсь на кучкѣ соломы; всѣ мои товарищи, въ точно такомъ же костюмѣ, располагаются передъ своими палатками; являются *бисти* со своими курдюками и обливаютъ насъ ледяной водой. Нѣсколько минутъ спустя, мы сходимся, уже въ болѣе приличной одеждѣ, въ Mess Tent и принимаемся за сытный *Чота Газири* или утренній завтракъ.

Завязывается веселая бесѣда и, наконецъ, выкуривъ превосходныя манильскія сигары (cheroots), все общество отправляется верхами осматривать окрестности и поохотиться на сосѣднемъ озерѣ за гусями и фламинго. Въ одинадцать часовъ мы снова переодѣваемся и опять садимся за завтракъ, за которымъ насъ ожидаетъ весьма любопытная церемонія, именно присылка отъ Раны части его королевскаго завтрака. Въ это время ежедневно являются въ нашу палатку два придверника съ золотыми булавами; за ними слѣдуетъ длинная вереница слугъ съ подносами, нагруженными всевозможными явствами. Судя по этой незначительной части королевскаго завтрака, можно приписать Ранѣ громадный апетитъ, однако надобно надѣятся, что его порція приготовляется въ меньшихъ размѣрахъ. Кушанья состоятъ изъ жареной говядины, окороковъ, козьей грудинки и весьма пряныхъ рагу и карри; нѣкоторые изъ этихъ блюдъ могли бы однако явиться и на нашихъ большихъ европейскихъ обѣдахъ. Различные пикули и сласти занимаютъ до двѣнадцати подносовъ. Разумѣется, мы только для проформы отвѣдали этого чудовищнаго завтрака, которымъ вдоволь угощается наша свита, и предпочитаемъ вкусные блюда Бара Сагиба, запивая ихъ мозельскимъ виномъ изъ королевскихъ погребовъ. Послѣ завтрака время проходитъ въ охотѣ (ганкъ). Въ четыре часа, послѣ вторичной души, которая прогоняетъ усталость, я принимаю индусскихъ дворянъ, бесѣдующихъ со мною о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Обѣдъ, какъ обыкновенно въ Индіи, продолжался долго, вслѣдствіи англійскаго обычая take wine (пить вино), а затѣмъ до полуночи насъ увлекаютъ баядерки, фигляры и фейерверки.

30 числа была послѣдняя ганка, и вечеромъ во дворцѣ устроилось большое празднество, на которомъ объявлено окончаніе охоты въ Нармугрѣ. На другой день мы возвратились въ Удейпуръ, куда насъ призывало начало *Голи*. Артиллерія залпомъ привѣтствовала наше возвращеніе въ резиденцію.

XIII.

Удейпурскія празднества.

Агаръ.—Мага Сати.—Праздники *Голи*.—Дурбаръ.

Почти въ самомъ центрѣ Удейпурской долины, окруженной горами, возвышается древній городъ Агаръ, возлѣ котораго находится Мага Сати—извѣстное по всему Раджастану королевское кладбище Рановъ. На слѣдующій день, послѣ нашего возвращенія въ резиденцію, пользуясь прохладнымъ утромъ, я отправился туда вмѣстѣ съ капитаномъ Тайлоромъ. Дорога идетъ по берегу небольшой рѣчки, вытекающей изъ озера Пеполы, то спускается къ самому ея руслу, загроможденному огромными скалами, то вьется по крутому берегу. Великолѣпныя деревья осѣняютъ множество живописныхъ *чабутрасовъ* (tchaboutras), оживляя нѣсколько эти берега, которые въ иныхъ мѣстахъ являются обнаженными и лишены всякой растительности. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города черезъ ровъ перекинутъ хорошенькій мостикъ съ стрѣльчатыми арками, и дорога углубляется въ лѣсъ, который тянется до первыхъ зданій Агара. Нѣсколько храмовъ и одинъ или два монастыря джаиновъ, вокругъ которыхъ раскинулась деревенька, состоящая не болѣе какъ изъ тридцати хижинъ—вотъ все, что уцѣлѣло еще отъ древней столицы Туарскихъ королей. При этой династіи Агаръ назывался Тамба Нагари, и основаніе его можно отнести за нѣсколько столѣтій до Р. Х.; въ первый вѣкъ эры Самватъ, великій Туарскій король, Викрамадитія перенесъ всѣ присутственныя мѣста изъ этого города въ древній Аванти, нынѣ Ужеинъ. Нѣсколько столѣтій спустя, Гелотъ Аза Дитіа основалъ на развалинахъ Тамба Нагари городъ, прозванный Анандпуръ, который утратилъ свое значеніе, когда пріемники Баппы

© ИНБСО РАН

поселились въ Шитторѣ. Неизвѣстно въ какую эпоху Анандпуръ принялъ названіе Агаръ или Аръ, которое онъ сохранилъ до настоящаго времени.

Возлѣ деревни находится довольно большой песчаный холмъ, называемый Доль-Котъ т. е. «Пепельная крѣпость;» по словамъ преданія, тутъ стояла нѣкогда туарская крѣпость, разрушенная огненнымъ дождемъ. Ничто не подтверждаетъ вѣроятія этого вулканическаго явленія, но весьма возможно, что этотъ искусственный холмъ покрываетъ развалины какого нибудь древняго зданія, засыпаннаго зыбучимъ пескомъ. Весьма интересно было бы сдѣлать здѣсь раскопки, но мѣстные предразсудки до сихъ поръ препятствовали этому. Другая, болѣе простая гипотеза, о которой не подумали ни Тодъ, ни прочіе изслѣдователи, заключается въ томъ, что холмъ этотъ могъ образоваться просто отъ разрушенія земляныхъ стѣнъ, какими всегда обносились раджпутскія крѣпости.

Единственные остатки отъ древней Тамбы, представляющіе нѣкоторый интересъ, это многочисленные барельефы и другія скульптурныя произведенія, которыя часто украшаютъ стѣны и террасы храмовъ джаиновъ. Храмы эти сами по себѣ весьма древніе и воздвигнуты повидимому изъ развалинъ и на мѣстѣ древнихъ святилищъ.

Часть пространства, занятаго нѣкогда городомъ, находится теперь подъ кладбищемъ Мага Сати; названіе это значитъ: «великая жертва сутти» или «великая вѣра.» Тутъ находятся гробницы всѣхъ Ранъ, начиная со времени прибытія въ долину Удэй Синга; уцѣлѣвшіе тутъ до сихъ поръ памятники древнихъ Анандпурскихъ королей, заставили повидимому и Ранъ избрать это мѣсто для кладбища; на немъ хоронятъ также принцевъ, родственниковъ королевскаго дома и наиболѣе знатныхъ дворянъ. Въ настоящее время это мѣсто представляетъ весьма живописное кладбище, наполненное прелестными памятниками.

Обнесенные громадной стѣною кенотафы имѣютъ самые разнообразные размѣры, начиная отъ *чатри* съ четырьмя колоннами и кончая величественнымъ *магаль;* но по формѣ они всѣ однообразны, хотя внутреннее расположеніе ихъ и отдѣлка измѣняются до безконечности. Каждая гробница имѣетъ изящный куполъ, поддерживаемый красивыми колоннами, которыя образуютъ круглую залу; весь павильонъ помѣщается на террасѣ, на которую ведетъ широкая лѣстница. Колонны, куполъ, терраса и лѣстница—все построено изъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора, добываемаго изъ каменоломень Канкраоли. По архитектурѣ эти памятники относятся къ стилю джаиновъ, и хотя они выстроены сравнительно недавно, но трудно гдѣ либо найти болѣе прекрасныя произведенія искусства Ведіавановъ; впрочемъ эти гробницы славятся по всей Индіи. Купола, подобно всѣмъ куполамъ въ стилѣ джаиновъ, они образованы горизонтальными рядами плитъ, опирающихся на массу колоннъ и архитравовъ, которые индѣйскіе архитекторы первые ввели въ употребленіе. Колонны отличаются простотою и изяществомъ, и вопреки индусскому обычаю не отягчены украшеніями; кое-гдѣ только находятся рельефныя украшенія. По архитектурному расположенію эти мавзолеи имѣютъ поразительное сходство съ знаменитыми гробницами Галикарнаса.

Изъ множества памятниковъ, возвышающихся на кладбищѣ «Великой Вѣры», три отличаются особенно громадными размѣрами; это могилы Умра Синга и Санграмъ Синга. Двѣ гробницы, воздвигнутыя въ честь этого послѣдняго стоятъ одна противъ другой на громадныхъ мраморныхъ террасахъ. Трудно представить себѣ что либо величественнѣе этихъ горъ бѣлаго мрамора, увѣнчанныхъ двумя изящными куполами, которые висятъ надъ галлереей изъ высѣченныхъ колоннъ. По смѣтамъ оказывется, что они стоили болѣе 40 лакъ (lakhs) рупій, что составитъ 10 милліоновъ франковъ. Рядомъ съ этими чудесными зданіями лежитъ нѣсколько, едва обтесанныхъ камней, положенныхъ неблагодарными пріемниками Жуггутъ Синга на останки этого короля, который обогатилъ Удейпуръ столькими памятниками и въ особенности украсилъ волшебные острова Жугъ-Навасъ и Жугъ-Мундеръ.

Величайшая тишина царствуетъ надъ этимъ королевскимъ кладбищемъ, куда никого не допускаютъ безъ особаго разрѣшенія; только нѣсколько-яркокрылыхъ птичекъ щебечутъ въ вѣтвяхъ столѣтнихъ деревьевъ, превращающихъ это мѣстечко въ очаровательный садъ; легкая тѣнь умѣряетъ ослѣпительную бѣлизну мрамора, а между гробницами извивается прозрачный ручеекъ, омывая ступени чабутраса.

Нѣтъ ничего поэтичнѣе какъ прогуливаться, въ прекрасное весеннее утро, въ этомъ лабиринтѣ зелени и мрамора. А между тѣмъ сколько ужасныхъ воспоминаній связано съ кладбищемъ Великой Вѣры; каждое зданіе служитъ трофеемъ кровавой гекатомбы, и прославляетъ какой нибудь варварскій обычай. Поднимитесь по широкой лѣстницѣ ближайшаго мавзолея; среди залы вы видите высокую мраморную тумбу, похожую на жертвенникъ; пьедесталъ покрытъ барельефными изображеніями женщинъ: онѣ напоминаютъ число жертвъ, убитыхъ во время жертвоприношенія Сутти.

Извѣстенъ индѣйскій обычай *Сутти*, обязывающій жену жечь себя заживо вмѣстѣ съ тѣломъ мужа; индѣйцы сохранили его до настоящаго времени. Въ силу какихъ роковыхъ обстоятельствъ вкрался этотъ обычай въ столь человѣколюбивую религію Веды, исповѣдуемую такимъ кроткимъ и снисходительнымъ народомъ? Брамины относятъ его происхожденіе къ жертвоприношенію Сутти, жены Сивы, которая сожгла себя заживо въ отомщеніе за обиду, нанесенную ея мужу отцомъ Дакшы; слѣдовательно онъ заимствованъ отъ религіи Тантрасовъ. Какъ бы то ни было, раджпуты ревностно приняли законъ Сутти, и для отмѣны его англійскому правительству пришлось дѣйствовать весьма энергично. Для Раны считалось безчестіемъ оставить землю безъ цѣлой свиты жертвъ; чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ болѣе преемники чтили его память, и теперь еще Раджпутъ съ гордостью замѣчаетъ европейцу, что на кострѣ Раны Санграмъ Синга сгорѣло 25 женъ. Такимъ образомъ каждый изъ этихъ величественныхъ и столь поэтичныхъ памятниковъ увѣковѣчиваетъ какое нибудь отвратительное жертвоприношеніе.

Слушая разсказъ нашего проводника—сесудія—я представлялъ себѣ всю эту сцену во всей ея ужасающей дѣйствительности; блестящій поѣздъ, сопровождающій остатки Раны вступаетъ въ священную ограду; хоругви развѣваются по вѣтру, раздаются звуки инструментовъ, священнослужители поютъ гимны и благоговѣющая толпа наполняетъ мраморныя террасы. Громадный костеръ, убранный гирляндами цвѣтовъ, возвышается на томъ мѣстѣ, гдѣ со временемъ возникнетъ роскошный мавзолей; тѣло короля кладутъ въ средину, вокругъ него становятся жертвы, украшенныя драгоцѣнными камнями; онѣ внѣ-себя отъ страха или фанатизма; любимая супруга пользуется привилегіей держать на колѣнахъ голову покойнаго. Мало по малу взвивается пламя и сквозь дымъ видны неподвижныя фигуры несчастныхъ женщинъ. Пѣсни жрецовъ и звуки цимбалъ заглушаютъ ихъ крики, и вскорѣ отъ всей ихъ красоты и жизни остается только груда пепла.... Жалкія безумицы, сожалѣющія до сихъ поръ объ этихъ ужасныхъ жертвоприношеніяхъ! Женщины первыя жалуются на отмѣну закона Сутти, дарующее имъ жизнь, но съ условіемъ вѣчнаго вдовства или гораздо худшаго униженія.

Чтобы разсѣять эти печальныя думы, проводникъ объявляетъ намъ, что раджпутанская масляница началась уже нѣсколько дней тому назадъ. Мнѣ кажется посчастливилось быть въ Удейпурѣ именно во время праздниковъ *Голи*, такъ какъ ни въ одномъ раджпутанскомъ городѣ они не празднуются съ большимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ Удейпуръ славится любовью къ празднествамъ и увеселеніямъ, и одна идѣйская пословица говоритъ о немъ: *Сатъ бара, ауръ но таквара;* «на семь дней—девять праздниковъ».

Голи означаетъ наступленіе весны и посвященъ богинѣ Голика или Вассанти, которая въ индусскомъ пантеонѣ олицетворяетъ это время года. Праздникъ продолжается 40 дней; въ это время во всѣхъ классахъ общества царствуетъ разгулъ, полнѣйшая распущенность и развратъ; это настоящія индѣйскія сатурналіи. Самые почтенные люди, не взирая на сословіе и возрастъ, не стыдятся участвовать въ оргіяхъ, знаменующихъ это время тода. Праздникъ становится особенно шумный въ послѣдніе шесть дней, но уже съ самаго начала масляницы у городскихъ воротъ и на главныхъ перекресткахъ выставляются возмутительно непристойные манекены. Женщины и дѣти убираютъ цвѣтами чудовищные идолы праздниковъ Голика. Съ этого дня на улицахъ столицы безконтрольно царствуетъ полнѣйшая распущенность

Первое дѣйствіе этихъ празднествъ составляетъ большая королевская охота, на которой я присутствовалъ, не зная ея религіознаго значенія; день, въ который она начинается, былъ опредѣленъ астрологами и она называется Агаиреа или Магурутъ-Ка-Шикаръ. Это объявленіе войны кабану, закоренѣлому врагу Гури, индусской Цереры; любопытенъ тотъ фактъ, что у египтянъ и грековъ кабанъ также считается врагомъ Изиды и Цереры.

По возвращеніи изъ Агаирея, Рана торжественно идетъ изъ дворца, сопровождаемый роскошнымъ *асвари* или *савари*, въ храмъ на поклоненіе Суріѣ, индусскому Фебу, олицетворяющему землю. Раджпуты сохранили къ своему предку, Солнцу, такое почитаніе, которое плохо согласуется съ сайвасскими догматами, исповѣдуемыми ими въ настоящее время, и отводящими Суріи второстепенное мѣсто. Въ Удейпурѣ въ особенности солнцу воздаются величайшія почести; главныя городскія ворота называются Сураджполь; королевскій дворецъ именуется Сурія Магаль и самъ Рана, «Солнце» индусовъ, при торжественныхъ случаяхъ является народу съ высоты Суріа Гокра или «Солнечнаго балкона». Большія почести воздаются также лошади—эмблема солнца—и ей посвященъ первый день въ недѣлѣ подъ именемъ Адитъ или Аитвара.

Около половины мѣсяца Палгуна, вакханаліи достигаютъ высшей степени; мужчины и женщины, увѣнчанные цвѣтами, опьянѣлые отъ *банга* толпами бѣгаютъ по улицамъ съ мѣшками, наполненными растительнымъ порошкомъ превосходнаго краснаго цвѣта. Они осаждаютъ прохожихъ, окружая ихъ цѣлыми облаками этого липкаго порошка, ко-

торый вскорѣ окрашиваетъ одежду въ яркую краску. Изъ оконъ имъ отвѣчаютъ тѣмъ же или пускаютъ въ нихъ изъ шприцовокъ струи желтоватой и красной жидкости. Тутъ уже никому нѣтъ пощады: ни разодѣтому придворному, ни флегматичному европейцу, затершемуся въ эту толпу. И между тѣмъ на это никто не жалуется въ странѣ, гдѣ сословія такъ строго разграничены, гдѣ гордость дворянъ доходитъ до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ; всюду царствуетъ самое искреннее веселье и всякій уважаетъ свободу Голи.

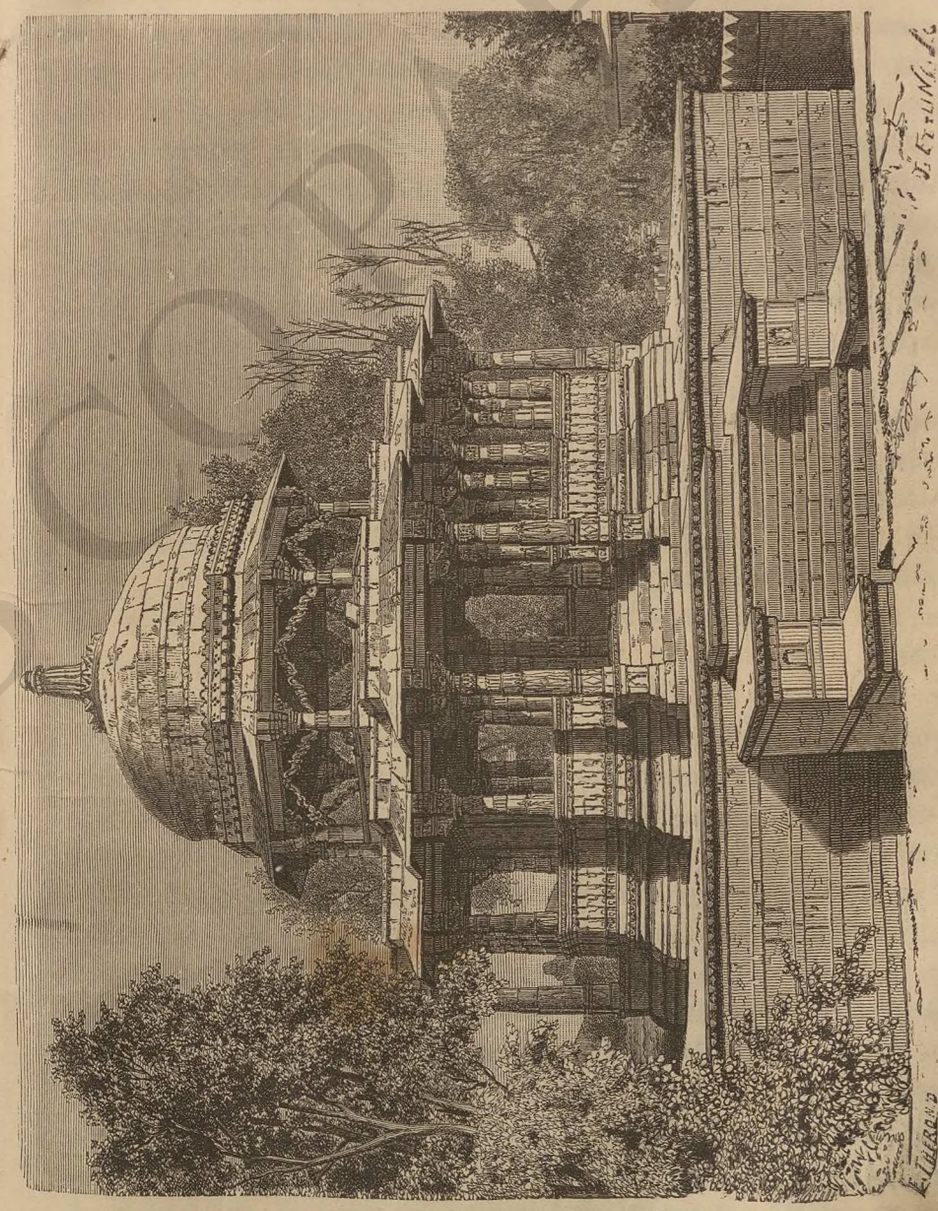
Но порошокъ этотъ, не единственное орудіе пускаемое въ ходъ во время масляницы; шутки и остроты сыпятся со всѣхъ сторонъ; каждаго сановника, проходящаго по улицѣ, встрѣчаютъ колкими насмѣшками, не употребляя однако оскорбительныхъ словъ и онъ отвѣчаетъ на нихъ ироническими угрозами.

Голи проявляется не менѣе шумно и во дворцѣ; король и дворяне принимаютъ въ немъ живое участіе и даже изъ Резиденціи видно красное облако, подымающееся надъ королевскимъ жилищемъ. Одну изъ наиболѣе красивыхъ сценъ этого праздника представляетъ карусель, устраиваемая придворными на большой террасѣ. Вооруженные небольшими тальковыми четыреугольниками, наполненными краснымъ порошкомъ, они устраиваютъ примѣрное сраженіе и очень ловко кидаютъ другъ въ друга эти небольшіе заряды, которые, разрываясь, обсыпаютъ ихъ краснымъ порошкомъ.

Наступаетъ очередь и слоновъ, которымъ доставляетъ повидимому большое удовольствіе подымать цѣлые столбы пыли. Послѣ нѣсколькихъ дней подобной забавы, всѣ зданія, дома и деревья принимаютъ однообразный оттѣнокъ.

Во все продолженіе Голи баядерки пользуются неограниченною свободою; на это время у нихъ есть особые танцы, въ которыхъ не соблюдается уже никакого приличія. *Кавіа* или куплеты, распѣваемые ими въ ноутчахъ (nautchs) бываютъ самаго циническаго свойства и касаются по большей части присутствующихъ.

Во время Голи въ деревню Агаръ собираются со всѣхъ сторонъ горныя племена Билей, чтобы справить свои сатурналіи. Они избираютъ именно это мѣсто для своего сборища въ память предковъ, которые по преданію занимали на мѣстѣ этой деревни цвѣтущій городъ, бывшій столицею ихъ имперіи. Маіоръ совѣтывалъ мнѣ взглянуть на этотъ праздникъ дикарей. Войдя въ Агаръ я увидѣлъ что вся деревня была переполнена шумною толпою, которая тѣснилась возлѣ сараевъ, гдѣ продавали водку *мовахъ*. Мужчины, женщины и дѣти, увѣнчанные цвѣ-



Гробница Санграмъ-Сингха въ Удейпурѣ.

тами, находились повидимому въ состояніи полнѣйшаго опьянѣнія; ни разу не случалось мнѣ видѣть болѣе отвратительной вакханаліи; полунагія группы мертвецки пьяныхъ людей скатились въ канавки и всюду безъ стыда выказывался самый отвратительный разгулъ. Пьяные наполнили весь Мага Сати и цѣлая толпа ихъ валялась въ мраморныхъ дворцахъ. Однако прогуливаться здѣсь было не совсѣмъ безапасно, такъ какъ эти суровые люди, возбужденные крѣпкими напитками, безпрестанно затѣвали между собою кровавыя драки; время отъ времяни въ воздухѣ пролетала стрѣла, которая легко могла бы попасть и въ насъ; жаловаться на это было немыслимо и поэтому мы поспѣшили удалиться. Впрочемъ ни одинъ индусъ не рѣшился вмѣшаться въ эту толпу, и это было съ ихъ стороны весьма разумно, такъ какъ дикари навѣрно воспользовались бы этимъ случаемъ, чтобы отомстить кровью свою древнюю ненависть.

Этихъ несчастныхъ Билей, оттиснутыхъ уже столько вѣковъ своими безжалостными побѣдителями въ неприступныя мѣста, и на которыхъ теперь еще смотрятъ какъ на существа нечистыя, болѣе достойны жалости нежели осужденія. Говоря о нихъ я уже сказалъ читателю насколько, при хорошемъ и человѣколюбивомъ правительствѣ они могли бы стать выше даже самихъ индусовъ. Теперь же единственное счастіе ихъ заключается въ томъ, чтобы напиться въ Агарѣ на деньги, добытыя цѣлымъ годомъ грабежа и разбоя.

Послѣдній день Пунума заканчиваетъ праздники Голи; поутру *накарасы* или почетные барабанщики Триполіи созываютъ всѣхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ на большой дворъ. Вмѣстѣ съ ними выходитъ Рана и отправляется на Шуганъ или Марсово поле, большую залу устроенную на высокомъ холмѣ; она не имѣетъ стѣнъ и каменный потолокъ ея поддерживается однѣми колоннами; король, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ, слушаетъ здѣсь гимны въ честь Голики; подъ часъ вульгарный куплетъ, раздавшійся изъ толпы, напоминаетъ ему, что и его санъ не ограждаетъ отъ вольностей Вассантъ Пахами. Въ этотъ день король посылаетъ тѣмъ, кому хочетъ оказать особенный почетъ, нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ и *канда нареаль* деревянную линейку, изящно отдѣланную и покрытую мелкими рисунками. Эти канда имѣютъ то значеніе, что никто не долженъ употреблять оружія въ то время, когда всякое разрушеніе особенно противно богинѣ, покровительницѣ весны. Король удостоилъ каждаго изъ насъ нѣсколькими кокосовыми орѣхами и кандой; это было съ его стороны знакомъ большаго почета. Праздникъ окончился кострами Голи, зажигаемыми на всѣхъ перекресткахъ;

© ГПНТБ СО РАН

на нихъ жгутъ идоловъ, и народъ всю ночь танцуетъ вокругъ этихъ костровъ.

На слѣдующее утро, 1-го Шейта, всѣ индусы купаются, читаютъ молитвы, переодѣваются и превращаются вновь въ мирныхъ гражданъ.

3-го числа мѣсяца Шейтъ королевскіе знаки и знамена отправляются, по старинному обычаю, въ Байдлахъ за рао Шоганомъ, однимъ изъ шестнадцати Омрасовъ; онѣ сопровождаютъ его до дворца, гдѣ самъ Рана лично принимаетъ его въ Триполіи. Кароли цѣлуются и входятъ въ залу дурбара рука объ руку, при чемъ рука рао лежитъ въ рукѣ Раны.

Въ первыхъ числахъ того же мѣсяца Мага Рана созываетъ всѣхъ дворянъ королевства на большой дурбаръ или торжественное собраніе которое знаменуетъ полное окончаніе вольностей Голи и начало того періода, который посвящается серьезнымъ занятіямъ по государственнымъ дѣламъ. Дурбаръ происходитъ на большой дворцовой террасѣ, передъ фасадомъ ценанаха.

Въ этотъ день все блестящее феодальное дворянство Мейвара собирается на обширномъ дворѣ, гдѣ съ утра царствуетъ живописная суетня всадниковъ въ роскошныхъ костюмахъ и слоновъ съ серебряными или золотыми сѣдалищами. Сорокъ креселъ, разставленныхъ полукругомъ подъ прекраснымъ голубымъ небомъ образуютъ залу дурбара на этихъ креслахъ сидятъ дворяне, окруженные своими знаменами и сопровождаемые оруженосцами.

Вскорѣ появляется Рана, въ сопровожденіи политическаго агента Англіи, и занимаетъ королевскій тронъ. Онъ блистаетъ алмазами и драгоцѣнными камнями и садится по индѣйски на бархатную подушку, опираясь на щитъ изъ шкуры носорога, прозрачный какъ янтарь; на колѣняхъ у него лежитъ тарваръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, а сандаліи лежатъ на серебряномъ табуретѣ.

По правую руку отъ него сидятъ маіоръ Никсонъ и члены посольства; рао Байдлахскій занимаетъ первое кресло съ лѣвой руки, а далѣе сидятъ шестнадцать омрасовъ, или могучихъ вассаловъ короля, министры и вакили иностранныхъ державъ. Отъ каждаго конца этого длиннаго ряда сидѣній идетъ подъ прямымъ угломъ рядъ креселъ, на которыхъ сидятъ такуры, феодальные владѣтели Мейвара. Всѣ они надѣли самые роскошные парчевые наряды, тибетскія шали, родовые драгоцѣнные камни и цѣнное оружіе. Чалмы, отличающія каждое племя, представляютъ самыя разнообразныя формы, начиная отъ граціозной киссйной чалмы, окруженной алмазной сѣтью, какую носятъ придворные, и кончая тяжелымъ конусомъ Гарасовъ и греческой каской начальниковъ пустынь. За королемъ стоитъ его свита: камергеры, пажи и приближенные; между ними особенно выдѣляется своимъ высокимъ ростомъ и сѣдой бородой, благородный магараджа Сингжи, любимецъ и оберъегермейстеръ короля. Надъ тропомъ возвышается штандартъ сесудіасовъ, солнце Мейвара, среди двухъ парадныхъ щитовъ; сзади находятся два слона изъ Асвари Раны. Если сравнить династіи, царствовавшія и царствующія до сихъ поръ въ различныхъ королевствахъ Раджастана съ самыми знаменитыми европейскими династіями, то очевидно, что по древности и знатности рода первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ Раджпутамъ. Владѣя уже обширной имперіей въ первые вѣка нашей эры, они царствовали въ обширныхъ и богатыхъ земляхъ, съ городами, украшенными роскошнѣйшими памятниками, въ то самое время, когда нѣсколько полудикихъ племенъ Запада впервые провозглашали у себя королей. Могучій Жеангиръ, императоръ моголовъ, комментировалъ, подобно Цезарю, исторію племени сесудіасовъ. Верховный властитель двадцати двухъ сатрапій Индіи съ гордостью говоритъ о договорѣ, заключенномъ имъ съ королемъ Раджпутовъ. Онъ благодаритъ небо за тотъ успѣхъ, «котораго не могли достичь ни безсмертный предокъ его Баберъ, основатель могольской династіи, ни Гумаюнъ, а отецъ его, знаменитый Акберъ, добился только отчасти.» [1])

Бѣднѣйшій изъ современныхъ Раджпутовъ можетъ по генеалогіи племени прослѣдить свое происхожденіе до того времени, когда онъ отдѣлился отъ главной вѣтви, и затѣмъ, по вполнѣ достовѣрнымъ родословнымъ, болѣе чѣмъ за 15 столѣтій, можетъ вывести свой родъ отъ общаго родоначальника. И съ какою гордостью онъ доказываетъ, что его племя сохранило свою первоначальную чистоту, не смѣшавшись съ моголами!

Шестнадцать омрасовъ, окружающихъ Магарану, суть представители тѣхъ героевъ, которые въ теченіи цѣлаго столѣтія защищали знамя индѣйской независимости, не падая духомъ въ виду бѣдствій и не прельщаясь блестящими предложеніями императоровъ. Не смотря на значительный упадокъ, до котораго довели ихъ революціи, они всѣ сохранили еще тѣ благородныя черты лица, тѣ изящныя манеры и нѣсколько рыцарскій характеръ, которымъ отличались ихъ предки.

---

[1]) Tod, Annals of Rajesthan.

XIV.

ушъ Магалъ. — Бой кабана съ пантерою. — Праздники Гури. — Охота на медвѣдя.

Каждый раджпутанскій дворянинъ имѣетъ свой гербъ и свои цвѣта; это доказываетъ, что и они знакомы съ геральдикой; большинство племенъ заимствовало свое названіе отъ эмблемъ, изображенныхъ на ихъ знамени; таковы: катшвагасы или черепахи, сесудіасы или зайцы, шандавуты или луны. Поэтому видно, что гербы существовали у нихъ уже въ древности и не могли быть заимствованы изъ Европы, какъ полагали нѣкоторые. Тодъ утверждаетъ, что гербы, выражающіе фамиліи, существовали въ Индіи еще до Троянской войны; въ Магабаратѣ еще за тысячу двѣсти лѣтъ до Р. Х. герой Бизама гордился тѣмъ, что отбилъ у Арджуны его знамя, гдѣ въ полѣ была изображена гануманская обезьяна. Въ индусскихъ рыцарскихъ романахъ рыцари отличались уже тогда цвѣтомъ своихъ шарфовъ, символами и девизами, изображенными на ихъ щитахъ. Королевскіе обѣды даются всегда въ Кушъ-Магалѣ или «въ увеселительномъ дворцѣ»; это весьма красивое зданіе стоитъ на вершинѣ холма. Столы накрываются въ обширной залѣ, убранной роскошно и со вкусомъ; сводъ опирается на зубчатыя арки, поддерживаемыя колоннами изъ бѣлаго мрамора; хрустальныя люстры проливаютъ яркій свѣтъ, отражаемый множествомъ большихъ зеркалъ, которыя вставлены въ стѣны; индѣйскіе ковры покрываютъ цвѣтной мозаичный полъ. Обѣдъ приготовляется всегда въ посольствѣ и поэтому имѣетъ совершенно европейскій характеръ; превосходныя вина доставляются изъ королевскаго погреба.

Рана принимаетъ гостей, усадивъ ихъ за столъ, и самъ удаляется, чтобы предоставить имъ полную свободу, такъ какъ догматы религіи запрещаютъ ему участвовать на нашихъ обѣдахъ, а его присутствіе въ качествѣ зрителя могло бы только стѣснить гостей. Онъ возвращается къ дессерту съ главнѣйшими рао и любезно принимаетъ серебряную чашу съ шампанскимъ, которую подноситъ ему посланникъ. Безчисленные тосты уничтожаютъ вскорѣ всякое стѣсненіе; раджпуты и европейцы веселятся вмѣстѣ, соперничая другъ передъ другомъ въ уничтоженіи западныхъ напитковъ и Филиппинскихъ и Гаванскихъ сигаръ. Строгость религіи раджпутовъ не распространяется на эти произведенія нашей промышленности; единственное условіе, налагаемое на нихъ религіозными догматами, состоитъ въ употребленіи металлическихъ чашъ, такъ какъ стекло считается нечистымъ. Вскорѣ являются неизбѣжныя баядерки, безъ которыхъ не обходится здѣсь ни одно празднество; пользуясь веселымъ настроеніемъ общества, онѣ смѣло вмѣшиваются въ разговоръ, перемѣшивая танцы съ шутками, которыя очень нравятся придворнымъ. Около полуночи Рана встаетъ и прощается съ гостями, цѣлуя ихъ и надѣвъ имъ на шею гирлянды изъ цвѣтовъ.

Что же касается экскурсій, совершаемыхъ нами днемъ, то онѣ направлялись всегда въ одинъ изъ безчисленныхъ загородныхъ дворцовъ, созданныхъ прихотью Раны въ окрестностяхъ столицы и оканчивались всегда охотою или прогулкою по озеру.

Я никогда не забуду пріятнаго дня, проведеннаго нами въ одномъ изъ этихъ дворцовъ. Мы поѣхали въ Гордунъ-Буласъ или «Отраду Гордуна» построенную въ лѣсу, покрывающемъ берега озера Пешолы. Намъ приходилось проѣхать озеро во всю его длину, и шлюпки съ ранняго утра ожидали насъ на набережной Триполіа. Ничто не можетъ сравниться съ этою прогулкою по водѣ, въ особенности въ такую раннюю пору, когда тѣнь, отбрасываемая холмами, покрываетъ еще большую часть озера; свѣжій воздухъ пропитанъ еще благоуханіемъ ночи и вы дышите полной грудью. Наша шлюпка тихо скользила среди этой чудной картины; надъ городомъ висѣлъ легкій туманъ; мраморные купола, возвышающіеся на холмахъ, и шпицы пагодъ приняли нѣжный розоватый оттѣнокъ; острова отражались въ водѣ со своими арками и садами; тамъ и сямъ нѣсколько индѣйцевъ, въ яркой одеждѣ, показывались на ступеняхъ *гатовъ* (ghauts). Далѣе дворцы смѣнялись лѣсами; картина безпрерывно мѣнялась; непроницаемая чаща шла до самаго основанія стѣнъ, которыя спускаются съ вершины Эклингура и дохо-

дятъ до поверхности озера. Видъ этотъ чрезвычайно оригинальный; и напоминаетъ двойныя декораціи, употребляемыя въ театрѣ; съ одной стороны виденъ многолюдный базаръ, съ другой дѣвственный лѣсъ, возвышающійся надъ болотомъ, гдѣ обитаетъ множество крокодиловъ и куда тигры сходятся на водопой.

Вскорѣ мы пристали къ маленькой пустынной бухтѣ, откуда открывается обширная панорама, обнимающая весь Удейпуръ и все озеро Пешола.

Мы поѣхали въ лѣсъ на слонахъ и черезъ нѣсколько минутъ сошли уже передъ портикомъ Гордунъ Буласъ, гдѣ встрѣтилъ насъ Магараджа Синджи. Во время моего пребыванія при дворѣ Раны я уже привыкъ къ изящнымъ постройкамъ; но маленькій дворецъ этотъ поразилъ меня съ перваго взгляда; это маленькая прелестная игрушка: передъ вами тѣнистые дворы, освѣжаемые фонтанами, которые бьютъ среди цвѣтниковъ; красивыя зданія изъ бѣлаго мрамора, галлереи, покрытыя фресками и мозаикою, уютныя и прохладныя комнатки; кіоски, башенки, и повсюду цвѣты, тѣнь и прохлада. Все дышетъ нѣгой въ этомъ пріютѣ индѣйскаго сибаритства; тутъ нѣтъ ничего большаго, величественнаго, утомляющаго умъ, внушая ему серьезныя думы; напротивъ все сдѣлано въ маленькихъ размѣрахъ, уютно и прелестно; сѣтки, протянутыя надъ дворами удерживаютъ тысячи яркокрылыхъ птичекъ, которыя порхаютъ среди ліанъ или отдыхаютъ на колоннахъ. Въ одной изъ этихъ клѣтокъ, подъ тѣнистой верандой накрытъ для насъ столъ.

Послѣ завтрака и непродолжительнаго отдыха къ намъ присоединился Рана со своимъ дворомъ; ему удалось скрыться отъ шумнаго празднества Голи и онъ рѣшилъ провести этотъ день въ охотѣ. Нужно заслужить милость богини этого дня и мы идемъ преслѣдовать ея непримиримаго врага; весь лѣсъ, простирающійся отъ Гордунъ Буласа до стѣнъ, окруженъ полкомъ Самбу Пултунъ, который Рана употребляетъ во всѣхъ охотахъ, вѣроятно для того чтобы держать его всегда въ полномъ составѣ.

Гуди или шикаргасы устроены въ весьма живописномъ мѣстѣ, на склонѣ оврага; откуда открывается видъ на озеро, городъ, лѣсъ и на цѣпь Гюирво. Мы отправились туда на слонахъ, усѣлись также удобно какъ въ Нармугрѣ и тутъ повторилось то же побоище. Докторъ Куннингамъ, неутомимый Нимвродъ, уговорилъ меня поѣхать съ нимъ къ Гордунъ Талао. Это одно изъ живописнѣйшихъ озеръ этой благодатной страны; часть его бассейна тянется между крутыми берегами,

поросшими кустарникомъ и высокими травами; съ другой стороны онъ проникъ въ пальмовую рощу; надъ водою склоняются полузасохшіе стволы пальмъ, вырванныхъ съ корнемъ; а надъ ними образовали густой покровъ полусгнившія ліаны; надъ этою темною и гніющею водою носятся множество лысухъ и веслоногихъ птицъ; въ илѣ спятъ крокодилы, высунувъ изъ него только свою огромную голову или помѣщаются между упавшими стволами, неровности которыхъ сливаются съ ихъ чешуей. Докторъ желалъ имѣть одного изъ этихъ чудовищъ для своего анатомическаго кабинета, и намъ было бы нетрудно въ нѣсколько минутъ убить ихъ съ полъ дюжины, но главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы найти крокодила въ такомъ положеніи, которое позволило бы подобрать трупъ. Наконецъ мы увидѣли одного спавшаго на скалѣ, въ небольшой бухтѣ; онъ находился приблизительно въ 800 метрахъ отъ берега. Разстояніе большое, но наши винтовки бьютъ на 1100 метровъ; мы выстрѣлили. Пуля Куннингама, коническая и малаго калибра попала чудовищу въ горло; онъ не двинулся съ мѣста, но пасть его широко раскрылась; затѣмъ моя пуля ударилась ему въ плечо, и челюсть его сомкулась съ ужаснымъ трескомъ: онъ былъ убитъ. Люди, слѣдовавшіе за нами, притащили его къ берегу на плоту; чудовище имѣло въ длину отъ морды до кончика хвоста нѣсколько болѣе 13 англійскихъ футовъ, или около четырехъ метровъ.

Чубдаръ позвалъ насъ отъ имени короля во дворецъ. Маіоръ разсказалъ намъ по пути, что намъ хотѣли показать бой барса съ кабаномъ. Рана желалъ исполнить обѣщаніе, данное намъ однажды въ Нармугрѣ.

Кавалькада съ шумомъ ѣхала по лѣсу; всѣ толковали о необыкновенномъ зрѣлище, которое намъ предстояло видѣть и которое Рана до послѣдней минуты хранилъ въ тайнѣ; многіе держали пари; я съ своей стороны утверждалъ, что превосходство останется за барсомъ.

Наконецъ мы прибыли къ мѣсту побоища; тутъ возвышалось красивое зданіе съ башенками, въ живописномъ мѣстоположеніи на берегу Пешолы, противъ самаго Удейпура. Арену составлялъ небольшой дворъ, окруженный высокими стѣнами; съ двухъ сторонъ устроены ложи съ мраморными перилами на такой высотѣ, на которую не можетъ взвится барсъ, во время своихъ отчаянныхъ прыжковъ.

Въ арену впущенъ одинъ только кабанъ; это великолѣпное животное, необыкновенной величины, съ длинными, острыми клыками; онъ былъ захваченъ въ сосѣднихъ ущельяхъ, гдѣ былъ вожакомъ цѣлаго стада, и

лишеніе свободы приводитъ его въ ярость; онъ ищетъ своего врага и съ бѣшенствомъ роетъ землю. Вдругъ онъ останавливается, вздрагиваетъ; огромная щетина, покрывающая его плечи становится дыбомъ; онъ увидѣлъ наконецъ противника; въ это время поднялся люкъ, изъ него выскочилъ великолѣпный барсъ, и медленной поступью пробрался въ уголъ, устремивъ глаза на кабана. Послѣдній храбро вступаетъ въ борьбу; онъ съ бѣшенствомъ кидается на барса, и въ то время какъ тотъ обхватываетъ его своими лапами, кабанъ разрываетъ ему бокъ клыками. Удары его такъ быстры и такъ сильны, что барсъ пытается бѣжать; но въ такомъ случаѣ онъ пропалъ, такъ какъ кабанъ пользуется своимъ преимуществомъ и наноситъ смертельные удары хищному звѣрю, у котораго черепъ пробитъ и бока всѣ изранены; ослѣпленный кровью онъ перестаетъ защищаться; пуля прекращаетъ страданія несчастнаго животнаго, и присутствующіе выражаютъ свое одобреніе побѣдителю. Остервѣнившись надъ трупомъ своей жертвы, кабанъ разрываетъ ее на части, подбрасывая иногда къ противуположному концу арены. Вознагражденіемъ за побѣду будетъ возвращеніе ему свободы; люкъ открываютъ, и кабанъ сопровождаемый возгласами толпы медленно идетъ къ своимъ роднымъ горамъ. Однако онъ смотритъ скорѣе озабоченнымъ нежели довольнымъ и время отъ времени останавливается. Опасается ли онъ найти свое мѣсто занятымъ или размышляетъ о коварствѣ барса, который держалъ его въ заточеніи въ этомъ замкѣ? Наконецъ онъ скрывается за холмомъ. Обернувшись къ раджпутамъ, я замѣтилъ по ихъ лицу, какъ они были довольны побѣдою своего любимца.

Только что окончились сатурналіи Голи, какъ начинается праздникъ Гури или Изани, индусской Цереры. Индусская поэзія не могла не воспѣть того времени года, когда природа проявляетъ въ этихъ тропическихъ странахъ самые роскошные дары свои и Гури выполняетъ обѣщаніе, данное Вассанти. Гури есть воплощеніе Парвати, супруги Магаде или Исвара, главнаго вождя Олимпа Сайва. Имя ея значитъ «желтый»— цвѣтъ жатвы. Она изображается подъ видомъ женщины, которая держитъ въ одной рукѣ лотусъ, эмблему воспроизводительной силы, а въ другой дубину въ знакъ того, что въ качествѣ Гури и Кали она соединяетъ жизнь и смерть. Ее называютъ также Пудма и Ана-Пурана «Кормилица человѣческаго рода».

Въ первый день праздника изъ города идетъ депутація за землею, изъ которой дѣлаютъ идолъ Гури. Когда онъ оконченъ, его ставятъ вмѣстѣ

съ лингамомъ (изображеніе) Исвары на маленькую площадку, вокругъ которой посыпаютъ зерно; землю поливаютъ и подогрѣваютъ искуственно до тѣхъ поръ, покуда зерно не пуститъ ростковъ; тогда женщины танцуютъ вокругъ идола, прося богиню объ своихъ мужьяхъ. Затѣмъ проросшее зерно раздаютъ мужчинамъ, которые носятъ его въ своихъ чалмахъ. Каждое богатое семейство воздвигаетъ своего идола, точно также какъ и всякій *пурва* или кварталъ города. Во время этихъ приготовлеійн общей темой. разговора служитъ выѣздъ Гури изъ королевскаго дворца; всѣхъ интересуетъ будетъ ли она убрана также роскошно, какъ въ прошломъ году и не спустятъ ли по этому случаю на воду новыхъ шлюпокъ. Наконецъ настаетъ часъ, назначенный для торжества; *накарасы* или воины подаютъ знакъ, и пушечная пальба съ вершины Эклингура возвѣщаетъ народу, что Гури двинулась къ озеру. На дворцовой террасѣ собирается кавалькада, и Рана, окруженный придворными, ѣдетъ къ шлюпкамъ. Мѣсто для праздника избрано какъ нельзя лучше; озеро образуетъ прелестный заливъ у подошвы холма, отлого спускающагося до площадки, на которой стоятъ дворцы придворныхъ. Башни и террасы отъ самаго королевскаго дворца до берега покрыты толпою зрителей, а на мраморной лѣстницѣ Триполіи стоятъ женщины, въ яркой одеждѣ съ розами и жасминами въ волосахъ. Трудно представить себѣ болѣе веселую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе величественную картину; лицо каждаго человѣка, отъ короля до крестьянина, дышетъ веселіемъ. Не слышно криковъ, оглушительнаго шума; всѣ взоры устремлены на Триполію; народъ терпѣливо ожидаетъ появленіе Гури. Наконецъ процесія спускается съ набережной по лѣстницѣ; по срединѣ на тронѣ или *патъ* возсѣдаетъ богиня, окутанная въ желтую ткань и осыпанная драгоцѣнными каменьями; рядомъ съ нею идутъ двѣ молодыя дѣвушки, размахивая надъ нею серебрянымъ *шамра*; впереди идетъ группа женщинъ съ серебряными жезлами; онѣ исполняютъ должность чубдаровъ и поютъ гимны; при появленіи процессіи король, придворные и министры встаютъ и не садятся до тѣхъ поръ, покуда богиня не займетъ своего трона, поставленнаго на берегу; тогда всѣ низко кланяются ей и дворъ садится въ лодки. Женщины окружаютъ богиню и танцуютъ, двигаясь вокругъ нее мѣрнымъ шагомъ и распѣвая гимны въ честь богини Изобилія, Любви и Преданности. Женщины однѣ имѣютъ право участвовать въ этой церемоніи; мужчины исключаются изъ нея. Омовеніе богини продолжается довольно долго, а за тѣмъ также торжественно ее отводятъ во дворецъ. Рана и прочіе начальники объѣзжаютъ озеро, посѣщая всѣ идолы Гури; эта

флотилія шлюпокъ, проходящая мимо береговъ съ развѣвающимися флагами, представляетъ самую красивую сцену этой церемоніи. Праздникъ оканчивается большимъ фейерверкомъ.

Нѣсколько дней спустя по прошествіи праздника Пудма, я напомнилъ раджѣ, что отъѣздъ нашъ былъ неотложно назначенъ на 5 марта и такъ какъ настало уже первое число этого мѣсяца, то я просилъ его сдержать свое обѣщаніе, и дать намъ средства продолжать наше путешествіе; онъ снова попытался удержать меня, но, видя, что я принялъ твердое рѣшеніе, далъ мнѣ слово, что все будетъ готово къ назначенному дню.

Передъ отъѣздомъ намъ предстояло еще видѣть охоту на медвѣдя, чтобы завершить такимъ образомъ рядъ охотъ, которыя Рана обѣщалъ показать намъ. Рѣшено было не откладывать ее долѣе, и третьяго числа мы двинулись по направленію къ высокимъ горамъ, ограничивающимъ долину съ сѣвера. Отвратительныя дороги, проходившія по пустыннымъ ущельямъ, обнаженнымъ холмамъ, кое-гдѣ только поросшимъ кустарникомъ кактуса, привели насъ наконецъ къ Бурди Талао, весьма живописному озеру, совершенно скрытому въ горахъ. Тутъ ожидалъ насъ вкусный завтракъ въ соломенной хижинѣ, выстроенной на плотинѣ; мы поѣли его на скоро, любуясь въ то же время красотой пейзажа и сожалѣя, что намъ не хватило времени, чтобы словить нѣсколько огромныхъ мазеровъ (mahzers), которыми наполнено озеро; плотина, образующая это озеро, замѣчательна по постройкѣ; она имѣетъ 21 метръ вышины и со стороны, обращенной къ водѣ, укрѣплена большими лѣстницами и кіосками.

Лагерь короля, куда мы прибыли занимаетъ великолѣпное плоскогорье, вдали отъ того мѣста, гдѣ мы собираемся охотиться, такъ какъ Аравалисскій медвѣдь хитрое животное и шумъ, производимый двумя тысячами нашихъ загонщиковъ, скоро заставилъ бы его скрыться.

Насъ поѣхало нѣсколько человѣкъ съ загонщиками, которые впереди заняли свои мѣста; дорога была ужасная, подъ часъ даже опасная; но намъ нечего было опасаться, такъ какъ мы ѣхали на слонахъ. Тамъ, гдѣ опасно бываетъ ѣхать на лошади или лошакѣ, можно вполнѣ довѣриться одному изъ этихъ умныхъ животныхъ. Намъ велѣно хранить глубочайшее молчаніе. Мы усаживаемся въ Шикаргасѣ; окрестная мѣстность необыкновенно дика и хороша; передъ нами возвышается большая гора, поросшая густымъ лѣсомъ; она идетъ амфитеатромъ, основаніе котораго находится на одномъ уровнѣ съ нашимъ шалашомъ; вѣковыя деревья

протянули свои огромныя вѣтви чащей бамбука, ліанъ и кактуса. Поразительна въ особенности тишина, царствующая въ этомъ ущельѣ: слышенъ только слабый крикъ нѣсколькихъ птичекъ, да передъ нами дремлетъ на вѣтви обезьяна. Оберъ-егермейстеръ встаетъ и размахиваетъ шарфомъ; тотчасъ же съ горы раздаются крики, звуки гонга и цимбалъ, и даже нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Вскорѣ мимо насъ пробѣгаютъ шакалы, гіены и нѣсколько кабановъ, но мы не двигаемся; медвѣдя не такъ легко испугать; онъ понимаетъ, что весь этотъ шумъ не болѣе какъ хитрость, чтобы согнать его въ нашу сторону, и крики погонщиковъ, усиливающіеся время отъ времени, доказываютъ намъ, что эти хитрыя животныя стараются удрать въ сторону, что нѣкоторымъ изъ нихъ и удается; наконецъ одинъ изъ нихъ рѣшается пойти въ нашу сторону; онъ спускается, выжидаетъ и затѣмъ идетъ далѣе; насъ шестеро и мы можемъ стрѣлять только по очереди и по одному разу, когда медвѣдь подойдетъ довольно близко.

Рана выстрѣлилъ и ранилъ его; взбѣшенный медвѣдь галопомъ бросился къ намъ; моя пуля коснулась, но не остановила его; слѣдующій выстрѣлъ положилъ его на повалъ. Это былъ молодой чернобурый медвѣдь; шерсть его мягкая и шелковистая, когти острые; а очень длинныя уши обросли очень длинной шерстью, чѣмъ единственно и отличается эта порода медвѣдей. Загонщики доложили намъ, что нѣсколько медвѣдей прорвались сквозь цѣпь; Рана упрекалъ ихъ въ недостаткѣ храбрости, на что эти молодцы отвѣчали покачавъ головою, что они никогда не пропустили бы тигра, но ихъ братъ *баллу* принадлежитъ къ числу храбрыхъ и прямо идетъ на человѣка; объятія его смертельны и поэтому приходится или убить или пропустить его. Намъ пришлось удовлетвориться этимъ объясненіемъ и нашей скудной побѣдой, такъ какъ медвѣдей нельзя загонять два раза въ день.

Время нашего отъѣзда приближается; верблюды, на которыхъ мы поѣдемъ, уже стоятъ на нашемъ дворѣ; рао старается соблазнить насъ, но я остаюсь непоколебимъ. Эти добрые люди, ставшіе нашими искренними друзьями, не понимаютъ почему мы стремимся промѣнять удобную и веселую жизнь на путешествіе, исполненное лишеній.

4-го числа мы простились съ Раной; за Шаумбургомъ и за мною былъ присланъ слонъ и почетный караулъ. Во дворцѣ насъ приняли еще съ большимъ почетомъ противъ обыкновеннаго; камергеры провели насъ въ Тронную залу, гдѣ насъ ожидалъ Рана: онъ хотѣлъ придать этому послѣднему свиданію нѣкоторую торжественность: «Но сагибъ, говоритъ

онъ, вы провели здѣсь не болѣе двухъ дней!—Два мѣсяца Магараджа—отвѣчаемъ мы,—это два года счастія.» Этотъ чисто восточный отвѣтъ вызвалъ громкіе Ва! Ва! (Wah!) со стороны придворныхъ, которые въ слухъ хвалили меня. Наконецъ Рана велѣлъ принести предназначенный намъ киллутъ или почетный подарокъ и обнялъ насъ, пожелавъ намъ счастливаго пути. Я вышелъ изъ дворца подъ руку съ Байдлахи, тронутый этимъ свиданіемъ и когда, садясь на моего слона, я пожалъ послѣдній разъ руку старому рао, то мнѣ казалось будто я покидаю навсегда старыхъ и добрыхъ друзей; мнѣ сжало горло и на глазахъ навернулись слезы.

XV.

Мейваръ.

Дюбокъ.—Нѣсколько совѣтовъ.—Миваръ.—Сасунъ.—Муггервара.—Взятіе Онталы.—Морвунъ.—Чурпара.—Шиттора и ея памятники.

5 марта.—Наконецъ всѣ сборы наши окончились, хотя и не безъ труда. Не смотря на то, что Рана отдалъ въ наше распоряженіе своихъ верблюдовъ, однако вакиль, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, старался создать мнѣ тысячу препятствій. Верблюды, которыхъ онъ прислалъ мнѣ, сначала то хромали, то были слишкомъ слабы или съ норовомъ, такъ что пришлось мѣнять ихъ. Наконецъ я грозилъ донести объ этомъ резиденту или даже самому Ранѣ и тогда только я получилъ пятнадцать сильныхъ верблюдовъ для переноски нашего багажа, людей и палатокъ; лично для насъ было приготовлено два прекрасныхъ дромадера. Конвой нашъ состоялъ изъ двѣнадцати соварсовъ, что вмѣстѣ съ прислугой и верблюдниками образовало караванъ болѣе чѣмъ въ сорокъ человѣкъ. Сегодня рано утромъ я отослалъ всѣхъ людей въ Дюбокъ, чтобы нѣсколько ускорить этимъ нашъ отъѣздъ, совершившійся впрочемъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Мы завтракали у маіора, къ которому собрались всѣ наши друзья. Наконецъ, пожавъ каждому руку на прощанье, мы вскочили на верблюдовъ и помчались во всю прыть; проскакавъ съ часъ мы были у входа въ ущелье Добарри. Тутъ мы остановились, чтобы бросить взглядъ на пройденное пространство: у нашихъ ногъ тянулась богатая долина съ ея лѣсами, зеленѣющими полями и красивыми деревеньками; маленькая рѣчка-Берисъ извивается между скалами; изъ за деревьевъ показываются башенки Агара; вдали красуется Удейпуръ, городъ восходящаго солнца, увѣнчанный дворцами, а за нимъ тянется величественная цѣпь Ара-

© ГПНТБ СО РАН

валисскихъ горъ, голубоватыя вершины которыхъ группируются на горизонтѣ. Долина Счастія предстала тутъ передъ нами въ послѣдній разъ. Вскорѣ мы миновали ущелье Добарри и выѣхали изъ Гюирво; передъ нами развертываются равнины Мейвара, ограниченныя съ востока блѣдно-голубой линіей знаменитыхъ Шитторскихъ горъ.

Мы пріѣхали въ Дюбокскій бунгаловъ, вокругъ котораго разбитъ нашъ лагерь. Тотчасъ же къ намъ явились два *гаркараса* или посланныхъ отъ Раны съ *пурвана* или фирманами, обѣщанными намъ королемъ. Эти пурвана адресованы такурамъ или баронамъ, котваламъ или комендантамъ городовъ и пателамъ или деревенскимъ старостамъ и предписываютъ имъ во-первыхъ оказывать намъ полное уваженіе какъ путешествующимъ друзьямъ Мага Раны, и выдавать намъ безъ всякаго вознагражденія *рассадъ*, т. е. кули и провизію необходимую для насъ и для нашихъ людей. Рассадъ долженъ выдаватся по нашему приказанію во все время нашего пребыванія въ различныхъ мѣстечкахъ; списокъ выданной намъ провизіи, составленный мэромъ и подписанный мною, велѣно было передавать министру Раны, который производилъ по немъ уплату. Кромѣ того въ пурванѣ говорилось, что такъ какъ сагибы путешествовали съ цѣлью изслѣдовать страну, то всякій обязанъ указывать мнѣ на достопримѣчательности, заслуживающія вниманія и сообщать свѣденія о нравахъ, преданіяхъ и легендахъ страны. Эта послѣдняя статья указа имѣла для насъ особенное значеніе, такъ какъ иначе жители, опасаясь преслѣдованія, отвѣчаютъ на всѣ вопросы полнѣйшимъ незнаніемъ. Два гаркараса, которымъ приказано сопровождать насъ, обязаны вездѣ предъявлять эти фирманы и наблюдать за выполненіемъ ихъ.

Въ нашей стоянкѣ царствуетъ уже удивительный порядокъ; верблюды и лошади привязаны въ линію, палатки раскинуты, всѣ люди на своихъ мѣстахъ и каждый изъ нихъ приготовилъ себѣ кушанье и разослалъ свою цыновку для ночлега. Безпорядокъ, существовавшій въ Удейпурѣ, исчезъ безслѣдно. Обыкновенно отъ людей ничего не добьешся, покуда они не двинулисъ въ путь: то животныя худо навьючены, то рвутся веревки, словомъ ежеминутно возникаютъ новыя помѣхи. Но отправьте ихъ за два километра отъ города, они тотчасъ поймутъ, что всякая проволочка безполезна—и все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Индѣйцы вообще любятъ путешествовать; имъ трудно только собраться въ путь, но, разъ тронувшись съ мѣста, они легко переносятъ всѣ лишенія и утомленія, сопряженныя съ длинными переходами; отъ нихъ можно тутъ добиться двухъ вещей, которыя недостижимы въ городѣ; въ джунглѣ ничто

не кажется имъ унизительнымъ и никто не отказывается приложить руку къ дѣлу.

Теперь нелишне будетъ привести нѣсколько совѣтовъ для лицъ, которыя вздумали бы путешествовать по центральной Индіи. Вступивъ въ джунгль, необходимо опредѣлить окончательно относительное положеніе каждаго члена каравана. Всякій, смотря по своей обязанности и по своему происхожденію, стремиться стать выше другихъ и это подаетъ поводъ къ недоразумѣнію между людьми, которыхъ сближаетъ только лагерная жизнь; поваръ выдаетъ себя представителемъ своего хозяина и хочетъ всѣми повелѣвать; соваръ отдаетъ приказанія верблюднику и такъ далѣе; по прошествіи нѣсколькихъ дней является двацать начальниковъ и никто никому не повинуется.

Поэтому необходимо съ перваго же дня разъяснить всѣмъ, что вы тутъ единственный начальникъ, но для этого нужно основательно знать мѣстный языкъ, такъ какъ всѣ приказанія должны исходить непосредственно отъ васъ. Не думайте однако, чтобы путешественнику нечего было дѣлать: онъ долженъ отдавать всѣ приказанія, наблюдать за всѣмъ: захворалъ-ли кто нибудь,—къ нему обращаются за совѣтомъ; затѣялась ли ссора, онъ долженъ разобрать ее; передъ всѣми онъ является нравственно отвѣтственнымъ за все, случившееся въ караванѣ.

Вечеромъ настаютъ свои заботы: нужно указать начальнику соваровъ, гдѣ и какъ разставить шовкейдаровъ или часовыхъ, назначенныхъ отъ деревни; назначить время отъѣзда, путь по которому пойдетъ караванъ и мѣсто слѣдующей стоянки; наконецъ вручить гаркару списокъ *рассада*, что слѣдуетъ получить съ деревень. Въ особенности относительно маршрута не слѣдуетъ полагаться на людей: они идутъ туда, куда вы хотите, не освѣдомляясь даже о мѣстѣ своего назначенія. Лучше всего самому собрать всѣ необходимыя свѣденія, сравнить ихъ съ тѣмъ, что вамъ уже извѣстно и начертить путь на картѣ; дороги не должны смущать васъ, вамъ кромѣ того необходимо знать положеніе всѣхъ рѣкъ, вы должны предвидѣть всѣ препятствія и указать ихъ своимъ людямъ, которые сами объ этомъ не позаботятся.

Вступивъ въ какой нибудь округъ, вы должны заявить о себѣ крестьянамъ; васъ осаждаютъ тысячью просьбъ большею частью преувеличенныхъ или ложныхъ и вы должны рѣшить, которыя изъ нихъ справедливы и требуютъ удовлетворенія. Такимъ образомъ вы пріобрѣтете славу человѣка справедливаго; молва эта распространяется въ странѣ, опережая васъ по пути. Но кромѣ справедливости необходимо поддерживать свои права съ такою твердостью, которую въ Европѣ сочли бы за жес-

ОТЕЧЕСТВО

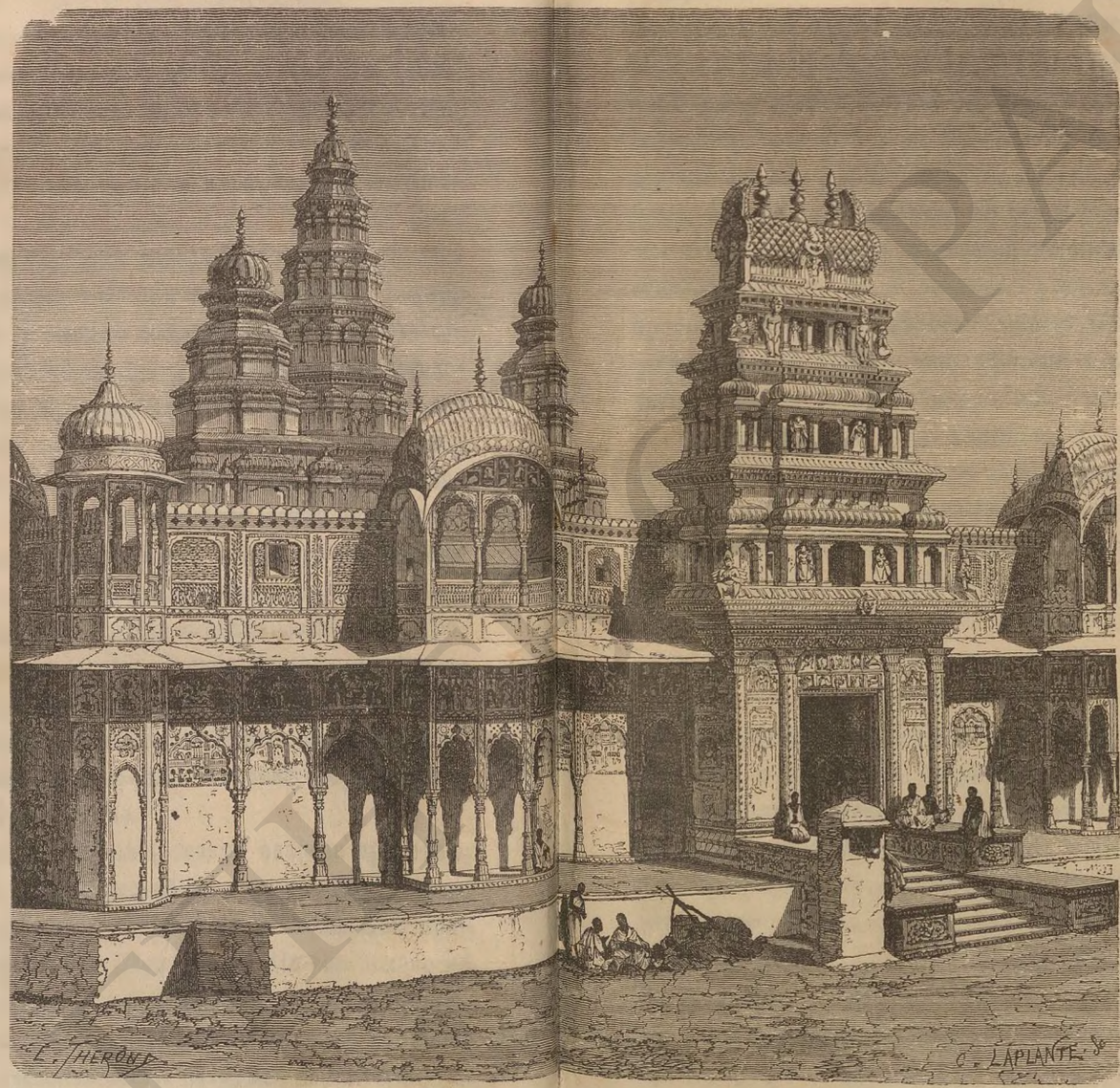
токость; пурвану (указъ) должны исполнять буквально; то что вы дѣлаете по добротѣ считается за слабость и вамъ уже невозможно ничего добиться.

Феодальные порядки научили этихъ бѣдныхъ крестьянъ уважать лишь тѣхъ, которые твердо проявляютъ свое могущество, и сами они также грубы въ обращеніи съ низшими себѣ, какъ низкопоклонны передъ вельможами. Справедливостью и нѣкоторой снисходительностью имъ легко доказать, что европейцы умѣютъ и хотятъ достигнуть уваженія, не употребляя насилія и дерзости.

6 марта.—Къ назначенному часу весь лагерь просыпается; Шейкъ мой вѣрный канзама, докладываетъ мнѣ объ этомъ, принеся поутру чашку вкуснаго, горячаго кофе. Я вышелъ изъ бунгалова; мои люди суетились при яркомъ свѣтѣ большихъ костровъ, въ которые они подложили огня, чтобы совершить трудную операцію навьючиванья верблюдовъ; эти послѣдніе, недовольные тѣмъ, что ихъ разбудили такъ рано, выражаютъ свою досаду ужаснымъ ревомъ. Картина, раскрывшаяся передо мною, весьма живописна:—этотъ шумъ, эти красноватые огни и оригинальныя животныя, окруженныя толпою людей, наконецъ эти большія темныя деревья составляютъ странную противуположность съ тишиною окрестныхъ полей. Четыре часа ночи—это часъ отдохновенія подъ тропиками; ночные хищники возвратились уже въ свои берлоги, а дневные гости ожидаютъ разсвѣта; воздухъ необыкновенно свѣжій; я съ удовольствіемъ подошелъ къ бивуаку. Луна уже зашла и атмосфера освѣщена только отблескомъ звѣздъ и яркимъ зодіакальнымъ свѣтомъ образующимъ на востокѣ огромное эллиптическое сіяніе.

Мѣстность, по которой мы проѣзжаемъ, щедро одарена природою; почва состоитъ изъ чернаго и густаго чернозема — перегноя, называемаго по индѣйски *маль*, откуда и происходитъ названіе Мальва, присвоенное обширной странѣ, орошаемой Шумбуломъ. Но она далеко не обработана соразмѣрно ея плодородію; войны послѣдняго столѣтія превратили ее въ джунгли; передъ вами открываются обширныя равнины, поросшія тѣмъ сѣроватымъ кустарникомъ, который характеризуетъ настоящія индѣйскія джунгли. Кое-гдѣ раскинулись дома и садики деревеньки; ее окружаютъ изумруднаго цвѣта поля, засѣянныя рисомъ, далѣе ростетъ опій съ своими разноцвѣтными цвѣтами, и за нимъ зрѣютъ великолѣпные хлѣба. Во всѣхъ этихъ деревняхъ замѣтно благосостояніе; жители ихъ сбѣгаются взглянуть на насъ, женщины, по древнему раджпутанскому обычаю, поютъ *куллусъ;* стада разбѣгаются

ОНБ СОРАН



Храмъ Рам въ Пошкурѣ.

при видѣ нашихъ вьючныхъ животныхъ; важнѣйшіе поселяне и представители власти спѣшатъ изъявить намъ саламъ.

Проѣхавъ по этой очаровательной мѣстности около 21 километра по прекрасной дорогѣ, построенной Тайломъ на счетъ Раны, мы прибыли въ Минаръ. Мой начальникъ каравана положительно оказывается артистомъ, устроивъ нашъ лагерь къ самой живописной мѣстности, на берегу прекраснаго озера, осѣняемаго съ нашей стороны исполинскими деревьями; деревня раскинулась по холму, увѣнчанному красивымъ храмомъ, и дома ея спускаются до самой воды; напротивъ находится большое болото, гдѣ подъ широкими листьями лотуса пріютилось множество дикихъ утокъ. Я пошелъ въ эту сторону; первый мой выстрѣлъ произвелъ волшебное дѣйствіе; можно было подумать, что я попалъ на островъ добраго Крузэ; утки затмили солнце и убивать ихъ было такъ легко, что это занятіе быстро наскучило мнѣ. Совары подбирали добычу и изъ подтишка подсмѣивались надо мною; только что я успѣлъ позавтракать, какъ явился ко мнѣ толстый браминъ, съ крикомъ объяснившій мнѣ, что на озерѣ нельзя охотиться, такъ какъ деревня эта священна; не знаю справедлива ли была его жалоба, но я увѣрялъ его, что согрѣшилъ по невѣдѣнію и былъ совершенно правъ, ибо Рана разрѣшилъ мнѣ охотиться, безъ исключенія, во всѣхъ его владѣніяхъ; когда же это объясненіе не удовлетворило моего брамина, то я велѣлъ выпроводить его изъ лагеря. Минаръ дѣйствительно считается *сисунъ*, т. е. церковнымъ владѣніемъ; жрецы утверждаютъ, что оно было подарено имъ легендарнымъ раджею Мандата, который царствовалъ въ Дарѣ еще до Викрамадитіи и владѣлъ всею страною до Аравалисскихъ горъ. Посѣтивъ сосѣдній городъ Дундія, король совершилъ тамъ *асвамеда*, т. е. приношеніе лошади; по окончаніи церемоніи, онъ хотѣлъ вознаградить двухъ богатыхъ или святыхъ отшельниковъ, исполнявшихъ при этомъ должность жрецовъ, но они отказались отъ всякаго подарка. Тогда король употребилъ хитрость, и поднося имъ бира, спряталъ въ нее хартію, которою утверждался за ними городъ и всѣ земли Минара; жрецы, принявъ биру, лишились своей чудесной власти и, поселившись на вновь пріобрѣтенной землѣ, стали заниматься обработываніемъ ее.

Во всемъ Раджпутанѣ нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы по крайней мѣрѣ пятая часть земли не составляла собственности браминовъ; продолжая захватывать имущество въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, церковь накопила наконецъ несмѣтныя богатства, которыя она отстаиваетъ энергически. Краснорѣчивы въ этомъ случаѣ законы Ману, предписывающіе королямъ завѣщать всѣ свои личныя владѣнія священникамъ,

© ГПНТБ СССР

угрожая съ другой стороны, тому кто осмѣлится отнять у нихъ хотя одно владѣніе, что въ наказаніе за это онъ будетъ обреченъ провести 60 тысятъ лѣтъ въ тѣлѣ навознаго червя. Но перейти отъ престола къ такому жалкому существованію было бы весьма тяжко, гораздо пріятнѣе разстаться съ жизнью, съ увѣренностью, что хотя наслѣдники ваши будутъ ограблены, но по крайней мѣрѣ душа очищена отъ всѣхъ грѣховъ; поэтому всѣ короли отказываютъ свои имущества церкви, а она въ свою очередь сберегаетъ ихъ. Такимъ образомъ, въ королевствѣ Мейваръ пятая часть доходовъ государства идетъ браминамъ, и король едва осмѣливается взять въ казну земли, пожалованныя жрецамъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, и которыя теперь совершенно заброшены. Такъ, община Минара владѣетъ пятью тысячами *бигасовъ*, т. е. около 6400 гектаровъ пахатной земли, изъ коихъ болѣе трехъ четвертей необработаны по отсутствію или исчезновеніи ихъ владѣтелей. Мало того, что половина всѣхъ земель находится такимъ образомъ подъ паромъ, короли ежедневно жалуютъ церкви новыя владѣнія, черезъ что страна истощается и бѣднѣетъ. Но такое положеніе не можетъ продолжаться долго, и надобно полагать, что увѣщанія англійскихъ агентовъ превозмогутъ наконецъ этотъ суевѣрный страхъ королей, и всѣ земли будутъ возвращены для обработки.

Крестьяне не такъ легко поддаются угрозамъ духовенства и съ трудомъ отдаютъ свои земли.

Подобно христіанскимъ монахамъ среднихъ вѣковъ, которые, пользуясь общимъ невѣжествомъ, поддѣлывали королевскія хартіи, брамины и въ настоящее время употребляютъ это средство для расширенія своихъ владѣній; они торжественно вырываютъ изъ земли окисленныя или мѣдныя доски, предварительно окисленныя и зарытыя ими, на которыхъ къ общему изумленію они читаютъ, что богъ Кришна или какой нибудь миѳическій герой пожаловалъ имъ еще за двѣ или за три тысячи лѣтъ тѣ земли, которыхъ они домогаются. Теперешніе владѣльцы земли считаются похитителями ея и изгоняются безъ всякой жалости, а если иные изъ нихъ и сомнѣваются въ подлинности этихъ хартій, то уже никакъ не посмѣютъ этого высказать, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ всего духовенства.

Весь день я не слыхалъ ничего о минарскихъ браминахъ, но къ вечеру гаркара объявилъ мнѣ, что они отказываются исполнить пурвана и не даютъ провизіи для людей и корму верблюдамъ, желая наказать меня за охоту голодомъ; я пытался доказать гаркарамъ, что отказъ ихъ нелѣпость, такъ какъ мы всѣ пятьдесять человѣкъ не обѣдали и вовсе

не расположены лечь спать впроголодь. Но такъ какъ ни одинъ изъ моихъ доводовъ не подѣйствовалъ, то я велѣлъ сѣдлать лошадей и, сопровождаемый Шаумбургомъ и моими соварами, направился къ деревнѣ. Тутъ мнѣ указали жилище старосты, и я очутился въ домѣ толстаго, предерзкаго и пресвятаго брамина; напрасно старался я убѣдить его кроткими словами, онъ ни на что не соглашался и предложилъ мнѣ, наконецъ, отнести лагерь за двѣ версты отъ деревни, обѣщая, что, въ случаѣ моего повиновенія, онъ позаботиться, можетъ быть, послать мнѣ немного провизіи. Выведенный изъ себя, я высказалъ мое неудовольствіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ и грозилъ довести это до свѣдѣнія Удейпурскаго Раны. Онъ вскочилъ взбѣшенный и, въ порывѣ злости, замахнулся на меня своимъ скипетромъ — тяжелой бамбуковой тростью, окованной желѣзомъ. При видѣ такой угрозы, я потерялъ окончательно терпѣніе. Однимъ ударомъ кулака я свалилъ его на землю и, обратившись къ соварамъ, уполномочилъ ихъ добыть себѣ провизію. Брамины были поражены; мои люди разсѣялись по деревнѣ и не прошло получаса, какъ мы вернулись въ лагерь съ цѣлой вереницей кули, которые несли мѣшки съ мукою, сѣномъ и горшки съ молокомъ. Но я вовсе не намѣревался присвоить себѣ всю эту добычу, а велѣлъ составить подробный списокъ всего захваченнаго моими людьми и вручилъ его главѣ браминовъ, который вечеромъ явился ко мнѣ съ извиненіями.

7 марта. — Проѣхавъ 26 километровъ въ восточномъ направленіи по ровной, только слегка холмистой мѣстности, мы достигли селенія Муггервара. Вся эта часть Мейвара лежитъ на возвышенномъ плоскогорьѣ, которое постепенно понижается, сливаясь наконецъ съ предгорьями Виндія; почва плодоносна, но деревни попадаются рѣдко, и только время отъ время нѣсколько полей и небольшихъ рощицъ прерываютъ однообразіе джунгля.

Муггервара, что значитъ «страна крокодиловъ,» довольно значительное селеніе, лежащее на скалистомъ холмѣ, окруженнымъ живописными *джилъ* (болотистыя озера).

Нашъ лагерь помѣщался между селеніемъ и однимъ изъ этихъ озеръ; меня посѣтили важнѣйшіе жители деревни, выказавшіе намъ чрезвычайную любезность. Въ числѣ посѣтителей былъ одинъ *бать* или извѣстный бардъ, который вечеркомъ разсказалъ намъ нѣсколько фактовъ изъ героической исторіи сесудіасовъ; всѣ эти разсказы касаются долгихъ войнъ, веденныхъ съ исламитами, и въ нихъ самыми яркими красками изображенъ рыцарскій характеръ этихъ племенъ. Приведемъ для примѣра слѣдующій эпизодъ.

ОТЕПБ

«Дѣло было въ то время, когда великій падишахъ Жеангиръ завладѣлъ всѣми землями Мейвара и оттѣснилъ Рану и его воиновъ въ дикія ущелья Аравалисскихъ горъ. Когда часть могольскихъ силъ была отозвана въ другую область обширнаго государства и нѣкоторыя укрѣпленія Мейвара остались безъ защиты, то раджпуты оставили свои горы, думая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завоевать вновь часть своихъ владѣній. Всѣ племена, собравшись къ королю, обсуждали планъ похода, какъ вдругъ передъ самымъ началомъ его возникла распря между суктавутами и кондавутами. Эти два племени, самыя могущественныя въ Мейварѣ и которыя давно уже соперничали между собою, поспорили о чести составить авангардъ войска. Каждое изъ нихъ предъявляло одинакіе права, и дѣло доходило уже до рукопашной схватки, когда Рана вмѣшался, обѣщая поставить въ авангардъ то племя, которое первое войдетъ въ Онталу. Онтала была въ то время крѣпость, занимавшая очень сильную позицію, защищая дорогу, идущую изъ Удейпура въ Шиттору; развалины ея видны до сихъ поръ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Муггервара. Оба племени, принявъ рѣшеніе короля, оставили свой лагерь въ одно время передъ разсвѣтомъ. Они идутъ къ Онталѣ въ сопровожденіи своихъ бардовъ, оживленные надеждою отомстить, наконецъ, жестокому врагу и завоевать почетное мѣсто. Суктавуты, знакомые съ мѣстностью, направляются къ единственнымъ воротамъ, открывающимъ доступъ въ крѣпость, и подходятъ къ ней еще до восхода солнца; но тамъ уже пробили тревогу; на стѣнахъ появились мусульмане и—завязался бой. Кондавуты заблудились, проблуждали долго по болоту, но пастухъ изъ Онталы указалъ имъ дорогу и, горя нетерпѣніемъ, они явились къ стѣнамъ крѣпости. Дѣйствуя осмотрительнѣе своихъ соперниковъ, они запаслись лѣстницей, и ихъ начальникъ первый идетъ на приступъ; но пуля отражаетъ его—видно ему не суждено было командовать *геролемъ* (авангардомъ). Оба отряда почти отбиты; со стороны суктавутовъ люди падаютъ подъ градомъ пуль вокругъ своего начальника, который, сидя на слонѣ, старается выломать ворота. Желѣзныя острія, которыми они усажены, не дозволяютъ животному употребить всю свою силу; бой кажется потереннымъ, какъ вдругъ со стороны кондавутъ раздаются крики. Начальникъ суктавутовъ не выдержалъ долѣе; соскочивъ со слона, онъ уцѣпился за острія воротъ и, подъ страхомъ смертной казни, велѣлъ магуту пустить на него огромное животное; вожакъ повиновался, и начальникъ былъ раздавленъ; трупъ его покрылъ желѣзо, ворота подались, и воины ворвались въ крѣпость; но увы! геройское самопожертвованіе Сукты оказалось лишнимъ; кондавуты были уже въ крѣпости, и крики ихъ возвѣщали побѣду. Когда начальникъ Конда палъ, командованіе принялъ его ближайшій родственникъ; это былъ одинъ изъ гордыхъ и смѣлыхъ раджпутовъ, славившійся своей отвагой и извѣстный подъ именемъ Бенда Такуръ или помѣшанный баронъ Деогура. Видя, что родственникъ его палъ, онъ схватилъ его трупъ и, привязавъ его себѣ на спину, взбѣжалъ на лѣстницу съ возгласомъ: «за нами геролъ!» Крикъ этотъ пронесся по всему отряду, непріятель долженъ былъ отступить передъ ихъ напоромъ, и вскорѣ они ворвались въ укрѣпленіе. Гарнизонъ Онталы былъ весь перебитъ и какъ обыкновенно никому не было пощады.» Найдется ли въ нашихъ рыцарскихъ лѣтописяхъ болѣе геройскій подвигъ нежели страшная смерть предводителя сукта, пожертвовавшаго собою для поддержанія чести своего войска?

Бардъ закончилъ этотъ разсказъ небольшимъ анекдотомъ, въ которомъ высказывается невозмутимое хладнокровіе восточныхъ жителей. «Въ то время, какъ раджпуты осаждали Онталу, двое могольскихъ вельможъ были погружены въ серьезную партію шахматовъ; ихъ предупреждали объ опасности, но они не побезпокоились встать, увѣренные, что поганая сволочь будетъ отбита. Крѣпость была уже взята, но игроки продолжали свою партію. Вдругъ въ замокъ ворвались воины, и ихъ окружили раджпуты. Одинъ изъ нихъ обратился къ побѣдителямъ и холодно просилъ позволенія докончить партію шахматовъ. Просьба его была исполнена, и они флегматично продолжали игру. Такое мужество при другихъ обстоятельствахъ возбудило бы восторгъ раджпутовъ, но печальная смерть ихъ предводителя ожесточила ихъ, и по окончаніи партіи оба игрока были зарѣзаны.»

8 марта.—Съ утра мы прошли тридцать два километра по округу Морвунъ, который мои люди считали непріятельской землею, и сдѣлали привалъ за границею ея, близъ деревни Шурпара, принадлежащей Ранѣ. Владѣніе Морвунъ принадлежитъ Навабу Тонки, пріемнику Амиръ-Хана, атамана шайки Пиндарисъ: эти земли были уступлены ему въ благодарность за многочисленныя услуги, оказанныя его семействомъ магаратамъ во время многолѣтнихъ грабежей, которымъ подвергались раджпутаны со стороны этихъ варваровъ. Англійское правительство, къ стыду своему, скрѣпило эту покражу, совершенную у лучшихъ ея союзниковъ, признавъ Амира владѣтелемъ всѣхъ земель, полученныхъ имъ въ уплату за всѣ жестокости, совершенныя имъ въ королевствахъ Мейваръ, Дундаръ и Гараути. Морвунъ совершенно включенъ

въ земли Раны и былъ первою столицею королей Мори, предшественниковъ Гелотовъ, основавшихъ Шиттору. Древній Морвунъ былъ разрушенъ огненнымъ дождемъ, ниспосланнымъ богомъ Индрою въ наказаніе за нечестіе его жителей; уцѣлѣвшія до сихъ поръ развалины представляютъ мало интереснаго, за исключеніемъ великолѣпнаго храма, посвященнаго тысячеглавой гидрѣ Шешнагъ.

Эти историческія воспоминанія еще болѣе увеличиваютъ сожалѣнія раджпутовъ при видѣ того, что эта великолѣпная страна находится въ рукахъ турокъ, ихъ закоренѣлыхъ враговъ; за то между жителями обоихъ странъ существуетъ сильнѣйшая ненависть.

Къ величайшему удовольствію моихъ людей, я не останавливался въ Морвунѣ, гдѣ, впрочемъ, пурваны короля не повели бы ни къ чему. Деревня, возлѣ которой мы расположились лагеремъ, носитъ оригинальное названіе Шурпара или Чурпара, что значитъ «Воровской притонъ.» Не смотря на это, жители ея казались мнѣ честнѣйшими людьми въ мірѣ; они безъ отговорокъ исполнили приказаніе фирмана и весьма охотно принесли намъ овецъ, куръ, яицъ, молока и т. д. Множество прекрасно отстроенныхъ домовъ окружены почти всѣ плодовыми деревьями; небольшія рощицы осѣняютъ наріи и меккамъ путешественниковъ, а обширныя поля засѣяны макомъ и рисомъ, и все это составляетъ веселую картину благосостоянія, которая представляетъ пріятный контрастъ съ обнаженными джунглями, по которымъ мы проѣзжали по утру. Веселые лица крестьянъ выражаютъ довольство; они приходили бесѣдовать со мною и оказались весьма любезными. Окрестности деревни представляютъ плоскую мѣстность; на востокѣ ясно обрисовываются горы Патаръ, образующія высокую, голубоватую стѣну съ однообразнымъ очертаніемъ вершинъ; а впереди, точно часовой, выступаетъ скала Шиттора, «зонтикъ міра» палладіумъ индусовъ. Мы находимся теперь отъ нее не болѣе какъ въ 24 километрахъ.

9 марта.—Мы оставили Шурпару въ четыре часа утра; въ нѣсколькихъ километрахъ отъ деревни перешли черезъ цѣпь холмовъ, поросшихъ кустарникомъ и высокой травою; за ними начинается богатая равнина, орошаемая Бэрисомъ и простирающаяся до подошвы Шиттора. Въ семь часовъ утра мы пріѣхали въ бунгаловъ, стоящій на дорогѣ изъ Немуша въ Ажмиръ, гдѣ мы сдѣлали короткій привалъ. Отсюда мы направились къ крѣпости, гдѣ были разбиты наши палатки, отправленныя впередъ. Мы перешли рѣку въ бродъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпнаго развалившагося моста, и вступили въ Тулайти, или нижній городъ, черезъ который приходится пройти до подъема, ведущаго на вершину плоскогорья. Тулайти считается до сихъ поръ вторымъ городомъ въ королевствѣ; оживленные базары его окаймлены высокими каменными домами. Съ тѣхъ поръ, какъ Раны Удейпура основали Шиттору, доступъ въ крѣпость воспрещенъ иностранцамъ, и въ нее допускаютъ лишь съ особаго разрѣшенія. Большинство путешественниковъ принуждены ограничиться великолѣпною картиною, какую представляетъ эта гора, увѣнчанная памятниками; намъ же королевскій фирманъ отворяетъ всѣ двери, и мы можемъ вблизи полюбоваться чудесами королевы Мейвара. Пройдя сквозь множество воротъ, мы вышли на плоскогорье и увидѣли нашъ лагерь, разбитый на берегу пруда, высѣченнаго въ скалѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ древняго дворца Гелотовъ.

Знаменитый укрѣпленный городъ Шиттора, древняя столица Мейвара, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій бывшая послѣднимъ оплотомъ индусской національности противъ нашествія мусульманъ, занимаетъ вершину уединенной горы, стоящей въ трехъ миляхъ отъ Патарскихъ горъ. Плато имѣетъ въ длину съ юго-запада на сѣверо-востокъ до пяти километровъ, а ширина его доходитъ среднимъ числомъ до 400 метровъ. Высота его не вездѣ одинакова, такъ какъ вышина горы надъ поверхностью равнины колеблется между 90 и 120 метрами. Склоны горы совершенно отвѣсны и по краю пропасти идетъ рядъ зубчатыхъ стѣнъ, поддерживаемыхъ большими круглыми башнями. Это естественное положеніе, соединенное съ великолѣпными укрѣпленіями и храбрымъ гарнизономъ, должно было сдѣлать Шитторъ неприступною крѣпостью; снабжаемая водою изъ многочисленныхъ резервуаровъ и имѣя огромные запасы зерна, она также не могла быть доведена до сдачи голодомъ, а между тѣмъ немногіе города Индіи подвергались такъ часто разоренію. Слабымъ пунктомъ ея является небольшое плато, которое тянется къ югу отъ горы и, находясь гораздо ниже стѣнъ, тѣмъ не менѣе служило постоянно точкою нападенія для осаждающихъ. Легенда приписываетъ образованіе этой площадки, называемой Шиттори, татарскому султану Ала-Удину. Дѣйствительно, онъ повелъ съ этого именно пункта штурмъ, которымъ онъ взялъ Шиттору въ 1303 году, и такъ какъ осада его продолжалась двѣнадцать лѣтъ, то можно предполагать, что сооруженія его значительно подняли высоту этой передней горы; изъ исторіи намъ извѣстно, что султанъ помѣстилъ тутъ свои метательныя машины. Мададжи Синдіа, бомбардировавшій городъ въ 1792 году, построилъ свои баттареи также на Шиттори.

Нижній склонъ горы покрытъ непроницаемымъ лѣсомъ, населеннымъ

СПбГУКИ

хищными звѣрями; нижній городъ, Тулаити, занимаетъ лишь небольшую часть его въ центрѣ западнаго склона, и на этой то сторонѣ находятся всѣ чудеса Шиттора. Весьма значительная длина скалы, сравнительно съ ея вышиною, показываетъ ее ниже противъ дѣйствительности: съ перваго взгляда она выглядитъ незначительнымъ холмикомъ.

Изъ Тулаити въ Шиттору идетъ только одинъ подъемъ; онъ защищенъ семью воротами, которыя находятся на различной высотѣ и въ настоящее время полуразвалились. Всѣ эти монументальныя ворота построены въ прекрасномъ стилѣ; въ нихъ помѣщаются гауптвахты и есть даже большія залы. Между третьими воротами, названными Фута Двара или «Сломанныя ворота» и четвертыми—«воротами Ганумана» возвышается небольшой мраморный кенотафъ, обозначающій мѣсто, гдѣ пали два героя, Джеимуль и Путту, убитые при осадѣ города Акберомъ. По близости находится могила другаго мученика, Рагонде, павшаго также за свободу раджпутовъ и почитаемаго теперь за полубога. Послѣднія ворота или «Рамполь» представляютъ величественное зрѣлище: по срединѣ большая арка открываетъ доступъ въ городъ; по обѣимъ сторонамъ ея находятся прекрасныя гауптвахты съ колоннами, а надъ нею Дурри-Кана или большая зала раджпутанскихъ королей. Въ этой залѣ явился Ранѣ Урси — страшный геній Шиттора, Кангра Рани (королева стѣнныхъ зубцовъ) и въ страшныхъ выраженіяхъ предсказала ему упадокъ его рода. Каждая изъ этихъ стѣнъ имѣетъ свою героическую легенду и вызываетъ у моего проводника, почтеннаго старика раджпута, какое нибудь славное преданіе. За этими воротами простирался нѣкогда обширный городъ — слава цѣлой Индіи; теперь же на его мѣстѣ стоитъ нѣсколько мазанокъ, разсѣянныхъ между развалинами дворцовъ.

Описывая памятники Шитторы, я прослѣжу ихъ по плану, принятому туземными проводниками, т. е. начну мой обзоръ съ западной стороны плоскогорья, переходя къ южной оконечности его, и затѣмъ пройду отъ восточной точки къ сѣверной. Первое зданіе, встрѣчаемое въ этомъ направленіи — великолѣпный храмъ, посвященный богинѣ Тульси Бавани покровительницѣ Скрибовъ; возлѣ него находится Тонъ-Канехъ-Шаори или артиллерійскій паркъ, гдѣ стоятъ еще полускрытыя травою нѣсколько старыхъ пушекъ, остатки отъ земляныхъ укрѣпленій Шиттора, и дворцы мейварскихъ сенешаловъ и конетаблей. Недалеко оттуда возвышается массивное зданіе, называемое Нолака Биндаръ; это башня, въ которой хранились нѣкогда сокровища Ранъ. Въ концѣ этого бастіона находится Сенгаръ-Шаори — очень древній храмъ джаиновъ; стѣны его покрыты изящной рѣзьбою, а внутреннее

убранство представляетъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ образчиковъ стиля джаиновъ.

Большое пространство занимаетъ обширный дворецъ Раны Кумбгу, несправедливо приписываемый этому королю, который только пристроилъ къ нему нѣсколько флигелей. Это простое зданіе, построенное съ большимъ вкусомъ, даетъ прекрасное понятіе о домашней архитектурѣ раджпутовъ, до нашествія мусульманъ. Стѣны, имѣющія легкій наклонъ, украшены только розетками или фальшивыми зубцами; балконы съ колоннами, веранды и башенки придаютъ этому стилю весьма оригинальный характеръ, рѣдко встрѣчаемый на прочихъ памятникахъ Индіи. Передъ дворцомъ находится дворъ, окруженный гауптвахтами; большія ворота со сводомъ ведутъ оттуда на улицу, вымощенную лещадью; это нѣкогда была главная улица города.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца находится два храма весьма замѣчательнаго стиля; большой — посвященный черному богу, Врижъ, построенъ Раной Кумбгу около 1450 года; а второй—въ честь Шаманата, воздвигнутъ его женою, знаменитою Мира Бай, прославившеюся своими стихотвореніями. Оба эти храма, какъ гласятъ надписи, построены изъ остатковъ очень древнихъ храмовъ, взятыхъ изъ покинутаго города Нагара, развалины котораго существуютъ до сихъ поръ, въ десяти километрахъ къ сѣверу отъ Шиттора. Это обстоятельство придаетъ особенный интересъ барельефамъ и скульптурнымъ украшеніямъ. За этими башнями находятся два резервуара, стѣны которыхъ покрыты огромными глыбами полированныхъ камней, и которые имѣютъ около 41 метра въ длину, 20 въ ширину и 16 въ глубину. Они были вырыты по случаю бракосочетанія одной принцессы изъ рода сесудіевъ и наполнены одинъ пальмовымъ, а другой растопленнымъ коровьимъ масломъ для угощенія собравшейся по этому случаю толпы народа.

На краю одного изъ этихъ резервуаровъ, Суріа Кундъ или Солнечнаго Источника, возвышается самый знаменитый памятникъ древней столицы, Керутъ Кумбъ или Башня Побѣды Кумбгу. Она воздвигнута Раной, по имени котораго и названа, въ память большой побѣды, одержанной имъ надъ союзными войсками султановъ Мальвы и Гузурата, Единственный въ Индіи памятникъ въ этомъ родѣ, который можетъ сравниться съ нимъ по вышинѣ, но не красотою—это башня въ Дели, въ память побѣды Кутуба. Шитторская башня-четыреугольная, вышиною въ 37 метровъ; каждая сторона ея имѣетъ въ ширину при основаніи десять, а подъ куполомъ пять метровъ; она стоитъ на пьедесталѣ шириною въ 13 метровъ. Форма ея отъ основанія до вершины далеко

неправильная; она раздѣлена на девять этажей, и ея окна съ колоннами, выдающіеся карнизы и кордоны—разнообразятъ ея фасы, придавая ей необыкновенно изящный видъ. Внутренняя и наружная стороны башни украшены тысячью статуями и украшеніями; тутъ изображены безъ изъятія всѣ боги индусскаго Олимпа. Девятый этажъ образуетъ маленькую башенку, покрытую новымъ куполомъ, такъ какъ старый разрушенъ молніей. Въ этой воздушной комнатѣ находились мраморныя плиты, на которыхъ были вырѣзаны генеологія Ранъ и ихъ важнѣйшіе подвиги; грубые исламиты не пощадили этихъ историческихъ памятниковъ; отъ нихъ осталось только нѣсколько обломковъ, на которыхъ мы читаемъ имя основателя и годъ постройки башни. Одинъ стихъ гласитъ слѣдующее: «Да продлится слава короля Кумбгу также долго, какъ солнце будетъ согрѣвать землю своими лучами! Слава Кумбгу не померкнетъ до тѣхъ поръ, покуда не исчезнутъ сѣверные ледники, и покуда океанъ будетъ окружать землю подобно тому, какъ ожерелье обвивается вокругъ шеи! Память объ его царствованіи и величіе его времени никогда не исчезнетъ изъ воспоминанія людей! Семь лѣтъ прошло уже съ 1500 г., когда Рана водрузилъ этотъ султанъ на лобъ Шитторы! Блестящая, какъ первые лучи солнца, башня гордо возвышается надъ землею.... Эта побѣдная колонна окончена въ году Самватъ 1515, въ мѣсяцѣ Магъ, на неподвижномъ Шуттеркотѣ. Съ чѣмъ можно ее сравнить, когда Шитторъ смотритъ съ насмѣшкой на рай Меру? И съ чѣмъ можемъ мы сравнить самый Шуттеркотъ, вершина котораго орошается неизсякаемыми источниками, увѣнчана блестящей діадемой, имѣетъ множество храмовъ, посвященныхъ Всевышнему, и засажена душистыми деревьями, къ которымъ слетаются рои пчелъ и гдѣ вѣютъ самые легкіе зефиры? Эта несокрушимая крѣпость была воздвигнута самимъ Индрой.»

Съ башни открывается великолѣпная панорама на всю окрестность. Это превосходная позиція для того, чтобы понять топографію страны и здѣсь именно въ умѣ Тода зародился проэктъ канализаціи Бериса и Бунаса, что несомнѣнно будетъ когда нибудь приведено въ исполненіе.

Башня Кумбгу стоила, по отчетамъ того времени, 90 лаксъ-рупій или $22^1/_2$ милліона франковъ, сумма весьма значительная, если взять во вниманіе сравнительную цѣнность денегъ въ ту эпоху. Она построена цѣликомъ изъ желтоватаго мелкозернистаго камня, содержащаго много кварца и до того твердаго, что контуры статуй нисколько не потерялись. Памятникъ этотъ, единственный изъ существующихъ до сихъ поръ въ индусскомъ стилѣ, весьма интересенъ и съ археологической точки зрѣнія, такъ какъ въ немъ выражается переходъ отъ древне-индусскаго стиля къ средневѣковой школѣ и онъ объясняетъ форму пидомусульманскихъ минаретовъ.

У основанія башни стоитъ храмъ, посвященный Брамѣ, невидимому богу, и построенный Кумбгу въ честь своего отца Мокула, бюстъ котораго стоитъ одинъ въ святилищѣ; на куполѣ на ажены небольшія фиговыя деревья и они почти совершенно разрушили его.

Недалеко оттуда тянется Шаръ Багъ или королевское кладбище, въ которомъ находятся мавзолеи всѣхъ Ранъ, начиная отъ основателя династіи Баппы (728) до послѣдняго Шитторскаго корля Удей-Синга (1597). Нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ весьма замѣчательны.

Крутая тропинка, извивающаяся между скалъ и кустарниковъ ведетъ отсюда къ священному источнику Гао-Мукъ или «Коровій ротъ», осѣненному вѣковыми деревьями. Въ скалѣ замѣтно отверстіе, которое вело въ обширныя подземныя галлереи, называемыя народомъ Рани-Биндаръ или «Комната королевъ». Въ этой пещерѣ, женщины принесли себя въ жертву во время перваго разграбленія Шитторы; съ тѣхъ поръ входъ въ нее былъ заваленъ камнемъ и туда никто не можетъ проникнуть. По другую сторону этой лощины находится множество дворцовъ, изъ числа которыхъ проводникъ обратилъ мое вниманіе на дворецъ Бимзи и Пудмани; это обширное зданіе построено въ изящномъ стилѣ и стоитъ на берегу красиваго пруда. Далѣе, на южной оконечности плоскогорья, стоитъ дворецъ Шитрунгъ Мори, короля Пуара, основателя Шиттора; такимъ образомъ это зданіе самое старинное въ крѣпости.

Идя къ сѣверу по восточному склону горы встрѣчаешь много дворцовъ, храмовъ и прудовъ, описывать которыя въ подробности было бы слишкомъ долго. Многочисленность и величественный видъ этихъ памятниковъ, возвышающихся среди терновыхъ кустарниковъ, даютъ понятіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ быть этотъ большой городъ въ дни его величія; теперь можно еще прослѣдить улицы, вымощенныя лещадью и каменныя ступени, образовавшія крыльца домовъ, и по этому можно составить себѣ весь внутренній планъ города.

Развалины, среди которыхъ валяются статуи и колонны, покрываютъ все плоскогорье на нѣсколько метровъ толщины. Почти въ центрѣ восточнаго фасада возвышается Ковассимъ Стамба, совершенно цѣлая еще колонна, ниже Кеерутъ Кумба; очевидно, что архитекторы Кумбгу были воодушевлены этимъ памятникомъ джаиновъ, посвященнымъ Адинату, первому Тиртанкару, и на которомъ означенъ 896 годъ. Возлѣ него стоитъ весьма древній храмъ, приписываемый королю Кукресвару (755).....

ОГПИБ СО РАН

Наконецъ, на сѣверо-западной оконечности плоскогорья изъ множества дворцовъ заслуживаетъ вниманія совершенно цѣлая небольшая цитадель, Акрополь королей Мори и первыхъ Гелотовъ. Говоря о памятникахъ Шитторы, я упоминалъ о тѣхъ только, которые представляютъ нѣкоторый интересъ по историческимъ воспоминаніямъ; описать всѣ зданія было бы весьма интересно для исторіи раджпутанской архитектуры, но это заняло бы слишкомъ много мѣста и времени; въ Шитторѣ не менѣе 300 древнихъ зданій, сохранившихся превосходно.

Понятно какое впечатлѣніе должны были произвести на индусовъ бѣдствія этого несчастнаго города, бывшаго точкою опоры для всей Индіи во время долгой борьбы за независимость и на которомъ сосредоточивались послѣднія надежды раджпутовъ. Воспоминаніе объ этомъ напечатлѣно въ умѣ каждаго, и самою торжественною клятвой считается до сихъ поръ та, въ которой упоминается о погромахъ Шитторы.

Индусы насчитываютъ три съ половиною сакка (разграбленіе, погромъ) при раджпутахъ: полтора при Лакумси и два при Викрамадитьѣ и Удей Сингѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ героическихъ временахъ въ послѣднюю борьбу за независимость Индіи.

Рана Лакумси вступилъ на престолъ въ 1275 г.; въ это время столица его, до тѣхъ поръ неприкосновенная, заключала въ себѣ все, что осталось великаго и священнаго въ Индіи; Дели уже пала. Бимзи, дядя короля, бывшій регентомъ во время его малолѣтства, женился на красавицѣ, дочери Пудмани, благороднаго Шогана изъ Цейлона. Индія воспѣваетъ до сихъ поръ красоту, таланты и храбрость этой раджпутанки. Императоръ Ала-Удинъ Гильзи, наслышавшись о прелестяхъ этой королевы, осадилъ Шиттору единственно съ цѣлью захватить ее; но раджпуты храбро защищались, и султанъ, утомленный безполезной осадой, ограничилъ свои требованія тѣмъ, что просилъ разрѣшить ему хотя однажды взглянуть на прекрасную Пудмани. Ему дозволили это и Ала, полагаясь на слово раджпутовъ, вошелъ въ Шиттору, исполнилъ свое желаніе и удалился изъ города. Бимзи, желая выказать такое же довѣріе татарамъ, проводилъ его за городскія стѣны; этого только и ожидалъ Ала: воины, спрятанные тутъ заранѣе, схватили неосторожнаго раджпута и увели его плѣннымъ въ лагерь мусульманъ. Каково же было отчаяніе жителей Шитторы, когда на другой день Ала объявилъ, что освободитъ короля только взамѣнъ его супруги. Пудмани не колебалась и объявила всѣмъ свое намѣреніе отдаться султану; но въ то же время она созвала на совѣтъ всѣхъ своихъ родственниковъ и сообщила имъ придуманный ею способъ для спасенія мужа. И такъ Ала былъ увѣдомленъ,

что королева соглашалась отдаться вмѣсто Бимзи съ условіемъ, что ей будетъ дозволено взять съ собою до непріятельскаго лагеря всѣхъ подругъ, прислужницъ и родственницъ съ которыми ей приходилось разстаться; кромѣ того она требовала, чтобы законы цананаха не были нарушены. На другой день съ холма спускалось 700 носилокъ; въ каждой изъ нихъ подъ занавѣсью скрывался одинъ изъ отборныхъ воиновъ Шитторы и ихъ несли четыре вооруженныхъ солдата, переодѣтыхъ носильщиками. По прибытіи въ татарскій лагерь, мнимымъ женщинамъ было дано полъчаса на прощанье съ Пудмани; освобожденный Бимзи присоединился къ своимъ воинамъ, и они могли обсудить планъ дѣйствія подъ прикрытіемъ полотняныхъ навѣсовъ. Въ условную минуту, воины выскочили изъ носилокъ; солдаты Алы пытались остановить ихъ Бимзи; пользуясь общимъ смятеніемъ, вскочилъ на лошадь и возвратился въ Шиттору, а товарищи его прикрывали побѣгъ. Бой былъ кровопролитный; немногіе раджпуты возвратились въ крѣпость; но потеря Ала-Удина была такъ велика, что, потерявъ надежду на успѣхъ, онъ снялъ осаду. Это то событіе индусскіе историки и называютъ полу-погромомъ Шитторы, такъ какъ она не была взята, но потеряла цвѣтъ своего рыцарства.

ОПТИБОГАН

XIV.

Разграбленіе Шиттора. — Гунгахаръ. — Гумиргуръ. — Раджа-Бунеры. — Дабла.

Въ 1290 году Ала-Удинъ осадилъ снова Шитторъ съ намѣреніемъ окончательно уничтожить этотъ послѣдній притонъ идолопоклонниковъ. Крѣпость оборонялась болѣе десяти лѣтъ; наконецъ мусульманамъ удалось завладѣть маленькимъ плоскогорьемъ Шиттори, и раджпутанцы поняли, что гибель ихъ неминуема. Легенда, повѣствующая объ этомъ событіи, говоритъ слѣдующее: Рана Лакумси, покрытый ранами, измученный долгою защитою, искалъ средства спасти одного изъ своихъ двѣнадцати сыновей, чтобы продлить свою династію; въ это время ему геній-хранитель Шиттора, окровавленная Кангра-Рани сказала: «Я хочу жертвъ изъ царскаго семейства! Пусть двѣнадцать коронованныхъ принцевъ прольютъ кровь за меня и тогда потомки твои будутъ царствовать въ Мейварѣ». На слѣдующій день Лакумси собралъ совѣтъ и передалъ ему слова богини; но старцы увѣряли его, что это былъ только бредъ больнаго и разстроеннаго воображенія. Вдругъ передъ ними появилась Кангра-Рани и воскликнула: «что значатъ для меня тысячи варваровъ, которыхъ вы принесли мнѣ въ жертву? Мнѣ нужно королевской крови. Пусть каждый день коронуется одинъ изъ принцевъ; пусть будутъ вручены ему знаки королевскаго отличія—*кирма* (большой зонтикъ), *шатта* (маленькій зонтикъ) и *шамра* (вѣеръ), которые ознаменуютъ восшествіе его на престолъ; въ продолженіи трехъ сутокъ указы его должны имѣть неограниченную власть, а на четвертый день пусть онъ идетъ на сраженіе и на смерть. Съ этимъ только условіемъ я останусь съ вами». Сыновья Раны съ радостью услыхали о требуемой

жертвѣ и спорили изъ за чести кому первому принести ее. Первый жребій выпалъ на долю Юрси, и онъ, по прошествіи четырехъ дней царствованія, пролилъ свою кровь за Шитторъ. Такимъ образомъ погибли одинадцать сыновей Раны; тогда онъ объявилъ своимъ воинамъ, что настала и его очередь умереть. Двѣнадцатому сыну, котораго отецъ принудилъ оставить крѣпость подъ прикрытіемъ небольшаго отряда, удалось скрыться въ Аравалисскихъ горахъ.

Тогда раджпутанцы приготовились къ смерти, рѣшивъ принести страшное жертвоприношеніе Джогуръ. Потаенные покои Раны Биндаръ были наполнены горючимъ веществомъ; на него нагромоздили всѣ сокровища, которыя могли бы соблазнить жадность мусульманъ, именно: драгоцѣнные камни, алмазы и женщинъ. Послѣднихъ вошло туда нѣсколько тысячъ, за ихъ царицею, несравненной Пудмани, которую пламя должно было избавить отъ всѣхъ обидъ со стороны мусульманъ. Наконецъ послѣдніе защитники и Рана во главѣ ихъ, открывши ворота крѣпости, бросились на армію Алы и въ страшной рѣзнѣ погибли до послѣдняго.

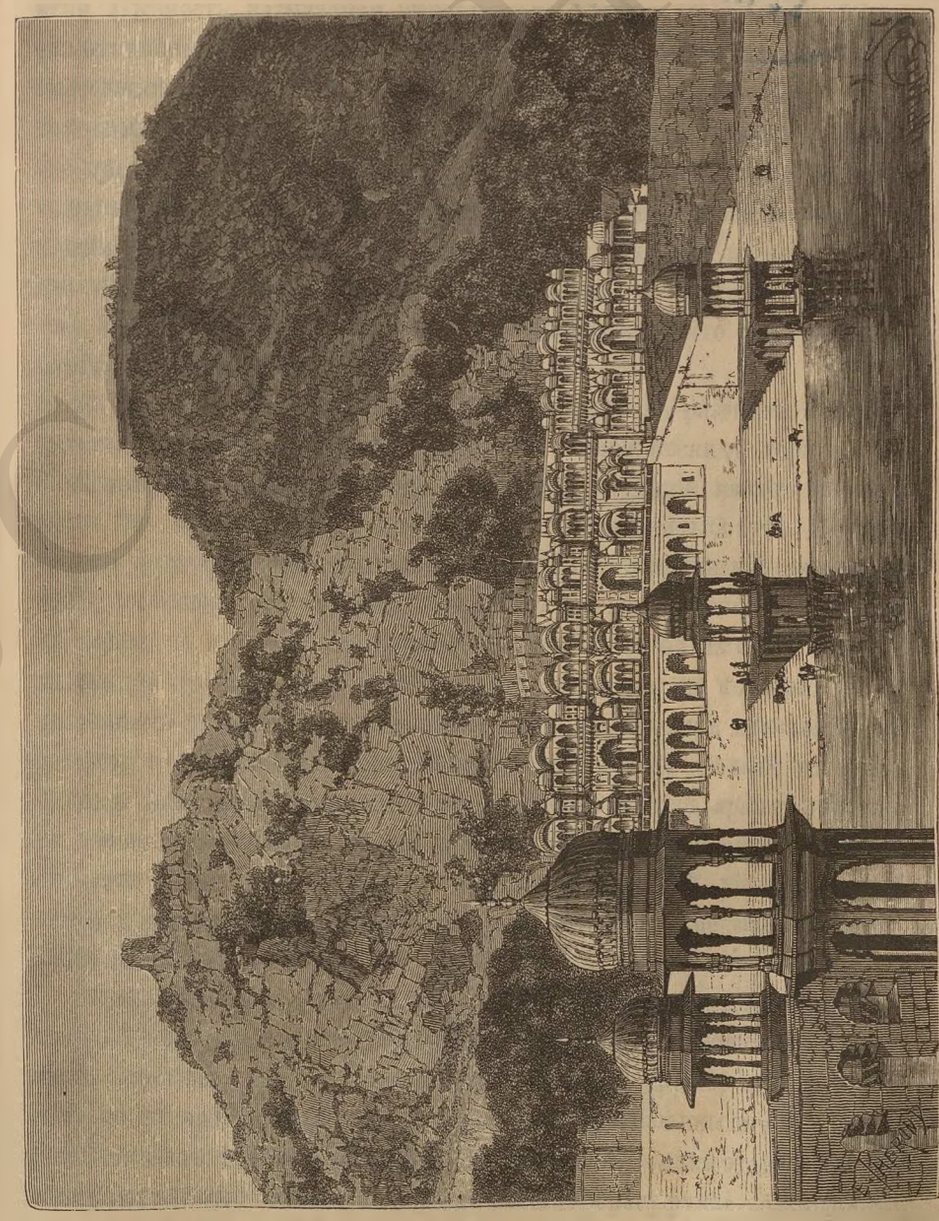
Войдя въ Шитторъ, татарскій султанъ нашелъ только унылый, мертвый городъ, надъ которымъ разстилалось облако зловоннаго дыма, вырывавшагося изъ подземельевъ, въ которыхъ сгорѣло все, что онъ надѣялся пріобрѣсти. Въ бѣшенствѣ онъ разрушилъ всѣ зданія крѣпости, пощадивъ только дворецъ Пудмани, изъ за которой погибъ Шитторъ.

Вторично городъ былъ разграбленъ въ царствованіе Бикрамаджита, около 1537 года. Столица Мейвара позабыла о своихъ бѣдствіяхъ и въ царствованіе Кумбгу достигла высшей степени своего блеска, когда султанъ Багадуръ Баязетъ, король Гузурата, вторгся въ Мейваръ, чтобы отомстить за неудачу своего предшественника Мозуффера. Рана, человѣкъ жестокій и подозрительный, оставленный своимъ дворянствомъ, которое удалилось въ Шитторъ, храбро вышелъ на встрѣчу султану и былъ разбитъ. Непріятель тотчасъ окружилъ Шитторъ, и Баязетъ употребилъ въ дѣло противъ него пушки, которыя но были еще введены въ употребленіе у раджпутовъ. По разсказамъ того времени видно, что мусульманскою артиллеріею командовалъ европеецъ Лабри-Ханъ изъ Френгана, бывшій вѣроятно перебѣжчикомъ съ флота Васко де-Гамы. Онъ подвелъ мины подъ крѣпость и одна изъ нихъ взорвала стѣну на протяженіи сорока локтей, разрушивъ въ то же время и бастіонъ, защищаемый отрядомъ Гара. Раджпутанское дворянство упорно сопротивлялось и за отсутствіемъ Раны провозгласило королемъ одного изъ принцевъ царской фамиліи, который, облекшись во всѣ знаки королев-

скаго достоинства, пошелъ на смерть, чтобы отвратить гнѣвъ генія-покровителя города. Въ числѣ многихъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ во время осады, барды прославляютъ поведеніе королевы-матери Джоватръ-Бай, изъ племени Раторъ, которая, вооружившись съ головы до ногъ, пошла во главѣ отряда на непріятеля и была убита послѣ ожесточенной рѣзни. Наконецъ дальнѣйшее сопротивленіе оказалось невозможнымъ; непріятели почти овладѣли городскими стѣнами, поэтому было рѣшено совершить жертвоприношеніе Джогуръ; не доставало только времени, чтобы сложить костеръ; королева Курнавати и 1,300 женщинъ собрались на скалѣ, подъ которой была подведена мина; искра воспламенила порохъ, и мужчины, увѣренные въ спасеніи своей чести, ринулись на бой и на смерть. Баязетъ пришелъ въ ужасъ при видѣ этого пылавшаго города, наполненнаго мертвыми и умирающими и тотчасъ же оставилъ его.

Двадцать лѣтъ спустя, Шитторъ начиналъ уже оправляться отъ погрома, когда его осадилъ великій Акберъ. Первый разъ онъ былъ отбитъ, благодаря геройству Удэй-Синга, но Акберъ возвратился нѣсколько лѣтъ спустя. Этотъ разъ трусливый Удэй бѣжалъ, предоставивъ защиту столицы своимъ храбрымъ вассаламъ; они совершили чудеса, но ничто не могло спасти несчастнаго города въ неравной борьбѣ съ могущественной имперіей. Самые извѣстные воины Мейвара пали одинъ за другимъ; вдова Салумбра, одного изъ омрасовъ, проводила своего шестнадцатилѣтняго сына и невѣстку на битву, и всѣ трое были убиты передъ стѣнами святаго города. Защитою руководили два предводителя племенъ, по имени Джеималь и Путту; они сдѣлали все, что только доступно человѣку, и поведеніе ихъ такъ удивило нападавшихъ, что имя ихъ до сихъ поръ произносится съ уваженіемъ, какъ мусульманами, такъ и раджпутанцами. Джеималь, смертельно раненый самимъ Акберомъ, подалъ наконецъ сигналъ къ Джогуру. Девять царицъ, пять принцессъ и болѣе десяти тысячъ женщинъ взошли на костеръ, между тѣмъ, какъ послѣдніе ихъ защитники искали смерти въ непріятельскихъ рядахъ. Великій Акберъ былъ безжалостенъ: онъ велѣлъ умертвить всѣхъ, кто только остается въ живыхъ въ городѣ и превзошелъ варварствомъ Ала-Удина и Баязета, разбивъ и обезобразивъ всѣ памятники Шиттора.

Богиня Кангра Рани обѣщала не покидать этой скалы до тѣхъ поръ, покуда потомки Баппы будутъ приносить себя въ жертву ей. Вѣрные этому договору, умерли дѣти Лакумзи, самъ король и многіе другіе принцы; но въ послѣднюю борьбу ни одна королевская жертва не удовлетворила кровожадной богини: очарованіе было нарушено и



Удэйпурскій прудъ.

узы, связывавшія ее съ сесудіасами, навѣки порваны. Она оставила скалу, покинутую ея королемъ, и съ нею исчезла вся прелесть Шиттора, считавшагося до того времени послѣдней защитой раджпутанскаго племени. Крѣпость, называемая нѣкогда непобѣдимою, не находила болѣе защитниковъ, и въ пѣсняхъ бардовъ про нее говорится: «это королевское жилище, въ теченіи тысячи лѣтъ господствовавшее надъ всѣми городами Индостана, сдѣлалось убѣжищемъ дикихъ звѣрей, а храмы его превратились въ грязныя пещеры». Городъ, считавшійся нѣкогда священнымъ, слыветъ до сихъ поръ святымъ мѣстомъ, занятымъ однако же злыми духами, и Ранамъ строго воспрещается входить въ него. Никто изъ нихъ со времени Пертапа не вступалъ еще на завѣтную скалу, а тѣ, которые хотѣли войти на нее, чувствовали, что ихъ отталкиваетъ невидимая рука.

17 марта.—Мы оставили Шитторъ сегодня на разсвѣтѣ и направились къ Ажмиру, большому городу въ Аравалисскихъ горахъ. Въ 9 часовъ мы достигли мѣстечка Гунгахаръ, владѣніе нашего добраго друга Рао Байдлахскаго, что побудило насъ остановиться тутъ. На разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ деревни тянется маленькій священный лѣсъ, состоящій изъ вѣковыхъ деревьевъ съ исполинскими стволами; мы вошли въ это тѣнистое убѣжище и устроили свой лагерь на концѣ маленькой лужайки, покрытой зеленымъ дерномъ и по которой журча протекаетъ ручеекъ. Прогуливаясь по лѣсу, я любовался красивыми деревьями и наслаждался пріятной прохладою, столь рѣдкой въ этихъ краяхъ; мимо меня пролетали тысячи птичекъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, на деревьяхъ рѣзвились бѣлки и обезьяны, посматривая на меня съ любопытствомъ; никто изъ этихъ мирныхъ обитателей лѣса не встрепенулся при видѣ моего ружья, и я самъ постарался не нарушить тишины этого святаго мѣста.

Возвратившись въ свою палатку, я засталъ тамъ представителя Рао, который поспѣшилъ засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе и предложилъ корзины, полныя прекрасныхъ плодовъ, масла, молока, яицъ, и въ то же время позаботился о моихъ людяхъ и вьючныхъ животныхъ. Онъ показалъ мнѣ деревню: прочно построенные домики этого мѣстечка занимаютъ цѣлый холмъ, а на опушкѣ лѣса, по берегу ручья, возвышаются древніе мавзолеи предковъ Букта Синга. На сосѣднемъ, почти недоступномъ, холмѣ раджпутанецъ показалъ мнѣ баронскій замокъ Рао, ветхія башни его не смотрятъ теперь грозными; однако въ нихъ содержатъ еще около пятидесяти воиновъ, которые держатъ Билей и джатовъ въ почтеніи. Оба холма омываются большимъ «талао», который

© ГПНТБ СО РАН

поддерживаетъ плодородіе всей мѣстности. Стаи фламинговъ преважно разгуливаютъ по отмелямъ; глядя, какъ эти бѣлогрудыя птицы съ розовыми крыльями стоятъ неподвижно, вытянувшись въ одной линіи, можно принять ихъ за маневрирующихъ солдатъ; онѣ ловятъ такимъ образомъ рыбу, которую другіе ихъ товарищи вспугиваютъ, ударяя ногами по водѣ. Вечеромъ я отправился съ тассильдаромъ поохотиться на озерѣ. и мы убили множество утокъ, между которыми было нѣсколько красивыхъ видовъ хохлатыхъ утокъ, которыхъ я еще не видалъ до сихъ поръ.

18 марта.—Совершивъ короткій переходъ въ 24 километра, мы достигли Гумиргура, гдѣ нашли бунгаловъ, правда, довольно ветхій, но все же его можно было предпочесть палаткамъ, такъ какъ погода начинала хмуриться. Гумиргуръ — довольно значительный городъ,— столица одного изъ омрасовъ или значительныхъ вассаловъ Мейвара. Этотъ такуръ, происходящій изъ королевской семьи сесудіасовъ, носитъ титулъ Баба или Инфанта. Его крѣпость возвышается на вершинѣ уединенной и почти неприступной скалы, на которую можно взобраться только по узкой тропинкѣ, извивающейся между скалистыми стѣнами. поросшими кустарникомъ. Баронъ пригласилъ меня посѣтить его знаменитое жилище; я отправился къ нему верхомъ и всю дорогу былъ въ страхѣ, такъ какъ моя лошадь скользила по скалѣ и каждую минуту могла сбросить меня въ пропасть. Въ самомъ замкѣ я не нашелъ ничего особенно любопытнаго, но видъ, открывшійся передо мною съ вершины вала, щедро вознаградилъ меня. На востокѣ узкая долина отдѣляла меня отъ величественной цѣпи горъ Мандельгуръ, голубоватые кряжи которой возвышались на горизонтѣ; ближе къ намъ, среди долины, стоялъ кенотафъ Раны Урси; по другую сторону городъ отражался въ прекрасномъ озерѣ, а вдали показывались зубчатые пики одного отрога вѣчно живописныхъ Аравалисскихъ горъ.

Въ это время года озеро Гумиргура на половину уменьшается, и бухточки его образуютъ болота, въ которыхъ, между высохшими стеблями лотусовъ, живутъ огромные гуси, а нерѣдко и крокодилы. Въ дождливое время озеро разливается, затопляя всю окрестность до самой горы; городъ защищенъ отъ подобныхъ наводненій великолѣпной каменной набережной, усаженной деревьями. Страна на видъ плодородна, но мало воздѣлана; болѣе семи десятыхъ ея пространства до сихъ поръ покрыто однимъ мелкимъ кустарникомъ.

19 марта.—Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Гумиргура, мы встрѣтили Бунасъ, одну изъ самымъ значительныхъ рѣкъ, орошающихъ Мей-

варъ. Берега ея поросли густымъ кустарникомъ, а русло — шириною въ одинъ километръ—почти совершенно высохло; дожди превращаютъ ее въ бурный потокъ, прерывая всякое сообщеніе между обоими берегами. Пройдя еще нѣсколько миль, мы свернули въ сторону, чтобы посѣтить Бильвару. Городъ этотъ—одно изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ торговли Раджастана—представлялъ въ началѣ этого столѣтія однѣ только развалины; онъ обязанъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ усиліямъ англійскаго посланника Тода, жившаго при дворѣ Раны около 1820 года. Пользуясь прекраснымъ положеніемъ, по срединѣ долины, Бильвара кокетливо раскинулась около отдѣльной горной цѣпи, идущей параллельно Аравалисскимъ горамъ. Шумные, многолюдные базары ея, съ красивыми зданіями по сторонамъ, представляютъ красивое зрѣлище; тамъ процвѣтаетъ нѣсколько видовъ промышленности. Мы прошли городъ изъ конца въ конецъ и посѣтили большую пагоду—красивое зданіе, входъ въ которое охраняютъ два огромные слона съ ихъ магутами, высѣченные изъ камня. Недалеко отъ пагоды стоитъ прехорошенькій маленькій дворецъ,въ которомъ помѣщается Рана въ то время, когда ему вздумается посѣтить своихъ вѣрноподданныхъ. Городъ обнесенъ стѣною и нѣсколько большихъ воротъ ведутъ въ поле; у однихъ стоитъ чудовищный и до нельзя непристойный идолъ Голи, что нѣсколько портитъ хорошее впечатлѣніе, производимое этимъ дѣятельнымъ и трудолюбивымъ народомъ. Отойдя на одинъ километръ отъ города, мы перешли въ бродъ рѣку Кутизури-Нади и расположились на другомъ ея берегу, близъ большой деревни Санганиръ. Жители ея встрѣтили насъ дружелюбно, но погода была пасмурная, и къ вечеру я приказалъ снять лагерь, чтобы добраться до Бунеры, въ 16 километрахъ отъ нашего лагеря, гдѣ мы должны были найти прекрасный бунгаловъ.

20 марта.—Двойной переходъ, совершенный нами вчера, побудилъ меня дать нашимъ животнымъ денекъ отдыха, тѣмъ болѣе, что дороги въ этихъ мѣстахъ такъ плохи, что легко загнать верблюдовъ. Впрочемъ Бунера сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Этотъ красивый городъ, лежащій на берегу живописнаго озера, примыкаетъ съ одной стороны къ холму, увѣнчанному замкомъ Раджей Бунеры, однимъ изъ самыхъ величественныхъ феодальныхъ зданій Мейвара; онъ построенъ весь изъ бѣлаго мрамора, какъ дворецъ въ Удейпурѣ, и отличается простымъ, но величественнымъ стилемъ. Владѣлецъ этого замка—одинъ изъ наиболѣе значительныхъ вассаловъ Раны; онъ происходитъ изъ рода Сесудіасовъ и носитъ титулъ и отличія Раджи, пожалованные его предкамъ монгольскими императорами въ награду за ихъ заслуги. Доходъ

ОТПЕЧАТАН

его владѣній превышаетъ полтора лака рупій, и при настоящемъ спокойномъ и мирномъ времени обѣщаетъ удесятериться; территорія раджи простирается до подошвы Аравалисскихъ горъ.

Раджа прислалъ своего камдара (министръ или управляющій дѣлами) извѣстить меня о своемъ посѣщеніи и, нѣсколько времени спустя, онъ самъ явился въ мой лагерь съ цѣлой свитой дворянъ. За нѣсколько шаговъ отъ моей палатки, раскинутой близь бунгалова, онъ сошелъ съ лошади и подошелъ ко мнѣ; мы обнялись по древнему обычаю, и я пригласилъ его въ палатку. Побесѣдовавъ довольно долго, я, въ свою очередь, проводилъ его въ замокъ, гдѣ остался вечеръ. На другой день мы охотились вмѣстѣ на кабана, а вечеръ закончился танцами нотчей и разными забавами. Здѣсь соблюдается такой же этикетъ какъ въ Удейпурѣ, и со мною обошлись здѣсь съ тою любезностью и привѣтливостью которыя составляютъ особенность раджпутскихъ владѣльцевъ и которыя имъ слѣдовало бы поболѣе выказывать европейскимъ посѣтителямъ такъ какъ нѣкоторые изъ моихъ предшественниковъ жаловались на холодный и гордый пріемъ. Строго говоря, я думаю, что между раджпутанцами рѣдко встрѣтишь грубыхъ и невѣжливыхъ людей, если самъ обходишься съ ними вѣжливо; но человѣкъ, незнакомый съ ихъ нравами и незнающій ихъ языка, легко можетъ оскорбить ихъ. Мнѣ трудно было бы сказать что нибудь противъ гостепріимства раджпутовъ; правда, что меня снабдили прекрасными рекомендательными письмами и что я могъ надѣяться имѣть все въ изобиліи тамъ, гдѣ другимъ было бы не легко путешествовать. Любезному пріему, оказанному мнѣ вездѣ въ Мейварѣ, я обязанъ, разумѣется, покровительству Раны; этотъ король пользуется такимъ вліяніемъ между индусами, что его протекція пригодилась мнѣ во всѣхъ государствахъ Индіи.

22 марта.—Сегодня мы прошли по большимъ равнинамъ сѣвернаго Мейвара, которыя имѣютъ весьма печальный видъ; на нихъ едва едва ростутъ деревья, поля почти не обработываются и деревни очень бѣдныя; дожди покрыли почву растительностью, и жатвы этого времени щедро вознаграждаютъ за безплодіе остальной части года; каналы, устроенные для орошенія полей, значительно увеличили-бы производительность этой полосы.

Пройдя 22 километра по этой твердой, растрескавшейся землѣ, мы достигли бунгалова Даблы и были вынуждены раскинуть свои палатки около самаго дома, такъ какъ деревьевъ здѣсь было не болѣе какъ въ Сахарѣ. Деревенскія хижины тѣснятся печально около одной полуразрушенной, но очень живописной крѣпости. Такуръ, живущій въ ней, сдѣлалъ намъ визитъ; онъ происходитъ изъ племени Раторъ и смотритъ также жалко какъ его страна и самая столица; плащъ его также весь въ дырьяхъ, какъ и стѣны его феодальной башни. Дабла, какъ пограничный городъ сѣвернаго Мейвара, игралъ въ послѣднія столѣтія нѣкоторую роль въ исторіи; дѣдъ теперешняго владѣльца, будучи окруженъ пятью тысячами магаратовъ, защищался такъ храбро, что принудилъ осаждавшихъ отступить. Его крѣпостца получила названіе «Малаго Буртпора», въ память знаменитой крѣпости, передъ которой погибъ лордъ Лэкъ (Lake). Гордясь своимъ успѣхомъ, пылкій Раторъ задумалъ сдѣлаться независимымъ и отказался платить дань своему верховному властителю, раджѣ Бунерскому; но Рана вступился за своего вассала, и бѣдный такуръ былъ принужденъ выдать свои пушки и лишился почти всѣхъ своихъ доходовъ. Преемникъ его теперь не болѣе какъ мелкій глава деревни.

Мнѣ пришлось выслушать сѣтованія храбраго барона, съ сожалѣніемъ вспоминавшаго о томъ прекрасномъ времени, когда ему можно было сражаться сколько угодно и когда крѣпость его господствовала надъ торговымъ путемъ въ Ажмиръ; я утѣшалъ его какъ только могъ, увѣряя его, что европейцы вознаградятъ его когда нибудь за все потерянное, доставивъ его странѣ богатство и плодородіе.

Дабла послѣдній городъ, принадлежащій Ранѣ; въ нѣсколькихъ километрахъ отъ него протекаетъ рѣка Кагри Нади, отдѣляющая его владѣнія отъ области Ажмиръ.

ОТПЕЧАТОК

XVII.

Область Ажмиръ.

Буней.—Нуссерабадъ.—Ажмиръ, его базары и памятники.—Мечеть Арай-Динъ-ка-Джопра.—Крѣпость Терагуръ.

23 марта.—Область Ажмиръ, куда мы вступили сегодня утромъ, единственная мѣстность Раджпутаны, которая находится вполнѣ во власти англичанъ. Она принадлежитъ имъ только съ 1818 года; находясь съ пятнадцатаго столѣтія во власти монгольскихъ императоровъ, она подпала власти магаратскихъ королей Гваліора въ то время, когда произошло раздробленіе имперіи. Начавъ управлять дѣлами падишаха, англичане объявили Ажмиръ частію императорскаго леннаго удѣла и владѣютъ имъ съ тѣхъ поръ. Эта значительная область граничитъ съ королевствами: Мейваръ, Марваръ, Джейпуръ и Кишенгуръ; она простирается въ длину на 135 километровъ отъ горной цѣпи Аравалисъ до Буна, а въ ширину отъ Ажмира до Кагри-Нади имѣетъ 70 километровъ.

Первый городъ, который мы встрѣтили былъ Деорахъ, лежащій при началѣ безконечныхъ равнинъ. Со всѣхъ сторонъ показывались безчисленныя стада антилопъ, и такъ какъ эти пугливыя животныя близко не допускаютъ къ себѣ верблюдовъ, то мы убили ихъ нѣсколько еще до пріѣзда нашего въ бунгаловъ Бунайя. Этотъ городъ лежитъ въ центрѣ маленькой долины, окруженной не особенно высокими холмами, которымъ огромныя глыбы гранита придаютъ грандіозный характеръ. Въ долину ведетъ тѣсное ущелье и надъ дорогою господствуетъ древній замокъ раджей Бунаи, построенный на вершинѣ неприступной скалы. Бунайскій раджа, происходя изъ древней династіи Пуригара изъ Мун-

дара, считается въ то же время вассаломъ вице-короля Индіи и Джейпурскаго раджи; такое положеніе оказывается подъчасъ не особенно пріятнымъ. Кенотафы этой царствующей фамиліи расположены рядами вокругъ живописнаго озера. Городъ занятъ сплошь хижинами, слѣпленными изъ грязи и дерева и обнесенъ высокою стѣною изъ земли, смѣшанной съ соломой; онъ далеко не имѣетъ такого веселаго вида какъ мѣстечки Мейвара съ ихъ кирпичными стѣнами и черепичными крышами. По другую сторону стѣнъ возвышаются отвѣсные склоны горы, а громадныя скалы точно угрожаютъ домикамъ, стоящимъ внизу.

Одинъ *пиръ* или благочестивый мусульманинъ поселился нѣкогда на вершинѣ этого оврага и къ его *дургаху* стекаются теперь богомольцы. Мы находимся въ такой мѣстности, гдѣ всѣ святые послѣдовали ислама какъ будто согласились сойтись, такъ какъ на каждой вершинѣ, на всякомъ холмѣ возвышается дургахъ съ его мусджидомъ (молельня).

24 марта.—Сегодня утромъ мы прибыли въ Нуссерабадъ, одинъ изъ наиболѣе важныхъ военныхъ постовъ, учрежденныхъ англичанами въ Раджпутанѣ. Эта стоянка съ виду ужасно печальная: инсургенты завладѣли ею въ 1857 году, сожгли всѣ дома и превратили это мѣсто въ пустыню, вырвавъ деревья съ корнемъ и истребивъ всякую растительность. Индѣйскій городъ постигла та же участь какъ и англійскій лагерь, и онъ лишился всего, что только было въ немъ живописнаго; теперь городъ этотъ ничто иное, какъ большой базаръ; однако въ немъ живетъ болѣе 20,000 душъ. Все, что было попорчено инсургентами, насколько возможно, исправлено; однако новыя дороги, перерѣзающія лагерь, окаймлены настоящими метловищами и всѣ усилія развести новые сады не увѣнчались успѣхомъ; почва, изсушенная палящимъ солнцемъ и лишенная тѣни, столь необходимой въ этой странѣ, сдѣлалась твердою и безплодною. Хотя станція Нуссерабадъ и печальна съ виду, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ: заключая большой гарнизонъ и находясь въ незначительномъ разстояніи отъ Ажмира, она населена довольно многими европейцами, которые стараются прожить въ этой пустынѣ какъ можно веселѣе.

Иностранцы повидимому рѣдко посѣщаютъ этотъ постъ; поэтому прибытіе нашего каравана, прошедшаго по всему лагерю, расположась въ немъ безъ церемоніи, произвело нѣкоторое впечатлѣніе на жителей. Въ теченіи дня нѣсколько человѣкъ приходили развѣдать объ насъ и обошли бунгаловъ со всѣхъ сторонъ. Наша наружность, одежда, вооруженный конвой, все подавало поводъ къ самымъ страннымъ предположеніямъ; предполагали даже, что мы русскіе шпіоны. Наконецъ началь-

никъ лагеря, капитанъ Ш.... въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей рѣшился сдѣлать намъ визитъ; объяснившись съ той и съ другой стороны, мы посмѣялись надъ его ошибкою, и капитанъ удалился, пригласивъ насъ къ себѣ обѣдать на слѣдующій день.

Намъ пришлось остаться тутъ еще нѣсколько дней, такъ какъ и прочіе жители приглашали насъ къ себѣ и я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, что путешествующіе иностранцы рѣдко гдѣ встрѣчаютъ болѣе радушный и безкорыстный пріемъ, какъ въ англійскихъ поселеніяхъ въ Индіи. Мы поохотились также съ нѣсколькими офицерами въ Аравалліссскихъ горахъ и вернулись домой съ порядочною добычею. Равнины, окружающіе лагерь, какъ я уже сказалъ, очень богаты всякаго рода дичью, а въ лощинахъ большой горной цѣпи водится много дикихъ звѣрей. Разумѣется, охота составляетъ одно изъ главныхъ удовольствій офицеровъ, у которыхъ безъ того чрезвычайно мало занятій: каждый годъ они предпринимаютъ настоящія экспедиціи и истребляютъ значительное число тигровъ, пантеръ, медвѣдей и т. д. Эти экспедиціи служатъ темою разговоровъ въ продолженіи цѣлаго года и представляютъ много весьма интересныхъ и драматическихъ эпизодовъ. Дѣйствительно, подобная охота рѣдко обходится безъ какого нибудь несчастнаго случая; раненый и преслѣдуемый тигръ столь же опасенъ и смѣлъ, сколько онъ бываетъ трусливъ и боязливъ, когда ему представляется возможность убѣжать. Я, кажется, говорилъ уже, что это животное рѣдко бросается на человѣка съ перваго же выстрѣла, если онъ уже ранѣе не былъ измученъ или принадлежитъ къ числу «адмиканевалла» т. е. людоѣдовъ.

Словомъ, мы провели очень пріятно тѣ пять дней, которые пришлось посвятить Нуссерабаду. 30-го марта мы двинулись въ Ажмиръ, который находился отъ насъ не болѣе какъ въ 15 миляхъ. По выходѣ изъ Нуссерабада, дорога вступаетъ въ горы и мы вскорѣ очутились въ центрѣ Аравалиса. Солнце взошло, когда мы пробирались по первымъ ущельямъ, и еще болѣе увеличило красоту пейзажа: со всѣхъ сторонъ возвышаются зубчатыя, остроконечныя вершины самой причудливой формы, и между ними утесы, погруженные еще во мракѣ, образуютъ глубокія пропасти. Свѣтовые лучи, преломляясь о вершины, окружаютъ ихъ розоватымъ отблескомъ; безчисленные кактусы, единственныя растенія этихъ лощинъ, образуютъ причудливыя группы; на плоскогорьяхъ нѣсколько деревъ искристой акаціи съ ея цвѣтами огненнаго цвѣта возвышаются надъ высокими кустарниками Калама; тысячи куропатокъ «пріютившихся въ этихъ травахъ, привѣтствуютъ восходъ солнца своимъ

пронзительнымъ крикомъ и время отъ времени при нашемъ приближеніи взлетаетъ павлинъ, проносясь мимо, подобно снопу блестящихъ изумрудовъ. Утренняя прохлада, пѣніе птицъ и прелестный пейзажъ заставили насъ позабыть усталость; всѣ веселы, люди мои шутятъ и смѣются, мы близки къ цѣли, и они скоро возвратятся къ своимъ очагамъ. На поворотѣ дороги мы увидѣли Ажмиръ и его знаменитую крѣпость Терагуръ; картина великолѣпная: бѣлые дома города окружены широкою полосою зелени и походятъ на оазисъ среди этой пустыни скалъ и остроконечныхъ вершинъ. Одна только долина отдѣляла насъ отъ города, и мы шли по ней цѣлыхъ два часа подъ жгучими лучами солнца; теперь она показалась намъ менѣе живописною, чѣмъ съ часъ тому назадъ. Подходя къ городу, можно подумать, что находишься въ окрестностяхъ Грасса или Ниццы; поля усѣяны цвѣтами: розовые кусты, жимолость и др. образуютъ обширные луга, которые доставляютъ главнымъ образомъ такъ наз. *уттеръ* (utter), знаменитыя благовонныя масла востока.

Въ девять часовъ мы прошли подъ одними изъ древнихъ воротъ Ажмира и нашъ караванъ двинулся по узкимъ и живописнымъ базарамъ, которые съ перваго взгляда много напоминаютъ Каиръ. Первою нашею заботою было найти помѣщеніе; здѣсь нѣтъ Раны, который могъ бы дать въ наше распоряженіе цѣлый дворецъ, нѣтъ даже и бунгаловъ, такъ какъ путешественники здѣсь такъ рѣдки, что городъ и не позаботился объ нихъ. Имѣя рекомендательныя письма къ губернатору края, маіору Давидсону, мы могли въ крайнемъ случаѣ разсчитывать на его гостепріимство; но всякій пойметъ, какъ непріятно явиться къ кому нибудь нежданно, негаданно да еще съ пятьюдесятью человѣками свиты. Тогда я вспомнилъ, что маіоръ Никсонъ совѣтывалъ мнѣ въ затруднительномъ положеніи обратиться лично къ банкиру Сету Пуртабъ Мулу. Я попросилъ перваго встрѣчнаго указать мнѣ квартиру Сета и, пройдя нѣсколько большихъ красивыхъ и удивительно чистыхъ улицъ, мы явились къ банкиру. Слуги его приняли насъ чрезвычайно вѣжливо, и скоро появился и самъ Сетъ, человѣкъ весьма симпатичный, лѣтъ около сорока. Едва я успѣлъ объяснить ему причину моего посѣщенія, какъ, не давши мнѣ даже извиниться въ томъ, что я потревожилъ его, онъ тотчасъ же приказалъ помѣстить насъ въ одномъ изъ его домовъ и даже весьма добродушно просилъ не благодарить его, увѣряя, что онъ еще много обязанъ намъ за честь, которую мы ему дѣлаемъ, и торопилъ насъ пойти отдохнуть съ дороги. Полъ часа спустя, мы уже были въ прелестнѣйшемъ индѣйскомъ домикѣ, вдали отъ базаровъ, въ одномъ

изъ предмѣстій города; слуги, присланные Сетомъ, наскоро привели все въ порядокъ, повѣсили обои, разостлали ковры и разставили диваны. При нашемъ домикѣ находился большой фруктовый садъ съ апельсинными, лимонными и другими пахучими деревьями этихъ благословенныхъ странъ; подъ ихъ вѣтвями извивался каналъ съ проточною водою, поддерживая въ саду очаровательную прохладу. И все это, какъ сказалъ Пуртабъ Муллъ, принадлежитъ намъ на все время, пока намъ заблагоразсудится пробыть тутъ. Какъ же возможно послѣ этого обвинять индусовъ въ негостепріимствѣ? Этотъ упрекъ можно сдѣлать только желчному и гордому бабу, живущему на берегахъ Ганга, или суевѣрному Декканцу, которые скорѣе дадутъ вамъ умереть, нежели примутъ васъ подъ свой кровъ; но ничего подобнаго нельзя сказать о жителѣ Раджастана, будь онъ раджпутъ, купецъ или крестьянинъ.

По прибытіи въ Ажмиръ я отпустилъ конвой, который далъ мнѣ Рана, написалъ ему о томъ, какъ меня принимали по дорогѣ и, наконецъ, извѣстилъ маіора Давидсона о моемъ пріѣздѣ. Послѣдній тотчасъ прислалъ намъ одну изъ своихъ каретъ и съ готовностью предложилъ мнѣ свои услуги, чтобы облегчить мои изслѣдованія въ городѣ и его окрестностяхъ. Нечего и говорить, что и онъ оказалъ мнѣ такой же привѣтливый и любезный пріемъ, какой я встрѣчалъ у всѣхъ высшихъ англійскихъ чиновниковъ. Въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Ажмирѣ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы оставить по себѣ доброе воспоминаніе.

Ажмиръ весьма древній городъ; онъ былъ основанъ въ первые вѣка нашей эры Шоганъ-Аджа-Паломъ, который, по преданію, сначала былъ пастухомъ и, построивъ знаменитую крѣпость, господствующую надъ городомъ, завладѣлъ мало по малу сосѣдними землями и сдѣлался могущественнымъ монархомъ. Отсюда происходитъ и названіе города, который иные называютъ Уджа-Меръ или гора пастуха, а другіе Аджи-Меръ, т. е. непреступная гора. Около 685 г. мы находимъ одного изъ его потомковъ, Дула Рае, на Ажмирскомъ престолѣ; онъ былъ убитъ во время перваго вторженія мусульманъ и крѣпость взята ими, но братъ его, Маника Рае, прогналъ завоевателей. Въ 1559 г. Акберъ присоединилъ эту область къ имперіи; я уже говорилъ о позднѣйшей участи этого города.

Ажмиръ лежитъ въ прелестной долинѣ; съ одной стороны городъ прилегаетъ къ великолѣпному озеру Ана Сагуръ, имѣющему въ окружности болѣе 12 километровъ; съ другой онъ прислонился къ высокой горѣ, на которой возвышается крѣпость Терагуръ. Превосходный кли-

матъ и красивое мѣстоположеніе города издавна сдѣлали его любимымъ мѣстопребываніемъ монгольскихъ императоровъ, и долина наполнилась ихъ дворцами и садами. Однимъ изъ лучшихъ можно назвать Даолатъ Богъ или «садъ Великолѣпія», устроенный въ XV столѣтіи императоромъ Джангиромъ; онъ служитъ теперь резиденціей англійскаго губернатора. Красивые мраморные павильоны возвышаются на самомъ берегу озера; изъ нихъ открывается восхитительная панорама города и окрестныхъ горъ, отражающихся въ его прозрачной, какъ хрусталь, поверхности. Садъ очень великъ и усаженъ вѣковыми деревьями; подъ ихъ тѣнью надменный Джангиръ принялъ смиреннаго посланника короля Англіи Якова.

Это озеро, какъ и всѣ озера этой мѣстности, образовалось вслѣдствіе прегражденія рѣки громадными плотинами, которыя построены въ X вѣкѣ королемъ Ана Дева. Впрочемъ, это озеро не единственное въ Ажмирѣ; тамъ есть еще два другихъ, только меньшихъ размѣровъ; одно изъ нихъ вырытое въ IX столѣтіи королемъ Висала Дева и называемое Бизина Талъ, лежитъ къ востоку отъ города; на немъ находится маленькій островокъ, покрытый развалинами, и оно омываетъ подошву высокаго хребта скалъ, на вершинѣ которыхъ возвышается знаменитая пустынь Ковджагъ Кутубъ.

Городъ обнесенъ стѣнами, воздвигнутыми императоромъ Джангиромъ; онѣ идутъ съ одной стороны по хребту сосѣднихъ горъ и примыкаютъ къ цитадели Терагуръ. Восемь большихъ воротъ въ красивомъ стилѣ ведутъ въ городъ; онъ защищенъ со стороны равнины укрѣпленнымъ замкомъ, который заключаетъ въ себѣ громадный дворецъ и флигеля для гарнизона; но неудобное расположеніе этихъ построекъ доказываетъ, что ихъ предполагалось занимать только въ крайнемъ случаѣ, когда во время осады невозможно было бы оставаться въ красивыхъ павильонахъ Ана Сагуры. Въ этомъ замкѣ замѣчательны только прекрасныя стрѣльчатыя ворота, украшенныя башенками и кіосками; онѣ выходятъ на одну изъ большихъ улицъ.

Послѣ Джейпура Ажмиръ можетъ назваться первымъ городомъ Раджпутаны, по его великолѣпнымъ базарамъ, которымъ онъ обязанъ отчасти англичанамъ. Это большія, широкія и красивыя улицы, окаймленныя тротуарами. Въ нижнихъ этажахъ домовъ помѣщаются лавки, а фасады этихъ зданій украшены балконами и верандами. Дома богачей построены изъ бѣлаго мрамора, и нѣкоторые изъ нихъ удивительно красивы. Я упомяну между прочимъ о дворцѣ Сетовъ (Seih), принадлежащемъ нѣсколькимъ банкирамъ изъ касты джаиновъ; хотя это чудесное зданіе построено недавно, но оно можетъ быть поставлено на ряду съ са-

СПЕЦ ФОНД

мыми лучшими произведеніями раджпутанскаго искусства. Балконы, колонны и рѣзные карнизы покрываютъ фасады; мельчайшія украшенія отдѣланы весьма тщательно и съ большимъ вкусомъ. Но это не единственный дворецъ въ городѣ; Ажмиръ настоящій Франкфуртъ Раджастана и его многочисленные Ротшильды соперничали другъ передъ другомъ, обогащая его прекрасными памятниками. Вообще всѣ дома хорошо отстроены и немногіе города смотрятъ такъ красиво, какъ Ажмиръ съ его безчисленными террасами и стѣнами, покрытыми мраморомъ или блестящей штукатуркой.

Отъ громадныхъ бульваровъ, созданныхъ англичанами, расходятся въ живописномъ безпорядкѣ во всѣ стороны узкіе, извилистые базары, по которымъ снуетъ взадъ и впередъ шумная толпа. Ни одинъ городъ Востока, даже Каиръ, не представляетъ для художника болѣе интересной и оригинальной картины, какъ эта часть Ажмира. Представители всѣхъ племенъ Индіи толпятся на этихъ улицахъ, шириною въ два метра, гдѣ сосредоточена главная торговля страны, величиною равной Франціи, и подъ темными каменными арками его лавокъ расположены самыя разнообразныя произведенія. Ничего нѣтъ интереснѣе, какъ прогуливаться по этимъ базарамъ; въ Ажмирѣ я отправлялся каждое утро побродить среди этой пестрой толпы, останавливался передъ лавками и болталъ съ торговцами, всегда вѣжливыми и услужливыми. Сидя за своимъ станкомъ, куда взобрался съ помощью лѣсенки, полунагой ювелиръ-браминъ, опоясанный священнымъ шнуркомъ, занятъ выдѣлкою прелестныхъ вещицъ, которыя составили бы счастіе нашихъ парижанокъ; на носу у него надвинута пара огромныхъ очковъ,—необходимая принадлежность золотыхъ дѣлъ мастера, а вокругъ него сидятъ подмастерья, вѣроятно его же сыновья, обдѣлывая драгоцѣнные металлы. Лишь только я заговорилъ съ нимъ, какъ добрый старикашка тотчасъ же снялъ очки и, отвѣсивъ мнѣ поклонъ, разложилъ передо мною свои богатства, которыя онъ вынималъ изъ желѣзнаго сундука; онъ прелюбезно объяснилъ мнѣ всѣ подробности ихъ выдѣлки, и далъ мнѣ выбрать нѣсколько бездѣлушекъ, не наскучая слишкомъ назойливыми предложеніями. Рядомъ съ нимъ помѣщался фабрикантъ браслетъ; присѣвъ на корточки передъ огнемъ, онъ плавитъ свою красную или зеленую камедь и намазываетъ ее затѣмъ на коническую форму; тонкимъ лезвеемъ онъ разрѣзаетъ эту массу на узенькіе круги и, мгновенно охладивъ ее, подаетъ мнѣ до двадцати тонкихъ колецъ. Этимъ ремесломъ занимается обыкновенно марварскій баніанъ или мусульманинъ; его жена либо помогаетъ ему въ производствѣ, либо примѣряетъ браслеты покупательницамъ; нѣтъ ни одной молодой дѣвушки или замужней женщины, къ какому бы классу общества онѣ ни принадлежали, которыя не носили бы по нѣсколько такихъ браслетъ; иногда ихъ надѣваютъ столько, что ими покрыта вся рука отъ локтя до кисти, а такъ какъ эти браслеты очень дешевы, и въ то же время и весьма хрупки, то они составляютъ значительный предметъ торговли.

Прогуливаясь по магазинамъ, я осмотрѣлъ лавки инструментальныхъ мастеровъ, которые продаютъ большія гитары, скрипки и тамъ-тамы; далѣе, мѣдники сидятъ на корточкахъ, окруженные цѣлыми горами мѣдной посуды всевозможныхъ размѣровъ, начиная отъ *лоты*, употребляемой для омовенія, и кончая амфоромъ, имѣющимъ одинъ метръ въ діаметрѣ. Иногда цѣлая улица населена одними башмачниками, горшечниками или красильщиками, которые повидимому не боятся конкуренціи и раскладываютъ бокъ о бокъ свои произведенія. Суконные ряды и магазины всевозможныхъ шелковыхъ матерій считаются самыми аристократичными; тутъ лавки содержатся чисто и прекрасно освѣщены; купецъ, сидя на подушкѣ ослѣпительной бѣлизны, степенно выжидаетъ покупателя, между тѣмъ какъ его прикащикъ съ утра до вечера царапаетъ цифры на нескончаемомъ свиткѣ бумаги. Среди этой шумливой толпы народа, наполняющей улицы, снуютъ тысячи торгашей, напоминающіе парижскихъ продавцевъ; они продаютъ вамъ превкусные шары изъ сахара, смѣшаннаго съ молокомъ, продаютъ овощи, ножи, бетель и увеличиваютъ тѣсноту и шумъ на улицахъ.

Женщины не застѣнчивы и не прячутся, какъ въ другихъ городахъ, отъ европейцевъ; къ тому же онѣ очень хорошенькія. Онѣ пользуются повидимому большой свободою: мусульманокъ легко узнать по ихъ обтянутымъ, не особенно приличнымъ панталонамъ; удивительно, что подобная мода привилась у столь ревниваго народа; индіянки носятъ красивую, короткую юбочку, называемую кангра, а на плечи накидываютъ сарри, что составляетъ чрезвычайно красивый костюмъ.

Находясь давно во власти мусульманъ, Ажмиръ не сохранилъ никакихъ памятниковъ отъ своихъ первыхъ владѣтелей; единственныя развалины, дающія намъ нѣкоторое понятіе о великолѣпіи этой эпохи, находятся у подошвы Терагура; это остатки мечети Арай-Динъ-ка-Джопра, о которыхъ я сейчасъ буду говорить.

Такимъ образомъ изъ древнихъ памятниковъ въ самомъ городѣ не сохранилось ничего кромѣ дургаха Ковджа Саида. За то это священное мѣсто индо-мусульманской религіи пользуется большою извѣстностью — это индѣйская Мекка. Дурганъ заключаетъ въ себѣ мавзолей великаго

святаго Ковджаха Саида, перваго проповѣдника корана у невѣрныхъ ажмирцевъ.Родившись въ 527 году Геджры въ Сиджистанѣ, онъ прибылъ въ Ажмиръ вмѣстѣ съ завоевателемъ Кутубомъ и, женившись на дочери мусульманина Гуссанъ Мишади, оставался здѣсь до смерти; онъ прожилъ около 108 лѣтъ. Вся его жизнь была длиннымъ рядомъ благочестивыхъ поступковъ и чудесъ, о которыхъ существуетъ множество легендъ, болѣе или менѣе баснословныхъ. Послѣ его смерти, всѣ монархи Индіи окружили его гробницу лучшими произведеніями индусскаго искусства и императоръ Джеангиръ построилъ ему въ 1610 г. великолѣпный мавзолей,

Входъ въ дургахъ находится въ концѣ длиннаго базара, который пересѣкаетъ весь городъ; надъ внѣшнею оградою виднѣется нѣсколько монументальныхъ воротъ; мраморные куполы и шпицы мечетей, выдѣляются на сѣромъ фонѣ горы, имѣющей форму пирамиды. Я явился въ дургахъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ губернатора, который предупредилъ меня, чтобы я не разсчитывалъ на слишкомъ вѣжливый пріемъ, такъ какъ европейцевъ обыкновенно не допускаютъ въ святилище. У первыхъ дверей меня остановили нѣсколько человѣкъ съ мрачными, фанатическими лицами и грубо объявили мнѣ, что я не могу идти далѣе не снявъ сапоговъ. Рѣшившись все осмотрѣть, я поспѣшилъ повиноваться ихъ приказанію и, оставшись въ однѣхъ чулкахъ, послѣдовалъ за муллой, который предложилъ проводить насъ.

Мы вошли въ огромный дворъ, высланный бѣлымъ мраморомъ и содержимый съ такою опрятностью, что солнечные лучи играли на его поверхности какъ на водяной плоскости. Вокругъ тѣснились мечети и надгробные камни ослѣпительной бѣлизны, и наконецъ въ срединѣ возвышался мавзолей, окруженный деревьями. Эти растенія, разбросанныя между мраморными стѣнами, отбрасываютъ на нихъ пріятную, мягкую тѣнь, превращая дворъ въ очаровательное, прохладное мѣстечко, Здѣсь царствовала величайшая тишина; только нѣсколько старыхъ муллъ, распростертыхъ на полу, бормотали свои безконечныя молитвы. Я усѣлся подъ деревомъ и проводникъ далъ мнѣ отдохнуть и помечтать; мнѣ рѣдко случалось видѣть мѣсто прелестнѣе этого двора. Когда я попросилъ проводника внести фотографическій приборъ, то онъ очень смутился и сначала энергически отказался исполнить мою просьбу, но потомъ позволилъ мнѣ помѣститься на краю глубокаго оврага, который отдѣляетъ дургахъ отъ горы; главный мулла кажется и за это побранилъ его, но фотографы безжалостны и я сохранилъ свой снимокъ. Мнѣ не дозволили подойти къ священному гробу, но я издали видѣлъ массивную серебряную раку, стоящую подъ балдахиномъ изъ золотой парчи; въ ней хранятся мощи святаго, къ которымъ ежегодно стекаются на поклоненіе тысячи богомольцевъ.

Въ дургахѣ бываетъ большой праздникъ, называемый Урси-Кадиръ-Валла, на который стекается со всѣхъ концовъ Азіи иногда до полъ-милліона правовѣрныхъ. Каждый изъ нихъ проситъ у Ковджа Саида какой нибудь милости и возвращается на слѣдующій годъ, чтобы возобновить свою просьбу или въ благодарность дѣлаетъ какое нибудь приношеніе. Нѣкоторые, болѣе догадливые богомольцы прямо просятъ у святаго денежной помощи, а такъ какъ этотъ достойный старецъ обладаетъ способностью жить и дѣйствовать и въ своемъ гробу, то онъ выдаетъ имъ векселя, подписанные его рукою, на первые банкирскіе дома Индіи; уваженіе къ святому такъ велико, что никогда не случалось, чтобы хотя одинъ индѣйскій банкиръ претестовалъ вексель или подозрѣвалъ въ этомъ обманъ.

Осмотрѣвъ дургахъ Ковджа Саида, я отправился въ мечеть Арай-Динъ-ка-Джопра, развалины которой живописно возвышались посреди маленькой рощицы въ оврагѣ, спускающемся съ вершины Терагура, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ. Эта знаменитая мечеть—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ Индіи, какъ по своему великолѣпію, такъ и по своему археологическому значенію. Въ самомъ дѣлѣ, это одно изъ первыхъ зданій воздвигнутыхъ мусульманами и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ образцовъ архитектуры джаиновъ первыхъ вѣковъ. Эта странная смѣсь столь несходныхъ стилей объясняется весьма просто; завоевавъ индѣйскія королевства, дикія орды магометанъ только грабили и разрушали, не заботясь о томъ, чѣмъ замѣнить тѣ великолѣпные памятники, которые они разворяли. Первые императоры, завладѣвъ страною, и, желая здѣсь окончательно утвердиться, заботились о постройкѣ храмовъ истинному Богу, а за неимѣніемъ архитекторовъ не нашли ничего лучшаго какъ поручить эти работы индусамъ. Великолѣпные дворцы древнихъ королей и чудные храмы идолопоклонниковъ доставили имъ неистощимый запасъ готоваго матеріала. Достаточно было снять идоловъ, прибавить нѣсколько характеристическихъ мелочей въ отдѣлкѣ и придать зданію особенный отпечатокъ мечети, соединивъ фасадъ съ остроконечными арками. Таково было, можно сказать, происхожденіе этого грандіознаго стиля, называемаго иными индо-сарацинскимъ и который украсилъ Индію великолѣпнѣйшими памятниками.

Императоръ Кутубъ-Удинъ-Эйбекъ кажется первый употребилъ этотъ

любопытный способъ; ему приписываютъ мечети Ажмира и стараго Дели; его наслѣдники, подражая ему, украсили Ахмедабадъ, Манду, Канужъ и т. д.

Арай-Динъ-ка-Джопра или «Произведеніе двухъ съ половиною дней» стоитъ на высокой террасѣ, на которую вели большія каменныя лѣстницы, которыя теперь исчезли и замѣнены крыльцомъ, украшеннымъ скульптурными колоннами. На первый взглядъ эти развалины весьма живописны; вѣтвистыя деревья окружаютъ основаніе террассы и черезъ нихъ сквозитъ только верхушка мечети. Красивая дверь въ прелестномъ стилѣ джаиновъ, передѣланная по магометанскому обычаю, т. е. покрытая кромѣ цвѣтовъ и обыкновенныхъ предметовъ еще арабскими изрѣченіями и символами, ведетъ въ большой четырехъугольный дворъ, каменный полъ котораго почти весь поломанъ. Мечеть занимаетъ противуположную часть двора, но ея фасадъ почти совершенно скрытъ за группою высокихъ деревьевъ и маленькою стѣнкою которыя очень портятъ наружный видъ мечети. Съ трехъ другихъ сторонъ тянутся длинные корридоры, а надъ ними возвышаются павильоны, построенные массивно и въ строгомъ стилѣ. Эти постройки, заключавшія въ себѣ обширные покои, предполагалось соединить съ южнымъ фасадомъ дворца императоровъ Горіановъ, отъ котораго осталось еще много развалинъ. Войдя въ маленькую ограду, видимъ наконецъ сквозь листву деревьевъ все зданіе мечети. Посреди фасада возвышается высокая, стрѣльчатая дверь; по обѣимъ ея сторонамъ тянется рядъ арокъ въ другомъ, менѣе красивомъ стилѣ. Всѣхъ арокъ семь, считая тутъ же и главный входъ, и каждая изъ нихъ посвящена извѣстному дню въ недѣлѣ. Этотъ фронтонъ, толщиною почти въ 4 метра сдѣланъ изъ твердаго мелкозернистаго песчаника. Снаружи все зданіе покрыто настоящею сѣтью рѣзныхъ украшеній, которыя исполнены такъ прекрасно и притомъ мелкими изящными узорами, что ихъ можно сравнить развѣ съ тонкими кружевами. Рамы у дверей покрыты арабскими и индусскими надписями, которыя сдѣланы рельефно на фонѣ арабесокъ, производящихъ удивительно эффектный видъ.

Внутренняя отдѣлка мечети исполнена джаинскими архитекторами и скульпторами по плану и идеѣ мусульманъ; поэтому замѣтно, что они были стѣснены въ нѣкоторыхъ мелочахъ; не зная напримѣръ что такое лучистая арка, они замѣнили ее арками съ горизонтальными рядами, сходящимися въ одну точку на вершинѣ. Пройдя въ «двери Пятницы» вы вступаете въ большую залу, которая тянется позади фасада; но, любуясь произведеніемъ Кутуба, все же приходится сознаться, что оно

стоитъ гораздо ниже построекъ джаиновъ, воздвигнутыхъ въ IV вѣкѣ. Фасадъ поражаетъ васъ своими величественными размѣрами и тонкими украшеніями, но за то и внутренность зданія необыкновенно хороша. Невозможно представить себѣ ничего красивѣе этой длинной залы, сводъ которой, покрытый самою разнообразною рѣзьбою, опирается на четыре ряда удивительно изящныхъ колоннъ.

Средина мечети покрыта куполами, въ стилѣ джаиновъ, образованными изъ концентрическихъ рядовъ камней; каждый рядъ покрытъ полосою рѣзьбы, которыя идутъ къ центру и наконецъ переплетаются между собою; изъ центра свода спускается тяжелый каменный навѣсъ, весь высѣченный ажурно, подобно китайской гремушкѣ. Надъ боковыми придѣлами находятся простые потолки, покрытые однако превосходною рѣзьбою. Каждый куполъ и потолокъ имѣетъ совершенно особенный характеръ и представляетъ весьма разнообразныя украшенія; поэтому, если бы кто нибудь потрудился воспроизвести этотъ чудесный сводъ во всѣхъ его подробностяхъ, то это составило бы самый полный альбомъ индѣйской орнаментаціи. Колонны сдѣланы также въ наилучшемъ стилѣ джаиновъ; ихъ расположеніе и стройная форма придаютъ залѣ чрезвычайно величественный видъ, какимъ рѣдко отличаются храмы этой секты. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что хотя всѣ колонны вполнѣ симметричны, но отдѣлка ихъ чрезвычайно разнообразна; однако на каждой изъ нихъ находится ваза съ пальмовыми листьями или *камакумпа* и цѣпи, поддерживающія колокольчикъ, что составляетъ отличительные признаки этого архитектурнаго стиля.

На храмѣ нѣтъ ни одной надписи, по которой можно было бы опредѣлить эпоху его постройки; правда въ стѣнѣ Кутуба на одной глыбѣ чернаго мрамора высѣчено нѣсколько словъ санскритскихъ, но ихъ невозможно разобрать. Тодъ полагаетъ, что онъ былъ построенъ королемъ Свамприти за 200 лѣтъ до Р. Х., основываясь на сходствѣ этой мечети съ развалинами храма Камульмеръ, который приписываютъ этому принцу. По моему мнѣнію гораздо вѣрнѣе отнести эпоху его сооруженія къ IV-му столѣтію нашей эры, когда стиль джаиновъ, окончательно отдѣлившись отъ буддійскаго, образовалъ совершенно особенный архитектурный жанръ; въ противномъ случаѣ, относя его ко времени Свамприти, приходится считать Арай-Динъ-ка-Джопра за буддійское зданіе. Во всякомъ случаѣ Ажмирскій храмъ, превращенный Кутубомъ въ мечеть, является вдвойнѣ образцовымъ произведеніемъ, и гораздо интереснѣе его соперника въ старомъ Дели; поэтому грустно видѣть, что онъ съ каждымъ днемъ приходитъ все болѣе и болѣе въ упадокъ; че-

резъ нѣсколько лѣтъ онъ совершенно исчезнетъ, и англичане заслужатъ упрекъ въ томъ, что они дали погибнуть памятнику, который внушилъ уваженіе даже варварамъ Туркестана. Единственная часть зданія, которая сохранилась довольно хорошо, это «зала Пятницы», гдѣ на каменной эстрадѣ старый мулла поетъ каждый день мѣста изъ корана. Вотъ все, что осталось отъ великолѣпной мечети Кутуба.

Отсюда я захотѣлъ посѣтить древнюю резиденцію королей Шогана, которой башни и стѣны, построенныя Аджапаломъ, возвышались на 1000 футовъ надъ моею головою; я предпринялъ восхожденіе на Терагуръ. Подъемъ чрезвычайно крутъ и утомителенъ; но по мѣрѣ того какъ поднимаешся выше, горизонтъ расширяется и красота панорамы увеличивается. Со стѣнъ обнимаешь взоромъ всю восхитительную долину, похожую на оазисъ, затерянный среди обнаженныхъ скалъ и огромныхъ песчаныхъ равнинъ; на западъ тянется длинная желтоватая полоса; это пустыня Тулъ Марустанъ или «Царство смерти». Картина величественная и поразительная по своимъ рѣзкимъ контрастамъ; ради нея стоитъ предпринять утомительное восхожденіе; что же касается памятниковъ, то приходится удовлетвориться плохенькимъ меджидомъ, выбѣленнымъ известью, и огромными бараками англійскаго госпиталя; тутъ нѣтъ и слѣда роскошныхъ дворцовъ Шогановъ. Воздухъ на этой высотѣ необыкновенно чистъ и температура стоитъ умѣренная круглый годъ. Англичане съумѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, устроивъ здѣсь санитарную станцію, куда посылаютъ солдатъ изъ гарнизоновъ Нуссерабада и Ажмира отдохнуть отъ тропическихъ жаровъ равнины... Склоны Терагура богаты всякаго рода рудою; нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали разработывать рудники свинца и олова, и они даютъ, какъ мнѣ говорили, довольно хорошіе результаты.

Окрестности города изобилуютъ прекрасными мѣстоположеніями и интересными мѣстами для прогулокъ. Особенность деревень, расположенныхъ въ долинѣ, составляютъ монументальные *баоли*, которыя возвышаются около нихъ. Эти баоли не похожи на тѣ, которые я видѣлъ въ Тинтуи, у Билей; здѣсь вмѣсто простаго колодца устроенъ огромный прудъ, который поддерживается подземными ключами и уровень котораго всегда стоитъ на нѣсколько метровъ ниже равнины.

Края этой огромной впадины покрыты изящными постройками, образующими нѣсколько рядовъ галлерей, которыя продолжаются и надъ землею; такимъ образомъ эти баоли походятъ на домъ, въ который входятъ какъ бы съ крыши, а дворъ виднѣется нѣсколько этажей ниже. Эти постройки воздвигаются обыкновенно богатыми и благотворительными купцами и служатъ *дурмзалами* или безплатными пріютами для путешественниковъ. За то галлереи всегда наполнены пестрою толпою, а берега пруда покрыты голыми мужчинами и женщинами, совершающими свое омовеніе. Дать воздуха и тѣни—это самая великая милость, какую можно оказать въ Индіи бѣдному путешественнику, и онъ никогда не позабудетъ помолиться за благодѣтеля.

Осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей Ажмира задержалъ насъ въ этомъ городѣ двѣ недѣли, которыя мы провели весьма пріятно въ обществѣ маіора Давидсона и небольшаго кружка европейцевъ. Наконецъ нужно было подумать объ организаціи новаго каравана, чтобы доѣхать до Джейпура, а это было не особенно легко, такъ какъ здѣсь не было раджи, который тотчасъ снабдилъ бы насъ солдатами и верблюдами. Англійское начальство старалось по возможности помочь намъ, и я успѣлъ наконецъ набрать нужное число вьючныхъ животныхъ и двухъ очень плохихъ дромадеровъ подъ сѣдло; дороги были безопасны и поэтому мы могли обойтись безъ конвоя.

ОГПИБ

XVIII.

Отъ Аджмира до Джейпура.

Священное озеро Пошкуръ. — Расточительность раджпутскихъ королей. — Храмъ Герамы.

11-го апрѣля мы отправились къ Пошкуру, священному оазису, лежащему на границѣ пустыни, въ 9 миляхъ къ западу отъ Ажмира. Мы обогнули озеро Ана Сагуръ, пройдя по красивымъ предмѣстьямъ, наполненнымъ виллами, выстроенными на самомъ берегу. На другой сторонѣ возвышается цѣпь скалъ, вышиною въ 500 футовъ; черезъ нихъ проходитъ *гатъ*, недоступный для экипажей. Глыбы чернаго мрамора и огромные корни смоковницъ покрывали дорогу, по которой наши верблюды пробирались съ удивительной осторожностью; среди этого хаоса возвышаются вѣковыя деревья и громадные кактусы, придавая мѣстности дикій и величественный видъ. Гребнемъ горы служитъ остроконечная вершика, толщиною въ 200 метровъ; дорога проходитъ тутъ сквозь естественную разсѣлину, разширенную еще рукою человѣка. Прежде чѣмъ войти въ этотъ узкій проходъ, мы бросили послѣдній взглядъ на Ажмиръ, дома и сады котораго покрывали противуположный берегъ озера и громоздились амфитеатромъ по предгорьямъ великолѣпнаго Терагура. Невозможно подыскать болѣе рѣзкой противуположности этой панорамы, какъ та мѣстность, которая представляется нашимъ взорамъ по другую сторону ущелья; вокругъ насъ песчаные холмы возвышаются до цѣпи Аравалліссскихъ горъ и точно стараются перешагнуть эту преграду, которая мѣшаетъ имъ наводнить долину Ажмира; на горизонтѣ тянется пустыня и надъ ея волнистою и однообразною поверхностью возвышаются зубчатые пики, точно обуглен-

ныя огнемъ. Солнце скрылось, когда мы вступили въ равнину и мы прибыли въ Пошкуръ ночью. Насъ проводили въ губернаторскій бунгаловъ, который маіоръ Давидсонъ весьма любезно отдалъ въ наше распоряженіе и въ которомъ мы нашли уютный ночлегъ.

Озеро Пошкуръ самое священное въ Индіи; по святости съ нимъ можетъ соперничать одно только озеро Мансурваръ, въ Тибетѣ. Оно лежитъ среди узкой долины и окружено громадными насыпями зыбучаго песку, вышиною въ нѣсколько метровъ; на его берегахъ возвышается нѣсколько уединенныхъ остроконечныхъ горъ, что придаетъ ему чрезвычайно красивый видъ. Озеро имѣетъ почти совершенно эллиптическую форму, и изливается къ югу узкимъ каналомъ въ огромное болото.

Происхожденіе этого озера приписывается богу Брамѣ. Легенда говоритъ, что богъ, желая совершить обрядъ *Югъ*, остановился посреди долины и поставилъ геніевъ при входѣ въ ущелья, чтобы удалить злыхъ духовъ. Готовясь совершить жертвоприношеніе, онъ замѣтилъ, что его супруги Сарасвати не было съ нимъ; а такъ какъ присутствіе женщины было необходимо, то онъ пригласилъ одну изъ *Апсарасъ*. Сарасвати была такъ огорчена его измѣною, что удалилась въ горы оплакивать свое несчастіе и превратилась въ источникъ. Нѣсколько вѣковъ спустя, одинъ изъ королей Пуригарасъ изъ Мундора заблудился на охотѣ и утолилъ жажду въ источникѣ Сарасвати; мгновенно исцѣлившись отъ неизлечимой болѣзни, онъ открылъ чудесныя свойства источника. Впослѣдствіи онъ выкопалъ на этомъ мѣстѣ бассейнъ, который и образовалъ озеро Пошкуръ.

Вскорѣ это озеро сдѣлалось извѣстнымъ мѣстомъ богомолья, и въ средніе вѣка королевскія фамиліи Индіи соперничали между собою украшая его берега храмами и кенотафами. Мало по малу тутъ образовался настоящій городъ, состоящій изъ религіозныхъ построекъ и населенный одними браминами. Богомольцы, стекаясь со всѣхъ странъ Индіи, приносили сюда огромныя богатства, и короли не щадили ничего, чтобы обогатить святыхъ обитателей священнаго города.

Тодъ приводитъ одинъ анекдотъ, который брамины всегда разсказываютъ посѣтителю и который показываетъ до чего доходило безуміе индѣйскихъ принцевъ въ ихъ надменной благотворительности. Короли Джейпура и Джудпура, вѣчно соперничавшіе въ войнѣ, любви или безуміи, совершали обыкновенно ежегодную поѣздку на богомоліе въ Пошкуръ. Тутъ они клали на вѣсы драгоцѣнные предметы, золото и дорогія ткани до тѣхъ поръ, пока ихъ вѣсъ не уравновѣшивался ихъ

собственною тяжестью; все это раздѣлялись между браминами. Король Джейпура обладалъ несмѣтными сокровищами и плодоносною страною, тогда какъ его соперникъ, предводитель воинственнаго племени и громадной области, получалъ небольшіе доходы съ земли, отнятой у пустыни; но въ Пошкурѣ вѣсъ кошелька почитался болѣе доблести шпаги. Поэтому однажды, когда оба короля были на вѣсахъ, Джейпурскій раджа сдѣлалъ колкій намекъ на скудость приношеній своего соперника. По совѣту своего министра, человѣка весьма смышленаго, раджа Ратора держалъ со своимъ противникомъ пари, что послѣднему никогда не сдѣлать браминамъ столь значительнаго подарка какъ онъ. Пари было принято и Раторъ воскликнулъ: «Сасунъ! я дарю браминамъ въ вѣчное владѣніе всѣ земли, которыя они занимаютъ въ эту минуту въ Марварскомъ королевствѣ»! Его соперникъ хотѣлъ было и съ своей стороны произнести сасунъ, но его министръ не далъ ему произнести этихъ словъ, которыя неминуемо привели бы его къ окончательному разоренію. Дѣйствительно на каждаго брамина, обработывающаго или державшаго на откупу земли въ Марварѣ, ихъ приходилось по крайней мѣрѣ десять въ Джейпурской странѣ.

Наконецъ оказалось, что всѣ короли Индіи, стремясь удовлетворить своему тщеславію, обѣднѣли, обогативъ лѣнивыхъ монаховъ Пошкура.

Памятники, воздвигнутые королями и богатыми богомольцами, образовали на берегахъ озера тройной рядъ построекъ, на которыхъ можно изучить всевозможные стили. Эта, единственная въ своемъ родѣ, живописная смѣсь портиковъ, круглыхъ куполовъ и шпицевъ пагодъ сгруппирована такъ тѣсно, что между ними не осталось ни однаго пустаго пространства. Благочестивые люди съ такимъ рвеніемъ оспаривали другъ у друга малѣйшій клочекъ земли, что строители храмовъ воспользовались однажды необыкновенной засухой и выдвинули свои постройки въ самое русло рѣки. Во время половодья, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ сряду, вода снова заняла отнятое у него пространство и зашла даже немного далѣе, затопивъ довольно много памятниковъ, отъ которыхъ виднѣются теперь одни только купола или позолоченные шпицы. Поэтому брамины умоляютъ теперь англичанъ, владѣющихъ этою мѣстностью, вырыть каналъ для стока, чтобы удержать воду озера на постоянномъ уровнѣ.

Изъ числа наиболѣе любопытныхъ памятниковъ слѣдуетъ назвать храмы, построенные королями Маунъ Сингомъ изъ Джейпура, Джовагиръ Муллomъ изъ Буртпора, Биджи Сингомъ Марварскимъ и знаменитою Агеліей Баи, королевой Голкара; по правдѣ сказать въ Пошкурѣ

нѣтъ ни одного памятника, который не заслуживалъ бы вниманія, и всѣ они связаны съ какимъ нибудь великимъ именемъ въ исторіи Раджвары.

Пошкуру принадлежитъ также честь обладать единственнымъ храмомъ во всей Индіи, посвященнымъ Брамѣ. Онъ стоитъ на вершинѣ холма, господствующаго надъ озеромъ, и опирается на террасу, съ зубчатыми башнями; широкая лѣстница, начинаясь у подошвы холма, ведетъ къ главному входу. Храмъ обыкновенной пирамидальной формы построенъ изъ мрамора и отдѣланъ весьма богато; онъ возвышается среди небольшаго дворика, окруженнаго постройками, въ которыхъ помѣщаются жрецы. Передъ храмомъ стоятъ два мраморные слона и нѣсколько статуй прекрасной работы. Впрочемъ главный интересъ этого храма заключается въ томъ, что это единственное зданіе, посвященное богу, основателю религіи; онъ построенъ Гокулъ Покомъ, министромъ Скиндіи.

ОТПЕЧАТОК

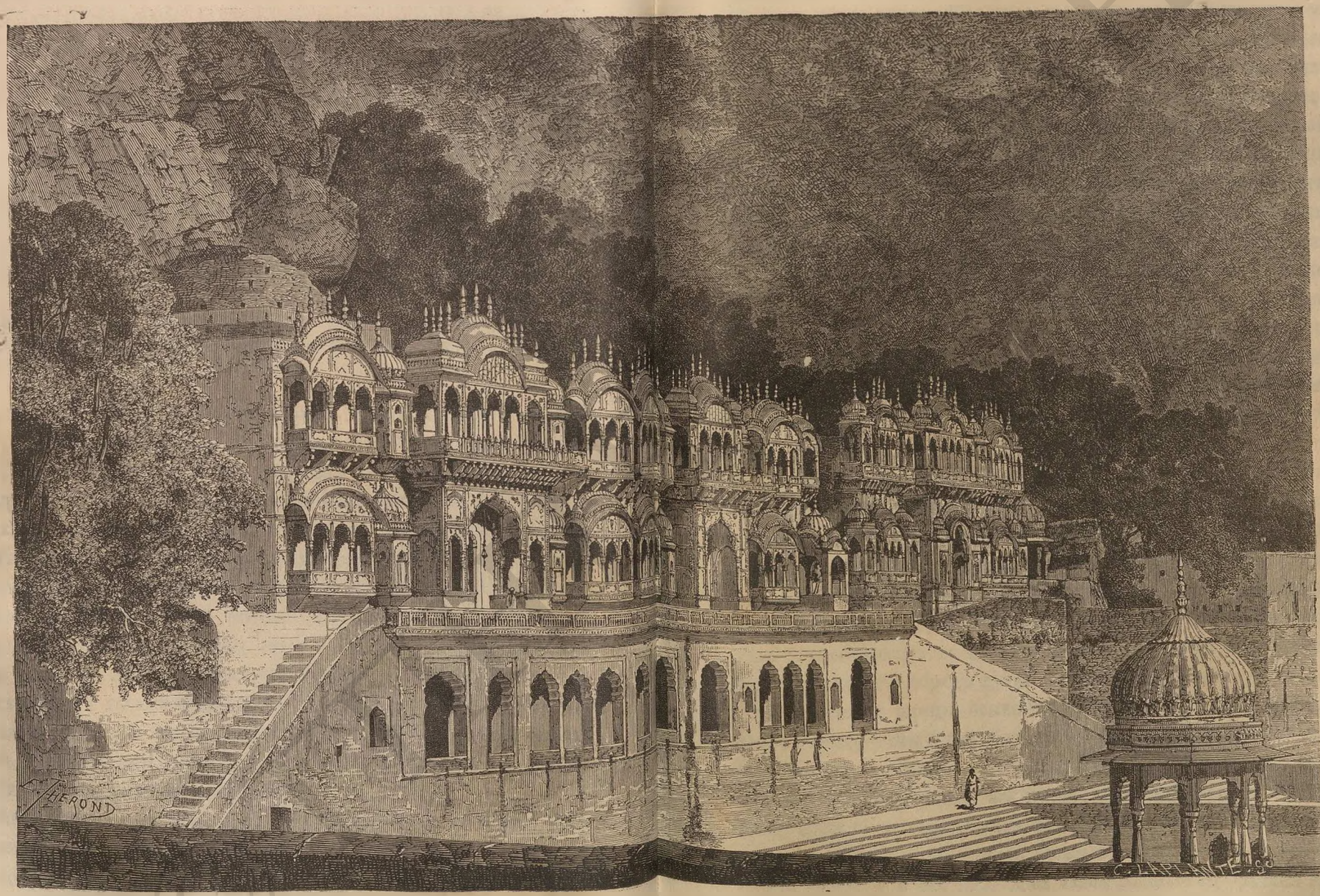
XIX.

Странники на берегу священнаго озера. — Нага Пагаръ. — Индѣйская пустыня. — Кишенгуръ и его магараджа. — Миражъ. — Соляные холмы. — Джейпуръ.

Одинъ изъ самыхъ большихъ храмовъ Пошкура посвященъ богу Рамъ; онъ оконченъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это любопытная смѣсь всѣхъ стилей архитектуры; онъ построенъ по плану употребляемому только въ Деканѣ; надъ нимъ возвышаются башни по формѣ очень похожія на стамбы джаиновъ, а отчасти на индо-мусульманскій минаретъ. Первая стѣна построена въ сейкскомъ родѣ; боковыя зданія напротивъ въ раджпутанскомъ стилѣ. Не смотря на такое отсутствіе гармоніи въ цѣломъ, храмъ изященъ и въ высшей степени живописенъ. На восточномъ берегу озера находятся два другіе храма, почти столь же новые, построенные богатыми гваліорцами, которые могутъ служить типами современнаго раджпутанскаго стиля. Большія лѣстницы, омываемыя водою, легкіе кіоски и вообще всѣ детали вмѣстѣ взятые придаютъ имъ болѣе веселый видъ сравнительно съ суровыми памятниками предъидущихъ вѣковъ.

Нѣкоторыя знатныя лица покоятся на берегахъ озера Брамы; тамъ воздвигнуты въ память ихъ превосходные кенотафы; самые замѣчательные принадлежатъ Джей-Апѣ и Сунтаджи; ихъ можно сравнить съ лучшими гробницами Мага Сати въ Удейпурѣ. Бунгаловъ, въ которомъ мы помѣстились съ разрѣшенія маіора Давидсона лежитъ посреди ряда холмовъ, покрывающихъ сѣверный берегъ озера. Невозможно лучше помѣститься, чтобы разсмотрѣть этотъ чудесный видъ; изъ своихъ оконъ

СПбГУ БСО РАН



Ульвурскіе царскіе храмы.

мы обозрѣвали озеро, Аравалисскія горы и пустыню, желтоватые пригорки, которой виднѣлись изъ за храмовъ; оттуда были видны мраморные «гаты», на которыхъ съ утра до вечера тѣснилась толпа богомольцевъ, толпа шумная, пестрая и оживленная; я не могъ насмотрѣться на этотъ вѣчно мѣняющійся видъ съ его разнообразными, интересными сценами. Прежде чѣмъ солнце покажется надъ вершинами, украшающими горизонтъ, обитатели и богомольцы приходятъ окунуться въ благодѣтельной влагѣ; тысяча пловцовъ является и исчезаетъ, погружаясь въ эту прозрачную воду, не боясь аллигаторовъ, которые, испугавшись шума, издали вытягиваютъ свои алчныя пасти. Передъ храмами Кришны, бога любви, рѣзвятся толпы молодыхъ дѣвушекъ, совершенно нагихъ или покрытыхъ однимъ газовымъ вуалемъ, наполняя окрестность своимъ веселымъ, звучнымъ смѣхомъ; онѣ преслѣдуютъ другъ дружку вплавь и, глядя какъ время отъ времени изъ воды подымаются ихъ обнаженныя груди и раскинувшіяся по плечамъ волосы, можно подумать, что видишь передъ собою прелестныхъ Апсарасъ, съумѣвшихъ прельстить и самаго бога Браму. Солнце выходитъ какъ огненный шаръ изъ за побѣлѣвшихъ скалъ и освѣщаетъ чуднымъ блескомъ бѣлые купола и блестящіе шпицы. Богомольцы тѣснятся на «гатахъ» и безмолвная толпа погружается въ воду;—это часъ молитвы. Всѣ лица обращены къ лучезарному свѣтилу;—совершаются священные обряды; взявъ воды въ горсть, молящійся тихо произноситъ нѣкоторыя молитвы и бросаетъ жидкость по направленію къ солнцу и на всѣ четыре страны свѣта. По окончаніи молитвы шумъ возобновляется и картина дѣлается все болѣе и болѣе оживленною. Вновь прибывшіе богомольцы отправляются въ гатъ для совершенія обряда; брамины спорятъ изъ за кліентовъ; каждый тащитъ несчастнаго путешественника за полу его одежды, суля ему тысячу выгодъ и обѣщая исполнить обрядъ лучше и дешевле товарища.

Безсовѣстные жрецы осыпаютъ другъ друга бранью и доходятъ до драки, между тѣмъ, какъ богомолецъ, окруженный женою и испуганными дѣтьми, въ остолбененіи, не знаетъ къ кому обратиться за помощью. Наконецъ, сторговавшись, вся группа входитъ въ воду и повторяются почти тѣже самые обряды какъ при утренней молитвѣ. Если случайно пріѣдетъ какая нибудь богатая личность омыться отъ грѣховъ въ священной водѣ, то нужно видѣть, съ какою жадностью брамины окружаютъ ее, заискиваютъ, льстятъ, дѣлаясь передъ нимъ столь же кроткими и низкими, какъ они бываютъ горды и дерзки передъ бѣдными. Правда, время теперь уже не то: сами Раджастанскіе короли сдѣлались теперь холодными скептиками и болѣе заботятся о томъ, какъ бы наполнить

© ГПНТБ СОРАН

свои карманы: нежели дать себя ограбить браминамъ. Число послѣднихъ значительно увеличилось, но вмѣстѣ съ этимъ возросла и конкуренція; поэтому, какъ говорилъ мнѣ одинъ старый жрецъ, дѣла ихъ идутъ плохо; имъ едва удается хорошо пожить, и долина находится въ рукахъ невѣрныхъ. Они сожалѣютъ о томъ прекрасномъ времени, когда кортежи раджей наполняли улицы святаго города и золото сыпалось по набережнымъ; но я думаю, что это время уже не вернется. Однако, деньги, оставляемые каждый годъ въ Пошкурѣ богомольцами, которые стекаются со всѣхъ сторонъ Индіи, доставляютъ имъ, вѣроятно, до сихъ поръ очень значительную сумму.

Недалеко отъ Пошкура возвышается Нага Пагаръ или «Змѣиная гора,» на которой видны еще развалины замка Аджи Палъ. Аджа, бывшій простымъ козопасомъ той долины, получилъ свое королевство отъ пустынника, жившаго на берегахъ озера, и который хотѣлъ отблагодарить его этимъ за то, что онъ принесъ ему однажды молока, когда монахъ былъ боленъ. Аджа хотѣлъ поселиться на «Змѣиной горѣ,» но демонъ разрушалъ ночью то, что онъ успѣвалъ выстроить днемъ, и тогда Аджа искалъ убѣжища на сосѣдней цѣпи горъ и основалъ Ажмиръ. Эта гора изобилуетъ оврагами съ живописными ландшафтами и многочисленными источниками живительной воды, вслѣдствіе чего она уже въ глубокой древности была любимымъ убѣжищемъ аскетовъ. Тамъ долго жилъ знаменитый Биртрари, братъ короля Викрамадитьи, и богомольцы прикладываются къ мраморной плитѣ, служившей ему постелью. Сады и виллы купцовъ Ажмира занимаютъ въ настоящее время мѣсто древнихъ обителей.

Мы оставили Пошкуръ 16-го числа передъ разсвѣтомъ. Въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ города, между двумя высокими параллельными цѣпями горъ, лежитъ узкая долина, въ которой вѣтеръ нагромоздилъ песокъ въ такомъ изобиліи, что кучи его подымаются по обѣимъ сторонамъ до вершины горы. Даже Сахара не представляетъ болѣе полной картины опустошенія. Нѣсколько колючихъ кустарниковъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ по черной скалѣ, возвышаются изъ за песчаныхъ волнъ, на которыхъ вѣтеръ провелъ тысячи узоровъ. По выходѣ изъ горъ, мы вступили въ необозримую и поразительно безплодную равнину, которая тянется до длинной линіи синеватыхъ горъ, за которыми уже находится Кишенгуръ. На всемъ этомъ протяженіи встрѣчаемъ только нѣсколько деревень, съ виду столь же угрюмыхъ, какъ и окружающая степь, да кое-гдѣ высохшія цистерны и копи гранатъ и красныхъ ве-

нисъ, которыхъ тамъ такъ много, что мѣстами они буквально покрываютъ землю.

Только къ полудню, перешедши цѣпь горъ, болѣе высокихъ чѣмъ всѣ другія, мы увидѣли на сосѣдней возвышенности зубчатыя стѣны Кишенгура. Предмѣстья города пустынны; только нѣсколько буйволовъ, да собакъ паріевъ спали между скалами. Вдругъ изъ ближайшихъ воротъ выѣхалъ всадникъ и галопомъ понесся къ намъ; въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ намъ, что раджа, увѣдомленный о нашемъ скоромъ прибытіи ажмирскими властями, приказалъ ему встрѣтить насъ и проводить въ отведенную для насъ квартиру. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, откуда взялся этотъ всадникъ, и не понимая, какимъ образомъ онъ узналъ въ насъ ожидаемыхъ путешественниковъ, я послѣдовалъ за нимъ. Онъ заставилъ насъ вернуться и, проѣхавъ вдоль городскихъ стѣнъ, мы вступили въ узкую лощину, гдѣ, у подошвы обнаженныхъ скалъ, разстилался восхитительный садъ. Тамъ нашли мы маленькій кіоскъ, полускрытый въ рощѣ гранатовыхъ и померанцевыхъ деревьевъ, и окруженный бассейнами, въ которыхъ шумѣли фонтаны; мы вскорѣ расположились тутъ; хорошая душь и завтракъ заставили насъ позабыть про нашу усталость.

Около трехъ часовъ явилась къ намъ депутація, состоявшая изъ мунши или секретаря раджи и нѣсколькихъ придворныхъ, которые принесли намъ поклонъ отъ короля и сказали, что раджа приметъ насъ завтра во дворцѣ.

Княжество Кишенгуръ—одно изъ самыхъ небольшихъ самостоятельныхъ государствъ въ Раджпутанѣ; оно заключено между королевствами Марваръ, Мейваръ и Джейпуръ, и областью Ажмиръ. Почва его самая бѣдная; она была занесена мало-по-малу пескомъ большой пустыни, который образуетъ тамъ теперь слой въ нѣсколько футовъ толщины; во время періодическихъ дождей, эта мѣстность быстро покрывается растительностью, но имѣетъ веселый и оживленный видъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Главную доходную статью страны составляютъ солончаки и рудники, которые доставляютъ еще раджѣ около полутора милліоновъ франковъ въ годъ. Эта область долгое время составляла часть королевства Марваръ; только въ 1613 году король Удей-Сингъ отдалъ ее въ удѣлъ своему сыну Кишенъ-Сингу, который поселился тамъ въ городѣ, носящемъ теперь его имя. Когда англичане начали вмѣшиваться въ дѣла Раджистана, это маленькое государство одно изъ первыхъ признало надъ собою ихъ верховную власть и съ тѣхъ поръ находится

подъ ихъ покровительствомъ, которое было окончательно утверждено въ 1820 году.

Городъ Кишенгуръ, хотя совершенно современный, имѣетъ разоренный и унылый видъ, что происходитъ отъ долгаго небреженія къ нему со стороны королей; поселившись при дворѣ Великаго Могола, они разорялись тамъ на празднества и кутежи. Городъ занимаетъ высокій холмъ, возвышающійся на берегу живописнаго озера, прозваннаго гондолою. Онъ славился нѣкогда, какъ одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей Раджастана и теперь еще его стѣны и цитадель, помѣщенныя на самой высокой точкѣ холма, придаютъ ему грозный видъ; но всѣ эти укрѣпленія такъ ветхи, что довольно было бы одного залпа артиллеріи, чтобы разрушить цѣлый рядъ стѣнъ. Внутренность города представляетъ болѣе развалинъ дворцовъ, нежели жилыхъ домовъ; но такъ какъ эти строенія по большей части еще стоятъ, то, входя въ ворота, можно подумать, что это многолюдный и цвѣтущій городъ; вмѣсто этого только нѣсколько базаровъ раскинуты у основанія замка, и ихъ совершенно достаточно для всего населенія, едва доходящаго до 15,000 душъ.

На второй день нашего пріѣзда, король прислалъ намъ лошадей съ отрядомъ кавалеріи, чтобы проводить насъ во дворецъ; предмѣстья города и улицы до того неровны, что ѣхать въ каретѣ было невозможно. Мы поднялись по крутому скату къ первой стѣнѣ и достигли воротъ, изъ которыхъ, на сто футъ ниже, видны первые дома и холмъ, на которомъ стоитъ дворецъ; стѣна образуетъ какъ бы ограду на вершинѣ небольшой горы, идущей параллельно городу и совершенно отдѣленная отъ него, заграждаетъ только дорогу отъ озера къ горѣ.

У цитадели мы слѣзли съ лошадей и прошли нѣсколько толстыхъ стѣнъ съ казематами; послѣдняя окружаетъ маленькую площадку, посреди которой возвышается высокая феодальная башенка, служащая помѣщеніемъ Раджи. Намъ показали цитадель во всѣхъ ея подробностяхъ; стѣны ея въ иныхъ мѣстахъ возвышаются на 150 футовъ и господствуютъ надъ окрестностью; съ одной стороны живописно красовался у нашихъ ногъ городъ съ его садами, дворцами и храмами, съ другой—чудесное озеро, покрытое безчисленнымъ множествомъ островковъ, украшенныхъ кіосками и изящными постройками. Наши проводники съ гордостью показываютъ намъ старыя артиллерійскія орудія, стоявшія на бастіонѣ и привязанныя къ своимъ лафетамъ толстыми канатами, вѣроятно для того, чтобы во время стрѣльбы онѣ не перескочили за стѣну. Эта знаменитая цитадель существуетъ съ семнадцатаго вѣка, и построена въ царствованіе короля Багадуръ Синга.

Наконецъ чудбаръ явился за нами; мы вошли въ башню, миновали нѣсколько дворовъ, наполненныхъ прислугою въ рубищахъ, и, наконецъ, были представлены Магараджѣ Адшрахъ-Пуртви-Сингу. Это красивый мужчина, среднихъ лѣтъ, истый типъ раджпутанца, съ большими гордыми глазами, тонкимъ горбатымъ носомъ и длинными черными бакенбардами, заходящими за уши. Видно, что онъ разрядился во все, что у него было самаго дорогаго, такъ какъ онъ блестѣлъ алмазами и сидѣлъ на «муснудѣ» или большой вышитой подушкѣ, служащей тропомъ Раджварскимъ князькамъ. Не вставая съ мѣста при нашемъ появленіи, онъ указываетъ намъ на мѣсто подлѣ него и освѣдомляется о цѣли нашего путешествія въ Кишенгуръ; онъ говоритъ съ нами гордымъ и высокомѣрнымъ тономъ, и признается, что очень удивленъ тѣмъ, что мы интересуемся народами и видами такой бѣдной страны, каковъ Раджпутанъ. Послѣ короткаго свиданія, онъ отпускаетъ насъ съ гордымъ поклономъ. Этотъ князекъ разыгрываетъ роль великаго монарха, не подозрѣвая, какимъ смѣшнымъ онъ показался намъ послѣ вѣжливаго и привѣтливаго обращенія Гюлковара и Магараны. Придворные, по правдѣ сказать, обошлись съ нами весьма вѣжливо и проводили насъ до выхода изъ цитадели.

19 апрѣля. — Пройдя двадцать четыре мили по пустынной, однообразной и безплодной мѣстности, мы прибыли въ Дуду, пограничное селеніе Дундгара или королевства Джейпура. Тамъ мы нашли развалившійся бунгаловъ, вокругъ котораго и раскинули свои палатки. Всѣ деревни, видѣнныя нами утромъ, защищены феодальными крѣпостями, которыя придаютъ странѣ по временамъ оригинальный видъ. Эти форты построены вдоль большой дороги изъ Агры въ Ажмиръ, и служатъ резиденціями такуровъ, главные доходы которыхъ заключались прежде въ хищническихъ набѣгахъ; въ настоящее время англичане положили конецъ этимъ разбоямъ, и несчастные бароны пустыни должны довольствоваться доходами со своихъ песчаныхъ холмовъ, т. е. обречены на крайнюю бѣдность

20 апрѣля. — Мы выбрались изъ Дуды въ четыре часа утра; было очень холодно и горизонтъ былъ покрытъ туманомъ. Незадолго до восхода солнца, мы видѣли великолѣпную картину миража; призракъ былъ такъ натураленъ, что мы съ Шаумбургомъ думали, что видимъ Джейпуру, и наши люди съ трудомъ могли убѣдить насъ, что мы видимъ ничто иное, какъ облако паровъ.

Съ глубокой древности жители равнинъ и пустынь замѣчали удивительное явленіе миража, и всѣ, описывая его, уподобляли его широкому во-

допаду, украшенному по краямъ деревьями и фантастическими зданіями. Въ Индіи, гдѣ явленіе это очень обыкновенно, миражъ рѣдко производитъ подобное впечатлѣніе; онъ происходитъ вообще только въ холодное время, въ туманное утро. Горизонтъ кажется сначала отягченнымъ густымъ туманомъ, походящимъ какъ нельзя болѣе на цѣпь горъ; какъ только солнечные лучи упадутъ на эту массу, она становится все болѣе и болѣе прозрачною и пріобрѣтаетъ удивительную способность преломлять лучи. Дѣйствуя какъ увеличительное стекло, она увеличиваетъ объемъ предметовъ, близкихъ къ наблюдателю, преобразуя кустарники въ исполинскія деревья, а скалы въ постройки циклоповъ. Вдругъ вершина облака окрашивается радужными цвѣтами и основаніе его, уплотняясь, кажется горою; склоны ея покрыты деревьями, а вершина увѣнчана дворцами, минаретами и пальмами. Явленія на минуту пріостанавливаются и всѣ предметы кажутся тогда такъ ясно очерченными, что невозможно, даже обладая большою привычкою, рѣшить—настоящій или фантастическій городъ находится передъ глазами. Мало-по-малу солнце восходитъ, и видѣніе исчезаетъ.

У индѣйцевъ есть нѣсколько названій, характеризующихъ этотъ феноменъ; пастухи большой пустыни Тулъ называютъ его «шиттрамъ» или картина; обитатели степей Марвара и Джейпуры — «сиккотъ» или воздушные замки, а жители плодоносныхъ равнинъ Шюмбулъ и Джумны — «дессассюръ» или обманъ. Разница между серабомъ Аравіи и секотомъ Индіи происходитъ отъ того, что въ первомъ облачные слои идутъ горизонтально, а во второмъ они расположены вертикальными столбами.

Каковы бы ни были причины этого чудеснаго явленія природы, но все же оно принадлежитъ къ числу наиболѣе великолѣпныхъ, въ особенности при тѣхъ условіяхъ, при какихъ я видѣлъ его въ первый разъ; стоя на песчаномъ холмикѣ, мы видѣли у нашихъ ногъ прелестную рѣку Банди-Нади, а на краю обширной равнины возвышались фантастическіе замки шиттрама. Нѣкоторые изъ туземцевъ, остановившіеся посмотрѣть на нашъ караванъ, увѣряли меня, что въ первые мѣсяцы года это явленіе повторяется чуть не каждое утро; въ апрѣлѣ оно бываетъ рѣже.

Равнины, по которымъ мы проѣзжали, составляютъ часть большой индѣйской пустыни; онѣ покрыты песчанымъ слоемъ въ нѣсколько футовъ толщины; изъ растительнаго царства въ нихъ попадаются только тощіе, колючіе деревца и кустарники въ родѣ чертополоха. Песокъ до того пропитанъ солью, что жители этихъ обширныхъ округовъ живутъ единственно производствомъ соли; они избираютъ обыкновенно какой нибудь холмъ и раскапываютъ его такъ, чтобы брать песокъ наиболѣе

удаленный отъ поверхности земли, такъ какъ онъ всегда богаче солью; песокъ промывается, и соль добываютъ выпариваніемъ на солнцѣ. Эти солончаки доставляютъ Джейпурѣ огромный доходъ. Въ девять часовъ мы прибыли въ Бугру, маленькій и очень живописный съ виду городъ, около котораго мы нашли бунгаловъ въ довольно хорошемъ состояніи.

Бугру—резиденція одного изъ шестнадцати омрасовъ Дундгары.

Двадцать перваго числа мы прошли 24 километра, отдѣлявшіе насъ отъ Джейпуры и безпрепятственно достигли превосходнаго бунгалова, отдаваемаго королемъ въ распоряженіе путешественниковъ.

ОТПЕЧАТОК

XX.

Джейпуръ.

Бунгаловъ. — Великій Соваэ.—Основаніе Джейпура. — Дворецъ. — Обсерваторія. — Свиданіе съ Магараджею. — Племя Кучвагасовъ. — Политика Рамъ-Синга.—Минасы.—Жаркіе вѣтры.—Дѣвушки *нотчи*.—Святой, повѣшенный за ноги.—Ярмарка въ Ганезѣ.

Нашъ бунгаловъ находится на самой границѣ пустыни, въ двухъ миляхъ отъ города. Только нѣсколько рядовъ деревьевъ отдѣляютъ насъ отъ обширнаго, голаго и безплоднаго песчанаго моря, представляющаго поразительный контрастъ съ великолѣпной мѣстностью, которая открывается съ высокаго крыльца бунгалова. Этотъ зеленѣющій оазисъ, простирающійся въ настоящее время на нѣсколько миль по предмѣстьямъ города съ западной его стороны, существуетъ со времени учрежденія англійскаго посольства въ Джейпурѣ. Песокъ пустыни, нагроможденный вѣтромъ до верха городскаго вала, мало-по-малу былъ отодвинутъ назадъ работами, предпринятыми однимъ изъ резидентовъ, и уступилъ мѣсто величественнымъ аллеямъ и великолѣпнымъ садамъ; необходимы постоянныя работы, чтобы удерживать его на почтительномъ разстояніи и не дать ему замести снова только что отнятую у него землю. Съ разведеніемъ этой искусственной рощи, ежегодные дожди сдѣлались правильными, и плодоносная полоса земли мало-по-малу увеличивается. На этой-то землѣ европейцы, восторжествовавъ надъ природою, воздвигли свои роскошныя жилища; политическій агентъ занимаетъ тамъ дворецъ, отдѣланный съ азіятскимъ великолѣпіемъ и окруженный паркомъ въ нѣсколько десятинъ.

Я уже объяснилъ, говоря о Бародѣ, что всякій путешественникъ

пріѣзжающій въ индійскую столицу и желая пробыть тамъ нѣкоторое время, обязанъ испросить на это дозволеніе у англійскаго агента, который имѣетъ полное право отказать ему. Въ союзныхъ договорахъ, заключенныхъ британскимъ правительствомъ съ раджами, ясно формулировано, что послѣдніе не примутъ въ свои владѣнія никого изъ европейцевъ, кромѣ англійскихъ подданныхъ, не сообщивъ объ этомъ тамошнему резиденту. Меня предупредили, что въ Джейпурѣ эта статья соблюдается строго и что поэтому слѣдовало соблюсти узаконенныя правила агенства. Поэтому я сдѣлалъ первый визитъ капитану Вейнону, политическому агенту при Джейпурскомъ дворѣ; нѣсколько писемъ, которыми меня снабдили къ нему, обезпечивали мнѣ хорошій пріемъ. Капитанъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ, казался заинтересованнымъ моимъ предпріятіемъ и обѣщалъ мнѣ свое ходатайство у Магараджи. Кромѣ того онъ сообщилъ мнѣ, что соединялъ съ своею высокою должностью еще мѣсто главнаго надзирателя «дакъ бюнгалова» и что, безъ его позволенія никто не могъ поселиться въ немъ; онъ не только уполномочилъ насъ занять его на все время нашего пребыванія здѣсь, но и приказалъ устроить все такъ, чтобы намъ было какъ можно удобнѣе. Въ тотъ же вечеръ раджа прислалъ намъ экипажъ въ наше полное распоряженіе на все время пребыванія въ его столицѣ, а слуга доложилъ намъ, что изъ дворца намъ будутъ ежедневно присылать хлѣбъ и мороженое. Надобно замѣтить, что этихъ припасовъ невозможно было бы достать и за деньги, и поэтому со стороны раджи это было очень любезнымъ одолженіемъ.

Приближалось время жаровъ; вскорѣ долженъ былъ задуть сѣверо-западный вѣтеръ и дожди сдѣлали бы мѣстность непроходимою, поэтому приходилось зимовать или въ Джейпурѣ, или въ какомъ нибудь англійскомъ городѣ; намъ не приходилось долго колебаться; привѣтливый пріемъ, оказанный намъ здѣсь, и интересъ, представляемый однимъ изъ первыхъ дворовъ Индіи, заставили насъ поселиться на зиму въ Джейпурѣ.

Джейпуръ, столица древняго государства Дундгаръ, совершенно современный городъ, основанный только въ 1728 году королемъ Джей Сингомъ II, однимъ изъ величайшихъ геніевъ, которыхъ когда либо производилъ Индустанъ. Прежде чѣмъ описывать его сооруженіе, скажу нѣсколько словъ о блестящей карьерѣ этого великаго человѣка. Джей Сингъ II, обыкновенно называемый Соваэ-Джей-Сингъ вступилъ на престолъ Амбера въ 1699 году; служивъ сатрапомъ у Аурангзеба, онъ принялъ участіе въ распряхъ за наслѣдство, вспыхнувшихъ по смерти этого им-

ператора. Разбитый со своимъ отрядомъ въ кровопролитномъ сраженіи при Дельпорѣ, онъ былъ вынужденъ завоевывать свои собственныя владѣнія, захваченныя новымъ императоромъ Шахъ-Аллумомъ, и наконецъ ему удалось прогнать всѣ императорскія войска. Но не по однимъ только военнымъ заслугамъ Джей Сингъ заслуживаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ, которые возвеличили индѣйскую національность; онъ прославился еще какъ правитель, законодатель и ученый. Королевство Кучвага обязано ему своимъ политическимъ могуществомъ; онъ съумѣлъ воспользоваться смутами, возникшими въ великой Могольской имперіи, чтобы удвоить территорію и доставить ей первое мѣсто между государствами Раджастана. Онъ ввелъ полезныя преобразованія въ администрацію страны и добился реформъ для улучшенія соціальныхъ условій и уничтоженія дѣтоубійства.

Древняя столица Амберъ, лежащая въ узкомъ ущельѣ горъ Кали-ко (кали—черный, ко—гора,) показалась ему несоотвѣтствующею величію его новаго королевства; съ помощью одного изъ самыхъ ловкихъ своихъ совѣтниковъ Ведіадара, одного изъ бенгальскихъ джаиновъ, онъ составилъ планъ новой столицы и назвалъ ее Джейпурой или Джейпуггуромъ. Онъ построилъ этотъ городъ по однообразному плану и прорѣзалъ его большими улицами, достойными зашихъ большихъ городовъ; древняя столица Амберъ, находящаяся въ шести миляхъ отъ новой, была соединена съ нею рядомъ укрѣпленій, и онъ оставилъ ее какъ палладіумъ династіи. Въ короткое время Джейпуръ сдѣлался городомъ наукъ и искусствъ, и затмилъ собою другіе большіе города Индіи.

Но Джей Сингъ прославился въ особенности какъ астрономъ. Почти всѣ Раджпутанскіе принцы, занимаясь астрологіей, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія изъ астрономіи; онъ же, воспользовавшись своими первоначальными познаніями, не остановился на одной теоріи этой науки, а изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ и предпринялъ, по повелѣнію императора Магомедъ Шаха, исправленіе индійскаго календаря. Для этого онъ построилъ съ восточной роскошью обсерваторіи въ Дели, Уджейнѣ, Бенаресѣ, Муттры и Джейпурѣ; имѣя только инструменты, употребляемые персами, онъ изобрѣлъ новые, по неизвѣстному дотолѣ масштабу и полученные имъ результаты были удивительно точны. Резюмируя свои работы, онъ приготовилъ рядъ астрономическихъ таблицъ; но узнавъ отъ одного португальскаго миссіонера объ успѣхахъ его любимой науки въ Европѣ, онъ отправилъ съ научною цѣлью посольство въ Лиссабонъ. Король Эммануилъ въ свою очередь послалъ къ нему ученаго Ксавье де

Сильва, который объяснилъ Джею Сингу таблицы Ла-Гира, изданныя въ 1702 году. Царственный астрономъ повѣрилъ ихъ и нашелъ въ нихъ легкую ошибку. Его наблюденія производились съ такою точностью и такими чувствительными инструментами, что англійскіе ученые могли открыть въ нихъ только ошибки въ секундахъ. Онъ посвятилъ императору свои таблицы подъ названіемъ Зейджъ Магомед-шаги, а предисловіе къ этому замѣчательному произведенію показываетъ, что этотъ великій человѣкъ освободился отъ религіозныхъ предразсудковъ своихъ предковъ и придерживался мнѣній просвѣщеннаго философа. По его повелѣнію переведены на санскритскій языкъ главныя математическія сочиненія древнихъ и новыхъ временъ. Добрый и великодушный онъ обладалъ однимъ только недостаткомъ, а именно страстью къ напиткамъ и опіуму; однако умѣлъ преодолѣть себя, чтобы довести свои великія начинанія до конца.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Джейпуръ обязанъ своимъ существованіемъ и своимъ величіемъ; онъ поставилъ его такъ высоко въ ряду прочихъ городовъ Индіи, что даже всѣ безчестные поступки нѣкоторыхъ его пріемниковъ не могли уменьшить его значенія; находясь въ настоящее время подъ управленіемъ умнаго короля, онъ обѣщаетъ сдѣлаться достойнымъ горо[illegible]мъ великаго Соваэ.

Въ противуположность всѣмъ раджпутанскимъ городамъ, для которыхъ ихъ основатели выбирали прежде всего живописное мѣстоположеніе, Джейпуръ представляетъ снаружи только свои зубчатыя стѣны, окрашенныя въ красный цвѣтъ, мѣстами укрѣпленныя массивными круглыми башнями, надъ которыми возвышаются нѣсколько храмовъ и терасъ городскихъ дворцовъ. Къ сѣверу отъ города находится высокая скала, увѣнчанная укрѣпленіями, а на востокѣ, параллельно стѣнѣ, тянется цѣпь горъ Кали-ко. Общій планъ города самый обыкновенный; двѣ большія улицы прорѣзываютъ его по всей длинѣ на три полосы, равныя по ширинѣ тремъ другимъ улицамъ, идущимъ съ сѣвера на югъ, раздѣляя городъ на девять кварталовъ.

Улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, широки, хорошо расположены и провѣтриваемы. Городъ построенъ съ рѣдкимъ великолѣпіемъ; самые простые дома построены изъ гранита, покрыты блестящей гладкой штукатуркой, а жилища богачей и высшаго сословія обложены бѣлымъ мраморомъ. Средина улицъ вымощена и по бокамъ идутъ дорожки, одна для пѣшеходовъ, а другая для подвижныхъ лавочокъ, окружающихъ нижніе этажы домовъ. Ни одинъ изъ индѣйскихъ городовъ не

можетъ соперничать съ Джейпуромъ по красотѣ и чистотѣ улицъ, и я сомнѣваюсь, чтобы въ эпоху его основанія въ Европѣ были подобные города.

Высокая стѣна окружаетъ жилище раджи, которое заключаетъ въ себѣ значительное множество дворцовъ, кіосковъ, построекъ всякаго рода, отдѣленныхъ другъ отъ друга восхитительными садами; одинъ дворецъ занимаетъ два квартала города. Если исключить это королевское жилище, то городъ почти совершенно лишенъ достопримѣчательностей. Правда, онъ существуетъ только полтораста лѣтъ, и поэтому всѣ великіе памятники среднихъ вѣковъ можно найти только въ древнемъ Амберѣ.

Джей Сингъ отдѣлилъ для своего дворца большое пространство, предоставивъ своимъ наслѣдникамъ застроить его; послѣдніе государи воздвигли массу построекъ безъ вкуса и гармоніи; между ними заслуживаютъ вниманія только строенія архитекторовъ Соваэ.

Чандра Магаль, составляющій центръ главнаго дворца,— огромное пирамидальное зданіе, прекраснаго стиля; фасадъ его выходитъ въ большой садъ, въ которомъ насажены манговыя и померанцовыя деревья и устроены широкіе бассейны съ фонтанами. Въ нижнемъ этажѣ этого дворца находится Деванъ-Касъ или зала Дурбаръ, самая прекрасная въ Индіи по величинѣ и простотѣ отдѣлки. Влѣво отъ Чандра Магала находятся два большія зданія раскрашенныя яркими цвѣтами и заключающія въ себѣ покои короля, канцеляріи министровъ, ценанахъ и флигель для придворныхъ. Надъ этими террассами возвышается высокая, круглая башня, очень узкая и похожая на минаретъ; она воздвигнута развратнымъ Джуггутъ Сингомъ въ 1820 г. Преданіе говоритъ, что онъ построилъ ее для того, чтобы видѣть изъ нея тюрьму, куда дворянство принудило его запереть одну распутную женщину по имени Расъ Капуръ или Sublimé Corrossif, возведенную имъ на короткое время въ Джейпурскія королевы. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Чандра Магала находится обсерваторія Великаго Соваэ Джей-Синга. Она не представляетъ собою, какъ можно было бы подумать, зданіе, заключающее въ себѣ инструменты для астрономическихъ работъ; это большой дворъ, наполненный фантастическими постройками, содержащими безчисленные снаряды, придуманные королемъ для наблюденій. Нѣтъ ничего оригинальнѣе этихъ гигантскихъ циферблатовъ, этихъ мѣдныхъ колесъ, подвѣшанныхъ между мраморными колоннами, этихъ стѣнъ, испещренныхъ кривыми линіями и причудливыми выпуклостями; все это составило бы великолѣпную волшебную декорацію. Съ какимъ

изумленіемъ придворные невѣжды должны были смотрѣть на своего короля, расхаживающаго мѣрнымъ шагомъ по чудесной гипатенузѣ большаго указателя солнечныхъ часовъ, или совершающаго въ звѣздную ночь свои таинственныя заклинанія. Наслѣдники ученаго короля понимали не болѣе невѣжественныхъ его современниковъ; вмѣсто того, чтобы сохранить съ уваженіемъ эти славные памятники, они довели постройки до развалинъ и растеряли рукописи и инструменты. Послѣдніе соблазнили алчную Расъ Капуръ, которая съ дозволенія распутнаго Джуггута продала ихъ въ ломъ. Нынѣшній король попытался исправить дѣла своихъ предшественниковъ, но это оказалось невозможнымъ потому что инструменты, придуманные великимъ астрономомъ, не могутъ быть изобрѣтены вновь. Однако, по остаткамъ можно еще составить себѣ понятіе о томъ, чѣмъ была эта обсерваторія въ дни своего блеска.

Рядомъ съ обсерваторіей находятся королевскія конюшни расположенныя вокругъ обширныхъ дворовъ, которые нужно пройти, чтобы достигнуть Гава-Магалъ, «Дворца Вѣтра», однаго изъ образцовыхъ произведеній Джей-Синга. Этотъ дворецъ весьма оригинальной формы, находится близъ одного изъ главныхъ базаровъ города; это зданіе было любимымъ убѣжищемъ Соваэ, который здѣсь, вдали отъ шумнаго двора, могъ свободно заниматься своими вычисленіями, и наблюдать за народомъ. Внутренность дворца отдѣлана съ большимъ вкусомъ и изяществомъ; мраморныя стѣны покоевъ покрыты инкрустаціей и позолотой; среди комнатъ устроены бассейны, поддерживающіе въ нихъ пріятную прохладу. Зданіе состоитъ изъ шести этажей, но три послѣдніе ничто иное, какъ легкіе, награможденные одинъ на другой, кіоски, окруженые безчисленнымъ множествомъ колокольчиковъ; маленькіе флюгера развѣваются по всѣмъ направленіямъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, и отъ нихъ дворецъ получилъ сначала народное, а въ настоящее время оффиціальное названіе «Замка Вѣтра». Дворцовые сады представляютъ прелестное мѣсто для прогулки, а обширные озера, населенныя крокодилами, красивые павильоны, скрытые за деревьями и тысяча любопытныхъ вещей дѣлаютъ этотъ замокъ восхитительнѣйшею королевскою резиденціей въ цѣлой Индіи.

Мы уже осмотрѣли все то, что я описалъ, но не видали еще Магараджу, котораго задерживали въ ценанахъ нѣкоторые религіозные обряды. Въ первыхъ числахъ мая капитанъ Бейнонъ объявилъ мнѣ, что онъ представитъ насъ самъ въ Дурбарѣ. Въ назначенный день мы отправились во дворецъ въ экипажахъ политическаго агента, сопровож-

давшаго насъ въ своей дипломатической формѣ. Мы вышли изъ экипажей при входѣ въ Деванъ Касу, и были введены въ большую залу Чандра Магала. Король, при нашемъ входѣ, подошелъ къ намъ, и по рекомендаціи капитана пожалъ каждому изъ насъ руку и пригласилъ всѣхъ сѣсть возлѣ него; министры и главные сановники также заняли стулья, поставленныя по обѣ стороны королевскаго трона. Магараджа Рамъ Сингъ человѣкъ сорока пяти лѣтъ, очень небольшаго роста; черты его лица, тонкія и пріятныя, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ умѣ. Осанка его далеко не такая гордая, какою отличается его племя; обращеніе его было нѣсколько застѣнчивое, однако весьма привѣтливое. Онъ былъ одѣтъ роскошно, но съ небрежностью, которая быть можетъ была напускная: на немъ было мало драгоцѣнныхъ камней, не было ни сабли, ни кинжала, но за то на поясѣ его висѣли огромный револьверъ и связки ключей. На первый взглядъ нѣтъ ничего симпатичнаго въ этомъ очень замѣчательномъ человѣкѣ, игравшемъ въ это время роль реформатора Раджвары; однако было видно, что онъ старался произвести на посѣтителя хорошое впечатлѣніе. Онъ разговаривалъ со мною весьма любезно о трудахъ, испытанныхъ мною во время путешествія, интересовался тѣми дворами, которыя я уже посѣтилъ, распрашивалъ о томъ, какъ мы были тамъ приняты и изъявилъ желаніе, чтобы я провелъ нѣкоторое время въ его столицѣ. Затѣмъ разговоръ коснулся фотографіи, которой онъ былъ большимъ поклонникомъ и изучилъ на практикѣ; наконецъ мы долго бесѣдовали о Франціи. Одинъ изъ камергеровъ принесъ розовую воду и беттель, которые замѣняютъ здѣсь простую «бира» Удейпура, и которые были розданы намъ самимъ королемъ; аудіенція окончилась. Мы откланялись Магараджѣ и отправились, какъ и пріѣхали, въ каретѣ.

Магараджа Рамъ Сингъ, король Дундгара и Джейпура, въ то же время предводитель Кючвагасовъ или Черепахъ, одного изъ главныхъ раджпутанскихъ племенъ. Они приписываютъ свое происхожденіе божеству Рамѣ, королю Айодіи, предку Суріавинзиса, по второму его сыну Кушъ, одинъ изъ потомковъ котораго основалъ знаменитую крѣпость Ротасъ въ области Бегара и принялъ названіе Кучвага. Въ 295 году, одинъ изъ ихъ королей, Налъ Палъ переселился далѣе къ западу и поселился въ Нашидѣ, теперешній Нарваръ, въ области Бунделькундъ. Третьею ихъ столицею былъ городъ Гваліоръ; въ 967 Теджъ Палъ Даола былъ изгнанъ оттуда узурпаторами и вынужденъ былъ скрываться у Дундгарскаго короля Мина, которымъ онъ былъ очень хорошо принятъ,

и котораго наконецъ спустя долгое время свергнулъ рядомъ постыдныхъ измѣнъ. Во время владычества моголовъ, король Амберы, Кучвага Багвандасъ отдалъ одну изъ своихъ дочерей въ замужество за принца Селима, царствовавшаго впослѣдствіи подъ именемъ Джангира. Тѣмъ, что онъ первый нарушилъ чистоту ихъ племени, вступивъ въ родственный союзъ съ исламитами, онъ такъ опозорилъ имя Кучвагасовъ, что даже въ настоящее время они считаются послѣднимъ племенемъ Раджастана.

Послѣ великаго Джей Синга, такъ блистательно прославившаго династію сыновей Куша, непрерывный рядъ недостойныхъ королей довелъ Джейпурское королевство до такого упадка, что потребовались всѣ корыстолюбивыя усилія британскаго вмѣшательства, чтобы спасти его отъ окончательнаго разоренія. Нынѣшній король Рамъ Сингъ обладаетъ кажется всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы хотя нѣсколько поднять королевство, созданное Джей Сингомъ. Онъ имѣлъ счастіе наслѣдовать человѣку весьма умному, который, будучи министромъ и регентомъ государства, во время долгаго малолѣтства молодаго короля, преодолѣлъ первыя трудности этой задачи и употребилъ всѣ усилія, чтобы подготовить своего воспитанника къ великимъ дѣламъ. Рамъ Сингъ, получивъ хорошее воспитаніе, болѣе образованный, нежели бываютъ обыкновенно раджпутанскіе короли, сдѣлалъ уже довольно много чтобы заслужить сочувствіе европейцевъ; онъ съумѣлъ ввести порядокъ въ управленіе государствомъ и провелъ нѣсколько полезныхъ реформъ. Учрежденіемъ по англійскому образцу судовъ, гимназій и школъ для дѣвочекъ, проложивъ дороги и построивъ въ своихъ владѣніяхъ желѣзныя дороги, онъ пріобрѣлъ сочувствіе англійской прессы, пользующейся большимъ значеніемъ въ Индіи. Но, могутъ возразить мнѣ, что это улучшенія только поверхностныя, и что народу отъ нихъ мало пользы; въ настоящее время это совершенно справедливо, но народъ воспользуется всѣмъ этимъ въ будущемъ, и Рамъ Сингъ поступилъ какъ искусный политикъ.

Онъ честолюбивъ, а всякій честолюбивый монархъ борется здѣсь съ двумя препятствіями: съ дворянствомъ и религіею, которые предписываютъ ему поминутно свои правила и захватываютъ его лучшія земли. Рамъ Сингъ предпринялъ противъ этихъ двухъ соперниковъ коварный крестовый походъ; тысячами придирокъ ему удалось удалить отъ двора большихъ ленниковъ; потомъ онъ выискивалъ предлогъ затѣять съ ними распри и каждый день отнимаетъ у нихъ привилегіи и удѣлы. Въ борьбѣ съ религіею онъ прибѣгнулъ къ рѣшительному средству,—объявивъ

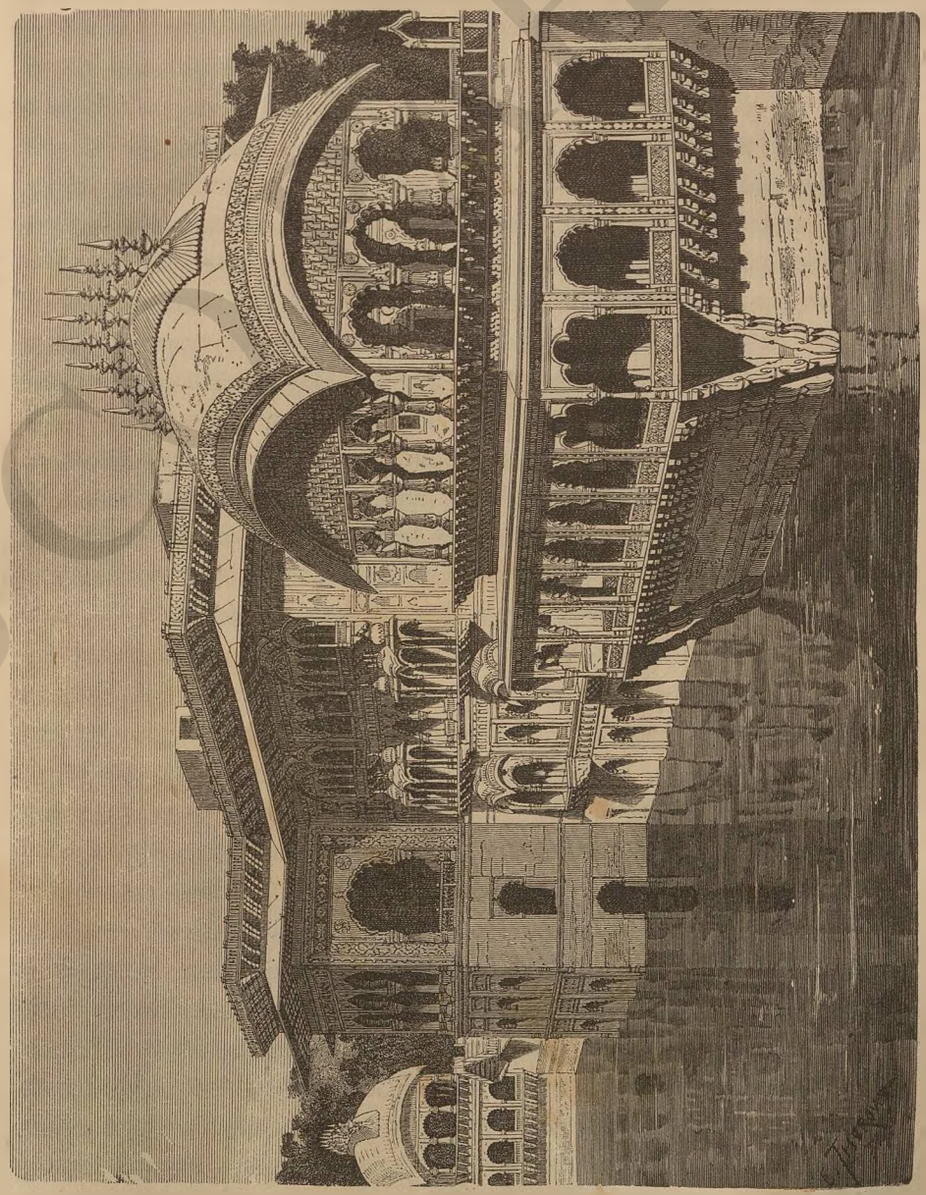
себя покровителемъ новой секты, имѣющей цѣлью возстановить религію Исвара во всей ея чистотѣ. Вооружившись новымъ титуломъ, онъ пересталъ приносить дары богамъ, которыхъ онъ уже не признавалъ, и тогда жрецы, лишившись своихъ доходовъ переселились въ болѣе гостепріимныя страны; нѣкоторые изъ нихъ оставили Джейпуръ при мнѣ. Отъ этого оставался только одинъ шагъ до того, чтобы завладѣть церковными землями, которыя не поддерживались болѣе богатыми приношеніями, и король сдѣлалъ уже этотъ шагъ и сдѣлаетъ еще болѣе. Однако въ лицѣ Рамъ Синга не слѣдуетъ видѣть типъ реформатора, какъ это доказывали иные, и было бы совершенно ошибочно придавать серьезное значеніе его мысли учредить представительное правленіе въ своихъ владѣніяхъ. Возможно ли себѣ представить представителей народа, предписывающихъ условія раджпутанскому королю? Это можетъ быть будетъ со временемъ, но въ настоящее время подобную мысль можно считать за остроумную насмѣшку со стороны Рамъ Синга.

Прежніе владѣтели королевства Джейпуры были Минасы, большое, первобытное здѣсь племя, которое какъ Били, Гунды и Джаты населяли земли, занимаемыя теперь раджпутанцами.

Минасы Дундгара раздѣлялись на пять большихъ племенъ, называемыхъ Пучвара, и составляли большое государство, простиравшееся по всей цѣпи горъ Кали-ко, отъ Ажмира до Дели; главные города ихъ были: Амберъ, Когомъ и Мошъ. Они долѣе сохранили свою независимость нежели Били и были окончательно покорены только около 13-го вѣка; поэтому въ странѣ многое свидѣтельствуетъ о той цивилизаціи, до которой они возвысились. Прогнанные обратно въ горы, минасы мало по малу возвратились въ свое первобытное состояніе и ихъ дикія племена распространились до Центральной Индіи.

Всѣ раджпутанскія, первобытныя племена каковы: Минасы, Били, и Мгеры живутъ въ деревняхъ, называемыхъ «палями», почему имъ присвоено родовое названіе Палитасовъ. Нравы ихъ ничѣмъ не отличаются отъ нравовъ Билей; они живутъ охотою и разбоемъ болѣе чѣмъ сработкою земли; всегда вооружены стрѣлами и длинными «латти» (бамбуковыя палки, окованныя желѣзомъ). Кожа у нихъ черная, волосы длинные и шелковистые, черты лица болѣе тонкія и умныя нежели у Билей. Эта раса, смѣшавшись съ браминскимъ племенемъ Джатъ, составляетъ земледѣльческое населеніе королевства.

Климатъ Джейпуры можетъ быть одинъ изъ самыхъ здоровыхъ въ



Дворецъ Гопалъ Бовуанъ въ Дигѣ.

Раджпутанѣ, но никакъ не можетъ назваться пріятнымъ. Времена года различаются здѣсь болѣе рѣзко чѣмъ на югѣ; зима бываетъ иногда весьма суровая, и термометръ падаетъ въ январѣ до нуля; впрочемъ только по утрамъ. Жары постепенно усиливаются до мая мѣсяца, когда начинаютъ дуть жаркіе вѣтры, — бичъ индѣйской нагорной страны. Этому времени года предшествуютъ песчаные ураганы: песокъ, вздымаемый сильными сѣверными вѣтрами, причиняетъ большія опустошенія въ провинціяхъ Меватъ и въ земляхъ Джатъ. Небо заволакиваетъ огромными тускло-желтыми облаками — смѣсь пыли и паровъ, — которыя, разражаясь, производятъ самый мерзкій дождь какой только можно себѣ представить. Эти бури смѣняются жаркими вѣтрами, которые несутся съ запада, раскалившись на обширныхъ песчаныхъ пространствахъ Марустана, Белуджистана и Персіи. Вѣтры эти до того жаркіе, что при первомъ ихъ дуновеніи почва высыхаетъ, деревья обнажаются и всякая растительность исчезаетъ. Европеецъ задыхается въ этомъ жгучемъ сирокко, дующимъ безостановочно цѣлый мѣсяцъ, и не можетъ выходить изъ дому подъ опасеніемъ мгновенно задохнуться. Всѣ отверстія въ домахъ, обращенныя къ западу тщательно запираются или ихъ затыкаютъ толстой рогожкой, сдѣланной изъ корня ветиверъ (vetiver) и называемой тутъ «татти». Слуги днемъ и ночью поливаютъ эти татти водою, и вѣтеръ, проникая чрезъ эту сырую стѣну, теряетъ извѣстную долю своего теплорода и обновляетъ въ комнатахъ необходимый для дыханія воздухъ. Часто къ вечеру вѣтеръ вдругъ стихаетъ: это самыя тягостныя минуты, такъ какъ татти не даютъ болѣе никакой прохлады и «панка» оказываются недѣйствительными въ разгоряченномъ воздухѣ. Тогда пускаютъ въ ходъ вѣтрянныя колеса, называемыя *термантидоты*; приведенные въ движеніе нѣсколькими кули они понижаютъ немного температуру.

Понятно, что жизнь въ продолженіи этихъ пятнадцати или двадцати дней представляетъ очень мало пріятнаго; заключенные въ темной комнатѣ, наполненной сыростью отъ татти, вы едва можете выйти на нѣсколько минутъ послѣ заката солнца. Ночью, чтобы не задохнуться, спятъ на открытомъ воздухѣ и утромъ вы просыпаетесь съ глазами, ушами и ртомъ наполненными мелкимъ пескомъ, постоянно находящимся въ атмосферѣ. Поэтому, каждый день всѣ съ безпокойствомъ обращаютъ взоры на юго-западъ и съ радостію привѣтствуютъ первыя тучки и первые дожди. Два или три проливныхъ дождя какъ бы по волшебству измѣняютъ видъ страны: песокъ исчезаетъ подъ тонкимъ, ровнымъ дер-

номъ, цвѣтомъ напоминающимъ изумрудъ; деревья покрываются листвою и воздухъ становится необыкновенно свѣжъ.

По прошествіи этихъ нѣсколькихъ дней съ адскою температурою совершается именно то — что поэты называютъ пробужденіемъ природы; перемѣна эта кажется какимъ то волшебствомъ: наканунѣ тутъ былъ цѣлый океанъ песку, гонимый свирѣпымъ вѣтромъ; теперь же зеленѣютъ луга и идетъ пріятный мелкій дождь. Нужно испытать ужасное дуновеніе индѣйскаго самума, чтобы полюбить этотъ дождь такъ, какъ любить его въ эту минуту.

Муссонъ возвратилъ намъ свободу; мы могли ежедневно совершать экскурсіи до города или проводить по нѣсколько часовъ во дворцѣ. Прекрасные дни проходятъ въ пикникахъ съ дамами или въ охотничьихъ поѣздкахъ.

Кромѣ охоты и прогулокъ есть еще одно развлеченіе, доставляемое безчисленными фиглярами, которые пережидаютъ въ Джейпурѣ только конца дождливаго времени, чтобы опять начать свою кочующую жизнь, прерванную по негодности дорогъ. Многіе изъ этихъ фигляровъ, какъ то: очаровательи змѣй и акробаты встрѣчаются въ Индіи повсюду и описаны многими путешественниками, но здѣсь есть свои спеціалисты, заслуживающіе короткаго замѣчанія

Самые интересные фокусы исполняются маленькими дѣвочками, которыя, полунагія, свертываются клубкомъ, перегибаются назадъ, подымая глазами двѣ соломенки, воткнутыя въ землю, съ завязанными глазами, продѣваютъ ногами нитку въ иголку и изгибаются на тысячу ладовъ. Но зрѣлище становится жестокимъ и отвратительнымъ, когда ихъ заставляютъ глазами подымать тяжести: на вѣко каждаго глаза кладутъ металлическую пуговицу, доставшуюся нерѣдко отъ панталонъ какого нибудь европейца, и приноравливаютъ ее такъ, чтобы она касалась глазной впадины; къ этимъ пуговицамъ привязаны шнурки, поддерживающія иногда довольно большую тяжесть, которую дитя поднимаетъ такимъ образомъ на нѣсколько сентиметровъ отъ земли, безъ помощи рукъ; если фокусъ продолжается съ минуту, то по шнуркамъ начинаетъ капать вода; это ужасно! Другіе *нютни* продѣлываютъ разные фокусы съ саблями; но я думаю что наша полиція не допустила бы столь опасныхъ и мало поучительныхъ зрѣлищъ.

По той же причинѣ, которая загоняетъ въ это время фигляровъ и нютней въ Джейпуръ, стекаются сюда и набожные нищіе всякаго сорта, изъ коихъ каждый имѣетъ свою спеціальность: одинъ вымаливаетъ общественное состраданіе, показываясь на улицахъ совершенно голымъ или покрытый слоемъ пепла; другой гордо выставляетъ на показъ свою руку, которую онъ держитъ неподвижно, обнаженную, тощую, разодранную ногтями. Большое число этихъ нищихъ располагается на базарахъ, гдѣ они продаютъ лекарства и занимаются тысячью доходныхъ ремеслъ. Всякій годъ здѣсь найдется какой нибудь факиръ, которому, благодаря новой его выдумкѣ, удастся прославиться въ религіозныхъ кружкахъ. На этотъ разъ прославился гуссаинъ и вотъ какимъ образомъ. Однажды поселяне, отправляясь въ городъ, замѣтили около нашего бунгалова на перекресткѣ резиденціи святаго человѣка, привязавшаго къ вѣткѣ дерева, нависшей надъ дорогою, нѣсколько толстыхъ веревокъ; удивленіе ихъ возрасло при видѣ того какъ гуссаинъ вложилъ сначала ноги въ двѣ затяжныя петли, а потомъ растянувшись на землѣ, преспокойно подымался при помощи третьей веревки до тѣхъ поръ, пока онъ не повиснулъ за ноги какъ теленокъ на бойнѣ. Черезъ часъ тысяча любопытныхъ окружали уже факира, который, находясь все время въ томъ же самомъ положеніи, спокойно бормоталъ молитвы, перебирая свои четки; пробывъ нѣсколько часовъ въ висячемъ положеніи, онъ отвязался и пришелъ въ городъ сопровождаемый восторженною толпою. На другой день онъ явился на то же мѣсто, чтобы снова повиснуть на деревѣ; я отправился туда съ нѣкоторыми европейцами, въ числѣ которыхъ былъ докторъ Бюрръ изъ Агенства, и мы всѣ видѣли какъ гуссаинъ, вися за ноги, нѣсколько часовъ говорилъ безъ затрудненія; лицо его не измѣнялось и онъ увѣрялъ, что не чувствуетъ никакого страданія; на вопросъ нашъ, какъ онъ могъ привыкнуть къ подобному положенію, онъ отвѣчалъ, что Богъ далъ ему этотъ даръ, чтобы прославить его святость; разумѣется трудно было бы добиться отъ него другаго объясненія. Болѣе мѣсяца святой человѣкъ висѣлъ, такимъ образомъ какъ окорокъ, по нѣсколько часовъ въ день, и собралъ довольно денегъ; однако раджа не пришелъ посмотрѣть на него и народъ строго порицалъ его за этотъ недостатокъ благочестія.

Въ половинѣ августа жители Джейпура справляютъ съ большимъ торжествомъ праздникъ Ганезы—бога науки и мудрости. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней великолѣпные бульвары столицы усѣяны разряженною толпою, сошедшеюся со всѣхъ пунктовъ королевства; дома и дворцы убраны знаменами и яркими драпировками; на перекресткахъ стоятъ шесты, убранные цвѣтами.

Окрестныхъ жителей привлекаетъ въ особенности большая ярмарка

или *мела*, устраиваемая близь королевскаго дворца. Тутъ вы найдете произведенія Раджастана и Индостана и даже вещи изъ Европы. Рядомъ съ великолѣпными тибетскими шалями, шарфами изъ Бунделькунда, затканными матеріями изъ Банареса и бенгальскимъ газомъ, здѣсь можно найти манчестерскій шертингъ, бельгійскій ситецъ и швейцарскія «теркейреды» (turkeyred). Оружейные мастера предлагаютъ вамъ Гератскіе кинжалы, криссы изъ Гуркаса, катары Мейвара и ножевый товаръ Шеффильда и Чательраута.

Джейпуръ выставляетъ какъ главныя произведенія своей промышленности: тюрбаны, вышитые битью, мраморные идолы, мѣдныя печи, шитую обувь, соль Самбера и эмалированныя издѣлія изъ чистаго золота. Послѣднія составляютъ спеціальность города и монополію государства; они выдѣлываются необыкновенно тщательно и отличаются несравненною живостью красокъ; онѣ стоятъ дорого. Мага Раджа приказалъ изготовить къ выставкѣ 1867 года превосходнѣйшую чашу, которая удивляла въ Парижѣ самыхъ лучшихъ знатоковъ.

Ярмарка представляетъ чрезвычайно живописный видъ: слоны, покрытые богатыми попонами, верблюды, всадники образуютъ вмѣстѣ съ толпою пеструю группу, которая тянется вдоль длинной линіи мраморныхъ дворцовъ, окруженныхъ блестящею зеленью деревьевъ и пальмъ. Въ послѣдній день политическій агентъ и важнѣйшіе европейцы живущіе въ Джейпурѣ отправлялись на слонахъ въ королевскій дворецъ; при проѣздѣ ихъ балконы и террасы наполнились женщинами, въ роскошныхъ костюмахъ съ открытыми лицами; онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на сагибовъ, между тѣмъ какъ мужчины наполняли шоссе и тѣснились около слоновъ. Во дворцѣ насъ принялъ король и вмѣстѣ съ нимъ мы любовались совари короля Ганезы, который явился на палankинѣ, покрытомъ золотомъ и былъ окруженъ необыкновенною роскошью, неизбѣжной при подобной процессіи.

По окончаніи ея начался обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Магараджа; за обѣдомъ слѣдовали наутчи, фейерверкъ въ садахъ и всѣ роскошныя увеселенія индѣйскихъ дворовъ.

XXI.

Амберъ и Самберъ.

Озеро Джейпуръ. — Долина Амбера. — Дворецъ.

Очень красивая дорога ведетъ отъ Джейпура къ древней столицѣ; выйдя изъ города черезъ сѣверо-восточныя ворота, вы ѣдете среди восхитительныхъ садовъ, деревья которыхъ, усѣянныя цвѣтами, образуютъ тѣнистый сводъ надъ дорогой. Дожди набросили на песокъ, на скалы и даже на самыя стѣны ярко зеленый покровъ: кажется будто ѣдешь въ обширномъ паркѣ, гдѣ рощицы отдѣлены одна отъ другой только лужайками.

Горная цѣпь Кали-ко образуетъ здѣсь дугу, въ которой Джейпурскія стѣны соединяются съ обоихъ концовъ; такимъ образомъ образуется долина, защищенная со всѣхъ сторонъ отъ наноснаго песка, и представляющая веселый контрастъ съ знойной окрестностью. Нуллахъ или горный ручей пересѣкалъ нѣкогда эту долину и, сворачивая къ востоку черезъ узкое ущелье, терялся въ равнинѣ. Одному изъ Джейпурскихъ королей пришла мысль остановить нуллахъ, заваливъ ущелье; тогда плѣнный ручей превратился въ восхитительное озеро; на его берегахъ возникли роскошные дворцы и прекрасные сады, а другой раджа построилъ въ свою очередь великолѣпную резиденцію на островѣ, лежащемъ въ центрѣ озера. Но оказалось, что инженеръ, строившій плотину не принялъ достаточныхъ мѣръ предосторожности; уровень озера возвышался изъ года въ годъ, такъ что вода мало по малу затопила ближайшіе сады, потомъ кіоски и наконецъ дворцы, и невозможно ска-

© ГПИБ СО РАН

зать когда это повышеніе пріостановится. Затопленные владѣльцы имѣли помощь подъ рукою; отверстіе, сдѣланное въ плотинѣ избавило бы ихъ отъ излишка воды, но, по апатіи или суевѣрію, они предпочли оставить эти мѣста въ жертву водѣ и перебрались на противуположный берегъ озера. Озеро это представляетъ въ настоящее время самый живописный видъ; въ голубоватой его поверхности отражаются полуразваленные дворцы, залы съ мраморными колонадами, наполненныя на половину водою и все оно опутано растительностью, которая такъ быстро развивается въ заброшенныхъ мѣстахъ. Въ центрѣ возвышается королевскій замокъ со своими надтреснувшими башнями; никто не былъ въ немъ со времени перваго наводненія; единственными его обитателями остались однѣ огромныя черепахи, да крокодилы.

Эти послѣдніе — настоящіе владѣльцы озера; и я думаю что нигдѣ въ другой странѣ ихъ не увидишь такъ много въ одномъ мѣстѣ. Высокое каменное шоссе, идущее въ Амберъ пересѣкаетъ часть озера; тутъ можно вдоволь изучить этихъ ящеричныхъ животныхъ. Лишь только они заслышатъ шаги или завидятъ людей на шоссе, какъ тотчасъ сбѣгаются со всѣхъ концовъ и окружаютъ дорогу съ обѣихъ сторонъ, выставляя съ любопытствомъ надъ лотусами свои огромныя, плоскія треугольныя головы, и проходящій видитъ, какъ множество глазъ установилось на него. Вообразите себя верхомъ передъ подобнымъ полчищемъ; чуть только ваша лошадь испугалась и споткнулась, тотчасъ же раскроются всѣ пасти; еще одинъ шагъ, и васъ не станетъ! Множество пеликановъ баснословной бѣлизны рѣзвятся на островкахъ, смягчая видъ этой зловѣщей картины; утки снуютъ мимо крокодиловъ, стерегущихъ добычу. Не смотря на свой умъ, Рамъ Сингъ покровительствуетъ еще этимъ свирѣпымъ животнымъ и даже запретилъ, подъ страхомъ большаго штрафа, безпокоить ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Изъ опасенія, чтобы не испугать ихъ или какъ нибудь не ранить, нельзя даже охотиться на озерѣ.

На противуположномъ крутомъ берегу находятся развалившіяся ворота, подъ которыми проходитъ шоссе; этими воротами проходятъ чрезъ первую стѣну Амбера. По другую сторону извивается очень крутая тропинка, которая пересѣкаетъ по прямой линіи холмъ въ 300 или 400 футовъ вышины; на вершинѣ его стоятъ другія ворота; миновавъ ихъ мы входимъ въ Амберъ. Дорога вьется сначала по лѣсу, а потомъ при одномъ поворотѣ открывается внизу таинственная долина Амбера. Представьте себѣ глубокій кратеръ, скаты котораго поросли густымъ

темнымъ кустарникомъ; въ центрѣ зеленый конусъ служитъ пьедесталомъ величественному мраморному дворцу, передъ которымъ поблѣднѣли бы всѣ чудеса Гренады и Севильи; вокругъ этого конуса тянется покинутый, молчаливый городъ, худшія зданія котораго дворцы; а далѣе виднѣется озеро съ черноватою водою.

Таково первое впечатлѣніе, производимое Амберомъ; но невозможно описать того чувства, какое испытываешь, полюбовавшись городомъ нѣсколько минутъ; что-то таинственное, романическое овладѣваетъ вами; вы спрашиваете себя не бредъ ли это изъ тысячи и одной ночи, не нарушите ли вы, какъ Календеръ, тишину этого уснувшаго города и не раскроется ли передъ вами какая нибудь страшная тайна. Дворецъ въ особенности представляется чѣмъ то сверхъестественнымъ; купола покрыты тонкими пластинками золота и голубою эмалью; мраморныя башенки приняли желтоватый цвѣтъ слоновой кости; стѣны украшены позолоченными балконами; все это напоминаетъ очарованный замокъ Шехеразады.

Крутая дорожка ведетъ къ берегу Таль Куторы, Священнаго Пруда, берега котораго покрыты восхитительными садами; на крутомъ берегу его группируются маленькіе мраморные кіоски, прикрывающіе символическіе четырехълицыя «линга́мы».

Эта часть долины вся занята водами озера Таль, которое едва доставляетъ достаточно мѣста для дороги; городъ начинается по другую сторону плотины, на которой находится прелестный садъ съ лѣтнимъ дворцомъ, рощи померанцовыхъ и манговыхъ деревьевъ и бассейны воды.

Обогнувъ прудъ, мы съ трудомъ взобрались по вымощеннымъ входамъ, которые ведутъ въ замокъ; края дороги защищены зубчатыми стѣнами и при каждомъ поворотѣ ея находятся массивныя ворота съ бастіонами и караульнями.

Средній уровень площади, занимаемый дворцомъ имѣетъ, отъ 80 до 120 футовъ надъ поверхностью озера; но каменные контрафорсы, поддерживающіе скатъ холма, спускаются къ водѣ отвѣсно, а такъ какъ стѣны зданій плотно прилегаютъ къ ихъ краямъ, то фасадъ имѣетъ съ виду болѣе 200 футовъ вышины.

Въ верхней части этой громадной стѣны тянутся въ нѣсколько рядовъ балконы и легкія веранды, висящія прямо надъ пропастью; они составляютъ единственное внѣшнее украшеніе стѣны.

Главныя ворота представляютъ высокую стрѣльчатую дугу простаго

и строгаго стиля; надъ ними возвышаются легкія чатрисъ и онѣ выходятъ на большой дворъ, три стороны котораго заняты высокими зданіями, гдѣ помѣщались нѣкогда казармы и конюшни. Дворъ этотъ занимаетъ нижнюю площадку холма; вторая застроена главными зданіями дворца, окружающими высокую террасу, которая выходитъ во дворъ. Къ ней ведетъ большая лѣстница и, пройдя въ красивыя ворота, расписанныя фресками яркихъ цвѣтовъ, вы находитесь наконецъ среди всѣхъ чудесъ, которыми такъ богатъ этотъ прославленный дворецъ Индустана.

XXII.

Амберскій дворецъ. — Обезьяны «Лангуръ». — Мертвый городъ. — Дождь саранчи. — Индійская пустыня и соленое озеро. — Прощаніе съ Рамъ Сингомъ.

Въ углу террасы возвышается большая зала «Деванъ Кана,» одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ памятниковъ раджпутанскаго искусства. Двойной рядъ колоннъ, поддерживая массивный карнизъ, образуетъ три стороны залы, которая покрыта высокимъ сводомъ, поражающимъ своею смѣлостью. Четвертая сторона залы обращена къ озеру и закрыта стѣною. Такимъ образомъ, это зданіе ничто иное, какъ кіоскъ громадныхъ размѣровъ; свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ него свободно. Зала выстлана мраморомъ, украшеннымъ цвѣтной инкрустаціей; въ концѣ ея возвышается бѣлая мраморная эстрада, служащая тропомъ. Колонны перваго ряда сдѣланы изъ краснаго песчаника; на нихъ опираются чрезвычайно красивые капители, на которыхъ изваяны слоны, поддерживающіе своими хоботами каменный навѣсъ, который спускается съ карниза. Колонны эти покрыты слоемъ бѣлаго, полированнаго гипса, который скрываетъ отъ глазъ великолѣпныя рѣзныя украшенія, покрывающія колонны. Оказывается, что когда Мирза раджа окончилъ эту Деванъ-Кану, то императору Джеангиру разсказали, что его вассалъ превзошелъ его роскошью и этимъ послѣднимъ сооруженіемъ затмилъ всѣ чудеса императорской столицы; особенно расхваливали эти колонны изъ розоваго песчаника, изваянныя съ большимъ вкусомъ и покрытыя роскошною рѣзьбою. Въ минуту гнѣва императоръ приказалъ разрушить это образцовое произведеніе и послалъ въ Амберъ уполномоченныхъ, которымъ было поручено исполнить это приказаніе; Мирза раджа,

© ГПНТБ СО РАН

чтобы спасти свою Деванъ-Кану, покрылъ колонны штукатуркой, и посланные изъ Агры могли засвидѣтельствовать императору, что это хваленое великолѣпіе было одной сказкой. Впослѣдствіи апатичные пріемники раджи не позаботились возстановить твореніе своего предка, и только отломавъ нѣсколько штукатурку, можно увидѣть скульптурную рѣзьбу, нетронутую временемъ. Колонны второго ряда — великолѣпные столбы изъ сѣраго мрамора, высѣченные изъ цѣльнаго камня.

На другой сторонѣ террасы находится та часть дворца, которая предназначена для короля; въ срединѣ фасада находятся монументальныя ворота, покрытыя мозаикой и живописью; это одно изъ образцовыхъ произведеній Индіи. Трудно дать понятіе объ этомъ чудесномъ соединеніи мрамора и позолоты, поэтому я очень доволенъ, что могу отослать читателя къ гравюрѣ, изображающей эти ворота на рисункѣ. Мраморныя рѣшетки, замѣняющія стекла въ окнахъ фасада, считаются лучшими въ Индіи; вытесанныя изъ одной плиты, вышиною до двухъ и шириною въ полтора метра, онѣ высѣчены такъ искусно, что на нѣкоторомъ разстояніи имѣютъ видъ прозрачныхъ кисейныхъ занавѣсъ.

Войдя въ эти ворота, вы встрѣчаете на каждомъ шагу новыя чудеса; прежде всего вы вступаете во дворъ, окруженный дворцами, которые сверкаютъ мозаикой и рѣзьбой; посреди двора находится прелестный садъ. Хотя резиденція эта уже давно покинута, но ее поддерживаютъ до сихъ поръ, и нѣсколько слугъ содержатъ ее въ совершенной чистотѣ.

Влѣво отъ сада возвышается монументальный павильонъ, называемый «Джеесъ Мундеръ»; первый этажъ его окруженъ верандою съ мавританскими арками. Зданіе покрыто бѣлымъ мраморомъ, на которомъ высѣчено нѣсколько изящныхъ, но въ то же время весьма простыхъ барельефовъ; внутренность павильона раздѣлена на три большія залы, которыя со свода до полу разукрашены мозаикой и инкрустаціей. Эта мозаика сдѣлана изъ полированныхъ камней агата, бирюзы, изъ позолоченной лѣпной работы и кусочковъ зеркальнаго стекла; изо всего этого составлены группыцвѣтовъ и арабесокъ. Трудно представить себѣ до чего эффектна бываетъ одна изъ этихъ залъ, когда въ нее проникнетъ лучъ солнца и, отразясь на позолотѣ придастъ хрустальнымъ цвѣтамъ блескъ алмаза. Своды нѣсколько отличаются отъ обыкновеннаго индійскаго стиля и напоминаютъ своей зубчатой рѣзьбой самые красивые мавританскіе навѣсы. Верхній этажъ Джессъ Мундеръ состоитъ изъ одного мраморнаго кіоска, покрытаго однимъ изъ тѣхъ любопытныхъ куполовъ, которые напоминаютъ кузовъ барки; въ немъ заключаются три красивыя комнатки, украшенныя съ такою роскошью, которая превосходитъ убранство нижняго этажа. Съ одной стороны большія окна, закрытыя тонкими мраморными рѣшетками, обращены прямо къ пропасти; изъ нихъ открывается чудесный видъ; съ другой стороны находится прекрасная терраса, до которой доходятъ вѣтви гранатовыхъ померанцовыхъ деревьевъ сада. Это самое поэтическое мѣстечко, какое только можно придумать. Въ этомъ то кіоскѣ мы поселились на пять или на шесть недѣль, которыя мы хотѣли посвятить Амберу.

По другую сторону сада тянется длинный рядъ дворцовъ, замѣчательныхъ по правильности формы и столь же великолѣпныхъ по скульптурнымъ украшеніямъ какъ и Джессъ Мундеръ. Въ одномъ изъ нихъ стѣны покрыты фанерками сандальнаго дерева съ инкрустаціей изъ слоновой кости и серебра, подобно тѣмъ индійскимъ сундучкамъ, которыми такъ любовались на выставкахъ въ Европѣ; залы перерѣзаны каналами, которые изливаются въ бассейны; стѣны послѣднихъ покрыты инкрустаціей, съ которой перемѣшаны рыбы, водяныя растенія и чудовища. Другіе просто покрыты бѣлымъ мраморомъ съ рамками изъ лазуреваго камня или зеленаго змѣевика, либо украшены миніатюрными изображеніями охотничьихъ сценъ, событій изъ національной исторіи или миѳологіи; словомъ, въ каждомъ дворцѣ есть что посмотрѣть и чѣмъ полюбоваться. Королевскія бани также заслуживаютъ вниманія по особому способу отопленія, каменной мебели и бронзовымъ трубамъ.

Къ югу отъ этихъ дворцовъ на каменномъ выступѣ стоитъ королевскій ценанахъ, занимающій пространство равное поверхности, занимаемой всѣми прочими зданіями дворца, вмѣстѣ взятыми. Однако ценанахъ представляетъ одинъ общій флигель, окружающій большой дворъ; его фасады самыя простыя, безъ оконъ и украшеній съ внѣшней стороны, но четыре башни съ куполами придаютъ ему грандіозный видъ. Большой четыреугольный дворъ, на который выходятъ фасады, въ нѣсколько этажей, раздѣленъ стѣнами, которыя сходятся лучеобразно къ мраморному кіоску, помѣщенному среди двора. Каждый такой дворикъ усаженъ деревьями, имѣетъ свои чатрисы, свои фонтаны и соотвѣтствуетъ особому помѣщенію ценанаха, который раздѣленъ на столько же отдѣленій, какъ и дворъ. Каждая комната, совершенно отдѣльная отъ остальныхъ, служила жилищемъ для одной изъ женъ короля, которая, въ случаѣ нужды, могла быть лишена сообщенія со своими подругами. Комнаты

отдѣланы великолѣпно, какъ и все въ этомъ чудесномъ дворцѣ; но онѣ заброшены уже пятьдесять лѣтъ, и теперешніе ихъ жители оставили отъ этихъ украшеній мало слѣдовъ; тѣмъ не менѣе тамъ еще сохранились весьма любопытныя древнія фрески и прекрасная мозаика.

Говоря о теперешнихъ обитателяхъ, я подразумѣваю большую породу обезьянъ *гунуманъ*, которые поселились въ пустыхъ залахъ ценанаха и властвуютъ теперь въ прежнемъ гаремѣ. Если бы даже предразсудки индійцевъ не защищали этихъ безвредныхъ животныхъ, то все же теперь было бы весьма трудно выгнать ихъ изъ этого зданія, которое они занимаютъ съ давнихъ лѣтъ, и стали бы пожалуй мужественно защищать. Когда я пришелъ въ первый разъ въ ценанахъ, сопровождаемый Шаумбургомъ и однимъ изъ дворцовыхъ «бера,» то наше появленіе произвело сильный переполохъ: самки спасались, унося своихъ дѣтенышей, а самцы слѣдовали за ними въ почтительномъ разстояніи, и самымъ неутѣшительнымъ образомъ оскаливали свои огромныя челюсти.

Лангуръ или *гунуманъ* самая большая изъ обезьянъ, населяющихъ лѣса Индіи; она бываетъ ростомъ отъ $2^1/_2$ до 4 футъ; она тонка, стройна и чрезвычайно гибка; лицо ея весьма смышленое, лишено волосъ, покрыто очень черной кожей и обрамлено длинною, сѣдою бородою; на спинѣ у нея волосы сѣроватаго цвѣта, а подъ животомъ — бѣлые, шелковистые; хвостъ у нея голый за исключеніемъ кисточки на концѣ, и длиною равенъ всему тѣлу.

Лангуръ считается священною обезьяною въ Индіи; ея племена, подъ предводительствомъ Гунумана, короля обезьянъ, помогли Рамѣ завоевать островъ Цейлонъ, древнюю Ланку. Понимая буквально описаніе Рамаяны, которое сравниваетъ варварскихъ союзниковъ Арійцевъ съ обезьянами, индусы считаютъ лангуръ потомками солдатъ Раны и оказываютъ имъ большое уваженіе.

Эти странные обитатели Амберскаго дворца очень интересовали меня во время моего пребыванія въ ихъ сосѣдствѣ; по прошествіи нѣсколькихъ дней, все стадо привыкло къ намъ и подходило къ намъ безъ опасенія; бананы, хлѣбъ и сахаръ заслужили намъ популярность. Люди, жившіе въ тѣхъ странахъ гдѣ эти обезьяны многочисленны, замѣчали, что они живутъ всегда стадами и повинуются одному вожаку; каждое стадо занимаетъ свое поле, лѣсъ или развалины, на которые оно смотритъ какъ на свои владѣнія и ревностно защищаетъ ихъ отъ вторженія постороннихъ грабителей. Лангуры, помѣстившись на стѣнныхъ зубцахъ ценанаха, наблюдаютъ за окрестностью; если часовой видитъ кого нибудь посторонняго или врага, то онъ издаетъ хриплый крикъ и по этому сигналу стѣнные зубцы покрываются защитниками. Однажды пантера, перебѣжавъ оврагъ, прогуливалась подъ стѣнами ценанаха; нужно было видѣть съ какою яростью, смѣшанною съ комическимъ ужасомъ, обезьяны угрожали изъ своей крѣпости своему страшному врагу; долго, послѣ ея ухода, все ревущее стадо оставалось на сторожѣ, кривляясь на тысячу ладовъ въ знакъ удовольствія. Такъ какъ погода стояла прекрасная, то мы обѣдали все время на террасѣ Джессъ-Мундера; въ опредѣленный часъ все стадо усаживалось на перилахъ, окружавшихъ ценанахъ, и наблюдало за нами съ видимымъ удовольствіемъ; въ самомъ дѣлѣ, какое необыкновенное зрѣлище для этихъ обезьянъ видѣть, какъ парижанинъ ѣстъ и пьетъ! Въ первомъ ряду сидѣли самки каждая съ хорошенькой обезьяной на рукахъ; позади помѣщались болѣе свирѣпые самцы и, наконецъ, на краю крыши возсѣдалъ старый король. Эта галлерея была до того комична, и обезьяны сидѣли такъ неподвижно, что я нѣсколько разъ пытался снять ихъ фотографически; но при видѣ инструмента, который они принимали за новый видъ ружья, всѣ обезьяны спасались съ воемъ. Лангуръ — животное само по себѣ смирное и легко обращается въ бѣгство, но оно становится опаснымъ врагомъ, когда его ранятъ или если оно думаетъ быть пойманнымъ; сила его челюстей — громадная, а въ соединеніи съ ловкостью, съ какою она пользуется своими руками, она дѣлаетъ его въ минуты ярости столь же страшнымъ какъ гіена или пантера.

Амберъ основанъ Минасами, первобытнымъ племенемъ Нагорной Индіи, и названъ ими «Амба» или «всемірная мать;» сдѣлавшись ихъ столицею, онъ назывался также «Гатъ Рани» или «Царица горъ.» Это былъ еще цвѣтущій городъ, когда въ 967 году имъ овладѣлъ съ помощью измѣны Теджъ-Палъ-Даола и сдѣлалъ его столицею новаго королевства Кучвага. Благосостояніе города возрастало вмѣстѣ съ могуществомъ его владѣтелей, и онъ быстро сдѣлался однимъ изъ первыхъ городовъ Раджистана. Въ 1580 году король Манъ-Сингъ заложилъ нынѣшній дворецъ, заключивъ между новыми строеніями феодальную башню первыхъ королей, остатки которой существуютъ до сихъ поръ позади ценанаха. Около 1630 года Мирзараджа, Джей-Сингъ I прибавилъ къ нему Джессъ-Мундеръ, Деванъ-Кану и нѣсколько другихъ дворцовъ; окруживъ всѣ эти зданія укрѣпленною стѣною, этотъ раджа устроилъ плотины на озерѣ Талъ-Кутора и создалъ чудесные сады

Банды. Великій Сова, Джей-Сингъ II, вступившій на престолъ въ 1693 году, закончилъ твореніе своихъ предшественниковъ, воздвигнувъ великолѣпный порталъ, который носитъ его имя; но неприступное положеніе его столицы, недостатокъ пространства, не дозволявшій ему исполнить задуманные имъ планы и невозможность воздвигнуть тамъ сооруженія, достойныя его имени, заставили его оставить этотъ городъ. Въ 1728 году онъ построилъ Джейпуръ и, выведя жителей Амбера изъ ихъ дикихъ ущелій, далъ имъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ.

Это былъ роковой ударъ для старой Царицы Горъ; оставленная своимъ населеніемъ, древняя столица лишилась мало по малу и тѣхъ послѣднихъ семействъ, которыхъ удерживали тамъ еще преданія, и сохранила отъ своего прежняго великолѣпія только нѣсколько памятниковъ и имя, уважаемое какъ колыбель славы величія Кучвагасовъ. Ее постигла таже участь какъ Шиттору въ Мейварѣ и Мундоръ въ Марварѣ, и теперь это большой городъ, украшенный великолѣпными памятниками и населенный только жрецами, вѣрными своимъ алтарямъ, да обезьянами и дикими звѣрями.

Развалины города занимаютъ всю сѣверо-восточную часть долины; базары и дома представляютъ груду мусора, покрытую густою растительностью, но княжескія жилища значительныхъ фамилій Кучвагасовъ сохранились лучше. Жаль, что основатели Джейпура оставили простой, оригинальний и грандіозный стиль, который дѣлаетъ большинство этихъ домовъ замѣчательными памятниками архитектуры; посреди вѣковыхъ манговыхъ деревьевъ, наполняющихъ дно оврага, видны мрачные своды, высокіе, рѣзные фронтоны и длинныя колоннады дворцовъ Амбера. Нигдѣ природа не украсила такъ быстро и такъ роскошно произведеній человѣка; предоставленная самой себѣ, она покрыла стѣны ліанами и цвѣтами, усадила дворцы тѣнистыми садами и разбросала свои кактусы и вьюны по рѣшеткамъ мраморныхъ террасъ. Проходя по этимъ безмолвнымъ улицамъ, гдѣ между растрескавшимися плитами растетъ высокая трава, испытываешь тихую грусть, какую нерѣдко вызываютъ болшею частію голыя и унылыя развалины; здѣсь же солнце, проникая черезъ вѣтви деревъ, ярко освѣщаетъ эту смѣсь зелени и рѣзнаго камня; таинственныя тропинки приводятъ васъ къ маленькимъ прудкамъ, окруженнымъ портиками, а на ихъ берегахъ рѣзвятся семейства лангуровъ. Храмы въ долинѣ многочисленны и по большей части хорошо поддерживаются; они построены въ изящномъ стилѣ, въ особенности храмъ, посвященный

Магадео, въ которомъ *золотой кіоскъ* можетъ по истинѣ назваться образцовымъ произведеніемъ скульптуры.

Утромъ и вечеромъ въ долинѣ раздается изъ храмовъ звонъ бронзовыхъ гонговъ. Съ дворцовой стѣны имъ отвѣчаютъ огромные королевскіе *нжкарасъ*, привѣтствуя восходъ и закатъ солнца—предка ихъ короля. Перезвонъ этихъ колоколовъ и бубенъ имѣетъ вечеромъ какую-то особенную прелесть; звонъ этихъ колоколовъ это послѣдній вздохъ Амбера; въ недалекомъ будущемъ скептицизмъ или какая нибудь другая религія разрушитъ Мундилы Магадео и тогда смолкнетъ на вѣки эхо святой долины. Въ центрѣ города находится лингамъ, помѣщенный въ басейнѣ, который наполняется источникомъ; древнее пророчество гласитъ, что Амберъ исчезнетъ въ тотъ день, когда вода покроетъ лингамъ; онъ возвышается теперь только на нѣсколько сантиметровъ надъ поверхностью воды, и брамины начинаютъ тревожиться. Въ восточномъ кварталѣ находится нѣсколько плохихъ базаровъ, которые снабжаютъ жрецовъ необходимымъ; возлѣ нихъ возвышается прекрасная мечеть построенная Джей Сингомъ II; актъ вѣротерпимости не удивительный со стороны человѣка такихъ рѣдкихъ достоинствъ.

Я уже сказалъ, что долина окружена со всѣхъ сторонъ горами, не оставляющими нигдѣ прохода; онѣ понижаются только на сѣверо-западѣ, открывая великолѣпныя равнины Бангунга и королевство Ульвуръ. Въ этомъ мѣстѣ находятся укрѣпленныя ворота, къ которымъ примыкаютъ стѣны, окружающія долину и проходящія по гребню горъ; онѣ составляютъ вмѣстѣ съ Джейпурскими воротами, къ которымъ ведетъ очень крутой скатъ, единственный доступъ въ долину. Наружная стѣна тянется болѣе чѣмъ на 30 километровъ, а вторая тянется на 15 кил. Эти толстыя стѣны, построенныя изъ гранита, скрѣпленнаго цементомъ, снабжены амбразурами, дозорными дорожками и укрѣпленными воротами. Эти укрѣпленія соединяются съ превосходной крѣпостью Наргуръ, которая занимаетъ огромное плато и защищаетъ въ одно и тоже время Амберъ и Джейпуръ.

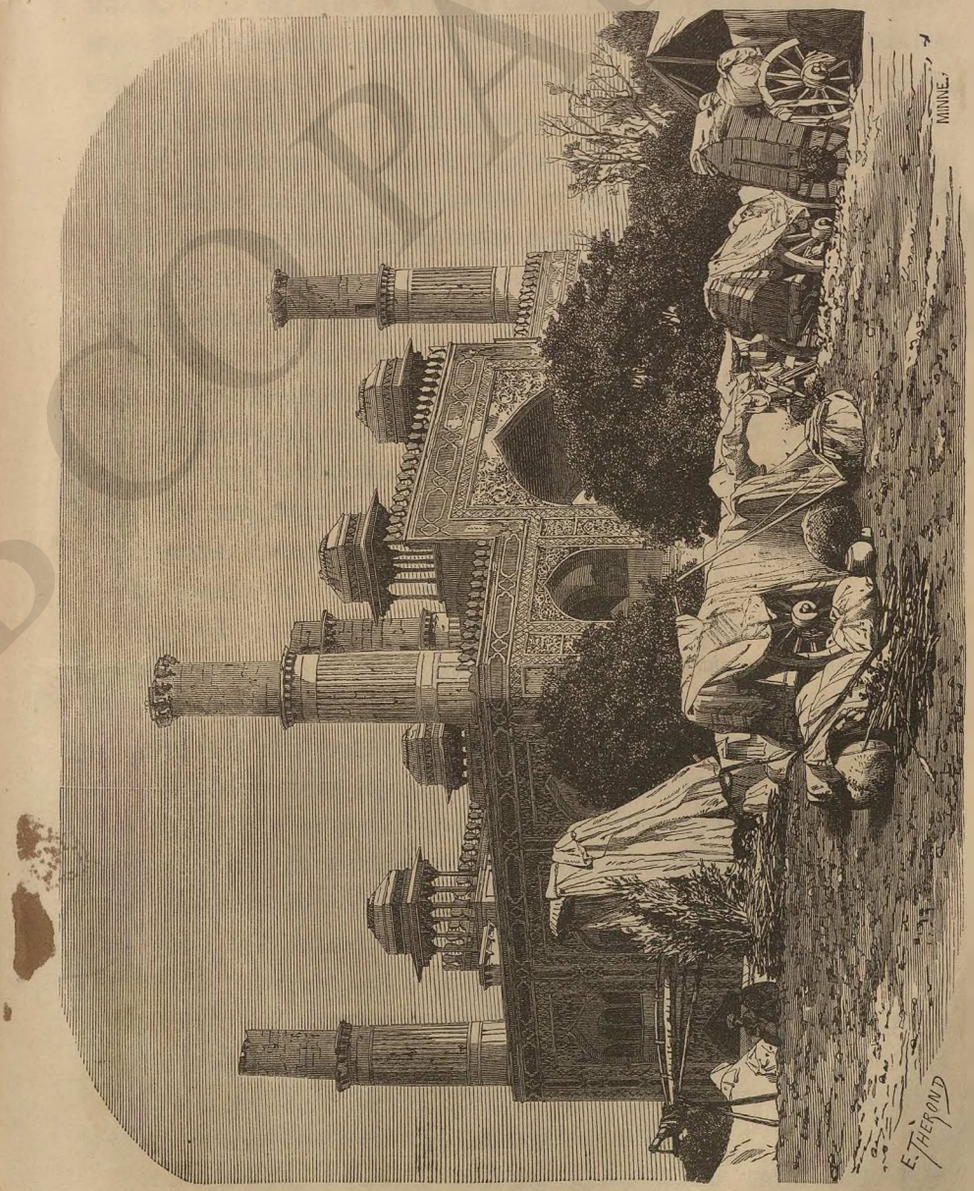
На равнинахъ, простирающихся передъ восточными воротами, находятся прекрасные храмы, нѣсколько древнихъ дворцовъ и замѣчательное собраніе гробницъ первыхъ раджей Амбера. Для охотника равнины представляютъ также большой интересъ, такъ какъ на нихъ водятся дикія козы, горныя лани, пантера и королевскій тигръ.

Въ первыхъ числахъ сентября мы вернулись въ Джейпурскій бунгаловъ, а два или три дня спустя мы двинулись въ путь на этотъ разъ по

направленію къ западу, чтобы осмотрѣть большое соленое озеро Самберъ, лежащее въ 60-ти миляхъ отъ этого города, среди пустыни Марустанъ. Стараясь хотя отчасти избѣжать утомительнаго пути по песчанымъ равнинамъ, мы пошли по Ажмирской дорогѣ и свернули съ нея только пройдя Бугру; затѣмъ мы прошли въ два дня 40 километровъ по ужасной странѣ, покрытой одними песчаными буграми, среди которыхъ мѣстами разбросаны бѣдныя деревушки.

Расположившись лагеремъ на берегу маленькой рѣчки Банди, на разстояніи одного дня ходьбы отъ Самбера, мы встрѣтили цѣлое полчище саранчи, которая покинула свое безводное отечество, чтобы опустошить прекрасныя равнины Ганга и Джумны. Саранча появилась на горизонтѣ по утру подобно тучѣ, и въ полдень спустилась около насъ на землю съ шумомъ, напоминающимъ сильный градъ. Все время покуда шелъ этотъ дождь небо казалось померкшимъ, а когда солнце снова засіяло, то мы увидѣли, что земля была покрыта на протяженіи нѣсколькихъ километровъ плотнымъ слоемъ этихъ насѣкомыхъ. Въ нѣсколько минутъ они наполнили нашу палатку и намъ пришлось сражаться съ ними; въ этомъ помогли намъ наши быки и верблюды, глотавшіе ихъ съ большою жадностью. Къ четыремъ часамъ саранча поднялась на нѣсколько сотъ метровъ отъ земли и полетѣла далѣе къ востоку. Я разсмотрѣлъ нѣсколько штукъ саранчи и она, какъ мнѣ показалось, не многимъ отличается отъ той, которая опустошаетъ восточную Европу и сѣверъ Африки. Ея тѣло, прекраснаго розоваго или блѣдно-желтаго цвѣта, имѣетъ въ длину около шести сентиметровъ; крылья у нея длинныя, прозрачны и покрыты темными пятнами. Саранча часто пролетаетъ въ этой мѣстности и индѣйскіе земледѣльцы боятся ее какъ самаго опаснаго бича; если она опустится на поле въ то время, когда побѣги еще молоды, то жатва гибнетъ безвозвратно. Ее стараются удалить производя шумъ и разжигая костры, но я не знаю на сколько этотъ способъ оказывается успѣшнымъ.

Соленое озеро Самберъ представляетъ обширную водную плоскость окружностью около 30 километровъ; оно лежитъ въ 40 миляхъ къ сѣверу отъ Ажмира, на границѣ государствъ Джейпуры и Джудпуры. Изъ ея воды, которая очень солона, добываютъ прозрачную соль простымъ выпариваніемъ, что доставляетъ значительный доходъ обоимъ раджамъ, которымъ принадлежитъ это озеро. Самберъ лежитъ къ юго-востоку отъ озера въ Джейпурскомъ королевствѣ, а Мароашъ—къ сѣверо-западу, у подошвы Аравалисскихъ горъ въ Джудпурѣ.



Секундра.

Самберъ основанъ въ 685 году Маникой Раэ; до паденія Раджпутанскаго королевства Дели, онъ считался главнымъ удѣломъ императоровъ, которые титуловались прежде всего Самбри Рао, т. е. королями Самбера. Легенда говоритъ, что Маника, изгнанный изъ Ажмира мусульманами, бѣжалъ въ пустыню грустный и измученный; онъ намѣревался лишить себя жизни, когда ему явилась богиня Сакамбара, покровительница его племени. Она обѣщала дать ему въ полное владѣніе и оплодотворить все пространство земли, которое онъ успѣетъ объѣхать верхомъ въ одинъ день, строго приказавъ ему не оглядываться назадъ по пути. Маника поѣхалъ и былъ уже близокъ къ цѣли, когда, позабывъ повелѣніе богини, онъ обернулся; каково же было его удивленіе когда онъ увидѣлъ за собою вмѣсто плодоносной равнины безконечную водяную поверхность! Однако онъ утѣшился и поселился на берегу озера, основавъ тутъ городъ, названный имъ Сакамбари, откуда и происходитъ названіе Самберъ. Самый городъ не представляетъ въ настоящее время ничего любопытнаго; всѣ его жители заняты добываніемъ соли и работаютъ для раджи; нѣсколько древнихъ памятниковъ совершенно развалились и изъ нихъ уцѣлѣла одна только статуя Сакамбари, поставленная Маникой на островѣ, вблизи города. Съ виду озеро очень красиво; оно разливается величественно между маленькими, лѣсистыми холмиками и омываетъ предгорія Аравалиса, которыя виднѣются на горизонтѣ.

Мы посѣтили Самберъ въ самое невыгодное время для изученія способа добыванія соли, такъ какъ работы, прекратившіяся по случаю дождей, должны были начатся не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе я получилъ всѣ желаемые свѣдѣнія и видѣлъ великолѣпные пласты соли, выполированные какъ мраморъ, и огромные кристаллы ея, прозрачные какъ хрусталь. Ежегодный доходъ, получаемый двумя совладѣтельными государствами отъ солеварковъ Самбера, простирается до 145 лакъ рупій или 36.250,000 франковъ. Эта соль употребляется во всей сѣверной Индіи отъ Ажмира до Калькуты и ее предпочитаютъ соли, добываемой изъ соляныхъ копей Пенджаба.

Возвратясь въ Джейпуръ изъ этой экскурсіи, надобно было подумать о дальнѣйшемъ путешествіи и подготовить все къ отъѣзду. По пути въ Агру я хотѣлъ посѣтить дворъ Ульвура; Магараджа обѣщалъ дать мнѣ конвой, необходимый для этого путешествія.

2-го октября, наканунѣ отъѣзда, происходило наше послѣднее свиданіе съ Магараджею; онъ принялъ насъ въ одномъ изъ кіосковъ дворцоваго сада въ присутствіи только двухъ нашихъ друзей: Бакши

и Пундита. Въ это послѣднее, болѣе памятное свиданіе, Рамъ Сингъ показался намъ симпатичнѣе чѣмъ когда либо; онъ былъ чрезвычайно любезенъ и спрашивалъ меня доволенъ ли я своимъ пребываніемъ при его дворѣ и какое впечатлѣніе я вынесъ изъ всего видѣннаго мною здѣсь. Наконецъ принесли розовую воду и бетель, которые король самъ вручилъ намъ, надѣвъ намъ на шею гирлянды цвѣтовъ; онъ пожалъ намъ обоимъ руку, пожелавъ намъ счастливаго пути. Мы сдѣлали уже нѣсколько шаговъ, когда онъ сдѣлалъ намъ знакъ рукою и закричалъ: «Сагибъ! ядъ вако»! (Господа, не забывайте меня). Я былъ чрезвычайно удивленъ такимъ дружескимъ, любезнымъ прощаніемъ со стороны столь холоднаго человѣка. Во всякомъ случаѣ мнѣ остается только поблагодарить его за щедрость и любезный пріемъ, оказанный мнѣ, какъ французскому путешественнику.

КАРТА ДОЛИНЫ ГАНГА (ЗАПАДНЫЙ РАЙОНЪ)

© ГПНТБ

XXIII.

Королевство Ульвуръ.

Могунпоръ. — Горы Мевати. — Гудба. — Крѣпость Раджгуръ. — Зеркальный дворецъ. — Смерть антилопы. — Пріемъ, оказанный намъ въ Ульвурѣ.

3 октября. — Мы выѣхали изъ Джейпура въ два часа пополудни, задержанные, какъ всегда случается, тысячью мелочами по устройству каравана. Наши лошади и два санисъ (sanis) изъ королевской суттерканы предназначались подъ сѣдло; двѣнадцать верблюдовъ были навьючены нашимъ багажемъ, везли нашихъ слугъ и палатки; конвой составляли четыре всадника и одинъ гаркара. Прекрасная дорога, съ бунгалова, поддерживаемая Джейпорскимъ правительствомъ идетъ отъ этого города въ Агру; къ сожалѣнію намъ приходится ѣхать по ней всего два дня, а затѣмъ приходится свернуть въ поля, по тропинкамъ протоптаннымъ стадами и гдѣ мы не найдемъ другаго убѣжища кромѣ нашихъ шатровъ.

Мы ѣхали нѣсколько времени вдоль городскихъ стѣнъ и миновали подошву Мути Дунгри (Жемчужная гора) — любопытной уединенной скалы, на которой возвышается древній дворецъ Амберскихъ королей. Дорога выходитъ изъ Джейпурской долины черезъ узкое, темное ущелье, стѣсненное высокими горами. Это ущелье длиною отъ двухъ до трехъ километровъ изобилуетъ прелестными видами; богатые джейпурцы настроили храмовъ, прелестныхъ виллъ и развели сады, въ которыхъ ты-

© ГПНТБ СО РАН

сячи ручейковъ журчатъ подъ исполинскими бананами и благоухающими рощицами апельсинныхъ деревъ. Можно сказать, что отличительная черта этой части Индіи состоитъ въ томъ, что тутъ на каждомъ шагу представляются самыя рѣзкія противуположности; рядъ черныхъ скалъ, о которыя разбиваются золотистыя волны пустыни, нерѣдко скрываетъ отъ глазъ прохладное и тѣнистое убѣжище; тамъ, гдѣ какая нибудь преграда останавливаетъ песокъ, вы находите по другую сторону воду и плодовосную почву.

Подобно тому какъ у прохода Добарри, въ Удейпурѣ, большія укрѣпленныя ворота и здѣсь запираютъ входъ въ ущелье, и съ этой стороны совершенно заграждаютъ доступъ въ Джейпуръ. За горами на необозримое пространство тянутся равнины, орошаемыя Багунгой (сестра Ганга), однимъ изъ притоковъ Джумны. Страна эта не такъ несчана, лучше воздѣлана и болѣе лѣсиста нежели та, которую мы оставили позади. Хотя дорога находится въ очень хорошемъ состояніи, но почва такъ неровна, что мы достигли Могуннорскаго бунгалова лишь въ 8 часовъ, пройдя 21 милю. Мы нашли комнаты въ очень хорошемъ состояніи, но онѣ были наполнены большими черными скорпіонами, и мы убили ихъ довольно много прежде, нежели легли спать.

4 октября.—Могунпоръ—хорошенькая раджпутанская деревня, окруженная великолѣпными пашнями. Мѣстность тутъ очень волнистая и образуетъ весьма живописную равнину; на горизонтѣ повсюду виднѣются горы. Въ шести миляхъ отъ нашего лагеря мы увидѣли Джерра-ка Баоли—великолѣпную цистерну, къ которой сходятся всѣ индійскіе путешественники. За этой деревней широкій склонъ ведетъ въ долину, низменная почва которой покрыта чернымъ и жирнымъ черноземомъ; нѣсколько километровъ далѣе, красивый городокъ Джетвари кокетливо раскинулся по берегамъ потока. Мы прибыли въ Бурану до заката солнца и нашли здѣсь развалившійся бунгаловъ въ очень печальномъ состояніи.

Пятаго числа одинъ изъ нашихъ верблюдовъ слегка захворалъ и это задержало насъ цѣлый день въ Буранѣ. Вечеромъ я отправилъ нашъ караванъ въ мѣстечко Гуда, чтобы приготовить намъ лагерь къ слѣдующему дню, такъ какъ намъ придется свернуть съ большой дороги, и мы не найдемъ болѣе бунгалова.

6-го октября.— Выѣхавъ изъ Бураны въ два часа утра, мы ѣхали ночью по однообразнымъ равнинамъ, хорошо обработаннымъ и рѣдко поросшимъ лѣсомъ. На восходѣ солнца мы очутились въ прелестной го-

ристой странѣ, перерѣзанной великолѣпными долинами; многочисленныя деревни весело раскинулись среди роскошныхъ пашней. Горы, окружающія насъ, все еще составляютъ часть большой цѣпи Аравалисскихъ горъ, вдоль которой мы ѣдемъ съ Ахмедабада; эти горы образуютъ цѣпь Мевати.

По другую сторону перваго ряда вершинъ мы увидѣли рѣку Бангунгу, которая принимаетъ воды съ горъ Кали-ко и Мевати и, пробѣжавъ болѣе 200 англійскихъ миль, изливается въ Джумну. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправились черезъ рѣку, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ истока, русло имѣетъ уже отъ трехъ сотъ до четырехъ сотъ метровъ въ ширину, но теперь оно почти совершенно высохло. Спускаясь съ горы въ дождливое время года, рѣка со стремительностью потока наполняетъ его громадное русло и, выходя даже изъ береговъ, вышиною въ 18 метровъ, опустошаетъ прибрежныя поля, вымывая въ нихъ глубокія рытвины въ обѣ стороны на разстояніи одного километра.

На лѣвомъ берегу Бангунги лежитъ мѣстечко Гудга, гдѣ поджидалъ насъ конвой. Этотъ небольшой городокъ, расположенный въ плодоносной мѣстности, повидимому пользуется благосостояніемъ; дома, построенные изъ обожженой глины, окаймляютъ тѣсныя и кривыя, но замѣчательно чистыя, улицы; рощицы *беры* (дикая слива), осѣняютъ предмѣстья города, окружая его зеленымъ поясомъ. Гудга была удѣломъ и феодальной резиденціей такура, котораго Рамъ Сингъ лишилъ его владѣній. Къ сѣверу отъ города возвышается жилище его прежняго владѣльца: это большей бастіонъ съ высокими, толстыми земляными стѣнами, защищенными глубокимъ и широкимъ рвомъ, выложеннымъ камнемъ и наполненнымъ водою. Эту маленькую крѣпостцу можно принять за настоящій типъ укрѣпленій этой части Раджпутана, и хотя она построеуже нѣсколько столѣтій тому назадъ, но форма ея немного отличается отъ инженерныхъ нововведеній, принятыхъ въ Европѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. За этими то земляными стѣнами раджпуты защищались отъ огня монгольской и англійской артиллеріи и не далѣе какъ 50 лѣтъ тому назадъ отразили англичанъ отъ Буртпоры. Наши палатки раскинуты у основанія крѣпости Гудга, подъ индѣйской смоковницей, вѣковыя вѣтви которой образовали сводъ, достойный любаго собора. Это мѣстечко удобно во всѣхъ отношеніяхъ: оно и живописно и прохладно.

7-го октября.—Выѣхавъ въ ночь, мы достигли въ пять часовъ Бусвы, пограничнаго города Джейпуры; изъ за высокихъ земляныхъ стѣнъ,

снабженныхъ узкими потернами виднѣется только нѣсколько крышъ; лагерь джейпурскихъ солдатъ вблизи города напоминаетъ намъ, что мы проходимъ по странѣ, которой грозитъ неминуемая война.

Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ этого города мы перешли границу, означенную простымъ столбомъ и вступили на территорію Магарао Ульвура, въ древній Меватъ. Мѣстность становится все болѣе и болѣе интересною; горы, съ причудливыми, зубчатыми вершинами, образуютъ громадныя котловины, покрытыя богатою растительностью и усѣянныя большими деревнями. По богатству и плодородію, эта страна напоминаетъ лучшія мѣстности Гудзурата, но равнины его разумѣется далеко не такъ красивы. Синеватый туманъ носится надъ полями и покрываетъ склоны горы; раздаются звонкіе дѣтскіе голоса, слышится пѣніе крестьянъ и гармоническое скрипѣніе колесъ гидравлическихъ машинъ для орошенія полей; эхо весело повторяетъ звуки гонговъ съ пагодъ, которые сливаются съ восхитительнымъ концертомъ природы; въ легкія проникаетъ свѣжій, рѣзвый воздухъ,—все придаетъ этой картинѣ невыразимую прелесть.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ по этой очаровательной мѣстности, мы достигли Раджгура (домъ короля) — древней столицы княжества; она лежитъ въ глубинѣ круглой долины, окруженной зубчатыми хребтами горъ. Здѣсь уже предупреждены о нашемъ пріѣздѣ и Магарао отдалъ приказаніе, чтобы намъ оказали хорошій пріемъ. Насъ прямо отвели въ Гунга-Баугъ (садъ Ганга)—великолѣпный садъ, гдѣ мы нашли на берегу прекраснаго озера прелестный лѣтній дворецъ, полускрытый померанцевою рощею. *Котвалъ* или начальникъ города принялъ насъ въ этомъ дворцѣ и поднесъ намъ отъ имени короля прекрасныхъ плодовъ, овощей и дичи.

Раджгуръ основанъ однимъ изъ рао Матшери на мѣстѣ древней столицы Минасовъ. По своему положенію въ глубинѣ котловины, окруженной неприступными горами, онъ напоминаетъ Амберъ, но далеко уступаетъ ему по красотѣ. Его кварталы расположены въ глубинѣ долины и прорѣзаны по всѣмъ направленіямъ длинными и прекрасными улицами. Короли Маджеры, принявъ титулъ Раджей Ульвура покинули Раджпуръ окончательно не болѣе какъ 50 или 60 лѣтъ тому назадъ и хотя въ этомъ городѣ теперь очень мало жителей, но базары его до сихъ поръ весьма оживлены. Самая интересная его часть—это старый кварталъ съ его красивыми дворцами, многочисленными храмами и большими дворами, выстланными мраморомъ.

Къ сѣверу отъ города возвышается обнаженная, крутая скала, на которой стоитъ крѣпость раджей. Изъ долины она смотритъ очень грозно; ея зубчатыя стѣны идутъ по краямъ верхней площадки и соединяются крытыми дорогами съ рядомъ укрѣпленныхъ башень и бастіоновъ, защищающихъ ея основаніе; на верху громоздятся строенія дворца — красивая смѣсь феодальной и раджпутанской архитектуры. Въ крѣпость ведетъ очень крутой подъемъ, защищенный брустверами съ бойницами и нѣсколькими гауптвахтами. *Килирадъ*, комендантъ крѣпости встрѣтилъ насъ со своимъ штабомъ и поднялся вмѣстѣ съ нами, останавливая насъ время отъ времени, чтобы полюбоваться великолѣпною панорамой, которая становилась все обширнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ вершинѣ; оттуда можно было однимъ взглядомъ обнять весь городъ, высокіе бѣлые дома котораго рѣзко выдѣляются на темномъ лѣсѣ Аравалисскихъ горъ.

Дворецъ, построенный весь изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, подобнаго парросскому и который добывается здѣсь изъ громадныхъ каменоломень Шекавати, состоитъ изъ амфилады залъ и покоевъ, выходящихъ на маленькіе дворики, обнесенные галлереями.

Въ самомъ центрѣ дворца находится весьма замѣчательное маленькое зданіе Шишъ Магалъ или Зеркальный дворецъ. Главная зала отдѣлана инкрустаціей изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, которыя раздѣляются красивыми золотыми арабесками; рамы украшены очень любопытными фресками, изображающими главныхъ рао Матшери, сцены изъ миѳологіи и т. п. Эти фрески исполнены съ замѣчательнымъ искусствомъ и состоятъ по большей части изъ множества фигуръ. Передъ этой залой проходитъ веранда, поддерживаемая прекрасными мраморными столбами; штукатурка свода поддѣлана подъ золотую парчу, по которой вышиты цвѣты и животныя. По правой сторонѣ веранды стѣна украшена прекрасною живописью, которая изображаетъ сошествіе короля Пертана Синга въ рай Кришны; на противуположной стѣнѣ другая фреска такой же величины изображаетъ возведеніе на престолъ короля Пертана, при которомъ присутствуетъ Кришна.

Мы спустились въ городъ; солнце исчезало за горою; жители выходили изъ своихъ домовъ и наполняли базары; на крышахъ появилось множество обезьянъ. Обезьяны Раджгура многимъ отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ, населяющихъ горы Кали-ко; они небольшаго роста, коренасты; шерсть ихъ темнобураго цвѣта, но грудь и лицо красноваты; хвостъ ихъ длиною всего въ нѣсколько сантиметровъ. Ихъ считаютъ

низшею породою въ сравненіи съ благородными лангурами, этими цивилизованными обезьянами долины Амбера.

Наконецъ мы возвратились въ Гунга-Баугъ, который былъ наполненъ молодыми людьми, пришедшими изъ города; они рѣзвились въ священномъ озерѣ, находящемся въ центрѣ сада. Воздухъ наполненъ благоуханіемъ апельсинныхъ и гранатовыхъ деревъ и другихъ пахучихъ кустарниковъ, окружающихъ нашъ павильонъ; взрывы веселаго хохота купающихся отражаются подъ густымъ сводомъ этого лѣска.

9 октября — Въ три часа утра мы оставили Раджгуръ, а въ восемь были уже въ Малакерѣ. Деревня живописно раскинулась на небольшой возвышенности въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ большаго лѣса; у входа въ нее возвышается феодальная башенька такура съ своими старыми, потрескавшимися башеньками и земляными валами.

Наши слуги устроили намъ лагерь подъ вѣковымъ бананомъ, гигантскія вѣтви котораго покрываютъ тѣнью наши палатки и экипажи; недалеко отсюда находятся обнаженныя лощины, обитаемыя полудикими свиньями, которыя бродили до нашихъ пикетовъ. Днемъ насъ посѣтилъ такуръ; извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ своимъ сюзереномъ, Магарао, онъ поспѣшилъ доставить намъ цурбари (подарокъ, назначенный королевскимъ фирманомъ) изъ всѣхъ необходимѣйшихъ провизій. Однако вечеромъ одно печальное обстоятельство нарушило наши дружелюбныя отношенія къ владѣльцу: поохотившись въ окрестностяхъ, которыя изобилуютъ дичью, мы возвратились съ нѣсколькими антилопами, въ числѣ которыхъ одинъ изъ соваровъ узналъ любимаго звѣря такура, который сбѣжалъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Увѣдомленный о случившемся, баронъ самъ пришелъ требовать выдачи трупа, безъ сомнѣнія для того, чтобы устроить ему пышныя похороны, и хотя я тотчасъ же согласился на это требованіе и высказалъ ему мое искреннее сожалѣніе о несчастномъ случаѣ, который мы никакъ не могли предвидѣть, однако такуръ унесъ свою любимицу, не отвѣтивъ мнѣ ни слова.

10 октября. — Рано утромъ мы оставили Малакеру и, идя скорымъ шагомъ цѣлыхъ четыре часа, достигли на разсвѣтѣ предмѣстья Ульвура.

Не смотря на ранній часъ насъ встрѣтилъ на дорогѣ Канджи Муллъ, секретарь рао, который привезъ намъ поклонъ отъ короля и провелъ насъ по его приказанію во дворецъ Армуджанъ-Баугъ, гдѣ все было приготовлено къ нашему пріему. Тутъ сердаръ показалъ намъ комнаты и объявилъ намъ, что рао отдаетъ въ полное наше распоряженіе это царское жилище со всею прислугою, жизненными припасами, съ полнымъ

погребомъ и конюшнями, наполненными лошадьми, слонами и экипажами. Подобный пріемъ превосходилъ всѣ мои ожиданія и я не старался скрыть этого отъ Канджи, прося его поблагодарить короля.

Дворецъ Армуджанъ возвышается въ срединѣ громаднаго сада; это красивое зданіе построено въ изящномъ стилѣ изъ бѣлаго мрамора, и песчаника. Онъ состоитъ изъ двухъ павильоновъ, соединенныхъ рядомъ колоннъ и помѣщающихся на высокой террасѣ, окруженной зеленью. Плоская каменная крыша ея образуетъ вторую террасу, откуда видѣнъ весь городъ и длинная цѣпь горъ.

Внутреннее расположеніе дворца очень понравилось мнѣ: комнаты, отдѣланныя просто, но со вкусомъ, защищены отъ солнца широкими верандами и выходятъ на маленькіе внутреніе дворики, превращенные въ цвѣтники; при каждой изъ нихъ есть своя купальня отдѣланная лѣпною работой и гдѣ стоятъ тяжелые *гурга* съ холодной водою.

Къ нашему дворцу примыкаетъ Мути-Баугъ, лѣтняя резиденція раджи въ которой помѣщались нѣкогда англійскіе посланники. Это огромный дворецъ, прекрасной архитектуры съ большимъ паркомъ, распланированнымъ на англійскій ладъ. Немного далѣе возвышается остроконечная вершина конической формы; скаты ея изрѣзаны террасами, на которыхъ устроены висячіе сады, громоздящіеся одинъ надъ другимъ до самой вершины, на которой стоитъ павильонъ; это такъ называемая Мути Дунгри или Жемчужная скала. Рао приходитъ сюда каждый вечеръ подышать восхитительнымъ воздухомъ этого благоухающаго лѣса. Онъ не нарушилъ своей привычки и въ день нашего пріѣзда, и мы видѣли, какъ онъ внимательно разсматривалъ насъ оттуда въ зрительную трубу. Не знаю увеличивала ли она предметы на столько, что онъ могъ замѣтить нашу нерѣшимость: пойти-ли тотчасъ засвидѣтельствовать ему наше почтеніе, или подождать оффиціальнаго приглашенія. Какъ бы то ни было, но онъ прислалъ чубдара предупредить насъ, что онъ приметъ насъ завтра во дворцѣ.

XXIV.

Ульвуръ.

Меватъ.—Шеоданъ-Сингъ.—Городъ и дворцы.—Свиданіе съ Магараджею.—Приключеніе на охотѣ.—Баядерки въ Армуджанѣ.—Призракъ войны.

Ульвуръ, столица Меваты, лежитъ приблизительно въ 90 миляхъ къ сѣверу отъ Джейпуры, въ горной цѣпи Мевати.

О странѣ Меватъ упоминается впервые около 1265 г., когда императоръ Гаясъ-Удинъ вторгнулся въ нее, чтобы наказать меватійцевъ за ихъ разбойничьи набѣги, которые они простирали до самаго Дели. Страшная рѣзня не особенно исправила ихъ, такъ какъ и въ новѣйшія времена они пользовались извѣстностью закоренѣлыхъ разбойниковъ. Около 1720 года одному дундгарскому барону, Пертапу рао изъ Матчери удалось отнять Мевату у моголовъ, и онъ сдѣлалъ Раджпуръ своею столицею: въ 1774 г. наслѣдникъ его, желая загладить этотъ поступокъ, предложилъ свою помощь Дели въ борьбѣ съ страшными Джатами, получилъ въ награду титулъ Магарао-Раджи и королевство его было признано независимымъ. Отложившись тогда окончательно отъ Джейпуры, у которой онъ отнялъ нѣсколько земель, онъ основалъ королевство Матшери и окончательно сдѣлалъ своею столицею Ульвуръ. Во время вмѣшательства англичанъ въ дѣла Индостана, Магарао во время подчинился имъ, сохранивъ этой политической тактикой всѣ свои владѣнія, которыя иначе сдѣлались бы добычею завоевателя.

Впослѣдствіи королевство Ульвуръ было признано союзнымъ Англіи и оно платитъ небольшую подать правительству Бенгаліи. Расходы его не превышаютъ 35 и 38 лакъ рупій.

Нынѣшній король—Шеоданъ-Сингъ, четвертый Магарао-Раджа Ульвура, вошелъ на престолъ въ 1858 году, 14 лѣтъ отъ роду. Во время его несовершеннолѣтія государствомъ управлялъ совѣтъ регентства, подъ предсѣдательствомъ политическаго агента Англіи. Пылкій и странный отъ природы, Шеоданъ-Сингъ въ нѣсколько лѣтъ навлекъ холодность англійскаго правительства. Послѣдній его поступокъ, характеризующій вполнѣ вспыльчивый характеръ молодого короля, былъ поводомъ къ отозванію отъ его двора англійскаго повѣреннаго. Вотъ, по словамъ одного очевидца, какъ происходило это дѣло: въ числѣ молодыхъ придворныхъ, приближенныхъ къ королю, былъ одинъ, по имени Богадуръ, человѣкъ богатый и любимецъ раджи; однажды, когда они присутствовали вмѣстѣ при возвращеніи дамъ съ прогулки въ ценанахъ, Богадуръ позволилъ себѣ грубую насмѣшку на счетъ лошадей раджи; не смотря на просьбы всѣхъ присутствующихъ и мольбы неосторожнаго царедворца, король, ослѣпленный гнѣвомъ, немедленно приказалъ евнухамъ снять съ него всѣ его украшенія и обезглавить въ одномъ изъ подваловъ дворца. Узнавъ объ этомъ происшествіи, англійскій агентъ оставилъ Ульвуръ и съ тѣхъ поръ уже не возвращался въ него. Но Шеодану грозитъ другая опосность, вслѣдствіи которой онъ можетъ лишиться престола; она заключается въ пристрастіи, которое онъ, будучи раджпутомъ, выказываетъ къ магометанамъ, религію которыхъ, говорятъ, онъ даже исповѣдуетъ втайнѣ. Всѣ такуры его королевства, опасаясь какъ бы онъ не принялъ ее оффиціально, интригуютъ противъ него, такъ какъ это лишило бы ихъ многихъ привилегій. Трудно предсказать, что случится съ королевствомъ Ульвуръ при такомъ сильномъ сосѣдѣ какъ Джейпура, особенно, если новыми неблагоразумными поступками оно лишится покровительства Англіи.

На другой день нашего пріѣзда, мы пошли съ Канджи осматривать городъ. Къ нему ведетъ великолѣпная аллея, усаженная большими деревьями и окаймленная прекрасными виллами; она идетъ по многолюднымъ предмѣстьямъ къ главнымъ воротамъ, называемымъ Делисскими.

Видъ Ульвара необыкновенно хорошъ: построенный амфитеатромъ на холмѣ, увѣнчанномъ его многочисленными дворцами, городъ лежитъ при входѣ въ котловину, окруженную странно зазубренными остроконечными горами значительной высоты. Укрѣпленія окружаютъ его какъ бы сплошною стѣною, вооруженной бастіонами, и соединяются куртинами съ крѣпостями и маленькими фортами, занимающими всѣ вершины. Крутые склоны горъ покрыты богатою растительностью, ко-

торая точно нависла надъ городомъ; со стороны равнины онъ замыкается сплошнымъ лѣсомъ садовъ. Наконецъ, самыя вершины, состоящія изъ кварца молочнаго цвѣта съ легкимъ радужнымъ оттѣнкомъ блестятъ на солнцѣ подобно ледникамъ.

Мы вошли въ городъ черезъ ворота со сводами, вооруженныя артилеріей и имѣющія довольно грозный видъ. Городъ кажется населенъ довольно густо; но дома его грязны и базары очень тѣсные. Однако городъ прорѣзанъ нѣсколькими широкими и чистыми улицами, которыя, начинаясь у городскихъ воротъ, соединяются въ центрѣ города подъ громаднымъ куполомъ.

Королевскій дворецъ занимаетъ вершину холма; это довольно большая группа зданій, отдѣленныхъ другъ отъ друга и очень разнообразныхъ по стилю. Начатый въ 1780 г., онъ далеко еще не оконченъ, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ. Монументальныя ворота съ прекрасными пагодами по бокамъ ведутъ въ первый, большой дворъ, на который выходятъ только нѣсколько большихъ флигелей, заключающіе въ себѣ конюшни, между тѣмъ какъ одна сторона его занята лачугами и маленькими домиками, въ которыхъ живутъ слуги; вторыя ворота, испещренныя грубыми фресками, ведутъ въ другой дворъ, гдѣ находится великолѣпный дворецъ въ итальянскомъ стилѣ. Фасады его украшены мраморными пилястрами, но такъ какъ работы прекращены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и зданіе это не нравится Шеоданъ Сингу, то оно имѣетъ видъ очень печальныхъ развалинъ.

Наконецъ мы дошли до настоящаго раджпутанскаго дворца, построеннаго по модели Дига; онъ построенъ на террасѣ, господствующей надъ городомъ, и почти весь сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. Корридоры съ зубчатыми арками окружаютъ дворъ, вымощенный бѣлымъ и чернымъ мраморомъ, на который выходитъ большая аудіенцъ-зала, которая имѣетъ только одинъ недостатокъ, именно то, что она представляетъ точную копію съ залы Дигъ, но за то она сдѣлана не изъ песчанника, а изъ мрамора. Внутренность дворца очень простая, но отдѣлана съ большимъ вкусомъ, исключая нѣсколькихъ залъ, убранныхъ на европейскій ладъ, гдѣ награмождена разная мебель и тысяча произведеній нашихъ фабрикъ, которыя составляютъ предметъ удивленія для туземцевъ. Архитектору пришла счастливая мысль уничтожить лѣстницы; дворецъ имѣетъ три и даже четыре этажа и всѣ они сообщаются между собою наклонными корридорами, которые облегчаютъ восхожденіе. Подобно всѣмъ дворцамъ въ Индіи и это зданіе имѣетъ шитъ-магалъ или хрустальную залу, гдѣ

сосредоточены всѣ богатства скульптурной отдѣлки и накладной работы; хотя современное искусство далеко уступаетъ чудесамъ Амбера или даже Раджпура, однако и здѣсь украшенія сдѣланы весьма артистично и съ баснословною роскошью.

Городъ отдѣленъ отъ горы маленькимъ прудомъ, который представляетъ одинъ изъ наиболѣе живописныхъ и любопытныхъ пунктовъ въ Индіи. Зданія дворца и ценанаха занимаютъ весь восточный берегъ озера; съ южной стороны на высокой террасѣ изъ розоваго песчанника возвышается мавзолей раджи Буктавуръ Синга; на западѣ коническая масса горы Ульвуръ, съ ея вѣнцомъ изъ зубчатыхъ стѣнъ и растительнымъ покровомъ, наклоняется надъ озеромъ, оставляя узкую набережную, по которой вытянулся длинный рядъ очаровательныхъ дворцовъ и храмовъ; наконецъ къ сѣверу возвышается причудливая группа мраморныхъ глыбъ, перемѣшанныхъ храмами и зеленью; на ней, на высотѣ слишкомъ тысячи футовъ, возвышается укрѣпленный замокъ. Таковъ общій планъ картины, но никакое описаніе не передастъ ея красоты; читатель лучше составитъ себѣ объ ней понятіе по четыремъ видамъ, которые я снялъ съ этого живописнаго мѣста.

Мавзолей раджи Буктавура представляетъ изящный типъ раджпутанской архитектуры послѣдняго вѣка;—это красивая смѣсь индо-сарацинскаго и джаинскаго стиля. Построенный весь изъ мрамора на фундаментѣ изъ розоваго песчанника, онъ покрытъ куполомъ оригинальной формы, оканчивающейся массивной каменной верхушкой.

Осмотрѣвъ городъ, Канджи повелъ насъ къ Магараджѣ. Онъ принялъ насъ за просто, окруженный нѣкоторыми приближенными, на одной изъ прекрасныхъ верхнихъ террасъ дворца. Онъ обошелся съ нами весьма привѣтливо и выслушалъ повидимому съ большимъ интересомъ то, что я разсказалъ ему о цѣли нашего путешествія.

Это юноша на видъ чрезвычайно маложавый; онъ невысокъ ростомъ, но удивительно хорошо сложенъ, а руки и ноги его изящны, какъ у женщины. Умное и нѣжное лицо его очень красиво, а взглядъ чрезвычайно симпатиченъ. Глядя на него, нельзя подумать, что онъ такъ жестокъ какъ объ немъ разсказываютъ, но не таковы ли всѣ владѣтели Азіи, деспоты отъ рожденія и привыкшіе съ колыбели, чтобы все преклонялось передъ ними?

На слѣдующій день Магараджа неожиданно посѣтилъ насъ въ Армуджанъ-Баугѣ, отчасти съ намѣреніемъ доказать намъ свое расположеніе, но больше изъ любопытства. Этотъ визитъ, какъ и слѣдовало ожидать,

послужилъ примѣромъ для придворныхъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней насъ посѣтилъ весь дворъ начиная, отъ Девана до городскаго Котвала.

Шеодань Сингъ, какъ истый раджпутанецъ, страстно любитъ охоту. Мы принимали вмѣстѣ съ нимъ участіе въ очень интересныхъ загонщичьихъ охотахъ въ ущельяхъ Аравалиса, по близости отъ города. Мы убили въ это время нѣсколько пантеръ и одного прекраснаго тигра.

Въ одну изъ этихъ экскурсій со мною случилось приключеніе, нерѣдко причиняющее смерть охотникамъ. Мы охотились въ тѣсномъ ущельѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, и такъ какъ загонщики увидѣли пантеру, то охотники помѣстились при входѣ въ оврагъ, черезъ который она должна была пройти. Я сидѣлъ этотъ разъ на великолѣпномъ слонѣ, употребляемымъ рао давно для охоты за дикими звѣрями. Въ ту минуту, когда пантера, выгнанная загонщиками. выскочила изъ чащи, король прицѣлился въ нее такъ удачно, что она покатилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Я прицѣлился, чтобы докончить ее, какъ вдругъ мой слонъ, задрожавъ, повернулся неожиданно и чуть не сбросилъ меня; въ ту же минуту раздался выстрѣлъ изъ моего ружья, и не смотря на усилія магута, слонъ понесъ насъ въ галопъ, подъ вліяніемъ паническаго страха. Подобный испугъ часто овладѣваетъ слонами, даже выдрессированными для охоты. Въ подобномъ случаѣ ослѣпленные страхомъ они бѣгутъ, ломая все на пути, натыкаясь на деревья, и часто разбиваютъ объ вѣтви и вожака, и всадника. Присутствіе духа магута спасло меня отъ судьбы Авесалома; ударяя изо всей силы желѣзнымъ копьемъ по черепу животнаго, ему удалось направить его въ долину, поросшую однимъ только колючимъ кустарникомъ; пробѣжавъ тутъ съ четверть часа утомленный слонъ остановился и покорно сталъ повиноваться вожаку.

Приближался праздникъ Дассара; я уже имѣлъ случай описать его, говоря о Бародѣ. (гл. VII). Я разсказывалъ какою необыкновенной свободою пользуются индусскія баядерки во время этого праздника. Въ Раджпутанѣ, у этого воинственнаго народа, который не всегда удовлетворяется требованіями ценанаха, баядерки всегда пользовались большими льготами. По случаю праздника Дассара здѣсь существуетъ обыкновеніе, чтобы баядерки, выбравъ себѣ патрона изъ числа именитыхъ придворныхъ, собирались во время праздника въ его дворецъ для исполненія религіозныхъ танцевъ ноатри (девять ночей), и жили тутъ все время на его счетъ. Ихъ выборъ падаетъ каждый годъ на

лицо, занимающее самое видное положеніе, и отъ котораго они надѣются получить побольше.

Поэтому, къ величайшему моему изумленію привратникъ дворца Армуджанъ объявилъ мнѣ однажды утромъ, что у входа въ садъ толпятся двѣсти или триста баядерокъ съ музыкантами, которыя, избравъ наше жилище мѣстомъ для ноатри, требовали, чтобы ихъ впустили. Я согласился и онѣ мигомъ наполнили садъ; я видѣлъ съ террасы какъ аллеи и бесѣдки наполнились разноцвѣтною толпою молодыхъ дѣвушекъ; однѣ изъ нихъ были въ узкихъ панталонахъ, вышитыхъ шелками, съ токомъ надѣтымъ на бекрень, на другихъ была надѣта сборчатая кофта съ золотыми нашивками. Вся эта толпа бѣгала, шумѣла, смѣялась, представляя своими разноцвѣтными уборами какъ бы громадный калейдоскопъ. Вскорѣ я увидѣлъ что онѣ располагались какъ у себя: бесѣдки, окружавшія садъ, наполнялись дѣвушками, кое гдѣ были раскинуты маленькія палатки, запылали костры и Армунджанъ мгновенно превратился въ лагерь.

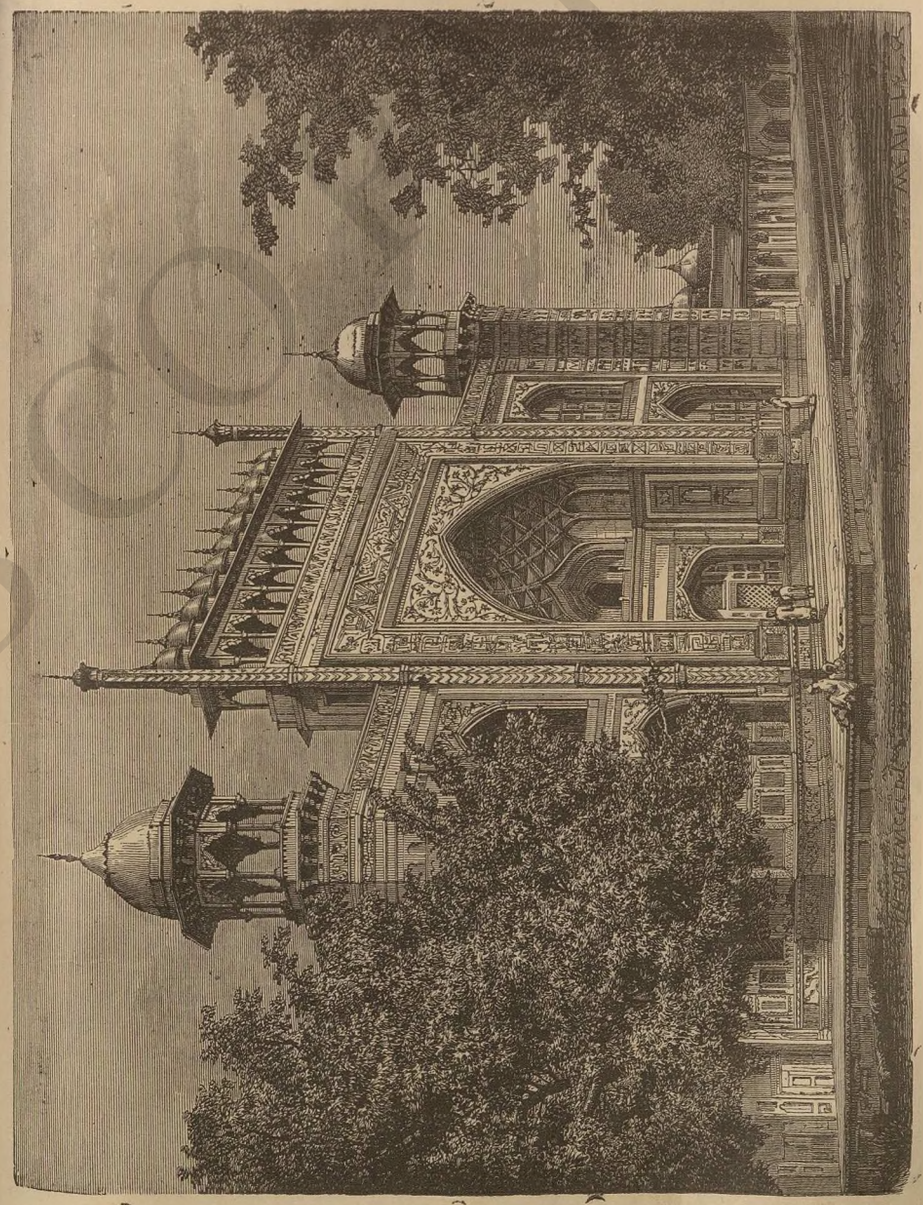
Прежде всего ко мнѣ явилась депутація музыкантовъ, чтобы условиться на счетъ часа, въ который начнется саламъ или представленіе, — длинная церемонія, продолжающаяся нѣсколько дней; баядерки, проходя группа за группой, должны были исполнить свои пѣсни и танцы, а главное дѣло—получить каждая по нѣсколько рупій. День былъ посвященъ саламу, а вечеръ религіознымъ танцамъ ноатри. Эти послѣднія происходили на верхней террасѣ дворца; тутъ былъ разостланъ огромный коверъ, а по угламъ пылали жаровни, наполненныя камедью, соперничая по временамъ съ удивительнымъ блескомъ звѣздъ; на большой платформѣ помѣщались вкругъ женщины, одежда которыхъ блистала золотомъ и драгоцѣнными камнями, и въ этомъ кружкѣ какая нибудь корифея исполняла граціозный танецъ подъ звуки древней религіозной музыки индійцевъ. Картина была дѣйствительно прекрасна и поэтична; этотъ полумракъ, въ которомъ двигалась граціозная толпа женщинъ, небесный сводъ, сверкавшій звѣздами, и подъ нашими ногами вершины пальмъ, упоительный запахъ которыхъ смѣшивался съ холоднымъ воздухомъ, наполненнымъ испареніями кустарниковъ, наконецъ, мѣрные звуки музыки —все соединялось, чтобы придать этимъ вечерамъ неотразимую прелесть. Цѣлые десять дней продолжался этотъ праздникъ во дворцѣ Армуджанъ; рао приходилъ нѣсколько разъ посмотрѣть какъ у насъ идутъ дѣла.

Праздникъ Дассара окончился большой процессіей, во время которой

Магарао производилъ смотръ всей своей арміи. Это празднество далеко не отличалось великолѣпіемъ совари, короля Гюлковара, но подробности его весьма интересны. Главную принадлежность процессіи составляетъ двухъэтажная колесница, называемая *Инъ-Дурбанъ*; надъ нею возвышаются три купола, отдѣланные золотомъ и драгоцѣнной матеріей; запряжена она четырьмя слонами. Въ колесницѣ сидитъ король на тронѣ, а вокругъ него самые знатные придворные. Ее окружаетъ отрядъ артиллеристовъ, возсѣдающихъ на дромадерахъ, съ пружинными мушкетонами, утвержденными къ передней части сѣдла; по выѣздѣ колесницы изъ города раздались оглушительные выстрѣлы солдатъ.

Совари направляется къ хорошенькому дворцу, построенному на разстояніи одного километра отъ города, около поля, служащаго для маневровъ. Дворъ помѣстился тутъ на подмосткахъ; въ срединѣ стояло два трона; на одномъ изъ нихъ сидѣлъ рао, другой былъ занятъ серебрянымъ идоломъ бога Рамы.

Противъ дворца поставленъ грубый истуканъ, вышиною около 20 футовъ, сдѣланный изъ ивовыхъ побѣговъ и изображающій исполина Равану, короля Ланки, — непримиримаго врага Рамы. Толпа покрывала площадь, оставивъ свободнымъ только узкій проходъ отъ дворца до чучела. Лишь только солнце скрылось, раджа всталъ и, наклонившись черезъ балконъ, крикнулъ сильнымъ голосомъ всаднику, сидѣвшему на бѣговомъ верблюдѣ: «Ступай, спроси Равану, должны ли мы готовиться къ войнѣ?» Санивалла понесся въ галопъ и привезъ отрицательный отвѣтъ бога; затѣмъ слѣдовало нѣсколько вопросовъ, имѣвшихъ цѣлью доказать, что армія рао непобѣдима, что его враги, устрашенные его приготовленіями, не осмѣлятся нарушить мира. Затѣмъ былъ поданъ сигналъ, пушки загремѣли, шутихи, которыми было наполнено чучело, подожгли, и *призракъ войны*, вспыхнувъ яркимъ пламенемъ, обрушился при восклицаніяхъ толпы. Въ былое время на этихъ церемоніяхъ короли объявляли собравшемуся народу и войску свои будущія предпріятія.



Садовые ворота Тадж Магала въ Агрѣ.

© ГПИБ

XXV.

Изъ Ульвура въ Агру.

Королевскій лагерь. — Меватъ. — Дигъ. — Дворецъ Буртпурскаго раджи. — Празднество въ Дигѣ. — Секундра.

Наше пребываніе въ Ульвурѣ длилось до конца октября, въ празднествахъ и изслѣдованіяхъ, и мы ужъ хотѣли направиться къ Дигу, какъ вдругъ получили офиціальное увѣдомленіе, что вице-король Индіи созываетъ всѣхъ владѣтельныхъ князей и принцевъ Раджистана на большой царскій «Durbâr», (собраніе), долженствовавшій быть въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Агрѣ. Насъ уговаривали принять участіе, въ виду того, что, со времени правленія лорда Бентинга, не было подобной церемоніи и что она превзойдетъ все, до сихъ поръ бывшее, какъ по числу участвовавшихъ владѣтельныхъ князей, такъ и по блеску празднествъ, которыми будетъ сопровождаться.

Магарао тоже получилъ отъ генералъ губернатора приглашеніе на дурбаръ и готовился къ отъѣзду. Онъ предложилъ намъ сопровождать его, и мы согласились, рѣшивши, что путешествіе съ раджей не будетъ лишено интереса.

Послѣдніе дни мѣсяца были употреблены Магарао на приготовленія къ отъѣзду. И было о чемъ подумать. Кромѣ свиты, нужно было брать конвой изъ трехъ тысячъ человѣкъ. Владѣтельный князь обязанъ брать съ собою роскошныя палатки и часть движимаго дворцоваго имущества, чтобы съ достоинствомъ принять у себя представителей англійскаго мо-

щества, во время своего пребыванія въ Агрѣ; кромѣ того брались

© ГПНТБ СО РАН

слоны, лошади, музыканты, танцовщицы и тысячи паразитовъ, живущихъ на счетъ азіатскихъ князей. Нужно было также подумать и о насъ. Нашъ лагерь состоялъ изъ нѣсколькихъ палатокъ: одна княжеская, одна *кансама* (управителя), двѣ для кухни и множество для прислуги и свиты князя; болѣе четырехъ верховыхъ лошадей, два дромадера, десять верблюдовъ и четыре повозки.

21 октября рао направился къ Галену, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить полковника Е.., агента вице-короля, назначивъ намъ свиданіе въ Гавингурѣ—второмъ привалѣ. Наши палатки были отправлены наканунѣ въ Рамгуръ, находящійся въ четырнадцати миляхъ отъ Ульвура, гдѣ соединялся лагерь. Распростившись также съ Армунджаномъ, мы пустились въ путь.

Оставляя Ульвуръ къ востоку, вступаютъ въ превосходную долину, орошаемую святой Джумной и ея притоками. Въ это время года почва бываетъ покрыта всѣми богатствами. Гигантскій джоверъ, растущій по обѣимъ сторонамъ дороги, достаетъ своими огромными колосьями до сѣделъ верблюдовъ; распустившійся хлопчатникъ одѣвается снѣжнымъ покрываломъ и «bojri» нагибаетъ свою тяжелую головку, обремененную сѣменами. Страна отличается отсутствіемъ путей сообщенія; то вдругъ дорога расширяется и прорѣзывается многочисленными рытвинами, то она извивается тропинкой по полямъ. Многочисленныя толпы опоздавшихъ новодняютъ деревни; солдаты въ рубищѣ, съ видомъ бандитовъ, съ англійскимъ мундиромъ, тщательно свернутымъ и навязаннымъ на конецъ ружья, странствуютъ живописными групами, останавливаясь на поворотахъ дороги покурить своего «bîri», или снять, животомъ вверхъ, вокругъ цистернъ. Красивыя «rhuw»—легкія повозки съ ивовой крышкой, со всѣхъ сторонъ обтянутыя красными занавѣсками и запряженныя маленькими бойкими быками, проѣзжаютъ съ молодыми женщинами, пѣсни и смѣхъ которыхъ раздавались по всей равнинѣ. Все это общество, приглашенное или нѣтъ, слѣдуетъ за королемъ и будетъ жить на его счетъ; не достаетъ только базарнымъ собакамъ присоединиться къ шествію и принять участіе въ праздникѣ.

Въ Рамгурѣ мы нашли главный лагерь снимающимся съ мѣста. Во время кампаніи очень невыгодно приходить на то мѣсто, откуда ушло войско, но кансама, какъ человѣкъ предусмотрительный, ловко воспользовался фирманомъ, такъ что мы на долго были гарантированы отъ голода. Рао также позаботился о погребѣ. Корзины съ бордо, шампанскимъ и рейнвейномъ слѣдовали за нами, а такъ какъ тряска повозокъ

или верблюдовъ могла нанести вредъ драгоцѣннымъ жидкостямъ, то ихъ несли осторожно «bonghy-coulis», навязавъ ихъ на длинныя бамбуковыя палки.

Рамгуръ, гдѣ мы провели ночь, маленькій цвѣтущій городокъ. На другое утро мы отправились дальше. До Говиндгура мѣстность очень красива, прекрасно воздѣлана, покрыта красивыми деревнями, живописно расположенными на скатахъ горъ, видныхъ со всѣхъ сторонъ.

Въ Говиндгурѣ мы нашли королевскій лагерь, раскинутымъ въ красивой долинѣ, у подножія старой крѣпости. Онъ занималъ большое пространство и имѣлъ красивый видъ, съ длинными рядами красныхъ и синихъ королевскихъ палатокъ и слоновые и верблюжьи парки. Индусъ всегда доволенъ въ дорогѣ: передъ каждой палаткой сложенъ кирпичный очагъ, на которомъ варится благоухающій, національный curry и acharoli. Палатки построены симметрично и тщательно на мѣстахъ, указанныхъ старшиной.

У подножья крѣпостцы, внѣ лагеря, помѣщаются королевскія палатки, обнесенныя высокой «khanat» или стѣною изъ красной матеріи, которая скрываетъ отъ глазъ профановъ жилища Рея и Раниса. Передъ этими шатрами находится четыреугольникъ, окруженный лагеремъ, палатками королевской прислуги и нашими; въ центрѣ возвышается высокій шестъ, пятицвѣтный «Panchrangbi», превосходящій королевское знамя. У подножія находится стража его величества и нѣсколько орудій, для салютованія утромъ и вечеромъ. Въ этихъ экспедиціяхъ царитъ нѣкотораго рода порядокъ, да это и необходимо при такомъ легкомысленномъ и буйномъ населеніи.

Чтобы достичь мѣстопребыванія Раджи, нужно пройти весь станъ. Тамъ тоже развивается знамя, но не красное: это знамя главнаго судьи стана. Вокругъ шеста устроены: полицейское бюро, тамтамъ (музыкальный инструментъ) и желѣзная висѣлица для провинившихся. Съ одной стороны находятся повозки съ необходимыми съѣстными припасами и сластями; съ другой—балаганы съ аракомъ и другими напитками, способствующими развратy женщинъ и всѣхъ, кто слѣдуетъ за войскомъ.

Въ девять часовъ вечера пушка даетъ знать, чтобы тушили огонь и немедленно наступаетъ тишина и всѣ ложатся спать. Слышны только безконечные оклики часовыхъ: «кто идетъ? и перекличка ихъ между собою «kaberdar?». На разсвѣтѣ другая пушка будитъ станъ. Я выхожу изъ своей палатки; все покойно; воздухъ свѣжъ и дѣйствуетъ возбуди-

тельно; облака, въ видѣ голубаго вуаля, ниспадаютъ надъ палатками. На площади солдаты дрожатъ и жмутся въ кучу вокругъ огня; передъ дворцемъ толпа корыстолюбцевъ неистово возсылаетъ утреннюю молитву: они автоматически преклоняются, встаютъ, лежатъ распростертыми на землѣ лицемъ на востокъ—къ Меккѣ. Какъ только лучи солнца начинаютъ освѣщать землю, муравейникъ подымается.

Магарао достигъ стана ночью; въ дальнѣйшій путь предполагалось двинуться на другой день. Что же касается меня, то, исключая экспедиціи, предпринятой мною въ сосѣднія болота на бекасовъ, мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ только любоваться окружающими меня оригинальными красотами. Какой сюжетъ для живописца! И какъ жаль, что въ свои сюжеты относительно востока наши артисты вносятъ только Египетъ и малую Азію. Вечеромъ мы посѣтили старую крѣпость, представляющую очень мало интереса.

3 ноября, ночью, мы оставили Говиндгуръ, въ обществѣ раджи; дорога была занята артиллеріей и багажемъ лагеря и только на зарѣ мы перешли границу Буртпурскихъ владѣній, недалеко отъ Нугура, довольно большаго города. Горы смѣнила совершенно безплодная, обширная каменистая равнина. Въ 8 часовъ мы достигли Дига, мраморныя колоны котораго возвышаются надъ оазисомъ зелени.

Дигъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Индіи; подъ именемъ Дирага или Деерапура онъ соперничалъ съ Мутрой, временъ Кришну т. е около пятнадцати столѣтій до Рождества Христова.

Теперь онъ считается второй столицей Джатскаго королевства въ Буртпурѣ. Его великолѣпныя укрѣпленія, воздвигнутыя въ 1730 году королемъ Сураджи-Муллomъ, дали возможность, въ 1803 году, нѣсколькимъ французскимъ офицерамъ, бывшимъ на службѣ въ Синдѣ, продержать нѣсколько времени въ нѣдоумѣніи побѣдоносную армію лорда Лека.

Тотъ же самый Сураджи-Муллъ построилъ въ Дигѣ, въ 1725 году, великолѣпный дворецъ—чудный образикъ новѣйшаго индускаго искусства. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ павильоновъ, заключающихъ въ себѣ обширный садъ, помѣщенный внѣ цитадели, между двумя уступами. Главное зданіе «Dopal-Bhoan» расположено на высокомъ уступѣ, съ восточной стороны. Фасадъ со стороны воды привлекателенъ со своими балконами, колонадами и обрамляющими его двумя мраморными кіосками; но главное великолѣпіе заключается въ «Dewan-Khasa» или аудіенцъ-залѣ, великолѣпномъ залѣ, поддерживаемомъ рядомъ колоннъ прекрасной формы. Этотъ образецъ искусства, представляетъ большую оригинальность арокъ, перилъ, граціозно изогнутыхъ карнизовъ, отдѣланныхъ такъ тонко, что они кажутся на фасадѣ въ видѣ какихъ-то фантастическихъ тѣней. Садъ снабженъ апельсинными и другими фруктовыми деревьями, и пересѣкается прекрасными тѣнистыми аллеями, выложенными камнемъ, съ грандіозными каналами. Прекрасные павильоны, соединенные другъ съ другомъ террасами, окружаютъ цвѣтникъ; эти павильоны служатъ жилищемъ дамамъ и высшему сословію. Въ одномъ изъ нихъ заключается резервуаръ, снабжающій водою цѣлую сѣть фонтановъ.

Въ концѣ центральной аллеи, идущей отъ «Deniam-Khasà», находится прекрасная, широкая, водяная плоскость, омывающая террасу, насаженную большими деревьями и украшенную многими кіосками. Одинъ изъ этихъ кіосковъ, названный «Mutchi-Bhouian» (убѣжище рыбъ), живописное строеніе, сдѣланное изъ легкаго камня, окруженъ съ внѣшней стороны кровельнымъ желобомъ, такъ что когда пущена вода, то образуется настоящая хрустальная стѣна. Многочисленные водяные снопы блестятъ вокругъ павильона. На противуположномъ берегу возвышается мрачная, высокая башня значительнаго діаметра, вооруженная чудовищными пушками. Это главная башня цитадели Сураджи-Муллы.

Этотъ прудъ знаменитъ въ легендахъ Кришну, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ «Krichna-khound» или источника Кришны. Утверждаютъ, что на его берегахъ божественный пастухъ заставлялъ Дерапурскихъ пастушекъ плясать подъ звуки своей флейты. Во времена индусскаго владычества, князья устраивали свои съѣзды, воспѣваемые поэтами, на берегу этого пруда, гдѣ, съ копьями въ рукахъ, они оспаривали руку какой нибудь знаменитой красавицы. По окончаніи турнира, молодая женщина объѣзжала вокругъ озера, останавливалась передъ счастливымъ соискателемъ, котораго удостоивала своимъ вниманіемъ и увѣнчивала цвѣтами.

Буртпорскій раджа прислалъ въ Говиндгуръ къ Магарао слугу съ извѣстіемъ, что онъ отдаетъ въ его распоряженіе Дигскій дворецъ. Рао занялъ «Gopal-Bhowan», а мы—одинъ изъ юго-западныхъ павильоновъ «Nundh-Bhowan». Этотъ маленькій замокъ изъ бѣлаго мрамора—настоящая игрушка; его стѣны снаружи и внутри покрыты мозаикой изъ драгоцѣнныхъ камней, взятыхъ изъ Секундраскаго мавзолея, ограбленнаго въ 1761 году Сураджи-Муллomъ. Помѣщеніе, занимаемое нами—маленькій образецъ искусства: полъ *сдѣланъ* изъ тонкаго мрамора, на

которомъ сдѣланы прекрасные букеты цвѣтовъ изъ оникса, бирюзы и агата; плинтусы, стѣны, карнизы блестятъ позолотой и мазаикой; тонкая индѣйская мозаика украшаетъ двери и потолки; комнаты маленькія, низкія, прохладныя и освѣщаются окнами, съ ажурными арками, выходящими въ садъ.

Рао намѣревался продолжать путь въ тотъ же вечеръ, но Буртпорскій камдаръ обѣщалъ намъ дать большой праздникъ и мы рѣшились пробыть еще день.

Однажды старый Новабъ-де-Тонкъ, бывшій предводитель пиндарійскихъ разбойниковъ, рыскавшихъ въ окрестностяхъ, возъимѣлъ желаніе посѣтить достопримѣчательности Дига и заѣхалъ къ намъ въ «Nundh-Bhowan». Онъ ненавидимъ въ Раджпутанѣ, и Рао принялъ его очень холодно [1]).

14-го мы присутствовали вмѣстѣ съ Шеоданъ-Сингомъ на обѣдѣ, даннomъ намъ властями Дига, во дворѣ нашего павильона. Танцовщицы, подданныя Джата и принадлежавшія храмамъ города, протанцовали нѣсколько оригинальныхъ религіозныхъ танцевъ. Въ двѣнадцать часовъ дня, двери сада открылись для Ульвурской публики и пускается вода. Это простые водомёты, правда въ большомъ количествѣ, но не имѣющіе ничего подобнаго съ фонтанами Версаля и другихъ мѣстъ. Самый главный фонтанъ «Mutchi-Bhowon», который производитъ прекрасный эфектъ. Рао, сопровождаемый своей свитою, церемоніально обходитъ весь садъ, останавливаясь у каждаго басейна; входъ въ «Mutchi-Bhowan очень неудобенъ, такъ что туда очень трудно проникнуть, не замочившись; не смотря на то, мы входимъ, и, разъ мы вошли, начинаются шутки, очень любимыя здѣсь, и послѣ всего, мы выходимъ оттуда обдаваемые брызгами шумнаго потока. Вечеромъ въ саду раздаютъ людямъ стана сласти и пирожки съ масломъ. Два стола, богато сервированные, ставятся въ «Dewan-Khosa»: одинъ для князя и друзей его, другой для насъ. Послѣ обѣда фейерверкъ и бенгальскіе огни заканчиваютъ праздникъ.

5-го мы оставили Дигъ и послѣ трехдневной ходьбы, чрезъ богатую англійскую провинцію Агру, дѣлая привалъ въ Сонкѣ и Ферѣ, охотясь ежедневно съ Рао, мы достигли селенія Секундра. Здѣсь то возвышается знаменитый мавзолей императора Акбера, самаго могучаго монарха

1) Ниже я разскажу исторію этого изверга.

Индіи. Нѣсколько километровъ отдѣляло насъ отъ Агры, но этикетъ не дозволялъ Магарао войти туда раньше десятаго числа. Мы провели эти нѣсколько дней съ нимъ, охотясь на Джумнѣ, которая протекаетъ около Секундры. Вечера были посвящены Дивалійскимъ празднествамъ. (Глава VII).

10-го англійскія власти, въ лицѣ нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей, оффиціально пріѣхали за Магарао. Мы всѣ вмѣстѣ въѣхали въ Агру. Раджа расположился лагеремъ въ Шагунжскомъ предмѣстьѣ, а мы размѣстились по квартирамъ добрыхъ друзей, предложившихъ намъ свое гостепріимство.

© ПИБ СО РАН

XXVI.

Агра.

Акберская крѣпость.—Жемчужная мечеть.—Таджъ.—Этматдовлахскій мавзолей. Сады Джумны.

Агра—столица сѣверо-западной провинціи Бенгаліи, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Индіи; великолѣпіе ея памятниковъ прославило ее во всѣмъ свѣтѣ.

Въ началѣ нашей эры, она была столицей пальской имперіи. До 1488 года, она была небольшимъ селеніемъ Джатъ, пока не поселился въ ней императоръ Сикандеръ, патанской династіи изъ Лоди.

Въ 1523 году Серъ Шахъ, счастливый соперникъ Гумаюна, окружилъ лодскій дворецъ, находящійся на выступѣ горы, возлѣ Джумны, цитаделью. Только съ воцаренія Акбера, Агра начинаетъ возвышаться; этотъ императоръ сдѣлалъ ее въ 1556 году столицей царства моголовъ, назвалъ ее Акберабадомъ (названіе, удержанное туземцами) и украсилъ ее большимъ количествомъ монументовъ. Разрушенную патанскую крѣпость онъ замѣнилъ обширной цитаделью—настоящій акрополисъ—которую онъ застроилъ мраморными дворцами и мечетями. Джеангиръ и Шахъ-Жеанъ продолжали работу, начатую Акберомъ, украсивши ее мовзолеями, Секундра и Таджа—чудомъ изъ чудесъ. Тѣмъ не менѣе, по смерти императрицы Момтазъ, Шахъ-Жеанъ оставилъ Агру и утвердился въ Дели. Съ тѣхъ поръ этотъ богатый городъ перенесъ много испытаній: послѣ сраженія при Панипутѣ, послѣ котораго пало царство моголовъ, въ 1761 году онъ былъ разграбленъ дикими джатами Сураджи-Мулла, а пятнадцать лѣтъ спустя, то что уцѣлѣло отъ джатовъ, было расхищено Магаратами; наконецъ въ 1803 году лордъ Лекъ отнялъ ее у Синда и она осталась за англичанами. Подъ новымъ управленіемъ она оправилась отъ своихъ несчастій. Послѣ того какъ ея населеніе уменьшилось съ семи сотъ тысячъ на девять тысячъ, въ настоящее время въ ней насчитываютъ 150 т. жителей и она обѣщаетъ сдѣлаться главнымъ торговымъ пунктомъ Западной Индіи. Расположенная на правомъ берегу Джумны, знаменитомъ притокѣ Ганга, она кромѣ того соединяется желѣзной дорогой съ Бенгаліей, Деканомъ и Пенджабомъ. Всѣ эти пути даютъ ей возможность пользоваться торговлей Раджистана и богатыхъ провинцій Доабъ.

Самъ городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Это чисто коммерческій городъ: чистый, оживленный, но выстроенный изъ своихъ же развалинъ. Чтобы выстроить домъ, туземцамъ нужно было раскопать землю и тамъ въ изобиліи можно найти строительнаго матеріала: камней и кирпичей временъ Акбера. На юго-западъ отъ города, на милю въ окружности расположены англійскія колоніи, заключающія въ себѣ множество прекрасныхъ домовъ съ садами, казармы, базаръ и нѣсколько церквей.

Крѣпость Акберъ прикрываетъ собой пустопорожнее мѣсто, къ югу отъ города, на берегу Джумны. Она обнесена стѣнами изъ розоваго песчаника съ зубчатыми амбразурами и бойницами, возвышающимися на 25 метровъ надъ рвомъ; четверо воротъ съ висячими мостами открываютъ туда доступъ; впереди этой первой линіи, въ былыя времена, находился рядъ бастіоновъ, отъ которыхъ остались только однѣ развалины. Съ виду она кажется сильной и страшной, но ея стѣны, сложенныя изъ огромныхъ глыбъ, не выдержали бы и часовой канонады. Такъ и случилось во время бомбардированія ея лордомъ Лекомъ. Первыя бомбы, брошенныя туда, причинили такія поврежденія, что крѣпость немедленно сдалась.

Главный входъ въ цитадель съ сѣвера; прямо противъ входа возвышается Жуммахъ Мушидъ, или соборная мечеть Агры. Это элегантное зданіе временъ Акбера построено на вершинѣ мраморной террасы; передній фасадъ изъ краснаго песчаника на мраморныхъ колоннахъ значительной высоты, съ тремя готическими воротами и увѣнчанъ тремя могольскими куполами.

Пройдя висячій мостъ, вступаютъ въ «Деванъ-и-амъ» «судъ» Амбера. передняя сторона котораго, длиною 200 метровъ, обращена на дворъ.

окруженный колоколенками. Этотъ дворецъ напоминаетъ своимъ расположеніемъ Амберскій «Dewan-Khana»; сводъ поддерживается тремя концентрическими рядами колоннъ, промежутки между которыми англичане заложили кирпичемъ, что мѣшаетъ судить о размѣрахъ зала. Теперь онъ служитъ арсеналомъ цитадели. Пушки и ядра разставлены и разложены на дворѣ въ большомъ порядкѣ. Между всѣми рѣдкостями, собранными англичанами, можно видѣть тронъ Акбера и знаменитыя Сомнатскія ворота. Тронъ состоитъ изъ большаго мраморнаго сѣдалища, украшеннаго инкрустаціей изъ драгоцѣнныхъ камней, надъ которымъ возвышается мраморный балдахинъ. Что же касается Сомнатскихъ воротъ, то онѣ состоятъ изъ двухъ деревянныхъ половинъ, четырехъ метровъ высоты, украшенныхъ изящною скульптурой.

По самымъ достовѣрнымъ разсказамъ ими запирался входъ въ храмъ Кришны въ Сомнатѣ, въ первыя столѣтія нашей эры до тѣхъ поръ, пока Махмудъ, разграбившій городъ въ X-мъ столѣтіи, перенесъ ихъ въ Газни, свою столицу. Махмудъ жестокій иконоборецъ велѣлъ разбить всѣхъ идоловъ въ Сомнатѣ; напрасно брамины предлагали ему большой выкупъ за статую Кришны; онъ ее разбилъ собственноручно и внутри ея найдено было на значительную сумму драгоцѣнностей.

Когда Авганистанъ былъ покоренъ англичанами и была взята Газни лордъ Элленборо похитилъ Сомнатскія ворота и перенесъ ихъ въ Агру. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался популярнымъ у индусовъ и говорилъ имъ, что они отомстили и удовлетворены. Все это произвело тревогу въ Лондонѣ и начали побаиваться, чтобы этотъ, столь популярный лордъ не былъ бы провозглашенъ императоромъ Индіи.

Послѣ всего шума, надѣланнаго по поводу Сомнатскихъ воротъ, является теперь сомнѣніе въ дѣйствительной ихъ принадлежности индусскому храму. Мнѣ кажется, что лордъ Элленборо ошибся и взялъ двери отъ гробницы Махмуда, такъ какъ дерево, изъ котораго сдѣлана дверь — сосна, не растущая въ собственной Индіи и скульптура, по рисунку, подобна скульптурѣ «Ebu-Touloun» въ Каирѣ, не имѣющей ничего общаго съ индусской.

За арсеналомъ находится императорскій дворецъ, сохраненный самымъ тщательнымъ образомъ. Это многочисленные павильоны съ позолоченными куполами, сообщающіеся между собою террасами, галлереями, рѣзными стѣнами, и все это сдѣлано изъ самаго лучшаго раджпутанскаго мрамора; во дворѣ клумбы съ цвѣтами и множество каналовъ, прорѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ. Комнаты украшены внутри прекрасной мозаикой и ихъ окна, на половину закрытыя мраморными, на подобіе кружева, рѣзными занавѣсками, выходятъ на поэтическую равнину Джумны. Въ углу дворца помѣщается залъ съ императорской бирюзовой ванной, инкрустированной золотомъ, душъ и серебряное зеркало.

На террасѣ передъ Деванъ Касъ находится огромная плита изъ чернаго мрамора, на которой Акберъ Великій творилъ свой судъ. Плита треснула на двое и внутри на камнѣ видны два красныхъ пятна. Преданіе говоритъ, что во время взятія Агры джатами Сураджи-Муллъ сѣлъ на плиту, которая надтреснула и изъ нея потекла кровь. Во время же осады города лордомъ Элленборо, она уже треснула совсѣмъ и изъ нея вторично потекла кровь. Теперь же, однако, всѣ посѣтители сидятъ на ней безнаказанно; двухъ торжественныхъ протестовъ совершенно достаточно для мусульманъ. Сбоку, около императорскаго трона находится бѣлая плита небольшой величины, на которой садился дворцовый шутъ, который поддакивалъ императору и критиковалъ его дѣйствія.

Въ фундаментѣ дворца, помѣщается цѣлый лабиринтъ широкихъ корридоровъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, придворныя дамы, въ первобытномъ костюмѣ, проводили жаркую часть дня. Оттуда идутъ подземные ходы, назначеніе которыхъ неизвѣстно и которые, какъ думаютъ, сообщаются съ деревней и рѣкой.

Перебравшись черезъ самую высокую часть холма, вы встрѣчаете развалины дворца Лоди, гдѣ скульптурные остатки арокъ и притолки дверей невольно заставляютъ пожалѣть о томъ, что англійское правительство разрушило остатки памятниковъ, чтобы изъ этого матеріала выстроить казармы. Не вдалекѣ находится столбъ изъ цѣльнаго камня, называемый «Pyala-i-Akbar» или чаша Акбера. Это—ваза восьми футовъ высоты, шести въ діаметрѣ и шести въ глубину; она очень хорошо отполирована и раскрашена мелкимъ рисункомъ изъ цвѣтныхъ гирляндъ.

Оттуда переходятъ къ «Mouti-Masjid» или Жемчужной мечети. Правильнѣе бы было назвать ее жемчужиной мечетей. Это маленькое зданіе изъ бѣлаго мрамора расположено на розовой террасѣ; ея контуры такъ хороши, линіи такъ правильны, что на нее можно смотрѣть, какъ на главный памятникъ крѣпости, въ архитектурномъ отношеніи. Мечетъ находится на концѣ двора, окруженнаго мраморными арками и выстлан-

наго мраморными же плитами. Она ни чемъ не украшена и ея ослѣпительная бѣлизна производитъ сильный эфектъ. Три купола, съ позолоченными верхами, вѣнчаютъ центральную залу, раздѣленную на три крыла коллоннами; въ мѣстахъ соединенія, надъ коллонами, арки дугообразны, а у основанія зубчаты. Трудно себѣ представить болѣе простое и грандіозное богослужебное зданіе, а впечатлѣніе производимое имъ на посѣтителей лучше всего можно выразить словами архіепископа Гебера: «это чистое святилище пробуждало во мнѣ мысль о такой чистотѣ поклоненія, что я христіанинъ, не могъ удержаться отъ уничиженія и подумалъ о томъ, что никогда еще наши архитекторы ни сдѣлали ничего подобнаго этому храму Аллаха». Наконецъ «Mouti-Masjid» представляетъ собою эпоху шаха Жегана, который воздвигъ ее въ 1656 году.

Правленіе Жегана представляетъ апогей великой индосарацинской архитектуры, созданной Кутубомъ изъ Дели и Ахмедами изъ Гузурата. При этомъ королѣ образовалась эта архитектурная школа, не имѣвшая подражателей, которая воздвигла «Mouti-Musjid» и Таджъ въ Агрѣ, императорскій дворецъ и «Jummat-Musjid» въ Дели, но которая не могла удержаться навсегда.

Намъ остается еще осмотрѣть Таджъ, образецъ индускаго искусства. По выходѣ изъ цитадели, намъ нужно только пройти вдоль берега Джумны, чтобы добраться до него.

Скажемъ нѣсколько словъ о его исторіи. Таджъ былъ воздвигнутъ императоромъ Жеганомъ, чтобы служить мавзолеемъ императрицѣ Мумтацъ-Магалѣ или Таджъ-Биби, умершей, родивши на свѣтъ принцессу Джеганару. Эта женщина—великаго ума и дарованій, внушила мужу такую глубокую любовь къ себѣ, что онъ рѣшился воздвигнуть, въ память ея самый лучшій памятникъ, какой только могъ быть когда либо воздвигнутъ человѣкомъ. Послѣ конкурса всѣхъ архитекторовъ востока, былъ принятъ проэктъ Иза-Магмеда. Начатый въ 1630 году, этомъ мавзолей былъ конченъ только въ 1647 и, вприодоленіи этихъ семнадцати лѣтъ, работало тамъ 20 т. работниковъ. Это гигантское сооруженіе потребовало 140 т. возовъ красной мозаики и раджпутанскаго мрамора, и кромѣ того, каждый владѣтельный князь имперіи обязанъ былъ прислать драгоцѣнныхъ камней для украшенія мавзолея, что можно видѣть изъ отчетовъ того времени. Яшма вывозилась изъ Пенджаба, сердоликъ изъ Броаха, бирюза изъ Тибета, агаты изъ Іемена, лазурный камень изъ Цейлона, коралы изъ Аравіи, гранаты изъ Бун-

делькунда, алмазы изъ Пуны, горный хрусталь со скалъ Мальвы, оникъ изъ Персіи, халцедонъ изъ Малой Азіи, сафиръ изъ Коломбо. Не смотря на эти контрибуціи и безвозмездную работу, въ сложности, это гигантское сооруженіе обошлось въ 60 милліоновъ франковъ.

Таджъ возвышается по обѣимъ берегамъ Джумны, подымая свой позолоченный полумѣсяцъ на 270 футовъ надъ поверхностью воды; садъ находящійся впереди его, окруженъ высокой, зубчатой стѣной, съ изящными павильонами по угламъ. Главный входъ состоитъ изъ стрѣльчатыхъ монументальныхъ воротъ и нѣсколькихъ залъ, украшенныхъ цѣлымъ рядомъ кіосковъ; передній фасадъ изъ розоваго песчаника поддерживается бѣлымъ мраморнымъ фундаментомъ; детали центральныхъ арокъ украшены мозаикой изъ агата и оникса. Прекрасный кіоскъ украшаетъ входный дворъ и служитъ караванъ-сараемъ (постоялымъ дворомъ) для путешественниковъ.

Пройдя главный входъ, становишься лицомъ къ лицу съ Таджемъ который появляется въ своей ослѣпительной бѣлизнѣ на концѣ широкой, мощеной аллеи, обсаженной съ обѣихъ сторонъ кипарисами. Первая картина обаятельна. Эта сіяющая гора изъ бѣлаго мрамора не натурально возвышается надъ мрачной и величественной растительностью, наполняющую садъ.

Мавзолей Таджа возвышается въ центрѣ платформы изъ розоваго песчаника, имѣющій 320 метровъ въ длину, 110 въ ширину; одинъ бокъ его омывается водами Джумны; другой только на нѣсколько футовъ возвышается надъ уровнемъ сада. Пьедесталомъ ему служитъ прекрасная терраса изъ бѣлаго мрамора, 5-ти метровъ высоты и 95-ти длины. На каждомъ углу террасы находится мраморный минаретъ съ легкимъ куполомъ, возвышающійся на 150 футовъ надъ платформой. Собственно мавзолей помѣщается на плоскости неправильнаго осьмиугольника, самая большая сторона котораго имѣетъ 40 метровъ. На вершинѣ, состоящей тоже изъ террасы, находится четыре павильона по угламъ, а въ центрѣ возвышается величественный куполъ. Съ каждой стороны находятся большія подъемныя двери, украшенныя рѣзьбою.

Таковы размѣры и планъ Таджа, и можно было бы поставить его ниже многихъ другихъ индійскихъ памятниковъ, если бы все въ немъ было бы выполнено не такъ безукоризненно. Все зданіе, отъ основанія до вершины,—изъ бѣлаго мрамора, покрытаго мозаиковыми надписями, арабесками, украшеніями, расположенными съ такимъ вкусомъ, что,

не смотря на ихъ количество, они не сливаются. Нѣтъ ни малѣйшаго мѣста, на наружной части, за исключеніемъ свода купола, которое не было бы украшено этими чудными инкрустаціями. Геберъ замѣчаетъ вѣрно, говоря: «Таджъ начали строить титаны, а окончили ювелиры;» даже изъ рукъ терпѣливаго китайскаго артиста никогда не выходила коробочка изящнѣе сдѣланная.

При первомъ же посѣщеніи Таджа, нельзя удержаться, чтобы не восхищаться его чудесами; здѣсь не бываетъ того, что часто испытываютъ путешественники, начитавшіеся преувеличенныхъ описаній, т. е. что впечатлѣніе, произведенное дѣйствительностью, разрушаетъ всѣ иллюзіи. Въ каждое посѣщеніе открываешь какія нибудь новыя прелести; можно, какъ я это самъ испыталъ на себѣ, являться туда въ продолженіи недѣли ежедневно и не уставать, находя каждый разъ новый предметъ для наблюденія. Я воздержусь теперь отъ описанія его памятниковъ, но повторяю вмѣстѣ съ другимъ англичаниномъ: «стоитъ только посмотрѣть одинъ Таджъ въ Индіи, чтобы, какъ артисту, такъ и архитектору, быть вознагражденну за дальность путешествія, потому что никакое перо не можетъ описать его неподражаемой красоты и удивительнаго величія.»

Внутренность превосходитъ внѣшность: сводъ, стѣны, надгробные камни, все—мозаика. Букеты цвѣтовъ, фрукты, птицы, все сдѣлано изъ драгоцѣнныхъ камней. Гробницы императрицы и Шаха Жегана находятся въ центрѣ зала, обнесенныя мраморной рѣшеткой. Мягкій свѣтъ проникаетъ въ залъ чрезъ окна, закрытыя каменными рѣшетками. Ко всему впечатлѣнію присоединяется оригинальный феноменъ—эхо, необъяснимой мягкости, которое можно только сравнить съ эхомъ пизанской крестильницы. Это эхо производится куполомъ, который совершенно закрываетъ собою сводъ зала и который образуетъ надъ памятникомъ плоскій акустическій ящикъ.

По мусульманскимъ правиламъ, каждый мавзолей долженъ имѣть невдалекѣ молельню; Уза Магометъ выстроилъ на западной оконечности платформы прелестную мечеть, изъ краснаго песчаника, увѣнчанную тремя куполами, цвѣтъ и размѣры которой еще рѣзче выдвигаютъ бѣлизну Таджа. Когда мечеть была окончена, Уза нашелъ платформу не симетричной; планъ не былъ полонъ, и онъ выстроилъ на восточной сторонѣ зданіе, подобное мечети, но которымъ, вслѣдствіе его положенія, могли пользоваться лишь изрѣдка. Онъ назвалъ его «Jauab» или «отвѣтъ,» такъ какъ оно отвѣчало мечетѣ, находящейся на противуположной сторонѣ. Что сказать объ архитекторѣ, построившимъ для полноты плана, въ видѣ добавленія, зданіе, могущее служить гордостью для Константинополя или Каира? Грезы архитектора пошли дальше: онъ возъимѣлъ желаніе воздвигнуть другой Таджъ на противуположномъ берегу и соединить оба монумента роскошнымъ мостомъ. Его глава уже согласился на это предложеніе, какъ вдругъ Ауренгзебъ, сынъ его, измѣнически свергнулъ его съ престола и заключилъ въ его же собственный замокъ въ Агрѣ, гдѣ и продержалъ его до самой смерти.

На Таджъ обрушились также всѣ несчастія города. Джаты утащили его серебряныя двери и сокровища; магараты выскребли его мозаику и, наконецъ, одинъ изъ правителей Англіи, лордъ Бентингъ, осмѣлился предложить продать его, вслѣдствіе цѣнности его матеріаловъ. Правительство королевы лучше поняло свои обязанности: всѣ поврежденія были исправлены, монументъ вычищенъ, обновленъ, и сады, обогащенные рѣдкими растеніями, содержатся, какъ въ былые времена шаха Жегана.

Лѣвый берегъ Джумны соединяется съ городомъ пловучимъ мостомъ, на желѣзныхъ каткахъ, который скоро замѣнится мостомъ на сваяхъ, для желѣзной дороги; ложе рѣки песчано, что, въ соединеніи съ ея шириной, болѣе километра, и крутыми берегами, очень затрудняетъ постройку моста. Вокзалъ желѣзной дороги, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки, образовалъ вокругъ себя маленькій городокъ, съ складочными мѣстами для товаровъ, фабриками, пресомъ для хлопчатника, рынкомъ и туземными хижинами.

Невдалекѣ отъ того мѣста находится мавзолей «Kuajictëias», обыкновенно называемый «Etmaddoulah.» Онъ возвышается въ центрѣ сада, окруженнаго стѣнами и великолѣпными дворцами. Онъ имѣетъ только 14 метровъ въ длину и 6 въ высоту, но на его террасѣ возвышается четырехъ этажная башенька и павильонъ, что даетъ ему 16 метровъ высоты; онъ представляетъ смѣсь индусскаго стиля съ могольскимъ. Выстроенный весь изъ бѣлаго мрамора, на немъ нѣтъ ни одного фута пространства ни внутри, ни снаружи, ни на полу, ни на потолкѣ, которое не было бы покрыто мозаикой; размѣры монумента объясняютъ немного щедрость, съ которой его выдвинули наружу. Въ одномъ склепѣ, подъ монументомъ, покоятся Kuaji Aëias и его супруга, подъ простой земляной насыпью. Пышные саркофаги находятся на террасѣ въ верхнемъ кіоскѣ—прелестная рѣзная клѣтка изъ мрамора; сѣтки этой клѣтки сдѣланы

изъ цѣльной плиты, и рѣзьба до того тонка, что ее можно принять за шелковую вуаль; рамы украшены разноцвѣтной богатой мозаикой.

Этотъ мавзолей былъ воздвигнутъ въ 1610 г. императоромъ Жеангиромъ» на могилѣ своего тестя «Kuaji Aëias» великаго «Akmut-ouddaolah» или императорскаго казначея, откуда, чрезъ измѣненіе, образовалось настоящее имя «Amaddoulah».

«Kuaji Aëias» родомъ изъ Татаріи; онъ оставилъ свою родину, чтобы поискать счастія при дворѣ Акбера, но онъ былъ такъ бѣденъ, что долженъ былъ совершить путешествіе пѣшкомъ; дорогой его жена родила дочь, которую онъ назвалъ «Нуръ Магалъ» или «дворецъ блеска».

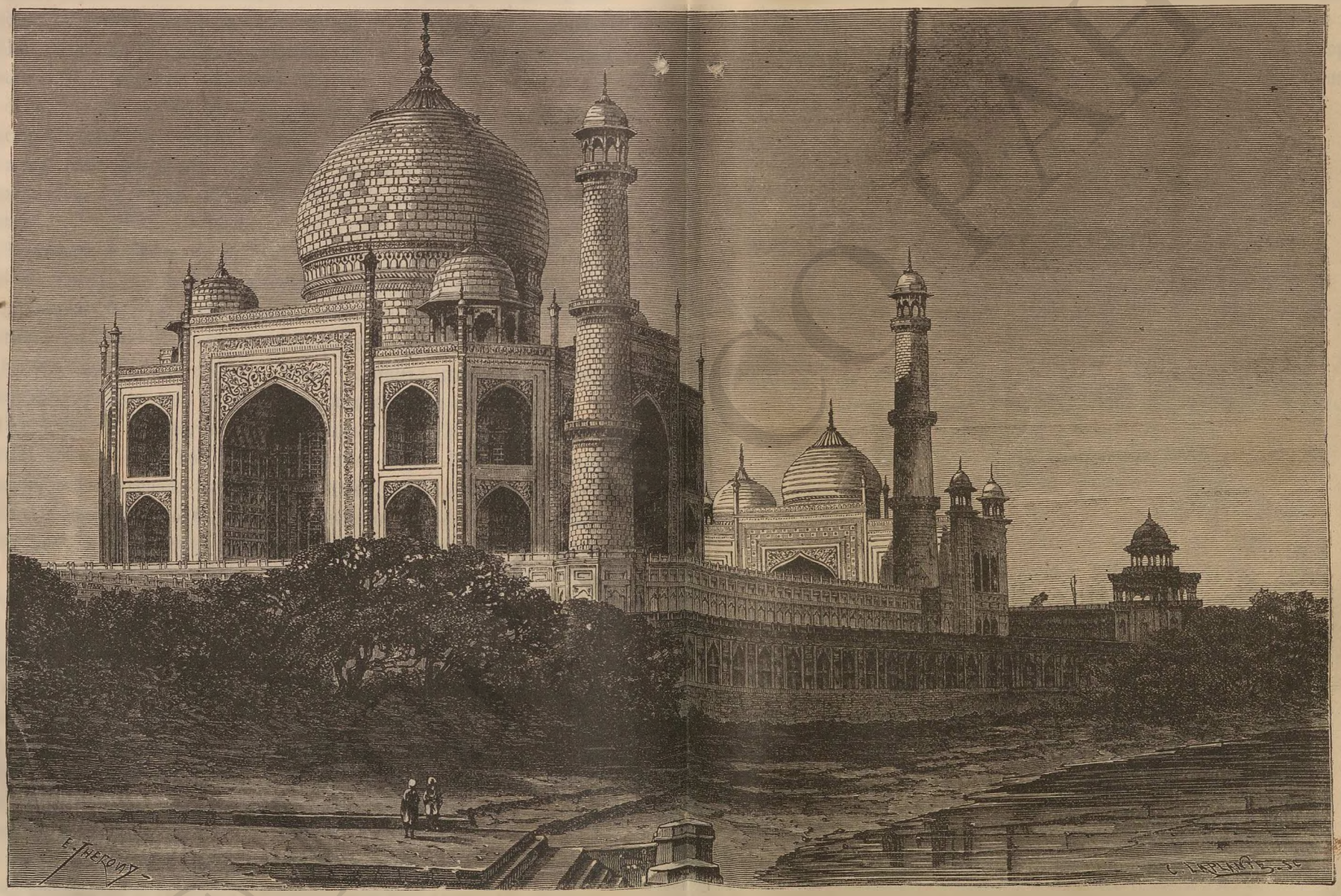
Благодаря своему таланту, онъ скоро заслужилъ благосклонность Акбера, который сдѣлалъ его министромъ финансовъ имперіи. Его дочь «Nour-Mahal» была чудомъ красоты; онъ выдалъ ее замужъ за туркменскаго дворянин Шеръ-шаха начальника гвардіи. Въ одинъ изъ ея пріѣздовъ въ Бегомъ, принцъ Мирза Селимъ, позже императоръ Жеангиръ, увидѣлъ ее и съ тѣхъ поръ полюбилъ ее сильно.

Послѣ смерти Акбера, Шеръ-шахъ былъ убитъ, и Нуръ Магалъ сдѣлалась женой Жеангира, подъ именемъ Нуръ Жеганъ Съ этого времени, эта надменная женщина овладѣла правленіемъ и дѣйствительно правила вмѣсто своего мужа, назначивши своего отца первымъ министромъ и повелѣла чеканить монету съ своимъ изображеніемъ. Къ несчастью, второй ея бракъ остался безплоднымъ; она выдала замужъ дочь Шеръ-шаха за самого младшаго сына императора, выколовши, предварительно, глаза наслѣдному принцу Хозрою и умертвивши собственноручно его мать. Не смотря на всѣ эти преступленія, Шахъ Жеганъ взошелъ на престолъ послѣ смерти Жеангира, и первыми дѣяніями его было отравленіе Нуръ Жеганы, убіеніе ея протеже Шахъ Ріара и удушеніе всѣхъ родственниковъ императрицы.

Мумтацъ-Маголь племянница Нуръ Жеганы наслѣдовала красоту и таланты своей тетки, но Шахъ Жеганъ съумѣлъ сохранить кормило правленія въ своихъ рукахъ.

Слѣдуя по теченію Джумны, отъ «Etmaddoulah» по пути встрѣчаешь множество садовъ и дворцовъ—дворянъ акберова двора. Самый значительный изъ нихъ «Râmbaugh,» павильоны котораго, благодаря властямъ Агры, отдаются въ распоряженіе путешественниковъ.

Невдалекѣ видны развалины любопытнаго мавзолея, называемаго Чини-ра-розахъ или Фарфоровый гробъ. Это прекрасное зданіе, увѣн-



Общій видъ Таджъ-Магала въ Агрѣ.

чанное высокимъ куполомъ, выстроено изъ кирпича и покрытое эмалевыми пластинками, съ рисунками и арабесками. Прекрасная эмаль, въ особенности на куполѣ, очень чистаго, небеснаго, голубаго цвѣта.

Чтобы окончить исчисленіе чудесъ Агры, нужно упомянуть о знаменитомъ мавзолеѣ Акбера, въ Секундрѣ, въ двухъ миляхъ отъ города и о дворцахъ Футехпуръ Сикри, описаніе которыхъ читатель найдетъ дальше.

© ГПНТБ СО РАН

XXVII.

Императорскій дурбаръ въ Агрѣ.

Важность дурбара. — Отказъ Мага-Раны. — Прибытіе вице-короля Индіи. — Праздникъ, даваемый Синдіей въ Таджѣ. — Большой смотръ. — Церемонія пожалованія «индѣйской звѣздой.» — Дурбаръ. Присутствующіе Раджи.

На большой дурбаръ 1866 года, можно смотрѣть какъ на одно изъ важныхъ событій, ознаменовавшихъ британское владычество въ Индіи.

Уже лорды Канингъ, Оклэндъ и лордъ Эленборо — присутствовали въ разныя времена на дурбарахъ, гдѣ собиралось большое количество индійскихъ королей, вошедшихъ въ составъ знаменитой индійской компаніи или союзниковъ ея; но честь представлять собой въ первый разъ на главномъ дурбарѣ не представителя купеческой компаніи, а англійскую королеву, императрицу Индіи, возсѣдающую на престолѣ Акбера и Шаха Жегана, принадлежала сэру лорду Джону Лауренсу. Собраніе, на которомъ онъ былъ президентомъ, было такъ блестяще, что нужно было бы возвратиться къ апогею владычества моголовъ, чтобы найти что либо ему подобное.

Послѣ кризиса 1857 года, наступило девять лѣтъ спокойствія и преуспѣянія, въ продолженіи которыхъ англійское владычество, если не расширилось, то по меньшей мѣрѣ укрѣпилось. Двадцать шесть неограниченныхъ владѣтелей и большое число могущественныхъ ленниковъ отвѣтили на призывъ вице-короля и, слѣдуя древнему индускому обычаю, должны были пріѣхать поклониться представителямъ падишаховъ. Единственный, отказавшійся присутствовать на дурбарѣ былъ удейпурскій Мага Рана. Онъ, предки котораго отвергли почести Делійскаго двора и никогда не гнувшіе шеи передъ побѣдителями, онъ, солнце индусовъ, могъ ли онъ принесть въ жертву честь свою, охраняемую впродолженіи двадцати вѣковъ, британской гордости? Могъ-ли онъ сидѣть рядомъ съ презрѣннымъ магаратомъ и нечистымъ мусульманиномъ, и сидѣть въ ногахъ у англичанина? Требовать ихъ явиться — не имѣютъ права.

Но по случаю большаго дурбара нужно было раздавать главнымъ владѣтельнымъ князьямъ орденскую ленту «звѣзду Индіи.» Забыть Мага Рана было невозможно и, такъ какъ онъ не пріѣхалъ, то къ ему она была послана. Послѣдовалъ новый отказъ: «мои предки никогда не носили эмблемы подчиненности!» отвѣтилъ Мага Рана, и орденская лента должна была возвратиться въ Агру. Это было единственное облако во время дурбара въ Агрѣ и, кромѣ того, англійскія газеты объясняли отказъ несовершеннолѣтіемъ этого надменнаго князя, которому только двадцать три года!

Ни одинъ городъ Индіи не представлялъ такихъ удобствъ для дурбара какъ Агра. Расположенная въ центрѣ главныхъ индійскихъ Раджпутанскихъ государствъ, земли Джатовъ, Магаратовъ, Бунделькунда и другихъ, она находится въ трехдневномъ разстояніи по желѣзной дорогѣ отъ Калькуты и въ нѣсколькихъ часахъ отъ Дели и Пенджаба. Ни одинъ городъ не представляетъ болѣе удобнаго положенія, съ своими обширными долинами, на которыхъ раджи могли выставлять на видъ свою пышность, съ своими великолѣпными памятниками, важными страницами индійской исторіи, вполнѣ достойными вмѣстить въ себя сцены этого великаго торжества.

11-го ноября сэръ Джонъ Лауренсъ вошелъ въ Агру, окруженный великолѣпнымъ штабомъ и привѣтствуемый пушечнымъ залпомъ съ Акберской цитадели. Одѣтый въ гражданское платье, безъ коризненно скромно, въ поярковой шляпѣ, можно было бы думать, что онъ хотѣлъ еще рѣзче выдвинуть побѣду бюрократіи, класса такъ долго бывшаго послѣднимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое торжество для этого «простолюдина», этого маленькаго англійскаго чиновника, сдѣлавшагося главнымъ правителемъ Индіи и занявшаго постъ, который до него занимаемъ былъ только самыми важными аристократами Англіи! Пріемъ, сдѣланный ему, былъ наградой за его четырехлѣтнюю службу.

Прибытіе вице-короля Индіи было только началомъ главныхъ торжествъ дурбара, которыя слишкомъ интересны для того, чтобы я воздержался отъ подробнаго ихъ описанія.

ОТПЕЧАТАН

13-го,—часъ спустя, послѣ выхода солнца, по восточному обычаю, была отправлена депутація отъ вице-короля къ Гвальорскому Магараджѣ, Джейпурскому, Жудпорскому, къ королевѣ Бопольской Бегомѣ и другимъ, съ поздравленіемъ. Чести этой удостоиваются только государи.

Въ 10-ть часовъ, мы, подобно другимъ европейцамъ, отправились на большой выходъ вице-короля.

Въ часъ начинаются визиты индускихъ князей сэру Джону Лауренсу; они продолжаются весь день и на слѣдующій тоже. Эти визиты были сейчасъ же отданы вице-королемъ и, впродолженіи нѣсколькихъ дней, по Агрѣ разъѣзжали великолѣпные совари.

На одномъ изъ офиціальныхъ визитовъ произошелъ случай, характеризующій мелочность индускаго этикета и заслуживающій того, чтобы обратить на него вниманіе. Сэръ Джонъ, будучи у Жудпорскаго Магараджи и, не зная о чемъ говорить, спросилъ у князя, сколько у него сыновей. Старый раджа, видя въ этомъ вопросѣ неуваженіе къ себѣ, ничего не отвѣтилъ; индускій обычай запрещаетъ въ офиціальныхъ случаяхъ говорить о семьѣ. Чтобы выйти какъ нибудь изъ неловкаго положенія, индускій министръ поспѣшилъ отвѣтить, что у короля 22 сына. Раджа разсердился и крикнулъ: «болѣе сотни», и министръ долженъ былъ пояснить, что, изъ уваженія къ его величеству, онъ сказалъ только о законныхъ сыновьяхъ и что дѣйствительно всѣхъ дѣтей у короля болѣе сотни. Этотъ случай показываетъ, какъ нужно знать нравы и обычаи, чтобы быть хорошимъ дипломатомъ въ Индіи.

Церемоніи дурбара привлекли въ Агру большое число любопытныхъ европейцевъ и туземцевъ, прибывшихъ сюда изъ разныхъ провинцій Индіи. Весь этотъ людъ помѣстился въ палаткахъ, образовавшихъ, такимъ образомъ, вокругъ города обширный станъ. Хотя климатъ сѣверо-западныхъ провинцій въ это время года довольно хорошій, но жаръ до того силенъ, что совершенно было достаточно для развитія эпидеміи, при такомъ огромномъ стеченіи народа. Дѣйствительно, съ первыхъ же дней дурбара холера свирѣпствовала ужасная и пріостановилась, только благодаря мѣрамъ, энергически принятымъ англійскимъ правительствомъ. Однако здѣсь живутъ такъ безпечно, что никто не заботится о присутствіи ужаснаго гостя и только, посѣтивши агрское кладбище, я могъ узнать о числѣ жертвъ.

Но время посвящено было только празднествамъ и удовольствіямъ. Магараджа Синдіи далъ сигналъ. Этотъ князь, самый могущественный

въ Индустанѣ, возъимѣлъ желаніе дать праздникъ въ Таджѣ, и агрскія власти предоставили памятникъ въ его распоряженіе. Приглашенія были разосланы раджамъ и отборнымъ европейскимъ гостямъ; резидентъ Гвальора былъ настолько любезенъ, что помѣстилъ насъ въ спискѣ приглашаемыхъ. 15-го вечеромъ, возвращаясь изъ Таджа, я спросилъ себя: не было-ли профанаціей обратить памятникъ въ увеселительное мѣсто; памятникъ, составляющій славу Индіи? Но оказывается, что мусульмане иначе относятся къ памятникамъ, чѣмъ мы. Мы видимъ императоровъ всѣхъ временъ, строющихъ памятники еще при жизни, окружающихъ ихъ прекрасными садами, въ которыхъ они сами предаются разнымъ увеселеніямъ. Послѣ ихъ смерти эти сады дѣлаются мѣстомъ свиданія ихъ друзей, которые любятъ здѣсь разсуждать о великихъ дѣяніяхъ усопшаго и заставляютъ присутствовать его духъ во время ихъ увеселеній. Идея, понятно, не такъ плачевна, какъ наша.

Мы вышли изъ экипажей въ первомъ дворѣ, передъ главными воротами сада; гренадеры Синдія стояли шпалерами, и мы прошли подъ обширнымъ сводомъ, отъ котораго опускаются тысячи хрустальныхъ жирандоль. Если смотрѣть съ верху, съ крыльца, то садъ кажется гигантской волшебной декораціей; фонтаны образуютъ блестящіе снопы, деревья покрыты плодами и огненными цвѣтами, и прекрасные оркестры наполняютъ воздухъ симфоніями. Большія аллеи, вымощенныя мраморомъ, представляютъ великолѣпное зрѣлище. Магараджа и раджи, блистающіе алмазами, правители, дипломаты, офицеры, покрытые галунами; индійскіе министры, вассалы раджей, высокопоставленныя дамы калькутскаго двора;—все это представляетъ толпу, о которой нельзя себѣ составить понятія по европейскимъ церемоніямъ. Я не буду говорить о богатствѣ костюмовъ, о ихъ разнообразіи, красотѣ, однимъ словомъ объ этой картинѣ, изображающей столько земель, расъ, во всемъ богатствѣ, какое только у нихъ имѣется.

Для европейца идея о праздникѣ, даваемомъ князьямъ, присутствующимъ въ Агрѣ однимъ изъ ихъ собратовъ, кажется очень простой; а между тѣмъ это настоящій «coup d'Etat.» Представить людей, которые всю свою жизнь показывались въ публикѣ неиначе, какъ окруженные своимъ величіемъ и достоинствомъ—сущіе идолы, выставленные на поклоненіе толпы; представить этихъ гордыхъ, надменныхъ князей, прогуливающимися, подобно простымъ смертнымъ, въ саду, толкающихъ одинъ другого и болтающихъ другъ съ другомъ, все это считалось бы невозможнымъ; но кто такъ думаетъ — ошибается. Все шло прекрасно.

Я встрѣтилъ въ толпѣ могущественнаго Джейпурскаго Рамъ Синга, немного смущеннаго тѣмъ, что ему приходилось стушевываться передъ дамами и получать толчки, но въ то же время онъ казался любезнымъ; далѣе—Шеодамъ Сингъ пожиралъ глазами англійскихъ красавицъ. Въ 10-ть часовъ, въ концѣ большой аллеи, показалась внезапно масса снѣжной бѣлизны, висящая въ воздухѣ, подобно чудному видѣнію; это былъ Таджъ, который, будучи до сихъ поръ погруженъ въ темноту, былъ теперь освѣщенъ электрическимъ огнемъ. Видъ былъ великолѣпный. Электрическому освѣщенію предшествовала общая иллюминація. Глашатаи, бѣгая въ толпѣ, приглашаютъ насъ явиться въ праздничный залъ. Въ «Jabab» обширномъ залѣ, украшенномъ мозаикой, былъ поданъ гомеровскій ужинъ, на которомъ соединились всѣ рѣдкости Европы и Азіи. Вскорѣ европейцы окружили столъ, пробки выскакивали каскадомъ, и веселье полилось рѣкой. Индусы, стоя, присутствовали на банкетѣ, не принимая въ немъ участія. Сказать, сколько шампанскаго было выпито въ этотъ вечеръ, было бы трудно, и я удовольствуюсь, сказавши, что не мало старыхъ солдатъ свалилось съ ногъ отъ французской влаги. Синдія, въ концѣ концовъ, долженъ былъ заплатить за этотъ ужинъ 20 тысячъ рупій [1]).

Послѣ ужина былъ фейерверкъ на берегу Джумны; мы уже знаемъ, что рѣка омываетъ подошву террасы Таджа и описываетъ передъ памятникомъ граціозную дугу. Масса ракетъ и звѣздчатыхъ бомбъ падаетъ въ воду, отражаясь на минуту на поверхности; но какъ только наступила темнота, то вся Джумна покрылась огненною скатертью; это дѣлалось посредствомъ маленькихъ поплавковъ, наполненныхъ нефтью, которые спускаютъ съ Тундлахскаго моста, зажегши ихъ предварительно, и которые покрываютъ пламенемъ всю рѣку; теченіе уноситъ ихъ, и иллюминація быстро распространяется. Съ террасы видно рѣку на нѣсколько миль вверхъ и внизъ, покрытую огненной лавой. Эта странная иллюминація продолжается полчаса и теряется въ густомъ лѣсу. Тигры были поражены, увидѣвши эту огненную рѣку. Въ полночь англійскій оркестръ даетъ блестящій концертъ, потомъ толпа мало-помалу рѣдѣетъ.

16-го ноября, вице-король, окруженный всѣми раджами, дѣлалъ на Агрской площади смотръ 20 тысячному англійскому войску, находящемуся подъ командой Мансфельда. Послѣ отступленія, войска опять

[1]) 50 тысячъ франковъ.

заняли свои позиціи и дѣлали всевозможные маневры: наступленія, сраженія и т. д. Эта часть представленія должна была болѣе всего поразить князей, въ особенности затѣчательная быстрота стрѣльбы изъ пушекъ системы Армстронга.

17-го—большое собраніе ордена «звѣзды Индіи,» предсѣдательствуемое сэромъ Джономъ Лауренсомъ, на которомъ должны быть раздаваемы орденскіе знаки князьямъ и союзникамъ. Церемонія происходитъ въ «Chamiana» или палаткѣ дурбара, въ центрѣ императорскаго стана и тамъ присутствуютъ всѣ великія особы. Это, такъ сказать, репитиція дурбара, который будетъ въ томъ же залѣ. «Chamiana» обширный залъ, могущій вмѣстить въ себя двѣ или три тысячи человѣкъ. На концѣ зала устроенъ тронъ для вице-короля—главы ордена: это позолоченное сѣдалище, поддерживаемое геральдическими львами и устроенное на концѣ эстрады, покрытой золотымъ сукномъ; съ каждой стороны тронаидутъ ряды креселъ, на лѣво—для кавалеровъ и новопожалованныхъ, на право—для зрителей, раджей и англичанъ.

Вице-король одѣтъ въ богатую орденскую цѣпь, звѣзду, орденскую ленту и лиловое суконное платье.

Перемонія пожалованія ордена очень проста. Получающій орденъ садится передъ трономъ вице-короля ему читаютъ письмо королевы, затѣмъ, вице-король обнимаетъ его, надѣваетъ ему на шею орденскую цѣпь и ленту, и провозглашаетъ его кавалеромъ. Потомъ слѣдуетъ небольшая рѣчь, исчисляющая права князя на большую честь, оказанную ему. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей имѣютъ отношеніе къ услугамъ, оказаннымъ князьями во время возмущенія и суть косвенные упреки князьямъ, присутствующимъ на дурбарѣ за то, что они поддерживали инсургентовъ. Такъ напр.: обращаясь къ раджѣ Муддунъ-Палъ Керувли, маленькому князю изъ Раджпутаны, сэръ Джонъ сказалъ: «императрица Индіи, награждая васъ орденомъ «звѣзды Индіи,» хотѣла тѣмъ самымъ вознаградить васъ за вашу вѣрность и услуги, оказанныя вами англичанамъ во время возмущенія 1857 года. Сколько князей держалось тогда въ сторонѣ, выжидая событій вы же не побоялись стать во главѣ вашихъ раджпутанскихъ племенъ и держаться за англичанъ.»

Среди новыхъ кавалеровъ находится старый король Жудпора, одинъ изъ тѣхъ, которые совершенно держались въ сторонѣ.

Наконецъ мы добрались до 20-го ноября — дня, назначеннаго для празднованія императорскаго дурбара. Съ утра Агра представляла

© ГПНТБ СОРАН

зрѣлище настоящаго смятенія. Всѣ хотятъ видѣть дурбаръ, но число князей и дворянъ слишкомъ велико; «Chamiana» имѣетъ не болѣе 50-ти пустыхъ мѣстъ для зрителей, и ихъ едва хватаетъ для журналистовъ и другихъ покровительствуемыхъ посѣтителей. Въ качествѣ французскаго путешественника и, благодаря многочисленнымъ связямъ, я попалъ въ послѣднюю категорію и получилъ мѣсто на дурбарѣ.

Съ 12-ти часовъ дня, большая площадь, находящаяся передъ лагеремъ, представляла прекрасный видъ; здѣсь находилось отъ 50-ти до 60-ти отдѣльныхъ дворовъ, слѣдующихъ въ надлежащемъ порядкѣ одинъ за другимъ. Каждый раджа, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ, выставляя на видъ всѣ богатства своей династіи, занимаетъ назначенное ему мѣсто, чтобы оттуда высокомѣрно шествовать на дурбаръ. Сотни слоновъ, истинныхъ гигантовъ своей породы, соперничаютъ убранствомъ своей сбруи; одни, убранные золотомъ или серебромъ, другіе красивыми знаменами; тысячи кавалеровъ, соддатовъ во всевозможныхъ мундирахъ, сотни тысячъ любопытныхъ изъ разныхъ провинцій Индіи. Такова толпа, покрывающая Агрскій майданъ. Среди этого Вавилона, этого сборища, англійскіе полисмены, верхомъ на лошадяхъ, стараются возстановить подобіе порядка и установить войска раджей.

Я съ трудомъ пробрался чрезъ эту толпу и достигъ большой аллеи примыкавшей къ «Chamiana» и запруженной войсками. Палатка уже была наполнена дипломатами и англійскими офицерами, въ числѣ которыхъ я нашелъ своихъ знакомыхъ.

Около двухъ часовъ начинается шествіе по правиламъ этикета: вышестоящіе по чину прибываютъ на мѣста послѣдними. Итакъ, первыми являются союзники британскихъ раджей, а потомъ вассалы. Съ крыльца «Chamiana» я могъ видѣть проходъ, мѣсто, болѣе всего поражающее во всей процессіи. Каждый Раджа, сопровождаемый своимъ отрядомъ поочередно направляется въ большую аллею; англійскія войска отдаютъ честь, батареи палятъ изъ пушекъ. Королевскіе верблюды становятся на колѣни передъ «Chamiana», и распорядитель церемоніи подъ руку отводитъ каждаго раджу на его мѣсто. Шествіе продолжается, не прерываясь, съ восходящимъ великолѣпіемъ, начиная съ Алипурскаго князька Бундела и кончая самымъ могущественнымъ государемъ Гваліора. Наконецъ всѣ на своихъ мѣстахъ: индійскіе короли по правую сторону трона, съ ихъ свитой и министрами сзади ихъ; съ лѣва англійскіе правители, генералы, офицеры, богатство мундировъ которыхъ кажется ничтожнымъ и смѣшнымъ передъ азіатскимъ блескомъ. Чрезъ

нѣсколько минутъ глашатай, въ красной одеждѣ и вооруженный позолоченной тростью, возвѣщаетъ о прибытіи вице-короля; собраніе подымается, и сэръ Джонъ Лауренсъ, въ парадной формѣ, съ непокрытой головой, медленно проходитъ залъ и всходитъ по ступенямъ на тронъ подъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ и марша: «Боже храни королеву.» По знаку всѣ садятся, и секретарь провозглашаетъ дурбаръ открытымъ. И вотъ начинается большая церемонія нуццуръ: каждый раджа, сопровождаемый министромъ и первымъ канцлеромъ государства, подходитъ къ трону, становится на колѣни передъ вице-королемъ, подноситъ ему золотую монету, до которой тотъ дотрогивается. Эта монета представляетъ собою довольно большую сумму, мѣняющуюся сообразно силѣ раджи и которая должна быть вручена англійскимъ властямъ послѣ дурбара.

Но пока продолжается эта церемонія, которая длится не менѣе часа, бросимъ взглядъ на князей, участвующихъ въ дурбара.

Первымъ, по правую сторону трона, возсѣдаетъ Синдія, Гваліорскій магараджа; онъ представитель хищныхъ магаратовъ, которые, впродолженіи цѣлаго столѣтія, предавали Индію огню и мечу, разрушили царство моголовъ и своими опустошеніями доставили побѣду британцамъ. Единственный его соперникъ, магаратскій король изъ Бароды; съ которымъ ужъ знакомы мои читатели. Синдія одѣтъ съ нѣкотораго рода простотою: нѣсколько брильянтовъ на груди, платье изъ бархата и на головѣ тюрбанъ, съ приподнятыми боками, который ему придаетъ сходство съ Генрихомъ VIII. Физіономія его лукава, съ вѣчно сдвинутыми бровями.

Непосредственно по лѣвую сторону отъ вице-короля — нашъ другъ Рамъ Сингъ, Джейпурскій магараджа, съ тюрбаномъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями и драпированный въ мантію ордена Индѣйской Звѣзды. Онъ и Жудпурскій магараджа, сидящій около Синдія, представители «солнечнаго» рода, берущаго начало отъ бога Рамы. По благородству происхожденія съ нимъ можетъ сравниться только Удерпорскій Рана. Эти два раджи равны по чину и, чтобы не дѣлать между ними различія, Джейпурскаго посадили на лѣво, а Жудпурскаго—направо.

ОТИГБОРАН

XXVIII.

Приглашенные на Дурбаръ. — Нуццуръ. — Киллутъ-Магараджа танцующій европейскій танецъ.

Слѣдующее мѣсто занимаетъ королева Бегаумъ-де-Бопаль, самый важный магометанскій владѣтель въ Раджастанѣ; это лѣтъ пятидесяти весьма мужественная и энергическая на видъ женщина; костюмъ ея почти совершенно мужской: она въ узкихъ, плотно обтягивающихъ ногу панталонахъ изъ золотой парчи и въ атласномъ камзолѣ, украшенномъ многочисленными орденами. Въ толпѣ, окружающей ее знати, составляющей ея свиту, наше вниманіе останавливаютъ: вдовствующая королева Коодзія Бегаумъ и одна пожилая дама въ индійскомъ костюмѣ, которую церемоніймейстеръ величаетъ Елизаветой Бурбонъ!... Возлѣ нихъ сидятъ Мага-рао раджа-Котахскій и раджа Кишенгурскій,—оба раджпута одѣтые въ старинныя кангра, или юбки изъ узорчатой кисеи.

Мага-рао Керовли, молодой раджа Джатъ Буртпорскій и Мага-рао Ульвскій образуютъ группу, сіяющую разнаго рода драгоцѣнностями; Шеоданъ-Сингъ въ длинной туникѣ изъ чернаго бархата, на которомъ рѣзко выступаютъ цѣлыя рѣки изъ брильянтовъ; рядомъ съ нимъ помѣщается старый разбойникъ Пиндарисъ-Навабъ-Тонка въ длинномъ шелковомъ плащѣ, безъ всякихъ украшеній. Дальше виднѣется раджа Дольпора, красивый старикъ съ большими бакенбардами, выкрашенными въ красный цвѣтъ; онъ явился на дурбаръ точно на поле битвы, съ ногъ до головы одѣтый въ желѣзо. Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ принцевъ Бунделаскихъ и раджпутовъ, въ богатыхъ и живописныхъ костюмахъ; имена ихъ таковы: Мага-раджа Урча, рао-Мага-раджа Дуттіа, раджа Сумтеръ, раджа Чиркари, раджа Біявюръ, раджа-рао Аджигуръ, Мага-раджа Чуттерпоръ, раджа Сурила, Ятрдаръ Алипура и раисъ Мигере. За этими владѣтельными князьями помѣщаются шесть мирзъ, членовъ эксъ-императорской фамиліи въ Дели. Эти господа, ведущіе начало отъ Акбера, пышно одѣтые и съ токами принцевъ крови на головахъ, подобострастно преклоняютъ колѣна передъ англійскимъ вице-королемъ, у котораго они состоятъ на пенсіи. Позади всѣхъ находятся прямые ленники англійской короны: земиндары, раджи, Жаггидары изъ коихъ нѣкоторые, какъ напримѣръ раджа Бурдвана, владѣютъ цѣлыми областями и получаютъ огромные доходы.

За церемоніей нуццуръ слѣдуетъ церемонія *киллутъ*, служащая какъ бы отвѣтомъ на первую. Въ дѣйствительности нуццуръ есть даръ предлагаемый низшими высшему, тогда какъ киллутъ есть вознагражденіе сюзереномъ вассала порою титуломъ, порою какимъ нибудь цѣннымъ подаркомъ. Такимъ образомъ восемьдесятъ три киллута распредѣляются тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для церемоніи Нуццуръ; они состоятъ изъ слоновъ и лошадей, изъ драгоцѣнностей, предметовъ искусства, дорогихъ матерій, что, послѣ каждаго призыва, складывается въ залѣ и затѣмъ раздается раджамъ. Эта церемонія занимаетъ еще больше времени, нежели первая и нѣсколько утомительна.

По раздачѣ подарковъ, вице-король поднимается съ мѣста и произноситъ на индусскомъ языкѣ выразительную рѣчь, въ которой убѣждаетъ индійскихъ принцевъ мудро править принадлежащими имъ областями и стараться привить къ нимъ всѣ благодѣянія европейской цивилизаціи, хотя бы для того только, чтобы показать себя достойнымъ дружбы императрицы обѣихъ Индій. Затѣмъ секретарь объявляетъ дурбаръ закрытымъ, и всѣ выходятъ тѣмъ же порядкомъ какимъ вошли.

Такъ происходило это замѣчательное торжество, которое увѣковѣчится въ лѣтописяхъ исторіи Индіи и которое на мой взглядъ представляло одно изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ, какое только можетъ наблюдать европеецъ въ нашъ прозаическій вѣкъ.

По закрытіи дурбара оканчивалась политическая сторона этого собранія князей въ Агрѣ; но до самаго конца мѣсяца продолжалась еще цѣлая серія праздниковъ. Рао-Ульвурскій и князь Визіанаграла отличились блестящими празднествами, а въ заключеніе Рамъ-Сингъ далъ большой балъ, на которомъ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ

можно было видѣть индусскаго принца отпрыска Рамы, танцующаго кадриль съ европейской красавицей.

Вскорѣ всѣ приглашенные отправились во свояси, и Агра принялъ свой обычный скучный видъ гарнизоннаго города. Шеоданъ-Сингъ предувѣдомилъ насъ о своемъ возвращеніи въ Ульвуръ. Принявши насъ сначала совершенно за просто и безъ всякой торжественности въ своей столицѣ, онъ захотѣлъ теперь, безъ сомнѣнія, возвыситься въ нашихъ глазахъ. Поэтому, онъ принялъ насъ сидя на гади (тронъ раджпута), окруженный своими приближенными, и, поговоривши со мною нѣсколько времени, приподнесъ намъ великолѣпный киллутъ, надѣвъ на насъ, по примѣру вице-короля, превосходное ожерелье. Онъ не захотѣлъ уѣхать изъ Агры, не устроивъ также для себя своего дурбара.

XXIX.

Королевство Буртпоръ.

Суттеръ-Чопана. — Буртпоръ. — Яты. — Двѣ осады. — Капитанъ Фантомъ.

Торжество дурбара сбило меня съ моего пути; послѣ того какъ мною собраны были свѣдѣнія объ этой церемоніи у англійскихъ агентовъ и туземныхъ жителей, я рѣшился совершенно измѣнить свой маршрутъ. Я возъимѣлъ мысль пробраться изъ Джейпура въ Дели, Лагоръ и Кашмиръ; я еще не зналъ тогда, что этотъ обширный треугольникъ, ограничиваемый съ сѣвера Гангомъ, Чумбуломъ назападѣ и Виндіасскими горами на югѣ, и вообще называемый центральной Индіей, послужитъ мнѣ дотолѣ еще не изслѣдованнымъ полемъ для изученія: что я найду тутъ памятники самой глубокой старины и представляющіе большой интересъ, индѣйскія королевства и расы. Единственными документами по отношенію къ этой обширной и чрезвычайно интересной области служатъ лишь нѣсколько донесеній англійскихъ агентовъ, напечатанныхъ учеными обществами. И такъ, я провелъ на моей дорожной картѣ путеводную линію, которая, проходя черезъ Бунделькундъ до Бопала, должна была меня привести въ Агру черезъ Мальву и Гараути.

Въ Агрѣ я снова не имѣлъ подъ рукою никакихъ другихъ рессурсовъ, кромѣ тѣхъ, какіе можетъ дать англійскій городъ; нѣтъ больше раджей, отъ которыхъ я могъ бы достать верблюдовъ и повозокъ; путешественники тутъ составляютъ такое рѣдкое явленіе, что только съ большимъ трудомъ я могъ найти средство продолжать мой путь, согласно начертанному плану. Наконецъ уже одинъ мусульманинъ предложилъ отыскать мнѣ повозку для отправки моего багажа и моихъ людей и то лишь только до Буртпора. Эта повозка была не что иное

© ГПНТБ СО РАН

какъ *суттеръ-чопайа*, родъ огромнаго фургона съ крытымъ верхомъ поставленнаго прямо безъ рессоръ на четыре низкихъ колеса и везомаго четверкою сухопарыхъ верблюдовъ, запряженныхъ гусемъ. Хотя общій видъ экипажа былъ довольно живописенъ, но тѣмъ не менѣе эта тяжелая махина представляла мало успокоительнаго.

Вторая помѣха: люди, которыхъ я привелъ съ собой изъ Бароды съ ужасомъ замѣчали, что я снова углубляюсь въ дикія, неизслѣдованныя страны, такъ что я долженъ былъ ихъ отпустить и пріискивать другихъ на ихъ мѣсто,—обстоятельство весьма затруднительное въ минуту отъѣзда. Все это вмѣстѣ взятое стоило мнѣ потери времени и только лишь 15-го декабря вечеромъ намъ удалось выбраться изъ Агры.

Отъѣздъ совершается безпрепятственно; экипажъ весело катится по макадамизированной мостовой, верблюды скачутъ крупною рысью; но вдругъ дорога, какъ вообще всѣ дороги въ Индіи, круто врѣзывается, въ разстояніи нѣсколькихъ льё отъ города, въ необозримую песчаную равнину, гдѣ колеса завязаютъ по ступицу. Мы ѣдемъ гораздо медленнѣе; ужасная тряска угрожаетъ чопайѣ полнымъ уничтоженіемъ и вскорѣ мы подвигаемся впередъ уже совсѣмъ шагомъ. Не смотря на всѣ наши старанія, мы должны покориться необходимости и слѣдовать на нашихъ лошадяхъ за этимъ печальнымъ кортежомъ двѣнадцать лье, которыя отдѣляютъ насъ отъ Буртпора, что отнимаетъ у насъ цѣлую ночь и только лишь съ разсвѣтомъ мы замѣчаемъ ятскую цитадель выдвигающугося посреди пустынной равнины. Въ восемъ часовъ мы подъѣзжаемъ къ городскимъ воротамъ; насъ проводятъ въ маленькій дворецъ, близъ королевскаго жилища, гдѣ уже позаботились приготовить намъ помѣщеніе. Мы входимъ въ него, изнемогая отъ усталости и проклиная суттеръ-чопайо и его изобрѣтателей.

Буртпоръ есть столица ятскаго государства, лежащаго между королевствами Джейпуръ, Ульвуръ, Долепоръ и провинціей Агра. Населеніе этой области не превышаетъ девятисотъ тысячъ душъ, а доходы ея достигаютъ девяти милліоновъ франковъ.

Яты или Иты занимали, кажется, со временъ Томириса и Кира первое мѣсто въ Восточной Индіи и Трансоксіаны какъ по своему числу, такъ и по значенію.

Исторія упоминаетъ о королевствѣ Ути или Ятѣ въ Пенджабѣ въ четвертомъ вѣкѣ, но не обозначаетъ времени его основанія.

Эпоха перваго появленія ятовъ въ Индіи неизвѣстна въ точности; во всякомъ случаѣ раджпуты нашли уже ихъ твердо укрѣпившимся и

удерживающими характеристическіе нравы, присущіе всѣмъ скиѳскимъ племенамъ. Пастушескій и полукочевой народъ управлялся единственно лишь совѣтами старѣйшинъ, выбираемыхъ изъ каждаго колѣна. Единственнымъ божествомъ ихъ была Амба Бавани, индусская Цибела, представляемая молодой ятской женщиной; но, имъ была совершенно чужда браминская теократія. Ихъ преданія выводятъ ихъ изъ за Оксуса. Тодъ видитъ въ азіятахъ одно изъ ихъ главныхъ колѣнъ, ази Оксуса и Яксарты, разрушившихъ Греческую Имперіи въ Бактріи. Тотъ же авторъ считаетъ ятовъ родоначальниками племени, которые подъ именемъ Итовъ или Ютовъ завладѣли сѣверомъ Европы и утверждались между прочимъ и въ Даніи, на островѣ Ютландѣ. Завоеватели,—раджпуты были вынуждены оставить неприкосновенными привилегіи ятовъ, которые, уступая имъ первенство, удержали все таки за собою поземельную собственность; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ напримѣръ въ Биканирѣ, раджпутскіе принцы должны быть посвящаемы, при своемъ вступленіи на тронъ, ятскими собраніями.

Во время вторженія мусульманъ, яты встрѣтили ихъ повсюду упорнымъ сопротивленіемъ. Въ 1206 году они остановили Махмуда на берегахъ Инда; императоръ Кутубъ въ 1205 году приложилъ много усилій, чтобы отнять у нихъ страну Ганси; въ 1397 году ихъ летучіе отряды затрудняли движеніе Тамерлана, и наконецъ самъ императоръ Баберъ во своихъ запискахъ восхваляетъ ихъ неустрашимость. Ятамъ, болѣе счастливымъ чѣмъ раджпутамъ, выпало на долю въ соединеніе съ магаратами, ихъ одноплеменниками въ южной Индіи, уничтожать мусульманское могущество; они завладѣли Агрой, Дели, и конечно сыграли бы видную роль, если бы не завоеванія англичанъ, остановившія ихъ дальнѣйшіе успѣхи.

Послѣ этой упорной борьбы народилось всего лишь нѣсколько маленькихъ королевствъ, какъ-то: Буртпоръ, Долепоръ и Жальра.

Въ началѣ нашего столѣтія, яты Пенджаба, извѣстные подъ именемъ сейковъ, со времени принятія ими ученія Намука, весьма успѣшно приводили въ исполненіе, благодаря славному Ренджету Сингу, дѣло сформированія перваго королевства въ Индіи. Видя, что создается новое могущественное государство, Наполеонъ задумалъ уничтожить англійское владычество съ помощью сейковъ. Онъ прислалъ къ нимъ французскихъ офицеровъ, такихъ, какъ Алларъ и Вантура, которые сдѣлали изъ сейкской арміи первую по силѣ въ Индіи. По смерти Реджитъ Синга, тайная политика англичанъ, въ большей степени

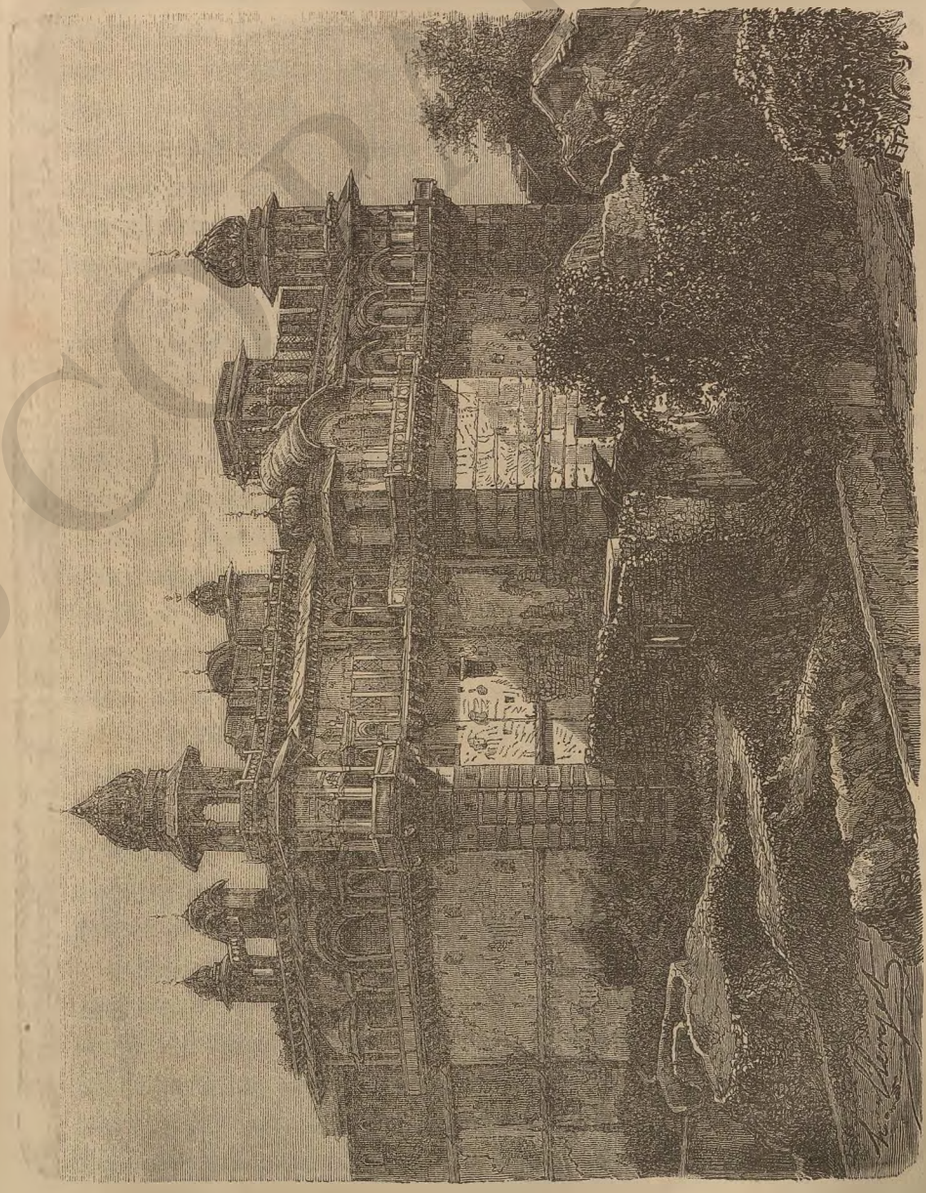
© ПНБ СОРАН

чѣмъ ихъ сила, способствовала паденію этой имперіи, которая и сдѣлалась затѣмъ ихъ добычей. Но будущее пріуготовляетъ первую роль въ Сѣверной Индіи именно этой доблестной скиѳской рассѣ, которая подъ именами Ютовъ, Жетовъ, Житавъ, Жютовъ, Ятовъ или Сейковъ выказала столько силы и живучести. Они даже и теперь составляютъ преобладающій элементъ по численности какъ въ Раджпутанѣ, такъ равно на сѣверѣ и на западѣ Индустана; ихъ можно считать до тридцати милліоновъ.

Ятскій типъ принадлежитъ къ арійской семьѣ. Физіономія ята живая, смышленная; высокій лобъ, орлиный носъ, густые, прекрасные волосы составляютъ ея отличительные признаки. Вообще они высоки ростомъ и хорошо сложены, неустрашимы и мужественны; короче, ихъ осанка, ихъ наружность предупреждаютъ въ ихъ пользу. Самый чистый образчикъ ятской рассы представляетъ сейскій воинъ, одинъ изъ самыхъ совершенныхъ типовъ человѣческой рассы. У нихъ часто можно встрѣтить красивыхъ женщинъ, которыя всегда выше ростомъ другихъ индіанокъ и никогда не носятъ покрывала.

Кланъ буртпорскихъ ятовъ обязанъ своимъ происхожденіемъ герою Биджей Паль, князю Біаны, подвиги котораго составляютъ сюжетъ знаменитой поэмы двѣнадцатаго вѣка *Биджей Палъ-Раза*. Яты этого клана раздѣляются на Баранъ Санкарсъ, или смѣшанныя касты, образовавшіяся изъ соединенія браманскихъ колѣнъ съ туземными жителями. Ихъ нравы и обычаи суть общія съ раджпутами хандраванскими или съ раджпутами *лунной* рассы и различаются во многомъ отъ нравовъ и обычаевъ клановъ *солнечной* рассы.

Въ 1804 году, Ренджетъ Сингъ, раджа Буртпора сдѣлался самымъ могущественнымъ владѣтелемъ въ Индіи; будучи недолгое время союзникомъ англичанъ, онъ сошелся съ ними при Гюлькарѣ; но, разбитый на голову при Ласвари и Дигѣ, онъ былъ вынужденъ запереться въ своей столицѣ. Генералъ Лэкъ немедленно двинулся на Буртпоръ и обложилъ городъ, защищаемый сильнымъ гарнизономъ. Траншеи были подведены 4 января 1805 года, а брешь сочтена достаточною 9-го вечеромъ. Лекъ повелъ войско въ ту-же ночь на приступъ. Но, не смотря на энергически веденную аттаку, онъ былъ отбитъ съ потерею четырехъ сотъ пятидесяти шести человѣкъ. Вторая попытка была еще несчастнѣе; должно сказать, что брешь была открыта на удачно выбранномъ пунктѣ, если бы, находящійся передъ нею наполненный водою ровъ, можно было перейти въ бродъ, но англичане добрались до



Дворецъ Дужно Залъ въ Буртпорѣ.

вала вплавь и вынуждены были отступить, потерявъ шестьсотъ человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ двадцать офицеровъ. Три другихъ послѣдовательныхъ приступа стоили англичанамъ болѣе тысячи двухъ сотъ человѣкъ: осажденные защищались съ неменьшею стойкостью и упорствомъ съ какимъ и непріятель велъ противъ нихъ аттаку; никакая другая осада туземцевъ не представляла еще подобнаго примѣра. Послѣ того какъ англійское войско было обезсилено, а снаряды также стали подходить къ концу, Лекъ долженъ былъ довольствоваться лишь одной блокадой города. Раджа Буртпора, понимая хорошо, что долженъ же наступить день, когда его средства къ сопротивленію также истощатся, воспользовался благопріятными обстоятельствами для того, чтобы договориться съ англичанами о болѣе легкихъ условіяхъ.

Осада, продолжавшаяся три мѣсяца и двадцать дней, была наконецъ снята; англичане потеряли при этомъ три тысячи сто человѣкъ, въ томъ числѣ сто офицеровъ.

Въ 1825 году ятъ Дуржунъ Саль разбилъ внука Ренджета Синга и завладѣлъ Буртпорскимъ престоломъ. Англичане подъ предлогомъ оказанія помощи законному раджѣ обложили вторично Буртпоръ.

Лордъ Комбермеръ открылъ огонь изъ баттарей 14-го декабря; осажденные отвѣчали на него такимъ же сильнымъ огнемъ. 18 января 1826 года были пробиты двѣ бреши, и штурмъ былъ назначенъ одновременно съ двухъ сторонъ. Не смотря на взрывъ мины, разстроившій ряды англичанъ, не смотря на геройскую оборону старыхъ ятскихъ гренадеровъ, трупами которыхъ была завалена брешь, городъ былъ все таки взятъ. Эта побѣда имѣла для англичанъ важное значеніе. Въ памяти было свѣжо еще воспоминаніе о томъ, какъ во времена Лека англійскія войска потерпѣли разъ неудачу передъ стѣнами Буртпора, и какъ, можетъ быть, это повторилось бы и въ другой разъ, если бы недостатокъ продовольствія не вынудилъ крѣпость къ капитуляціи.

Стѣны Буртпора должны были послужить искупленіемъ ихъ первоначальнаго торжества; онѣ были срыты. Передъ глазами жителей тотъ самый бастіонъ, который они называли Бастіономъ Побѣды и про который говорили, что воздвигли его на трупахъ солдатъ Лека, бастіонъ этотъ лежалъ теперь совершенно разрушенный. По взятіи города, лордъ Комбермеръ водворилъ Бульванта Синга на престолѣ и поставилъ его подъ высшее покровительство Англіи.

Нынѣшній раджа Іессвунтъ Сингъ имѣетъ всего шестнадцать лѣтъ отъ роду.

© ГПНТБ СО РАН

Пока онъ не достигнетъ совершеннолѣтія его государство управляется совѣтомъ регентства, въ которомъ предсѣдательствуетъ англійскій резидентъ; дѣйствія этого послѣдняго подчинены единственно контролю императорскаго правительства.

Буртпоръ стоитъ на мѣстѣ древняго города, основаннаго героемъ Баратомъ и отъ котораго не осталось даже никакихъ слѣдовъ. Теперешній городъ ведетъ свое начало отъ Суради Мулля (1756.); онъ обширенъ, довольно хорошо выстроенъ и заключаетъ въ своихъ стѣнахъ до шестидесяти тысячъ жителей, по большей части ятовъ. Его когда то сильныя укрѣпленія, выстроенныя въ новѣйшемъ стилѣ, представляютъ въ настоящее время лишь одну длинную цѣпь развалинъ.

Цитадель находится въ южной части города, но внутри крѣпостей ограды. Ея стѣны, систематически срытыя англичанами, не позволяютъ вовсе судить о ея прежнемъ величіи. Можно еще видѣть бастіонъ Іовара Синга, одинъ изъ четырехъ защищавшихъ крѣпость; это курганъ округлой формы, на которомъ еще уцѣлѣла толстая каменная стѣна. Вершину увѣнчиваетъ хорошенькій павильонъ изъ песчаника, покрытый замѣчательной скульптурной работой и съ котораго открывается взору обширная панорама на городъ и его окрестности.

Возлѣ бастіона находятся ворота Джаггернаута, которые англичане взяли приступомъ, послѣ кровопролитнаго сраженія. Внутренность цитадели представляетъ печальное зрѣлище: повсюду обломки, развалины дворца, уже на половину заросшія травою. Только и уцѣлѣлъ, что одинъ прекрасный павильонъ изъ краснаго песчаника, увѣнчанный куполомъ и постройку котораго несправедливо приписываютъ узурпатору Дурьюнъ Салю; это напротивъ самая старинная часть цитадели.

Возлѣ этихъ развалинъ тянется длинная цѣпь строеній, представляющихъ удивительную смѣсь всевозможныхъ стилей: саррацинскаго, индусскаго, ятскаго, ново-итальянскаго. Это новѣйшій дворецъ раджей; тутъ вы найдете нѣсколько прекрасныхъ внутреннихъ дворовъ, выложенныхъ мраморомъ, аудіенцъ-залу, храмъ и одинъ изъ тѣхъ европейскихъ музеевъ, которые производятъ фуроръ среди раджей нашей эпохи.

Въ сѣверной части города простирается Мути-Игиль или Жемчужное озеро, игравшее такую важную роль въ дѣлѣ защиты города; это искусственный водоемъ, имѣющій нѣсколько километровъ въ окружности; такъ какъ уровень его лежитъ гораздо выше города, то представляется возможность во всякое данное время разлить его воды на большое пространство и тѣмъ затруднить подступъ къ укрѣпленіямъ. Въ настоящее время воду въ этомъ прудѣ накопляютъ лишь въ періодъ дождей; въ октябрѣ же мѣсяцѣ, открываютъ плотины и осушаютъ ложе, которое, будучи покрыто густымъ иломъ, становится пригоднымъ для земледѣлія.

Буртпоръ, въ сущности, представляетъ лишь чисто историческій интересъ, а въ отсутствіе двора, находящагося въ данную минуту въ Дигѣ, это очень печальное мѣстопребываніе. Маленькое, пустячное обстоятельство удержало меня въ немъ нѣсколькими днями долѣе, чѣмъ я желалъ. Въ ночь на 15-ое августа, я потерялъ мою шляпу, одну изъ тѣхъ поярковыхъ шляпъ, безъ которыхъ европеецъ не отваживается выходить подъ лучи индійскаго солнца. Въ ятскомъ городѣ еще нѣтъ шляпнаго магазина, и вотъ почему мнѣ пришлось ждать возвращенія изъ Агры моего посланнаго. Неожиданная встрѣча помогла намъ перенести скуку пребыванія въ Буртпорѣ; возвратившись съ прогулки по городу, я нашелъ у себя визитную карточку, на которой значилось «мосье Фантомъ». Приставка мосье показывала мнѣ, что я имѣю дѣло съ французомъ; я тотчасъ же пошелъ по указанному адресу и вскорѣ разговаривалъ съ виднымъ метисомъ, который рекомендовался мнѣ потомкомъ одного французскаго авантюриста, капитана Фантома, прославившагося на службѣ у скиндіасовъ, во время войнъ конца послѣдняго столѣтія. Фантомы теперь водворились въ Буртпорѣ, гдѣ служатъ при дворѣ; они съ гордостью носятъ французское имя, хотя и не знаютъ нашего языка.

Мы провели ночь подъ Рождество у этихъ славныхъ людей; было выпито нѣсколько тостовъ въ честь Франціи, а отецъ, почтенный старикъ, разсказывалъ намъ подвиги своего предка какъ этотъ послѣдній во главѣ магаратскихъ батальоновъ, разбилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ могольскую армію и какъ затѣмъ позднѣе, запертый со всѣхъ сторонъ въ дрянномъ домишкѣ, героически защищался противъ англичанъ.

Вся мѣстность которую намъ предстоитъ пройти до Гваліора еще полна громомъ побѣдъ и подвиговъ всѣхъ этихъ французскихъ авантюристовъ: Перрона, Буанья, Жана Баптиста, которые, способствовавъ гибели могольскаго престола, задержали на время успѣхи англичанъ.

Приказъ резидента доставилъ наконецъ въ наше распоряженіе верблюдовъ въ которыхъ мы такъ нуждались.

© ГПБ СПб РАН

Въ минуту нашего отъѣзда, прибылъ молодой раджа; я пошелъ его поблагодарить за любезное гостепріимство, которое онъ оказалъ намъ въ Дигѣ и здѣсь, но пропустилъ мимо ушей его приглашеніе продлить еще наше пребываніе въ Брутпорѣ. Раджа бѣгло говоритъ по англійски и получилъ хорошее образованіе, но онъ очень робокъ и рѣдко показывается въ отсутствіе резидента; это принцъ новой школы, который никогда не причинитъ безпокойства и хлопотъ своимъ сюзеренамъ.

XXX.

Развалины Футтепора.

Футтепоръ-Сикри. — Общій видъ. — Дурга Селима. — Императоръ Акберъ и святой. — Дворецъ Падишаха. — Игра патчизи. — Девани-Казъ. — Старый Футтепорскій путеводитель.

Развалины Футтепора, Версаль великаго Акбера, покрываютъ всю вершину холма, отстоящаго на двадцать километровъ отъ Буртпора. По выѣздѣ изъ этого города, мы проѣзжаемъ печальными равнинами, непрерывнымъ рядомъ болотъ и утесистыхъ пустырей. Горизонтъ простирается передъ нами на безконечное разстояніе; только лишь на востокѣ, выдвигается холмъ Футтепора, фантастическій силуэтъ котораго золотятъ лучи восходящаго солнца. Издалека еще глазъ поражается количествомъ и размѣрами зданій, воздвигнутыхъ по капризу повелителя посреди этой пустыни; можно подумать, что это огромный оживленный индійскій городъ. По мѣрѣ приближенія, впечатлѣніе становится сильнѣе. У подножія холма дорога идетъ подъ величественнымъ порталомъ; по другую же сторону тянутся широкія безмолвныя улицы; посреди обломковъ частныхъ жилищъ встаютъ великолѣпные дворцы, стѣны которыхъ не укрывали еще никого съ самаго ихъ основанія, и разстилаются обширныя площади и восхитительные сады, въ которыхъ гранатовыя и жасминныя деревья успѣли уже сдѣлаться столѣтними. Въ садахъ виднѣются фонтаны, бассейны. И все это, вмѣстѣ взятое, такого поразительнаго величія, такого благороднаго стиля, рука времени коснулась всего такъ нечувствительно, что невольно подумаешь, не есть ли это какой нибудь заколдованный уголокъ морехода Синдбада,

© ГПНТБ СО РАН

городъ, изъ котораго только что разбѣжались во всѣ стороны пораженные ужасомъ жители. *Бегари* (проводникъ, предлагаемый путешественникамъ деревенскими жителями), котораго мы взяли въ деревнѣ Сикри, ведетъ насъ въ бунгаловъ, содержимый англійскимъ правительствомъ нарочно для путешественниковъ. Этотъ бунгаловъ расположенъ въ прежнемъ *кутжери* или дворцовой конторѣ Акбера, зданіе изъ розоваго песчаника, окруженномъ прекрасною верандою съ колоннами: оно стоитъ на сѣверномъ заворотѣ плато и выходитъ съ одной стороны на городъ, съ другой же на фасадъ ценанаха. Старый англійскій сипай сдѣланъ сторожемъ этого памятника старины, заключающаго въ себѣ двѣ довольно комфортабельно меблированныя комнаты.

Постройка Футтепора, или «города побѣды» была начата Акберомъ въ 1560 гогу и была ведена съ такою поспѣшностью, что укрѣпленія городъ и дворцы, все было окончено въ 1571 году. Акберъ былъ привлеченъ въ эту пустыню святостью жизни одного мусульманскаго анахорета Селима Хисти, который соорудилъ себѣ на холмѣ хижину. Такъ какъ мѣсто Акберу понравилось, то онъ выстроилъ тутъ сначала лишь одинъ дворецъ, но затѣмъ, чувствуя себя не въ силахъ разлучиться съ святымъ мужемъ, привязаннымъ къ его скалѣ, онъ задумалъ основать на этомъ мѣстѣ столицу своей имперіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была дикая, пустынная скала, раскинулся большой населенный городъ. Смерть Селима затормозила его ростъ и процвѣтаніе; Акберъ понялъ наконецъ, какъ онъ нелѣпо поступалъ, желая помѣстить сердце Индустана посреди этихъ безплодныхъ равнинъ, вдалекѣ отъ большихъ водяныхъ путей и притомъ обладая еще такимъ прекраснымъ мѣстомъ какъ Агра. Обратное рѣшеніе принялъ онъ очень скоро; въ 1584 году онъ выѣхалъ изъ Футтепора, оставляя безъ сожалѣнія его монументы, его величественныя постройки и увлекъ конечно за собой все населеніе въ новую столицу Агру.

Возврата къ прежнему быть не могло; Футтеноръ былъ оставленъ навсегда.

Ни одинъ изъ преемниковъ Акбера не имѣлъ желанія продолжать его смѣшныя фантазіи, и вскорѣ на холмѣ явились опять его первоначальные обитатели—тигры съ нѣсколькими анахоретами въ придачу, для того чтобы населить всѣ эти покинутые дворцы. Можно просто подумать, что Акберъ воздвигъ Футтепоръ лишь для того, чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ идею о своемъ могуществѣ, оставляя ему въ подтвержденіе осуществленіе одной изъ нелѣпѣйшихъ фантазій.

Слава Селима продолжаетъ привлекать на его могилу тысячи богомольцевъ, собирающихся сюда въ извѣстные періоды времени. Для того чтобы способствовать ихъ продовольствію, на мѣстѣ оставленнаго города возникли двѣ деревушки, Футтепоръ и Сикри, и поэтому то развалины называютъ однимъ общимъ двойнымъ именемъ Футтепоръ-Сикри.

Не говоря уже объ ихъ красотѣ, развалины эти представляютъ для археолога важный интересъ: потому во первыхъ, что такъ какъ онѣ выросли по волѣ лишь одного монарха, то представляютъ собою яркую картину стиля его эпохи; во вторыхъ то обстоятельство, что онѣ такъ чудесно сохранились, позволяетъ намъ прослѣдить шагъ за шагомъ образъ жизни самаго сильнаго изъ могольскихъ властителей и даетъ намъ возможность составить себѣ точное понятіе о нравахъ Индіи въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Здѣсь все говоритъ о былоиъ великолѣпіи того индійскаго двора, царская пышность котораго, будучи описана нѣсколькими современными путешественниками, вызывала недовѣрчивую улыбку на уста европейскихъ читателей: до того ужь она была сказочна; это не мѣшало однакожь возбужденію алчныхъ инстиктовъ западныхъ націй, которыя и обрушились позднѣе на эту прекрасную страну.

Зданія, почти вполнѣ сохранившіяся, суть: Дурга Селима, императорскій дворецъ и нѣсколько домовъ знатныхъ моголовъ. Они образуютъ компактную группу въ два километра длиною и расположены на вершинѣ холма въ шестьдесятъ метровъ вышиною. Для ихъ сооруженія употребляли строительнымъ матеріаломъ единственно лишь плотный песчаникъ горы, прекраснаго розоваго цвѣта, отливающаго красно-фіолетовымъ.

Камень повсюду былъ оставленъ не прикрашеннымъ; архитектура съумѣла избѣжать слишкомъ большаго однообразія красокъ, искусно сопоставивъ другъ съ другомъ различные оттѣнки.

Время въ свою очередь, способствовало смягченію тоновъ и, въ настоящее время, не послѣднюю роль изъ числа прекрасныхъ особенностей этого поразительнаго ансамбля играетъ и удивительное однообразіе цвѣтовъ, почвы и зданій, какъ будто эти послѣднія вырѣзаны изъ горной массы и составляютъ съ ней нераздѣльное цѣлое.

Руины принадлежатъ британскому правительству; по его приказанію тутъ были произведены нѣкоторыя осмысленныя работы съ цѣлью остановить поврежденія причиняемыя муссонами.

ОГПИБ СО РАН

Могила Селима, патрона горы, занимаетъ самую возвышенную точку плато; она помѣщается въ центрѣ обширной дурга (священная ограда, заключающая въ себѣ мечети и могилы), высокія красныя стѣны которой дѣлаютъ ее похожею снаружи на крѣпость. Надо подходить къ ней съ южной стороны, такъ какъ отсюда эффектъ гораздо полнѣе. По выходѣ изъ маленькой деревеньки Футтепоръ, замѣчаемъ на вершинѣ лѣстницы во сто пятьдесятъ ступеней, главныя ворота дурги. Эти ворота, помѣщающіеся въ центрѣ главнаго фасада, имѣютъ сами по себѣ сто двадцать футовъ; опускная рѣшетка въ видѣ ниши, изъ бѣлаго мрамора въ семьдесятъ два фута вышины, образуетъ порталъ. Войдя въ нее, вступаешь на вымощенный лещадью дворъ, въ сто сороковъ метровъ длины и сто тридцать два метра ширины, окруженный галлереею съ колоннами въ семь метровъ вышины, прилегающими къ наружной стѣнѣ; на лѣво возвышается величественная мечеть, а въ одномъ углу помѣщается мраморный мавзолей святаго, окруженный могилами его потомковъ.

Войдя на этотъ обширный молчаливый дворъ, находишься подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія; эти длинныя темныя галлереи, увѣнчанныя множествомъ чатрисовъ, этотъ исполинскій порталъ, напоминающій колонну изъ Карпака, эта изящная мечеть, все это вмѣстѣ образуетъ, какъ бы рамку темно-краснаго цвѣта, изъ середины которой ярко выдѣляется бѣлоснѣжный мавзолей святаго; красоту его еще болѣе увеличиваютъ склонившіяся надъ нимъ деревья. Въ этомъ ансамблѣ много суроваго величія и кроткой поэзіи, отличавшихъ во всѣ времена индійскій исламизмъ.

Мавзолею Селима предшествуетъ перистиль, поддерживаемый двумя колоннами; совершенно противно памятникамъ этого рода, уже описаннымъ мною, онъ имѣетъ сравнительно весьма мало инкрустацій; но, что ему придаетъ большую оригинальность, такъ это то, что его стѣны представляютъ какъ бы мраморный пологъ, просвѣчивающій насквозь, такъ что своды поддерживаются лишь одними столбами; каждую отдѣльную вставку образуетъ весьма тонкая плита въ два метра длины и такой же вышины. Большіе покатые карнизы, поддерживаемые консолями, мѣшаютъ проникать солнечнымъ лучамъ. Внутренность залы не обширна и слабо освѣщена; останки святаго лежатъ посреди ея въ саркофагѣ изъ перламутра и бирюзы, покрытомъ дорогими тканями, съ потолка свѣшиваются лампы и страусовыя яица, привезенныя изъ Мекки. Потомки Хисти также поручены надзору смотрителя дурги; англійское правительство сохранило для нихъ доходы, завѣщанные имъ съ этою цѣлью Акберомъ.

Шейхъ Селимъ Хисти водворился въ шестнадцатомъ столѣтіи въ одной пещерѣ футтепорскаго холма. Таинственная власть, которую онъ проявлялъ надъ дикими звѣрями, раздѣлявшими его одиночество, скоро прославила его. Акберъ захотѣлъ его видѣть; пораженный умомъ святаго, онъ обратился къ нему съ блестящими предложеніями, желая привлечь его къ своему двору; предложенія были отклонены. Тогда императоръ рѣшился основать свое мѣстопребываніе возлѣ этого святаго мужа, который произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе и удерживалъ вліяніе до конца жизни.

Народная легенда повѣтствуетъ, что Акберъ обязанъ Хисти тѣмъ, что оставилъ по себѣ наслѣдника. «Однажды императоръ, находясь въ кельѣ святаго, горько жаловался, что у него нѣтъ сына и спросилъ можетъ ли онъ хоть когда либо на это надѣяться.

— Нѣтъ отвѣчалъ ему Хисти, это не предначертано.

Шестимѣсячный сынъ анахорета спалъ въ это время въ люлькѣ; вдругъ онъ приподнялся и, не смотря на то, что не умѣлъ еще говорить до сихъ поръ, обратился къ отцу съ слѣдующими словами: «Отецъ! Зачѣмъ отнимать такимъ образомъ всякую надежду на помощь промысла». Шейхъ, удивленный этимъ чудомъ, отвѣчалъ: «О сынъ мой! Свыше императору суждено никогда не имѣть сына, развѣ только кто либо пожертвуетъ для него жизнью собственнаго наслѣдника; но кто же способенъ на такую жертву».

— Если только вы мнѣ позволите, вскричалъ ребенокъ, я съ радостью умру для того, чтобы утѣшить Его Величество!—И прежде чѣмъ Хисти успѣлъ изъявить свое согласіе, онъ отошелъ въ вѣчность. Девять мѣсяцевъ спустя, родился императорскій наслѣдникъ. Акберъ изъ чувства признательности, назвалъ его Селимомъ; это былъ впослѣдствіи императоръ Жеангиръ.

Мечеть дурги очень красива; она представляетъ длинный фасадъ, увѣнчанный тремя куполами; украшенный мозаикой высокій фронтонъ обозначаетъ придѣлъ пятницы, замѣняющей у мусульманъ наше воскресенье; съ каждой стороны по три другихъ, болѣе низкихъ, придѣла посвящены каждый особому дню недѣли.

Противъ мечети находится прекрасный мраморный бассейнъ, служащій правовѣрнымъ для ихъ омовенія. Множество могилъ покрываютъ сѣверную часть двора.

На востокѣ отъ дурги простирается императорскій дворецъ, представляющій громадное скопище строеній, связанныхъ между собою галлереями и дворами и покрывающихъ поверхность по крайней мѣрѣ равную Лувру или Тюльери.

Первое зданіе, которое встрѣчаешь на пути, идя отъ дурги, заключало въ себѣ частные покои императора. Оно служитъ теперь жильемъ для нѣсколькихъ солдатъ, коимъ поручено охранять отъ грабителей эти памятники, отъ чего и произошло настоящее имя этого дворца— тасилли или полицейскій постъ. Дворецъ чрезвычайно простъ: наружныя стѣны совершенно сохранились; въ центрѣ находится небольшой квадратный дворъ, на который выходятъ галлереи различныхъ этажей. На одномъ изъ угловъ вниманіе останавливаетъ колоннада, обремененная украшеніями въ индусскомъ стилѣ: она служила верандой покоевъ любимой женщины Акбера, раджпутской принцессы изъ дома Жудпора, матери Жеангира. На концѣ одной площадки, разстилающейся передъ дворцемъ, находится *Кутшери*, нынѣшній бунгаловъ для путешественниковъ.

Слѣдуя по одной развалившейся галлереѣ, выводящей изъ тассили, приходишь въ ценанахъ, или императорскій гаремъ, окруженный высокою стѣною. У каждой принцессы въ этой оградѣ былъ свой дворецъ, выстроенный согласно ея вкусу и желаніямъ, съ садами и службами. Первое изъ этихъ жилищъ принадлежало королевѣ Маріи, одной португальской уроженкѣ, взятой Акберомъ себѣ въ жены. Въ этомъ помѣщеніи сохранилось множество фресокъ, между прочимъ одна, изображающая *Благовѣщаніе Богородицы*. Если вообще позволительно удивленіе при видѣ того, что въ шестнадцатомъ вѣкѣ мусульманскій князь доводитъ терпимость до такой степени, что позволяетъ въ своемъ дворцѣ изобразить христіанскую тайну, столь противоположную принципамъ его собственной религіи, то удивленіе становится немыслимымъ по отношенію къ такому просвѣщенному человѣку, каковъ былъ великій Акберъ. Горя желаніемъ уничтожить навсегда всякіе поводы къ распрямъ, разъединявшимъ народы его имперіи, онъ возмечталъ создать такую религію, которая бы пріобрѣла общую симпатію. Въ этой надеждѣ, онъ созвалъ въ общее собраніе всѣхъ духовныхъ особъ различныхъ индійскихъ религій и изложилъ имъ свой проэктъ; на это собраніе прибыли даже христіанскіе миссіонеры изъ Гоа. Однако, всѣ пренія ни къ чему не привели; тѣмъ не менѣе императоръ написалъ объемистую книгу о различныхъ религіяхъ какъ-то: о христіанствѣ, іудействѣ, исламизмѣ и о нѣ-

сколькихъ индусскихъ сектахъ; этотъ трудъ показываетъ намъ на сколько направленіе его мыслей отличались либерализмомъ. Можно ли удивляться, встрѣтивъ свободу мысли у человѣка, управленіе котораго было такъ совершенно, что, не смотря на всѣ усилія, англичане все таки не могутъ съ нимъ сравняться.

Изъ дворца королевы Маріи, выходишь на внутренній дворъ, окруженный жилыми строеніями, и почти на всемъ протяженіи котораго идетъ обширный бассейнъ; въ серединѣ его находится квадратной формы островокъ, въ видѣ террассы, соединенный съ берегомъ четырьмя каменными мостиками. На концѣ этого двора замѣчаешь бесѣдку, стѣны и столбы коей покрыты изящной скульптурною работою; прекрасныя комнаты ея выходятъ съ одной стороны на бассейнъ, съ другой же стороны въ садъ съ уцѣлѣвшими еще въ немъ купами зелени и высокими деревьями. Тутъ было помѣщеніе одной изъ женъ Акбера, Руми Султани, дочери одного изъ константинопольскихъ султановъ. По правую сторону этого миніатюрнаго дворца, на возвышенной террассѣ, расположена Квабга, въ которой находилась спальная императора; нижній этажъ занимаетъ пространная зала; съ рѣзными колоннами, на половину заваленная обломками!

Западнѣе ценанаха возвышается причудливая постройка, носящая названіе Панчь-Магаль (пять дворцовъ, или пять этажей); это одна надъ другой лежащія четыре террассы, поддерживаемыя галлереями; этажи, по мѣрѣ ихъ роста въ вышину, уменьшаются въ объемѣ вплоть до самаго верха, который заканчивается куполомъ, на четырехъ колоннахъ. Общій видъ представляетъ усѣченную пирамиду и весьма любопытенъ. Каждая изъ тридцати пяти колоннъ, поддерживающихъ вторую террассу, представляетъ особый образецъ. Тутъ вы найдете всевозможные стили, и кромѣ того нѣсколько весьма замѣчательныхъ оргинальныхъ типовъ: это— драгоцѣнная архитектурная коллекція. Много разсуждали о томъ, какое могло быть назначеніе этого зданія, галлереи котораго, открытыя всѣмъ вѣтрамъ, ни въ какомъ случаѣ не могли служить для жилья. Его положеніе противъ стѣнъ ценанаха, надъ которымъ оно возвышается и съ которымъ у него существуютъ сообщенія, заставляетъ предполагать, что именно тутъ находились всегда евнухи; но скорѣе — это просто фантазія архитектора. На маленькомъ дворѣ, окружающемъ Панчь-Магаль находятся весьма любопытныя пристройки, служившія помѣщеніемъ для слугъ гарема. Архитекторъ пожелалъ придать имъ тотъ характеръ, который казался ему всего болѣе подходящимъ къ ихъ назначенію; такъ

какъ дерева подъ рукою у него не было, то онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ камню для сооруженія тѣхъ легкихъ зданій, которыя близъ индійскихъ дворцовъ служатъ помѣщеніемъ гаремной прислуги и которымъ онъ долженъ былъ рабски подражать, для того чтобы они походили на деревянныя. Такъ, крыши изъ каменныхъ плитъ очень напоминающія соломенныя, поддерживаются соотвѣтствующимъ этому стилю такимъ же количествомъ балокъ, какое только возможно при матеріалѣ менѣе тяжеломъ, чѣмъ песчаникъ. Однимъ словомъ, это суть тѣ же легкіе навѣсы но только изъ камня и украшенные при томъ лѣпною работою.

Оставляя галлереи Панчь-Магала, выходишь на главную дворцовую площадь; съ одной стороны тянутся фасады ценанаха, съ другой—дома министровъ, аудіенцъ-залы. Это такъ называемый дворъ *Падчизи*.

Падчизи—старинная игра въ шашки, къ которой индійцы во всѣ времена были очень пристрастны: она играется посредствомъ пѣшекъ, почти на такой же доскѣ, какая въ употребленіи въ Европѣ. Всѣхъ играющихъ четверо, и у каждаго по четыре шашки. Бросаютъ кости и затѣмъ ходы обусловливаются числомъ выпавшихъ очковъ. Побѣдившій будетъ тотъ, кто соединитъ всѣ свои четыре шашки на центральномъ квадратѣ. Размѣры падчизы Акбера дѣйствительно царскіе; шашешницу изображаетъ самый дворъ, разбитый на квадраты, а огромный камень, лежащій на четырехъ подставкахъ, изображаетъ центральный пунктъ. Тутъ-то Акберъ и его придворные играли въ падчизи. Шестьнадцать молодыхъ гаремныхъ невольниковъ, одѣтыхъ въ соотвѣтствующіе цвѣта, замѣняли шашки изъ слоновой кости и передвигались сообразно указанію выпавшихъ очковъ. Преданіе говоритъ, что императоръ такъ пристрастился къ этому живому падчизи, что устроилъ его во всѣхъ своихъ дворцахъ; еще и теперь можно видѣть слѣды его игры въ Агрѣ и Аллагабадѣ.

Сѣвернѣе этого двора и на той же сторонѣ, гдѣ и Панчь-Магалъ, находится дворецъ весьма простаго стиля, и такъ хорошо сохранившійся, что онъ кажется новѣйшимъ сооруженіемъ. Перекрещивающіеся между собою корридоры и переходы, дѣлаютъ одно крыло похожимъ на совершенный лаберинтъ; тутъ-то придворныя дамы предавались своимъ любимымъ забавамъ: «ankh-mâtchouli» или игрѣ въ жмурки и прятки. Передъ этимъ дворцомъ возвышается хорошенькій кіоскъ, въ индусскомъ стилѣ, Гуру-ка-Мундиль (Храмъ нищаго). Императоръ, желая выказать свое уваженіе къ религіи большинства своихъ подданныхъ, держалъ при дворѣ гуру, или религіознаго нищаго изъ секты Саива и даже велѣлъ

выстроить для него этотъ маленькій храмъ, гдѣ онъ принималъ поклоненіе своихъ единовѣрцевъ.

Немного далѣе, какъ разъ напротивъ ценанаха, возвышается одно изъ самыхъ изящныхъ зданій Футтепора, граціозный одноэтажный павильонъ, надъ которымъ красуются четыре легкихъ чатриса; это Девани-Касъ—дворецъ Совѣта. Это одна изъ самыхъ причудливыхъ фантазій архитектора Футтепора. Когда собирался совѣтъ, императоръ садился на вершину столба, а министры его помѣщались въ нишахъ; посланники, или другія лица, явившіеся сюда, должны были стоять въ залѣ, у подножія колонны, и такимъ образомъ не могли и видѣть императора, и судить о впечатлѣніи, произведенномъ на совѣтъ, сообщенными имъ новостями. Изъ Девани-Касъ длинная полуразрушенная галлерея ведетъ въ Девани-Амъ, или дворецъ общественныхъ аудіенцій—маленькое зданіе, одинъ изъ фасадовъ котораго выходитъ на дворъ Падчизи, другой же на большую площадь, окруженную колоннадами.

Хроникёръ Абуль-Фазель сообщаетъ, что въ извѣстные часы народъ былъ допускаемъ на эту площадь; по выходѣ изъ совѣта, императоръ отправлялся на Девани-Амъ, гдѣ, по облаченіи въ пышныя одежды, онъ садился на трибуну, выходящую на площадь. Здѣсь онъ сидѣлъ нѣкоторое время, внимательно наблюдая окружающую толпу, выслушивая жалобы и принимая иностранцевъ, стекавшихся во множествѣ къ его двору. Здѣсь-то, по преданію, онъ давалъ торжественный пріемъ іезуитамъ Гоа, принесшимъ ему сѣмена и листья табаку. Утверждаютъ также, что именно въ Футтепорѣ была изобрѣтена гука, или индійская трубка однимъ изъ докторовъ Акбера Гакимъ-Абуль-Фютте-Геляни.

Таковъ общій видъ этого обширнаго дворца; потребовалось бы слишкомъ много мѣста и времени, чтобы описать въ подробности всѣ его интересныя части. Тутъ же находятся бани, монетный дворъ, казармы и множество разрушенныхъ зданій.

На сѣверозападномъ склонѣ холма расположены дворцы министровъ и знатныхъ придворныхъ Акбера; въ особенности замѣчательны дворцы Абуль-Фазеля, Фейзи и Бирбуля. Этотъ послѣдній, браминъ, былъ первымъ министромъ. Его жилище отличается утонченнымъ вкусомъ; розовый камень фасадовъ кажется какъ будто обтянутымъ дорогой камкой такъ нѣжна и отчетлива чеканка; англійское правительство окончательно его реставрировало, и его покои омеблированные по европейски, служатъ для пикниковъ устроиваемыхъ офицерами изъ Агры. Недалеко отъ дворца Бирбуля находятся императорскія конюшни, вмѣщающія

въ себѣ болѣе 200 стойлъ, съ водопоями и каменными рѣшетками. Отсюда, идя по грудѣ обломковъ, приходишь къ Гатти-Дюрвазе (Слоновымъ воротамъ), монументальному порталу, фасадъ котораго, украшенный двумя рельефными фигурами слоновъ, служилъ нѣкогда границей города благородныхъ, куда народъ не имѣлъ доступа. Съ другой стороны начинается широкая мощеная дорога, которая, судя по окружающимъ ее развалинамъ, должна была служить однимъ изъ главныхъ базаровъ. У подножія холма находится обширный караванъ-сарай, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько сотень путешественниковъ, и до нынѣ посѣщаемый пилигримами. Около входа въ городъ возвышается башня, украшенная бельведеромъ и слоновыми клыками, сдѣланными изъ камня. Она называется Гиранъ-Минаръ (минаретъ антилопъ); говорятъ, что однимъ изъ любимѣйшимъ время провожденій Акбера было стрѣлять съ верху этой башни въ антилопъ, которыхъ пускали въ нѣкоторомъ разстояніи.

Стѣны города находятся еще въ хорошемъ состояніи; онѣ имѣютъ въ окружности восемь километровъ. Пятеро воротъ выходятъ на окрестныя поля.

Акберъ, желая сдѣлать плодоносною пустыню, окружавшую его столицу, велѣлъ вырыть обширное озеро въ сѣверной части подгородной мѣстности. Плотина существуетъ еще до сихъ поръ, но озеро высохло и окружающіе сады исчезли.

Обзоръ развалинъ Футтепора-Сикри отнялъ у меня нѣсколько дней. Меня сопровождалъ въ моихъ изысканіяхъ Имдадъ-Гусейнъ-Хисти, прямой потомокъ столь чтимаго патрона горы, знакомый со всѣми легендами и преданіями, которыя связаны съ этими памятниками. Въ числѣ другихъ документовъ, я получилъ отъ него весьма любопытный манускриптъ временъ Жеангира, содержащій въ себѣ анекдоты и прибаутки, приписываемыя Акберу.

Мы окончили 1866 годъ, живя среди всѣхъ этихъ великихъ воспоминаній; я проводилъ послѣдніе дни года въ собственной комнатѣ Акбера, перечитывая хроники Абуль-Фазеля и снова населяя воображеніемъ это великолѣпное жилище тѣми геніальными людьми, которые въ немъ нѣкогда жили. Извѣстно, какъ хороши въ этой странѣ декабрьскіе дни; какъ бы вновь переживаешь чудесную весну, безъ капли дождя и облочка на небѣ. Въ особенности восхитителенъ вечеръ; ночныя тѣни борются съ мягкимъ свѣтомъ звѣздъ и очарованный взглядъ скользитъ по туманной пеленѣ, окружающей этотъ мертвый городъ.

XXXI.

Королевство Долепоръ.

Кайрагуръ.—Долепоръ.—Визитъ министра.—Кладбище Жарджира.

1-ое января 1867 — Мы начинаемъ новый годъ весело, какъ это и приличествуетъ всякому путешественнику, преданному своему дѣлу; въ три часа утра мы уже сидимъ верхами и трогаемся изъ Футтепора. Въ равнинѣ дуетъ суровый вѣтеръ и заставляетъ насъ плотнѣе укутываться въ наши одѣяла.

Футтепоръ отъ Долепора, не связанныхъ между собою никакой проѣзжей дорогой, отдѣляетъ по прямой линіи разстояніе въ тридцать восемь или сорокъ километровъ; поэтому приходится ѣхать буквально поперегъ полей, пользуясь отъ времени до времени какимъ нибудь жалкимъ проселкомъ. При томъ, мѣстность сильно взрыта; то и дѣло попадешь въ трясину, изъ который не вышелъ бы невредимымъ безъ помощи *бигари*, сопровождающихъ васъ отъ одного поселка до другаго. Можно бы удивиться что, при такихъ условіяхъ, выбирается именно ночь для проѣзда по опасной дорогѣ; но здѣсь вообще въ обычаѣ пользоваться часами ночной прохлады для совершенія переходовъ, въ особенности если край не представляетъ ничего интереснаго. Какъ бы то не было, довѣряешся больше смѣтливости верблюжьяго шага и знакомству путеводителей съ мѣстностью.

При первыхъ лучахъ зари мы находимся у подножія невысокихъ скалистыхъ холмовъ, окруженныхъ болотами, на которыхъ плаваютъ миріады утокъ. Къ восьми часамъ мы достигаемъ рѣки Бангунга; на другомъ берегу виднѣются наши палатки, раскинутыя возлѣ мѣстечка

ОГПИБ СО РАН

Кайрагура. При нашемъ приближеніи къ нимъ, насъ встрѣчаютъ громкіе «ура» и salâm; это привѣтствіе имѣетъ цѣлію поздравить насъ съ новымъ годомъ и напомнить намъ, что по сю сторону Инда подарки вообще употребительны въ это время года. Послѣ обѣда въ маленькомъ дурбарѣ мы принимаемъ тассильдара и знатныхъ лицъ Кайрагура, явившихся насъ привѣтствовать. Вечеромъ, полная иллюминація и угощеніе mitai и аракомъ всѣхъ посѣтителей: Да здравствуетъ новый годъ!

Бангунга «сестра Ганга»,—прекрасный водный потокъ, выходящій изъ Меватскихъ горъ; усилившись при сліяніи съ Парбатти, эта рѣка вливается въ Джумну насупротивъ Шейко абада. Мѣстность, по которой она протекаетъ, черноземна и плодородна.

2-го числа утромъ, послѣ 5-ти часоваго перехода, мы достигаемъ Долепора. Внѣ городскихъ стѣнъ и близъ большой дороги въ Агру находится великолѣпный бунгаловъ, содержимый раджей для удобства путешественниковъ, къ которому мы и подъѣзжаемъ. Мы прекрасно приняты тутъ свитою князя.

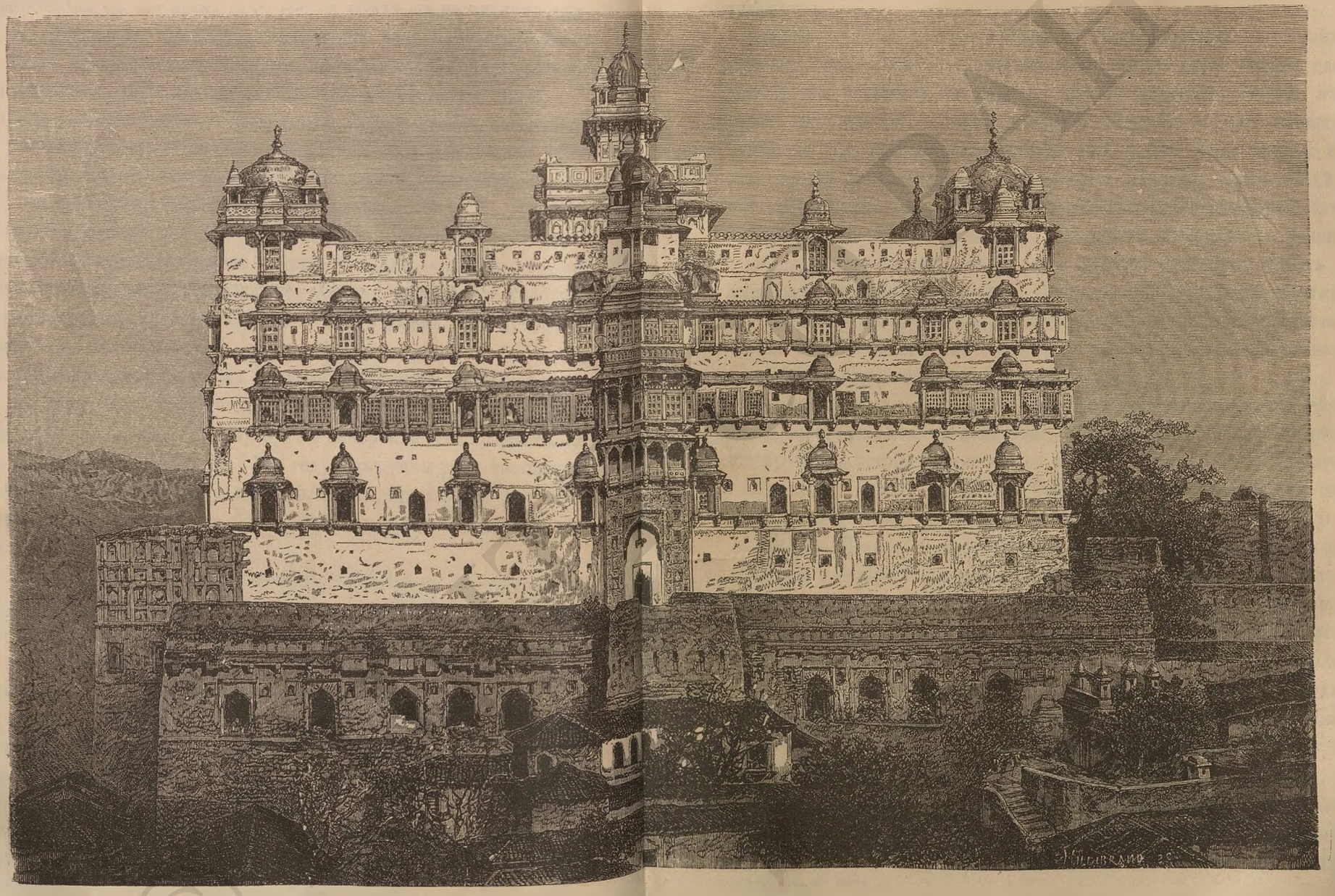
Эпоха основанія Долепора въ точности неизвѣстна; извѣстно только одно, что между 8 и 10 столѣтіемъ одинъ раджпутскій князь, по имени Даула, поселился на берегахъ Чумбула и выстроилъ тутъ крѣпость, которая была взята Бабером въ 1526 году. Такъ какъ рѣка постепенно захватывала берегъ, городъ долженъ былъ отдвигаться все дальше и дальше; теперь онъ отстоитъ болѣе, чѣмъ на одинъ километръ отъ своей первоначальной площади.

Отъ несчастнаго города, предаваемаго огню и мечу по очереди, то ятами, то магаратами, теперь осталось одна лишь тѣнь его; въ немъ заключается еще теперь до 40 т. жителей, разбросанныхъ по тремъ кварталамъ Ная-Чаони, Кила и Пурана-Чаони, раздѣленныхъ между собою бширными пустыми пространствами.

При всемъ томъ Долепоръ можетъ считать себя съ гордостью столицей единственнаго индійскаго государства совершенно независимаго въ Раджастанѣ. Въ трактатѣ 1806 года, заключенномъ между британскимъ правительствомъ и магараджей Долепора, постановлено, что «король удерживаетъ на своей территоріи неограниченную власть, такъ что у англійскаго правительства отнимается всякое право вмѣшательства въ его дѣла, но за то и это послѣднее дѣлается свободнымъ отъ всякаго обязательства по отношеніи къ нему, въ смыслѣ подачи помощи и покровительства».

Королевство Долепоръ занимаетъ площадь въ 654 квадр. льё къ

© ГПИБ СО РАН



Дворецъ Бирзинъ Део въ Дуттіахѣ.

сѣверу отъ Чумбула и заключаетъ въ себѣ 800 тысячъ жителей. Доходы раджи достигаютъ отъ 3-хъ до 4-хъ мильоновъ; онъ содержитъ корпусъ въ 3000 человѣкъ кавалеріи и пѣхоты и небольшое число артиллеріи.

Нашей первой заботой по пріѣздѣ въ Мути-бунгаловъ было увѣдомить объ этомъ раджу; онъ прислалъ намъ черезъ своего векилю свои привѣтствія, великолѣпную корзинку цвѣтовъ, фруктовъ, овощей, нѣсколько паръ циплятъ и одного козленка. Вечеромъ первый министръ Гунгадаръ Рао пріѣхалъ намъ отдать визитъ отъ имени короля; это браминъ изъ Деккана, весьма образованный человѣкъ, хорошо владѣющій англійскимъ языкомъ, и утонченно-вѣжливый. Онъ увѣдомилъ насъ, что магараджа Рана, его государь, не будетъ въ состояніи принять насъ еще нѣсколько дней, такъ какъ довольно серьезная болѣзнь не позволяетъ ему встать съ постели. Для того, чтобы мы могли терпѣливѣе ждать его выздоровленія, придворные экипажи и слоны предоставляются въ наше полное распоряженіе, а векилю вмѣняется въ обязанность руководить нашими экскурсіями по городу.

Всякому извѣстно, что климатъ Индіи находится подъ вліяніемъ рѣзко опредѣленныхъ временъ года, зависящихъ главнымъ образомъ отъ муссоновъ, которые приносятъ съ собой въ извѣстныя опредѣленныя эпохи холодъ, жаръ, или дожди. Такимъ образомъ сухое время года продолжается вообще съ октября по іюль; а дождливый сезонъ съ іюля по октябрь. Поэтому казалось-бы путешественнику нѣтъ надобности раздумывать о погодѣ, если существуютъ такія незыблемыя правила по отношенію къ ней. Но пословица говоритъ справедливо, что нѣтъ правила безъ исключенія; вліяніе муссоновъ, совершенно правильно установившееся на полуостровѣ и на морскомъ прибрежьѣ, оказывается далеко не тѣмъ на плато Центральной Индіи. Времена года напоминаютъ здѣсь болѣе Европу, и хотя здѣсь идетъ дождь въ августѣ и сентябрѣ, однако въ декабрѣ и январѣ наступаютъ холода и въ каждомъ мѣсяцѣ бываютъ свои грозы и проливныя дожди.

Едва мы пріѣхали въ Долепоръ, какъ только что сказанное нами о погодѣ подтвердилось трехдневнымъ, непрерывнымъ мелкимъ дождемъ и обложившимъ всю окрестность густымъ туманомъ, которому позавидовала бы и Англія.

Пришлось поэтому сидѣть въ заперти; единственнымъ развлеченіемъ служилъ намъ пріемъ нѣсколькихъ знатныхъ туземцевъ. Сверхъ того

© ГПНТБ СССР

дождь такъ размягчилъ жирную почву, что дороги сдѣлались на 42 часа окончательно непроѣздными.

Теперешній Долепоръ, или вѣрнѣе лишь одинъ кварталъ Ная Чаони (Новое поле) существуетъ всего 40 лѣтъ; время его основанія совпадаетъ съ проложеніемъ англійской дороги изъ Агры въ Индоръ. Царствующій раджа, понявъ выгоды, которыя онъ извлечетъ изъ близости этой дороги, переселился къ ней, увлекая за собой половину населенія Пурана Чаони (Стараго поля). Единственныя замѣчательныя зданія этого города представляютъ изъ себя дворецъ короля и нѣсколько храмовъ изящнаго стиля.

Но стоитъ только прослѣдить путь, по которому городъ постепенно подвигался отъ береговъ Чумбула до его настоящаго мѣстоположенія, чтобы найти нѣсколько группъ весьма интересныхъ развалинъ.

Группа развалинъ, всего ближе отстоящая отъ Ноя Чаони, принадлежитъ Долепору XVI и XVII вѣковъ; наводненія смыли большую часть построекъ этого города; остались лишъ мечеть, могилы и нѣсколько развалившихся дворцовъ.

Мечеть была воздвигнута въ 1634 г. шахомъ Жеганомъ; она изъ краснаго песчаника, небольшая по виду, но рѣдкаго изящества. Вокругъ нея простирается обширное мусульманское кладбище, главною достопримѣчательностью котораго считается Джарджира, мавзолей одного миссіонера Сайеда. Это простой мраморный кенотафъ, поставленный въ центрѣ возвышенной террасы, которую окружаетъ великолѣпная каменная рѣшетка съ украшеніями превосходнаго рисунка и удивительной законченности.

Рядомъ съ ней останавливаетъ вниманіе другая возвышенная площадка, заключающая въ себѣ могилы семейства Наваба Саддука, могольскаго губернатора провинціи. Еще немного далѣе возвышается монументальный караванъ-сарай, построенный шахомъ Жеганомъ. Многочисленныя и интересныя для археолога развалины покрываютъ равнину на протяженіи почти цѣлаго километра.

XXXII.

Священное озеро Мучкунда.—Магунтъ.—Дурбаръ Магараджи Рана.—Переправа черезъ Чумбулъ.—Чангда.—Нурабадъ.

По выходѣ изъ развалинъ, спускаешься въ глубокіе овраги и находишься вскорѣ посреди запутаннаго лабиринта остроконечныхъ вершинъ странной формы и утесовъ, достигающихъ средней высоты отъ восмидесяти до ста футовъ. Это все работа Чумбула; воды его, поднявшіяся въ періодъ дождей, и находя недостаточно просторнымъ для себя проложенное ими русло, съ бѣшенствомъ разбиваются о нависшіе надъ ними берега. Рыхлая, разсыпчатая почва не могла оказать имъ противодѣйствія; съ теченіемъ времени овраги увеличились, островки преобразились въ остроконечные холмы и пирамиды, и такимъ образомъ съ каждой стороны рѣки образовалось по горной цѣпи въ миніатюрѣ на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Одна изъ особенностей этой цѣпи заключается въ томъ, что всѣ ея самыя возвышенныя точки совершенно одинаковы по высотѣ, такъ какъ уровень мѣстности остался тотъ же самый. Трудно составить себѣ понятіе о красотѣ этого пейзажа, ибо ни одна гора въ мірѣ не представляетъ такого обманчиваго зрѣлища. Чѣмъ ближе подходишь къ рѣкѣ, тѣмъ ландшафтъ становится болѣе дикимъ и неприступнымъ; наконецъ на вершинѣ одного высокаго холма, показывается старинная крѣпость Даула. Судя по тому, какое положеніе занимаютъ стѣны ея на вершинѣ утеса, можно съ достовѣрностью утверждать, что прорытые Чумбуломъ овраги существовали еще до ея сооруженія и что раджпутскій князь удачно воспользовался тѣмъ безподоб-

© ГПИБ СО РАН

нымъ стратегическимъ положеніемъ, какое приготовила для него сама природа. Индусское преданіе отрицаетъ однако этотъ фактъ, не смотря на всю его очевидность; оно говоритъ, что работа Чумбула началась лишь по основаніи Долепора, который, въ первое время своего существованія, отдѣлялся отъ равнины лишь своими стѣнами; желая объяснить странныя опустошенія, произведенныя рѣкою въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, туземцы увѣряютъ, что вторженія ея начались лишь съ того времени, когда, вслѣдствіе прорванныхъ плотинъ, большое озеро, существовавшее нѣкогда въ верхнемъ Мальва, перестало управлять верхнимъ теченіемъ Чумбула. Можетъ быть они и правы, но исторія вовсе не упоминаетъ объ этомъ катаклизмѣ.

Старинная крѣпость находится въ большомъ упадкѣ; необычайно толстыя стѣны ея, поддерживаемыя огромными круглыми башнями, выглядятъ еще довольно величественно; но за то внутри нѣтъ ничего кромѣ груды развалинъ, среди которыхъ можно лишь съ большимъ трудомъ отыскать мѣста древнихъ зданій. Кое гдѣ среди обломковъ валяются крѣпостныя орудія безъ лафетовъ. Укрѣпленная площадка и сосѣдніе нагорные склоны образуютъ одинъ изъ кварталовъ столицы, вмѣщающихъ въ себѣ нѣсколько сотъ жителей.

Ничтожный интересъ, представляемый для посѣтителя внутренностью крѣпости, съ избыткомъ выкупается открывающейся передъ нимъ съ высоты бастіонсвъ панорамою; взоръ охватываетъ болѣе чѣмъ десять километровъ теченія Чумбула; промежь береговъ фантастическихъ очертаній, кажущихся отсюда какъ бы воспроизведеніями Гималая въ миніатюрѣ, развертывается величественная рѣка; на западѣ выдвигаются синеватыя массы Патаровъ; съ остальныхъ сторонъ кругомъ раскинулась на безконечно далекое разстояніе плодородная равнина Мальва.

По возвращеніи съ этой экскурсіи, мы находимъ въ бунгаловѣ векиля, девана и множество придворныхъ лицъ; всѣ они по видимому находятся въ большомъ безпокойствѣ; на мои вопросы каждый отвѣчаетъ печальнымъ тономъ и подымая руки къ небу, какъ бы прося у него правосудія: «Gaû mâra!» «они убили быка»! Наконецъ, дѣло объясняется. Во время нашего отсутствія, по большой дорогѣ въ Мговъ проходилъ полкъ англичанъ; они сдѣлали привалъ въ сосѣднемъ лѣсу, но предварительно получивъ на то разрѣшеніе ятскихъ властей. Затѣмъ, въ противность трактатамъ, они убили быка, чтобы приготовить себѣ бифштексъ на завтракъ. Отсюда ужасъ и сокрушеніе индусовъ! Священная территорія Долепора обагрена кровью не менѣе священнаго живот-

наго. Договоръ же прямо говоритъ, что подобное святотатство никогда не можетъ быть совершено англійскими войсками на землѣ Раи-Рана-Ята; но возможно-ли напоминать о договорахъ проголодавшимся людямъ, тѣмъ болѣе вооруженнымъ британцамъ? Поэтому, всѣ только лишь шумятъ, но остерегаются протестовать открыто и громко, и въ концѣ концовъ утѣшаютъ себя тѣмъ, что нечестивцы скоро уйдутъ и унесутъ съ собой всякій слѣдъ corpus delicti, такъ что старый король ничего не узнаетъ о случившемся.

На юго-западѣ Долепора изъ за прекрасныхъ лѣсовъ выдвигаются нѣсколько обнаженныхъ, красноватыхъ вершинъ; онѣ образуютъ крайнюю точку Патаровъ, которые, отдѣлясь отъ нагорной равнины Виндіасовъ близъ Немухо, отдѣляютъ собственную Раджпутанъ отъ Мальвы. Чумбулъ, вытекая изъ Виндіасовъ по направленію къ Манду, течетъ вдоль подножія этихъ горъ и, пройдя 720 километровъ, впадаетъ въ Джумну у Этаваха.

Въ этихъ-то горахъ, на разстояніи одного льё отъ города запрятало сь священное озеро Мучкунда. Это одно изъ самыхъ почитаемыхъ мѣстъ сектою Кришны; оно внезапно явилось, какъ говоритъ легенда, по волѣ бога Кришны въ видѣ награды герою Мучу, князю этой страны, который спасъ богу жизнь. Озеро разстилается на вершинѣ скалы, возвышаясь надъ пустынными нагорными равнинами, надъ огромными гранитными массами, обожженными солнцемъ, отшлифованными дождями; душная атмосфера виситъ надъ этой пустыней, достойной береговъ Стикса. Прибывши къ подножію холма, надо спуститься съ слона и карабкаться по высѣченной въ скалѣ тропинкѣ, ведущей къ одному изъ входовъ въ Мучкундъ. Озеро, собственно говоря, ни что иное, какъ прудъ отъ 6 до 7 сотъ метровъ длины и около 200 метровъ въ ширину. Бассейнъ окруженъ непрерывной линіей огромныхъ каменныхъ уступовъ, кажущихся еще выше отъ безчисленныхъ чатрисовъ въ 4 колонны; кругомъ возвышаются величественные фасады храмовъ и дворцовъ, отражаясь своими колонадами и куполами въ прозрачной водной поверхности; столѣтнія деревья протягиваютъ могучія вѣтви надъ гатами и покрываютъ ихъ разнообразными переливами тѣней. Общій видъ красоты поразительной; высота зданій, прозрачность воды, безмолвіе, нарушаемое лишь нѣсколькими пернатыми, все соединилось одно съ другимъ для того, чтобы придать непреодолимое очарованіе этому оазису, затерянному посреди жгучей пустыни.

Большинство зданій Мучкунды появились не ранѣе 17 вѣка; впро-

чемъ, нѣкоторыя гораздо древнѣе; другія же, какъ напр. дворецъ Раны Долепорскаго, ближайшій къ намъ по времени происхожденія. Каждый храмъ окруженъ просторными строеніями, назначенными для помѣщенія пилигримовъ, стекающихся сюда въ извѣстныя времена года. Такъ какъ озеро было посвящено Кришнѣ, то и всѣ его святыни появились на своихъ мѣстахъ по указанію божества.

Магнутъ или жрецъ главнаго храма, посвященнаго Джаггернауту «творцу міра», приглашаетъ насъ взглянуть на жилище его бога; къ моему великому изумленію—онъ вводитъ насъ въ самое святилище, въ полумракѣ котораго красуется на престолѣ изящный мраморный идолъ, изображающій красиваго пастуха, танцующаго передъ молочницами изъ Мутры. Онъ показываетъ намъ также во всѣхъ подробностяхъ комнаты монастыря, въ которомъ жирные брамины проводятъ жизнь въ животномъ созерцаніи.

Этотъ магунтъ—типъ весьма замѣчательный; онъ выглядитъ просто бандитомъ, грабителемъ большихъ дорогъ, который сдѣлался святошей, когда шпага стала ему болѣе не по силамъ. Все въ немъ обличаетъ прежняго воина и отъ анахорета остался въ немъ лишь голый бюстъ, пропитанный масломъ и посыпанный пепломъ. Его вытянутые въ нитку усы и остроконечные бакенбарды рѣзко дисгармонируютъ съ висящимъ у него на шеѣ тройнымъ рядомъ освященнаго снурка. Разговоръ его, также какъ и вся его особа представляетъ смѣсь элементовъ мірскаго и духовнаго. Радуясь, что нашелъ внимательныхъ слушателей, онъ занимаетъ насъ разсказами изъ добраго стараго времени, пересыпая рѣчь мѣстными озерными легендами. Я получаю отъ него документъ, констатирующій, что когда лордъ Лэкъ съ своей арміей расположился въ 1807 году лагеремъ на берегахъ Мучкунда, то потребная для такого огромнаго количества людей и слоновъ вода бралась изъ озера впродолженіи цѣлаго мѣсяца, а между тѣмъ его уровень не понизился ни на одну линію. Онъ сообщаетъ мнѣ еще, что здѣсь бываютъ ежегодно двѣ ярмарки, на которыя собирается каждый разъ болѣе 40000 пилигримовъ; по берегу озера живутъ постоянно лишь триста монаховъ.

Желая отблагодарить магунта за его любезный пріемъ, я положилъ, уходя, нѣсколько рупій на блюдо у подножія идола. Наше приношеніе, очевидно, было пріятно богу, такъ какъ взамѣнъ его мы получили цѣлое блюдо сахарнаго печенія.

Отъ Мучкунда мы направляемся черезъ холмы къ Пурана Чаони. Этотъ городъ былъ основанъ не ранѣе конца послѣдняго столѣтія раджей Ятома Долепорскимъ; онъ былъ королевской резиденціей до самаго того времени, когда теперешнимъ королемъ было положено основаніе городу Найя Чаони, въ двухъ километрахъ отсюда. Не смотря на этотъ подрывъ, Пурана Чаони все еще процвѣтаетъ; базары его отличаются чистотою и оживленіемъ. По наружному виду и природному мѣстоположенію онъ во многомъ превосходитъ своего соперника. Дворцовыя строенія напоминаютъ Дигъ. Они окружены прекраснымъ паркомъ.

По выходѣ изъ города, прямо передъ вами возвышается старинная полуразвалившаяся мечеть, передъ которой поставлена огромная бронзовая пушка; она имѣетъ около восемнадцати футовъ въ длину и покрыта замѣчательными лѣпными украшеніями. Мнѣ сказали, что она была взята подъ Агрой ятами которые и привезли ее сюда въ видѣ трофея.

13-го утромъ деванъ Гунгадаръ Рао приходитъ за нами въ бунгаловъ, для того чтобы сопровождать насъ во дворецъ. Король со всѣмъ дворомъ ожидаетъ уже въ дурбарѣ. При нашемъ входѣ въ залу всѣ встаютъ, а принцъ идетъ къ намъ на встрѣчу, подаетъ намъ руку и приглашаетъ насъ садиться рядомъ съ нимъ.

Магараджа Рана Бурванъ Сингъ уже старикъ лѣтъ шестидесяти и представляетъ настоящій типъ ятскаго воина. Лицо его, выражающее мужество и кротость, вовсе не имѣетъ отличительнаго признака раджпутской расы; его длинныя сѣдыя бакенбарды, выкрашенныя красной охрой, нимало не придаютъ ему жестокаго или хищнаго выраженія. Онъ въ стальномъ шишакѣ, перевязанномъ тонкимъ золотымъ тюрбаномъ съ изумрудными шнурками. Грудь покрываетъ кольчуга, на которую сбѣгаютъ брилліантовыя и жемчужныя рѣки; руки запрятаны въ стальныя перчатки, прикрѣпленныя къ наручамъ. Въ его поясѣ заключается цѣлый арсеналъ; тяжелый катаръ (кинжалъ съ треугольнымъ лезвіемъ, металлическая ручка коего дѣлится на двѣ вѣтви), еще другой маленькій кинжалъ, двѣ короткія сабли, два пистолета. Опирается онъ на широкій щитъ изъ прозрачной кожи носорога, покрытой золотыми украшеніями. Тронъ его—древнее gâdi индусскихъ князей,—надъ коимъ растянута королевская *шатта*, т. е. зонтикъ, богато вышитый серебромъ по голубому бархату. Шатта покрываетъ также и его внука четырехлѣтняго мальчугана, зарытаго съ головы до ногъ въ ткани и драгоцѣнные каменья. Вокругъ трона тѣснятся сановники королевства, яты, мусульмане и брамины; позади ихъ стоятъ слуги, махающіе хвостами тибетскихъ буйволовъ (яковъ) и пучками павлиныхъ перьевъ. Это настоящій индусскій дурбаръ, обставленный по всѣмъ правиламъ старин-

наго этикета и безъ всякаго европейскаго нововведенія. Хотя его нельзя сравнить съ великолѣпной обстановкой дворовъ Удейпурскаго или Джейпурскаго, однако, онъ представляетъ намъ нѣчто болѣе оригинальное и поразительное. Благодаря лишь любезности Рана, читатель получаетъ возможность судить объ этомъ дурбарѣ по фотографіи, которую мнѣ позволено было снять съ него и которую такъ вѣрно воспроизвелъ искусный карандашъ г. Баяра.

Во время аудіенціи, магараджа долго бесѣдовалъ съ нами; въ особенности онъ много говорилъ намъ о прилагаемыхъ имъ усиліяхъ къ процвѣтанію края, такъ какъ въ теченіи ужасныхъ войнъ послѣдняго столѣтія благосостояніе страны сильно пошатнулось. Подданные его, говорилъ онъ намъ, дали ему прозвище Lokeander «другъ народа». Въ заключеніе, получивъ изъ собственныхъ рукъ князя подарокъ, мы должны были съ нимъ проститься.

Дворецъ помѣщается посреди прекраснаго сада; по выходѣ изъ дурбара, деванъ показываетъ намъ его красоты. Въ одномъ изъ павильоновъ находится артиллерійскій музей раджи, вмѣщающій въ себѣ превосходныя коллекціи древняго оружія. Здѣсь есть модели огнестрѣльнаго оружія, употреблявшагося въ Индіи съ пятнадцатаго вѣка; особенно замѣчателенъ одинъ пятиствольный пистолетъ. Очень полонъ отдѣлъ сабель, кинжаловъ, палашей и древковъ; есть также катары весьма значительнаго вѣса. Я замѣтилъ еще хорошенькій индійскій tarwar дамасскій клинокъ коего служитъ ножнами другой меньшей саблѣ.

Въ музеѣ много артиллерійскихъ орудій, по большей части древняго происхожденія и замѣчательной работы; самыя любопытныя суть: винтовальный стволъ семнадцатаго столѣтія и пушка съ четырьмя жерлами, расположенными на одной оси, въ видѣ креста Св. Андрея. Магараджа приготовлялся отправить эту прекрасную коллекцію на выставку, которая въ февралѣ мѣсяцѣ должна была открыться въ Агрѣ.

До нашего отъѣзда, король непремѣнно захотѣлъ повидать насъ еще разъ въ числѣ присутствующихъ на охотѣ въ горахъ. Мѣсто сходки назначено было въ прелестномъ, маленькомъ дворцѣ, на берегу живописнаго озерка, въ разстояніи двѣнадцати лье отъ города. Къ большому прискорбію князя шикари никакъ не могли поднять намъ тигра; но добыча была всетаки весьма разнообразна: кабаны, крапчатыя лани и наконецъ одинъ экземпляръ лающаго оленя (cervulus aureus), голосъ котораго довольно удачно подражаетъ лаю собаки.

Поросли высокой травы изъ рода kalam, покрывающія эти пустынныя нагорныя равнины, изобилуютъ также красной дичью. Здѣсь можно встрѣтить любопытную птицу изъ породы grouse, шотландскихъ moors но больше ростомъ, примѣрно съ цыпленка; опереніе походитъ немного на опереніе куропатки; горло бархатистое, темнаго цвѣта, крылья широкія и заостренныя на концѣ. Лапы очень малы, а пальцы такъ коротки, что птица не умѣетъ сидѣть. Англичане называютъ ее rock pigeon «горный голубь», а индійцы «pahar titter» горная куропатка. Къ ней очень трудно приблизиться, такъ какъ она держится всегда въ открытой мѣстности. Мясо ее очень вкусно и нѣжно.

По возвращеніи въ Долеиоръ, Рана предоставляетъ въ наше распоряженіе потребное количество вьючныхъ животныхъ для багажа, а также одного слона, на которомъ мы и отправились въ Гваліоръ. При прощаньи, онъ даритъ намъ великолѣпный киллутъ изъ кашмирскихъ шалей и драгоцѣнностей.

18-го января. — По утру мы выѣзжаемъ изъ Долепора. Большая англійская дорога пересѣкаетъ Чумбулъ въ разстояніи одного километра отъ города; а такъ какъ плавучій мостъ черезъ Чумбулъ не слишкомъ то удобенъ для перевоза слона, то мы вынуждены сдѣлать крюкъ, чтобы найти бродъ. Уже впродолженіи цѣлаго часа мы путешествуемъ по оврагамъ, а удобнаго перехода не представляется. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ русло рѣки имѣетъ не болѣе километра ширины, мы рѣшаемся спуститься. По другую сторону возвышаются утесистые берега, иззубрины коихъ смѣшиваются на горизонтѣ съ остроконечными вершинами горъ. Видъ открывается безпредѣльный, и, можно сказать вообще, что эта часть теченія Чумбула представляетъ одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ пейзажей Индіи.

Нашъ слонъ медленно подвигается въ водѣ, ощупывая хоботомъ дно прежде чѣмъ поставить ногу. Фарватеръ середины имѣетъ въ ширину 20 метровъ и такъ глубокъ, что слонъ принужденъ мѣстами плыть. Перебравшись на другую сторону, мы уже находимся на территоріи могущественнаго Скинда; намъ предстоитъ еще нѣсколько километровъ пути по оврагамъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ нормальнаго уровня равнины. Тутъ уже начинается большая дорога, извивающаяся длинной бѣлой лентой между телеграфными столбами по весьма плодородной, но совершенно голой мѣстности. Близъ Чангды, деревни, живописно раскинувшейся на берегу маленькой рѣчки, мы подъѣзжаемъ къ дакъ-бун-

ОТПЕЧАТАНО

галову, вокругъ котораго уже расположилось на отдыхъ большая часть нашей свиты.

19-е января. — Отъ Чангды до Гваліора насъ отдѣляетъ еще разстояніе въ трицать четыре километра. Край представляетъ все ту же плоскую равнину, покрытую воздѣланными полями; на западѣ вырисовываются синеватыя вершины горной цѣпи. Въ девять часовъ, мы подъѣзжаемъ къ старинному индусскому мосту, переброшенному черезъ рѣку Сонкъ, противъ Нурабада. Мостъ этотъ, массивной гранитной постройки, покоится на семи аркахъ стрѣльчатой формы; съ каждаго конца возвышаются по два высокихъ обелиска; линія перилъ пересѣкается въ нѣсколькихъ мѣстахъ чатрисами. Это весьма замѣчательное сооруженіе и одинъ изъ немногихъ существующихъ образчиковъ этого рода архитектуры, въ которой индійцы достигли такой высокой степени совершенства. Мостъ былъ выстроенъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ на деньги, собранныя обществомъ Гуссейновъ, филантроповъ - нищихъ, переходящихъ съ мѣста на мѣста, выпрашивая милостыню и продавая святое масло. Поэтому и мостъ носитъ названіе Тали-ка-пуль «мостъ продавца масла»

Нурабадъ былъ, во времена падишаховъ, значительнымъ городомъ и считался столицею одной провинцій въ сѣверномъ Мальвѣ. Высокія зубчатыя стѣны съ четыреугольными башнями и монументальными воротами, придаютъ ему еще и теперь красивый видъ. Мы останавливаемся въ немъ на короткое время, лишь для того чтобы осмотрѣть дворецъ, выстроенный императоромъ Ауренгзебомъ; въ окружающемъ его саду находится мавзолей знаменитой Гуны Бегаумской, автора извѣстнаго произведенія Тасъ-би-Тасъ» и другихъ народныхъ поэмъ, умершей въ 1775 году.

По выѣздѣ изъ Нурабада, передъ нами уже ясно обозначаются холмы, окружающіе Гваліоръ; но прежде чѣмъ мы до нихъ добрались мы были еще задержаны однимъ непріятнымъ случаемъ. Намъ подарили въ Долепорѣ великолѣпный гаудахъ, съ бархатнымъ сидѣньемъ, укрѣпленномъ на двухъ деревянныхъ, покрытыхъ позолотою лебедяхъ.

По работѣ эту вещь можно было считать весьма старинною. Но вдругъ сидѣнье неожиданно разламываетея на двѣ части и мы должны считать себя обязанными чудесной случайности, что удержались и не расшиблись о мостовую. Положеніе было критическое; наши люди, уѣхавшіе впередъ, увели съ собой и лошадей, такъ что намъ не оставалось другого исхода, какъ продолжать дорогу пѣшкомъ возлѣ слона, несшаго на себѣ жалкіе обломки, еще не давно столь славнаго гаудаха. Пришлось покориться,

не смотря на едва выносимый солнечный зной. Въ одномъ километрѣ отъ Гваліора, мы встрѣтили крестьянина и положивъ на его телѣжку гаудахъ продолжали путь, сидя верхомъ на слонѣ. Въ такомъ то грустномъ положеніи прибыли мы въ бунгаловъ Гваліора, мы, которые разсчитывали сдѣлать въ него тріумфальный въѣздъ, сидя на нашихъ вызолоченныхъ лебедяхъ.

© ГПНТБ СО РАН

XXXIII.

Гваліоръ.

Исторія Гваліора.—Крѣпость. — Дворецъ короля Паль. — Британскій вандализмъ.—Храмы джаинсовъ.—Буддійскій храмъ.—Лощина Урвая, или Счастливая долина.—Джаинизмъ.—Юго-восточныя раскопки.

Древній городъ Гваліоръ, который не надо смѣшивать съ современнымъ городомъ этого имени, равно какъ и съ магаратскимъ становищемъ Скинда, расположенъ на вершинѣ крутой скалы, уединенной отъ остальной цѣпи и имѣющей сто двацать метровъ въ вышину и четыре километра въ длину. Его мѣстоположеніе и внѣшній видъ его укрѣпленій, надъ которыми возвышаются многочисленные памятники, напоминаютъ Читтору, славную столицу Мейвара.

Скала представляетъ базальтовый отрубокъ съ верхнимъ слоемъ изъ песчаника, стоящій какъ передовой сторожъ на часахъ у входа въ долину, гребни которой нависли надъ ней и придавили ее съ трехъ сторонъ.

Надъ откосами, образующими ея основаніе, возвышаются остроконечные утесы, настоящія природныя твердыни, на которыхъ размѣстились городскія укрѣпленія, увѣнчивающія всѣ шероховатыя вершины. Эти укрѣпленія образуютъ линію въ восемь километровъ вокругъ плато въ двѣ тысячи девятьсотъ метровъ длины.

По индусскимъ легендамъ, Гваліоръ основанъ за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова. Очевидно, что эта скала, благодаря своему прекрасному природному положенію, должна была съ раннихъ временъ остановить на себѣ вниманіе арійскихъ колонистовъ изъ долины Чумбула; первыми поселенцами ея были конечно пустынники, которыхъ про-

изводили въ столь большемъ числѣ философскія школы Индіи въ седьмомъ и шестомъ вѣкахъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ, чему доказательствомъ служитъ безчисленное множество пещеръ, выдолбленныхъ рукою человѣка, которыя тянутся съ обѣихъ сторонъ скалы. Въ 276 году нѣкій король Сурія Сена обвелъ стѣнами часть плато, а въ 773 году Шандела Сурадье Паль дополнилъ систему защиты, распространивъ линію укрѣпленій на всю скалу. Крѣпостью владѣли кучвагасы до вступленія на престолъ короля Тей Паль Даола, который, по отнятіи у него владѣній въ 967 году шоганами, положилъ основаніе династіи Амбера. Полководецъ султана Шагаба Удина, Кутубъ Эйбекъ, отнялъ крѣпость у шогановъ въ 1197 году; трицать восемь лѣтъ спустя она была еще разъ взята императоромъ Альтамшемъ послѣ долгой осады. Въ 1410 году ею овладѣли туарскіе раджпуты и держались тутъ до 1519 г., когда она перешла къ Делійской коронѣ усиліями Ибрагима Лоди. Со времени распаденія могольской имперіи, она по очереди переходила то къ ятамъ, то къ магаратамъ. Взятая приступомъ въ 1784 году генераломъ Попгамомъ, она была отдана Скинду трактатомъ 1805 года.

Но этимъ не окончились превратности судьбѣ старинной крѣпости. Въ 1857 г., когда магараджа Скиндіи отказался оказать содѣйствіе возстанію, крѣпостью завладѣли мятежники, подъ начальствомъ Нена Сагиба. Генералъ Гугъ Розъ вытѣснилъ ихъ изъ нея, разставивъ орудіе на высотахъ плато. Подъ предлогомъ охраны молодаго короля противъ возмущенія его подданныхъ, англичане остались тутъ хозяйничать; затѣмъ, довольные, что благопріятный случай доставилъ имъ это положеніе въ сердцѣ королевства, они затянули очищеніе крѣпости на долгій срокъ, такъ что они и до сихъ поръ еще тутъ распоряжаются какъ настоящіе господа. Знамя Скинда продолжаетъ развѣваться надъ крѣпостью, но въ нее войти не можетъ никто.

Частыя осады, которымъ подвергался старый городъ, выжили изъ него мало по малу всѣхъ жителей; нынѣ, стѣны окружаютъ лишь груды развалинъ и мусора, надъ которыми еще возвышаются кое гдѣ горделиво нѣкоторыя изъ самыхъ образцовыхъ индійскихъ памятниковъ, чудомъ уцѣлѣвшіе отъ всеобщаго разгрома. Но что не могли разрушить время и ужасы войны, то сметаетъ съ лица земли суровый вандализмъ англійскихъ инженеровъ. Храмы и дворцы стѣсняютъ производство ихъ работъ, поэтому они ихъ разбираютъ, а изъ матеріаловъ, заботливо со-

ОТПЕЧАТОК

храняемыхъ, выстроиваютъ уродливые бунгаловы и казармы для гарнизона. Даже и я прибылъ уже слишкомъ поздно: многіе памятники совсѣмъ исчезли, и путешественникъ, который явится сюда черезъ нѣсколько лѣтъ, не найдетъ даже и слѣда изъ описываемыхъ мною въ настоящее время.

Нынѣшній городъ Гваліоръ разстилается на сѣверъ и востокъ отъ крѣпости, прижатой къ отлогости скалы рѣкой Савунрика. Это еще большой и красивый городъ, хотя основаніе новой столицы въ двухъ километрахъ отсюда нанесло ему смертельный ударъ. Въ немъ еще считается отъ тридцати до сорока тысячъ жителей, но знать и крупные комерсанты послѣдовали за дворомъ въ Лашкаръ. Его дома изъ тесаннаго камня всѣ по большей части изящной архитектуры; улицы узки и красивы. Весьма вѣроятно, что въ началѣ вокругъ крѣпости находились обширныя предмѣстья, и что городъ достигъ своихъ настоящихъ размѣровъ лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Въ немъ не сохранилось ни одного памятника, предшествовавшаго этому времени; единственные, справедливо заслуживающіе упоминанія суть: Джмма Мусьджидъ, прекрасная мечеть, величественнаго характера, съ двумя высокими минаретами по бокамъ и интересная тріумфальная арка, Гатти Дурвазе «Слоновые ворота», сооруженная на вершинѣ холма, ири входѣ въ городъ.

Рынки Гваліора ведутъ торговлю нѣсколькими спеціальными предметами, составляющими его личное достояніе; здѣсь фабрикуютъ шелковыя ткани, вытканныя золотомъ для тюрбановъ, сарри или женскіе бумажные шарфы и любопытныя издѣлія изъ красной камеди, весьма яркаго и прочнаго цвѣта. Этими предметами производится довольно значительная торговля.

Двѣ лѣстницы, высѣченныя въ скалѣ, одна на западѣ, другая съ востока ведутъ въ крѣпость. Та, которая съ восточной стороны, весьма замѣчательна, такъ какъ ея сооруженіе представляло значительныя трудности: приходилось выворачивать изъ горной массы огромныя глыбы; она древнѣйшаго происхожденія, и, не смотря на свою крутизну, доступна для лошадей и слоновъ.

Чтобы добраться до нея, нужно пройти нижній городъ во всю его длину. Входъ охраняется зубчатой оградой и разставленными вокругъ караульными. Возлѣ крѣпости виднѣется изъ за окружающихъ его деревьевъ большой дворецъ, фасадъ котораго украшенъ синею эмалью. Пятеро монументальныхъ воротъ, расположенныхъ на различной высотѣ,

отбиваютъ охоту подняться до нихъ—такъ трудно восхожденіе; ворота эти еще снабжены опускными рѣшетками и состоятъ изъ тяжелыхъ, окованныхъ желѣзомъ, половинокъ. Первые ворота имѣютъ видъ превосходной тріумфальной арки въ сарацинскомъ стилѣ, украшенной цѣлымъ этажемъ маленькихъ колоннъ. По другую сторону этой арки начинается широкое и хорошо содержимое шоссе, но все таки представляющее долгій и утомительный путь; тутъ начинается также для археолога цѣлая серія монументовъ, барельефовъ, пещеръ, цистернъ, расположенныхъ по всему протяженію пути какъ въ музеѣ; равно заслуживаютъ вниманія и скалы, нависшія надъ дорогой; въ нихъ находится много комнатъ, престоловъ, статуй, до которыхъ добираешься по узкимъ,причиняющимъ головокруженіе тропинкамъ, что необходимо требуетъ твердой и привычной ноги.

Между третьими и четвертыми воротами помѣщаются обширные бассейны, выдолбленные въ скалѣ такъ глубоко, что едва можно различить въ темнотѣ ихъ дно, и берущіе воду отъ ключей. Поверхъ воды возвышаются капители колоннъ, поддерживающихъ потолокъ. Идущая возлѣ этихъ бассейновъ каменная стѣна была выровнена и украшена многочисленными барельефами; одинъ изъ самыхъ большихъ изображаетъ слона съ сидящимъ на немъ всадникомъ; не смотря на изуродованіе его все таки еще можно хорошо разобрать; немного далѣе виднѣется изображеніе Сивы.

Противъ четвертыхъ воротъ находится небольшой, очень древній храмъ. Его относятъ къ пятому вѣку. Онъ высѣченъ изъ одной цѣльной каменной глыбы и представляетъ четыреугольную комнату, которой предшествуетъ перистиле, а вершину увѣнчиваетъ пирамидальная стрѣла; конецъ послѣдней былъ отломанъ и замѣненъ небольшимъ куполомъ, сложеннымъ изъ кирпичей: дверь святилища и престолъ окружаютъ нѣсколько статуй.

На самой вершинѣ лѣстницы разстилается величественный фасадъ дворца короля Паль, находящаго на самомъ гребнѣ пропасти. Этотъ фасадъ поддерживается шестью башенками и прорѣзывается небольшимъ числомъ широкихъ отверстій, украшенныхъ балконами и пилястрами; высѣченныя изъ камня и разбросанныя по массивной стѣнѣ полосы, арки, а также переплетающіяся между собою нити придаютъ ему совершенно особенную легкость и изящество. Окна украшаютъ мозаичныя рамы изъ эмальированныхъ кирпичей, изображающихъ пальмовыя деревья на голубомъ фонѣ. Надъ башенками возвышаются фонари, расположен-

ОТПЕЧАТОВАТ

ныя между двойнымъ рядомъ колоннъ. Трудно представить себѣ что либо грандіознѣе и изящнѣе этой огромной массивной постройки, служащей въ одно и тоже время дворцомъ и крѣпостью.

Въ южномъ углу находится порталъ, того же стиля и черезъ который проникаютъ внутрь крѣпости. По входѣ въ эти ворота вступаешь въ узкій проходъ, ограниченный боковыми фасадами дворца. Эти послѣдніе выстроены по тому же плану какъ и лицевой фасадъ, но съ тою разницею, что здѣсь камень уже совершенно исчезаетъ подъ пестрыми украшеніями: мозаичныя гирлянды, канделябры, утки, слоны, павлины, выложенныя эмальированными кирпичами и представляющія въ общемъ смѣсь различныхъ цвѣтовъ, голубаго, каштаннаго, зелепаго, золотаго, придаютъ этой огромной каменной стѣнѣ лишенной отверстій, ни съ чѣмъ несравнимое изящество. Кирпичи, образующіе эти инкрустаціи такъ ярки, самые оттѣнки ихъ такъ мягки и нѣжны, что приходится только удивляться, какъ они могли просуществовать десять столѣтій и остаться безъ перемѣны. Подобной архитектурной фактазіи, ухитрившейся придать такую легкость простой массивной стѣнѣ, я не знаю другой во всемъ свѣтѣ.

Способъ, къ которому прибѣгали индусы первыхъ вѣковъ для эмальированной отдѣлки кирпичей, остановилъ на себѣ вниманіе компетентныхъ лицъ. Природа этой эмали еще не опредѣлена съ точностію: думаютъ, что это просто металлическая глазурь, наведенная процессомъ обжиганія. Во всякомъ случаѣ, цвѣтъ этихъ кирпичей не есть только видимый наружный слой; онъ проникаетъ самый составъ ихъ, такъ что они становятся прозрачными. Относительно качества кирпичей также существуетъ разногласіе: одни считаютъ ихъ сдѣланными изъ обоженной кремнистой глины, другіе же изъ простаго природнаго песчаника; судя по наружному виду, первая гипотеза заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

Время сооруженія этихъ фасадовъ достовѣрно неизвѣстно; извѣстно только, что они выведены раджпутскимъ княземъ, по имени Паль. Такъ какъ этимъ именемъ назывались многіе князья Канделасовъ и Кучвагасовъ, то трудно сказать что либо опредѣленное, кромѣ того, что постройку надо отнести къ седьмому или восьмому вѣку.

Дворецъ королей Гваліора занимаетъ обширную площадь на востокѣ плато; но онъ сооруженъ не однимъ княземъ; самыя старинныя части его могутъ быть отнесены къ шестому вѣку. Каждая династія прибавляла что либо свое къ общей массѣ сооруженій; монголы, даже и

Сунагурская священная долина.

тѣ, оставили по себѣ слѣды. Англичане весьма дѣятельно стараются упростить трудъ археолога, уничтожая эти драгоцѣнные документы исторіи Индіи. Уже всѣ постройки по лѣвой сторонѣ отъ восточныхъ воротъ срыты и та же участь ожидаетъ и все остальное.

Внутренность дворца Паль чрезвычайно проста; этажи, предшествуемые рядомъ четыреугольныхъ столбовъ, выходятъ на большіе мощеные дворы; комнаты низкія съ гладкими потолками.

Въ числѣ этихъ построекъ, можно отыскать и часть стариннаго дворца королей Ваихнавасовъ, воздвинутаго въ первыхъ вѣкахъ; стѣны его очень толсты и прорѣзываются треугольными отверстіями, а планъ вообще напоминаетъ корридоры мексиканскихъ храмовъ. Жаль, что работы по разломкѣ этой части дворца уже весьма подвинулись впередъ.

Сѣверная оконечность плато, которая постепенно опускается, вся была занята нѣкогда дворцами императоровъ Акбера и Жеангира. Здѣсь вы не найдете величественнаго характера, отличающаго зданія Агры и Дели; видно, что тутъ была лишь незначительная, провинціальныя резиденція; впрочемъ, здѣсь еще замѣчательны изящный Девани-касъ и маленькій ценанахъ съ красивыми галлереями.

Отъ домовъ стараго города остались лишь груды обломковъ, растянувшихся по всему плато и поднимающихъ его уровень, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе чѣмъ на пять метровъ. Траншеи, проведенныя англичанами вдоль и поперегъ этихъ кучъ камня и мусора, обнаружили существованіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ слоевъ развалинъ, что доказываетъ, что городъ нѣсколько разъ разрушаемый, подымался вновь и отстроивался на уравненныхъ съ почвою обломкахъ. Эти работы привели къ находкамъ монеты и утвари, но мнѣ неизвѣстно воспользовались ли ими для точнаго опредѣленія годовъ исторіи Гваліора.

На одномъ изъ выступовъ восточнаго склона горы возвышается импозантная масса храма Адинатъ, одно изъ образцовыхъ произведеній архитектуры джаиновъ шестаго вѣка.

Храмъ выстроенъ крестообразно. *Чаори*, или часть, предназначенную для вѣрныхъ, увѣнчиваетъ куполъ, достигающій около двадцати пяти метровъ высоты; пирамидальная стрѣла, водруженная на святилищѣ, должна была имѣть величину въ два раза большую, но она обрушилась. Все зданіе стоитъ на пьедесталѣ, въ два метра вышиною, украшенномъ изваяніями. Чаори предшествуетъ портикъ величествен-

© ГПНТБ СО РАН

наго характера, черезъ который проникаешь во внутренность храма, обширную залу, окруженную галлереями, идущими въ два этажа и открытыми съ наружной стороны. Въ глубинѣ находится темная часовня, чудо ваянія, нынѣ лишенная своего идола; съ обѣихъ сторонъ выдвигаются два балкона, образующіе крайніе выступы боковыхъ придѣловъ. Изъ середины залы возвышаются четыре огромныхъ, четыреугольныхъ столба, которыми поддерживается тяжелый каменный потолокъ; въ широкое круглое отверстіе, продѣланное въ потолкѣ, виднѣется верхушка купола, поддерживаемая безчисленными пилястрами, и кажущаяся вслѣдствіе этого какъ бы висящею надъ залою. Общій видъ зданія представляетъ такое обиліе деталей, о которомъ можетъ дать понятіе только лишь фотографія; къ несчастію, мусульманскій вандализмъ сдѣлалъ и тутъ свое дѣло, обезглавивъ и изуродовавъ большинство статуй. Почти всѣ скульптурныя изображенія представляютъ скорѣе выпуклую работу (ronde bosse) чѣмъ барельефъ. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на великолѣпные арабески, украшающіе столбы; они просто выгравированы на гладкомъ камнѣ въ видѣ впадинъ и ячеекъ, съ рѣзкими, ясно обозначенными, ребрами.

Этотъ храмъ можетъ быть отнесенъ къ числу самыхъ прекрасныхъ произведеній Ведиавана, рядомъ съ Араи-динъ-ка-Йопра Аймира и святилищами горы Абу. Англичане, повидимому, хотятъ его пощадить; но этого недостаточно, такъ какъ старый гранитный колоссъ пришелъ уже въ такую ветхость, что если его не поддержатъ немедленно, первый же ураганъ непремѣнно опрокинетъ его.

Въ серединѣ небольшой площадки, лежащей передъ храмомъ Адината, возвышается гранитный столбъ въ двѣнадцать или тринадцать метровъ вышины; онъ имѣетъ круглую форму, гладкую поверхность и до сорока сантиметровъ въ діаметрѣ при основаніи, значительно съуживающемся къ верхушкѣ, которую увѣнчиваетъ легкая капитель. Это одна изъ тѣхъ колоннъ, по имени Латсъ или Латтисъ, какія буддисты ставили возлѣ Хаитасовъ; на ней нѣтъ никакой надписи. Она была, безъ сомнѣнія, сдвинута джаинами съ ея первоначальнаго мѣста и поставлена ими при входѣ въ храмъ Адинатъ.

Возлѣ большаго храма находилось значительное число религіозныхъ зданій, принадлежавшихъ, почти всѣ безъ исключенія, джаинамъ. Во время моего перваго посѣщенія, англичане работали надъ ихъ уничтоженіемъ; когда я возвратился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, ихъ уже болѣе не существовало. Разрушеніе этихъ храмовъ вывело на

свѣтъ божій множество древнихъ статуй, запрятанныхъ въ нижней части храмовъ, и въ томъ числѣ нѣсколько буддійскихъ.

Недалеко отсюда тянулась широкая ограда, разсѣкавшая плато на двѣ части по всей его длинѣ; это, по всей вѣроятности, стѣна города Сурія Сена; ее хотѣли взорвать. Къ внутреннему фасаду этой ограды прилегали многочисленныя часовни; въ одной изъ нихъ я нашелъ, между различнаго рода обломками, прекрасную статую, изображавшую женщину, лежащую на спящемъ львѣ; изящество этой группы, чистота и нѣжность контуровъ сообщали ей греческій характеръ. Я указалъ на нее сопровождавшему меня офицеру и это вселяетъ въ меня надежду, что я помѣшалъ ея уничтоженію.

Мы подходимъ наконецъ къ храму Вигара, одному изъ самыхъ замѣчательныхъ зданій Гваліора. Помѣщаясь въ самомъ центрѣ плато, онъ достигаетъ своей монументальной каменной башней болѣе ста двадцати футовъ высоты; его видно на равнинѣ издалека. Общимъ расположеніемъ своимъ онъ нисколько не напоминаетъ какой либо родъ архитектуры изъ тѣхъ, которые оставили по себѣ слѣдъ въ Индустанѣ; онъ напоминаетъ скорѣе тяжелые гопурамы храмовъ Деккана. Нижняя часть зданія до сорока футовъ въ вышину, образуетъ параллелепипедъ, поддерживающій пирамиду, раздѣленную на пять этажей, украшенными рѣзной работой фризами и рядами нишъ; вершина заключается каменной крышей, округленной въ видѣ арки. Съ лицеваго фасада подводитъ къ храму обширный портикъ, обрушившійся куполъ котораго не позволяетъ судить объ его первоначальномъ видѣ. Нижній этажъ храма занятъ пространной залой, въ которой стояла нѣкогда огромная статуя Будды, силуэтъ котораго сохранился и до сего времени на внутренней стѣнѣ; выше расположены комнаты, сообщающіяся съ пятью этажами пирамиды. Вертикальныя стѣны цоколя украшаютъ лишь четыреугольныя двери, съ возвышающимися надъ ними рѣзными фронтонами; что же касается до пирамиды, то ея большія стѣнки покрываютъ лишь слабо намѣченныя полосы, разрытые ящики и ниши; идоловъ же нѣтъ ни одного; а маленькія стѣнки покрыты нѣсколькими подражаніями большому окну, въ видѣ подковы, буддійскаго храма Висвакарма въ Эллорѣ. Плинтусы главнаго входа украшены замѣчательной работы барельефами, изображающими группы женщинъ несущихъ знамена; они имѣютъ большую аналогію съ скульптурными изображеніями, покрывающими храмъ Санхи.

Этотъ храмъ относили до сего времени къ произведеніямъ школы

© ГПНТБ СО РАН

Ведиавана, между тѣмъ какъ это мнѣніе не подтверждается ни одною надписью. Я же думаю, что онъ буддійскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ переходной эпохѣ, предшествовавшей возрожденію джаинизма; полнѣйшее отсутствіе идоловъ, чисто орнаментный характеръ его скульптурныхъ украшеній и аналогія, существующая между нѣкоторыми изъ нихъ и украшеніями подлинныхъ буддійскихъ памятниковъ, достаточны, чтобы усумниться въ его происхожденіи отъ Джаина. Если принять въ соображеніе общій видъ зданія и его внутреннее расположеніе, мы не найдемъ тутъ ничего общаго съ самыми извѣстными памятниками зодчества джаиновъ, тогда какъ напротивъ мы должны признать разительное сходство въ его планѣ съ Вигарами, описанными Гіуэномъ Уангомъ, а также съ памятниками Южной Индіи, которые знаменитый археологъ Фергюссонъ считалъ лишь копіями этихъ самыхъ Вигаровъ.

Было бы крайне важно опредѣлить въ точности происхожденіе этого памятника, такъ какъ, если бы его можно было признать буддійскимъ, то онъ оказался бы единственнымъ представителемъ тѣхъ безчисленныхъ вигаръ, прекрасное описаніе коихъ оставили намъ китайскіе путешественники четвертаго и седьмаго вѣковъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что джаины завладѣли храмомъ въ неизвѣстную эпоху и приспособили его къ своему культу.

Возлѣ этого храма вытянулись длинною полосою англійскія казармы; онѣ очень обширны, хорошо вентилированы, опрятно содержатся и чудесно приспособлены къ условіямъ этого убійственнаго климата. По другую сторону казармъ, въ скалѣ вырыты большіе пруды, напоминающіе пруды Читтора; въ нихъ склопляютъ дождевую воду, чтобы вознаградить полнѣйшій недостатокъ въ ключахъ на плато; но эти пруды представляютъ слишкомъ большую, открытую для солнечныхъ лучей площадь, и вода въ нихъ быстро становится вслѣдствіе этого мутною и солодковатою.

Почти въ самомъ центрѣ плато, съ его западной стороны, скала отъ внутренняго переворота раздвоилась, такъ что вслѣдствіе этой трещины образовалось узкое и глубокое ущелье, сжатое между двумя остроконечными каменными громадами. Это ущелье прозвано индѣйцами Урваи: ему то обязана гора своею давнею извѣстностью.

Эта мрачная бездна, куда лучи солнечные проникаютъ лишь на самое короткое время, задержанные страшными, нависшими надъ нею каменными глыбами, должна была плѣнить мистическихъ философовъ гимнософистовъ; они нашли тутъ, кромѣ того, многочисленные ключи, къ ко-

Гваліоръ
Ихалунъ
Калпи
Сумптеръ
Дуттіа
Сипри
Иханзи
Ширкари
Банда
Аллахабадъ
Бенаресъ
Джунпоръ
Шуттерпуръ
Техри
Панна
Нагодъ
Ревахъ
Михеръ
Горы Бандеръ
Саугоръ
Дюно
Бандугуръ
Община Багелъ Сингруджа
Сингруджа
Нувбулпоръ
Сохагепуръ
Парзингпуръ
Мундлахъ
Удепоръ
Хирапуръ
Ратанпоръ
Горы Калигонгъ
Община Гундзъ
Горы Кенкри
Община Бильзъ
Бентулъ
Горы Бундельк.
Комита
Еллихпоръ
НАГПОРЪ
Райпуръ
Горы Конд
Община Малкоджъ
Центральная Индія
Конд. Бераръ
Конд. Бераръ
Конд. Бераръ

торыхъ держится постоянная свѣжесть, и въ лощинахъ развивается, вслѣдствіе этого роскошная, анормальная для страны, растительность. Урваи сдѣлалось главнымъ театромъ ихъ таинствъ, и по всей длинѣ долины выстроились ряды колоссальныхъ идоловъ Тиртанкарсовъ. Было бы трудно отыскать, даже въ Индіи, другое мѣсто болѣе чудесно приспособленное природою къ назначенію—служить храмомъ одною изъ первобытныхъ религій человѣка. Даже теперь, когда спускаешься на дно этой пропасти, (которую англичане окрестили страннымъ именемъ Счастливой Долины), васъ поражаетъ полный величія и таинственности видъ этого природнаго храма. Васъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ холодный, сырой воздухъ и вдругъ, сквозя между перепутанными нитями ліанъ, передъ вами встаютъ во мракѣ гигантскія фигуры, съ выкрашенными глазами, съ загадочными лицами сфинксовъ. Каковъ же долженъ былъ быть трепетъ неофита, приведеннаго въ первый разъ въ это святилище и созерцающаго въ священномъ ужасѣ эти огромные престолы, этихъ идоловъ, эти пещеры, изъ которыхъ вырывается какой то странный свѣтъ, когда даже европеецъ, съ его скептицизмомъ, не можетъ не содрогнуться, проникнувъ въ эту таинственную долину!

Но Урваи также пережилъ свое время! Когда я возвратился сюда въ декабрѣ 1867 года, деревья были уже срублены статуи разбивались въ дребезги подъ молотками рабочихъ и лощина покрывалась насыпью новой дороги, прокладываемой англичанами, насыпью, въ которой покоятся въ хаотическомъ смѣшеніи дворцы Шанделасовъ и Туаровъ, идолы буддистовъ и джаиновъ!

Скалы образуютъ съ каждой стороны лощины перпендикулярныя стѣны въ тридцать метровъ вышины, стоящія на крутомъ откосѣ дна. Лѣвая стѣна покрыта на протяженіи пятисотъ шаговъ статуями, высѣченными въ самой скалѣ; эти статуи изображаютъ всѣхъ джаинскихъ Тиртанкарсовъ; ихъ изрядное количество и они представляютъ всевозможные размѣры, начиная съ идола въ одинъ футъ вышиною и до колоса въ двадцать метровъ. Тиртанкарсы изображены или во весь ростъ, съ опущенными руками, или въ сидячемъ положеніи, съ крестообразно сложенными ногами, въ обыкновенной позѣ поклонниковъ Будды. Тѣла совершенно голыя, члены крѣпкіе и непропорціональные; лица напоминаютъ египетскихъ сфинксовъ: тѣ же огромные глаза, тѣ же толстыя губы и ушныя мочки, доходящія до плечъ; голову покрываетъ круглая митра, украшенная маленькими шариками; нѣкоторые путешественники принимали эти шарики за шерстяные завитки, характери-

© ГПНТБ СССР

зующіе прическу негровъ и вывели отсюда заключеніе, что типъ идола африканскій. Каждая статуя помѣщается на престолѣ, отмѣченномъ *санхуномъ*, или отличительнымъ знакомъ Тиртанкара и изолирована въ выдолбленной нишѣ съ приподнятымъ на верху балдахиномъ.

Одну изъ главныхъ группъ состовляетъ группа Тиртанкара Адината, баснословнаго основателя религіи джаиновъ. Всѣ эти идолы теперь совершенно заслонены новымъ шоссе, проложеннымъ англичанами. Не много далѣе возвышается статуя Парусната; она помѣщается въ глубокой нишѣ и имѣетъ въ вышину не менѣе шестидесяти футовъ. Въ скалѣ находится также много небольшихъ четыреугольныхъ комнатъ, которыя служили жилищемъ священникамъ; одна изъ этихъ комнатъ заключаетъ въ себѣ очень хорошенькую модель храма, высѣченнаго изъ цѣльнаго куска песчаника.

Правая стѣна менѣе богата статуями, хотя и въ ней есть нѣсколько интересныхъ группъ. Замѣчательнѣе другихъ пещера Тиртанкарсовъ. Это — углубленіе, которому предшествуютъ нѣсколько сводовъ и въ которомъ помѣщаются три колоса, въ двадцать футовъ вышины. Лицевой фасадъ пещеры обрушился такъ, что обломки дѣлаютъ затруднительнымъ доступъ въ нее.

Не было найдено ни одной надписи, которая обозначала бы съ точностью эпоху появленія этихъ статуй; Принсепсъ разобралъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ имя нѣкоего короля Тарапани или Таранама, царствовавшаго въ третьемъ столѣтіи нашей эры. Весьма вѣроятно, что пещеры Урваи относятся къ многовѣковому періоду времени, начиная незадолго до нашей эры и кончая девятымъ вѣкомъ.

Изъ всѣхъ религій, которыя существовали или существуютъ и теперь въ Индіи, джаинизмъ, конечно, одна изъ религій, заслуживающихъ нашего особеннаго вниманія; она то оставила намъ самую чудесную коллекцію памятниковъ отъ базиликъ горы Абу до Кеерутъ-Кумбъ въ Шитторѣ.

Джаины владѣютъ многочисленными книгами религіознаго содержанія, переводъ которыхъ пролилъ бы новый свѣтъ на отдаленныя эпохи исторіи Индіи. Если вѣрить имъ, начало джаинизма было положено за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова; во всякомъ случаѣ, одно кажется несомнѣннымъ, что онъ существовалъ еще до появленія Сакьямуни, и даже легко можетъ быть, какъ увѣряютъ, что ученіе послѣдняго есть только передѣлка ученія джаиновъ. Буддисты признаютъ къ тому же Магавира, послѣдняго Тиртанкара джаина, наставникомъ Сакьи.

Джаины, съ своей стороны, считаютъ буддистовъ еретиками, и во всѣ времена преслѣдовали ихъ своею ненавистью. Malla linkara, священная книга Бирмановъ, говоритъ, что Могдалаяна, глава апостоловъ Сакьи, былъ отравленъ «раганами, монахами-еретиками, которые живутъ въ состояніи полнѣйшей наготы», въ коихъ нужно признать джаиновъ.

Первыя буддійскія книги переполнены намёками на этихъ голыхъ философовъ, ихъ закоренѣлыхъ враговъ, въ которыхъ нельзя не видѣть никого другого кромѣ тѣхъ же джаиновъ, такъ какъ нагота идоловъ и философовъ считается ихъ основнымъ правиломъ. Мы узнаемъ еще джаиновъ въ описаніи, которое даетъ намъ Магаванцо о сектѣ Souasticas; это слово происходитъ отъ суасти или мистическаго креста, символа, употребляемаго еще въ одной изъ современныхъ намъ джаинскихъ сектъ. Книга буддистовъ гласитъ, что эти суастики называли себя Тиртакарами или «чистыми», исповѣдывали атеистическое ученіе и отличались возмутительнымъ безстыдствомъ. Дѣйствительно, джаины отрицаютъ существованіе Бога и считаютъ природу несотворенною и вѣчною; все, что существуетъ, существовало и прежде, и не подвергалось никакимъ другимъ измѣненіямъ, кромѣ происшедшихъ отъ преднамѣренныхъ дѣйствій существъ, населяющихъ міръ. По ихъ ученію, душа, не умирающая, странствуетъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ Mokcha «вѣчнаго блаженства», гдѣ она сохраняетъ свою независимость и существованіе, не смѣшиваясь, какъ у буддистовъ, въ верховномъ средоточіи. Я уже замѣтилъ выше, что они считаютъ наготу символомъ.

Если я распространяюсь объ этомъ, то потому, что большинство писателей, преклоняясь передъ геніемъ Сакья Муни, хотѣли сдѣлать его основателемъ самостоятельной религіи, тогда какъ, по признанію его же учениковъ, онъ былъ лишь реформаторомъ. Поэтому, сходство буддизма и джаинизма было этимъ писателямъ не по нутру, и вотъ, для того чтобы отдѣлаться отъ послѣдняго, они отнесли его начало лишь къ эпохѣ паденія буддизма, то есть къ восьмому вѣку, тогда какъ въ дѣйствительности, это было лишь временемъ его возрожденія.

Я думаю, что даже трудно доказать, что буддизмъ преобладалъ въ какую бы то не было эпоху въ Индустанѣ. Справедливо, что онъ имѣлъ при Асокѣ одинъ моментъ славы и могущества, но онъ успѣлъ проникнуть только лишь въ нѣкоторые общественные классы, и то не былъ въ состояніи долго у нихъ удержаться. Одинъ изъ спутниковъ Александра

ОГПИБ СОРАН

Македонскаго, Клетархъ, оставивъ намъ описаніе главныхъ сектъ Индіи, упоминаетъ о голыхъ людяхъ, что, очевидно, заставляетъ предполагать джаиновъ, такъ какъ извѣстно, что буддисты гнушались наготы. Позднѣе, во второмъ и третьемъ вѣкахъ, намъ даютъ свѣдѣнія объ индійскихъ гимнософистахъ Климентъ Александрійскій, Порфирій, Палладій и ѳивскіе схоластики. Уже во время путешествія китайца Фа-Гіанъ (399—415), буддизмъ былъ господствующей религіей лишь на сѣверѣ Индіи; но, когда за нимъ послѣдовалъ въ Индію Буэнъ-Чангъ (632—640), поклонниковъ Будды оставалось уже несравненно меньшее число по отношенію къ голымъ еретикамъ, какъ онъ ихъ называетъ.

Начиная съ этого времени, мы имѣемъ возможность слѣдить за непрерывными успѣхами джаинизма. Въ восьмомъ вѣкѣ, философъ Ахарія Сена заключаетъ съ Ваихнавасами союзъ, который приводитъ, спустя вѣкъ, къ полному паденію буддизма. Раджпуты, обращенные въ джаинизмъ, уничтожаютъ всѣ династіи и занимаютъ весь Индустанъ. Это былъ самый блестящій періодъ для гимнософистовъ; они распространились отъ Гималая до мыса Коморина, покрывъ всю эту огромную страну своими великолѣпными памятниками.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, отпаденіе раджпутовъ отняло у джаиновъ часть ихъ прежняго вліянія; брамины совратили классъ воиновъ къ новому пантеизму, предложивъ имъ титулъ и прерогативы древнихъ кшатріевъ. Но если они потеряли раджпутовъ, которымъ пришелся болѣе по вкусу культъ суроваго Исвара, за то они удержали за собою большинство у вліятельнаго класса купцовъ, подѣливъ ихъ съ Ваихнавасами. Даже и теперь еще они держатъ въ своихъ рукахъ все богатство Индіи и считаютъ въ числѣ своихъ единомышленниковъ представителей первыхъ торговыхъ фирмъ Бомбея и Калькутты.

Они распадаются на двѣ секты, digambaras и swetambaras; эти послѣдніе ничто иное какъ буддисты, возвратившіеся къ первобытному культу тиртанкаровъ. Къ двадцати четыремъ тиртанкарамъ или философамъ первоначальнаго джаинизма, причисленнымъ къ разряду боговъ, они присоединили еще всѣхъ божествъ культа Вишну. Но они отодвигаютъ послѣднихъ на второй планъ и ставятъ ихъ изображенія только лишь снаружи храмовъ.

Идолы тиртанкаровъ отличаются отъ буддійскихъ, кромѣ наготы, еще «Sanchum»'ами или отличительными символами; и Sri butsh, ромбоидальнымъ украшеніемъ посреди груди.

Они усвоили себѣ систему касты Вишнувасовъ и вступаютъ съ ними въ браки. Священники набираются между браминами, но монахи и монашенки, bhikchous, выходятъ изъ всѣхъ кастъ. Сунніасы или первосвященники имѣютъ кафедры въ Паруснатѣ, въ Бенгалѣ, въ Абу, въ Раджпутанѣ, и въ Сравана Беллиголла въ Декканѣ.

Вѣрные именуются *арахатами*, и только одни монашествующіе джаинами или очищенными. У этихъ послѣднихъ лобъ вымазанъ сандаломъ, ротъ закрытъ кускомъ полотна, а ходятъ они, вооруженные метлой, для того, чтобы почтительно отдалять насѣкомыхъ, могущихъ встрѣтиться по ихъ дорогѣ. Они доводятъ уваженіе животной жизни до крайняго предѣла и не могутъ, ни подъ какимъ предлогомъ, питаться продуктами, исходящими отъ организованныхъ существъ. Я уже описалъ выше ихъ прекрасные больницы для животныхъ.

Джаины самые знаменитые архитекторы, изъ всѣхъ, которыхъ произвела Индія; можно сказать даже, что они притомъ и единственные, такъ какъ другіе секты строили позднѣе лишь по оставленнымъ ими образцамъ. Индусы, впрочемъ, и дали имъ прозвище *веднаванъ* или волшебныхъ строителей. Наконецъ, вся индо-мусульманская архитектура цѣликомъ вышла изъ этой школы.

Входъ въ лощину Урваи закрытъ, со стороны равнины, линіей массивныхъ стѣнъ, выстроенныхъ императоромъ Альтамшемъ въ 1235 году. У подножія этихъ стѣнъ находятся очень глубокіе колодцы съ превосходной водой. Эти колодцы круглой формы, большаго діаметра, а въ ихъ каменныхъ стѣнкахъ продѣланы витыя лѣстницы, доходящія до самаго уровня воды; это тоже работа джаинскихъ архитекторовъ.

Выйдя изъ крѣпости и обогнувъ скалу, находимъ, съ ея юго-восточной стороны, еще другую значительную группу джаинскихъ изваяній.

Отлогость скалы была стёсана на протяженіи двухъ сотъ шаговъ, съ цѣлью, сдѣлать стѣну гладкою; въ основаніи то этой стѣны, вдоль небольшой террасы, лежащей на откосѣ холма, и вытянулись длиннымъ рядомъ пещеры. Первая группа, на лѣво, заключаетъ въ себѣ девять колоссальныхъ статуй; тиртанкаровъ въ тридцать футовъ вышины, стоящихъ въ нишѣ, которой предшествуетъ стѣна съ множествомъ дверей, закрывающая половину статуй, головы статуй были отбиты мусульманами. Отсюда переходишь въ маленькую комнату, украшенную нѣсколькими прекрасными барельефами и идоломъ тиртанкара въ сидячемъ положеніи; внутренняя дверь выводитъ къ пруду, глубоко лежащему въ нѣдрахъ горы. Идя по каменному троттуару, вокругъ пруда,

ОТПЕЧАТАНО

достигаешь комнаты бо́льшихъ размѣровъ, но которая почти вся занята статуей Адината въ тридцать пять футовъ; идолъ покрытъ богатыми скульптурными украшеніями, а на его пьедесталѣ красуется длинная надпись; окно съ пилястрами, продѣланное вверху стѣны, пропускаетъ прямо на изображеніе идола цѣлые потоки свѣта. Рядомъ съ этой комнатой тянется длинная ниша, въ которой выстроились девять колоссовъ тиртанкара во весь ростъ; надъ головой каждой статуи выдвигается каменный балдахинъ, изящной рѣзной работы. Начиная отсюда, въ горѣ идутъ одна за другою не менѣе двѣнадцати комнатъ, вмѣщающихъ каждая одну или нѣсколько колоссальныхъ статуй. Большинство изъ нихъ имѣетъ отъ двадцати до тридцати футовъ высоты. Я вымѣрялъ одну, лицо которой равнялось двумъ метрамъ въ длину.

У нѣкоторыхъ изъ этихъ статуй голова окружена ореоломъ змѣй. У другихъ же на вершинѣ митры находится Kalpa Vrich или «дерево Знанія», которое образуетъ три развѣтвленія и заслуживаетъ вниманія по причинѣ его аналогіи съ мистическимъ символомъ буддистовъ. Въ числѣ другихъ эмблемъ тиртанкаровъ самыя замѣчательныя: кресты Суастика, Сриватса и Нандаварта, служащіе отличительными признаками философовъ Супарусната, Ситаланата и Араната.

Пещеры на юго-восточной сторонѣ Гваліора еще любопытнѣе пещеръ Урваи; но онѣ весьма мало извѣстны, даже самимъ туземцамъ. Судя по ихъ наружному виду, имъ едва можно дать нѣсколько столѣтій существованія, такъ хорошо сохранились на нихъ камни и даже живопись. Но онѣ обязаны этимъ лишь своему исключительному положенію, будучи вполнѣ укрытыми отъ дождей и сильныхъ вѣтровъ; кромѣ того, здѣсь, каждая статуя не просто высѣчена въ скалѣ, но еще уединена въ отдѣльную комнату, укрывающую ее отъ всякой непогоды. Однако, весьма вѣроятно, что онѣ существуютъ не ранѣе какъ только съ шестаго вѣка; нѣкоторыя же лишь съ одинадцатаго и двѣнадцатаго.

Идя вдоль горы, по гребню откоса, встрѣчаешь, почти на каждомъ шагу этой линіи, превышающей десять километровъ, еще бассейны, статуи и пещеры, описаніе которыхъ могло бы утомить читателя.

Повторяя вкратцѣ всѣ диковинки крѣпости Гваліоръ, мы видимъ, что она представляла намъ одну изъ драгоцѣнныхъ коллекцій памятниковъ Индіи, ибо мы могли бы слѣдить по нимъ за всѣми измѣненіями джаинскаго и индусскаго стилей, начиная со втораго вѣка до Рождества Христова, до тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ нашей эры.

Очень жаль, что англичане не уважили этихъ славныхъ памятниковъ старины, и что ихъ инженеры не съумѣли найти способъ согласить интересы защиты съ интересами исторіи.

Я не могу покончить съ крѣпостью, не поблагодаривъ маіора B*** и офицеровъ 103 полка за любезное гостепріимство, оказанное ими мнѣ, во время моихъ изслѣдованій, и за ихъ горячее содѣйствіе. Пусть они не относятъ къ себѣ титулъ вандаловъ, которымъ я назвалъ только лишь тѣхъ лицъ, которые задумали уничтоженіе столькихъ прекрасныхъ вещей и привели свою мысль въ исполненіе.

СПИБСОРАН

XXXIV.

Дворъ Сциндія.

Происхожденіе магаратскаго могущества.— Индійскіе казаки. — Носитель туфель пейхваха.—Даолатъ Рао и французскіе офицеры.—Генералъ Перронъ.— Области Сциндія.—Магаратскій лагерь въ Гваліорѣ, его базары и памятники. — Королевскій карусель. — Свиданіе съ Магараджей. — Дурбаръ и баядерки.

Мага-раджа Сциндія, король Гваліора, въ настоящее время самый могущественный владѣлецъ въ Индустанѣ. Вмѣстѣ съ Гюльковаромъ, королемъ Бароды, и Голькаромъ Индора онъ составляетъ ту большую магаратскую конфедерацію, которая, если бы не вмѣшались англичане, возвратила бы Индію индусамъ.

Подъ именемъ Мага-Рахтра (Большаго королевства) разумѣютъ обширную страну лежащую между Декканомъ и Индустаномъ, опирающуюся съ одной стороны на Виндіасскія горы, съ другой же на Западные Гаты и которая дѣлится въ настоящее время на провинціи Кандейхъ Пуна, Нагпоръ, Ауренгабадъ, Биджапоръ, и пр. Эта страна прорѣзывается многочисленными горными цѣпями, покрывающими ее сѣтью хорошо орошаемыхъ и плодоносныхъ долинъ.

Мы видимъ, что, съ самыхъ древнихъ временъ, магараты, обитатели этой страны, составляли сильную независимую націю, вполнѣ довольную своимъ географическимъ положеніемъ. Земледѣльческій, пастушескій народъ, гордый, безстрашный съумѣлъ сохранить свою свободу въ самыхъ широкихъ ея формахъ. Собственно страну составлялъ союзъ общинъ, единственными начальниками коихъ были деревенскіе мэры или *patelи*; даже когда война за независимость создала магаратскую монархію,

и тогда, первый титулъ государей былъ всегда патель; а въ настоящее время, несмотря на англійское владычество, Мага-Рахтра сохранила свои древнія учрежденія, каковы Панчайетъ, или избирательное собраніе и независимость общинъ.

Среди этихъ то грубыхъ поселянъ появился въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, геніальный человѣкъ, славный Сиваджи Бонзла, который мечталъ объ освобожденіи индусскаго народа и низверженіи мусульманскаго ига. Мага-Рахтра выдержала напоръ магометанъ и только лишь номинально признавала всегда верховную власть падишаха. Сиваджи сталъ трудиться надъ осуществленіемъ своей мечты съ семнадцатилѣтняго возраста и въ нѣсколько лѣтъ возвысился изъ темнаго званія предводителя небольшой вооруженной шайки до титула государя, признаннаго императоромъ Дели. Религіозная нетерпимость Аурангзеба, столь противорѣчащая искусной политикѣ его предшественниковъ, вооружила противъ себя весь индусскій народъ и набѣги магаратовъ превратились въ настоящіе походы за вѣру. Какъ только проснулось національное чувство, вся магаратская нація поголовно возстала и изъ пастуховъ и поселянъ образовалась грозная армія, обрушившаяся стремительнымъ потокомъ на самыя богатыя провинціи имперіи.

Магаратъ рожденъ наѣздникомъ; страна его изобилуетъ маленькими, невзрачными на видъ лошадьми но за то бойкими, неутомимыми и обладающими сверхъ того неоцѣненнымъ качествомъ,—замѣчательно крѣпкими ногами. Эти то элементы и содѣйствовали образованію національнаго войска; оно составилось изъ легко вооруженныхъ наѣздниковъ, годныхъ болѣе для грабежа, чѣмъ для правильнаго сраженія; всѣ имѣли при себѣ копья, и лишь немногіе ружья. Ихъ эскадроны разсыпались тучами по странѣ, которую хотѣли предать разграбленію, подвигались впередъ на невѣроятно большія разстоянія и исчезали какъ стрѣла при приближеніи тяжелой, закованной въ латы, монгольской кавалеріи.

Генералъ Малькольмъ описываетъ намъ организацію этихъ казаковъ Индіи, съ которыми ему долго пришлось воевать. Ежегодно, праздники Дассара, обозначающіе конецъ дождливаго времени года, (впродолженіи котораго всякія непріязненныя дѣйствія прекращаются), служили сигналомъ къ открытію компаніи. Изъ всѣхъ деревень собирались солдаты вокругъ національнаго знамени ghossenda. Войско выступало въ походъ не имѣя при себѣ другого фуража и провіанта, кромѣ привязаннаго къ сѣдельной лукѣ наѣздника. Грабежъ, слѣдовательно, былъ не-

обходимъ для его существованія, но онъ все таки производился болѣе или менѣе правильно; захваченная солдатами добыча приносилась въ лагерь и дѣлилась подъ наблюденіемъ вождей. Кождый солдатъ получалъ кромѣ того опредѣленное жалованье, которое выплачивалось аккуратно лишь благодаря накладываемымъ на города контрибуціямъ. Пробѣгая шумною волною по самымъ богатымъ провинціямъ, войско это постепенно увеличивалось отъ присоединенія къ нему разныхъ индусскихъ авантюристовъ, и разныхъ недовольныхъ людей, такъ что, не взирая на многія послѣдовательныя пораженія, оно, всегда при окончаніи кампаніи, было все таки сильнѣе, чѣмъ при ея началѣ.

Подобно Карлу Великому, проливавшему слезы при видѣ норманскихъ барокъ на Сенѣ, старый Аурангзебъ, послѣдній изъ Великихъ Моголовъ, понялъ, что эти нестройныя шайки поколеблютъ когда нибудь престолъ Бабера; онъ энергически сражался съ ними, разбивалъ ихъ нѣсколько разъ, но, несмотря на все, не могъ помѣшать этому ужасному и неуловимому призраку снова приподнять голову.

По его смерти, беззаботный Шахъ Аллушъ, желая оградить себя отъ ихъ опустошительныхъ вторженій, предоставилъ имъ tchaôt, то есть четвертую часть отъ доходовъ, получаемыхъ имъ съ областей, которыя преимущественно терпѣли отъ ихъ набѣговъ. Съ этихъ поръ могольская Имперія продолжала существовать только номинально.

Сциндіи была богатая фамилія, магаратскихъ земледѣльцевъ, принадлежавшая къ кастѣ судра, въ декканской провинціи Саттара.

Первый изъ этой фамиліи носившій оружіе и выведшій ее изъ неизвѣстности былъ Ранаджи Сциндія. Около 1725 года онъ явился ко двору Пуны и получилъ тутъ важную должность,—на его обязанности лежало носить туфли пейхваха. Ничтожная случайность сдѣлала ему карьеру. Однажды, пейхвахъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, сеансъ затянулся, и Ранаджи заснулъ въ прихожей; по выходѣ изъ залы засѣданія, Министръ-король ища свои туфли, замѣтилъ спящаго слугу, крѣпко прижимающаго его туфли къ груди. Зрѣлище это тронуло пейхваха; онъ увидалъ въ немъ доказательство вѣрности и преданности, которыя и были имъ награждены достойнымъ образомъ, когда онъ призвалъ Ранаджи къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Ранаджи шелъ быстро въ гору; онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ вождей магаратскихъ дружинъ и умирая оставилъ своему сыну Мадгаджи обширное королевство въ Мальвѣ.

Кровавая битва при Панипатѣ, выигранная въ 1761 году султаномъ Ахмедомъ задержала на короткое время ростъ магаратскаго могущества. Мадгаджи Сциндія, получившій въ бою страшныя раны, былъ оставленъ посреди труповъ; одинъ бисти (водоносъ) поднялъ его и перенесъ въ Декканъ. Возвратившись ко двору Пуны, Сциндія мало по малу захватилъ въ свои руки всю власть, но, какъ истинный патріотъ, уважая учрежденія своей страны и отклоняя предложенія англичанъ, признавшихъ его государемъ Мальвы и Доаба, онъ употребилъ ее на пользу пейхваха. Онъ умеръ въ 1794 году, оставивъ корону своему двоюродному внуку Даолатъ Рао Сциндія, тринадцатилѣтнему мальчику, который, съ рѣдкой, по его возрасту, энергіей, съумѣлъ побороть всѣхъ соперниковъ и крѣпко утвердиться на престолѣ.

Даолатъ Рао былъ заклятымъ врагомъ англичанъ; онъ раздвинулъ свое королевство до самаго Пенджаба и захвативъ въ плѣнъ падишаха, сдѣлалъ его своимъ пенсіонеромъ.

Главной заботой этого князя было,—создать изъ безпорядочныхъ ордъ сильное войско, которое могло бы съ успѣхомъ сопротивляться англійскимъ арміямъ. Набѣги въ Декканѣ привели его въ соприкосновеніе съ французскими авантюристами, немногими, уцѣлѣвшими отъ арміи Лалли, которые остались въ странѣ, предлагая свою шпагу всякому, кто былъ врагомъ Англіи. Сциндія привлекъ къ своему двору де-Буанья Жана-Батиста, Лалли, Перрона и многихъ другихъ. Наши храбрые соотечественники преобразовали магаратскую армію, и создали тѣ стойкія и мужественныя фаланги, передъ которыми англичане столько разъ должны были отступать.

Непрерывная борьба Сциндіи съ англичанами кончилась къ выгодѣ послѣднихъ. Въ особенности отпаденіе Перрона было для Даолата Рао роковымъ ударомъ. Этотъ генералъ, простой сержантъ французской арміи, достигъ такого могущества, которое дѣлало его почти равнымъ государю; будучи главнокомандующимъ войскъ Сциндіи, онъ былъ, въ сущности, настоящимъ повелителемъ Индустана. Исторія, устами англійскихъ писателей, говоритъ о немъ какъ о высокомѣрномъ и малодушномъ проходимцѣ; но, да будетъ мнѣ позволено,—не принимать во вниманіе эту оцѣнку и сказать, что единственномъ недостаткомъ Перрона было,—руководиться всегда только своимъ личнымъ интересомъ; если бы онъ лучше понялъ свою роль, онъ могъ бы, при поддержкѣ со стороны Пенджаба, окончательно остановить британское вторженіе. Испуганный первыми успѣхами англичанъ, разбитый Лэкомъ при Алигурѣ, Перронъ принялъ предложенія лорда Веллеслея (Веллингтона) и удалил-

ся въ Чандернагоръ съ значительными денежными средствами. Эта гнусная измѣна испортила въ конецъ блестящее начало французовъ, начало, возбудившее въ Англіи столько опасеній.

Парижанинъ, генералъ Буркье попробовалъ продолжать борьбу, но, разбитый подъ стѣнами Дели, онъ былъ принужденъ сдаться англичанамъ; въ заключеніе, битва при Ласвари (27 октября 1803), проигранная не смотря на оказанныя французскими офицерами чудеса храбрости, сломила окончательно могущество Даолатъ Рао, который долженъ былъ вступить въ переговоры. Главнымъ условіемъ, при заключеніи мира было то, что онъ обязывается отпустить всѣхъ французовъ и никогда не принимать ихъ къ себѣ на службу.

Немного спустя, борьба однако возгорѣлась снова, но, вторично потерпѣвъ пораженіе, Сциндія долженъ былъ уже въ послѣдній разъ вступить въ переговоры съ Компаніей въ 1818 году; онъ отказывался отъ своихъ правъ на падишиха и Дели, удалялся за Чумбулъ и изъявлялъ согласіе на организацію англичанами двухъ армій на его территоріи.

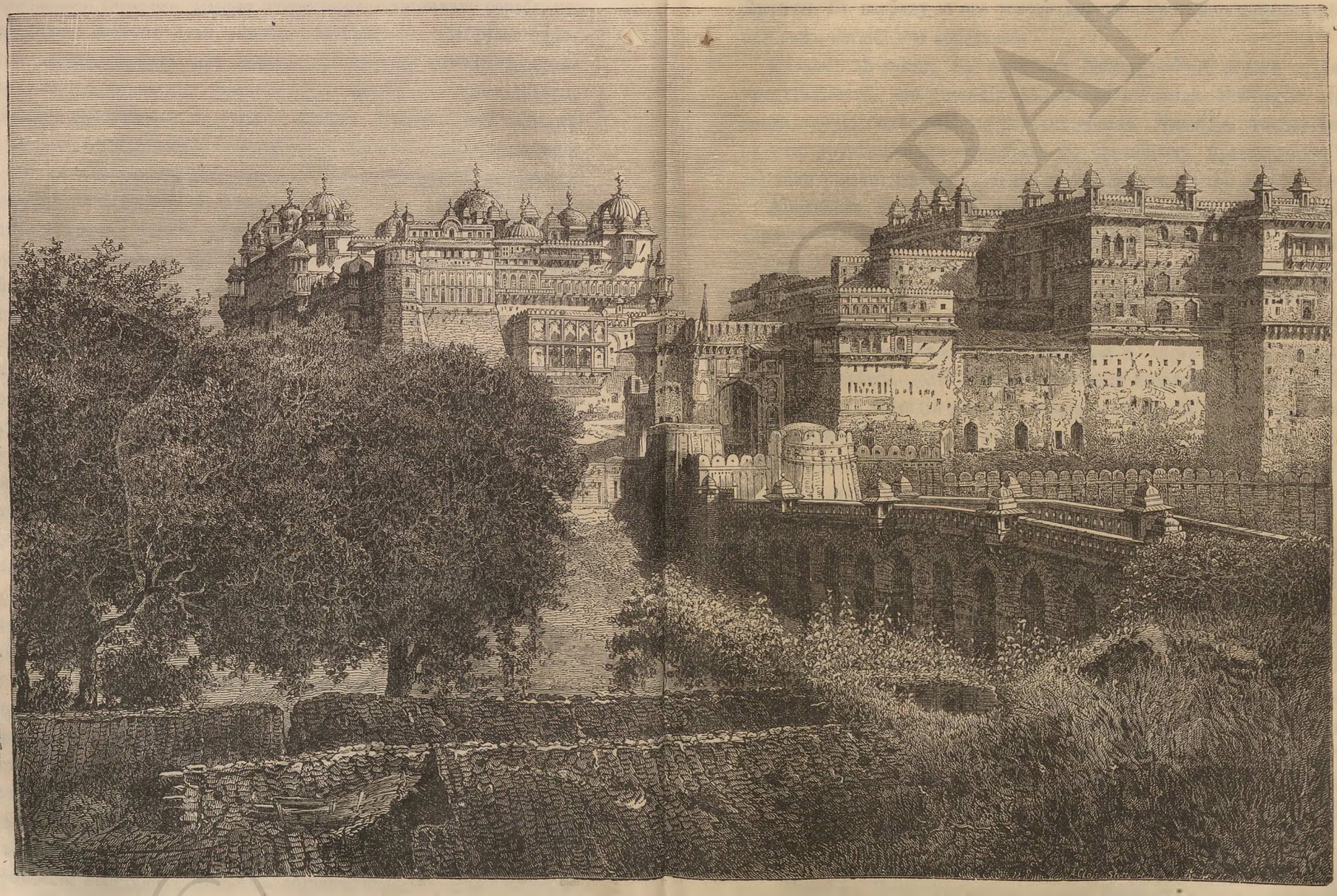
Преемникъ Даолатъ Рао, Янкаджи, умеръ въ 1843 году бездѣтнымъ. Англичане, конечно сочли долгомъ вмѣшатся въ распри, возникшія по поводу престолонаслѣдія, но только лишь послѣ двухъ одержанныхъ ими побѣдъ въ сраженіяхъ при Баморѣ и Магараджепорѣ, получили возможность посадить на тронъ племянника Янкаджи, девятилѣтняго ребенка и нынѣшняго короля Сиаджи Рао.

Владѣнія Сциндія простираются въ настоящее время отъ Чумбула до горъ Саутпура, на протяженіи болѣе пяти сотъ километровъ. Они захватываютъ восточную Мальву, часть Бунделькунда, Гараути и Омутвара. Населеніе ихъ вычислено болѣе чѣмъ въ шесть милліоновъ жителей; но отсутствіе правильныхъ переписей дѣлаетъ эти цифры гадательными.

Опредѣленные доходы магараджи Сциндія превышаютъ двѣ кроры рупіевъ, или пятьдесятъ милліоновъ франковъ; кромѣ того онъ имѣетъ свое собственное значительное состояніе.

Администрація края во многомъ превосходитъ администрацію другихъ индусскихъ земель; этимъ превосходствомъ, равно какъ и искусной политикой послѣднихъ лѣтъ онъ обязанъ первому министру сэру Динкуръ Рао, весьма способному человѣку, которому англичане довѣрили управленіе во время несовершеннолѣтія принца. Въ 1857 году, именно онъ помѣшалъ молодому магараджѣ принять участіе въ возста-

ОТИПБ СОРАН



Цитадель Уртча.

ніи; хотя онъ и предохранилъ такимъ образомъ независимость Сциндіи, но за то и оказалъ существенную услугу англичанамъ, ибо по сигналу Сциндіи поднялся бы весь Раджастанъ, начиная отъ Бомбэя до самой Джумны. Въ награду за его услуги Динкуръ Рао былъ пожалованъ кавалеромъ англійскою королевой.

Но какъ ни ловокъ въ политикѣ Динкуръ Рао, нельзя однако не предугадывать, что Сциндіи далеко не оставили намѣренія играть когда нибудь болѣе важную роль въ дѣлахъ Индіи, и что не смотря на ихъ дружественныя отношенія къ верховному правительству, они все-таки разсчитываютъ на великую будущность магаратовъ.

Англичане, зная въ совершенствѣ положеніе края, понимаютъ очень хорошо, что опасность для нихъ заключается вовсе не въ повтореніи возстанія 1857 г., простаго возмущенія ихъ сипаевъ, въ которомъ князья, равно какъ и весь край, не принимали никакого участія; они знаютъ, что ихъ будущими противниками будутъ сейки и магараты, и что тогда имъ придется имѣть дѣло, какъ и моголамъ, съ національнымъ движеніемъ, долго подготовлявшимся и сильно организованнымъ.

Магараджа Сциндія держитъ правильную армію, т. е. поставленную на европейскій ладъ и состоящую изъ двадцати тысячъ человѣкъ; къ этому надо присовокупить почти такое же число иррегулярныхъ, войскъ, составляющихъ гарнизоны внутри страны. Регулярная часть этой арміи обладаетъ многочисленной артиллеріей и современнымъ оружіемъ.

По трактатамъ, Сциндіи не дозволено держать болѣе значительной арміи; но онъ нашелъ средство обойти это запрещеніе: солдаты, послѣ трехъгодичной строевой службы, хотя и оставляютъ армію, но все-таки остаются на жалованьи и на службѣ короля, или въ иррегулярныхъ Rassalas, или дворцовыми служителями, административными или таможенными чиновниками; эти люди, превосходно образованные, замѣщаются новобранцами изъ среды населенія или изъ Rassalas. Увѣряютъ, что благодаря этой системѣ, Сциндія могъ бы выставить, въ короткое время, двойную вооруженную силу противъ дозволеннаго трактатомъ.

Англичане, съ своей стороны, держатъ также три постоянныхъ лагеря—въ Морарѣ, Иганзи и Сипри.

Настоящая столица королевства есть Гваліорка Лашкаръ т. е. лагерь Гваліора. Когда мадгаджи занялъ Индостанъ, онъ расположилъ свою главную квартиру близъ Гваліора, въ королевствѣ Гогудъ. Желая удержать на дѣйствительной службѣ магаратскія орды, которыми онъ предводительствовалъ, и помѣшать имъ слиться съ покоренными

© ГПНТБ СССР

народами, онъ устроилъ въ этомъ мѣстѣ постоянный лагерь, въ которомъ и жилъ самъ подъ грубой палаткой, окруженный своими солдатами. Этотъ лагерь сдѣлался его столицей; онъ выходилъ изъ него грабить сосѣднія страны и укрывался въ немъ въ періодъ дождей. Постепенно палатки замѣнились хижинами, въ которыхъ солдаты обзавелись семьями, основались базары; королевская палатка преобразовалась въ дворецъ — и лагерь сдѣлался городомъ. Въ настоящее время, все еще нося имя Лашкара, это одна изъ самыхъ прекрасныхъ индусскихъ столицъ и цифра ея населенія достигаетъ двухъ сотъ тысячъ душъ.

Дакъ бунгаловъ Гваліора, къ которому мы пристали, расположенъ на равнинѣ, отдѣляющей съ восточной стороны крѣпость отъ города. Онъ помѣщается у подножія живописнаго ряда холмовъ, посвященныхъ богу обезьянъ Гунуману, и у самаго входа въ предмѣстье Катти-Гати (отрѣзанная гора), названномъ такъ отъ глубокой выемки, которую нужно было сдѣлать въ горѣ, чтобы проложить дорогу, соединяющую его съ городомъ. Въ этомъ предмѣстьи находятся лѣтнія резиденціи придворной знати Сциндіи. Это одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстечекъ, какое можно себѣ представить; на днѣ долины раскинулась великолѣпнымъ ковромъ роскошная растительность. Множество разнообразныхъ кустарниковъ, лимонныя и апельсинныя деревья, pamplemousse (большой апельсинъ), распространяютъ опьяняющее благоуханіе, разносимое влажными испареніями многочисленныхъ прудовъ; надъ этими рощами, вдоль террасъ на вершинѣ холма, размѣстились дворцы съ длинными каменными верандами; тамъ и сямъ мелькаютъ чатрисы маленькіе храмы, пестрѣющіе яркими красками, колоннады, бѣлые домики, способствующіе оживленію этого восхитительнаго пейзажа.

Нашей первой заботой по пріѣздѣ въ Гваліоръ было отдать визитъ, состоящему при особѣ Сциндія, маіору Гутчинсону, обитающему въ прекрасной англійской колоніи Мораре, въ семи километрахъ отъ города. Извѣщенный этимъ офицеромъ о нашемъ пріѣздѣ, его высочество магараджа прислалъ намъ слона и одного изъ своей свиты для того, чтобы достойно принять насъ.

Первые дни были посвящены осмотру достопримѣчательностей стараго Гваліора, затѣмъ пундитъ повелъ насъ осматривать Лашкаръ и дворецъ! Городъ раскинутъ на берегу рѣки Сивунрика, черезъ которую перекинуто нѣсколько каменныхъ мостовъ; на первый взглядъ онъ напоминаетъ Бароду. Онъ занимаетъ почти всю небольшую овальную до-

лину, окруженную полуобнаженными холмами, разбросанными у подножія скалы, на которой и возвышается старая крѣпость. Предмѣстья города грязны, прорѣзаны узкими и кривыми улицами, но, чѣмъ далѣе подвигаемся къ центру города, тѣмъ больше встрѣчается широкихъ и прекрасныхъ улицъ, съ красивыми каменными домами, выполненными въ одну прямую линію; на улицахъ кишитъ шумная и пестрая толпа.

На оконечности одной прекрасной, обсаженной деревьями площади, простираются зданія дворца; по своему наружному виду они не представляютъ ничего замѣчательнаго. Выстроенныя нынѣ царствующимъ королемъ, они представляютъ ту смѣсь итальянской и индусской архитектуръ, изъ которой, повидимому, и образовался англо-индусскій стиль. Безполезно говорить, что этотъ стиль безобразный. Въ замѣнъ того аппартаменты дворца расположены съ большимъ вкусомъ и комфортомъ; они очень щеголеваты, прохладны, хорошо вентилированы и выходятъ въ хорошенькіе маленькіе англійскіе садики. Нѣкоторые изъ залъ убраны весьма роскошно; стѣны расписаны фрескамъ, карнизы украшены лѣпною работою; двери и окна убраны тяжелыми драпировками. Въ то время какъ мы осматривали дворецъ, магараджа посылаетъ намъ свои привѣтствія, присоединяя къ этому dâli, — корзинку съ европейскими фруктами и овощами, что здѣсь составляетъ большую рѣдкость и заботливо воздѣлывается въ королевскихъ садахъ.

Вокругъ дворца тянутся казармы, обширныя, прочно выстроенныя, хорошо приспособленныя и чисто содержимыя строенія. Немного далѣе возвышается прежній дворецъ Сциндіевъ, представляющій обширную группу сооруженій въ стилѣ Дига.

Отсюда насъ ведутъ въ королевскую усыпальницу, гдѣ покоятся останки первыхъ Сциндіевъ. Мавзолеи, весьма изящныя часовни, выстроенныя по плану индусскихъ храмовъ. Высокая стрѣла увѣнчиваетъ святилище, которому предшествуетъ граціозный павильонъ, съ куполомъ изъ тысячи коническихъ остроконечій, весьма эфектныхъ на видъ. Въ памятникахъ, столь недавняго и близкаго къ нашей эпохѣ происхожденія, подобная оригинальность въ стилѣ представляется чѣмъ-то удивительнымъ. Камень, употребленный для ихъ постройки, очень твердый песчаникъ пепельнаго цвѣта и такъ тщательно отшлифованный, что только разсматривая вблизи, не примешь его за мраморъ.

Прежде чѣмъ оставить городъ, мы стали розыскивать нѣкоего банкира Лялль Говендъ, на имя котораго банкъ Агры выдалъ намъ век-

сель, т. е. гунди; дрянной лоскутокъ обыкновенной бумаги, на которомъ едва можно было разобрать нѣсколько словъ на нагарскомъ языкѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, мы открыли, наконецъ, въ одной изъ самыхъ темныхъ улицъ Лашкара, маленькую грязную лавчонку, въ которой Лялль торговалъ масломъ; это былъ весьма почтенный, но неопрятный банiанъ изъ касты джаиновъ. Едва мы подали ему бумагу, этотъ банкиръ своеобразнаго покроя изчезъ въ заднемъ помѣщенiи своей лавки и вынесъ намъ немедленно означенную на векселѣ сумму.

Происхожденiе векселя въ Индiи скрывается въ глубокой древности, и это понятно, когда видишь даже еще и теперь, какъ бываетъ опасно перевозить съ собою денежныя суммы. Гунди—это простая записка, начинающаяся возванiемъ къ богу Ганеза и упоминающая о способѣ и срокѣ платежа. На немъ не лежитъ никакого штемпеля или знака, но достовѣрность его гарантируется нѣкоторыми знаками, усвоенными банкирами и только имъ извѣстными. Сдѣлки такого рода представляютъ большую безопасность, чему самымъ вѣрнымъ доказательствомъ служитъ уже то, что европейцы не колеблясь принимаютъ эти гунди, на которыхъ по большей части они не могутъ ничего разобрать, а между тѣмъ ихъ приходится часто получать отъ мизерныхъ на видъ купцовъ, для ихъ корреспондентовъ, живущихъ въ разстоянiи нѣсколькихъ сотъ льё.

Дворъ Гваліора не представляетъ для путешественника привлекательности дворовъ Бароды и Удейпура. Политика и внутреннее преобразованiе края отнимаютъ у принца болѣе времени, чѣмъ празднества и охота; конечно я далекъ отъ того, чтобы порицать это; но не надо также опускать изъ виду и то, что занимая первое мѣсто въ ряду индiйскихъ владѣтелей, его происхожденiе все-таки отодвигаетъ его на самый задній планъ. Въ глазахъ брамина и кшатрiя, не смотря на все свое могущество, онъ не болѣе какъ судра, кунби, человѣкъ послѣдней общественной касты. Это чувствуется тѣмъ болѣе здѣсь, что Гваліоръ есть центръ тѣхъ славныхъ раджпутскихъ странъ, въ которыхъ соединяется все, что носитъ въ Индiи знатное имя. Безсильный противъ непреодолимыхъ кастовыхъ перегородокъ, король живетъ относительно просто, хотя эта простота назвалась бы все-таки у насъ великолѣпiемъ; однако же по пріѣздѣ изъ Удейпура и Джейпура, чувствуешь себя немного раздосадованнымъ отсутствiемъ праздниковъ и торжествъ.

25-го числа маіоръ Гутчинсонъ предупреждаетъ насъ, что мы будемъ приняты магараджей завтра въ дурбарѣ. Отправляясь во дворецъ въ назначенный часъ, мы видимъ улицы Лашкара переполненными тѣсной толпой; всадники на лошадяхъ и на слонахъ направляются къ дурбару; причиной этому служитъ скорый отъѣздъ агента, пользующагося здѣсь общимъ уваженiемъ, и съ которымъ всѣ знатныя лица хотятъ проститься при его послѣднемъ свиданiи съ королемъ. Чубдары дворца принимаютъ насъ у большаго подъѣзда и проводятъ въ залу дурбара, гдѣ мы находимъ маіора и нѣсколько главныхъ англiйскихъ офицеровъ.

Съ высоты балкона мы присутствуемъ на зрѣлищѣ, въ которомъ фигурируетъ самъ Магараджа въ качествѣ отличнаго наѣздника. Сидя верхомъ на великолѣпномъ иманскомъ жеребцѣ, онъ проходитъ всю высшую индiйскую школу верховой ѣзды. Этотъ королевскiй карусель представляетъ очень красивый coup d'oeil; пышно одѣтый король управляетъ лошадью со всею магаратскою страстью; животное подымается на дыбы, прыгаетъ въ сторону, летитъ какъ стрѣла, останавливается какъ вкопанное а затѣмъ опять прыжки, вольты, игра. И лошадь и наѣздникъ убраны одинаково роскошно: это одно сплошное сiяніе драгоцѣнныхъ камней, золота и разноцвѣтныхъ перьевъ на яркихъ отливахъ богатой шелковой ткани. По концамъ арены стоятъ живописныя группы пажей и слугъ въ придворныхъ ливреяхъ, наблюдающихъ картину. Мы привѣтствуемъ послѣднюю эволюцiю восклицанiями: «Wah Mahaga!» и принцъ сходитъ съ лошади.

Пройдя до конца залу дурбара, онъ садится на тронъ, украшенный золотомъ и серебромъ; по правую его руку на другомъ, меньшемъ тронѣ помѣщается принцъ наслѣдникъ, его пріемный сынъ, заступившiй мѣсто его умершихъ двухъ сыновей. Съ каждой стороны залы идетъ двойной рядъ креселъ, на которыхъ возсѣдаютъ знатныя лица и придворные.

Маіоръ представляетъ насъ его высочеству, который подымается съ мѣста, подаетъ намъ руку и бесѣдуетъ съ нами нѣкоторое время.

Его высочества Магараджа Сiаджи Синдiя человѣкъ съ весьма замѣчательной физіономiей. Онъ высокъ ростомъ, очень смуглъ и довольно плотенъ. Съ перваго взгляда производитъ непрiятное впечатлѣніе его изрѣзанный морщинами лобъ, грубыя линiи его рта и что-то меланхолическое и дикое въ выраженiи всего его лица; но вглядѣвшись пристальнѣе, видишь, что черты полны достоинства а взглядъ очень симпатиченъ. Ему всего лишь 33 года, но онъ кажется гораздо старше. Онъ обладаетъ природнымъ недостаткомъ, который сообщаетъ ему

ОТПЕЧАТОК

большую застѣнчивость, когда онъ находится глазъ на глазъ съ иностранцемъ. Когда онъ приходитъ въ смущеніе, то начинаетъ заикаться, такъ сильно, что не въ состояніи выговорить ни одного слова. По правдѣ говоря, я не знаю для кого тяжелѣе это заиканье, для самого ли принца, или для собесѣдника, такъ какъ извѣстно, что этотъ недостатокъ приводитъ ежеминутно въ такое положеніе, когда бываетъ очень трудно сохранить серьезный видъ.

Чтобы избавить короля отъ необходимости говорить слишкомъ часто, въ Гваліорѣ придумали вводить на общественные дурбары баядерокъ, которыя выстроившись на концѣ залы, въ продолженіи всей аудіенціи не перестаютъ пѣть. Присутствіе этихъ очаровательныхъ существъ, съ ихъ прекрасными глазами и блестящими костюмами, кладетъ нѣкоторый отпечатокъ на однообразную церемонію дурбара, но крикливый ритмъ ихъ пѣнія мѣшаетъ нѣсколько слѣдить за труднымъ словоизверженіемъ короля.

Я имѣлъ удовольствіе быть представленнымъ на дурбарѣ сэру Динкуру-Рао, славному министру, о которомъ я упоминалъ выше. Это благородный и достойный старикъ, который одинаково заслужилъ бы удивленіе во всякой другой странѣ. Онъ принадлежитъ къ кастѣ браминовъ и носитъ костюмъ Мага-Рахтра. Мы долго съ нимъ бесѣдовали и я получилъ отъ него многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія. Въ теченіи этого времени политическій агентъ и генералъ Т. доказываютъ, что обладаютъ большимъ терпѣніемъ, такъ какъ имъ приходится занимать его высочество.

Раздача attegrap'a, которою завершаются всегда дурбары производится здѣсь съ нѣкоторою торжественностью. Каждый изъ присутствующихъ получаетъ муслиновый платокъ, который онъ и держитъ въ правой рукѣ, не зная куда его дѣвать; магараджа встаетъ затѣмъ и переходя отъ одного европейца къ другому, орошаетъ его платокъ розовой водой, даетъ ему нѣсколько пригоршней листьевъ бетеля, ареки и кардомона и обвиваетъ его руки и шею длинными гирляндами mindis. Одинъ изъ министровъ беретъ на себя трудъ продѣлать тотъ-же церемоніалъ по отношенію къ туземцамъ. Затѣмъ европейцы по очереди подходятъ къ трону, жмутъ руки короля и наслѣднаго принца и выходятъ въ сопровожденіи чубдаровъ и баядерокъ.

Прощаясь со мною, маіоръ Гутчинсонъ даетъ мнѣ karitas, рекомендательныя письма къ Раджѣ Дуттія и Субѣ-Джанси; въ тоже время онъ увѣдомляетъ меня, что магараджа предоставилъ въ наше распо-

ряженіе конвой, который будетъ насъ сопровождать черезъ Бунделькундъ. Въ самомъ дѣлѣ, при входѣ въ бунгаловъ, я нахожу вакиля, который вводитъ меня во владеніе моими новыми слугами. *Совари* разбили уже свои маленькія палатки, развели бивуачные огни, лошади на привязи, а копья и ружья поставлены въ козлы; тутъ же радомъ восемь огромныхъ верблюдовъ пережевываютъ жвачку. Группу дополняютъ одинъ гаркара, два саниваллаха и нѣсколько верблюдо-вожатыхъ.

Вакиль представляетъ насъ всѣмъ этимъ господамъ, и прочитавши имъ приказъ магараджи, въ силу котораго они дѣлаются нашими слугами, онъ прощается съ нами и идетъ передать своему господину наши пожеланія и благодарность.

ОТТИСКОВАН

XXXV.

Королевство Дуттіахъ.

Отъѣздъ изъ Гваліора. — Нашъ караванъ. — Бунделькундъ.— Гурдео Спингъ и невольникъ Бунди. — Княжества Бунделасъ. — Дуттіа. — Дворецъ Бирсингъ Део.—Mindi или henné.—Околѣвшій верблюдъ.—Свиданіе съ Рао магараджей Дуттіаха.—Канатные плясуны.—Священная Гора Сунагуръ.—Факиръ Священнаго цвѣтка.—Лѣса pâlas,—Пагуди.

28-го января.—Мы оставляемъ ночью бунгаловъ Гваліора и при восходѣ солнца переправляемся черезъ скалистые склоны Нарварскихъ Гатовъ. Скалы образуютъ закругленныя группы, раздѣленныя небольшими долинами; послѣднія прорѣзываютъ нѣсколько ручейковъ, окаймленныхъ тамарискомъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, а каламы издаютъ рѣзкіе звуки степнаго пѣтуха.

Нашъ караванъ извиватясь длинною лентою, предтавляется живописною картину. Впереди всѣхъ ѣдемъ мы съ Шамбургомъ на нашихъ бѣлыхъ дромадерахъ, великолѣпныхъ sanis изъ Раджпутаны покрытыхъ изящными шелковыми попонами съ красными галлунами. Позади насъ ѣдетъ авангардъ нашихъ соваровъ, представляющихъ такую коллекцію типовъ, при видѣ которой наши художники любители востока, просто обмерли бы отъ радости; всѣ въ болѣе или менѣе живописныхъ лохмотьяхъ, такъ какъ новыя одѣянія оставлены ими въ городѣ; они ѣдутъ верхами на маленькихъ горячихъ лошадкахъ, убранныхъ въ магаратскомъ вкусѣ; вмѣсто сѣделъ на нихъ простыя, прикрѣпленныя подпругами, подушки, недоуздокъ замѣняетъ веревка, удила же стальныя съ зубчиками. Каждый совари получаетъ отъ казны длинное ружье съ фитилемъ, индусской работы къ которымъ не слѣдуетъ относиться съ пренебреженіемъ такъ какъ ружья этого устройства бьютъ очень вѣрно и на далекое разстояніе; нѣкоторые присоединяютъ къ этому оружію еще длинное копье или рогатину съ желѣзнымъ наконечникомъ, другіе берутъ кромѣ того пистолеты, но всѣ вообще вооружены нѣсколькими кинжалами, катарами и тарварами съ закругленнымъ лезвіемъ. Типы ихъ представляютъ такое же разнообразіе, какъ и ихъ одежды: тутъ есть и раджпуты и уроженцы Деккана и патанцы; всѣ они храбры, молодцоваты на видъ, охотники до путешествій, а въ особенности до грабежа, всегда веселы и покорны. За ними подвигается туловище каравана; тутъ ведутъ подъ уздцы лошадей и тяжело навьюченныхъ верблюдовъ, съ возвышающимися на ихъ спинахъ цѣлыми горами тюковъ и сундуковъ; иногда можно увидать на нихъ самые странные и разнородные предметы, какъ то куръ, обезьянъ, а также молодыхъ баядерокъ, сопровождающихъ шествіе. По бокамъ идутъ гуттваллахи, (вожаки вьючныхъ верблюдовъ), слуги и саисы; наконецъ нѣсколько совари составляютъ арріергардъ.

Вся эта публика поетъ, горланитъ, куритъ, и вдыхаетъ полною грудью живительный воздухъ джунгля, которому индусъ обязанъ всѣми своими хорошими качествами; посмотрите въ джунглѣ на того самаго человѣка, котораго вы видѣли въ городѣ угрюмымъ, вѣчно недовольнымъ, тяготившимся малѣйшей работой; куда дѣвались его лѣнь, его пасмурный видъ? Онъ сдѣлался шумно веселъ и добродушенъ, неутомимъ въ трудѣ, даже въ такомъ, который не прямо падаетъ на него: тѣхъ самыхъ людей, которые, казалось, постоянно замышляли нѣчто противъ васъ и вашихъ интересовъ, вы находите вдругъ вѣрными и преданными; угрожаетъ ли вамъ опасность они тутъ уже, около васъ: надуваетъ ли васъ крестьянинъ или такуръ, они уже отстаиваютъ васъ съ удивительнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ. Объяснить эту перемѣну, помимо несомнѣннаго вліянія воздуха джунгля, можно еще другимъ образомъ; находясь въ дорогѣ, европеецъ живетъ посреди своихъ людей, онъ узнаетъ ихъ и привыкаетъ къ нимъ, равно какъ и они къ нему; кротко обращаясь съ ними онъ интересуется ихъ нуждами, принимаетъ участіе въ ихъ трудахъ и лишеніяхъ; ласка и привѣтливость скоро дѣйствуютъ на индуса и такимъ образомъ отъ него добиваются того, чего не могли бы сдѣлать никакіе побои, никакія угрозы. Кромѣ того, туземецъ на службѣ европейца, когда живетъ въ кругу своихъ, страдаетъ внутренно отъ нѣкотораго недовѣрчиваго или непочтительнаго къ нему отношенія; это его раздражаетъ; въ джунглѣ, напротивъ, онъ становится представителемъ сагиба, онъ чувствуетъ себя почти европейцемъ, и въ виду уваженія, которое оказываетъ къ его слову крестья-

нинъ или даже и городской житель, онъ возвышается въ собственномъ мнѣніи.

Къ восьми часамъ, мы выѣзжаемъ изъ холмовъ; у хорошенькаго, небольшаго городка Антри начинаются красивыя открытыя равнины, мѣстами усѣянныя оторванными другъ отъ друга остроконечными пригорками. Мы проѣзжаемъ множество цвѣтущаго вида деревень, между прочимъ мѣстечко Симурія, живописно размѣстившееся этажами на укрѣпленной скалѣ, а къ десяти часамъ, добираемся до маленькаго раззореннаго бунгалова, отстоящаго на ружейный выстрѣлъ отъ деревни Дабра. Мимо этой деревни протекаетъ рѣка Синдъ, отдѣляющая Бунделькундъ отъ владѣній Синдія.

Подъ именемъ Бунделькунда, или страны Бунделасовъ, разумѣютъ всю гористую мѣстность, простирающуюся между верхнею нагорною равниною Виндіасовъ и Джумною отъ рѣки Синда на западѣ до Тонзы на востокѣ. Этотъ край представляетъ очень неровную почву; развѣтвленія Виндіасскихъ горъ покрываютъ его небольшими горными цѣпями, образующими узкія долины, по которымъ прокладываютъ себѣ путь рѣки, вливающіяся затѣмъ всѣ въ Джумну; главныя изъ нихъ суть Бетва, Дессаунъ и Кейнъ. Въ сѣверной части еще встрѣчается нѣсколько хорошо воздѣланныхъ равнинъ и густо населенныхъ, но остальной край представляетъ сплошной, почти дѣвственный лѣсъ, гдѣ лишь изрѣдка попадаются расчищенныя мѣста. Лѣса Бунделькунда считаются одними изъ лучшихъ въ Индіи; произрастая на возвышенной, хорошо орошаемой и близкой къ дорогамъ мѣстности, они заключаютъ въ себѣ самыя богатыя произведенія сѣвера и юга, mhowah, bâr, kameхy, sâl, камедныя и тиковыя деревья. Ихъ дикіе обитатели находятъ безъ труда въ нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ все то, что земледѣліе доставляетъ самымъ трудолюбивымъ народамъ.

Бунделькундъ не всегда былъ, однако, тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь; многочисленные, находимые въ немъ предметы искусства, огромныя плотины, развалины большихъ городовъ, все доказываетъ, что тутъ жилъ еще задолго до нашей эры промышленный и цивилизованный народъ.

Въ третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова онъ составлялъ часть государства Биндусара и былъ долгое время тѣсно связанъ съ судьбой Магада. Затѣмъ изъ него образовалось подъ именемъ Янъявати могущественное королевство, процвѣтаніе котораго констатируется намъ китайцемъ Гіуэномъ-Чангомъ, проѣхавшимъ по немъ въ седьмомъ вѣкѣ. Вѣкомъ позднѣе, его наводнили раджпутскія племена клана Шандѣла и утвердились

въ Магобѣ и Каирагѣ; владычество ихъ было подорвано въ двѣнадцатомъ вѣкѣ делійскими Шоганами, незадолго до мусульманскаго вторженія. Съ этихъ поръ, край утратилъ всякую политическую самостоятельность, онъ сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ владѣтелей, у которыхъ татары отняли власть, и распался на множество отдѣльныхъ княжествъ, управлявшихся ничтожными предводителями бандитовъ, которые, существуя лишь однимъ грабежемъ, довершили гибель страны.

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Гурдео-Сингъ, одинъ раджпутскій князь изъ племени гургварасовъ, взявъ себѣ въ жены невольницу бунди, былъ изгнанъ изъ касты кшатріевъ. Онъ оставилъ Раджпутану и поселился при дворѣ одного царька въ центральной Индіи, столица котораго, Гургъ-Кураръ, возвышалась на берегахъ Бетвы. Нѣсколько лѣтъ спустя по его пріѣздѣ, королевскій сынъ влюбился въ дочь невольницы и просилъ у Гурдео ея руку; этотъ же поставилъ условіемъ, чтобы король и его приближенные присутствовали на свадебномъ обѣдѣ, приготовленномъ, руками бунди и такимъ образомъ утратили бы, какъ нѣкогда онъ самъ, званіе кшатрія. Изъ любви къ своему сыну, старый монархъ поборолъ свои предразсудки и уступилъ, такъ что въ назначенный день весь дворъ собрался на обѣдѣ у Гурдео. Гостямъ были поданы одуряющіе напитки по большой части съ примѣсью опіума; не будучи въ состояніи сопротивляться, всѣ они пали затѣмъ подъ ударами наемныхъ убійцъ. Освободившись этимъ способомъ отъ королевскаго семейства, Гургвара овладѣлъ тономъ, а вскорѣ за симъ и всею страною.

Его сыновья, вмѣстѣ съ многочисленными сообщниками, которые соединились вокругъ него, образовали новый кланъ подъ именемъ Бунделасовъ или дѣтей рабыни и дали краю его настоящее имя Бундела-Кундъ, которое англичане, по своему обыкновенію, успѣли переиначить въ Бунделькундъ.

Бунделасы все еще продолжаютъ величать себя раджпутами, но другія племени Раджастана, считающія ихъ отверженцами, отказываютъ имъ въ этомъ титулѣ и не могутъ имѣть съ ними никакихъ сношеній. Одаренные всѣми физическими качествами раджпутской расы, въ нравственномъ отношеніи они ничего не удержали изъ нея кромѣ дерзкой отваги; всѣ они вообще отличаются лукавствомъ и жестокостью; у раджпутовъ есть пословица: лжетъ какъ бунделасъ. Впрочемъ, съ точки зрѣнія индусовъ, всѣ расы Бунделькунда одинаково нечисты. Эти дикія страны сдѣлались, нѣкогда убѣжищемъ для всѣхъ преступниковъ, для всѣхъ исключенныхъ изъ касты, для всѣхъ разбойниковъ и политическихъ

ОТПЕЧАТАНО

изгнанниковъ, которые, слившись съ аборигенами края, ятами, сапреасами и гундсами, основали новыя касты, служащія для прочихъ индусовъ предметомъ отвращенія. Такъ, браминъ Бундельку нда ѣстъ козлятину, не брезгуетъ бараниной и злоупотребляетъ крѣпкими напитками; браминскаго осталось въ немъ лишь одно имя, которымъ онъсамъ себя назвалъ.

Даже и въ наше время еще, Бундельку ндъ остался классической страной бандитовъ; эти то черные, непросвѣтные лѣса видѣли зарожденіе ужасной религіи туговъ и пріютили первыя шайки Пиндариса; на этихъ то, покрытыхъ вѣковыми деревьями равнинахъ, банды неуловимаго Типпу Сагиба ставили въ 1858 году англійскую армію въ безвыходное положеніе и приводили ее буквально втупикъ; здѣсь же кровожадный Нана Сагибъ, виновникъ коунпорской рѣзни, скрывался впродолженіи многихъ лѣтъ и въ концѣ концовъ все таки успѣлъ безслѣдно ускользнуть отъ поимки. Скажемъ въ заключеніе, что здѣсь же появились года три или четыре тому назадъ Дакоиты, новая секта отравителей и убійцъ.

Ничто еще не даетъ возможности предвидѣть дня, когда этотъ край выйдетъ изъ состоянія варварства; онъ, какъ будто, совсѣмъ затерянный уголокъ въ серединѣ Индіи; черезъ него не проходитъ ни одного значительнаго тракта; ни одна желѣзнодорожная вѣтвь не приближается къ нему.

За исключеніемъ нѣсколькихъ не важныхъ пунктовъ, онъ весь находится подъ управленіемъ раджей и распадается на тридцать семь княжествъ, изъ коихъ самое значительное можетъ имѣть площадь, въ три тысячи пятьсотъ квадратныхъ километровъ, а самое меньшее всего отъ тысячи шестисотъ до тысячи восьмисотъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть: Дуттіахъ, Урча-Тегри, Чуттерпоръ, Паннахъ, Чиркари и Мигере.

Все населеніе Бундельку нда опредѣляется нѣсколько болѣе чѣмъ въ два съ половиною милліона жителей, на пространствѣ въ двадцать восемь тысячъ квадратныхъ километровъ. Эта значительная пропорція относится главнымъ образомъ къ сѣвернымъ мѣстностямъ, такъ какъ въ другихъ, рядомъ съ весьма населенными центрами, находятся обширныя, пустынныя пространства.

Эта одна изъ наименѣе извѣстныхъ областей Индіи: дурная слава ея жителей и общее установившееся мнѣніе, что въ ней не сохранилось ни одного любопытнаго памятника, удаляли отъ нея до сихъ поръ всѣхъ путешественниковъ.

29 января.—По утру мы переѣзжаемъ черезъ Синдъ, составляющій

здѣсь границу королевства Дуттіахъ. Это значительная рѣка. Ложе ея болѣе чѣмъ въ одинъ километръ шириною, стиснуто въ высокихъ берегахъ; теченіе довольно быстро, такъ что переходъ въ бродъ становится, затруднительнымъ. По другую сторону ея разстилается прекрасная, слегка волнистая равнина.

Къ десяти часамъ, дорога извивается посреди богатой растительности, покрывающей возвышенности Дуттіяха; тамъ и сямъ показываются охотничьи houdis, прилѣпившіеся къ краямъ обрывовъ; это доказываетъ, что долины изобилуютъ дичью. Проѣхавъ одно очень дикое ущелье, мы вдругъ замѣчаемъ у нашихъ ногъ столицу бундела, живописно раскинувшуюся посреди длинной цѣпи озеръ и лѣсовъ.

Видъ ея очень живописенъ; надъ низенькими домами, крытыми красной черепицею, поднимаются многочисленныя стрѣлки храмовъ, а поверхъ всего два огромныхъ четыреугольныхъ отрубка, увѣнчанныхъ куполами и колокольнями, которые мои люди называютъ королевскимъ дворцомъ.

Стража останавливаетъ насъ у городскихъ воротъ; начальникъ караула подбѣгаетъ къ намъ съ привѣтствіями и проситъ насъ подождать прихода вакиля. Дѣйствительно, послѣдній приходитъ спустя нѣсколько минутъ и сообщаетъ намъ что раджа, извѣщенный агентомъ Гваліора о нашемъ скоромъ прибытіи, велѣлъ приготовить намъ помѣщеніе внѣ городской черты. Мы идемъ вдоль стѣнъ въ сопровожденіи вакиля и вскорѣ приближаемся къ хорошенькому маленькому бунгалову, живописно прилѣпившемуся къ большому лѣсу, на берегу Игиля. Съ веранды его открывается восхитительный видъ; нѣсколько могилъ на берегу озера, осѣненныхъ многочисленными финиковыми деревьями, представляютъ прекрасный передній планъ пейзажа; по другую сторону площадки возвышается старый дворецъ Бирсингъ Део, великолѣпно увѣнчивающій небольшую возвышенность, всю затонувшую въ зелени садовъ; немного далѣе разстилается обсаженная деревьями набережная, окаймленная изящными виллами, доходящими до красивой волнистой линіи холмовъ и пригорковъ; наконецъ отъ озера до самой лѣсной опушки тянутся роскошнымъ изумруднымъ ковромъ рисовыя поля. Въ бунгалові нѣсколько комфортабельныхъ комнатъ; что же касается до нашего конвоя, то онъ расположился подъ сосѣдними деревьями, дающими ему тѣнь и прохладу.

Вечеромъ, я принимаю пословъ раджи, явившихся къ намъ по установившемуся обычаю, съ подарками и привѣтствіями.

Королевство Дуттіахъ одно изъ самыхъ важныхъ владѣній Бундельку нда. Отрѣзанное, болѣе столѣтія тому назадъ, отъ территоріи Урча, оно на-

ОТПЕЧАТОК

ходится теперь подъ покровительствомъ Англіи, которой платитъ легкую дань. Его площадь не превышаетъ тысячи трехъсотъ пятидесяти квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ двѣсти тысячъ душъ. Доходы раджи простираются отъ десяти до двѣнадцати лаковъ рупій.

30-го января.—Раннимъ утромъ присылаетъ намъ раджа экипажи и камдара, уполномоченнаго показывать намъ столицу.

Дуттія городъ относительно новый; онъ ведетъ свое начало лишъ съ пятнадцатаго столѣтія. Городъ окружаетъ толстая стѣна, въ тридцать футовъ высоты, сидящая на скалѣ безъ рва и гласиса, и которую мѣстами поддерживаютъ круглыя башни. Внутрь ограды ведутъ нѣсколько укрѣпленныхъ воротъ съ гауптвахтами.

Прежде всего, при входѣ въ городъ, васъ поражаетъ его необыкновенная чистота; по сторонамъ кривыхъ, вымощеныхъ макадамомъ, улицъ текутъ ручьи; всѣ дома съ кокетливыми кирпичными фасадами и маленькими каменными крылечками; жители очень опрятно одѣты и кажутся веселыми и трудолюбивыми.

Храмовъ много и всѣ они совершенно особеннаго стиля; они состоятъ вообще изъ квадратной часовни, съ водруженной на ней иногда конической, иногда пирамидальной высокой стрѣлой, съ четырьмя минаретами по бокамъ. Стѣны лишены скульптурныхъ украшеній, а просто раздѣлены на филенки съ рельефными карнизами. Двѣ колонны поддерживаютъ маленькій навѣсъ надъ крыльцемъ. Внутренность отличается той же простотой: расписанныя стѣны, алтарь и лингамъ Исвара. На концѣ стрѣлъ водружены большіе металлическіе диски или же золоченые трезубцы.

На западъ отъ города возвышается дворецъ Бирсингъ Део, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ бунделасской архитектуры. Это четыреугольная масса шириною въ сто метровъ съ каждой стороны и въ тридцать футовъ вышиною; центральный куполъ поднимается надъ поверхностью террасы еще на сорокъ пять метровъ. Фасадъ состоитъ изъ четырехъ этажей, раздѣленныхъ великолѣпными рѣшетчатыми каменными балконами и рядами оконъ съ пилястрами; въ серединѣ помѣщается порталъ въ стилѣ джаиновъ, надъ которымъ красуются четыре весьма изящныя ложи. Пять куполовъ увѣнчиваютъ вершину. Вся эта гранитная масса лежитъ на сводахъ террасы въ двѣнадцать метровъ высоты. Въ комнаты первыхъ двухъ этажей свѣтъ проникаетъ только въ окна лицеваго фасада, на дворѣ же оконъ нѣтъ; это огромныя залы, съ выведенными дугою сводами, поддерживаемыми большимъ количествомъ столбовъ; стѣны расписаны замѣчательными фресками. Дворъ, или скорѣе дворцовая терраса, лежитъ на сводахъ втораго этажа; она окружена двухъэтажными постройками; въ серединѣ ихъ подымается четыреугольная башенка, состоящая изъ четырехъ этажей и съ высокимъ куполомъ на верхушкѣ. Въ этой башенкѣ помѣщались частные королевскіе покои, гдѣ мѣстами сохранились еще слѣды мозаики и живописи; каждый изъ ея этажей сообщается съ соотвѣтствующими этажами дворца посредствомъ каменныхъ мостиковъ, поддерживаемыхъ колоннадами изъ краснаго песчанника.

Все въ этомъ зданіи смотритъ мрачно и величественно; сейчасъ видишь на немъ отпечатокъ геніальнаго человѣка, этого короля Бирсингъ Део, этого знаменитаго бунделасскаго бандита, имя котораго за три столѣтія до насъ сдѣлалось легендарнымъ. Огромные размѣры дворца сдѣлали его совершенно необитаемымъ; маленькій теперешній придворный штатъ Дуттіи окончательно заблудился бы въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ комнатъ и переходовъ; по этому онъ оставленъ на долю совъ и вампировъ.

Отсюда мы идемъ въ цитадель, расположенную въ центрѣ города; она окружена толстою оградой, по краямъ которой стоятъ большія, круглыя башни. Здѣсь нѣтъ ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ дворца королевы-матери,—группы изящныхъ павильоновъ посреди роскошнаго цвѣточнаго ковра. У подножія стѣнъ находится Топъ кана, арсеналъ Дуттіи, заключающій въ себѣ нѣсколько старинныхъ пушекъ и коллекцію стараго оружія.

Камдаръ ведетъ насъ затѣмъ осматривать новое училище, устроенное нынѣшнимъ королемъ. Тутъ мы находимъ до сотни учениковъ; всѣ они приходящіе и проходятъ курсъ элементарныхъ наукъ, а также языковъ персидскаго, урду, гинди и англійскаго. Всѣ профессора вышли изъ бенаресскаго университета. Заведеніе хорошо содержится, а ученики кажутся хорошо дисциплинированными.

На пути нашемъ стоитъ нынѣшній дворецъ, помѣщающійся на маленькомъ возвышеніи съ южной стороны города. Это довольно большое зданіе въ нѣсколько этажей; нижняя часть его въ бунделасскомъ стилѣ, а верхняя въ англо-итальянскомъ, что сообщаетъ ему довольно безобразный видъ.

За предѣлами города, камдаръ останавливаетъ наше вниманіе на многочисленныя барки, съ которыхъ ловятъ въ прудахъ рыбу, кажется весьма успѣшно. Эти пруды изобилуютъ рыбою и маленькими чере-

ОТПЕЧАТОК

пахами. Рыбы совершенно особеннаго рода; кожа ихъ черная, скользкая, а голова, четыреугольная какъ у лягушки, имѣетъ кромѣ того двѣ параллельныя перепонки, равныя, по длинѣ, тѣлу животнаго; по наружному виду онѣ имѣютъ нѣкоторую аналогію съ ахосll мексиканскихъ озеръ. Мясо ихъ довольно нѣжно. Но главнымъ продуктомъ этихъ *гиглей* или прудовъ служитъ водное растеніе изъ рода лотусовъ, рѣпообразный корень котораго употребляется въ пищу; оно растетъ въ водахъ средней глубины и доходитъ своими стеблями до самой поверхности; его обрываютъ желѣзными граблями. Барки, употребляемыя на этихъ прудахъ, суть не что иное, какъ простые древесные стволы, отесанные и выдолбленные, которыми управляютъ посредствомъ двойныхъ гребковъ.

Въ садахъ, окружающихъ городъ, воздѣлываютъ въ большомъ количествѣ mindi, или арабское *гинне*. Это граціозное деревцо, въ два или три метра вышиною; его тонкія вѣтви, покрытыя бѣловатою корою, усѣяны многочисленными блѣдно зелеными небольшими листьями, продолговатой формы. На концахъ вѣтвей цвѣты собираются въ длинныя кисти нѣжнаго желтаго цвѣта, распространяющія нѣжное благоуханіе. Этими то цвѣтами перевиваютъ гирлянды, раздаваемыя посѣтителямъ во время оффиціальныхъ церемоній. Главный продуктъ этихъ кустарниковъ извлекается изъ листьевъ; его высушиваютъ и обращаютъ затѣмъ въ порошокъ, имѣющій весьма сильное окрашивающее свойство, который и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ mindi или генне. Порошокъ этотъ зеленоватаго цвѣта; изъ него приготовляютъ тѣсто, употребляемое женщинами почти всѣхъ расъ южной Азіи для окраски въ оранжевый цвѣтъ ладоней, подошвъ и ногтей; тѣсто накладывается просто въ видѣ компресса на то мѣсто, которое желаютъ выкрасить. Цвѣтъ этой краски очень постоянный, не поддается водѣ и держится впродолженіи одной или двухъ недѣль.

Въ бунгаловѣ намъ сообщаютъ скверную новость: у насъ околѣлъ одинъ изъ нашихъ самыхъ сильныхъ вьючныхъ верблюдовъ, внезапно задохнувшись отъ слишкомъ сыраго корма; потеря эта для насъ тѣмъ чувствительнѣе, что верблюдъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ намъ магараджей Сиіндіи. Вскорѣ наши люди, обвязавъ падаль веревками, припрягаютъ къ нимъ другихъ верблюдовъ, которые, брыкаясь, отвозятъ ее на нѣкоторое разстояніе отъ нашей стоянки.

Спустя четверть часа, до нашего слуха доносятся съ той стороны крики и вой; я выхожу изъ бунгалова и вдругъ моимъ глазамъ пред-

© ГПИБ СО РАН

Палиботрская сцена.

ставляется странная картина; вокругъ околѣвшаго верблюда стѣснилась въ фантастическій кружокъ толпа совершенно голыхъ, худыхъ до невозможности, отвратительныхъ на видъ людей; руки ихъ по локоть въ крови; они рычатъ какъ дикіе звѣри; нѣкоторые, вооружившись ножами, рѣжутъ трупъ на длинныя полосы; другіе, погрузивъ руки въ распоротую грудь верблюда, стараются вырвать оттуда сердце и печень. Что за мерзкое зрѣлище! Надо видѣть радость этихъ бѣдныхъ парій *кумаровъ* или *бангисовъ*, при видѣ такой великолѣпной добычи. Мясо! Какъ давно не видали его эти терзаемые голодомъ бѣдняки! Индусское общество отказываетъ имъ въ правѣ, которое предоставлено каждому живому существу, въ правѣ требовать отъ земли ея даровъ; оно поставило ихъ на общественной лѣстницѣ ниже животныхъ и самую жизнь ихъ цѣнитъ дешевле рупіи! При видѣ этихъ жалкихъ существъ, столь кроткихъ, столь безобидныхъ, вѣчно трудящихся и доведенныхъ безжалостнымъ, нелѣпымъ обществомъ до необходимости оспаривать свою пищу у дикихъ звѣрей, грусть вкрадывается въ мою душу и состраданіе заступаетъ мѣсто отвращенія. Вотъ и мать семейства дожидается тутъ же съ дѣтьми, пока мужъ оторветъ лакомый кусокъ, которому суждено принести съ собою къ ихъ жалкому очагу радость и небывалый достатокъ въ пищѣ.

Наступаетъ ночь; паріевъ смѣняютъ гіэны и шакалы. Вплоть до самаго утра продолжается ихъ пиръ и лѣсъ оглашается зловѣщими завываніями. Къ утру остается лишь одинъ обглоданный скелетъ; но и тутъ еще чахлыя собаки оспариваютъ его у воронов и коршуновъ.

31 января.—Днемъ приходитъ камдаръ съ извѣщеніемъ, что магараджа ждетъ насъ на дурбаръ. Мы отправляемся въ путь и высаживаемся изъ кареты у подножія весьма крутой лѣстницы, ведущей ко дворцу, расположенному на вершинѣ холма. Восхожденіе очень утомительно, но за то все время можно любоваться великолѣпною панорамою города и окрестныхъ горъ.

Вакиль принимаетъ насъ на первомъ дворцовомъ дворѣ и ведетъ затѣмъ по безконечному лабиринту переходовъ въ залу дурбара. Эта послѣдняя занимаетъ самую верхнюю террасу дворца, окружена галлереями и помѣщается подъ прекраснымъ замѣняющимъ потолокъ навѣсомъ съ красными и голубыми полосами.

Принцъ встрѣчаетъ насъ у самыхъ дверей залы и приводитъ къ тремъ кресламъ, поставленнымъ на другомъ концѣ террасы. Онъ настаиваетъ, чтобы я занялъ середнее мѣсто и садится по правую мою

© ГПНТБ СО РАН

руку; придворные помѣщаются на подушкахъ, разложенныхъ по всей длинѣ галлереи.

Рао-Магараджа Бувани Сингъ молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, очень стройный съ тонкими и благородными чертами лица, обрамленнаго великолѣпною черною бородою. Онъ въ длинной, парчевой туникѣ и легкомъ бунделасскомъ тюрбанѣ. Вступивъ на престолъ съ тринадцатилѣтняго возраста, онъ былъ руководимъ во время своего несовершеннолѣтія англійскимъ регентомъ. Изъ разговора его сейчасъ можно видѣть послѣдствія заботъ англичанъ объ его воспитаніи; онъ судитъ довольно вѣрно о политическомъ значеніи нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, и говоритъ со мною о Франціи, какъ о странѣ, величіе и слава которой давно ему уже извѣстны. Я первый французъ, посѣщающій его дворъ, но онъ увѣряетъ меня, что мои соотечественники будутъ всегда радушно приняты въ Дуттіи. Прежде чѣмъ мы уѣдемъ онъ обѣщаетъ устроить для насъ охоту и различныя увеселенія. Слуги приносятъ *уттерпанъ* (подарки) и аудіенція закрывается.

На слѣдующій день, мы присутствуемъ на праздникѣ устроенномъ въ честь нашего пріѣзда. Хорошенькія, изящно одѣтыя, молодыя дѣвушки исполняютъ національные танцы, акомпанируя ихъ народными припѣвами, изъ коихъ нѣкоторые не лишены оригинальности. За баядерками слѣдуютъ жонглеры, которые занимаютъ насъ въ теченіи цѣлаго часа своими по истинѣ удивительными штуками и фокусами. Одинъ изъ нихъ беретъ большой волчокъ и, сообщивъ ему быстрое вращательное движеніе, ловко толкаетъ его на кончикъ палки и ставитъ послѣднюю къ себѣ на лобъ; затѣмъ, согласно данному ему приказанію, волчокъ или становится у него неподвижнымъ, или снова начинаетъ вертѣться — и все это продолжается довольно долгое время. Еще они кладутъ въ корзинку изъ ивовыхъ прутьевъ ребенка, закупориваютъ его, и начинаютъ прокалывать корзинку насквозь пиками и саблями, которыя оказываются облитыми кровью; потомъ, они вынимаютъ заключеннаго, совершенно здравымъ и невредимымъ.

Послѣ жонглеровъ являются на сцену акробаты; замѣчательнѣе всего ихъ хожденіе на слабо натянутомъ канатѣ. Держа въ рукахъ балансовый шестъ, а на головѣ цѣлую пирамиду глиняныхъ горшковъ, фигляръ съ босыми ногами подвигается по канату; дойдя до середины, онъ сообщаетъ канату быстрое колебаніе и продолжаетъ сохранять равновѣсіе, держа голову совершенно неподвижно и отклоняясь только тѣломъ въ сторону движенія. Другой акробатъ ходитъ по этому же канату на кончикахъ буйволовыхъ роговъ, привязанныхъ къ его ногамъ какъ ходули. Они по истинѣ изумительные балансеры.

Вечеромъ раджа угощаетъ насъ обѣдомъ въ нашемъ бунгаловѣ.

Въ десити километрахъ на сѣверо-западъ отъ Дуттіи возвышается холмъ Сунагуръ (золотая гора) одинъ изъ самыхъ главныхъ центровъ для богомолья джаиновъ центральной Индіи. По совѣту магараджи мы соглашаемся употребить два дня на его осмотръ и снятіе нѣсколькихъ видовъ.

По выходѣ изъ окружающихъ городъ лѣсовъ, вступаешь въ обширную и плодородную долину, перерѣзанную небольшою цѣпью холмовъ отъ ста до ста пятидесяти футовъ высоты. Эти холмы образуютъ пирамиды изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ разъединенныхъ водою и нагроможденныхъ одна на другую въ живописномъ хаосѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ глыбъ конической формы, очень высоки и поставлены совершенно прямо, какъ друидскіе памятники; туземцы обожаютъ ихъ, считая ихъ природными лингамами и вымазываютъ ихъ красной охрой и масломъ. Иногда сквозь всю эту гранитную массу проходятъ трещины и образуютъ такимъ образомъ узкіе, длинные переходы. Послѣдній изъ этихъ холмовъ есть Сунагуръ; на первый взглядъ онъ представляетъ нѣчто волшебное: вокругъ подножія пирамидальной скалы, покрытой куполами и шпилями, множество храмовъ, и раскинулось хорошенькое, на половину закрытое деревьями, мѣстечко.

У входа въ деревню тянутся фасады прекраснаго караванъ сарая, выстроеннаго для богомольцевъ; въ одной изъ его галлерей мы отыскиваемъ себѣ довольно комфортабельное помѣщеніе.

Деревня не велика; она состоитъ главнымъ образомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пустынныхъ площадей съ торговыми помѣщеніями, изъ огромныхъ монастырей, окруженныхъ высокими стѣнами и обитаемыхъ монахами джаинами. Лѣтомъ она становится центромъ большой ярмарки, на которую стекаются толпы богомольцевъ изъ глубины Раджпутаны и Бегара.

На концѣ главной улицы возвышается прекрасный портал надъ входомъ на священный холмъ. По другую сторону начинается хорошо содержимая, высѣченная изъ гранита дорога, извивающаяся до самой вершины холма, между двумя непрерывными рядами храмовъ.

Эти храмы, числомъ болѣе восьмидесяти, покрываютъ почти все плато и восточный склонъ холма. Они выстроены изъ камня или изъ кирпича и обложены штукатуркой изъ толченыхъ раковинъ, имѣющей видъ и

ОТПЕЧАТАНО

даже почти прочность мрамора. Большинство относится къ шестнадцатому и семнадцатому вѣкамъ; нѣкоторые же однако къ тринадцатому.

Между ними замѣчается большое разнообразіе стилей и формъ; одни простыя часовни съ престоломъ, на которомъ царитъ статуя тиртанкара изъ мрамора, а иногда изъ зеленаго змѣевика; другія-же обширныя зданія съ залами и комнатами для духовныхъ лицъ. Что касается до стилей, то здѣсь можно встрѣтить новѣйшій джаинскій, романскій, готическій и арабскій; можно подумать, что каждый архитекторъ лѣзъ изъ кожи, чтобы создать что нибудь оригинальное и совершенно не похожее на работу сосѣда. Корпусъ зданія вообще у всѣхъ помѣщается на террасѣ; его увѣнчиваютъ одна, или нѣсколько стрѣлъ, окруженныхъ линіей башенокъ, чатрисовъ и небольшихъ минаретовъ. Одинъ изъ этихъ храмовъ представляетъ поразительное сходство съ постройками московскихъ святынь; однако изучая его внимательно, видишь, что архитекторъ заимствовалъ только изъ индѣйскихъ стилей и въ этомъ сходствѣ можно видѣть лишь интересное совпадѣніе. Рядомъ съ этимъ храмомъ возвышается странное зданіе, изображающее гору, Сумеру, индусскій Олимпъ: постройка эта представляетъ четыре круглыя террасы, поставленныя одна на другую такъ, что образуютъ конусъ вышиною въ тридцать футовъ, оканчивающійся маленькой часовней.

Оставляя въ сторонѣ тотъ интересъ, который возбуждаетъ эта замѣчательная группа памятниковъ, Сунагуръ представляетъ путешественнику еще одно изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ; его многочисленные храмы возвышаются этажами посреди колоссальныхъ размѣровъ и граціознаго вида гранитныхъ массъ, какъ бы нависшихъ надъ ними и какъ бы готовыхъ сейчасъ на нихъ обрушиться. Ни одно деревцо, ни одно растеніе не нарушаютъ мрачнаго величія этой картины. Утромъ, когда туманъ разстилается надъ долиной и тысячи золоченыхъ маковокъ, украшающихъ вершину холма, блестятъ подъ лучами восходящаго солнца, вамъ представляется, что передъ вами самъ индускій Олимпъ, плавающій на поверхности лазуревaго моря, окружающаго шаръ земной.

Въ числѣ достопримѣчательностей Сунагура слѣдуетъ помѣстить еще факира, котораго я разъ увидалъ у дверей караванъ сарая и который представляетъ самый отвратительный, какой только можно себѣ представить, образчикъ индусскаго фанатизма. Это былъ гуссаинъ или нищій религіознаго ордена тантрической секты; его лице, обрамленное щетинистой и всклоченной бородой, было нататуировано красными пятнами, изображавшими трезубецъ. Волосы, связанные въ пучокъ, были по-

ложены вокругъ головы въ видѣ остроконечной митры, а худое, совершенно голое тѣло было вымазано золою. Но что было всего ужаснѣе въ этомъ отвратительномъ субъектѣ, такъ это его высохшая и лишенная подвижности суставовъ лѣвая рука, которая была поднята перпендикулярно къ плечу; обмотанная ремнями кисть руки, сжатая въ кулакъ, была прогвождена проросшими насквозь ногтями, изогнувшимися въ видѣ когтей къ ладони. Пустота, образовавшаяся въ кулакѣ, была наполнена землей и изображала вазу, въ которой росла небольшая мирта.

Эта неподвижно вытянутая рука придавала несчастному видъ разгнѣваннаго и грознаго пророка.

Подобные факиры съ вытянутою рукою въ Индіи далеко не рѣдкость; обычай этотъ въ особенности въ употребленіи между гуссеннами. Чтобы достичь этого мученикъ заставляетъ себя привязывать къ стулу, къ которому отвѣсно прикрѣплена желѣзная полоса; къ этой то полосѣ и привязывается его рука; по истеченіи извѣстнаго времени, продолжительность котораго опредѣлить не могу, послѣ острыхъ страданій рука высыхаетъ, суставы ея лишаются подвижности и опустить ее уже становится невозможнымъ. Само собой разумѣется, что народъ относится къ этимъ мученикамъ фанатизма съ благоговѣніемъ и смотритъ на нихъ какъ на воплощеніе божества.

Раджа, по возвращеніи въ Дуттію, продержалъ насъ у себя еще нѣсколько дней. Онъ угостилъ насъ зрѣлищемъ охоты, доставившей богатую добычу, въ числѣ которой находились превосходные образчики синяго быка, по имени nilgau, здѣсь же называемаго rouch.

1 февраля мы прощаемся съ маленькимъ гостепріимнымъ бунделасскимъ дворомъ, а седьмаго числа оставляемъ Дуттію, уѣзжая въ одномъ изъ экипажей Магараджи, въ которомъ доѣдемъ до Иганзи, лежащаго на разстояніи двадцати шести километровъ. Англичане соединили эти два города превосходной дорогой, проложенной по прекрасной слегка волнистой долинѣ.

Великолѣпные палассовые лѣса покрываютъ страну. Паласъ (butted frondosa) превосходное дерево съ узловатымъ стволомъ и, съ вершиною, въ видѣ павильона, образуемаго бархатистой, сине-зеленаго цвѣта листвой, изъ коего свѣшиваются громадныя огненныя кисти; изъ этихъ цвѣтовъ извлекаютъ превосходную красную краску, употребляемую, преимущественно для окрашиванія порошковъ и жидкостей, которыя расходятся въ огромномъ количествѣ во время праздниковъ

голи. Самый лѣсъ очень густъ, переплетенъ ліанами и вьющимися растеніями, изобилуетъ дикими фруктами и даетъ вслѣдствіе всего этого убѣжище превосходной фаунѣ. Въ прогалинахъ скачутъ олени, nilgau лани, а въ чащѣ рыскаютъ по всѣмъ направленіямъ стада кабановъ. По выходѣ изъ этихъ лѣсовъ, взорамъ представляется безплодная и однообразная степь съ каменистой почвой, не поддающейся, повидимому, никакой культурѣ; со всѣхъ сторонъ возвышаются гранитные холмы, скученныя массы которыхъ напоминаютъ tumuli: на гаризонтѣ тянется линія желтыхъ, обнаженныхъ скалъ. Растительность сосредоточивается въ глубинѣ овраговъ, гдѣ глазъ съ трудомъ усматриваетъ подъ навѣсомъ зелени миніатюрные шалиши или гаумсы.

Мы переѣзжаемъ въ бродъ маленькую рѣчку Пагуджъ, образующую восточную границу королевства Дуттіахъ. Недалеко отсюда англичане строятъ мостъ для своей военной дороги, которую часто прерываютъ внезапные разливы этого незначительнаго ручья. Съ другой стороны Пагуджа, покрытая кремнями почва не производитъ ничего кромѣ степной травы изъ которой подымаются тучами стаи перепеловъ. Немного далѣе дорога огибаетъ возвышенную вершину и выходитъ въ долину Иганзи. Мы разбиваемъ лагерь, вокругъ бунгалова англійскихъ временныхъ поселеній.

XXXVI.

Провинція Иганзи.

Иганзи.—Рани и Тантія Топи.—Вожаки медвѣдей.—Бетва.—Барва.—Воздушный лагерь.—Озеро и плотина Бирзингъ.—Ужинъ «дяди».—Ночь на сторожѣ.

Иганзи была, до 1875 года, столицею небольшого княжества, отдѣлившагося въ концѣ прошлаго столѣтія отъ королевства Урча. Ея здоровый климатъ, ея выгодное положеніе возлѣ Бетвы заставили англичанъ выбрать ее мѣстомъ стоянки одного изъ ихъ постоянныхъ лагерей, со времени утвержденія ихъ протектората надъ Бунделькундомъ. Это сосѣдство, не смотря на многочисленныя преимущества, которыя получались отъ него для столицы, все таки приходилось не по вкусу Рани, замѣчательно храброй и красивой женщинѣ, занимавшей въ то время престолъ Иганзи.

Прослышавъ о возстаніи Коунпора и Лукнова, въ 1857 году, она сочла минуту удобною для того, чтобы сбросить съ себя это тяжелое рабство и, поднявъ первая знамя возмущенія въ Бунделькундѣ, велѣла перебить весь европейскій гарнизонъ Иганзи. Покончивъ съ этимъ, она собрала небольшую армію и, принявъ начальствованіе надъ нею, стала въ ряды Тантія Топи, знаменитаго предводителя возстанія 1857 года; она сдѣлалась самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ и самымъ преданнымъ его другомъ. Послѣ паденія Дели, Коунпора и Лукнова, Тантія Топи началъ то славное отступленіе черезъ Бунделькундъ, которое въ теченіи цѣлаго года ставило въ тупикъ три англійскія арміи. Но мало по малу кругъ все съуживался, такъ что вскорѣ Тантія былъ вынужденъ укрыться съ горстью вѣрныхъ въ пустыни Виндіасскихъ горъ.

© ГПНТБ СО РАН

Рани Иганзи и тутъ не покинула его; было найдено ея тѣло, все продиравленное ранами, а прекрасное лице сохраняло и по смерти выраженіе ненависти и отчаянія. Въ то самое время, когда она геройски умирала, генералъ сэръ Гюгъ Розъ осаждалъ Иганзи. Такъ какъ крѣпость сильно бомбардировали, то инсургенты вышли изъ нея и укрылись ночью на сосѣдній холмъ, настоящее природное укрѣпленіе. Послѣ ожесточеннаго боя, англичане овладѣли единственною тропинкою, ведшею на плато, и, не давая никому пощады, сбросили весь гарнизонъ въ пропасти, окружающія возвышенность. Та, которая находится теперь у входа въ новыя военныя поселенія, называется, со времени этого ужаснаго отмщенія, Retribution Hill.

Англичане сдѣлали изъ Иганзи первый военный постъ Бундельскунда; они держатъ здѣсь одинъ полкъ бѣлыхъ и два полка сипаевъ съ артилеріею и небольшимъ числомъ кавалеріи. Поселеніе, въ конецъ разрушенное мятежниками 1857 года, отстроилось снова и на болѣе широкую ногу. Что же касается королевства Иганзи, то оно, послѣ присоединенія къ бенгальскому президентству, было въ недавнее время уступлено магараджѣ Синдіи, въ награду за его покорность во время возстанія.

И такъ, городъ и провинція зависятъ непосредственно отъ *суба* или магаратскаго губернатора, къ которому насъ снабдилъ письмомъ отъ короля политическій агентъ Гваліора. Суба, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, посѣтилъ насъ въ бунгаловѣ и привелъ съ собою слона, который долженъ былъ ходить у насъ подъ верхомъ во время нашего пребыванія. Онъ далъ намъ также всѣ желаемыя свѣдѣнія о древностяхъ провинціи и совѣтовалъ въ особенности посѣтить Урчу, древнюю бунделасскую столицу, развалины которой находятся въ нѣсколькихъ километрахъ на югъ отъ Иганзи.

Въ сѣверной части англійскихъ поселеній, небольшой рядъ кургановъ, примыкая къ крѣпостной скалѣ, совершенно замаскировываетъ городъ. Передъ этими возвышеніями разстилается живописное кладбище раджей Иганзи; на первый взглядъ, эти многочисленные мавзолеи, поставленные въ два ряда другъ возлѣ друга, образуютъ импозантный монументъ, украшенный безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ и башенокъ; но, когда подойдешь поближе, первое впечатлѣніе разсѣевается и передъ собою видишь лишь нѣсколько небольшихъ часовень, которыя никакъ не могутъ соперничать въ стилѣ съ Мага Сати Агаръ. И однако онѣ считаются самымъ важнымъ памятникомъ Иганзи.

По другую сторону холмовъ виднѣется индусскій городъ, окруженный стѣнами и растянувшійся на открытой пестрѣющей садами долинѣ; одною стороною онъ примыкаетъ къ скалѣ, великолѣпно увѣнчанною цитаделью Бирзинга, а другою стороною развертывается по берегу чудеснаго пруда, окаймленнаго рядомъ высокихъ деревьевъ и гранитными массами.

Теперешній городъ возникъ лишь съ семнадцатаго столѣтія; онъ былъ основанъ Бирзингомъ Део на развалинахъ одного древняго шандельскаго мѣстечка. Не сохранилось ни одного памятника, относящагося къ той эпохѣ, но его широкія, правильныя и обстроенныя красивыми домиками, площади не лишены однако интереса. Здѣсь производится значительная торговля туземными тканями и въ особенности шандельскою кисеею. Эта кисея, изготовляемая на фабрикахъ провинціи Бетвы изъ знаменитаго хлопка Нурмы въ окрестностяхъ Умравати, пользуется заслуженною, громкою извѣстностью и достигаетъ высокихъ цѣнъ; легкость ея такова, что можно цѣлый костюмъ свернуть въ комокъ не больше яблока. Въ Иганси продаютъ также голубыя бумажныя ткани, которыми славится долина Дессаунъ. Народонаселеніе кажется дѣятельнымъ, трудолюбивымъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ бундельцевъ; его опредѣляютъ въ сорокъ тысячъ душъ.

Цитадель и до сихъ поръ еще не утратила своей грозной внѣшности; бомбардированіе 1858 года не повредило высокихъ башень Бирзинга Део, но за то внутренность представляетъ лишь груды развалинъ, обрушившіеся павильоны и известковыя стѣны. Ничего не уцѣлѣло отъ сгаринныхъ дворцовъ; одна лишь природа выдержала эту катастрофу и великолѣпныя, густолиственныя рощи и сады Рани все еще осѣняютъ развалины и засыпанные бассейны.

9-го числа я намѣревался продолжать путешествіе, но мой поваръ, найдя для себя болѣе удобнымъ постоянное мѣсто въ Иганси, чѣмъ наша кочевая жизнь, оставилъ насъ, не предувѣдомивъ объ этомъ заранѣе. Обстоятельство, кажется само по себѣ ничтожное, однако оно поставило насъ въ большое затрудненіе, такъ какъ очень трудно найти здѣсь въ короткое время подходящаго человѣка, а между тѣмъ безъ повара положительно невозможно обойтись въ дорогѣ, ибо, въ силу кастоваго предразсудка, ни одинъ изъ остальной прислуги не можетъ выполнять эту обязанность. Къ счастью, случай на этотъ разъ помогъ намъ и ваканція послѣ нашего невѣрнаго Babourdji была замѣщена на другой же день.

Благодаря этой задержкѣ, я имѣлъ время замѣтить, что Иганси представляетъ своимъ европейскимъ жителямъ весьма мало развлеченій;

мѣсто это можетъ быть обозначено словомъ dull (мертвый, скучный, печальный). Гулянья всѣ очень удалены и чтобы убить какъ нибудь время остаются лишь парады, церковная служба и визиты къ лэди.

Впрочемъ, меня развлекали еще нѣсколько вожаковъ медвѣдей, которые, спустившись съ Гималая направлялись въ Деканъ; эти добрые люди расположились на отдыхъ возлѣ бунгалова и устроили въ честь меня, какъ сосѣда, представленіе или tamasha. Гималайскій медвѣдь ростомъ меньше нашего обыкновеннаго медвѣдя; у него длинный, черный лоснящійся мѣхъ; морда, весьма удлиненная, походитъ на рыло свиньи. Индійцы ловятъ ихъ очень молодыми, продѣваютъ въ носу кольцо и вырываютъ главные зубы; бѣдныя животныя становятся кроткими и послушными, но, достигнувъ зрѣлаго возраста, впадаютъ въ мрачную меланхолію и вскорѣ околѣваютъ. Ихъ заставляютъ плясать подъ звуки тамбурина, танецъ, составляющій кажется, спеціальность всѣхъ медвѣдей на свѣтѣ. Самую интересную часть зрѣлища представляетъ подобіе борьбы между медвѣдемъ и вожакомъ, которою заканчивается представленіе; при послѣднемъ ударѣ палкой, животное, потерявъ повидимому терпѣніе, устремляется на своего хозяина и обхватываетъ его своими ужасными лапами; человѣкъ и животное катаются затѣмъ по землѣ, причемъ рычаніе и крики о помощи сливаются въ одинъ звукъ, потомъ вдругъ звѣрь выпускаетъ свою жертву и становится тихимъ и послушнымъ. Эта маленькая драма всегда производитъ на первый разъ впечатлѣніе и на одну минуту сильно взволновываетъ зрителя. Прибавимъ, что несмотря на броню изъ буйволовой кожи, которую надѣваетъ на себя вожакъ и, не смотря на кротость медвѣдя, все таки случается иногда, что, послѣдній войдя черезчуръ серіозно въ свою роль, просто удушаетъ своего противника такъ, что зрителямъ и въ голову не придетъ поспѣшить на помощь.

10-го числа, въ четыре часа, нашъ караванъ снимается изъ бунгалова Иганси, и мы отправляемся впередъ, назначивъ мѣстомъ встрѣчи съ нашими людьми деревню Барва. Вскорѣ мы уже галопируемъ, въ сопровожденіи двухъ совари, по сухой безплодной и пустынной равнинѣ; лошадиныя копыта громко стучатъ по гранитной почвѣ, усѣянной тамъ и сямъ огромными закругленными массами, часто награможденными одна на другую въ видѣ небольшаго холма; кое гдѣ группы акацій или колючихъ кустарниковъ на берегу рвовъ, оживляютъ нѣсколько этотъ мрачный пейзажъ. Послѣ часовой ѣзды мы замѣчаемъ съ вершины одного утеса славную рѣку Бетву, катящую свои прозрачныя воды посреди

разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ скалъ, возвышающихся на шестьдесятъ футовъ надъ нашими головами; русло рѣки, не меньше какъ въ шестьсотъ метровъ шириною, глубоко зарыто въ высокихъ остроконечныхъ берегахъ. Въ это время года вода весьма низка и теченіе ея едва замѣтно. Мы переправляемся черезъ рѣку въ бродъ; солнце прячется за высоты Иганси; лазуревая водяная скатерть, усѣянная гранитными валунами, блеститъ и искрится радужными оттѣнками, какъ бы неся безчисленныя льдины; противоположный берегъ весь залитъ послѣдними лучами заходящаго солнца; полнѣйшее безмолвіе царитъ надъ этимъ восхитительнымъ пейзажемъ; только лишь топотъ лошадей разносится отчетливымъ эхомъ.

Бетва самая значительная рѣка Бунделькунда; получая начало въ Виндіаскихъ горахъ близъ Бопала, она вливается затѣмъ въ Джумну недалеко отъ Гумирпура, пройдя слишкомъ пятьсотъ километровъ. Жители центральной Индіи считаютъ ее своею священною рѣкою и берега ея, отъ Урча до самаго Раицина, покрыты храмами; вода отличается превосходнымъ вкусомъ и прозрачностью.

На противуположномъ берегу мѣстность быстро мѣняетъ характеръ и принимаетъ веселую улыбающуюся физіономію; почва, увлаженная отводными каналами озера Барвы, покрывается прекрасно воздѣланными полями, а деревни совсѣмъ исчезаютъ въ густой листвѣ великолѣпныхъ манговыхъ деревьевъ.

Вскорѣ мы проѣзжаемъ мимо очень красиваго храма, съ высокой, покрытой скульптурными украшеніями, башней, величественно поднимающейся на вершинѣ холма. Я слѣзаю съ лошади, чтобы лучше его разсмотрѣть; общій видъ его напоминаетъ мнѣ индусскій стиль девятаго или десятаго вѣка; въ своихъ деталяхъ онъ близко подходитъ къ храму Вріи въ Шитторѣ, и, судя по статуѣ, украшающей фронтонъ, посвященъ богу-обезьянѣ Гунуману.

Уже позднею ночью въѣзжаемъ мы въ деревню Барва; тутъ узнаемъ, что постоянный лагерь сагибовъ находится въ древнемъ укрѣпленномъ замкѣ, на берегу озера Барва Сагуръ.

Одинъ туземецъ провожаетъ насъ туда, останавливается у потерны и совѣтуетъ не отваживаться входить однимъ внутрь замка, такъ какъ у него нехорошая репутація: онъ считается будто бы убѣжищемъ хищныхъ звѣрей и притономъ разбойниковъ. Слѣдовательно, самое лучшее, что намъ остается, это-ждать прибытія нашихъ людей. Мы слѣзаемъ съ лошадей и располагаемся въ старинной гауптвахтѣ военнаго караула;

ОТПЕЧАТОК

отсюда только и различаешь черную массу замка, вырѣзывающуюся на фонѣ неба своими зубчатыми башнями. Время между тѣмъ идетъ, а людей нашихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ; философія не въ состояніи долѣе противится требованіямъ желудка, и я посылаю совари добыть намъ въ деревнѣ хлѣба и молока; они возврщаются лишь послѣ часоваго отсутствія такъ какъ, вѣроятно, не легко было найти съѣстныхъ припасовъ; какъ бы то ни было, они все таки приводятъ съ собою двухъ кули, нагруженныхъ провизіей. Конвой нашъ присоединяется къ намъ лишь далеко за полночь; онъ долго плуталъ въ оврагахъ Бетвы по винѣ коварныхъ проводниковъ.

Зажигаются факелы и мы приступаемъ къ осмотру внутреннихъ покоевъ замка. Нижній этажъ занятъ огромными залами съ стрѣльчатыми сводами; окна выходятъ со стороны озера надъ глубокою пропастью. Въ слѣдующій этажъ ведетъ витая лѣстница. Здѣсь въ залахъ помѣщается цѣлая колонія огромныхъ летучихъ мышей-вампировъ или нетопырей именуемыхъ англичанами flying foxes. Эти отвратительныя животныя, встревоженныя свѣтомъ нашихъ факеловъ, начинаютъ летать по всѣмъ направленіямъ, задѣваютъ насъ своими громадными крыльями и врываются въ узкіе корридоры, испуская пронзительные крики. Наконецъ, поднимаясь еще выше, мы обрѣтаемъ множество удобныхъ, небольшихъ, можно даже сказать комфортабельныхъ помѣщеній, гдѣ, благодаря пикникамъ, устроиваемымъ жителями Иганси, имѣются даже столы и стулья. Эти маленькія комнаты, занимающія верхній этажъ дворца, частью расположены вокругъ террасы, съ которой открывается видъ на все озеро.

Къ моему неописанному изумленію, въ ту самую минуту, когда я дѣлаю распоряженіе, чтобы сюда пренесли нашъ багажъ, я вижу вдругъ на самой террасѣ весь нашъ караванъ, съ лошадьми и верблюдами. Это фантастическое появленіе становится для меня понятнымъ, когда мнѣ показываютъ широкую шосированную дорогу, которая кольцомъ охватываетъ замокъ и кончается на верхней террасѣ, лѣпясь мѣстами по уступамъ холма, мѣстамм по аркамъ зданія.

Мы живо устраиваемъ нашъ воздушный лагерь и забываемъ за вкуснымъ обѣдомъ всѣ перипетіи этого дня.

Озеро Барва Сагуръ представляетъ прекрасную водяную площадь въ три километра длины и полъ-километра ширины; это, собственно говоря, *игиль* или искусственное озеро, образованное запрудой однаго изъ притоковъ Бетвы. Оно разстилается посреди долины, окруженной небольшими горными цѣпями, коихъ нѣсколько уединенныхъ, остроконечныхъ вершинъ

образуютъ совершенныя пирамиды. Плотина или запруда, задерживающая его воды, имѣетъ не менѣе километра въ длину; высота около двѣнадцати метровъ, толщина десять, а въ иныхъ мѣстахъ и пятнадцать метровъ. Къ озеру спускается безчисленное множество лѣстницъ; терраса обсажена двойнымъ рядомъ столѣтнихъ деревьевъ и представляетъ великолѣпное мѣсто для прогулки. Неизвѣстно, кому принадлежитъ эта замѣчательная работа; ее приписываютъ великому Бирзингу, но не слѣдуетъ довѣрять общественному мнѣнію, такъ какъ въ Бунделькундѣ хотятъ видѣть во всемъ созданіе этаго знаменитаго короля. Вѣроятно, плотина относится къ болѣе отдаленной эпохѣ и въ царствованіе Бирзинга была просто лишь реставрирована.

Здѣсь то можно основательно судить о пользѣ этихъ громадныхъ сооруженій; вся страна, лежащая ниже уровня озера, представляетъ необыкновенно плодородную почву, тогда какъ по обѣ стороны разстилаются голыя вызженныя равнины. Замокъ расположенъ по бокамъ небольшаго холма, у подножія коего бурлилъ нѣкогда потокъ, обращенный нынѣ въ игиль. Это весьма странная постройка, не имѣющая въ себѣ ничего индускаго и которая по своимъ огромнымъ круглымъ башнямъ и фасадамъ съ стрѣльчатыми окнами была бы скорѣе у мѣста на скалахъ окаймляющихъ Рейнъ. Положеніе его очень удачно выбрано; онъ господствуетъ надъ всею страною, начиная съ Бетвы до самой Урча.

На другой же день нашего пріѣзда, я отправляюсь, съ ружьемъ за спиной, изслѣдовать берега озера; съ высоты замка, я замѣтилъ въ свою подзорную трубку батальоны утокъ, маневрирующихъ въ небольшихъ болотистыхъ заливчикахъ, покрывающихъ противуположный берегъ. Я иду по великолѣпнымъ аллеямъ плотины, останавливаюсь на минуту передъ небольшимъ лѣтнимъ дворцемъ королей Урча и углубляюсь въ джунгль, слѣдуя по окраинѣ озера; между стеблей лотуса бѣгаютъ сотни зуйковъ, маленькихъ голенастыхъ птицъ съ яркими перьями, но я приберегаю заряды для утокъ. Вынужденный сдѣлать обходъ для того, чтобы не попасть въ болото, я неожиданно выхожу какъ разъ напротивъ маленькаго храма, на половину запрятавшагося подъ ліанами и терновыми кустарниками. Это очень любопытное зданіе, въ пятнадцать футовъ вышины, предшествуемое портикомъ, который поддерживается грубо обдѣланными пилястрами; четыре пустыя (безъ идоловъ) часовни выходятъ на эту веранду; на крышѣ каждой изъ нихъ находится небольшая пирамида, заканчивающаяся большимъ каменнымъ шаромъ съ зубчиками. Кругомъ валяются огромные гранитные отрубки, покрытые скульптурными украшеніями

и составляющіе безъ сомнѣнія остатки другихъ разрушенныхъ храмовъ. Этотъ небольшой памятникъ очень интересенъ и заслуживаетъ вниманія археолога; судя по стилю его столбовъ и расположенію часовень, онъ очевидно принадлежитъ къ первой джаинской эпохѣ.

Выйдя изъ храма, я продолжаю идти дальше и вскорѣ съ удовольствіемъ замѣчаю прекрасную стаю дикихъ гусей, перелетающихъ черезъ открытую поляну. Это дикія птицы никогда къ себѣ близко не подпускаютъ, однако мнѣ удается застрѣлить одну изъ нихъ, очень большую, и я возвращаюсь въ замокъ съ хорошо наполненнымъ ягдташемъ.

Я нахожу всѣхъ своихъ спутниковъ въ такомъ восторгѣ отъ нашей стоянки, что рѣшаюсь провести еще нѣсколько дней въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ.

Красота озера и его окрестностей, а также прелестное время года, одни могутъ служить оправданіемъ нашей лѣни.

Первый день проходитъ въ катаньѣ по озеру и въ прогулкахъ по тѣнистымъ рощамъ, идущимъ вдоль плотины. Вся территорія Барвы изрѣзана маленькими ручейками, теряющимися въ рисовыхъ поляхъ. или образующими болота при вступленіи въ джунгль. Тысячи бекасиновъ живутъ въ этихъ привольныхъ для нихъ мѣстахъ, а днемъ снуютъ въ камышахъ. Достаточно разрядить на удачу ружье въ какой нибудь густо поросшій уголокъ, чтобы непремѣнно положить на мѣстѣ нѣсколько штукъ; хотя такого рода охота и считается не достойною хорошаго охотника, однако ею не слѣдуетъ пренебрегать въ дорогѣ, такъ какъ является возможность, въ сравнительно очень короткій промежутокъ времени, обезпечить себѣ вкусное блюдо, что было бы неудобоисполнимо, если бы захотѣть слѣдить за всѣми быстрыми поворотами этихъ пернатыхъ.

Вечеромъ, деревенскіе мальчики устроиваютъ для насъ на озерѣ гонку между собою; ихъ гребныя суда суть не что иное, какъ выдолбленные древесные кряжи, управляемые первобытнымъ гребкомъ. Цѣлью служитъ одинъ бѣдненькій гусь, подстрѣленный мною по утру а теперь выплывшій на самую середину *игиля*. Охота долго не приходитъ къ концу, такъ какъ птица прекрасно ныряетъ, и, въ жару преслѣдованія, не одинъ яликъ опрокидывается, что причиняетъ мнѣ безпокойство за гребцовъ; но мнѣ говорятъ, что въ озерѣ лишь весьма не много крокодиловъ. Наконецъ бѣдная птица, изнемогая отъ усталости, прячется въ одномъ заливчикѣ и вскорѣ одинъ изъ мальчиковъ приноситъ мнѣ ее еще живую. Она представляетъ сильную аналогію съ нашимъ домашнимъ гусемъ: величина одна и та же, но шея нѣсколько длиннѣе; опереніе бѣлое, крылья съ черной каемкой, на головѣ хохолъ, клювъ желтый.

Вскорѣ, сумракъ ночи окутываетъ замокъ, отъ котораго мы еще порядочно далеко; тысячи огней зажигаются на вершинахъ башень и свѣтъ ихъ откидываетъ чудовищныя тѣни отъ причудливыхъ формъ нашихъ верблюдовъ и людей. Такъ и кажется, что приближаешься къ одному изъ тѣхъ сказочныхъ дворцовъ, по близости которыхъ въ лѣсу происходятъ таинственныя собранія волшебниковъ.

Утромъ на другой день я разбуженъ необычайнымъ шумомъ и, выйдя на террасу, нахожу всѣхъ въ большомъ волненіи; всѣ отчаянно жестикулируютъ и ругаются одинъ лучше другаго. Послѣ многихъ повтореній и ненужныхъ словъ, мнѣ удается наконецъ узнать причину этого смятенія. Одинъ изъ нашихъ верблюдовожатыхъ, довѣрившись исключительному положенію нашей стоянки, оставилъ на ночь неспутанными двухъ верблюдовъ; привлеченные запахомъ лѣса, они спустились съ террасы и вышли на поляну; одинъ изъ нихъ къ утру вернулся; другой же подвергся нападенію тигра и былъ найденъ мертвымъ подъ деревьями. Мы идемъ смотрѣть на погибшаго, но поверхностный обзоръ ничѣмъ не обнаруживаетъ недавняго посѣщенія тигра: животное растянулось на землѣ во всю длину, съ отверстою пастью, съ вырванными боками. Вокругъ него почва испещрена слѣдами шакаловъ и гіэнъ, принимавшихъ участіе въ пиршествѣ; только лишь гораздо дальше, подъ кустарниками, открываемъ мы слѣды главнаго преступника, слѣды еще совершенно свѣжіе и обличающіе въ совершеніи злодѣянія тигра или крупную пантеру.

Едва узнаемъ о происшествіи, какъ къ намъ сбѣгаются со всѣхъ концовъ деревенскія бангисы, готовые вторично разыграть сцену въ Дуттіи, но я велю ихъ прогнать. Надо, чтобы преступленіе было отомщено и поэтому трупъ долженъ служить приманкою для того, чтобы можно было убить тигра, каторый конечно явится доканчивать свою трапезу. Собравшіеся мужики оглашаютъ воздухъ криками:« это штука дяди!,» каковой титулъ въ приложеніи къ ужасному звѣрю, заставляетъ меня тотчасъ подумать, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ нибудь особенно знаменитымъ и пагоняющимъ трепетъ тигромъ, и я уже представляю себя новымъ Геркулесомъ, освобождающимъ окрестности отъ опустошающаго ихъ чудовища; но тутъ я узнаю, что эти наивные люди, вѣрные послѣдователи ученія Пифагора, глубоко убѣждены, что духъ ихъ предковъ вселяется по смерти въ тѣло тигра, откуда и происходитъ титулъ «моего дяди»,

ОТПЕЧАТОК

которымъ каждый изъ нихъ величаетъ опасную кошку. Впрочемъ, они думаютъ, что эта родственная связь оберегаетъ ихъ отъ его нападеній и поэтому они гораздо меньше боятся за свою собственную жизнь, чѣмъ за жизнь своихъ домашнихъ животныхъ. Когда они встрѣчаютъ тигра въ джунглѣ, они кричатъ ему, «уходи, дядя!», а животное, смягчившись, по ихъ мнѣнію, этимъ напоминаніемъ о фамильномъ родствѣ съ нимъ, даетъ имъ дорогу, не причиняя никакого вреда.

Днемъ я приказываю устроить сторожку на нижнихъ сучкахъ толстаго дерева, въ тридцати шагахъ отъ убитаго верблюда; едва смеркло, мы съ Шаумбургомъ и двумя совари уже сидимъ въ засадѣ. На землю спустилась одна изъ тѣхъ чудныхъ весеннихъ ночей, какія только можно найти въ Индіи; прохладный воздухъ напоенъ благоуханіями тысячи букетовъ, свѣшивающихся пышными гирляндами съ вѣтвей манговыхъ деревьевъ; небесный сводъ усѣянъ звѣздами, которыя отбрасываютъ длинныя свѣтящіяся полосы на зеркальную поверхность озера. Вотъ явились шакалы, и, собравшись кучками, оглушаютъ насъ своими завываньями, въ которыхъ слышится ликованіе, при видѣ добычи; затѣмъ они, радостно визжа и грызясь между собою, набрасываются на падаль.

Къ часу ночи шакалы и гіены внезапно удаляются: они почуяли приближеніе хозяина. Въ теченіи четверти часа арена пуста и молчалива; но вотъ послышался въ лѣсу трескъ—на опушкѣ чащи является тигръ; онъ подвигается медленно, какъ бы размышляя, нюхаетъ пространство, потомъ, успокоившись, вдругъ прыгаетъ на добычу и рветъ ее съ глухимъ рычаніемъ. Тѣмъ временемъ выплыла луна, заглядываетъ своимъ серебрянымъ рогомъ въ кончикъ озера и вскорѣ освѣщаетъ всю эту странную картину. У подножія стараго фиговаго дерева, рѣзко выдѣляющагося на темномъ фонѣ неба своими большими бѣлыми сучьями, тигръ и его жертва образуютъ фантастическую группу; вокругъ—мрачный, погруженный въ молчаніе лѣсъ. Вдали надъ купами зелени подымается темная громада замка, посеребренная скользнувшимъ по ней лучемъ луны. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мы предаемся созерцанію этого эффектнаго зрѣлища; но вдругъ, при внезапномъ шорохѣ, тигръ приподнимается, съ безпокойствомъ вглядывается по направленію къ нашей сторожкѣ; мы спускаемъ курки, но вѣроятно слишкомъ поспѣшно, такъ какъ однимъ прыжкомъ онъ выскакиваетъ изъ прогалины и исчезаетъ въ джунглѣ.

© ГПНТБ СО РАН

Главныя ворота дворца падишаховъ въ Дели.

Изъ замка прибѣгаютъ люди съ зажженными факелами; нѣсколько капель крови на листьяхъ доказываютъ, что тигръ былъ раненъ, но, по-силѣ его прыжковъ, легко замѣтить, что рана была незначительная. Мы принуждены удовлетвориться этимъ жалкимъ мщеніемъ и утѣшиться, какъ умѣемъ, въ виду непоправимости обстоятельства, лишившаго насъ еще одного вьючнаго животнаго.

1-МАЙ 02

© ГПНТБ СО РАН

XXXVII.

Урча.

Урча, древняя столица Бунделькунда. — Бундельскіе короли. — Дворецъ въ цвѣтахъ. — Цитадель и дворцы. — Храмъ Чуттеръ-Бойе. — Могила Бирзингъ Део. — Приготовленія къ празднеству. — Качнаиръ — Собака и жандармы.

Уртча или Урча, древняя столица Бунделькунда, находится почти въ двѣнадцати километрахъ разстоянія отъ Барвы-Сагуръ и въ такомъ же отъ Иганси. Она и до сихъ поръ покрываетъ своими развалинами обширную скалистую возвышенность на лѣвомъ берегу Бетвы. Цитадель ея помѣщается на островѣ, отдѣленномъ отъ твердой земли узкимъ и глубокимъ рукавомъ.

Только лишь въ 1531 году Пертапъ Ирадъ, десятый потомокъ Гурдео Синга, положившій начало бунделасскому племени, основался на островѣ Бетва. Вѣруя въ будущность новаго города, онъ обвелъ его стѣнами отъ восьми до девяти километровъ протяженія; мѣсто быстро населилось и скоро стало считаться однимъ изъ первыхъ въ ряду большихъ городовъ Центральной Индіи.

Мадгикаръ Саль, внукъ Пертапа, прославился хорошимъ управленіемъ и съумѣлъ снискать себѣ дружбу великаго Акбера; ему обязана Урча многими важными сооруженіями. Но его безмятежное и счастливое царствованіе скоро совсѣмъ затмила блестящая карьера его сына Бирзинга Део. Вступивъ на престолъ въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, князь этотъ, пользуясь беззаботностью падишаховъ, прославилъ себя удачными вторженіями въ плодородныя провинціи Мальвы и Ятовъ и распространилъ власть бунделасовъ отъ Джумны до Виндіаскихъ горъ. Своею безпощадною жестокостью и удивительною смѣлостью онъ нагналъ ужасъ на всю Центральную Индію и заслужилъ прозвище Дангъ или бандита, удержанное за нимъ исторіей. Преклонные годы Акбера были омрачены междоусобными войнами, которыя велись его двумя сыновьями изъ за права престолонаслѣдія. Бирзингъ Део примкнулъ къ партіи принца Селима, того самаго, который сдѣлался впослѣдствіи императоромъ Жеангиромъ, и подъ предлогомъ оберегания интересовъ послѣдняго, могъ дать полный просторъ своимъ честолюбивымъ проискамъ. Ему то довелось разъ встрѣтить недалеко отъ Гваліора министра Акбера Абдель Фазеля, самаго великаго историка, какого когда либо имѣла Индія. Жестоко приказалъ онъ его умертвить и послалъ принцу Селиму окровавленную голову достойнаго старика. Жеангиръ, сдѣлавшись императоромъ, старался удержать за собою поддержку этого сильнаго союзника и утвердилъ его во владѣніи захваченныхъ имъ областей!

Съ этихъ поръ честолюбіе Бирзинга кажется успокоилось и конецъ его царствованія былъ посвященъ внутреннему устройству Бунделькунда. Страна покрылась предметами искусства, дорогами, мостами, плотинами, а столица обогатилась великолѣпными памятниками.

Это время было апогеемъ величія Урчи; ея народонаселеніе значительно увеличилось, а частыя посѣщенія императора сдѣлали ее общимъ центромъ. Но ея паденіе ознаменовалось тою же внезапностью и быстротою, какъ и ея возвышеніе. Преемникъ Бирзинга, Ягаръ Сингъ, пренебрегая искусною политикою своего рода, осмѣлился открыто противостать могольской силѣ; но, разбитый на голову и лишенный престола, онъ былъ замѣненъ своимъ братомъ Пегаромъ, креатурой делійскаго двора, въ отношеніи котораго онъ долженъ былъ признать себя скромнымъ и покорнымъ вассаломъ. Бунделасской имперіи пришелъ конецъ; магараты нанесли ей послѣдній ударъ. Въ настоящее время корона Бирзинга дѣлится между тридцатью семью царьками и Урча, одинокая, заброшенная, представляетъ не болѣе какъ мѣстечко королевства Тери, гдѣ прозябаютъ еще въ тѣни дворцовъ нѣсколько сотъ поселянъ. Такимъ образомъ она являетъ намъ зрѣлище города, который, послѣ блестящей эры благоденствія, отдѣленъ менѣе чѣмъ тремя вѣками отъ своего начала до совершеннаго запустѣнія.

Не смотря на свое относительно недавнее происхожденіе, онъ представляетъ для путешественника одинъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ для изученія. Создавшись разомъ, благодаря молодой и сильной

расѣ, онъ образовалъ совершенно особый, рѣзко очерченный типъ. Все здѣсь грандіозно, полно оригинальности, смѣло по мысли; его дворцы его главный храмъ, могутъ соперничать съ образцовыми произведеніями большихъ индійскихъ школъ.

14-го февраля мы оставляемъ Барву Сагуръ и послѣ двухъчасовой ходьбы по тѣнистымъ рощамъ, окаймляющимъ Бетву, достигаемъ стѣнъ древней столицы. Большіе ворота съ остроконечной аркой, которыя нѣкогда вели въ городъ, нынѣ замурованы; въ городъ проникаешь теперь по довольно узкой потернѣ. Первые городскіе кварталы представляютъ лишь груды обломковъ, осѣненныхъ прекрасными акаціями; тамъ и сямъ тянутся воздѣланные клочки земли, что доказываетъ, что даже во времена своего высшаго процвѣтанія, городъ занималъ не все пространство, которое было ему дано Пертапомъ Ирадомъ. Почва образуетъ скалистую возвышенность, увѣнчанную нѣсколькими постройками. До самой вершины этой отлогости, идутъ все незначительныя развалины, но за то когда доберешься до крайней точки горы, передъ вами открываются вдругъ всѣ диковинки Урчи. По другую сторону плодовыхъ садовъ, образующихъ цѣлый маленькій лѣсокъ, разстилается длинная вереница зданій, спускающихся къ рѣкѣ и сливающихся съ тѣми, которыя покрываютъ острова; сверху, какъ бы нависши надъ ихъ террасами, выдвигается грандіозная масса храма Чуттеръ-Бойе. Въ особенности поражаетъ численность этихъ, донынѣ сохранившихся, обширныхъ сооруженій; трудно не видѣть въ нихъ ряда жилищъ, предназначенныхъ для двора: это цѣлый городъ дворцовъ.

Нашъ проводникъ ведетъ насъ по длиннымъ и узкимъ улицамъ, сжатымъ между высокими стѣнами садовъ и останавливается передъ воротами, съ деревянными половинками, обрамленными длинными гирляндами пятилистнаго плюща. Послѣ многократныхъ ударовъ, разносящихся тысячами отголосковъ по вымершему городу, намъ наконецъ отворяютъ и пропускаютъ совершенно безпрепятственно. Мы проникаемъ въ очаровательный небольшой садикъ, носящій благозвучное названіе Foull Baugh (садъ цвѣтовъ); повсюду мелькаютъ пышныя цвѣточныя клумбы, роскошныя купы кустарниковъ и всевозможныхъ плодовыхъ тропическихъ деревьевъ.

На концѣ сада возвышается цвѣточный дворецъ, граціозный павильонъ, представляющій подлинный типъ бунделасскаго стиля. Нижнему этажу дворца предшествуетъ веранда, поддерживаемая двадцатью четырьмя колоннами изъ краснаго песчанника и образующая такимъ

образомъ открытую со всѣхъ сторонъ залу. Надъ верандой расположена терраса, на которую выходятъ комнаты втораго этажа; вокругъ этой террасы, принадлежавшей безъ сомнѣнія придворнымъ дамамъ, идетъ небольшая каменная рѣшетка. Слѣдующій этажъ съ балкономъ въ видѣ клѣтки придаетъ зданію величественный отпечатокъ. Плоская каменная крыша украшена небольшимъ куполомъ въ бундельскомъ стилѣ съ многочисленными, рѣзко выдающимися стрѣлками и четырьмя маленькими чатрисами по сторонамъ.

Показавъ намъ всѣ достопримѣчательности дворца, слуга ведетъ насъ затѣмъ въ погреба, раскинувшіеся длинными пустыми залами, освѣщенными маленькими отдушинами; множество колоннъ поддерживаютъ плоскіе своды.

Этотъ небольшой дворецъ относится къ шестнадцатому вѣку; онъ служилъ лѣтней резиденціей королю Мадгикаръ-Саль. Этотъ владѣтель большой любитель гидравлики, велѣлъ вырыть подъ садомъ цѣлую сѣть протоковъ, которые снабжали водой множество водометовъ, скрытыхъ подъ цвѣтами и въ различныхъ этажахъ дворца. Двѣ водопроводныя трубы, напоминающія своей формой наши фабричныя, нарушаютъ нѣсколько живописность цѣлаго; они отводили воду Бетвы въ подземные каналы. Фонтаны пускаютъ лишь въ важныхъ случаяхъ, но большинство протоковъ засорилось и даютъ весьма жалкія струйки.

Дворецъ Фуль-баухъ, единственное зданіе въ Урчѣ, которое можетъ быть обитаемо, отданъ терійскимъ раджей въ распоряженіе европейскимъ путешественникамъ.

Позади дворца Мадгикара тянутся обширныя строенія раджъ магалъ (королевскій дворецъ), воздвигнутыя королемъ Удэемъ Сингомъ. Главный фасадъ выходитъ на обширный, окруженный галлереями, дворъ; наружный слой расписанной штукатурки обвалился и взорамъ представляются обнаженныя гранитныя стѣны, полузакрытыя лишь ковромъ чужеядныхъ растеній; въ срединѣ выступаетъ изящный балконъ съ пилястрами изъ краснаго песчаника. Внутри находится нѣсколько прекрасныхъ залъ со сводами, но онѣ давно уже оставлены на пользованіе летучимъ мышамъ, весьма затрудняющимъ доступъ въ залы.

Въ сторонѣ отъ этой первой группы дворцовъ, покрывающей значительное пространство, немного западнѣе, находится еще зданіе, выходящее въ превосходный, украшенный бассейнами, садъ; безъ сомнѣнія, это самый новѣйшій по времени памятникъ Урчи.

Нынѣшній городъ состоитъ изъ одной улицы съ полуразрушенными

домами по сторонамъ, идущей отъ Фуль-бауха до начала моста, соединяющаго цитадель съ городомъ. Этотъ мостъ, сооруженный въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ правленіе короля Пирти Синга, замѣчательное произведеніе искусства; гранитная настилка образуетъ широкую дорогу, по бокамъ коей идутъ высокія перила въ видѣ арокъ, съ нависшими надъ водою хижинками; арки островерхія, съ узкимъ просвѣтомъ и лежатъ на массивныхъ быкахъ изъ гранита.

На концѣ моста расположены маленькіе бастіоны съ башенками, задерживающіе входъ въ цитадель. Эта послѣдняя на видъ весьма импозантна; ея длинная линія стѣнъ, съ глубокими бойницами, съ заостренными зубцами, огибаетъ, по обѣ стороны моста, берегъ рѣки, но не заслоняетъ огромной массы бунделасскаго дворца съ его выступами и украшающими ихъ, на значительной вышинѣ, безчисленными куполами и чатрисами. На лѣво виднѣются испещренные куполы дворца, сооруженнаго Бирзингомъ Део для помѣщенія императора Жеангира; это впрочемъ, не болѣе какъ копія дворца, выстроеннаго тѣмъ же принцемъ въ Дуттіи. Середина занята павильонами короля Пирти, носящихъ, несмотря на ихъ тяжелый видъ, имя кангъ магаль или хрустальнаго дворца; на право тянутся массивныя постройки занака.

Внутренность этихъ дворцовъ не лишена интереса; здѣсь находится тронная зала Бирзинга, гдѣ еще корновались раджи, тери-урча, предводители бундельской конфедераціи; затѣмъ слѣдуютъ одна за другою большія и маленькія комнаты, покои королевы и проч.

Въ задней части дворца находятся обширныя пристройки, свидѣтельствующія о значеніи которое долженъ былъ имѣть дворъ урча. Здѣсь, какъ и въ Дуттіи, наслѣдіе Берсинга оказывалось слишкомъ не по силамъ настоящимъ царькамъ, и за исключеніемъ одного или двухъ павильоновъ дворецъ весь предоставленъ летучимъ мышамъ и шакаламъ.

Пройдя мостъ, вскорѣ приходишь, повернувъ на лѣво, къ храму Чуттеръ-Бойе, образцовому произведенію Урчи. Этотъ храмъ поражаетъ прежде всего оригинальностью своего стиля, кажущимся еще больше вслѣдствіе его превосходнаго мѣстоположенія на вершинѣ пьедестала въ пятнадцать метровъ вышины. Ничто въ его цѣломъ не напоминаетъ языческаго храма; по отсутствію орнаментаціи, по расположенію придѣловъ, онъ гораздо ближе подходитъ къ христіанской базиликѣ.

Зданіе выстроено по плану настоящаго латинскаго креста, но, въ противоположность христіанскимъ церквамъ, вершина креста приходится у

входа, а болѣе длинная часть его у алтаря; короче—это крестъ перевернутый.

Широкая лѣстница ведетъ на паперть, образующую выдвинутый изъ центра фасада павильонъ; высокая и широкая дверь украшена джаинской аркой и двумя хижинками по бокамъ; верхній ярусъ развалился и его замѣнили тяжелымъ въ современномъ вкусѣ павильономъ, что очень вредитъ общему впечатлѣнію. Позади этого передняго строенія тянется фасадъ, раздѣленный на четыре этажа широкими обвалившимися стрѣлками сводовъ; по всѣмъ угламъ расположены четыреугольныя башенки, оканчивающіяся изящными шпицами. Между этими четырьмя башенками, плоская крыша въ видѣ террасы поддерживаетъ прекрасный круглый куполъ съ сквозной башенкой на его вершинѣ. По той же оси возвышаются два шпица, имѣющіе одинъ около тридцати метровъ, а другой около сорока пяти метровъ.

Масса зданія вся изъ гранита, покрытаго штукатуркой; линіи, раздѣляющія этажи, изъ краснаго песчаника и безъ всякихъ украшеній. Какъ я уже сказалъ выше, нигдѣ не найдешь ни одной эмблемы, которая бы напоминала индусскую религію. Внутренность храма представляетъ обширное, высокое, хорошо освѣщенное пространство, изъ глубины котораго выдвигается алтарь съ статуей Чуттеръ-Бойе, полу-бога, патрона бунделасовъ. Боковые флигеля содержатъ нѣсколько этажей съ комнатами для священнослужителей. Все зданіе, какъ оно есть, могло бы, безъ всякаго затрудненія, быть преобразовано въ христіанскую церковь. Это единственный религіозный памятникъ Индіи, представляющій такую особенность.

Гранитная терраса, служащая ему пьедесталомъ, очень массивна, и образуетъ одинъ сплошной цоколь отъ четырнадцати до пятнадцати метровъ высоты, и не оставляетъ вокругъ основанія ни одного свободнаго мѣста.

Этотъ храмъ воздвигнутъ въ семнадцатомъ вѣкѣ Бирзингомъ Део.

Отсюда спускаешься въ нижнюю часть города, расположеннаго амфитеатромъ по склону плато до самыхъ береговъ Бетвы. Кварталы его кажутся разрушенными какимъ нибудь ужаснымъ катаклизмомъ; улицы на половину погребены подъ развалинами, а нѣсколько уцѣлѣвшихъ домовъ представляютъ лишь треснувшія стѣны и разломанные своды. Бунделасскій солдатъ, указывающій мнѣ дорогу между развалинами, выражаетъ мнѣніе, что городъ долженъ былъ быть оставленъ частью жителей послѣ ужаснаго выхода Бетвы изъ береговъ

когда погибло все, уцѣлѣвшее отъ ужасовъ войны; не знаю, на сколько можетъ быть достовѣрно подобное сказаніе, принимая во вниманіе высоту береговъ, но, во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія въ этой странѣ, гдѣ рѣки, внезапно вздувшіяся послѣ дождей въ періодъ муссоновъ, часто покидаютъ свое ложе и разливаются на огромное разстояніе по береговой мѣстности, производя страшныя опустошенія.

На южной оконечности города, растянулось величественно кладбище бунделасской династіи. Здѣсь много прекрасныхъ памятниковъ, просторныхъ часовень, съ удлиненными шпицами, вытянувшихся въ одну длинную линію по скалѣ, на берегу рѣки. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой группы находится могила Бирзинга, гигантскій мавзолей, вполнѣ достойный славнаго, жестокаго воина, нашедшаго въ немъ отдохновеніе: это четыреугольный отрубокъ съ четырьмя массивными башнями по угламъ, увѣнчанный огромнымъ куполомъ, отъ котораго ничего не осталось кромѣ тамбура, въ двѣнадцать метровъ вышины; никакой скульптурной работы, никакого украшенія не видать на его фасадахъ, испещренныхъ лишь рядами нишей.

Въ этомъ мѣстѣ Бетва выходитъ изъ лѣса и съ дикимъ воемъ перескакиваетъ черезъ каменныя громады, затрудняющія ея теченіе; ея клокочущія волны вливаются въ глубокій, но спокойный и прозрачный бассейнъ.

Можно подняться, хотя не безъ нѣкоторой опасности, на вершину мавзолея Бирзинга; отсюда открывается величественная панорама; рѣка развертывается посреди густыхъ лѣсовъ, сливающихся на горизонтѣ въ одну темную линію; взорамъ охватываешь ущелья и пещеры, логовища тигра и бизона, убѣжища самыхъ дикихъ расъ: бильзовъ, гундсовъ, коркузовъ, коліевъ, буміевъ и кундсовъ. Эта длинная цѣпь лѣсовъ образуетъ непрерывный поясъ поперегъ Индіи, простирающійся отъ Мейвара до границъ Гундвана, то есть на протяженіи болѣе 600 миль, и доходящій до самаго сердца Бенгала, раджи магала на Гангѣ.

Осмотръ достопримѣчательностей Урчи отнялъ у насъ цѣлый день; затѣмъ мы раздѣлили работу; Шаумбургъ набрасывалъ общій видъ мѣстности, а я снималъ одну за другой фотографіи съ памятниковъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, которые отняли у насъ эти занятія, мы могли вдоволь наслаждаться всѣми прелестями Цвѣтовъ Дворца; никогда мѣсто не было названо болѣе удачно. Мы устроили себѣ комнату на верандѣ и жили тутъ посреди цвѣтовъ, которыми были обременены въ это время гранатовыя и, представлявшія сотни разновидностей, лимонныя

деревья; пониже цвѣтовъ свѣшивались пышными кистями фрукты, которые намъ было позволено рвать, въ какомъ угодно количествѣ.

Однако, мы и тутъ не обошлись безъ маленькой непріятности. Какъ то разъ утромъ пришло извѣстіе, что полковникъ Мидъ, представитель вице-короля у особъ принцевъ центральной Индіи, объѣзжая Тери, захотѣлъ посѣтить и Урчу. Немногочисленная прислуга раджи принялась съ лихорадочною поспѣшностью за приготовленія къ пріѣзду такой важной особы, и мы очутились совсѣмъ въ тѣни; никто не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія; кажется забыли о самомъ нашемъ существованіи. Чтобы доставить Бара Сагибу зрѣлище высоко бьющихъ фонтановъ, наполнили водой Савунъ и Бавунъ, двѣ гидравлическія башни Мадгикара, названныя по имени двухъ самыхъ дождливыхъ мѣсяцевъ въ году; къ несчастію одна труба насоса ночью, лопнула и какъ разъ надъ нашей спальней. Внезапно пробужденные этимъ потокомъ, мы должны были стремительно искать спасенія въ бѣгствѣ; вся вода изъ Савуна прошла по нашей верандѣ; по счастію, еще успѣли закрыть Бовунъ. Но на другой день, къ довершенію злополучія, получили увѣдомленіе, что ожидаемое лице, не располагая временемъ, должно отказаться отъ своего посѣщенія; такимъ образомъ мы одни остались въ накладѣ.

Я былъ этимъ раздосадованъ тѣмъ болѣе, что ожидалъ нетерпѣливо увидѣть полковника, къ которому имѣлъ нѣсколько писемъ, долженствовавшихъ имѣть вліяніе на нашу судьбу въ Пентральной Индіи.

Не безполезно будетъ замѣтить, при этомъ удобномъ случаѣ, какія имѣетъ полномочія офицеръ, носящій титулъ Agent general in central India for the governer general in Council. При каждомъ дворѣ англійское правительство имѣетъ одного агента; но такъ какъ индусскія страны покрываютъ еще цѣлую треть Индустана, то ихъ раздѣлили на группы и для каждой изъ нихъ назначается особый генеральный агентъ, отъ котораго зависятъ всѣ посланники королевствъ, входящихъ въ группу; такимъ образомъ, генеральный агентъ представляетъ изъ себя высшую власть, особенно въ маленькихъ княжествахъ Бунделькунда, гдѣ онъ имѣетъ преобладающее вліяніе на принца. Поэтому, путешествовать въ такой неудобной странѣ, не заручившись покровительствомъ или по крайней мѣрѣ позволеніемъ генеральнаго агента было бы дѣломъ почти что невозможнымъ. Къ счастію, я узналъ что полковникъ Мидъ остановится на нѣсколько часовъ въ Бавра-Сагуръ; я отправилъ къ нему мои письма съ нарочнымъ и былъ такъ счастливъ, что получилъ взамѣнъ, кромѣ весьма любезнаго письма отъ полковника, еще нѣсколько рекомен-

дательныхъ писемъ къ различнымъ агентамъ Центральной Индіи. Съ этой минуты мы могли путешествовать подъ эгидой этаго высокаго покровительства. Никакая помѣха не могла намъ болѣе служить задержкой въ пути. Только благодаря любезности полковника Мида обязанъ я тѣмъ, что успѣлъ описать такой кругъ, въ одинъ годъ, въ странѣ столь мало доступной для простаго путешественника и я считаю себя счастливымъ, что могу выразить ему здѣсь свою признательность.

20-го февраля мы оставляемъ Урчу, чтобы догнать нашихъ людей, которыхъ я отправилъ наканунѣ въ деревню Качнаиръ, по дорогѣ въ Новгонгъ. Мы должны снова переѣхать черезъ Барву Сагуръ и обогнуть кругомъ озеро; немного далѣе мы ѣдемъ вдоль другого небольшого озера, которое кажется сообщается съ Сагуромъ. Край становится живописнымъ, амъ и сямъ выдвигаются на равнинѣ хорошенькіе зеленые холмы; джунглы низки и каменисты, деревни же окружены прекрасными деревьями и хорошо воздѣланными полями. Послѣднія обязаны своимъ плодородіемъ искусственнымъ озерамъ, на берегу коихъ они расположены и коими усѣянъ весь край. Не будь влажности, какую сообщаютъ обыкновенно сухой почвѣ эти игили, вся страна превратилась бы въ сплошной, пустынный джунгль.

Въ Качнаирѣ мы находимъ нашихъ людей, разбившихъ палатки на славномъ лужкѣ, вокругъ небольшаго загороднаго дома раджей Урча. Нашу палатку помѣстили внутри и мы расположились тутъ весьма комфортабельно. Днемъ я принимаю у себя деревенскаго начальника, который ссужаетъ меня одной изъ своихъ лодокъ, для охоты на сосѣднемъ озерѣ. Это озеро изобилуетъ болотною дичью всѣхъ родовъ, но преимущественно здѣсь встрѣчается весьма замѣчательная разновидность—водяная курочка съ пурпуровымъ опереніемъ.

При наступленіи ночи, въ то время, когда мы отправляемъ нашихъ людей въ Алипуру, нашу ближайшую стоянку, я замѣчаю, что у меня пропалъ кожанный мѣшокъ, въ которомъ я держу обыкновенно дорожную провизію. Пропажа хотя и незначительная сама по себѣ, но я все таки сообщаю объ ней съ сожалѣніемъ деревенскому начальнику, который и обѣщалъ мнѣ произвести розыски. Я считалъ мѣшокъ окончательно пропавшимъ; восемь дней спустя, въ Новгонгѣ, я получилъ его вмѣстѣ съ огромнымъ свертком пергамента, въ коемъ значилось, что мѣшокъ былъ найденъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, во власти похитителя, которымъ оказалась собака; животное подвергли наказанію, соразмѣрно его проступку, а мѣшокъ почтительно пересылался изъ роты въ

роту, согласно письменному свидѣтельству каждаго жандарма, заносившаго на бумагу малѣйшія обстоятельства, имѣющія отношенія къ экспедиціи.

Я счелъ нужнымъ привести этотъ маловажный фактъ какъ доказательство того уваженія, которымъ окруженъ европеецъ, носящій оффиціальный титулъ, уваженія, которое переносится на малѣйшія, ему принадлежащія вещи; такъ, въ мѣстности, гдѣ не существуетъ почты, за мной слѣдовали по пятамъ въ теченіи мѣсяца письма, передаваемыя, въ погоню за мной, изъ рукъ въ руки, чисто вслѣдствіе любезности деревенскихъ жителей.

ОГПИБ СО РАН

ГЛАВА XXXVIII.

Королевство Чуттерпоръ.

Ягиръ Алипура.—Новгонгъ.—Непріятность.—Мовъ.—Чуттерпоръ.—Первые пушечные выстрѣлы.

21-го февраля.—Выѣхавъ утромъ изъ Качнаира, мы сдѣлали уже нѣсколько километровъ по англійской провинціи Кальпи, отдѣленной отъ Бунделькунда около 1807 года. Это плодородный округъ, расположенный на правомъ берегу Джумны. Мы проѣзжаемъ черезъ его два главныхъ города, Ранипура и Мовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи двухъ километровъ; это центры, находящейся въ цвѣтущемъ состояніи промышленности крашенныхъ тканей.

Недалеко отъ Мова, мы переѣзжаемъ въ бродъ Дессаунъ, главный притокъ Бетвы; въ этомъ мѣстѣ онъ представляетъ быструю, широкую и протекающую по чудесной мѣстности рѣку.

Выбравшись на другой берегъ ея, въѣзжаемъ въ Ягиръ Алипура включенный въ королевство Чуттерпора. Трехъ-часовое путешествіе по неровной и покрытой джунглемъ мѣстности, приводитъ насъ въ Алипуру, столицу этого маленькаго государства. Это мѣстечко на половину закрыто оврагами, окружающими возвышенность съ владѣтельнымъ замкомъ на ея вершинѣ.

Владѣтель носитъ титулъ ягирдара, что соотвѣтствуетъ нашему титулу графа; на своихъ тридцати четырехъ квадратныхъ миляхъ съ населеніемъ въ девять тысячъ человѣкъ, онъ правитъ совершенно независимо, имѣя поддержку въ Англіи.

Судя по жалкому виду его столицы и безплодности, окружающей

мѣстности, доходы его должны быть очень не велики. У меня было къ нему письмо, но онъ охотился въ горахъ и долженъ былъ вернуться не ранѣе слѣдующаго дня.

Я нахожу нашъ лагерь, расположившимся возлѣ города, въ небольшомъ лѣсу, убѣжищѣ общественныхъ свиней и тощихъ собакъ, съ ожесточеніемъ отстаивающихъ у нашихъ людей почву. Послѣдніе прибыли очень поздно и животныя падаютъ отъ усталости. Я узнаю, что мы уже въ продолженіи двухъ дней дѣлаемъ, не догадываясь объ этомъ, усиленные переходы, введенные въ заблужденіе cos или бунделясскими льё, которыя почти вдвое больше индустанскихъ; такимъ образомъ, нашъ послѣдній переходъ, вмѣсто того, чтобы равняться, по моему разсчету, тридцати километрамъ, превышаетъ сорокъ семь километровъ, что чрезвычайно обременительно для столь тяжело навьюченныхъ животныхъ, какъ наши.

Палатки разбиты вокругъ небольшаго храма, первобытной постройки, единственнаго алипурскаго памятника. Конечно, это весьма плачевный край. Въ отсутствіе своего господина, слуги ягирдара очень нахальны, и я съ трудомъ добываю отъ нихъ, за дорогую цѣну, потребную для насъ провизію. Негодованіе моихъ людей доходитъ до высшей степени, когда намъ продаютъ дрова на вѣсъ и притомъ еще съ скрупулезною тщательностью, достойною парижскаго угольщика. Повсюду въ джунглѣ топливо добывается путешественниками даромъ или за весьма ничтожную плату; но здѣсь продажа дровъ составляетъ господскую монополію а фермеры ягирдара любятъ наживу.

22-го февраля.—Мы оставляемъ людей немного отдохнуть въ Алипурѣ, а сами отправляемся въ Новгонгъ, небольшой англійскій поселокъ, отъ котораго мы удалены всего на нѣсколько километровъ и гдѣ, какъ значится въ путеводителѣ, мы должны найти traveller's bungalou. Послѣ двухъ-часовой ѣзды въ галопъ по обнаженной, знойной равнинѣ, мы пріѣзжаемъ въ Новгонгъ, европейскіе домики котораго выглядываютъ изъ за древесныхъ группъ. Я немедленно освѣдомляюсь гдѣ находится бунгаловъ; представте же мое разочарованіе, когда меня приводятъ къ четыремъ стѣнамъ съ нагроможденными около нихъ лѣсами и когда я вижу, что столь хваленый бунгаловъ находится еще только въ зачаточномъ состояніи! Тутъ мнѣ приходитъ въ голову идти просить гостепріимства у англійскаго агента, имѣющаго здѣсь свою резиденцію, и къ которому у меня есть письмо отъ полковника Мида, но узнаю, что онъ находится въ объѣздѣ и не скоро еще вернется въ Новгонгъ.

Я начинаю раскаяваться, хотя немного поздно, въ моей опрометчивости; вещи наши прибудутъ въ срединѣ дня, и вотъ мы очутились подъ защитой огромнаго дерева, осѣняющаго compound будущаго бунгалова и съ перспективой позавтракать шоколадной палочкой. Мы слѣзаемъ съ лошадей и укладываемся въ тѣни нашего дерева, философически ожидая дальнѣйшихъ событій; сопровождавшіе насъ два совари фамильярно располагаются возлѣ насъ. Вдругъ, мы видимъ выѣзжающій на дорогу европейскій полкъ, который, возвращаясь откуда то назадъ въ поселеніе, проѣзжаетъ какъ разъ мимо насъ. Взгляды всѣхъ устремляются на нашу странную группу; наши запыленныя въ джунглѣ платья, двое оборванныхъ, лежащихъ возлѣ насъ совари, все это, конечно, придаетъ намъ видъ европейскихъ бродягъ, которыхъ англичане характеризуютъ энергическимъ терминомъ, odfers. Офицеры проѣзжаютъ мимо, оглядывая насъ съ чисто британскимъ пренебреженіемъ.

Нами овладѣваютъ снова печальныя размышленія. Но вскорѣ я вижу, что къ намъ направляется старый слуга съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ и въ перевязи съ серебряною бляхой, что замѣняетъ англійскимъ слугамъ ливрею. Онъ почтительно приближается и докладываетъ намъ, что г-жа С..., жена полеваго инженера, замѣтила насъ изъ оконъ своего бунгалова и поняла наше положеніе; она любезно проситъ насъ пожаловать къ завтраку.

Такимъ образомъ, только глаза очаровательной лэди могли распознать въ насъ путешественниковъ и джентльмэновъ, и любезная дама предлагаетъ намъ гостепріимство. Но я чувствую, что мы въ дорожныхъ костюмахъ, въ нашихъ изорванныхъ кителяхъ, высокихъ сапогахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, ни какимъ образомъ не можемъ войти въ англійскій домъ; нечего дѣлать—надо покориться, а этотъ миражъ хорошаго завтрака долженъ разлетѣться какъ дымъ; я объясняю посланному причину нашего отказа и прошу передать его госпожѣ наши извиненія.

Но, кто хочетъ оказать гостепріимство, тотъ не удовлетворится подобными нашей отговорками; чрезъ нѣсколько минутъ, изъ дому инженера выходитъ толпа мужчинъ съ стульями, столами и приборами въ рукахъ; такъ какъ мы не хотимъ идти къ завтраку, то завтракъ самъ идетъ къ намъ, и вскорѣ стараніями нашей незримой покровительницы накрытый подъ деревомъ столъ манилъ насъ принять участіе въ пиршествѣ Балтазара. Мнѣ сдается, что нашъ, возбужденный долгимъ воздержаніемъ, апетитъ слишкомъ злоупотребилъ поднесенными ему яствами; мнѣ еще и теперь памятенъ нѣжный huntersbeef, который могъ бы съ честью фигурировать на любомъ званомъ обѣдѣ и который мы геройски уничтожили съ Шаумбургомъ. Но, конечно, мы заслуживаемъ извиненія. Не даромъ же въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ питались мы грубыми произведеніями джунгля.

Наконецъ, къ двумъ часамъ, являются наши люди, и мы имѣемъ возможность, спрятавшись за стѣнами бунгалова, натянуть на себя черную пару и отправится изъявлять благодарность нашимъ покровителямъ Г. и Г-жѣ С.....

Послѣ обычныхъ фразъ, требуемыхъ приличіемъ, я узнаю, что капитанъ Кинкаидъ, помощникъ агента Бунделькунда, былъ извѣщенъ о нашемъ скоромъ прибытіи и что онъ насъ дожидается. Г. С.... ведетъ насъ къ нему и этотъ, добрый Кинкаидъ, котораго я имѣю счастіе считать теперь однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей, принимаетъ насъ самымъ радушнымъ образомъ. Утромъ еще, онъ послалъ нарочнаго въ Алипуру съ приглашеніемъ остановиться у него и вообще считать себя его гостями на все время пребыванія въ Новгонгѣ; въ саду разбита для насъ великолѣпная палатка изъ трехъ комнатъ. Вечеромъ, за обѣдомъ у нашего хозяина, я встрѣчаю офицеровъ, которые такъ презрительно обошлись съ нами сегодня утромъ; ихъ ошибка служитъ поводомъ къ общему смѣху.

Мы разсчитывали пробыть въ Новгонгѣ не болѣе двухъ дней, но пришлось пожертвовать цѣлою недѣлею, которая прошла для насъ непрерывнымъ рядомъ всевозможныхъ parties de plaisir. Каждый изъ полковыхъ офицеровъ давалъ обѣдъ, гдѣ раздавались въ честь Франціи громкіе тосты, чѣмъ и выражалась самая искренняя симпатія къ нашей прекрасной странѣ.

Капитанъ Кинкаидъ не ограничился однимъ княжескимъ гостепріимствомъ; страстный археологъ, онъ далъ мнѣ многочисленныя указанія относительно странъ центральной Индіи, въ которыхъ онъ былъ по дѣламъ, а также снабдилъ меня маршрутомъ, благодаря которому я не могъ пропустить въ этихъ странахъ ни одной древности.

Кромѣ того, сообразно инструкціямъ полковника Мида, онъ вручилъ мнѣ karitas или оффиціальныя письма ко всѣмъ раджамъ, по владѣніямъ коихъ я долженъ буду проѣхать, и написалъ еще самъ къ каждому изъ этихъ принцевъ, извѣщая ихъ о моемъ скоромъ прибытіи. Вообще говоря, любезность его была безгранична и обратила конецъ нашего долгаго путешествія въ одну непрестанную овацію.

ОТПЕЧАТОК

Первый дворъ, который намъ предстояло посѣтить былъ Чуттерпорскій, сосѣдній съ Новгонгомъ; король былъ въ дорогѣ и просилъ насъ послѣ осмотра его столицы присоединиться къ нему. Въ назначенный для нашего отъѣзда день, дорожная коляска принца должна была насъ взять въ Мовѣ, въ двухъ километрахъ отъ англійскихъ поселеній, черезъ которыя, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, экипажъ не могъ переѣзжать.

28-го февраля.—Какъ не похожъ нашъ отъѣздъ на наше прибытіе! Оставляя Новгонгъ, который показался сначала такимъ негостепріимнымъ, мы покидали добрыхъ и преданныхъ друзей, воспоминаніе о коихъ никогда не изгладится изъ моей памяти.

Мы ѣдемъ верхами, окруженные нашими вѣрными соварами изъ Гваліора, и въ Мавѣ находимъ ожидающую насъ коляску раджи Чуттерпорскаго съ конвоемъ всадниковъ.

Небольшой городокъ Мовъ расположенъ у входа въ тѣснины, ведущія на высокія плато, которыя тянутся до рѣки Кейнъ; онъ живописно группируется по склонамъ покрытыхъ лѣсомъ возвышенностей.

Прекрасная, высѣченная въ скалѣ, дорога пересѣкаетъ довольно крутое ущелье и затѣмъ идетъ вдоль большаго пруда, окруженнаго цѣлымъ рядомъ мавзолеевъ. Посреди ихъ возвышается высокій куполъ кенотафа Чуттеръ Саль, перваго короля Чуттерпора. Этотъ прудъ, поддерживаемый стокомъ съ нависшихъ надъ нимъ горъ, образовался очень давно, чему служатъ доказательствомъ многочисленные недавно лишь открытые здѣсь джаинскіе остатки.

Отсюда вплоть до самаго Чуттерпора надо ѣхать восемнадцать километровъ по дикой нагорной равнинѣ, покрытой малорослыми колючими кустарниками. Самая столица находится въ центрѣ узкой долины, образующей небольшое пятнышко зелени на фонѣ окружающихъ ея обнаженныхъ вершинъ. Приближаясь къ ней, идешь точно англійскимъ паркомъ; по землѣ разостланъ сплошной темно зеленый дерновый коверъ, а надъ нимъ, распространяя прохладу, нависли манговыя деревья великолѣпными, причудливыми группами. Изъ глубины этой зелени выдвигаются со всѣхъ сторонъ разной величины храмы, но безъ всякой претензіи на архитектуру; они всѣ новѣйшаго происхожденія и выстроены изъ кирпичей, скрѣпленныхъ гипсомъ. Меня увѣряли, что такихъ, окружающихъ городъ, памятниковъ насчитываютъ всѣхъ, индусскихъ и джаинскихъ, болѣе двухъсотъ.

Экипажъ останавливается у городскихъ воротъ, передъ «резеденціей» прекраснымъ домомъ, въ которомъ жилъ, еще очень недавно, агентъ Бун-

© ПНТБ СО РАН

Семейство императора Делійскаго.

делькунда, переселившійся затѣмъ въ Новгонгъ. У подъѣзда стоятъ нѣсколько личностей, посланныхъ магараджей для нашего пріема. Въ ту самую минуту, когда мы входимъ внутрь дома, раздается залпъ изъ городскихъ пушекъ, и мы насчитываемъ сряду одиннадцать выстрѣловъ, изъ чего я заключаю, что намъ салютуютъ. Вакиль, къ которому я обращаюсь за объясненіемъ, говоритъ мнѣ, что салютовали намъ, по формальному приказанію короля. Затѣмъ, принявъ мое удивленіе за выраженіе неудовольствія, онъ объясняетъ мнѣ, что, не зная точно число, присвоенныхъ моей особѣ выстрѣловъ, остановились, въ замѣшательствѣ, на одиннадцатой цифрѣ, но, что это вполнѣ зависитъ отъ меня назначить на будущее время необходимое число выстрѣловъ. Тщетно старался я ему растолковать, что вовсе никто не былъ обязанъ стрѣлять изъ пушки для моего пріема, и что, хотя я и весьма обязанъ раджѣ за вниманіе, но для меня совершенно безразлично число выстрѣловъ, на случай если вздумается соблюдать этотъ церемоніалъ. Всѣ мои объясненія утверждали лишь вакиля въ мысли, что мнѣ слѣдовало по праву еще нѣсколько выстрѣловъ, и что я подарилъ ихъ просто изъ любезности.

Въ «резиденціи» все приготовлено къ нашему пріему; насъ ожидаетъ, сервированный по европейски обѣдъ.

Нарочный долженъ отвезти принцу извѣстіе о нашемъ прибытіи въ его столицу и предувѣдомить его о днѣ, въ который мы къ нему присоединимся. Я узнаю, что онъ празднуетъ Голи, посреди развалинъ древней Кайрага, баснословно древніе храмы которой считаются рѣдкостью Бунделькунда.

На другой день мы осматриваемъ, въ сопровожденіи вакиля, достопримѣчательности столицы. Ихъ очень немного, такъ какъ городъ, хотя и большой, но весьма неправильно построенъ и не представляетъ никакого интереса. Самый дворецъ есть одно изъ тѣхъ современныхъ сооруженій, представляющихъ смѣсь итальянской виллы съ раджпутскимъ дворцомъ, которые, если и страдаютъ отсутствіемъ стиля, тѣмъ не менѣе все таки приспособлены къ климату. Одинъ изъ фасадовъ дворца омываетъ великолѣпный прудъ, окруженный лѣстницами и кіосками; на одномъ берегу возвышается бунделасскій дворецъ, относительно древній, дающій на окружающей мѣстности извѣстный отпечатокъ. Мы посѣтили еще училище, хорошо содержимое и посѣщаемое значительнымъ числомъ учениковъ.

© ГПНТБ СО РАН

XXXIX.

Изъ Чуттерпора въ Райнугуръ. — Привѣтствія короля.—Кайрага.—Храмы и развалины. — Ярмарка Голи. — 1-е апрѣля.— Королевская процессія. — Вакханаліи.—Прощальный дурбаръ.—Райгуръ.

Королевство Чуттерпоръ ведетъ свое начало съ послѣднихъ лѣтъ семнадцатаго столѣтія; оно было основано въ царствованіе Аурэнгзеба королемъ Чуттеръ-Саль. Этотъ Чуттеръ Саль былъ сыномъ знаменитаго Чанпатраэ, отказавшагося, со времени паденія Урча, при шахѣ Жеганѣ, признать надъ собою монгольское владычество и удалившагося съ горстью сторонниковъ въ лѣса Панна, откуда онъ выходилъ опустошать долину Джумны. Императоръ Аурэнгзебъ назначилъ цѣну за голову бандита, и Чанпатраэ былъ умерщвленъ. Его сынъ Чуттеръ унаслѣдовалъ предводительство шайки и началъ противъ монголовъ безпощадную борьбу; мало по малу ему удалось завладѣть всѣмъ Бундельекундомъ и изъ простаго атамана разбойниковъ сдѣлатся раджей. Послѣ этого-то провозглошенія онъ и основалъ свою столицу Чуттерпоръ посреди лѣсовъ, служившихъ ему убѣжищемъ. Подражая политикѣ своего соотечественника Бирсинга, онъ воспользовался смертью Аурэнгзеба, чтобы заставить слабаго Багадуръ Шаха признать себя государемъ. Послѣ его смерти королевство его скоро раздробилось.

Магараты овладѣли провинціями Гуна, Согоръ и Кальпи, а позднѣе королевство Панна также отпало отъ Чуттерпора. Нынѣ во власти магараджи находится еще около тысячи девятисотъ квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ душъ; доходы его не превышаютъ двадцати лаковъ рупій.

2-го марта.—Тридцать восемь километровъ, отдѣляющихъ насъ отъ

королевскаго лагеря, мы должны проѣхать въ той самой коляскѣ, которая доставила насъ изъ Мова въ столицу. Край, по которому мы ѣдемъ, одинъ изъ самыхъ дикихъ; мѣстность представляетъ непрерывный рядъ небольшихъ нагорныхъ равнинъ, перерѣзанныхъ оврагами и покрытыхъ частью джунглами и высокимъ лѣсомъ. Дорога, проложенная по этимъ безплоднымъ, пустыннымъ пространствамъ, считалась бы во всякой другой странѣ недоступною для экипажей; но индійскіе кучера не останавливаются передъ такою малостью, и нашъ экипажъ, пущенный во всю лошадиную прыть, летитъ по скалистой и жесткой почвѣ; отъ времени до времени намъ преграждаетъ дорогу какой нибудь огромный обломокъ скалы; кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, объѣзжаемъ его и скачка начинается снова съ быстротой, которая приноситъ большую честь прочности англійскихъ рессоръ, но которая отнимаетъ всю прелесть у нашего путешествія.

Въ теченіи всего этого длиннаго пути, по дорогѣ не встрѣтишь ни одной деревни. Только лишь изрѣдка мелькаютъ кое-гдѣ въ чащѣ лѣса какія то безобразныя хижины. Въ нихъ живетъ полудикая раса, происшедшая отъ смѣси гундсовъ и саиреевъ; чистокровные гундсы обитаютъ дальше, за горами Панна.

Въ восьми километрахъ отъ цѣли нашего путешествія, дорога, или лучше тропа, вдругъ исчезаетъ посреди скалъ и мы принуждены выйти изъ коляски. Но это обстоятельство оказалось предусмотрѣннымъ, такъ какъ вблизи мы находимъ слона въ полной сбруѣ, на которомъ и отправляемся далѣе. Его неровная походка кажется намъ блаженствомъ въ сравненіи съ только что вынесенной нами ужасной тряской.

Король расположился лагеремъ у входа въ Райнугуръ, живописный маленькій городокъ, защищенный, возвышающейся на вершинѣ горы, крѣпостью. Проѣзжая мимо нея, мы замѣчаемъ, что изъ бастіоновъ выглядываютъ пушки, а возлѣ толпятся канониры; черезъ нѣсколько минутъ залпъ изъ двѣнадцати пушекъ извѣщаетъ окрестности о нашемъ благополучномъ прибытіи въ лагерь.

Мы находимъ наши палатки разбитыми подъ группою деревьевъ, и едва успѣли расположиться въ нихъ, какъ магараджа посылаетъ намъ свой Salâm. Его подноситъ намъ одинъ изъ придворной знати, въ сопровожденіи двухъ чубдаровъ съ позолоченными жезлами въ рукахъ и цѣлой вереницы слугъ, несущихъ каждый на головѣ по блюду, наполненному фруктами и сластями. Блюда эти ставятся у нашихъ ногъ; дотронувшись до каждаго изъ нихъ правой рукой и затѣмъ поднося ее

ко лбу, въ знакъ признательности, я приказываю раздѣлить ихъ между моими людьми, также какъ и сто рупій, содержимое кошелька, находящагося въ числѣ даровъ. Мы обмѣниваемся затѣмъ съ царедворцемъ немногими вѣжливыми словами и онъ уходитъ, чтобы отдать магараджѣ отчетъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія.

3-го марта.—Раннимъ утромъ король отправляется изъ Райнугура въ Кайрагу, храмы котораго находятся отсюда еще въ пяти километрахъ разстоянія. Мы сами ѣдемъ на слонѣ; дорога запружена богомольцами, все еще прибывающими на ярмарку, хотя она и подходитъ къ концу. Въ числѣ этого множества индивидуумовъ, я встрѣчаю типы изъ всѣхъ провинцій сѣверной и центральной Индіи: гангесскихъ браминовъ, бенгальцевъ, раджпутовъ, ятовъ и др.; нѣкоторые изъ нихъ совершаютъ великое путешествіе ко святымъ мѣстамъ Гурдвара и стеклись сюда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Декана. Богомольца почти всегда сопровождаетъ его семейство; оселъ или маленькая чахлая лошадь везетъ стариковъ и тяжести; дѣти и женщины нагружены мелкими вещами, разною домашнею утварью; только одинъ лишь глава семейства идетъ свободно, полный сознанія собственнаго величія.

Вскорѣ взорамъ нашимъ открывается длинная линія королевскихъ палатокъ, возлѣ которыхъ разбиты и наши собственныя; на разстояніи одного ружейнаго выстрѣла оттуда, снуетъ взадъ и впередъ толпа подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, изъ за густой листвы которыхъ едва вырисовываются вершины башень Кайраги.

Древній городъ Кайрага или Каюрага раздѣлялъ нѣкогда съ Магобой титулъ столицы шандельской имперіи. Шандельское племя есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ отпрысковъ расы хандраванси или «лунной» расы, которая, въ отличіе отъ суриавансовъ или дѣтей солнца, главою которыхъ считается Рана удейпурскій, производитъ себя отъ луны. Въ восьмомъ вѣкѣ, во время большаго вторженія въ центральную Индію раджпутовъ, шандельцы стояли во главѣ движенія и утвердились на Янъявати и въ королевствахъ виндіасовъ, изъ коихъ и образовалась ихъ имперія. Ихъ первымъ королемъ былъ Чандра Варма, основавшій свою столицу въ Магобѣ, развалины которой виднѣются и до сихъ поръ въ провинціи Тери и позднѣе въ Кайрагѣ. Двѣнадцатый вѣкъ былъ ознаменованъ упорной борьбой между раджпутскими государствами Дели, Канудже и Магоба; она повлекла за собою паденіе шандельской независимости, въ правленіе Парналъ Део, побѣжденнаго въ 1183 г. Пирти

Раэ императоромъ Дели, могущество котораго вскорѣ послѣ того также было сломлено великимъ мусульманскимъ вторженіемъ.

Если судить по огромному пространству, занимаемому ея развалинами а также по нѣсколькимъ, пощаженнымъ временемъ, памятникамъ, Кайрагу должно поставить въ первомъ ряду самыхъ значительныхъ городовъ древней Индіи. Памятникомъ ея прежняго великолѣпія осталась нынѣ тѣсная группа изъ шестнадцати или восемнадцати отлично сохранившихся храмовъ и почти то же число развалинъ, разбросанныхъ по равнинѣ.

Эти храмы можно причислить къ образцовымъ произведеніямъ индусской архитектуры. Время ихъ основанія неизвѣстно въ точности; единственная надпись, которую удалось разобрать, обозначаетъ время, основанія одного изъ нихъ въ 962 году; далѣе она сообщаетъ, что онъ былъ воздвигнутъ въ правленіе короля Банга архитекторомъ Ксикха «для того, чтобы онъ величественно и великолѣпно возвышался возлѣ другихъ храмовъ». Изъ этого можно заключить, что всѣ они ведутъ начало въ періодъ отъ восьмаго до одинадцатаго столѣтія. Что во всякомъ случаѣ очевидно,—это то, что храмы были воздвигнуты на мѣстахъ, занимаемыхъ другими памятниками, болѣе древними, изваянные обломки которыхъ можно увидать еще и нынѣ въ нижней части зданій.

Они всѣ принадлежатъ къ одному и тому же архитектурному стилю, и хотя представляютъ разнобразіе относительно моделей и размѣровъ, но выстроены всѣ по одному и тому же плану. Корпусъ зданія возвышается изъ середины широкой квадратной террасы, украшенной съ передняго фасада широкимъ крыльцемъ; самое основаніе храма очень массивно и представляетъ высоту отъ двухъ до восьми метровъ; прекрасная, открытая лѣстница лѣпится къ весьма узкому въ этомъ мѣстѣ фасаду и ведетъ въ сѣни; въ глубинѣ находится святилище.

Крыша храма представляетъ цѣлую серію пирамидъ, которыя, начинаясь съ фронтона сѣней, идутъ этажами до находящейся въ задней части ея стрѣлы. Эта послѣдняя имѣетъ форму квадратной башни, съ слегка закругленными краями, оканчивающейся толстымъ каменнымъ шишакомъ. Внутренніе своды суть тѣ же куполы во вкусѣ джаиновъ, то есть состоятъ изъ рядовъ наложенныхъ горизонтально другъ на друга камней; замковый камень свода изображаетъ тяжелый камень, придавливающій послѣдній рядъ, но онъ вовсе не представляетъ небходимости и существуетъ только лишь въ нѣкоторыхъ храмахъ.

Всѣ эти храмы выстроены изъ желтаго песчанника, весьма твердаго

СПбГУ

и мелкозернистаго; огромныхъ размѣровъ отрубки приравнены другъ къ другу просто, безъ всякаго цемента или известковаго раствора.

Мнѣ достаточно будетъ описать одинъ изъ нихъ, посвященный Магадевѣ, чтобы дать понятіе обо всѣхъ остальныхъ.

Терраса этаго храма имѣетъ въ вышину четыре метра, а ея массивное основаніе—пять; шпицъ не превышаетъ тридцати двухъ метровъ. Вся наружная поверхность, отъ основанія вершины, покрыты изящною скульптурною работой; фризы пьедестала религіозныя сцены, битвы; балконы украшены арабесками, а стѣны, разбитыя на клѣтки и выемки, совершенно исчезаютъ подъ множествомъ статуй въ четыре фута высоты, къ сожалѣнію, сгруппированныхъ въ сцены возмутительно-безнравственнаго содержанія.

Прекрасное крыльцо ведетъ въ сѣни, двери коихъ вставлены въ изящную каменную, сплетенную точно кружево, рамку, которую принято называть аркой джаиновъ. Отсюда переходишь въ прекрасную квадратную залу, посреди коей двѣнадцать расположенныхъ кругомъ столбовъ, поддерживаютъ чудесный, изукрашенный лѣпною работою куполъ. Святилище состоитъ изъ небольшой круглой комнаты съ толстыми стѣнами между послѣдними стѣнками храма идетъ узкій корридоръ съ нишами, украшенными статуетками, изваяніями. Внутренность же святилища безъ всякаго убранства; въ самомъ центрѣ его возвышается на пьедесталѣ огромный камень изъ шлифованнаго гранита, представляющій Лингамъ Магадевы.

По правую сторону этаго храма и на той же террасѣ находится другой храмъ, посвященный Кали; онъ меньшихъ размѣровъ, но ни въ чемъ не уступаетъ первому, по великолѣпію.

Этотъ храмъ Кали, также какъ и многіе другіе, былъ предметомъ неудачныхъ реставрацій, предпринятыхъ въ послѣднее время по приказанію раджи Чуттерпорскаго, но которыя все же спасли, по крайней мѣрѣ эти памятники отъ полнаго разрушенія.

Между храмами Магадевы и Кали возвышается небольшая часовня, подъ изящнымъ перестилемъ которой пріютилась прекрасная группа, изображающая превращеніе Вишну въ Нарасина. Послѣ своего третьяго превращенія, Вишну, принявъ образъ кабана, спасъ миръ, уничтоживъ Дитія или титана Гиранія Качіяпа. Акча, братъ послѣдняго, успѣлъ послѣ этой катастрофы, обратно завоевать, съ помощью Сивы, обширное государство на югѣ Индіи и принялся преслѣдовать поклонниковъ Вишну. Разъ, найдя своего молодаго сына молящимся, онъ спросилъ его, какому

богу воздаетъ онъ такое усердное поклоненіе? Ребенокъ отвѣчалъ ему: «Я поклоняюсь богу Нараяна, духъ котораго незримо паритъ надъ водою; богу Васудева, творцу всего существующаго; богу Вишну, витающему въ лазоревомъ пространствѣ и представляющему душу вселенной.» Внѣ себя отъ гнѣва, титанъ бросилъ въ сына сѣкиру; но она врѣзалась въ колонну, изъ образовавшейся трещены которой и вышелъ Вишну въ образѣ льва, держащаго подъ когтями колѣнопреклоненнаго и умоляющаго титана, между тѣмъ какъ ребенокъ взобрался на спину звѣря, что и составляетъ основаніе столба.

Эта легенда одна изъ тѣхъ, которыя свидѣтельствуютъ самымъ яснымъ образомъ объ антагонизмѣ. существовавшимъ долгое время между ввишнувисами и саивасами, и на первый взглядъ кажется страннымъ видѣть символъ торжества Вишну между двумя храмами, посвященными его сопернику. Но не надо забывать, что когда раджпуты завладѣли центральной Индіей, они уже слѣдовали культу джаиновъ, и уже впослѣдствіи, изъ политическихъ видовъ, присоединили къ нему культъ Вишну, которому покланялись ихъ подданные; въ десятомъ или одиннадцатомъ вѣкѣ брамины привели ихъ къ новымъ догматамъ, предложивъ имъ званіе кшатріевъ, и такимъ образомъ Сива заступилъ мѣсто Вишну и Тиртанкаровъ. Этимъ объясняется, почему эти храмы, воздвигнутые архитекторами джаиновъ, и окруженные символами ввишнувисовъ, посвящены нынѣ татрическимъ божествамъ.

Говоря о храмахъ, намъ предстоитъ еще упомянуть о двухъ замѣчательныхъ идолахъ. Первый изображаетъ быка Нандео, бѣгуна Исвара это индійскій зебу, съ выдающеюся на спинѣ выпуклостью и высѣченъ изъ цѣльнаго гранитнаго обломка. Другой представляетъ Варага Аватаръ Вишну; это огромный кабанъ, также изъ цѣльнаго куска, вѣсомъ въ девяносто англійскихъ тоннъ. Животное представлено вонзающимъ клыки въ змѣю, обвившуюся вокругъ его ногъ; на спинѣ его сидитъ въ изящной позѣ женщина, къ сожалѣнію обезображенная; крестецъ покрытъ кольчугой, каждая петля которой представляетъ въ миніатюрѣ мелко изваянное божество.

Въ центрѣ этой группы храмовъ простирается великолѣпный, большихъ размѣровъ прудъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, доходящими до самой воды, каменными лѣстницами. Съ одного края выстроились на вершинѣ этой рампы многочисленные храмы; ея каменныя ступени служатъ послѣднимъ грандіознымъ пьедесталомъ.

Въ сѣверномъ углу этого пруда находился нѣкогда дворецъ шан-

ОТГБОГАЕ

дельскихъ монарховъ, отъ коего еще уцѣлѣло нѣсколько павильоновъ; продираясь въ чащѣ кустарниковъ, можно еще прослѣдить какъ шла линія фасадовъ, доходившихъ вплоть до другаго пруда, окруженнаго набережною въ видѣ амфитеатра.

Въ одной милѣ отъ храмовъ расположилась Куджерай, теперешняя Кайрага. Это—незначительное мѣстечко, но мѣстоположеніе его восхитительно, посреди плодородной равнины на берегу небольшаго озерка, составлявшаго нѣкогда средоточіе древняго города. Весьма любопытное зрѣлище представляютъ также дома поселянъ, выстроенные изъ обломковъ дворцовъ, украшенные изваяніями и барельефами, но по большей части поставленными вверхъ ногами. Старый городъ представляетъ такимъ образомъ жителямъ неизсякаемый источникъ совсѣмъ уже готовыхъ матеріаловъ для построекъ.

На сѣверномъ концѣ деревни находится группа изъ пяти или шести храмовъ, которые посвящены культу тиртанкарсовъ, послѣ того какъ богатые сеты, изъ касты джаиновъ, получили на это разрѣшеніе. Очищая отъ обломковъ подходы къ храму, съ цѣлью выстроить жилища для священнослужителей, они открыли множество замѣчательныхъ древностей, которыя, изъ пренебреженія къ нимъ, были сложены въ безобразныя кучи: недалеко отсюда я ходилъ осматривать осколки статуй, образцовыя произведенія всякаго рода, валяющіяся тутъ и забытыя всѣми, тогда какъ изъ нихъ можно было сформировать коллекцію, которая не нашла бы себѣ равной въ Европѣ. Я ограничился тѣмъ, что поднялъ нѣсколько статуэтокъ, сожалѣя, что мой кочевой образъ жизни не позволяетъ мнѣ унести съ собою больше.

На другомъ концѣ деревни возвышаются развалины чрезвычайно красивыя и вполнѣ изящныя: это четырнадцать джаинскихъ колоннъ, расположенныя въ два ряда и опутанныя сплошнымъ покровомъ изъ ползучихъ растеній, посреди которыхъ чаще всего мелькаютъ розовые и лиловые цвѣты вьюнка.

Вообще говоря, осмотръ могъ бы длиться до безконечности; на сосѣднихъ высотахъ также замѣчаешь нѣсколько зданій, еще уцѣлѣвшихъ, и самая почва на всемъ протяженіи равнины едва прикрываетъ многочисленные остатки древности.

Кайрага представляла для насъ интересъ не въ одномъ только археологическомъ отношеніи; мы прибыли въ нее во время одной изъ самыхъ знаменитыхъ ярмарокъ центральной Индіи, во время совершенія таинствъ Голи. Я уже описалъ, говоря объ Удейпурѣ, празднества и церемоніи

Голи; но тамъ мы видѣли лишь сатурналіи столицы, которая пользуется въ Индіи справедливо заслуженной репутаціей города съ утонченнымъ вкусомъ. Здѣсь же намъ предстояло увидать разнузданныя вакханаліи грубой толпы, безгранично злоупотреблявшей свободой, предоставленной ей древними традиціями.

Самая легенда очищена здѣсь отъ всѣхъ поэтическихъ добавленій, еще сохранившихся у раджпутовъ. Голика здѣсь не только богиня весны, олицетворяющая собою пылкое, стремительное пробужденіе индійской природы, но она демонъ въ образѣ женщины, олицетворяющей собою типъ самыхъ постыдныхъ пороковъ; она вырвалась изъ головы Магадева и внесла ужасъ и безпокойство въ Меру —индійскій Олимпъ. Она опутываетъ цѣпями даже Браму и Индру и увлекаетъ ихъ вслѣдъ за собою, вынуждая ихъ къ самымъ безразсуднымъ выходкамъ; тщетно умоляютъ ее боги бросить эту забаву: она отвѣчаетъ имъ только шутками и смѣшками; но Брама обѣщаетъ присвоить ей восемьдесятъ титуловъ - чествованій, въ родѣ Тригита, Дундія и пр. и демонъ, внѣ себя отъ радости, даетъ имъ свободу, заставивъ ихъ предварительно поклясться, что они будутъ каждый годъ чествовать ея имя разнаго рода праздниками и забавами.

Изъ этой грубой легенды явствуетъ, что брамины, оспоривая первенство у буддизма и джаинизма, для привлеченія народа на свою сторону, не побоялись исказить первобытныя традиціи и сдѣлать воззваніе къ самымъ грубымъ инстинктамъ массы. Это не своевольство, которое всегда укрощается тонкимъ, изящнымъ умомъ раджпута: это—развратъ, не знающій себѣ удержа и мѣры, выставляющій себя безъ стыда на показъ, и возведенный въ религіозный принципъ.

Поэтому, когда мы возвращались вечеромъ послѣ нашего обзора храмовъ и шли въ недалекомъ разстояніи отъ ярмарки, намъ казалось, что мы приближаемся къ одной изъ тѣхъ священныхъ рощъ древности, подъ мрачною, загадочною тѣнью которыхъ совершались, украдкой отъ смертныхъ, страшныя таинства. Пламя отъ безчисленныхъ костровъ поднимается къ небу длинными лентами и колоннами: вокругъ кишитъ человѣческій муравейникъ, откуда вылетаютъ крики бѣшеннаго разгула и дикіе возгласы, смѣшиваясь съ звуками гонговъ, цимбалъ и тамъ-тамовъ. Женщины и дѣти бѣгутъ вдоль поляны, распѣвая гимны ужасной Голикѣ, и повсюду царятъ властительно, какъ бы гордясь своимъ безобразіемъ всѣ гнусные пороки, составляющіе ореолъ этого недостойнаго божества.

Намъ разсказываютъ, что нѣкогда въ этотъ день на ярмарочной площади воздвигалось множество висѣлицъ; охмѣлѣвшіе люди заставляли привѣшивать себя на крючья, которые вонзались въ ихъ тѣла. Въ такомъ положеніи они описывали круги до тѣхъ поръ, пока не разрывалось, обратившееся въ лоскуты, мясо и они не падали замертво на землю. Этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ Парикрама былъ запрещенъ въ Кайрагѣ чуттерпорскимъ раджей, но производится еще до сего времени во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ страны.

4-го марта. По утру магараджа присылаетъ намъ цѣлое блюдо съ Holi-ka-mitai или конфетами Голи; это весьма соблазнительныя на видъ сладости, внутри же наполненныя известкой, пескомъ или горькимъ порошкомъ, и которыя обыкновенно подносятъ другъ другу въ этотъ день съ цѣлью ввести другаго въ обманъ, въ теченіи всего дня; какъ у насъ въ первое апрѣля, здѣсь изобрѣтаются всевозможныя неожиданности и непріятные сюрпризы. Нѣкоторые изъ нихъ суть не что иное, какъ тѣ же вѣчныя продѣлки, какія, въ подобномъ случаѣ, пускаются въ ходъ подъ всевозможными широтами; другіе же не лишены нѣкоторой оригинальности: таковы напримѣръ игра въ рупію. Берутъ какую нибудь монету, рупію или золотой могюръ, просверливаютъ ее и прибиваютъ посреди дороги; первый же, усмотрѣвшій блестящую монету, прохожій быстро нагибается, чтобы поднять ее, но въ эту минуту его встрѣчаетъ дружный хохотъ мистификаторовъ, которые, выйдя изъ своей западни, потѣшаются надъ его неудачей.

Ярмарочная площадь, съ своими палатками и навѣсами всѣхъ родовъ, представляетъ видъ настоящаго города. По обѣ стороны большой проѣзжей дороги выстроились лавочки, такъ какъ кромѣ религіозной цѣли ярмарка важна еще сама по себѣ, будучи мѣстомъ обмѣна продуктовъ. Подъ безобразными навѣсами разложены самые разнообразные товары: тутъ есть и туземныя ткани, затканныя шелками и вышитыя битью; тутъ же и англійскія полотна, ковры, утварь, обувь, бронза, дѣтскія игрушки и всевозможныхъ родовъ оружіе; есть отъ чего съ ума сойти страстному собирателю коллекцій и антикварію.

Возлѣ этихъ лавокъ тѣснится пестрая толпа: мужчины и женщины въ своихъ лучшихъ нарядахъ; факиры и жонглеры, выказывающіе свою святость или просто искусство и ловкость посреди тѣснаго кружка зѣвакъ. Мѣстами виднѣются тѣ огромныя колеса, съ придѣланными къ нимъ сидѣньями, которыя увлекаются при верченіи колеса и служатъ такихъ образомъ народу вмѣсто качель, точь въ точь такихъ же, какія

устраиваются на нашихъ деревенскихъ праздникахъ, а въ Индіи извѣстны съ незапамятныхъ временъ. Подъ деревьями разставлены тѣ грубые маннекены Голи, о которыхъ я упоминалъ, говоря объ Удейпурѣ.

Паперти храмовъ представляютъ не менѣе оживленную картину, толпа громоздится по крыльцамъ и выступамъ и бросаетъ мелкую монету къ ногамъ идоловъ; исполнивъ же этотъ долгъ, она наполняетъ террасы и разсматриваетъ срамныя группы фасадовъ, которыя поясняетъ ей какой нибудь браминъ, не скупясь на вымыслы и вознаграждаемый за это одобреніемъ своей грубой аудиторіи. Всѣ тропинки, ведущія къ ярмарочной площади, запружены опоздавшими богомольцами и жителями сосѣднихъ деревень, несущихъ необходимые жизненные припасы для такого скопища человѣческихъ существъ. Равнина покрыта во всѣхъ направленіяхъ кучами людей, надъ головой которыхъ въ воздухѣ стоитъ неумолкаемый глухой гулъ.

Въ три часа къ намъ приходитъ вакиль съ приглашеніемъ отъ короля, желающаго повидаться съ нами на мѣстѣ ярмарки. Онъ посылаетъ намъ четырехъ слоновъ для нашихъ сови, и изъ объясненій вакиля я заключаю, что хотятъ доставить зрѣлище народу; такъ какъ бокъ-о-бокъ будетъ фигурировать король, то я расчелъ, что не будетъ ничего унизительнаго въ томъ, что мы доставимъ удовольствіе этому доброму народу, выказывавшему намъ до сихъ поръ лишь свое расположеніе. Мы усѣлись на слона и въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, размѣстившихся на трехъ остальныхъ слонахъ, стали подвигаться съ большой помпой къ ярмарочной площади, конвоируемые нашими гваліорскими сови. Придворные чубдары ѣдутъ впереди, умѣряя и регулируя наше торжественное шествіе; увѣдомленная заранѣе толпа выстраивается по обѣ стороны дороги. Вскорѣ, на другомъ концѣ показываются королевскіе сови въ сопровожденіи многочисленной свиты. Происходитъ встрѣча: нашъ слонъ, повинуясь магуту (вожакъ) подвозитъ насъ къ принцу, сидящему въ великолѣпномъ одѣяніи, на вышитомъ золотомъ сидѣніи. Мы раскланиваемся, жмемъ другъ другу руки, а затѣмъ нашъ слонъ, становится рядомъ съ королевскимъ, и оба кортежа сливаются въ одинъ и процессія направляется къ храму.

Мнѣ въ первый еще разъ приходится видѣть магараджу, гостепріимствомъ котораго мы пользуемся уже нѣсколько дней. Ему кажется на видъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ; у него тонкія пріятныя черты; лице обрамлено густою черною бородою; въ его кроткихъ глазахъ

свѣтится грусть, что меня очень поразило въ это первое наше свиданіе. Онъ объясняется по индуски легко, выбирая самые изящные обороты и выраженія и долго бесѣдуетъ съ нами, сначала о нашемъ путешествіи, потомъ о своемъ королевствѣ и обычаяхъ страны. Отъ него я узнаю, что министры извлекаютъ изъ ярмарки довольно значительные доходы; существуетъ налогъ на богомольцевъ и товары, подлежащіе обмѣну и, хотя самъ по себѣ весьма незначительный, налогъ этотъ все же приноситъ крупную сумму, такъ какъ число посѣщающихъ ярмарку достигаетъ иногда восьмидесяти тысячъ.

Шутя и вскользь обращаетъ онъ мое вниманіе также на то обстоятельство, какъ значительно преобладаетъ численностью на ярмаркѣ женскій полъ; число женщинъ кажется еще больше также и отъ обычая молодыхъ людей низшихъ кастъ облекаться въ этотъ праздникъ въ женскіе костюмы.

Толпа, для которой мы составляемъ непреодолимый притягательный интересъ тѣснится вокругъ совари съ оглушительными криками «Wâh Mahaгaj, wâh sahiblogh!» Весело разговаривая, подъѣзжаемъ мы къ храму посвященному Чуттеръ Бойе, которому король хочетъ сдѣлать приношеніе; выстроившіеся на порогѣ брамины встрѣчаютъ насъ благословеніями, которыми мы обязаны конечно нѣсколькимъ брошеннымъ рупіямъ. Послѣ этой церемоніи, труппа переодѣтыхъ въ баядерокъ танцовщиковъ проситъ насъ позволить ей исполнить одинъ, подходящій къ случаю, балетъ. Они начинаютъ затѣмъ грубо и тяжело подражать ухваткамъ и позамъ танцовщицъ, аккомпанируя пляску куплетами, могущими заставить покраснѣть даже сапера.

Кортежъ снова трогается въ путь; наступила ночь, и равнина зажглась тысячами огней; крики и пѣніе усилились. Мы провожаемъ раджу до самой его палатки и возвращаемся къ нашей стоянкѣ при свѣтѣ факеловъ.

5-го марта. — Самымъ любопытнымъ эпизодомъ дня была процессія, которая напоминаетъ въ смѣшномъ видѣ древнія церемоніи праздниковъ въ честь Бахуса. Главное дѣйствующее лице изображаетъ толстый купецъ, сильно предварительно напоенный и фигурирующій въ роли спутника Голики. Онъ ѣдетъ верхомъ на маленькомъ ослѣ. Рожа его вымазана красной охрой, шея увѣшана предметами самого предосудительнаго и страннаго свойства, голова увѣнчана цвѣтами и самъ онъ поддерживается подъ руки двумя аколитами, едва стоящими на ногахъ. Сзади него несутъ подобіе королевскаго зонтика, составленнаго изъ

дна вѣтхой корзинки, насаженнаго на тростниковую палку. Свита его состоитъ изъ пьяной горланящей толпы растрепанныхъ, почти совершенно голыхъ мужчинъ и женщинъ, которые бѣгутъ въ слѣдъ съ ругательствами, криками, проклятіями, по временамъ спотыкаясь, не выдерживая равновѣсія, катаясь мгновеніе по землѣ и снова вскакивая на ноги, точь въ точь, какъ хоръ стараго Силена. Впереди скачутъ голые ребятишки, убранные цвѣтами, трубящіе въ раковины и треснувшіе тамъ-тамы. Процессія проходитъ въ такомъ порядкѣ черезъ Мела, увеличиваясь въ числѣ всѣми праздношатающимися и встрѣчается по пути градомъ безвредныхъ метательныхъ снарядовъ, какъ то мѣшковъ съ краснымъ порошкомъ или гнилыми фруктами. По прибытіи на главную площадь, она останавливается, и спутники ея предаются вокругъ псевдо-Силена, различнаго рода кривляньямъ и пляскамъ, обильно запиваемымъ водкой mhowah.

Этотъ странный обычай, цѣль и происхожденіе котораго мнѣ не удалось, не смотря на всѣ старанія, заставить объяснить, представляетъ, во всякомъ случаѣ, поразительную аналогію съ нѣкоторыми церемоніями грековъ, римлянъ и персовъ и даже съ тѣмъ забавнымъ «праздникомъ дураковъ», который продолжался въ Англіи и во Франціи до послѣднихъ лѣтъ среднихъ вѣковъ.

Вечеромъ, маннекены Голи носятъ вокругъ площади и затѣмъ они водружаются надъ огромными кострами, которые поливаютъ масломъ и древесною смолою; костры зажигаются подъ звуки тамъ-тамовъ и бѣшенаго крика толпы. Тогда то вокругъ нихъ начинается пляска женщинъ, сцена какъ бы цѣликомъ выхваченная изъ ада; возбужденные виномъ и звуками инструментовъ, мужчины перепрыгиваютъ черезъ пламя и пробуютъ подбирать кусочки отъ горящаго идола. Эти танцы продолжаются до поздней ночи и оканчиваются оргіею.

6-го марта. Такъ какъ мы назначили нашъ отъѣздъ на завтрашній день, то магараджа дѣлаетъ намъ сегодня прощальный дурбаръ. Мы находимъ его сидящимъ подъ балдахиномъ, окруженнаго всѣмъ дворомъ, и, по приглашенію, садимся рядомъ съ нимъ. Онъ предлагаетъ намъ продолжить еще наше пребываніе у него, обѣщая устроить охоту въ горахъ, но сдается быстро на наши извиненія и горячо прощается съ нами. Я разставался съ этимъ молодымъ человѣкомъ въ восхищеніи, какъ отъ его личности, внушавшей мнѣ большую симпатію, такъ и отъ его радушнаго гостепріимства. Подъ его наружною робостью и смущеніемъ я подмѣтилъ страстное желаніе просвѣтиться; не одинъ разъ заводилъ

ОТПЕЧАТОКЪ

онъ со мною разговоръ о реформахъ, которыя желалъ бы ввести въ своихъ владѣніяхъ.

Годъ спустя, онъ былъ убитъ однимъ негодяемъ, служившимъ орудіемъ для партіи реакціонеровъ его двора; не предвидѣлъ ли онъ, быть можетъ, свою судьбу, когда я его увидалъ въ первый разъ? Придворные хотѣли освободиться отъ этого молодаго человѣка, проникнутаго современными идеями, въ надеждѣ захватить регенство въ свои руки, такъ какъ у него остался малолѣтній сынъ. Но они ошиблись въ разсчетѣ, ибо это убійство согнуло ихъ болѣе чѣмъ когда либо подъ желѣзное иго англичанъ, сдѣлавшихъ регентомъ одного изъ своихъ офицеровъ.

7-го марта. По утру оставляемъ мы Кайрагу; передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ король присылаетъ намъ великолѣпный киллутъ, состоящій изъ индѣйскихъ шалей и драгоцѣннаго оружія. Онъ пожелалъ также непремѣнно присоединить къ нашей свитѣ еще двухъ слоновъ и десять всадниковъ, которые будутъ насъ сопровождать де Панна. Такимъ образомъ, со времени выѣзда изъ Гваліора, караванъ нашъ, какъ это можно видѣть, постепенно все увеличивался, и теперь, судя по этой длинной вереницѣ слоновъ и верблюдовъ, по этой массѣ пѣшеходовъ и всадниковъ, можно скорѣе подумать, что имѣешь дѣло съ какимъ нибудь раджей, а не съ простымъ французскимъ путешественникомъ, не имѣющимъ ни титула, ни высокой миссіи.

Мы направляемся къ юго-западу, поперегъ прекрасной равнины, пересѣкаемой лѣсомъ, который тянется вплоть до покрытыхъ также лѣсами горныхъ отроговъ, позади которыхъ простираются вдоль всего горизонта голубоватыя массы гатовъ Панны. Воздухъ свѣжъ и напитанъ благоуханіями; край становится часъ отъ часа живописнѣе.

Въ Райгурѣ мы находимъ совершенно готовую стоянку, о которой позаботился король для насъ и нашихъ людей, и гдѣ насъ ждетъ большое количество съѣстныхъ припасовъ.

Райгуръ небольшой пограничный городокъ, въ одномъ льё отъ рѣки Кейнъ, отдѣляющей Чуттерпоръ отъ королевства Панна. Онъ расположился на склонѣ небольшой возвышенности, господствующей надъ всею долиною противъ тѣснинъ Марвы; обвалившаяся цитадель и старый замокъ даютъ ему право именоваться крѣпостцей.

Начиная отъ первыхъ же городскихъ домовъ превосходный лѣсъ тянется вплоть до самой горы, оставляя обнаженнымъ лишь ея остроконечный гребень. Тутъ, между скалами, есть священный фонтанъ,

пользующійбольшою йся извѣстностью за свои чудесныя свойства; къ нему ведетъ широкая прекрасная лѣстница изъ 475 ступѣней. Источникъ образуетъ маленькій бассейнъ, наполняющійся единственно благодаря инфильтраціямъ прикрывающаго родника грота; вода очень чистая, но приторная на вкусъ. Въ центрѣ бассейна находится лингамъ Магадевы, съ двумя по сторонамъ идолами — Гунуманъ и Парбатти на половину стертыми водою. Входъ въ гротъ закрывается завѣсою изъ ползучихъ ліанъ.

Съ площадки на верху лѣстницу открывается чудесный видъ на теченіе Кейна и на тѣ великолѣпныя террасы и гагантскіе бастіоны, которые окружаютъ Панна,—классическую землю алмазовъ. На горизонтѣ тянется сплошная линія лѣсовъ, не тощихъ джунглей, но настоящихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, надъ которыми видишь парящими стаи павлиновъ, похожихъ издали на изумрудные снопы; время отъ времени гуканье лангуровъ и хриплый ревъ тигра пробуждаютъ все населеніе лѣса, отвѣчающаго имъ въ свою очередь оглушительнымъ концертомъ.

XL.

Королевство Панна.

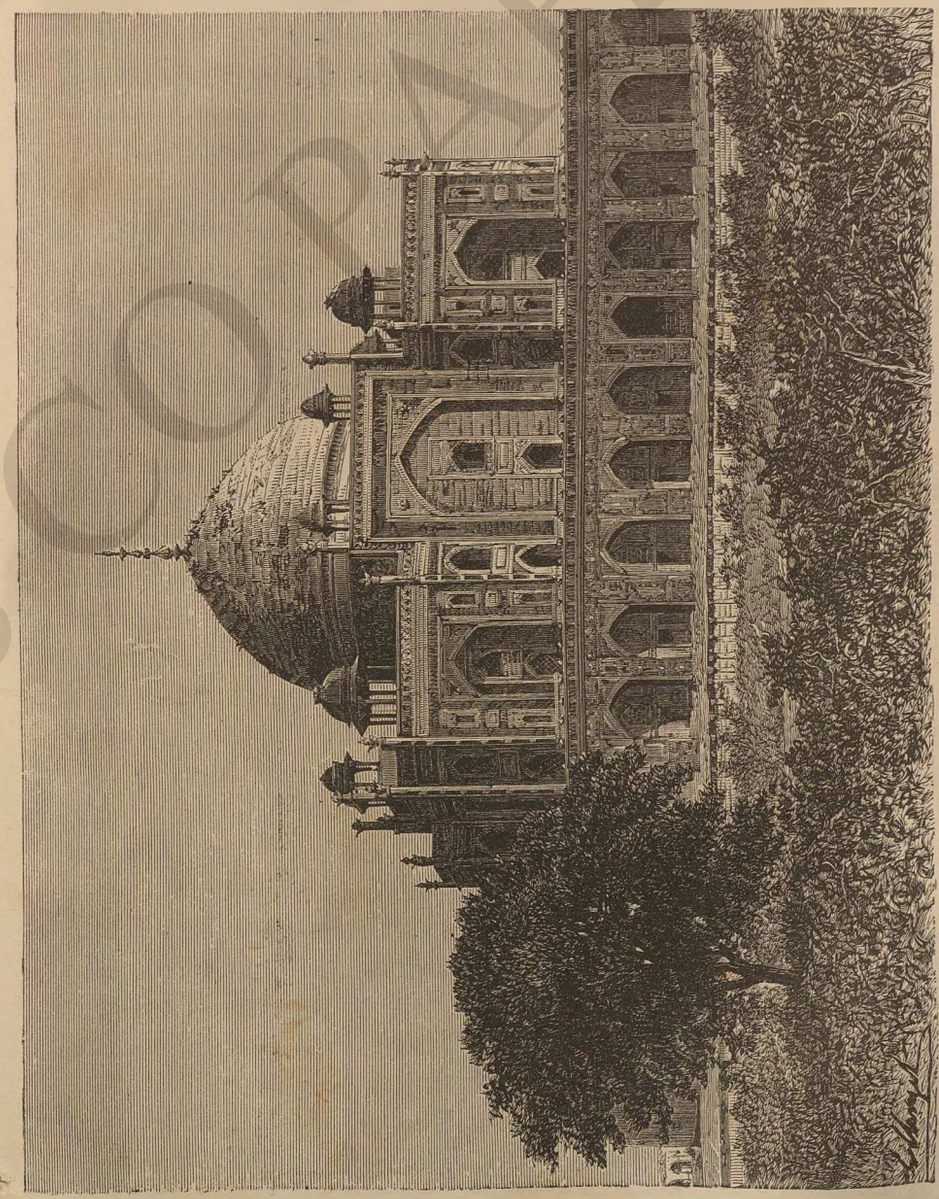
Марва Гать. — Посланцы короля на границѣ. — Панна. — Свиданіе съ магараджей.— Алмазныя копи. — Королевскій огородъ. — Охотничьи эпизоды. — Воспитаніе слоновъ.— Охотникъ въ клѣткѣ.

8-го марта. Мы снимаемся съ лагеря въ четыре часа утра и идемъ по направленію къ Панна. При выходѣ изъ Райгура, дорога углубляется въ лѣсъ и мы двигаемся въ совершенномъ мракѣ до самыхъ береговъ Кейна, гдѣ намъ предстоитъ ожидать разсвѣта. Нельзя сказать, чтобы рѣка была очень широка и глубока; въ это время года она не болѣе какъ средней величины ручей, развѣтвляющійся на нѣсколько рукавовъ, текущихъ между огромными скалами; но чрезвычайно скользкое дно, неровное, съ глубокими ямами, дѣлаетъ переходъ по ней въ бродъ весьма затруднительнымъ.

Кейнъ беретъ начало въ нагорныхъ равнинахъ Шагура и, пройдя сто пятьдесятъ километровъ, вливается въ Джумну, противъ Футтепора; онъ образуетъ границу между королевствами Чуттерпоръ и Панна.

Послѣ получасоваго ожиданія, мы видимъ какъ постепенно загораются вершины горъ отблесками зари, и вскорѣ вся узкая долина озаряется свѣтомъ. Мы первые переправляемся черезъ рѣку и ждемъ на противуположномъ берегу переправы нашихъ слоновъ и верблюдовъ, что у насъ отнимаетъ, благодаря нѣсколькимъ приключеніямъ, добрый часъ времени. День сіяетъ въ полномъ блескѣ, и мѣстность является передъ нами во всемъ своемъ суровомъ величіи.

Позади насъ возвышаются разорванные ряды Гатовъ Панны, вытя-



Мавзолей императора Гумайюна въ Дели.

нувъ свою линію неприступныхъ укрѣпленій до самой крайней точки небосклона; ихъ лѣсной покровъ спускается длинными неправильными изгибами къ самому берегу потока, съ шумомъ вырывающагося изъ широкой трещины скалы.

Эти горы составляютъ преддверіе обширнаго горнаго плато центральной Индіи; онѣ изобилуютъ въ особенности отлогими скатами и совершенно ровными, горизонтальными вершинами, отчего и получили свое названіе гатовъ, то есть какъ бы искусственныхъ набережныхъ. Онѣ образуютъ здѣсь крайнюю сѣверную точку Виндіасовъ и тянутся въ видѣ узкой полосы до сіянія Ганга съ Джумною.

Какъ только мы всѣ соединились, такъ начали подниматься въ теченіи нѣкотораго времени на сѣверъ, съ цѣлью отыскать доступъ на покатость гата Марвы, единственной, ведущей на самое плато. Дорога прекрасная, хорошо содержится и была бы доступною для экипажей если бы послѣдніе могли переправляться черезъ Кейнъ. Гора кажется въ этомъ мѣстѣ исполинскою лѣстницею; съ обѣихъ сторонъ идутъ этажами небольшія площадки, одна поверхъ другой.

Въ началѣ восхожденія растительность довольно скудная, выжженая солнцемъ; овраги поросли серебристыми платанами, маленькими тиковыми деревьями, низкорослыми кустарниками. Но, по мѣрѣ того какъ поднимаешься выше и достигаешь высоты 450 футовъ надъ уровнемъ равнины, растительность становится пышною, могучею и получаетъ тропическій характеръ. Надъ бамбуками и платанами, перевитыми ліанами и ползучими растеніями возвышаются еще другія деревья съ огромными стволами, съ густою листвою, какъ-то: mhowah, манговое, sâls, и многія породы тюльпановыхъ; со всѣхъ сторонъ свѣшиваются длинныя кисти золотистыхъ и пурпуровыхъ цвѣтовъ, стебли, обремененные плодами. Стаи обезьянъ, лангуровъ и киноцефаловъ прыгаютъ вверху съ одного сучка на другой посреди множества павлиновъ и птицъ съ блестящими перьями; въ чащѣ роздается непрестанный шорохъ и топотъ ланей и оленей.

Дорога углубляется подъ тѣнистые своды, затѣмъ снова выбѣгаетъ на свѣтъ, взбираясь по обнаженной скалистой стѣнѣ. Передъ вами выступаетъ попеременно то прекрасная равнина Кайраги, съ ея долиною Кейна, полями и деревнями, то южная часть горной цѣпи съ ея террасами. нагроможденными одна на другую, съ ея лѣсами и цѣлою сѣтью ущельевъ и овраговъ.

Послѣ часового восхожденія, мы достигаемъ окраины большаго, са-

маго верхняго плато. Посреди дороги расположилась кучка индѣйцевъ съ лошадьми и слонами. Это вакили, посланные магараджей Панна къ намъ на встрѣчу. Они поздравляютъ насъ съ прибытіемъ во владѣнія его величества и объявляютъ, что имъ поручено конвоировать насъ до самой столицы. Въ маленькомъ домикѣ, недалеко отсюда, уже позаботились приготовить для насъ полдникъ, состоящій изъ молока и сахарнаго печенія.

Начиная отсюда, плато слегка наклоняется къ западу; лѣсъ рѣдѣетъ и мы скоро выѣзжаемъ на прекрасную перерѣзываемую садами равнину, тянущуюся до самой столицы, бѣлые куполы которой рѣзко выступаютъ на красноватомъ грунтѣ холмовъ.

Разница температуры плато съ температурой только что оставленной нами долины, которая лежитъ ниже его на тысячу двѣсти футовъ, становится весьма ощутительной; отрадно вдыхаешь горный свѣжій воздухъ; съ удовольствіемъ снялъ бы шапку и подставилъ голову жаркимъ лучамъ солнца; но этого слѣдуетъ весьма остерегаться, такъ какъ дѣйствіе солнечныхъ лучей одиково пагубно какъ на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, даже на Гималайскихъ снѣгахъ, такъ и въ глубокихъ долинахъ Бенгала и Деккана.

Въ двухъ километрахъ отъ столицы насъ встрѣчаетъ девана (первый министръ) Панны, пріѣхавшій въ коляскѣ. Слѣзаемъ съ слона, садимся возлѣ него и быстро ѣдемъ въ приготовленный нарочно для насъ лагерь, прохладный шатеръ, среди манговыхъ деревьевъ въ недалекомъ разстояніи отъ горъ. Спеціально для насъ предназначается широкая палатка, разбитая на нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ; тутъ есть гостинная и столовая и спальни; меблировка хотя и простенькая, но вообще комфортабельная и на европейскій ладъ.

Едва мы успѣли выйти изъ коляски и послѣдовать за деваномъ въ холщевый дворецъ, эхо доноситъ до насъ звуки салютовъ, возвѣщающихъ добрымъ гражданамъ Панны о нашемъ прибытіи въ столицу.

Въ столовой насъ уже ждетъ завтракъ à l'angaise, и деванъ, водворивъ насъ въ нашемъ помѣщеніи, скромно удаляется, пожелавъ намъ хорошаго аппетита. Рѣшительно пальма первенства принадлежитъ бунделасцамъ!

Я уже сказалъ, что мы обязаны всѣми этими почестями высокому покровительству англійскихъ властей, и, конечно, столь любезный пріемъ относится не столько къ нашимъ скромнымъ личностямъ, сколько къ нашему званію французовъ путешественниковъ.

Позавтракавъ, я обхожу нашъ лагерь и съ удовольствіемъ замѣчаю, что наши люди также не были забыты королевскимъ гостеріимствомъ: мусульмане и индусы справляютъ волшебный банкетъ, гдѣ фигурируютъ на первомъ планѣ присланные королемъ пилавъ и карри.

Панна или Пунна—городъ глубокой древности; онъ обязанъ своимъ существованіемъ и своею извѣстностью окружающимъ его алмазнымъ копямъ, быть можетъ, принадлежащимъ въ Индіи къ числу самыхъ древнихъ. Думаютъ, что онѣ то и есть—Панасса Птоломея. Тѣмъ не менѣе, изолированый на вершинѣ плато, доступъ къ которому весьма затруднителенъ, и окруженный гористой мѣстностью, еще и теперь находящеюся въ дикомъ состояніи, городъ этотъ всегда занималъ лишь второстепенное мѣсто въ ряду городовъ центральной Индіи. Со времени основанія королевства Панна въ 1807 году и, главнымъ образомъ, съ того момента, когда на Панну палъ выборъ перваго раджи для своей столицы, положеніе его значительно улучшилось. Въ немъ насчитываютъ до двадцати тысячъ жителей, включая сюда и персоналъ алмазныхъ копей; дома его, представляющіе довольно изящные постройки изъ плитняка въ безпорядкѣ разбросаны по гористой, неровной мѣстности. Въ городѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь древняго памятника; взамѣнъ того есть много храмомъ и кенотафовъ новѣйшаго происхожденія и замѣчательнаго стиля.

Городъ стоитъ на самой обильной алмазами почвѣ, которая, кажется, простирается по восточной окраинѣ плато. Эксплуатація копей начинается у входа въ предмѣстье.

Послѣ полудня мы ѣдемъ съ визитомъ къ магараджѣ. Дворецъ имѣетъ совершенно европейскій отпечатокъ; это домъ въ англійскомъ вкусѣ, заключающій въ себѣ нѣсколько бунгаловъ съ плоскими крышами, окруженныхъ гипсовою колоннадою; павильоны соединяются между собою обширными террассами.

Даже внутренность не имѣетъ въ себѣ ничего индійскаго; комната, въ которой насъ принимаетъ король, меблирована на подобіе рабочаго кабинета; тутъ стоятъ: бюро, шкафъ съ книгами, письменный столъ и кресла.

Пріемъ производится съ буржуазной простотой, составляющей рѣзкій контрастъ съ утреннимъ церемоніаломъ; деванъ встрѣчаетъ насъ у входа во дворецъ и провожаетъ къ королю, котораго мы застаемъ съ книгой въ рукахъ; онъ идетъ къ намъ на встрѣчу и принимаетъ насъ съ большимъ радушіемъ. Это полный человѣкъ, съ веселымъ загорѣвшимъ отъ

солнца лицемъ, безъ малѣйшихъ признаковъ условной, азіятской надутости и спѣси. Видно сейчасъ, что онъ предпочелъ роль богатаго поземельнаго собственника роли незначительнаго князька, понявъ въ какое незавидное положеніе ставитъ англійское владычество раджей Бундельккунда.

Онъ въ костюмѣ бенгальскихъ реформаторовъ, принадлежащихъ къ партіи «Uoung India», въ суконныхъ панталонахъ, такой же жакеткѣ, вышитой по краямъ и въ небольшой круглой шапкѣ безъ полей. Тяжелые золотые браслеты на лодыжкахъ и на кистяхъ рукъ однѣ напоминаютъ, что раджа принадлежитъ къ расѣ раджпутовъ; дополненіемъ къ этому костюму служитъ великолѣпное брилліантовое ожерелье,—въ своемъ родѣ щегольство и позволительная роскошь для владѣльца копей.

Вообще это человѣкъ замѣчательный; помимо знанія англійскаго и двухъ или трехъ, самыхъ употребительныхъ въ Индустанѣ, языковъ, онъ обладаетъ, сверхъ того, еще нѣкоторыми познаніями въ прикладныхъ наукахъ и управляетъ своимъ королевствомъ такъ, что заслуживаетъ по всей справедливости уваженія европейцевъ.

Будучи честенъ отъ природы, онъ ни минуты не колебался во время возстанія 1857 года поспѣшить на помощь англичанамъ, угрожаемымъ, въ Бундельккундѣ; ему обязаны освобожденіемъ гарнизона, обложеннаго въ Думогѣ. Верховное правительство наградило его вѣрность, передавъ въ его собственность нѣкоторыя части Шахгурской и Биджурагурской областей, конфискованныхъ у мятежныхъ принцевъ.

Онъ второй король Панны и сынъ Кишора Синга, основателя династіи; теперь онъ имѣетъ уже слишкомъ пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду и троихъ сыновей, изъ коихъ два достигли совершеннолѣтія.

Послѣ непродолжительнаго разговора онъ прощается съ нами, заставивъ насъ дать ему обѣщаніе посвятить нѣсколько дней обзору его копей, его каменоломень, и огородныхъ произрастеній, которыя онъ старательно воздѣлываетъ и которыми очень гордится; въ вознагражденіе за наше согласіе онъ обѣщаетъ устроить въ лѣсахъ большую охоту съ загонщиками.

1-го марта.—Раджа присылаетъ намъ по утру джамадара, который долженъ сопровождать насъ на алмазныя копи.

Минутъ двадцать идемъ мы по полямъ и достигаемъ небольшой площадки, загроможденной кучами кремней, между которыми растутъ пышные кусты жасминовъ, распространяющихъ въ воздухѣ

тонкое благоуханіе. У подножія одного пригорка, повыше другихъ, стоятъ оборванные солдаты; съ другой стороны открывается широкая шахта, на краю которой укрѣплено колесо водочерпательной машины, которое вертятъ четыре быка. Это то и есть алмазная копь, извѣстная во всемъ мірѣ. Скрипъ колеса, да нѣсколько голыхъ кули, которые уходятъ, возвращаются и снова уходятъ, неся на головахъ корзины съ мусоромъ,—вотъ и все, чѣмъ обнаруживается эта важная разработка. Невольно подумаешь, что ожидалъ отъ нея что-то большаго.

Самая шахта круглая, имѣетъ въ діаметрѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати метровъ а въ глубину двадцать. Наносная почва, которую она прорѣзываетъ, состоитъ изъ горизонтальныхъ, одинъ надъ другимъ лежащихъ, слоевъ, образовавшихся изъ остатковъ гнейса и углекислыхъ солей, имѣющихъ среднюю толщину въ тринадцать метровъ; подъ ними находится алмазоносная руда, смѣсь кремня и кварца, лежащая на красноватомъ глинистомъ грунтѣ. Приступая къ добыванію руды, шахту просверливаютъ въ какомъ нибудь направленіи и вытаскиваютъ, что попадется подъ руку. Рабочіе спускаются до самаго уровня по наклонному спуску, охраняемому солдатами, стоя по колѣна въ водѣ, которую не могутъ исчерпать даже бадьи водочерпательной машины; они ограничиваются тѣмъ, что наполняютъ соломенные корзины грязноватою массою и выносятъ ее на верхъ для разсмотрѣнія. Тамъ, подъ навѣсомъ помѣщается цѣлая система каменныхъ жалобовъ, въ которыхъ руда тщательно промывается; кремнистой осадокъ выкладывается на мраморный столъ и поступаетъ на разсмотрѣніе сортировщиковъ. Послѣдніе, имѣя каждый за спиною досмотрщика, разсматриваетъ камни одинъ за другимъ, откидывая негодные обратно въ корзину, а брилліанты оставляя возлѣ. Эта сортировка требуетъ большаго искусства и осмотрительности какъ со стороны рабочаго, такъ и со стороны надзирателя, ибо она должна производиться съ извѣстною быстротою, а брилліантъ въ грубомъ видѣ весьма трудно различается отъ окружающихъ его каменныхъ породъ: кремня, кварца, яшмы и др.

Для всякаго очевидно какъ первобытенъ еще этотъ способъ добыванія; можно съ увѣренностью утверждать, что съ самаго открытія этихъ копей, не было еще введено никакого улучшенія. Преданіе говоритъ, что брилліанты огромной величины были найдены совершенно случайно при вырытіи колодца. Такъ продолжаютъ поступать и до сихъ поръ; просверливаютъ глубокую яму, вытаскиваютъ со дна ея всю руду, затѣмъ ее снова заваливаютъ и начинаютъ рыть дальше въ томъ же самомъ неза-

мысловатымъ порядкѣ. Эта система, не говоря уже о томъ, что очень дорого обходится, приводить еще къ тому плачевному результату, что для того, чтобы взрыть кубическій метръ пространства, надо вытѣснить сто такихъ метровъ, а поверхность въ двадцать разъ большая пропадаетъ рядомъ совершенно даромъ. Кромѣ того, сверленіе колодцевъ производится весьма первобытнымъ способомъ, влечетъ за собою большую потерю времени и при всемъ томъ часто случается, что выбранное мѣсто не заключаетъ въ себѣ ни единой алмазной крупинки.

Вслѣдствіе такаго несовершеннаго способа, эти копи, разработываемыя уже въ теченіи двадцати вѣковъ, все еще находятся почти въ непочатомъ видѣ, и въ тотъ день, когда работа начнетъ производится штольнами, безъ сомнѣнія, получатся удивительные результаты.

Алмазоносный слой простирается въ длину болѣе чѣмъ на тридцать километровъ къ сѣверо-востоку отъ Панны; самыми значительными копями считаются, кромѣ главной, еще: Мира, Этава, Камарія, Брійпуръ и Барагари.

Онѣ производятъ ежегодно среднимъ числомъ брилліантовъ на сумму отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 милліоновъ франковъ; что очень немного, если принять во вниманіе, что эти брилліанты считаются лучшими во всемъ свѣтѣ и достигаютъ иногда на мѣстѣ очень высокой цѣны. Впрочемъ, къ намъ въ Европу они доходятъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Брилліанты же, которые мы привыкли называть этимъ именемъ, по большей части бразильскіе камни, которые путешествуютъ сначала въ Индію, а потомъ возвращаются обратно въ индійскихъ оберткахъ и этикетахъ.

Брилліанты Панны весьма чистой воды и превосходной игры; они представляютъ удивительное разнообразіе цвѣтовъ, начиная отъ самаго чистаго бѣлаго до чернаго, и переходя во всѣ промежуточные оттѣнки: молочный, розовый, желтый, зеленый. Вѣсъ ихъ не превышаетъ, среднимъ числомъ, пяти или шести каратовъ; иногда попадаются, впрочемъ, и въ двадцать каратовъ; копь Мира дала даже одинъ въ восемьдесятъ три карата, впослѣдствіи принадлежащій могольской коронѣ.

Не смотря на всѣ недостатки системы эксплуатаціи, дѣйствительный доходъ съ копей можно считать въ два раза больше оффиціальнаго дохода. И въ самомъ дѣлѣ, какія бы не принимались мѣры предосторожности въ этомъ краю, гдѣ испорченность вкралась во всѣ классы общества, почти невозможно помѣшать воровству, которое производиться въ крупныхъ размѣрахъ. Раджа нашелъ одинъ только способъ положить ему

нѣкоторый предѣлъ. Онъ установилъ приблизительную цифру обязательнаго дохода съ копей; если онъ получаетъ менѣе этой условленной цифры, то вызываетъ къ себѣ одного изъ главныхъ, заподозрѣнныхъ въ плутняхъ, начальниковъ, велитъ его обезглавить и конфискуетъ все его состояніе. Благодаря дѣйствію подобныхъ примѣровъ на остальныхъ, онъ можетъ быть, покойнымъ; онъ знаетъ, что мошенничество существуетъ, но знаетъ также, что всегда получитъ слѣдующую ему часть.

Раджа продаетъ свои брилліанты прямо въ Алагабадъ и въ Бенаресъ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроилъ онъ мастерскія для обдѣлки камней въ самой Паннѣ; прежде брилліантъ продавался въ грубомъ видѣ. Я не думаю, чтобы онъ могъ надѣяться достойнымъ образомъ соперничать съ голландскими гранильщиками; но, во всякомъ случаѣ, камни, выходящіе изъ этихъ мастерскихъ, очень недурны. Брилліантъ гранятъ и шлифутъ на горизонтальномъ стальномъ колесѣ, приводимомъ въ движеніе педалью и посыпанномъ алмазнымъ порошкомъ, смоченнымъ масломъ. Мастеръ держитъ камень въ особаго рода щипчикахъ и подноситъ его къ вертящемуся колесу. Самыя употребительныя здѣсь формы суть роза и широкогранный брилліантъ. Индійцы вообще почему то не любятъ многогранныхъ брилліантовъ, пользующихся въ Европѣ такою славою.

10-го марта. Утромъ король присылаетъ намъ экипажъ для прогулки по городскимъ окрестностямъ. У подножія холмовъ, начинающихся за предмѣстьями, цѣлый рядъ прудовъ, окруженныхъ садами, образуетъ очаровательный оазисъ; подъ густымъ зеленымъ покровомъ прячутся многочисленныя виллы, тамъ и сямъ виднѣются могилы. Въ одной изъ этихъ зеленыхъ аллей, мы встрѣчаемъ молодого бунделасскаго дворянина, приглашающаго насъ посѣтить его загородный домъ, находящійся невдалекѣ; это простой каменный павильонъ въ легкомъ стилѣ, затонувшій въ чащѣ гранатовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, между которыми журчатъ фонтаны, распространяя кругомъ пріятную свѣжесть. Намъ подаютъ подъ зубчатую арку веранды легкій полдникъ, состоящій изъ сладостей, восхитительнаго шербета и обсахаренныхъ ароматическихъ дынь. Вечеромъ, мы любуемся великолѣпнымъ заревомъ на западѣ плато:— то горятъ джунгли. Огонь пробрался въ самую густую чащу лѣса; изъ бамбуковыхъ кустовъ вылетаютъ то и дѣло цѣлые снопы ракетъ, а охваченныя пламенемъ ліаны перекидываются съ дерева на дерево причудливыми, фантастическими гирляндами.

© ГПНТБ СО РАН

Въ это время года пожары здѣсь составляютъ обыкновенное явленіе; они происходятъ отъ умышленныхъ поджоговъ гундсовъ, вопреки указамъ, строго воспрещающимъ пожары. Вслѣдствіе сухости кустарниковъ, огонь быстро поглощаетъ ихъ, но оказывается безсильнымъ противъ деревьевъ полныхъ жизненныхъ соковъ; такимъ образомъ, въ результатѣ получается, послѣ дождей, удвоенная сила и быстрота роста этого чужеядnаго царства.

11-го марта. Мы разсчитывали отправиться на охоту; но намъ предстоитъ еще посвятить день осмотру дворцовыхъ покоевъ, а главнымъ образомъ, королевскихъ огородовъ. Король самолично желаетъ показать намъ свои морковныя и капустныя плантаціи. Да не подумаютъ, что мы остаемся безучастными къ этому зрѣлищу; напротивъ, взоры наши съ благосклонностью останавливаются на рядахъ этихъ великолѣпныхъ овощей, отъ которыхъ уже такъ давно отвыкли наши бѣдные желудки.

Индія, въ самомъ дѣлѣ, очень бѣдна овощами, и это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что значительная часть ея населенія питается исключительно растительною пищею. За исключеніемъ двухъ или трехъ родовъ мѣстныхъ овощей, индіецъ не воздѣлываетъ ничего, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ; главнымъ образомъ онъ употребляетъ въ пищу рисъ, маисъ, ячмень и просо. Однако наши европейскія овощи при уходѣ и поливкѣ растутъ великолѣпно почти во всѣхъ мѣстностяхъ Индустана; но онѣ составляютъ еще до сихъ поръ монополію знатныхъ лицъ и англичанъ. Только одинъ картофель не можетъ акклиматизироваться въ этихъ жаркихъ странахъ и удается лишь на возвышенныхъ горныхъ равнинахъ Нилгерри, Гатовъ и отроговъ Гималая.

Абсолютный недостатокъ овощей, употребленіе которыхъ въ пищу мы считаемъ необходимымъ для поддержки здоровья, въ связи съ отсутствіемъ кислаго тѣста, составляетъ одно изъ самыхъ невыносимыхъ лишеній продолжительнаго путешествія во внутренность Индіи. Поэтому для путешественника наиболѣе пріятнымъ и цѣннымъ подаркомъ служитъ dali, то есть корзина съ фруктами и овощами, которую, согласно существующему обычаю, посылаютъ ему въ знакъ привѣтствія его благополучнаго прибытія.

Послѣ прогулки по огородамъ, король изъявляетъ желаніе имѣть портреты съ себя и съ своихъ сыновей; аппаратъ приносится во дворецъ и я дѣлаю клише, которое и позволяетъ мнѣ теперь познакомить читателя, съ королевскимъ семействомъ Панны.

12-го марта. Мы отправляемся сегодня принять участіе въ большой охотѣ, которая приготовлялась уже съ перваго дня нашего пріѣзда.

Сборный пунктъ назначенъ во дворцѣ. Мы находимъ короля одѣтаго въ сѣрую парусину и въ охотничьей шапкѣ, придающей ему черезвычайно забавный видъ. По окончаніи приготовленій, выходимъ изъ дворца; я ищу глазами свиту, экипажи или верховыхъ лошадей, которыя повезутъ насъ; вмѣсто того, я замѣчаю посреди площади локомотивъ, съ разведенными парами, совсѣмъ готовый къ отходу. Это небольшая машина, которую король досталъ изъ Калькутты за не дорогую цѣну уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ для того, чтобы показать себя своему народу въ полномъ блескѣ современной цивилизаціи.

Мы усаживаемся кое какъ въ узкой повозкѣ, прицѣпленной позади локомотива; послѣ рѣзкаго свистка онъ пускается на всѣхъ парахъ по нарочно сдѣланному для него гипсовому пути.

Какое несоотвѣтствіе! Ѣхать на охоту за тиграми и пантерами по одной изъ самыхъ дикихъ мѣстностей Индіи, и на чемъ же? — на буксирномъ паровозѣ! Представьте же себѣ оцѣпененіе этихъ дикихъ гундсовъ, этихъ людей недалеко ушедшихъ отъ людей каменнаго періода, при видѣ приближающейся къ ихъ заповѣднымъ лѣсамъ этой огненной колесницы, выбрасывающей клубы пара и милліоны искръ.

Дорогою король разсказываетъ намъ о непріятностяхъ, уже понесенныхъ имъ отъ его чудесной машины. Она была ему привезена изъ Калькутты однимъ англійскимъ механикомъ, который пробылъ у него на службѣ весьма недолгое время. Послѣ того какъ онъ уѣхалъ и никто не зналъ ея механизма, локомотивъ былъ предоставленъ ржавчинѣ до того времени, пока одинъ индіецъ, служившій кочегаромъ на какой то англійской желѣзной дорогѣ, не вздумалъ предложить королю своихъ услугъ. Онъ былъ сдѣланъ королевскимъ инженеромъ, но въ одну изъ первыхъ же поѣздокъ, паровозъ, раскаленный до бѣла неустрашимымъ индусомъ, принялся поглощать пространство съ такимъ трескомъ и съ такою ужасною быстротою, что благородные путешественники, охваченные паническимъ страхомъ, повыскакали изъ повозки, отдѣлавшись сильными ушибами,—и все таки хорошо сдѣлали, такъ какъ сто метровъ далѣе паровикъ лопнулъ, и злополучный механикъ погибъ на своемъ посту. Съ тѣхъ поръ локомотивъ починили и король велѣлъ себѣ объяснить его механизмъ, для того, чтобы быть въ состояніи наблюдать самому за дѣйствіями механика.

Путь, по которому ходитъ локомотивъ, хотя и узокъ, но отлично выров-

ненъ; для его устройства воспользовались углекислою солью съ береговъ Джумны, такъ называемомъ kanker, который имѣетъ свойство, будучи истолченнымъ и смѣшаннымъ съ водою, образовать весьма прочный составъ, который можно отшлифовать какъ мраморъ. Этотъ путь оканчивается въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ города, на берегу небольшаго озера, гдѣ король имѣетъ одну изъ своихъ лѣтнихъ резиденцій; тутъ насъ ожидаютъ слоны и свита.

Послѣ двухъ-часовой ѣзды по великолѣпнымъ лѣсамъ, на берегахъ Кейна, мы пріѣзжаемъ къ сборному пункту охоты рядомъ съ королевскимъ павильономъ; тутъ же приготовлена палатка и для насъ.

По окончаніи нашего завтрака, являются ловчіе принца извѣстить насъ о вѣроятномъ результатѣ предстоящей охоты; они сулятъ намъ золотыя горы, но тигра не обѣщаютъ и hankh, или генеральная облава, должна быть отложена до завтрашняго дня. Сегодня же надо удовольствоваться тѣмъ, что кому пошлетъ счастье.

Оставивъ разсѣявшихся по лѣсу охотниковъ, я ѣду лишь въ сопровожденіи одной шикари, стрѣлять зеленыхъ голубей и другихъ съ красивыми перьями птицъ, которыхъ мнѣ хочется сохранить. Когда мы ѣдемъ назадъ, путеводитель мой предлагаетъ мнѣ посѣтить находящійся по близости паркъ для слоновъ. Это просто обнесенное заборомъ изъ кольевъ пространство, въ которое заключены десятка два молодыхъ слоновъ, пойманныхъ въ одну изъ послѣднихъ охотъ съ загонщиками.

Вожаки объясняютъ мнѣ различные способы ихъ дрессировки.

Эти слоны, хотя и пойманы въ лѣсу, однако вовсе не дикіе. Въ Чуттерпорѣ и Панкѣ, и только въ этихъ двухъ странахъ, существуетъ особая система ихъ воспитанія.

Истребивъ совершенно дикихъ слоновъ, населявшихъ эти лѣса, ихъ наполнили снова уже выдрессированными животными, которые размножились на свободѣ, но не утратили привычки къ человѣку. Каждый годъ, въ опредѣленное время, стадо окружаютъ и выбираютъ изъ него всѣхъ молодыхъ, достигшихъ извѣстнаго возраста. Затѣмъ ихъ отводятъ въ особые спеціальные парки, гдѣ они оканчиваютъ свое воспитаніе и, по выходѣ оттуда, или поступаютъ въ продажу, или обратно отсылаются въ лѣсъ. Благодаря этой системѣ, получается порода слоновъ, превосходящихъ во всѣхъ отношеніяхъ тѣхъ, которые были пойманы уже въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ одичалыми; такіе дрессированные слоны составляютъ важную отрасль торговли со всѣми странами Индустана.

Нечего и говорить, что королевскій кордебалетъ и сюда послѣдовалъ за нами; въ этой странѣ ни одно празднество, ни одна церемонія не обходятся безъ того, чтобы въ нихъ не приняли участія танцовщицы и музыканты. И такъ, вечеромъ мы любуемся зрѣлищемъ баядерокъ, при свѣтѣ факеловъ; высокія деревья, озаряемыя неровными вспышками пламени, образуютъ декорацію, которой позавидовала бы сама Музыкальная Академія; это именно та декорація, которая лучше всего идетъ къ этимъ танцамъ стариннаго ритма, къ этимъ загорѣлымъ, залитымъ въ золото и брилліанты танцовщицамъ.

Между тѣмъ какъ онѣ перебираютъ передъ нами свой классическій репертуаръ, начиная съ танца Панду до пляски «Tâs-bi-tâs», король, записной охотникъ, разсказываетъ намъ свои похожденія. Я приведу одинъ изъ его разсказовъ, который принесетъ равную честь какъ мужеству этого добраго принца, такъ и сыновней преданности его наслѣдника.

Въ Индіи существуетъ обычай, чтобы принцы и знатные люди окружали себя при охотѣ на дикихъ звѣрей всевозможными предосторожностями, такъ, чтобы для нихъ убить тигра представляло не болѣе опасности какъ если бы они стрѣляли въ него изъ оконъ своего дворца. Но, какъ истинный послѣдователь св. Губерта, раджа Панны, пренебрегая всѣми предосторожностями, любилъ встрѣчаться съ этимъ страшнымъ противникомъ глазъ-на-глазъ и состязаться съ нимъ, не имѣя надъ нимъ другихъ преимуществъ, кромѣ своего искусства и хладнокровія. Разъ на охотѣ, когда онъ стоялъ у обрыва скалы и поджидалъ тигра, котораго загонщики гнали прямо на него, звѣрь, уже раненый, вдругъ вышелъ изъ чащи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и, сдѣлавъ страшный прыжокъ, смялъ его подъ себя. Король былъ на волосокъ отъ смерти; его старшій сынъ, услышавъ крикъ, прибѣгаетъ и, нимало не колеблясь, устремляется на тигра и убиваетъ его ударомъ кинжала; король отдѣлался нѣсколькими царапинами.

Я думаю, что, пробѣжавъ лѣтописи Индіи самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, мы все таки не найдемъ другой подобной черты сыновней преданности; наслѣдный принцъ спасаетъ жизнь своему отцу въ странѣ, гдѣ каждый государь погибаетъ насильственною смертью и становится жертвою честолюбія своихъ преемниковъ!

Этотъ случай навелъ однако добраго монарха на размышленія и, уступая настояніямъ семейства, онъ обѣщалъ не подвергать болѣе свою

жизнь опасности. Его изобрѣтательный умъ нашелъ средство устранить опасность и въ тоже время сохранить иллюзію. Онъ велѣлъ себѣ сдѣлать клѣтку на колесахъ, съ толстыми желѣзными рѣшетками, въ которой, комфортабельно сидя, онъ можетъ спокойно ожидать приближенія тигра и безнаказанно убить его.

XLI.

Охота съ загонщиками.—Стадо самберовъ.—Поѣздка въ Аджигуръ и Калинжеръ

13-го марта.—Мѣстность, на которой предполагали устроить охоту съ загонщиками, представляла собою круглую площадь, лишенную отчасти лѣса и изрытую многочисленными оврагами. Высохшій ручей прорѣзывалъ ее по всему протяженію и, при своемъ входѣ въ долину, образовалъ узкое ущелье, съ обѣихъ сторонъ котораго возвышались крутыя скалы. Это ущелье служило единственнымъ проходомъ для животныхъ со стороны лѣса, и онѣ такимъ образомъ должны были проходить подъ выстрѣлами сторожившихъ ихъ охотниковъ, расположенныхъ на скалахъ, по обѣимъ сторонамъ ущелья. Загонщики предварительно согнали всю дичь въ овраги, пересѣкавшіе площадь во всѣхъ направленіяхъ, и окружили ближнія высоты довольно густою цѣпью.

Съ самаго утра крики и звуки гонговъ и цимбалъ наполняли шумомъ весь лѣсъ. Мы отправились на свои мѣста, и вскорѣ показались первыя животныя, которыя, чуя опасность съ нашей стороны, испуганно перебѣгали изъ одного оврага въ другой. По временамъ, то кабанъ, то лань пытались ускользнуть отъ нашихъ глазъ, а такъ какъ мы стрѣляли по очереди, то нѣкоторымъ изъ нихъ дѣйствительно удавалось спастись.

Послѣ двухъ-часовой бойни, принявшей значительные размѣры, мы услышали приближавшіеся крики, и вскорѣ увидѣли на гребняхъ сосѣднихъ горъ загоньщиковъ гундъ, скакавшихъ и кричавшихъ точно демоны. Вдругъ глухой шумъ со стороны кустарниковъ, похожій на шумъ цѣлаго эскадрона, пущеннаго въ галопъ, на время покрылъ

© ГПНТБ СО РАН

собою происходившую у насъ сумятицу. Кустарники раздвинулись, и мы увидѣли на песчаномъ днѣ оврага стадо самберовъ.

Самберъ или hippelaphe собственно большой индѣйскій олень; ростомъ онъ однако выше европейскаго оленя. Самцы украшены большими вѣтвистыми рогами, а самки совсѣмъ лишены ихъ. Шерсть у этихъ животныхъ на спинѣ темнаго цвѣта, бархатистая, а подъ брюхомъ совершенно бѣлая.

Означенное стадо, около сорока головъ, неслось къ намъ съ такимъ шумомъ, что земля дрожала подъ ихъ копытами. Во главѣ стада находились самцы съ опущенными головами. Не успѣлъ я бросить взглядъ на этихъ чудныхъ животныхъ, какъ они были уже около насъ. Раздались выстрѣлы, и все стадо, въ видѣ метеора, промелькнула по ущелью и скрылась въ джунглѣ. Два самца, самка и одинъ молодой олень остались на мѣстѣ.

За самберами слѣдовали въ безпорядкѣ кабаны, шакалы, лоси и гіены, выгнанные изъ своихъ убѣжищъ нашими загонщиками, которые преслѣдовали ихъ, испуская дикія завыванія. Въ ту минуту люди и звѣри такъ перемѣшались между собою, что многія пули вмѣсто звѣрей попадали въ загонщиковъ, и подобныя оплошности, какъ ни грустно, но надо сознаться, обращали на себя весьма мало вниманія охотниковъ. Результатъ охоты былъ изумительный и напоминалъ собою знаменитыя охотничьи похожденія въ Нармугрѣ и Удейпурѣ.

Послѣ этой облавы охотники сѣли на слоновъ и отправились преслѣдовать звѣрей, раненыхъ во время общей свалки. До самаго вечера раздавалось эхо отъ ихъ выстрѣловъ, и только ночью всѣ собрались снова вокругъ бивуачнаго огня.

15-го марта.—По возвращеніи въ Панна, я рѣшился перемѣнить свой лагерь и вслѣдствіе этого двинулся, вдвоемъ съ Шаумбургомъ, къ сѣверу, къ укрѣпленіямъ Аджигура и Калинжера, расположеннымъ первое въ пяти, а послѣднее въ девяти миляхъ отъ Панна.

Мы отправились верхами, и за нами слѣдовали въ качествѣ проводниковъ четыре совари. Оставивъ дорогу, по которой пришлось бы сдѣлать большой крюкъ, мы поѣхали по тропинкамъ, пересѣкавшимъ лѣсъ, причемъ почти каждую минуту приходилось то спускаться, то подниматься на обрывистыя отлогости, а мѣстами растительность была до того густа, что наши лошади съ трудомъ пробивали себѣ дорогу.

Во 8 часовъ утра мы замѣтили укрѣпленія Аджигура, находящіяся на скалѣ, отдѣленной глубокимъ ущельемъ отъ общей цѣпи горъ, и

вскорѣ затѣмъ достигли подошвы подъема, ведущаго въ крѣпость. Семь воротъ, на половину разрушенныхъ, служатъ входомъ въ укрѣпленія. Достигнувъ вершины скалы, мы очутились въ срединѣ большаго числа строеній, на столько же поврежденныхъ, какъ и въ Читторѣ. За недостаткомъ времени, я не могъ обозрѣть подробно эти постройки, поэтому ограничился только тѣмъ, что посѣтилъ великолѣпную группу памятниковъ Чанделасъ, живописно расположенныхъ на берегахъ ручья Пармаль.

До самаго Калинжера ѣхали мы по лѣсной чащѣ и достигли послѣдняго послѣ трехъ-часовой ѣзды подъ невыносимо жгучими солнечными лучами.

Укрѣпленія Калинжера пользуются большимъ значеніемъ во всей долинѣ Ганга. Считаясь долгое время неприступными, онѣ были взяты англичанами въ 1804 году, безъ особенно серьезныхъ потерь.

Положеніе города напоминаетъ собою во многомъ Аджигуръ. Онъ также расположенъ на верху изолированной скалы, высотою въ триста семьдесять метровъ, а вершина этой скалы, имѣющая видъ вертикальной стѣны, около шестидесяти метровъ въ вышину, служитъ подножіемъ вышеозначеннымъ укрѣпленіямъ.

Въ прежнее время изъ равнины на возвышенность вели два подъема изъ нихъ въ настоящее время только одинъ сѣверный можетъ отвѣчать своему назначенію. Онъ идетъ вдоль зубчатой стѣны и перерѣзанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ укрѣпленными воротами, число которыхъ доходитъ до семи (число семь считается, кажется, священнымъ). Добравшись до вершины, мы встрѣтили у городскихъ воротъ стараго брамина, который изъявилъ готовность сопровождать насъ при обзорѣ достопримѣчательностей Рабичитора.

Слѣдуя по крутой дорогѣ, шедшей влѣво отъ городскихъ воротъ, мы замѣтили сначала небольшое углубленіе въ скалѣ, извѣстной подъ названіемъ Сива-Коти или жилище Сивы. Внутренность этого жилища представляетъ небольшую комнату съ гладкимъ потолкомъ, а украшеніемъ стѣнъ служатъ ниши съ полками, высѣченныя въ скалѣ и вполнѣ схожія съ тѣми, которыя можно встрѣтить въ каждомъ жилищѣ индуса, гдѣ онѣ замѣняютъ шкафы. На одной сторонѣ комнаты находится блокъ, представляющій постель бога.

Такихъ же точно пещеръ въ этой скалѣ можно встрѣтить до пятидесяти или даже до шестидесяти. Простота ихъ внутренняго устрой-

ОТПЕЧАТОРАН

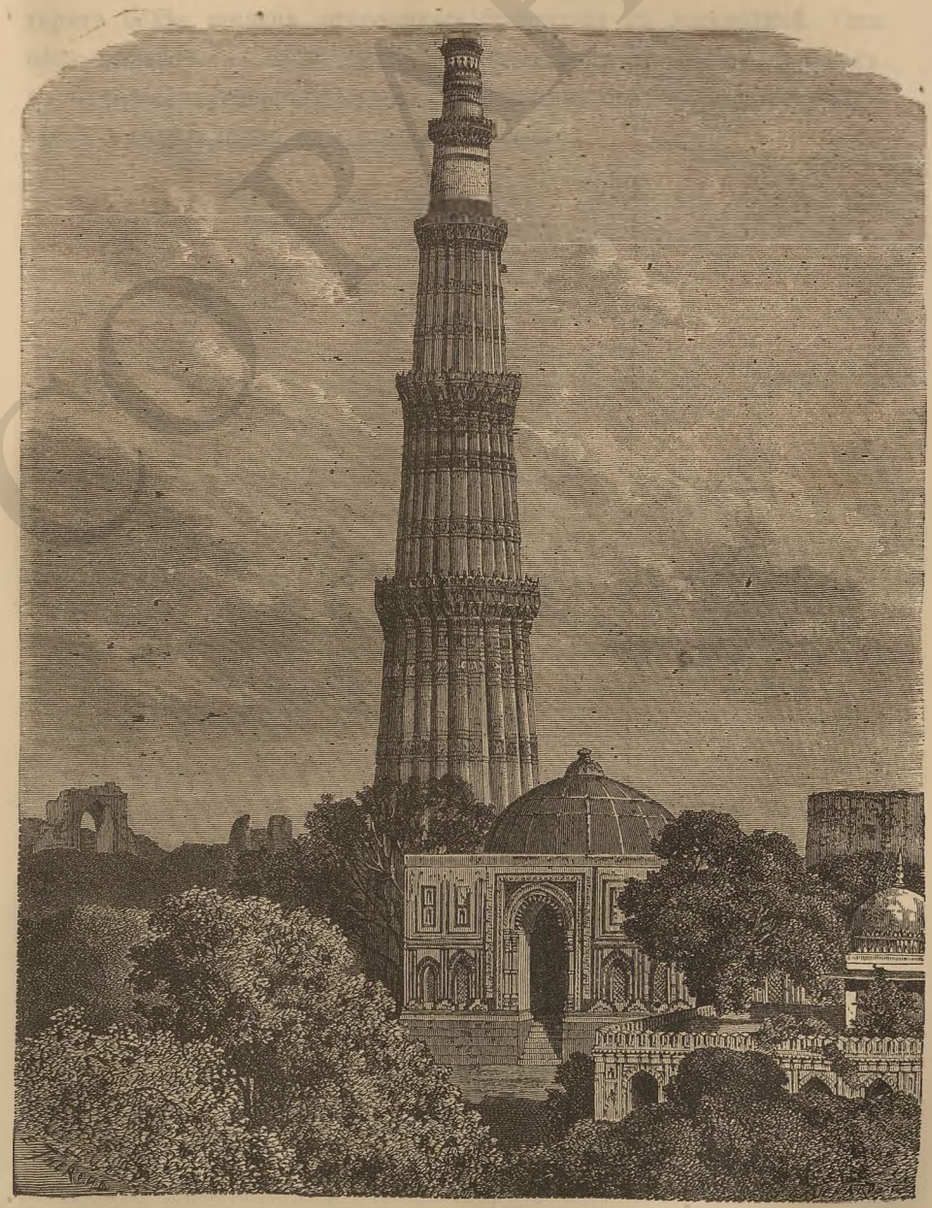
ства и полнѣйшее отсутствіе идоловъ доказываютъ, что онѣ служили убѣжищемъ первымъ отшельникамъ, поселившимся на этой скалѣ.

Недалеко отъ Сива-Коти, подъ скалой, опирающейся на укрѣпленія, открывается узкій входъ въ пещеру Паталь Ганга (подземный Гангъ). Эта впадина представляетъ природное углубленіе, лежащее въ пятнадцати метрахъ подъ поверхностью земли, а для входа въ нее служитъ лѣстница, опускающаяся внизъ совершенно перпендикулярно. Нашъ проводникъ зажегъ фонарь, и мы послѣдовали за нимъ въ этотъ сырой проходъ, наполненный отвратительными вампирами. На половинѣ спуска намъ бросился въ глаза лучъ свѣта, и мы, сквозь отверстіе, увидѣли долину, разстилающуюся у подножія Калинжера; поэтому весьма не трудно было догадаться, что лѣстница, по которой мы спускались, находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ наружнаго фаса возвышенности. По ту сторону означеннаго отверстія, около сорока ступеней вели ко входу въ пещеру. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что это углубленіе устроено природою, и что человѣкъ, съ своей стороны, ничего не прибавилъ къ нему. Оно простирается на 16 метровъ въ глубину и на 9 въ ширину, и наполнено почти до самаго входа водою, просачивающеюся, капля по каплѣ, сквозь поверхность скалы самый резервуаръ имѣетъ въ глубину около 10 метровъ, и проникнуть внутрь его не представляется никакой возможности.

Водѣ его наполняющей приписываютъ цѣлебныя свойства при излеченіи отъ проказы, накожныхъ и душевныхъ болѣзней. По преданію, король Чандела-Магобы, Киратъ-Бримъ, былъ избавленъ этою водою отъ неподдававшейся никакому леченію проказы, и въ память этого чудеснаго излеченія обнесъ весь холмъ укрѣпленною оградою. Но къ несчастію, этому преданію не совсѣмъ можно вѣрить, такъ какъ уже доказано, что означенныя укрѣпленія существовали еще въ X столѣтіи, т. е. двумя столѣтіями раньше правленія Кирата.

На противуположной оконечности возвышенности расположены пещеры Ниль-Кантъ — самыя значительныя изъ всѣхъ пещеръ Калинжера. Въ этихъ углубленіяхъ находятся нѣсколько помѣщеній изъ цѣльнаго камня, храмы, прекрасныя барельефы Варага Аватаръ и множество скульптурныхъ произведеній и надписей,

То краткое время, которое я могъ посвятить обзору этой замѣчательной группы монументовъ, не позволило мнѣ описать ихъ съ надлежащею подробностью; по исторической же важности, эти монументы можно отнести къ классу тѣхъ памятниковъ, которые я видѣлъ въ



Башня Кутабъ въ делійской равнинѣ.

Гваліорѣ. Не разсчитывая увидѣть столько достопримѣчательностей, я, къ моему крайнему сожалѣнію, не позаботился взять съ собою фотографическаго аппарата.

Мы воротились въ Панна только на слѣдующій день и, чтобы не терять болѣе времени, отправились проститься съ магараджей. Онъ насъ принялъ, по обыкновенію, просто и подарилъ каждому изъ насъ по прекрасному перстню съ брилліантами изъ его собственныхъ пріисковъ и обдѣланными въ его же мастерскихъ..

© ГПНТБ СО РАН

XLII.

Отъ Панна до Реваха.

Нагода.—Англо-индійское гостепріимство.—Отъѣздъ конвоя Сциндіа.—Охота въ англійскомъ вкусѣ.—Мадгогуръ.—Согавулъ.—Раджа Дуржунпора.—Ревахъ.

18-го марта.—Мы покинули Панна раннимъ утромъ на одномъ изъ слоновъ раджи, а наши люди были уже ранѣе отправлены впередъ. Дорога въ Ревахъ, по которой мы ѣхали, спускается съ возвышенности, на юго-востокѣ, горными проходами, и спускъ ея съ этой стороны представляетъ гораздо менѣе неровностей, чѣмъ со стороны Кейна; напротивъ того, почва здѣсь сперва немного повышается и образуетъ рядъ холмовъ средней высоты, а затѣмъ спускается отлогими скатами къ самой равнинѣ. Растительность не представляетъ болѣе поразительно грандіознаго вида; лѣса становятся не особенно густыми, прерываются сухими, безплодными прогалинами, или же состоятъ изъ низкихъ джунглей.

Около семи часовъ мы достигли великолѣпной равнины, совершенно гладкой и граничащей къ югу линіею синеватыхъ высотъ. Эта равнина служитъ низшею исходною точкою большой горной возвышенности, покрывающей центральную Индію, и которая, постепенно повышаясь, идетъ отъ долины Ганга къ высотамъ Виндіасовъ Бопала и Мандоу. На сѣверѣ она простирается до Джумны, близъ которой образуетъ рядъ вертикальныхъ спусковъ, дающихъ начало рѣкѣ Тонзѣ и ея горнымъ притокамъ.

Недалеко отъ ущелій, чрезъ которыя намъ пришлось переходить, среди роскошныхъ плантацій кунжута находится мѣстечко Канкрати,

окруженное густымъ лѣсомъ манговыхъ деревьевъ. Въ этомъ мѣстечкѣ мы нашли нашихъ людей, расположившихся подъ тѣнью деревьевъ.

Вечеромъ мы рѣшились отправиться въ Нагоду, находившуюся слишкомъ въ 8 миляхъ отъ мѣста нашей стоянки, и прибыли туда, благодаря лѣнивому ходу нашихъ слоновъ, только въ полночь. Насъ проводили въ дакъ-бунгаловъ, гдѣ мы нашли постели и мебель, если и не роскошныя, то тѣмъ не менѣе все таки сносныя. Позже мы узнали, что этимъ удобствомъ мы были обязаны исключительно нагодскому раджѣ, потому что англичане не считали нужнымъ омеблировать бунгаловъ, посѣщаемый только изрѣдка. Принцъ же, извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ, распорядился немедленно, чтобы жилище снабдили всѣмъ нужнымъ. Такимъ образомъ бунделасцы оказались гостепріимнѣе англичанъ.

Нагода считается столицею одного изъ самыхъ маленькихъ княжествъ Бундельскунда. Она представляетъ собою большую деревню, лишенную всякаго интереса, но расположенную въ прекрасной мѣстности, въ центрѣ равнины, на ровномъ разстояніи отъ горной возвышенности и Джумны. Дома ея, обмазанные глиною, образуютъ нѣсколько широкихъ и чистыхъ улицъ. За чертою города построено на холмѣ небольшое укрѣпленіе, въ которомъ помѣщается и дворецъ короля.

Своимъ относительнымъ оживленіемъ и даже благосостояніемъ, городъ обязанъ военному англійскому отряду, расположенному въ его окрестностяхъ. Этотъ отрядъ состоитъ всего изъ двухъ полковъ и одной батареи, и во время возмущенія туземцевъ въ 1857 году былъ окончательно ими уничтоженъ.

Вся страна, прилегающая къ Нагодѣ, дробится на множество болѣе или менѣе значительныхъ княжествъ, какъ напр.: Согавуль, Дурджунпоръ, Биджавуръ и т. д., находящихся подъ протекторатомъ Англіи. Агентъ, уполномоченный для сношеній между этими государствами, живетъ въ Нагодѣ и исполняетъ въ тоже время обязанность секретаря при дворахъ Богелькунда, Реваха и Мигере. Этотъ агентъ находится въ зависимости отъ центральнаго агентства въ Новгонгѣ. Капитанъ Кинкэдъ рекомендовалъ ему меня и просилъ устранить, по возможности, всѣ препятствія, которыя могли бы намъ встрѣтиться во время нашего путешествія въ этихъ краяхъ. Но къ несчастью, по пріѣздѣ, мы узнали, что м-ръ Кольсъ находился въ отлучкѣ, и намъ, такимъ образомъ, нужно было дожидаться его въ Нагодѣ. Не смотря на то, что подобная перспектива не представляла для насъ ничего особенно пріятнаго, намъ пришлось все таки покориться. Въ теченіи двухъ мѣся-

© ГПИБ СОРАН

цевъ, нашъ конвой составляли все тѣ же люди, которыми насъ снабдилъ магараджа Сциндія въ Гваліорѣ, и хотя они были намъ даны на неопредѣленный срокъ, но тѣмъ не менѣе держать ихъ долѣе при себѣ значило бы злоупотреблять довѣріемъ этихъ людей, которымъ и такъ уже предстояла длинная обратная дорога. Къ тому же мы потеряли двухъ верблюдовъ изъ числа тѣхъ, которые были намъ довѣрены; мѣстность, въ которую мы углубились, дѣлалась все болѣе и болѣе неблагопріятною для этихъ животныхъ, и поэтому пора было уже ихъ отослать домой. Но при этомъ явилось для насъ большое затрудненіе: чѣмъ ихъ замѣнить? Страна не могла дать намъ средствъ къ передвиженію, и только вліяніе агента могло еще помочь въ этомъ отношеніи. Всѣ эти соображенія побудили насъ дождаться агента, хотя съ одной стороны Нагода сама по себѣ не представляла ровно ничего замѣчательнаго, а съ другой приближался быстро періодъ дождей.

На другой день послѣ нашего пріѣзда, раджа прислалъ къ намъ двухъ мунчисъ съ тѣмъ, чтобы назначить часъ нашего свиданія съ нимъ. Мунчисовъ сопровождала цѣлая фаланга слугъ, которые несли различные подарки для насъ, состоявшіе изъ конфектъ, фруктовъ, дичи и козлятъ.

Въ два часа мы отправились во дворецъ, если только можно назвать такъ жилище раджи, простой бунгаловъ, крытый черепицею, съ деревянными верандами, и расположенный въ центрѣ укрѣпленной ограды.

Раджа ожидалъ насъ на крыльцѣ и принялъ очень любезно. Это былъ пріятный старикъ, съ улыбающимся лицемъ и простыми манерами. Онъ разговаривалъ съ нами безъ всякой афектаціи и угощалъ насъ самъ въ своемъ скромномъ жилищѣ. Про него разсказываютъ, что онъ умный и дѣятельный человѣкъ, и заботится объ интересахъ своего микроскопическаго государства. Его доходы не превышаютъ пяти лаковъ рупій, или около 1.300,000 франковъ; но вмѣсто того, чтобы содержать, подобно другимъ раджамъ, большую армію, которая ни къ чему не ведетъ и даже просто смѣшна, онъ довольствуется небольшимъ полицейскимъ штатомъ, обмундированнымъ и обученнымъ по англійскому образцу.

Онъ имѣетъ въ Бунделькундѣ гораздо большее значеніе чѣмъ то, на которое бы имѣлъ право по своимъ скромнымъ владѣніямъ. Происходитъ же это по той причинѣ, что онъ во первыхъ служитъ представителемъ одного изъ могущественнѣйшихъ клановъ «солнечной» расы

клана Чоганъ и во вторыхъ, что онъ находится въ союзѣ съ могущественными родами Мейваръ и Гараути. Въ индусской церемоніи этому князьку было дано предпочтеніе передъ Сциндіей, Гюлковаромъ и другими магаратскими и бунделасскими властителями.

По возвращеніи въ бунгаловъ, намъ не оставалось ничего болѣе, какъ вооружиться терпѣніемъ и ждать пріѣзда м. Кольса. Въ городѣ насчитывалось до пятнадцати европейцевъ, большею частью офицеровъ или чиновниковъ, которымъ всякій пріѣзжающій обязанъ былъ сдѣлать визитъ. Поэтому, по пріѣздѣ въ какую нибудь англійскую колонію, ничто такъ не пугало, какъ эти визиты; нужно облачаться въ черное платье, надѣвать фракъ, галстухъ и выдерживать затѣмъ въ теченіи цѣлаго часа нестерпимую жару на солнечномъ припёкѣ; таковъ уже англо-индійскій этикетъ. Мы однако остались въ бунгаловѣ, надѣясь пробыть не замѣченными; но два путешественника составляютъ черезъчуръ пріятную находку въ этихъ дикихъ странахъ для того, чтобы имъ позволили безнаказанно нарушать приличія. Прождавъ цѣлый день нашихъ визитовъ, офицеры прислали къ намъ своего старшаго представителя, генерала Б***, который, хотя и очень деликатно, но все же упрекнулъ насъ въ одичалости и повелъ насъ въ mess-court, гдѣ мы были встрѣчены подобными же упреками, конечно, выраженными въ весьма вѣжливой формѣ. Вслѣдъ за симъ все общество съ такою любезностью и энергіей приложило старанія пріискать для насъ развлеченія, что пребываніе наше въ Нагодѣ осталось для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моего путешествія.

Въ теченіи дня мы охотились въ сосѣднихъ горахъ за тиграми и самберами, причемъ товарищемъ нашимъ былъ генералъ Б***, самый смѣлый охотникъ въ центральной Индіи. Число убитыхъ имъ тигровъ доходило до сотни, а что касается до медвѣдей, пантеръ и другихъ убитыхъ имъ дикихъ звѣрей, то онъ и счетъ имъ потерялъ. Мы посѣтили его домъ, представлявшій собою настоящій музей, въ которомъ стѣны совершенно исчезали подъ трофеями охоты, а предъ входомъ красовался выбѣленный скелетъ огромнаго слона, убитаго имъ въ окрестностяхъ Панна. Самою замѣчательною вещью изъ всей коллекціи была шкура тигра, которая, наброшенная на буйвола, покрывала его совсѣмъ; шкура эта принадлежала тигру изумительныхъ размѣровъ, убитому генераломъ въ окрестностяхъ Нагоды.

Вечеромъ мы собрались вмѣстѣ съ нашими любезными хозяевами въ mess-court'ѣ. За столомъ былъ провозглашенъ тостъ въ честь француз-

ской арміи и ея знамени, за нимъ былъ предложенъ другой тостъ и т. д. такъ что первые лучи зари застали насъ въ разгарѣ большаго сраженія, жертвою котораго были цѣлые батальоны бутылокъ sparcing hock и mimm. Подобное общество до того намъ понравилось, что хотя м. Кольсъ уже нѣсколько дней какъ пріѣхалъ, а мы все еще не думали отправляться далѣе.

М. Кольсъ могъ намъ пріискать только двѣ телѣжки, запряженныя каждая пятью быками, да и то только до Реваха. Поэтому намъ необходимо было удержать при себѣ слона изъ Панна. Кончивъ всѣ приготовленія, я объявилъ людямъ нашего конвоя, что они могутъ отправиться домой. Всѣ эти храбрецы, служившіе намъ честно и вѣрно, собрались передъ бунгаловомъ и я обратился къ нимъ съ небольшою рѣчью, въ которой поблагодарилъ ихъ за службу, далъ имъ по нѣсколько рупій и въ заключеніе передалъ письмо къ джамадару, въ которомъ описалъ магараджѣ ихъ хорошее поведеніе. Прощаніе было трогательное. Каждый изъ нихъ обнималъ наши колѣна и затѣмъ, приложивъ нашу руку къ своему лбу, воскликнулъ: «Мабапъ»[1]), что означало, что мы были для нихъ хорошими господами. Наконецъ все было кончено и ихъ караванъ удалился, крича намъ восторженно «салямъ Кудаванъ!» [2]) Съ грустью смотрѣли мы на удаленіе верблюдовъ, этихъ смирныхъ и терпѣливыхъ животныхъ, которыя въ теченіи трехъ лѣтъ возили насъ; это были послѣдніе, которыхъ мы видѣли въ Индіи, потому что въ восточной Индіи верблюды почти совсѣмъ неизвѣстны.

Такимъ образомъ наше пребываніе въ Нагодѣ продлилось до 24 марта. Мы выѣхали оттуда въ одно прекрасное утро на нашемъ слонѣ и направились къ юго-востоку, по прекрасной мѣстности, съ разбросанными по ней большими деревнями. Къ югу виднѣлась цѣпь Бандеръ, разстилающаяся въ видѣ усѣченныхъ конусовъ или гладкихъ платформъ, склоны которыхъ, сначала довольно покатые, въ глубинѣ равнины поднимаются вдругъ въ видѣ отвѣсныхъ скалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды мы достигли Согавула, резиденціи раджи Бунделa. Согавулъ прелестный небольшой городокъ, расположенный на берегахъ рѣки Суттани. Въ нѣсколькихъ миляхъ мы пересѣкли полотно желѣзной дороги изъ Аллагабада въ Джуббульпоръ, которая въ будущемъ должна соединить Калькутту съ Бомбеемъ [3]).

1) Ма-бацъ означаетъ буквально—мать отецъ.
2) «Салямъ, Кудаванъ» значитъ спасеніе, посланное Богомъ.
3) Движеніе по этому пути открылось въ 1868 году.

Только въ полдень мы пріѣхали въ Мадгугуръ, другую маленькую столицу, кокетливо раскинувшуюся на правомъ берегу Тонзы, которую мы переѣхали въ бродъ. Укрѣпленный замокъ раджи расположенъ весьма живописно и господствуетъ надъ теченіемъ рѣки.

Не смотря на нестерпимою жару, намъ надо было проѣхать еще нѣсколько километровъ, чтобы достигнуть нашей стоянки близъ Дуржунпора. Я пріѣхалъ на мѣсто умирая отъ усталости, съ признаками солнечнаго удара; въ ушахъ у меня звенѣло, глаза были мутны, а сжатыя губы едва пропускали дыханіе; меня сняли съ слона въ безчувственномъ состояніи, положили въ постель, и только нѣсколько глотковъ водки, да компрессы изъ холодной воды могли меня снова привести въ чувство. На этотъ разъ я, къ счастію, отдѣлался только страхомъ. Дѣло въ томъ, что мы сдѣлали величайшую неосторожность, путешествуя впродолженіи семи часовъ подъ жгучимъ солнцемъ; неосторожность, которая могла бы окончится гибельнымъ для насъ образомъ. Солнечные лучи въ здѣшнихъ мѣстностяхъ дѣйствуютъ также сильно какъ молнія, и человѣкъ умираетъ также быстро, какъ отъ электрическаго удара. Иногда, впрочемъ, болѣзнь продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, при чемъ никакое лекарство не въ состояніи помочь больному, но въ большинствѣ случаевъ смерть бываетъ мгновенною. Единственное средство, когда человѣкъ чувствуетъ себя пораженнымъ солнечнымъ ударомъ, состоитъ въ томъ, чтобы время отъ времени опускать голову въ воду; тогда опасность устраняется немедленно.

Дуржунпоръ тоже столица, третья по счету послѣ Нагоды, и въ разстояніи двѣнадцати миль отъ нея. Это можетъ дать нѣкоторое понятіе о раздробленіи означенной части Бунделькунда. Раджа Дуржунпора прислалъ увѣдомить насъ о своемъ посѣщеніи, но я, по причинѣ болѣзни, долженъ былъ отклонить эту честь.

Наши палатки были раскинуты среди густой зелени, въ небольшомъ лѣсу, вдоль котораго протекала красивая рѣчка, орошавшая своими водами также и городъ. Тѣнь и свѣжесть воды на столько возстановили мое здоровье, что я чувствовалъ себя въ силахъ продолжать нашъ путь.

Намъ оставалось еще десять миль до Реваха; лошади же наши до того ослабѣли отъ жары, что единственнымъ нашимъ спасителемъ оставался одинъ только слонъ изъ Панна, но и тотъ такъ уже измучился, что не могъ сдѣлать болѣе шести километровъ въ часъ. Мы отправились въ полночь, чтобы быть на мѣстѣ до наступленія жары, а для того, чтобы ночь

ОТПЕЧАТАН

не была потеряна, я распорядился устроить на спинѣ слона постель, на которой мы и расположились такъ комфортабельно, какъ только могли. И дѣйствительно, протянувъ ноги и закрывъ глаза, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что находишься на какомъ нибудь кораблѣ; до того мѣрное покачиваніе слона напоминаетъ собою килевую и боковую качки.

На разсвѣтѣ мы проснулись; спать на слонѣ было весьма не дурно. Впродолженіи ночи мы ѣхали по большой голой равнинѣ; утромъ-же, почва, оставаясь по прежнему плоской, представляла широкія волнистыя пространства. Мѣстность была покрыта зеленью и усѣяна большими отдѣльно растущими деревьями. Горы Панна совершенно исчезли, и на горизонтѣ были видны только слабыя синеватыя очертанія гребней Кирмора.

Дорога внезапно оборвалась на краю пропасти, на днѣ которой пѣнятся воды Бегера. Немного выше вертикальная скала заграждала дорогу водѣ во всю ширину рѣки; послѣдняя одолѣвъ это препятствіе, низвергалась въ видѣ водопада, съ тридцати футовъ высоты, клубилась, пѣнилась и разбивалась внизу объ осколки скалъ, а надъ водопадомъ въ вышинѣ виднѣлись высокіе отвѣсные берега, увѣнчанные храмами и садами.

Мы спустились въ ложе рѣки по крутой дорогѣ, извивающейся вдоль берега.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ противуположнаго берега, мы увидѣли прекрасный бунгаловъ, куда и направили наши шаги, и вскорѣ хорошій завтракъ и постель, устроенная на ремняхъ, заставили насъ живо позабыть усталости, перенесенныя нами во время послѣднихъ двухъ переѣздовъ въ сорокъ километровъ.

XLIII.

Богелькундъ.

Богелькундъ, его пространство, границы и исторія. — Легенда Багеласовъ. — Бандугуръ. — Деванъ. — Ревахъ. — Дворецъ. — Прокаженный король. — Королевскій спичъ. — Водопадъ Тонзы.

Богелькундъ или Багелакгундъ составляетъ подъ именемъ Реваха, одно изъ значительнѣйшихъ королевствъ восточнаго Индустана. Поверхность его представляетъ 16,600 квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ болѣе двухъ милліоновъ душъ. Расположенный между провинціями Аллагабадъ, Бегаръ, Бунделькундъ, Сиргуджа и Гурра-Мандла, онъ занимаетъ всю горную возвышенность, отдѣляющую Гангъ отъ источниковъ Нербуды, и граничащую къ западу Тонзою, а къ востоку Муррамомъ.

Кирмореcкія горы прорѣзываютъ Богелькундъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и раздѣляютъ его на два склона. Эта цѣпь, хотя и не особенно высока, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя ея вершины достигаютъ до пяти и даже до шестисотъ метровъ высоты; кромѣ того она соединяетъ также Виндіасы съ главными отрогами горъ Раймагала.

Сѣверный бассейнъ королевства составляетъ частью долина Ганга. Почва здѣсь скорѣе низменная и въ высшей степени плодородная. Вся мѣстность заселена чрезвычайно густо и преимущественно индусами, народомъ тихимъ, трудолюбивымъ и занимающимся земледѣліемъ.

Южный бассейнъ образуется долиною верхняго теченія Зона. Почва въ этой мѣстности большею частью неровная и покрыта лѣсами и пу-

© ГПИБ СО РАН

стынями, простирающимися до Сумбулпора. Эта страна, почти еще неизвѣстная и въ наше время, служила въ прежнее время послѣднимъ убѣжищемъ первобытнымъ жителямъ Индіи, которыхъ застали первые завоеватели этого полуострова; если наши предположенія вѣрны, то въ этой то именно странѣ мы и должны искать представителей типа негритовъ, бывшихъ родоначальниками первыхъ жителей Индустана. Главный процентъ нынѣшняго населенія составляютъ гундсы, напоминающіе собою еще болѣе чѣмъ бильсы, типъ смѣшанной расы или Судры, населявшей полуостровъ до завоеванія его арійскими племенами. Позже, я буду еще имѣть случай изслѣдовать ближе происхожденіе этого народа, теперь же сообщу только результатъ одного интереснаго наблюденія. Я замѣтилъ, что какъ индусы, такъ и европейцы, поселившіеся въ равнинѣ, не въ состояніи и до сихъ поръ вынести климата этой части Гундваны, а этотъ фактъ можетъ вполнѣ служить доказательствомъ тому, что нынѣшніе жители страны ведутъ свой родъ или отъ первоначальныхъ обитателей полуострова, или же отъ народовъ, поселившихся тутъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Лѣса, покрывающіе эту мѣстность, наполнены хищными животными и доступъ къ нимъ затрудняется еще въ большей степени ужасною лихорадкою, выходящею изъ глубокой туманной чащи.

Исторія Богелькунда и въ особенности страны гундсовъ покрыта до сихъ поръ еще мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только, что въ первыхъ индустанскихъ поэмахъ упоминается о томъ, что Амаръ-Кантакъ жилъ въ большомъ лѣсу Дандака, на который арійскія племена смотрѣли какъ на убѣжище демоновъ и сказочныхъ звѣрей.

Въ XII или XIII вѣкѣ одинъ изъ клановъ, Ражпутъ Чалукіа, овладѣлъ всей долиною Зона и далъ ей названіе Багела-кундъ, или страна багеловъ; англичане же исказили это названіе страны и переименовали ее въ Богелькундъ.

Князья изъ рода Чалукіа принадлежали къ племени Суріаванзи и царствовали въ Ангульвара Патанъ съ 1172 по 1294 годъ, послѣ чего они были низвергнуты Аладиномъ Кровавымъ, императоромъ Дели. Поэтому, весьма вѣроятно, что кланъ Багела Чалукіа, послѣ потери своихъ владѣній, принужденъ былъ искать новыхъ территорій въ дикихъ мѣстностяхъ Гундваны.

Но это предположеніе не согласуется, однако, съ сохранившимся въ Ревахѣ преданіемъ, которое слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе племени багела.

«Около семисотъ лѣтъ тому назадъ, въ Пальгурѣ и въ Гузуратѣ царствовалъ принцъ изъ знаменитаго рода Чалукіа, и не смотря на то, что у него былъ уже одинъ сынъ, богамъ угодно было послать ему другаго. При рожденіи этого принца, былъ конечно спрошенъ оракулъ, и каковъ же былъ испугъ короля, когда онъ услышалъ, что сынъ его принесетъ Индіи со временемъ много бѣдствія. Чтобы устранить это несчастіе, онъ приказалъ тотчасъ же отнести ребенка въ сосѣдній лѣсъ, наполненный дикими звѣрями. Спустя нѣсколько времени въ Пальгуръ пріѣхалъ святой Ричи и, узнавъ о случившемся, пожелалъ освѣдомиться въ томъ, какая участь постигла маленькаго принца; каково же было его удивленіе, когда, прійдя въ лѣсъ, онъ нашелъ ребенка въ пещерѣ. куда его принесла тигрица и кормила своимъ молокомъ. Когда король узналъ о чудесномъ спасеніи своего сына, то призвалъ его ко двору и далъ ему имя Багела, что значитъ «сынъ тигрицы». Достигнувъ совершеннолѣтія молодой принцъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ, и въ сообществѣ съ нѣсколькими преданными ему людьми покинулъ дворъ своего отца. Подтверждая предсказанія гороскопа, онъ бросился искать приключеній и послѣ безчисленнаго ряда битвъ овладѣлъ обширнымъ королевствомъ и основалъ свою столицу въ Бандугурѣ».

Такимъ образомъ, по словамъ легенды, Бандугуръ (закрытый городъ) былъ первою столицею Богелькунда, и продолжалъ ею быть до начала нынѣшняго столѣтія, послѣ чего уступилъ свое мѣсто Реваху. Бандугуръ занимаетъ довольно сильную позицію на берегахъ Зона, къ югу отъ Кирморскихъ горъ, но въ настоящее время совершенно покинутъ. По разсказамъ туземныхъ жителей, Бандугуръ — городъ чудесъ, конкуррирующій, по богатству своихъ дворцовъ и великолѣпію памятниковъ, съ Амберромъ и Шитторомъ. Впрочемъ, эти разсказы довольно трудно провѣрить, такъ какъ входъ въ старинную столицу строго воспрещенъ европейцамъ, и ни одинъ путешественникъ, на сколько мнѣ извѣстно, не могъ проникнуть въ этотъ городъ. Даже я, не смотря на мои хорошія отношенія къ королю Реваха, не могъ получить отъ него разрѣшенія посѣтить Бандугуръ.

Королевство Ревахъ присоединено съ 1806 года къ индо-британской конфедераціи. Король признаетъ надъ собою верховную власть императрицы Индіи, въ случаѣ войны выставляетъ извѣстное число войска и обязуется не держать въ своей службѣ ни одного француза. Съ другой стороны, онъ самодержавный государь въ своихъ владѣніяхъ

не платитъ никакой дани и Англія ручается ему за неприкосновенность его государства.

Доходы раджи очень незначительны въ сравненіи съ его владѣніями; они не превышаютъ пятидесяти или шестидесяти лаковъ, т. е. 15 милліоновъ франковъ. Это происходитъ отъ того, что во всемъ королевствѣ преобладаетъ арендная система, и правительство довольствуется тѣми доходами, которые выплачиваютъ ему фермеры; послѣдніе же пользуются всѣмъ, что только въ состояніи дать имъ населеніе. А между тѣмъ жители, за исключеніемъ развѣ только транскиморской области, отличаются въ остальной странѣ довольствомъ и могли бы приносить раджѣ болѣе значительные доходы.

Армія въ Ревахѣ состоитъ изъ двухъ или трехъ регулярныхъ полковъ, но за то корпуса Пурдассиса и Сибундиса насчитываютъ въ своихъ рядахъ отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе этаго, днемъ, насъ посѣтилъ, въ сопровожденіи большой свиты, деванъ, посланный королемъ для того, чтобы передать намъ «салямъ», и въ тоже время вывѣдать по возможности наши намѣренія. Во время визита, я замѣтилъ, не смотря на утонченную вѣжливость министра, что наше посѣщеніе его крайне безпокоило; онъ былъ видимо поставленъ въ тупикъ тѣмъ обстоятельствомъ, что мы, въ качествѣ французовъ, пользовались покровительствомъ англичанъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что не имѣя въ рукахъ письма англійскаго агента, мы едва-ли были-бы допущены министромъ къ посѣщенію короля. Послѣ цѣлаго ряда искусныхъ маневровъ, употребленныхъ имъ съ цѣлью узнать, для чего мы пріѣхали, онъ въ концѣ визита объявилъ намъ наконецъ, что король ожидаетъ насъ завтра въ своемъ дворцѣ, въ четыре часа. Спустя нѣсколько времени послѣ его ухода, придворный чубдаръ принесъ намъ корзину съ фруктами, и объявилъ, что по приказанію короля для насъ назначенъ слонъ, который останется въ нашемъ распоряженіи на все время нашего пребыванія въ столицѣ.

Городъ находится въ километрѣ отъ нашего бунгалова, орошается водами Бегера и раскинутъ на небольшомъ возвышеніи, дающемъ ему издали живописный видъ. Но, подойдя ближе, мы увидѣли полуразрушенныя укрѣпленія, лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ съ низкими и убогими домами, изъ которыхъ большая часть были выстроены изъ плетенки или изъ земли и покрыты черепицею, наброшенною какъ попало.

Вообще восточная Индія уступаетъ во многомъ западной, гдѣ дома строятся преимущественно изъ камня и украшаются террасами и изящными колоннадами. Контрастъ этотъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ далѣе подаемся мы на востокъ, такъ что напр. въ Мурчидабадѣ, даже въ Калкуттѣ, туземныя постройки кажутся въ сравненіи съ домами западной Индіи простыми хижинами.

Что всего болѣе поражаетъ въ Ревахѣ, такъ это вѣчно безлюдные базары, не смотря на то, что въ городѣ живетъ до 40, 000 жителей и онъ служитъ главнымъ рынкомъ для довольно богатаго округа. Отсутствіе дѣятельности на базарѣ происходитъ по большой части отъ того, что весь дворъ покинулъ городъ и послѣдовалъ за королемъ въ его любимую резиденцію Говиндгуръ.

Въ центрѣ города помѣщается обширный кварталъ, обитаемый знатью, обнесенный стѣною и заключающій въ себѣ дворецъ, дома придворныхъ, казармы и нѣсколько базаровъ. Въ этомъ кварталѣ царствуетъ та же скука и тишина, какъ и вездѣ.

Въ назначенный часъ мы отправились во дворецъ. Разнородные фасады его тянутся вдоль двора, на который выходятъ конюшни кавалеріи. При входѣ, насъ встрѣтилъ деванъ и проводилъ въ залъ дурбара, обширную комнату, стѣны которой совершенно изчезали подъ множествомъ позолоты, инкрустацій изъ цвѣтнаго стекла и разнаго рода орнаментовъ въ жанрѣ Чись Магаль, который я уже описалъ выше. Съ потолка спускались хрустальныя люстры, а колонны веранды изъ тиковаго дерева испещрены были живописью. Въ глубинѣ зала возвышается тронъ, огромная бархатная подушка съ монументальною спинкой, поддерживаемый двумя вызолоченными львами. Вообще, этотъ залъ не лишенъ нѣкоторой оригинальности и, при свѣтѣ люстръ, долженъ производить большой эффектъ.

Магараджи еще не было; его ожидали съ минуты на минуту изъ Говиндгура, куда онъ отправится снова тотчасъ же послѣ нашего визита. Время однако проходило, и въ комнатѣ начинало темнѣть. Вдругъ двери распахнулись и вошли слуги съ факелами; за слугами шли чубдары и, постукивая по плитамъ своими золотыми жезлами, провозглашали свое вѣчное: «Магараджъ! салямъ!»

Король вошелъ и направился прямо къ намъ. Съ перваго взгляда меня поразила его статная фигура; но къ несчастію костюмъ его не согласовался нисколько съ его необыкновеннымъ ростомъ и надменной осанкой; вся одежда его, начиная отъ чалмы и до туфлей, была ярко желтаго цвѣта, который требовался обычаемъ, по случаю праздниковъ Голи. По

вязка того-же цвѣта закрывала бороду и часть лица короля и дѣлала еще страннѣе эту смѣшную одежду.

Посадивъ насъ рядомъ съ собою, король обратился къ намъ на чистомъ англійскомъ языкѣ, съ рѣчью видимо приготовленною заранѣе, въ которой сперва выразилъ въ напыщенной формѣ свое удовольствіе видѣть насъ у себя; затѣмъ сказалъ, что каждый властелинъ долженъ ставить себѣ въ обязанность принимать съ почестями всѣхъ ученыхъ и артистовъ, пріѣзжающихъ въ его государство съ цѣлью подивиться на прелести страны или познакомиться съ ея средствами.

Когда же я выразилъ ему свое удивленіе на превосходное знаніе имъ англійскаго языка, то онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ слѣдующія слова, которыя я привожу здѣсь буквально;

«Не зная англійскаго языка, индійскій принцъ не въ состояніи слѣдить за прогрессомъ цивилизаціи; слушая постоянно разговоры, которые онъ не понимаетъ и, не имѣя возможности личнымъ трудомъ добиться какого нибудь знанія, онъ принужденъ слѣдовать колеѣ, проложенной его предками, со всѣми аттрибутами притѣсненія и варварства; обладай онъ даже необыкновенными способностями, онъ все таки ничего не получитъ взамѣнъ кромѣ презрѣнія отъ верховнаго правительства и въ концѣ концовъ можетъ даже лишиться совсѣмъ своихъ владѣній. Если же онъ, на оборотъ, въ состояніи слѣдить за европейскимъ мнѣніемъ, то можетъ разсчитывать на всевозможныя поддержки и на улучшеніе этимъ путемъ положенія своихъ подданныхъ, а равно и увеличенія своихъ доходовъ».

Былъ уже поздній часъ, когда принесли наконецъ уттерпанъ; король увѣнчалъ насъ цвѣточными гирляндами и пригласилъ насъ провести съ нимъ нѣсколько дней въ Говиндгурѣ, куда онъ въ ту же минуту и уѣхалъ.

Магараджа Гавиндъ Сингъ Багадуръ, принцъ Реваха и Маукундпора, великій командоръ «Индійской Звѣзды», вступилъ на престолъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; въ настоящее время ему не болѣе сорока пяти лѣтъ и, по видимому, онъ пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ; но, всмотрѣвшись ближе, я замѣтилъ, что этотъ колоссъ страдаетъ неизлечимою болѣзнью—проказою, которая, хотя и остановлена въ своемъ развитіи, но тѣмъ не менѣе лишаетъ его надежды имѣть наслѣдника. Этой хворости можно отчасти приписать ту индифферентность, съ которою онъ относится къ дѣламъ государственнаго управленія, такъ какъ престолъ, послѣ его смерти, долженъ перейти къ его брату, его непримиримому врагу. Индифферентность эту видѣть тѣмъ грустнѣе, что король, при

своихъ замѣчательныхъ дарованіяхъ, развитыхъ воспитаніемъ, могъ-бы многое сдѣлать для своей страны. Въ настоящее время онъ довольствуется тѣмъ, что излагаетъ, при всякомъ случаѣ, свои благія намѣренія въ интересахъ государства; но почти вслѣдъ затѣмъ забываетъ ихъ, относится по прежнему равнодушно къ господствующему въ странѣ притѣсненію и варварству, противъ которыхъ онъ такъ энергически протестовалъ, и, оставляя всякія занятія, необузданно предается своей единственной страсти — охотѣ.

Мы однако обѣщали королю провести съ нимъ нѣсколько дней въ Говиндгурѣ; къ тому-же это былъ единственный случай получить отъ него средства для продолженія нашего длиннаго пути до Бопала.

Прежде чѣмъ покинуть Ревахъ, мы отправились полюбоваться знаменитымъ водопадомъ на Тонзѣ, находящимся въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу, близь аллагабадской дороги. Рѣка, достигнувъ конца возвышенности, низвергается въ долину съ высоты ста тридцати метровъ, и это низверженіе происходитъ среди роскошной обстановки мѣстности, единственной въ этомъ отношеніи, во всей сѣверной Индіи. Вся мѣстность отъ Реваха и до границы возвышенности представляетъ обширныя песчаныя равнины, настоящія пустыни, прерываемыя только лѣсами тамариндовыхъ и фисташковыхъ деревьевъ.

ОТПРАВ

XLIV.

Говиндгуръ.

Маукундпоръ. — Дерево *мговахъ* и его свойства. — Волки. — Говиндгуръ, дворецъ и городъ. — Первая охота. — Гуди и тигръ. — Визитъ короля.

28-го числа, слѣдуя приглашенію короля, мы отправились въ Говиндгуръ, отстоящій на восемнадцать километровъ отъ Реваха, у подошвы Кирморскихъ горъ.

Мѣстность къ югу отъ столицы имѣла болѣе веселый видъ, чѣмъ къ сѣверу или западу; по дорогѣ виднѣлись деревни, кокетливо раскинутыя на пригоркахъ, а близь нихъ красивый джиль и нѣсколько плантацій манговыхъ деревьевъ.

На полдорогѣ намъ встрѣтилось мѣстечко Маукундпоръ, бывшее одно время столицею королевства до занятія Реваха.

Далѣе мѣстность измѣнила свой характеръ; почва значительно повысилась, приняла волнообразный видъ, причемъ чаще встрѣчались лощины и продолжались уже до самыхъ Кирморскихъ горъ, откосы которыхъ можно было видѣть простымъ глазомъ. Плантаціи уступили мѣсто лѣсамъ, состоявшимъ преимущественно изъ красильныхъ и фиговыхъ деревьевъ и дерева *мговахъ*.

Я еще ни разу не упоминалъ въ моихъ разсказахъ объ этомъ деревѣ, принадлежащемъ исключительно центральной Индіи и замѣняющемъ ей кокосовое дерево береговъ Индійскаго океана. Провидѣніе снабдило это дерево такими чудесными свойствами, что оно давало первоначальнымъ жителямъ этихъ возвышенностей все то, чего болѣе промышленные народы требовали отъ растительнаго царства.

Mhowah или mhawah, (Cassia latifolia), принадлежитъ къ самымъ красивымъ деревьямъ лѣсовъ Индіи; его прямой стволъ, большаго діаметра, снабженъ правильно расположенными и граціозно раскинувшимися во всѣ стороны вѣтвями, а темнозеленые листья послѣднихъ образуютъ на вершинѣ нѣчто въ родѣ купола и отбрасываютъ отъ себя густую тѣнь.

Въ концѣ февраля листья дерева опадаютъ почти внезапно и оно становится совершенно голымъ. Туземные жители собираютъ эти листья и употребляютъ ихъ на разныя надобности. Черезъ нѣсколько дней вѣтви съ необыкновенною быстротою покрываются множествомъ цвѣтовъ, похожихъ на небольшіе круглые плоды и спускающихся въ видѣ кистей.

Эти цвѣты составляютъ манну небесную для джунгля, и большій или меньшій ихъ урожай равносиленъ для страны богатству или бѣдности. Вѣнчикъ цвѣтка, блѣдно-желтаго цвѣта, имѣетъ форму мясистой, твердой ягоды, величиною съ виноградину, сквозь которую проходятъ тычинки въ едва видимыя отверстія. Достигнувъ зрѣлости, вѣнчикъ отпадаетъ самъ собою. Индѣйцы обрубаютъ всѣ кустарники, растущіе вокругъ дерева и по вечерамъ собираютъ цвѣтки, упавшіе въ теченіи дня. Подобное паденіе продолжается нѣсколько дней и жители набираютъ ихъ съ каждаго дерева среднимъ числомъ до 125 фунтовъ.

Эти плодовидные цвѣтки въ свѣжемъ состояніи имѣютъ довольно пріятный вкусъ, къ которому, впрочемъ, примѣшивается ѣдкій, мускусный запахъ. Туземные жители, однако, потребляютъ ихъ въ этомъ состояніи въ большомъ количествѣ; они приготовляютъ изъ нихъ пироги и другія болѣе или менѣе питательныя кушанья. Большая же часть сбора сушится на рѣшеткѣ изъ ивовыхъ прутьевъ; эта операція отнимаетъ у плодовъ ихъ непріятный запахъ. Тогда изъ нихъ пекутъ хлѣбы или же растираютъ ихъ въ муку.

Приведенные въ состояніе броженія, цвѣтки мговаха даютъ довольно пріятное на вкусъ вино, которое, однако, надо пить, пока оно свѣжее; если же это вино очистить, то получается очень крѣпкая водка, которую индѣйцы считаютъ лучшимъ произведеніемъ дерева и которая, простоявъ нѣсколько времени, можетъ поспорить въ крѣпости съ хорошимъ шотландскимъ виски. Изъ выварки же цвѣтковъ приготовляютъ, кромѣ того, хорошій и крѣпкій уксусъ.

Когда исчезаютъ цвѣтки, появляются снова листья и покрываютъ очень быстро все дерево. Затѣмъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ созрѣваютъ плоды.

ОТПЕЧАТОК

Плодъ мговаха имѣетъ точно такую же форму, какъ плодъ миндальнаго дерева, но только немного больше послѣдняго; шелуха его фіолетоваго цвѣта и прикрываетъ собою гладкую и твердую деревянистую оболочку, внутри которой находится зерно молочнаго цвѣта, на вкусъ очень пріятное, но немного жирное. Индѣйцы приготовляютъ изъ него пироги и тѣсто, а посредствомъ обыкновенной выжимки превосходное масло для домашняго употребленія; подонками же откармливаютъ буйволовъ. Означенное масло пользуется уже большимъ спросомъ на рынкахъ Бомбея и обѣщаетъ въ будущемъ сдѣлаться важною статьею отпускной торговли.

Чтобы закончить перечисленіе всѣхъ чудесныхъ свойствъ мговаха, скажемъ, въ заключеніе, что изъ его коры дерутъ крѣпкія лыки, служащія для приготовленія грубыхъ веревокъ, а самое дерево, удобное для рубки, хотя и не ровнослойное, но, тѣмъ не менѣе, составляетъ неоцѣнимый матеріалъ для постройки жилищъ, такъ какъ оно не пропускаетъ сквозь себя термитовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что мговахъ доставляетъ жителямъ питательную пищу, вино, водку, уксусъ, масло, прядильное вещество и превосходный строительный матеріалъ.

Читатель поэтому не удивится, если я скажу, что въ Виндіасѣ и Аравалисѣ мговахъ почитается на равнѣ съ божествомъ. Гунды, били, меры и минасы обязаны ему своимъ существованіемъ; подъ его тѣнью, они совѣщаются и празднуютъ великія эпохи изъ своей жизни; на его вѣтвяхъ они развѣшиваютъ свое грубое оружіе, копья и соки; между его корнями они разставляютъ свои таинственные круги изъ камней, замѣняющихъ идоловъ. Вслѣдствіе всего этого, они отчаянно защищаютъ каждое дерево и не уступаютъ его безъ борьбы индусамъ, которые, не зная какимъ средствомъ выжить этихъ дикарей, принялись рубить ихъ деревья. И дѣйствительно, тамъ гдѣ исчезаютъ мговахъ, исчезаютъ также и били, и гунды.

Очень часто случается, что подобныя деревья садятъ въ равнинѣ и ухаживаютъ за ними; въ городахъ же онѣ растутъ безъ всякаго ухода.

Въ четыре часа мы достигли прекрасной меккамъ, находящейся на разстояніи одного километра отъ Говиндгура; мы остановились въ узкой прогалинѣ, надъ которою листья манговыхъ деревьевъ и мговахъ образовали нѣчто въ родѣ зеленаго купола. Въ небольшомъ разстояніи отъ этого мѣста начинаются покатости горы, возвышающейся въ видѣ совершенно гладкаго откоса. Съ другой стороны одна только глубокая лощина, служащая ложемъ для небольшаго озера, отдѣляла насъ отъ Говиндгура.

Черезъ часъ послѣ насъ прибыли съ багажемъ наши люди и въ то время, какъ они развьючивали животныхъ, я пошелъ прогуляться въ тѣни мговаховъ, вѣтви которыхъ были безжалостно поломаны и обрублены племенемъ лангуръ. Въ эту минуту я увидѣлъ собаку, поразившую меня своимъ несчастнымъ видомъ; желая избавиться отъ ея присутствія, я бросилъ въ нее камнемъ и она убѣжала по направленію хижинъ, расположенныхъ въ нашемъ сосѣдствѣ; но не успѣло пройдти и нѣсколькихъ минутъ, какъ съ той стороны раздались крики и показались вооруженные поселяне, гоня передъ собою мою несчастную собаку, которая, къ моему крайнему удивленію, оказалась большимъ волкомъ. Какъ потомъ выяснилось, этотъ волкъ утащилъ въ деревнѣ козленка и, не смотря на значительную тяжесть послѣдняго, тащилъ его съ такою быстротою, что ни палки, ни камни не могли его остановить.

Индійскаго волка очень трудно отличить отъ собаки, живущей въ индійскихъ деревняхъ. По наружному виду они совершенно схожи, только шерсть у волка немного темнѣе; вообще-же онъ напоминаетъ собою дикаго волка, населяющаго лѣса Польши.

Посѣщавшіе Индію путешественники вовсе не подозрѣвали существованія индійскаго волка; занятые исключительно тиграми и другими хищными звѣрями, они совершенно выпустили изъ виду это кровожадное животное, которое хотя и меньше европейскаго волка, но, тѣмъ не менѣе, производитъ довольно значительныя опустошенія въ Индіи. Волки живутъ во всемъ Индустанѣ, отъ Виндіасъ и до Гималая, и, не нападая никогда на человѣка, забѣгаютъ въ деревни, на фермы и уносятъ ежедневно до сотни дѣтей, собакъ и козлятъ. Ихъ встрѣчали даже и въ англійскихъ колоніяхъ, жители которыхъ, не имѣя средствъ избавиться отъ нихъ, покидали свои жилища и переселялись въ другія мѣста. Я зналъ одного плантатора изъ Доаба, сынъ котораго былъ похищенъ волкомъ на глазахъ отца, съ веранды его собственнаго дома. Не смотря на высокую премію въ 15 франковъ, обѣщанную правительствомъ за каждую голову волка, послѣдніе и до сихъ поръ еще не истреблены.

Вечеромъ, когда мы уже хотѣли ложиться спать, произошло небольшое смятеніе. Съ Кирморскихъ горъ поднялся вихрь и опрокинулъ небольшія палатки нашихъ людей, а калассисы нашей палатки едва успѣли во-время укрѣпить ея веревки, иначе мы бы сильно пострадали.

ОТПЕЧАТОК

Подобные порывы вѣтра, какъ мы потомъ сами убѣдились, случались довольно часто въ этихъ странахъ.

29 марта. Мы принимали депутацію отъ дворца, состоявшую изъ четырехъ придворныхъ, пришедшихъ къ намъ съ обычнымъ визитомъ; между ними находился любимецъ короля, Вичизи Сингъ, главный распорядитель, раджпутъ, съ веселымъ лицемъ и длинною бородою, выкрашенною въ красный цвѣтъ. Когда визитъ, требовавшійся этикетомъ, кончился, раджпуты ушли, но, спустя нѣсколько минутъ, воротились снова уже въ качествѣ частныхъ посѣтителей, и начали, по обыкновенію, выказывать свою любознательность. Чтобы удовлетворить ее, мы разложили передъ ними стереоскопическіе виды Парижа, которые имъ очень понравились, и кромѣ того сдѣлали имъ нѣсколько подарковъ. Особенное удовольствіе доставили имъ коробки съ капсюлями. Мы принуждены были подарить имъ каждому по одной коробкѣ.

Послѣ обѣда мы отправились съ визитомъ къ магараджѣ, и для этого должны были пройти черезъ весь городъ, если только можно назвать городомъ кучу тростниковыхъ хижинъ довольно скромнаго вида. Впрочемъ улицы въ немъ довольно широкія и правильно распланированы. Вообще-же мысль раджи устроить въ этомъ городѣ столицу государства, едва-ли когда осуществится; вѣрнѣе всего, Говиндгуръ сдѣлается просто сборнымъ пунктомъ для охотниковъ.

Главный входъ во дворецъ находится на оконечности большой улицы; онъ представляетъ собою красивыя мраморныя тріумфальныя ворота, въ стилѣ раджпутовъ, украшенныя тремя зубчатыми арками. За этими воротами находится небольшой дворъ, на который выходятъ красивые фасады строеній, украшенные изящными колоннами.

Принцъ принялъ насъ на верандѣ, замѣняющей аудіенцъ-залъ, и въ этотъ разъ этикетъ еще строже соблюдался, чѣмъ въ первый нашъ визитъ; вокругъ трона находилось множество придворныхъ, а самъ король сіялъ въ блескѣ драгоцѣнныхъ камней и другихъ украшеній. При нашемъ входѣ всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, и раджа поздравилъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ въ Говиндгуръ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ аудіенціи, въ залъ принесли розовой эссенціи и бетеля и мы удалились. Но, въ то время, какъ мы спускались съ лѣстницы, насъ догналъ мунчи и проводилъ въ небольшой залъ, куда вскорѣ затѣмъ пришелъ и король. Онъ снялъ съ себя всѣ блестящія украшенія и вмѣстѣ съ ними оставилъ также свой важный видъ. Пожавъ намъ руки, онъ выразилъ свое живѣйшее удовольствіе по случаю нашего пріѣзда, объявилъ, что онъ давно уже извѣщенъ письмомъ нагодскаго агента о нашемъ прибытіи и ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы отправиться вмѣстѣ на охоту за тиграми, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ въ то время находился въ лощинахъ Кирморскихъ горъ, подъ бдительнымъ надзоромъ шикари, прикармливавшихъ его для королевской охоты.

Затѣмъ магараджа показалъ намъ свой дворецъ, внутренность котораго, по своей простотѣ, вполнѣ соотвѣтствовала наружному его виду; впрочемъ одна комната, и именно большой праздничный залъ, бросалась, рѣзко въ глаза своимъ крайнимъ безвкусіемъ, выражавшимся въ большомъ количествѣ стеколъ, позолоты и другихъ болѣе или менѣе пестрыхъ орнаментовъ. Не желая однако разочаровывать нашего любезнаго хозяина, мы удержались отъ всякихъ замѣчаній и показали видъ, что комната намъ чрезвычайно понравилась.

30-го марта. Шикари пришли насъ увѣдомить, чтобы мы приготовились вечеромъ отправиться на охоту. Въ три часа охотничій совари проѣхалъ мимо нашей стоянки; раджа сидѣлъ на богато убранномъ слонѣ и курилъ гука, которую несъ подлѣ него молодой пажъ; его окружали придворные, солдаты и прочая свита. Съѣвъ на нашего *мукна* [1]), мы догнали кавалькаду и вскорѣ всѣ вмѣстѣ начали подниматься на гору.

Я уже ранѣе говорилъ, что Кирморскія горы въ этой мѣстности имѣютъ весьма покатый спускъ, продолжающійся безъ всякаго перерыва на далекое разстояніе. Эта покатость весьма облегчаетъ подъемъ на гору, дѣлая почти незамѣтнымъ измѣненіе почвы; но самая гора, лишенная совершенно растительности, покрыта безчисленнымъ множествомъ обломковъ скалъ различной величины, между которыми наши слоны съ большимъ трудомъ пробивали себѣ дорогу. Почва въ этихъ горахъ, мнѣ кажется, обладаетъ вулканическими свойствами. Подобное предположеніе подтверждается тѣмъ, что между обломками скалъ и камнями я замѣтилъ небольшіе потоки черной массы, похожей на застывшую смолу и блестѣвшей точно агатъ, которую я не затруднился бы принять за лаву, если-бы образованіе ея не было относительно очень недавнее. На протяженіи всего спуска, только кое гдѣ виднѣлись нѣсколько малорослыхъ акацій, росшихъ въ разсѣлинахъ скалъ, близъ которыхъ тянулась узкая полоса черноземной земли.

Королевскій кортежъ картинно растянулся по горѣ; во главѣ шелъ

---

[1]) Слонъ-самецъ безъ клыковъ, употребляемый повсемѣстно для охоты.

слонъ короля, окруженный толпою слугъ съ высоко поднятыми зонтиками и опахалами изъ волосъ яка; затѣмъ длинная вереница слоновъ съ ихъ охотничьими гаудахами и разрисованною сбруею; за ними слѣдовали пѣшеходы и всадники, ведя въ поводу своихъ лошадей, перескакивавшихъ какъ серны съ одной скалы на другую.

Вскорѣ мы достигли красивой возвышенности, покрытой густою растительностью; со всѣхъ сторонъ возвышались круглыя вершины горъ, между которыми можно было видѣть, въ нѣсколькихъ тысячахъ футовъ глубины, прекрасную равнину Зона.

Эта рѣка, составляющая одинъ изъ главныхъ сѣверныхъ притоковъ Ганга, кажется сжатою въ означенномъ мѣстѣ съ одной стороны Кирморскими горами, а съ другой передними высотами Бурговской возвышенности. Она беретъ свое начало въ Амаркантакскихъ горахъ, въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Нербудда; направляясь затѣмъ къ сѣверо-западу, она вдругъ повертываетъ на западъ, течетъ черезъ Богелькундъ и вливается въ Гангъ близъ Динапора. Протяженіе ея составляетъ 350 географ. миль.

Наконецъ мы остановились у подошвы одной изъ окружающихъ насъ вершинъ; весь кортежъ остался въ томъ-же видѣ какъ и прежде, ишь одни охотники отправились пѣшкомъ въ чащу. Послѣ долгаго и утомительнаго пути по густой лѣсной чащѣ, мы наконецъ достигли вершины, имѣвшей форму громадной воронки, покрытой зеленью, на днѣ которой находился небольшой прудъ. Не была-ли эта воронкообразная вершина прежде кратеромъ? Мы спустились, въ глубокомъ молчаніи. до самой поверхности воды и достигли такимъ образомъ гуди.

Озеро, на берегахъ котораго оно раскинуто, служитъ единственнымъ источникомъ въ горахъ, куда звѣри приходятъ ежедневно на водопой; такимъ образомъ оно имѣетъ двойную притягательную силу для тигровъ, находящихъ здѣсь въ изобиліи и воду, и добычу. Когда одинъ изъ этихъ кровожадныхъ звѣрей отмѣчается для охоты то ему предоставляютъ полную свободу дѣйствія въ этомъ Эдемѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается цѣлью экспедиціи въ родѣ нашей.

Гуди здѣсь доведенъ еще до большаго совершенства чѣмъ въ Мейварѣ; онъ представляетъ собою небольшое жилище въ одну комнату, съ террасою на верху. Стѣны снабжены зубцами, а ихъ бойницы расположены такимъ образомъ, что могутъ обстрѣливать всѣ тѣ мѣста озера, которыя посѣщаются животными; остальная же часть озера, недоступная для бойницъ, обнесена небольшою стѣною, преграждающею животнымъ доступъ къ водѣ съ этой стороны.

Въ главной комнатѣ мы нашли столъ, стулья и корзинку съ нѣсколькими бутылками мозельвейна, которыя были поставлены тутъ, чтобы облегчить намъ ожиданіе тигра; между прочимъ, было строго запрещено громко говорить и курить. По стѣнамъ висѣло множество ружей, какъ для насъ, такъ и для короля и нѣсколькихъ сопровождавшихъ его въ гуди придворныхъ.

Но вотъ равнина покрылась мракомъ, время приближалось къ полночи, но ничего еще не было слышно. Наконецъ, около часу, лѣсъ началъ понемногу оживляться; вотъ показались кабаны, за ними лоси, а немного позже пришолъ самберъ и расположился пить въ тридцати метрахъ отъ насъ, отражая свои красивые рога въ зеркалѣ озера, освѣщеннаго миріадами звѣздъ. Всѣ эти соблазны не подѣйствовали на насъ; мы ожидали тигра.

Какъ во всѣхъ ночныхъ охотахъ, самыя интересныя минуты бываютъ во время ожиданія звѣря, когда охотникъ, оставивъ пока ружье въ сторонѣ, любуется картиною ночной жизни въ лѣсу. Когда наконецъ тигръ появился, то настала минута душевнаго волненія, но только одна минута. Не чуя никакой опасности, онъ подвинулся ближе; но въ то же самое время свалился съ дикимъ ревомъ на землю. Нельзя сказать, чтобы этотъ послѣдній актъ охоты, который, собственно говоря, должно назвать главнымъ актомъ, мнѣ особенно понравился, такъ какъ никогда я не былъ любителемъ подобныхъ охотъ, гдѣ стрѣляютъ изъ за толстыхъ стѣнъ и притомъ—восемь или девять противъ одного.

Въ описываемую мною охоту, король предоставилъ мнѣ честь перваго выстрѣла. Я выждалъ той минуты, когда тигръ былъ не болѣе какъ въ двадцати шагахъ отъ гуди и выстрѣлилъ. Звѣрь сдѣлалъ страшный скачекъ, и въ то время, когда онъ готовъ былъ снова упасть на землю, я прицѣлился въ него во второй разъ; но въ эту минуту раздался общій залпъ и помѣшалъ мнѣ видѣть дѣйствіе моей второй пули. Тигръ, конечно, повалился мертвымъ.

При звукѣ выстрѣловъ, прибѣжали съ факелами люди короля; тигръ былъ положенъ на носилки и мы отправились въ обратный путь, въ Говиндгуръ, куда прибыли въ четыре часа утра, послѣ утомительнаго и даже опаснаго переѣзда на слонахъ, спотыкавшихся довольно часто о скалы, про которыя я говорилъ уже выше. Вообще надо приписать только чуду, что не произошло на дорогѣ никакого несчастнаго случая, по-

ОТПЕЧАТОРАН

тому что въ то время, какъ мы упивались въ гуди мозельвейномъ, королевская прислуга также усердно угощалась водкой мговаха.

31-го марта. Было воскресенье, день отдыха, которымъ мы и воспользовались послѣ нашей ночной экскурсіи.

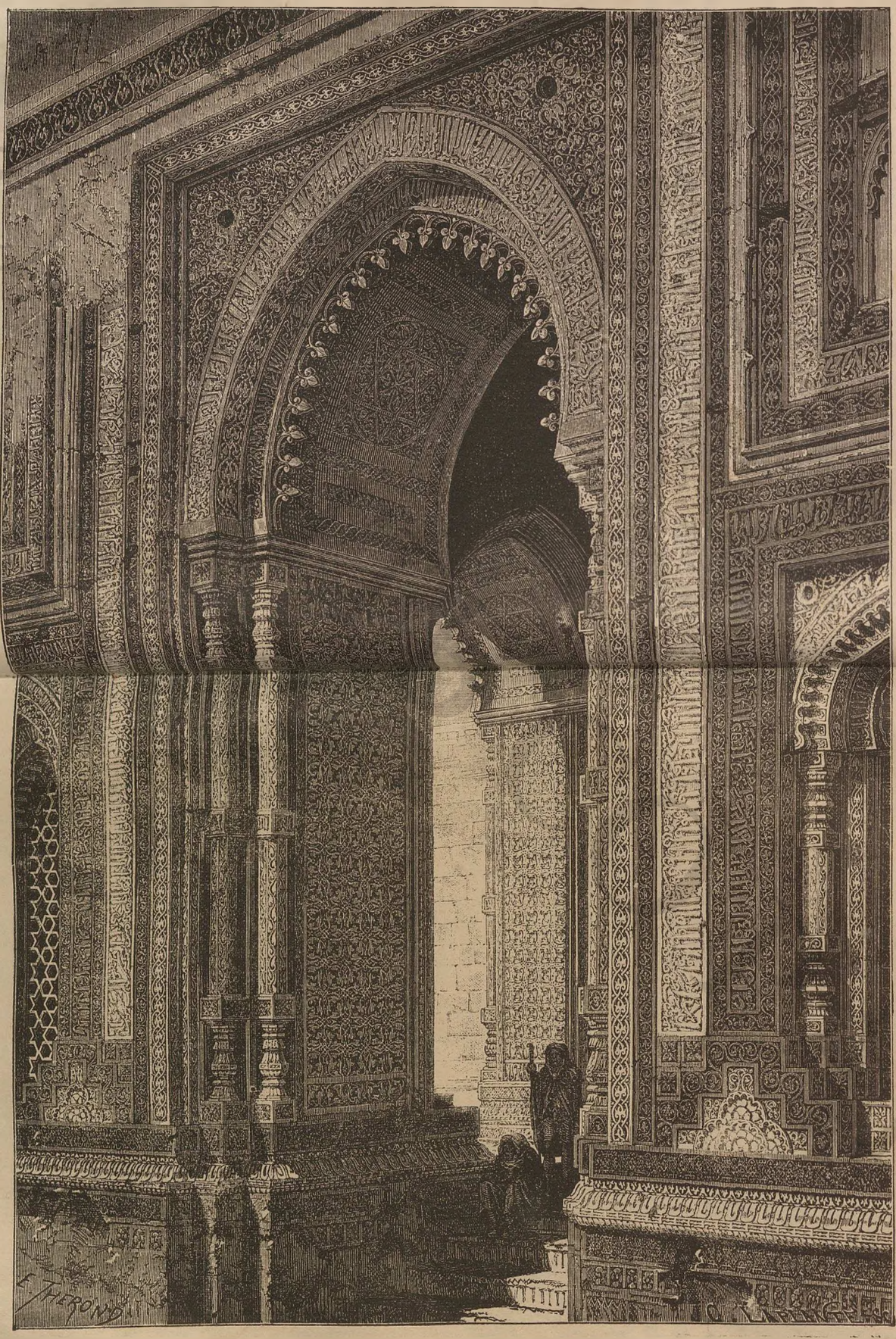
Вечеромъ король удостоилъ нашъ лагерь церемоніальнымъ визитомъ. Его торжественно несли на украшенныхъ серебромъ носилкахъ, за которыми слѣдовали полкъ регулярной пѣхоты и нескончаемый кортежъ слоновъ и всадниковъ. Этотъ неожиданный визитъ перевернулъ все вверхъ дномъ въ нашемъ меккамѣ; наши люди бѣгали точно сумасшедшіе, хватая на бѣгу свои праздничныя платья и чалмы; едва успѣли мы привести кое-какъ въ порядокъ нашу не особенно роскошную походную мебель, какъ къ намъ прибыли высокіе посѣтители. Король вышелъ изъ носилокъ и, опираясь на мою руку, занялъ мѣсто на одномъ изъ желѣзныхъ креселъ, причемъ пригласилъ насъ сѣсть рядомъ съ нимъ; придворные-же и солдаты образовали вокругъ насъ каре.

Я совершенно былъ сконфуженъ подобными почестями и все время повторялъ принцу, что мы не болѣе, какъ простые путешественники, и что въ насъ нѣтъ ничего такого особеннаго, что заслуживало бы подобнаго вниманія съ его стороны. Эти извиненія доставили королю случай обратиться ко мнѣ съ новою прекрасною рѣчью. Между тѣмъ, для развлеченія гостей, мы показали всѣ наши рѣдкости, фотографіи и акварели; затѣмъ баядерки исполнили, при свѣтѣ факеловъ, танецъ и въ заключеніе шутихи и фейерверкъ закончили блестящимъ образомъ вечеръ. При прощаніи, король, для выраженія своего удовольствія, не нашелъ ничего лучшаго сказать, какъ слѣдующія слова: «You are my brothers! my kingdom is yurs!» (Вы мои братья! мое королевство — ваше!»)

Послѣ его отъѣзда, я узналъ, что вслѣдствіе его приказанія, нашимъ людямъ было роздано большое количество водки, и они уже находились въ состояніи сильнаго опьяненія. Впрочемъ, въ это время и большая часть населенія багела и гундовъ находилась не въ лучшемъ состояніи, такъ какъ это было время сбора драгоцѣнныхъ цвѣтковъ мговаха.

Едва лишь успѣлъ затихнуть шумъ въ нашемъ лагерѣ, какъ я былъ внезапно разбуженъ криками, къ которымъ примѣшивались ревъ и глухое рычаніе. Я схватилъ ружье, выбѣжалъ изъ палатки, у входа въ которую толпились испуганные люди, и увидѣлъ въ двадцати шагахъ отъ насъ, подъ деревомъ, двухъ пантеръ, терзавшихъ одну изъ нашихъ собакъ. Находясь еще подъ вліяніемъ сна, я на удачу послалъ имъ пулю

ОТИПБ СО РАН



Врата Алладина въ Кутабѣ близъ Дели.

и обратилъ ихъ въ бѣгство. Когда мы пришли на мѣсто происшествія то нашли собаку уже полумертвою; несчастное животное было привязано къ дереву и не могло, такимъ образомъ, оказать сопротивленія, или спастись бѣгствомъ. Это была красивая болонка, которую мнѣ подарили въ Новгонгѣ.

Пантеры населяютъ въ большомъ количествѣ лѣса вокругъ Говиндгура; чащи сосѣднихъ равнинъ, углубленія скалъ и низкія, густыя джунгли служатъ для нихъ любимыми пристанищами, онѣ питаются почти исключительно небольшими животными, какъ напр. собаками, козлятами и баранами, которыхъ похищаютъ даже близь человѣческихъ жилищъ; на человѣка же или на большихъ звѣрей онѣ сами нападаютъ очень рѣдко. Пантера гораздо опаснѣе тигра, такъ какъ она съ удивительною ловкостью соединяетъ также и необыкновенное мужество; поэтому весьма часто преслѣдуетъ охотниковъ, лишь только замѣчаетъ что на нее нападаютъ. Она еще имѣетъ то преимущество передъ тигромъ, что можетъ лазить по деревьямъ, какъ кошка, и не одинъ охотникъ бывалъ выгоняемъ изъ своего убѣжища этими мстительными животными.

© ГПНТБ СОВАН

XLV.

Долина Соны. — Бандары или люди обезъяны.— Джангаль, орангъ-утангъ англійскихъ путешественниковъ.—Тофанъ.—Королевскій *кучеръ*.

Съ 1-го по 4-е апрѣля мы устроивали большія облавы въ оврагахъ Соны. Читатели уже присутствовали вмѣстѣ со мною на многихъ такихъ hanks; поэтому я не буду описывать подробно нашу послѣднюю охоту, хотя она ни въ чемъ не уступала предшествовавшимъ. Добычу всѣхъ четырехъ дней составляли, кромѣ изряднаго числа кабановъ, нильго и оленей, еще два черные медвѣдя маленькой породы, нѣсколько красивыхъ газалей - chikara и одна превосходная рысь.

Охотники, въ числѣ тысячи двухсотъ человѣкъ, участвовавшіе въ этой облавѣ, принадлежали большею частью къ гундскому племени съ немногими колями и восточными буміясами въ придачу. Въ разговорѣ съ ними, я узналъ, что между ними находится еще дикарь съ высокихъ нагорныхъ равнинъ Сиргуджа, присутствіе котораго расшевелило любопытство даже нашихъ апатичныхъ спутниковъ.

Хотя по своему географическому положенію и весьма близкая къ Богелькунду, Сиргуджа съ ея горными массами почти совершенно неизвѣстна береговымъ жителямъ Соны и Ганга. Бѣдность края, а въ особенности ужасная лихорадка служили препятствіемъ для колонизаціи этихъ странъ, окруженныхъ до сихъ поръ непроницаемой дымкой всевозможныхъ басень и легендъ.

Сколько разъ, со времени моего вступленія въ Бунделькундъ, приходилось мнѣ слушать по вечерамъ у бивуачныхъ огней, разсказы нашихъ людей объ этомъ загадочномъ, ужасномъ краѣ; эти фантастическія росказни представляли мнѣ его населеннымъ самыми страшными звѣрями, исполинскими слонами и тиграми, тогда какъ людская раса имѣла своими представителями лишь обезъяноподобныя существа, жившія на деревьяхъ и избѣгавшія людскихъ взоровъ. Очень часто приходилось мнѣ также разговаривать объ этомъ предметѣ съ англичанами, жившими долгое время въ центральной Индіи, и мнѣніе ихъ было таково, что всѣ эти описанія должны относиться скорѣе къ какому нибудь крупному виду обезъянъ, къ какому нибудь еще неизвѣстному доселѣ человѣкообразному, представляющему, какъ мы это впрочемъ и видимъ у обезьянъ Гунумана, подобіе общественной организаціи. Опираясь на эту гипотезу, тѣ немногіе путешественники, коимъ удавалось проникнуть въ этотъ край, утверждали, что они видѣли и даже преслѣдовали большихъ обезьянъ, напоминающихъ оранга Малайскихъ острововъ.

Можно представить себѣ съ какимъ восторгомъ узналъ я, что одинъ экземпляръ изъ этихъ людей-обезъянъ, Bandar-lokh, какъ его называютъ индійцы, находился тутъ, около меня, что мнѣ предстояла возможность пролить нѣкоторый свѣтъ на эту смутную гипотезу.

Одинъ гаркара магараджи привелъ въ нашъ лагерь представителя Бандара. Съ перваго взгляда я былъ пораженъ его маленькимъ ростомъ, достигавшимъ едва пяти англійскихъ футовъ (полтора метра) и въ особенности длиною его рукъ, что въ соединеніи съ животнымъ выраженіемъ его морщинистаго лица, вполнѣ оправдывало названіе обезьяны, данное ему туземцами. Низкій лобъ совершенно былъ закрытъ густыми завитками волосъ, которые поддерживала веревка, сплетенная изъ ліанъ; широкій и раздутый на концѣ носъ, приплюснутый въ основаніи, широкія и приподнятыя къ верху ноздри, маленькіе, глубоко лежащіе глаза и костлявый подбородокъ, все это было отвратительно. И въ довершеніе безобразія этой маски, съ каждой стороны рта шли параллельно расположенныя и покрывавшія всѣ щеки морщины. При всемъ томъ это лицо, не смотря на свое безобразіе, было запечатлѣно глубокою грустью, не имѣвшею въ себѣ ничего дикаго. Тѣло отличалось своею поражающею худобою. Рыжевато - черная кожа, цвѣта темно - красной мѣди, висѣла складками на членахъ; вдавленный и какъ бы высохшій животъ не соотвѣтственно выступалъ въ срединѣ туловища, что, конечно, происходило отъ чрезмѣрнаго развитія пуповины.

Присутствіе европейцевъ значительно смутило бѣднаго дикаря и поставило его въ невозможность сообщить намъ какія либо свѣдѣнія.

Сопровождавшій его гундсъ подѣлился съ нами тѣмъ немногимъ, что онъ самъ узналъ отъ него. Онъ сообщилъ намъ, что дикарь принадлежалъ къ немногочисленному племени, живущему на восточной окраинѣ Сиргуджи; раса называлась джангаль, то есть ничто иное, какъ производное отъ слова джунгль, и каковымъ именемъ индійцы обозначаютъ всѣхъ дикихъ; онъ оставилъ свое племя вслѣдствіе опустошавшаго его родину голода. Какъ сами видите, сообщенія эти были весьма смутны, поэтому онѣ не могли удовлетворить моего любопытства.

Мой спутникъ сдѣлалъ быстрый набросокъ наружности Бандара и въ надеждѣ, что мнѣ удастся его привлечь въ Говиндгуръ, гдѣ находился мой фотографическій аппаратъ, я приказалъ дать ему нѣсколько рупій. Но видъ нашъ и наши вопросы такъ его перепугали, что онъ ночью убѣжалъ и никто не могъ его нигдѣ отыскать. Весьма вѣроятно, что онъ былъ изгнанъ изъ своего племени за какой нибудь проступокъ, и что, пробродивъ долгое время въ долинахъ, гдѣ претерпѣвалъ ужасныя лишенія, онъ рѣшился наконецъ, съ отчаянія, попросить гостепріимства у гундсовъ.

Пятаго числа мы возвратились въ Говиндгуръ и раскинули палатки подъ деревьями mhowahs. Магараджа обѣщалъ намъ прислать къ 7-му числу одного слона и четыре повозки, запряженныя быками, чтобы перевезти насъ до Бопала.

Въ первую же ночь, послѣдовавшую за нашимъ возвращеніемъ, мы выдержали одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ ураганов, которые составляютъ обычное явленіе этого времени года по всей гористой области. Индійцы называютъ ихъ tofan.

Буря разразилась съ такою быстротою и внезапностью, что прислуга едва успѣла разбудить насъ; въ ту же минуту страшнымъ порывомъ вѣтра палатки были сорваны вмѣстѣ съ кольями, на коихъ онѣ были утверждены. Мы очутились подъ открытымъ небомъ; моментально мы были осыпаны градомъ камней и обломанныхъ древесныхъ вѣтвей; насъ закрутилъ вихрь пыли на половину съ дождемъ, опрокинулъ на землю и разбросалъ въ разныя стороны. Мракъ былъ до того непроницаемъ, что я съ большимъ трудомъ могъ дотащиться до дерева, подъ которымъ укрылись мои товарищи. Даже тутъ порывы вѣтра продолжали насъ обдавать потоками теплаго дождя и градомъ камней, что сильно стѣсняло дыханіе. Молнія поминутно врѣзывалась въ почву и освѣщала на мгновеніе господствовавшій мракъ своимъ лиловымъ отблескомъ. Вѣтеръ доносилъ до насъ крики несчастныхъ жителей Говиндгура, погребенныхъ подъ развалинами ихъ жилищъ, а съ горы долеталъ глухой ревъ потоковъ и громъ падающихъ скалъ, оторванныхъ разливомъ горныхъ ручьевъ. Можно было подумать, что присутствуешь при послѣднемъ потопѣ, который долженъ поглотить весь міръ. Въ теченіи цѣлаго часа ураганъ свирѣпствовалъ все также неудержимо, затѣмъ вдругъ сразу наступила тишина и мы еще не успѣли придти въ себя отъ ужаса, какъ уже небо сіяло надъ нашими головами тысячью звѣздъ. Мы вышли изъ нашего убѣжища, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ, господа и слуги, тѣсно сбитые въ одну кучу, пережидали грозу, и каждый принялся за работу. Каласы снова разбили палатки, развели костры, вытащили изъ лужъ мебель, куда ее забросилъ ураганъ, и затѣмъ все вошло въ свою колею.

При дневномъ свѣтѣ, мы увидѣли размѣры сдѣланныхъ тофаномъ опустошеній: повсюду валялись, вырванныя съ корнемъ деревья и обломки скалъ. Говиндгуръ также представлялъ хаотическую массу, а озеро, вчера еще почти высохшее, разстилалось теперь широкою водною скатертью.

Эта ужасная ночь сдѣлала для насъ ненавистнымъ пребываніе въ Говиндгурѣ и мы съ удовольствіемъ узнали, что ничто болѣе не препятствовало нашему отъѣзду изъ него. По этому случаю мы отправились къ королю съ прощальнымъ визитомъ и застали его въ *кучери* или государственномъ совѣтѣ; министры и писцы сидѣли на корточкахъ вокругъ его кресла и читали гнусливымъ голосомъ оффиціальныя бумаги или рылись въ нескончаемыхъ связкахъ документовъ, а въ глубинѣ залы раздавалось монотоное пѣніе баядерки. Подобный способъ заниматься государственными дѣлами не лишенъ своего рода оригинальности; король, болтая съ нами, прерывалъ время отъ времени разговоръ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія мунчи, не перестававшему читать свой докладъ, или обращался съ нѣкоторыми банальными словами къ пѣвицамъ.

Въ концѣ визита я подарилъ ему фотографическіе снимки его дурбара и дворца, а онъ, въ свою очередь, предложилъ намъ очень богатый киллутъ, послѣ чего мы разстались съ обоюдными изъявленіями дружбы и пріязни.

© ГПНТБ СОРАН

XLV.

Долина Тонзы.

Амарпатанъ. — Княжество Мигере. — Мы принимаемъ въ дурбарѣ раиса мигерскаго.—Пріемъ во дворцѣ.—Долина Тонзы.—Гундвара.—Кормленіе слоновъ во время пути.—Джонкейскій бунгаловъ.—Дакоиты и отравительницы.

По возвращеніи изъ Говиндгура въ Ревахъ, намъ пришлось убить два дня на выборъ быковъ для перевозки на четырехъ громадныхъ повозкахъ нашего багажа до Бопала, причемъ магараджа, съ своей стороны, снабдилъ насъ красивымъ слономъ и конвоемъ изъ шести всадниковъ.

8-го апрѣля.—Мы покинули бунгаловъ въ Ревахѣ въ два часа утра, въ сопровожденіи нашего каравана и вскорѣ оставили далеко за собою какъ нашихъ людей, такъ и повозки съ вещами. Дорога къ тому-же была превосходная; это былъ большой трактъ, проложенный англичанами для соединенія Мирзапура съ Джубульпоромъ.

Первые лучи заходящаго солнца застали насъ въ срединѣ той монотонной равнины, по которой мы уже проѣзжали разъ, возвращаясь изъ Нагоды. Немного далѣе мѣстность приняла гористое очертаніе и вскорѣ на горизонтѣ ясно обрисовались контуры Бандерскихъ горъ, а къ десяти часамъ мы достигли мѣстечка Амарпатана, живописно расположеннаго между большими деревьями и многочисленными прудами.

При нашемъ отъѣздѣ, намъ обѣщали, что мы при каждой остановкѣ найдемъ дакъ бунгаловъ, но эти обѣщанія не оправдались уже съ самаго начала. Конечно, въ Амарпатанѣ находился небольшой бунгаловъ, но онъ былъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ, къ тому-же безъ мебели, безъ прислуги и совершенно изолированный отъ деревни. Намъ, пришлось

долго дожидаться нашихъ повозокъ, которыя нагнали насъ только къ тремъ часамъ пополудни, проѣхавъ, такимъ образомъ, эти десять миль разстоянія отъ Реваха почти въ четырнадцать часовъ.—Быки, послѣ двухъ или трехъ часовъ пути, переходятъ обыкновенно въ шагъ и ничто тогда не въ состояніи принудить ихъ измѣнить походку; поэтому не представляется никакой возможности сдѣлать въ одинъ переходъ болѣе пяти или шести миль. Мы очень жалѣли, что нельзя было болѣе достать верблюдовъ, которые, не смотря на свой медленный шагъ, проходили большія пространства въ сравнительно очень короткое время.

9-го апрѣля. Выѣхавъ изъ Амарпатана на разсвѣтѣ, и проѣхавъ нѣсколько километровъ, мы достигли небольшаго королевства Мигере, а въ самую столицу прибыли въ 8 часовъ утра. Тутъ мы нашли хорошій дакъ бунгаловъ, который отчасти вознаградилъ насъ за скверное помѣщеніе вчерашняго дня.

Мигере небольшой городокъ съ 6—7000 жителей, живописно расположенный у подножія Бандерскихъ горъ, у входа въ долину Тонзы. Эта послѣдняя образуетъ узкое ущелье, которое прорѣзываетъ въ прямомъ направленіи горную цѣпь Виндіасъ, отдѣляя Кирморы отъ Бандеръ и соединяя долину Ганга съ верхнимъ теченіемъ Нербудды. Это ущелье представляло естественный путь для желѣзной дороги, которая должна была связать Деканъ съ Индустаномъ; англичане съумѣли имъ воспользоваться и теперь тутъ проходитъ желѣзная дорога, соединяющая Джубульпоръ съ Аллагабадомъ.

Эта узкая долина и составляетъ, вмѣстѣ съ нависшими надъ нею дикаго вида вершинами горъ, королевство Мигере, площадь котораго равняется 1640 кв. килом., а населеніе достигаетъ 120,000 жителей, индусовъ и гундовъ. Государь носитъ титулъ раиса который считается ниже титула раджи, и признаетъ надъ собою англійскій протекторатъ; доходы его не превышаютъ 4 лаковъ рупій, т. е. около 1,000,000 франковъ. Проведеніе желѣзной дороги черезъ княжество Мигере и устройство главной станціи въ столицѣ, конечно, не могли не способствовать въ извѣстной степени сбыту произведеній этой маленькой страны. Впрочемъ, хвалятъ также ея молодаго государя, разсудительности котораго страна обязана своей желѣзной дорогой, такъ какъ онъ безвозмездно уступилъ компаніи тѣ участки земли, въ которыхъ она нуждалась. Нагодскій агентъ вручилъ мнѣ карита къ принцу, которую я тотчасъ же по прибытіи въ бунгаловъ отправилъ въ дворецъ. Взамѣнъ того ко мнѣ явился съ визитомъ бабу бенгали,

исполнявшій при дворѣ должности министра и секретаря. Онъ сообщилъ намъ программу, составленную принцемъ для нашего свиданія. Согласно этой программѣ, принцъ первый долженъ былъ придти къ намъ въ бунгаловъ, а мы въ тотъ-же день обязаны были отдать ему визитъ во дворцѣ. Не взирая на нѣкоторыя возраженія съ моей стороны, бабу продолжалъ вѣжливо настаивать на томъ, чтобы порядокъ программы не былъ измѣненъ. По этому намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ приготовиться достойнымъ образомъ къ пріему царственнаго гостя; говоря по правдѣ, мы сдѣлались со времени нашего отъѣзда изъ Бароды весьма опытными въ устройствѣ церемоніала дурбаровъ. Въ короткое время одинъ изъ нашихъ ковровъ и стулья бунгалова, расположенные по всѣмъ правиламъ этикета, преобразовали большую веранду въ пріемную залу; наши слуги и повара, въ ихъ лучшихъ одѣяніяхъ, изображали нашу придворную свиту. Въ 4 часа насъ извѣстили сигналомъ о прибытіи принца и вскорѣ мы увидѣли его верхомъ на прекрасной бѣлой лошади, въ сопровожденіи цѣлаго придворнаго штата; впереди шли двѣ роты сипайевъ, одѣтыхъ въ англійскую военную форму, и въ которыхъ, если я не ошибаюсь, и заключалось главное зерно регулярной арміи Мигерскаго королевства. Я пошелъ на встрѣчу принцу, помогъ ему сойти съ лошади и повелъ его къ почетному мѣсту, между тѣмъ какъ другія знатныя особы изъ его свиты размѣстились на поставленныхъ кругомъ креслахъ.

Раисъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати или двадцати двухъ, съ очень умнымъ лицемъ. На немъ былъ костюмъ раджпутовъ, хотя онъ принадлежалъ къ кастѣ гуссаиновъ или низшихъ жрецовъ. Имя его было Румберъ Сингъ и онъ считался четвертымъ государемъ Мигере. Его дѣдъ, Бени Гузури, принадлежалъ къ племени раджпутовъ, но за проступокъ, оставшійся впрочемъ неразъясненнымъ, былъ изгнанъ и вступилъ въ нищенствующій духовный орденъ. Принятый при дворѣ Панна, онъ возвысился до должности министра и успѣлъ, съ помощью своего государя, захватить у Богелькунда провинціи Мигере и Биджурагуръ, изъ которыхъ и составилъ независимое королевство. При своей смерти онъ оставилъ Биджурагуръ своему старшему сыну съ титуломъ раджи, а Мигере младшему съ титуломъ раиса.

Молодой принцъ началъ разговоръ на чистомъ англійскомъ языкѣ и даже, къ моему крайнему удивленію, вставилъ въ него нѣсколько французскихъ словъ. Я узналъ отъ него, что онъ во время своего малолѣтства былъ ввѣренъ англійскимъ властямъ, которыя помѣстили его

въ Агрскую коллегію, откуда онъ вышелъ съ дипломомъ. При концѣ свиданія, чтобы исполнить вполнѣ всѣ обязанности хозяина дурбара, я приказалъ принести розовой воды и окропилъ ею лично одежды какъ короля, такъ и его придворныхъ.

Вечеромъ мы отправились во дворецъ въ палапкинахъ, сопровождаемые факельщиками. Бабу и дядя короля повели насъ въ дурбаръ, гдѣ насъ ожидалъ король, сидя на бархатномъ тронѣ и окруженный всѣмъ придворнымъ штатомъ. Его пріемъ отличался изысканною вѣжливостью. Онъ такъ мило просилъ насъ посвятить ему завтрашній день, что я принужденъ былъ обѣщать ему отсрочить нашъ отъѣздъ, назначенный на этотъ самый вечеръ.

10-го апрѣля.—Мы отправились, въ обществѣ бабу, осматривать городъ, который не представляетъ ничего замѣчательнаго. Онъ окруженъ высокою зубчатою стѣною античнаго вида; большая часть домовъ построены изъ необработаннаго кирпича, улицы содержатся весьма чисто, а нѣсколько базаровъ, находящихся въ городѣ, пользуются очень оживленною дѣятельностью. Даже дворецъ представляетъ не болѣе, какъ группу бунгаловъ, построенныхъ по англійскому образцу и небольшихъ павильоновъ съ каменными верандами, окруженныхъ заботливо поддерживаемыми садами, орошаемыми въ изобиліи водою; внутренность его, за исключеніемъ нѣсколькихъ парадныхъ, довольно роскошно отдѣланныхъ залъ, отличается крайнею простотою.

Недалеко отъ города, въ одной изъ лощинъ Тонзы, находится замѣчательная группа античныхъ кенотафовъ, напоминающихъ своимъ изяществомъ раджпутскіе памятники въ Мейварѣ, но только меньшихъ размѣровъ. Какъ и послѣдніе, они обозначаютъ сутти или мѣсто погребенія принцевъ Багела.

Днемъ я видѣлъ раиса и между нами было рѣшено, что мы проведемъ вмѣстѣ вечеръ. Поэтому, отправивъ нашихъ людей къ слѣдующему мѣсту стоянки, мы отправились во дворецъ. Принцъ, въ обществѣ нѣсколькихъ приближенныхъ къ нему лицъ, ожидалъ насъ въ саду, гдѣ мы и оставались нѣкоторое время, разговаривая о разныхъ вещахъ. Затѣмъ изъ сада мы перешли въ одну изъ залъ, гдѣ нашли богато сервированный столъ и обѣдъ по европейски. Принцъ съ своей свитой оставилъ насъ однихъ, пожелавъ намъ хорошаго аппетита, и воротился снова только къ десерту, чтобы опорожнить съ нами нѣсколько бокаловъ шампанскаго. Послѣ обѣда мы заняли мѣста на диванахъ веранды, гдѣ присутствовали, куря гука, при танцѣ баядерокъ, правда, немного варварскомъ, но

ОТПЕЧАТОК

за то совершенно въ мѣстномъ духѣ. Во время этихъ развлеченій, продолжавшихся до поздней ночи, слуги постоянно подносили намъ тузем-ный шербетъ, приготовленный изъ замороженныхъ фруктъ манговаго дерева, яблокъ и ананасовъ. Фейерверкъ, спущенный на берегу пруда, закончилъ достойнымъ образомъ праздникъ. Мы простились съ молодымъ раисомъ, выразивъ ему нашу признательность за его любезный пріемъ.

11-го апрѣля. Было два часа утра, когда мы оставили дворецъ Мигере; поэтому, не теряя времени и не заѣхавъ даже въ бунгаловъ, мы сѣли на слона и отправились въ дорогу.

При первыхъ лучахъ занимавшейся зари, мы наслаждались живописными пейзажами раскинутой вокругъ насъ мѣстности. Достигнувъ средины ущелья Тензы, мы поѣхали вдоль цѣпи Бандерскихъ горъ, склоны которыхъ, покрытые лѣсами, разстилались то отлого въ глубинѣ долины, то вдругъ неожиданно выдвигались одною голою верхушкою, напоминавшею собою природное укрѣпленіе. Съ другой стороны, въ 7 километрахъ отъ насъ, вырисовывались закругленныя вершины Кирморскихъ горъ; подъ нашими ногами разстилались превосходныя пажити долины, окаймленныя рядами исполинскихъ плодовыхъ деревьевъ и группами сельскихъ домиковъ, которые казались издали, какъ-бы окутанными синеватымъ дымомъ. Ничто не нарушало спокойствія, царствовавшаго въ этой мирной долинѣ; это было чудное зрѣлище, которому утренняя свѣжесть нисколько не вредила, а напротивъ придавала еще бо́льшую прелесть.

Въ шесть часовъ утра, мы добрались до Гундвара, гдѣ нашли нашъ лагерь расположившимся вокругъ покинутаго бунгалова. Не смотря на свое имя, обозначающее жилище гундсовъ, въ деревнѣ нашлось лишь нѣсколько представителей этой расы, и то низведенныхъ на степень парій: метеровъ и бангисовъ; главная же масса населенія состояла изъ индусовъ, которыхъ мы и застали въ большихъ хлопотахъ по поводу нашего продовольствія.

Первою моею заботою послѣ каждаго перехода, являлся слонъ магараджи Ревахскаго, спеціально довѣренный моей особѣ. Охрана и уходъ за слономъ въ теченіи мѣсяца или двухъ представляли не шуточное дѣло и подвергали меня въ то же время большой отвѣтственности, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующихъ объясненій.

Ежедневная порція слона, находящагося въ пути, состоитъ изъ двадцати или двадцати пяти фунтовъ ржаной муки, разведенной въ водѣ, куда еще прибавляютъ фунтъ ghi или очищеннаго масла и полъ фунта

крупной соли. Изъ этого тѣста дѣлаютъ лепешки въ фунтъ вѣсомъ каждая, затѣмъ пекутъ ихъ на желѣзномъ листѣ и даютъ животному въ два пріема. Такая порція положительно необходима для слона, чтобы силы его не уменьшались, когда ему приходится каждый день дѣлать длинные переходы. Но путешественникъ долженъ присутствовать самъ при кормленіи животнаго, если онъ хочетъ, чтобы ему было дано то, что слѣдуетъ; иначе, магутъ (вожакъ) и его семейство не посовѣстятся вычесть предварительно изъ пайка, предназначеннаго для слона, то, что потребно для ихъ собственнаго пропитанія.

Эти мучныя лепешки даются слону въ правильно опредѣленные сроки, но ихъ ему далеко недостаточно и онъ поглощаетъ еще въ промежутки времени огромное количество пищи обусловливаемое его исполинскими размѣрами. Эту добавочную пищу доставляютъ вѣтви многихъ деревьевъ въ особенности bar, (ficus indica) и pipul (ficas religiosa). Его пускаютъ пастись въ джунгль, гдѣ онъ самъ выбираетъ себѣ то, что ему нравится. Онъ не съѣдаетъ вѣтви на мѣстѣ, но, набравъ количество потребное для своего дневнаго продовольствія, нагружается имъ и является въ лагерь. Онъ откидываетъ листья и древесину и съѣдаетъ лишь кору. Интересно видѣть, съ какою ловкостью и проворствомъ, онъ сразу снимаетъ кончикомъ своего хобота всю кору съ вѣтки, какъ-бы она ни была мала. Въ многочисленныхъ прудахъ, прилегающихъ къ деревнямъ центральной Индіи, можно найдти растущую въ изобиліи болотную траву, толщиною въ лезвіе сабли; ботаники называютъ ее typha elephantina; слоны предпочитаютъ ее вѣтвямъ. Они также очень лакомы до сахарнаго тростника, но эта пища ихъ горячитъ.

Правильный уходъ за слономъ требуетъ присутствія нѣсколькихъ человѣкъ; поэтому, въ большинствѣ случаевъ, магута сопровождаютъ въ пути его жена и дѣти. Животное всегда должно быть поставлено въ тѣни дерева съ густою листвою и на сухой почвѣ, безъ подстилки. Простая веревка, привязанная къ одной изъ его заднихъ ногъ, и прикрѣпленная къ колу, совершенно достаточна, чтобы держать его на привязи; послушное животное никогда не подумаетъ разорвать эти слабыя узы. Его надо купать два раза въ день, утромъ и вечеромъ, и прежде чѣмъ отправиться въ путь, надо натирать ему жиромъ лобъ, уши, ноги и вообще всѣ части тѣла, способныя трескаться отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

Можно часто видѣть слоновъ, скатывающихъ шарики изъ земли, преимущественно изъ жирной глины, которые они потомъ съѣдаютъ. Это

ОГПИБ СОРАН

природное средство инстинктивно ими принимается противъ кишечныхъ червей, которымъ они очень подвержены и производитъ на нихъ дѣйствіе очень сильнаго слабительнаго.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить объ удивительной проницательности этихъ понятливыхъ животныхъ; многимъ путешесгвенникамъ пришлось въ этомъ убѣждаться лично. Поэтому нечего удивляться, что слонъ замѣчаетъ, если путешественникъ заботится о немъ, и въ такомъ случаѣ онъ самъ начинаетъ выказывать къ путешественнику явное расположеніе. Можно быть увѣреннымъ, что каждый разъ, какъ только подойдешь къ нему, онъ будетъ дружески привѣтствовать васъ; въ дорогѣ онъ повинуется малѣйшему вашему жесту и беретъ на себя трудъ отодвигать или обламывать вѣтви, которыя могутъ васъ задѣть.

12-го апрѣля. За Гундварой ущелье тянется еще на 32 километра далѣе къ югу; долина все болѣе и болѣе съуживается и достигаетъ средней ширины въ 2 или 3 километра.

Мы выѣхали ночью и на разсвѣтѣ добрались до маленькаго городка Совагуни. Тападаръ или начальникъ округа, предупрежденный раисомъ, встрѣтилъ насъ тутъ и проводилъ до деревни Джонкей, составляющей крайнюю южную границу княжества. Въ теченіе всего нашего пути, мѣстность представляла гористый и живописный характеръ; почва же, повидимому, весьма плодородная, была повсюду хорошо воздѣлана. Въ Джонкеѣ горы внезапно понижаются къ востоку, а желѣзнодорожной путь выходитъ къ нагорнымъ равнинамъ, которыя тянутся до самаго Джубульпора, на 70 километровъ далѣе къ югу; на западѣ Бандеры перерѣзываются многочисленными долинами, по которымъ пролегаетъ дорога въ Согоръ. Въ 2 километрахъ отъ границы, на перекресткѣ дорогъ, идущихъ въ Джубульпоръ и Согоръ, находился бунгаловъ Джонкей, выстроенный 20 лѣтъ тому назадъ раджей Биджурагура.

Здѣсь мы имѣли интересную встрѣчу. Мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть семейство дакоитовъ, расположившихся около дома для путешественниковъ, въ ожиданіи какой нибудь добычи. Дакоиты, новое общество воровъ и разбойниковъ, появившееся въ центральной Индіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ; это по всей вѣроятности преемники тѣхъ туговъ или душителей, о которыхъ такъ много говорили, или лучше сказать, это тѣ же туги, но только оставившіе свою прежнюю, слишкомъ уже сдѣлавшуюся извѣстною систему для другой, новѣйшей и болѣе усовершенствованной. Дакоиты уже не душатъ болѣе

© ГПНТБ СО РАН

изъ одного суетнаго желанія принести жертву мрачной Кали, но тѣмъ не менѣе грабятъ и убиваютъ съ тѣмъ же неистовствомъ и свирѣпостью, какъ и ихъ предшественники. Нѣкоторыя изъ этихъ шаекъ усвоили себѣ способъ дѣйствія, который явился слѣдствіемъ соприкосновенія ихъ съ цивилизаціей: опѣ по преимуществу эксплуатируютъ большія англійскія дороги въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ послѣднія проходятъ среди дикой мѣстности. Но ни пустынное мѣсто и ни безпомощное состояніе путешественника недостаточны еще для того, чтобы искоренить страхъ, который въ нихъ вселяютъ англійскіе законы и полиція, и вотъ какимъ образомъ они стараются, такъ сказать, обойти опасность. Шайка собирается гдѣ нибудь по близости бунгалова и посылаетъ туда развѣдчиковъ, обыкновенно одного или двухъ стариковъ въ сопровожденіи молодой дѣвушки красивой наружности. Старики являются, обыкновенно, подъ видомъ богомольцевъ, отправляющихся на далекое богомолье, а молодая дѣвушка, подъ предлогомъ выпрашиванія милостыни, проникаетъ въ самый бунгаловъ, гдѣ старается обратить на себя вниманіе путешественника, говоритъ съ нимъ и обыкновенно безъ труда узнаетъ дорогу, по которой тотъ будетъ слѣдовать. Всегда случается такъ, что богомольцы выбираютъ именно тотъ же путь, и на другой день путешественникъ находитъ на слѣдующей станціи тѣхъ же людей, которыхъ видѣлъ вчера. Намѣреніямъ этихъ хитрыхъ бандитовъ служитъ сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ природная довѣрчивость европейца, а также и напускной видъ невинности и безпомощности молодой дѣвушки. Въ одинъ прекрасный вечеръ путешественника и его людей погружаетъ въ глубокій сонъ какое нибудь наркотическое средство, подмѣшанное въ его пищу; по заранѣе условленному сигналу являются дакоиты и когда на другой день бѣдный обманутый человѣкъ просыпается, то замѣчаетъ, что его деньги и вещи исчезли вмѣстѣ съ интереснымъ семействомъ богомольцевъ. Подобные факты случились два раза въ бытность мою тамъ, но они повторяются еще гораздо чаще, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ жертва, стыдясь признается на какую удочку ее поймали, считаетъ это непріятное происшествіе какъ бы урокомъ для себя на будущее время и не увѣдомляетъ о немъ кого слѣдуетъ. Такія похожденія не представляютъ для дакоита ничего труднаго; онъ охотно рѣшается и на болѣе опасныя предпріятія. Раздѣтный до гола, съ тѣломъ, вымазаннымъ масломъ, гибкій какъ змѣя, онъ проникаетъ въ дома и вползаетъ въ палатки, такъ что всѣ предохранительныя мѣры противъ него оказываются недостаточными. Часто однѣ и тѣ же лица слѣдуютъ по пятамъ за европейскимъ полкомъ во время похода, влѣзаютъ въ палатки офицеровъ, совершаютъ до двадцати и болѣе кражъ и всетаки остаются незамѣченными.

Дакоитъ прибѣгаетъ къ оружію противъ сагиба, котораго онъ боится, только въ послѣдней крайности; съ индійцемъ же онъ поступаетъ гораздо безцеремоннѣе: имѣя съ нимъ дѣло, онъ не обходится безъ убійства и часто поджигаетъ жилище, чтобы украсть какой нибудь незначительный предметъ. Я могъ бы привести множество примѣровъ такого разбойничества, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, легло отвратительныхъ пятномъ на всю сѣверную Индію и захватило собою даже самый Бенгалъ. Хитрости, къ которымъ прибѣгаютъ эти злодѣи и способъ ихъ дѣйствія превосходятъ все, что когда либо могла изобрѣсти самая пылкая фантазія романиста.

Едва ли мнѣ нужно говорить, что уже будучи давно на сторожѣ, я съ любопытствомъ слѣдилъ за маневрами дакоитовъ вокругъ джонкейскаго бунгалова, не подвергаясь въ тоже время ни малѣйшей опасности. Поэтому, видя, что ихъ хитрости ни къ чему не приведутъ, они безъ шума удалились въ тотъ же день.

XLVII.

Гундвана (провинціи Думохъ и Согоръ).

Географическія и историческія замѣчанія.—Гундсы, ихъ нравы, обычаи и религія.—Почему до сего времени всегда смѣшивали между собою гундсовъ и кундовъ.—Отъ Джонкея до Буртулла. — Талукдаръ изъ Кумари. — Охота за бизономъ.—Дюмохъ.—Озеро Путуррія.—Банжарисы.—Согоръ.

Подъ именемъ Гундвана или страны гундсовъ разумѣютъ обширную область нагорныхъ равнинъ, идущихъ вдоль всего верхняго теченія Нербуды и которая, заключаясь между 64° и 80° долготы и 20°, 10° и 24° широты, занимаетъ почти математически точный центръ индійскаго полуострова. Границы ея суть: на сѣверѣ Бунделькундъ, Богелькундъ и Сиргуджа; на востокѣ Сумбульпоръ и страна кундовъ; на югѣ Бераръ и государство Ницамъ; на западѣ Кандейхъ и страна билей. Въ настоящее время она образуетъ главную часть территоріальнаго англійскаго управленія, обозначаемаго однимъ общимъ именемъ Central Provinces.

По общему виду она представляетъ систему нагорныхъ равнинъ не выше 1200 футъ, не особенно обширныхъ и почти вездѣ совершенно ровныхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой узкими, глубоко лежащими, долинами, которыя, за исключеніемъ Нербуды и Тапти, орошаются лишь горными потоками.

Гундвана, какъ и всѣ дикія страны, не имѣетъ исторіи. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, она была совершенно неизвѣстна даже самимъ индійцамъ. Подлинные документы, имѣющіе къ ней какое нибудь отношеніе, начинаются лишь съ семнадцатаго вѣка.

© ГПНТБ СО РАН

Легенды, сохранившіяся у гундсовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что эта раса получила свое начало въ той же самой странѣ, которую она занимаетъ и теперь; въ этихъ легендахъ нигдѣ не встрѣчается указанія на какое либо переселеніе, какъ это мы видимъ въ преданіяхъ билей и колевъ. Поэтому можно на нихъ смотрѣть какъ на первобытныхъ жителей центральной Индіи, которые видоизмѣнились лишь вслѣдствіе присоединенія къ нимъ нѣкоторыхъ народцевъ, производившихъ въ разное время набѣги на ихъ страну.

Гундвана, занимая площадь болѣе 200,000 кв. километровъ, считаетъ всего 3.000,000 жителей, въ число которыхъ входятъ 1.500,000 гундсовъ и отъ 200,900 до 300,000 разноплеменныхъ дикарей; остальную же часть населенія составляютъ индусы изъ Деканы, магараты и мусульмане.

Гундсы рѣзко разнятся отъ Билей; типъ первыхъ представляетъ болѣе значительное уклоненіе отъ совершеннаго человѣческаго типа, они гораздо меньше ростомъ, гораздо чернѣе и вообще безобразнѣе по своему наружному виду. Лице у нихъ плоское, лобъ низкій, носъ приплюснутый, губы толстыя, а глаза очень малы, хотя расположены довольно правильно; ихъ густые волосы, чернаго блестящаго оттѣнка, разсыпаются вокругъ головы длинными тяжелыми прядями. Не смотря на свой малый ростъ, рѣдко превышающій у мужчинъ полтора метра, они очень крѣпкаго тѣлосложенія и одарены большою физическою силою; станъ ихъ вообще сгорбленъ, ноги и руки мускулистыя. Костюмъ такой же, какъ и у всѣхъ дикихъ: одинъ кусокъ матеріи обмотанъ вокругъ чреслъ, другой вокругъ головы.

Типъ ихъ женщинъ болѣе совершенный; у молодыхъ, черты лица часто очень пріятны. Онѣ закутываются въ узкій лоскутъ бумажной матеріи, едва закрывающій средину туловища и часть груди и татуируютъ ноги отъ лодыжекъ до самыхъ ляжвей, покрывая ихъ мелкими, странными изображеніями; лобъ, а иногда и обѣ щеки носятъ также слѣды татуировки. Вмѣстѣ съ женщинами билей онѣ раздѣляютъ ихъ сильную привязанность къ кольцамъ и браслетамъ изъ бронзы и серебра.

Наименованіе гундсъ происходитъ отъ санскритскаго корня и означаетъ: «житель пещеръ». Ихъ нарѣчіе, извѣстное подъ названіемъ гундскаго, состоитъ изъ смѣшенія индустанскаго нарѣчія съ старинным діалектомъ, нѣкоторыя слова котораго напоминаютъ собою дравидійское или тамульское нарѣчіе.

Гундсы не чувствуютъ того необузданнаго влеченія къ войнѣ, которое характеризуетъ ихъ сосѣдей, билей; странное дѣло, они не знаютъ даже употребленія лука; ихъ любимое оружіе состоитъ изъ короткаго топора, не покидающаго ихъ ни на одну минуту и употребляемаго ими чаще для рубки деревьевъ или кустарниковъ, чѣмъ для нанесенія смертоносныхъ ударовъ себѣ подобнымъ. Тѣмъ не менѣе, однако, они въ иныхъ случаяхъ выказываютъ большую храбростъ и часто съ пикою и топоромъ въ рукахъ отважно пускаются преслѣдовать страшныхъ обитателей ихъ джунглей. Считаю не лишнимъ прибавить, что они, какъ и остальные дикіе жители Индіи, отличаются тѣмъ отъ цивилизованныхъ народовъ, что добросовѣстность и честное исполненіе даннаго слова стоятъ у нихъ всегда на первомъ планѣ, хотя воровство они и не считаютъ особеннымъ преступленіемъ.

Гундсы проводятъ почти всю свою жизнь въ постоянныхъ перекочевкахъ; поэтому ихъ деревни рѣдко имѣютъ видъ прочнаго, постояннаго человѣческаго жилья; въ большинствѣ-же случаевъ они сплетаютъ свои хижины изъ бамбуковыхъ вѣтвей и покрываютъ ихъ листьями тиковаго дерева. При малѣйшемъ недовольствѣ мѣстностью, они очень быстро оставляютъ свои жилища и перекочевываютъ въ другія мѣста. Эта удивительная подвижность основывается на странномъ ихъ понятіи о земледѣліи. Когда приходитъ время посѣва, они отправляются пріискивать почву, соединяющую въ себѣ всѣ условія хорошей жатвы, т. е. другими словами, предоставляющую отлогій скатъ, густо поросшій деревьями. Когда такое мѣсто найдено, они срубаютъ деревья и сжигаютъ ихъ на мѣстѣ; затѣмъ, покрывъ поле ровнымъ слоемъ полученнаго такимъ образомъ пепла, они обсѣменяютъ на удачу почву и предоставляютъ дождю довершить остальное. Деревня, въ такихъ случаяхъ раскидывается непосредственно близъ обработанныхъ такимъ способомъ полей. Въ продолженіе двухъ лѣтъ подобные посѣвы даютъ обильную жатву; на третій-же годъ произведенія почвы дѣлаются скуднѣе, да къ тому-же корни сожженыхъ деревьевъ и кустарниковъ пускаютъ новые отпрыски; тогда деревня покидается и жители ея отправляются на новые поиски. Надо дѣйствительно знать богатую производительность почвы въ этой странѣ, чтобы понять какимъ образомъ выростаютъ снова густые лѣса, истребляемые такимъ образомъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Въ настоящее время англійское правительство приняло на себя охрану лѣсовъ и доставляетъ гундсамъ плуги и сѣмена, научая ихъ въ тоже время примѣнять ихъ къ дѣлу.

©ПНБ СОРАН

Гундсы, однако, находятъ въ своихъ лѣсахъ такое подспорье, которое не только даетъ имъ возможность пополнить недостаточное знаніе земледѣлія, но также и заставляетъ ихъ относиться къ послѣднему съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ многочисленныхъ продуктовъ, важныхъ въ торговомъ отношеніи, лѣса доставляютъ имъ обильное пропитаніе въ видѣ фигъ, манговыхъ плодовъ, сливъ, sâl и jujubier, не говоря уже о mhowah, а также и кореньевъ, годныхъ для домашняго употребленія, между которыми замѣчателенъ сочный ямъ; далѣе охота даетъ имъ неистощимый источникъ добычи, состоящей изъ бизоновъ, буйволовъ, оленей, тигровъ и волковъ, которыхъ они ѣдятъ безъ разбора, и въ заключеніе сокъ извѣстнаго strychnos даетъ имъ возможность отравлять рѣки и вытаскивать такимъ образомъ цѣлыя массы ошеломленной рыбы.

Религія ихъ находится въ первобытномъ состояніи. Они поклоняются только карательной силѣ и вообще всему тому, что угрожаетъ опасностью ихъ плачевному существованію. Такимъ образомъ, главными божествами служатъ имъ: оспа, холера, лихорадка и тигръ. Но они не выражаютъ своего поклоненія въ видѣ идоловъ, а замѣняютъ ихъ обломками скалъ, что составляетъ жалкое подражаніе мегалитическимъ памятникамъ и разставляютъ ихъ въ кругъ у подошвы какого нибудь гигантскаго дерева, причемъ плоскій камень, поставленный въ срединѣ этого круга, обозначаетъ жертвенникъ. Если вѣрить браминскому преданію, гундсы закалывали въ прежнее время на этихъ жертвенникахъ быковъ, откуда будто все племя и получило свое названіе, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, оно означаетъ «убиватель коровъ» а не «обитатель пещеръ». Во всякомъ случаѣ, они въ настоящее время ограничиваются тѣмъ, что мажутъ своихъ грубыхъ идоловъ красною краскою, воображая, что она замѣняетъ имъ кровь приносимыхъ яко бы жертвъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они приносятъ имъ жертвы лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ и то развѣ пѣтуховъ да козловъ.

По всей вѣроятности, у нихъ есть понятіе о высшемъ божествѣ, о творцѣ міра, котораго они называютъ Бураль Пэнъ или Фарсса Пэнъ, но они не поклоняются ему и ограничиваютъ свои жертвы приношеніемъ ему ex-voto наконечниковъ копій и сошниковъ, которые они развѣшиваютъ на вѣтвяхъ деревьевъ.

Ихъ религіозныя церемоніи состоятъ преимущественно изъ оргій и оканчиваются только тогда, когда всѣ присутствующіе теряютъ совершенно разсудокъ отъ чрезмѣрнаго употребленія водки изъ mhowah. Ихъ жрецы болѣе похожи на колдуновъ, чѣмъ на духовныхъ лицъ; они вызываютъ добрыхъ духовъ, изгоняютъ злыхъ и занимаются вообще заклинаніями. Подобная способность жрецовъ происходитъ будто бы отъ ихъ власти надъ тиграми; поэтому въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда тигръ утащитъ кого нибудь изъ жителей, они обязаны отправиться на поиски за жертвою и умилостивить ее разными церемоніями, чтобы воспрепятствавать ей обратиться, по ихъ понятію, самой въ тигра и привести въ ужасъ всю страну. Жрецовъ избираютъ обыкновенно изъ корпораціи логаръ или кузнецовъ, занимающихся приготовленіемъ желѣза для топоровъ. Гундсы имѣютъ также своихъ бардовъ, извѣстныхъ подъ именемъ пардганъ, на обязанности которыхъ лежитъ сохраненіе народныхъ преданій и распѣваніе во время большихъ праздниковъ національныхъ легендъ.

Гундсы раздѣляются на множество колѣнъ, но не имѣютъ кастъ. Каждое колѣно управляется совѣтомъ, который составляется изъ старшихъ въ родѣ, подчиненныхъ, однако, большею частью высшему начальнику, такуру, изъ племени раджпутовъ. Нѣкоторые изъ колѣнъ нижнихъ нагорныхъ равнинъ поклоняются Магадевы и признаютъ браминовъ, но большая часть гундской расы и до сихъ поръ сохранила свою упорную ненависть къ браманизму и считаетъ его жрецовъ нечистыми существами. Смѣшеніе раджпутовъ съ гундсами породило особенную расу, извѣстную подъ именемъ раи-гундовъ, которая въ физическомъ отношеніи приближается къ туземцамъ, а въ отношеніи правовъ — къ индусамъ.

Говоря о дикихъ племенахъ, населяющихъ Гундванъ, надо упомянуть еще о коркусахъ, буміяхъ и биліяхъ.

Я долженъ сказать также нѣсколько словъ о кундахъ, которыхъ путешественники смѣшивали до сего времени съ гундсами. Кунды пріобрѣли печальную извѣстность своими кровавыми человѣческими жертвоприношеніями или Meriahs, о которыхъ нашъ журналъ далъ уже разъ интересную монографію[1]). Они гораздо чернѣе гундсовъ, ближе подходятъ къ негритянскому типу и не имѣютъ съ ними ничего общаго въ отношеніи языка и религіи. Слово кундъ происходитъ отъ санскритскаго корня khô, что значитъ—горный житель. Что же касается до Кондистана или страны кундовъ, то она отдѣляется отъ Гундвана весьма гористою и недоступною областью, населенною, дикими, мало извѣстны-

[1]) Всемірн. Пут. 1867 г.

ОТПЕЧАТАН

ми племенами; она сжата между Сумбульпуромъ и Куттакомъ и простирается отъ Бенгала до Гумсура. Въ виду всего этого, только однимъ сходствомъ словъ писатели перемѣшали между собою эти два несходственные народа.

13-го апрѣля. По выѣздѣ изъ жонкейскаго бунгалова, мы должны были своротить съ прекрасной жуббульпурской дороги на отвратительный проселокъ, по которому караваны направляются черезъ Виндіасы въ Согоръ. Около восьми часовъ утра мы пріѣхали въ мѣстечко Буртулла, гдѣ и остановились въ превосходномъ бунгаловѣ.

14-го апрѣля. Дорога изъ Буртуллы идетъ вдоль горной цѣпи, направляющейся съ сѣвера на югъ, и то и дѣло перемежается крутыми горами и обрывистыми спусками. Вплоть до деревни Раджпура, которую мы проѣхали на разсвѣтѣ, растительность представляется тощею и скудною; но она скоро уступаетъ мѣсто великолѣпному дѣвственному лѣсу, высокія деревья котораго образуютъ темный сводъ зелени, подъ коимъ ютится непроходимая чаща бамбуковъ, кустарниковъ и высокихъ травъ, откуда выползаютъ дивныя ліаны, цѣпляясь по верхнимъ сучкамъ деревъ и переплетаясь между собою причудливыми сѣтчатыми узорами. Эту великолѣпную декорацію оживляютъ обезьяны и птицы съ чуднымъ, блещущимъ разнообразными цвѣтами, опереніемъ.

Не смотря однакоже на свою красоту, лѣса эти далеко не выдерживаютъ сравненія съ живописною растительностью Гатовъ Малабара или Конкана, но за то они, по всей вѣроятности, превосходятъ ее богатствомъ своихъ произведеній. Между всѣми представителями растительнаго царства, начиная съ ничтожной травки или кустарника и кончая исполинскимъ деревомъ, немного найдется такихъ, которые бы не обладали какимъ нибудь полезнымъ свойствомъ.

Много часовъ ѣхали мы среди этой величественной обстановки, лишь изрѣдка встрѣчая по пути безобразныя гундскія хижины и первобытныя постройки для добыванія угля. Наконецъ, горы мало по малу стали понижаться, становиться болѣе отлогими и мы въѣхали въ прекрасно обработанную долину, посреди которой возвышалось на небольшомъ холмѣ мѣстечко Кумари.

Солнце уже начало нестерпимо жечь, такъ что мнѣ захотѣлось поискать въ самой деревнѣ убѣжища, болѣе комфортабельнаго, чѣмъ то, какое представляли намъ палатки. Поселяне довели меня до жилья талукдара округа, потомка по прямой линіи одного изъ гундскихъ вождей, а нынѣ простаго вассала Англіи. Этотъ добрый человѣкъ принялъ

насъ очень хорошо, но его жилище, которое крестьяне называли дворцомъ, оказалось простою фермою, хотя и большихъ размѣровъ, но переполненною людьми и домашними животными; поэтому, опасаясь стѣснить его и не желая быть ему въ тягость, я отговорился тѣмъ, что мнѣ уже по дорогѣ къ нему предложилъ гостепріимство раджпутскій жандармъ, представитель англійской власти. Жандармы помѣщаются въ индійскомъ домѣ, по имени station-house, весьма чисто содержимомъ и гдѣ намъ уступили въ полное наше распоряженіе большую, прохладную комнату, не оставлявшую ничего больше желать въ отношеніи комфорта и чистаго воздуха. Въ первый еще разъ, во все время моего путешествія, довелось мнѣ жить въ самомъ центрѣ деревни и притомъ въ индійскомъ домѣ.

На другой день, талукдаръ пришелъ къ намъ съ визитомъ. Это еще молодой, красивый мужчина, который можетъ служить типомъ высшаго сословія раигундовъ; онъ старается подражать, но безуспѣшно, прекраснымъ манерамъ раджпутовъ, однако все же не лишенъ нѣкотораго природнаго изящества. Онъ далъ намъ интересныя свѣдѣнія о гундахъ и объ окружающей мѣстности, и, въ заключеніе, предложилъ мнѣ, если я въ состояніи располагать однимъ или двумя днями, устроить для меня охоту за бизономъ въ одной нагорной равнинѣ, за нѣсколько километровъ отъ Кумари; конечно, я съ удовольствіемъ принялъ такое заманчивое предложеніе.

Gaur, или индійскій бизонъ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ животныхъ индійской фауны. Хотя онъ встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ, начиная отъ мыса Коморина до Гималаевъ, однако, попадается во множествѣ лишь въ центральномъ поясѣ. Названіе gaur [1]), сдѣлавшееся его научнымъ обозначеніемъ, дается ему лишь туземцами непальскаго Тераи; въ другихъ же частяхъ Индіи онъ невѣрно называется Jungli Koudja или Bhaînsa, то есть «буйволъ жунгля». Европейскіе охотники окрестили его «индійскимъ бизономъ», и это названіе, не говоря уже о томъ, что оно болѣе употребительно, опредѣляетъ его кажется точнѣе чѣмъ научные и туземные термины. Gaur не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ дикимъ буйволомъ, который водится въ однихъ съ нимъ мѣстностяхъ; онъ приближается гораздо болѣе къ американскому бизону, чѣмъ къ обыкновенному быку.

Его короткая, квадратной формы голова, съ широкимъ крутымъ

[1]) Bos или gavacus gaurus.

© ГПНТБ СО РАН

лбомъ, покрыта длинною рыжеватою шерстью розоватаго или свѣтлосѣраго оттѣнка. Морда очень развита; уши гораздо меньше, чѣмъ у быка. Рога, вмѣсто того, чтобы быть цилиндрическими при своемъ основаніи, напротивъ овальны и сильно сплющены; они загибаются назадъ и, выпрямляясь, оканчиваются остроконечіемъ, образуя дугу, сегментъ которой достигаетъ одного метра, а иногда и болѣе. Толстая, короткая шея выходитъ изъ мясистаго горба, закрывающаго плечи и продолжающагося до средины спины. Этотъ горбъ составляетъ главный отличительный признакъ, дѣлающій gaur'а похожимъ на американскаго бизона. Онъ обыкновенно бываетъ покрытъ почти черною шерстью, которая въ этомъ мѣстѣ гораздо длиннѣе и гуще, чѣмъ та, которая покрываетъ другія части тѣла и бываетъ обыкновенно каштановаго цвѣта. Туземцы употребляютъ кожу этого горба на приготовленіе щитовъ, которые, по ихъ словамъ, не пробиваетъ даже сильный сабельный ударъ. Достойно еще замѣчанія, что ноги бизона, отъ копыта до колѣна, самаго чистаго бѣлаго цвѣта, въ силу чего онъ и получилъ отъ охотниковъ прозвище «штиблетный». Средняя величина роста у совершенно развившихся животныхъ равняется $1^{м}.85$ въ самомъ высокомъ мѣстѣ до плеча, при длинѣ отъ $2^{м}.80$ до $2^{м}.95$ отъ оконечности морды до основанія хвоста.

Бизоны живутъ въ гористыхъ областяхъ центральной Индіи; день они проводятъ въ нагорныхъ равнинахъ, скрываясь въ какомъ нибудь маленькомъ густо поросшемъ ущельѣ, гдѣ есть ключъ или вообще водоемъ; ночью же выходятъ пастись въ высокія травы или забираются въ бамбуковыя поросли, до которыхъ они очень лакомы. Каждое стадо состоитъ изъ десяти или пятнадцати головъ и ведетъ его обыкновенно молодой самецъ. Старые же самцы, какъ скоро кончается періодъ течки, совершенно уединяются.

Кажется бизонъ видитъ плохо, но за то онъ одаренъ весьма чувствительнымъ слухомъ и обоняніе его такъ хорошо, что къ нему очень трудно подойти. Нѣкоторые охотники изображали его однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ лѣсныхъ обитателей и увѣряли, что онъ нападаетъ на человѣка и слона, едва ихъ завидитъ; но, по правдѣ сказать, хотя бизону и не страшно нападеніе какого бы то не было животнаго, хотя бы даже самаго тигра, онъ все таки боязливъ по природѣ и становится опасенъ лишь тогда, когда изнемогаетъ отъ раны и чувствуетъ, что ему нѣтъ выхода. Тогда его бѣшенство и ожесточеніе не знаютъ границъ,

и не одинъ несчастный охотникъ поплатился жизнью при столкновеніи съ ними въ подобныхъ обстоятельствахъ.

15-го апрѣля. Талукдаръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей, пришелъ за нами въ Station-house раннимъ утромъ. Мы тотчасъ же отправились въ путь и прогалопировавъ нѣсколько времени, очутились въ томъ самомъ лѣсу, который проѣзжали наканунѣ. Послѣ долгой ѣзды по дикой, пустынной мѣстности, мы въѣхали наконецъ на вершину террасы, съ крутыми боками, откуда открылся видъ на всю окрестность по направленію къ Думохъ. Мы сошли съ лошадей, чтобы съѣсть нашъ простой завтракъ и дать время загонщикамъ развѣдать, гдѣ находится стадо, о которомъ говорили талукдару.

Они вскорѣ возвратились; оставивъ лошадей на мѣстѣ, мы покинули плато и вошли въ густую чащу, покрывавшую одну изъ его покатостей. Жара начиналась невыносимая; было уже десять часовъ; солнце неумолимо жгло и листья деревьевъ висѣли вдоль вѣтвей совершенно поблеклыми и завядшими. По словамъ нашихъ путеводителей, минута была благопріятная для того, чтобы подойдти къ бизонамъ, которые, изнемогая отъ жары, залегли спать въ лѣсную чащу. Мнѣ невольно пришло въ голову, что желая воспользоваться этой благопріятной минутой, мы поступаемъ черезчуръ отважно, подвергая себя дѣйствію лучей апрѣльскаго солнца, чего бы англійскіе резиденты въ Индіи не сдѣлали ни за какую цѣну, такъ какъ они боятся его лучей болѣе всего на свѣтѣ.

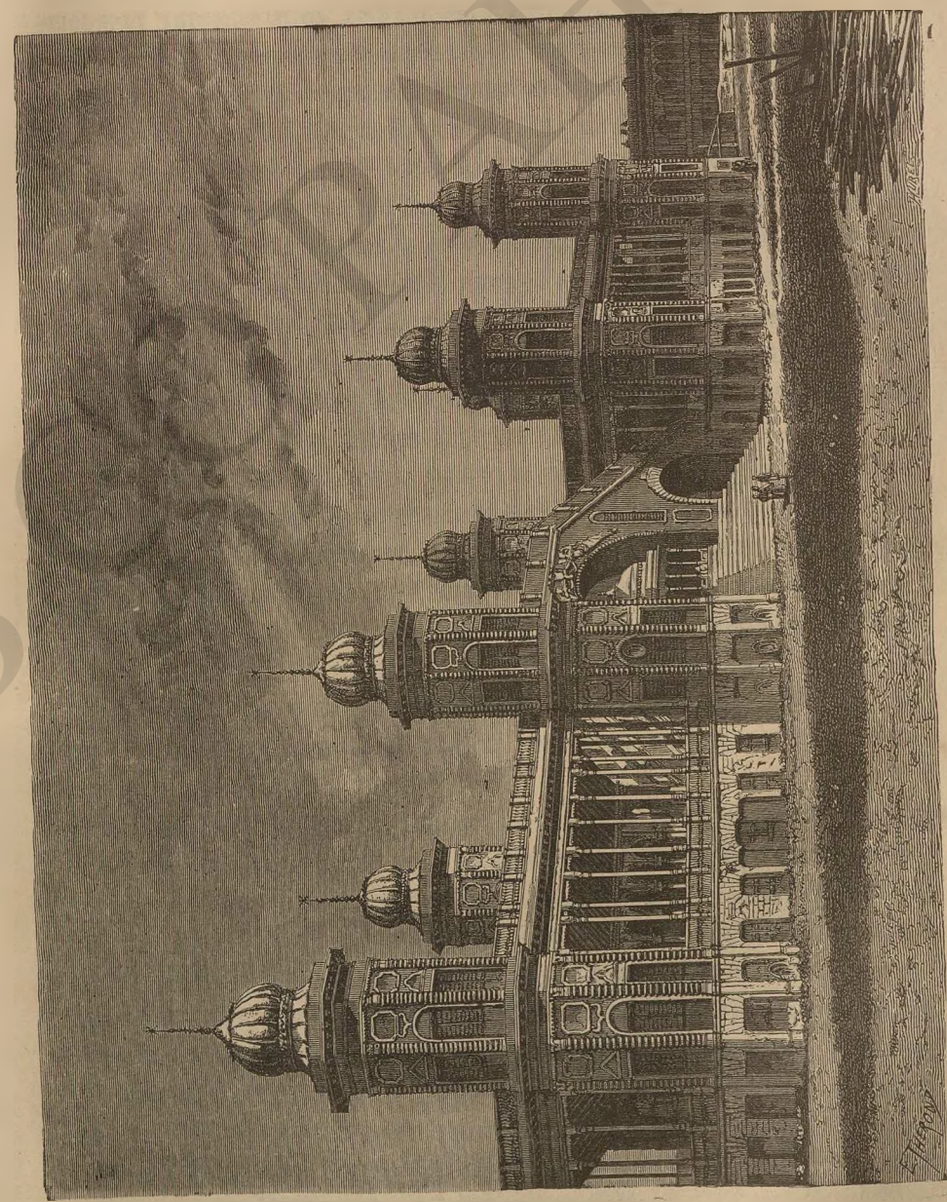
Наконецъ, послѣ утомительнаго спуска, во время котораго мы исцарапали себѣ всѣ руки, мы пришли къ краю узкаго оврага, въ глубинѣ котораго росъ густой лѣсъ исполинскихъ бамбуковыхъ деревьевъ. Чтобы достигнуть этой чащи, скрывавшей отъ насъ бизоновъ, намъ нужно было спуститься по отлогости въ 50 метровъ, на которой рѣдкія и небольшія кустарники не давали намъ никакой защиты отъ солнца. Поэтому, оставивъ это намѣреніе, мы помѣстились у входа въ оврагъ, а одинъ изъ загонщиковъ отправился въ обходъ, чтобы пригнать къ намъ стадо. Вскорѣ мы увидѣли его на противуположномъ краю оврага. Но бизоны замѣтили его еще ранѣе. И вотъ бамбуковыя деревья зашатались, лѣсъ наполнился шумомъ и въ одинъ мигъ все стадо очутились передъ нашими глазами: самки съ опущенными головами и тяжело дышавшія, а молодые бизоны, прыгавшіе отъ страха. Они пронеслись мимо насъ точно ураганъ и мы выстрѣлили одновременно; одинъ изъ нихъ остановился на мгновеніе, и я послалъ ему вторую пулю, которая, од-

нако, его не остановила. Но тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ остальное стадо исчезло въ дали, раненый бизонъ отсталъ отъ другихъ и остановился въ пяти или шестистахъ метрахъ отъ насъ. Мы немедленно поспѣшили къ нему и третья пуля сразила его окончательно. Хотя это былъ не болѣе какъ молодой быкъ съ небольшими еще рогами, но тѣмъ не менѣе составлялъ богатый трофей нашей охоты. Талукдаръ, недовольный такимъ успѣхомъ, хотѣлъ продолжать преслѣдованіе бизоновъ, но для меня было совершенно достаточно того, что намъ досталось и я ничего болѣе такъ не желалъ, какъ воротиться поскорѣе въ Кумари и отдохнуть отъ этой утомительной поѣздки въ прохладномъ домѣ гостепріимныхъ жандармовъ.

17-го апрѣля. Пользуясь яснымъ луннымъ свѣтомъ, мы переѣхали ночью черезъ цѣпь Гатъ Пипирія, отдѣляющую Кумари отъ Дюмоха. Дорога во все время пути шла по возвышеннымъ мѣстамъ; ландшафтъ былъ одинъ изъ самыхъ дикихъ; голая и покрытая только кустарниками почва была перерѣзана оврагами или узкими долинами. Я, наконецъ, не выдержалъ и заснулъ въ нашемъ удобномъ гаудахѣ, позабывъ совершенно о гибельномъ дѣйствіи лучей ночнаго свѣтила; поэтому, проснувшись на другой день, я почуствовалъ болѣзненные припадки, бывшіе слѣдствіемъ такъ называемаго «луннаго удара»; у меня показались симптомы сильнаго воспаленія глазъ. Въ такомъ печальномъ состояніи я добрался до бунгалова въ Дюмохѣ, гдѣ неоднократныя примочки изъ крѣпкаго чая возвратили мнѣ снова зрѣніе. Подобные удары случаются очень часто; и надо замѣтить, что луна не всегда ограничивается только лишеніемъ зрѣнія, но причиняетъ также весьма часто опухоль всего лица, сопровождаемую лихорадкою и безпокойнымъ состояніемъ духа. Туземцы, вполнѣ знакомые съ подобнымъ дѣйствіемъ лунныхъ лучей, покрываютъ всегда голову толстою матерію, когда имъ приходится ночью спать на открытомъ воздухѣ.

Немного спустя послѣ нашего пріѣзда, къ намъ пришелъ съ визитомъ M. R*** коммиссаръ провинціи, который былъ извѣщенъ о нашемъ прибытіи преданнымъ намъ другомъ Кинкэдомъ и предложилъ намъ свое гостепріимство, прося располагать, какъ намъ угодно, его прекраснымъ домомъ.

Дюмохъ образцовый городокъ англійской провинціи того же имени, входящей ви составъ Central Provinces; въ немъ не болѣе 12,000 жителей и большая часть его домовъ построена изъ битой глины. Но оживленные рынки, чистыя и хорошо содержимыя улицы, большое число



Павильонъ Ланка въ Лукновскомъ Кайзербагѣ.

1-МАИ 32

публичныхъ зданій, служащихъ ему украшеніемъ и новыя постройки, возвышающіяся со всѣхъ сторонъ, придаютъ ему видъ не совсѣмъ заурядnаго благосостоянія, которому онъ обязанъ единственно просвѣщенному управленію съ 1861 г. сера Ричарда Тэмпля.

Въ числѣ учрежденій, возникшихъ по иниціативѣ этого губернатора, слѣдуетъ упомянуть о промышленномъ музеѣ, который можно встрѣтить въ любомъ городѣ Central Provinces. Въ Дюмохѣ насъ познакомилъ съ музеемъ коммиссаръ. Я замѣтилъ тамъ, на ряду съ моделями машинъ и инструментовъ, образцы всѣхъ произведеній области, обработанныхъ и необработанныхъ и съ объясненіемъ на туземномъ языкѣ самыхъ лучшихъ пріемовъ къ ихъ употребленію. Это нововведеніе, какъ меня увѣряли, имѣло уже блестящіе результаты. Образцы искусства тамъ также не забыты: я видѣлъ ящики, туземныя бронзовыя издѣлія и наконецъ древнія скульптуры, въ числѣ коихъ остановилъ мое вниманіе великолѣпный монолитный кабанъ.

Въ зданіи музея находится контора, въ которой выдаются преміи туземцамъ за убитыхъ ими хищныхъ звѣрей. Охотникъ, при своемъ заявленіи, обязанъ представить шкуры убитыхъ имъ жинотныхъ. Эти шкуры пріобрѣтаются администраціею съ цѣлью вывоза ихъ въ Европу. Просмотрѣвъ преміи, выданныя въ теченіи года за убитыхъ въ этой мѣстности медвѣдей, тигровъ и пантеръ, шкуры которыхъ занимали собою громадныя пространства, можно было составить себѣ идею о томъ количествѣ хищныхъ звѣрей, которыми наполнены лѣса всего Гундвана.

Лѣса провинцій Согоръ и Дюмоха а также и Бопала служили когда то убѣжищемъ львамъ, изъ породы азіятскихъ. Извѣстно, что эти львы отличаются отъ своихѣ родичей африканскихъ почти полнымъ отсутствіемъ гривы у самцовъ. Причина ихъ исчезновенія изъ лѣсовъ центральной Индіи до сихъ поръ пока еще не приведена въ извѣстность; предполагаютъ только, что развитіе цивилизаціи и усиленныя охоты за ними заставили ихъ удалиться въ лѣса менѣе изслѣдованные, которые тянутся за Амаркантакомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были убиты два такіе льва къ югу отъ Дюмоха [1]). Единственныя страны въ Индіи, гдѣ еще находятъ ихъ въ небольшомъ количествѣ, суть Каттиаваръ и Тульская пустыня.

---

[1]) Калькутскій журналъ извѣщалъ въ 1868 г., что одинъ левъ былъ убитъ въ Окрестностяхъ Аллагабада.

© ГПНТБ СОРАН

19-го апрѣля. Въ десяти миляхъ отъ Дюмоха мы достигли бунгалова Путурія, живописно расположеннаго въ тѣни большихъ деревьевъ, на крутомъ берегу топкаго озера.

На этомъ озерѣ водится всегда значительное количество болотной дичи и я заготовилъ обильный запасъ ея какъ для себя, такъ и для нашихъ людей. Я убилъ здѣсь между прочимъ въ первый разъ saras, птицу которую я до сихъ поръ остерегался убивать.

Сара или журавль Антигоны, самая большая птица Индіи; онъ гораздо больше аргила или птицы-философа, которую наши зоологическіе сады акклиматизировали въ Европѣ. Тѣло его покрыто гладкими шелковистыми перьями цвѣта gris de perle, а длинная и прямая шея оканчивается красивою головкою краснаго цвѣта, вооруженною короткимъ и острымъ клюзомъ. Толщина его ногъ нисколько не вредитъ граціозности его движеній. Его ростъ доходитъ отъ одного метра двадцати до одного метра сорока сантиметровъ. Индусы считаютъ его эмблемою супружеской вѣрности и совершенно правы въ этомъ. Ихъ всегда встрѣчаютъ парами, и если одинъ изъ нихъ убитъ, то другой никогда не улетаетъ, а напротивъ того кружится, испуская рѣзкіе и по истинѣ жалобные звуки надъ головою охотника, который уноситъ его подругу. Мусульмане, менѣе поэтичные, любятъ его за его мясо, которое однако черно и жестко; грудинка, приготовленная какъ слѣдуетъ, напоминаетъ собою говядину.

Днемъ мнѣ пришлось увидѣть въ ущельѣ караванъ баньярисовъ, состоявшій изъ 4,000 быковъ, который остановился лагеремъ близъ бунгалова. Подобной встрѣчи я уже давно добивался и она позволила мнѣ ближе познакомиться съ этими интересными номадами.

Имя Баньяри [1]) или Ломбади присвоено въ Индіи племени или лучше сказать народу, поставившему себѣ цѣлью поставлять хлѣбъ и перевозить его на своихъ быкахъ изъ одного мѣста въ другое за свой счетъ или за счетъ правительства или же по порученію частныхъ лицъ. Эти баньяри такимъ образомъ снабжаютъ провіантомъ всѣ провинціи полуострова. Подобную торговлю ведутъ они съ незапамятныхъ временъ и по преданію считаются священными; въ самомъ дѣлѣ, если какую нибудь страну посѣщаетъ неурожай, то они немедленно являются на помощь и ихъ несмѣтные караваны приносятъ съ собою снова благосостояніе. Во время войны они занимаютъ такое положеніе, которое можно

[1]) Banjara, номадъ, значитъ блуждающій по лѣсамъ.

только развѣ сравнить съ положеніемъ, занимаемымъ въ нашихъ войнахъ женевскимъ обществомъ для поданія помощи раненымъ. Ихъ отряды спокойно разъѣзжаютъ между воюющими сторонами, не опасаясь никакихъ атакъ и никто при этомъ не стѣсняетъ ихъ въ ихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ извѣстно, что если бы одна изъ сторонъ поставила имъ преграду при исполненіи ими ихъ обязанности, то она была бы ими предоставлена самой себѣ, безъ надежды получить отъ нихъ когда либо съѣстные припасы.

Настоящее имя баньярисовъ гогуръ. Они ведутъ чисто кочевую жизнь и не строятъ никогда городовъ; лѣтомъ они живутъ въ палаткахъ, а зимою въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Не смотря однако на это, они считаютъ своею родиною Раджпутанъ и въ особенности Мейваръ, гдѣ они имѣютъ нѣсколько деревень, въ которыхъ живутъ старики и инвалиды.

Баньярисы представляютъ собою очень красивую расу. Ихъ правильныя и тонкія черты лица, орлиный носъ и длинные, вьющіеся волосы дѣлаютъ ихъ поразительно похожими на цыганъ, которыхъ они можетъ быть и являются родоначальниками. Единственное, что можетъ служить отличіемъ ихъ отъ цыганъ, такъ это бронзовато-красный оттѣнокъ кожи, замѣчаемый у тѣхъ изъ нихъ, которые считаются чистокровными представителями типа. Большаго роста, хорошо сложенные, одаренные замѣчательною силою мускуловъ, они въ тоже время храбры, горды и ведутъ жизнь трудовую, не лишенную часто опасностей. Костюмъ ихъ совершенно такой же, какъ и у раджпутскихъ вожаковъ верблюдовъ: длинная тюника и чалма съ кистью. Ихъ оружіе состоитъ изъ копья, тарвара, щита, иногда matchlock и часто также изъ круглаго щита, дубины и большаго меча съ двумя рукоятками. Съ ними неразлучна всегда красивая порода собакъ, большія борзыя, съ которыми они охотятся на кабановъ, волковъ и даже тигровъ.

Женщины баньярисовъ, часто весьма красивыя; всѣ онѣ вообще замѣчательны по своему высокому росту и удивительной пропорціональности членовъ. Походка и манеры въ высшій степени граціозны и полны сознанія собственнаго достоинства. Они носятъ обтягивающій ихъ бюстъ и изящно обрисовывающій формы корсажъ и широкую юбку со сборками, доходящую до колѣнъ; на голову наброшено большое покрывало, закрывающее также и шею. Каждая женщина носитъ на себѣ всѣ накопленныя ея мужемъ сокровища, въ видѣ золотыхъ и серебря-

© ГПИБ СОРАН

ныхъ колецъ, серегъ продѣтыхъ въ уши и въ носъ и головныхъ цѣпей; шея обмотана нѣсколькими ожерельями изъ раковинъ; руки отъ кисти по локоть закрыты широкими браслетами изъ слоновой кости, выкрашенными въ розовый или голубой цвѣтъ; наконецъ, на лодыжкахъ также надѣты тяжелыя металлическія кольца, украшенныя безчисленнымъ множествомъ побрякушекъ.

Существованіе женщины баньяри еще тяжелѣе существованіе мужчины; на ея обязанности лежитъ управлять быками, приготовлять для нихъ кормъ, доить коровъ и стряпать семьѣ кушанье.

Мало найдется такихъ картинныхъ зрѣлищъ, какъ то, которое представляетъ подобный караванъ въ пути, съ его множествомъ быковъ, конвоируемыхъ мужчинами воинственной осанки и женщинами въ причудливыхъ уборахъ. Тутъ его семейство на лицо: грудной младенецъ виситъ у матери на шеѣ, ребятишки по больше вскарабкались на молочныхъ коровъ, которыя, кромѣ того, везутъ на себѣ хозяйственныя принадлежности; старику, какъ члену семейнаго совѣта и въ уваженіе къ его лѣтамъ предоставлена честь ѣхать на какой нибудь тощей и малорослой клячѣ. Быки идутъ безъ сѣделъ и недоуздковъ; поперегъ спины болтается двойной мѣшокъ съ положеннымъ въ него грузомъ. Къ шеямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ привѣшаны красныя косточки и бронзовые колокольчики, съ цѣлью отгонять отъ нихъ хищныхъ звѣрей.

Во главѣ стада идетъ великолѣпный быкъ, убранный яркими попонами, цвѣтными колокольцами и разнаго рода погремушками: это быкъ Гаттадео, богъ баньяриса. Онъ-то направляетъ шествіе каравана; тамъ гдѣ онъ остановится будетъ мѣсто стоянки. Къ его то ногамъ приносятъ тяжко больныхъ, сюда то женщины кладутъ свои приношенія въ видѣ молока для того, чтобы отвратить отъ нихъ самихъ и имъ принадлежащаго стада чуму и другія болѣзни; здѣсь же празднуется брачный союзъ; этимъ и ограничиваются религіозные обряды баньярисовъ. Они зарываютъ въ землю тѣла умершихъ до вступленія въ бракъ, тѣла же, состоявшихъ въ бракѣ, сожигаютъ.

По наступленіи вечера, Наикъ назначаетъ мѣсто привала. Съ быковъ снимается грузъ, ноги ихъ спутываютъ и затѣмъ ихъ разставляютъ широкимъ четыреугольникомъ нѣсколько рядовъ; въ серединѣ его, вокругъ палатокъ, складываются мѣшки въ правильныя кучи и въ заключеніе зажигаются костры; за предѣлами этого квадрата всю

ночь бодрствуютъ часовые, оберегая караванъ отъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей.

Каждый такой караванъ образуетъ колѣно или tandah, управляемое вождемъ или naik, свободно избираемымъ всѣми правоспособными людьми. Власть наика неограничена; но по единогласному приговору его подданныхъ она можетъ быть у него отнята.

Быки принадлежатъ всей общинѣ и доходы отъ каждой экспедиціи дѣлятся по ровну между всѣми ея членами. Законы ихъ и вся ихъ общественная организація проникнуты тою же патріархальною простотою. Особо избираемый трибуналъ судитъ проступки и нарушеніе общественнаго интереса и приговариваетъ виновнаго къ изгнанію изъ общины. Внѣ своихъ торговыхъ обязательствъ, которыя выполняются ими съ хорошо всѣмъ извѣстною добросовѣстностью, они вообще довольно сомнительной нравственности и заслуживаютъ порицанія за обычай похищать чужихъ дѣтей мужескаго пола, а своихъ дочерей умерщвлять.

Приносимая ими польза неоспорима и доставила имъ покровительство англійскаго правительства, въ большихъ размѣрахъ пользующагося ихъ услугами. Впрочемъ, имъ суждено увидѣть, хотя еще и въ далекомъ будущемъ, какъ желѣзныя дороги вырвутъ у нихъ изъ рукъ ихъ промыселъ, вслѣдствіе чего они по необходимости должны будутъ оставить свой кочевой образъ жизни. Въ настоящее время ихъ насчитываютъ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, но, по правдѣ сказать, эта цифра не могла еще опереться на какіе нибудь положительныя данныя, такъ какъ правильной переписи произведено не было. Разсматривая внимательно типъ этихъ баньярисовъ, изучая ихъ нравы и принимая въ соображеніе нѣкоторые изъ обычаевъ, какъ то занятіе негромантіей, которому предаются ихъ женщины, ихъ первобытную форму брака и взводимое на нихъ обвиненіе въ воровствѣ дѣтей, опираясь на все это, многіе путешественники хотѣли видѣть въ нихъ коренную вѣтвь той кочевой расы, которая разсыпалась по всей Европѣ подъ именемъ цыганъ, Zingaris, Bohémiens и др. Каковы бы ни были вѣроятности въ пользу такой гипотезы, этотъ интересный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только при самомъ внимательномъ и подробномъ изученіи обычаевъ европейскихъ цыганъ, а главнымъ образомъ ихъ нарѣчія и легендъ,— трудъ, которому еще едва только положено начало.

Ночью, озеро Путурія становится мѣстомъ свиданія всѣхъ окрестныхъ хищниковъ. При свѣтѣ луны, я увидѣлъ на противуположномъ

берегу множество отдѣльныхъ, въ безпорядкѣ двигавшихся массъ и отъ времени до времени до моего слуха явственно доходилъ хриплый ревъ пантеръ.

20-го апрѣля.—Пройдя еще тридцать километровъ разстоянія, мы расположились по утру лагеремъ на берегу Беози, восхитительной рѣчки, катящей свои прозрачныя воды въ руслѣ, сжатомъ высокими, покрытыми зеленью, берегами.

Возлѣ самыхъ нашихъ палатокъ,—черезъ рѣку былъ переброшенъ прекрасный висячій мостъ, имѣвшій четыре метра въ ширину и шестьдесятъ четыре метра разстоянія отъ одного каменнаго устоя до другаго. Онъ представлялъ въ Индіи первый образчикъ въ своемъ родѣ. Инженеръ Прегравъ, которому была поручена его постройка въ 1828 году, сдѣлалъ смѣлую попытку привести въ исполненіе такую трудную работу лишь съ помощью однихъ туземцевъ употребляя въ дѣло лишь одно мѣстное желѣзо — и попытка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Слѣдуетъ добавить, что этотъ округъ заключаетъ въ себѣ большое количество богатѣйшей руды почти на поверхности земли, откуда и добывается самое лучшее индійское желѣзо; удивительно, что до сихъ поръ еще не извлекали изъ этого богатства должной пользы.

Вечеромъ, мы сдѣлали остальные шестнадцать километровъ, которые насъ отдѣляли отъ Согора и прибыли туда въ полночь. Комфортабельный дакъ бунгаловъ, въ которымъ мы остановились, далъ намъ возможность какъ слѣдуетъ отдохнуть здѣсь нѣсколько дней.

Согоръ главный городъ провинціи того же имени, уступленной пейхвахомъ англичанамъ, въ 1818 г. Городъ, какъ показываетъ самое его имя, (Sâgur, откуда Англичане сдѣлали Saugor, означаетъ озеро) основанъ на берегу великолѣпнаго озера, имѣющаго тридцать километровъ въ окружности. Онъ живописно расположенъ амфитеатромъ на небольшомъ холмѣ, вершину коего увѣнчиваетъ старинная цитадель и дворецъ пейхваха. Базары его составляютъ средоточіе оживленной торговля. Въ двухъ километрахъ отъ индійскаго города тянутся обширныя англійскія военныя поселенія, приспособленныя для постоя одного полка бѣлыхъ, одного полка сипайевъ, двухъ артиллерійскихъ баттарей и одного эскадрона кавалеріи. Дома офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, зданіе суда, тюрьмы, арсеналы и церкви придаютъ этимъ поселеніямъ видъ настоящаго европейскаго города; нѣтъ недостатка въ бульварахъ и скверахъ; есть даже обширный публичный садъ съ гротами и фонтанами.

Счастливый случай свелъ насъ въ Согорѣ съ нѣсколькими офицерами изъ гарнизона Новгонга, которые съ очаровательною любезностью взяли на себя трудъ познакомить насъ съ городомъ и его окрестностями.

Въ двухъ льё отъ поселеній находятся развалины стараго Согора; они еще покрываютъ собою цѣлое, отдѣльно лежащее, плато, но не представляютъ ровно ничего замѣчательнаго.

ОТИПБ СО РАН

XLVIII.

Долина Бильза.

Укротители змѣй. — Чудо. — Ратгуръ. — Развалины Гариспура. — Бильза. — Опять-таки «топы и топы». — Лохангирскій утесъ и легенда о бѣломъ конѣ. — Бесснагуръ. — Асока и прекрасная Деви. — Холмъ Удгири. — Гротъ и надпись Санаканика. — Вараха Аватаръ. — Вишну и Магадева. — Жилище тигра. — Страшный сосѣдъ.

Во время пребыванія нашего на станціи Согоръ, насъ посѣтили два *сапваллаха* т. е. укротителя змѣй, торгующіе гадами. Между прочими рѣдкими экземплярами, они предлагаютъ намъ *гулаби* или змѣю розъ, шкура которой испещрена оттѣнками коралла, и еще одну змѣю, у которой голова до такой степени походитъ на хвостъ, что трудно отличить одну отъ другаго. Не найдя въ собраніи ихъ очковой змѣи, я замѣчаю имъ это. «Къ чему таскать съ собою змѣю, отвѣчаютъ они мнѣ, которую мы можемъ достать, лишь только она потребуется? Мы найдемъ ее даже на дворѣ вашей станціи».

Любопытство мое было затронуто, и я попросилъ ихъ найти мнѣ змѣю въ самый короткій срокъ, на какой они, повидимому, расчитывали. Тотчасъ же одинъ изъ сапваллаховъ снимаетъ съ себя платье, за исключеніемъ лангути, и, взявъ свой *тумрилъ* (флейту укротителей), онъ приглашаетъ меня слѣдовать за нимъ. Зайдя за бунголовъ, гдѣ земля покрыта кустами и камнями, онъ береть свой инструментъ и испускаетъ рѣзкіе звуки, прерываемые болѣе нѣжными переливами, вытянувшись впередъ, онъ осматриваетъ каждую травку, каждый кустикъ. Спустя минуту, онъ взоромъ указываетъ мнѣ на одно мѣсто; я обращаю туда глаза, и вижу голову змѣи, высунувшуюся изъ подъ камня. Съ быстротой молніи укротитель бросаетъ свой инструментъ, съ непостижимой ловкостью ухвативъ змѣю, бросаетъ ее на воздухъ и ловитъ за хвостъ въ ту минуту, какъ она падаетъ на землю. Послѣ осмотра, змѣя оказывается невиннымъ ужемъ. Сапваллахъ продолжаетъ свои поиски; вскорѣ послѣ такой же музыки, въ одну секунду падаетъ инструментъ, змѣя взлетаетъ на воздухъ, опять падаетъ, и съ торжествующимъ хладнокровіемъ индѣецъ подаетъ мнѣ за хвостъ страшную черную очковую змѣю, болѣе чѣмъ въ метръ длиною. Ужасный гадъ бьется, но укротитель быстрымъ движеніемъ уже схватилъ его за затылокъ и, открывъ пасть, показываетъ мнѣ ужасные зубы, причиняющіе смерть. Это доказываетъ, что тутъ не было обмана, такъ какъ змѣи, приносимыя укротителями, всегда лишены зубовъ. Взявъ небольшіе щипчики, укротитель тщательно выдергиваетъ каждый зубъ, и лишаетъ такимъ образомъ животное возможности вредить. Между тѣмъ, случайно-ли, или изъ хвастовства, онъ слегка укушенъ, и кровь струится у него изъ одного пальца. Нисколько не волнуясь, онъ сильно высасываетъ рану и прикладываетъ къ ней маленькій черный пористый камень, который предлагаетъ мнѣ какъ вѣрное средство противъ укушенія очковой змѣи. Я купилъ у него кусокъ, и, сдѣлавъ анализъ, открылъ, что камень этотъ былъ просто обоженной костью очень тонкой ткани.

Послѣ этой охоты на очковую змѣю, сапваллахи показываютъ намъ всѣ свои фокусы съ змѣями. Фокусникъ, одѣтый только въ лангути, выбираетъ безвредную змѣю и открыто кладетъ ее въ корзину, которую закрываетъ одѣяломъ. Онъ поднимается, махая по воздуху руками и напѣвая какія то кабалистическія слова, которымъ товарищъ его акомпанируетъ на бубнахъ. Вдругъ онъ схватываетъ гибкую палку, нѣсколько минутъ вертитъ ею надъ головой и внезапно бросаетъ ее къ нашимъ ногамъ, куда она долетаетъ въ видѣ змѣи. Не смотря на самое напряженное вниманіе, невозможно было съ двухъ разъ замѣтить тотъ моментъ, когда палка подмѣнивалась змѣей. Фокусъ дѣлается такъ быстро, что люди легковѣрные поклялись бы, что превращеніе дѣйствительно.

Вотъ самое правдоподобное объясненіе этого фокуса: укротитель, дѣлая видъ, что кладетъ змѣю подъ одѣяло, прячетъ ее въ складки своего лангути, гдѣ гадъ, предварительно пріученный, свертывается и лежитъ спокойно. При этомъ остается только сдѣлать въ глазахъ зрителя подмѣнъ змѣею палки. Фокусникъ долженъ однимъ взмахомъ отбросить назадъ палку, которую товарищъ его подхватываетъ, и бросить впередъ змѣю, обвивавшую его талью. Тутъ не требуется большой лов-

кости, чѣмъ какую сапваллахъ выказываетъ при охотѣ на очковую змѣю, гдѣ ему нужно схватить съ быстротою молніи голову гада, высунувшуюся изъ норы только на нѣсколько сантиметровъ.

Укротители, съ которыми я имѣлъ дѣло, были люди необыкновенные и пользовались у туземцевъ большимъ уваженіемъ; а между тѣмъ, двѣ рупіи показались имъ великолѣпной платой за болѣе чѣмъ двухчасовое представленіе.

24-го апрѣля. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, мы опять пускаемся въ путь къ Бопалу; въ Согорѣ намъ пришлось перемѣнить нашихъ быковъ, совершенно разбитыхъ на ноги отъ большихъ переходовъ въ Виндіаскихъ горахъ.

Въ утро мы дѣлаемъ переходъ въ десять льё по очаровательной странѣ, усѣянной лѣсистыми холмами, красивыми долинами и прелестными равнинами. Около Ратгура мы находимъ станцію, гдѣ и останавливаемся. Станція стоитъ на крутомъ берегу прелестной рѣки Бина, пересѣкаемой въ этомъ мѣстѣ очаровательною дорогой и господствуетъ надъ красивою панорамою.

На одинъ километръ къ востоку возвышается древняя цитадель Ратгура (Замокъ Ночи) съ зубчатыми стѣнами, съ воротами и развалинами дворцовъ и храмовъ; у подножія цитадели лежитъ маленькій городъ, окруженный деревьями и полями. Долина окаймлена прелестными горами, съ которыхъ поднимаются высокіе столбы дыма, что дѣлаетъ ихъ похожими на вулканы. Это горятъ джунгли, которые сегодня ночью окружатъ насъ огненнымъ кругомъ.

25-го апрѣля. По выходѣ изъ Ратгура и перейдя красивый мостъ черезъ Бину, мы переходимъ изъ англійской территоріи на территорію е. в. Скиндіа. Чтобы сильнѣе заставить насъ почувствовать эту перемѣну, прелестная дорога, по которой мы идемъ изъ Согора, смѣняется плохой тропинкой, причудливо извивающейся между вспаханными полями или утесистыми джунглями, и прямо приводящей къ самымъ быстрымъ потокамъ горъ, заслоняющихъ намъ видъ на горизонтъ.

Выйдя изъ долины, мы вскорѣ проникаемъ въ самыя горы, покрытыя лѣсами и населенныя нѣкоторыми гундскими племенами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго пути, мы достигаемъ задней южной стороны главнаго кряжа, и передъ нами открывается долина Бильза съ ея великолѣпными равнинами, съ ея пятью рѣками и съ ея живописнымъ поясомъ горъ. На гладкой почвѣ ясно обрисовываются группы большихъ деревьевъ, окружающихъ деревни. Въ самомъ центрѣ этой громадной

площадки возвышается каменный кубъ, вышиною въ сто метровъ, похожій на мавзолей Титановъ; это Логангирская скала, «Желѣзная цитадель», господствующая надъ Бильзою.

Бильза! За исключеніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, кому въ Европѣ извѣстно это имя, не смотря на то, что оно достойно стоять на ряду съ самыми знаменитыми мѣстами земнаго шара? А между тѣмъ въ этой то неизвѣстной долинѣ Бильза, затерянной среди Виндіасскихъ пустынь, чудная случайность сохранила первые подлинные памятники индійской цивилизаціи; что я говорю?—первые типы архитектуры всего крайняго востока. Я не преувеличу, поставивъ памятники эти на ряду съ знаменитыми памятниками Египта и Ассиріи. Не представляютъ ли они намъ въ неподражаемомъ выборѣ барельефовъ вѣрную и подробную картину жизни, нравовъ и цивилизаціи Индіи за двадцать столѣтій отъ насъ? Развѣ не между множествомъ ихъ надписей изобрѣтательностью Принсепса, Шампольіона Индіи, былъ найденъ ключь къ загадкѣ, покрывавшей первые вѣка индійской исторіи.

Съ высокой вершины, на которой я стою, взоръ мой обнимаетъ эти мѣста, на вѣки славныя, окружающія Бильзу въ видѣ яркаго сіянія. Вотъ, къ сѣверу, Беснагуръ, любимый городъ великаго Асоки; къ западу Удгирскіе утесы съ ихъ священными гротами; Санши — чудеса Индіи, потомъ—Садхара, Сонари; къ югу—Божпуръ, Андхеръ, города могилъ, гдѣ покоятся первые апостолы буддизма; наконецъ, у ногъ моихъ древній Гариспуръ скромно красуется своими хижинами и развалинами на обнаженной скалѣ.

Оторвавшись отъ этого зрѣлища, я догоняю нашъ отрядъ, уже дошедшій до подножія горы. У опушки лѣса открывается прелестнѣйшее озеро, покрытое утками и фламингами; въ озерѣ красиво отражаются дома Гариспура. По другую сторону деревни, у подножія крутаго подъема, стоитъ удобный бунгаловъ.

За три вѣка до нашей эры Гіараспуръ, новѣйшій Гариспуръ, былъ уже цвѣтущимъ городомъ и составлялъ часть имперіи Магадха. Онъ поочередно переходилъ къ царямъ Мальвы, къ туарамъ, къ шанделасамъ, пока, наконецъ, истощенный этимъ долгимъ рядомъ перемѣнъ, не попалъ въ восемнадцатомъ столѣтіи въ зависимость къ магаратскому намѣстничеству Бильзы. Теперь этотъ бѣдный городъ просто деревня; но въ доказательство его древняго величія въ немъ осталось нѣсколько замѣчательныхъ развалинъ, не говоря уже о множествѣ барельефовъ, статуй, скульптурныхъ произведеній, всюду выглядывающихъ

изъ за стѣнъ его хижинъ, изъ отдѣлки его колодцевъ и даже изъ мостовой его улицъ.

Тутъ же за нѣсколько метровъ отъ станціи возвышаются развалины поразительнаго изящества. Это четыре столба съ вогнутыми углами, покрытые тонкой скульптурной работой, кончающіеся двойной капителью съ цилиндрическимъ стержнемъ столба и поддерживающіе каменный потолокъ, окруженный фризомъ барельефовъ. Эти четыре колонны образовывали портикъ древняго джаинскаго, храма, отъ котораго осталась еще дверь святилища, настоящая скульптурная рѣдкость.

Недалеко отъ этой развалины, прозванной туземцами Пурана Мандилъ, встрѣчается другой храмъ того же стиля, но гораздо въ лучшемъ состояніи. Это небольшое зданіе, раздѣленное на три смежныя часовни, покрытыя пирамидальнымъ куполомъ. Наружныя стѣны представляютъ настоящее богатство статуэтокъ, къ несчастію, весьма попорченныхъ вліяніемъ атмосферы.

Главному фасаду предшествуетъ крытая галлерея, на четырехъ столбахъ такого же вида, какъ столбы Пурана Мандила. Капитель образуютъ четыре фигуры, прислонившіяся спинами и руками, и поддерживающіе архитравъ. Что же касается до самаго фасада, то это роскошное шитье, въ которомъ скульпторъ собралъ всѣ богатства джаинской архитектуры. Возьмемъ для примѣра одну изъ дверей, выходящихъ на галлерею: посреди фронтона богъ въ колесницѣ несется въ галопъ, правя шестью лошадьми, направленными на зрителей и высѣченными совершенно выпукло изъ камня; на каждомъ углу кривляется рожа чрезвычайно выразительная, привязанная гирляндою изъ цвѣтовъ; по бокамъ спускаются другія прелестныя гирлянды изъ цвѣтовъ и геніевъ, рельефно высѣченныхъ, и кончается цѣпочками отъ кадильницъ; даже на порогѣ видна лѣпная работа, такъ какъ онъ весь усыпанъ геніями, машающими опахалами.

Въ каждой часовнѣ, сидящій на тронѣ тиртанкаръ, занимаетъ въ теченіи многихъ вѣковъ мѣсто, прежде принадлежавшее Буддѣ. Уже дознано, что даже въ этой долинѣ, самомъ цвѣтущемъ святилищѣ буддизма, джаинизмъ господствовалъ уже въ четвертомъ столѣтіи.

Въ самой деревнѣ попадается еще много интересныхъ памятниковъ, между прочимъ любопытныя тріумфальныя ворота, какъ мнѣ кажется, подражаніе знаменитыхъ воротъ Санши; это два четыреугольные столба, поддерживающіе двѣ верхнія перекладины, наложенныя одна на другую и раздѣленныя маленькими пилястрами. Средина

верхняго архитрава увѣнчана митрою, похожею на митры вишнувитскихъ боговъ.

Съ южной стороны холма находится другой храмъ весьма древній. Въ этомъ мѣстѣ утесъ образуетъ почти перпендикулярную стѣну, спускающуюся въ глубину долины. Самый храмъ прислоненъ къ утесу и стоитъ на террасѣ самой древней архитектуры, метровъ въ тридцать вышины, которая бастіономъ поднимается къ горѣ.

Тутъ мы находимъ работу несомнѣнно буддистскую. Главный порядокъ архитектуры, расположеніе украшеній и рисунки барельефовъ представляютъ полнѣйшую аналогію съ вихарскимъ храмомъ Гваліора, а планъ между тѣмъ приближается къ джайнасскому роду. Внутренняя зала окружена колоннами, поддерживающими красивый куполъ изъ концентрическихъ колецъ. По задней стѣнѣ возвышается множество статуй громадныхъ размѣровъ, изъ которыхъ въ самой меньшей не менѣе семнадцати футовъ вышины.

Всѣ эти идолы изображаютъ тиртинкаровъ; ихъ присутствіе и ихъ древность еще разъ доказываютъ, какъ господство буддизма было непродолжительно. Туземцы и до нынѣ называютъ храмъ этотъ *Матху-Део-Ка-Басти* или святилище бога Мадху, одно изъ именъ Будды, данное Кришнѣ.

27-го апрѣля. Изъ Гариспура въ Бильзу мы проѣзжаемъ двѣнадцать миль по плодороднымъ землямъ, хорошо обработаннымъ, гдѣ встрѣчаются въ особенности отличныя плантаціи табаку и мака.

Дѣйствительно, округъ Бильза знаменитъ своимъ табакомъ, считающимся лучшимъ въ Индіи. Табакъ этотъ по аромату можно сравнить съ самымъ высшимъ гаванскимъ табакомъ, но достать его очень трудно, хотя нѣтъ такого базара, гдѣ не объявляли бы о немъ на выставкахъ.

Въ Бильзѣ мы узнаемъ, что всѣмъ уже извѣстно о нашемъ прибытіи. Вскорѣ на станціи мы принимаемъ посѣщеніе субаба, представителя Скиндіи, въ сопровожденіи *моунсерима фаодмдари* (военнаго начальника), и *моунсерима девани* (гражданскаго управителя) и всѣхъ кайсіетовъ или чиновниковъ его маленькаго двора. Губернаторъ, предложивъ мнѣ обычные *дали*, сообщаетъ, что, по приказаніямъ, присланнымъ изъ Гваліора, онъ совершенно готовъ къ нашимъ услугамъ. Я прошу достать мнѣ проводниковъ, необходимыхъ для моихъ изслѣдованій сосѣднихъ развалинъ; но, повидимому, за холмами Удгири кончается магаратская власть, и тропы находятся въ государствѣ ея

ОТПЕЧАТАНО

высочества Бегаумы бопальской. Тѣмъ не менѣе, субабъ предлагаетъ снабдить меня необходимыми проводниками и настаиваетъ даже въ прибавкѣ къ моему конвою четырехъ солдатъ его гарнизона.

Читатель помнитъ, что нашъ отрядъ былъ порядочно многочисленъ; но, не желая обидѣть достойнаго субаба, мнѣ пришлось принять этихъ четырехъ солдатъ. Тогда я не могъ предвидѣть, какія будутъ послѣдствія ихъ присутствія въ нашемъ лагерѣ.

Бильза — главное мѣсто одного изъ богатѣйшихъ округовъ Мальвы, части государства Скиндіа. Подъ именемъ Бадравати, это была столица важнаго государства за нѣсколько вѣковъ до нашей эры. Индусскія лѣтописи указываютъ на одного изъ ихъ царей, *Рзанса*, изъ *луннаго* рода, царствовавшаго за *тысячу четыреста* лѣтъ до Р. Х. У царя этого былъ ослѣпительной бѣлизны конь, одаренный необыкновенной силой и считавшійся хранителемъ государства; это небесное животное тщательно оберегалось на вершинѣ недоступной Логангирской скалы. Не смотря на эти предосторожности, пандусскимъ героямъ [1]) удалось похитить и принести его въ жертву, асвамедга [2]). Въ седьмомъ или восьмомъ столѣтіи Бадравати былъ очищенъ отъ развалинъ однимъ бильскимъ начальникомъ, который обвелъ его стѣнами и далъ названіе Бильзы. Когда въ 1230 году ею овладѣлъ императоръ Альтаммъ, она была мѣстопребываніемъ князя раджпута изъ шоханскаго племени; но окончательно взята отъ индусовъ она была только въ 1570 г, при Акберѣ. Въ 1806 году слабый Махмудъ уступилъ ее магаратамъ.

Старый городъ представляетъ только развалины. Благодаря фанатическому рвенію Ауренгзеба, въ немъ нѣтъ болѣе древнихъ памятниковъ. Развѣ только въ простой мечети, которую онъ выстроилъ изъ камней языческихъ храмовъ, можно найти кое какія остатки древнихъ скульптурныхъ работъ. Правда, есть преданіе, что фундаментомъ

[1]) Пять братьевъ Панду или Пандава герои Махабгарата; надо полагать, что они жили въ пятнадцатомъ столѣтіи до Р. Х.

[2]) Асвамедга или жертвоприношеніе лошади производилось первыми аріанами и сохранилось въ обычаяхъ Индіи до мусульманскаго нашествія. Это жертвоприношеніе могло совершаться только чакравартомъ раджей или верховнымъ царемъ, и такимъ образомъ доказывало его главенство надъ другими индійскими государями. Можно сказать, что этотъ обычай былъ причиною паденія Индусской имперіи, возбуждая постоянное соперничество между царями. Въ героической поэмѣ Махабгарата, въ четырнадцатой книгѣ Асвамедика Парва есть описаніе правилъ этого жертвоприношенія.

мечети закрыто безчисленное множество идоловъ, зарытыхъ тамъ иконоборцемъ Алумгхиромъ.

Восемь или десять тысячъ жителей, составляющихъ нынѣшнее населеніе, занимаютъ за предѣлами старыхъ стѣнъ большое предмѣстье, весьма печальнаго вида, глинянные домики котораго безпорядочно тянутся вдоль длинныхъ грязныхъ улицъ. Но между тѣмъ тамъ ведется довольно значительная торговля знаменитымъ мѣстнымъ опіумомъ и табакомъ, извѣстнымъ по всему Раджастану его отличнымъ качествомъ.

Единственная достопримѣчательность Бильзы заключается въ отличнѣйшей пушкѣ временъ Джеангира, неизвѣстно почему валяющейся на маленькой площадѣ предмѣстья. Это прелестнѣйшее бронзовое орудіе, не менѣе шести метровъ длиною и калибромъ около тридцати двухъ сентиметровъ. Бронза по всей поверхности украшена выпуклыми украшеніями, замѣчательными какъ по рисунку, такъ и по исполненію; цапфы выходятъ изъ головъ чудовищъ.

Эта пушка составляетъ гордость горожанъ Бильзы.

Она служитъ источникомъ невинной мистификаціи, отъ которой не убѣгаетъ ни одинъ путешественникъ. Изъ рѣдкихъ европейцевъ, ѣдущихъ по этой дорогѣ, посланныхъ по дѣламъ службы офицеровъ или чиновниковъ, нѣтъ ни одного, который бы, прибывъ на станцію, не поспѣшилъ узнать, какимъ образомъ можно посѣтить знаменитыя развалины, указанныя Куннингамомъ подъ названіемъ *топовъ* Бильзы. Первый попавшійся туземецъ предлагаетъ проводить нетерпѣливаго туриста. Пройдя съ четверть часа по переулкамъ предмѣстья, они приходятъ на площадку, украшенную джеангирской пушкой, и индіецъ, съ гордостью указывая на пушку, восклицаетъ; «Вотъ топъ Бильзы». Путешественникъ обыкновенно сердится, и онъ не правъ; *топъ* по нынѣшнему нарѣчію значитъ пушка, а зданія, называемыя европейцами топами, извѣстны туземцамъ подъ названіемъ бихта [1]). Впрочемъ настоящіе топы находятся за десять, за двѣнадцать километровъ отъ Бильзы на Бопальской территоріи.

Нѣсколько къ востоку отъ города возвышается величественная масса Лохангира, скала изъ песчанника въ сто метровъ вышиною; ея голыя и отвѣсныя стѣны, ея горизонтальная вершина образуютъ почти правильный кубъ, похожій на какой нибудь мавзолей Титановъ. На вершину взбираются по узенькой, весьма плохой лѣстницѣ и тамъ находятъ только тощій мусульманскій зіяратъ и громадную опрокинутую колонну

[1]) *Бихта*, въ точности значитъ глыба, холмикъ.

временъ буддизма, сквозную и представляющую водопой знаменитаго коня Яванасва. Но за то оттуда представляется чудный видъ на долину, дающій археологу возможность опредѣлить сравнительное положеніе каждой группы памятниковъ, которые ему придется посѣтить.

На другой день по моемъ пріѣздѣ въ Билзу, я получилъ, при посредствѣ англійскаго агента при бопальскомъ дворѣ, бегаумскіе фирманы и приглашеніе государыни посѣтить ея столицу. Маіоръ Виллугби-Осборнъ предусмотрительно присоединилъ къ этому посланію подробный планъ долины топовъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ совѣтовъ; — я долженъ сознаться, что и планъ, и совѣты, мнѣ были крайне полезны при осмотрѣ.

За какой нибудь километръ отъ Бильзы находится мѣсто, гдѣ стоялъ древній городъ Беснагуръ или Вессанагара, основанный царемъ Рукмангада, жившимъ въ Двапуръ Югѣ, или въ желѣзномъ періодѣ, то есть милліонъ триста тысячъ лѣтъ тому назадъ. Къ счастью, индійскія лѣтописи, рядомъ съ этой баснословной цифрой, даютъ намъ болѣе точное опредѣленіе, показывающее, что уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Беснагуръ былъ большимъ и цвѣтущимъ городомъ. Дѣйствительно, въ царствованіе отца своего, въ 277 году до Р. Х, Асока, отправляясь въ свое Удженское царство, остановился въ Беснагурѣ [1]). Тамъ онъ женился на прекрасной Деви, дочери городскаго начальника, будущей матери Махендра, установителя буддизма на Цейлонѣ. Городъ этотъ тянулся отъ сліянія Бетвы съ Безали до холмовъ Удайя Гхири, то есть на протяженіи трехъ километровъ. На всемъ этомъ пространствѣ въ долинѣ навалены груды камней, фундаментовъ стѣнъ; но нѣтъ никакихъ памятниковъ достойныхъ вниманія.

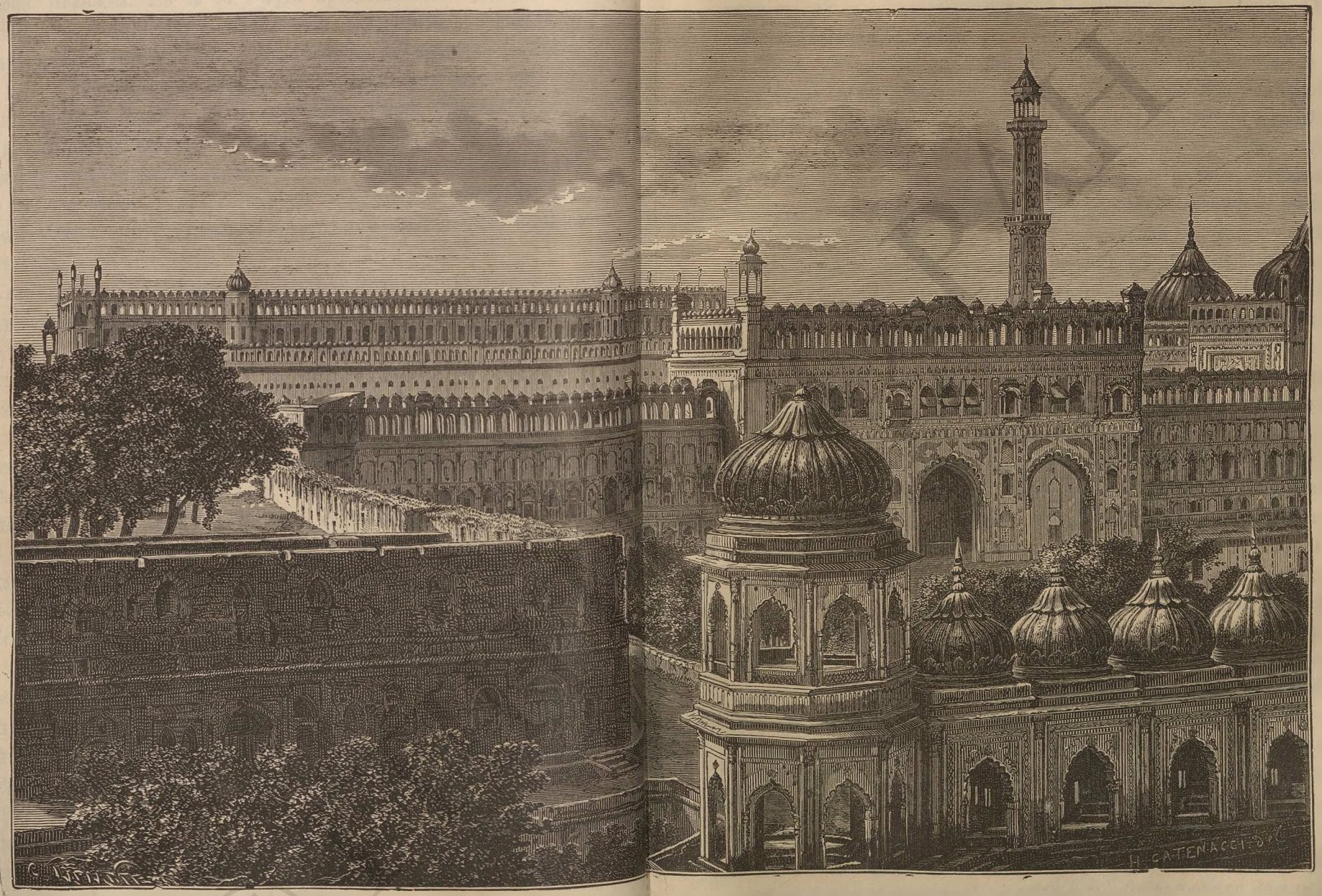
Сліяніе Бетвы и Безали считается *Тривени*, или мѣстомъ соединенія трехъ рѣкъ, считая третью рѣку образовывающуюся изъ водъ небесныхъ. Тутъ бываетъ еще весьма посѣщаемая ярмарка, учрежденіе которой приписываютъ баснословному Рукмангадѣ. Бетва течетъ здѣсь по ложу изъ большихъ плитъ песчанника, чрезвычайно красивыхъ; нѣсколько хорошенькихъ новѣйшихъ храмовъ граціозно группируются на мысѣ, образующемся двумя рѣками.

Брамины этихъ храмовъ владѣютъ древнимъ *пуреана*, запрещающимъ

---

[1]) Буддистскія лѣтописи называютъ также этотъ городъ Шайтіагхири, или городомъ Шайтіасовъ, вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства его съ долиной топовъ или шайтіасовъ.

© ГПНТБ СО РАН



Имамбара въ Лукновѣ.

рыбную ловлю на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, и вслѣдствіе этого рыбы такъ и кишатъ у береговъ, куда онѣ приплываютъ цѣлыми стаями на голоса священниковъ и выскакиваютъ изъ воды, чтобы схватить нѣсколько зеренъ.

29-го апрѣля.—За пять километровъ на западъ отъ Бильзы на лѣвомъ берегу Бетвы, идетъ небольшой хребетъ Удгхири, или Удаіа Гхири, т. е. «гора восходящаго солнца». Это глыба бѣлаго песчанника, на цѣлую милю въ длину, незамѣтно поднимающаяся отъ юга къ сѣверу, гдѣ ея высочайшій пунктъ возвышается едва на какіе нибудь шестьдесятъ метровъ. Утесъ идетъ горизонтальными слоями толстыми и компактными, легко выламывается и отъ соприкосновенія съ воздухомъ получаетъ твердость, равняющую его съ мраморомъ. Такимъ образомъ онъ представляетъ самыя благопріятныя условія для устройства подземелій.

Восточный скатъ холма образуетъ выемку, средина которой занята главными выдолбленными и скульптурными работами; рядомъ находится маленькое озеро, окруженное большими деревьями; прохладные и тѣнистые берега его представляютъ намъ отличное мѣсто для лагеря.

Сначала я направляюсь къ храму Суріа, богу солнца. Это небольшая комната, высѣченная въ глыбѣ песчанника; голыя стѣны имѣютъ въ длину по четыре метра, а въ вышину два съ половиною; онѣ носятъ еще слѣды рѣзьбы; маленькая квадратная нишь, выдолбленная въ задней стѣнѣ, образуетъ весьма простой алтарь, гдѣ лингамъ Шивы замѣняетъ идола. Дверь выходитъ на веранду, образовавшуюся изъ выступа, выдающейся скалы. Легкіе пилястры и тонкая скульптурная работа окружаютъ дверь, маленькую и прямоугольную. По фасаду нѣтъ другихъ украшеній кромѣ ряда выпуклыхъ филенокъ, покрывающихъ также низъ стѣны. На первой филенкѣ изображенъ съ поднятой вверхъ прической воинъ, опирающійся на круглый щитъ; на второй находится богъ-солнце держащій скипетръ и колесо; третья изображаетъ Вишну, преодолѣвающаго дьявола-буйвола, то есть выражаетъ борьбу аріановъ и аутохтоновъ. Надъ этими изображеніями можно разобрать изъ старинныхъ поблѣднѣвшихъ буквъ слѣдующую надпись: «окончена въ одинадцатый день ясныхъ двухъ недѣль сраваны мѣсяца, 82-го года, великимъ государемъ Санаканикою, сыномъ магараджи Вишну Даса, внукомъ магараджи Шагалиги, который самъ былъ сыномъ верховнаго монарха, царя царей, Шандры Гупты, любимаго богами!» Эта важная надпись показываетъ, что храмъ былъ выдолбленъ въ 160 году нашей

© ГПНТБ СО РАН

эры, и несомнѣнно указываетъ на вишнуитское происхожденіе Удгхирскихъ подземелій.

Влѣво отъ храма Суріа въ утесѣ высѣчена великолѣпная группа въ три съ половиною метра вышины и въ шесть длины, изображающая Вараха Аватара или превращеніе Вишну въ кабана. По индусскимъ преданіямъ, богъ принялъ эту форму, чтобы поднять землю надъ покрывавшими ее водами. Это замѣчательное изображеніе по исполненію, образцу и рисунку много превосходитъ позднѣйшія произведенія, встрѣчающіяся въ Эллорѣ, Аджунтахѣ и другихъ частяхъ Индіи. Въ главной фигурѣ Вараха три метра вышины; богъ гордо стоитъ, положивъ одну руку на бедро, а другую на ляшку и готовъ сдѣлать усиліе, чтобы приподнять міръ; положеніе хорошо изучено. Голова кабана сидитъ на плечахъ, какъ голова древняго минотавра. На одномъ изъ загнутыхъ клыковъ, выдающихся изъ челюсти, виситъ маленькая голая женщина, восхитительной формы. У ногъ бога стоятъ два генія: одинъ въ видѣ змѣи Атисеки, другая фигура такъ попорчена, что ее трудно разобрать; за нимъ пажъ держитъ зонтикъ. Эта группа статуй почти совершенно отдѣлилась отъ главнаго камня, въ которомъ она высѣчена. Фонъ картины покрытъ барельефами и представляетъ въ нижней части море, усѣянное чудовищами, а въ верхней — небесный хоръ, составленный изъ сотни маленькихъ музыкантовъ, поставленныхъ въ три ряда одинъ надъ другимъ

Слѣва отъ Вараха Аватара въ скалѣ множество маленькихъ комнатъ, но надо вернуться, чтобы осмотрѣть другія достопримѣчательности Удгхири. Сначала приходится проходить мимо монолитнаго храма, на половину зарытаго въ осколкахъ, крыша котораго увѣнчана круглымъ камнемъ въ видѣ стола, около семи метровъ въ діаметрѣ. Оттуда лѣстница ведетъ въ узкій корридоръ, вдоль котораго идетъ множество углубленій съ скульптурными произведеніями. Въ числѣ послѣднихъ есть колоссальная группа Вишну, спящаго на змѣѣ Сешнага и несущаго Браму на цвѣткѣ лотуса.

Пройдя эту лѣстницу, я иду у подножія холма, образующаго отвѣсную стѣну, и достигаю подземнаго храма Магадевы. Это самый большой храмъ холма: внутренняя зала величиною въ пятьдесятъ квадратныхъ метровъ и нѣсколько болѣе чѣмъ въ три метра вышиною; по срединѣ четыре столба съ зубчатыми капителями поддерживаютъ сводъ. Теперь храмъ посвященъ Шивѣ и Магадевѣ; но надпись, нацарапанная какимъ то богомольцемъ на столбѣ въ 1036 году, доказываетъ, что въ то время онъ былъ посвященъ Вишну. Это число имѣетъ большое значеніе, такъ

какъ оно опредѣляетъ точное время окончательнаго торжества культа Шивы надъ культомъ Вишну. Дверь храма, узкая и низкая, окружена тройной рамой пилястровъ и барельефовъ прекрасной работы. На фризѣ сохранились замѣчательные барельефы; они изображаютъ рабочихъ, старающихся большими рычагами поднять камень. Передъ этой дверью былъ портикъ, сводъ котораго обвалился, оставивъ только двѣ очень красивыя колонны.

Надъ храмомъ Магадева холмъ возвышается конусомъ въ шестьдесятъ метровъ. Въ верхней части этой стѣны, находятся древнія кельи сраманасовъ, соединяющіяся между собою витыми дорожками.

Въ сущности удгхирійскія подземелья нельзя сравнить съ чудесами Карли или Эллоры; ихъ можно было бы не замѣтить, если бы ихъ несомнѣнная древность не поставила ихъ въ первые ряды подземныхъ храмовъ Индіи. Съ другой стороны, скульптурныя украшенія этихъ храмовъ носятъ на себѣ отпечатокъ сосѣдства Санши, и многимъ превышаютъ другія работы этого рода.

Осмотрѣвъ кругомъ холмъ и посѣтивъ большую часть гротовъ, я взобрался на вершину. Всюду на равнинѣ я нахожу остатки древнихъ каменоломень, изъ которыхъ брался матеріалъ, употребленный въ Санши и Беснагхурѣ.

Роясь въ этихъ камняхъ, я наступилъ на черную очковую змѣю, и избавился отъ смертельной раны только отчаяннымъ прыжкомъ. Едва оправясь отъ этого волненія, я вижу неподалеку широкое отверстіе въ утесѣ, которое, по моему мнѣнію, ведетъ къ старой каменоломнѣ. Иду туда, но, переступивъ порогъ, слышу крики моихъ проводниковъ, извѣщающихъ меня о какой-то опасности: осмотрѣвшись, я внѣ себя отъ ужаса; вся земля покрыта костями, скелетами, высохшими и еще кровавыми; я попалъ въ жилище тигра. Неподвижно, судорожно сжимая ружье, я взоромъ пронизываю тьму, покрывающую глубь грота; къ счастію, хозяина квартиры нѣтъ дома, и я благоразумно удаляюсь. Появленіе мое привѣтствуется криками моихъ храбрыхъ товарищей, благоразумно отдалившихся. Они торопятъ меня уйти, но прежде чѣмъ послѣдовать за ними я не могу удержаться, чтобы не полюбоваться чудною мѣстностью, надъ которою господствуетъ входъ въ гротъ. У ногъ моихъ тянется узкая долина, покрытая перелѣсками, между которыми извивается Безали, шумно катясь по утесамъ или засыпая подъ тѣнью громадныхъ деревьевъ. Напротивъ лѣсистые холмы идутъ лѣстницей до Санши. Тигръ выбралъ себѣ жилище какъ истинный художникъ.

ОТПЕЧАТОК

По возращеніи въ лагерь, крестьяне разсказываютъ мнѣ о похожденіяхъ господина тигра, и просятъ меня избавить ихъ отъ него. Но жаръ сталъ такъ утомителенъ, что я едва выдерживалъ температуру своей походной лабораторіи. Для меня всегда останется неразъясненнымъ фактомъ: какимъ образомъ въ подобной стихіи мнѣ удалось приготовить пластинки съ жидкимъ коллодіумомъ. Трудно себѣ представить страданія и усталость, какихъ мнѣ стоила каждая фотографія, снятая мною въ этотъ періодъ моего путешествія. Поэтому съ наступленіемъ вечера, я только и думалъ какъ бы добраться до своей узкой желѣзной кровати и хотя немного отдохнуть, предоставляя другимъ честь освободить эти мѣста отъ чудовища, ихъ опустошавшаго.

Между тѣмъ на второй день нашего прибытія одно происшествіе заставило меня уже слишкомъ поздно раскаяться въ моей апатіи.

Наступила уже ночь, и въ лагерѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сторожевыхъ, все спало, когда одинъ изъ нашихъ извощиковъ, томимый жаждою, пошелъ напиться въ ближайшій прудъ. Прійдя туда, его соблазнила холодная вода, и онъ вошелъ въ нее по колѣни, чтобы обмыть тѣло. Въ маленькомъ, почти высохшемъ прудѣ было только одно удобное мѣсто, и тамъ то проводникъ нашъ и остановился. Помывшись нѣсколько минутъ, ему послышался сзади легкій шумъ, но онъ продолжалъ мыться, не обращая на него вниманія. Между тѣмъ это былъ нашъ сосѣдъ, тигръ, явившійся утолить жажду послѣ какого нибудь роскошнаго пиршества. Какъ мирный хозяинъ мѣстности, онъ подождалъ немного, чтобы индіецъ уступилъ ему мѣсто, но, потерявъ терпѣніе отъ такого незнанія правилъ общежитія, онъ подошелъ и, лапой отстранивъ человѣка, началъ спокойно пить. Извощикъ ни живъ ни мертвъ узналъ страшнаго товарища и какъ упалъ, такъ и остался лежать; ударъ лапы, впрочемъ, страшно повредилъ ему руку. Онъ терпѣливо выждалъ ухода тигра, и тогда началъ кричать изо всей мочи; весь лагерь въ одинъ мигъ вскочилъ на ноги, несчастнаго индійца тотчасъ же нашли, и онъ оказался въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его тигръ, и точно полупомѣшаннымъ. Мы съ Шаумбургомъ поспѣшно схватили ружья и бросились съ нѣсколькими проводниками по слѣдамъ тигра; но онъ оказался слишкомъ ловкимъ, чтобы ждать насъ послѣ всей этой суматохи. На слѣдующій день мы подождали его у входа въ его жилище, но безуспѣшно. Извощикъ же отдѣлался нѣсколькими днями болѣзни.

XLIX.

Санши.

Буддистскіе топы, ихъ происхожденіе и преобразованіе. — Могущество и упадонъ буддизма въ Индіи. — Монастырь Санши. — Великій Шантіа. — Ограда, дверп и барельефы. — Латы. — Описаніе большаго топа. — Храмъ Шантіа. — Топъ Казіана. — Дакопты грабятъ нашъ лагерь. — Деревня аманатовъ. — Правосудіе въ джунглѣ.

Прежде чѣмъ начать описывать буддистскіе топы долины Бильза, мнѣ кажется необходимо объяснить немного значеніе и происхожденіе этихъ зданій, не имѣющихъ ничего общаго ни съ какимъ типомъ, извѣстнымъ въ Европѣ.

Названіе *топа*, принятое теперь вообще археологами, происходитъ отъ слова *тупо* по палійски или *ступа* по санскритски, что и то и другое буквально обозначаютъ: куча земли, курганъ. Топа въ сущности есть ничто иное, какъ курганъ правильно устроенный, имѣющій форму купола поставленнаго въ серединѣ круглой платформы извѣстной высоты.

Извѣстно два рода топовъ: шантіа, простой алтарь, посвященный Буддѣ, и дагхоба, надгробный памятникъ, возведенный надъ мощами Буддѣ, его апостоловъ или служителей его церкви.

Многіе авторы утверждали, что эти зданія построены только во времена Сакіа-Муни (543 д. Р. Х), но кажется теперь уже доказано, что они предшествуютъ Буддѣ, и принадлежатъ къ одному изъ самыхъ древнихъ типовъ религіозной архитектуры.

Первая постройка, которую должно было изобрѣсти сгруппировавшееся въ общество человѣчество, была надгробный памятникъ. Сначала вѣроятно накатывали просто камень на могилу героя, который какимъ нибудь по-

© ИНИОН РАН

лезнымъ изобрѣтеніемъ или какимъ нибудь подвигомъ, возвысился въ глазахъ людей; обычай повелѣвалъ, чтобы къ этому камню каждый прибавлялъ свой камешекъ, и это благочестивое обыкновеніе, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, скромную кучу обращало въ гору. Таково было происхожденіе кургановъ, грубыхъ безформенныхъ насыпей, какія мы находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ и какія воздвигаются еще и теперь дикими народами Азіи и Америки.

Слѣдуя за человѣческими познаніями въ ихъ прогрессивномъ движеніи, курганъ принималъ болѣе правильную форму и дѣлался *топомъ* у индійцевъ, какъ дѣлался *каирномъ* и пирамидой въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ мало по малу преданіе забывалось, первоначальный герой занималъ мѣсто между полубогами, и могила его обращалась въ храмъ, въ предметъ поклоненія. Это поклоненіе, впрочемъ сохранило всю свою первобытную простоту; въ иныя эпохи народъ украшалъ топу тканями и гирляндами, и обходилъ его кругомъ, призывая имя святаго или героя. Никакой догматъ не регулировалъ эти церемоніи, никакой священникъ не дѣйствовалъ на нихъ, и брамины, погруженные въ метафизическія мечтанія, предоставляли народу отправленіе этого древняго культа.

Сакіа, желая привлечь къ себѣ нисшіе классы, понялъ какъ выгодно обратить на себя народные предразсудки. Онъ поощрялъ эти обычаи и, пріобщивъ ихъ къ своему ученію, призналъ святыхъ, почитаемыхъ народомъ намѣстниками Будды. Самъ онъ, проповѣдуя народу Ваицали, велитъ «поддерживать, почитать и уважать шаитіи и по прежнему приносить имъ жертвы», а въ другомъ мѣстѣ, бесѣдуя съ Анандою, его любимымъ апостоломъ, онъ говоритъ:« Воздвигаютъ топы по душамъ усопшихъ царей Шакраварта, на перекресткѣ четырехъ дорогъ»; что показываетъ намъ, что топъ былъ принадлежностью царской власти. Наконецъ, въ своей послѣдней бесѣдѣ, онъ повторяетъ Анандѣ «что слѣдовало бы воздвигнуть топы надъ мощами святыхъ,» прибавляя, что тѣ, которые придутъ помолиться на топы, воздвигнутые въ честь его, возродятся на небесахъ.» Поклоненіе топамъ, такимъ образомъ введенное въ буддизмъ, сдѣлалось одною изъ его отличительныхъ чертъ. По смерти Сакіа десять большихъ городовъ Магадха оспаривали другъ у друга его мощи, чтобы положить ихъ въ свои топы, и вскорѣ вся Индія покрылась этими памятниками.

До сихъ поръ ни одна изъ религій, существовавшихъ въ Индіи, не воздвигала памятниковъ; характеръ ихъ ученія даже не дозволялъ ихъ строить. Но признаніе топовъ буддизмомъ показало имъ все значеніе

этихъ внѣшнихъ знаковъ культа, и съ этого дня религіозная архитектура была создана. Теперь мы посмотримъ какъ противники буддизма съумѣли извлечь пользу изъ типа имъ предложеннаго.

Первые топы, какъ до, такъ и послѣ Сакіа, были настоящими полушаріами. Такимъ образомъ въ Махаванзо [1]) мы видимъ, что царь, Дуттлагамини (160 г. до Р. Х.) спрашиваетъ у своего архитектора: какую форму онъ дастъ шаитію. «Архитекторъ, зачерпнувъ немного воды въ руку, льетъ эту жидкость въ золотой кубокъ, и указывая пальцемъ на пузырекъ въ видѣ полушарія, на минуту показавшійся на поверхности, говоритъ: « я дамъ ему эту форму.»

Со втораго вѣка до Р. Х. первоначальное полушаріе было поставлено на кругломъ фундаментѣ, который черезъ нѣсколько столѣтій сдѣлался по вышинѣ ровнымъ радіуса верхняго шара, а въ шестомъ столѣтіи достигнулъ діаметра. его Въ этотъ послѣдній періодъ, топъ имѣлъ форму цилиндрической башни, увѣнчанной круглой скуфьей.

Эти постепенныя преобразованія могутъ дать возможность опредѣлить, на первый взглядъ, приблизительно время возведенія одного изъ этихъ памятниковъ.

Надъ первыми топами возвышались обыкновенно четыреугольные алтари или *ти*, съ раскрытымъ зонтикомъ—древней эмблемой верховной власти. Послѣ смерти Сакіа, апостолы его, желая возвысить его надо его неизвѣстными предшественниками, поставили надъ его дагхобами три зонтика вмѣсто одного: первый представлялъ небесное царство, второй—земной міръ, а третій—торжество духа, освобожденнаго отъ матеріи. Эти каменные зонтики были сначала прислонены, потомъ ихъ утверждали одинъ надъ другимъ; для этого распущенную часть зонтиковъ пришлось укрѣплять легкими пилястрами, что образовало сквозную башню въ нѣсколько этажей; потомъ удовольствовались изображать ихъ только массивнымъ конусомъ, кольца котораго напоминали постоянно увеличивающееся количество поставленныхъ одинъ надъ другимъ зонтиковъ. Таково было первоначальное происхожденіе шпица, начало этого замѣчательнаго рода архитектуры, изъ которой Кхерутъ Кхумбъ въ Шитторѣ и кутабскій минаретъ въ Дели представляютъ высшую степень совершенства. Въ то время какъ брамины рабски подражали топамъ въ ихъ послѣднемъ преобразованіи, и усвоивали типъ построекъ тяжелыхъ и массивныхъ, представителями которыхъ

[1]) Махаванзо, буддистскія лѣтописи Цейлона, переводъ Турнерна.

ОТПЕЧАТАН

служатъ оризійскіе храмы, джаины, съ болѣе изящнымъ вкусомъ, создавали эллипсоидальныя башни, до сихъ поръ такъ хорошо характеризующія архитектуру Индіи, которая достигла этого результата, собравъ въ пучекъ нѣсколько цилиндрическихъ топовъ. Не въ одной Индіи топъ служилъ основаніемъ религіозной архитектуры; онъ сдѣлался прототипомъ всѣхъ памятниковъ крайняго Востока отъ Малайскихъ острововъ до Монголіи, отъ Тибета до окраинъ Китая и до Японіи. Но, въ то время какъ въ Индіи полушаріе вытягивалось и преобразовывалось въ башню, за Гангомъ оно понижалось до тѣхъ поръ, пока не исчезло совсѣмъ и не замѣнилось *ти* или шпицомъ, въ свою очередъ сдѣлавшимся гигантскимъ конусомъ, характеризующимъ памятники Индо-Китая и Тибета.

Послѣ этого краткаго обзора происхожденія и преобразованія топовъ, мнѣ остается только сказать о религіи, сдѣлавшей ихъ своимъ символомъ.

По моему мнѣнію еще не наступило время безпристрастно судить о доктринѣ Сакіа Муни. Прежде чѣмъ осудить ее, ее надо очистить отъ неточностей, затемняющихъ ее. До сихъ поръ ничто не доказываетъ вѣрности *самонебытія*, о которомъ такъ много говорятъ и въ которомъ доктрину эту всего болѣе упрекаютъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, первый въ мірѣ возвысившій голосъ для провозглашенія равноправности всѣхъ людей, проповѣдывавшій о любви къ ближнему, о терпѣніи и кротости, не хотѣлъ бы предложить человѣчеству болѣе благородной цѣли.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буддизмъ, религія чистая въ началѣ, быстро испортилась. Стараясь только объ успѣхѣ и вліяніи, священники наполнили ее предразсудками, которые встрѣчали на пути и которые они находили болѣе выгоднымъ поддерживать чѣмъ уничтожать.

Остается разрѣшить еще одно обстоятельство, а именно причину исчезновенія буддизма изъ самой той страны, гдѣ онъ явился. Мнѣ кажется, это можно объяснить такъ:—торжество ученія Будды никогда не было полно въ Индіи, потому что тамъ, въ самомъ началѣ появленія его, оно встрѣтило старые культы, уже установившіеся и пустившіе глубокіе корни въ странѣ. Въ царствованіе Асока, оно могло достигнуть высшей точки величія, но паденіе его уже было ясно. Успѣхомъ своимъ оно было обязано своему смиренію; власть погубила его; духовенство стало черезъ чуръ могущественнымъ, завладѣло землею и заставило дро-

жать царей; джаины сдѣлали народу всевозможные уступки; уничтожили первоначальныхъ фетишей, поощряли самыя позорныя страсти, создали новыхъ идоловъ, и, призвавъ къ себѣ воинственныя племена степей, сразу опрокинули величественное зданіе буддизма (VIII столѣтіе). Нѣсколько сектъ еще сохранилось, и три вѣка спустя, ненавидимые джаинами, презираемыя народомъ, онѣ исчезли въ конечномъ потопѣ, о которомъ исторія умалчиваетъ, но объ ужасахъ котораго намъ говорятъ даже теперь развалины, вырытыя изъ земли.

Санши былъ мѣстомъ главныхъ буддистскихъ учрежденій Индіи со временъ Сакіа. Первыя палисскія лѣтописи даютъ ему названіе Шаитіагхири или горы шаитіасовъ; изъ чего можно заключить что въ Санши было, до пришествія Будды, нѣсколько извѣстныхъ топовъ, давшихъ ему это прозвище. Въ 400 г. до Р. Х. община Санши сдѣлалась на столько могущественной, что создала седьмую буддистскую секту, извѣстную подъ именемъ раскола Шетіа. Въ пятомъ столѣтіи нашей эры, китаецъ Фа-Хіангъ посѣтилъ Санши и просто упоминаетъ о немъ. Въ это время страна принадлежала Ваихнаву царю Санаканики, столица, котораго находилась у самаго подножія священнаго холма. Черезъ столѣтіе, джаины изгнали изъ Санши буддистовъ и заняли монастырь, что и объясняетъ почему китаецъ Хіуэнъ-Тзангъ, проѣзжавшій по этой части Индіи, ничего не говоритъ намъ о такомъ знаменитомъ мѣстѣ.

Неизвѣстно, когда холмъ былъ совершенно покинутъ; но выходъ этотъ должно быть совершился много вѣковъ тому назадъ, такъ какъ нынѣшніе жители не сохранили никакихъ преданій относительно существованія самаго монастыря. Очень можетъ бытъ, что во время смутъ десятаго столѣтія, долина была захвачена бильзами Мальвы и впала въ дикое состояніе. Не смотря на все это, нельзя объяснить себѣ удивительную случайность, сохранившую памятники Санши отъ побѣдителей браминовъ и вандальства мусульманъ.

Въ 1822 г. нѣсколько англичанъ, проѣзжая по странѣ, открыли эти памятники и разграбили ихъ, подъ предлогомъ археологіи.

2-го мая. — На утро мы перенесли нашъ лагерь изъ Удгири въ Санши. Мы поселились около деревни, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, остатковъ священной рощи, окружающей прелестное высохшее озеро, съ каменными набережнами и большими лѣстницами временъ буддизма. Прелестная ровная лужайка тянется отъ нашихъ палатокъ до подножія священнаго холма, представляющаго крутой подъемъ къ скалѣ въ сто метровъ вышины, покрытой сплошною зеленью. На прислонившейся

къ этой стѣнѣ голой и невысокой площадкѣ, стоятъ нѣсколько жалкихъ хижинъ новѣйшаго Санши, расположенныхъ по дорогѣ къ деревушкѣ Канакхера.

Холмъ Санши возвышается въ пяти километрахъ на югъ отъ Удгхири, на лѣвомъ берегу Бетвы; онъ отдѣлился отъ небольшой Санарійской цѣпи и состоитъ изъ краснаго, твердаго и плотнаго песчаника. Его западный склонъ образуетъ отлогій бугоръ, за которымъ слѣдуютъ на нѣкоторомъ возвышеніи четыре уступа, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго отвѣсными обрывами. Послѣдній уступъ находится на сто метровъ надъ долиной и господствуетъ надъ западнымъ склономъ. Главныя буддистскія зданія покрываютъ два верхніе уступа.

Едва мы только пріѣхали туда, я отправился вверхъ по маленькой козьей тропинкѣ, ведущей отъ деревни до вершины холма.

Пройдя обнаженную площадку, въ углу которой возвышается незначительный храмъ, я прихожу къ началу лѣстницы, охраняемой двумя колоссальными статуями, воздвигнутыми противъ большаго топа.

Какъ описать впечатлѣніе, производимое этою массою, гордо поднимающеюся посреди храмовъ и колоннадъ, съ своей оградой изъ великановъ и съ своими рѣзными порталами? Все въ ней грандіозно, все таинственно; глазъ не находитъ ни одной изъ формъ, къ которымъ уже привыкъ, и умъ мѣшается въ присутствіи великихъ памятниковъ этой едва вышедшей изъ подъ покрововъ басни эпохи.

Я постараюсь сдѣлать краткое описаніе, которое и дастъ возможность оцѣнить все значеніе картины, представившейся мнѣ.

Большой топъ есть шарообразный куполъ тридцати двухъ метровъ въ діаметрѣ, поставленный на цилиндрическій фундаментъ въ пять метровъ вышиною, съ выступомъ въ полтора метра у самаго основанія. Этотъ выступъ образуетъ кругомъ террасу, на которую ведетъ лѣстница съ двойными перилами; она служила правовѣрнымъ, приносившимъ цвѣты или жертвы на топъ. Масса топа состоитъ изъ кирпичей большаго размѣра, положенныхъ правильными рядами; наружная отдѣлка состоитъ изъ плитъ бѣлаго песчанника въ два фута толщины. Случайные археологи 1822 года сдѣлали съ южной стороны глубокую брешь, позволяющую совершенно изслѣдовать способъ постройки. Посредствомъ этой бреши можно добраться до вершины купола, срѣзаннаго на верху площадкою, увѣнчанною красивымъ алтаремъ, также испорченнымъ этими злосчастными антикваріями. Между осколками, валяющимися на вершинѣ, лежатъ куски двухъ зонтиковъ, стоявшихъ одинъ надъ другимъ и символическое значеніе которыхъ я

уже объяснялъ выше; эти зонтики были просто каменными кружками двухъ метровъ въ діаметрѣ и шестидесяти сантиметровъ толщины. Самый алтарь былъ окруженъ массивною балюстрадою въ буддистскомъ стилѣ.

Различныя изслѣдованія внутри топа не привели ни къ какому открытію мощей, изъ чего можно бы было заключить, что этотъ шаитіа посвященъ Адѣ Буддѣ или духу создателю.

Судя по формѣ топа и его внутреннему виду, шаитіа этотъ построенъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. можетъ быть даже ранѣе Сакіи. Что же касается до обшивки его камнемъ, то она сдѣлана только въ царствованіе Асока (260-222 до Р. Х.).

Надо отнести къ той же эпохѣ постройку колоннадъ древней архитектуры, окружающей шаитій и предающей ему очаровательный характеръ. Эта колоннада образуетъ какъ бы поясъ нѣсколько эллиптическій, оставляя пространство въ три метра шириною вскругъ фундамента топа. Ее можно причислить къ особенному роду, характеризующему первобытною архетектуру Индіи, которой Куннингамъ далъ названіе «Buddhist railing» или буддистской балюстрады. Она состоитъ изъ монолитовъ съ срѣзаной гранью, вышиною въ три метра, въ пятдесятъ пять сантиметровъ толщиной, вертикально врытыхъ въ землю на растояніи шестидесяти пяти сантиметровъ одинъ отъ другаго. Эти монолиты соединены между собою тремя горизонтальными, положенными одинъ на другой, брусьями, и увѣнчаны массивными архитравами, закругленными на верхушкахъ, въ два метра сорокъ сантиметровъ длины.

Всѣ этм составныя части просто на просто вкладываются одна въ другую, какъ бревна, и очевидно, что все это есть ничто иное, какъ подражаніе деревянной постройкѣ съ широко разставленными балками.

Эта колоннада устроенная въ царствованіе Асока, даетъ намъ поразительный примѣръ движенія, возбужденнаго этимъ царемъ въ пользу буддизма. Въ главныхъ городахъ были открыты всеобщія подписки, чтобы набрать необходимыя средства на украшеніе шаитія Санши; богатые частные люди, города, общины спѣшили подписаться. Въ благодарность за приношенія, и чтобы сохранить память о нихъ, монахи написали имена подписавшихся на самихъ камняхъ колоннады. Эти безконечныя надписи, гдѣ постоянно повторяется слово dapat, то есть: «даяніе» и дали возможность Джемсу Принсепсу возстановить пропавшую азбуку, преданіе о которой совершенно исчезло.

Въ числѣ украшеній той же эпохи надо упомянуть о четырехъ статуяхъ Будды, поставленныхъ внутри ограды противъ четырехъ две-

©ГПИБ СОРАН

рей, устроенныхъ по направленію главныхъ частей свѣта, и о двухъ великолѣпныхъ *латахъ*, возвышающихся на сѣверѣ и на югѣ топа.

Латтъ или *Латти* *), подобно топу можетъ считаться однимъ изъ первыхъ типовъ памятниковъ, изобрѣтенныхъ людьми. Сначала это было бревно, или срубленное дерево, врытое въ землю для обозначенія границы, или чтобы напомнить какое нибудь славное или трагическое происшествіе; за столбомъ послѣдовалъ высокій камень, которой мы находимъ на всемъ пространствѣ Стараго свѣта, и наконецъ колонна. Подъ этой формой мы и находимъ латъ у аріанъ. Цилиндрическая монолитная колонна стояла всегда въ одиночку; она служила для записыванія царскихъ приказовъ, догматовъ религіи, и была такимъ образомъ лѣтописью царствованія. Гораздо уже позднѣе придумали извлечь изъ нее пользу, употребивъ для поддержки свода; но трудно предположить чтобы это впервые придумали въ Индіи, такъ какъ архитекторы этой страны всегда предпочитали колоннѣ низкій, четыреугольный столбъ, который они скопировали съ грубыхъ четыреугольныхъ балокъ своихъ хижинъ.

Латъ Львовъ въ Санши, отличный экземпляръ въ этомъ родѣ; это цилиндрическій столбъ, гладкій, безъ подножія, въ десять метровъ вышиною, въ восемьдесять шесть сантиметровъ въ діаметрѣ у основанія и въ шестьдесятъ восемь въ верху. Столбъ прикрывается капителью въ видѣ колокола въ метръ вышиною, а надъ нимъ круглый абакъ съ цѣлой цѣпью священныхъ утокъ служитъ пьедесталомъ четыремъ львамъ, сидящимъ прислонившись другъ къ другу спинами. Эти животныя могутъ соперничать съ лучшими произведеніями грековъ; Куннингамъ высказываетъ даже предположеніе, что они сдѣланы греческими артистами, посланными ко двору Ацоки Птолемеемъ Филадельфомъ II. Полная вышина лата со львами включительно, двѣнадцать съ половиною метровъ. Теперь онъ лежитъ разбитый на многіе куски около южныхъ воротъ.

Сѣверный латъ былъ тѣхъ же размѣровъ, но стоялъ на четыреугольномъ пьедесталѣ, имѣя на верху статую императора Асоки въ натуральную величину. Столбъ за исключеніемъ фундамента былъ взятъ крестьянами, которые сдѣлали изъ него мельницу для сахара; капитель же и статуя лежатъ до сихъ поръ на землѣ.

*) Точный переводъ;—палка или бревно.

Въ царствованіи Сатакарни, третьяго царя Магадги, изъ династіи Андхры (отъ 19 до 37 г. христіанской эры), новое религіозное движеніе прибавило дальнѣйшія украшенія Санши. Тогда были возведены четыре двери передъ входами колоннады большаго шаитіа. Эти рѣдкія тріумфальныя ворота, превосходно высѣченныя и покрытыя тонкими барельефами, составляютъ теперь самую интересную часть остатковъ Санши; можно безъ преувеличенія сказать, что съ тѣхъ поръ азіатское искусство не производило ничего подобнаго.

Планъ этихъ воротъ необыкновенно простъ. Основаніе, сдѣланное изъ двухъ вертикальныхъ монолитовъ, поддерживаетъ третій монолитъ положенный горизонтально. Надъ этимъ архитравомъ, два маленькихъ пилястра, помѣщенные на продолженіи нижнихъ столбовъ, поддерживаютъ второй горизонтальный монолитъ; того же устройства и третій архитравъ, образующій верхушку воротъ. Нижніе столбы имѣютъ пять метровъ пятдесять пять сантиметровъ вышины и шестдесятъ пять сантиметровъ ширины, и удалены одинъ отъ другаго на два метра пятнадцать сантиметровъ. Въ первомъ архитравѣ шесть метровъ длины и шестдесятъ пять сантиметровъ ширины, во второмъ шесть метровъ на шестдесятъ сантиметровъ, а въ третьемъ только пять метровъ двадцать сентиметровъ на пятдесятъ пять сантиметровъ. Эта уменьшающаяся пропорція должна была увеличивать перспективой кажущуюся высоту двери, непревышающую одиннадцати метровъ.

Различныя части каждой двери скрѣплены посредствомъ скобокъ и шиповъ. Это доказываетъ, что архитекторъ подражалъ деревянной постройкѣ; онъ вѣроятно взялъ за образецъ легкія подставки, воздвигавшіяся во время празднествъ, когда развѣшивались гирланды цвѣтовъ или лампы.

Ворота Санши единственные экземпляры въ этомъ родѣ, встрѣчаемые нами въ Индіи; но если джаинскіе архитекторы бросили этотъ оригинальный стиль, то за то онъ послѣдовалъ повсюду за буддизмомъ и твердо упрочился около него.

Г. Гюмберъ говоритъ, что всѣ постройки въ Японіи, посвященныя этому культу, имѣютъ особое названіе *тори*. Читателю достаточно взглянуть на рисунокъ, изображающій японскіе тори, чтобы согласиться, что они одинаковаго съ воротами Санши стиля. То же замѣчаніе можно примѣнить и къ китайскимъ тріумфальнымъ воротамъ.

Теперь намъ остается сказать о барельефахъ, украшающихъ ворота. Эти барельефы покрываютъ со всѣхъ сторонъ столбы и архитравы. Они

ОГПБ СОРАН

представляютъ главныя сцены изъ жизни Будды, религіозныя церемоніи, процессіи или царскіе выходы, осады, битвы; затѣмъ идетъ серія простыхъ, но болѣе драгоцѣнныхъ картинъ, изображающихъ внутренность дворцевъ, комнаты съ мебелью, кухни съ посудою, наконецъ танцы, гимнастическія упражненія, и. т. д. На описаніе ихъ потребовалось бы такое время, какимъ я не располагаю; оно одно составило бы полную картину исторіи и жизни индійскаго народа эпохи, предшествовавшей Іисусу Христу. Эти барельефы, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ исполненіемъ, отличаются изяществомъ рисунковъ. Они тѣмъ болѣе не походятъ на все, что произвело до сихъ поръ азіятское искусство, что художникъ задался представить все то, что было у него передъ глазами, просто, хорошо, не прибѣгая къ миѳологическимъ преувеличеніямъ формъ или аксессуаровъ, которые по его мнѣнію должны были бы сдѣлаться основаніемъ индусской скульптуры

Какъ интересны эти барельефы можно судить по приложенному рисунку на которомъ изображена одна изъ сценъ, находящихся на столбахъ восточныхъ дверей, къ которому мы прибавили нѣкоторыя характеристическія детали, собранные нами изъ различныхъ барельефовъ.

Сцена представляетъ вѣроятно празднество во дворцѣ Палиботры, новѣйшей Патны, столицы индійской имперіи того времени. Царь, богато одѣтый, сидитъ на тронѣ, не очень высокомъ, вѣроятно набитомъ соломой. Сзади его стоятъ пажи съ параднымъ зонтикомъ и съ хвостами яковъ, вдѣланными въ костяныя рукоятки. Около него стоитъ смѣшной карликъ, передразнивающій тѣлодвиженія полунагой баядерки, танцующей передъ царемъ и собравшимися сановниками. Костюмы различныхъ лицъ, архитектура залы, оружіе, инструменты тщательно сняты съ барельефовъ. Если предположить, что эти скультурныя произведенія — работа начала нашей эры, то эта картина даетъ намъ понятіе объ индійской цивилизаціи вѣка Августа.

Продолжая наше описаніе воротъ большаго топа, мы видимъ, что капители столбовъ сдѣланы изъ группы кругло-выпуклыхъ статуй, въ метръ тридцать сантиметровъ вышины. Эти группы мѣняются на каждыхъ воротахъ; на воротахъ сѣверныхъ и восточныхъ слоны въ шорахъ, на слонахъ всадники держатъ развѣвающіяся знамена; на южныхъ — сидящіе львы; на западныхъ — карлики, прислонившись другъ къ другу спинами, поддерживаютъ руками архитравъ.

Края архитравовъ заканчиваются статуей, изображающей крылатаго льва или слона. Выступъ, образующійся отъ перваго архитрава съ

обѣихъ сторонъ воротъ, поддерживается чрезвычайно изящными фигурами: это полунагія танцовщицы, висящія на рукахъ на вѣткѣ дерева. Эти статуи величиною въ метръ; тѣло, лицо и всѣ детали поразительно хорошо высѣчены. Очертаніе замѣчательное, лицо носитъ всѣ черты туранскаго типа: сплюснутый носъ, узкіе глаза, лицо скорѣе широкое, чѣмъ продолговатое. Прическа сдѣлана очень тщательно и можетъ соперничать съ самыми эксцентричными прическами.

Маленькіе пилястры украшаютъ промежутки между архитравами. Наконецъ на верху воротъ красуются эмблемы Будды и Дхармы, вышиною въ два метра. Эмблема Будды (колесо, которое несутъ четыре слона) занимаетъ средину; по сторонамъ стоятъ по два носильщика чаорисовъ (опахалъ) въ натуральную величину.

Дхарма, или второе лицо буддистской троицы, изображается особой эмблемой, Основаніемъ ему служитъ монограмма, составленная изъ шести поблѣднѣвшихъ буквъ, обозначающихъ силы природы. Въ этой эмблематической монограммѣ полагали найти сходство съ эмблемами грековъ и египтянъ, какъ напримѣръ съ кадуцеемъ, и т. д. Не касаясь этого спорнаго пункта, я замѣчу одну странную случайность, которая можетъ освѣтить нѣкоторыя темныя стороны переворотовъ, погубившихъ индійскій буддизмъ. Одно изъ святилищъ всего болѣе почитаемыхъ въ Индіи, это храмъ Джаггѐрнаута, возвышающійся на берегу Ориты. Въ этомъ храмѣ находится статуя странной формы, предметъ поклоненія индусовъ всѣхъ сектъ; и странная вещь, этотъ идолъ, изображающій Кришну, есть ничто иное какъ эмблема буддистской Дхармы, почти совершенно одинаковой съ Дхармой Санши. Такимъ образомъ это можетъ служить яснымъ доказательствомъ увертокъ, какія употребляли брамины, чтобы привлечь народъ; они сохраняли буддисткіе идолы, и дѣлали изъ Будды простое воплощеніе Вишну. По нынѣщней традиціи остатки Кришны еще сохранились въ этомъ идолѣ Джаггернаута, и потому во время служенія этому идолу различіе кастъ на время уничтожается; эти два факта, столь противорѣчащіе принципамъ браманизма, очевидно доказываютъ, что идолъ и служеніе Джаггернауту буддистскаго происхожденія.

Изъ четырехъ воротъ Санши, сѣверныя ворота одни даютъ намъ всѣ эти подробности въ вполнѣ сохранившемся видѣ; что же касается до воротъ южныхъ и западныхъ, разрушенныхъ невѣжествомъ крестьянъ, то они являются живописной грудой развалинъ.

Такимъ образомъ шаитіа Санши представляетъ намъ теперь

© ГПНТБ СОРАН

дѣло шести вѣковъ непосредственно предшествовавшихъ рожденію Христа.

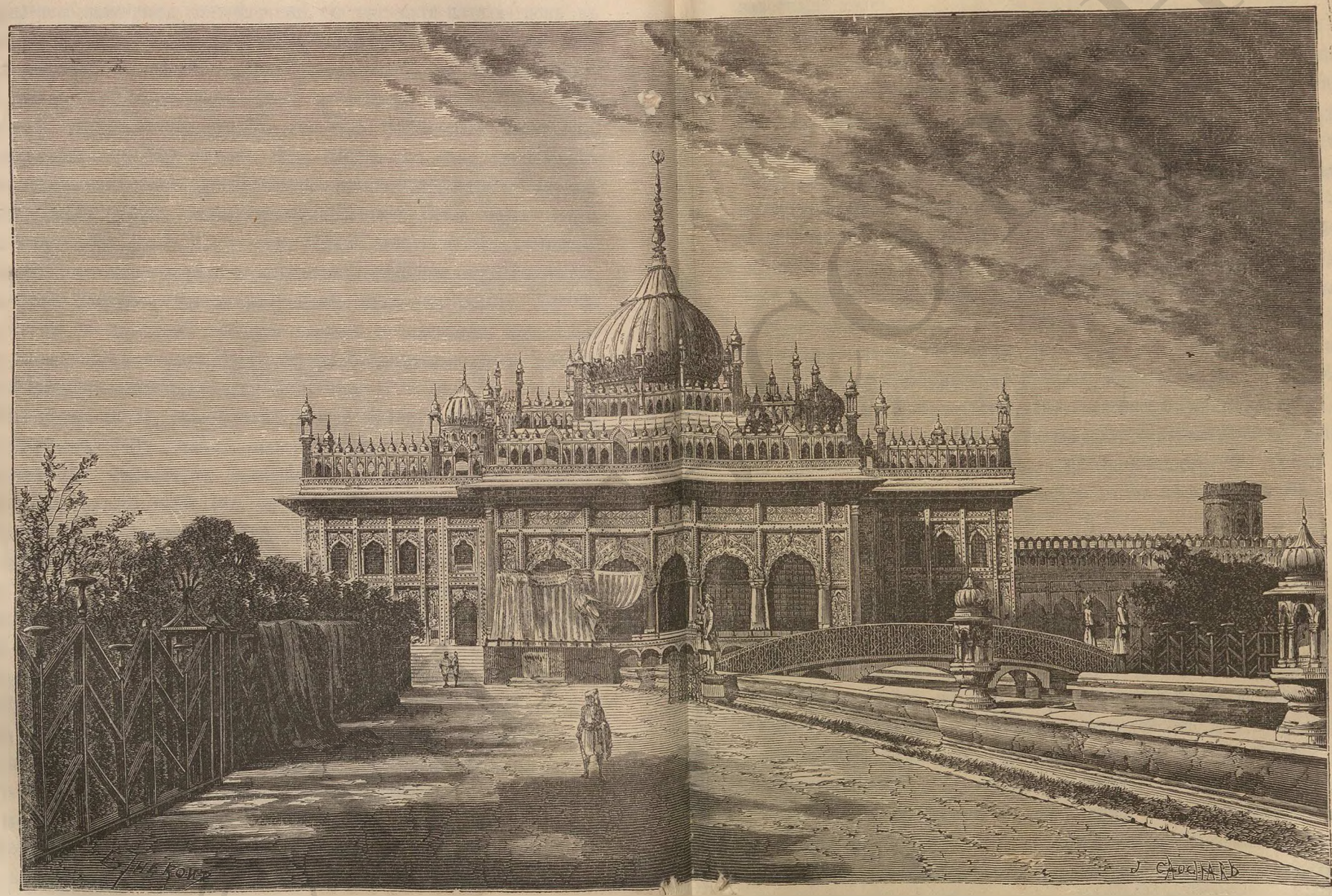
Онъ занимаетъ центръ маленькой довольно ровной нагорной равнины, укрѣпленной каменными контрфорсами, ста тридцати пяти метровъ въ длину и девяноста въ ширину. Одна изъ широкихъ сторонъ этой площади упирается въ скатъ верхняго слоя камней; три другія образуютъ террасу и господствуютъ надъ основаніемъ холма. Углы двора украшены храмами и топами. Всѣ эти топы небольшихъ размѣровъ, и принадлежатъ къ роду дагхоба. Подъ однимъ изъ нихъ, находящимся въ сѣверо-восточномъ углу, покоятся останки Сарапутры и Маугдалаіаны, двухъ самыхъ знаменитыхъ апостоловъ Сакіа Муни. Этотъ топъ пятаго вѣка (до Р. Х.); въ немъ только десять метровъ вышины, и вокругъ него идетъ ограда, съ порталами, подобная оградѣ шаитіи. Онъ сильно разрушенъ и сохранилъ только одни изъ воротъ. Храмы эти есть ни что иное, какъ маленькія часовни, съ изящными портиками и съ прелестными статуями Будды внутри. Сравнительно онѣ не древни и принадлежатъ четвертому или пятому вѣку.

На юго-востокъ отъ шаитіа возвышаются живописнѣйшія развалины полуспрятанныя подъ густымъ покровомъ ліанъ; это двойной рядъ четыреугольныхъ монолитовъ вышиною въ двадцать футовъ, поддерживающихъ еще кое какіе остатки свода. Эти столбы—остатки отъ буддистскаго нефа, оканчивавшагося полукруглымъ сводомъ еще сохранившимся. Это единственный сохранившійся экземпляръ храма шаитіа, выстроеннаго изъ принесеннаго матеріала. Всѣ же извѣстные намъ принадлежатъ къ постройкамъ подземнымъ, какъ напримѣръ прелестные нефы Карли и Аджунтаха.

Къ востоку отъ двора шаитіа возвышается небольшая площадка, окруженная каменною террасою, составляющею самый высокій пунктъ холма. Постройки большаго монастыря совершенно закрывали его. Еще до сихъ поръ видны ряды фасадовъ по сторонамъ большого двора, и сквозь развалины можно даже разглядѣть монастырь и кельи. Буддистскіе монахи превосходно выбрали себѣ мѣсто жительства; со двора монастыря передъ ними открывался отличный видъ: на востокъ передъ ними разстилалась вся долина Бетвы отъ большого озера Бгойэ до стѣнъ знаменитаго Беснагары; на западъ они видѣли у ногъ своихъ всѣ красоты священнаго холма начиная отъ большого шаитіа до топа Казіапа.

На восточной сторонѣ этого двора, у самаго края пропасти, возвышается еще прелестный храмъ, окаймленный двумя флигелями келій.

ОТГБ СО РАН



Гуссейнабадъ Имамбара въ Лукновѣ.

Скульптурныя работы на этомъ храмѣ поразительно походятъ на работы храма Мадху въ Гариспурѣ и выхарайскаго храма въ Гваліорѣ. Это постройка шестаго вѣка, и несомнѣнно возведена джаинами послѣ завоеванія холма.

Возвратившись, я прохожу по двору шаитіа и спускаюсь по лѣстницѣ въ утесѣ, которая ведетъ меня на третью площадку. Эта площадка гораздо обширнѣе первыхъ двухъ, осмотрѣнныхъ мною, но она покрыта почти непроходимымъ кустарникомъ, что очень затрудняетъ осмотръ. На ней впрочемъ ничего нѣтъ кромѣ маленькихъ топовъ очень развалившихся и нѣсколькихъ маленькихъ вихаръ. По краю высохшаго пруда, я замѣчаю множество крошечныхъ топовъ; это—кучи камней вышиною въ два, три фута, по большей части съ высѣченной на нихъ фигурой Будды. Эти камни правовѣрные вѣроятно клали exvoto вокругъ священныхъ мѣстъ. Нѣкоторые украшены любопытными скульптурными работами; на холмѣ ихъ цѣлыя сотни. Въ числѣ достопримѣчательностей этой горы, нельзя не упомянуть одного монолита, который лежитъ на пригоркѣ на краю дороги, идущей отъ большаго шаитіа къ топу Казіапа. Это—каменная ваза въ метръ двадцать сантиметровъ вышины и въ метръ шестьдесятъ сантиметровъ въ діаметрѣ. По разсказу однаго китайскаго путешественника Фа-Хіана (399) тамъ хранили фиговую вѣтвь, которую Будда посадилъ въ землю, откусивъ ее зубами.

Другая лѣстница ведетъ на четвертую площадку, образующую нижній пластъ горы. Тамъ то между другими развалинами, совершенно незначительными, и находится топъ Казіапа. Очевидно, что топъ этотъ новѣе большаго шаитіа; въ его куполѣ двѣнадцати метровъ въ діаметрѣ, есть цилиндрическій плинтусъ въ одинъ метръ; круглый фундаментъ образуетъ выступъ въ два метра и въ столько же метровъ вышины. Основаніе окружено буддистской колоннадой въ два метра тридцать сантиметровъ вышины, съ четырьмя входами безъ порталовъ; столбы, вмѣсто того, чтобы быть гладкими, украшены баральефами и медальонами. Раскопки, произведенныя Куннингамомъ въ этомъ топѣ, привели къ открытію древнихъ урнъ, содержащихъ останки Казіапы и девяти другихъ духовныхъ сановниковъ третьяго собора. Надписи, сдѣланныя на урнахъ показываютъ, что этотъ топъ построенъ въ 220 году до нашей эры.

Наконецъ у подножія горы находятся еще множество развалинъ прудовъ, храмовъ, латовъ, и т. д.

Группа Санши представляетъ намъ: два топа первой величины, бо-

© ГПНТБ СССР

лѣе двѣнадцати меньшихъ размѣровъ, храмъ шаитіи, три монастыря и множество часовень и статуй.

Не смотря на увеличивавшійся жаръ, и на опасность, грозившую нашему здоровью отъ дальнѣйшаго пребыванія въ джунглѣ, я не хотѣлъ уйти изъ Санши, тщательно не снявъ размѣры его памятниковъ и не сдѣлавъ цѣлый рядъ фотографій. Эта работа заняла у меня цѣлую недѣлю. Я почти цѣлые дни проводилъ въ лабораторіи, устроенной около большаго шаитіа, и выходилъ оттуда чуть не въ безпамятствѣ, чтобы почувствовать себя еще хуже отъ страшныхъ лучей солнца, стоявшаго въ зенитѣ. Въ первый разъ работа моя была прервана пантерой, утащившей одну изъ моихъ собакъ среди бѣлаго дня, за двадцать шаговъ отъ моей лабораторіи. На слѣдующій день я имѣлъ счастье убить ее у самаго же подножія Казіапы.

Жаръ, смертоносныя міазмы джунгля и хищные звѣри были еще не самыми страшными нашими врагами. До сихъ поръ я ѣхалъ черезъ Индію совершенно благополучно, такъ какъ врядъ ли стоитъ упоминать о нашей маленькой схваткѣ у бильзовъ и о смѣшномъ нападеніи въ Кизхенгурѣ. Благодаря предосторожностямъ, которыми я никогда не пренебрегалъ, и страшнымъ конвоямъ, сопровождавшимъ меня, я считалъ себя внѣ опасности. Но Санши подготовлялъ мнѣ въ этомъ отношеніи жестокое разочарованіе.

Дикое состояніе страны и недружелюбіе жителей заставили меня удвоить бдительность съ тѣхъ поръ, какъ мы стали лагеремъ около горы. Съ наступленіемъ вечера я самъ разставлялъ сторожевыхъ около нашихъ палатокъ, приказывалъ разводить костры и вставалъ по нѣсколько разъ ночью, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ лагерѣ. Деревня Санши Канакхера, доставляла мнѣ, согласно обычаю, стражу въ десять, въ двѣнадцать человѣкъ, мѣнявшихся каждый вечеръ. Эта стража, избранная изъ главъ семействъ, должна была отражать всякое ночное нападеніе на нашъ лагерь; это аманаты, данные деревней, которая отвѣчаетъ, въ случаѣ кражи, за потери путешественниковъ.

6-го числа вечеромъ, совершивъ свой обычный обходъ, я легъ, предварительно положивъ свой хронометръ и цѣпочку въ тяжелую желѣзную шкатулку англійской работы, которую подсунулъ подъ кровать. Осмотрѣвъ винтовку и револьверы, лежавшіе около меня, я заснулъ. Около полунсчи меня пробудилъ легкій шумъ, но такъ какъ ничто не шевелилось ни въ палаткѣ, ни за нею, то я снова заснулъ.

Черезъ часъ послѣ этого меня разбудилъ непривычный шумъ около

изголовья моей кровати; я схватился за оружіе; въ палаткѣ, освѣщенной, ночникомъ ничего не было необыкновеннаго. Я вышелъ съ ружьемъ, обошелъ лагерь и снова легъ, смѣясь надъ своимъ безпокойствомъ. Лишь только наступилъ день, я тотчасъ же позвалъ шовкейдаровъ, или часовыхъ которые увѣрили меня, что не замѣтили ночью ничего необыкновеннаго. Совершенно успокоившись, я сталъ приготовляться, чтобы идти, по обыкновенію, въ свою лабораторію. Мнѣ понадобился ящикъ, въ которомъ находились клише, и тутъ же я замѣтилъ, что пропала шкатулка. Въ одну минуту всѣ люди мои въ страшномъ безпокойствѣ побѣжали на поиски по окрестностямъ и черезъ часъ принесли шкатулку, разбитую топоромъ и пустую. Это была для меня потеря чувствительная; кромѣ часовъ весьма дорогихъ и тысячи рупій деньгами, въ ней было прелестное собраніе брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней, подарокъ нѣсколькихъ раджей, оцѣненныхъ тысячь въ двадцатъ франковъ, и сверхъ того векселя на бопальскихъ банкировъ на довольно крупную сумму. Я оказался совершенно обворованнымъ.

Я, не медля, далъ знать окружному бопальскому чиновнику, который прибылъ въ тотъ же день въ Санши съ большимъ конвоемъ скрибовъ и жандармовъ. Первымъ дѣломъ его было заковать шовкейдаровъ и взять подъ арестъ все населеніе двухъ деревушекъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Эти несчастные были загнаны въ загородку изъ кольевъ и веревокъ въ ожиданіи допроса. На слѣдующій день нарочный, пріѣхавшій изъ Бопала, сообщилъ мнѣ, что правительство Бегаумы принимаетъ на себя отвѣтственность въ пропажѣ и вознаградить меня за потерю.

Судья пріѣхалъ изъ столицы, чтобы предсѣдательствовать въ военномъ судѣ; крестьяне были спрошены поочередно, но отреклись отъ всякаго участія въ кражѣ. Наконецъ какой то бѣдный восмилѣтній ребенокъ, испугавшись страшнаго хлыста сипаевъ, указалъ на четырехъ изъ нашихъ шовкейдаровъ, какъ на виновныхъ. Эти несчастные, приведенные передъ судилище, готовы были скорѣе позволить разорвать себя плетьми чѣмъ сознаться; но улики были явны: одного изъ нихъ я поставилъ на караулъ именно въ то мѣсто, откуда воръ пробрался въ палатку, разрѣзавъ холстъ кинжаломъ; другаго же человѣкъ мой видѣлъ ночью въ томъ мѣстѣ, гдѣ нашли шкатулку; наконецъ одинъ крестьянинъ объявилъ, что всѣмъ извѣстно, что они принадлежали къ шайкѣ дакоитовъ. Ничто не могло вырвать у нихъ признанія. Мнѣ пришлось вмѣшаться, чтобы не дать солдатамъ убить ихъ на мѣстѣ

ОТНПБ СОРАН

ударами. На деревню былъ наложенъ значительный штрафъ, а четыре шовкейдара, осужденные на вѣчное заключеніе, до сихъ поръ закованы въ бопальской тюрьмѣ. Но украденное найти не могли. Все таки черезъ нѣсколько дней около деревни нашли векселя, цѣнность которыхъ воры не знали. Правительство Бегаумы удовлетворило меня за мою потерю но ничто не могло замѣнить мнѣ вещей, данныхъ на память, и которыя я очень цѣнилъ.

Прежде чѣмъ оставить Санши, я долженъ упомянуть о сдѣланной мною попыткѣ спасти эти чудесные памятники отъ полнѣйшаго разрушенія, угрожающаго имъ, какъ отъ непонятнаго равнодушія англичанъ, такъ и отъ презрѣнія, какое питаютъ къ нимъ ихъ теперешніе владѣтели. Я получилъ отъ Бегаумы позволенія взять однѣ изъ воротъ, чтобы предложить французскому правительству. Перевозка предполагалась на счетъ послѣдняго. Я сообщилъ объ этомъ нашему главному консулу въ Калькуттѣ, но,ославъ оффиціальную просьбу Бегаумѣ, предложенію моему не дали дальнѣйшаго хода. А между тѣмъ Парижу было бы почетно обладать самымъ неоспоримымъ чудомъ индійской древности.

L.

Долина топовъ.

Смѣтливость слона.—Пипліа-Биджоли.—Топы Боджепура.—Андхеръ.—Топы Сонари.—Сатдхара.—Лошади Сахапура.—Легенда Шаказіама.—Бопалъ.—Мути бенгаловъ.

Чтобы окончить наши изслѣдованія долины Бильзы, намъ оставалось только посѣтить развалины четырехъ буддистскихъ поселеній: Боджепура, Андхера, Сонари и Сатдхара. Ради двухъ первыхъ намъ пришлось сдѣлать обходъ миль въ десять къ востоку.

9-го мая. Мы покидаемъ Санши и, перейдя Бетву, идемъ по правому берегу. Деревня Пипліа Биджоли, гдѣ мы должны остановиться лагеремъ, прячется за горы, окаймляющія долину съ востока. Туда ведетъ довольно порядочная дорога, огибающая подножіе горы, но нашъ проводникъ гундсъ находитъ болѣе удобнымъ сократить разстояніе, идя прямо черезъ вершину. Нашъ молодецъ ревахскій слонъ легко взбирается на довольно отлогіе подъемы со стороны долины, но на вершинѣ высохшіе джунгли такъ густы, что почти нельзя пробраться. Проклиная проводника, мы съ трудомъ достигаемъ противуположнаго края нагорной равнины: тамъ мы подходимъ къ краю пропасти, спускающейся почти отвѣсно метровъ на двадцать. Передъ нами оказывается тропинка почти непроходимая даже для пѣшеходовъ, по которой надо перескакивать съ камня на камень. Намъ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы слонъ могъ пуститься по козьей тропинкѣ. Магутъ же увѣряетъ, что его животное пройдетъ. Я высказываю мнѣніе пустить слона однаго, но магутъ говоритъ: «не бойтесь, сахибъ!» такимъ тономъ, что неловко дать

© ГПНТБ СО РАН

понять индійцамъ, слѣдующимъ за нами, что я трусливѣе человѣка, который по обязанности долженъ остаться на своемъ мѣстѣ. Послѣ тысячи предосторожностей, произнесенныхъ корнакомъ слону, животное пускается въ опасной спускъ; надо видѣть какъ осторожно оно удерживаетъ равновѣсіе, какъ ловко оно соединяетъ всѣ четыре ноги на камнѣ едва достаточномъ для ихъ помѣщенія. Единственный признакъ его волненія видѣнъ въ легкой дрожи, пробѣгающей по его тѣлу. Утесъ красноватаго песчанника выдается углами, висящими надъ пропастью, и по нимъ то намъ нужно идти. Прежде чѣмъ утвердиться на такомъ выступѣ, слонъ пробуетъ, можетъ ли онъ вынести его, постепенно опираясь передними ногами, не перенося всей тяжести своего тѣла, откинутаго назадъ. Мы уже находимся на два метра отъ ровнаго мѣстечка, но магутъ, соскучившись ѣхать такъ тихо, поднимаетъ свое копье, чтобы ударить слона; въ эту минуту громадный камень, на который онъ заставляетъ ступить слона, уступаетъ повторяющимся усиліямъ умнаго животнаго и съ грохотомъ летитъ внизъ. Еще одна минута, и мы всѣ погибли бы въ страшномъ паденіи. Паразительная смѣтливость слона спасла намъ жизнь. Дойдя до низу спуска, я смотрю на каменную стѣну, возвышающуюся за нами; мы вѣроятно отъ жара потеряли голову, что такъ безумно рискнули своей жизнью. Эти двадцать метровъ мы спускались сорокъ минутъ. Въ Пипліи мы находимъ своихъ людей уже устроившимися и очень обезпокоенными нашимъ отсутствіемъ.

Развалины древняго поселенія Боджепуръ покрываютъ вершину утеса надъ самой деревней Пипліа Биджоли. Этотъ холмъ очень похожъ на холмъ Санши; онъ образуетъ гигантскую лѣстницу, состоящую изъ четырехъ уступовъ съ плоскими площадками и вертикальными фронтами, примыкающими почти къ ровной площади. Эта площадь покрыта фундаментами, вышиною въ нѣсколько футовъ, едва дающими понятіе объ очертаніяхъ древнихъ построекъ. Посреди этихъ развалинъ возвышается любопытная масса постройки, съ каменными стѣнами значительно наклоненными назадъ какъ отрубокъ пирамиды; углы украшены четыреугольными башнями, выходящими изъ массы; фасады тянутся на тридцать метровъ при восьми метрахъ вышины. Лѣстница, выбитая въ стѣнѣ, ведетъ къ вершинѣ; тамъ на одной изъ сторонъ возвышается скульптурный фронтонъ, подлѣ котораго лежитъ замѣчательная статуя Будды.

На первый взглядъ кажется, что эта массивная терраса служила основаніемъ храму, развалины котораго тутъ лежатъ; но стоитъ только разсмотрѣть рѣзьбу и надписи, чтобы увидѣть, что это—работа VI-го

столѣтія, тогда какъ терраса, повидимому, однаго времени съ топами, окружающими ее и устроенными въ Ш-мъ вѣкѣ до Р. Х. Кромѣ того нѣсколько подалѣе возвышается подобное же строеніе, безъ слѣдовъ храма на вершинѣ. Трудно объяснить, при настоящемъ ихъ состояніи, для чего служили эти громадныя массы камней, попадающіяся посреди всѣхъ буддистскихъ поселеній долины. Не были ли это простыя платформы, гдѣ засѣдали во время празднествъ священнослужители Будды? Оттуда, окруженные своими братіями, они говорили народу и показывали ему святыя мощи.

На равнинѣ стоятъ еще шесть топовъ. Самый значительный возвышается въ центрѣ квадратнаго двора, окруженнаго стѣнами; куполъ въ семнадцать метровъ въ діаметрѣ стоитъ на цилиндрическомъ плинтусѣ въ четыре фута, и возвышается посреди круглой террасы въ пять футовъ вышины. Другой куполъ, поставленный на смѣжномъ дворѣ, имѣетъ десять метровъ вышины. Куннингамъ нашелъ тутъ много погребальныхъ урнъ, къ несчастью безъ надписей, и въ одной изъ нихъ прелестнѣйшую модель топа изъ горнаго хрусталя.

На трехъ нижнихъ ступеняхъ насчитываютъ тридцать четыре топа, все изъ рода дагхоба, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ слѣдовъ скульптуры или колоннадъ.

Ивъ Пипліи Биджоли, я сдѣлалъ экскурсію въ андхерскую группу, находящуюся за милю къ востоку, на вершинѣ крутаго пика. Эта группа состоитъ всего изъ трехъ топовъ. Въ самомъ большомъ я нашелъ около одиннадцати метровъ въ діаметрѣ у основанія полушарія и около восьми метровъ вышиною. Онъ окруженъ буддистской колоннадой, вышиною въ два метра и убранной медальонами и прелестными барельефами. Эти топы дали интересное собраніе погребальныхъ урнъ, заключавшихъ въ себѣ остатки самыхъ знаменитыхъ распространителей буддизма во времена Асоки, что даетъ возможность отнести постройку ихъ къ третьему столѣтію до христіанской эры. На одной изъ урнъ Андхера коротенькая надпись сдѣлана чернилами; это—самая древняя какая либо существуетъ надпись въ этомъ родѣ.

11-го числа. Мы снова переходимъ на лѣвый берегъ Бетвы и становимся лагеремъ около деревни Сонари, которая живописно прислонена къ пригорку, покрытому лѣсомъ; весьма узкая долина покрыта прелестными рощами манговыхъ деревьевъ и финиковыхъ пальмъ.

Названіе Сонари есть ничто иное, какъ искаженное Соварни или «золотое колесо.» Очень можетъ быть, что во времена буддистскаго

господства, въ городѣ, занимавшемъ это мѣсто, былъ латъ, увѣнчаный колесомъ — эмблемой Будды, какъ мы находимъ нѣсколько экземпляровъ на берельефахъ Санши.

Топы находятся за одинъ километръ отъ деревни на берегу дикаго оврага, изобилующаго источниками. Тутъ насчитываютъ восемь топовъ, и всѣ изъ рода дагхобы въ видѣ полушарій. Главный топъ изображаетъ массивный куполъ въ шестнадцать метровъ въ діаметрѣ, съ цилиндическимъ плинтусомъ въ одинъ метръ и съ круглою террасою въ два метра вышины. Основаніе его было окружено буддистской колоннадой въ два метра, отъ которой осталось только нѣсколько столбовъ. Въ развалинахъ встрѣчается много такихъ же таинственныхъ построекъ какъ въ Бходжепурѣ. Погребальные останки и надписи, найденные въ Сонари, заставляютъ предполагать, что зданіе это воздвигнуто въ III-мъ столѣтіи до Р. Х.

За одну милю къ сѣверу отъ деревни стоитъ группа Сатдхара, состоящая изъ шести догхобаскихъ топовъ и однаго топа шаитіа. Отъ топа шаитіа остался только неправильный бугоръ полупровалившійся въ землю и въ кустарникъ. Онъ былъ почти одинаковъ съ большимъ шаитіа Санши и размѣръ его былъ вѣроятно въ сорокъ метровъ въ діаметрѣ у основанія и болѣе шестнадцати метровъ вышины. На вершинѣ его еще видны остатки алтаря и вѣнчавшей его колоннады. Мѣстоположеніе этого поселенія одно изъ самыхъ живописныхъ долины Бильза; топы стоятъ на краю пропасти, внизу которой бѣжитъ Безали.

14-го числа. Послѣ восемнадцати дней, посвященныхъ изслѣдованію различныхъ группъ развалинъ долины Бильза, мы отправляемся въ Бопалъ, отъ котораго мы всего за тринадцать километровъ. Намъ уже пора подумать добраться до квартиръ на время дождей: джунгльская лихорадка свирѣпствуетъ въ нашемъ отрядѣ, и люди наши не скрываютъ свою усталость отъ болѣе чѣмъ пятимѣсячныхъ странствованій.

Путь нашъ клонится къ юго-востоку, и мы должны проходить діагонально по маленькимъ долинамъ устьевъ Бетвы. Страна представляетъ дикій и пустынный видъ; низкіе джунгли и лѣса не оставляютъ мѣста для обработки. Тамъ и сямъ попадаются жалкія деревушки, населенныя преимущественно гундсами. Грубые столбы, съ изображеніемъ солнца, поставленные у подножія деревьевъ, показываютъ на сосѣдство какихъ нибудь племенъ коркху.

На половинѣ пути къ Бопалу, подлѣ какой то жалкой деревушки, мнѣ указываютъ на небольшую загородку, въ которой стоятъ полукругомъ

статуй сорокъ. Эти статуи изъ краснаго песчанника изображаютъ всадниковъ; лошади покрыты попонами богато высѣченными; къ несчастью большая часть фигуръ рыцарей сломана, и странно, отъ нихъ не осталось даже слѣда. Нѣсколько стоявшихъ тутъ крестьянъ не могли ничего сообщать мнѣ объ этихъ статуяхъ. Я пораженъ ихъ сходствомъ съ конными статуями, которыя ставили на своихъ могилахъ скиѳы, а потомъ татары. Но какъ объяснить присутствіе татарскаго кладбища въ сердцѣ Индіи?

Одинъ изъ бопальскихъ жандармовъ изъ нашего конвоя далъ мнѣ объ этомъ нѣкоторыя разъясненія. Повидимому герой легендъ этихъ дикихъ долинъ, называется Шаказіамъ, настоящій блуждающій всадникъ, каратель зла, покровитель слабаго. Крестьяне описываютъ его человѣкомъ высокаго роста, въ желѣзныхъ латахъ и вооруженнымъ длинною пикою; ночью онъ скачетъ по горамъ и доламъ, на черномъ, какъ смоль, конѣ. Горе злому человѣку, котораго онъ встрѣтитъ на пути: — онъ не медля закалываетъ его пикой. Вотъ самая популярная легенда: «Одинъ бѣдный землепашецъ, продавъ свой хлѣбъ въ городѣ, возвращался домой съ вырученными деньгами. Начинало смеркаться, и онъ начиналъ трусить идти одинъ по лѣсу. Тутъ солдатъ, шедшій за нимъ, предложилъ ему проводить его. Крестьянинъ сначала отказался, замѣтивъ солдату, что онъ вооруженъ и можетъ, войдя въ лѣсъ, убить его и ограбить. «Шаказіамъ да будетъ съ нами»! вскричалъ солдатъ, поднявъ руку. Это восклицаніе успокоило боязнь фермера и они пошли вмѣстѣ. Но лишь только они вошли въ лѣсъ, какъ разбойникъ, бросившись на крестьянина, повалилъ его на землю и отнялъ кошелекъ. Потомъ, подсмѣиваясь надъ несчастнымъ, упрекавшимъ его въ измѣнѣ, онъ сказалъ ему: «Гдѣ же твой Шаказіамъ? Отчего не зовешь ты его къ себѣ на помощь»? Только что выговорилъ онъ эти слова, какъ послышался по лѣсу топотъ коня; солдатъ хочетъ бѣжать, но копье всадника уже пронзило его. Фермеръ, опрокинутый на землю, поднимаетъ глаза; Шаказіамъ уже скрылся, а разбойникъ умираетъ подлѣ кошелька».

Послѣ четырехчасовой ходьбы, холмы становятся отложе; мы выходимъ на прелестную нагорную равнину и видимъ на горизонтѣ очертаніе живописнаго силуэта Бопала. Городъ идетъ амфитеатромъ по скату горы, подошва которой выходитъ изъ прелестнаго озера, окруженнаго поясомъ большихъ деревьевъ. Господствуя надъ домами съ красными кровлями и надъ группами дворцовыхъ террасъ, къ небесамъ поднимаются два гигантскіе минарета, похожіе на двѣ руки, подня-

тыя къ небесамъ. Мѣстами виднѣются луковицеобразные куполы съ золотымъ полумѣсяцемъ на верху, характеризующимъ мечети, но ни шпицъ пагоды, ни какой языческій храмъ не марают гордый мусульманскій городъ, послѣдній разсадникъ ислама въ Индустанѣ.

По окраинамъ города начинаются поля; красивые огороды, громадные сады окружаютъ изящные дворцы, образуя зеленый поясъ, который тянется за городскими стѣнами. Въ первомъ же зданіи таможни мы встрѣчаемъ *моунши* Хуссейна Хана, секретаря королевы, которому поручено встрѣтить насъ. Не впустивъ насъ въ городъ, онъ проводитъ насъ по Джехангхирабадскому предмѣстью и приводитъ въ прелестный домикъ, названіе котораго Мути-бунгаловъ пробуждаетъ въ насъ воспоминаніе о Бародѣ. Это изящный павильонъ, окруженный прелестнымъ садомъ и стоящій у берега озера противъ города. Внутри онъ расположенъ и меблированъ совершенно по европейски. Моунши принимаетъ насъ и проситъ, отъ имени Бегаумы, считать жилище это своимъ собственнымъ на все время, которое мы пожелаемъ провести въ немъ.

LI.

Бопалъ.

Бегаума Секундеръ. — Бопальскіе набобы. — Городъ, базары, озера, цитадель. — Джехангхирабадъ. — Визитъ Дуланѣ Сиркаръ. — Елизавета Бурбонская. — Бопальскіе Бурбоны. — Празднество Мохаремъ. — Ярмарка въ Футтехгурѣ. — Джогуисы. — Сехоръ.— Таинственное посланіе. — Вспыхнувшій мятежъ.

На слѣдующій же день по прибытіи нашемъ въ Бопалъ, мы получили аудіенцію у е. в. Бегаумы Секундеръ. Дворцовый экипажъ пріѣхалъ за нами въ Мути-бунгаловъ и свезъ насъ во дворецъ, стоявшій въ концѣ города, у подножія цитадели. Великій визирь и деванъ принимаютъ насъ у дверей дворца. Мы поднимаемся по большой лѣстницѣ и входимъ въ большую пріемную дурбара, гдѣ ждетъ насъ королева. Она встаетъ при нашемъ приближеніи, идетъ намъ на встрѣчу, радушно пожимаетъ намъ руку и сажаетъ насъ около себя на диванъ.

Бегаума — женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ. Ея худощавое лицо, освѣщенное умными глазами, дышетъ такой энергіей, что, не зная, не угадаешь, что видишь предъ собою женщину. Обману способствуетъ и костюмъ: узкіе панталоны, шитая куртка и кинжалъ за поясомъ, нельзя назвать женской одеждой. Ея жесты и манеры еще менѣе напоминаютъ женщину; въ ней чувствуется государь, самодержецъ, привыкшій чтобы все покорялось его власти. Спѣшу прибавить, что эта величественная суровость длится только нѣсколько минутъ и замѣняется граціозной и очаровательной любезностью.

Можно сказать, что Бегаума Секундеръ во всѣхъ отношеніяхъ од-

© ГПНТБ СО РАН

на изъ замѣчательныхъ личностей, явившихся въ Индіи въ нашемъ вѣкѣ. Дочь послѣдняго набоба, она, достигнувъ совершеннолѣтія, заявила свои права на вакантный престолъ; но англичане, вѣчно вмѣшивающіеся въ споры о престолонаслѣдіи, предпочли ей ея мужа Женгира. По смерти мужа, она взяла бразды правленія во имя малолѣтней дочери своей Шахи Джеханы. Отбросивъ какъ нелѣпость правила пурдахскихъ мусульманъ, присуждающихъ ее править изъ глубины своего гарема, она показалась народу съ открытымъ лицемъ, одѣтая въ платье царей и гордо сидя на конѣ. Съ этой минуты она крѣпко захватила въ свои руки бразды правленія и постаралась сосредоточить на себѣ одной всю отвѣтственность и власть, азіятскимъ обычаемъ предоставленную министрамъ. Ловко и безъ раздоровъ отстранивъ мѣшающее вмѣшательство англичанъ, она принялась за реформы, о которыхъ давно мечтала. Бережливостью ей удалось уплатить въ десять лѣтъ долгъ въ восемдесять лаковъ *) и довести государственный доходъ вмѣсто двѣнадцати до тридцати лаковъ. Вскорѣ, стараніями ея, страна покрылась путями сообщеній и плотины, которымъ государство обязано своимъ плодородіемъ, были возобновлены и исправлены; потомъ она привела въ порядокъ свою маленькую армію, основала новую судебную систему и создала полицію. Ея предшественники по равнодушію передали мало по малу лучшія земли въ руки феодальнаго дворянства. Лихоимство землевладѣльцевъ дворянъ дало ей поводъ вступиться за крестьянина и предъявить свои верховныя права; въ нѣсколько лѣтъ ея законныя конфискаціи возвратили казнѣ большую часть потерянныхъ ею земель. Въ этотъ десятилѣтній періодъ она работала по двѣнадцати часовъ въ день и выказывала административныя способности, которыя даже англичане назвали удивительными. Она сама наблюдала за исполненіемъ своихъ приказаній, верхомъ ѣздила по провинціямъ своего государства, жила въ палаткѣ, и въ средѣ народа собирала необходимыя ей свѣдѣнія.

Возмущеніе 1857 года застало ее посреди ея работъ; положеніе ея было опасно; она находилась въ центрѣ возставшихъ странъ, и ей дѣлались самыя блестящія предложенія, чтобы привлечь ее на сторону волненія. Не колеблясь, она стала на сторону англичанъ, подавила признаки революціи, доходившіе даже до ея дворца и, собравъ свою маленькую армію, лично двинулась на помощь англичанамъ. Эта ловкая политика доставила ей прибавку территоріи и кромѣ того множество знаковъ уваженія, выраженныхъ ей королевой англійской и британскимъ правительствомъ. Въ 1859 году, дочь ея, достигнувъ совершеннолѣтія, отреклась отъ престола въ пользу ея, и такимъ образомъ она фактически и по праву стала настоящей государыней Бопала.

*) Лакъ рупи стоитъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Казалось преобразованія ея были полны; но она захотѣла идти далѣе. Побивая старые предразсудки, она воспретила торговлю рабами и созданіе евнуховъ, и учредила во всѣхъ населенныхъ центрахъ школы и пріюты для сиротъ. Такимъ образомъ она вывела изъ мрака эту маленькую страну и поставила въ первые ряды между государствами Раджастана, придавъ ему и особенное политическое значеніе и внутреннее благосостояніе, какому позавидовали бы даже страны, управляемые англичанами.

Государство Бопальское занимаетъ пространство въ девятнадцать тысячъ квадратныхъ миль и заключаетъ населеніе въ милліонъ душъ. Оно находится частью на нагорныхъ равнинахъ вдоль сѣверныхъ береговъ Нербудды и частью на прелестныхъ и плодородныхъ долинахъ восточной Мальвы.

Основаніе Бопальскаго мусульманскаго государства началось только въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ царствованіе императора Ауренгзеба Достъ Магомедъ, афганскаго происхожденія, былъ посланъ губернаторомъ Мальвы и провинціи Нербудды. По смерти императора, по примѣру главныхъ могольскихъ сатраповъ, онъ объявилъ себя независимымъ, и страшными преступленіями ему удалось захватить ту часть страны, которая оставалась въ рукахъ индусовъ. Онъ перенесъ свою столицу изъ Исламабада въ Бопалъ, упавшій со времени Бходже до степени маленькаго посада, началъ большія работы, укрѣпилъ и повысилъ плотины озеръ, поясомъ, окружавшимъ холмъ, возвелъ сплошную стѣну, примкнувъ ее къ цитадели, устроенной на возвышеніи, и создалъ такимъ образомъ самое сильное укрѣпленіе Индіи. Тогда-то онъ и принялъ титулъ набоба, съ тѣхъ поръ оставшійся за его потомками.

Въ 1799 году маленькое государство чуть не погибло отъ магаратскихъ смутъ, и было спасено только энергіей визиря Магомеда, двоюроднаго брата царствовавшаго государя. Бопалъ, занятый арміей болѣе чѣмъ въ три тысячи человѣкъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ сопротивлялся съ своимъ гарнизономъ въ шестьсотъ человѣкъ. Городъ, окруженный осаждающими, терпѣлъ всѣ ужасы голода Жители питались только

ОТПЕЧАТОК

собаками и лошадьми, къ которымъ они прибавляли горькія зерна нимы въ изобиліи растущей около стѣнъ. Наконецъ у визиря оставалось только двѣсти годныхъ мужчинъ и немного продовольствія, когда магараты, потерявшіе терпѣніе отъ упорства города, который они расчитывали взять безъ затрудненій, сняли осаду. Визирь, полагая, что городъ спасенъ имъ, рѣшилъ, что можетъ удержать правленіе надъ нимъ. Онъ низвергнулъ своего двоюроднаго брата, принялъ титулъ набоба, который перешелъ такимъ образомъ къ младшей линіи.

Въ 1816 году онъ оставилъ престолъ своему сыну, Наззуръ Магомеду, отличившемуся своими блестящими качествами, но случайно убитому своимъ племянникомъ послѣ двухлѣтняго царствованія. Единственная дочь Назурра — нынѣшняя Бегаума, была въ то время только нѣсколькихъ мѣсяцевъ; регентство было раздѣлено между Кудзіей Бегаумой, вдовой государя, и однимъ христіанскимъ министромъ французскаго происхожденія, о которомъ я еще поговорю потомъ.

Наше первое свиданіе съ Бегаумой продолжалось нѣсколько часовъ. Она съ большимъ жаромъ разсказала намъ какъ свою исторію, такъ и исторію ея предковъ, которую я сообщилъ тутъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Потомъ она много разспрашивала меня объ индійскихъ государствахъ, которыя я посѣтилъ, объ обычаяхъ ихъ дворовъ, о ихъ политикѣ, и, едва оставляя мнѣ время на отвѣты, задавала новые вопросы.

Потомъ она извинилась, что не можетъ представить намъ своей дочери Шахъ Джеханы, которую мужъ держитъ въ заперти въ гаремѣ, и принуждаетъ строго исполнять правила Пурдала; это дало ей случай назвать эти обычаи нелѣпыми и смѣшными. Какъ бы въ вознагражденіе она велѣла позвать свою внучку Султану Джеханъ (султаншу Джеханъ) прелестную восмилѣтнюю дѣвочку, прибѣжавшую поздороваться и поклониться по европейски.

Бегаума не отпустила насъ, пока я не сообщилъ ей, что намѣренъ былъ дѣлать во время дождей, и не останусь ли зимовать въ Бопалѣ, какъ зимовалъ въ Джейпурѣ, и сколько въ этомъ случаѣ останусь времени. Когда же я выразилъ ей желаніе свое, въ случаѣ ея позволенія, воспользоваться дурной погодой, чтобы провести нѣсколько мѣсяцевъ при ея дворѣ, она не медля пожелала условиться, что мы будемъ дѣлать въ теченіи всего этого времени. Было рѣшено, что мы будемъ жить въ Мути-бунгаловѣ, и что во все время должны считать себя гостями Бегаумы.

Наконецъ слуги принесли рукомойники, королева сама кропитъ насъ розовой водой и мы удаляемся восхищенные и въ тоже время удивленные нашимъ первымъ свиданіемъ съ этою замѣчательною женщиной.

На слѣдующій день Гуссейнъ Ханъ, секретарь королевы, окончательно помѣщаетъ насъ въ Мути-бунгаловѣ. Комнаты предполагается подновить; многочисленная прислуга и особенный караулъ дается въ наше распоряженіе, точно также какъ дается нѣсколько лошадей, двѣ коляски и слонъ.

Въ тотъ же день я обратно отсылаю въ Ревахъ конвой и слона, даннаго намъ для путешествія магараджей.

Прелестный домикъ, назначенный намъ Бегаумой, стоитъ въ концѣ джехангхирабадскаго предмѣстья, отъ котораго его отдѣляютъ прелестные сады, засаженные большими деревьями, какъ поясомъ окружающіе его. На югъ и на востокъ представляется видъ на безплодную и голую долину, усыпанную камнями и кустарниками и на длинную цѣпь голыхъ хребтовъ съ округленными формами. Картина къ западу представляетъ чудный контрастъ съ этимъ унылымъ зрѣлищемъ; голубыя, прозрачныя воды прелестнаго озера походятъ на чудное зеркало, въ которомъ отражается длинный рядъ укрѣпленій и садовъ, украшающихъ берегъ. Это озеро совершенно покрываетъ передній восточный планъ города; только дорога, проходящая по высокой, задерживающей воду плотинѣ и соединяетъ городъ съ предмѣстьемъ Джехангхирабада.

Самый городъ выстроенъ амфитеатромъ на скатѣ скалистой горы. Толстыя стѣны съ зубцами и башнями, но безъ рвовъ и гласисовъ, образуютъ ограду въ пять, въ шесть километровъ окружности. Множество воротъ ведутъ въ городъ; всѣ онѣ величественнаго вида, съ изящными сводами, съ античными гауптвахтами и массивными башнями.

Входъ въ городъ формально воспрещенъ иностранцамъ, даже европейцамъ, которыхъ впускаютъ только съ разрѣшенія королевы. Безполезно прибавлять, что запрещеніе это насъ не касалось, такъ какъ мы гости ея высочества. Даже болѣе того: въ ту минуту какъ мы подъѣзжаемъ на слонѣ къ воротамъ, караулъ выходитъ и отдаетъ намъ военную честь.

Я уже сказалъ, что настоящій городъ построенъ недавно, и потому намъ нечего надѣяться найти тамъ какіе нибудь важные памятники. Выстроенъ онъ очень неправильно; но его узкія и извилистыя улицы, обстроенныя высокими домами, съ верандами изъ рѣзнаго дерева, съ

множествомъ башенокъ съ маленькими окошками, все потемнѣвшее отъ времени и дыму, придаютъ ему самый живописный видъ.

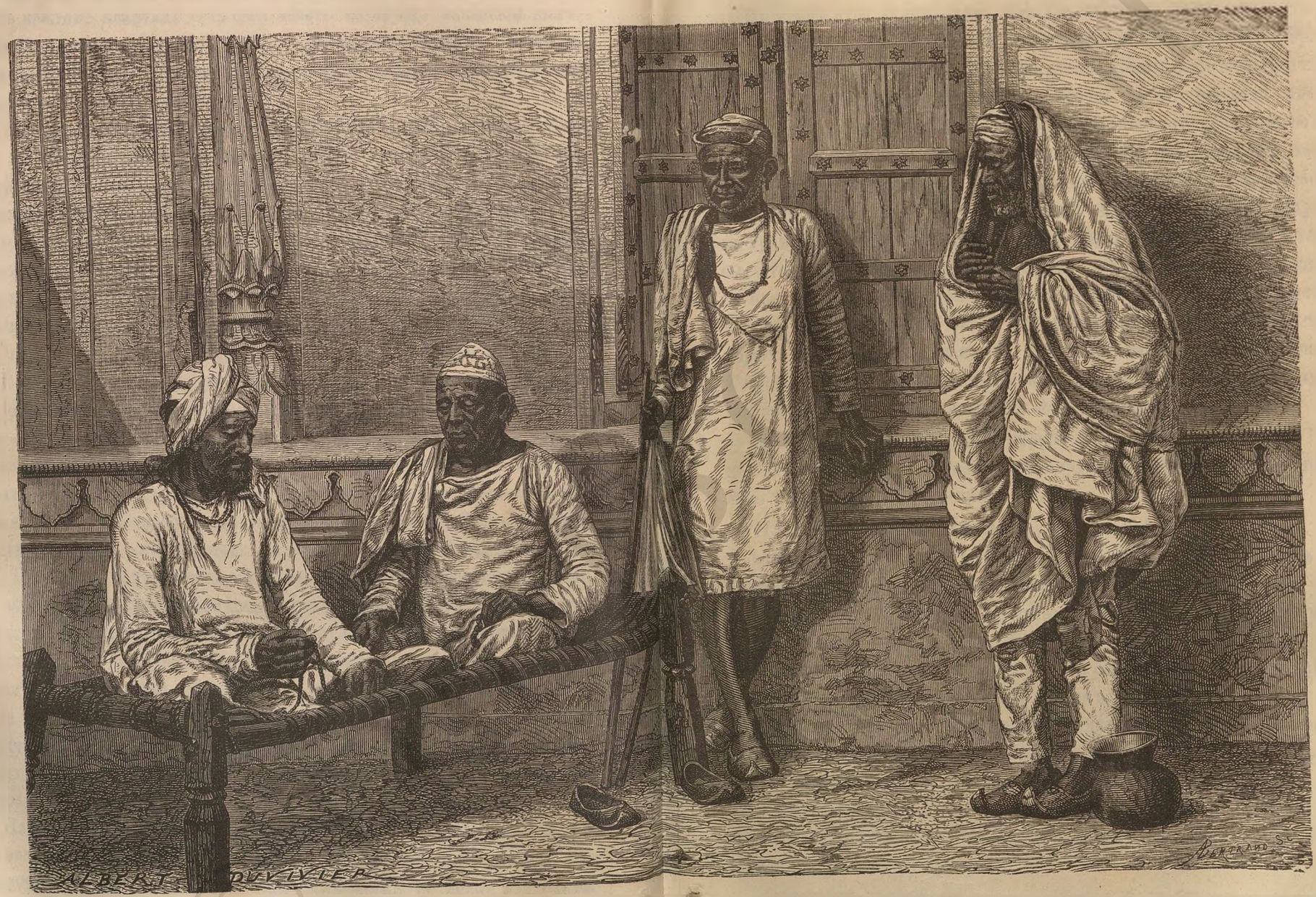
Въ каждомъ кварталѣ есть своя мечеть, то просто маленькій вымощенный дворикъ, въ глубинѣ котораго возвышается скромная стѣна съ священной нишей, то величественное зданіе грандіозныхъ размѣровъ, увѣнчанное изящными минаретами.

Соборная мечеть, или Джуммахъ Мусджидъ, красуется посреди города. Она стоитъ на вершинѣ массивной террасы изъ краснаго песчанника, окруженная аркадами и колоннадами, и въ нее поднимаются по прелестнымъ каменнымъ лѣстницамъ. Самая мечеть, зданіе прелестное, простаго стиля, увѣнчанное громаднымъ куполомъ луковицеобразной формы, рядомъ съ которымъ стоятъ еще два купола меньшихъ размѣровъ. По обоимъ угламъ фасада возвышаются два восьмигранные минарета, увѣнчанные на сорокъ метровъ отъ террасы легкимъ куполомъ.

Окрестности Джуммахъ Мусджида составляютъ самую интересную часть столицы. Тамъ тѣснятся лавки съ драгоцѣнными вещами, продавцы матерій, пирожники, оружейники и кофейныя. Шумная и живописная толпа съ утра до вечера наполняетъ эти узкія улицы. Полунагій гундсъ, съ топоромъ за спиной, толкаетъ строгаго мульви, съ длинной бѣлой бородой, въ платьѣ красиво задрапированномъ; тамъ встрѣчаются брамины лоснящіеся отъ жира, баніанскіе локасы, пардазисы или несвирѣпые искатели приключеній; всѣ въ лохмотьяхъ, красивые молодые люди, пріѣхавшіе изъ Персіи или Авганистана, белуджи съ кирпичнаго цвѣта лицами съ рыжими и вьющимся, какъ грива льва, волосами. Посреди этой толпы бопалецъ отличается своей красивой фигурой и тонкими чертами лица, окаймленными шелковистой бородой. Костюмъ его и граціозенъ, и живописенъ: вышитый токъ или чалма, надѣтая на бекрень, узкая юбка и узкіе панталоны, желтые башмаки, вышитые блестками; онъ небрежно носитъ саблю завернутую въ кисейную шаль и проходя, распространяетъ запахъ розовой воды и сандала, которыми намазаны его развѣвающіеся волосы.

Нашъ слонъ съ трудомъ пробирается между этой толпой, не смотря на звонъ тяжелаго желѣзнаго колокола на его боку, который онъ колышетъ при каждомъ шагѣ. Наконецъ мы минуемъ эту толпу и входимъ въ темную улицу, сдавленную высокими фасадами барскихъ дворцовъ. Тутъ все тихо; прохожихъ нѣтъ; на каменныхъ скамьяхъ около воротъ спятъ вооруженные люди въ странныхъ нарядахъ, гдѣ стальные нару-

ОГПИБ СО РАН



Нищенствующіе монахи въ Бенаресѣ.

кавники и шишакъ странно соединяются съ нарѣзной винтовкой и съ большими сѣдельными пистолетами.

Въ концѣ этой улицы одинъ или два поворота приводятъ насъ къ Мути Мусджидъ (Жемчужная мечеть), выстроенной Бегаумой, по образцу знаменитой соборной мечети Дели. Это зданіе можетъ дать понятіе о томъ, что могутъ создавать индійцы даже теперь, послѣ столькихъ вѣковъ упадка. Мути Мусджидъ было бы названо зданіемъ грандіознымъ во всякое время и во всякой странѣ. Основаніемъ служитъ роскошная терраса въ шестьдесять метровъ длины, тридцать вышины; съ одной стороны ея идетъ лѣстница въ сорокъ ступеней вдоль всего фасада, ведущая, къ громадной двери, открывающейся на дворъ, образующій верхъ террасы. Этотъ дворъ окруженъ монастырями съ колоннами, перемѣшанными съ прелестными павильонами, и соединяющимися съ фасадомъ мечети. Мечеть еще не окончена; она будетъ увѣнчана тремя куполами, изъ которыхъ одинъ будетъ гигантскій, и минаретами очень высокими. Фасадъ и куполы будутъ отдѣланы бѣлымъ мраморомъ. Къ несчастію, все зданіе застроено лѣсами, закрывающими часть фасада.

За Мути Мусджидъ идутъ обширныя строенія дворца королевы. Главное зданіе выходитъ на большую квадратную площадь; оно все пронизано аркадами очень красиваго стиля.

Продолжая подниматься въ гору, на которой выстроенъ городъ, мы доѣзжаемъ до цитадели Футтехгурхъ, вѣнчающей вершину ея. Съ бастіоновъ цитадели открывается отличный видъ на городъ и на озеро, идущее къ югу. Это озеро, по названію Бопалъ Талъ, занимаетъ гораздо большее пространство, чѣмъ озеро Джехангхирабадъ. Въ немъ километровъ десять вокругъ, и съ одной стороны оно окаймлено довольно высокими горами, а съ другой холмомъ, на которомъ стоитъ городъ. Устройство этого озера приписываютъ нѣкоему Бхо Палъ, министру знаменитаго царя Бходже, царствовавшему въ шестомъ вѣкѣ. Оно насыщается водами рѣки Безали, которую удерживаетъ плотина самой древней постройки, шириною въ пятдесятъ метровъ и длиною въ триста метровъ. Его излишекъ выливается черезъ узкій шлюзъ въ озеро Джехангхирабадъ.

Осмотрѣвъ городъ, мы возвращаемся въ Мути-бунгаловъ по жалкимъ предмѣстьямъ, скученнымъ за городскими стѣнами на сѣверной сторонѣ города

Въ первые дни нашего пребыванія въ Мути-бунгаловѣ, мы принимаемъ

© ГПНТБ СОРАН

визитъ главныхъ лицъ двора, явившихся представить намъ свои салямы, и предложившихъ намъ подарки изъ фруктовъ и лакомствъ.

Однажды, когда я былъ окруженъ такимъ образомъ многочисленнымъ обществомъ, куря гукахъ и пробуя шербеты, я былъ не мало удивленъ, услыхавъ что мой бера, исполнявшій должность чубдара, громкимъ голосомъ докладывалъ мнѣ: «Падри сахибъ! *)» Спустя минуту въ залу вошелъ молодой человѣкъ въ костюмѣ католическаго священника. Всѣ присутствующіе встали, такъ какъ мусульмане всегда выражаютъ большое уваженіе передъ одеждой нашего духовенства, и я приблизился къ священнику, къ немалому моему удивленію тотчасъ заговорившему со мною по французски. Что за чудеса! французъ въ Бопалѣ!

Когда всѣ сѣли, миссіонеръ сказалъ мнѣ:

«Услыхавъ о вашемъ прибытіи, я поспѣшилъ бы къ вамъ, такъ какъ очень давно я не имѣлъ удовольствія встрѣчаться съ своими соотечественниками, но долженъ былъ отложить свое посѣщеніе по причинѣ, которую вы легко поймете. Я живу здѣсь въ качествѣ капеллана госпожи Елизаветы Бурбонской, христіанской принцессы, которая занимаетъ въ государствѣ первое мѣсто послѣ Бегаумы. Принцесса очень нездѣлась что вы посѣтите ее тотчасъ по пріѣздѣ; она нетерпѣливо ждала васъ. Будучи у нее на службѣ, я долженъ былъ отложить свое посѣщеніе до тѣхъ поръ, пока она не послала меня къ вамъ. Сегодня я являюсь къ вамъ отъ нее, чтобы сообщить вамъ, что она ждетъ васъ у себя во дворцѣ, завтра, въ какомъ часу вамъ угодно будетъ назначить».

Я слушалъ рѣчь священника и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Конечно во время путешествія моего мнѣ не разъ встрѣчались неожиданности; но пріѣхать въ Бопалъ, найти французскаго священника капелланомъ христіанской принцессы и услыхать, что принцесса эта самое значительное лицо въ странѣ и называется Бурбонской, казалось мнѣ чѣмъ то фантастическимъ, и я смотрѣлъ на добраго священника и спрашивалъ себя нѣтъ ли тутъ мистификаціи.

Наконецъ я обѣщалъ ему воспользоваться приглашеніемъ таинственной принцессы, и онъ ушелъ, чтобы сообщить ей объ этомъ.

Когда онъ вышелъ, я разспросилъ бопальскихъ дворянъ, сидѣвшихъ у меня, и они подтвердили слова священника. Принцессу обыкновенно называли Дуланой Сиркаръ, то есть царицей невѣстъ, прозваніе — которое она могла заслужить пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ теперь ей считалось уже семьдесятъ лѣтъ, но настоящее ея имя было Бурбунъ Сирдаръ, то есть принцесса Бурбонская. Дѣйствительно она была очень богата, владѣла значительными ленными имѣніями и занимала первое мѣсто между крупными вассалами государства.

*) Господинъ священникъ.

Любопытство мое было сильно затронуто, и потому я на другой же день сѣлъ на слона и въ сопровожденіи Шаумбурга направился ко дворцу принцессы.

Мы останавливаемся передъ дворцомъ скромной наружности, но большихъ размѣровъ, и насъ встрѣчаетъ множество вооруженныхъ слугъ, которые помогаютъ намъ сойти со слона и приводятъ насъ въ залу перваго этажа, гдѣ ждетъ насъ Дулана Сиркаръ.

Принцесса встрѣчаетъ насъ и крѣпко жметъ намъ руку. Прежде всего я пораженъ ея лицомъ, совершенно европейскій характеръ котораго еще болѣе отличался свѣтлымъ желтоватымъ оттѣнкомъ кожи. Неужели передо мною дѣйствительно соотечественница, и какимъ страннымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ очутилась она въ Бопалѣ и въ такомъ высокомъ положеніи? Выслушавъ обычные разспросы, отъ которыхъ принцесса не избавляетъ меня, я въ свою очередь разспрашиваю ее и получаю отъ нее любопытнѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи ея рода.

Въ царствованіе великаго Акбера, въ 1557 и въ 1559 гг. ко двору Дели пріѣхалъ европеецъ по имени Жанъ Бурбонскій, выдававшій себя за француза и за члена одной изъ благороднѣйшихъ фамилій своей родины. Онъ разсказывалъ, что на морѣ онъ былъ взятъ турецкими пиратами во время путешествія, которое онъ дѣлалъ съ своимъ воспитателемъ, и былъ отданъ въ рабство въ Египетъ. Это было въ 1541 г. когда ему было пятнадцать лѣтъ. Прибывъ въ Египетъ, молодой человѣкъ достоинствами своими пріобрѣлъ уваженіе государя, который опредѣлилъ его къ себя въ армію. Въ войнѣ противъ абиссинцевъ, онъ снова былъ взятъ въ плѣнъ. Въ качествѣ христіанина и по своему уму и познаніямъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторое положеніе въ этой странѣ и подъ какимъ то предлогомъ отправился въ Индію на одномъ изъ кораблей абиссинскихъ, поддерживавшихъ въ то время постоянныя сношенія съ Конканскимъ берегомъ. Выйдя въ Броашѣ, онъ услышалъ похвалы роскоши двора Великаго Могола, и, покинувъ абиссинскій флотъ, отправился въ Агру.

Императоръ Акберъ, которому молодой европеецъ разсказалъ все

ОТПРОСРАГ

это, былъ пораженъ его хорошими манерами и его умнымъ взоромъ, и предложилъ служить у него въ арміи. Вскорѣ потомъ онъ назначилъ его начальникомъ артиллеріи и даровалъ ему титулъ *Мансубдара*. Осыпанный почестями и богатствами, принцъ Жанъ Бурбонскій умеръ въ Агрѣ, оставивъ двухъ сыновей, родившихся у него отъ брака съ одною придворный грузинской рабой.

Старшій изъ двухъ сыновей Александръ Бурбонскій или Секундеръ Бурбунъ, сдѣлался любимцемъ императора Джехангхира, даровавшаго ему наслѣдственную должность управителя дворца бегаумовъ и значительное ленное владѣніе въ Сиргурѣ.

Бурбоны сохранили свое положеніе при дворѣ Дели до 1739 года, времени нашествія въ Индію персіянина Тамаса Кули хана, извѣстнаго подъ именемъ Надира Шаха.

Послѣдній управитель дворца былъ Фаради Бурбонскій; сынъ его Сальвадоръ оставилъ службу падишаховъ и удалился въ свое ленное помѣстье въ Сиргуръ, въ Мальвѣ, гдѣ онъ принялъ титулъ набоба или верховнаго князя.

Въ 1794 г. , его наслѣдникъ Бхоба Бурбонскій, извѣстный подъ именемъ набоба Мессіаха Рагу хана, былъ низвергнутъ съ престола однимъ французомъ, авантюристомъ, служившимъ у Сциндіи. Этотъ французъ, по странной случайности низвергнувшій престолъ индійскихъ Бурбоновъ почти во время паденія ихъ однофамильцевъ во Франціи, и былъ тотъ капитанъ Жанъ-Батлинъ Фантомъ, потомковъ котораго я встрѣтилъ при дворѣ Вхуртпора.

Вскорѣ послѣ потери престола, Бхоба Бурбонскій былъ убитъ при дворѣ раджи Нарварскаго, и сынъ его Хосайетъ Мессіахъ или Шохаръ Бурбонскій искалъ убѣжища съ своимъ племенемъ при дворѣ бопальскаго государя. Визирь Магомедъ поручилъ ему комендантство цитадели, и въ благодарность его услугъ даровалъ ему значительное наслѣдственное ленное владѣніе.

Въ 1816 г. Бальтазаръ Бурбонскій, прозванный Шахзахадомъ Мессіахомъ, или христіанскимъ княземъ, сдѣлался первымъ министромъ бопальскаго государства; два года спустя, случайная смерть государя предоставила ему управленіе государствомъ. Ему то эта маленькая страна и обязана толчкомъ, вслѣдствіе котораго она въ нѣсколько лѣтъ достигла замѣчательнаго процвѣтанія. Находясь подъ угрозами магаратовъ, Бальтазаръ одинъ изъ первыхъ предложилъ союзъ съ англичанами Генералъ Малькольмъ, воевавшій тогда въ Мальвѣ, не мало

былъ удивленъ, получивъ предложеніе союза индійскаго князя, выдающаго себя за представителя французскихъ Бурбоновъ. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о центральной Индіи *) Малькольмъ много говоритъ объ этой любопытной встрѣчѣ, и самыми лестными красками описываетъ высокій умъ и прелестное лицо христіанскаго князя.

Бальтазаръ умеръ въ 1830 г. оставивъ всѣ свои права и титулы своей вдовѣ, Елизаветѣ Бурбонской, прозванной Дуланой Сиркарой, и племяннику своему Бонавентуру Бурбонскому или Мербаху Мессіаху.

Потомки Жана Бурбонскаго составляютъ теперь племя въ четыреста семействъ, изъ которыхъ триста живутъ въ Бопалѣ и признаютъ своей государыней Елизавету. Они называются франгисами, искаженнымъ словомъ французы, и вѣрно сохранили христіанскую религію. Маленькая община ихъ имѣетъ церковь, въ которой служитъ католическій миссіонеръ, содержащійся на ея счетъ.

Не могу описать какъ я былъ удивленъ и пораженъ, слушая разсказъ принцессы. Тутъ я вспомнилъ случай въ дурбарѣ Агры, гдѣ мнѣ послышалось между именами князей и сановниковъ, собравшихся туда, имя Бурбонъ, и я узналъ, что Дулана Сиркаръ дѣйствительно сопровождала на эту церемонію Бегауму, свою государыню.

Почтенный миссіонеръ, присутствовавшій при нашемъ разговорѣ, увѣрялъ меня, что въ фамильныхъ сокровищахъ есть щитъ съ грубо нарисованной лиліей, принадлежавшій Жану Бурбонскому. Между прочимъ онъ прибавилъ, что Жанъ выдавалъ себя при дворѣ Акбера дворяниномъ Барри и Мергура, и что эти имена очень могли быть искаженными французскими словами Берри и Меркеръ.

Предоставьте тѣмъ, кого это интересуетъ, удостовѣрить дѣйствительно ли этотъ Жанъ Бурбонскій принадлежалъ къ фамиліи французскихъ Бурбоновъ, и что въ такомъ случаѣ не былъ ли онъ побочнымъ сыномъ знаменитаго конетабля, жившаго почти около этого времени, или это былъ просто самозванецъ. Въ послѣднемъ случаѣ, его однако нельзя назвать человѣкомъ обыкновеннымъ; это все таки должно быть былъ человѣкъ хорошаго рода и рѣдкихъ способностей, если могъ достигнуть такого высокаго положенія при дворѣ Акбера, можетъ быть самомъ

*) Малькольмъ, въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1824 г., и названномъ Memoir of Central India, вкратцѣ написалъ о происхожденіи фамиліи индійскихъ Бурбоновъ, и его свѣдѣнія только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличаются отъ болѣе подробныхъ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ лично настоящими представителями этой фамиліи.

блестящемъ и самомъ благоустроенномъ въ свѣтѣ. Еще поразительнѣе то, что потомки этого человѣка удержались до нашего времени въ положеніи не многимъ уступающимъ царскому, оставаясь въ то же время вѣрными своему имени, обычаямъ и религіи своихъ предковъ.

Но возвратимся къ нашему свиданію. Дулана Сиркаръ, послѣ всѣхъ этихъ объясненій, выразила намъ свое удовольствіе, видя въ насъ своихъ соотечественниковъ, и взяла съ насъ обѣщаніе часто посѣщать дворецъ ея, во время пребыванія нашего въ городѣ.

Мы пріѣхали въ Бопалъ во время мохаремскихъ празднествъ. Эти празднества, о которыхъ я уже говорилъ читателямъ въ первыхъ главахъ моей книги, празднуются въ честь перваго дня мусульманскаго года. Извѣстно, что магометане-шіиты устраиваютъ по этому поводу шумныя церемоніи, при которыхъ прославляются мученики Али и Хуссейнъ, убитые Омаромъ. Но я никакъ не ожидалъ встрѣтить эти церемоніи въ Бопалѣ, гдѣ мусульманское населеніе принадлежитъ къ суннитской сектѣ и ненавидитъ еретическихъ шіитовъ и ихъ предразсудки. А между тѣмъ я нигдѣ не видѣлъ болѣе торжественнаго празднованія мохарема.

Уже нѣсколько дней высоты, господствующія надъ городомъ представляли любопытнѣйшее зрѣлище. Тамъ находилась мохаремская ярмарка. Сотни шатровъ появились на гласисѣ цитадели, и народъ толпился, въ особенности вечеромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ множество акробатовъ показывали свои оригинальныя упражненія.

Въ этой толпѣ я могъ вволю изучать бопальскій народъ. Основаніе населенія состоитъ, повидимому, преимущественно изъ индусовъ; мужчины носятъ одежду изъ толстаго бѣлаго холста, отличающаго поселянъ, а женщины—лифъ, открытый на груди и широкую, собранную юбку, падающую до колѣнъ. Почти всѣ мусульмане принадлежатъ къ высшему сословію; они отличались богатыми тюниками, шитыми золотомъ и серебромъ, нарядными чалмами изъ кисеи съ блестками, своимъ цѣннымъ оружіемъ, выставленнымъ на показъ, и въ особенности серьезнымъ и высокомѣрнымъ видомъ, съ какимъ они пробирались въ толпѣ. Тутъ не видно было ни одной мусульманской женщины, но за то множество баядерокъ, драпированныхъ въ яркіе шелка, покрытыхъ драгоцѣнными вещами, наполняли всѣ проходы ярмарки, волоча за собою длинные шаровары, похожіе на придворные плащи, и ведя за собою цѣлую толпу музыкантовъ и вооруженныхъ длинными рапирами бойцевъ. Множество молодыхъ людей, одѣтыхъ въ женское платье, соперничали по

роскоши съ танцовщицами и осыпали прохожихъ шутками и остротами. Этотъ странный маскарадъ напоминалъ мнѣ то, что я уже видѣлъ на кайрахайской ярмаркѣ, и очень можетъ быть, что индійскіе мусульмане заимствовали этотъ обычай отъ индусовъ.

Въ противуположность этой веселой и блестящей толпѣ, я замѣтилъ толпы молящихся нищихъ ужасно мрачнаго вида. Это были джогуисы совершенно голые, съ растрепанными волосами; они ходили, испуская крики и танцуя какой то макабрскій танецъ. Во время своихъ кривляній они махали длинными кинжалами съ наварными сталью концами, оригинальнаго фасона и украшенные стальными цѣпочками. Отъ времени до времени кто нибудь изъ этихъ безумцевъ протыкалъ кинжаломъ себѣ тѣло, въ особенности края груди, ляшки и руки и не прекращалъ своихъ ударовъ до тѣхъ поръ, пока окружающіе, чтобы успокоить мнимую ярость, не набрасывали ему достаточнаго количества денегъ. Эти несчастные, обливающіеся кровью, были ужасны, и я не понимаю какъ могли они переносить такія раны, не рискуя жизнью. Но Хуссейнъ ханъ, сопровождавшій меня, замѣтилъ мнѣ, что оружіе которымъ они ранили себя, сдѣлано такъ, что наноситъ только не опасныя раны, такъ какъ лезвее очень коротко и совершенно коническое; кромѣ того, мнѣ сообщили, что эти люди ударяютъ себя только въ мѣста, не представляющія опасности, и по большей части задѣваютъ только кожу.

Нѣсколько далѣе я замѣтилъ стоявшую въ почтительномъ отдаленіи толпу полунагихъ гундсовъ, выпуча глаза смотрѣвшихъ на всю эту толпу и на смѣсь матерій и золотыхъ вещей.

Въ концѣ ярморочной площади устроился цѣлый караванъ белуджей съ своими маленькими палатками темной шерсти и большими верблюдами съ густой шерстью. Они привезли на ярмарку сушеные плоды, абрикосы, фиги и яблоки, нанизанные длинными нитями довольно красивыми на взглядъ, которые бопальцы тотчасъ же раскупали у нихъ.

Пятый день праздника обозначаетъ закрытіе ярмарки. Толпа переносится на берегъ большаго озера, точно по волшебству вдругъ покрывающемуся шалашами и палатками. Каждый изъ присутствующихъ свято приноситъ *табу*, маленькій храмъ, сдѣланный изъ бумаги и мишуры, подобіе могилы мучениковъ въ Кербеллѣ, и съ крикомъ бросаетъ его въ воды озера, которое вскорѣ покрывается плавающими по немъ этими маленькими храмами.

Вечеромъ происходитъ большая процессія табу, которую называютъ

здѣсь *тадзіей*. Нѣкоторые изъ табу можно назвать дѣйствительными зданіями въ двадцать футовъ вышины, и по городу ихъ возятъ на слонахъ. Кортежъ устроивается на дворцовой площади и спускается по большой базарной улицѣ, окруженный толпой, предающейся самому страшному восторгу, и потрясающей знаменами, пиками, кадильницами. Крики: «Динь динь! (вѣра) Хуссейнъ! Хуссейнъ! Али! Ха Дула!» раздаются безъ перерыва! Временами ружейные выстрѣлы, хлопушки еще болѣе увеличиваютъ эту оглушительную кутерьму. Передъ шестіемъ идетъ мужчина, богато одѣтый, олицетворяющій мужа Фатьмы, дочери пророка; онъ идетъ шатаясь, поддерживаемый другими фанатиками съ пѣной у рта и повидимому въ состояніи эпилепсіи.

Съ наступленіемъ ночи тысячи факеловъ красноватымъ свѣтомъ еще болѣе прибавляли фантастичности этой сцены. Надъ всей рычащей толпой, похожей на дьявольскую сарабанду, точно носятся какіе нибудь таинственные храмы, высокія башни тадзій, блистающихъ золотомъ и мишурой, несомые живыми пьедесталами, мѣрно и торжественно идущими слонами, полускрытыми толпой. Процессія останавливается у берега озера, а факелы, тадзіи и украшенія бросаются въ воду, и снова наступаютъ мракъ и тишина.

Черезъ нѣсколько дней послѣ мохарема, мы уѣзжаемъ изъ Бопала въ Сехоръ, гдѣ живетъ англійскій посланникъ, пригласившій насъ на нѣсколько дней. Бегаума была такъ добра, что предложила намъ дорожную коляску и подставныхъ лошадей, что дало намъ возможность проѣхать въ нѣсколько часовъ разстояніе въ двадцать двѣ мили, отдѣляющее Сехоръ отъ столицы.

Я уже говорилъ, что Боналъ находится на гроницѣ Гундваны и Мальвы. Вслѣдствіе этого стоитъ только выѣхать изъ города, направляясь къ западу, какъ мѣстность вдругъ перемѣняетъ характеръ. Дикія и безплодныя долины страны гундсовъ смѣняются чудными лугами, которые тянутся до предѣловъ горизонта, безъ всякихъ измѣненій поверхности. Растительность тоже измѣняетъ характеръ: поля покрыты просомъ, рисомъ, макомъ, и мѣстами виднѣются группы финиковыхъ пальмъ карликовъ, единственныхъ представителей этого роскошнаго семейства пальмъ, такъ рѣдко попадающагося въ центрѣ Индіи, хотя въ Европѣ преобладаетъ совсѣмъ другое мнѣніе.

Сехоръ, маленькій незначительный городъ, много лѣтъ бывшій однимъ изъ главныхъ англійскихъ постовъ въ Мальвѣ, но который пришлось покинуть вслѣдствіе его чрезвычайно вреднаго климата. Построенный

въ низменности, прорѣзаемой многими рѣками, что даетъ страшную силу растительности, городъ опустошается лихорадками самаго злокачественнаго характера.

Резиденція англійскаго агента находится не далеко отъ города, посреди прелестнаго парка, раскинутаго по англійскому рисунку. Эту резиденцію, какъ и всѣ жилища этого рода, можно назвать настоящимъ дворцомъ, снабженнымъ всевозможнымъ комфортомъ, какой только можетъ нѣсколько придать привлекательности жизни въ столь вредной странѣ. Въ самомъ паркѣ возвышается изящная готическая часовня краснаго песчанника, выстроенная по плану теперешняго резидента.

Я не стану описывать любезный пріемъ, сдѣланный намъ маіоромъ Виллугби-Осборномъ и его прелестною женою. Нѣсколько дней, проведенныхъ нами у этихъ милыхъ хозяевъ, останутся для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній путешествія нашего въ центральную Индію. Но вдругъ пріятное спокойствіе, которымъ мы наслаждались, было нарушено однимъ драматическимъ происшествіемъ, о которомъ я не могу умолчать, не потому только, что оно отозвалось во всей Индіи, но въ особенности потому, что оно ясно показывало на сколько англійская власть въ этой странѣ покоится еще на хрупкомъ основаніи и какъ не велика тамъ безопасность для европейцевъ.

Это было 23 мая, наканунѣ дня всегда дорогаго англійскому сердцу, и который они благоговѣйно празднуютъ, дня рожденія ея величества королевы Викторіи. День прошелъ безъ особенныхъ приключеній и вечеромъ послѣ обычной прогулки, *хавакана* *), мы собрались за столомъ въ большой залъ резиденціи. Обѣдъ былъ конченъ, и, по любопытной случайности, разговоръ коснулся происшествій большой революціи 1857 года, во время которой хозяева наши подвергались серьезной опасности.

Бесѣдуя, маіоръ машинально взялъ свою салфетку или небольшой квадратный кусочекъ камчатнаго полотна, тщательно сложеннаго и фи-

*) *Hawa-kana* буквально значитъ глотать воздухъ. Это выраженіе вполнѣ обрисовываетъ потребность, ощущаемую въ этихъ жаркихъ странахъ, просидѣвъ цѣлый день въ комнатахъ герметически закупоренныхъ, подышать при закатѣ солнца чистымъ и сравнительно прохладнымъ воздухомъ, недоставшимъ цѣлый день. Всѣ тутъ стараются по возможности надышаться благодѣтельнымъ воздухомъ, такъ какъ съ наступленіемъ ночи атмосфера снова дѣлается тяжелой. Тутъ дѣйствительно наслаждаться имъ надо каждый день въ опредѣленный часъ, чтобы избѣгнуть серьезной опасности.

гурирующаго на англійскихъ столахъ, кусочекъ, который рѣдко однако развертываютъ. Подъ салфеткой оказался кусокъ газеты, который маіоръ взялъ и слегка пробѣжалъ. Собираясь уже бросить его, онъ еще разъ взглянулъ на него, и мы замѣтили, что онъ поблѣднѣлъ. Жестомъ отославъ слугъ, стоявшихъ за каждымъ изъ насъ, онъ помолчалъ немного и серьезно сказалъ намъ.

— Не знаю чья дружеская рука посылаетъ намъ это предостереженіе, но это страшная вѣсть. Послушайте лучше что заключается на этомъ листкѣ, изъ Делисской газаты: «Дели, 21 мая 1867 г. Индійскія войска возмутились въ Мерутѣ. Европейцы бѣгутъ и скрываются въ Дели. Можно опасаться всеобщаго возстанія.»

Наступила наша очередь поблѣднѣть. Мы посмотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова, и въ это время я чувствовалъ, что сердце мое сжалось, и я сразу увидѣлъ ужасъ нашего положенія, если только извѣстіе это было справедливо. Лично увѣрившись, что всѣ слуги удалились, маіоръ сказалъ намъ.

— Нечего скрывать, что положеніе наша критическое, и я долгомъ считаю сообщить вамъ всю серьезность его. Во всякомъ другомъ случаѣ, я можетъ быть не такъ легко повѣрилъ бы такому извѣстію, но сегодня все соединяется, чтобы придать ему большое значеніе. Во первыхъ, очевидно, что этотъ листокъ вырванъ изъ газеты, которую я обыкновенно получаю, и которую я прочелъ сегодня, не обративъ на это вниманіе, и положенъ онъ сюда чьей то дружескою рукою, чтобы заставить насъ принять мѣры предосторожности. Это важно, потому что индіецъ не позволитъ себѣ подобной вещи, если не увѣренъ въ опасности, какой мы можемъ подвергаться. Я впрочемъ не скрою отъ васъ, что эмиссары мои предупредили меня о нѣкоторомъ волненіи на базарѣ, гдѣ фанатики, не стѣсняясь говорятъ, что 1867 годъ есть годъ, предназначенный для полнаго уничтоженія европейцевъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ возстанія совершались каждое десятилѣтіе; возстаніе 1857 года слѣдовали за движеніями 1847, 1837, и 1827 г.

Наконецъ, еще важнѣе и то, что вамъ конечно извѣстно, что здѣсь насъ всего восемь европейцевъ, считая и васъ конечно, господа, а противниковъ нашихъ сипаевъ: восемсотъ человѣкъ. По роковой случайности, эти восемсотъ человѣкъ, которыхъ мы обыкновенно тщательно лишаемъ снарядовъ, получили часъ тому назадъ каждый по четыре заряда для залпа на завтрашнее утро, въ честь королевы. Слѣдовательно они вооружены и на столько многочисленны, что могутъ раздавить насъ.

Намъ остается только одна надежда на спасеніе, а именно бѣжать въ Бопалъ, гдѣ королевѣ, можетъ быть, удастся оградить насъ. Но этимъ выходомъ мы можемъ воспользоваться только въ крайнемъ случаѣ. Надо ждать нападенія и до тѣхъ поръ не выказывать ни страха, ни подозрѣнія. Вы понимаете, что если сипаи не нападутъ на насъ, то нашъ поспѣшный отъѣздъ нарушитъ наше европейское значеніе, а для васъ господа, какъ и для меня, честь европейскаго имени дороже нашей собственной безопасности.»

Мы могли только согласиться съ послѣдними словами маіора, и онъ говорилъ правду: только хладнокровно смотря на опасность, и своей недоступностью для страха, европеецъ производитъ на индійца то нравственное давленіе, вслѣдствіе котораго кучка людей держитъ въ страхѣ населеніе въ двѣсти милліоновъ. Такимъ образомъ въ 1857 году англійскіе офицеры полковъ сипайевъ являлись каждый день передъ своими солдатами, не выказывая ни малѣйшаго страха, хотя очень хорошо знали, что люди эти рѣшили ихъ участь.

«Когда, возвращаясь съ парада, мы шли во главѣ ротъ, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ пережившихъ это страшное время, никто изъ насъ ни за что не повернулъ бы головы, чтобы посмотрѣть не хотятъ ли солдаты стрѣлять въ насъ. Намъ пришлось въ теченіи нѣсколькихъ дней выносить мученіе идти спокойно и равнодушно передъ нашими убійцами, и мы позволили себѣ бѣжать тогда только, когда эти чудовища убили въ нашихъ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей.»

Маіоръ извѣстилъ другихъ европейцевъ, находившихся въ Сехорѣ и роздалъ имъ оружіе, начертавъ имъ планъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ я восхищался всего болѣе храбростью, какую выказывали бѣдныя женщины, изъ которыхъ у каждой было много дѣтей. Каждая взяла по парѣ револьверовъ съ рѣшимостью, показывавшей, что рѣшилась употреблять ихъ для защиты жизни ея дорогихъ малютокъ.

Прежде чѣмъ разойтись по комнатамъ, мы съ маіоромъ пошли осмотрѣть кругомъ, чтобы убѣдиться, что врагъ не спрятался гдѣ нибудь въ паркѣ. Идя въ тѣни, мнѣ удалось добраться до казармы сипайевъ, которые сидѣли группами и о чемъ то съ жаромъ разговаривали; я вернулся въ резиденцію вовсе не успокоенный.

Было рѣшено, чтобы, не возбуждая вниманія прислуги, всѣ мы провели ночь по своимъ комнатамъ, а при первомъ выстрѣлѣ собрались въ залу. Ночь показалась мнѣ очень длинною; я лежалъ на постелѣ, держа оружіе на готовѣ. Караульный стоялъ у моей двери, отворенной настежъ,

и всякій разъ, какъ приходилъ караулъ на смѣну, я спрашивалъ себя: не наступилъ ли мой послѣдній часъ. Наконецъ къ утру я немного задремалъ, какъ вдругъ страшный залпъ внезапно пробудилъ меня. Я схватилъ свое оружіе, но караульный спокойно прохаживался передъ моей дверью. Второй, третій, четвертый залпъ: это сипаи стрѣляли въ честь королевы. Заряды были сожжены и вмѣстѣ съ ними исчезла опасность.

Только нѣсколько дней спустя, узнали мы, что страхъ нашъ раздѣляли европейскіе резиденты всей Индіи. Начало возмущенія проявилось въ индійскомъ войскѣ мерутскаго гарнизона; европейское населеніе бѣжало въ Дели; но къ счастію, правительство, во время предупрежденное, могло захватить зачинщиковъ, и возмущеніе было въ самомъ началѣ подавлено.

Очевидно, что все было готово для всеобщаго возстанія, но неуспѣхъ Мерута помѣшалъ дальнѣйшему движенію. Въ послѣдствіи въ Бопалѣ, я узналъ какъ близка была опасность, а между тѣмъ англійскія власти, чтобы успокоить населеніе, объявили, что вспышка была чисто мѣстнаго характера, и была произведена несчастнымъ безумцемъ, выдавшимъ себя за Божьяго посланника. По правдѣ сказать, индійцы вполнѣ сохранили свою ненависть къ своимъ господамъ, и постоянно поддерживаютъ желаніе избавиться отъ европейскаго ига; но только страшный гнетъ англичанъ послѣ 1857 г. сдѣлалъ ихъ болѣе осторожными, и они возстанутъ еще разъ только тогда, когда будутъ убѣждены въ успѣхѣ. Только кротостью и разумностью англичане могутъ отдалить это грозное время. Что можетъ сдѣлать сила ихъ армій и ихъ сто тысячъ европейскихъ солдатъ противъ въ пять разъ большей индійской арміи, вооруженной и дисциплинированной ими, и поддерживаемой народомъ въ двѣсти милліоновъ душъ, который возстанетъ весь, чтобы прогнать тѣхъ, кого онъ считаетъ угнетателями?

LII.

Дворъ Бегаумы.

Время дождей. — Жизнь въ Бопалѣ. — Вечеръ у Бегаумы. — Кофе и гука. — Катаки. — Танецъ яицъ. — Человѣкъ съ желѣзнымъ черепомъ. — Свиданіе съ Шахъ Джеханой. — Смерть Умры Дула. — Визитъ соболѣзнованія. — Тофанъ.

Въ первыхъ числахъ іюня мы вернулись въ Бопалъ. Уже тучи начинали показываться на горизонтѣ и вскорѣ ежегодный потопъ принесъ намъ потоки дождя. Скаты сосѣднихъ горъ испещрились бурными потоками, которые, разливаясь по долинѣ, заливали во многихъ мѣстахъ дорогу, и даже сообщеніе съ городомъ стало почти невозможнымъ въ первыя двѣ недѣли. Мы сдѣлались окончательно плѣнниками въ Бопалѣ и были присуждены къ бездѣйствію по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.

Надо признаться, что Бегаума употребила всѣ свои старанія, чтобы сдѣлать тюрьму нашу не только сносной, но даже пріятной. Мути-бунгаловъ во время отсутствія нашего въ Сехоръ подвергнулся различнымъ измѣненіемъ и былъ обращенъ въ прелестнѣйшее европейское помѣщеніе. Громадный садъ, отдѣляющій его отъ озера, былъ очищенъ отъ сорной травы, портившей дорожки, для того, чтобы мы могли хоть немного прогуливаться въ промежутки между дождемъ. Многочисленная прислуга, взводъ солдатъ, лошади и слоны были предоставлены въ наше распоряженіе и образовывали вокругъ нашего дома маленькую чрезвычайно оживленную колонію.

Первые дожди лили потоками, превышавшими все, что я видѣлъ до сихъ поръ въ Бомбэѣ и въ Бародѣ, но за то они не принесли намъ

© ГПБ СО РАН

какъ въ Джейпурѣ страшныхъ hot-winds. Въ теченіи нѣсколькихъ дней громъ гремѣлъ безъ устали, испещряя безпрерывно тучи великолѣпною синеватою молніею, безпрестанно вспыхивавшей съ страшнымъ трескомъ, похожимъ на залпъ тысячи орудій. Гроза нѣсколько разъ падала на бунгаловъ, не причиняя однако серьезнаго вреда. Кромѣ того, электричество часто показывалось на поверхности земли, представляя намъ любопытные феномены, которые очень заинтересовали бы физика.

Черезъ двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ мы точно присутствовали при потопѣ, какой вѣроятно былъ при образованіи земли, сѣрый сводъ разверзнулся во многихъ мѣстахъ, небо мало по малу сдѣлалось голубымъ, и мы могли добраться до дворца Бегаумы.

Можно сказать, что пока мы сидѣли въ заперти въ нашемъ жилищѣ. до страны точно дотронулись какимъ нибудь волшебнымъ жезломъ Громадная голая и утесистая долина покрылась великолѣпнымъ зеленымъ ковромъ, похожимъ на дернъ англійскихъ парковъ. Деревья, бывшія сѣрыми и сухими, обратились въ густыя бесѣдки изъ прелестной зелени, а горы, обмытыя водами, блестѣли самыми яркими цвѣтами голубаго гранита и розоваго песчанника.

Но картина не вездѣ была такъ отрадна. Джехангхирабадское предмѣстье представляло ужасное зрѣлище развалинъ: громадное количество домовъ обрушилось, мосты исчезли, а дороги превратились въ русла высохшихъ рѣкъ.

Насъ приняли во дворцѣ особенно любезно. Бегаума въ особенности была довольна тѣмъ, что мы частью приняли нарядный костюмъ придворныхъ дворянъ, и она тотчасъ же отдала приказъ *радмъ-дарзи*, или придворному портному, чтобы онъ приготовилъ намъ нѣсколько костюмовъ.

Съ этого дня мы стали постоянными гостями во дворцѣ. Я цѣлый день бесѣдовалъ съ Бегаумой о самыхъ серьезныхъ вопросахъ; вмѣстѣ мы разбирали учрежденія различныхъ европейскихъ странъ, ихъ продукты, богатство, нравы ихъ жителей. Я былъ пораженъ тою живостью, съ какою королева ухватывала малѣйшія подробности и примѣняла ихъ къ вопросамъ, прямо ее касавшимся. Все, что относилось до общественнаго здравія, до промышленности и торговли, интересовало ее болѣе чѣмъ политика, которая ограничивалось для нее двумя державами Англіей и Франціей, первенствующими надъ всѣми странами міра, за исключеніемъ, впрочемъ, Турціи, султанъ которой, по ея мнѣнію, долженъ быть признаннымъ государемъ всего ислама.

Когда позволяло время, королева садилась на лошадь и, въ сопровожденіи насъ, перваго министра и небольшой свиты посѣщала главныя заведенія столицы. Цѣлью нашихъ первыхъ посѣщеній были госпитали, школы, сиротскіе дома. Королева объясняла мнѣ всю организацію этихъ заведеній и спрашивала мое мнѣніе, которое я высказывалъ крайне осторожно, не считая себя на столько компетентнымъ, чтобы предложить реформы, которыя королева, по своей врожденной живости, могла бы тотчасъ же примѣнить.

Часто возвращаясь съ такихъ полезныхъ посѣщеній, мы сходили съ лошадей около какой нибудь большой мечети и садились въ кіоскъ, выходящій на базаръ. Оттуда мы могли видѣть всю живописную толпу. Королева, не утомляясь, сообщала мнѣ любопытныя свѣдѣнія; она указывала мнѣ цифры торговаго значенія того или другаго предмета, дохода, приносимаго имъ государству и т. д.

Обыкновенно муллы мечети приходили тоже посидѣть въ кіоскѣ, около насъ, и заводили со мною религіозныя пренія. Надо было видѣть, съ какимъ жаромъ эти почтенные священники обсуживали самые пустые вопросы; нѣкоторые же изъ нихъ выказывали истинныя познанія и довольно терпимо говорили о христіанствѣ, къ которому, очевидно, королева чувствовала живѣйшую склонность. Часто ея высочество оставляла меня одного съ муллами, и въ такихъ случаяхъ мы уходили изъ мечети вмѣстѣ съ ними, и шли оканчивать свой ученый разговоръ въ домъ нашего друга Хуссейна Хана. Хуссейнъ Ханъ всегда съ радостью встрѣчалъ насъ; лишь только одинъ изъ слугъ извѣщалъ его о нашемъ прибытіи, онъ бѣжалъ къ двери и привѣтствовалъ насъ, окропляя намъ дорогу и платье розовой водой; потомъ усаживалъ насъ на веранду, выходившую въ садъ. Намъ подавали кофе и гуки, и муллы снова принимались за обсужденіе спорныхъ вопросовъ мусульманской религіи.

Такимъ образомъ, весь день былъ посвященъ серьезнымъ вещамъ, а вечеръ, напротивъ того, предназначался для различныхъ развлеченій. Мы являлись во дворецъ послѣ нашего обѣда и заставали въ большомъ залѣ перваго этажа приближенныхъ лицъ Бегаумы, составлявшихъ ея всегдашнее общество, все людей почтенныхъ, сѣдо-бородыхъ и высокопоставленныхъ: перваго министра, очень красиваго человѣка, съ тонкимъ умомъ, имѣющаго на Бегауму большое вліяніе; дядю королевы, нѣсколькихъ феодальныхъ дворянъ и наконецъ нашего достойнаго друга Хуссейна Хана. Въ ожиданіи прибытія королевы, которая

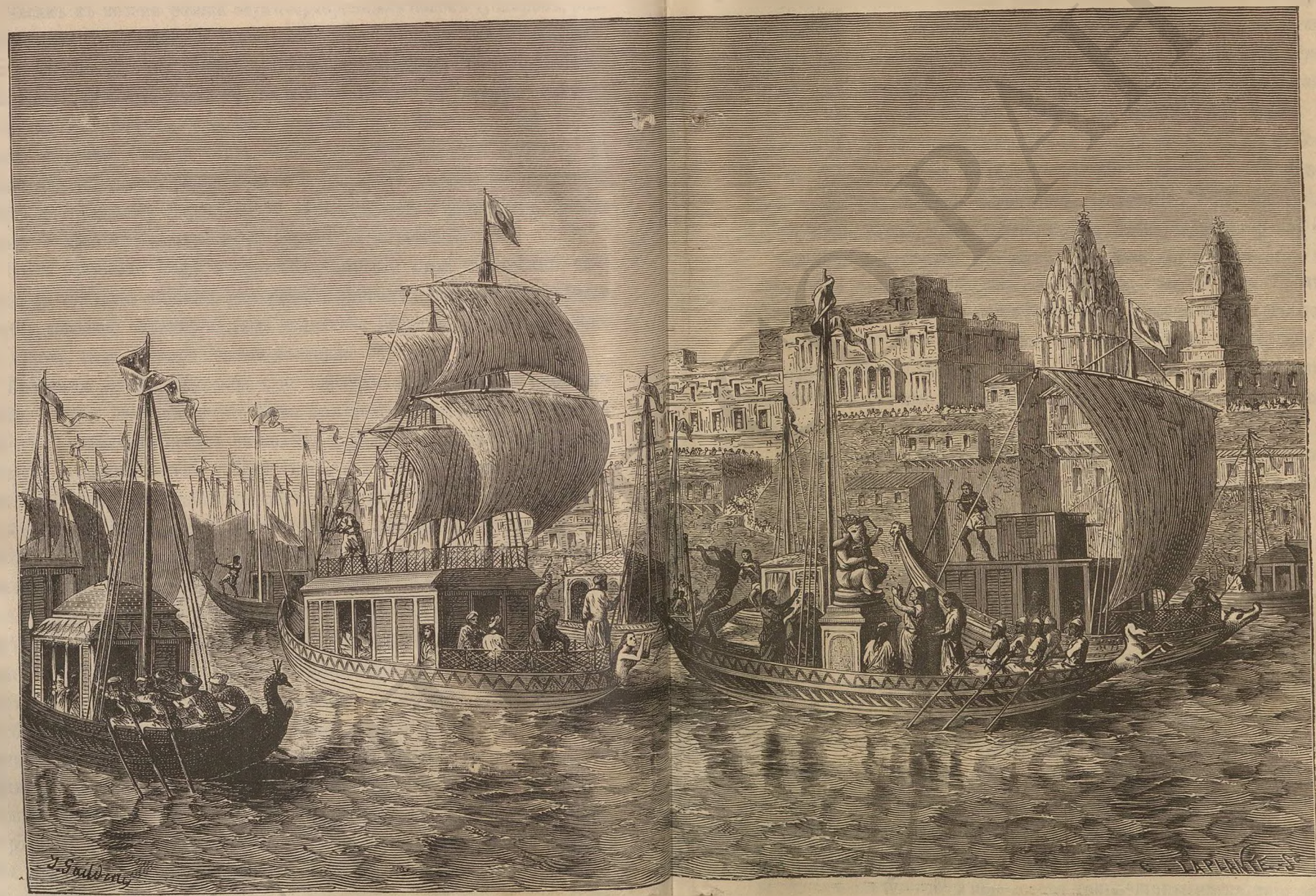
ежедневно проводила нѣсколько часовъ въ гаремѣ своей дочери, мы играли въ шахматы или *патчизи*.

Часамъ къ восьми рѣзкій звукъ серебренныхъ палокъ чубдаровъ, раздававшійся по плитамъ большой галлереи, возвѣщалъ насъ о приближеніи королевы, которая вхо[illegible]ла въ залу, окруженная свитой молодыхъ дѣвушекъ, освобожденныхъ ею, подобно себѣ, отъ восточныхъ правилъ ценанаха. Ея прелестная внучка, Султана, сіяя золотомъ и драгоцѣнными камнями, бѣжала обнять насъ. Потомъ королева садилась на тронъ изъ зеленаго бархата, стоявшій въ концѣ залы, и всѣ занимали мѣста по правиламъ этикета. Я, въ качествѣ гостя и иностранца, имѣлъ право на мѣсто по правую руку, рядомъ съ королевой.

Слуги разносили кофе и приносили царскій гука, громадный снарядъ въ три фута вышины, украшенный драгоцѣнными камнями. Самая трубка, довольно объемистая, была наполнена гурракомъ, смѣсью табака съ духами, надъ которой лежали маленькіе горящіе угли.

Въ первый вечеръ появленіе хуки послужило поводомъ къ происшествію, которое надѣлало много шума при маленькомъ дворѣ и даже въ городѣ. Хукабадаръ всталъ на колѣни передъ королевой и подалъ ей богатый янтарный конецъ чубука. Она взяла его въ ротъ и, затянувшись нѣсколько разъ табакомъ, подала его мнѣ. Это дѣлается согласно церемоніи. Не колеблясь, я взялъ чубукъ и затянулся ароматнымъ табакомъ. Послѣ меня трубка по очереди перешла къ Шаумбургу, а потомъ была подана девану (первому министру). Тотъ взялъ ее нерѣшительно: всѣ взоры были обращены на него. Извѣстно, что мусульмане, считая европейцевъ невѣрными, и слѣдовательно, нечистыми существами, не могутъ трогать вещей, загрязненныхъ ихъ губами. Бѣдный министръ находился въ затруднительномъ положеніи: отказаться отъ трубки, значило оскорбить насъ и можетъ быть прогнѣвить королеву; принять ее значило нарушить предписаніе Магомета. Но наконецъ, повидимому земные интересы взяли перевѣсъ надъ духовными, и деванъ, скромно приложилъ чубукъ къ своимъ губамъ и сильно затянулся. Примѣръ былъ поданъ, и другіе мусульмане безъ колебаній брали трубку. Эта мирная трубка очень легко могла обратиться въ пламя раздора. Но такъ какъ мнѣ не хотѣлось возобновлять каждый вечеръ подобную сцену, и точно будто нарочно задѣвать религіозныя убѣжденія почтенныхъ людей, то я и просилъ королеву позволеніе принести для насъ двухъ, на слѣдующій день, нашу собственную трубку.

По окончаніи церемоніи хуки, чубдары ввели въ залъ людей, явив-



Праздникъ Г[illegible] въ Бенаресѣ.

шихся развлечь насъ въ этотъ вечеръ. Это были научи, танцоры, акробаты и всякаго рода фокусники.

Читатели присутствовали уже со мною неоднократно на научахъ, и потому я не буду возвращаться къ этому предмету; но я въ первый разъ видѣлъ въ Индіи мужчинъ, занимающихся танцами, всюду предоставленными женщинамъ и считающимися недостойными для сильнаго пола. Правда, что это могло менѣе удивить въ странѣ, гдѣ власть уже въ продолженіи двухъ поколѣній находится въ рукахъ женщинъ. Естественно, что Бегаума, желая поднять соціальный уровень женщинъ у себя въ государствѣ, считала возможнымъ позволить себѣ имѣть мужской научъ, точно также, какъ другіе раджи имѣютъ женскій научъ.

Танцоры называются катаками. Это высокіе и красивые молодые люди, лѣтъ восемнадцати или двадцати, одѣтые въ очень богатый костюмъ; они исполняютъ такіе же танцы какъ и научи съ большой ловкостью и граціей. Тѣмъ не менѣе смѣшно смотрѣть, когда эти большіе и сильные парни изгибаются при звукахъ бубенъ и съ шарфами принимаютъ пластическія формы. Не смѣшнѣе ли это пируэтовъ нашихъ балетныхъ танцоровъ.

Другой танецъ гораздо болѣе граціозный и интересный, это—танецъ яицъ. Тутъ дѣло идетъ не въ томъ, чего можно бы было ожидать по названію, не о танцѣ надъ хрупкими яицами.

Танцовщица, одѣтая въ національный костюмъ, въ корсажъ и въ очень коротенькій сарри, является съ колесомъ и довольно большаго діаметра на головѣ, колесомъ поставленнымъ совершенно горизонтально на макушкѣ. Вокругъ колеса висятъ нитки на ровномъ разстояніи одна отъ другой, съ петлями въ концѣ, развязаться которымъ не даетъ стеклянная бусина. Танцовщица подходитъ къ зрителямъ держа въ рукахъ корзину, наполненную яицами, которую подаетъ намъ для того, чтобы мы увѣрились, что яица настоящія, а не поддѣльныя.

Музыка играетъ ровнымъ и монотоннымъ тактомъ, и танцовщица начинаетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ съ страшной быстротой. Взявъ яйцо, она кладетъ его въ одну изъ петель, и быстрымъ движеніемъ бросаетъ такъ, чтобы петля затянулась. Силою центробѣжной силы, происходящей отъ быстроты поворотовъ танцовщицы, нитка, держащая яйцо, растягивается, и оно ложится по прямой линіи съ продолженіемъ луча, соотвѣтствующаго кругу. Яица одно послѣ другаго пущены въ петли и образуютъ такимъ образомъ горизонталъный ореолъ вокругъ головы танцовщицы. Въ эту минуту танецъ дѣлается все быстрѣе и быстрѣе,

©ГПНТБ СССР

такъ что едва можно различить лице молодой женщины; моментъ критическій: малѣйшее неловкое движеніе, малѣйшая остановка и яица разбиваются одно объ другое. Но, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ прекратить танецъ, какъ остановиться? Есть только одно средство, вынуть яица тѣмъ же способомъ, какимъ онѣ были вложены. Эта послѣдняя операція труднѣе первой. Надо, чтобы однимъ движеніемъ точнымъ и быстрымъ, танцовщица ухватила яйцо и притянула его къ себѣ. Понятно, что если рука ея неловко попадетъ въ кругъ, ей стоитъ только дотронуться до одной изъ нитей, чтобы вдругъ нарушить общую гармонію. Но всѣ яица благополучно вынуты; танцовщица вдругъ останавливается и, нисколько не запыхавшись отъ этого верченія въ продолженіи двадцати пяти, тридцати минутъ, ровнымъ шагомъ идетъ къ намъ и подаетъ намъ яица въ корзинкѣ, которыя тутъ же разбиваются въ блюдо, въ доказательство, что нѣтъ никакихъ плутней.

Изъ фокусниковъ, поочередно являвшихся передъ нами на дворцовыхъ вечерахъ, любопытнѣе другихъ былъ одинъ, дѣлавшій самыя необыкновенныя штуки, при чемъ всякій обманъ былъ необыкновенно труденъ, ибо фокусы дѣлались съ кинжалами и саблями присутствующихъ. Этотъ человѣкъ, вообще, казался неуязвимымъ; хотя онъ былъ почти нагъ, но упиралъ себѣ въ грудь острый конецъ шпаги и полукругомъ изгибалъ клинокъ. Онъ ложился на спину и клалъ себѣ на грудь тонкій листъ растенія, входящаго въ составъ бетеля; его помощникъ подходилъ вооруженный саблей съ лезвіемъ тщательно заостреннымъ, и страшнымъ ударомъ онъ разрѣзалъ пополамъ листъ бетеля, положенный на грудь фокусника.

Такъ какъ эти фокусы восхитили королеву, то фокусникъ обѣщалъ удивить насъ еще болѣе, если мы позволимъ ему дать представленіе днемъ, на дворцовой площади. На слѣдующій день, дѣйствительно, онъ сдѣлалъ поразительные фокусы, проходя по узкому мѣсту, окруженному острыми шпагами, ступая по острымъ лезвеямъ. Потомъ онъ попросилъ свѣжихъ кокосовыхъ орѣховъ и бросалъ ихъ на верхъ такъ, что они падали на его бритую голову, о которую они разбивались какъ объ утесъ. Наконецъ была привезена телѣга, такая тяжелая, что ее съ трудомъ тащили два быка; пика одного изъ тѣлохранителей была крѣпко привязана къ дышлу, остріемъ внаружу; нѣсколько человѣкъ сѣло въ телегу, а фокусникъ, приложивъ свой обнаженный черепъ къ острію пики, отодвинулъ телѣгу на нѣсколько шаговъ. Послѣ этого фокуса всѣмъ хотѣлось осмотрѣть этотъ желѣзный черепъ; фокусникъ любезно показывалъ голову каждому изъ насъ, и мы могли удостовѣриться, что на черепѣ была только очень толстая кожа, очевидно отъ природы, но все таки слишкомъ нѣжная, чтобы устоять противъ давленія, которое пронзило бы насквозь тѣло слона.

Ни слѣдуетъ однакоже полагать, что всѣ вечера во дворцѣ посвящались однѣмъ матеріяльнымъ развлеченіямъ. Часто, послѣ торжественной церемоніи хука и кофе, мы садились на веранду, или, если позволяла погода, на высокую террасу, откуда былъ видѣнъ весь городъ и озера, освященныя тысячами звѣздъ. Въ такихъ случаяхъ какой нибудь разсказчикъ разсказывалъ намъ національныя легенды, которыя пѣлъ, прерывая каждую строфу цѣлымъ рядомъ восклицаній, какъ въ безконечныхъ разказахъ нашихъ матросовъ; или кто нибудь изъ дворянъ пѣлъ намъ подъ аккомпаниментъ лютни *таз-би-таз* и другія стихотворенія временъ великихъ моголовъ.

Потомъ около полуночи или часу королева уходила; наши лошади ожидали насъ на площади. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ изъ нашей стражи, мы вскачь проносились по пустыннымъ улицамъ спящаго города. Эти люди, вооруженные пиками и скачущіе подлѣ насъ, эти дома причудливой формы, даже наши костюмы, горящіе золотомъ, все казалось какимъ то сномъ, который точно перенесъ насъ въ Парижъ въ средніе вѣка. Подъѣхавъ къ городскимъ воротомъ, мы будили стражу; тяжелыя ворота отворялись, и нашъ маленкій отрядъ направлялся по полямъ къ нашему мирному жилищу.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего изъ Сехора, королева представила намъ свою дочь, Бегауму Шаху Джехану. Принцесса, слѣдуя предписанію правилъ мусульманскихъ, которыхъ фанатически придерживался ея мужъ князь Умра Дула, не показалась намъ. Она была отдѣлена отъ насъ тонкой соломенной шторой, которая давала ей возможность видѣть насъ, не показываясь сама. Между тѣмъ въ концѣ бесѣды, длившейся довольно долго, и при которой присутствовала королева, штора слегка приподнялась и изъ за нее показалась тонкая и красивая рука, съ пальцами покрытыми бриліантами, которую я пожалъ по англійски. Въ этотъ день мы только и видѣли таинственную принцессу. Бегаума Секундеръ не преминула еще разъ выразить свое отвращеніе къ пурдахскому обычаю, совершенно отдѣляющему женщину отъ общества ея ближнихъ.

Неожиданное происшествіе, впрочемъ, положило конецъ положенію столь непріятному Бегаумѣ, и дало намъ случай удовлетворить нашему

любопытству. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего свиданія, въ Мути бунгаловъ прискакалъ верьхомъ дворянинъ объявить намъ, отъ имени королевы, что князь Умра Дула, мужъ принцессы Шахъ Джеханъ, былъ найденъ утромъ мертвымъ въ постелѣ. Эта вѣсть, прибавилъ сирдарь, привела въ замѣшательство весь дворецъ, такъ какъ князь былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и, повидимому, пользовался хорошимъ здоровьемъ. Бегаумы затворились въ свои покои и въ продолженіи двухъ дней никого не принимали.

По истеченію этого срока, я поѣхалъ во дворецъ съ Шаумбургомъ, чтобы выразить Бегаумѣ наше сожалѣніе. Ея высочество приняла насъ, сильно выражая свое горе, и восклицая: «Такъ было предопредѣлено! Такъ повелѣлъ Аллахъ! Умра, умирая, оставляетъ намъ только дочь, и еще долго страна будетъ въ рукахъ женщинъ! Да пріидетъ его всемогущество на помощь бѣднымъ неопытнымъ женщинамъ! »Потомъ, согласно индійскому обыкновенію, она сѣла на полъ и, ударяя себя въ грудь, начала читать какую то литію по усопшемъ. «Ай! ай! говорила она жалобнымъ голосомъ, какъ онъ былъ хорошъ! ай! ай! какъ рука его была тверда! а взоръ добръ! ай! ай! какая мудрость!» Мы были одни съ Бегаумой и это горе очень тронуло насъ. Черезъ нѣсколько минутъ я счелъ нужнымъ сказать ей нѣсколько словъ утѣшенія. Голосъ мой точно пробудилъ ее отъ горя; она вдругъ встала, и, позвавъ слугу, послала за деваномъ. Первый министръ пришелъ вскорѣ и получилъ отъ королевы приказаніе самому проводить насъ во дворецъ принцессы Шахъ Джеханы. «Вы утѣшите мою дочь,» сказала мнѣ королева, отпуская насъ.

Идя за деваномъ, мы направляемся къ жилищу Умры, фасадъ котораго выходитъ на одну сторону дворцовой площади. Насъ вводятъ въ большую комнату нижняго этажа, преобразованную покойнымъ княземъ въ нѣчто въ родѣ музея европейскихъ рѣдкостей; стѣны завѣшаны зеркалами, всевозможными картинами, начиная отъ гравюры Эпиналя и кончая живописью на стеклѣ парижской фабрикаціи; посреди залы тянется длинный столъ, на которомъ уложены рядомъ вещи самыя странныя: — музыкальныя шкатулки, стѣнные часы, игрушки, бездѣлушки.

Министръ оставляетъ насъ, предварительно увѣдомивъ принцессу о нашемъ приходѣ. Черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь и входитъ молодая женщина въ странномъ, почти мужскомъ костюмѣ, вслѣдствіе котораго бопальскія женщины походятъ на молодыхъ пажей, фигурирующихъ на нашихъ сценахъ. Думая, что это одна изъ фрейлинъ принцессы, я иду быстро на встрѣчу ей, но она гордымъ жестомъ

останавливаетъ меня: «Я Шахъ Джехана», и я, пораженный, ей низко кланяюсь.

Понятно, какъ велико было мое удивленіе, встрѣтясь вдругъ лицемъ къ лицу съ принцессой, которую я считалъ еще строго запертой въ гаремѣ. Оправившись нѣсколько отъ неожиданности, я началъ выражать ей свое соболѣзнованіе, говоря ей, что въ короткое время моего знакомство съ княземъ Умра Дула онъ съумѣлъ внушить мнѣ не только уваженіе, но и любовь. Не стараясь скрыть ни малѣйшаго волненія, принцесса прервала мои похвалы и, пожимая плечами, сказала одно только слово»: Кизметъ!» (Было предопредѣлено!) Потомъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ садиться подлѣ нее на диванъ, она живо проговорила: «Такъ вы пріѣхали изъ Парижа?» Мнѣ не переводя духу пришлось описать ей Парижъ, его памятники, нравы его жителей. Я не могъ придти въ себя и такъ былъ пораженъ этимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ лицемѣрія. Когда пришла Бегаума Секундеръ, она не могла не улыбнуться, замѣтивъ какъ я удивленъ и, сѣвъ подлѣ насъ, она сказала мнѣ: «Я плачу объ Умрѣ Дулѣ потому, что теряю въ немъ вѣрнаго друга и совѣтника, но зачѣмъ же станетъ плакать дочь моя? Развѣ плѣнникъ жалѣетъ о своемъ тюремщикѣ?» Странныя слова въ устахъ азіятки. Ихъ можно назвать настоящимъ осужденіемъ устарѣлой системы удаленія женщинъ, системы поддерживаемой мусульманами, не смотря на постоянный прогрессъ цивилизаціи въ ихъ странахъ.

Подчиняясь приличіямъ, Багаумы должны были выказывать народу горе, которое можетъ быть вовсе не чувствовали въ глубинѣ души, и, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, всѣ празднества, всѣ увеселенія во дворцѣ были прекращены и принцессы сидѣли въ своемъ гаремѣ, не принимая никого изъ посторонихъ. Въ то же время во всѣхъ мечетяхъ назначены были большія публичныя моленья.

Принцессѣ Шахъ Джеганѣ могло быть въ то время двацать пять, двацать шесть лѣтъ. Лицо ея чрезвычайно красивое, матовый бѣлизны, оживлялось черными глазами, ясно выражавшими такую гордость и рѣшимость, какія очевидно предрѣщали въ ней достойную дочь Секундеры. Одна только вещь портила это выразительное лицо, это — черные зубы, испорченные и почернѣвшіе отъ употребленія бетеля. Она была одѣта въ странный костюмъ бопальскихъ придворныхъ дамъ: въ узкіе панталоны золотой парчи, въ шитую жакетку и легкую кисейную чалму; съ боку у нее висѣлъ изящный кинжалъ съ инкрустаціей на рукояткѣ.

Прощаясь съ нами, она обоимъ намъ по англійски пожала руки, назначивъ намъ rendez-vous черезъ мѣсяцъ. на вечерахъ у королевы, гдѣ, прибавила она, она не будетъ уже принуждена прятаться за соломенную штору, какъ бѣдная раба.

Въ вечеръ этого любопытнаго свиданія, надъ городомъ разразился страшный циклонъ. Когда мы выходили изъ дворца столбы пыли кружились по улицамъ, гоня людей, которые, убѣгая, кричали: «тофанъ! тофанъ!» Мы пустили лошадей нашихъ вскачь; но лишь только миновали заставу, какъ вѣтеръ началъ дуть съ такою силой, что я всякую минуту ждалъ, что онъ насъ опрокинетъ. Наконецъ мы доѣхали до Мути-бунгалова, гдѣ застали всѣхъ людей на ногахъ, запирающихъ всѣ отверстія дома. И было время, такъ какъ циклонъ быстро приближался, и вскорѣ его ужасный шквалъ разразился надъ нашимъ жилищемъ. Грохотъ былъ оглушителенъ: къ безпрерывнымъ ударамъ грома, присоединялся трескъ ломающихся деревьевъ, вой вѣтра и ревъ озера; отъ времени до времени шумъ похожій на отдаленный пушечный выстрѣлъ, извѣщалъ насъ, что какой нибудь домъ въ городѣ не могъ устоять противъ ярости стихій. Мы каждую минуту ждали, что нашъ бунгаловъ подвергнется той же участи, потому что стѣны страшно тряслись, а черепица съ грохотомъ скатывалась съ крыши. Наконецъ въ два часа утра вдругъ водворилась полная тишина; подождавъ нѣсколко минутъ, мы отворили дверь: небо горѣло звѣздами, а вдали неслась черная масса циклона. Трудно представить себѣ болѣе полную и болѣе внезапную перемѣну; тихая и чистая атмосфера едва колебалась легкимъ вѣтеркомъ и самая глубокая тишина смѣнила страшный грохотъ.

На слѣдующій только день мы могли опредѣлить дѣйствіе этихъ нѣсколькихъ часовъ циклона: большая часть деревьевъ нашего сада лежала на землѣ, а нашъ бунгаловъ лишился части своей крыши. Въ городѣ же несчастіе было страшно: обрушилось триста домовъ, засыпавъ подъ своими развалинами несчастныхъ жителей.

Впослѣдствіи газеты извѣстили насъ, что этотъ самый циклонъ разрушилъ часть города Калькутты и произвелъ страшныя опустошенія по всей Бенгаліи.

LIII.

Бопаль-Талъ.—Плотины Бходже.—Развалины Боджепоръ.—Храмъ Магадевы.—Переправа черезъ Бетву.—Великій Кхиллатъ.—Празднество 15-го августа у принцессы Бурбонской.—Собраніе гадовъ.—Индійскій боа.—Кильдары и мусульмане.—Послѣднее свиданіе съ Бегаумой.—Отъѣздъ.

Придворный трауръ грозилъ намъ цѣлымъ мѣсяцемъ уединенія и поэтому мы съ товарищемъ рѣшились сдѣлать экскурсію въ восточную часть Бопальскаго государства. Правда, что муссонъ далеко еще не кончился, дождь могъ настигнуть насъ и задержать въ какомъ нибудь мѣстѣ отдаленномъ отъ города, но, повидимому, страшный циклонъ прошлой недѣли очистилъ атмосферу и солнце ярко свѣтило на ясномъ и безоблачномъ небѣ.

Мы расчитывали проѣздить нѣсколько недѣль и взяли съ собою всю прислугу Мути-бунгалова, слугъ и солдатъ, потомъ пять слоновъ, изъ которыхъ одного для нашего употребленія, а другихъ для перевозки нашихъ палатокъ, мебели и вещей.

Я надѣялся перейти Виндіасскія горы и достигнуть долины Нербудды выше Хосхунгабада. На пути моемъ находились развалины древняго города, по имени Боджепоръ, о которыхъ мнѣ говорили, какъ о необыкновенно интересныхъ и подлѣ которыхъ я расчитывалъ сдѣлать первую остановку.

28 іюня, въ шесть часовъ утра, пустившись въ путь, мы черезъ два часа достигли ряда холмовъ, образующихъ пунктъ, раздѣляющій воды Безали отъ Бетвы. Съ другой стороны мы входимъ въ великолѣпную долину, окаймленную не очень высокими горами и покрытую роскош-

© ГПИБ СО РАН

ною растительностью и прелестными деревьями. Три вѣка тому назадъ эта долина была однимъ изъ самыхъ лучшихъ и обширнѣйшихъ озеръ Индіи.

По преданію, одинъ царь по имени Бхоже, видя какъ мать его была заживо сожжена на кострѣ мужа своего, далъ обѣщаніе остановить теченіе девяти рѣкъ, девяноста девяти ручьевъ и образовать въ ея честь большое море. Великолѣпная Бходжпорская долина показалась ему совершенно подходящей подъ всѣ условія. Черезъ нее протекала Бетва и восемь другихъ рѣкъ, а количество безчисленныхъ разныхъ ручейковъ, стекавшихъ со всѣхъ окружныхъ горъ, превышало необходимое число. Для достиженія своей цѣли онъ завалилъ ущелья горъ тремя плотинами вышиною въ шестьдесять футовъ, шириною въ сорокъ, и идущими на протяженіи трехъ километровъ. Эти плотины, сдѣланныя изъ громадныхъ глыбъ грубо обтесанныхъ въ квадраты и ровно положенныхъ безъ всякой извести, можно назвать одною изъ гигантскихъ работъ, сдѣланныхъ въ древности; ихъ можно только сравнить съ египетскими пирамидами по размѣрамъ и суммамъ какія онѣ стоили.

Озеро, такимъ образомъ созданное, шло на пятьдесятъ километровъ въ длину и на двадцать или двадцать четыре въ ширину, при глубинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превосходившихъ сто футовъ. На многихъ мѣстахъ возвышались зеленѣющіе острова, которые теперь являются просто вершинами отдѣльныхъ холмовъ. Берега его покрылись отличными полями, большими деревнями и городами, между которыми самымъ значительнымъ былъ должно быть Бходжепоръ.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи, Хошунгъ Шахъ, царь Мальвы, находя, что озеро занимаетъ слишкомъ большое мѣсто въ его маленькомъ царствѣ, приказалъ пробить брешъ въ большой плотинѣ Бетвы. Вода съ страшной быстротой хлынула въ это мѣсто и, смывъ часть стѣны, затопила нижнюю долину Бетвы, разрушила по теченію своему города и деревни далѣе чѣмъ за Урчей.

Дно осушеннаго озера оказалось покрытымъ жирной и черной землей, чрезвычайно плодородной, и сдѣлалось вскорѣ однимъ изъ богатѣйшихъ округовъ Индіи. Въ этомъ округѣ до сихъ поръ называющемся озеромъ Бходжскимъ или Бопальскимъ, дѣйствительно не менѣе трехъ сотъ деревень.

Наша дорога ведетъ по вершинѣ одной изъ плотинъ еще уцѣлѣвшей, какъ въ тотъ день когда она была окончена. Я измѣряю нѣкоторыя изъ глыбъ, составляющія ее: въ нихъ до трехъ метровъ длины. Въ концѣ

этой плотины, видны еще ломки, изъ которыхъ выламывалось огромное количество камней.

Бодженоръ, древняя столица, находилась на сѣверномъ берегу озера. Теперь развалины ея виднѣются на скатѣ холма, подножіе котораго омываетъ Бетва. Изъ древняго города стала просто жалкая деревушка.

Бетва раздѣляла насъ отъ деревни, подлѣ которой стояли уже наши палатки. Быстрота ея теченія не дозволяла перейти ее въ бродъ, и, для переправы на другой берегъ, намъ пришлось сѣсть въ узкій челнокъ, выдолбленный изъ бревна; утлая ладья чуть не была унесена въ водоворотъ, ревѣвшій за нѣсколько сотъ метровъ отъ насъ, и я далъ себѣ слово не ввѣрять себя болѣе морской ловкости туземцевъ.

На другомъ берегу насъ ждало главное лицо деревни, махунтъ монастыря гуссаиновъ, жившій въ *Бодженоръ-ка-мандилъ*, знаменитомъ храмѣ, единственномъ остаткѣ большаго города Бходже. Почтенный настоятель пришелъ встрѣтить насъ и пригласить немедля посѣтить это знаменитое мѣсто.

Храмъ стоитъ на довольно высокомъ пригоркѣ, часть котораго обращена въ террасу. На гору всходятъ по развалившейся лѣстницѣ, надъ которою господствуютъ жалкія зданія монастыря, и, пройдя въ маленькую дверь, вы вдругъ оказываетесь противъ большаго фасада. Громадный стрѣльчатый просвѣтъ, сводъ котораго частью исчезъ, находится въ серединѣ и даетъ возможность видѣть внутренность святилища. Этотъ фасадъ замѣчателенъ тѣмъ, что своею простотою и способомъ постройки отличается отъ другихъ памятниковъ Индіи. Наружную стѣну образуютъ огромные монолиты не менѣе тридцати или сорока футовъ величиною поставленные стоймя одинъ надъ другимъ. Стѣна по обѣимъ сторонамъ украшается только двумя головами чудовищъ, очень хорошихъ, поддерживающихъ цѣпь съ колоколомъ на концѣ. Извѣстно, что цѣпь и колоколъ были аттрибутами джаинской архитектуры. Я сказалъ, что на стѣнахъ не было другихъ скульптурныхъ украшеній; дѣйствительно только недавно онѣ убраны статуями, взятыми изъ другаго древняго храма.

Лѣстница въ нѣсколько ступеней ведетъ къ порталу, потомъ спускается къ полу святилища внизъ, по другую сторону. Тутъ вы оказываетесь передъ алтаремъ такихъ гигантскихъ размѣровъ, что онъ наполняетъ почти весь храмъ. Онъ занимаетъ пространство въ сорокъ четыре квадратныхъ метра и въ вышину около пяти метровъ. Эта громадная масса, составленная изъ трехъ гранитныхъ монолитовъ, горизонтально поставленныхъ одинъ на другой, украшена изящными карнизами.

ОТПРОСКАН

Лѣстница, спрятанная такъ, чтобы не вредить общему виду, ведетъ на верхъ алтаря, въ центрѣ котораго возвышается лингамъ, гладко отполированный, цилиндрическій, совершенно закругленный на верху, двухъ съ половиною метровъ вышины и пяти метровъ съ половиною въ окружности.

По угламъ залы четыре великолѣпныя цѣльныя каменныя колоны поддерживаютъ сводъ храма. Индійцы считаютъ эти колонны чудомъ своей національной архитектуры. Кто не видѣлъ Боджепоръ-Ка-Кхумба, тотъ ничего не видѣлъ! Дѣйствительно, невозможно представить себѣ болѣе граціозной формы при болѣе величественной массѣ. Стержень колонны покоится на пьедесталѣ въ два метра вышины, раздѣленномъ на три ровныя части, на первую и вторую восьмигранныя и на третью двадцатичетырехъ-гранную, что придаетъ значительно перспективы и прибавляетъ на видъ высоты колоннамъ. Капитель образуютъ граціозный колоколъ, откуда идутъ тяжелые консоли.

На этомъ великолѣпномъ кругломъ сводѣ архитекторъ сосредоточилъ, повидимому, всѣ богатства орнаментаціи, на которыя онъ былъ такъ скупъ въ прочихъ частяхъ зданія. Каждый изъ круговъ купола имѣетъ видъ кружевной сѣтки, усѣянной цвѣтами, фруктами и арабесками, посреди которыхъ ютится множество маленькихъ фигуръ музыкантовъ и танцовщицъ. Время разрушило центральную часть свода и дождь поливаетъ нынѣ лингамъ Магадевы. Пчелы прикрѣпили свои соты къ своду, который кажется украшеннымъ сталактитами. Эти трудолюбивыя насѣкомыя кружатся цѣлыми роями въ храмѣ, то улетая то возвращаясь съ добычею, и посѣтитель останавливается сначала въ нерѣшительности, не осмѣливаясь проникнуть въ этотъ улей. Но священники разувѣряютъ васъ въ мнимой опасности, утверждая, что эти пчелы жалятъ только враговъ Магадевы, и если совѣсть ваша чиста въ этомъ отношеніи, то вы можете смѣло войти. Дѣйствительно, когда мы вошли, эти насѣкомыя вдругъ облѣпили меня, но не сдѣлали мнѣ ни малѣйшаго вреда.

Входы храма завалены огромными каменьями, остатками развалившихся зданій. Позади памятника видѣнъ еще планъ изъ убитой земли, посредствомъ котораго архитекторы V-го столѣтія ставили на мѣсто столбы изъ цѣльнаго камня. Немного далѣе, подвигаясь среди терніевъ и хвороста, встрѣчается другой храмъ въ развалинахъ, въ которомъ заключается статуя Тиртинкара, изъ цѣльнаго камня, вышиною въ 20 фут. Пробираясь сквозь чащу камышей, натыкаешься на каждомъ шагу на кучи осколковъ и вырѣзанныхъ каменьевъ,—остатки древняго города.

На разстояніи одного километра отъ деревни Бетва стремится съ ревомъ чрезъ узкое ущелье, заваленное еще отчасти остатками одной изъ бхожескихъ плотинъ.

Возвратившись изъ экскурсіи, я засталъ моихъ людей въ самомъ веселомъ настроеніи, вслѣдствіе того, что магунтъ прислалъ имъ нѣсколько штукъ дикихъ козъ и нѣсколько горшковъ молока. Добрѣйшій настоятель монастыря не забылъ и насъ также. Мы нашли на столѣ кусокъ тшапатиса и лепешки, приготовленныя нарочно для насъ монахами.

Вечеръ былъ великолѣпный, небо сіяло звѣздами, и мы легли спать довольные и счастливые, что оставили на нѣкоторое время Бопалъ. Но время года муссона очень измѣнчиво. Едва мы проспали нѣсколько часовъ, какъ вдругъ насъ разбудилъ страшный шумъ и мы увидѣли, что наша палатка колышется отъ вѣтра. Повторилась говиндгурхская сцена. Боясь быть погребенными подъ полотномъ нашего жилища, мы выскочили изъ него и пріютились подъ деревомъ, гдѣ въ теченіе цѣлаго часа обливалъ насъ, какъ изъ ведра, дождь, смѣшанный съ градомъ мелкихъ каменьевъ, которые поднималъ вѣтеръ и бросалъ намъ въ лицо. Приблизиться къ палаткѣ не представлялось никакой возможности. Колья, вырванные изъ земли и придерживаемые веревками, вертѣлись точно крылья вѣтряной мельницы.

Наконецъ, вѣтеръ утихъ, но дождь все еще продолжалъ лить. Мы возвратились въ палатку и нашли наши постели и багажъ плавающими словно въ озерѣ. Къ счастію, столъ уцѣлѣлъ отъ потопа, и мы, не обращая болѣе вниманія на дождь, лившій со всѣхъ сторонъ чрезъ отверстія вырванныхъ стѣнокъ, и завернувшись въ наши одѣяла, протянулись на этомъ жесткомъ ложѣ и проспали до утра.

Но увы! день не принесъ намъ никакого утѣшенія. Небо не прояснилось и дождь продолжалъ лить, не останавливаясь ни на минуту. Сверхъ того, Бетва, выступивъ изъ береговъ, катила свои желтыя воды къ подножью нашей палатки. Намъ ничего болѣе не оставалось, какъ отправляться обратно, не теряя ни минуты, въ Бопалъ; но вопросъ былъ въ томъ, можно ли было переправиться черезъ бурный потокъ, загораживавшій намъ путь?

Шаумбургъ и я имѣли самый жалкій видъ въ нашихъ изорванныхъ и покрытыхъ грязью одеждахъ. Мы начали придумывать, какимъ обра-

зомъ выбраться изъ этого проклятаго мѣста и переправиться чрезъ рѣку. Рѣшить этотъ вопросъ было трудно, и я пригласилъ на наше совѣщаніе моего добраго бера. «Это очень легко сдѣлать, сказалъ онъ,— о переправѣ въ лодкахъ нечего и думать, онѣ не могутъ устоять противъ быстраго теченія; но у насъ есть слоны и они перевезутъ насъ, багажъ и наши палатки на другую сторону».— Неужели дѣйствительно наши слоны будутъ въ состояніи устоять противъ теченія?— спросилъ я, и позвалъ магутовъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе. Они объявили, что согласны скорѣе рѣшиться на эту попытку, чѣмъ оставаться подъ дождемъ безъ всякаго убѣжища.

Сейчасъ же было отдано приказаніе собираться въ походъ и всѣ принялись за работу. Палатки были скоро разобраны и взвалены на спины слоновъ, на которыхъ размѣстились вслѣдъ затѣмъ и люди. Шаумбургъ, бера и я усѣлись всѣ трое на нашего любимаго слона, возившаго насъ въ Бопалѣ. Какъ только все было готово, нашъ могутъ направилъ умное животное къ рѣкѣ. Приблизившись къ водѣ, слонъ, однако, остановился и погрузилъ въ нее свой хоботъ, какъ будто желая узнать быстроту теченія, затѣмъ попятился назадъ, испустивъ два или три крика на подобіе звуковъ кларнета, вѣроятно для того, чтобы протестовать противъ нашей безразсудной смѣлости. Ударъ пикой по его черепу предупредилъ его, что мы не расположены отступать отъ нашего намѣренія, и онъ пошелъ въ воду. Его тяжелая масса казалась нечувствительною къ силѣ потока; однакожъ онъ могъ достигнуть противуположнаго берега только уклонившись отъ прямолинейнаго направленія на нѣсколько сотъ метровъ. Онъ уже поставилъ свои переднія ноги на землю и мы чувствовали себя у пристани, какъ вдругъ эти ноги поскользнулись — и онъ всею тяжестью упалъ въ рѣку.

Страшные крики, крики отчаянія вырвались разомъ изъ нашихъ устъ; гибель казалась неизбѣжною; слонъ нашъ, обезумѣвшій, ошеломленный отъ испуга, поддался теченію, которое несло его съ чрезвычайною быстротою, и въ нашихъ ушахъ уже раздавался ревъ водопада Бетвы. Но вдругъ умное животное начало сопротивляться потоку, повоpотило къ берегу и усердно поплыло къ нему. Вскорѣ мы достигли его, но тамъ мы встрѣтили новое затрудненіе: предъ нами былъ глинистый, почти отвѣсный утесъ въ десять или двѣнадцать фут. вышиною. Слонъ, поставивъ на него свои тяжелыя ноги, мѣся ими тинистую почву, и заставляя ее обваливаться своими мощными усиліями, прорылъ наконецъ себѣ дорогу. Вотъ мы взобрались уже на половину

высоты, предъ нами земля, подъ нами реветъ потокъ, разбиваясь въ десяти метрахъ далѣе объ остатки плотины. Это были страшныя минуты, одинъ невѣрный шагъ животнаго — и мы пропали. Но слонъ, сознававшій, по видимому, всю опасность положенія и подстрекаемый ласками и мольбам своего вожака, работалъ съ невѣроятною энергіею. По временамъ нервная дрожь пробѣгала по его хребту, приводила въ сотрясеніе всю его массу и онъ испускалъ жалобные крики. Наконецъ чрезъ четверть часа спина его была наравнѣ съ почвою, мы спрыгнули на землю, и, облегченный отъ нашей тяжести, онъ скоро присоединился къ намъ.

Читатель пойметъ съ какимъ чувствомъ признательности я принялся цѣловать доброе животное, которому мы были обязаны жизнью. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, смышленость слона спасала насъ во второй разъ отъ страшной катастрофы.

Наши люди оставались на божепорскомъ берегу нѣмыми и неподвижными зрителями всей этой ужасной драмы. Я имъ строго запретилъ отправляться отъ того пункта, отъ котораго отправились мы; но велѣлъ по указаніямъ одного крестьянина подняться по берегу Бетвы на два или три километра выше и предпринять переправу тамъ, такъ какъ на томъ мѣстѣ рѣка гораздо мельче.

Давши отдохнуть нашему слону нѣкоторое время, мы пустились опять въ путь, на которомъ насъ ожидали новыя трудности. Дождь, остановившійся на нѣсколько минутъ, полилъ опять, когда мы перебирались чрезъ гору, съ страшною силою и на этотъ разъ сопровождался громомъ и молніею.

Никогда еще я не видалъ, чтобы электричество разряжалось такими ужасными залпами. Молнія буквально окружала насъ и окрашивала синеватымъ свѣтомъ лужи, образовавшіяся на скалахъ. Оглушенный и ослѣпленный я спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы мы избѣгли этой новой опасности? Я сошелъ съ моими товарищами съ добраго слона, котораго мы пустили идти предъ нами. Бесѣдка, находившаяся на его спинѣ, была украшена мѣдными пластинками, и я разсчитывалъ, что молнія, привлеченная металломъ и массою животнаго, не коснется насъ. Конечно, было большою неблагодарностью съ моей стороны заставить животное, которое только что спасло намъ жизнь, играть роль громоотвода; но инстинктъ самосохраненія преобладалъ въ эти минуты надъ чувствомъ признательности. Впрочемъ, для предохраненія бѣднаго животнаго, я велѣлъ спустить

попоны, прикрывавшія его, такъ чтобы онѣ тащились по землѣ, разсчитывая, что будучи, пропитаны водою, онѣ отведутъ, привлеченный арматурою бесѣдки, или гаудаха, электрическій токъ прямо въ землю. Не знаю, произошелъ ли дѣйствительно этотъ феноменъ, но громъ разразился два или три раза посреди насъ съ такою силою, что мой бѣдный бера упалъ при одномъ изъ этихъ ударовъ навзничь. Впрочемъ, это можно отнести и къ дѣйствію паническаго страха, который производила на него гроза,

Наконецъ, мы перебрались чрезъ гору и гроза осталась позади насъ; но въ долинѣ мы встрѣтили новыя затрудненія; нашъ слонъ погружался чуть не до самой груди въ размягченную дождемъ почву, и сверхъ того намъ заграждали путь потоки. Можно представить себѣ, какую усталость и какое изнуреніе мы чувствовали (со вчерашняго дня каждый изъ насъ съѣлъ только по маленькому куску холодной говядины), когда въ половинѣ перваго по полуночи нашъ слонъ остановился предъ Мути бенгаловъ. Мы проѣхали пространство въ 25 километровъ въ 20 часовъ. Пускай нашъ примѣръ послужитъ урокомъ для путешественниковъ, которые были бы настолько безразсудны, чтобы предпринимать путешествія въ индѣйскія джунгли во время муссоновъ!

Весь августъ мѣсяцъ шли непрерывные дожди, державшіе насъ въ заключеніи въ нашемъ бунгаловѣ.

Во все это время мы имѣли только два случая развлеченія: праздникъ 15-го августа у Дуланы Сиркаръ и кокосовой праздникъ.

Отецъ Т..., миссіонеръ и капеланъ принцессы де Бурбонъ, указалъ ей, когда она его спросила, какой день освящается во Франціи національнымъ празднествомъ, именно это число, и съ тѣхъ поръ оно ознаменовывается ежегодно императорскимъ праздникомъ у Дуланы Сиркаръ. Праздникъ Наполеоновъ справляется у потомковъ Бурбоновъ!

Онъ начался обѣднею съ молебномъ, на которомъ присутствовали всѣ члены этой интересной общины, возносившей усердныя молитвы къ Богу за Францію, эту таинственную страну, которую она считаетъ своею колыбелью. Мужчины и женщины явились на это торжество въ своихъ лучшихъ нарядахъ. Костюмы мужчинъ ничѣмъ не отличались отъ мусульманской одежды; тѣ, которые были въ чалмахъ, оставались въ нихъ во время богослуженія; тѣ же, которые были въ тогахъ, или шапкахъ, набожно сняли ихъ. Что же касается женщинъ, то костюмъ ихъ состоялъ изъ длинныхъ юпокъ съ большими складками и изъ бѣлыхъ

полотняныхъ плащей безъ всякихъ украшеній, закрывавшихъ верхнія части ихъ фигуръ такъ, что оставались на виду только прекрасные черные глаза; впрочемъ, онѣ были совершенно отдѣлены отъ мужчинъ, сохранявшихъ, по видимому, относительно ихъ правила мусульманскаго этикета.

Послѣ обѣдни всѣ французы собрались въ обширной залѣ дворца, гдѣ по приказанію ихъ повелительницы былъ приготовленъ обѣдъ. Въ это время сирдары фамиліи и люди благороднаго происхожденія заняли мѣста за обѣдомъ, сервированнымъ въ большой залѣ на подобіе европейскихъ банкетовъ и за которымъ присутствовала сама принцесса. Мы также заняли мѣста за этимъ торжественнымъ обѣдомъ и служили предметомъ всеобщаго любопытства. Пріѣзжіе изъ провинцій смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, задавая вѣроятно себѣ вопросъ, неужели дѣйствительно такіе высокорожденные, могущественные вельможи бѣлой рассы, какъ мы, принадлежатъ къ ихъ кастѣ? Къ концу обѣда я велѣлъ принести съ разрѣшенія принцессы нѣсколько бутылокъ бордо и благородное вино скоро развязало языки и усилило еще симпатіи, которыя намъ выказывали до того. Тостъ за наше здоровье, провозглашенный любезно племянникомъ Сиркары, Мербаномъ Мессіагомъ, или Бонавантуромъ Бурбономъ, былъ встрѣченъ единодушными аплодисментами. Этотъ молодой человѣкъ сказалъ намъ, что мой пріѣздъ считается счастливымъ предзнаменованіемъ всѣми французами. Никогда еще не приходилось имъ видѣть сагиба ихъ касты, замѣтилъ онъ и, приглашая меня отъ имени своей тетки и всѣхъ ея подданныхъ считать Бопалъ моею отчизною, а французовъ моими братьями, предложилъ мнѣ, если только пожелаю, остаться между ними, занять въ ихъ іерархіи одно изъ высшихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ на это я поцѣловалъ Мербана и Дулану, сказавъ при этомъ, что французовъ я считаю моими братьями и что я если не остаюсь между ними, то потому, что желаю сдѣлать извѣстнымъ во Франціи, что въ Индіи существуетъ маленькая группа нашихъ соотечественниковъ, которые не забыли своего французскаго путешественника, пріѣзжавшаго посѣтить ихъ.

День окончился вторымъ пиромъ, послѣ котораго были пущены въ ходъ неизбѣжныя шутихи и столь же неизбѣжный научъ.

На другой день, 16-го августа, все индусское народонаселеніе Бопала торжественно праздновало фиктивный конецъ муссона. Я уже описывалъ въ подробности церемоніи этого празднества въ Бомбеѣ. Но такъ какъ здѣсь кокосовое дерево неизвѣстно и кокосовые орѣхи очень до-

ОТГБСОРАН

роги, то народъ довольствуется тѣмъ, что, собравшись на берегахъ озера, бросаетъ, въ видѣ приношенія, въ воду горшки съ землею—съ побѣгами хлѣбныхъ растеній, которыя были въ нихъ посѣяны. Факиры, находящіеся посреди толпы, помазываютъ лобъ каждаго изъ присутствующихъ землей смѣшанною съ золою. Смыслъ этой церемоніи остался для меня тайною.

Сказавши, что въ теченіе всего этого мѣсяца у насъ было мало развлеченій, я забылъ тѣ, которыя доставляли намъ наши сожители, таившіеся подъ гостепріимнымъ кровомъ Мути бунгаловъ. Эти сожители были разные гады и насѣкомыя, которые, будучи изгнаны изъ сада дождемъ, переселились тысячами подъ полъ и кровлю нашего жилища. Присутствіе ихъ, конечно, доставляло намъ много безпокойства; на за то постоянная охота за ними нарушала нѣсколько однообразіе нашей жизни.

Я сомнѣваюсь, чтобы дворецъ гадовъ въ нашемъ ботаническомъ саду представлялъ болѣе разнообразную и болѣе интересную коллекцію, чѣмъ наше жилище, изобиловавшее преимущественно ящерицами, хамелеонами большими и малыми, прогуливавшимися самымъ нахальнымъ образомъ по стѣнамъ и потолкамъ. Приподнимая цыновку или коверъ, можно было быть увѣреннымъ найти подъ ними легіоны скорпіоновъ всѣхъ размѣровъ и цвѣтовъ, сороконожекъ, стоножекъ, съ тысячью ядовитыхъ жалъ, и черныхъ, косматыхъ пауковъ весьма почтенныхъ размѣровъ. Что же касается змѣй, то не проходило ни одного дня, чтобы мы не находили ихъ: тутъ были и черныя кобры, и змѣи-бичи, и всякія другія породы. Мы могли бы скоро набрать огромную коллекцію, еслибы мы имѣли при себѣ спиртъ.

Между всѣми этими гадами нашлись два, которые произвели на насъ особенно сильное впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ—была ящерица изъ породы bis-cobra огромныхъ размѣровъ, покрытая иглами на-подобіе ежа, съ языкомъ раздѣленнымъ на концѣ на два жала, отдѣляющія сильный ядъ. Эта отвратительная тварь забралась подъ мою кровать и ни подъ какимъ видомъ не хотѣла выходить оттуда; я долженъ былъ убить ее тамъ изъ ружья. Второй непріятный гость, котораго мы нашли подъ поломъ одного маленькаго покоя,—былъ индѣйскій боа (python tigris). Онъ встрѣтилъ насъ съ такимъ свистомъ и такими прыжками, что мы съ испугомъ убѣжали изъ комнаты. Чтобы его выжить оттуда, мы принялись окачивать его кипяткомъ,—тогда онъ вылѣзъ чрезъ щель въ стѣнѣ и направился-было въ долину; но мы скоро его пришибли длиннымъ шестомъ. Это было великолѣпное животное, съ кожею

© ГПНТБ СО РАН

Раджи и земиндары южныхъ провинцій Индустана.

зелено-голубоватаго цвѣта, испещреною правильными кольцами, вслѣдствіе которыхъ она и получило названіе тигристаго пифона. Въ длину этотъ боа достигалъ 14 англійскихъ фут., что составляетъ около 20 мет. и 25 сент., въ объемѣ же онъ былъ въ толщину руки. Это—самая большая изъ индѣйскихъ змѣй; онѣ достигаютъ иногда 26 метровъ въ длину. Декабрь и январь мѣсяцы онѣ находятся въ оцѣпенѣніи и, забившись въ высокія травы, впадаютъ какъ будто въ летаргическій сонъ. Онѣ питаются преимущественно крысами и маленькими животными.

Достойно замѣчанія, что, не смотря на все это изобиліе опасныхъ гадовъ, никто изъ насъ не былъ ужаленъ ими.

Въ концѣ августа мѣсяца оканчивался официальный трауръ двора. Въ знакъ возвращенія въ обычный жизни, во дворцѣ былъ данъ большой вечеръ и принцесса Шагъ Жегана явилась въ первый разъ предъ придворнымъ обществомъ съ открытымъ лицомъ. На другой день, къ великому удивленію усердныхъ мусульманъ, она ѣздила верхомъ въ мужскомъ платьѣ по городу. Вскорѣ затѣмъ она сдѣлала намъ визитъ въ Мути бунгаловѣ и съ этого дня присутствовала на каждомъ вечерѣ Бегаумы.

Нѣсколько дней спустя, къ намъ явился Гуссейнъ ханъ съ официальнымъ порученіемъ отъ королевы, которое онъ передалъ въ такихъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, что я не вдругъ понялъ его содержаніе. Оно заключалось въ томъ, что Бегаума, польщенная, по видимому, тѣмъ, что мы являлись въ бопальскомъ костюмѣ, вздумала дать намъ почетный халатъ.

Я отказывался сначала отъ этой чести, давая замѣтить Гуссейнъ хану, что это можетъ не понравиться англійскимъ властямъ, оказывавшимъ намъ до сихъ поръ таксе любезное вниманіе и покровительство, такъ какъ онѣ могутъ насъ заподозрить въ честолюбивыхъ видахъ, неприличныхъ для простыхъ путешественниковъ. Но формальное обѣщаніе посланника, что церемонія будетъ имѣетъ чисто интимный характеръ, но отнюдь не официальный, а потому не можетъ вызвать никакихъ затрудненій и непріятностей извнѣ, прекратило мои недоумѣнія и заставило согласиться на принятіе предназначенныхъ намъ почестей. Бегаума, съ которою я видѣлся въ тотъ же вечеръ, увѣрила меня, что все будетъ сдѣлано согласно съ моимъ желаніемъ.

Утромъ назначеннаго дня раджъ-дарзи пріѣхалъ примѣрить на насъ костюмы, которые были сдѣланы по приказанію королевы. Костюмы эти заключались для каждаго изъ насъ въ длинной туникѣ изъ зеленаго шелковаго газа съ золотыми узорами, широкихъ панталонъ въ

© ГПНТБ СССР

родѣ юпки, изъ пунцоваго атласа, вышитаго серебромъ, пояса изъ фіолетоваго кашемира съ золотомъ, пунцоваго кашемироваго плаща, вышитаго золотомъ и серебромъ, и, наконецъ, изъ тоги—діадемы изъ чистаго золота.

Одѣвшись въ эти драгоцѣнныя одежды, мы отправились съ Шаумбургомъ въ сопровожденіи Гуссейнъ хана въ придворномъ экипажѣ.

На нашей дорогѣ тѣснились толпы людей и дружественно привѣтствовали насъ. На дворцовомъ крыльцѣ ожидали насъ благородные бопальцы съ первымъ министромъ во главѣ. Послѣдній помогъ мнѣ выдти изъ кареты и, взявши меня подъ локоть по восточному обычаю и какъ будто опасаясь, чтобы мнѣ не измѣнили силы, поддерживалъ меня такимъ образомъ во все время, пока я поднимался на большую лѣстницу.

Войдя въ залу лурбара, мы увидали королеву, сидѣвшую на высокомъ тронѣ и окруженную высшими сановниками. На ней былъ королевскій костюмъ, почти совсѣмъ одинаковый съ нашими, также какъ и золотая тога съ четырьмя султанами и знаки ордена Южной Звѣзды.

При моемъ приближеніи она встала съ своего мѣста и, протянувъ мнѣ фирманъ, завернутый въ шелковую ткань, произнесла звучнымъ голосомъ: «Привѣтствую васъ, Сирдаръ Руселе Сагибъ Шампіаръ Багадуръ!» Я почтительно поклонился и всталъ съ правой стороны возлѣ ея трона; послѣ пріема Шаумбурга мы всѣ сѣли.

Были принесены указы и вслѣдъ затѣмъ королева надѣла мнѣ на палецъ перстень съ огромнымъ брилліантомъ, повторивъ при этомъ напыщеннымъ тономъ всѣ титулы, которыми она меня привѣтствовала. Затѣмъ явился на сцену уттеръ-панъ, и вскорѣ мы удалились съ тѣми же церемоніями, которыми сопровождалось наше прибытіе.

Читатели найдутъ, можетъ быть, что я слишкомъ распространился о случаѣ, о которомъ могъ бы умолчать. Но мнѣ казалось не безполезнымъ описать со всѣми подробностями мое путешествіе, и я считаю не лишнимъ повторить здѣсь, что пріемъ, который мнѣ дѣлали какъ въ Бопалѣ, такъ и при прочихъ индѣйскихъ дворахъ. а равно и въ англійскихъ городахъ, я никогда не считалъ относившимся лично къ моей особѣ. Мой важнѣйшій титулъ въ глазахъ индѣйскихъ князей и англійскихъ офицеровъ былъ титулъ французскаго путешественника, и всѣ почести и выраженія симпатіи относились къ тому великому французскому имени, котораго я—лишь самый скромный и темный предтасвитель.

Сентябрь мѣсяцъ прошелъ въ праздникахъ всякаго рода, въ экскурціяхъ въ Сегоръ и его окрестности; однакожъ, тѣмъ не менѣе, приближеніе окончанія времени муссона радовало меня до крайности, такъ какъ съ этимъ окончаніемъ приближался моментъ моего дальнѣйшаго путешествія, прерваннаго на такое долгое время.

Мое намѣреніе было пуститься немедленно въ путь, проѣхать вновь въ Гваліоръ чрезъ Мальву и Омутвару, не заѣзжая въ Индоръ, городъ весьма незначительный и много разъ уже описанный разными путешественниками. Королева приглашала меня провести еще мѣсяцъ въ Бопалѣ, но я не могъ принять этого приглашенія, такъ какъ горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе уѣхать. Однакоже, пришлось умѣрить это нетерпѣніе, когда майоръ Виллугби Осборнъ объявилъ мнѣ, что до конца октября дороги такъ плохи, что нѣтъ почти никакой возможности проѣзда, и что если я только не желаю подвергнуться опять такимъ приключеніямъ, какія испыталъ въ Боженорѣ, то долженъ остаться въ Бопалѣ до конца ноября.

Волею неволею нужно было послѣдовать этому совѣту; однакоже многія обстоятельства побуждали меня ускорить мой отъѣздъ. Здѣсь, какъ и въ Бародѣ, я имѣлъ случай убѣдиться, насколько трудно европейцу при соприкосновеніи съ туземными дворами избѣгнуть интригъ, которыя постоянно агитируютъ ихъ. Здѣсь наше положеніе было еще затруднительнѣе. Дружба, которую выказывала намъ королева, титулъ, который она намъ дала, рѣчь Мербана Мессіага и въ особенности наше званіе христіанъ и французовъ,—все это вмѣстѣ наконецъ служило предметомъ комментарій для базарныхъ политиковъ, выводившихъ изъ всего этого самыя нелѣпыя предположенія. Говорили, что, будучи одной касты и одной фамиліи съ Дуланъ Сиркаръ, мы прибыли изъ Франціи для того, чтобъ присвоить себѣ бопальскій тронъ и принудить всѣхъ жителей принять христіанство, или по крайней мѣрѣ предоставить разныя преимущества и льготы христіанамъ. Не могу сказать, какими средствами предполагалось достигнуть этихъ цѣлей. Всѣ эти нелѣпости, конечно, мало трогали меня, но такъ какъ я ничего не желалъ, кромѣ какъ продолжать мое путешествіе, то онѣ усиливали мое нетерпѣніе.

Я не хотѣлъ говорить объ этомъ Бегаумѣ; но предупрежденіе со стороны нѣкоторыхъ лицъ, что намъ угрожаетъ серьезная опасность, и два покушенія на нашу жизнь, послѣдовавшія за этимъ предупрежденіемъ, но къ счастію не удавшіяся, измѣнили мое намѣреніе и я рѣшился разсказать всю правду королевѣ.

ОТПЕЧАТАН

Въ одинъ прекрасный день я отправился съ этою цѣлью въ обществѣ Шаумбурга во дворецъ; оба мы были верхами, и когда мы подъѣхали къ городской заставѣ, вдругъ, къ моему великому удивленію, часовой, вмѣсто того, чтобъ отдать мнѣ честь, загородилъ штыкомъ дорогу, запрещая мнѣ въѣздъ. На его крикъ вышелъ весь караулъ и всталъ поперегъ дороги. Я спросилъ офицера, начальника этого поста, по чьему приказанію онъ такъ дѣйствуетъ?—«По приказанію королевы», отвѣтилъ онъ мнѣ дерзко, «удалитесь! Вы не въѣдете въ городъ». При этихъ словахъ гнѣвъ овладѣлъ мною, я пришпорилъ лошадь и она прорвалась сквозь рядъ солдатъ, которые разсѣялись въ разныя стороны. Въѣхавши въ городъ, я пустился въ галопъ и пріѣхалъ во дворецъ въ страшномъ раздраженіи, возбужденномъ этою необъяснимою сценою. Бегаума, слушая мой разсказъ, была на столько же возмущена, на сколько я былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ приключеніемъ. Сейчасъ же было отдано приказаніе нарядить судъ надъ офицеромъ и солдатами поста. Оказалось, что офицеръ дѣйствовалъ по приказанію Килидаръ-Фаоджаръ-хана, военнаго городскаго начальника, и, по видимому, не имѣя никакого понятія о причинѣ этого приказанія. Я сдѣлался его защитникомъ и упросилъ королеву наказать только одного зачинщика. Фаоджаръ былъ уволенъ отъ должности и заключенъ въ тюрьму. Но, благодаря этому происшествію, мы нажили дѣйствительно опасныхъ враговъ, и было бы безуміемъ съ нашей стороны подвергаться долѣе безъ всякой пользы и надобности разнымъ кознямъ и злодѣйствамъ, которыя могла имъ внушить вражда противъ насъ, а потому я объявилъ Бегаумѣ, что твердо рѣшился выѣхать 1-го ноября.

Добрыя друзья, которыхъ мы имѣли въ Бопалѣ, совѣтывали мнѣ удалиться немедленно въ Сегоръ; но это имѣло бы видъ бѣгства, и потому я не хотѣлъ выѣзжать ранѣе означеннаго дня. Въ эти послѣдніе дни нашего пребыванія въ Бопалѣ, Бегаума выказывала намъ самое заботливое вниманіе. Боясь, чтобъ насъ не отравили, она присылала намъ кушанья, приготовляемыя для ея стола, и даже табакъ для нашихъ гукаховъ. Кромѣ того, она приготовила все, что могло облегчить наше путешествіе, дала намъ шесть наилучшихъ изъ своихъ лошадей, коляску для насъ лично, слоновъ столько, сколько было необходимо для нашего лагеря, и конвой изъ двадцати соваровъ своей гвардіи.

30-го октября, отправивши впередъ нашихъ людей и багажъ, мы поѣхали во дворецъ, чтобы проститься съ этою доброю и умною женщиною, къ которой я чувствовалъ серьезную привязанность. Мы нашли ее окруженною нашими друзьями: тутъ были и Елизавета де Бурбонъ, и Шагъ Жегана, и Султана, и Деванъ, однимъ словомъ—всѣ наши друзья собрались, чтобъ пожелать намъ добраго пути.

Зачѣмъ возвращаться къ этому грустному разставанію? Это были самыя тяжелыя минуты въ моемъ путешествіи. Дружба, которую выказывали мнѣ эти добрые люди, дѣлала меня счастливымъ.

Мы сѣли въ нашу коляску, окруженную всадниками, и скоро поднялись на холмъ. Гуссейнъ-ханъ провожалъ насъ. Поднявшись на вершину, мы бросили послѣдній взглядъ на городъ, озера, лежавшія внизу, и на наше жилище Мути-бунгаловъ, заброшенное тамъ въ долинѣ. Тутъ мы простились съ Гуссейнъ-ханомъ, простились съ Бопаломъ, живо вспомнили все пережитое въ эти шесть мѣсяцевъ, и пустились въ путь. Лошади помчали насъ въ галопъ, и нашъ конвой спускался за нами къ долинамъ Мальвы въ облакахъ пыли.

ОГПБ СОГАН

LV.

Мальва.

Путешествіе въ коляскѣ. — Переправа чрезъ Парбати. — Негостепріимный раджа. — Нарзингуръ. — Біура. — Большой Тренкъ-родъ.—Гунагъ.—Сипри.—Чопана.—Маль-картъ—Гваліоръ.

Первыя слова, которыми насъ встрѣтилъ маіоръ Виллугби Осборнъ при нашемъ прибытіи въ блестящемъ экипажѣ, данномъ намъ Бегаумой, были: «Надѣюсь, вы не располагаете отправиться въ путь въ этой изящной коляскѣ?» — Почему же нѣтъ? отвѣтилъ я: въ ней очень покойно путешествовать, и я расчитываю ѣхать въ ней до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно.

— Ну, предупреждаю васъ, что вы недалеко уѣдете. Развѣ вамъ неизвѣстно, что въ это время года тучная почва Мальвы превращается въ такое болото отъ дождей, что слоны и верблюды не могутъ положительно двигаться по ней, такъ какъ вязнутъ до самой груди, и ваша коляска, какъ бы она ни была легка, засядетъ въ тинистой грязи на первыхъ же миляхъ. Проѣхавши не болѣе двухъ, трехъ миль, вы должны будете вернуться назадъ. Другое дѣло, если бы вамъ еще приходилось ѣхать по проложенной дорогѣ; но по маршруту, который вы мнѣ указывали, вамъ придется на протяженіи болѣе ста километровъ ѣхать цѣликомъ чрезъ поля, теряя изъ вида даже узкія, проселочныя дороги; переправляться въ бродъ чрезъ 20 ручьевъ и двѣ большія рѣки, пробираться чрезъ узкое ущелье, почти непроходимое въ нарзингурскихъ холмахъ. Невозможно, чтобы вы преодолѣли всѣ эти затрудненія и препятствія.

— А вотъ увидимъ! Экипажъ легокъ, проченъ и можетъ вынести много толчковъ. У меня есть конвой.

Проведя одинъ день съ нашими любезными хозяевами, уговаривавшими меня остаться до улучшенія дорогъ, я отправилъ моихъ людей въ деревню Кундвагъ, расположенную въ шестнадцати километрахъ къ сѣверу отъ Сегора. На другой день утромъ, 3-го ноября, мы сѣли въ нашу коляску и, простившись съ нашими друзьями, быстро помчались на четверкѣ лихихъ рысаковъ.

На протяженіи восьми километровъ мы ѣхали по прекрасной дорогѣ, служащей мѣстомъ прогулки для жителей Сегора. Это было истинное наслажденіе и совершенно новое для насъ—любоваться изъ покойнаго экипажа раскрывавшимися предъ нами прекрасными долинами, покрытыми плантаціями и усѣянными великолѣпными группами деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ ютились хорошенькія деревни съ черепичными кровлями.

Но прекрасная дорога вдругъ прерывается, и мы видимъ предъ собою вновь распаханное поле; лошади наши бодро везутъ легкій экипажъ чрезъ него, и вотъ опять предъ нами открывается изрядная, хотя и узкая дорожка. Проѣхавши по ней болѣе километра, мы встрѣчаемъ новое затрудненіе. Преграда, представившаяся на этотъ разъ, кажется намъ непреодолимою: это — потокъ въ четыре или пять метровъ шириною, заключенный между крутыми, почти отвѣсными, скользкими берегами. Оставить ли намъ коляску и оправдать предсказанія маіора? Мы были въ недоумѣніи, но наши конвойные скоро вывели насъ изъ затрудненія: они пустились въ галопъ къ хижинамъ, крыши которыхъ виднѣлись сквозь деревья, и скоро мы увидѣли ихъ возвращавшимися съ толпою сильныхъ, здоровыхъ крестьянъ. Въ одинъ мигъ лошади были отпряжены, и мы переправились чрезъ потокъ на ихъ спинахъ, тогда какъ коляска была перенесена на рукахъ и втащена на крутой берегъ крестьянами.

Тамъ мы сѣли опять въ нее и, чрезъ полчаса быстрой ѣзды, сопровождаемой страшными толчками, остановились предъ нашею палаткою, расположенною у подножія великолѣпной смоковницы, возлѣ ручья, по другую сторону котораго виднѣлись дома мѣстечка Кундвагъ. Тамошній танагдаръ явился къ намъ немедленно съ предложеніемъ доставить все необходимое для насъ и нашей многочисленной свиты.

4 ноября. — Мы отправились изъ Кундвага рано утромъ, въ нашей коляскѣ, со всѣмъ багажемъ и всѣми людьми. Дорога, если можно дать это названіе узкой, дурной тропѣ, находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ десять часовъ мы прибыли на берега Парбати, которая

имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около пятисотъ метровъ въ ширину и заключена между высокими берегами. Вода слишкомъ глубока и теченіе ея слишкомъ быстро, чтобы можно было надѣяться переѣхать чрезъ нее въ бродъ въ нашей колясцѣ, а потому мы должны были обратиться за помощью къ жителямъ одной сосѣдней деревни, которые сейчасъ же явились съ полною готовностью намъ помочь. Они принесли съ собою до тридцати кургасъ, или ведеръ, которыми женщины черпаютъ обыкновенно воду. Эти ведра, связанныя попарно, были прикрѣплены къ длиннымъ шестамъ такъ, что отверстія ихъ находились наверху; затѣмъ люди, войдя въ воду, образовали изъ нихъ родъ плота, на который и была поставлена коляска. Мы сѣли въ нее и спокойно поплыли на этомъ импровизированномъ паромѣ, подталкиваемомъ крестьянами, къ противоположному берегу. Постройка этого парома и переправа чрезъ рѣку на немъ продолжались не болѣе получаса.

Въ одиннадцать часовъ мы прибыли безъ всякихъ затрудненій въ деревню Кураваръ и расположили нашъ лагерь посреди рощи изъ дикихъ финиковыхъ деревьевъ самой мелкой породы, которыя являются единственными представителими пальмоваго семейства на горныхъ равнинахъ центральной Индіи. Эти рощи выростаютъ внезапно во всѣхъ сухихъ мѣстностяхъ и рѣдко достигаютъ въ вышину болѣе трехъ метровъ. Плоды ихъ весьма мало походятъ на финики; они мучнисты и безъ всякаго вкуса; но, тѣмъ не менѣе, туземцы весьма тщательно собираютъ ихъ, такъ какъ изъ ихъ сока выдѣлывается родъ кисловатаго вина.

Едва мы успѣли раскинуть нашъ лагерь, какъ къ намъ явился принцъ назингурскій, сынъ раджи, на территоріи котораго мы находились со времени нашей переправы чрезъ Парбати.

Этотъ принцъ, заѣхавши въ эти мѣста съ намѣреніемъ охотиться, какъ намъ передали, пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе; но я подозрѣваю, что онъ былъ нарочно присланъ своимъ отцомъ, старымъ фанатикомъ, ненавидящимъ христіанъ.

Я вышелъ къ нему на встрѣчу и увидѣлъ чрезвычайно красиваго молодого человѣка съ гордою осанкою и дерзкимъ видомъ. Онъ вошелъ, по моему приглашенію, въ палатку и, послѣ обмѣна обыкновенныхъ привѣтствій, спросилъ меня, не располагаемъ ли мы удостоить Нарзингуръ нашимъ посѣщеніемъ. Когда я ему отвѣтилъ утвердительно, онъ началъ отклонять меня отъ этого намѣренія, принявшись описывать столицу своего отца самыми мрачными красками. Я ему замѣтилъ на это, что,

находясь на разстояніи одного дня ѣзды отъ Нарзингура, мы не можемъ возвращаться назадъ, и прибавилъ, что его отецъ, магараджа, долженъ быть уже предупрежденъ о нашемъ пріѣздѣ сегорскимъ резидентомъ.

Тогда принцъ, вставъ порывисто съ своего мѣста, простился съ нами, и одинъ изъ нашихъ людей слышалъ, какъ онъ, по выходѣ изъ нашей палатки, произнесъ шепотомъ: «Никогда не войдутъ въ Нарзингуръ эти собаки». Подобный пріемъ я встрѣчалъ въ первый разъ на индѣйской территоріи и въ особенности у раджпутовъ.

Но часъ завтрака насталъ уже давно, и такъ какъ визитъ принца помѣшалъ мнѣ позаботиться о провизіи, то я поторопился, сейчасъ же послѣ его отъѣзда, послать моего стараго бера въ деревню, чтобы просить пателя прислать намъ съѣстныхъ припасовъ, поручая ему при этомъ передать, что за все, доставленное въ нашъ лагерь, будетъ немедленно уплачено.

Чрезъ десять минутъ мой посланный вернулся въ изорванномъ платьѣ и избитый до синяковъ. Онъ разсказалъ намъ, что, войдя въ деревню, онъ нашелъ тамъ принца, сидѣвшаго на скамейкѣ у дома пателя и окруженнаго двадцатью солдатами въ лохмотьяхъ. Онъ приблизился къ пателю, стоявшему возлѣ принца, и, поклонившись послѣднему, передалъ смиренно мою просьбу, вѣроятно, слишкомъ смиренно, такъ какъ принцъ, вскочивъ съ азартомъ съ своего мѣста, закричалъ во все горло: «Скажи твоему господину, что ни его, ни подобныхъ ему мы вовсе не желаемъ здѣсь видѣть, что они намъ не нужны», и, осыпая меня ругательствами, прибавилъ: «если онъ желаетъ получить провизіи, то пускай придетъ за нею самъ, — онъ получитъ ее отъ меня лично, я ему дамъ провизіи». Мой бѣдный бера отвѣтилъ на это, что онъ не осмѣлится передать мнѣ такихъ словъ, и сталъ настаивать, чтобы патель исполнилъ мое требованіе. Видя это, двое изъ товарищей принца бросились на него, дали ему нѣсколько пощечинъ и затѣмъ начали его гнать изъ села, нанося ему удары сабельными ножнами.

Оскорбленіе было слишкомъ велико, чтобы я могъ оставить его безнаказаннымъ. По одному моему знаку, бопальскіе совари, сильно возмутившіеся разсказомъ бера, были въ сѣдлахъ, и мы, съ Шаумбургомъ, вскочивъ на лошадей, встали во главѣ отряда. Прежде чѣмъ тронуться съ мѣста, я старался внушить моимъ людямъ воздержность, и, возлагая затѣмъ отвѣтственность за все, что могло произойти, на принца, отправился со всѣмъ моимъ отрядомъ по направленію деревни. Совари зарядили свои ружья, и мы двигались впередъ съ большою осто-

ОТПРАВ

рожностью, изъ боязни какой нибудь засады. Такъ мы доѣхали до находившейся въ деревнѣ площади, которая была совершенно пуста. Но вдругъ изъ-за одного дома поспѣшно вышелъ какой-то плотный мужчина и распростерся предъ моею лошадью. «О, добрый господинъ, я патель. Вы получите все, что вамъ нужно, и получите безплатно. Принцъ былъ вѣрно пьянъ; простите ему; увидѣвъ, что вы ѣдете сюда, онъ пустился бѣжать съ своими людьми».

Я успокоилъ пателя, сказавъ ему, что мы мирные путешественники, не имѣющіе никакихъ притязаній къ нему, кромѣ полученія необходимой для насъ провизіи, по базарнымъ цѣнамъ. Бѣднякъ всталъ, дрожа еще отъ страха, и, позвавъ своихъ слугъ, которые всѣ попрятались при нашемъ появленіи въ деревнѣ, велѣлъ собрать зерна, фуражу, молока и дровъ, однимъ словомъ—всего, чего мы требовали, и доставить намъ немедленно. Если бы кто нибудь увидѣлъ насъ, когда мы выѣзжали изъ деревни, провожая, въ видѣ конвоя, съ обнаженными саблями толпу крестьянъ, нагруженныхъ всякаго рода провіантомъ,—принялъ бы скорѣе за мародеровъ, чѣмъ за мирныхъ путешественниковъ, купившихъ за деньги всю эту провизію. Ничего подобнаго не случалось съ нами со времени нашего выѣзда изъ Минара.

Вечеромъ къ намъ явился съ визитомъ толстый патель, и, предложивъ намъ проводниковъ, посовѣтовалъ отправить нашихъ людей и багажъ въ Нарзингуръ, чтобъ они успѣли все приготовить и устроиться къ нашему пріѣзду, который долженъ былъ послѣдовать на другой день. Мы послушались этого совѣта, и, оставивъ при себѣ только двухъ человѣкъ изъ нашего конвоя, провели ночь довольно удобно въ нашей коляскѣ.

5 ноября.—Отъ Куравара до Нарзингура всего 22 километра, но дорога самая отвратительная, какую можно себѣ представить. Мѣстность чрезвычайно неровная, и, сверхъ того, старый нарзингурскій раджа для того, чтобы удалить отъ своей столицы непрошенныхъ гостей, велѣлъ перерѣзать по крайней мѣрѣ въ двадцати мѣстахъ широкими перекопами дорогу, устроенную его предшественниками.

Наконецъ, послѣ четырехчасовой ѣзды, въ продолженіе которой нужно было переносить нашу коляску на рукахъ чрезъ всѣ эти преграды, мы прибыли къ подошвѣ горъ, за которыми лежалъ городъ омутовъ. Но каково же было наше удивленіе, когда мы вдругъ нашли тамъ нашихъ людей измученными до крайности и узнали, что проводники, данные пателемъ, проводили ихъ всю ночь по долинѣ и утромъ оставили

ихъ въ десяти километрахъ отъ дороги, по которой они должны были бы слѣдовать.

Мы вмѣстѣ поднялись съ большими затрудненіями на косогоръ, защищенный во многихъ мѣстахъ полуразвалившимися стѣнами. Очутившись на вершинѣ, мы увидѣли внизу, подъ нашими ногами, городъ, расположенный въ глубинѣ прелестной долины, на берегу озера, которое осѣняется тѣнью большихъ деревьевъ и въ которомъ отражаются многочисленныя башенки королевскаго дворца, господствующаго надъ гребнемъ небольшой возвышенности. Едва мы успѣли прибыть, какъ къ намъ явился съ визитомъ деванъ, распорядившійся, чтобы намъ были доставлены всѣ припасы и извинявшійся за дурной пріемъ, который намъ былъ сдѣланъ въ Кураварѣ. По его словамъ, мы были жертвою одного недоразумѣнія: насъ приняли, какъ онъ увѣрялъ, не за европейцевъ, но за благородныхъ мусульманъ изъ Бопала, страны, съ которою Нарзингуръ находится въ отношеніяхъ довольно натянутыхъ. Конечно, я не придавалъ особенной вѣры этимъ объясненіямъ и отказался принять переданное мнѣ приглашеніе стараго раджи посѣтить его дворецъ.

Нарзингуръ одна изъ столицъ Омутвара. Омуты, уроженцы Мейвара, занимались нѣкогда профессіею вожаковъ верблюдовъ. Въ XV вѣкѣ они переселились изъ Мейвара въ Мальву, гдѣ и устроились. Лишь со времени паденія могущества моголовъ, двое изъ ихъ начальниковъ сдѣлались независимыми и раздѣлили между собою страну: первый—Моганъ Зингъ—поселился въ Раджгурѣ, второй—Парсерамъ въ Нарзингурѣ. Еще немного времени тому назадъ омуты занимали весьма незначительное мѣсто между раджпутскими племенами; но одинъ изъ раджей женился на удейпурской принцессѣ, и этотъ союзъ ихъ облагородилъ на столько, что они считаются нынѣ одною изъ высшихъ кастъ.

6-го ноября.—Послѣ такого утомительнаго путешествія и непріятностей, которыя мы вынесли въ эти послѣдніе дни, мы чувствовали потребность отдохнуть день, который и расположились провести на берегу Нарзингурскаго озера, подъ тѣнью большихъ деревьевъ. Погода стоитъ превосходная, прохладная, такъ какъ это время наступленія мягкой индѣйской зимы, которая можетъ назваться прелестнѣйшею весною на всемъ земномъ шарѣ.

Одинъ изъ нашихъ слоновъ доставилъ намъ забавное зрѣлище охоты за нимъ. Вожакъ повелъ его купать въ озеро и онъ, вырвавшись

ОТПЕЧАТАНО

изъ его рукъ, поплылъ на средину, ныряя, кувыркаясь въ водѣ и выдѣлывая разные забавные маневры. Возвращаться на землю онъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ и не обращалъ вниманія ни на какіе призывы и увѣщанія какъ своего, такъ и прочихъ вожаковъ, которые вынуждены были наконецъ отправиться въ лодкахъ, чтобы пригнать его къ берегу. Болѣе часа продолжалась эта охота, и когда наконецъ его заставили выйдти на землю, то сынъ его вожака, девятилѣтній мальчикъ, спрятанный за деревомъ, ухватилъ его за хвостъ. Это громадное животное, чувствуя себя взятымъ въ плѣнъ, остановилось, какъ вкопанное, въ ожиданіи приближенія своего вожака, который, подвергнувъ его заслуженному наказанію, привелъ въ лагерь.

7-го ноября.—Нынче утромъ мы оставили негостепріимную долину, и намъ пришлось перебираться чрезъ горы, господствующія надъ нею на сѣверѣ. Наши лошади карабкаются на нихъ какъ дикія козы и бодро тащатъ нашу коляску, которая угрожаетъ каждую минуту разлетѣться въ дребезги.

Но вотъ проѣхали мы благополучно чрезъ утесы и спустились въ равнину, гдѣ также на каждомъ шагу встрѣчаются рвы и разсѣлины; однако же вдали мы видимъ уже Біуру, гдѣ мы выйдемъ опять на англійскую дорогу и гдѣ должны окончиться наконецъ всѣ наши затрудненія и напасти. Какова же досада!—вдругъ въ тотъ самый моментъ, когда взорамъ нашимъ представляется эта пристань, въ ушахъ нашихъ раздается роковой трескъ: сломалась ось. Нечего дѣлать, пришлось отпречь лошадей и ѣхать въ Біуру верхомъ.

На наше счастіе, Біура, маленькій городокъ, имѣющій почтовую контору и телеграфъ, директоръ которыхъ, одинъ бенгальскій бабу, увидѣвъ, что мы ѣдемъ верхами на лошадяхъ въ упряжной сбруѣ, поспѣшилъ предложить намъ свои услуги. Мы попросили его указать намъ только каретника и гостинницу. Онъ обѣщалъ прислать намъ перваго и указалъ послѣднюю, и, подъѣзжая къ ней, мы нашли нашу свиту уже расположившеюся лагеремъ возлѣ нея.

9-го ноября.—Вчера нашъ экипажъ былъ исправленъ и нынче мы отправились далѣе. Теперь предъ нами тянется превосходная дорога, идущая съ юга изъ Бомбея къ сѣверу въ Агру. Это вѣтвь знаменитой trunk road, соединяющей Калькуту съ разными резиденціями. Теперь я могу похвалить себя за свое упрямство, такъ какъ мы поѣдемъ къ Гваліору настоящими пашами.

Отправившись въ восемь часовъ утра, мы ѣхали въ продолженіе де-

сяти миль чрезъ страну слегка волнистую, покрытую плантаціями и усѣянную деревнями. Завтракали мы въ маленькомъ бунгаловѣ, живописно расположенномъ на правомъ берегу Горапершара. Англичане строятъ превосходный мостъ чрезъ эту хорошенькую рѣчку, весьма неширокую и съ тихимъ теченіемъ, но въ настоящее время наполняющуюся водою отъ дождя до тридцати метровъ въ глубину и прерывающую тогда сообщеніе.

Наши люди, пріѣхавъ въ гостинницу ранѣе насъ, приготовили намъ завтракъ, послѣ котораго наша свита сейчасъ же отправилась далѣе, между тѣмъ какъ мы остались на нѣсколько часовъ, чтобы дать ей время прибыть ранѣе насъ на ночлегъ и устроить все къ нашему пріѣзду. Послѣ краткаго отдыха, мы принялись охотиться за гараперпшарскими утками, и только въ четыре часа по полудни сѣли въ нашу коляску и пустились въ бродъ чрезъ рѣку. На нѣсколько миль дорога тянется по прямой линіи, но затѣмъ она извивается между живописными холмами, позади которыхъ тянутся опять прелестныя долины, покрытыя плантаціями, усѣянныя группами деревьевъ и перерѣзываемыя лѣсистыми холмами.

Близъ деревни Бинагома, около маленькой гостинницы, расположенной на вершинѣ одного холма, мы увидѣли нашъ лагерь, гдѣ уже былъ накрытъ для насъ столъ.

10-го ноября. — По выѣздѣ изъ Банагома, мы продолжаемъ путешествовать по горной и лѣсистой странѣ и завтракаемъ, какъ и вчера, въ одномъ бунгаловѣ, расположенномъ также на берегу рѣки, только не Горапершара, а Парбати. Это та самая рѣка, чрезъ которую мы переправлялись нѣсколько дней тому назадъ; только тутъ она шире и глубже, чѣмъ тамъ; но берега ея сообщаются паромомъ и потому переправа чрезъ нее не представляетъ никакого неудобства.

Вечеромъ мы расположили нашъ лагерь близъ бунгалова Гаванъ, вокругъ гостинницы, носящей то же названіе. Въ нѣсколькихъ километрахъ оттуда возвышается утесъ, надъ которымъ господствуютъ валы и разрушенные дворцы Рагугура, древней столицы раджпутскихъ и кичиварскихъ королей, столь-же знаменитой въ индусскихъ лѣтописяхъ по своей геройской защитѣ противъ мусульманъ, какъ и Читоръ. Кичивара со всѣми окрестными округами, причисляющимися къ ней, входитъ въ составъ Синдскаго королевства.

11-го ноября. — Изъ Гавана до Ротеаи 20 миль, и мы проѣхали ихъ, останавливаясь, какъ и въ предшествовавшіе дни, въ одномъ бун-

галовѣ, расположенномъ на полдорогѣ, и, странное дѣло! также на берегу рѣки Шовпетъ, чрезъ которую намъ предстоитъ переправляться.

12-го ноября. —Мы оставили Ротеаи рано утромъ; было очень холодно; страна, поднимавшаяся постоянно съ Біура, становится все диче и гористѣе.

Вмѣсто плантацій, взорамъ представляются непроницаемыя камышевыя дебри, покрывающія все болѣе и болѣе возвышающіеся холмы. Дорога идетъ то извиваясь въ глубинѣ рвовъ, то поднимаясь на крутыя покатости, то спускаясь съ нихъ, что, впрочемъ, составляетъ неудобство только для нашихъ лошадей, но отнюдь не для насъ, такъ какъ эти затрудненія и медленность путешествія выкупаются вполнѣ прелестною панорамою ущельевъ, покрытыхъ лѣсомъ, утесовъ и холмовъ, теряющихся изъ вида въ отдаленныхъ уже отъ насъ долинахъ Кичивара.

Проѣзжая чрезъ одно ущелье, мы имѣли непріятность встрѣтить великолѣпнаго королевскаго тигра; пробужденный, вѣроятно, стукомъ нашихъ колесъ, онъ выскочилъ изъ чащи и перебѣжалъ чрезъ дорогу въ десяти метрахъ отъ нашихъ лошадей, которыя, увидѣвъ страшнаго звѣря, помчались съ быстротою молніи, угрожая разбить въ дребезги нашъ экипажъ, что, конечно, было бы не безопасно и для насъ. Эти лѣса, впрочемъ, изобилуютъ разными хищными звѣрями и преимущественно тиграми, которые мало по малу изгнали оттуда людей.

Выбравшись изъ горъ, мы въѣхали въ прекрасную долину, покрытую плантаціями, посреди которыхъ лежитъ Гунагъ, значительный маленькій городъ, столица одной изъ синдскихъ субабій и мѣсто стоянки одного англійскаго полка.

13-го ноября. Въ десяти миляхъ отъ Гунага мы остановились въ бунгаловѣ Багдовра, расположенномъ у подошвы маленькаго укрѣпленнаго замка, резиденціи одного раджпутскаго такура, вассала Синдіи. По другую сторону холма лежитъ очень некрасивый и окруженный полуразвалившимися стѣнами городъ.

Такуръ, узнавшій отъ солдатъ нашего конвоя, что мы были хорошо приняты удейпурскимъ магараджей, явился къ намъ съ визитомъ. Это любезный старичекъ, очень умный и знающій всѣ легенды провинціи.

Когда я сталъ его разспрашивать о нѣкоторыхъ сосѣднихъ княжествахъ и, между прочимъ, о Тонкѣ, съ набобомъ котораго, если читатель припомнитъ, мы встрѣтились въ Дигѣ (Digh), онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Развѣ вы не знаете недавняго происшествія и что набобъ находится въ плѣну у бара сиркара [1])?

— Ничего не знаю.

— Ну, такъ я вамъ разскажу. Вамъ извѣстно, конечно, что набобъ Амиръ-ханъ, проклятый туркъ, былъ главнымъ начальникомъ этихъ разбойниковъ, пиндарисовъ, которые въ продолженіе 20 лѣтъ опустошали нашу бѣдную страну огнемъ и мечемъ, грабя для того, чтобы грабить, не зная ни друзей, ни враговъ. Когда англичане увидали это, они объявили имъ войну и стали преслѣдовать ихъ. Генералу Малькольму было много хлопотъ съ ними, и ему никогда неудалось бы побѣдить этихъ неуловимыхъ разбойниковъ, если бы онъ не подкупилъ Амиръ-хана, который, бросивъ своихъ старыхъ союзниковъ, перешелъ на сторону англичанъ. Въ вознагражденіе за свою измѣну, бандитъ получилъ отъ сагиба Малькольма нѣсколько помѣстьевъ, отнятыхъ у раджпутскихъ принцевъ, бывшихъ всегда друзьями англичанъ.

Сынъ Амиръ-хана, настоящій набобъ, былъ ярый мусульманинъ, и, не довольствуясь помѣстьями, данными его отцу, захотѣлъ избавиться отъ раджпутскихъ такуровъ, сдѣлавшихся его вассалами. Одинъ изъ нихъ, такуръ Лава, почтенный старикъ, котораго мы всѣ любили, былъ въ особенности ненавидимъ набобомъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, ханъ пригласилъ Лаву пріѣхать къ нему подъ предлогомъ, что желаетъ переговорить съ нимъ относительно его помѣстья. На другой день такуръ отправляется въ Тонкъ въ сопровожденіи своихъ слугъ, и, по пріѣздѣ въ городъ, узнаетъ, что деванъ желаетъ переговорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ явится во дворецъ. Онъ немедленно отправился къ дому министра, безъ всякихъ опасеній въѣзжаетъ съ своею свитою на дворъ и, сойдя съ лошади, идетъ прямо къ лѣстницѣ, ведущей въ залу аудіенціи; но едва поднялся онъ на нѣсколько ступеней, какъ вдругъ двое убійцъ бросаются на него. Онъ храбро защищается и успѣваетъ выскочить на дворъ. Тамъ его люди сражаются противъ наемныхъ белуджей, ханской гвардіи, которые стрѣляютъ въ нихъ изъ оконъ нижняго этажа. Отступленіе невозможно, такъ какъ ворота на улицу заперты. Храбрые раджпуты сражаются съ ожесточеніемъ отчаянія и падаютъ всѣ подъ пулями; но все-таки они успѣли убить восемь человѣкъ изъ своихъ убійцъ. Деванъ,

[1]) Подъ названіемъ сара сиркара подразумѣвается вице-король Индій.

испугавшись всей этой рѣзни, убѣжалъ во дворецъ къ своему господину. Когда имъ сообщили, что борьба кончена, ханъ прибылъ на мѣсто бойни, чтобы насладиться лицезрѣніемъ труповъ своихъ враговъ.

— Вы понимаете, что бара сиркаръ не могъ оставить безнаказаннымъ этого преступленія, такъ какъ всѣ раджпуты возстали бы въ такомъ случаѣ. И такъ набобъ былъ арестованъ; говорятъ, что онъ будетъ лишенъ престола, на который будетъ возведенъ вмѣсто него его малолѣтній сынъ, а правителемъ будетъ регентъ изъ англійскихъ офицеровъ».

Позднѣе я увѣрился, что разсказъ такура былъ вполнѣ вѣренъ; и кровожадный набобъ искупаетъ дѣйствительно нынѣ свое отвратительное преступленіе въ заключеніи.

Въ тотъ же вечеръ мы пустились опять въ путь и доѣхали до Гательпорскаго бунгалова, который былъ занятъ офицерами 26 пѣхотнаго полка, отправляющагося изъ Пенджаба въ Абиссинію, чтобы воевать противъ императора Ѳеодора. Узнавъ о нашемъ званіи отъ нашихъ людей, они пригласили насъ обѣдать вмѣстѣ съ ними, и мы провели вечеръ чрезвычайно пріятно въ ихъ обществѣ.

15-го ноября. Вечерашній и нынѣшній день мы ѣхали по однообразнымъ долинамъ сѣверной Мальвы и прибыли наконецъ въ Сипри, главный городъ одной изъ синдскихъ субабій. Это древній городъ, окруженный великолѣпными, прекраснаго стиля развалинами, свидѣтельствующими о его прежнемъ величіи. Окрестности его очень богаты и превосходно обработаны. Земледѣліе находится почти исключительно въ рукахъ жатовъ, этой великой и прекрасной рассы, съ которою я уже познакомилъ моихъ читателей.

Было бы злоупотребленіемъ съ моей стороны удерживать долѣе конвой, который дала мнѣ Бегаума, такъ какъ мы находимся на разстояніи уже 360 километровъ отъ Бопала и только 135 метровъ отъ Гваліора. Единственныя для дальнѣйшаго путешествія средства, которыя представляетъ Сипри,—это чопайя для меня и моихъ людей и телѣга для багажа; но, тѣмъ не менѣе, я рѣшился отправить завтра же бопальскій конвой; однако не безъ колебаній я принялъ это рѣшеніе. Я не забылъ еще моего путешествія между Агрою и Буртпоромъ въ этомъ адскомъ экипажѣ, называемомъ чопайею и представляющемъ собою орудіе пытки. Перспектива пересѣсть въ него изъ нашей комфортабельной коляски не очень-то заманчива. Однакоже, дѣлать нечего и, путешествуя по Индіи, нужно мириться со всѣми этими малень-

ОГПИБ СО РАН

Священный островъ Девинатъ на Гангѣ.

кими неудобствами и внезапными измѣненіями фортуны. Нынче же вечеромъ я прощаюсь съ моими спутниками, бопальцами, оказавшими мнѣ такъ много услугъ и не сдѣлавшими ни малѣйшей непріятности во все время нашего путешествія.

16-го ноября.—Вотъ наша чопайя у подъѣзда бунгалова. Эта колесница съ своимъ ящикомъ, выкрашеннымъ голубою краскою и украшеннымъ цвѣтами и фигурами миѳологическихъ боговъ, своими рѣзными колонками—достойна занять мѣсто въ любомъ музеумѣ. Кромѣ того, упряжь ея, состоящая изъ большихъ бѣлыхъ быковъ, покрытыхъ красными попонами, придаетъ ей большое сходство съ тѣми колесницами, на которыхъ катались нѣкогда, по легендарнымъ сказаніямъ, наши праздные короли. Однакоже, говоря откровенно, мы оставались нечувствительными къ живописнымъ орнаментамъ чопайи и старались только устроить внутри ея нѣкоторыя удобства. Кузовъ, имѣющій три метра въ длину и около двухъ въ ширину, раздѣляется фиктивно на два отдѣленія: заднее снабжено матрасами и подушками, и образуетъ широкую постель, на которой намъ будетъ довольно удобно лежать;—это спальня; переднее же будетъ служить намъ салономъ; въ немъ находятся столъ, прикрѣпленный къ полу, два соломенныхъ кресла, морской фонарь, наши ружья и инструменты.

Эти приготовленія заняли у насъ цѣлый день, и такъ какъ мы располагаемъ путешествовать день и ночь, то нынче вечеромъ мы выѣдемъ изъ Сипри въ нашей колесницѣ.

17-го ноября.—Ночь мы провели очень хорошо, не смотря на безчисленные толчки. Первые лучи свѣта разбудили меня, и я вышелъ изъ моей подвижной спальни на дорогу. Быки медленно поднимаются на крутой косогоръ, извивающійся между холмами, покрытыми камнемъ. Со всѣхъ сторонъ раздается веселое чириканье куропатокъ, спокойно сидящихъ посреди дороги, не смотря на стукъ колесъ нашей колесницы. Нѣсколько штукъ изъ этихъ довѣрчивыхъ птицъ я застрѣлилъ, также какъ одну драхву, прогуливавшуюся въ травѣ одной лощины. Дичь эта попалась намъ очень кстати, такъ какъ мы останавливаемся завтракать въ заброшенномъ бунгаловѣ Гарагата, расположенномъ посреди пустынной обнаженной мѣстности. Пока мы завтракаемъ, наши быки съѣдаютъ свои порціи соломы и проса, и мы опять пускаемся въ путь.

Этотъ способъ путешествія былъ бы очень пріятенъ, если бы быки двигались не такъ медленно; но они идутъ себѣ тихимъ шагомъ и, не смотря на всѣ крики и ругательства нашего возницы, не ускори-

© ГПНТБ СО РАН

ваютъ его и проходятъ три километра въ часъ. Впрочемъ, какъ только приходится спускаться съ возвышенности, то они пускаются въ галопъ и мчатся съ быстротою, внушающею намъ сильныя опасенія, что наша колесница разлетится въ дребезги, и опасенія тѣмъ болѣе основательны, что обыкновенно внизу дорога перерѣзывается потоками, чрезъ которые переброшены легкіе мостики. При такихъ спускахъ мы слѣдуемъ за нашею колесницею пѣшкомъ съ трубкою въ зубахъ и ружьемъ на плечѣ. Погода прохладная и сухая, и эти прогулки очень пріятны, такъ какъ отъ времени до времени онѣ доставляютъ намъ случай поохотиться за дикою козою и какою нибудь любопытною птицею. Но, кромѣ того, мы имѣемъ еще и другое развлеченіе: это считать дорожные столбы, мимо которыхъ мы проходимъ, и опредѣлять такимъ образомъ большую или меньшую медленность, съ которою мы двигаемся.

Около вечера взорамъ нашимъ представляется болѣе красивая мѣстность, и мы вступаемъ въ горы, которыя прорѣзываются рѣкою Чота-Парбати, маленькимъ притокомъ Синда-Бундели. Близъ бунгалова Могани, гдѣ мы расположились обѣдать, рѣка эта течетъ чрезъ скалы и образуетъ два или три красивыхъ водопада.

Подъ кровомъ бунгалова мы находимъ продукты цивилизаціи—хорошія постели и изрядную кухню. Мѣстный кансамахъ совѣтуетъ намъ, услыхавъ наши жалобы на медленность ѣзды въ нашей колесницѣ, отправить ее съ нашими людьми и багажемъ, а самимъ ѣхать съ почтою, которая должна проѣзжать мимо бунгалова завтра утромъ, что дастъ намъ возможность провести ночь въ покойныхъ постеляхъ, и затѣмъ доѣхать до Гваліора въ нѣсколько часовъ. Почтовый агентъ, живущій близъ бунгалова, удостовѣрилъ насъ, что мы найдемъ мѣста въ каретѣ, и я послушался совѣта кансамаха и остался въ Моганѣ.

18-го ноября.—«Вотъ и маль-картъ, господа», закричалъ служитель рано утромъ, вбѣгая въ наши комнаты. Мы поспѣшно вышли на улицу и увидѣли на дорогѣ фантастическую упряжь изъ трехъ лошадей, несущихся во весь карьеръ съ ящикомъ на двухъ огромныхъ колесахъ, выкрашеннымъ красною краскою.

Въ одинъ моментъ карета очутилась возлѣ насъ; лошади быстро были выпряжены и на мѣсто ихъ впряжены другія.

«Скорѣй, господа!» сказалъ намъ почтарь, высокій, худой индѣецъ въ старой изъ краснаго сукна туникѣ, не закрывающей его худыхъ, длинныхъ и голыхъ ногъ. Я помѣстился рядомъ съ нимъ, а Шаумбургъ сѣлъ сзади, на другой половинѣ ящика.

«Держитесь крѣпче!»—замѣтилъ почтарь, и замахалъ своимъ кнутомъ. Лошади помчались во весь карьеръ, и ящикъ нашъ запрыгалъ такъ, что мнѣ казалось каждую минуту, что вотъ онъ перелетитъ съ нами чрезъ лошадей. Хочу говорить—невозможно: челюсти отъ толчковъ стучатъ одна о другую и, того и гляди, перерѣжутъ языкъ; индѣецъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ держится почти стоя на своихъ козлахъ и безпощадно хлещетъ лошадей, которыя несутся на горы и съ горъ съ одинаковою быстротою. Лишь изрѣдка могъ я окинуть взоромъ страну, чрезъ которую мы мчались, подбрасываемые неистовыми толчками; впрочемъ, не привлекательна панорама всей этой мѣстности, покрытой обнаженными сѣрыми скалами, пустынной и лишенной всякой растительности. Но вотъ мы достигли наконецъ станціи. Я воспользовался этою минутою, чтобы спросить почтаря, неужели онъ поскачетъ опять такимъ же бѣшенымъ карьеромъ, какъ скакалъ до сихъ поръ. «Baba sahiba houkoum!» Таковъ порядокъ! отвѣтилъ онъ мнѣ. Мой вопросъ былъ дѣйствительно безсмысленъ; почта не можетъ ѣздить тихо; но въ Индіи она ѣздитъ скорѣе, чѣмъ гдѣ либо; это не ѣзда, но сумасшедшая, бѣшеная скачка; всякій день лошади и почтари ломаютъ на дорогѣ себѣ руки и ноги; но это не бѣда: письма должны быть доставлены; другой курьеръ подбираетъ ихъ и везетъ далѣе.

Такъ мы проѣзжаемъ нѣсколько перегѣздовъ, останавливаясь на станціяхъ на нѣсколько минутъ; мнѣ кажется, что я не въ состояніи буду долго выносить эту пытку, такъ какъ толчки такъ сильны, что невозможно держать трубки въ зубахъ. Спускаясь съ одной горы, мы увидѣли множество экипажей, загораживавшихъ намъ путь. Кондукторъ протрубилъ два раза въ свою трубу, и едва экипажи успѣли раздвинуться, какъ онъ проскакалъ между ними безъ всякой осторожности, задѣвая за ихъ колеса. Я узналъ нашу чопайю. «Стой», закричалъ я кондуктору: «я хочу слѣзть». — «Почта останавливается только на станціяхъ», отвѣтилъ онъ мнѣ.

О, зачѣмъ только я оставилъ мою чопайю, мелькнуло у меня въ головѣ, какъ покойна была ровная, медленная поступь нашихъ быковъ!

На слѣдующей станціи мнѣ сказали, что мы находимся всего на разстояніи восьми километровъ отъ Гваліора, который былъ скрытъ отъ нашихъ взоровъ холмами, лежавшими по направленію къ сѣверу. Въ виду близости пристани нужно было рѣшиться ѣхать опять въ адской таратайкѣ. Дѣйствительно, проѣхавши нѣсколько минутъ и поднявшись на вершину одной крутой горы, мы увидѣли въ глубинѣ долины, рас-

ОТПЕЧАТАН

крывшейся предъ нами, хорошенькой Лашкаръ съ его блестящими дворцами, зелеными садами, древнею крѣпостью, величественно господствующею надъ скалою.

Десять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, и когда онъ предсталъ предо мною, я обрадовался, какъ будто увидѣлъ стараго друга послѣ долгой разлуки.

Наконецъ, окончились наши страданія; лошади остановились у подъѣзда бунгалова Катигати, и мы сошли измученные и разбитые съ нашего ящика, давая себѣ слово, но немножко поздно, не предпринимать болѣе путешествій по индѣйскимъ дорогамъ на маль-картѣ.

LV.

Гваліоръ.

Лагерь у подножія крѣпости. — Мораръ. — Придворная драма.—Фуль Багъ.—Синдскій дурбаръ.—Бракъ дочери короля.—Взглядъ назадъ.—Дакъ гари.—Агра.

Читатель припомнитъ, что въ январѣ мѣсяцѣ мы только проѣхали чрезъ Гваліоръ и посвятили лишь нѣсколько дней на осмотръ его знаменитой крѣпости. Такъ какъ настоящее посѣщеніе было послѣднее, то я рѣшился продлить его, чтобы осмотрѣть всѣ эти великолѣпные памятники и узнать ближе синдскій дворъ, которые я видѣлъ лишь мелькомъ.

Чтобы предаваться на свободѣ моимъ наблюденіямъ я оставилъ бунгаловъ на другой же день моего пріѣзда и расположилъ свой лагерь на берегахъ рѣки Савунрики, которая, протекая вдоль восточнаго берега скалы, на которой возвышается крѣпость, извивается чрезъ старый городъ. Трудно встрѣтить болѣе живописный и грандіозный пейзажъ, чѣмъ этотъ. Предъ нашею палаткою на противуположной сторонѣ рѣки, текущей по глубокому рву, разстилался городъ съ своими большими минаретами, древними зданіями, садами, раскинутыми у подошвы скалы, великолѣпнаго въ триста футъ вышиною пьедестала, увѣнчаннаго храмами и дворцами. Позади, напротивъ, открывалась плодородная долина, слегка волнистая и прорѣзанная во всѣхъ направленіяхъ длинными рядами деревьевъ.

Я не буду повторять здѣсь описанія всѣхъ чудесъ цитадели, такъ какъ результатъ всѣхъ моихъ изслѣдованій въ Гваліорѣ, сдѣланныхъ

© ГПНТБ СО РАН

во время моего двоекратнаго пребыванія въ немъ, представленъ мною уже выше. Впрочемъ, цитадель очень измѣнилась со времени моего перваго посѣщенія; англичане производили тамъ очень важныя фортификаціонныя работы и не щадили древнихъ памятниковъ. Часть пальскаго дворца была окончательно уничтожена; колоссы Урвгайя исчезали подъ земляными насыпями. Моимъ фототрафіямъ было предназначено сдѣлаться послѣдними воспоминаніями этихъ грандіозныхъ проявленій древней индѣйской цивилизаціи.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда я отправился въ Мораръ, чтобы сдѣлать визитъ англійскому резиденту, полковнику Дели, замѣнившему съ января мѣсяца маіора Гутчинсона. Этотъ сановникъ принялъ насъ такъ же любезно, какъ и его предшественникъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что магараджа находился въ настоящее время въ Агрѣ, и вызвался представить насъ ему, какъ только онъ возвратится. Я принялъ съ удовольствіемъ это предложеніе, такъ какъ желалъ поблагодарить принца за услугу, которую онъ оказалъ намъ, снабдивъ насъ конвоемъ до Панны.

Въ это самое время прибылъ въ Морару полковникъ Мидъ, агентъ генералъ-губернатора центральной Индіи. Этого важнаго англійскаго сановника я долженъ былъ также благодарить, такъ какъ читатель помнитъ, конечно, что мы были обязаны тѣмъ хорошимъ пріемомъ, который встрѣчали вездѣ во время нашего путешествія по центральной Индіи, именно ему. До сихъ поръ я не имѣлъ случая познакомиться съ нимъ и потому поспѣшилъ воспользоваться настоящимъ, чтобы выразить ему признательность.

Впрочемъ, его пріѣздъ въ маленькую морарскую колонію былъ сигналомъ къ разнымъ праздникамъ, на которые мы получили приглашенія; и такъ какъ жить въ нашемъ лагерѣ становилось неудобно по случаю холодныхъ ночей, то вакиль его высочества отдалъ въ наше распоряженіе маленькій дворецъ Фуль-Багъ, очаровательное убѣжище, спрятанное посреди апельсинныхъ деревьевъ, въ которое мы и переселились сейчасъ же.

Возлѣ этого дворца возвышается прелестный памятникъ, который я упустилъ изъ виду во время моего перваго посѣщенія: — это изящный мавзолей могольскаго періода, воздвигнутый надъ прахомъ мудраго Мухамеда Гозе, одного изъ любимыхъ совѣтниковъ императора Акбера. Рядомъ съ этою гробницею находятся красивыя развалины мечети, дворъ которой загроможденъ древними гробницами. Въ одной изъ нихъ

заключается прахъ знаменитаго пѣвца, Танъ-Сеина; она находится подъ гѣнью дерева, листья котораго, по народнымъ вѣрованьямъ, имѣютъ свойство давать голосъ пѣвцамъ.

Давно уже мы не присутствовали на такихъ парадныхъ обѣдахъ, балахъ и праздникахъ, какъ тѣ, которые были даны въ Морарѣ европейскимъ обществомъ, а потому съ трудомъ я отъискалъ на днѣ моихъ чемодановъ парадное платье, до того измятое и потертое, что все искусство мѣстнаго портнаго едва могло придать ему нѣсколько представительный видъ. Прибавьте еще, что моя пуховая шляпа совершенно не подходила къ этому костюму, составляющему эмблему цивилизаціи. Однакоже всѣ эти мелочи не помѣшали намъ участвовать на всѣхъ праздникахъ и даже забыть, что время проходитъ, а мы все еще сидимъ въ Гваліорѣ.

Мы рѣшились наконецъ уѣхать, какъ вдругъ 9-го декабря прибылъ изъ Агры его высочество, и на другой же день мы были ему представлены полковникомъ Дели. Король казался мрачнымъ и безпокойнымъ. Во взглядѣ его выражалось какое-то ожесточеніе и суровость, что приводило меня въ крайнее удивленіе. По выходѣ изъ дворца я узналъ причину этого настроенія. При дворѣ произошла драма ужасная, жертвою которой былъ король. Я не рѣшился бы, можетъ быть, разсказать читателю подробностей этого таинственнаго происшествія, если бы оно бросало дурную тѣнь на личность столь почтенную какъ принцъ; но такъ какъ этого нѣтъ, то я разскажу этотъ любопытной случай, обрисовывающій нравы высшихъ индѣйскихъ классовъ.

Между многочисленными женами магараджи была одна, которая пользовалась его полнѣйшею любовью и привязанностью. Однакоже, съ нѣкотораго времени, онъ возъимѣлъ подозрѣнія насчетъ ея вѣрности и, желая убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, онъ поручилъ одному изъ своихъ слугъ тайно наблюдать за королевою. Чтобы предоставить этому агенту полную свободу дѣйствій, онъ уѣхалъ внезапно въ Агру. Спустя нѣкоторое время, онъ получилъ отъ послѣдняго посланіе, приглашавшее его пріѣхать немедленно.

Едва возвратился онъ въ свой дворецъ, какъ повѣренный явился къ нему и сказалъ: «Ваше величество, королева виновна». Принцъ, будучи не въ силахъ удержать своего гнѣва, отвѣтилъ ему: «Ты поплатишься за твою ложь жизнію!» и, выхвативъ изъ ноженъ саблю, хотѣлъ изрубить его. Шпіонъ хладнокровно вынулъ изъ-за пазухи брилліанто-

ОТНБ РАН

вое ожерелье и подалъ его королю, который узналъ въ немъ ожерелье королевы! Тогда шпіонъ разсказалъ, какъ онъ, слѣдя за каждымъ шагомъ королевы, долго не могъ открыть ничего, пока наконецъ, одинъ разъ вечеромъ, войдя вслѣдъ за нею въ храмъ Гунумана, и спрятавшись тамъ за колонною, онъ увидалъ, что къ ней подошелъ одинъ молодой гвардейскій офицеръ и началъ съ нею разговаривать, что тогда онъ внезапно бросился къ нимъ, и, между тѣмъ какъ офицеръ пустился бѣжать со страху, онъ сорвалъ съ шеи королевы ожерелье и также убѣжалъ. Слушая этотъ разсказъ, король, ослѣпленный гнѣвомъ, схватилъ опять свою саблю и хотѣлъ ударить ею проклятаго шпіона, успѣвшаго ускользнуть отъ этого удара. Тогда онъ бросился бѣгомъ къ женскимъ покоямъ; но министры, присутствовавшіе при этой сценѣ, окружили его и старались остановить; однакоже усилія ихъ были тщетны; онъ не хотѣлъ ихъ слушать, пока одинъ изъ нихъ не закричалъ вслѣдъ ему: «Англичане, государь».

При этихъ словахъ онъ выпустилъ изъ рукъ саблю, понявъ, что онъ не можетъ сдѣлаться исполнителемъ своего собственнаго приговора. «Хорошо, пускай же она умретъ!» произнесъ онъ. Тогда передали бѣдной женщинѣ этотъ приговоръ и подали отравленный напитокъ, который убиваетъ не сразу, но постепенно, послѣ долгой, медленной агоніи. Лишь мѣсяцъ спустя, дворъ узналъ о болѣзни и смерти любимой супруги короля.

Это грустное происшествіе случилось очень не къ стати, такъ какъ 16-го магараджа отдавалъ замужъ свою дочь, и церемонія, долженствовавшая совершиться въ этотъ день по священнымъ предзнаменованіямъ, не могла быть отложена, а потому, не смотря на недавнюю катастрофу, о которой говорилось, впрочемъ, съ большою осторожностью, при дворѣ и въ городѣ, всѣмъ европейцамъ были посланы приглашенія присутствовать на праздникахъ, которые затѣвались по этому случаю.

16-го по полудни, мы сѣли на слона и отправились во дворецъ. Улицы были запружены толпами народа въ праздничныхъ костюмахъ, собравшихся, чтобы воспользоваться щедрыми дарами, которые раздаются обыкновенно при этихъ церемоніяхъ. Посреди всего этого люда разъѣзжали взадъ и впередъ парадныя колесницы, закрытыя яркими занавѣсками и запряженныя прекрасными бѣлыми быками съ золотыми рогами, двигались слоны, оглашая воздухъ звономъ большихъ, бронзовыхъ колоколовъ, и кавалькады благородныхъ индѣйцевъ и высшихъ

сановниковъ. Все это вмѣстѣ составляло чрезвычайно живописную картину, и мы любовались ею съ вершины большой дворцовой террасы, гдѣ собрались всѣ дамы и офицеры морарскаго лагеря, въ томъ числѣ и полковникъ Мидъ, а также и прочіе представители англійскаго правительства. Кавалеристы Газратъ-Пага, королевская гвардія, составляла живую загородку и удерживала толпу, тѣснившуюся на дворцовомъ дворѣ, чтобы взглянуть на поѣздъ дворянъ и военныхъ, пріѣзжавшихъ въ блестящихъ костюмахъ изъ драгоцѣнныхъ матерій, усѣянныхъ брилліантами, верхами на дорогихъ коняхъ въ роскошной сбруѣ и съ цѣлыми свитами конюховъ и оруженосцевъ, на тяжелыхъ и тучныхъ министровъ и государственныхъ людей, облеченныхъ въ бѣлыя кисейныя одежды и красные тюрбаны и несенныхъ въ богатыхъ паланкинахъ, въ которыхъ они покоились, растянувшись съ достоинствомъ, свойственнымъ столь важнымъ сановникамъ.

Брамины рѣшили, что религіозная церемонія должна начаться лишь тогда, когда солнце будетъ отстоять на три пальца отъ вершинъ горъ, закрывающихъ горизонтъ съ западной стороны. Незадолго предъ этимъ священнымъ моментомъ на площади показался поѣздъ жениха, и былъ встрѣченъ громкими привѣтствіями толпы. Этотъ молодой человѣкъ изъ королевской фамиліи Синдіасовъ, покрытый золотомъ и драгоцѣнными каменьями, сидѣлъ въ гаудахѣ, воздвигнутомъ въ видѣ храма съ куполами и золотыми столбами на спинѣ слона исполинской величины и покрытаго дорогими матеріями, перьями и украшеніями изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Знатный индѣецъ, сидѣвшій верхомъ на шеѣ животнаго, махалъ надъ головою молодаго принца опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, выходящихъ изъ золотой рукоятки съ инкрустаціей изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

За этою группою, достойною волшебныхъ описаній «Тысячи и одной ночи», слѣдовали слоны съ браминами, бормотавшими громко священные гимны и поднимавшими руки къ небесамъ. За ними двигалась толпа слугъ, несшихъ на плечахъ огромные деревянные позолоченные ящики, украшенные букетами искусственныхъ цвѣтовъ и заключавшіе въ себѣ сокровища, изъ которыхъ должна была составиться свадебная корзина молодой принцессы. Вскорѣ одинъ изъ дворцовыхъ вакилей пришелъ просить насъ присутствовать при совершеніи религіозной церемоніи. Мы сошли съ террасы на одинъ изъ внутреннихъ дворовъ, представ-

СПБ

лявшій огромную палатку, наполненную браминами, обнаженными до пояса и украшенными тройными священными шнурами. Всѣ эти священнослужители были точно бѣсноватые и, отъ времени до времени умолкая, бросали на средину, гдѣ находились женихъ и невѣста, настоящій градъ хлѣбныхъ зеренъ, проса и ржи. Этотъ родъ благословенія не лишенъ оригинальности и мистическаго смысла: хлѣбъ, представляемый зернами, точно также необходимъ для человѣка, какъ и вода, употребляемая при нашихъ религіозныхъ обрядахъ.

Мы съ трудомъ пробрались сквозь эту толпу къ королю, находившемуся въ одномъ изъ угловъ двора. Онъ не былъ такъ мраченъ и озабоченъ какъ во время нашего послѣдняго свиданія съ нимъ.

Настала минута молчанія, и одинъ старый браминъ началъ читать носовымъ голосомъ псалмы хистраса, относящіеся къ браку. Затѣмъ всѣ присутствующіе закричали всѣ въ одинъ голосъ съ громкимъ жилодисментомъ, и—бракъ былъ заключенъ.

Насъ провели тогда къ новобрачнымъ, которыхъ мѣшала намъ видѣть до сихъ поръ толпа. Они сидѣли на тронѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ; принцу было около шестнадцати лѣтъ; онъ былъ покрытъ брилліантами, на головѣ его блестѣла, сверхъ краснаго тюрбана, золотая діадема; что же касается принцессы, то это была дѣвочка лѣтъ десяти, закутанная до того въ золотыя парчи, и съ головою, до того обремененною драгоцѣнными украшеніями, висѣвшими также въ ушахъ и носѣ, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть ея маленькую черную фигуру и большіе, черные глаза, выражавшіе испугъ. Сдѣлавши обычное привѣтствіе молодой четѣ, мы возвратились на террасу, гдѣ было приготовлено роскошное угощеніе для насъ, сервированное въ одномъ кіоскѣ. Затѣмъ присутствовали на научѣ, за которымъ послѣдовалъ фейерверкъ, по окончаніи котораго министръ, роздавъ намъ, лично, панъ и розовую воду, надѣлъ намъ на шеи ожерелья изъ жасминовъ и розъ. Послѣ этого всѣ гости разъѣхались, и мы, въ свою очередь, отправились домой.

Чрезъ два дня послѣ этой церемоніи мы поѣхали съ генераломъ С*** и нѣсколькими офицерами на охоту въ горы, лежащія близъ Гваліора. Главною цѣлью этой экспедиціи было уничтоженіе пантеръ, сдѣлавшихъ въ послѣднее время много похищеній въ окрестностяхъ. Мы успѣли дѣйствительно убить двухъ изъ этихъ ужасныхъ звѣрей, но лишь послѣ опаснаго сраженія, которое могло окончиться смертью одного изъ насъ. Впрочемъ, главною добычею нашей охоты было множество камышевыхъ куръ (paĥar titter) и нѣсколько штукъ прелестныхъ дикихъ козъ.

По возвращеніи въ Гваліоръ, мы рѣшились, наконецъ, проститься съ нимъ навсегда; но Рождество Христово, праздникъ столь дорогой для англичанъ, приближался, а этимъ предлогомъ воспользовались, чтобы насъ удержать: такъ пріятно послѣ стольких лѣтъ странствованій, говорили намъ, увидѣть себя въ этотъ день семейнаго праздника за хорошимъ столомъ, на которомъ явится неизбѣжный плумъ-пудингъ, украшенный настоящею вѣткою misletoe, присланною нарочно изъ Англіи для этого случая. Этою заманчивою перспективою насъ соблазнили, и мы остались, давъ себѣ слово выѣхать непремѣнно 27-го числа. Впрочемъ, если мои читатели будутъ удивляться нашей лѣности, то я попрошу ихъ припомнить, что, въ началѣ этого разсказа, я предупреждалъ ихъ, что я не изъ тѣхъ путешественниковъ, которые проѣзжаютъ чрезъ страну, почти не останавливаясь, вѣчно спѣша, какъ будто подталкиваемые какимъ-то таинственнымъ двигателемъ и смотря на все съ птичьяго полета, а потомъ, добравшись до цѣли своего путешествія, стараются отыскать причину своей поспѣшности и не могутъ ея найти. Если трехъ лѣтъ окажется недостаточнымъ для того, чтобы хорошо познакомиться съ Индіею, я посвящу на это 4 года, 5 лѣтъ, наконецъ, по крайней мѣрѣ, я дѣйствительно узнаю ее хорошо. «Четыре года прошли уже, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ я странствую по ней, а между тѣмъ моя задача далеко еще не кончена. Впрочемъ, самая трудная часть ея сдѣлана. Пускай читатель взглянетъ на карту центральной Индіи, приложенную здѣсь, и онъ увидитъ, прослѣдя мой маршрутъ, что, выѣхавши изъ Гваліора и возвратившись въ него, я описалъ въ этотъ послѣдній годъ кругъ, который завелъ меня, а вслѣдъ за мною и читателя, въ районы мало изслѣдованные и которыхъ не описывалъ еще ни одинъ путешественникъ до меня.

Такъ мы объѣхали, постепенно, весь западный Деканъ, Гузаратъ, Раджпутану и, наконецъ, такъ называемую центральную Индію, которая и составляетъ именно страну Раджей, или Раджистанъ, какъ ее называютъ индѣйцы. Теперь намъ остается только изслѣдовать бенгальское президентство, этотъ обширный сѣверный районъ, заключенный между очаровательными склонами Гималая и контрфорсами Виндіаса, эту страну, орошаемую великолѣпнѣйшею изъ рѣкъ всего міра, рѣкою Гангомъ; эту страну индусовъ, которая и есть именно настоящій Индустанъ, колыбель самой древней цивилизаціи на земномъ шарѣ, и которая

еще и нынѣ представляетъ одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе населенныхъ и наилучше воздѣланныхъ. Но тамъ намъ предстоитъ замѣнить верблюда и слона локомотивомъ, и окончить туристами наше путешествіе, представлявшее до сихъ поръ столько затрудненій и всѣ прелести изслѣдованія страны мало извѣстной.

Однакоже цивилизація въ видѣ желѣзныхъ дорогъ еще не проникла въ Гваліоръ, и мы найдемъ ее только въ Агрѣ; но такъ какъ мы уже проѣзжали по этой дорогѣ, вообще не живописной, то я желаю проѣхать какъ можно скорѣе это пространство. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о путешествіи въ чопайѣ, даже съ верблюдами, и еще менѣе того маль-картѣ, такъ какъ первые опыты этихъ способовъ передвиженія еще слишкомъ живы въ моей памяти, чтобы я рискнулъ подвергнуться всѣмъ непріятностямъ, съ которыми они сопряжены. И потому мы рѣшились испробовать еще дакъ-гари, родъ почтовой кареты, путешествіе въ которой считается весьма удобнымъ и въ большой модѣ въ Индустанѣ. Это четыреугольный экипажъ, запряженный двумя худыми клячами, которыхъ почта обязана смѣнять каждыя шесть миль. Въ ней, дѣйствительно, можно устроиться довольно комфортабельно и даже спокойно лечь вдвоемъ. Въ сущности, это не болѣе и не менѣе какъ паланкинъ для двухъ человѣкъ, поставленный на четыре колеса. Итакъ я избралъ дакъ-гари и нанялъ двѣ телѣги для нашихъ людей и багажа.

Простившись со всѣми нашими морарскими пріятелями, оказавшими намъ такое любезное гостепріимство, мы уѣхали 27 декабря, въ десять часовъ утра, изъ нашего фуль-багскаго дворца, и прежде всего можемъ констатировать, что наши лошади дѣлаютъ не десять миль въ часъ, какъ это гарантируетъ почта, а только пять и максимумъ шесть. День прошелъ довольно однообразно въ путешествіи по этой безконечной, скучной дорогѣ, на которой не встрѣчается ни одного дерева, а тянется лишь рядъ тонкихъ телеграфныхъ столбовъ. Но, тѣмъ не менѣе, я увидѣлъ съ удовольствіемъ какъ будто старыхъ знакомыхъ: Нурабадъ съ его древнимъ мостомъ, Хангду, гдѣ находился нашъ лагерь въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, и, наконецъ, великолѣпный Чумбулъ, чрезъ который мы переправились по мосту изъ лодокъ, при лучахъ заходящаго солнца. Путешественникъ испытываетъ при видѣ знакомыхъ мѣстъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ нѣкогда и которыя вызываютъ въ его душѣ тысячу воспоминаній, такое же наслажденіе, какъ при изслѣдованіи неизвѣстныхъ горизонтовъ.

Ночевать мы остановились въ бунгаловѣ Делепора, и я послалъ немедленно мои привѣтствія магараджѣ; въ отвѣтъ на это посланіе къ намъ явился нашъ добрый другъ, деванъ Гунгадгаръ Рао, пріѣхавшій пригласить насъ, отъ имени принца, остаться на нѣсколько дней въ Делепорѣ. Конечно, я не принялъ этого любезнаго приглашенія, которое доказало намъ, однакоже, что наше первое пребываніе въ этомъ городѣ не оставило никакихъ непріятныхъ воспоминаній, и, послѣ хорошей, покойной ночи, мы сѣли опять въ нашу карету въ 6 часовъ утра и отправились въ путь. Послѣ остановки въ Манніи для завтрака, мы ѣдемъ опять чрезъ эти песчаныя скучныя долины, однообразіе которыхъ нарушается только высокими пуками калама и нѣсколькими группами деревьевъ. Наконецъ, въ полдень на горизонтѣ показался шаръ изъ слоновой кости, озаренный солнечными лучами:—это былъ куполъ Таджа, отъ котораго, по словамъ нашего извощика, мы находились еще въ восьми миляхъ.

Чрезъ часъ послѣ этого мы быстро мчались по улицамъ Агры и, наконецъ, остановились предъ бунгаловомъ нашихъ добрыхъ друзей Г., которые всѣ собрались въ верандѣ, чтобы поздороваться съ нами.

LVI.

Изъ Агры въ Дели.

Недѣля въ Таджѣ. — На берегахъ Джумны. — Секундра. — Могила Акбера.— Муттра. — Легенда о Кришнѣ. — Говердганъ. — Биндра бандъ. — Верхній Доабъ. — Алигуръ. — Дели.

По прибытіи въ Агру, я посѣтилъ прежде всего Таджъ. Въ этотъ разъ я былъ еще болѣе пораженъ, чѣмъ при первомъ моемъ посѣщеніи, великолѣпіемъ и величіемъ этого памятника, и такъ какъ по разнымъ дѣламъ я долженъ пробыть въ этомъ городѣ дней восемь, то я рѣшился поселиться въ самомъ Таджѣ. Англичане устроили въ пристройкѣ къ этому мовзолею рядъ помѣщеній, отдаваемыхъ въ распоряженіе путешественниковъ, для чего они должны обращаться съ просьбою къ комиссару провинціи.

Въ день 31 декабря мы вошли въ наше новое жилище, и такъ какъ съ четырехъ часовъ пополудни садовыя ворота запираются для публики, то мы оставались единственными обладателями этого волшебнаго уголка. Привыкнувъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ попирать ногами мраморную почву индѣйскихъ дворцовъ, я испытывалъ однакоже какое-то странное чувство, находясь посреди этого собранія чудесъ. Мнѣ казалось, что наше присутствіе въ этомъ мѣстѣ было профанаціею. Что бы сказала эта гордая императрица Индій, великая Мумтацъ-Магалъ, если бы, вышедши изъ этой роскошной гробницы, сооруженной, по ея приказанію, бывшему ея послѣднею рѣчью — она увидѣла на самой террасѣ мовзолея двухъ людей въ странныхъ костюмахъ, говорящихъ на странномъ, непонятномъ для нея языкѣ, видящихъ въ покойныхъ длинныхъ креслахъ и пьющихъ изъ большихъ стакановъ напитокъ, ненавистный пророку? Эти два человѣка — были мы. Наступила ночь, и мы, пришедши на край террасы, господствующей подъ Джумною, спокойно расположились тутъ. Два стакана, видъ которыхъ могъ бы оскорбить бѣдную Мумтацъ, были наполнены виномъ, чтобы отпраздновать конецъ стараго года и наступленіе новаго, моментъ, который всегда производитъ сильное впечатлѣніе на путешественника. Привыкнувъ къ жизни кочевой и полной приключеній, воспоминанія о семейномъ очагѣ, объ отчизнѣ, о всѣхъ близкихъ и дорогихъ людяхъ ослабѣваютъ; но въ этотъ день они живо возстаютъ въ умѣ, тоска сжимаетъ сердце, является сильное желаніе увидѣть вновь и этотъ очагъ, и отчизну, и всѣхъ друзей, оставшихся тамъ; ослабѣваетъ мужество продолжать странствованіе по свѣту, и обильныя слезы льются изъ глазъ.

Я никогда не забуду этихъ послѣднихъ часовъ 1867 года и первыхъ 1868 года. Мы провели ихъ съ Шаумбургомъ на террасѣ мовзолея, погруженные въ эти воспоминанія, и были выведены изъ нашего мечтательнаго настроенія лишь на одну минуту въ 12 часовъ ночи, нашими людьми, которые пришли пожелать намъ счастія на новый годъ и принесли огромный букетъ. У нашихъ ногъ тихо и спокойно текли серебристыя воды Джумны, въ зеркальной поверхости которыхъ отражались тысячи звѣздъ; позади насъ, надъ нами, рядомъ съ нами возвышался Таджъ, этотъ мистическій монументъ любви, ослѣпительная бѣлизна котораго выдѣлялась какъ нельзя лучше при блѣдномъ освѣщеніи блестящихъ звѣздъ. Ничто не нарушало тишины ночи, кромѣ доносимыхъ до насъ изрѣдка вѣтромъ, дувшимъ вдоль рѣки, звуковъ англійскаго оркестра и однообразнаго заунывнаго гула мѣдныхъ цымбалъ маленькаго баядерскаго лагеря, расположеннаго на берегу. Мы находились въ какомъ-то опьянѣніи отъ этого чуднаго зрѣлища и запаха жасминовъ, померанцевыхъ и прочихъ цвѣтовъ, окружавшихъ насъ. Только въ три часа ночи отправились мы въ наши покои, погруженные въ тѣ же думы, которыя осаждали насъ все время нашего пребыванія на уединенной террасѣ.

Но тотъ, кто много и долго путешествовалъ въ странахъ далекихъ отъ тѣхъ, которыя мы называемъ цивилизованными, знаетъ такъ же хорошо, какъ и я, что настоящій путешественникъ, путешественникъ, задавшійся извѣстною цѣлью и желающій извлечь пользу изъ своихъ странствованій, не можетъ и не долженъ предаваться чувствамъ и воспоминаніямъ,—а потому на другой же день мы прогнали наши мечты и раздумья и стали разсуждать о дорогѣ, по которой намъ лучше слѣдовать

чтобы углубиться болѣе на сѣверъ Индіи, но отнюдь не для того, чтобы направиться къ Франціи.

Первымъ мѣстомъ нашего назначенія долженъ былъ быть Дели; но я рѣшилъ, что мы отправимся туда не по желѣзной дорогѣ, а по старой, по крайней мѣрѣ до Алигура, что дастъ намъ возможность увидѣть опять Секундру и посѣтить святую Мутру и ея окрестности,—этотъ театръ подвиговъ Кришны.

Въ то же утро, гуляя между развалинами дворца, расположенными на берегу Джумны, ниже Таджа, я увидѣлъ весьма любопытное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное зрѣлище. Только что началъ я спускаться съ одной изъ тѣхъ большихъ каменныхъ лѣстницъ, которыя ведутъ къ рѣкѣ, какъ вдругъ услышалъ жалобное пѣніе, прерываемое рыданіями. Приблизившись потихоньку къ тому мѣсту, гдѣ они раздавались, и спрятавшись за дерево, я увидѣлъ старую женщину въ бѣдной одеждѣ, сидѣвшую на ступеняхъ изъ краснаго песчаника и горько рыдавшую. У подножья лѣстницы, у самой воды стояли двѣ молодыя индуски. Одна изъ нихъ, обнаженная по поясъ, пѣла, поднявъ руки къ небу, жалобнымъ голосомъ одну изъ тѣхъ колыбельныхъ пѣсенъ, которыми индѣйскія женщины убаюкиваютъ обыкновенно своихъ дѣтей; не прерывая своего пѣнія, она брала изъ корзины расщипанные цвѣты и бросала эти яркіе лепестки въ воду. Я не могъ понять цѣли этой странной церемоніи, пока не увидѣлъ на водяной зыби маленькаго, сплетеннаго изъ тростника, плотика, на которомъ лежалъ трупъ ребенка. Тогда мнѣ стало ясно, что бѣдная мать, какая нибудь науча, будучи не въ состояніи заплатить за костеръ для сожженія на немъ останковъ бѣднаго малютки, рѣшилась предать его священнымъ водамъ Джумны. Старуха была ея мать, а молодая женщина, сопровождавшая ее, сестра. Она дѣйствовала не по обряду, провожая свое дитя пѣснею, которою она усыпляла его при жизни, а просто по внушенію своего сердца, которое также внушало ей засыпать его тѣло лепестками цвѣтовъ, этихъ эмблемъ его краткаго существованія. Сестра, наклонившись надъ водою, удерживала плотъ, не рѣшаясь предоставить останки дорогаго маленькаго существа, покоившагося на немъ, водянымъ хищникамъ. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на эту грустную сцену, я удалился такъ же тихо, какъ подошелъ, и бѣдныя женщины не подозрѣвали, что я былъ свидѣтелемъ ихъ горя.

Всю недѣлю провелъ я въ Таджѣ самымъ пріятнымъ образомъ, рисуя, снимая фотографіи и проникаясь всѣми красотами, съ которыми я разставался, можетъ быть, навсегда.

Типы занталовъ и малеровъ.

9-го января мы оставили Агру, взявши съ собою только двухъ слугъ и отправивъ всю нашу свиту и багажъ по желѣзной дорогѣ прямо въ Дели. Верблюдъ, котораго я успѣлъ нанять, и двѣ лошади должны везти насъ до Гатраса, гдѣ мы найдемъ рельсовый путь.

Чрезъ часъ быстрой ѣзды по превосходной дорогѣ, покрытой макадамомъ и обсаженной высокими деревьями, между которыми встрѣчаются отъ времени до времени интересныя гробницы, украшенныя изображеніями лошадей изъ краснаго песчаника, мы прибыли въ деревню Секундру. Этотъ незначительный пунктъ по числу народонаселенія, котораго насчитывается не болѣе ста душъ, имѣетъ однакоже важное значеніе въ глазахъ всѣхъ азіятцевъ, какъ мусульманъ, такъ и индусовъ, потому что тамъ покоится прахъ императора Акбера, величайшаго изъ монарховъ, державшихъ когда либо въ своихъ рукахъ судьбы обширной Индѣйской имперіи.

Его мавзолей, одинъ изъ чудеснѣйшихъ памятниковъ Индіи, возвышается посреди огромнаго и великолѣпнаго сада, окруженнаго четыреугольною оградою въ видѣ высокой, зубчатой стѣны. На южной сторонѣ этой ограды находятся парадныя ворота, великолѣпный монументъ строгаго и величественнаго стиля. Входъ этотъ открывается подъ массивнымъ четыреугольнымъ павильономъ, фасады котораго пробитые высокою, готическою аркою, украшены мозаиками, или скорѣй инкрустаціями изъ цвѣтнаго мрамора, такъ какъ цвѣты и арабски, которые онѣ составляютъ, пропорціональны въ своихъ размѣрахъ самому монументу. Терраса павильона увѣнчана легкими кіосками и четырьмя изящными минаретами изъ бѣлаго мрамора, верхняя часть которыхъ была, къ несчастію, разрушена въ 1803 году бомбами генерала Лаке.

Отъ этихъ воротъ ведетъ превосходное, въ 20 метровъ шириною, шоссе, выстланное лещадью и возвышающееся надъ уровнемъ партеровъ, къ великолѣпному мавзолею. Три другія подобныя же дороги, ведущія къ центру каждаго изъ его фасадовъ, раздѣляютъ садъ на четыре равныя части.

Самый мовзолей — чрезвычайно странное зданіе, ничего подобнаго которому не существуетъ нигдѣ въ Индіи. Это родъ пирамиды, раздѣленной на четыре этажа разныхъ размѣровъ въ вышину и покоющихся на четыреугольномъ возвышенномъ фундаментѣ, и представляющемъ мавританскія арки со всѣхъ четырехъ сторонъ. Три первые этажа пирамиды замаскированы рядами изящныхъ кіосковъ изъ розоваго песчаника; рѣзная стѣна изъ бѣлаго мрамора, поддерживае-

© ГПНТБ СССР

мая легкими подпорками изъ того же матеріала, окружаетъ верхній этажъ. Впрочемъ, никакое описаніе не можетъ дать вѣрнаго понятія о всѣхъ этихъ красотахъ.

Длинный корридоръ со сводами, узкій и темный, ведетъ отъ главнаго входа мавзолея къ склепу, гдѣ находится гробница, простой мраморный саркофагъ безъ всякихъ украшеній, который едва можно различить при слабомъ свѣтѣ, проникающемъ чрезъ маленькія отверстія, находящіяся въ сводѣ. Подъ этимъ-то камнемъ покоится вѣчнымъ сномъ правнукъ Тамерлана, Акберъ, одна изъ высшихъ интеллигенцій, которыя производилъ міръ когда либо, человѣкъ, подъ управленіемъ котораго Индія, образовавшая имперію, достигла апогея процвѣтанія, апогея, отъ котораго она далека еще и въ настоящее время.

Эта гробница, столь простая, не была предназначена для профанаціи выставкою на-показъ всѣмъ и каждому. Казовой, или парадный саркофагъ, надъ которымъ толпа приходитъ молиться, находится на вершинѣ пирамиды и освѣщается солнечными лучами. Эта бѣлая мраморная плита чудо ваятельнаго искусства, на которой рельефомъ вырѣзаны, посреди сѣти арабесковъ, девятносто девять именъ, служащія въ мусульманской религіи для призыва Всевышняго.

Съ этой послѣдней террасы открывается обширный видъ на окрестности, представляющія однообразныя долины, въ которыхъ виднѣется мѣстами, посреди темнозеленыхъ плантацій, прорѣзываемыхъ Джумною, текущею извилинами, поляны, покрытыя желтымъ пескомъ. На югѣ, сверхъ деревьевъ, представляются взорамъ высокія стѣны крѣпости Агры, надъ которыми господствуютъ воздушные своды Таджа и мечети Перловъ.

Мавзолей Секундра сооруженъ въ теченіе нѣсколькихъ царствованій. Павильонъ входа и фундаментъ мавзолея были воздвигнуты по приказанію самаго Акбера; этажи изъ краснаго песчаника были прибавлены его сыномъ, Жеангиромъ; мраморная же корона, увѣнчивающая зданіе, была сдѣлана по распоряженію Шагъ Жегана. Впрочемъ, въ каждой изъ этихъ частей легко узнать характеристическій стиль этихъ различныхъ эпохъ.

Рядомъ съ мавзолеемъ Акбера, за оградою, возвышаются развалины обширнаго кенотафа, заключающаго въ себѣ гробницу супруги императора, Бегаумы Маріи, принадлежавшей къ христіанскому вѣроисповѣданію.

На тѣ дни, которые намъ нужны для изслѣдованія мавзолея, мы поселились въ красивомъ, маленькомъ бунгаловѣ, построенномъ англичанами въ углу сада, посреди тамариндовыхъ столѣтнихъ деревьевъ.

15-го числа мы отправились опять въ путь верхами и, слѣдуя по большой, прекрасной дорогѣ, а именно по Trunk Road, главной артеріи, проведенной англичанами чрезъ ихъ владѣнія, чтобы связать ихъ между собою, мы доѣхали до деревни Фера, гдѣ нашли пріютъ на ночь въ одномъ туземномъ каравансераѣ, довольно грязномъ, между прочимъ. Отправившись на другой день утромъ, мы добрались въ нѣсколько часовъ до бунгалова Мутры.

Мутра—одинъ изъ главныхъ городовъ Индустана, хотя и утратилъ свое прежнее великолѣпіе, однакоже, тѣмъ не менѣе, разсматриваемый съ береговъ Джумны, вдоль которой онъ расположенъ въ видѣ полумѣсяца, представляетъ съ своими высокими домами и безчисленными храмами на склонахъ крутыхъ береговъ, подошва которыхъ покрыта каменными кіосками и широкими лѣстницами, спускающимися въ воду, величественный видъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ, за двадцать столѣтій, вѣроятно, до Рожд. Христова, Мутра былъ большимъ, значительнымъ городомъ.

Тамъ родился въ XV, или XIII вѣкѣ до нашей эры герой Кришна, нынѣ самый популярный изъ боговъ индусскаго пантеона. Во всѣхъ великихъ санскритскихъ поэмахъ описываются красоты и богатства этого города, называемаго въ нихъ Матурою. Но, не углубляясь въ доисторическія времена, мы знаемъ, что въ XI вѣкѣ, въ эпоху перваго мусульманскаго вторженія, онъ былъ одною изъ богатѣйшихъ религіозныхъ метрополій въ мірѣ. Завоеватель Махмудъ, овладѣвъ имъ въ 1017 году, пришелъ въ восторгъ отъ величественнаго зрѣлища, которое онъ представлялъ. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ генераловъ, этотъ суровый мусульманинъ дѣлаетъ любопытное, сохраненное для насъ исторіею, описаніе священнаго города: «Этотъ чудный городъ, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи зданій, большею частію мраморныхъ и столь же прочно устроенныхъ, какъ вѣра правовѣрныхъ. Въ это число я не включаю еще храмовъ невѣрныхъ. Если счесть деньги, которыя должны были быть потрачены на сооруженіе всѣхъ этихъ монументовъ, то можно, не преувеличивая, сказать, что онѣ составятъ сумму въ нѣсколько милліоновъ динаръ, и слѣдуетъ прибавить еще, что подобный городъ не могъ быть выстроенъ даже въ теченіе двухъ столѣтій. Въ языческихъ храмахъ мои солдаты нашли пять золотыхъ идоловъ съ глазами изъ рубиновъ, стоимостью въ пятьдесятъ

© ГПНТБ СОРАН

тысячъ динаръ; еще былъ найденъ одинъ идолъ, украшенный сапфиромъ, вѣсомъ въ 400 мискалей, а самъ онъ далъ, при расплавленіи, 98 мискалей чистаго золота. Кромѣ того, мы нашли до ста серебряныхъ идоловъ, представляющихъ грузъ для такого же числа слоновъ».

Нынѣ Мутра одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ англійской провинціи Агры и мѣстопребываніе значительнаго числа войскъ. Не смотря на всѣ свои несчастія, она считается индусами важнѣйшимъ городомъ послѣ Бенареса между всѣми священными городами Индіи, а потому въ продолженіе всего года туда стекаются тысячами богомольцы, приходящіе изъ самыхъ отдаленныхъ странъ полуострова. Утромъ и вечеромъ, когда солнечные лучи начинаютъ золотить фасады храмовъ и дворцовъ, громадная толпа народа тѣснится на гатахъ и погружается въ священныя воды Джумны, или Ямуны, какъ ее называли санскритскіе поэты. Мужчины и женщины, погруженные по поясъ въ воду, въ экстазѣ созерцающіе небо, исполняютъ мистическіе обряды, которыми очищаются и тѣло и душа разомъ отъ всѣхъ своихъ нечистотъ.

Эта толпа, не смотря, однако же, на свой фанатическій энтузіазмъ, отличается большою терпимостью. Невѣрные европейцы безнаказанно расхаживаютъ посреди нихъ, присутствуютъ при ихъ религіозныхъ церемоніяхъ и даже критикуютъ ихъ, что ни мало не нарушаетъ ихъ молитвеннаго настроенія и не мѣшаетъ имъ предаваться экстазамъ. Только въ Индіи, и именно у индусовъ, уживался во всѣ времена самый крайній религіозный фанатизмъ съ полнѣйшею вѣротерпимостью и религіозною свободою. Этимъ можно объяснить возникновеніе столькихъ различныхъ религій, жившихъ всегда въ полномъ согласіи между собою. Одинъ будизмъ былъ изгнанъ силою, но это потому, что это была единственная религія прозелитизма, религія, стремившаяся раздавить другія и сдѣлаться господствующею.

Одна вещь поразила меня болѣе всего, какъ я только вышелъ на улицу и отправился бродить по узкимъ гористымъ переулкамъ города: это огромное количество обезьянъ, являвшихся на террасахъ домовъ, подъ навѣсами лавокъ и даже посреди улицъ.

Эти обезьяны, изъ породы гиббоновъ, рыжія съ красною грудью, дѣлали уморительныя гримасы при видѣ нашихъ европейскихъ костюмовъ. Дерзость ихъ доходила до того, что онѣ преслѣдовали насъ, какъ будто желая ухватить за икры. Эти проказливыя животныя имѣли, казалось, чувство сознанія своего священнаго характера и ни мало не боялись моихъ угрозъ, которыя я имъ дѣлалъ тростью; впрочемъ, онѣ

вѣрно угадали, что я никогда не рѣшился бы ихъ ударить, какъ бы онѣ мнѣ ни надоѣдали, зная несчастную участь, постигшую двухъ бѣдныхъ англійскихъ офицеровъ, которые ранили нѣсколько лѣтъ тому назадъ одну изъ этихъ обезьянъ и были брошены за это въ рѣку взбунтовавшимся народонаселеніемъ, гдѣ они и погибли, такъ какъ разъяренная толпа не допустила подать имъ помощь.

Главный базаръ служитъ, по видимому, мѣстомъ сборища не только обезьянамъ, но и всѣмъ животнымъ, которыя содержатся въ городѣ, благодаря браминской набожности. Гиббоны съ длинными, покрытыми шерстью руками, лангуры съ черными мордами, голуби, попугайчики и попугаи—покрываютъ навѣсы лавокъ, прыгаютъ, летаютъ, кричатъ посреди толпы и даже врываются въ самыя лавки и крадутъ фрукты и зерна, небрежно защищаемые отъ нихъ купцами. Прибавьте къ этому цѣлыя стада индѣйскихъ быковъ съ тяжелыми горбами жира на спинѣ, прогуливающихся тихими величественными шагами по улицамъ, отстраняющихъ тихонько людей съ своей дороги своими рогами, или лежащихъ живописными группами посреди улицъ:— и вы составите себѣ понятіе о странной картинѣ, представляемой базаромъ.

Все въ Мутрѣ наводитъ на воспоминаніе о самомъ знаменитомъ изъ ея сыновъ: на храмахъ не представляется другихъ статуй какъ Кришна въ различныхъ видахъ; даже стѣны домовъ покрыты грубою и яркою живописью, представляющею героя. Въ одномъ мѣстѣ онъ изображенъ ребенкомъ, задушивающимъ пифона, опустошавшаго страну; въ другомъ— индѣйскимъ Геркулесомъ, разбивающимъ въ прахъ чудовищъ, или держащимъ на пальцѣ гору, которую онъ, по преданію, оторвалъ отъ почвы, чтобы оградить себя отъ дождя; но любимая сцена, которая встрѣчается воспроизведенною на каждомъ шагу,—это изображеніе героя въ видѣ молодаго пастуха, заставляющаго танцовать, подъ звуки флейты, подъ деревомъ, молодыхъ крестьянокъ страны Врадіи.

Между многочисленными божествами, наполняющими индусскій пантеонъ, несомнѣнно, что самое интересное — это Кришна, не только вслѣдствіе того глубокаго почитанія, которое питаетъ къ нему народъ, но также и потому, что его происхожденіе основано на исторической традиціи,— преимущество, которое, впрочемъ, раздѣляетъ съ нимъ Рама. Все доказываетъ, что онъ былъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которыхъ производили всѣ первобытныя эпохи и рыцарскіе подвиги которыхъ становились скоро предметомъ народныхъ легендъ.

СПЕЦ ФОНД

Легенда, сложившаяся о Кришнѣ, которой, къ счастію, брамины не успѣли совершенно извратить, сообщаетъ намъ, что онъ принадлежалъ къ одному племени ядавасовъ, кочевыхъ пастуховъ, живущихъ въ колесницахъ, разъѣзжая въ которыхъ изъ деревни въ деревню, они продаютъ произведенія своихъ стадъ. Эти ядавасы, какъ указываетъ ихъ названіе и образъ жизни, были джаты, и замѣчательно то, что этотъ богъ, нынѣ брамінскій, по преимуществу принадлежитъ, по своему происхожденію, къ рассѣ, которую никакъ нельзя причислить къ арійскимъ племенамъ.

Во времена рожденія Кришны лагерь ядавасовъ былъ расположенъ близъ Мутры и, по видимому, они находились въ эту эпоху въ дружескихъ отношеніяхъ съ начальниками города. Молодой герой провелъ свое дѣтство въ окрестностяхъ этого города, совершая множество чудесныхъ подвиговъ. Онъ былъ уже юношею, когда народонаселеніе Мутры возстало противъ своего короля. Вставъ во главѣ движенія, онъ убилъ собственноручно тирана, похитившаго, какъ видно изъ легенды, тронъ, и на мѣсто его возвелъ на него законнаго государя. Спустя нѣсколько лѣтъ, узурпаторъ выступилъ противъ Мутры съ значительною арміею, и Кришна, разсчитывая, что онъ будетъ не въ силахъ устоять противъ этого нападенія, собралъ ядавасовъ и, перейдя съ ними чрезъ Раджпутанъ, поселился въ Гузуратѣ, и основалъ тамъ городъ Дварку, на западномъ берегу полуострова Катіявара. Его королевство находилось въ самомъ цвѣтуетъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; но по случаю одного праздника возникъ между начальниками споръ, перешедшій скоро въ кровавую схватку, во время которой сильное землетрясеніе подняло морскія волны—и городъ вмѣстѣ съ сражающимися былъ поглощенъ ими.

Въ то время, когда предразсудки, созданные аристократіею, завистливо охранявшею свои права, удерживали людей въ томъ соціальномъ положеніи, которое занимали ихъ предки, необыкновенное счастіе Кришны, сдѣлавшагося изъ скромнаго пастуха королемъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на народъ, который имѣлъ тѣмъ болѣе причинъ аплодировать этой побѣдѣ и сохранить о ней традицію, что герой принадлежалъ не къ рассѣ побѣдителей, но побѣжденныхъ, былъ сыномъ тѣхъ кочевыхъ туранскихъ племенъ, которыхъ смѣнили арійцы.

Воспоминаніе о Кришнѣ сохранялось съ самаго начала и понынѣ сохраняется, какъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для народа, въ особенности женщинами, такъ какъ главнымъ его двигателемъ ко всѣмъ подвигомъ была всегда любовь. Такимъ-то образомъ самые маловажные факты изъ его жизни запечатлѣлись неизгладимо въ традиціи, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе: какъ онъ, будучи ребенкомъ, укралъ горшокъ съ масломъ у своей матери и былъ наказанъ плетью; какъ, будучи юношею, похищалъ платья молодыхъ молочницъ, пока онѣ купались въ Джумнѣ; какъ, сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ, онъ побѣждалъ сердца тѣхъ же молочницъ своими сладкими словами, своею талантливою игрою на флейтѣ и изяществомъ движеній въ танцахъ подъ тѣнистами нимами. Кришна былъ, наконецъ, совершеннѣйшимъ типомъ тѣхъ авантюристовъ, которые пользовались во всѣхъ странахъ и во всѣ времена любовью народа: немножко хвастуномъ, немножко поэтомъ и романистомъ въ свое время и идущимъ охотнѣе на любовное свиданіе, чѣмъ на сраженіе. Впрочемъ, конецъ жизни этого героя не соотвѣтствовалъ первымъ его дебютамъ; послѣ своего подвига въ Мутрѣ онъ умираетъ темно, послѣ мирнаго царствованія, не въ какомъ нибудь доблестномъ сраженіи, а среди схватки пьяныхъ людей, схватки, къ которой прибавили нѣсколько грандіознаго вымысла.

Какая революція имя этого вульгарнаго героя, съ нравами столь распущенными, успѣла затмить въ народномъ умѣ имя строгихъ ведскихъ боговъ и сдѣлать его предметомъ культа всѣхъ народовъ сѣверной Индіи? Для нѣкотораго выясненія этого вопроса, столь важнаго и который не можетъ не возбудить нѣкотораго интереса въ моихъ читателяхъ, я именно и сообщилъ вкратцѣ происхожденіе этого популярнаго бога.

Къ концу той борьбы, которая въ теченіе первыхъ восьми вѣковъ нашей эры происходила между будизмомъ и браманизмомъ, брамины, чтобы привлечь массы на свою сторону, рѣшились оживить преобразованіемъ популярныхъ героевъ въ воплощеніе древнихъ ведскихъ божествъ свой культъ, отвлеченныя идеи котораго сдѣлались уже совершенно непонятными.

Если вспомнить, что центромъ этой борьбы между двумя религіями была именно часть долины Ганга, ознаменованная подвигами веселаго сына Мутры, то становится понятнымъ, что брамины не могли найти болѣе подходящей личности для ихъ новыхъ принциповъ, какъ личность Кришны, и что имъ нетрудно было увѣрить толпу, что этотъ человѣкъ, истинное воплощеніе инстинктовъ, недостатковъ и качествъ низшихъ классовъ, былъ ни что иное, какъ воплощеніе верховнаго, не-

ОТПЕЧАТАНО

видимаго существа вѣчнаго Вишну. Но странно то, что нынѣ доказано, что будисты, воспользовавшись сейчасъ же этою идеею, пробовали съ своей стороны прицѣпить къ своему культу Кришну, дѣлая изъ него Будду подъ именемъ Джагернаута, или творца міра.

Средство, употребленное браминами для полнаго преобразованія героя въ божество, заслуживаетъ, чтобы я посвятилъ ему нѣсколько строкъ, тѣмъ болѣе что между безчисленными миѳами, привитыми новаторами къ народной традиціи, находится множество взятыхъ изъ христіанства. Такъ, рожденіе Кришны, передаваемое первобытною легендою такъ просто, было окружено таинственностью, хотя, повидимому, онъ былъ сынъ пастушки, но, по объясненіямъ браминовъ, онъ былъ сыномъ одной принцессы, слѣдовательно древнимъ представителемъ солнечной рассы. Потомъ раджу Канза, котораго герой долженъ былъ позднѣе низвергнуть съ трона, заставили играть роль Ирода, возобновляющаго избіеніе младенцевъ, чтобы уничтожить своего будущаго соперника, котораго онъ узналъ по одному пророчеству. Такимъ образомъ, всѣ факты, повѣствуемые легендою, были истолкованы въ извращенномъ видѣ; напримѣръ. было постановлено, что Кришна, похищая одежды купальщицъ, хотѣлъ дать имъ почувствовать ихъ нескромность. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ легендою, брамины были въ страшномъ затрудненіи, чтобы придать имъ мистическое значеніе: такъ, напримѣръ, было постановлено, что Кришна съ своими товарищами, укравши бѣлье у одного бѣднаго стиральщика и неумѣвши облечься въ эти богатыя одежды, употребленія которыхъ они, грубые крестьяне, конечно, не знали, должны были призвать портнаго, который научилъ ихъ и которому, въ награду за эту услугу, Кришна отпустилъ всѣ грѣхи.

Наконецъ, легко понять, какимъ образомъ культъ Кришны со всѣми непослѣдовательностями и вольностями быстро укоренился въ умѣ народа, задавленнаго и обреченнаго будистскими монахами, сдѣлавшимися всемогущими и скрывавшими свой развратъ въ глубинѣ роскошныхъ вигарасъ Индустана, на самую суровую жизнь подъ страхомъ вѣчнаго наказанія. При этомъ новомъ имени Кришны поднялись всѣ угнетенные и честолюбивые люди,—и въ нѣсколько лѣтъ буддизмъ, этотъ колоссъ, казавшійся такъ твердо укоренившимся въ почвѣ, исчезъ навсегда изъ Индіи, земли, гдѣ онъ родился и выросъ и которая, по крайней своей терпимости, выносила его въ теченіе десяти вѣковъ, выносила даже и тогда, когда представители его извратили окончательно его принципы и сдѣлались угнетателями народа.

Послѣ Мутры, изслѣдованію которой мы посвятили четыре дня, я долженъ былъ посѣтить еще двѣ знаменитыя мѣстности этой страны, прославленной Кришною: Говердганъ и Биндрабандъ. Первая довольно большое мѣстечко, расположенное въ двадцати километрахъ отъ Мутры, на маленькой, скалистой выпуклости, идущей паралельно горной цѣпи Мевата. Окрестности его плоски и хорошо воздѣланы.

Кришна провелъ въ Говердганѣ часть своего дѣтства, тамъ именно, восьми лѣтъ отъ роду, оторвалъ онъ гору Говердганъ отъ почвы и, поставивъ ее на свой указательный палецъ, держалъ ее въ видѣ зонтика надъ своими товарищами и ихъ стадами, надъ которыми разражалась страшная буря.

Вслѣдствіе этого, Говердганъ составляетъ этапъ, почитаемый богомольцами, и каждый добрый кришніанинъ считаетъ долгомъ совершить его. Благодаря набожности вѣрныхъ, тамъ находится значительное число храмовъ. Кромѣ того, джатскіе короли Буртпора, считающіе себя происходящими отъ рассы этого бога, сдѣлали изъ Говердгана мѣсто своего погребенія и каждый изъ нихъ воздвигалъ тамъ себѣ великолѣпный кенотафъ.

Между этими памятниками важнѣйшій памятникъ Сураджи Мулля, основателя новѣйшаго могущества джатовъ въ долинѣ Джумны. Это изящное зданіе изъ мрамора и желтаго песчаника того прелестнаго новѣйшаго стиля, совершеннѣйшіе типы котораго суть: дигскій дворецъ и гробница Буктовара въ Ульвурѣ. Кенотафъ живописно расположенъ на берегу хорошенькаго пруда, окруженнаго многочисленными храмами и чатрисами. На другой сторонѣ, противъ города, находится другое зданіе тогоже стиля, мавзолей Булдео Синга, изящный павильонъ, расположенный на терасѣ, окруженной чатрисами и находящейся между двумя прудами, одинъ изъ которыхъ остается почти постоянно сухимъ, хотя и расположенъ ниже перваго. По легендарному сказанію, Кришна, танцуя однажды съ молочницами, подошелъ къ нему, чтобы утолить свою жажду, и разомъ выпилъ изъ него воду до уровня, на которомъ онъ находится теперь и выше котораго съ тѣхъ поръ не поднимается.

Изъ Говердгана мы отправились къ Биндрабанду, находящемуся въ 20 километрахъ къ сѣверо-западу.

Биндробандъ занимаетъ, на правомъ берегу Джумны, положеніе, сходное съ положеніемъ Мутры. Это важный городъ и, также какъ и Мугира центръ богомолья. Народонаселеніе его состоитъ почти исключи-

тельно изъ браминовъ; и храмовъ насчитывается тамъ болѣе чѣмъ домовъ. Раджи сѣверо-западной Индіи имѣютъ тамъ великолѣпные дворцы, въ которыхъ они проводятъ обыкновенно годовые праздники въ честь Кришны.

Многіе изъ этихъ храмовъ принадлежатъ къ глубокой древности; большая же часть изъ нихъ реставрированы заново и утратили, благодаря этимъ реставраціямъ, свой древній стиль. Впрочемъ, тамъ сохранилось чрезвычайно любопытное зданіе девятаго вѣка, выстроенное по плану латинскаго креста съ высокимъ нефомъ, украшеннымъ многочисленными идолами.

Здѣсь также встрѣчаются воспоминанія о Кришнѣ въ большомъ изобиліи: ханжи погружаются въ воду въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ этотъ богъ убилъ пифона Калью Наго, отравлявшаго священную рѣку и опустошившаго страну Враджи. Подъ пифономъ подразумѣвается, конечно, одинъ изъ арійскихъ бароновъ, которые, воздвигая крѣпости на берегу рѣки, господствовали надъ нею и собирали подати съ судовъ, плававшихъ по ней, или дѣлали оттуда опустошительные набѣги на окрестныя деревни. За городомъ находится одинъ нимъ, къ которому ходятъ поклоняться на томъ основаніи, что подъ нимъ герой танцовалъ съ молодыми крестьянками подъ звуки флейты.

По браминскимъ легендамъ, Биндрабандъ былъ также однимъ изъ убѣжищъ бога Рамы, проводившаго тамъ лѣтній сезонъ въ обществѣ Ганумана, бога-обезьяны. Въ честь этихъ боговъ брамины содержатъ въ городѣ такое множество обезьянъ, что онѣ составляютъ большинство населенія. 23 января мы возвратились въ Мутру, чтобы въ тотъ же день отправиться по направленію къ Гатрасу, станціи желѣзнодорожной делійской линіи.

Въ первый разъ пришлось намъ переѣзжать чрезъ Джумну, служащую границею между Раджистаномъ, или страною раджей, и Индустаномъ, или страною индусовъ, и, перебравшись на другую сторону, съ первыхъ же шаговъ ступили на почву одной изъ знаменитѣйшихъ провинцій древней Индіи, провинціи Доабъ, занимающей длинную и узкую полосу земли, простирающуюся съ сѣверо-запада къ югу-востоку между Джумной и Гангомъ. Названіе Доабъ характеризуетъ превосходно это положеніе, такъ какъ оно составлено изъ слова «да», выражающаго число два, и «абъ», значущее рѣка т. е. двѣ рѣки. Въ этой-то именно территоріи, образующей нѣчто въ родѣ полуострова, поселились браминскіе колонисты за двадцать сто-

лѣтій до Р. Х. Эти обширныя долины, покрытыя наносною плодородною землею, производящею превосходныя хлѣбныя растенія, подходили какъ нельзя болѣе къ ихъ земледѣльческимъ нравамъ. Предоставляя воинственнымъ кшатріясамъ завоеванія райновъ болѣе гористыхъ и защищаемыхъ храбрыми народонаселеніями, брамины обратили Доабъ въ церковную землю, и тамъ развились мирно и приготовили тѣ религіозные законы, которымъ суждено было сдѣлаться позднѣе законами для всей Индіи.

Нынѣ еще брамины составляютъ большинство народонаселенія древней Брамаварты; но многіе изъ нихъ утратили свой священный характеръ и низошли на степень простыхъ земледѣльцевъ. Что страннѣе всего, такъ это то, что типъ доабскихъ крестьянъ совсѣмъ не напоминаетъ этого знаменитаго происхожденія; правда, что между ними не всѣ брамины, и очень многіе произошли вѣроятно отъ скрещенія духовной касты съ древними владѣтелями почвы джатами

Еще болѣе замѣчательный фактъ тотъ, что въ странѣ, столь превосходно обрабатываемой со временъ самой глубокой древности — быть можетъ, съ тѣхъ поръ какъ началась эта обработка прошло не менѣе сорока столѣтій, — способы земледѣлія ни мало не усовершенствовались. Соха употребляется самая первобытная: кусокъ обтесаннаго дерева съ желѣзнымъ остріемъ конической формы, вставленнымъ въ него. Земледѣльцы не знаютъ ни заступа, ни бароны, а довольствуются одною киркою, которою переворачиваютъ почву и разбиваютъ комки.

Вездѣ, гдѣ вода близка, орошеніе въ большомъ употребленіи—и землепашество чрезвычайно производительно. Впрочемъ, страна искрещена многочисленными каналами, изъ которыхъ многіе относятся ко временамъ доисторическимъ, или къ періоду магометанскаго владычества, но большая часть вырыта англичанами. Британское правительство истратило огромныя суммы для снабженія доабской територіи каналами; но за то оно значительно развило благосостояніе страны. Въ послѣдніе годы крестьяне этой провинціи, вслѣдствіе поощренія правительства, стали исключительно заниматься производствомъ хлопка, и теперь этотъ прядильный матеріалъ сдѣлался важнѣйшимъ производствомъ Доаба. Близъ каждой деревни, чрезъ которыя намъ приходится проѣзжать, мы видимъ csrew-house, въ которые крестьяне привозятъ хлопчатую бумагу, чтобъ ее продавать или же класть подъ прессъ.

*

© ГПНТБ СОРАН

Эти прессы самаго первобытнаго устройства и приводятся въ движеніе посредствомъ рукъ; издалека слышенъ ихъ пронзительный скрипъ, сопровождаемый пѣснями рабочихъ, подталкивающихъ колесо въ тактъ подъ этотъ акомпаниментъ. Эти машины и самые screw hous'ы, гдѣ они находятся, принадлежатъ вообще европейскимъ торговымъ домамъ или туземнымъ, централизирующимъ, такимъ образомъ, сборъ хлопка каждой деревни, покупаемый непосредственно у самихъ производителей.

Чрезъ пять часовъ ѣзды мы прибыли на станцію Гатрасъ-родъ, гдѣ должны были пересѣсть въ желѣзнодорожный вагонъ. Начальникъ станціи находится въ отсутствіи и его замѣняетъ бенгальскій бабу, который былъ очень смущенъ нашимъ пріѣздомъ тѣмъ болѣе, что не могъ доставить намъ вагона для провоза нашихъ лошадей до Алигура, гдѣ мы разсчитываемъ остановиться для свиданія съ однимъ хорошимъ пріятелемъ. Полагаясь на его обѣщаніе позаботиться о нашихъ лошадяхъ и людяхъ, и отправить ихъ съ завтрашнимъ поѣздомъ въ Дели, мы рѣшились оставить ихъ на его попеченіе и отправиться немедленно.

Вскорѣ раздался свистъ локомотива, поѣздъ остановился на станціи на нѣсколько минутъ, и мы, съ пріятнымъ ощущеніемъ, вошли въ вагонъ. Мнѣ показалось въ первыя минуты, что я перенесенъ въ Европу магическою силою, и, протянувшись на мягкомъ диванѣ, съ любопытствомъ принялся разсматривать удобства нашего отдѣленія, какъ будто не видалъ еще въ своей жизни желѣзнодорожныхъ вагоновъ и въ первый разъ сталъ стыдиться своего дорожнаго костюма, отражающагося въ хорошенькомъ зеркалѣ. Для усиленія иллюзіи, что мы странствуемъ по Европѣ, поѣздъ летитъ на всѣхъ парахъ чрезъ страну совершенно плоскую, изрѣзанную разноцвѣтными полями и усѣянную плодовыми деревьями.

Чрезъ часъ съ четвертью мы прибыли въ Алигуръ. Нашъ другъ, предупрежденный телеграммою, ожидалъ насъ на станціи, находящейся на нѣкоторомъ разстояніи отъ города, съ своею каретою, въ которой и увезъ насъ въ свое жилище, расположенное посреди обширнаго, прелестнаго сада.

Алигуръ—маленькій провинціальный городокъ, не представляющій никакого интереса для путешественника и защищаемый древнею крѣпостью, обращенною нынѣ въ тюрьму. Это главный складочный центръ хлопчатой бумаги верхняго Доаба.

На другой день утромъ мы отправились опять на желѣзную дорогу,

чтобы продолжать по ней наше путешествіе. Страна, по которой мы проѣзжаемъ, все также однообразна. За Газіудинагаромъ, безконечное имя котораго англичане передѣлали въ Газіабадъ, дорога направляется къ западу и за песчанымъ горизонтомъ береговъ Джумны открывается нашимъ взорамъ величественный силуэтъ древняго императорскаго города Дели. Еще нѣсколько минутъ, и, проѣхавъ чрезъ Джумну по великолѣпному, трубчатому мосту, мы ѣдемъ чрезъ древнюю крѣпость Селимгаръ, и, вотъ, поѣздъ останавливается, кондукторъ кричитъ: «Дели!» Мы въ столицѣ падишаховъ!

© ГПИБ СО РАН

LVII.

Дели.

Дели сравнительно съ Римомъ.—Палладіумъ Индіи.—Индрапехта. — Городъ Шаха-Жегана. — Джумна Мусджидъ. — Императорскій дворецъ. — Англичане и памятники Индіи —Тронъ павлиновъ.—Императорскія бани.—Улица Хандни-Хаукъ.—Кашмирскія ворота.—Кала Мусджидъ.—Совѣтъ туристамъ.—Опыты одного фотографа въ Индіи. — Бани на манеръ могольскихъ. — Язвы Дели.

Имя Дели блеститъ несравненнымъ блескомъ въ исторіи Индіи и всей Азіи. Въ немъ сосредоточивается вся слава, все величіе этой страны, слава и величіе, которыя были достаточно громки, чтобы опьянять, въ теченіе долгихъ вѣковъ, европейскій міръ, и которыя, возбуждая предпріимчивость въ авантюристахъ, бросили Колумба на дорогу Новаго Свѣта и побудили Васко-де-Гама, болѣе счастливаго, чѣмъ его соперникъ, пренебречь всѣми ужасами мыса Бурь.

Единственный городъ въ мірѣ можетъ соперничать съ Дели относительно славы — это Римъ, столица стараго европейскаго міра, точно такъ же, какъ Дели, въ теченіе столькихъ вѣковъ, былъ столицею азіятскаго міра. Но Римъ, этотъ вѣчный городъ, какъ его величаютъ, можетъ едва равняться съ своимидвадцатью шестью столѣтіями съ гордою Индрапехтою, бывшею столицею Арійской имперіи за пятнадцать или двадцать вѣковъ до нашей эры.

Между тѣмъ какъ Римъ представляетъ зрѣлище города, медленно выростающаго до того, что честолюбіемъ своихъ гражданъ выдвигается, наконецъ, на степень властелина міра — Дели игралъ, повидимому, совершенно противуположную роль. Созданный иностранными завоевателями

индѣйской почвы, онъ переходилъ отъ однихъ завоевателей къ другимъ, оспаривавшихъ его другъ у друга, такъ какъ богатства священнаго полуострова привлекали всѣхъ этихъ пришельцевъ, и, по странному суевѣрію, сохранившемуся до нашихъ дней, онъ считался какъ будто палладіумомъ, съ судьбой котораго была связана судьба всего индѣйскаго полуострова. Такъ и англичане стали считаться законными властелинами только съ того дня, когда ихъ знамя было водружено на башняхъ Дели.

И потому написать исторію Дели—значило бы написать исторію Индіи; разумѣется, мы не имѣемъ въ виду представлять здѣсь даже слабаго очерка плана такого гигантскаго произведенія, которое нужно создавать цѣликомъ, которому не положено еще никакого основанія.

Нѣсколько словъ, однакоже, о различныхъ фазисахъ существованія великаго города позволятъ читателю прослѣдить съ пользою наши изслѣдованія всѣхъ чудесъ, собранныхъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ въ одинъ пунктъ.

Самыя древнія историческія легенды Индіи повѣствуютъ о трехъ городахъ: Мадганти, Гастинапурѣ и Индрапехтѣ, смѣнявшихъ другъ друга на томъ самомъ мѣстѣ, которое занимается новѣйшимъ Дели. Послѣдній изъ этихъ городовъ, Индрапехта, связываемый до сего времени правовѣрными индусами съ новѣйшимъ городомъ, былъ основанъ, если вѣрить традиціи, въ тридцатомъ столѣтіи, считая назадъ отъ нашей эры. Между героями великой индѣйской эпопеи Магабгараты встрѣчается имя Юдихтера, бывшаго царемъ Индрапехты въ XV столѣтіи до Р. Х.

Выходя изъ эпохи доисторической, мы встрѣчаемъ въ 57 г. до Р. Х. имя Дели, новаго города, основаннаго на развалинахъ Индрапехты, просуществовавшей уже тысячелѣтіе, королемъ Дилу, династія котораго угасла безвѣстно послѣ эры, о процвѣтаніи которой свидѣтельствуетъ великолѣпіе памятниковъ, оставленныхъ ею.

Этотъ городъ, заброшенный, въ свою очередь, разрушился и возстановляется опять въ 736 г. Анангомъ Палемъ I, который дѣлаетъ его столицей Туарской имперіи; затѣмъ, наслѣдники этого принца оставляютъ его опять и переносятъ столицу въ Кануджъ. Поднятый изъ развалинъ Анангомъ Палемъ II, въ 1060 г., онъ поочередно то разрушается, то возстанавливается Вицалей Дева, въ 1152 г. и султаномъ Кутабомъ—въ 1193 г.

Сдѣлавшись столицею великой мусульманской Индѣйской имперіи Дели переносится, по произволу каждой новой династіи, на новое мѣсто

и въ этомъ странствованіи, которое останавливается лишь при основаніи новѣйшаго города Шахомъ Жеганомъ, въ 1631 г., кочевой городъ покрываетъ своими памятниками долину въ 126 квадратныхъ километровъ. Нигдѣ въ мірѣ, ни даже въ самомъ Римѣ, не существуетъ собранія въ одномъ пунктѣ столь значительныхъ древнихъ памятниковъ, какъ въ этой долинѣ, которая, по справедливости, могла бы считаться археологическимъ національнымъ музеемъ Индіи, такъ какъ въ ней встрѣчаются рядомъ великолѣпнѣйшіе образцы самыхъ различнымъ стилей архитектуры этой страны, начиная съ тѣхъ временъ, когда индусы употребили въ первый разъ камень для своихъ памятниковъ, и до періода, ближайшаго къ нашему времени.

Изслѣдованіе этой великолѣпной и единственной коллекціи казалось мнѣ достойнымъ заключеніемъ моихъ долговременныхъ изученій памятниковъ Раджистана и Индустана. Страны, въ которыя я расчитывалъ отправиться послѣ Дели, не могли представлять интереснаго поля для археологическихъ изысканій; а потому я рѣшился посвятить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ на изученіе древностей старой столицы Индіи, хотя это поле было уже много разъ изслѣдовано моими предшественниками. Конечно, я не имѣю намѣренія сообщать здѣсь всѣхъ моихъ работъ. Вѣрныя воспроизведннія моихъ фотографій, вмѣстѣ съ краткими описаніями дадутъ возможность моимъ читателямъ оцѣнить величественную красоту памятниковъ, представляемыхъ очерками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понять мой восторгъ при видѣ того собранія чудесъ, настоящей книги, каждая страница которой представляетъ лѣтопись великой исторіи Индіи.

25 января.—По выходѣ изъ вагона, мы нашли въ дебаркадерѣ родъ маленькаго омнибуса, который привезъ насъ къ бунгалову путешественниковъ. За учрежденіемъ желѣзныхъ дорогъ не послѣдовало здѣсь учрежденія отеля для европейцевъ, и туристы, пріѣзжающіе изъ Калькутты, число которыхъ относительно довольно велико, вынуждены знакомиться съ старымъ учрежденіемъ дакъ-бунгаловъ, которое понятно лишь въ странахъ, гдѣ путешественники составляютъ рѣдкость. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ осуждать систему бунгаловъ, напротивъ: я извлекалъ изъ нея много выгодъ; но видъ одного изъ этихъ скромныхъ жилищъ, посреди многолюднаго города, принявшаго много европейскихъ оттѣнковъ отъ долгаго пребыванія въ немъ европейцевъ, и въ особенности при выходѣ изъ желѣзнодорожнаго вагона, произвелъ

© ГПНТБ СО РАН

Вид на Ганг.

на меня такое же дѣйствіе, какое произвела бы палатка, раскинутая въ центрѣ Парижа для пріема путешественниковъ.

Непріятное чувство, возбужденное извѣстіемъ, что въ городѣ не существуетъ отелей, доказало мнѣ, что во мнѣ не умерли потребности цивилизованнаго человѣка, и что достаточно было нѣсколькихъ часовъ ѣзды въ вагонѣ, чтобы заставить меня забыть о странствованіи по индѣйскимъ дорогамъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, на спинѣ верблюда или слона, съ перспективою отдыха въ палаткѣ, таскать которую за собою было не всегда удобно.

Однакоже это непріятное чувство скоро изгладилось, такъ какъ кромѣ того, что я нашелъ мой лагерь, палатку, слугъ и лошадей, комфортабельно устроившихся рядомъ съ бунгаловомъ, самый бунгаловъ представлялъ всѣ удобства, которыхъ можно было желать. Онъ находился противъ обыкновенія, въ центрѣ новаго города и на близкомъ разстояніи отъ всѣхъ достопримѣчательностей, заключающихся въ немъ. Съ одной стороны возвышались предъ окнами изъ розоваго песчаника зубчатыя стѣны императорскаго дворца; съ другой — на концѣ большой площади—величественная масса большой мечети, съ ея двумя высокими, мраморными минаретами, устремляющимися къ небу.

Занявъ комнату за установленную плату одной рупіи за день, мы отправились съ Шаумбургомъ къ мечети Юмма Муссджида, памятнику, наиболѣе почитаемому изъ всѣхъ прочихъ мусульманами Индіи и центральной Азіи.

Это зданіе, выстроенное изъ одного краснаго песчаника, находится на огромной террасѣ, къ вершинѣ которой ведутъ три великолѣпныхъ пирамидальныхъ крыльца, примыкающихъ къ монументальнымъ воротамъ. Войдя въ эти ворота, мы очутились на прекрасномъ дворѣ, вымощенномъ мраморными плитами и окруженномъ монастырскими переходами, чрезвычайно легкими, изящными и украшенными въ срединѣ обширнымъ бассейномъ, предназначеннымъ для омовенія правовѣрныхъ. Въ концѣ этого двора тянется длинный фасадъ мечети: рядъ прелестныхъ арокъ узкихъ и низкихъ, окаймляющихъ высокій портикъ, въ видѣ стрѣльчатой ниши. Три изъ бѣлаго мрамора, съ черными жилками купола, слишкомъ большихъ размѣровъ относительно вышины фасада, увѣнчиваютъ зданіе, по бокамъ котораго возвышаются два великолѣпныхъ минарета, покрытые розовыми и бѣлыми полосами, достигающихъ въ вышину 40 метровъ и оканчивающихся изящными, бѣлыми мраморными куполами.

© ГПНТБ СССР

Они имѣютъ величественный видъ и не смотря на нѣкоторые недостатки, весьма легко поправимые, можно сказать вмѣстѣ съ Фергюсономъ, что большая мечеть Дели—образцовое произведеніе религіозной индо-мусульманской архитектуры.

Чего не можетъ передать никакое описаніе, ни даже самая гравюра это—несравненный эфектъ, который производятъ яркіе и, однакожъ строго подобранные цвѣта, облекающіе чудными отмѣнками всѣ части зданія при освѣщеніи ихъ индѣйскимъ солнцемъ. Темно-красный цвѣтъ галлерей, бѣлые и черные мраморы фасада, бѣлизна куполовъ, увѣнчанныхъ золотистыми верхушками, розовыя полосы минаретовъ выдѣляются на голубомъ фонѣ неба безъ всякой рѣзкости и съ самой строгой гармоніей, доказывающей съ какой тщательной заботливостью архитекторъ соединялъ всѣ эти разнообразные оттѣнки, и съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ соразмѣрять ихъ эфектъ, смотря по частямъ зданія, которыя они должны были покрывать.

Внутренность зданія отличается чудной простотой. Своды, столбы, полъ—самаго чистаго бѣлаго мрамора—представляютъ самые нѣжные, самые изящные арабески, высѣченные въ камнѣ. Дощечки изъ чернаго мрамора, расположенныя на стѣнахъ, носятъ на себѣ надписи съ содержаніемъ хвалы Богу, или воспоминаній о Шахѣ Жеганѣ, основателѣ мечети.

Въ прежнія времена европейцы не допускались въ мечеть; но съ 1857 года это запрещеніе было уничтожено. Одинъ старый мулла водилъ насъ очень любезно по этому храму и предложилъ подняться на одинъ изъ минаретовъ, чтобы посмотрѣть видъ, открывающійся съ этой высоты. Дѣйствительно, видъ этотъ такъ хорошъ, что вполнѣ вознаграждаетъ за трудъ взойти на сто ступеней и еще на нѣсколько ступеней такой узкой лѣстницы, по которой съ большимъ трудомъ одинъ человѣкъ можетъ пройти.

Усѣвшись подъ маленькій мраморный куполъ, я увидѣлъ одну изъ прелестнѣйшихъ панорамъ, какія когда либо мнѣ случалось видѣть въ жизни. У моихъ ногъ разстилался новый городъ, *Шаджеганабадъ*, какъ его называютъ индѣйцы, съ своими домами, окруженными террасами, посреди которыхъ извиваются узкія улицы, наполненныя озабоченною толпою, съ своими многочисленными мечетями и дворцами, нынѣ пустыми или преобразованными въ казармы. За валами виднѣлась обширная долина, совершенно гладкая, песчаная, окаймленная съ запада сѣроватыми скалами, а съ востока—широкою голубою Джумною. По всѣмъ направленіямъ возвышаются въ этой долинѣ группы зданій, куполы, колонны, павильоны, силуеты которыхъ тянутся, теряясь къ югу изъ вида за горизонтъ, надъ которымъ поднимается тонкій шпиль, который я могъ различить только съ помощію проводника. Это шпиль колосса этихъ равнинъ, гигантской башни Кутаба.

Послѣ довольно долгаго пребыванія въ нашей воздушной обсерваторіи, мы возвратились во дворъ. Тамъ мулла предложилъ намъ съ таинственнымъ видомъ показать драгоцѣнныя мощи, доставившія мечети ея репутацію святости. Онъ привелъ насъ въ маленькій чуланчикъ, дверь котораго, запертая на задвижку, была отворена сторожемъ за одну рупію. Когда мы вошли въ это убѣжище, старый мулла открылъ ящикъ въ родѣ позолоченной скиніи и вынулъ оттуда серебряный футляръ, который началъ тихо развинчивать, произнося набожно имя Аллаха. Наконецъ, онъ положилъ передъ нашими глазами рыжій волосъ, жесткій, словно лошадиный, длиною въ нѣсколько сантиметровъ, намотанный на серебряную трубку.—«Борода святаго пророка», сказалъ онъ, преклоняясь почтительно передъ этою святынею. Волосъ этотъ, если вѣрить традиціи, составлялъ дѣйствительно часть бороды Магомета. Эти мощи составляютъ гордость Дели и возбуждаютъ зависть къ нему всѣхъ мусульманскихъ городовъ, такъ какъ только Медина, Каиръ и Константинополь обладаютъ такими драгоцѣнными святынями. Послѣ волосъ изъ бороды Магомета мулла показалъ намъ сандалію, поясъ изъ верблюжьяго волоса и другія части изъ одежды пророка. Представленіе каждой изъ этихъ реликвій сопровождалось такими усердными колѣнопреклоненіями, что вѣроятно, еслибы самъ Магометъ могъ видѣть ихъ, то они внушили бы ему много любопытныхъ размышленій. Что сказалъ бы этотъ ярый иконоборецъ, гонитель идоловъ и реликвій, еслибъ увидалъ, что его правовѣрные окружаютъ такими знаками почтенія, которые должны воздавать только Богу, бренные, ничтожные предметы? Подите, послѣ этого разбивайте образцовыя искусства римлянъ и грековъ, изгоняйте изъ вашихъ храмовъ контуры животнаго существа для того, чтобы ваши приказанія, ваши угрозы привели въ концѣ концовъ къ храненію презрѣннаго волоса и безобразныхъ сандалій въ храмѣ и къ поклоненію имъ какъ божеству! Человѣкъ родится идолопоклонникомъ и возвращается всегда къ фетишамъ.

Спрятавъ опять всѣ эти различные предметы въ скинію, мулла сталъ раскладывать передъ нами другаго рода реликвіи, но реликвіи уже настоящія и къ которымъ, дѣйствительно, прикасаешься съ уваженіемъ:

ОТПБ СОРАН

это почтенныя покрытыя пылью рукописи, между которыми первое мѣсто занимаетъ коранъ, написанный великолѣпными куфическими буквами, подъ диктовку, Магомета рукою его зятя Имама-Гусейна. Тутъ я замѣтилъ также изящную копію, написанную арабскими буквами однимъ изъ сыновей императора Шаха-Жегана.

Для заключенія нашего дня, такъ какъ время не позволяло намъ продолжать нашъ осмотръ города, мы вышли изъ него чрезъ юговосточную заставу и отправились бродить по пескамъ Джумны. Усѣвшись на берегу этой рѣки, мы видѣли какъ садилось солнце позади императорскаго города, золотя его куполы и минареты и озаряя красноватымъ свѣтомъ его великолѣпный силуэтъ.

Скоро наступила ночь, и мы съ трудомъ добрались до городской заставы, напутствуемые оглушительнымъ ревомъ шакаловъ, которые выходили, при наступленіи мрака, изъ всѣхъ трущобъ и ущельевъ на открытыя долины.

26 января. — Съ ранняго утра мы отправились къ императорскому дворцу, обширному, укрѣпленному замку съ высокими валами изъ розоваго песчанника, занимающими почти всю восточную часть города. Снаружи онъ напоминаетъ большую крѣпость Акбара въ Агрѣ. Стѣны его, украшенныя рельефными полосами и зубчатыми амбразурами, господствуютъ надъ широкимъ рвомъ, который англичане отчасти замаскировали земляными работами. Въ центрѣ каждой стороны этого четырехсторонника возвышаются великолѣпныя ворота съ башнями по бокамъ и увѣнчанныя кіосками съ мраморными куполами; родъ бастіона, прорѣзываемаго насквозь портикомъ, обрамленнаго изящными минаретами, защищаетъ каждыя изъ этихъ воротъ.

Эти укрѣпленія суть истинно артистическій памятникъ; бывшія нѣкогда грозными, незначительныя нынѣ, онѣ принадлежатъ къ лучшей эпохѣ великаго индомусульманскаго искусства царствованія Шаха-Жегана.

Не безъ волненія переступилъ я порогъ благороднаго замка великихъ моголовъ, оставшагося такъ долго недоступнымъ для простыхъ смертныхъ и къ которому, въ былыя времена, никто не осмѣливался приближаться, не преклонившись прежде до земли. Этотъ дворецъ былъ долго чудомъ міра, вмѣстилищемъ ослѣпительной азіятской роскоши.

Мнѣ пришли на память описанія, считавшіяся долго баснословными и однакоже столь правдивыя нашихъ соотечественниковъ Бернье и Таверньe, которые на нѣсколькихъ страницахъ, написанныхъ простымъ и

наивнымъ слогомъ, набросали картину той пышности двора великаго Могола, которую они могли созерцать и которая произвела на нихъ такое сильное впечатлѣніе.

Посредственная роскошь не могла бы ослѣпить въ особенности Таверньe, бывшаго золотыхъ дѣлъ мастера; однако же его разсказъ представляется заимствованнымъ изъ какой нибудь волшебной сказки. Толпа солдатъ и придворныхъ, пишетъ онъ, одѣтыхъ въ блестящіе костюмы, множество паланкиновъ, лошадей, убранныхъ въ перья, слоновъ съ гаудахами изъ слоновой кости и золота, богатое убранство невольниковъ, несущихъ бархатные зонтики: вотъ зрѣлище, которое поражало иностранца, когда онъ приближался къ воротамъ императорскаго дворца, самыя стѣны котораго почти исчезали подъ складками хапатовъ изъ вышитаго сукна и длинныхъ парадныхъ знаменъ. Но, проникая за эти стѣны, по-истинѣ волшебное зрѣлище представлялось взорамъ: дворцы съ стѣнами изъ мрамора, походящаго на слоновую кость, окаймляющіе дворы, устланные плитами и украшенные многочисленными бассейнами и померанцевыми рощами, пропускаютъ сквозь свои арки лучи блеска золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Какъ измѣнились времена и какъ не похоже зрѣлище, представившееся мнѣ, на эту картину. Вмѣсто блестящей толпы, тѣснившейся нѣкогда въ этихъ стѣнахъ и вокругъ нихъ, я увидалъ на обширной гауптвахтѣ англійскихъ солдатъ въ безобразныхъ каскахъ изъ плетеной соломы, облеченныхъ въ жакетки поваренковъ, и оглашавшихъ своды своими грубыми горловыми голосами.

Затѣмъ, когда мы вошли въ главныя ворота и очутились во внутренности укрѣпленнаго замка,—увы!—взорамъ нашимъ представились безобразныя казармы, заграждавшія со всѣхъ сторонъ горизонтъ; только противъ насъ скромно возвышался одинъ длинный павильонъ съ зубчатыми арками; но и эти арки были заложены кирпичемъ такимъ образомъ, что изъ нихъ образовались безобразныя четырех-угольныя окна, украшенныя деревянными ставнями.

Этотъ бѣдный павильонъ императоровъ, представляется съ англійскими заплатками, посреди казармъ, гордо протягивающихъ свои симметрическіе ряды новыхъ кирпичныхъ зданій, какимъ-то пятномъ и было бы лучше уничтожить его совсѣмъ.

Англичане хотѣли воспользоваться старымъ индусскимъ предразсудкомъ; сдѣлавшись владѣтелями Дели, они хотѣли изгладить всякое воспоминаніе о своихъ предшественникахъ и, разрушая дворцы, они воз-

ОТДЕЛ СОБРАН

двигали, вмѣсто нихъ, тѣ каменные кубы съ четырехугольными отверстіями, которые суть послѣднее слово британской архитектуры. Такимъ образомъ, они заняли мѣсто великихъ моголовъ. Этотъ вандализмъ они оправдываютъ тѣмъ, что нужно было устроить помѣщенія для войскъ! А долина Дели была признана неудобною для ихъ казармъ! Я былъ въ отчаяніи и собирался уже уходить оттуда, какъ вдругъ увидѣлъ солдата, направлявшагося къ намъ быстрыми шагами. «Сюда идите, сюда», сказалъ онъ мнѣ, указывая направленіе, совершенно противоположное тому, по которому я слѣдовалъ?—Что же я найду тутъ?—«Дворецъ» отвѣчалъ онъ. Какъ дворецъ?—Да, все, что остается отъ стараго дворца раджей. Эти остатки достаточно интересны, чтобы взглянуть на нихъ, и если вамъ угодно будетъ послѣдовать за мною, то я провожу васъ туда!»

Мы послѣдовали за нашимъ проводникомъ и, обогнувъ Наобатъ-Кана, очутились на другомъ дворѣ, въ концѣ котораго увидали дѣйствительно великолѣпный дворецъ могольскаго стиля, къ несчастію, также обезображенный кирпичными стѣнами. Это былъ нѣкогда девани-амъ, или зала большихъ аудіенцій, — обширный базаръ, сводъ котораго, украшенный мозаиками, подпирается многочисленными колоннами весьма изящной формы. Все это великолѣпіе исчезло нынѣ; потолоки покрыты густымъ слоемъ известки, вѣроятно для того, чтобы его изящные орнаменты не развлекали чиновниковъ, занимающихся въ бюро, которыми наполнена нынѣ эта часть дворца. Въ одной изъ залъ сохранился еще тронъ и мраморный балдахинъ.

Вышедши изъ девани-амъ, мы прошли чрезъ обширную площадь, еще окруженную новѣйшими зданіями и приблизились къ девани-хазъ, знаменитой тронной залѣ, которую англичане посовѣстились испортить. Этотъ павильонъ былъ чудомъ дворца; хотя онъ лишился своихъ главныхъ богатствъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ роскошный видъ Снаружи это обширный кіоскъ изъ бѣлаго мрамора, отличающійся крайнею простотою; но внутреннее его убранство отличается неслыханною роскошью; столбы, арки, связи свода украшены удивительными арабесками изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, врѣзанныхъ въ мраморъ. Солнечные лучи, проникая чрезъ арки и освѣщая всѣ эти очаровательныя мозаики, какъ будто оживляютъ всѣ эти легкія гирлянды цвѣтовъ изъ лаписа-лазури, оникса и тысячи другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Англичане, ослѣпленные всѣмъ этимъ блескомъ, покрыли сначала, по своему обыкновенію, всѣ эти мозаики

слоемъ известки; но общее негодованіе посѣтителей передъ этимъ актомъ вандализма заставило ихъ очистить эти сокровища отъ постыднаго покрывала. Эта медленная и трудная работа, стоившая имъ очень дорого, не окончена еще и до сего времени.

Здѣсь именно слѣдуетъ припомнить разсказъ Тавернье, чтобы составить себѣ идею о томъ зрѣлищѣ, которое представляла эта зала во времена могольскаго блеска. Потолокъ, разсказываетъ онъ, былъ покрытъ золотою и серебряною тканью удивительной работы и которую онъ оцѣниваетъ, въ своемъ качествѣ золотыхъ дѣлъ мастера, въ двадцать семь милліоновъ франковъ. Тяжелыя шелковыя драпировки, поддерживаемыя золотыми цѣпями, обрамливали арки, окружавшія залу. Наконецъ, въ серединѣ возвышалось чудо изъ чудесъ—знаменитый «тронъ павлина». Тронъ этотъ, изъ чистаго золота, былъ въ два метра длиною, на полтора метра ширины, и составлялъ родъ эстрады со спинкой, покрытою эмалью и имѣвшею форму павлиньяго хвоста; балдахинъ также золотой, окаймленный густою, длинною бахрамою изъ наилучшаго жемчуга и покоившійся на двѣнадцати золотыхъ колоннахъ, покрывалъ заднюю часть трона, передняя часть котораго защищалась двумя огромными бархатными зонтиками, вышитыми жемчугомъ, съ золотыми рукоятками, украшенными брилліантами. Это-то образцовое произведеніе золотыхъ дѣлъ мастерства было исполнено однимъ французскимъ мастеромъ Остэномъ изъ Бордо, состоявшимъ при дворѣ Шаха-Жегана, и стоило, по оцѣнкѣ Тавернье, 150 милліоновъ франковъ. Оно было взято у императоровъ Дели въ 739 году персидскимъ шахомъ Надиромъ.

Съ лѣвой стороны Девани-Казъ расположены частные покои императоровъ, или суммумъ бурджъ; это длинный рядъ залъ и комнатъ съ мраморными стѣнами, украшенными инкрустаціями, (насколько позволяетъ судить объ этомъ слой извести, которымъ англичане постарались ихъ отчасти прикрыть). Затѣмъ взорамъ представляются сто два хорошенькихъ двора, украшенныхъ бассейнами, фонтанами и изящными кіосками, закрываемыми рѣзными мраморными стѣнами въ видѣ кружевъ. На дверяхъ этого великолѣпнаго дворца вырѣзана знаменитая надпись: «Если есть на землѣ рай, то это именно здѣсь». Наивный и безсознательный вандализмъ англичанъ нигдѣ не возмущаетъ болѣе, чѣмъ здѣсь, передъ этимъ длиннымъ рядомъ очаровательныхъ покоевъ, такъ страшно искаженныхъ ими въ теченіе ихъ десятилѣтняго господства въ Дели. То, что пощадили магаратскіе и авганскіе бандиты, не нашло пощады

© ГПНТБ СОРАН

у нихъ. Однако же надо прибавить, что подъ управленіемъ сэра Джона Лауренса настоящаго вице-короля, эта разрушительная манія, угрожавшая истребить въ нѣсколько лѣтъ всѣ памятники древностей Индіи, была нѣсколько парализирована; были сдѣланы даже попытки исправить отчасти уже сдѣланное зло. Недалеко отъ покоевъ находится Гуммумскій Акбарій, или императорскія бани—самое интересное отдѣленіе этого обширнаго дворца и наилучше сохранившееся. Всѣмъ хорошо извѣстна важная роль, которую играютъ бани въ жизни Востока; тамъ лѣнивый азіатецъ проводитъ самыя пріятныя минуты своего дня, а потому утонченная роскошь, встрѣчающаяся во всѣхъ частяхъ этихъ бань, ни мало не удивила насъ: ничто не было упущено изъ виду, чтобы сдѣлать ихъ самымъ очаровательнымъ мѣстомъ дворца. Это маленькія, круглыя залы, свѣтъ въ которыя проникаетъ черезъ узкое отверстіе, находящееся посреди свода, въ видѣ купола. Бѣлый мраморный полъ покрытъ изящными мозаиками, изображающими разбросанные въ безпорядкѣ цвѣты. Въ срединѣ каждой изъ этихъ залъ находится или ванна, или родъ софы, обыкновенно изъ мрамора съ инкрустаціею изъ драгоцѣнныхъ камней. Со всѣхъ сторонъ извиваются бронзовыя трубы для проведенія пара и горячей воды разной температуры. Мусульманскій проводникъ, водившій насъ по всѣмъ заламъ дворца, разсказалъ намъ различныя перипетіи императорскихъ бань. Впрочемъ, въ городѣ существуетъ еще и нынѣ учрежденіе, гдѣ сохранилась во всей ея чистотѣ традиція могольскихъ бань, и гдѣ я буду имѣть возможность убѣдиться лично во всѣхъ приписываемыхъ ей прелестяхъ.

По выходѣ изъ Гуммумъ-Акбари, мы посѣтили Мути-Мусъ-Джидъ, Мечеть Жемчужинъ, куда императоры приходили для покаянія. Это маленькая часовня—драгоцѣнная игрушка изъ рѣзной слоновой кости, но она лишена совершенно того строгаго величія, которое характеризуетъ мечеть во дворцѣ Агры, носящую то же названіе.

Затѣмъ мы прошли черезъ обширныя пространства, которыя занимались нѣкогда волшебными дворцовыми садами, воспѣтыми могольскими поэтами и гдѣ нынѣ встрѣчается лишь небольшое количество чахлыхъ деревъ, до половины погребенныхъ подъ обломками. Выходя изъ дворца черезъ большую дверь падишаховъ, мы увидали передъ собой великолѣпную прямую и широкую улицу, родъ бульвара, обсаженнаго деревьями и окаймленнаго съ обѣихъ сторонъ прекрасными домами: это Хандни-Хукъ, то есть улица золотыхъ дѣлъ мастеровъ, составляющая славу и гордость Шахжеганабада.

Улица эта, дѣйствительно прелестная, идетъ по прямой линіи отъ главныхъ дворцовыхъ воротъ къ лагорскимъ воротамъ, гдѣ живетъ крупное купечество Дели. Лавки, родъ четыреугольныхъ чуланчиковъ, одинаковыхъ размѣровъ, переполнены драгоцѣнными и любопытными предметами: делійскими ювелирскими произведеніями, кашмирскими шалями, баргампорскими газами, пенджабскимъ оружіемъ, выточенными изъ камня шекаватскими сундучками и синдійскимъ лаковымъ товаромъ. Далѣе помѣщаются банкиры, которые, не опасаясь, по видимому, взаимнаго сосѣдства, занимаютъ длинный рядъ смежныхъ лавокъ. За этимъ рядомъ слѣдуютъ лавки: башмачниковъ, знаменитыхъ производствомъ башмаковъ, шитыхъ шелками и изящныхъ бамбушъ; шапочниковъ, фабрикующихъ золотыя тоги для мирзъ, легкія шапки для буржуазіи и характеристическіе тюрбаны, особенные для каждой касты, ювелировъ, выставляющихъ на видъ драгоцѣнныя вещи самой артистической работы; пирожниковъ, приманивающихъ публику вкусными пирожками, которые они приготовляютъ предъ ея глазами, и проч. Каждая изъ этихъ промышленностей составляетъ родъ группъ, почти отдѣльныхъ одна отъ другой. Хотя англичане лишили Дели титула столицы и даже отдѣлили ее отъ Индустана, сдѣлавъ ее зависимою отъ пенджабскаго правительства, она остается однакоже въ глазахъ индѣйцевъ столицею сѣверо-запада. Впрочемъ, ни одинъ городъ, за исключеніемъ Лагора, не можетъ равняться съ этимъ древнимъ городомъ относительно важнаго коммерческаго значенія. Его финансовый рынокъ остается главнымъ рынкомъ всей южной Азіи, и его банкиры простираютъ свои сношенія до Маската, Кабула, Леха и Ярканда, т. е. на всю Аравію, Афганистанъ, Тибетъ и Туркестанъ, а потому нигдѣ нельзя встрѣтить болѣе интересной толпы для наблюденія, какъ та, которая наполняетъ улицу Хандни-Хукъ во всѣ часы дня. Типъ, заслуживающій наибольшаго вниманія, — это типъ уроженцевъ Дели, индусовъ и мусульманъ, отличающихся изяществомъ и крайнею заботливостью о благообразіи своихъ личностей, въ чемъ сказывается вліяніе, которое имѣло на этотъ городъ долгое пребываніе въ немъ могольскаго двора; физіономіи у нихъ живыя и интеллигентныя; они выказываютъ большую предупредительность и вѣжливость иностранцамъ, хотя этимъ качествомъ относительно европейцевъ нельзя придавать большаго значенія. Ихъ жены одѣваются также очень изящно; индуски носятъ цвѣтные зипуны и юбки со складками, мусульманки же — широкіе камзолы и шаровары, собранные у щиколотокъ.

ОТПЕЧАТОК

Отъ времени до времени встрѣчаются степенные мирзы въ золотыхъ высокихъ шапкахъ, въ родѣ кардинальскихъ, прогуливающіеся съ меланхолическимъ видомъ въ обществѣ очаровательныхъ дѣтей съ прекрасными черными глазами.

Титулъ мирзы дается членамъ прежней императорской фамиліи, и тѣ, которые получили дозволеніе оставаться въ Дели, суть дальніе родственники послѣдняго императора. Нѣкоторымъ изъ нихъ англичане предоставили даже право владѣнія ихъ наслѣдственными имѣніями, въ награду за услуги, оказанныя ими во время возстанія.

Рядомъ съ уроженцами Дели, встрѣчаются фганцы, белуджи и представители почти всѣхъ расъ, населяющихъ долины Пенджаба, а также склоны и нагорныя равнины Гималая.

Прошедшя по Хандни-Хукъ, мы увидали передъ собою родъ гауптвахты новѣйшаго устройства,—незначительное зданіе, одно имя котораго однакоже приводитъ въ ужасъ каждаго жителя Дели. Это котвали, или туземная мэрія, предъ которою были повѣшаны или разстрѣляны, въ 1857 году, всѣ несчастные защитники города послѣ взятія его англичанами. Эти несчастные люди, между которыми были принцы императорской фамиліи, храбро защищались; большая часть изъ нихъ не принимала никакого участія въ убійствѣ нѣсколькихъ европейцевъ, которые были умерщвлены въ началѣ возстанія ожесточенною толпою, и, не предполагая, чтобы можно было вмѣнять въ преступленіе людямъ защиту съ оружіемъ въ рукахъ независимости своей стрины, они отдались англичанамъ, которые безжалостно предали всѣхъ ихъ смерти. Недалеко оттуда находится мечеть, куполы и минареты которой обшиты листовымъ золотомъ и имя которой Суна Мусджидъ напоминаетъ не менѣе ужасныя событія. Съ высоты этихъ минаретовъ персидскій завоеватель Шахъ Надиръ смотрѣлъ въ теченіе трехъ дней на пламя, пожиравшее этотъ несчастный городъ, преданный на разграбленіе.

Пройдя мимо котвали, мы пошли по другой прекрасной улицѣ, пересѣкающей Хандни-Хукъ подъ прямымъ угломъ, и она привела насъ къ кашмирскимъ воротамъ. Съ этой именно стороны англичане предприняли осаду въ 1858 году, и, въ память своихъ успѣховъ, оставили эти ворота въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они находились послѣ сраженія.

Валы, окружающіе новый Дели, были воздвигнуты въ царствованіе Шаха Жегана; выстроенные изъ гранита и защищенные глубокимъ рвомъ, они составляютъ еще и нынѣ значительную систему защиты. Пространство, заключенное между ними, равняется десяти километрамъ, и двѣнадцать воротъ прорыты въ нихъ.

Отъ Кашмирскихъ воротъ дорога, обсаженная деревьями, ведетъ къ гражданскимъ и военнымъ англійскимъ центрамъ, расположеннымъ къ сѣверу, на разстояніи двухъ километровъ отъ этихъ воротъ. Недалеко отъ того мѣста, которое они занимаютъ, находились нѣкогда знаменитые императорскіе сады Халимара, воспѣтые поэтомъ Лалла-Рукъ; но мало осталось слѣдовъ отъ ихъ прежняго величія и красотъ. Возвратившись въ городъ, мы пошли бродить по тѣснымъ базарамъ, загроможденнымъ народомъ, и идущими лучеобразно отъ Хандни-Хаукъ. На нашемъ пути мы не встрѣтили ни одного памятника, достойнаго замѣчанія, кромѣ, впрочемъ, одного—Калы Мусджидъ, или Черной Мечети, темнаго зданія странной архитектуры, возвышающагося недалеко отъ туркменской заставы. Изъ строеній, заключающихся нынѣ въ городскихъ стѣнахъ, это единственное, предшествовавшее царствованію Шаха Жегана.

Она была воздвигнута въ 1630 г. императоромъ Ферозомъ, основателемъ Дели, обозначаемаго названіемъ Ферозабадъ.

Возвратившись въ бунгаловъ изъ нашей продолжительной экскурсіи, мы нашли двери нашей комнаты осажденными цѣлою толпою купцовъ, явившихся предлагать намъ разныя рѣдкости столицы.

Стойка, на которой каждый купецъ разложилъ свои товары, представляла настоящій базаръ: шали, матеріи, рога дикихъ козъ, оружіе, сундучки, вѣеры, бронзы, статуетки, были разложены въ самомъ живописномъ и соблазнительномъ безпорядкѣ. Однакоже мы устояли противъ соблазна и безжалостно выгнали всѣхъ этихъ жадныхъ спекулянтовъ, которые осаждаютъ обыкновенно туристовъ, въ надеждѣ воспользоваться ихъ неопытностію, продавая всякую вещь въ десять и двадцать разъ дороже противъ базарной цѣны. Туристъ, не знающій этихъ цѣнъ и языка страны, чтобы обойтись безъ этихъ безсовѣстныхъ посредниковъ, можетъ смѣло понижать цѣну на предлагаемый ему товаръ соотвѣтственно этимъ даннымъ. Купцы отвѣтятъ сначала на его предложеніе ироническимъ смѣхомъ и разными восклицаніями, и удалятся, но вскорѣ возвратятся опять и отдадутъ свой товаръ за предложенную цѣну, конечно, не безъ увѣреній что только крайняя нужда заставляетъ ихъ принять эти условія.

Въ числѣ разнаго рода купцовъ, являющихся къ бунгалову Дели, есть, впрочемъ, одна категорія лицъ, которая заслуживаетъ со стороны

туриста большаго снисхожденія, каковое мнѣ и приходилось имъ всегда оказывать: это художники миніатюристы. Эти художники (въ дѣйствительности, весьма незначительное число изъ нихъ заслуживаетъ этого титула) очень изящно воспроизводятъ на слоновой кости главнѣйшіе памятники Дели и Агры, и надо сказать, что цѣны ихъ относительно умѣренныя по той причинѣ, что хотя ихъ работы и замѣчательны по выполненію, но почему-то никогда не имѣли хорошаго сбыта въ руки англійскихъ туристовъ. Это по большей части потомки живописцевъ, содержавшихся нѣкогда при дворѣ Моголовъ, и они сохранили по традиціи портреты главнѣйшихъ лицъ этой династіи, кои и возпроизводятся ими въ видѣ очень хорошенькихъ миніатюровъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что въ числѣ ихъ произведеній находятся весьма любопытные и вѣрные снимки главнѣйшихъ памятниковъ Мекки.

27 января —Утро было мною посвящено занятію фотографическими работами. Въ сопровожденіи моихъ людей, нестихъ аппаратъ, я повторилъ мою вчерашнюю экскурсію; но, на этотъ разъ, возвратился домой лишь по полученіи на пластинкахъ главнѣйшихъ городскихъ зданій.

Что меня всегда поражало въ продолженіе моего путешествія, такъ это—крайняя обязательность, съ которою индійцы подчиняются повсюду требованіямъ фотографа, подчасъ деспотическимъ. Любопытство ихъ никогда не переходитъ въ нескромность, и они остерегаются помѣшать чѣмъ бы то ни было производству дѣла, какъ скоро видятъ, что аппаратъ направленъ на какую нибудь точку. Одного жеста, одного знака фотографа бываетъ достаточно, чтобы остановить на нѣсколько минутъ движущуюся по улицѣ толпу, а если ему вздумается оживить сцену, введя въ нее людей, прохожіе охотно исполняютъ всегда его желаніе. Это фактъ, о которомъ стоитъ уномянуть, такъ какъ, на мой взглядъ, онъ служитъ весьма характернымъ признакомъ кротости и вѣжливости индусовъ. Не желая приводить невыгоднаго сравненія, я спрошу только у живописцевъ и фотографовъ, путешествующихъ по Франціи, часто ли они встрѣчали у нашихъ крестьянъ такія качества какъ скромность и угодливость.

По возвращеніи съ прогулки, я приказалъ вести себя въ могольскія бани, желая испробовать достоинство этого, столь прославленнаго, рода омовеній. Бани эти, вообще говоря, мало чѣмъ отличаются отъ турецкихъ. Васъ вводятъ прежде всего въ рядъ комнатъ съ постепенно возрастающею температурою; затѣмъ баньщикъ, вылivъ на васъ ведро тепловатой воды, что не мѣшаетъ ей казаться совершенно холодной, кладетъ васъ на мраморный столъ и, натирая васъ мыломъ, разминаетъ и расправляетъ ваши члены до полнаго изнеможенія. Покончивъ съ этою операціею, онъ завертываетъ васъ въ теплое одѣяло и укладываетъ на софу, гдѣ вы, послѣ часоваго сна просыпаетесь въ прекрасномъ расположеніи духа, свѣжимъ и бодрымъ; но это только кажется, потому что послѣ произведенныхъ надъ вами экспериментовъ, вы чувствуете себя неспособнымъ въ теченіе этого дня приняться за какое бы то ни было дѣло. Вообще говоря, употребленіе этого гигіеническаго средства весьма приличествуетъ праздному и лѣнивому азіатцу, но его нельзя рекомендовать европейцу, привыкшему къ дѣятельному образу жизни.

Дели, расположенный въ центрѣ обширныхъ равнинъ, орошаемыхъ многочисленными рѣками, пользуется очень здоровымъ климатомъ. Зима здѣсь свѣжее, пріятное время года, которое можно уподобить лишь нашимъ лучшимъ осеннимъ днямъ, что не мѣшаетъ однакоже въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ зажигать отъ времени до времени добрый огонь въ каминахъ, коими снабжены всѣ европейскіе дома; видъ этого огня въ каминахъ неизбѣжно производитъ странное впечатлѣніе на туриста, ошибочно включающаго всю вообще Индію въ категорію жаркихъ странъ, гдѣ холодъ положительно яко бы не извѣстенъ, и не знающаго того, что есть такія мѣстности въ Индустанѣ и Пенджабѣ, гдѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, термометръ падаетъ каждую ночь до двухъ и трехъ градусовъ холода.

Лѣто же, напротивъ, дѣйствительно нестерпимо въ Дели, въ теченіе короткаго періода, когда дуютъ эти ужасные hot winds (темные вѣтры), съ которыми мои читатели уже знакомы изъ описанія моего путешествія въ Джейпоръ.

Дели однакоже не свободенъ отъ одной странной болѣзни, которая и заставляетъ англійскихъ офицеровъ и чиновниковъ сильно опасаться мѣстопребыванія въ этомъ городѣ. Эта болѣзнь, извѣстная подъ именемъ делійскихъ язвъ, является слѣдствіемъ спеціальнаго зараженія употребляемой для питья воды. Всякій, кто напьется этой воды, хотя бы одинъ только разъ, замѣчаетъ, иногда долгое время спустя, на разныхъ частяхъ своего тѣла настоящія язвы, весьма трудно поддающіяся леченію. Эти язвы не имѣютъ никакой аналогіи съ происходящими отъ укушенія гвинейскимъ червякомъ и ring-worm, или кругообразнымъ

червякомъ, водящимся въ нѣкоторыхъ водахъ Индіи и другихъ странъ: это настоящія язвы. Единственный способъ избѣгнуть заразы—подвергнуть кипяченію приготовленную для питья воду.

Иностранцы, останавливающіеся въ Дели на короткое время, вообще пренебрегаютъ этою мѣрою предосторожности, и часто напрасно, такъ какъ у меня былъ въ Калькуттѣ одинъ знакомый, зараженный этою болѣзнью, не смотря на то, что провелъ въ Дели всего нѣсколько часовъ и выпилъ лишь одинъ стаканъ воды.

По словамъ туземцевъ, эта болѣзнь появилась у нихъ лишь по взятіи города англичанами въ 1857 году, и пристаетъ она преимущественно къ европейцамъ, которыхъ, такимъ образомъ, клеймитъ за ихъ нечистоту всемогущая рука Аллаха.

LVIII.

Равнина Дели.

Городъ и дворецъ Фероза.—Шпицъ Асоки.—Цитадель Пурана Кила.—Афганская мечеть.—Могила Гумаюна.—Какъ пресѣкается династія. Дерзкая гіена.—Охота въ комнатѣ.— Низамъ-Удинъ. — Арабъ Ка-Серай.—Мавзолей Сафдаръ Юнга. — Круги и указатели солнечныхъ часовъ. — Ночь въ гробницѣ. — Импровизированный научъ.

31-го января.—Мы начали нашъ день изслѣдованіемъ равнины Дели, обширнаго кладбища, усѣяннаго, на пространствѣ шестнадцати километровъ въ длину и девяти въ ширину, развалинами девяти городовъ, носившихъ послѣдовательно это имя.

Съ ранняго утра мы сѣли съ Шаумбургомъ на лошадей и выѣхали изъ города въ южныя ворота, или Дели-Дурваза. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ укрѣпленій началось царство мертвыхъ; подковы нашихъ лошадей издавали глухой звукъ, ударяясь о неровную, твердую почву, усыпанную причудливыми грудами кирпичей, каменныхъ обломковъ и извести, грудами, подъ которыми погребено столько поколѣній.

Здѣсь-то разстилалась нѣкогда обширная, многолюдная столица, основанная Ферозомъ, однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ властителей, какихъ только произвела афганская династія. Съ одной стороны, городъ смотрѣлся своими укрѣпленіями въ голубыя воды Джумны; съ другой стороны—тянулись городскія предмѣстья, перерѣзанныя многочисленными прѣсноводными каналами до самыхъ холмовъ Индуна. Но вотъ пришелъ сюда съ своими ордами тотъ, кто называлъ себя самъ «Бичемъ божіимъ и молотомъ вселенной», кровожадный татаринъ Та-

© ГПНТБ СО РАН

мерланъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышался превосходный городъ Дели четырнадцатаго столѣтія, онъ оставилъ лишь груду обломковъ и мусора, на которой даже трава отказалась произрастать.

Единственное зданіе, которое уцѣлѣло отъ ярости хромаго [1]) завоевателя,—это дворецъ Фероза, еще и понынѣ возвышающій свой обнаженный остовъ, не лишенный величія и производящій впечатлѣніе посреди этой мертвой пустыни.

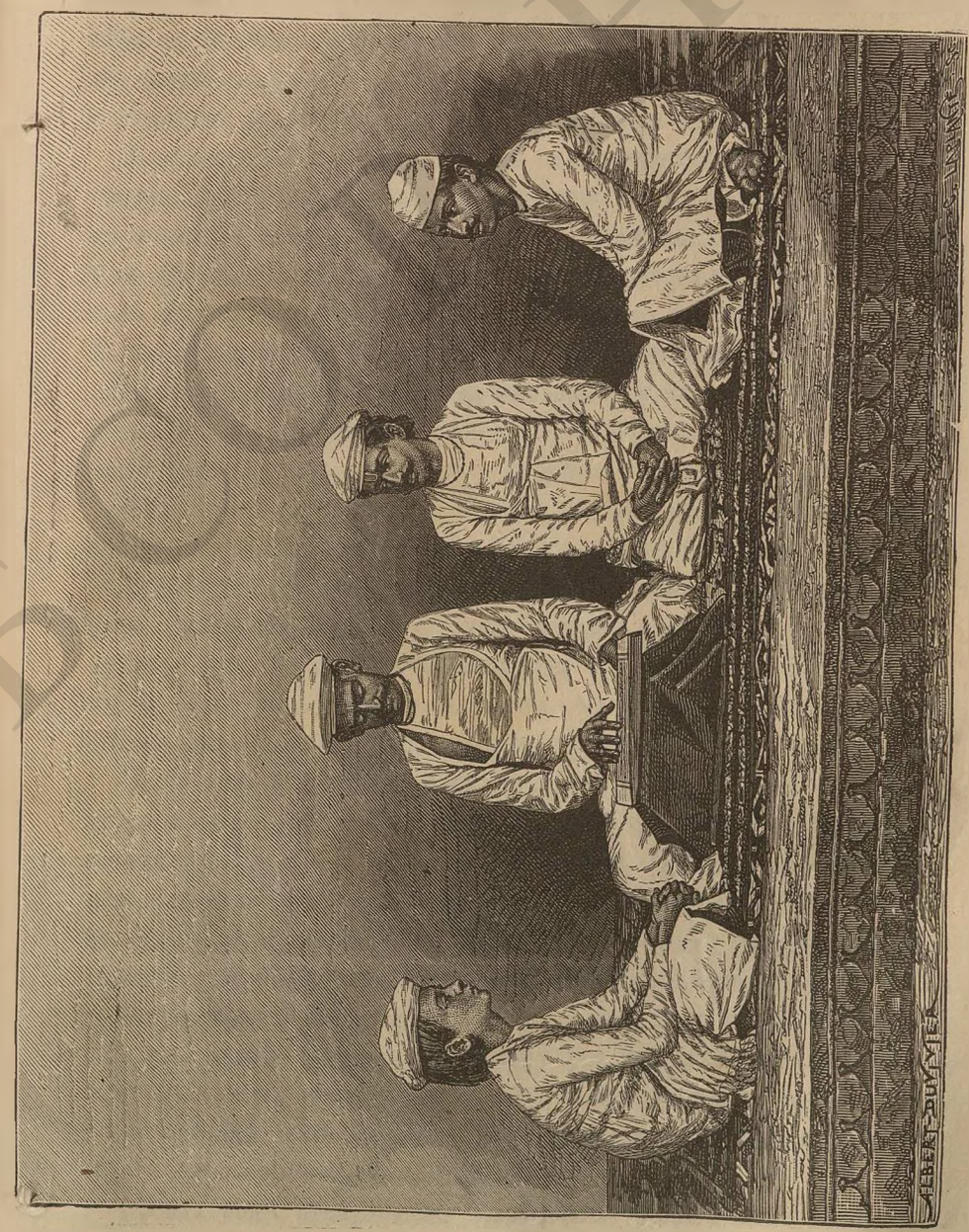
Этотъ дворецъ, который туземцы принимаютъ за старинную крѣпость и поэтому называютъ его Ферозъ-Ка-Котла, постройка весьма оригинальнаго характера. Онъ состоитъ изъ четырехъ квадратныхъ террасъ, наложенныхъ одна на другую въ формѣ пирамиды и прорѣзанныхъ съ каждой стороны значительнымъ числомъ арокъ. По угламъ каждаго этажа возвышались увѣнчанные куполами павильоны, изъ коихъ уцѣлѣло всего только два. Господствуя же надъ всѣмъ остальнымъ, изъ вершины послѣдней террасы поднимается къ небу великолѣпный монолитъ въ двѣнадцать метровъ вышины.

Во времена своего блеска, дворецъ этотъ со своими широкими фасадами, покрытыми штукатуркою яркихъ цвѣтовъ, со своими обширными террасами и украшенными голубою эмалью куполами, и, наконецъ, со своимъ вызолоченнымъ каменнымъ шпилемъ долженъ былъ представлять видъ въ одно и то же время своеобразный и удивительный, который вѣроятно и произвелъ сильное впечатлѣніе на дикихъ воиновъ Тамерлана, когда они увидали его въ первый разъ.

Каменный шпиль дворца Фероза есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ древней Индіи, такъ какъ онъ представляетъ собою одну изъ тѣхъ каменныхъ колоннъ, которыя буддійскій императоръ Ацока велѣлъ водрузить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ своего государства около 250 г. до начала общепринятой эры. а что ему придаетъ еще большій интересъ, такъ это то, что археологи признаютъ эти колонны первою попыткою со стороны индійцевъ ввести въ употребленіе при своихъ постройкахъ отесанный камень.

Эта колонна, или lât представляетъ монолитъ изъ краснаго песчаника цилиндрической формы, слегка суживающійся къ вершинѣ. Она нѣ-

[1]) Извѣстно, что великій могольскій завоеватель, предавшій огню и мечу всю Азію отъ 1370 до 1406 г, былъ хромъ отъ рожденія. Имя Тамерланъ, которое ему дали европейскіе историки, есть только искаженіе Тимуръ Ленга, что значитъ Тимуръ хромой.



Бенгальскіе брамины.

сколько выше двѣнадцати метровъ, а при основаніи имѣетъ около одного метра въ діаметрѣ. Ея тщательно вылощенная поверхность испещрена надписями, которыя, въ продолженіе многихъ вѣковъ, приводили въ тупикъ самыхъ находчивыхъ арабскихъ и европейскихъ ученыхъ. Длиннѣйшая изъ нихъ содержитъ въ себѣ дозволеніе на публикацію одного изъ религіозныхъ сочиненій Ацоки; она написана на палійскомъ языкѣ и разобрана въ первый разъ знаменитымъ индологомъ Принсепсомъ.

Мусульманскіе историки, жившіе въ царствованіе Фероза, свидѣтельствуютъ, что этотъ государь велѣлъ снять lât, о которомъ идетъ рѣчь, съ развалинъ одного языческаго храма, стоявшаго на берегу Джумны, и съ большими издержками велѣлъ его перенести въ Дели, гдѣ онъ и былъ поставленъ на вершинѣ императорскаго дворца. Подъ именемъ Минаръ Заринъ, или золотой колонны (она была покрыта листами этого металла), онъ считался долгое время палладіумомъ государства. Трудно объяснить, почему онъ былъ пощаженъ Тамерланомъ, который ограничился лишь снятіемъ его богатаго наружнаго покрова.

Бокъ-о-бокъ съ дворцомъ Фероза стоитъ большая мечеть простаго и строгаго стиля, также уцѣлѣвшая отъ всеобщаго погрома.

Цѣлый часъ посвятили мы на осмотръ комнатъ дворца, своды которыхъ, сложенные изъ голубоватаго гранита и соединенные одинъ съ другимъ при помощи необыкновеннаго твердаго и прочнаго цемента могли бы и теперь еще устоять противъ настойчиваго бомбардированія. снявши фотографическій видъ съ общаго цѣлаго, мы тронулись въ путь.

Въ теченіе четверти часа съ трудомъ подвигались мы впередъ по грудамъ обломковъ и безобразнымъ осколкамъ стѣнъ, и достигли наконецъ прекраснаго гранитнаго портала съ украшеніями изъ краснаго песчаника; онъ обозначаетъ начало города, выстроеннаго въ 1415 г. императоромъ Даолатъ Лоди, рядомъ съ площадью Дели Фероза, разрушеннаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Тамерланомъ.

Этотъ городъ также исчезъ въ свою очередь, и отъ него ничего не осталось, кромѣ цитадели, живописно усѣвшейся на холмикѣ, составлявшемъ нѣкогда центръ города. Отъ развалившихся воротъ къ крѣпости, носящей названіе нынѣ Пурана Кила, или старая крѣпость, ведетъ широкое прекрасное шоссе.

Пройдя подъ прекраснымъ порталомъ, оберегаемымъ карауломъ, мы очутились въ просторной оградѣ, занятой на половину отвратительными, сложенными изъ грязи хижинами индусской деревни, надъ которыми возвышались высокіе куполы старинныхъ зданій.

© ГПНТБ СОРАН

Самое замѣчательное изъ послѣднихъ, огромная Кила Кана Масджидъ или крѣпостная мечеть, великолѣпный образчикъ афганской архитектуры. Это длинное и узкое зданіе съ тремя массивными куполами и прекраснымъ фасадомъ, прорѣзаннымъ пятью остроконечными арками различной высоты. Главную составную часть строительнаго матеріала представляетъ красный песчаникъ, но много встрѣчается также скульптурныхъ украшеній изъ бѣлаго мрамора. Внутреннія залы всѣ сплошь покрыты изящными мраморными Kiblas, указывающими правовѣрнымъ дорогу въ Мекку. Сводъ украшала прежде прекрасная мозаичная работа, нынѣ совсѣмъ обвалившаяся.

Рядомъ съ этою мечетью находится довольно красивый каменный павильонъ, служившій нѣкогда библіотекою патанскимъ императорамъ. Именно тамъ, Гумаюнъ, завоевавшій, послѣ долгой ссылки, тронъ своего отца, убился до смерти, упавъ съ высокой лѣстницы, на которую влѣзъ, чтобы достать одну книгу, находившуюся на верхней полкѣ этой библіотеки. Прахъ этого принца, настоящаго основателя династіи Тимуридовъ, прозванныхъ великими Моголами, покоится въ великолѣпной гробницѣ, находящейся на разстояніи одного километра къ югу отъ Пурана Кила. По выходѣ изъ старой крѣпости, мы направились къ этому памятнику, который по-истинѣ можетъ назваться однимъ изъ самыхъ величественныхъ мавзолеевъ долины Дели. Его масса изъ бѣлаго мрамора и розоваго песчаника, увѣнчанная куполомъ необыкновенной красоты, возвышается посреди обширной террасы, находящейся въ центрѣ сада, наполненнаго цвѣтами и окруженнаго хорошенькими кіосками изъ краснаго камня. Подъ обширнымъ куполомъ надъ прахомъ перваго изъ моголовъ лежитъ надгробный безъ всякихъ украшеній камень.

По странной случайности, въ этой самой залѣ, возлѣ этого камня угасла великая тимуридская династія Гумаюновъ, Акберовъ, Жеганъшаховъ, Ауренгзебовъ. Послѣ взятія Дели англичанами въ 1857 году, несчастный императоръ Мухамедъ Багадуръ былъ приговоренъ ими къ смерти за то, что народъ во время возстанія возвелъ его опять на тронъ его предковъ. Узнавъ, что его голова оцѣнена, онъ успѣлъ убѣжать изъ своего дворца, въ которомъ его сыновья и всѣ вѣрноподданные сражались до послѣдней капли крови, и пробовалъ пробраться въ синдскія пустыни; но, увидавъ, что дорога была заграждена вездѣ и что со всѣхъ сторонъ ему угрожаютъ страшныя опасности, онъ пришелъ въ мовзолей Гумаюна искать убѣжища. Тамъ капитанъ Гадгсонъ, посланный въ погоню за нимъ, нашелъ его распростертымъ въ отчаяніи

на гробѣ своего предка. Несчастный старецъ былъ взятъ изъ этого убѣжища и увезенъ въ Дели; но страхъ побѣдителей усилить еще болѣе общее противъ себя негодованіе, возбуждаемое всѣми насиліями, которыя дѣлались для подавленія мятежа, вынудилъ ихъ отмѣнить казнь, ожидавшую послѣдняго великаго Могола, и удовольствоваться отправленіемъ его въ Калькуту, гдѣ онъ умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ въ страшной нищетѣ, такъ какъ пенсіонъ, ассигнованный ему побѣдителями, былъ очень ограниченъ и не могъ обезпечивать существованія бѣднаго старика съ его многочисленною семьею.

Каково бы ни было безсиліе, каковы бы ни были слабости послѣднихъ великихъ Моголовъ, не слѣдуетъ судить о ихъ дѣйствіяхъ слишкомъ строго, такъ какъ паденіе своего могущества подготовили индѣйскіе императоры именно тѣмъ, что слишкомъ либерально открыли свою имперію коммерсантамъ. Европейскія компаніи, узнавъ и оцѣнивъ громадныя богатства этихъ странъ, не могли успокоиться, пока не сдѣлались ихъ абсолютными властелинами.

Интриги и жадность этихъ компаній внесли безпорядки и анархію въ страну, наслаждавшуюся до тѣхъ поръ спокойствіемъ и благоденствіемъ.

Если прогрессъ и цивилизація и съумѣли воспользоваться этимъ движеніемъ, возбужденнымъ алчностью, то, тѣмъ не менѣе, отвратительно ставить въ упрекъ народу его униженіе, котораго онъ никогда бы не испыталъ въ такой степени, если бы по примѣру японцевъ и китайцевъ, онъ не впускалъ въ свои владѣнія нашихъ купцовъ и предавалъ бы пыткамъ нашихъ миссіонеровъ.

Остатокъ дня мы провели въ мавзолеѣ Гумаюна. Одинъ изъ кіосковъ сада, преобразованный англичанами въ бунгаловъ, послужилъ намъ комфортабельнымъ убѣжищемъ на ночь: наши люди опередили насъ еще утромъ, и, устроившись тутъ, приготовили намъ обѣдъ, который мы нашли чрезвычайно вкуснымъ, вслѣдствіе дорожной усталости и дѣйствія сильнаго вѣтра, дувшаго въ продолженіе цѣлаго дня.

Вечеромъ весь нашъ караванъ былъ встревоженъ однимъ происшествіемъ. Я сидѣлъ на терраскѣ мавзолея, спокойно покуривая сигару, какъ вдругъ увидалъ бѣжавшихъ въ попыхахъ слугъ, отчаянно звавшихъ на помощь; въ то же время, вниманіе мое остановили на себѣ наши собаки, бѣсновавшіяся передъ открытою дверью бунгалова и съ остервенѣніемъ лаявшія на какое-то незримое существо.

—Въ комнату хозяина забралась пантера!» прокричалъ мнѣ мой bêra, бѣжавшій во всю прыть и внѣ себя отъ ужаса.

Мы поспѣшно направились къ бунгалову, но дорогою, я вспомнилъ, что всѣ мои ружья находились именно въ моей комнатѣ. Что было дѣлать? Оставшіеся позади слуги умоляли меня не подходить близко. Собаки продолжали свирѣпо лаять и я внятно услышалъ глухое рычаніе, отвѣчавшее ихъ визгу. Поэтому было крайне опасно отваживаться подходить безоружному съ этой стороны, тѣмъ болѣе что присутствіе пантеры, или по меньшей мѣрѣ гепарда, не могло представлять ничего особенно удивительнаго, такъ какъ сосѣднія горы изобилуютъ этими животными, и они должны конечно продолжать свои экскурсіи до самой Джумны.

Послѣ минутнаго размышленія и такъ какъ таинственный посѣтитель вовсе не располагалъ выходить изъ нашей комнаты, я велѣлъ вымочить въ маслѣ нѣсколько тряпокъ и, обвязавши ими концы длинныхъ палокъ, зажечъ ихъ; затѣмъ, держа эти импровизированные факелы прямо передъ собою, мы начали подвигаться къ двери, передъ которою собаки не перестовали бдительно сторожить.

Подошедъ достаточно близко, мы бросили въ комнату палки съ горящими лоскутами; паденіе ихъ привѣтствовалось изнутри зловѣщимъ хрипѣніемъ, обратившимъ въ бѣгство моихъ храбрыхъ товарищей; но черезъ минуту озарившій комнату свѣтъ позволилъ намъ разсмотрѣть почти совсѣмъ забившуюся подъ кровать, прекраснаго роста гіену, которая, щетинивъ шерсть и, врашая, огромными глазами, яростно щелкала зубами.

Случай изъ трагическаго дѣлался забавнымъ; на наши крики «Iagal-bâgha!» прибѣжали слуги, и одинъ изъ нихъ, саисъ, высокій, сильный парень, вызвался утащить изъ подъ носа у этого трусливѣйшаго изъ хищниковъ, струсившаго еще болѣе при видѣ огня, мое ружье, которое было прислонено къ стулу, стоявшему очень близко отъ двери. Въ одно мгновеніе ока ружье было схвачено и передано мнѣ; люди вооружились саблями и ножами. Окруженный этими, столь храбрыми теперь воинами, я приказалъ собакамъ уйдти съ дороги и выстрѣлилъ въ звѣря; прежде чѣмъ дымъ окончательно разсѣялся, я увидалъ несчастную гіену, которая ползла, тяжело раненая, по направленію къ выходу, гдѣ ножи моихъ людей вскорѣ ее и докончили.

Трупъ былъ выброшенъ за ограду и, немного спустя, его окружилъ цѣлый батальонъ визжавшихъ отъ радости шакаловъ. Мы легли спать нахохотавшись вдоволь надъ сильными вечерними ощущеніями и перипетіями этой охоты за гіеною на пространствѣ одной маленькой комнаты.

1-го февраля.—Мавзолей Гумаюна составляетъ центръ обширнаго

кладбища, простирающагося черезъ всю равнину Дели отъ Джумны до холмовъ на западѣ. Надгробные памятники этого необозримаго кладбища представляютъ удивительное разнообразіе, начиная съ скромнаго takia, или простаго надгробнаго камня, и кончая массивнымъ зданіемъ съ возвышеннымъ куполомъ, покрытымъ эмальированными кирпичами самыхъ яркихъ и нѣжныхъ цвѣтовъ, способъ приготовленія которыхъ для насъ утраченъ.

Главная группа расположена вокругъ небольшой деревеньки Арабъ-Ка-Серай; тутъ много интересныхъ памятниковъ, но мы ограничимся указаніемъ лишь одного превосходнаго мавзолея патанской эпохи (пятнадцатый вѣкъ), строгаго и величественнаго стиля, хотя и украшеннаго множествомъ восхитительныхъ арабесковъ, и одной небольшой мечети, двухъ зданій, которыя были бы предметомъ удивленія и восторга во всякомъ другомъ мѣстѣ, но здѣсь, посреди множества памятниковъ, разбросанныхъ по равнинѣ, остаются совершенно незамѣченными.

Немного западнѣе этой группы могилъ находится другая не менѣе замѣчательная, расположенная вокругъ великолѣпной мечети, воздвигнутой въ четырнадцатомъ столѣтіи императоромъ Тоглыкомъ I въ честь святаго мусульманина Низамъ-Удина. Знатныя могольскія фамиліи оспаривали другъ у друга почву, освященную присутствіемъ знаменитаго миссіонера ислама, и поэтому могилы расположены здѣсь одна возлѣ другой, какъ и на нашихъ европейскихъ кладбищахъ. На широкихъ мраморныхъ плитахъ, окруженныхъ изящными перилами удивительно тонкой рѣзьбы, можно прочесть еще нѣкоторыя изъ самыхъ извѣстныхъ именъ Индіи шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ: императора Магомедъ Шаха, принцевъ Али, Жеангира и др.

Пробѣгая кладбище, я прочелъ надъ одной изъ могилъ слѣдующую любопытную надпись:

«Я не хочу, чтобы надо мною красовался пышный памятникъ; пусть на смертныхъ останкахъ ничтожной Іеганары, нищей духомъ и смиренной служанки святыхъ учениковъ Христа выростетъ, сорная трава и прикроетъ прахъ дочери императора Шахъ Жегана».

Эта Іеганара одинъ изъ самыхъ трогательныхъ образовъ, выглядывающихъ изъ мрачной исторіи Индіи семнадцатаго вѣка. Дочь извѣстной Тади Биби и Шаха Жегана, она послѣдовала въ тюрьму за своимъ несчастнымъ отцемъ, ослѣпленнымъ по приказанію сына, и, отклоняя всѣ искательства поклонниковъ ея красоты, была до послѣдняго дня ангеломъ хранителемъ злополучнаго старика. Любопытно видѣть на мо-

© ГПИБ СПбАИ

гилѣ ея имя рядомъ съ именемъ Христа; однако существуетъ предположеніе, что она не была христіанкою, но принадлежала къ одной, и доселѣ еще весьма многочисленной, мусульманской сектѣ, которая даетъ Іисусу первое мѣсто въ ряду пророковъ, считаетъ его гораздо выше Магомета и величаетъ его Духомъ Божіимъ.

Возлѣ мечети Низамъ-Удина находится любопытный прудъ весьма древняго происхожденія. Его считаютъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ резервуаровъ, вырытыхъ по приказанію императора Ацоки, въ третьемъ вѣкѣ до начала нашей эры, о которыхъ упоминается въ палійской надписи lât'a, увѣнчивающаго дворецъ Фероза. Бассейнъ пруда, выложенный, плотно одна къ другой прилегающими, каменными глыбами, занимаетъ площадь въ сорокъ три метра и углубляется внутрь болѣе чѣмъ на двадцать метровъ; онъ наполненъ прозрачною водою, которую вполнѣ защищаютъ отъ солнечныхъ лучей высокія нависшія стѣны окружающихъ зданій, такъ что въ бассейнѣ поддерживается постоянно холодная температура. Этой водѣ приписываются чудесныя свойства, и богомольцы благоговѣйно погружаются въ нее, не смотря на ея чрезвычайную прохладу. За бакшишъ въ нѣсколько аннатовъ деревенскіе мальчики дѣлаютъ съ высоты сосѣдней террасы страшный скачекъ въ цистерну.

Продолжая направляться ка востоку, мы достигли мавзолея Сафдаръ Юнга, каторый стоитъ противъ почтовой дороги, отдѣляющейся отъ делійской и ведущей въ Кутабъ. Этотъ памятникъ, хотя и новѣйшаго происхожденія, представляетъ тѣмъ не менѣе одно изъ самыхъ великолѣпныхъ украшеній грандіознаго музея индійской архитектуры. Поставленный въ 1748 г., онъ завершаетъ достойнымъ образомъ эту единственную въ своемъ родѣ серію памятниковъ, по которой можно судить о постепенныхъ видоизмѣненіяхъ индійскаго искусства, начиная съ третьяго вѣка до нашей эры и кончая временемъ весьма къ намъ близкимъ. Бѣлый мраморный куполъ необыкновенно чистой формы устремляется своею золоченною верхушкою на сорокъ метровъ въ вышину и прикрываетъ собою великолѣпную залу въ которой помѣщается пышный кенотафъ Абдуль Мансура, прозваннаго Сафдаръ Юнгомъ, перваго независимаго государя королевства Аудъ. Изъ этой залы спускаешься въ находящійся подъ нею склепъ, гдѣ лежатъ послѣдніе останки этой знаменитой особы; ихъ прикрываетъ небольшой земляной холмикъ и тутъ же читаешь слѣдующую надпись: «Какъ бы ни былъ человѣкъ великъ и могущественъ въ сравненіи съ себѣ подобными, онъ ничтоженъ и малъ передъ Богомъ». Это чувство смиренія передъ Богомъ и гордости передъ людьми всегда ясно выражено на могилахъ мусульманскихъ королей Индіи

Немного къ сѣверу отъ мавзолея Сафдаръ Юнга возвышается группа развалинъ, представляющихъ еще большій интересъ. Это остатки Янтеръ Мантара, большой астрономической обсерваторіи, построенной ученымъ королемъ Жей Сингъ Жейпорскимъ, о которомъ я уже говорилъ гораздо выше.

Отъ этой обсерваторіи остался, такъ сказать, лишь одинъ оставъ, потому что всѣ инструменты уже давнымъ давно исчезли, а съ ними и ученые, оживлявшіе ихъ и съумѣвшіе сдѣлать изъ этого мѣста одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ храмовъ астрономіи во всемъ мірѣ.

Со всѣхъ сторонъ подымаются странной формы зданія, круги, указатели солнечныхъ часовъ, параболы, эллипсисы; они занимаютъ огромную площадь и поражаютъ своими дѣйствительно гигантскими размѣрами.

Главное зданіе представляютъ огромные солнечные экваторіальные часы, которые Жей Сингъ назвалъ Семратъ Янтаръ, то есть «королемъ солнечныхъ часовъ». Указатель, имѣющій назначеніе отбрасывать тѣнь на циферблатъ, образуетъ треугольникъ, отвѣсная линія котораго имѣетъ не менѣе семнадцати метровъ высоты, а другая сторона тридцать одинъ метръ длины.

Передъ этимъ указателемъ находится странной формы зданіе, изъ середины котораго подымается лѣстница въ видѣ спирали; стѣны, расположенныя въ видѣ концентрическихъ полукружій, служатъ для циферблатовъ указателями меридіановъ, отстоящихъ отъ меридіана обсерваторіи на пространство разъ навсегда опредѣленнаго угла.

Съ западной и восточной сторонъ большихъ экваторіальныхъ солнечныхъ часовъ находятся два каменныхъ круга, большаго діаметра, вышиною отъ пяти до шести метровъ, весьма сложное устройство которыхъ сильно заинтересовываетъ посѣтителей. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ возвышается колонна, у подножія которой расходятся тридцать каменныхъ лучей, простирающихся съ правильными промежутками до самой линіи окружности. Каждый лучъ съ соотвѣтствующимъ промежуткомъ составляютъ секторъ въ шесть градусовъ, что, взятое все вмѣстѣ, и образуетъ триста шесьдесятъ градусовъ круга. Противъ мѣста прикрѣпленія каждаго луча, то есть на противоположной стѣнѣ круга, просверлено два отверстія, одно надъ другимъ, къ которымъ поднимаешься по высѣченнымъ въ камнѣ ступенямъ. Отверстія, равно какъ и лучи разбиты геометрическими линіями на извѣстное число частей, такъ,

что тѣнь столба, падая на эти раздѣленія, указываетъ азимутъ солнца; высоты и азимуты луны и звѣздъ опредѣляются тѣмъ же порядкомъ.

Изъ этого краткаго объясненія можно видѣть, что два круга имѣли огромное значеніе, такъ какъ давали возможность индійскимъ астрономамъ производить наблюденія одновременно и, слѣдовательно, съ большою точностью.

Весь остатокъ дня я провелъ среди этихъ любопытныхъ развалинъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось снять нѣсколько фотографій; къ несчастію, три снимка изъ послѣднихъ, вмѣстѣ со многими другими, разбились во время моего обратнаго пути въ Европу.

Ночь захватила насъ за работою и такъ какъ всѣ мои люди еще находились на лицо, то я рѣшился поискать въ равнинѣ убѣжища, которое избавило бы насъ отъ необходимости разбивать палатки, или трогаться въ Кутабъ, который былъ еще въ разстояніи цѣлыхъ двухъ льё. Мы отправились на розыски и вскорѣ нашли, возлѣ Ниѳамъ-Удина, прекрасный патанскій мавзолей, въ обширныхъ залахъ котораго мы могли комфортабельно размѣститься вмѣстѣ съ прислугою и лошадьми.

Затѣмъ были раздвинуты желѣзныя кровати, разложенъ походный столъ, зажжена лампа, и вотъ гробница храбраго патанскаго воина преобразовалась, какъ-бы по волшебству, въ прекрасную жилую комнату. Слуги принесли намъ изъ ближней деревни нѣсколько цыплятъ, рису и молоко, и вскорѣ заигралъ веселый, яркій бивуачный огонь, пробѣгая длинными полосами по старому куполу, испещренному золотомъ и эмалью.

Пока приготовлялся нашъ обѣдъ, я съ грустью раздумывалъ о томъ, что этотъ импровизированный пикникъ на могилѣ витязя будетъ послѣднимъ актомъ въ этой прекрасной, здоровой жизни джунгля, которую я велъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и которой мнѣ придется сказать прости на долго, если не навсегда.

Я вышелъ изъ залы на чистый воздухъ: передо мною разстилалась обнаженная безмолвная равнина, озаренная тѣмъ кроткимъ зодіакальнымъ, свѣтомъ, который солнце оставляетъ послѣ себѣ, какъ будто оно не можетъ рѣшиться покинуть свою возлюбленную землю; чистое небо сіяло тысячами звѣздъ; отъ времени до времени раздавался дикій вой шакала, которому отвѣчали со всѣхъ сторонъ такіе же зловѣщіе звуки, похожіе на какой-то діавольскій хохотъ.

Это величественное зрѣлище, это разлитое въ природѣ спокойствіе живо взволновало меня; дикіе звуки шакаловъ отдавались въ моихъ ушахъ гармоническою музыкою; пройдетъ еще нѣсколько дней, думалось мнѣ, и

локомотивъ унесетъ меня далеко отъ всего этого въ край, который все же будетъ Индіею, но уже Индіею исковерканною цивилизаціею народа-торгашей, Индіею съ отелями, желѣзно-дорожными поѣздами, заводами и фабриками; каждый оборотъ колеса будетъ приближать меня къ дорогому отечеству, но въ то же время и удалять отъ страны, равно близкой моему сердцу, отъ этого Раджастана, съ которымъ меня соединяетъ столько воспоминаній, столько привязанностей.

Тотъ, кто не жилъ жизнью джунглей, жизнью чистаго воздуха и свободы, кто не состоялъ въ тѣсной связи съ дѣвственною природою и не испытывалъ всѣхъ опасностей, случайностей и лишеній такой жизни, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о томъ, какъ больно сжимается сердце у человѣка, который, разъ испробовавъ ее, прощается съ нею можетъ быть навсегда. Невозможно сказать это прости безъ внутренняго волненія, безъ колебанія. Но, какъ и у всякаго изъ насъ въ этомъ мірѣ, у путешественника есть также свои обязанности: если онъ путешествуетъ лишь отъ скуки, ища развлеченій и гоняясь за удовольствіями, онъ поступаетъ какъ эгоистъ: дѣятельность его не оставляетъ по себѣ слѣда; онъ просто пошлый искатель приключеній, не приносящій пользы ни себѣ, ни обществу.

Простятъ-ли мнѣ читатель эти размышленія? Они вѣрно передаютъ чувства, волновавшія меня въ тотъ вечеръ, въ то время, когда мнѣ на минуту пришла въ голову мысль, не повернуться-ли мнѣ спиною къ Франціи и ко всему цивилизованному міру, и не углубиться-ли снова во внутренность этихъ пустынь, на порогѣ которыхъ я стоялъ.

«Кушать подано!» возвѣстилъ мнѣ кансама. Прочь отъ меня меланхолія! Человѣкъ рожденъ не для того на свѣтъ, чтобы находить удовлетвореніе потребностямъ посреди гіенъ и шакаловъ. Есть болѣе возвышенныя наслажденія, которыя Франція въ состояніи доставить понимающимъ ихъ или умѣющимъ быть достойными ихъ.

Судьбѣ было угодно, впрочемъ, чтобы вечеръ окончился шумно и весело. Послѣ обѣда къ намъ явилась труппа жонглеровъ и баядерокъ, направлявшаяся въ Дели и расположившаяся лагеремъ вблизи насъ; узнавъ о нашемъ присутствіи, они пришли просить позволенія дать въ нашу честь представленіе. Предложеніе было принято, и вскорѣ старые своды гробницы огласились звуками цимбалъ и тамъ-тамовъ. При дрожащемъ блескѣ факеловъ, наполнявшихъ залу свѣтомъ и дымомъ, красивыя дѣвушки, съ полуобнаженными торсами, исполнили намъ всѣ старинныя пляски Раджастана. Картина была странная, фантастиче-

ская и достойная кисти великаго художника. Затѣмъ пришелъ чередъ мужчинъ, по виду настоящихъ меватскихъ бандитовъ, которые, съ воинственными криками и съ саблями на-го́ло, исполнили какую-то дикую фантазію.

Надо было, наконецъ, подумать и объ отдыхѣ; труппа ушла къ себѣ, мы размѣстились по своимъ мѣстамъ, гіены же и шакалы не переставали пировать всю ночь около нашего убѣжища.

LIX.

Кутабъ.

Врата Аладина. — Кутабъ. — Большая мечеть. — Галереи Пирти-раджъ. — Латъ Дава. — Легенда о змѣѣ. — Могила Альтамша. — Меровли. — Крѣпость Тоглакабадъ.

2 февраля. — На южной оконечности делійской равнины, обозначая границу необозримаго поля развалинъ, возвышается величественная тріумфальная колонна, поставленная мусульманскимъ завоевателемъ Кутабъ-Удинъ-Эйгебомъ въ самомъ центрѣ послѣдней индусской столицы.

Помѣщаясь на небольшомъ холмѣ, эта колонна, попросту называемая Кутабъ, видна рѣшительно со всѣхъ точекъ равнины, надъ которою она великолѣпно господствуетъ. Поэтому мнѣ хотѣлось поскорѣе вымѣрять вблизи этаго колосса, у подножія коего скучилось множество прекраснѣйшихъ индійскихъ памятниковъ, и на который уже въ теченіи нѣсколькихъ дней были безостановочно устремлены глаза моихъ спутниковъ; они никакъ не могли себѣ объяснить, почему я такъ спѣшу увидѣть развалины, не представляющія для нихъ ни малѣйшаго интереса и не имѣющія въ ихъ глазахъ ровно никакой цѣны.

Тѣмъ не менѣе, я посовѣтую путешественнику, который явится вслѣдъ за мною въ Дели, послѣдовать моему примѣру, такъ какъ послѣ группы памятниковъ около Кутаба на все остальное онъ долженъ взглянуть совершенно безразлично.

Отъ мѣста нашего привала у мавзолея, оставленнаго нами раннимъ утромъ, прекрасная дорога ведетъ прямо въ Кутабъ.

© ГПНТБ СО РАН

Вскорѣ мы углубились въ густо разросшійся садъ, темная зелень котораго представляетъ яркій контрастъ съ красноватыми тонами голой пустынной равнины; изъ центра одной поляны, окруженной высокими прекрасными деревьями, возвышается превосходный бунгаловъ, устроенный англичанами для удобства путешественниковъ.

Намъ потребовалось очень немного времени на то, чтобы устроиться въ отведенныхъ намъ комнатахъ и разбить палатки для прислуги. Покончивъ съ этимъ, мы отправились прямо къ Кутабу. Въ чащу углублялась узкая тропинка, окаймленная по сторонамъ гранатовыми деревьями, яблочными и гуявовыми, которыя соединялись одно съ другимъ при помощи трельяжа изъ жасминовъ въ полномъ цвѣту. Мы пошли этою дорожкою и вскорѣ спустились на дно неглубокаго поросшаго травою оврага, по другую сторону котораго вырѣзывалась на лазуревомъ небѣ стройная и высокая розовая колонна.

Растянувшись на дерновымъ лужкѣ, подъ тѣнью деревьевъ лѣса, который правильнѣе назвать было-бы паркомъ, мы любовались нѣсколько минутъ общимъ видомъ развалинъ, прежде чѣмъ окончательно подошли къ нимъ. Нигдѣ можетъ быть въ другомъ мѣстѣ природа не обнаружила столько граціи, присоединяясь къ дѣлу рукъ человѣческихъ, какъ здѣсь. Развалины городовъ имѣютъ вообще вездѣ печальный унылый видъ; можно подумать, что самая почва поражена проклятіемъ, обрушившимся на злополучный городъ. Здѣсь же, напротивъ, все ярко, свѣжо, весело, граціозно; напитанный благоуханіемъ множества цвѣтовъ чистый, здоровый воздухъ оглашается веселымъ пѣніемъ и свистомъ разнообразнаго пернатаго царства. Нѣтъ никакой надобности вдохновляться энтузіазмомъ историка и археолога, для того чтобы оцѣнить въ одно и то же время всю прелесть этого оазиса и все великолѣпіе заключающихся въ немъ диковинокъ.

Спустившись на дно оврага по кучамъ обломковъ и остаткамъ терасъ, мы подошли наконецъ къ оградѣ Кутаба, къ знаменитымъ воротамъ Аладина, оцѣнивать удивительную красоту которыхъ я не рѣшился бы заставить моихъ читателей, не представивъ имъ вѣрнаго воспроизведенія этого chef d'oeuvr'a.

Ворота Аладина, сооруженныя въ 1310 г. султаномъ Али-Удинъ, должны были вдохновлять автора сказокъ о волшебной лампѣ; никогда геній востока не создавалъ ничего болѣе чудеснаго. Произведеніе испанскихъ мавровъ Альгамбры въ Гренадѣ не можетъ идти въ сравненіе съ этою настоящею архитектурною игрушкою; здѣсь,—цвѣтъ получается отъ самаго матеріала, изъ котораго она сложена—краснаго песчаника, обдѣланнаго бѣлымъ мраморомъ, а покрывающія ее со всѣхъ сторонъ нѣжные арабески вырѣзаны или инкрустированы, тогда какъ въ Гренадѣ весь эффектъ получается главнымъ образомъ отъ игры ослѣпительныхъ красокъ и позолоты, положенныхъ прямо на поверхность жалкихъ кирпичныхъ сооруженій. Кромѣ того, въ мавританской Альгамбрѣ нѣтъ ни одного мѣста съ такою чистотою линій и изяществомъ размѣровъ, какія характеризуютъ въ самой сильной степени произведеніе индійскаго султана.

Эта дверь образуетъ родъ квадратнаго павильона, пробитаго съ каждой стороны въ видѣ зубчатой арки и увѣнчаннаго красивымъ куполомъ. Убранство внутренности зала не уступаетъ по красотѣ нисколько фасаду.

Войдя въ эту великолѣпную дверь, мы внезапно очутились у подошвы памятника Кутаба, стоявшаго совершенно изолированно посреди прекраснаго двора, уложеннаго плитами; монументъ этотъ достигалъ высоты двухсотъ двадцати семи англійскихъ футъ, или около семидесяти метровъ.

Ни одинъ изъ нашихъ европейскихъ монументовъ не въ состояніи произвести такого сильнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ этотъ колоссъ. Самые высокіе шпили на колокольняхъ нашихъ соборовъ, какъ напр. въ Страсбургѣ и Фрейбургѣ, покоятся обыкновенно на такихъ значительныхъ основаніяхъ и оканчиваются всегда такими тонкими наконечниками, что поражаютъ единственно только своею высотою, но не представляютъ никакого эффекта сами по себѣ.

Здѣсь, напротивъ, изолированное положеніе зданія и простота его очертаній придаютъ ему размѣры гораздо выше дѣйствительныхъ. Архитекторъ еще увеличилъ эффектъ перспективы, давъ башнѣ форму цилиндра, значительно съ уживающагось къ вершинѣ, или, лучше сказать, громаднаго усѣченнаго конуса и раздѣливъ ее на четыре этажа, изъ которыхъ каждый былъ на столько ниже другаго, на сколько выше онъ поднимался надъ землею. Основаніе башни имѣетъ въ діаметрѣ сорокъ шесть футовъ, а платформа ея вершины только десять.

Орнаменты памятника поражаютъ невольно громаднымъ своимъ эффектомъ, хотя ensemble ихъ очень простъ. Каждый этажъ, покрытый отвѣсными округленными или угловатыми желобами, окруженъ широкимъ поясомъ изъ цвѣтовъ и арабесковъ и снабженъ массивнымъ балкономъ съ скульптурными украшеніями, увеличивающими значительно

рельефъ башни. Все зданіе песочно-краснаго цвѣта, за исключеніемъ только верхней его части, обложенной бѣлымъ мраморомъ. Красивая круглая лѣстница ведетъ до самой вершины, откуда представляется чудесный видъ на равнину, позволяющій видѣть на сѣверѣ нынѣшній Дели, а на югѣ окрестности Биндрабанда.

Когда мусульманскій полководецъ Кутабъ-Удинъ-Эйгебъ овладѣлъ столицею императора Райпутъ-Пирти-Раджи, то онъ пожелалъ, въ память своей побѣды, соорудить въ самомъ центрѣ побѣжденнаго города колонну, которая должна была быть эмблемою торжества ислама надъ брамизмомъ. По его приказанію, сооруженіе этой башни побѣды началось въ 1200 г., но окончено было это гигантское зданіе только двадцать лѣтъ спустя, во время царствованія преемника Кутаба-Удина, императора Шамчъ-Удинъ Алтамша; разрушенные въ 1340 году молніею, два этажа были вновь выстроены въ 1368 году, Ферозомъ III.

Такъ говоритъ исторія про башню Кутаба; но индусы опровергаютъ истину этого факта и увѣряютъ, что монументъ былъ воздвигнутъ раджпутскимъ принцемъ, за нѣсколько столѣтій до появленія мусульманъ. Правда, по своему изолированному положенію и раздѣленію на этажи, онъ походитъ гораздо болѣе на jaya-stamba, или колонны побѣдъ, сооружаемыя индусами, въ родѣ, напр. Киратъ-Кумбъ въ Читторе, чѣмъ на минареты, непремѣнную принадлежность каждой магометанской мечети. Но нѣтъ также ничего удивительнаго и въ томъ, что побѣдитель перенялъ у побѣжденныхъ ихъ привычку и воспользовался ею для торжества исламизма. Такимъ образомъ можно легко помирить обѣ стороны: Кутабъ будетъ jaya-stamba, сооруженная индусскими архитекторами, но по плану мусульманъ.

Какъ вѣрный почитатель Магомета, Кутабъ-Удинъ-Эйгебъ первымъ долгомъ воздвигъ рядомъ съ колонною, напоминавшею объ его побѣдѣ, храмъ истинному Богу. Исполненіе этой работы онъ поручилъ мѣстнымъ архитекторамъ, предварительно обративъ ихъ насильно въ исламизмъ, а чтобы еще болѣе увеличить свое торжество, онъ приказалъ, чтобы матеріалъ для постройки этой мечети брали непремѣнно изъ языческихъ храмовъ, украшавшихъ городъ.

Если смотрѣть на мечеть со двора, то невольно бросается въ глаза поразительное сходство ея съ прекрасною Arai din ka jhopra d'Ajmir. Расположеніе совершенно одно и то же: прекрасный дворъ, окруженный жилищами съ колоннами, украшенными скульптурною работою и предшествующій большому фасаду съ высокими стрѣльчатыми опускными

рѣшетками. Совершенно тѣ же заблужденія и со стороны архитекторовъ; но чтобы не повторяться, я обращаю вниманіе тѣхъ изъ моихъ читателей, которыхъ интересуетъ этотъ предметъ, на предъидущія главы, гдѣ я подробно описалъ подобное-же зданіе.

Мечеть Кутаба также относится къ Аджмирской мечети какъ роскошный соборъ одной изъ нашихъ столицъ къ скромной провинціальной церкви. Порталы, колоннады и фасады выше всякой оцѣнки; арабески, вазы и цвѣты сплошь покрываютъ стѣны и колонны.

Но для археолога всѣ эти красоты совершенно блѣднѣютъ предъ монументомъ, украшающимъ средину двора мечети, простою желѣзною колонною, на которую туристъ едва обратитъ равнодушный взоръ, но которая, тѣмъ не менѣе, составляетъ одно изъ чудесъ не только Индіи, но и всего свѣта.

Это стержень изъ цѣльнаго металла, цилиндрической формы, гладкій, имѣющій четырнадцать сантиметровъ въ діаметрѣ и возвышающійся отъ настилки двора до изящной капители, поднимающейся надъ нимъ на двадцать два фута или около шести метровъ и семидесяти сантиметровъ.

Вы мнѣ можетъ быть замѣтите на это, что тутъ не изъ-за-чего приходить въ восторгъ: желѣзная кованная колонна въ шесть или семь метровъ—развѣ чудо? Нѣтъ; но эта колонна врыта въ землю на семь или восемь метровъ, слѣдовательно настоящая ея длина пятнадцать метровъ, вѣсящая 8500 кило желѣза. Если я вамъ теперь скажу, что этотъ гигантскій кусокъ кованнаго желѣза былъ сработанъ въ четвертомъ столѣтіи нашей эры, т. е. въ то время, когда половина всѣхъ народовъ не знала еще способа добыванія этого металла, и прибавлю еще, что наша промышленность, при всей своей изобрѣтательности, осмѣлилась приняться за подобный трудъ только какія нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, то вы согласитесь, что делійская желѣзная колонна можетъ быть причислена къ чудеснѣйшимъ твореніямъ древнихъ вѣковъ. Трудно себѣ представить, какія средства употребляли индійцы для обработки и накаливанія до-бѣла этой чудовищной желѣзной полосы, такъ какъ краны и молоты были въ то время еще неизвѣстны.

Эта колонна, которой преданіе сохранило названіе lat de Dhava, носитъ на себѣ короткую надпись, гласящую, что король Дава, почитатель Вишны, соорудилъ этотъ монументъ въ 317 году, въ память своей побѣды надъ Баликасами Синдгу.

ОТПЕЧАТОК

Здѣсь еще разъ надпись противорѣчитъ народной легендѣ. По послѣдней, король Анангъ Паль, покоривъ себѣ всю сѣверную Индію, получилъ отъ одного мудраго брамина, жившаго при его дворѣ, совѣтъ изготовить длинный желѣзный гвоздь и воткнуть его въ землю на большую глубину, чтобы проткнуть голову змѣя Сешнага, поддерживающаго весь міръ, и укрѣпить такимъ образомъ за своею династіею вѣчное существованіе. Гвоздь былъ сдѣланъ и вбитъ въ землю на мѣстѣ, указанномъ браминомъ. Умный совѣтникъ вскорѣ послѣ этого оставилъ на нѣсколько времени дворъ Анангъ-Паля. Послѣ его отъѣзда, король почувствовалъ непреодолимое желаніе узнать, на сколько было дѣйствительно средство, предписанное браминомъ, и будучи, не въ состояніи себя долѣе удерживать, онъ приказалъ выдернуть изъ земли гвоздь. Но каковъ же былъ ужасъ Анангъ-Паля и всѣхъ присутствовавшихъ, когда всѣ ясно увидѣли, что конецъ гвоздя былъ запачканъ въ крови! Конечно, поспѣшили вбить его опять на то же мѣсто; но на этотъ разъ змѣй ушелъ и всѣ попытки укрѣпить колонну остались безуспѣшны. Во время этихъ происшествій воротился пундитъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: «О раджа! какъ ничто въ мірѣ, не въ состояніи болѣе возвратить этой колоннѣ ея устойчивости, которой она лишилась вслѣдствіе твоего любопытства, такъ ничто въ мірѣ не отвратитъ и погибели отъ твоей династіи». Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого шоганы уничтожили имперію Туаровъ въ Дели. Колонна осталась колеблющеюся, что значитъ по индійски «диля»,—отчего и произошло названіе города «Дили» или «Дели».

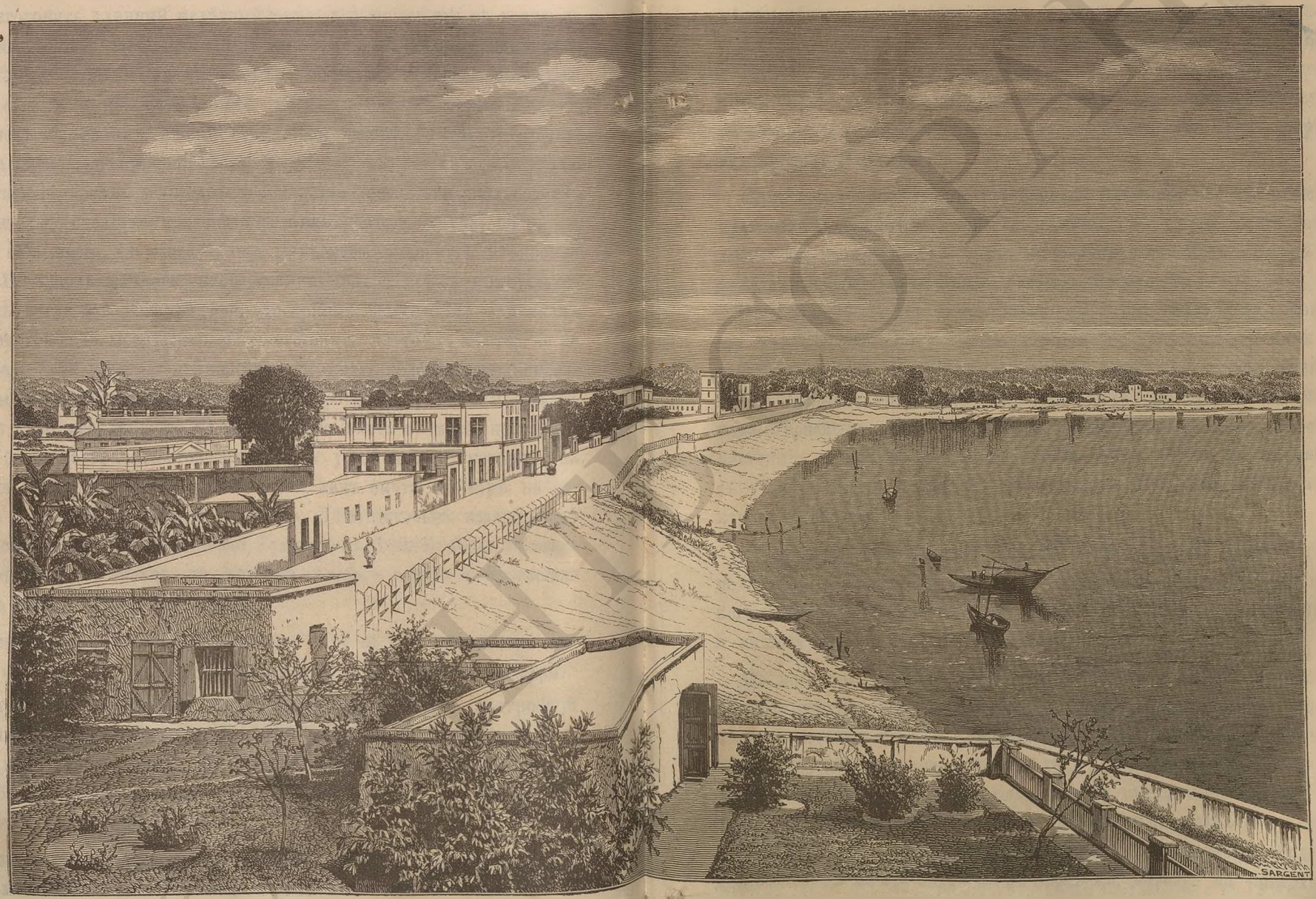
По выходѣ изъ мечети, мы отправились на могилу императора Алтамша, гробница коего представляетъ собою другое чудо скульптуры.

Эта гробница, поставленная въ 1235 г., самый древній надгробный памятникъ индійскихъ мусульманъ. Отъ крышки, представлявшей, вѣроятно, видъ купола, теперь не осталось ровно никакихъ слѣдовъ и солнце безпрепятственно золотитъ своими лучами изящный мраморный кенотафъ великаго императора.

Таковы главныя диковинки (я прохожу молчаніемъ множество другихъ памятниковъ, представляющихъ хотя и меньшій интересъ, но все-же замѣчательныхъ въ своемъ родѣ), которыя, будучи сгруппированы на столь тѣсномъ пространствѣ, дѣлаютъ изъ этого уголка земнаго шара мѣсто, съ которымъ никакое другое не можетъ сравниться.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я увлекаюсь своимъ энтузіазмомъ и по-

ОТИЛБСОРАН



Чандернагоръ.

жалуй обвинятъ меня даже въ профанаціи. А Ниневія! а Карнакъ! а римскій форумъ! вы забыли о нихъ или совсѣмъ не знаете ихъ? скажутъ мнѣ. Я очень далекъ отъ того, чтобы не уважать эти знаменитыя мѣста; нѣкоторыя изъ этихъ руинъ я разсматривалъ съ чувствомъ, вызваннымъ множествомъ воспоминаній, но при всемъ томъ сознаюсь, что я остался равнодушнымъ зрителемъ передъ пластическою красотою этихъ трехъ стертыхъ колоннъ или кусковъ старыхъ кирпичныхъ стѣнъ, въ которыхъ археологъ съ энтузіазмомъ открываетъ храмъ Фортуны или дворецъ Сарданапала.

Какъ можно сравнить эти разсѣянныя, лишенныя формы руины съ чудесными монументами делійской равнины, гдѣ, на разстояніи какихъ нибудь ста квадратныхъ метровъ, вы видите башню Кутаба, дверь Аладина, колоннады Пирти-Раджъ, большую мечеть lât de Dhava и мавзолей Алтамша? Предъ этими названіями, этими памятниками, правда, мы остаемся равнодушны: наша исторія не упоминаетъ о нихъ. Но развѣ мы должны непремѣнно выставлять напоказъ это наше равнодушіе къ великимъ твореніямъ одной изъ самыхъ значительныхъ отраслей индо-европейской расы? Не лучше-ли наоборотъ надѣяться, что скоро наступитъ время, когда наше юношество также хорошо будетъ знакомо съ исторіею Индіи и народовъ, населяющихъ Азію, какъ и съ мелкими народцами Греціи.

Я не буду пересказывать день за день, какъ мы провели цѣлую недѣлю въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ; скажу только, что это кратковременное пребываніе осталось для меня однимъ изъ самыхъ живыхъ и милыхъ воспоминаній моего путешествія.

Съ восходомъ солнца мы отправлялись странствовать по густымъ рощамъ, скрывавшимъ собою дома и базары пустаго города, вдыхая полными легкими свѣжій и ароматный воздухъ прекраснаго февральскаго утра, самаго лучшаго времени года въ Индіи. Свѣжія, почти холодныя ночи оставляли послѣ себя, къ утру, густой туманъ, разстилавшійся синеватою пеленою на поляхъ; первые лучи восходящаго солнца разсѣявали этотъ туманъ и обвивали имъ, точно лентами, верхушки деревьевъ, или-же сгущали его въ оврагахъ, образуя на поверхности ихъ міріады интересныхъ миражей.

Въ то время, когда жара не успѣвала еще сдѣлаться невыносимою, я переносилъ свою рабочую палатку къ руинамъ и снималъ фотографическіе виды съ окружавшихъ меня монументовъ, а Шаумбургъ раз-

© ГПНТБ СО РАН

рисовывалъ акварелью то, что не въ состояніи была передать фотографія. Затѣмъ, въ полдень, мы располагались подъ колоннадами Пиртъ-Раджи и проводили самое жаркое время дня въ нѣмомъ созерцаніи этого небольшого дворца, перебирая въ умѣ всѣ блестящія сцены, для которыхъ онъ служилъ подмостками, начиная съ того времени, когда король Дава воткнулъ въ землю священный гвоздь, долженствовавшій достать до таинственнаго змѣя, символа первоначальнаго поклоненія человѣка, и до того дня, когда хромой татаринъ, неутомимый Тамерланъ, приходилъ сюда поклониться Аллаху, преклоняя свои колѣна въ крови, текшей ручьями по плитамъ храма.

Въ сторонѣ отъ желѣзной колонны, старое священное фиговое дерево распускало надъ дворомъ свои вѣковыя вѣтви и доставляло въ это время дня пріятную и прохладную тѣнь. Это былъ старинный и безстрастный свидѣтель сценъ, которыя проносились въ нашемъ воображеніи.

Вечеромъ мы покидали свое убѣжище въ лѣсу и бродили между обнаженными скалами, причемъ доходили даже до укрѣпленій Lâl Kûle, старинной, индусской цитадели, величественная линія стѣнъ которой, съ ихъ отвѣсно прислоненными къ холму откосами валовъ, не могла устоять противъ священной ярости проповѣдниковъ корана. Оттуда мы господствовали надъ самою крайней границею этой равнины, такъ богатой воспоминаніями; передъ нами, посреди лѣса, на откосѣ небольшаго возвышенія, раскидывалъ свои башни, куполы и чатрисы извѣстный Меровли, любимое убѣжище Ауренгзеба и мѣстопребываніе послѣднихъ императрицъ могольскихъ, которыя проживаютъ въ немъ, получая пенсію отъ англійскаго правительства; въ сторонѣ находился Бегаумпоръ скромная деревушка, сгруппировавшая свои хижины вокругъ великолѣпной мечети временъ Тоглаковъ и, наконецъ вдали, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу, на горизонтѣ виднѣлись памятники, кенотафы и обелиски.

12-го февраля.—Послѣ Кутаба, намъ оставалось посѣтить еще однѣ руины, чтобы закончить серію старинныхъ памятниковъ Дели, а именно: Тоглака-бадъ, столицу шаха Тоглака, расположенную въ пяти километрахъ отъ Кутаба, на берегахъ Джумны. Этотъ принцъ, зараженный болѣзнью передвиженія, характеризовавшею всѣхъ падишаховъ Индіи, въ одно прекрасное время покинулъ городъ Кутабъ и выселилъ всѣхъ жителей въ другое мѣсто, выбранное имъ для своей новой столицы. Въ свою очередь, Ферозъ III, его второй преемникъ, перевелъ всѣхъ своихъ подданныхъ

изъ этого города далѣе къ сѣверу, гдѣ онъ основалъ Ферозабадъ, который мы уже посѣщали.

Стѣны города Тоглака вѣнчаютъ собою цѣпь скалъ и вмѣщаютъ въ себѣ плато въ восемь километровъ въ окружности. Эти укрѣпленія, вышиною въ шестнадцать метровъ, построены изъ синеватыхъ гранитныхъ камней; ихъ поддерживаютъ гигантскія круглыя башни, идущія отъ подошвы возвышенности, и даютъ этой длинной линіи укрѣпленій видъ суроваго величія, которое не могли у нихъ отнять ни время, ни кустарники, разросшіеся въ ихъ разсѣлинахъ.

Все въ постройкѣ Тоглака носитъ на себѣ характеръ мрачный, странный и титаническій, однимъ словомъ, служитъ вѣрнымъ снимкомъ съ характера самаго принца, котораго исторія описываетъ намъ въ одно и то же время какъ утонченнаго ученаго, человѣка со вкусомъ и какъ свирѣпаго и неумолимаго тирана. При входѣ въ городъ въ однѣ изъ четырнадцати воротъ, напоминающихъ собою мрачные порталы египетскихъ подземныхъ храмовъ, вы невольно поражаетесь грандіозностью, грубостью и мрачнымъ колоритомъ построекъ, сооруженныхъ волею одного человѣка. Странная вещь, ничто въ нихъ не напоминаетъ собою Индіи: зубчатыя башни, толстыя стѣны и ворота съ узкими перекладинами носятъ на себѣ скорѣе характеръ нашего феодальнаго времени.

Обширное озеро, окруженное длинною линіею валовъ и фортовъ, омывало стѣны города и защищало его на югѣ отъ всякаго нападенія. На мѣстѣ этого озера, которое въ настоящее время высушено, находится плодородная долина, въ центрѣ которой возвышается скала, прежде островъ, соединявшійся съ цитаделью посредствомъ длиннаго моста въ двадцать семь арокъ.

На этой скалѣ всзвышается мавзолей императора Тоглака, окруженный поясомъ циклопическихъ стѣнъ,—величественное зданіе, которое, по своей крайней простотѣ, пирамидальному наклоненію стѣнъ и чисто египетской массивности можетъ служить типомъ страннаго жанра, созданнаго этимъ повелителемъ. Монументъ этотъ, по истинѣ, достоенъ великаго воина: все въ немъ просто, скромно и сурово; жаль только, что высушка озера отняла у него всю поэтичность его мѣстоположенія.

Внутри мазолея находятся три кенотафа, Тоглака I, его супруги и его преемника, Могамеда. Этотъ послѣдній извѣстенъ въ исторіи Индіи какъ очень жестокій государь. Его двоюродный братъ, Ферозъ III, сви-

дѣтель всѣхъ его жестокихъ поступковъ, розыскалъ, послѣ его смерти, всѣхъ обиженныхъ имъ лицъ и, вознаградивъ ихъ, какъ слѣдуетъ, заставилъ каждаго изъ нихъ дать за своею подписью полное прощеніе его родственнику за всѣ обиды и оскорбленія, понесенныя ими во время его жизни. Затѣмъ онъ собралъ всѣ эти документы и положилъ ихъ въ гробницу Могамеда, чтобы этотъ послѣдній имѣлъ ихъ подъ рукою въ день послѣдняго суда.

Странное и въ то же время великодушное желаніе исправить зло, причиненное человѣкомъ во время жизни, и дать ему случай воспользоваться, даже послѣ смерти, прощеніемъ своихъ жертвъ!

LX.

Пенджабъ и Гамалайи.

Панипатъ—поле битвы Индіи. — Карнаулъ. — Равнины Пенджаба. — Танесваръ. — Амбалла. — Фабрики шалей въ Лудіана. — Рѣка Біасъ.—Амритсиръ, священный городъ. — Лагоръ. — Первый видъ на Гималайи. — Джампанъ. —Симла. — Лѣтняя столица. — Пикъ Джако. — Восхожденіе на Гималай — Меерутъ. — Агра.

14-го февраля мы воротились въ Дели и я началъ дѣлать приготовленія для задуманной нами поѣздки по Пенджабу, какъ вдругъ мой дорожный товарищъ занемогъ очень опасно. Хотя мы оба съ нимъ уже по нѣсколько разъ страдали лихорадкою джунглей, но, тѣмъ не менѣе, однако она открылась у него снова и притомъ въ такой сильной степени, что нечего было и думать о продолженіи пути. Я принужденъ былъ посовѣтовать ему отправиться по желѣзной дорогѣ въ Агру, гдѣ онъ могъ всегда найти необходимый покой и попеченія у нашихъ добрыхъ друзей Г*** Не смотря на видимую досаду его при мысли, что я одинъ отправлюсь къ Гималайямъ, онъ рѣшился послѣдовать моему совѣту, и 16-го февраля отправился въ Агру.

Съ грустью разстался я съ этимъ добрымъ и вѣрнымъ товарищемъ, не покидавшимъ меня ни на минуту въ теченіе почти четырехъ лѣтъ и подчинявшимся безмолвно всѣмъ моимъ рѣшеніямъ, слѣдуя за мною всюду, гдѣ я находилъ нужнымъ быть. Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ отдать полную справедливость его самоотверженію и преданности, которыя одни только позволили мнѣ легко выполнить длинное и трудное путешествіе по Индіи. Сколько экспедицій не удалось единственно только потому, что люди, составлявшіе ихъ, не умѣли въ труд-

© ГПНТБ СО РАН

ныя минуты, неизбѣжныя во всякомъ путешествіи, поддержать общее согласіе, безъ котораго ни одно препятствіе не можетъ быть одолѣно! Пусть экспедиція состоитъ даже изъ двухъ или трехъ человѣкъ, но и тутъ, въ интересѣ всѣхъ, нуженъ начальникъ, котораго слѣдуетъ признавать и слушать.

Проводивъ Шаумбурга до желѣзной дороги, я отправился на почтовую станцію, чтобы нанять повозку до Амбалла, откуда я разсчитывалъ ѣхать въ Лагоръ. Дакъ-гари въ это время были въ совершеннѣйшемъ упадкѣ по случаю ожиданія со дня на день открытія желѣзной дороги изъ Дели въ Лагоръ, а этотъ день долженъ былъ быть послѣднимъ для даковъ. Но, къ сожалѣнію, открытіе дороги, во время моего пребыванія въ Дели, еще не послѣдовало, и я принужденъ былъ взять неудобный пальки на четырехъ колесахъ, запряженный двумя клячами, который мнѣ отдали за довольно умѣренную цѣну.

17 *февраля*. Въ пять часовъ утра дакъ-гари стоялъ уже передъ бунгаловомъ. Въ то время, какъ мой слуга, единственный котораго я бралъ съ собою, занимался укладкою моихъ чемодановъ на крышкѣ повозки, я устроилъ себѣ внутри ея нѣчто въ родѣ постели и растянулся на ней. Въ минуту отъѣзда я, по обыкновенію, началъ звать Шаумбурга, чтобы онъ поторопился. но зовъ мой заставилъ только улыбнуться моего слугу и напомнилъ мнѣ горькую дѣйствительность. Увы моего друга уже не было со мной! Какъ, право, трудно привыкать къ одиночеству!

Лошади поѣхали скорою рысью и вскорѣ, выѣхавъ изъ Дели въ Кашмирскія ворота, мы были на большой дорогѣ, идущей черезъ весь Пенджабъ до Пешавера.

Въ теченіе всего утра мы ѣхали по нескончаемымъ монотоннымъ равнинамъ голая и скалистая почва, казалось, лишена была всякой растительности и мѣстами была покрыта соляною плѣсенью, которая издали походила на легкій иней. Въ дали постепенно обрисовывались большія деревни, хорошо обработанныя поля которыхъ придавали имъ веселый видъ; но эта успѣшная обработка полей была единственно слѣдствіемъ воды, доставляемой посредствомъ *норіасъ*, жалобный пискъ которыхъ раздавался въ лѣсу. Вообще-же обстановка мѣстности была такого рода, что путешественникъ ничего не проигралъ-бы, проѣхавши по желѣзной дорогѣ.

Въ два часа мы приблизились къ Панипату и видъ мѣстности значительно улучшился; скалы и терновникъ уступили мѣсто лѣсамъ и полямъ, на которыхъ были видны первые побѣги проса, сорго и хлѣбовъ.

Вотъ между этими-то садами, на этой необозримой равнинѣ, рѣшалась нѣсколько разъ участь Индіи.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣе удобное поле для сраженія: ни рѣкъ, ни овраговъ, ни большихъ лѣсовъ и ко всему этому слегка волнообразная почва. Вотъ почему попеременно Кутабъ въ 1193, Тамерланъ въ 1397, Баберъ въ 1526, Надиръ-Шахъ въ 1739, и Ахмедъ-Шахъ въ 1768 году измѣняли, каждый въ свою очередь на этой равнинѣ, судьбу этой прекрасной страны. За то сколько-же и могилъ находится въ этой землѣ! Со всѣхъ сторонъ, между деревьями виднѣлись чатрисы и куполы, придававшіе живописный видъ окрестностямъ города Панипата, который кокетливо выглядывалъ изъ за своихъ зубчатыхъ стѣнъ.

Панипатъ очень древній городъ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя зданія, заслуживающія ближайшаго осмотра; но такъ какъ я рѣшилъ быть непремѣнно вечеромъ въ Карнаулѣ, то и остался въ немъ столько времени, сколько требовалось для перемѣны лошадей и необходимаго отдыха.

Въ шесть часовъ, мой дакъ-гари остановился передъ бунгаловомъ въ Карнаулѣ, расположенномъ въ англійскомъ поселеніи. Городъ находится не въ дальнемъ разстояніи отъ бунгалова, и хотя и считается главнымъ пунктомъ провинціи, но не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; по словамъ Жакмона, это самый грязный городъ во всей Индіи. Въ немъ, правда, есть большая некрасивая мечеть, но этого было для меня слишкомъ недостаточно, чтобы отправляться въ городъ. Поэтому я очень прозаично занялся своимъ обѣдомъ и затѣмъ ранѣе обыкновеннаго легъ спать.

18 февраля. Пейзажъ нисколько не измѣнился: какъ до Карнаула, такъ и теперь передо мною разстилалась нескончаемая равнина. Первое время, правда, ничего не было видно, кромѣ небольшихъ деревушекъ отдѣленныхъ одна отъ другой большими пространствами песку, который вѣтеръ постоянно крутилъ въ воздухѣ въ видѣ небольшаго вихря; затѣмъ видъ опять сдѣлался веселымъ и снова потянулись хорошо обработанныя поля.

Я поторопилъ моего кучера и мы поѣхали галопомъ; такимъ образомъ въ полдень я увидѣлъ красивый силуэтъ Танесвара или, лучше, Таннесара, и вскорѣ послѣ этого подъѣхалъ къ станціи.

Оставивъ тамъ мой экипажъ, я поспѣшилъ въ городъ, который мнѣ хотѣлось посмотрѣть.

Таннесаръ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Индіи. Построенный арійскими завоевателями, онъ не уступаетъ въ священности Муттрѣ и Бенаресу. Разрушенный до основанія въ 1011 году жестокимъ Магомедомъ, который переселилъ всѣхъ жителей его, до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ Газни и сдѣлалъ ихъ своими рабами, онъ былъ снова построенъ на собственныхъ-же развалинахъ, образующихъ небольшое возвышеніе, часть котораго городъ занимаетъ и теперь.

Я быстро прошелъ по узкимъ базарамъ, окаймленнымъ домами съ террасами, испещренными живописью, и, сопровождаемый конюхомъ дака, который вызвался быть моимъ проводникомъ, я направился къ знаменитому пруду Куркетъ, расположенному не въ дальнемъ разстояніи отъ стѣнъ. Этотъ прудъ пользуется на сѣверѣ Индіи большою извѣстностью: на его берегахъ разыгралось большое сраженіе между куравасами и пандавасами, послужившее сюжетомъ для поэмы Магабгарата. Я разсчитывалъ увидѣть на его берегахъ храмы или руины, но былъ крайне разочарованъ. Прудъ представлялъ собою довольно большое пространство воды, длиною въ полтора километра; въ срединѣ его находился небольшой островокъ, соединенный съ твердою землею посредствомъ двухъ, разрушенныхъ теперь, плотинъ. На берегахъ были разбросаны, между деревьями, нѣсколько хижинъ и, кромѣ того, были спущены прямо въ воду большія лѣстницы, на которыхъ сидѣли многочисленные богомольцы, но не было видно ни одной болѣе или менѣе замѣчательной руины.

Возвратившись на станцію, я сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Амбаллу, куда и пріѣхалъ вечеромъ.

Амбалла большой городъ, но безъ всякаго вида; поэтому, на другой день моего пріѣзда, я отправился пріискивать себѣ экипажъ, который бы довезъ меня до Біаса, крайняго пункта желѣзной дороги изъ Лагора въ Дели.

Такъ какъ я проѣзжалъ черезъ Пенджабъ въ первый разъ, то на каждомъ шагу, восхищался при видѣ красиваго, гордаго и симпатичнаго сейкскаго народа. Однако, вступивъ въ область пяти рѣкъ, я, кажется, ничего не могу сообщить новаго читателю, знакомому съ нею по описаніямъ М. Лежана; поэтому я ничего не могу лучше сдѣлать, какъ сослаться въ этомъ отношеніи, на моего знаменитаго предшественника.

Миновавъ скучную область Сиргиндъ, я, 21 февраля, пріѣхалъ въ Лудіану, чтобы посѣтить фабрики такъ называемыхъ кашмирскихъ шалей. Рабочіе на этихъ фабрикахъ кашмирцы, а прядильный матеріалъ совершенно такой-же, какой употребляютъ въ Сринагарѣ. Такимъ образомъ лудіанскія шали не уступаютъ въ достоинствѣ нисколько настоящимъ кашмирскимъ, а стоютъ гораздо дешевле послѣднихъ. Можно даже съ увѣренностью сказать, что всѣ нынѣ получаемыя въ Франціи настоящія кашмирскія индійскія шали отправляются не изъ Кашмира, а изъ Лудіаны.

На другой день я былъ въ Сетледжѣ и Біасѣ и, благодаря желѣзной дороги, могъ въ тотъ же день утолить жажду въ знаменитомъ Амритасара, озерѣ безсмертія.

Послѣ Амритеара, я былъ въ Лагорѣ и добрался даже до Пешавтасра, откуда могъ бросить взглядъ на страшную границу Авганистана, куда никто не могъ пробраться, не рискуя навѣрное умереть.

Я былъ очень близко отъ Кашмира, но попасть внутрь страны я не могъ по случаю холеры, свирѣпствовавшей въ то время въ Сриннагарѣ, и англійское правительство принуждено было устроить на границѣ карантинъ, запретивъ въ то же время выдачу разрѣшеній, безъ которыхъ ни одинъ европеецъ не можетъ ступить на территорію магараджи Рамбгиръ Синга. Къ тому-же время года было недостаточно благопріятно для безопаснаго перехода черезъ высокую цѣпь Пиръ-Нанджаль, отдѣлявшую жгучія равнины Пенджаба отъ прохладныхъ долинъ Кашмира. Такимъ образомъ я долженъ былъ воротится въ Амбаллу, куда и прибылъ 10-го марта.

Въ Амбаллѣ я былъ пріятно удивленъ, найдя тамъ Шаумбурга, который, избавившись отъ своей лихорадки, поспѣшилъ туда за мною.

12-го мы отправились въ Симлу.

Этотъ городъ или вѣрнѣе мѣстечко, раскинутое въ ущельѣ Гиммалая, дѣлается каждый годъ на шесть мѣсяцевъ столицею Индіи. Въ то время, когда жара становится нестерпимою въ равнинѣ, вся англійская колонія бенгальскаго президентства съ генералъ-губернаторомъ Индіи и его канцеляріею во главѣ, перебирается туда на дачу. Калькутта въ это время низводится на степень обыкновеннаго провинціальнаго города; за то, имя Симлы съ конца марта и до начала октября красуется въ главѣ Gazette officielle и вицекоролевскихъ декретовъ. Эта

ежегодная эмиграція правительства представляетъ собою явленіе крайне ненормальное, поглощая милліоны на свои издержки. Если-бы еще былъ выбранъ одинъ изъ пунктовъ Гималай по сосѣдству съ Калькуттой, то это было-бы естественно, но Симла находится въ двухъ тысячахъ километровъ отъ метрополіи и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ проведена желѣзная дорога, захватывающая собою три четверти этого разстоянія.

Мы поспѣшили посѣтить Симлу до начала фэшіонебельнаго сезона, потому что мы были не болѣе какъ туристы; ни одного раджи не было въ городѣ для встрѣчи насъ съ подобающею честью; встрѣтили насъ только гималайскіе трактирщики, которыхъ я по-истинѣ боюсь за ихъ жадность. Когда я сказалъ, что не было ни одного раджи для нашей встрѣчи, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ горахъ; напротивъ, они кишатъ тамъ: каждая возвышенность, къ которой примкнули четыре деревушки, составляетъ микроскопическое королевство, напыщенность котораго иногда доходитъ до смѣшнаго.

Карета довезла насъ въ нѣсколько часовъ отъ Амбаллы до Калки, большой деревни, раскинутой у подошвы горы. Высоты, виднѣвшіяся передъ нами, не имѣли того грознаго величія, которое у насъ неразрывно соединено съ именемъ Гималай; это была горы средней высоты, покрытыя густыми лѣсами и возвышавшіяся въ центрѣ плодородной мѣстности; тѣмъ не менѣе однако, почтенная линія вершинъ въ дали, на которыхъ солнце освѣщало большія бѣлыя очертанія ледниковъ, показывала намъ ясно, что мы находились только на первой ступени этой гигантской горной лѣстницы, занимающей собою площадь въ нѣсколько разъ болѣе Франціи и возвышающей свои снѣжныя вершины почти на 9000 метровъ надъ поверхностью моря.

Калка сдѣлалась важною станціею съ тѣхъ поръ, какъ въ ней начали останавливаться туристы, отправлявшіеся въ горы до Симлы, расположенной въ двѣнадцати миляхъ далѣе. Единственнымъ средствомъ для перехода этого пространства служили пони и джампанъ (по крайней мѣрѣ въ то время, потому что англичане въ настоящее время уже начали работы для проложенія рельсоваго пути до Симлы).

Джампанъ принадлежитъ спеціально Гималайямъ отъ Дарджиллинга до Сринагара. Это нѣчто въ родѣ простыхъ носилокъ, состоящихъ изъ деревяннаго кресла, помѣщеннаго на четырехъ двойныхъ палкахъ, съ навѣсомъ изъ клеенки. Этотъ экипажъ съ успѣхомъ замѣняетъ паланкинъ, который при восхожденіи принуждаетъ путешественника къ очень неудобнымъ положеніямъ. Носильщики, идущіе сзади, несутъ носилки на

плечахъ, тогда какъ передніе держатъ ихъ свободно въ рукахъ; такимъ образомъ сидѣнье джампана остается всегда въ горизонтальномъ положеніи.

Шаумбургъ и я, мы сѣли каждый въ джампанъ и оставили Калку посреди криковъ носильщиковъ, предпринявшихъ нѣчто въ родѣ комическаго бѣга.

Эти молодцы называются пагарисы, названіе данное индусами равнины всѣмъ горцамъ безъ различія рассы и племени. Низкіе и коренастые, они отличаются поразительнымъ безобразіемъ; ихъ фигура носитъ на себѣ всѣ отличительныя черты монгольскаге типа: плоскій носъ вдавленъ между выдающимися скулами, скрывающими почти совсѣмъ небольшіе и слегка приподнятые однимъ концомъ кверху глаза; большой ротъ съ хорошими зубами и рѣдкая борода на подбородкѣ.

Видъ этихъ людей напомнилъ намъ, что мы переходили границу Индіи и вступали въ Тибетъ, страну, хотя и признающую надъ собою господство индусовъ, но жители которой были отпрысками племенъ, населяющихъ возвышености Ладака и Большаго Тибета и доходящихъ даже до самаго центра Китая.

При самомъ выѣздѣ изъ Калки, дорога легкими изгибами шла въ теченіе часа лѣсомъ; когда-же мы доѣхали до значительной возвышенности, то передъ нами вдругъ открылся великолѣпный видъ какъ на равнину, такъ и на самую горную цѣпь. Однимъ взглядомъ вокругъ себя можно было видѣть Сетледжъ, Амбаллу съ ея монотонною равниною, Доабъ почти до Гурдвара, далѣе длинную линію Сирмурскихъ горъ, ледники, похожіе на бѣлыя облака, и наконецъ знаменитый пикъ Джако, указывавшій мѣстоположеніе Симлы.

Но что болѣе всего привело насъ въ восторгъ,—такъ это великолѣпная растительность, встрѣчавшаяся намъ по дорогѣ. Дѣйствительно, достаточно нѣсколькихъ часовъ пути, чтобы перенестись внезапно изъ тропическаго пояса въ умѣренный. Вмѣсто пальмъ, тарасъ, манговыхъ деревьевъ, встрѣчавшихся намъ еще утромъ по дорогѣ, мы видѣли предъ собою темный еловый лѣсъ; вдали рисовались дубы и платаны, а склоны ущелій были покрыты рододендрономъ и буксомъ. Предъ нами была не Индія, а Европа.

Какъ все это было прекрасно и чудесно! Мы не могли глазъ нашихъ оторвать отъ этой растительности, напоминавшей намъ живо наше отечество.

Для полноты иллюзіи, мелькавшія вдали деревеньки казались какъ-

бы выхваченными изъ какой нибудь долины Швейцаріи или Тироля; низенькіе домики съ обсыпанными камнемъ крышами глядѣли настоящими швейцарскими хижинами; храмы, ихъ окружавшіе, своими легкими досчатыми колоколенками также напоминали собою скорѣе китайскій или швейцарскій стили.

Наконецъ, еще одна общая черта:—въ воздухѣ было свѣжо. Когда мы въѣхали въ Кассовли, была только лишь половина четвертаго и, не смотря на солнце, острый, пронизывающій холодокъ вынудилъ меня плотнѣе закутаться въ мое дорожное одѣяло; порою же, когда въѣзжали въ тѣнь, я буквально дрожалъ отъ стужи.

Впрочемъ, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу горцы, всѣ были въ теплыхъ одеждахъ,—мужчины въ шерстяныхъ курткахъ и панталонахъ, нѣкоторые даже въ черныхъ, войлочныхъ шляпахъ, женщины—въ покрывалахъ изъ толстой матеріи и увѣшанныя по обыкновенію, цѣлою коллекціею бездѣлушекъ и колецъ изъ мѣди или серебра.

Послѣ Кассовли, прекрасной станціи, лежащей болѣе чѣмъ на семь тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, дорога представляла рядъ крутыхъ горныхъ спусковъ и подъемовъ, открывавшихъ передъ нами все новыя и новыя красоты: тутъ прокладывалъ себѣ путь горный потокъ, извиваясь въ узкой трещинѣ между остроконечными скалами, черезъ который мы переходимъ по легкому висячему мостику; въ другомъ мѣстѣ представлялись нашимъ очарованнымъ взорамъ то глубокій оврагъ, весь потонувшій въ зелени и цвѣтахъ, надъ которымъ склонялись вершинами высокія сосны съ полуобнаженными корнями, то наконецъ мирная, веселенькая долина съ живописно запрятавшеюся въ ней деревушкою.

Къ шести часамъ быстро надвинулась ночь и въ то же время поднялся холодный порывистый вѣтеръ, угрожавшій каждую минуту затушить наши факелы. Одѣяло черезъ чуръ плохо защищало отъ холода: какъ я ни завертывался въ него, а согрѣться все-таки не могъ. Можно было подумать, что ѣдешь гдѣ нибудь въ Сибири. Нашъ маленькій караванъ въ молчаніи подвигался впередъ, осторожно выбирая дорогу, казавшуюся совсѣмъ черною отъ нависшихъ надъ нею деревьевъ. Наконецъ, около полуночи, мы увидали огни, возвѣстившіе близость Симлы. Носильщики ускорили шаги и выразили свою радость восклицаніями: «Harè! Harè! Harè bhaï!» которыя раздавались въ тактъ ихъ быстрой ходьбѣ и будили окрестное эхо.

Мы прямо направились въ Royal-Hôtel, прекрасное, просторное помѣщеніе, гдѣ усѣлись вскорѣ передъ пылающимъ каминомъ и согрѣли

наши члены, совсѣмъ закоченѣвшіе отъ холода. Содержатель гостинницы англичанинъ, привѣтствовалъ въ нашемъ лицѣ первыхъ посѣтителей въ году; онъ прибылъ сюда всего двѣ недѣли тому назадъ и сообщилъ намъ, что нашелъ на улицахъ Симлы тонкій слой снѣга.

Съ какимъ наслажденіемъ легли мы спать въ постели, приготовленныя наевропейскій ладъ и снабженныя одѣялами и простынями; главное простынями! Въ этотъ день, 12 марта 1868 года, исполнилось почти ровно пять лѣтъ, какъ я не протягивался на чистомъ бѣльѣ и не имѣлъ въ теченіе этого времени другаго ложа, кромѣ подпруги или тростниковой цыновки, и то еще бывъ вполнѣ довольнымъ, если приходилось найти то или другое. Поэтому, когда я лежалъ такимъ образомъ, передъ веселымъ огнемъ камина и перебиралъ въ мысляхъ всѣ картины и происшествія дня, я долженъ былъ сдѣлать надъ собою немалое усиліе, чтобы убѣдить себя, что это не сонъ, а дѣйствительность.

На другой день съ утра мы были уже на ногахъ и, послѣ легкаго завтрака, вышли изъ отеля.

Передъ нами, или скорѣе у нашихъ ногъ, такъ какъ гостинница стоитъ на горѣ, разстилался туземный городъ,—нагроможденіе деревянныхъ домишекъ на закругленной вершинѣ холма, высшая точка котораго занята англиканскою церковью, весьма скромнымъ сооруженіемъ безъ стиля, безъ малѣйшихъ притязаній. Подъ деревьями, по склонамъ холма, виднѣлись со всѣхъ сторонъ изящныя постройки, бунгаловы крупныхъ должностныхъ лицъ въ Индіи.

Дальше, по другую сторону глубокаго оврага, возвышались громады, покрытыя темною растительностью, представлявшія округленные, мягкіе контуры ирсшія въ вышину, громоздясь одна на другую до самой снѣговой линіи, замыкавшей на сѣверѣ горизонтъ. На первомъ планѣ прямо противъ насъ, возвышался прекрасный пикъ Жакко, любимая цѣль прогулокъ жителей Симлы.

Общій видъ превосходенъ, картиненъ, величественъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки не оправдываетъ ожиданій. Гималаи оказываются далеко не тѣмъ, чѣмъ себѣ ихъ представляешь, а наши Альпы и Пиренеи представляютъ картины одинаковой красоты. Потребно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы убѣдить себя, что видишь передъ собою высочайшій горный хребетъ въ мірѣ. Надо правду сказать, что здѣсь мы находились только лишь передъ начальными отрогами этихъ исполинскихъ горъ, и что прежде чѣмъ произнести окончательное сужденіе о Гималаяхъ, слѣдовало-бы посмотрѣть на нихъ изъ глубины долинъ Непала

или Сиккима. Такъ какъ мы были лишены этого счастія. то мнѣ и не подобаетъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ.

Симла была очень скучнымъ мѣстомъ, такъ какъ въ нее еще не начался приливъ эмигрантовъ; поэтому, употребивъ нѣсколько дней на различныя экскурсіи къ пику Жакко и въ окрестныя долины, мы отправились въ Амбаллу, на этотъ разъ дорогою Сабату, которая гораздо удобнѣе калкской дороги.

Изъ Амбалы мы вышли на делійскую дорогу, своротивъ съ нея въ Меерутъ, большой, важный городъ, расположенный въ центрѣ возвышенности Доабъ, посреди обширныхъ голыхъ равнинъ, лишенныхъ всякаго интереса, равно какъ и самъ Меерутъ.

24 марта мы вошли въ Агру въ третій и въ послѣдній разъ.

LX.

Страна Аудъ.

Удъ и Аудъ.—Каунпоръ.—Возстаніе 1857 года и Нана Сагибъ.—Кровавая комната.—Цистерна и памятникъ.—Гангъ.—Пилигримы.—Лукновъ. Городъ.—Кайзербагъ.—Гуссейнабадъ Имамбара.—Ла Мартиньеръ.

30-го марта. — Сегодня мы окончательно тронулись въ Калькутту, разсчитывая пробыть въ пути по крайней мѣрѣ три мѣсяца, чтобы пройти, такимъ образомъ, тысячу четыреста съ небольшимъ километровъ, отдѣлявшихъ насъ отъ этого города.

Съ этого дня мы вступили въ страну, которая можетъ поспорить въ отношеніи цивилизаціи съ самыми просвѣщенными государствами Европы; повсюду явились къ нашимъ услугамъ желѣзныя дороги и гостинницы; поэтому мы могли освободиться отъ громоздкихъ дорожныхъ принадлежностей, которыя такъ вѣрно служили намъ въ Раджастанѣ. Мы продали палатки и лошадей, отпустили нашу многочисленную прислугу и, оставивъ при себѣ лишь одного консама и стараго Бѣга Деви, который былъ у насъ въ одно и то же время и мажордомомъ и моимъ помощникомъ при производствѣ фотографическихъ работъ, направились, при такой скромной обстановкѣ, задолго до восхода солнца, къ желѣзнодорожной станціи Тундлахъ.

— Куда мы ѣдемъ? спросилъ меня по прибытіи на станцію Шаумбургъ, который всегда былъ врагомъ долгихъ сборовъ въ дорогу по заранѣе намѣченному маршруту.

— Выборъ мѣста представляетъ для насъ нѣкоторое затрудненіе, сказалъ ему я; мы можемъ ѣхать въ Аллагабадъ, Бенаресъ, Лукновъ;

© ГПНТБ СО РАН

у насъ нѣтъ недостатка въ знаменитыхъ городахъ, вдоль линіи East Indian, на которые стоило бы взглянуть; времени у насъ также много, поэтому останемся до конца вѣрными нашему правилу: никогда не торопиться, и такъ начнемъ съ начала. Возьмемъ билеты до Каунпора и посѣтимъ прежде всего страну Аудъ; впослѣдствіи же рѣшимъ и остальное.

— А гдѣ по вашему Аудъ? спросилъ меня мой товарищъ, нѣсколько смутившись отъ признанія въ собственномъ невѣжествѣ по части географіи.

Многіе во Франціи предложили бы мнѣ тотъ же вопросъ, если бы я сталъ имъ говорить объ Аудѣ, но въ то же время нисколько не затруднились бы, если бы я назвалъ эту страну Удомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ у насъ не было въ Парижѣ королевы Удъ? Совершенно вѣрно; но это слово, которое англичане пишутъ Удъ, выговаривается ими Аудъ, почти такъ же какъ у индѣйцевъ; поэтому, гораздо раціональнѣе писать его по французски Aoûdh, именно такъ, какъ оно произносится.

Локомотивъ уже уносилъ насъ, пыхтя, черезъ однообразныя равнины Доаба, а мы все еще продолжали разсуждать о произношеніи и орѳографіи географическихъ терминовъ Индіи. Это очень сложный вопросъ, въ которомъ всѣ одновременно и правы и неправы, и который еще не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Англичане, по прибытіи въ страну сто лѣтъ тому назадъ, приняли, для передачи на письмѣ туземныхъ словъ европейскимъ алфавитомъ, систему, которая была бы весьма раціональна для всякаго другаго народа, съ языкомъ, способнымъ подчиниться труду этой передачи, а именно: они приняли орѳографію фонетическую, то есть изображеніе словъ такъ, какъ ихъ слышитъ ухо. Къ несчастію, всякій, кому знакомъ англійскій языкъ, знаетъ конечно также, что произношеніе въ этомъ языкѣ положительно лишено точныхъ правилъ, что каждая согласная буква, каждый отдѣльный слогъ произносятся совершенно различно, сообразно ихъ положенію въ словѣ или прихоти говорящаго. Поэтому, англичане очутились въ большомъ затрудненіи, когда имъ пришлось имѣть дѣло съ обиліемъ чистыхъ согласныхъ индѣйскаго языка и они могли передать ихъ только лишь приблизительно, что привело къ результатамъ столь же комическимъ, сколько и неожиданнымъ. Такъ, напримѣръ, имя ихъ заклятаго врага Сри Раджа Даола (Sri Rajah Daôlah) сдѣлалось въ англійской орѳографіи Sir Rogers Dowler.

Удобная или неудобная, какъ бы то ни было, эта англійская орѳо-

Большая мечеть Гугли близъ

графія была принята повсемѣстно и даже самими индѣйцами; поэтому, когда въ наше время стараются произвести въ этомъ отношеніи радикальныя реформы, всегда наталкиваются на немаловажныя затрудненія. Желая очистить географическую орѳографію Индіи, рискуютъ сдѣлать ее совсѣмъ непонятною. Навѣрное, очень бы удивились почтовые чиновники, если бы имъ отдали письмо, адресованное вмѣсто Chandernagore или Calcutta въ Fchandranagar или Kâlikatta. Единственное средство избѣжать такихъ затрудненій, это — сохранить мѣстамъ, пользующимся значительною извѣстностью, ихъ теперешнюю орѳографію, существующую въ продолженіе ста лѣтъ, но въ то же время и подчинить имена менѣе капитальнаго значенія новымъ правиламъ произношенія. Да, кромѣ того, еще потребовалось бы, чтобы отдѣльныя націи вошли между собою въ соглашеніе: иначе, вышло бы, напримѣръ, что слово jât англичане пишутъ jaut, нѣмцы Dschats, а французы Djâts. И даже въ этомъ случаѣ индѣйская географическая терминологія медленно, но постоянно все-таки запутывалась бы и затемнялась.

Этотъ разговоръ о правописаніи способенъ всегда возбудить интересъ въ Индіи, такъ какъ всѣ имъ занимаются и каждый изобрѣлъ свою собственную маленькую систему, которую и считаетъ конечно гораздо совершеннѣе прочихъ; такимъ образомъ, мы уже подъѣзжали къ Каунпору, а бесѣда объ этомъ предметѣ не прерывалась, такъ какъ въ ней приняли живое участіе и наши дорожные товарищи, два англійскіе офицера, помѣщавшіеся въ томъ же вагонѣ.

Во всякомъ случаѣ, этотъ продолжительный разговоръ принесъ ту пользу, что, сокративъ время, избавилъ насъ отъ скуки, которую испытываешь проѣзжая по однообразнымъ, безконечнымъ равнинамъ Даоба.

Каунпоръ одинъ изъ главныхъ городовъ древняго королевства Аудъ. Расположенный на правомъ берегу Ганга, въ центрѣ обширнаго земледѣльческаго округа, онъ имѣетъ огромное торговое значеніе и заключаетъ въ себѣ не менѣе шестидесяти тысячъ душъ. Англичане устроили здѣсь военное поселеніе съ семью тысячами человѣкъ войска.

Вотъ все почти, что можно сказать объ этомъ городѣ, и туристъ, конечно не свернулъ бы съ дороги затѣмъ лишь, чтобы взглянуть на его длинные, утомительно однообразные базары, превосходно вытянутые въ одну прямую линію и обсаженные деревьями, дышащіе богатствомъ и цвѣтущимъ благосостояніемъ, но за то окончательно лишенные всякой живописности, граціи и легкости, если бы ужасныя происше-

© ГПНТБ СОРАН

ствія, которыхъ театромъ онъ служилъ въ 1857 году, не набросили на его имя печальной извѣстности.

Въ особенности одно имя останется на вѣки связаннымъ съ воспоминаніемъ о человѣческой рѣзнѣ, бывшей въ Каунпорѣ; это ненавистное имя—Нана Сагибъ, страшный убійца столькихъ невинныхъ жертвъ, который, избѣгнувъ справедливаго наказанія за свои преступленія, мирно кончаетъ теперь свои дни въ уединенной долинѣ Непала.

Мнѣ нѣтъ надобности воспроизводить здѣсь во всѣхъ подробностяхъ каунпорскую драму, которая въ 1857 г. привела въ ужасъ Европу, и я ограничусь возобновленіемъ въ памяти ея главныхъ эпизодовъ.

Извѣстно, что когда сипаи каунпорскаго гарнизона подняли знамя бунта, Нана Сагибъ, магаратскій владѣтельный князь, у котораго англичане отняли наслѣдство, сталъ во главѣ возстанія. Первымъ дѣйствіемъ его было жестокое умерщвленіе ста тридцати шести несчастныхъ европейцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые, будучи обмануты симпатіею, выказываемою до сего времени этимъ княземъ англичанамъ, пришли искать убѣжища въ его собственномъ дворцѣ Битуръ. Затѣмъ онъ осадилъ англійскій каунпорскій гарнизонъ, укрывшійся съ женщинами и дѣтьми въ военный госпиталь,—жалкое кирпичное строеніе. Небольшая горсть людей, что-то около трехъ сотъ душъ обоего пола, храбро отбивалась въ стѣнахъ этого ничтожнаго укрѣпленія отъ нападеній войска Нана Сагиба. Послѣдній, потерявъ терпѣніе и время, вслѣдствіе этого неожиданнаго сопротивленія, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ отправилъ къ англійскому генералу посланнаго съ предложеніемъ: *воздать ему воинскія почести и предоставить въ его распоряженіе суда для переправы всѣхъ его людей въ Аллагабадъ, снабдивъ ихъ достаточнымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ.* Эти предложенія были приняты осажденными довольно недовѣрчиво, но послѣ свиданія генерала Wheeler'а съ Нана Сагибомъ, гдѣ послѣдній поклялся на хвостѣ коровы (самая торжественная клятва, могущая связать индуса), что онъ вѣрно соблюдетъ всѣ вышесказанныя условія, они сдались на капитуляцію.

«27 іюня утромъ, разсказываетъ очевидецъ, женщины, дѣти и раненые были привезены на слонахъ къ набережной, гдѣ ихъ ожидали двадцать большихъ и малыхъ лодокъ. Здоровые мужчины также прибыли къ этому пункту, пройдя предварительно съ оружіемъ и багажемъ передъ арміею осаждающихъ. Размѣстившись на судахъ, они бросились съ жадностью на приготовленные для нихъ припасы и поплыли по теченію. Тогда-то, поставленная заранѣе на берегу батарея дала по нимъ залпъ картечью. Самыя маленькія суда пошли ко дну, нѣкоторыя загорѣлись; воины, войдя въ рѣку, искрошили саблями всѣхъ, пытавшихъ спастись вплавь. Только одно судно, на которомъ находился генералъ Wheeler, успѣло уйти, взявшись во время за весла. Къ несчастію, пройдя небольшое разстояніе, оно сѣло на мель и всѣ, помѣщавшіеся на немъ, шестьдесятъ мужчинъ, двадцать пять дамъ, одинъ мальчикъ и три молодыхъ дѣвушки, были приведены обратно плѣнниками въ Каунпоръ».

Мужчины немедленно были умерщвлены въ присутствіи Нана Сагиба; женщины же и дѣти числомъ сто двадцать два человѣка, включая сюда плѣнныхъ, взятыхъ съ другихъ лодокъ, были заключены въ собственный домъ свирѣпаго магаратскаго князя. Послѣ того, какъ ихъ продержали около мѣсяца въ плѣну, во время приближенія англійскихъ войскъ къ Каунпору ихъ отдали на жертву убійцамъ, которые и бросили ихъ еще теплыя тѣла въ ближайшій водоемъ. Одинъ англійскій офицеръ оставилъ намъ весьма интересное описаніе мѣста, которое было свидѣтелемъ этой ужасной сцены. Едва вошли мы въ Каунпоръ, говоритъ онъ, какъ, не медля ни минуты, побѣжали на розыски несчастныхъ женщинъ, которыя, по слухамъ, находились въ рукахъ ненавистнаго Нана, но вскорѣ узнали о жестокой участи, ихъ постигшей. Снѣдаемые страшною жаждою мести и какъ бы переживая вмѣстѣ съ несчастными жертвами ужасныя вынесенныя ими страданія, мы почувствовали въ себѣ приливъ какихъ то странныхъ, дикихъ мыслей. Кипя злобою, прибѣжали мы, какъ полоумные, на печальное мѣсто мученической смерти. Сгустившаяся кровь, перемѣшанная, съ разнаго рода обломками, покрывала полъ маленькой комнаты, въ которой были они заперты, и доходила до самыхъ лодыжекъ. Длинныя пряди шелковистыхъ волосъ, лоскутья платьевъ, маленькая дѣтская обувь, игрушки устилали этотъ полъ, осквернений пролитіемъ человѣческой крови. Испачканныя кровью стѣны носили на себѣ слѣды предсмертной агоніи. Я поднялъ небольшой молитвенникъ, на первой страницѣ котораго стояли трогательныя замѣтки: «27 іюня оставили лодки... 7 іюля, въ плѣну у Нана: роковой день.» Но это были еще не послѣдніе ужасы, которые намъ предстояло увидать. Еще ужаснѣе былъ видъ глубокаго и узкаго колодца, переполненнаго отрубленными членами этихъ нѣжныхъ созданій»!

Насъ провожалъ старый солдатъ, сержантъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ всеобщаго избіенія и поставленный сторожемъ при садѣ,

который насадили теперь на мѣстѣ ужаснаго преступленія. Онъ указалъ намъ памятники этой плачевной драмы: дерево, закрытое великолѣпнымъ пологомъ вьющихся растеній, подъ которымъ были умерщвлены англичане; плохой домишко, въ которомъ они такъ мужественно защищались, и наконецъ колодезъ, на которомъ поставлена теперь прекрасная мраморная статуя, вышедшая изъ подъ рѣзца скульптора Марокетти, возвышающаяся въ серединѣ прекрасной готической ограды.

Затѣмъ мы отправились къ Гангу, чтобы взглянуть на мѣсто, гдѣ генералъ Wheeler съ своими людьми попалъ въ самую мерзкую западню. Въ нѣсколько минутъ ходьбы мы пришли къ живописной пристани, индійское названіе которой Sutti Chowra ghât, то есть *широкая лѣстница для похоронъ*, было какъ бы предопредѣлено свыше. Тѣмъ не менѣе, это очень красивое мѣстечко; великолѣпныя фиговыя деревья простираютъ свои длинные сучьи надъ прекраснымъ крыльцомъ, ступени котораго купаются въ спокойной, прозрачной рѣчной поверхности.

Но всѣ эти грустныя воспоминанія заставили меня забыть, что мои глаза покоились еще въ первый разъ на Гангѣ, благородномъ величественномъ отцѣ, кормильцѣ Индустана. Привѣтъ тебѣ, старикъ Гангъ! Sri ganga Dji!—какъ говорятъ его поклонники.

Есть ли другая рѣка въ мірѣ, могущая съ нимъ соперничать? Вотъ онъ, въ разстояніи тысячи трехъ сотъ километровъ отъ моря, катитъ свои темно-синія волны медленно, величаво, наполняя пространство въ восемьсотъ метровъ ширины. Безчисленныя барки уже бороздятъ его поверхность и свистя снуютъ по всѣмъ направленіямъ параходы. Конечно, Амазонка, Миссисипи, Нигеръ и нѣкоторыя другія рѣки также судоходны на значительномъ протяженіи и масса ихъ водъ представляетъ можетъ быть и болѣе величественное зрѣлище; но можно ли сравнить эти, столь недавно открытыя рѣки, стремительно прокладывающія себѣ путь по дикимъ странамъ, съ этою священною рѣкою, изобилующею сокровищами, волны которой видѣли зарожденіе нашей арійской цивилизаціи, присутствовали при первыхъ шагахъ нашихъ искусствъ, наукъ и вѣрованій? Развѣ имя Ганга не пробуждаетъ въ самыхъ невѣжественныхъ умахъ мысли о баснословныхъ богатствахъ, фантастическихъ пагодахъ, залитыхъ въ золото набобахъ и другихъ диковинкахъ, которыхъ отдаленный блескъ плѣнялъ во всѣ времена воображеніе жителей бѣднаго Запада, начиная съ Кира и Александра до нашихъ собственныхъ мореплавателей, которые только и знали что

Индію cis-гангесскую и trans-гангесскую? Еще и теперь, когда путешественникъ возвращается изъ Индіи, первый вопросъ, который ему предлагаютъ, есть: Видѣли ли вы Гангъ? Побывать въ Индіи и не видать Ганга—было бы анахронизмомъ. Дѣйствительно, эта прекрасная, величественная рѣка, на которую нельзя смотрѣть въ первый разъ безъ нѣкотораго волненія.

Послѣ прогулки въ Memorial garden (*воспоминательный садъ*) и на берегъ Ганга, въ Каунпорѣ нечего больше дѣлать. Однако, этотъ городъ весьма почтенной старины, ибо одинъ кланъ кшатріевъ носитъ титулъ Каунпоріана еще за долго до начало христіанской эры; но памятники, если только они когда либо существовали въ этой равнинѣ, гдѣ трудно найти простой голышъ, совершенно исчезли со времени мусульманскаго вторженія.

Тѣмъ же вечеромъ переѣхали мы чрезъ Гангъ, отправляясь на станцію желѣзной дороги, недавно проведенной отсюда въ Лукновъ, и вскорѣ мы полетѣли мимо веселыхъ деревень Ауда.

Въ девять часовъ мы прибыли на мѣсто и остановились въ прекрасномъ отелѣ въ англійскихъ поселеніяхъ.

31-го марта.—Мало городовъ найдется въ Индіи, видъ которыхъ очаровывалъ бы такъ иностранца съ перваго взгляда, какъ Лукновъ, и теперь станетъ понятнымъ, почему англичане долго зарились на эту жемчужину городовъ Индустана до самаго того дня, когда подъ ничтожнымъ предлогомъ успѣли завладѣть ею. Пространный паркъ, перерѣзанный красивыми лужайками, гдѣ журча пробиваются тысячи ручейковъ, охватываетъ городъ со всѣхъ сторонъ, безчисленные памятники котораго выказываютъ свои фантастическіе силуэты надъ массами темно-зеленыхъ деревьевъ.

Когда входишь въ городъ, ничто не портитъ этого перваго пріятнаго впечатлѣнія. Улицы широкія, прямыя, окаймленныя кокетливыми домами съ деревянными балконами и гладкими террасами. Главныя площади украшены фонтанами, которые обсажены деревьями и сообщаютъ воздуху пріятную прохладу.

На улицахъ тѣснится чисто и живописно одѣтая толпа; жители вообще любезны, предупредительны. Магазины переполнены предметами, плѣняющими взоръ.

Если вѣрить англичанамъ, этимъ прекраснымъ видомъ городъ обязанъ исключительно имъ; до ихъ вступленія въ него, онъ представлялъ темное, грязное гнѣздо всевозможныхъ пороковъ и беззаконій; улицы

были не безопасны, даже днемъ; однимъ словомъ, только съ ихъ прихода сюда будто бы начался для города золотой вѣкъ. Во всякомъ случаѣ позволительно не придавать особенной вѣры этимъ увѣреніямъ.

Лукновъ, или Лакнау, согласно исправленной орѳографіи, носилъ уже четыре тысячи лѣтъ тому назадъ имя Лакханавати и былъ столицею Лакхмы, брата Рамы. Хотя эта древность и не подлежитъ сомнѣнію, настоящій городъ все же одинъ изъ новѣйшихъ въ Индіи и обязанъ своимъ существованіемъ образованію въ семнадцатомъ вѣкѣ мусульманской имперіи Ауда.

Въ то время онъ былъ простымъ провинціальнымъ городомъ; но государи Ауда, желая затмить столицу великихъ моголовъ, возвели его скоро своими сумасбродными затратами на степень дѣйствительно необыкновеннаго величія и блеска. Правда, что этотъ блескъ былъ чисто искусственный, и что огромныя зданія, выстроенныя этими государями, если и превосходятъ зданія Дели своими по истинѣ поразительными размѣрами, то все таки далеко уступаютъ послѣднимъ въ художественности. Это просто обманчивыя картины, театральныя декораціи, подмостки, украшенныя живописью и позолотою, которыя, пробывъ нѣсколько лѣтъ безъ поддержки, обратились въ жалкія развалины.

Самая замѣчательная постройка королей Ауда —это ихъ дворецъ или скорѣе обширное сконище дворцовъ, покрывающее площадь нѣсколькихъ километровъ и которое служило имъ оффиціальною резиденціею. Имя, обозначающее это пространное королевское жилище, Kaiserbâgh, странное сочетаніе нѣмецкаго слова Kaiser, императоръ, и индѣйскаго слова bâgh, садъ, есть точное олицетвореніе того причудливаго архитектурнаго винегрета, вышедшаго цѣликомъ изъ головы французскаго капрала, въ которомъ вмѣстѣ съ итальянскимъ фасадомъ, уживаются мавританскія арки, стрѣлки индійскаго храма и китайскія колоколенки.

Настоящій творецъ или подстрекатель къ сооруженію диковинокъ Луknова былъ дѣйствительно французскимъ авантюристомъ, исторія котораго заслуживаетъ быть разсказанною.

Клавдій Мартинъ былъ бѣдный солдатъ, уроженецъ Ліона, который, будучи посланъ около 1760 г. въ Пондишери съ арміею Лалли, съ большимъ трудомъ дослужился тамъ до чина капрала. Но кажется, что эта почетная степень не удовлетворяла его честолюбія, потому что въ одинъ прекрасный день онъ бросилъ свой полкъ и угдубился во внутренность страны. Послѣ тысячи приключеній, разсказъ о которыхъ онъ не счелъ нужнымъ оставить потомству, Мартинъ прибылъ ко двору

короля Ауда и добился того, что былъ принятъ въ королевскую армію съ чиномъ капитана. Никто не знаетъ, какія средства пустилъ въ ходъ неизвѣстный офицеръ, чтобы войти въ милость къ своему господину; но фактъ тотъ, что, около 1780 г., онъ соединялъ съ оффиціальнымъ титуломъ главнокомандующаго всѣхъ аудскихъ войскъ не менѣе почетный титулъ королевскаго фаворита. Мартинъ, вынеся изъ Франціи нѣкоторыя познанія въ архитектурѣ, чему много способствовалъ видъ нашихъ дворцовъ, занялся преобразованіемъ архитектурнаго индійскаго искусства, и большинство зданій, украшающихъ Лукновъ, обязаны своимъ происхожденіемъ ему или его школѣ. Эта безвредная манія была, впрочемъ, единственною странностью, въ которой можно упрекнуть храбраго Мартина, такъ какъ, пріобрѣтя огромное состояніе, онъ предназначилъ его цѣликомъ на устройство школъ. Ему-то обязаны знаменитыми школами, извѣстными подъ именемъ школъ Мартина (la Martinière), въ которыхъ, какъ въ Ліонѣ, дается прекрасное безплатное образованіе нѣсколькимъ тысячямъ дѣтей городовъ Калькутты, Чандернагора, Лукнова и, кажется, также Мориса. Вообще французу не приходится краснѣть при имени капрала Мартина, и его добрыя дѣла заслуживаютъ, чтобы ему простили всѣ его прегрѣшенія противъ хорошаго вкуса.

Прибавимъ, что достойный уваженія Клавдій никогда не мечталъ объ архитектурныхъ нелѣпостяхъ Кайзербага, и что если онъ и виноватъ, заронивъ идею, то англичане виноваты несравненно болѣе его, такъ какъ они восторгались и восторгаются еще до сихъ поръ всѣми подобными эксцентричностями, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ остаются совершенно равнодушными передъ Таджемъ или передъ диковинками Кутаба.

Пусть не разсчитываютъ, что я дамъ подробное описаніе этого дворца; я ограничусь лишь тѣмъ, что представлю читателю изображеніе павильона Ланка, одну изъ частей зданія наименѣе смѣшныхъ. Что же касается до остальнаго, то мнѣ пришлось бы, говоря подробно, знакомить читателя съ цѣлою коллекціею отливокъ уродливой формы, какихъ-то оставовъ изъ желѣзной проволоки, шаровъ съ наведенною на нихъ ртутью и множествомъ самыхъ странныхъ предметовъ.

Съ сѣверной стороны Кайзербага протекаетъ очаровательная рѣчка Гумти, самая излучистая въ мірѣ, знаменитая своими гавіалами и другими разнородными чудовищами, населяющими ея воды. На берегу ея возвышаются два небольшихъ дворца, несходныхъ по стилю, но тѣмъ

ОТПЕЧАТОК

не менѣе одинаково изящныхъ; одинъ изъ нихъ, Фаридъ Бакхъ, или Пріютъ Наслажденій, произведеніе того же Мартина.

Слѣдуя по теченію рѣки, подплываешь къ развалинамъ резиденціи, прежнему дворцу англійскихъ резидентовъ при дворѣ Лукнова. Тутъ-то жившіе въ городѣ европейцы искали себѣ убѣжища, захваченные врасплохъ возстаніемъ 1857 года; къ нимъ присоединился слабый гарнизонъ подъ начальствомъ сэра Генри Лауренса. Резиденція, высокое кирпичное зданіе въ три этажа, совершенно было неспособно служить для обороны; тѣмъ не менѣе, небольшая горсть людей стойко держалась тутъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ противъ значительныхъ силъ непріятеля; бомбы осаждающихъ оставили отъ всего строенія лишь нѣсколько дымящихся стѣнъ; Лауренсъ и большая часть оборонявшихся погибли въ неравной борьбѣ, когда наконецъ подошелъ къ стѣнамъ Лукнова генералъ Кэмпбелль и, послѣ двухдневнаго сраженія, нѣкоторое время колебавшагося то въ ту, то въ другую сторону, успѣлъ выручить осажденныхъ. Въ воспоминаніе этой геройской обороны, англичане оставили развалины резиденціи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ находились во время снятія осады. Никакой монументъ не можетъ болѣе достойнымъ образомъ напомнить о мужествѣ горсти смѣльчаковъ, защищавшихся въ продолженіе пяти мѣсяцевъ въ такомъ дрянномъ домишкѣ.

Немного далѣе находится цитадель Мачи Бговань, куда ведутъ прекрасныя, сильно разукрашенныя ворота Руми Дарвазе, или Врата Константинополя.

Въ срединѣ ограды маленькой крѣпости возвышается дѣйствительное чудо Люкнова, славная Имамбара, обширное зданіе, стоящее на вершинѣ высокой террасы и представляющее безспорно грандіозный видъ своею длинною линіею стѣнъ, увѣнчанныхъ безчисленнымъ множествомъ колоколенокъ. Она была выстроена въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ царствованіе Асафъ-Удъ-Даола. Этотъ государь, желая обезсмертить свое имя, пригласилъ всѣхъ архитекторовъ Индіи на состязаніе для сооруженія памятника, планъ котораго не имѣлъ бы ничего общаго съ планами существующихъ зданій и который бы превосходилъ красотою все, извѣстное до того времени. Конкурскую премію получилъ архитекторъ Каифіатулла, и, созерцая теперь его твореніе, трудно отрицать, что онъ дѣйствительно заслужилъ ее оригинальностью, величіемъ и смѣлостью плана.

Внутренность Имамбары состоитъ изъ залы въ пятьдесятъ одинъ

метръ длины и шестнадцать метровъ ширины. Обширный плафонъ—выгнутый дугою сводъ—въ своемъ родѣ чуда по смѣлости замысла; можно сказать, что онъ весь состоитъ изъ цѣльнаго куска, такъ какъ архитекторъ употребилъ для его образованія слѣдующую уловку: онъ велѣлъ сдѣлать деревянный остовъ, прикрытый тщательно одна къ другой прилаженными досками, что и составляло такимъ образомъ дупло свода, а затѣмъ велѣлъ залить эту форму огромнымъ количествомъ разведеннаго чунама (¹; когда эта смѣсь застыла и достаточно окрѣпла, лѣса изъ подъ нея вытащили—и сводъ былъ готовъ. Можетъ быть, такой способъ сооруженія внушаетъ опасенія за свою прочность, однако, во время бомбардированія въ 1857 году, множество ядеръ упало на крышу Имамбары, не причинивъ ей никакого вреда.

Въ каждомъ углу этой большой залы находится по прекрасной восьмиугольной комнатѣ, съ куполомъ шестнадцати метровъ въ діаметрѣ. Всѣ эти комнаты были когда-то украшены позолотою и богатою живописью; но англичане, преобразивъ залу въ арсеналъ, позаботились уничтожить всѣ эти излишнія украшенія, присутствіе которыхъ затмѣвало британскія бомбы и ядры.

Въ небольшомъ разстояніи отъ крѣпостцы Мачи Бговань находится другой, довольно замѣчательный памятникъ, во многомъ уступающій славной Имамбарѣ: это Гуссейнабадъ Имамбара, обширныя палаты, въ которыхъ заключаются вмѣстѣ съ самимъ памятникомъ еще мечеть, модель Таджа и другая модель Кутаба. Все это блеститъ разнаго рода украшеніями и пестротою красокъ и производитъ хорошій эффектъ подъ голубымъ прекраснымъ небомъ Индіи; только не надо подходить близко и разсматривать частности, а лучше довольствоваться красотой ансамбля.

Недалеко отсюда разстилаются прекрасные сады Муса, названіе которыхъ происходитъ, по словамъ однихъ, отъ mouça-крысы, такъ какъ Асафъ-Удъ-Даола воздвигъ здѣсь памятникъ въ честь однаго изъ этихъ животныхъ, раздавленнаго имъ по неосторожности; другіе же утверждаютъ, что это простое искаженіе французскаго слова *monsieur*, mousseu, mouça.

Было уже очень поздно, когда мы добрались до этихъ садовъ, про-

(¹) Весьма тонкаго качества гипсъ, приготовленный изъ совершенно особенной известковой земли *Kauker*.

славленныхъ неизвѣстнымъ соотечественникомъ; поэтому, окликнувъ bodhy, родъ извощичьяго кабріолета, на какихъ ѣздятъ въ Лукновѣ мы сѣли въ него и возвратились въ гостинницу, отложивъ нашу прогулку до слѣдующаго дня.

1-го апрѣля.—Утромъ, мы отправились смотрѣть образцовое произведеніе нашего соотечественника, дворецъ Ла-Мартиньеръ, которому онъ далъ имя Константція. Служило ли это намекомъ на что либо,—мнѣ неизвѣстно,—но вѣрно одно, что храброму эксъ-капралу потребовалась большая доза терпѣнія и даже постоянства и настойчивости, чтобы задумать и довести до конца такое странное, неправильное зданіе. Какое напряженіе долженъ былъ испытывать его бѣдный мозгъ, изобрѣтая подобное удивительное сочетаніе всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ стилей, это нагроможденіе всюду, куда только можно было ихъ сунуть, греческихъ и римскихъ статуй, важно помавающихъ головами при посредствѣ скрытаго механизма, львовъ, съ лампами на мѣстѣ глазъ, чудовищъ, божествъ и всего, что только можетъ придумать тяжелая бѣдная фантазія выскочки-самоучки! И однако, по отношенію къ этому дворцу, здѣсь кстати будетъ высказать сужденіе, которое одинаково справедливо по отношенію ко всѣмъ памятникамъ Лукнова: смѣшной въ частностяхъ, Ла-Мартиньеръ представляетъ въ общемъ видѣ своеобразное величіе. Его высокій фасадъ, увѣнчанный двумя дугами, положенными крестъ-на-крестъ, какъ въ остовѣ купола, отражается въ зеркальной поверхности прекраснаго пруда, изъ середины котораго поднимается высокая колонна сложнаго ордена.

Клавдій Мартинъ былъ погребенъ въ своемъ дворцѣ; но мятежники 1857 года, забывъ всѣ услуги, оказанныя имъ ихъ странѣ, все добро, приносимое имъ до сихъ поръ ихъ дѣтямъ, осквернили его могилу и разсѣяли по вѣтру его прахъ.

Англичане отомстили кровавымъ образомъ за бѣднаго Мартина. Двѣ тысячи сипаевъ, укрывшіеся послѣ взятія города въ одномъ изъ сосѣднихъ садовъ, Секундеръ Багѣ, были истреблены всѣ до послѣдняго человѣка.

На возвратномъ пути въ городъ по великолѣпному парку, покрывающему его предмѣстья, мы посѣтили гробницу Гази-Удинъ-Гайдеръ, которая носитъ названіе Наджифъ-Ашрафъ. Она не представляетъ ничего любопытнаго, хотя и увѣряютъ, что это точная копія гробницы Али, зятя Магомета, святаго, почитавшагося всѣми государями Ауда, принадлежавшими къ сектѣ шіитовъ. Внутри нея находится интересная коллекція миніатюрныхъ портретовъ государей этой династіи.

Въ теченіе дня мы осмотрѣли городскіе базары, представляющіе нѣкоторыя любопытныя особенности, а именно: лаковыя фабрики, золотыхъ дѣлъ мастерскія и красильни шелковыхъ матерій.

Жители Лукнова вообще мягкаго характера и очень изнѣжены; они большіе любители праздниковъ и удовольствій, и съ охотою упражняются въ поэзіи и пѣніи; поэтому, когда нашъ хозяинъ, мусульманинъ, пригласилъ насъ присутствовать на вечерѣ у одного изъ его друзей, гдѣ будутъ пѣть и декламировать стихи, я поспѣшилъ принять это приглашеніе, которымъ представлялась столь рѣдкая возможность проникнуть въ домашній бытъ туземца.

По наступленіи вечера, мы отправились съ нимъ по городскимъ улицамъ, кишѣвшимъ веселою, шумною толпою; лавки сіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ, благодаря множеству шкаликовъ съ масломъ, разставленныхъ въ нишахъ вдоль стѣны.

Углубившись въ темный переулокъ, идущій отъ Гацратъ-Ганди бульвара Лукнова нашъ путеводитель остановился передъ домомъ скромной наружности, котораго дверь была намъ вскорѣ отперта однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ мальчиковъ съ большими выразительными глазами и длинными черными волосами, которые такъ наглядно и ярко характеризуютъ красоту индустанскаго населенія.

По скверной лѣстницѣ, похожей скорѣе на трапъ, взобрались мы въ комнату перваго этажа, гдѣ находилось много пожилыхъ людей съ сѣдыми бородами и нарядно одѣтыхъ юношей. Всѣ встали при нашемъ появленіи; хозяинъ дома пошелъ къ намъ на встрѣчу и разсыпался въ привѣтствіяхъ, подбирая самыя изысканныя слова, самыя утонченные персидскіе обороты для выраженія великой чести, которую приноситъ ему наше посѣщеніе. Однако, мы все продолжали стоять; присутствующіе ходили взади и впередъ, съ огорченнымъ видомъ, какъ будто отыскивая какую-то пропажу. Предположивъ, что ихъ повергаетъ въ такое смущеніе единственно наше присутствіе, я освѣдомился объ этомъ у хозяина:

— Увы! отвѣчалъ онъ мнѣ, не надѣясь никогда принимать въ скромныхъ стѣнахъ моего дома столь высокихъ посѣтителей, я не позаботился запастись стульями.

ОТПБОРАН

— Какъ, стульями? только-то? товарищъ мой и я, мы давнишніе жители Индіи; мало того, въ качествѣ сирдаровъ Бопала, мы даже принадлежимъ къ вашей кастѣ, поэтому намъ совершенно достаточно мѣста на вашемъ коврѣ.

Всѣ пришли въ восторгъ отъ нашего отвѣта; присутствующіе дружелюбно кивали намъ головами, желая тѣмъ показать, что принимаютъ наше сотоварищество, и мы усѣлись на корточки, снявъ предварительно, согласно обычаю, нашу обувь, которая притомъ весьма бы затрудняла насъ въ этомъ положеніи тѣла. Хозяинъ однако не переставалъ бормотать отъ времени до времени, подымая руки къ небу:

— Сагибы у меня въ гостяхъ! и на полу!

Казалось, что это перевернуло вверхъ дномъ всѣ его понятія объ европейскомъ этикетѣ.

Принесли гука и, послѣ непродолжительнаго разговора, хозяинъ дома обратился къ одному изъ присутствующихъ, старику почтенной наружности, съ такими словами: «Оэджи! разскажите же намъ одно изъ вашихъ поэтическихъ сказаній, которыя вы умѣете слагать съ такимъ искуствомъ». Не заставивъ себя долго просить, старикъ вытащилъ изъ за пазухи пергаментъ и, раскачиваясь тѣломъ изъ стороны въ сторону, началъ свой разсказъ нѣсколько гнусливымъ голосомъ. То была легенда Пенджаба, повѣствовавшая о доблестныхъ подвигахъ странствующаго рыцаря Русалу, который освобождаетъ городъ Санга отъ чудовища, истребляющаго его населеніе. Одинъ изъ молодыхъ людей настроилъ свою лютню и слегка акомпанировалъ поэту, между тѣмъ какъ каждая строфа прерывалась одобрительными возгласами собранія: wah! wah! По окончаніи декламаторомъ разсказа, наступила очередь пѣвцовъ. Голоса у нихъ вообще вѣрны, произношеніе чисто, но они уже очень усердствуютъ надъ горловыми протяжными нотами.

А музыка? — спросятъ меня: что же вы объ ней ничего не скажете? Признаюсь, мнѣ трудно дать о ней безпристрастное сужденіе. Слишкомъ долго жилъ я жизнью индійцевъ, и поэтому не могъ не освоиться съ ихъ музыкою. Я слушалъ ее съ восторгомъ и всегда находилъ въ ней отклики той поэтической и кроткой меланхоліи, которая лежитъ въ основѣ индійскаго характера и такъ удачно гармонируетъ съ природою страны.

Бесѣда затянулась далеко за полночь. Подали прохладительные напитки, и каждый, не дожидаясь просьбъ, обнаруживалъ передъ публикою свой талантъ. Въ продолженіе всего времени ни одна женщина не показалась; однако, я думаю, женское населеніе дома гдѣ нибудь изъ-за занавѣски съ любопытствомъ слѣдило за всѣми перипетіями нашего собранія.

Наконецъ мы удалились, въ восхищеніи отъ вѣжливости и любезности жителей Лукнова.

©ГПИБ СО РАН

LXII.

Изъ Каунпора въ Бенаресъ.

Нижній Доабъ. — Аллагабадъ. — Поселенія. — Равнина Праяга.—Тривени.—Богомольцы и вода Ганга.—Колонна Асоки. —Дворецъ Акбера.—Подземный храмъ.— Мусульманская школа.—Факторія. — Сборъ и фабрикація индиго. Мирзапоръ.—Крѣпость Чунаръ.—Престолъ божества.—Моголь-Серай.— Бенаресъ.

5-го апрѣля.—Посвятивъ нѣсколько дней обзору и занесенію въ нашъ альбомъ достопримѣчательностей Лукнова, мы возвратились въ Каунпоръ, гдѣ и сѣли снова въ вагонъ. Начиная съ этого пункта, линія восточно-индійской желѣзной дороги идетъ по правому берегу Ганга вплоть до самой Калькутты, то есть на протяженіи почти тысячи трехъ сотъ километровъ.

Мы проѣхали въ шесть часовъ пространство, отдѣлявшее насъ отъ Аллагабада. Край этотъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и богатыхъ въ Индіи; это нижній Доабъ, узкая, ровная полоса земли, сжатая между Гангомъ и Джумною, сливающимися при ея окончаніи въ одну рѣку. Этотъ клочекъ земли на всемъ своемъ протяженіи покрытъ превосходно воздѣланными полями, а многочисленныя деревни, полускрытыя въ глубинѣ тѣнистыхъ рощъ, придаютъ ему тотъ характеръ, который всего чаще отсутствуетъ въ западныхъ равнинахъ.

На станціи въ Аллагабадѣ мы нашли одного нашего добраго знакомаго, отецъ котораго имѣетъ въ окрестностяхъ значительный индиговый заводъ; онъ нарочно пріѣхалъ за нами, чтобы устроить насъ въ своемъ городскомъ домѣ, въ центрѣ поселеній.

Читателямъ моимъ уже извѣстно, что это слово *поселенія*, которымъ строго говоря, слѣдовало бы только обозначать мѣстопребыванія войскъ,

служитъ здѣсь также для обозначенія англійскихъ городовъ, выстроенныхъ по близости большихъ индійскихъ центровъ. Поселенія Аллагабада—дѣйствительно городъ въ полномъ значеніи этого слово, такъ какъ въ нихъ скучена теперь главная масса европейцевъ, живущихъ въ Индіи внѣ стѣнъ трехъ президентскихъ городовъ. Правда, что дома, отдѣленные другъ отъ друга огромными садами, обсаженныя деревьями, и широкія, какъ большія дороги, улицы и площади, похожія на необозримыя эспланады, правда, что все это напоминаетъ скорѣе видъ городского округа большой столицы, чѣмъ самую столицу. Къ несчастію, не всегда будетъ такъ, и Аллагабадъ, который въ настоящее время долженъ бы служить на мой взглядъ образчикомъ всякаго хорошаго европейскаго города, скоро утратитъ и свою ширь, и свой здоровый воздухъ, и обиліе свѣжей зелени. Этому городу предназначено, въ самомъ недалекомъ будущемъ, сдѣлаться столицею англійской Индіи. Дѣйствительно, никакой другой городъ не соединяетъ въ себѣ болѣе счастливыхъ условій для этой цѣли. Расположенный въ точкѣ сліянія Ганга съ Джумною, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ водные пути; находясь почти въ равномъ разстояніи отъ Бомбея, Калькутты, Лагора и Мадраса, онъ образуетъ узелъ, въ которомъ сходятся всѣ желѣзнодорожные пути большаго индійскаго материка; наконецъ, его здоровый, хотя и жаркій климатъ, его почва, весьма пригодная для колоніальной культуры, —все это даетъ ему такія преимущества передъ существующею метрополію, что просто становится непонятнымъ, почему англичане до сихъ поръ удерживаютъ этотъ титулъ за Калькуттою, городомъ, затерянымъ въ углу ихъ имперіи, посреди злокачественныхъ болотъ и которому море постоянно угрожаетъ поглощеніемъ.

Послѣ завтрака,Г. С*** повезъ насъ въ своемъ экипажѣ къ мѣсту сліянія Джумны и Ганга, которое происходитъ на восточной сторонѣ индійскаго города. Вскорѣ мы увидѣли передъ собою гладкую равнину бѣлаго песка, окаймленную съ боковъ великолѣпною голубою скатертью двухъ рѣкъ, образующихъ въ точкѣ ихъ сліянія родъ озера, теряющагося на горизонтѣ посреди бѣловатыхъ покрытыхъ пальмами холмовъ.

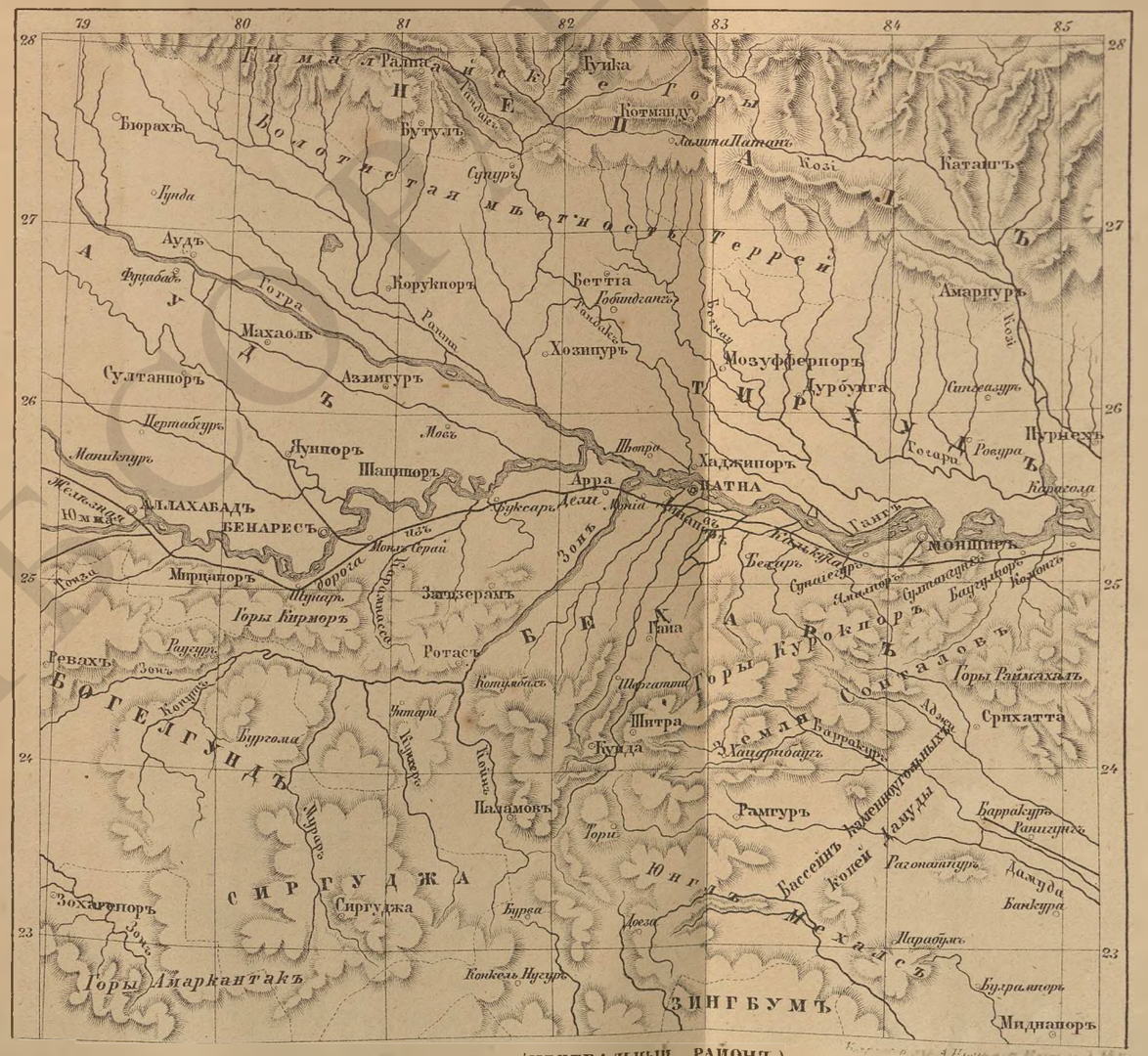
Эта равнина считалась съ самыхъ давнихъ временъ мѣстомъ несравненной святости; здѣсь-то находится знаменитый Тривени, пунктъ соединенія трехъ св. рѣкъ: Ганга Ямуна и Сарасвати священной рѣки, которая течетъ съ неба, а соединеныя воды этихъ трехъ рѣкъ достотчны, чтобы смыть самые тяжкіе ужасные человѣческіе грѣхи.

Понятно удивленіе первыхъ арійцевъ, когда, подвигаясь первый разъ

къ западу, они созерцали эти величественныя рѣки, шириною каждая болѣе чѣмъ километръ, которыя, расширяясь постепенно, соединяются вмѣстѣ среди чудной природы. Ничего подобнаго никогда еще не представлялось имъ ни въ скалистомъ Авганистанѣ, ни въ песчаномъ Пенджабѣ, и они могли думать не безъ основанія, что наконецъ именно здѣсь находится тотъ рай, на поиски котораго они отправились, бросивъ необозримыя голыя пустыни Памира. На этой-то бѣлой равнинѣ основался одинъ изъ ихъ первыхъ городовъ Праяга. Объ этомъ городѣ, много вѣковъ спустя послѣ его основанія, китаецъ Гиуенъ-чангъ, посѣтившій его около 640 года, разсказываетъ намъ множество чудесъ; много было въ немъ храмовъ, монастырей, красивыхъ зданій. «На востокѣ столицы, пишетъ онъ, соединяются двѣ рѣки; на западной сторонѣ этого сліянія есть площадка въ 14 или 15 ли въ окружности, съ твердою и ровною почвою. Начиная съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, короли и высокопоставленныя лица, проникнутыя любовью къ человѣчеству и состраданіемъ, являлись сюда дѣлать добро и расточать милостыню. Вотъ почему это мѣсто было названо «Великою равниною милостыни», а преданіе говоритъ, что «гораздо достойнѣе и полезнѣе дать въ этомъ мѣстѣ одну монету, чѣмъ во сто разъ больше въ другомъ мѣстѣ». . . . .

Густая толпа покрывала берега обѣихъ рѣкъ. Брамины, усѣвшись подъ большимм зонтиками, принимали пилигримовъ и давали имъ указанія о церемоніалѣ великаго очищенія. Прежде всего мужчины и женщины сбрасывали свои одежды, оставляя только легкую повязку около чреслъ; затѣмъ толпа погружалась въ воду до половины туловища, и каждый съ благоговѣніемъ принимался рѣзать пряди волосъ, заботливо роняя ихъ въ священную воду, такъ какъ каждый волосъ, принесенный рѣкѣ такимъ образомъ въ даръ, даетъ право на отпущеніе даже смертнаго грѣха. По окончаніи этой первой операціи, браминъ, заправляющій церемоніею, становится передъ богомольцами и, троекратно опуская руки въ воду, послѣдовательно начинаетъ прыскать (кропить) на всѣ четыре стороны. Во всѣхъ этихъ операціяхъ ему подражаютъ вѣрующіе съ такою точностью, которая придаетъ этой религіозной сценѣ много смѣшнаго.

Между богольцами, собранными на этомъ прибрежьѣ, можно найти представителей всѣхъ индускихъ племенъ Индіи, начиная съ мыса Коморина до Кашмира. Эти славные люди путешествуютъ семействами; иногда здѣсь находится половина населенія цѣлой деревни, удаленной на 500 или 600 льё. Вообще богомольцы носятъ однообразный костюмъ, состоящій изъ грубаго сукна, выкрашеннаго въ цвѣтъ красной или оранже-



КАРТА ДОЛИНЫ ГАНГА (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОНЪ)

вой охры, что однако не мѣшаетъ отличать богатыхъ отъ бѣдныхъ. Но послѣдніе гораздо многочисленнѣе, такъ какъ, по примѣру мусульманъ, идущихъ въ Мекку съ полномочіями отъ богатыхъ и знатныхъ, богатые индусы также, при помощи денегъ, совершаютъ путешествіе къ святымъ мѣстамъ только чужими ногами. Есть еще другой классъ богомольцевъ, который приходитъ въ Тривени изъ Аллагабада брать священную воду Ганга, которую и разносятъ по деревнямъ. Эта вода, налитая въ маленькіе пузырки съ печатью браминовъ Праяги, служитъ для очищеній, въ извѣстные періоды времени рекомендуемыхъ священными книгами. На западѣ «обширной равнины раздачи милостиней» возвышается величественная цитадель Аллагабада (жилище Вѣчнаго), выстроенная въ XVI вѣкѣ Акберомъ, которой высокія стѣны изъ краснаго песчаника господствуютъ надъ сліяніемъ двухъ рѣкъ. Въ этой-то крѣпости находятся единственные, сколько нибудь древніе памятники, которымъ удалось избѣгнуть иконоборческихъ гоненій мусульманъ. Одинъ изъ этихъ монументовъ, прекрасная колонна, называемая lât d'Açoka, походитъ на то, которая увѣнчиваетъ дворецъ Фероза въ Дели. Это прекрасный цилиндрическій монолитъ, съуживающійся къ вершинѣ и имѣющій 13 метровъ вышины и 1 метръ въ діаметрѣ.

Около этой колонны находится другой памятникъ, еще болѣе интересный. Это фундаментъ буддистскаго храма, окончательно вросшій въ землю, почему индусы и считаютъ его подземнымъ храмомъ и дали ему названіе Паталь-пури (или вмѣстилище ада). Въ глубинѣ этого храма находится старое древесное дупло, еще не совсѣмъ засохшее, прозванное Ашая Бадъ и служащее предметомъ особеннаго почитанія. Легко узнать въ этомъ дуплѣ одно изъ тѣхъ буддійскихъ деревьевъ, которое послѣдователи Будды всегда сажали предъ своими храмами, но гораздо труднѣе объяснить, почему это дерево находится въ этомъ храмѣ, и какимъ образомъ оно могло сохранить нѣкоторое подобіе жизни послѣ двадцативѣковаго существованія.

Внутри цитадели Аллагабада возвышался нѣкогда одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ дворцовъ Индіи, любимая резиденція императора Акбера; но ядра и мортиры изуродовали его до такой степени, что лишь съ большимъ трудомъ можно представить себѣ изящные контуры старинныхъ фасадовъ.

Съ высоты укрѣпленій любуешься великолѣпнымъ видомъ на двѣ рѣки и на убѣгающія вдаль, покрытыя великолѣпною растительностью, поля.

По выходѣ изъ крѣпости, мы прошли во всю длину индѣйскій го-

© ГПНТБ СОРАН

родъ, бѣдный и ни мало не живописный. По костюму и типу жители рѣзко отличаются отъ западныхъ индусовъ. Мужчины очень смуглы, высоки ростомъ, но сухопары и съ ногъ до головы завернуты въ бѣлую холстину. Между женщинами встрѣчаются очень хорошенькія, но у всѣхъ вообще темный цвѣтъ кожи; онѣ ходятъ въ длинныхъ юбкахъ съ широкими складками, а бюстъ прикрываютъ лоскутомъ узкой матеріи, такъ что грудь, не стянутая корсетомъ, остается открытою.

Мы зашли съ Г. С*** по пути въ небольшую школу, учитель которой мусульманинъ, бывшій слуга его дома. Дѣти сидѣли на полу вокругъ наставника, который заставлялъ ихъ пѣть хоромъ урдусскую азбуку. Каждый имѣлъ, кромѣ того, передъ собою аспидную доску для упражненія въ трудномъ искусствѣ арабскаго и нагарійскаго письма. Школа помѣщалась на верандѣ дома преподавателя и выходила на маленькій дворъ, гдѣ дѣти рѣзвятся въ свободные часы.

Отсюда мы отправились, всѣ въ сопровожденіи нашего любезнаго путеводителя, въ сады Кусру, прекрасные цвѣтники и густыя купы зелени котораго окружаютъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ образчиковъ индо-мусульманскаго искусства — гробницу Парвейза и Шазира.

У дверей дома Г. С*** мы были встрѣчены, по возвращеніи съ прогулки, непріятнымъ сюрпризомъ. Въ это, рѣдко обитаемое, жилище набрались миріады насѣкомыхъ: блохъ, таракановъ и москитовъ, встревоженныхъ свѣтомъ лампы и поведшихъ на насъ свою аттаку огромнымъ числомъ батальоновъ. Садясь за столъ, мы замѣтили, что тарелки совсѣмъ почернѣли подъ массою этихъ насѣкомыхъ, дѣлавшихъ такіе отчаянные фантастическіе прыжки, что мы принуждены были обратиться вспять и сѣсть обѣдать въ саду подъ открытымъ небомъ. Можно себѣ представить, какая веселая перспектива имѣлась для насъ въ виду на время сна! По счастію, кожа давнишняго путешественника блиндирована отъ нападеній этихъ паразитовъ, и я заснулъ глубокимъ сномъ, отбросивъ всякую мысль о томъ, что лежу въ кишащемъ муравейникѣ, незащищенный ни одѣяломъ, ни занавѣскою.

5 апрѣля. — Факторія нашего пріятеля стояла на лѣвомъ берегу Ганга, противъ Аллагабада. Раннимъ утромъ отправились мы туда въ экипажѣ, получивши приглашеніе провести въ ней нѣсколько дней.

Пріѣхавъ къ берегу Ганга, мы ѣхали по прибрежной полосѣ бѣлаго песка, шириною въ километръ, ослѣплявшей игрою солнечныхъ лучей, и откуда мы выбрались лишь съ большимъ трудомъ. Пловучій мостъ вывелъ насъ на противоположный берегъ рѣки, имѣвшей въ этомъ мѣстѣ

около километра ширины, и затѣмъ опять начался бѣлый песокъ, простиравшійся до самаго подножія высокихъ остроконечныхъ утесовъ. Между этими-то утесами и заключается настоящее ложе рѣки, которая, не довольствуясь тѣмъ, что заливаетъ въ дождливое время года всѣ четыре километра протяженія, подымается иногда поверхъ утесовъ и наводняетъ прибрежныя поля.

Послѣ получасоваго пути по веселой красивой мѣстности, мы пріѣхали въ бунгаловъ Г. С***, гдѣ и нашли самый радушный пріемъ.

Это жилище было настоящимъ типомъ построекъ европейскихъ плантаторовъ въ Индіи. Чрезвычайно простой по наружному виду, домъ съ кирпичными, весьма низкими стѣнами и съ огромною пирамидальною крышею изъ маисовой соломы, никакъ не наводилъ на мысль объ изяществѣ и комфортѣ внутренняго расположенія, представлявшаго четыре прекрасныя комнаты, съ ваннами и прилегающими къ нимъ верандами, которыя всѣ выходили въ большую, квадратную, прекрасно меблированную залу. Жилище окружалъ прекрасный садъ-огородъ, гдѣ старательно воздѣлываются главнѣйшія европейскія овощи. Этимъ садомъ домъ отдѣляется отъ другихъ построекъ, служащихъ продолженіемъ факторіи.

Здѣсь-то воздѣлывается индигоносное растеніе. Къ несчастію, сборъ индиго производится лишь послѣ періода дождей, и поэтому мы не могли присутствовать при этой интересной операціи. Хозяинъ нашъ, въ утѣшеніе, далъ намъ подробное описаніе способовъ, употребляемыхъ при извлеченіи индиго.

«Драгоцѣнное красильное вещество доставляютъ совсѣмъ не цвѣты какъ вообще думаютъ, а тѣ молодые побѣги скромнаго по виду растенія, которые вы видите вокругъ себя», объяснялъ онъ намъ. «Сборъ этихъ побѣговъ — операція весьма деликатная; когда они достигли извѣстной степени роста, надо ихъ снять съ дерева, и рѣзка должна производиться быстро, въ теченіе ночи: иначе солнце засушитъ вѣтви и отниметъ у нихъ ихъ полезное свойство. Въ это время чѣмъ больше рабочихъ рукъ въ нашемъ распоряженіи, тѣмъ лучше; жители всѣхъ окрестныхъ деревень принимаютъ участіе въ работѣ; они разсыпаются около полуночи по полямъ, а утромъ все собранное количество продукта раскладывается въ каменныя корыта, наполненныя предварительно водою. Тогда-то солнце является, въ свою очередь, выполнять свое назначеніе; подъ дѣйствіемъ его лучей, вещество приходитъ въ нѣкотораго рода броженіе; вода окрашивается радужнымъ оттѣнкомъ и быстро синѣетъ.

По прошествіи сорока восьми часовъ, жидкость сцѣживается въ колоды меньшаго объема; тогда она испускаетъ слегка аммоніаковый запахъ и принимаетъ цвѣтъ почти совсѣмъ черный. Затѣмъ ее оставляютъ еще на нѣкоторое время испаряться, и разливаютъ вслѣдъ за симъ въ металлическіе чаны, нагрѣваемые паромъ, послѣ чего въ нихъ образуется осадокъ чистаго индиго. Осадокъ этотъ высушивается, упаковывается и отправляется на калькуттскій рынокъ».

Плантація индиго въ Гадупорѣ одна изъ самыхъ западныхъ въ Индіи; но, начиная съ этаго пункта, чѣмъ далѣе углубляешься на востокъ, тѣмъ больше встрѣчаешь обширныхъ округовъ, гдѣ это вещество составляетъ единственный разработываемый продуктъ. Тиргутъ, верхній Бегаръ, Бенгалъ, почти совершенно въ рукахъ плантаторовъ индиго.

Всѣ эти свѣдѣнія были для меня новостью. Слѣдовательно, въ Индіи, кромѣ солдатъ, чиновниковъ, купцовъ находился еще цѣлый классъ дѣйствительныхъ колонистовъ, прикрѣпившихся къ землѣ и разработывавшихъ ея сокровища. Число ихъ, правда, должно быть относительно ограниченно, но даже самое направленіе этихъ полевыхъ работъ указывало на извѣстную акклиматизацію, къ которой я вовсе не считалъ англичанъ способными. И однако жизнь плантатора имѣетъ здѣсь свои прелести, о которыхъ европейцы вообще и не подозрѣваютъ. Для человѣка, притерпѣвшагося къ здѣшнему жаркому климату, какое другое существованіе можетъ сравниться съ царствомъ надъ этими обширными пространствами, заселенными благодушными, робкими туземцами! Пользуясь съ одной стороны всѣми благами цивилизаціи, онъ обладаетъ, съ другой стороны, свободою и всѣми преимуществами жизни джунглей. Въ его распоряженіи желѣзныя дороги; лѣса же служатъ обширною ареною для его охотничьихъ подвиговъ; и если только онъ добръ и снисходителенъ, онъ можетъ быть увѣреннымъ снискать себѣ любовь и уваженіе населенія.

Восемь дней, проведенные мною въ Гадупорѣ, пролетѣли очень быстро, и я съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ сказать прости милому семейству Г. С. ***

14-го апрѣля.—Возвратившись въ Аллагабадъ, мы снова сѣли въ вагонъ и продолжали нашъ путь на востокъ.

Страна, въ которую мы вступили, въ это время была собственно Индустаномъ; жители не называютъ ее иначе, а себѣ также даютъ имя индустанисовъ. По ихъ мнѣнію, названіе Индустанъ, которымъ европейскіе географы обозначаютъ всю Индію, или по крайней мѣрѣ Индію къ

сѣверу отъ Виндіасовъ, должно прилагаться только къ средней части долины Ганга, начиная съ того мѣста, гдѣ эта рѣка принимаетъ въ себя воды Джумны, до того пункта, гдѣ она, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, перемѣняетъ свое восточное направленіе, поворачивая на югъ, черезъ Бенгалъ, къ океану. На сѣверѣ эта страна, нѣсколько стѣсненная пространствомъ, граничитъ съ Аудомъ и Тиргутомъ; на югѣ,—съ Богелькундомъ и горами Сиргуджи. Столицею этой священной колыбели индусскаго народа служитъ Бенаресъ, къ которому мы и направлялись.

Говоря объ этой провинціи, епископъ Геберъ прибавляетъ: «Это дѣйствительно край замѣчательно богатый. Здѣсь на пространствѣ трехъ сотъ километровъ находятся шесть городовъ съ большимъ населеніемъ чѣмъ Честеръ; два: Патна и Мирзапоръ, гуще населенные чѣмъ Бирмингамъ, и одинъ, Бенаресъ, уступающій только Лондону и Парижу; рядомъ же съ этими огромными городами выросли цѣлые міріады деревень и мѣстечекъ».

По выходѣ изъ Аллагабада, желѣзнодорожная линія пересѣкаетъ Джумну по великолѣпному желѣзному мосту болѣе чѣмъ въ километръ длиною, лежащему на шестнадцати массивныхъ быкахъ въ двадцать метровъ вышины и представляющему одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ, когда либо приведенныхъ въ исполненіе, сооруженій. Затѣмъ рельсовый путь круто поворачиваетъ къ востоку и слѣдуетъ по правому берегу Ганга. Вскорѣ, на югѣ обозначаются утесистыя терасы хребта Рева, которыя, сближаясь постепенно между собою, доходятъ своими отрогами до самой рѣки.

На внѣшней окраинѣ этого плато, въ разстояніи почти девятидесяти километровъ отъ Аллагабада, обнаруживается важный торговый городъ Мирзапоръ, прислонившійся своими домами, храмами и большими каменными гатами къ откосу возвышенности, поднимающейся въ этомъ мѣстѣ надъ рѣкою на высоту двадцати метровъ.

Мы остановились въ Мирзапорѣ для того, чтобы воспользоваться приглашеніемъ одного нашего добраго пріятеля изъ Раджпутана, майора М***, который взялъ съ насъ обѣщаніе, что мы пріѣдемъ бросить бѣглый взглядъ на этотъ цвѣтущій городъ, котораго онъ состоитъ однимъ изъ начальствующихъ лицъ. Впрочемъ, городъ и стоитъ того, чтобы ему посвятить одинъ или два дня. Кромѣ многочисленныхъ, весьма красивыхъ храмовъ, въ немъ есть очень любопытныя ковровыя и обойныя фабрики. Улицы его широки, хорошо выровнены, обсажены деревьями,

а набережныя представляютъ чрезвычайно живописный и оживленный видъ; онѣ постоянно унизаны сотнями большихъ барокъ, которыя нагружаются здѣсь хлопкомъ всѣхъ сосѣднихъ провинцій и перевозятъ его по Гангу въ Калькутту.

У Мирзапора также очаровательныя окрестности. Нашъ другъ майоръ прокатилъ насъ въ своемъ break'ѣ до Торы, маленькой деревеньки, отстоящей отъ Мирзапора на два льё къ югу и возлѣ которой хорошенькая небольшая рѣчка, пролагая себѣ путь черезъ одинъ изъ выступовъ плато́, образуетъ прекрасный водопадъ въ двадцать метровъ вышины.

17-го апрѣля.— Не смотря на то, что ѣхали по желѣзной дорогѣ, мы подвигались впередъ со скоростью черепахи. Такъ, въ этотъ день мы остановились еще въ Чунарѣ, отстоящемъ отъ Мирзапора всего на тридцать километровъ.

Чунаръ одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей долины Ганга; помѣщаясь на вершинѣ уединенной скалы, одинъ изъ боковъ которой—перпендикулярная стѣна въ сто сорокъ шесть футовъ,—купается въ рѣкѣ, она долго имѣла репутацію неприступной и на самомъ дѣлѣ ни разу не была взята штурмомъ.

Укрѣпленія, всего въ шесть метровъ вышиною, сидятъ на самомъ гребнѣ скалы, которая почти по всей окружности представляетъ ровный скатъ подъ угломъ сорока пяти градусовъ. Эта особенность мѣстоположенія внушила защитникамъ Чунара, еще въ самой глубокой древности, остроумную мысль воспользоваться, при отбитіи приступа, каменными катками, въ родѣ тѣхъ, коими убиваютъ макадамазированную мостовую и которые, скользя и прыгая по откосу, сбивали бы непріятеля съ ногъ и увлекали за собою. Этой-то выдумкѣ Чунаръ обязанъ тѣмъ, что его никогда не могли взять, и даже теперь не подлежитъ сомнѣнію, что не одна аттакующая колонна принуждена будетъ отступить, если будетъ пущено въ ходъ это средство защиты; какъ бы то ни было, англичане сохранили послѣднее по преданію и, по всей линіи укрѣпленій можно видѣть сложенныя пирамиды этихъ ядеръ древняго происхожденія.

Большая часть зданій, заключавшихся нѣкогда въ предѣлахъ крѣпостныхъ стѣнъ, исчезла, очистивъ мѣсто для прекрасной лужайки, вокругъ которой расположены бунгаловы гарнизона и инвалидовъ, коихъ правительство, по странной прихоти, водворило на этой знойной скалѣ. Впрочемъ, осталась еще часть стариннаго дворца индусскихъ королей, мрачное и тяжелое зданіе, въ центрѣ котораго открывается весьма значительной глубины водоёмъ.

Въ черныхъ стѣнахъ этого стариннаго дворца находится уголокъ земли, который считается индусами самымъ священномъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Эта небольшой дворикъ, почти совсѣмъ закрытый тѣнью отбрасываемой густолиственнымъ фиговымъ деревомъ. У подножія этого дерева лежитъ черная мраморная плита, гладкая, безъ всякихъ украшеній, на которую ежедневно слетаетъ и остается тутъ по девяти часовъ, вѣчное, невидимое божество, самое имя котораго, Аумъ, произносится лишь шепотомъ,—всемогущій царь надъ богами и людьми. Никакой идолъ, ни одна статуя не нарушаютъ суроваго величія этого двора; только въ одномъ мѣстѣ стѣны видѣнъ кругъ, заключенный въ треугольникѣ,—мистическій символъ, значеніе коего уже утрачено индусами. Войдя въ эту ограду, всѣ люди становятся равными; здѣсь нѣтъ больше кастовыхъ различій, нѣтъ ни браминовъ, ни паріевъ; всѣ должны пасть на землю и благоговѣйно приложиться челомъ къ святой пыли передъ незримымъ величіемъ присутствующаго бога.

Городъ Чунаръ живописно раскинулъ у подножія крѣпости свои дома сады и террасы. Въ полверстѣ отъ города возвышается великолѣпный мавзолей могольскаго стиля, покрытый изящными скульптурными украшеніями и воздвигнутый въ память двухъ мусульманскихъ святыхъ—Кассима Солимана и его сына.

Вечеромъ, мы тронулись въ путь и прибыли въ Бенаресъ лишь въ девять часовъ, пересѣвъ въ другіе вагоны на станціи Могуль-Серай, отъ которой и отдѣляется небольшая вѣтвь къ Чунару.

© ГПНТБ СОРАН

LXIII.

Бенаресъ.

Историческая замѣтка. — Прогулка по Гангу. — Набережная. — Обсерваторія Жей Синга. — Непальская пагода. — Гатъ мертвыхъ. — Храмъ короля Амети. — Мечеть Аурензеба. — Внутренность города. — Золотой храмъ. — Колодезь Мудрости. — Брамины и нищіе. — Проповѣдь на открытомъ воздухѣ. — Дурга Кундъ. — Обезьяній рай. — Англійская церковь. — Сарнатъ. — Гіуэнъ Чангъ. — Лѣсъ антилопъ. — Ступа. — Пожаръ монастыря. — Праздникъ Ганеза. — Священныя балдерки. — Раджа Бенареса. — Дворецъ Рамнагаръ. —

Говоря о Дели, я сравнивалъ этотъ городъ съ древнимъ Римомъ, съ великою столицею стараго европейскаго міра; теперь я сравню съ Римомъ, но уже съ Римомъ христіанскимъ, съ римомъ католическаго міра, Бенаресъ,—городъ святыхъ, духовную столицу буддійскаго и браминскаго міровъ. Но между тѣмъ какъ христіанскій Римъ блестѣлъ, собственно говоря, не болѣе десяти вѣковъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время онъ имѣетъ лишь значеніе въ глазахъ двухъ сотъ милліоновъ вѣрныхъ сыновъ церкви, Бенаресъ сіяетъ непрерывнымъ блескомъ въ продолженіе болѣе тридцати вѣковъ и насчитываетъ болѣе пятисотъ милліоновъ почитателей, какъ-то: послѣдователей Брамы въ Индіи, буддистовъ съ Цейлона, Индо-Китая, собственнаго Китая и Тибета.

Первый король Каси, или древняго Бенареса, о которомъ упоминаетъ исторія, Кшатра-Бридда, предполагается царствовавшимъ около трехъ тысячъ четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ.

За восемь или за девять вѣковъ до начала нашей эры Бенаресъ былъ уже значительнымъ центромъ философскихъ и теологическихъ

КАРТА ДОЛИНЫ ГАНГА (ВОСТОЧНЫЙ РАЙОНЪ)

наукъ. Двѣ большія, соперничествовавшія между собою школы: брамины и суастики, распадавшіяся на множество отдѣльныхъ толковъ, покрывали городъ своими монастырями, школами и храмами. Брамины, или спиритуалисты, проповѣдывали преобладаніе духа надъ матеріею, но обрекали душу на безконечное переселеніе изъ одной формы существованія въ другую. Суастики, напротивъ того, были атеисты и матеріалисты и не допускали безсмертія души.

Въ самый разгаръ споровъ и препирательствъ по этому поводу, обуревавшихъ святой городъ, около 595 года до начала нашей эры, прибылъ въ него молодой принцъ изъ касты кшатріевъ, наложившій на себя миссію добиться истины во что бы то ни стало. Его звали Сидгарта но, принявъ монашескій санъ, онъ перемѣнилъ свое имя на Сакья-Муни. Проведя четыре года въ послѣдовательномъ изученіи всѣхъ существовавшихъ системъ, молодой философъ вышелъ однажды изъ святого города печальный и одинокій и, остановившись въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій, началъ излагать въ первый разъ заповѣди новой религіи, высокое ученіе котораго міръ никогда еще не слышалъ до сего времени. Стоя подъ деревомъ, передъ аудиторіею изъ четырехъ нищихъ, Сакья-Муни, опровернувъ системы браминовъ и суастиковъ, провозгласилъ равенство всѣхъ вообще: мужчины и женщины, невольника и богача, священнослужителя и нищаго передъ лицемъ Бога, создателя міра; тутъ-то онъ возвѣстилъ людямъ, что ихъ земное существованіе не болѣе какъ испытаніе, наложенное на безсмертную душу, и что только путемъ милостыни, любви къ ближнему, путемъ добрыхъ дѣлъ и безупречной жизни представляется имъ возможность освободится отъ узъ матеріи и стяжать вѣчную, свободную отъ всякихъ оковъ и стѣсненій, жизнь.

Сдѣлавшись по мѣсту жизни великаго пророка святымъ городомъ буддизма, Бенаресъ покрылся скоро храмами, монастырями и великолѣпными памятниками; въ продолженіе многихъ вѣковъ сюда стекались богомольцы не только со всѣхъ частей Индіи, но и изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Китая, Монголіи и Малазіи; затѣмъ, въ девятомъ вѣкѣ разыгралась великая религіозная революція; буддизмъ проигралъ свое дѣло—и Бенаресъ сдѣлался городомъ браманизма по преимуществу.

Странный фактъ! Будучи центромъ непрестанныхъ революцій, волновавшихъ всю Индію вокругъ него, этотъ огромный городъ никогда не стремился къ политическому преобладанію; онъ никогда не былъ столицею сколько нибудь значительнаго государства: уступивъ другимъ роль временнаго величія и преходящаго могущества, онъ удовольствовался

© ГПНТБ СО РАН

ствовался ролью духовнаго господства надъ обширнымъ индѣйскимъ материкомъ. Другой фактъ, не менѣе удивительный, тотъ, что, послѣ тридцативѣковаго блеска, въ немъ не сохранилось для иностранцевъ ни одного, сколько нибудь древняго памятника. Между его многочисленными храмами трудно найти хотя бы одинъ, который бы неопровержимымъ образомъ удалялся въ глубь вѣковъ болѣе чѣмъ на три столѣтія. Это слѣдуетъ приписать частымъ религіознымъ войнамъ, которыхъ онъ былъ театромъ, причемъ побѣдитель каждый разъ старался стереть съ лица земли слѣдъ побѣжденнаго.

На другой же день нашего пріѣзда, мы вышли изъ нашего отеля, расположеннаго въ центрѣ Секроля, англійскаго квартала, и велѣли вести себя къ Дасесвамедхъ-гату, или къ набережной, гдѣ туристы обыкновенно садятся въ лодку, отправляясь обозрѣвать святой городъ.

Эта набережная находится на западной оконечности большой дуги, которую описываетъ въ этомъ мѣстѣ Гангъ, такъ что съ перваго взгляда городъ представляется весь какъ на ладони, возвышаясь амфитеатромъ на правомъ берегу рѣки, по крутому прибрежью въ тридцать метровъ высоты. Мѣстоположеніе Бенареса часто сравнивали съ мѣстоположеніемъ Неаполя: и это сравненіе довольно удачно; въ самомъ дѣлѣ, русло рѣки, шириною болѣе чѣмъ въ километръ, разстилаясь широкою, ровною скатертью и постепенно закругляясь, образуетъ синюю, спокойную бухту, въ которой отражается живописный фасадъ города, расположеннаго по берегу въ видѣ полумѣсяца.

Мы сѣли въ изящную гондолу и, мѣрно скользя по голубымъ волнамъ передъ самымъ городомъ, погрузились въ созерцаніе развертывавшихся передъ нами, одна за другую, чудныхъ удивительныхъ картинъ. Если смотрѣть съ рѣки на только что оставленый нами гатъ, онъ представляетъ такую поразительную живописную картину, прибавить къ которой малѣйшій штрихъ художникъ счелъ бы непростительною дерзостью. Его высокія лѣстницы, увѣнчанныя небольшими храмами съ легкими, смѣло устремляющимися вверхъ стрѣлами, окаймленысъ одной стороны величественными массами цѣлой группы дворцовъ, увѣнчивающихъ хребетъ возвышенности, съ другой стороны изящнымъ простымъ фасадомъ Манъ Мундеръ, большою обсерваторіею Бенареса, выстроенный извѣстнымъ Жей Сингомъ Джейпурскимъ.

Немного далѣе, на протяженіи двухъ сотъ метровъ, растянулись въ чудномъ безпорядкѣ исполинскіе уступы, террасы, лѣстницы, увѣнчанныя цѣлымъ рядомъ висящихъ надъ пропастью дворцовъ. Открывшаяся въ этомъ мѣстѣ бездна результатъ недавней катастрофы; прибрежье, на которое опиралась огромная каменная масса, подточенное водою, внезапно обрушилось и увлекло за собою всѣ находившіяся на немъ постройки. Разрушеніе, причиненное обваломъ, было столь полное, что врядъ ли можно будетъ когда нибудь исправить всѣ сдѣланныя поврежденія. Индусъ, впрочемъ, по природѣ человѣкъ очень сговорчивый и легко принимаетъ намѣреніе за самый фактъ: было рѣшено устроить въ этомъ мѣстѣ набережную для удобства богомольцевъ; набережная была сдѣлана, но обрушилась; какое ему до этого дѣло; толпа пропускаетъ мимо эту подробность и вполнѣ довольствуется зыбкими развалинами, поглотившими самое сооруженіе.

Но вотъ солнце выплыло надъ горизонтомъ и его первые лучи покрыли фантастическимъ заревомъ безчисленные шпили храмовъ. Появленіе его привѣтствовалось продолжительнымъ гуломъ, поднявшимся въ толпѣ, покрывавшей повсюду берегъ. Наступила священная минута, когда богомолецъ долженъ погрузиться въ воду, еще застывшую отъ ночнаго холода: тысячи головъ показались на поверхности воды, всѣ, безмолвно обращенные въ сторону блестящаго свѣтила; у самаго подножія гатовъ группы молодыхъ женщинъ, предупредившихъ восходъ, торопились избѣжать прикосновенія толпы и выходили изъ волнъ, обернутыя въ свои сарра изъ бѣлаго мусселина, плотно прилегавшія къ ихъ тѣлу и выказывавшія ихъ стройныя, изящныя формы.

Немного далѣе возвышалось стройной формы зданіе съ высокимъ фасадомъ весьма простаго рисунка и китайскою крышею, увѣнчанною, сіявшею позолотою колокольнею. Это непальская пагода, единственный находящійся теперь въ Бенаресѣ храмъ, посвященный Буддѣ.

Мы прибыли наконецъ въ самый центръ линія набережныхъ Mânmênka ghât, въ святую святыхъ, къ мѣсту, гдѣ горятъ неугасаемые костры, предназначенные пожирать тѣла всѣхъ тѣхъ, кому рокъ опредѣлилъ счастіе окончить дни въ святомъ городѣ. Счастливые въ самомъ дѣлѣ, трижды счасливые тѣ, коихъ смертная оболочка становится здѣсь добычею пламени, такъ какъ души ихъ переходятъ прямо отсюда въ рай, или, если они были уже очень тяжкими грѣшниками, вселяются въ тѣла будущихъ браминовъ. Поэтому то, всякій православный индусъ страстно стремится къ этому счастью; богатые люди, когда они серьезно заболѣваютъ, стекаются въ Бенаресъ въ надеждѣ оставить земное существованіе у воротъ рая; тѣ же, которыхъ смерть застигаетъ врас-

плохъ, завѣщаютъ перенести сюда ихъ тѣла, иногда за нѣсколько сотъ лье, для того чтобы быть сожженными въ Манменка-гатѣ.

Когда высаживаешься на этой набережной, положительно задыхаешься отъ густаго, вонючаго дыма, который виситъ въ воздухѣ голубоватою пеленою: со всѣхъ сторонъ поднимаются длинные языки пламени и слышится зловѣщій трескъ сжигаемыхъ тѣлъ; рабочіе, на исполненіи которыхъ лежитъ эта печальная обязанность, совершенно голые, съ тѣлами почернѣвшими отъ сажи, похожіе на какихъ то исчадій ада ворочаютъ въ огнѣ длинными желѣзными полосами и выливаютъ въ него горшки съ масломъ. На каждомъ шагу натыкаешься на кости и вязнешь въ еще горячемъ, человѣческомъ прахѣ, который, накопляясь здѣсь въ теченіе вѣковъ, образовалъ пластъ въ нѣсколько метровъ глубины. Толпы отвратительныхъ женщинъ, калѣкъ, горбуновъ и всевозможныхъ уродовъ тиранятъ вашъ слухъ своими жалобными криками и не оставляютъ васъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ нѣсколько пейзъ [1]).

Поминутно длинная процессіи богомольцевъ высаживаются на прибрежную террасу, окруженную живописнымъ рядомъ храмовъ. Едва вступивъ на землю, они торопятся раздѣваться и погрузится въ священную воду, заплативъ передъ этимъ обычную дань браминамъ, сидящимъ на берегу подъ большими зонтиками и продающимъ свидѣтельства объ очищеніи, индульгенціи, четки и амулеты.

Одна изъ лѣстницъ исключительно предоставлена женщинамъ, которыя, подъ защитою какой-то идеальной стѣны, наивно выказываютъ свою наготу, весело плещутся и покрываютъ своими звонкими голосами смѣшанный гулъ горланящей и молящейся толпы. Впрочемъ, эти нимфы Ганга окружены цѣлою свитою почтенныхъ матронъ, одинъ видъ которыхъ быстро заставитъ отступить нескромнаго европейца.

Послѣ Манменка-гата, прибрежье унизано длиннымъ рядомъ дворцовъ, коихъ прекрасные фасады гордо выступаютъ на вершинахъ безконечныхъ лѣстницъ. У каждаго раджи здѣсь есть своя собственная резиденція, въ которой онъ и проводитъ большіе религіозные праздники; одна изъ прекраснѣйшихъ, королевскихъ резиденцій — дворецъ королей Нагпура, стоящій на пьедесталѣ во сто ступеней, составленномъ изъ огромныхъ глыбъ бѣлаго песчаника.

[1]) *Пейза* мелкая монета четверть *анна*—равняется почти четыремъ сантимамъ.

На самомъ концѣ этой превосходной линіи дворцовъ возвышается большая мечеть Ауренгзеба, устремляясь къ небу двумя своими минаретами, которые какъ бы провозглашаютъ торжество чистаго ученія Магомета надъ мрачнымъ культомъ Шивы. Это мечеть занимаетъ площадь знаменитаго храма Вишну, который былъ срытъ по приказанію императора Ауренгзеба и считался вишнувитами святилищемъ ихъ культа, мѣстомъ, гдѣ Вишну въ первый разъ показался людямъ. Мадграй-гатъ, лѣстница во сто ступеней, коей стертые и обезображенные камни обличаютъ глубокую древность и по которой индусы нѣкогда всползали на колѣняхъ, прежде чѣмъ пасть ницъ передъ Вишну, эта лѣстница ведетъ теперь къ мечети. Послѣдняя, маленькая и незначительная, заставляетъ сожалѣть о чудѣ, мѣсто котораго она заняла; впрочемъ, ея минареты, вышиною въ сорокъ четыре метра и шириною всего въ два метра пятьдесятъ сантиметровъ, считаются замѣчательнымъ въ своемъ родѣ фокусомъ; не смотря на ихъ малый діаметръ. въ нихъ находится еще круглая лѣстница во сто тридцать ступеней, но городскія власти запретили восхожденіе на нее, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вершины минеретовъ значительно уклонились.

До сего времени мы разсматривали городъ, такъ сказать, въ нѣкоторомъ разстояніи, извнѣ; пора была посмотрѣть, что скрывалось за, этими фасадами несравненной красоты, и проникнуть внутрь города. Когда я предложилъ взять на этотъ случай экипажъ, слова мои вызвали улыбку на лицо нашего проводника: «Въ Бенаресъ нельзя иначе войти какъ только пѣшимъ, сказалъ онъ мнѣ; нѣтъ ни одной улицы въ городѣ достаточно широкой для проѣзда кареты; очень немного такихъ, гдѣ бы можно было проѣхать на слонѣ; а въ большей части толпа такъ густа, что ни верхомъ на лошади, ни въ паланкинѣ нельзя двигаться свободно».

Поэтому мы опять сѣли въ лодку и высадились на Бишесваръ-батѣ, рядомъ съ гатомъ костровъ. Слѣдуя за нашимъ проводникомъ, мы съ трудомъ пробирались въ людскомъ муравейникѣ, покрывавшемъ набережную, и, пройдя нѣсколько безконечныхъ лѣстницъ, достигли плато, на которомъ расположенъ самый городъ. Передъ нами открылась улица или, скорѣе, узкій, темный корридоръ. Высокіе, кирпичные дома перекрещивались своими балконами надъ нашими головами, между тѣмъ какъ лотки торговцевъ, выставленные съ обѣихъ сторонъ, стѣсняли уже и безъ того узкую дорогу до такой степени, что три человѣка не могли идти по ней въ рядъ.

Скоро мы пришли на площадь ограниченныхъ размѣровъ, гдѣ тѣснилась шумная, крикливая толпа вокругъ небольшаго храма съ пирамидальною стрѣлою, прикрытою золотою настилкою. Этотъ храмъ—въ настоящее время святая святыхъ Бенареса; здѣсь-то индусы, забывъ своихъ старыхъ боговъ, Браму, Вишну, Индру, простираются ницъ передъ лингамомъ Сивы, эмблемою того тантрическаго культа, который они заимствовали у дикихъ обитателей джунглей и который есть ничто иное, какъ, экзальтація передъ физическими силами и матеріальнымъ могуществомъ природы.

Этотъ лингамъ—простая каменная тумба, считается частью тѣла самого божества. Достаточно исполнить одинъ разъ въ жизни священные обряды передъ этимъ идоломъ, для того, чтобы получить увѣренность, попасть когда нибудь въ кайласъ, браминскій рай. Этимъ объяснялась суетливость невѣжественной толпы вокругъ идола.

Рядомъ съ бишесварскимъ храмомъ возвышался великолѣпный tchoultri, поддерживаемый многочисленными, изящной формы колоннами, въ серединѣ котораго уходилъ въ землю узкій и неглубокій колодезь, наполненнюй стоячею, зеленою водою, издававшею зловоніе. Здѣсь также было много богомольцевъ, оспаривавшихъ другъ у друга отвратительную жидкость, которую браминъ доставалъ передъ ними изъ колодца и подносилъ имъ для питья въ серебряномъ стаканчикѣ, получивъ, какъ водится, впередъ должное вознагражденіе. Этотъ священный колодезь называется Гайанъ Бапи или источникъ мудрости. Легенда говоритъ, что когда между божествами индійскаго Олимпа возгорѣлся споръ по поводу обладанія амритою, напиткомъ безсмертныхъ, кровожадный Сива схватилъ огромную чашу и опорожнилъ ее залпомъ; но, въ поспѣшности, онъ пролилъ нѣсколько капель жидкости, которыя, упавъ на землю и образовали водохранилище Гайанъ-Бапи.

Недалеко отсюда находится другой колодезь, Манкарника, наполненный такою же стоячею водою, скопившеюся тутъ отъ мытья идоловъ сосѣднихъ храмовъ. Эта вода обладаетъ будто бы чудесными свойствами и также жадно поглощается набожными пилигримами.

Странное дѣло, на присутствіе европейца, невѣрнаго, у входа въ эти священныя мѣста толпа взирала совершенно равнодушно, скажу болѣе, даже благосклонно. Всѣ почтительно разступились при нашемъ приближеніи и со всѣхъ сторонъ раздавалось привѣтствіе «Salam Sahib», въ особенности когда по выходѣ изъ tchoultri Гайанъ Бапи, распространился между богомольцами слухъ, что мы вручили браминамъ приношеніе въ честь идола, состоящее изъ двухъ рупій.

Есть ли въ мірѣ другой такой терпѣливый народъ, какъ эти крѣпкіе, славные индусы, которыхъ такъ часто старались намъ представить лукавыми, жестокими и даже свирѣпыми? Сравните ихъ на мгновеніе съ мусульманами, или даже съ нами, кичащимися нашею цивилизаціею, нашею терпимостью. Пусть китаецъ, индіецъ пріѣдутъ прогуливаться по нашимъ улицамъ во время какого нибудь праздника, какой нибудь религіозной церемоніи! Развѣ наша толпа не обнаружитъ этому пришельцу своихъ враждебныхъ чувствъ, если своею внѣшностью онъ будетъ идти въ разрѣзъ обычаямъ страны? Развѣ она проститъ ему его незнаніе? Я убѣжденъ въ противномъ.

И въ какой странѣ можно было бы присутствовать при открывшемся моимъ глазамъ въ этотъ день зрѣлищѣ на площади Бенареса? Здѣсь, въ десяти шагахъ отъ всего, что индусъ имѣетъ наиболѣе священнаго въ своей религіи, между источникомъ мудрости и идоломъ Сивы, устроился подъ деревомъ протестантскій миссіонеръ. Взобравшись на стулъ, онъ проповѣдывалъ на индустанскомъ языкѣ о христіанской религіи и заблужденіяхъ язычества. Я слышалъ, какъ онъ визгливымъ голосомъ, выходившимъ изъ глубины огромнаго жабо, бросалъ почтительно окружавшей его и внимательной толпѣ слѣдующія слова: «Вы идолопоклонники! этотъ каменный обрубокъ, обожаемый вами, былъ просто извлеченъ изъ каменоломни и отёсанъ рабочимъ; онъ столь же неподвиженъ, столь же безсиленъ, какъ тумба, находящаяся у дверей моего дома!» Эти обличенія не производили никакого ропота; миссіонера безстрастно слушали, слѣдя въ то же время за развитіемъ его рѣчи, такъ какъ изрѣдка кто либо изъ присутствовавшихъ предлагалъ вопросъ, на который мужественный апостолъ и отвѣчалъ какъ умѣлъ. Можетъ быть слѣдовало бы удивляться смѣлости миссіонера, если бы столь извѣстная терпимость индусовъ не отнимала у этого безстрашія значительную долю ея стоимости. Правда, что эта терпимость приводитъ въ отчаяніе миссіонеровъ; одинъ изъ нихъ мнѣ какъ-то сказалъ: «Труды наши пропадаютъ даромъ; нельзя обратить человѣка, столь сильно убѣжденнаго въ истинѣ своей вѣры, что онъ способенъ выслушивать, не моргнувъ глазомъ, всѣ ожесточенныя нападки на эту самую вѣру».

Мы не отдыхали съ самаго утра, и я искалъ глазами мѣста, гдѣ бы сѣсть, когда ко мнѣ приблизился браминъ и предложилъ отвести насъ

къ себѣ въ домъ, откуда мы можемъ, отдыхая, обозрѣвать въ то же время храмы и площадь. Я провелъ такимъ образомъ болѣе часа подъ окошкомъ обязательнаго брамина, безъ устали созерцая любопытную картину пестрой, оживленной толпы. Между многочисленными группами богомольцевъ, я усматривалъ знакомые типы объѣханныхъ мною странъ; всѣ были въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ: женщины, сгибаясь подъ тяжестью надѣтыхъ драгоцѣнностей изъ золота и серебра, медленно брели за мужчинами, придерживая съ неподражаемою граціею огромные мѣдные подносы, нагруженные ворохомъ цвѣтовъ, назначенныхъ въ приношеніе богамъ. Затѣмъ отъ времени до времени проходила процессія, несшая идола въ паланкинѣ и пришедшая изъ какой нибудь отдаленной деревни преклониться передъ Магадевой, богомъ боговъ, или погрузиться въ колодезь мудрости. Религіозные нищіе всевозможныхъ сектъ, факиры, гуссейны, размѣстившись вдоль стѣнъ храмовъ, одни, сидя на цыновкахъ, другіе — стоя, чтобы привлечь вниманіе прохожихъ, звонили въ колокольчики, потрясали трезубцами и цѣпями; порою они оглашали воздухъ жалобными звуками какой нибудь священной пѣсни. Зебу, съ висячими горбами, съ округленными формами, проходили мѣрнымъ шагомъ мимо привѣтствовавшихъ ихъ съ почтеніемъ богомольцевъ.

Попугаи, павлины оживляли террасы и шпили храмовъ своимъ яркимъ опереніемъ и рѣзкими, нестройными криками, между тѣмъ какъ красноватыя обезьяны, коротенькія и коренастыя, лазали и безстыдно кривлялись подъ портиками.

Отдохнувши, мы пошли далѣе; повсюду бросалась въ глаза необыкновенная узкость улицъ, но очень опрятно содержимыхъ, что конечно приноситъ индусамъ большую честь. Если бы Бенаресъ сдѣлался внезапно мусульманскимъ городомъ, онъ вскорѣ обратился бы въ неприступную клоаку.

Вдоль узкихъ улицъ тянутся небольшія лавочки, въ которыхъ въ числѣ другихъ замѣчательныхъ вещей, выставлены красивыя вытканныя золотомъ матеріи, извѣстныя подъ названіемъ kincôb и считающіяся одною изъ спеціальностей жителей Бенареса; затѣмъ муселинъ замѣчательной отдѣлки и наконецъ мѣдные и бронзовые идолы, разнообразіе которыхъ привело бы въ восторгъ любаго знатока.

Храмы встрѣчаются въ большомъ числѣ, но они почти всѣ очень небольшихъ размѣровъ; въ большинствѣ случаевъ это незначительныя капеллы, стѣны которыхъ украшены скульптурною работою и снабже-

Калькутскій портъ.

ны портиками съ двумя колоннами, надъ которыми возвышается всегда изящный шпиль.

Мы наконецъ вышли изъ такъ называемаго города и вступили въ предмѣстья, гдѣ улицы были довольно широкія. Взадъ и впередъ двигались экипажи, и нашъ провожатый вскорѣ отыскалъ намъ коляску, въ которой мы и продолжали нашу прогулку.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ предмѣстьевъ, на берегу живописнаго ручья, возвышается довольно большой храмъ Дурга Кундъ (фонтанъ Дурга), окруженный широкими лѣстницами и считающійся однимъ изъ самыхъ красивыхъ зданій въ Бенаресѣ. У европейцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Храма Обезьянъ. Эти животныя содержатся въ немъ дѣйствительно въ большомъ количествѣ; ихъ можно видѣть сидящими на стѣнахъ или бѣгающими по двору и съ перваго шага вся эта толпа окружаетъ васъ, съ цѣлью получить обычную подачку, выражающуюся въ рупіи, передаваемой брамину, и въ обильномъ количествѣ поджаренныхъ зеренъ, служащихъ лакомствомъ этимъ четверорукимъ.

Храмъ построенъ исключительно изъ камня и окрашенъ отъ основанія до вершины красною охрою, цвѣтъ которой, напоминающій собою кровь, весьма пріятенъ жестокому Дурга. Колонны, стѣны, шпиль, однимъ словомъ—всѣ наружныя принадлежности храма покрыты въ изобиліи орнаментами изъ очень тонкой скульптурной работы. На дворѣ, предшествующемъ самому храму, возвышается великолѣпный монолитъ, поддерживающій громадную фигуру. Если вѣрить браминамъ, этотъ храмъ воздвигнуть въ VIII или IX вѣкѣ.

Изъ Дурга Кундъ мы отправились въ Секроль и затѣмъ въ нашъ отель по прелестной мѣстности, которой высокія вершины многочисленныхъ пальмъ придавали очень оригинальный видъ.

Секроль, англійскій кварталъ въ Бенаресѣ, получилъ свою извѣстность только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Его бунгаловы окружены садами, въ которыхъ проведены прекрасныя аллеи. Въ немъ находятся нѣсколько христіанскихъ церквей, большая типографія и наконецъ университетъ, пользующійся большою извѣстностью. На дворѣ университета, построеннаго въ готическомъ стилѣ, въ послѣднее время поставленъ монолитный латъ Асоки, очень похожій на латъ въ Аллагабадѣ и Дели и украшавшій прежде дворъ храма Вишну, разрушеннаго Ауренгзебомъ.

Посвятивъ нѣсколько дней различнымъ занятіямъ въ Бенаресѣ, мы

отправились посмотрѣть на знаменитыя руины буддистскаго храма въ Сарнатѣ, въ 12 километрахъ отъ города.

Я увѣренъ, что для каждаго археолога, посѣтившаго Индію, нѣтъ ничего грустнѣе того факта, что эта прекрасная страна, бывшая колыбелью буддистской религіи, въ настоящее время лишена совершенно всѣхъ монументовъ, относящихся къ прежней блестящей эпохѣ. Дѣйствительно, за исключеніемъ диковинной группы Бильза, чудомъ избѣгнувшей общаго разрушенія, мы не встрѣтили ничего, кромѣ незначительныхъ руинъ, напоминавшихъ цвѣтущую и пышную эпоху поклонниковъ Будды. Скажу болѣе, мы не въ состояніи-бы были даже познакомиться съ архитектурою ихъ построекъ, если-бы мрачныя ущелья Гатскихъ горъ не сохранили для насъ эти нетлѣнные остатки.

Но не одни монументы подверглись ярости браминовъ,—нѣтъ: даже самое имя Будды было такъ заботливо устранено изъ всѣхъ легендъ и народныхъ повѣрій, что въ настоящее время не найдется ни одного жителя на всемъ индійскомъ континентѣ, который-бы имѣлъ хотя малѣйшее подозрѣніе, что этотъ культъ могъ когда нибудь существовать въ его отечествѣ.

Если буддизмъ не могъ перешагнуть границы Индіи, если онъ не могъ привиться въ Китаѣ, Тибетѣ, Индо-Китаѣ и Цейлонѣ, то дѣйствительно можно повѣрить, что онъ могъ родиться и затѣмъ, послѣ шестнадцати или семнадцати-вѣковаго существованія, исчезнуть, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Въ настоящее время европейскимъ ученымъ очень трудно разыскать и возстановить ученіе этого культа, если у нихъ будутъ въ рукахъ только тѣ тощіе документы, которые существуютъ въ настоящее время въ Индіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что они вдадутся по этому поводу въ обманъ и отнесутъ эти немногія данныя къ спеціальной браминской сектѣ.

Но китайцы и другіе народы, знакомые съ ученіемъ Будды, продолжали, даже послѣ того, какъ это ученіе уже перестало существовать, смотрѣть на Индію, какъ на священную землю; изъ ихъ книгъ можно весьма обстоятельно познакомиться съ старинными священными обрядами буддизма, а ихъ путешественники оставили послѣ себя очень любопытные разсказы о своихъ путешествіяхъ въ страну поклонниковъ Будды.

Этимъ-то китайскимъ и цейлонскимъ книгамъ обязаны мы нашимъ знакомствомъ съ буддизмомъ, но и также знаніемъ главнѣйшихъ мѣстъ,

замѣчательныхъ памятниковъ и замѣчательныхъ индійскихъ построекъ.

Въ самой любопытной изъ этихъ книгъ заключается описаніе замѣчательнаго путешествія китайца Гіуэна-Чанга, бывшаго въ Индіи отъ 629 до 645 года. Эта книга была переведена нашимъ знаменитымъ синологомъ Станиславомъ Жюльеномъ.

Благодаря свѣдѣніямъ этого путешественника, теперь можно признать въ развалинахъ деревни Сарната, около Бенареса, тѣ знаменитыя религіозныя постройки, которыя считались буддистами главнымъ средоточіемъ ихъ религіи. Подробность описаній древняго китайскаго путешественника такова, что, только слѣдуя тексту его разсказа и указываемымъ имъ мѣрамъ, достаточно взрыть кое гдѣ почву, для того чтобы найти слѣды памятника или самый предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Поэтому-то мнѣ и служила путеводителемъ книга Гіуэнъ-Чанга въ моемъ путешествіи къ развалинамъ Сарната.

Мы оставили Секроль и, путешествуя въ продолженіе часа къ сѣверо-востоку по великолѣпной, прекрасно воздѣланной и поросшей плодовитыми деревьями равнинѣ, мы приблизились къ первому *тону* или ступу, которому нѣкоторые прежніе путешественники дали названіе Чоканди, но которое извѣстно у туземцевъ подъ именемъ Iorik Bita. Въ этомъ памятникѣ можно признать ту огромную башню въ 300 футовъ вышиною, которая прежде всего поразила зрѣніе китайскихъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Бенареса; въ самомъ дѣлѣ, обвалившаяся ступа образуетъ теперь настоящую груду кирпичей вышиною почти въ 25 метровъ и увѣнчанную мусульманскимъ павильономъ, поставленнымъ въ воспоминаніе посѣщенія этихъ развалинъ императоромъ Гумагуномъ. У подножія холма разставлено въ рядъ нѣсколько статуй Будды, найденныхъ Куннингамомъ, при раскопкахъ внутри горы.

Черезъ короткій промежутокъ времени, мы встрѣтили на нашемъ пути небольшую рощу весьма старыхъ сливовыхъ деревьевъ. Эта роща знаменитая въ религіозныхъ лѣтописяхъ буддистовъ, кажется совсѣмъ не измѣнилась со времени путешествія Гіуэнъ-Чанга; не одинъ разъ можетъ быть, эти маленькія деревца, съ трудно развивающимся корнемъ, весьма слабо прикрывали тѣнью набожнаго пилигрима. Тутъ-же собирались нѣкогда монахи и устроивали соборы (синоды) въ сосѣднемъ монастырѣ, который носилъ въ честь самой рощи названіе Мригадава-Вигара, или монастыря парка Антилопъ.

Вотъ легенда, которой обязана эта незначительная группа кустарниковъ своею извѣстностью:

«Это происходило въ тѣ времена, когда послѣдній Будда, переходя различныя формы существованія, которыя приготовляли его къ человѣческой жизни, жилъ на землѣ въ образѣ антилопы и былъ королемъ одного изъ племенъ этихъ животныхъ. Одинъ Раджа Каси, въ древности Бенареса, страстный охотникъ, производилъ ежедневныя опустошенія въ племени, надъ которымъ царствовалъ Готама. Послѣдній, огорчившись этимъ безполезнымъ пролитіемъ крови, отправился къ раджѣ и обязался каждый день доставлять ему къ столу одну антилопу, если только онъ положитъ конецъ своимъ экскурсіямъ. Раджа изъявилъ на это согласіе, и такимъ образомъ каждый день судьба выбирала одну жертву въ пользу общаго блага; но вотъ, когда жребій палъ на одну беременную самку, которая отказалась подчиниться выпавшей на ея долю участи, говоря, что, по всей справедливости, часть смерти ея ребенка не можетъ пробить, прежде чѣмъ онъ появится на свѣтъ, Готама, тронувшись мольбами матери, заступилъ ея мѣсто и отправился къ раджѣ, рѣшившись принести себя въ жертву. Послѣдній, узнавъ о томъ, что произошло, устыдился своей жестокости и, призвавъ божественное животное, простерся передъ нимъ и вскричалъ: «О благородное созданіе! ты человѣкъ въ образѣ животнаго, а я лишь животное въ образѣ человѣка». Онъ освободилъ тогда короля антилопъ отъ даннаго имъ слова и воспретилъ навсегда охоту въ своихъ владѣніяхъ.

По другую сторону лѣса находится незначительная деревушка Сарнатъ, въ сѣверной части которой возвышается великолѣпная башня, которая, по словамъ Гіуэнъ-Чанга, стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ Будда «повернулъ колесо закона», то есть изложилъ свое ученіе четыремъ нищимъ.

Эта *ступа* называется теперь Дамекъ, искаженное слово Дармака, или камень вѣры. Это круглая башня во сто десять футовъ высоты, имѣющая въ основаніи девяносто футовъ въ діаметрѣ. Ея нижняя часть, въ сорокъ пять футовъ высоты, сдѣлана изъ огромныхъ песчаниковыхъ глыбъ, соединенныхъ между собою желѣзными скобами, и украшена широкими рѣзными полосами, перемежающимися нишами, нынѣ пустыми, но въ которыхъ прежде помѣщались статуи. Эта лѣпная работа очень тонко выполнена и замѣчательно красиво распредѣлена. Верхняя же часть башни, массивный кирпичный цилиндръ, была

покрыта слоемъ гипса, надъ коимъ возвышалась широкая, зонтикообразная каменная крыша, отъ которой и были найдены обломки.

Думаютъ, что этотъ памятникъ ведетъ свое начало съ четвертаго вѣка нашей эры; онъ не могъ явиться позднѣе этого времени, такъ какъ его видѣлъ и описалъ китаецъ Фа-Кіанъ въ началѣ пятаго вѣка; а съ другой стороны—его форма не позволяетъ отнести время его сооруженія къ эпохѣ болѣе отдаленной. Дѣйствительно, если читатель помнитъ, я уже объяснялъ, что первыя *топы* представляли правильное полушаріе, а цилиндрическія топы ввелись во всеобщее употребленіе лишь къ упадку буддизма въ Индіи, то есть въ четвертомъ вѣкѣ.

Вокругъ топа Дамека разстилаются невысокіе холмы, въ коихъ, по указаніямъ Гіуэнъ-Чанга были произведены раскопки, которыя и привели къ отысканію развалинъ знаменитаго монастыря Мригадава; однимъ изъ любопытнѣйшихъ результатовъ этихъ раскопокъ былъ тотъ, что оказалась точная аналогія между планомъ сооруженныхъ вигаръ и вигаръ, высѣченныхъ въ скалѣ; только здѣсь, капеллы и кельи были расположены вокругъ двора квадратной формы, тогда какъ въ скалѣ онѣ окружаютъ залу такой же формы. Обнаружилось еще, что монастырь былъ въ разные, болѣе или менѣе отдаленные промежутки времени много разъ разрушаемъ и снова воздвигаемъ на его развалинахъ. Полное окончательное разрушеніе послѣдовало въ концѣ девятаго или началѣ десятаго вѣка; вѣроятно, какое нибудь народное возстаніе захватило монаховъ врасплохъ за ихъ мирными занятіями; между кальцинированными балками крыши, подъ пепломъ, были дѣйствительно найдены кости рядомъ съ домашнею утварью, хлѣбными зернами, зонтиками и мебелью. Бунтовщики сожгли монаховъ и монастырь; затѣмъ, брамины, свершивъ свою месть, покинули это проклятое мѣсто, предоставивъ времени заботу о погребеніи ихъ жертвъ.

На западѣ отъ монастыря разстилаются три небольшихъ пруда, которые еще и теперь носятъ прежнія названія: Сарангъ Таль (озеро Оленье), Чандра Таль (Серебряное озеро), Найя-Таль (Новое озеро). О нихъ-то говоритъ Гіуэнъ-Чангъ:

«На западѣ отъ монастыря равнины Антилопъ находятся три пруда; одинъ, въ которомъ Татагата купался, другой, въ которомъ онъ стиралъ свою одежду, и третій, въ которомъ онъ мылъ священные сосуды. Всѣ три пруда охраняются божественными драконами, которые удаляютъ отъ нихъ всякую человѣческую скверну».

Въ центрѣ этой освященной буддійскими легендами мѣстности возвышается нынѣ храмъ джаиновъ. Священники, къ которымъ я обращался съ разспросами, увѣрили меня, что памятники, развалины коихъ я разсматривалъ, были воздвигнуты джаинами изъ секты светамбара (легко одѣтыхъ). Вотъ еще новое подтвержденіе того, что эта секта была введена буддистами, поставленными преслѣдованіями въ необходимость снова войти въ орденъ джаиновъ, отъ которыхъ они когда-то отдѣлились.

Во время моего пребыванія въ Бенаресѣ, я нѣсколько разъ возвращался въ Сарнатъ, гдѣ приказывалъ дѣлать раскопки, которыя, къ великой моей радости, доставили мнѣ очень хорошенькую фигуру изъ обожженной глины, нѣсколько сосудовъ и бронзовыхъ обломковъ.

Въ концѣ апрѣля, намъ представился случай присутствовать на одномъ изъ самыхъ блестящихъ торжествъ, какія только празднуются въ Бенаресѣ: это праздникъ Ганезы.

Богъ этотъ, котораго имя и нѣкоторые изъ аттрибутовъ напоминаютъ бога Януса римлянъ, одно изъ самыхъ популярныхъ божествъ современной Индіи. Онъ эмблема мудрости, благоразумія и торговли Присутствіе его удаляетъ опасности, и, въ силу этого свойства, онъ красуется надъ дверьми всѣхъ зданій. Всякая дѣловая бумага, каждый договоръ начинается воззваніемъ къ Ганезѣ, которое выражается иногда простымъ знакомъ, напоминающимъ по формѣ хоботъ и украшающимъ лицо бога. Ганеза, сынъ Сивы и Парвати, дѣйствительно всегда изображается въ видѣ небольшаго тучнаго человѣка съ четырьмя руками и головой слона. У подножья его трона фигурируетъ непремѣнно мышь, его излюбленный посолъ.

Праздникъ Ганезы празднуется въ Бенаресѣ съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, такъ какъ ему тутъ посвящено не менѣе двухъ сотъ святилищъ. Съ ранняго утра, передъ каждымъ храмомъ образуются процессіи; изображеніе бога, сдѣланное на этотъ случай изъ тонкой горшечной глины и разукрашенное позолотою и мишурою, ставится на бархатный паланкинъ, прикрытый богато вышитымъ балдахиномъ; идола окружаютъ священники, музыканты, и процессія медленно двигается по направленію къ рѣкѣ. Впередъ идутъ въ пышныхъ костюмахъ баядерки, которыя подплясываютъ въ тактъ музыки, размахивая своими шарфами.

Эти баядерки молодыя дѣвушки, овдовѣвшія до замужества, коихъ семейства посвятили на служеніе богу, не желая видѣть ихъ простыми научами или танцовщицами, Онѣ ведутъ очень скромную жизнь, по наружности, покрайней мѣрѣ, и танцуютъ только лишь въ храмахъ и во время религіозныхъ церемоній.

Вскорѣ набережныя покрываются многочисленными группами и процессіями и представляютъ дѣйствительно волшебное зрѣлище. Разодѣтая въ праздничныя платья, толпа группируется на выступахъ гатовъ и ступени лѣстницы совершенно скрываются отъ глазъ подъ безостановочнымъ наплывомъ браминовъ и баядерокъ, окружающихъ идола. Самая рѣка также покрывается тысячами разцвѣченныхъ флагами барокъ. Барки эти простые ялики, ходящіе подъ парусами и подъ веслами; ихъ носъ высовывается поверхъ воды, оканчиваясь фигурою птицы или какаго нибудь четвероногаго; въ центрѣ, а иногда и съ задней части ялика устроивается легкій навѣсъ, поддерживаемый изящными золочеными столбами.

Брамины, несущіе идоловъ, и баядерки усаживаются въ лодки, которыя выстраиваются въ одну линію и плывутъ вдоль набережныхъ. Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ пѣнія, звуковъ инструментовъ и криковъ толпы. Процессія плыветъ такимъ образомъ до солнечнаго заката; какъ только скрылось блестящее свѣтило, лодки останавливаются, а идоловъ торжественно погружаютъ въ воду священной рѣки. Но праздникъ этимъ не оканчивается; вскорѣ набережныя покрываются огнями, со всѣхъ сторонъ лопаются фейерверки, а разцвѣченныя фонарями лодки бороздятъ по всѣмъ направленіямъ обширную бухту. Въ это-то время европейцы и богатые индусы входятъ въ свою очередь въ лодки и, въ сопровожденіи танцовщицъ и музыкантовъ, принимаютъ участіе въ ночномъ праздникѣ, наслаждаясь безподобнымъ зрѣлищемъ сценъ, вполнѣ достойныхъ индійской Венеціи.

Бенаресъ, хотя и англійскій городъ, имѣетъ однако своего раджу, представителя старинной линіи королей Каси. Впрочемъ у этого раджи, за исключеніемъ титула короля, нѣтъ никакихъ аттрибутовъ королевской власти и онъ доволенъ, что можетъ пользоваться какъ истый «noblеman» прекраснымъ состояніемъ, оставленнымъ ему англичанами. Его дворецъ, стоящій на правомъ берегу Ганга, въ разстояніи одного льё отъ города по верховью рѣки,—весьма живописная группа зданій, увѣнчивающихъ, широкую, купающуюся въ рѣкѣ, набережную. Мнѣ очень было любопытно взглянуть на этого князька, по слухамъ чрезвычайно умнаго и свѣ-

дущаго человѣка, тѣмъ болѣе, что это былъ первый англійскій раджа (такъ называютъ принцевъ, вассаловъ Англіи, для отличія ихъ отъ независимыхъ государей), который встрѣчался на моемъ пути; но онъ въ это время какъ нарочно, путешествовалъ, и я долженъ былъ ограничиться посѣщеніемъ его прекрасной резиденціи Рамнагаръ.

LXIV.

Бегаръ.

Карамнаса, проклятая рѣка. — Мостъ черезъ Сону. — Бегаръ, въ древности Магада.—Патна, въ древности Палиботра.—Гайа.—Дерево Будды.—Бегарскія пещеры.—Монгиръ.—Лодочники на Гангѣ.—Теплыя воды Сита Кундъ.—Горы Куррукпоръ.—Султангангъ.—Островъ Девинатъ и скалы Янгира.—Буддійскій монастырь.—Багульпоръ. — Идолъ Мандаръ.— Пастушеская легенда. — Горы Раджмагаль.— Сонталы и Малеры.—Сонтальская деревня.—Охота на тигра.—Опасный противникъ.—Раджмагальскіе медвѣди.

Мы оставили Бенаресъ лишь въ послѣднихъ числахъ апрѣля; наступило такое жаркое время года, что мы должны были торопиться въ Калькутту, такъ какъ вскорѣ путешествіе, даже по желѣзной дорогѣ, должно было сдѣлаться почти что невозможнымъ. Май мѣсяцъ самый ужасный въ Бенгалѣ, и всѣ чиновники и офицеры, которыхъ не удерживаютъ занятія, торопятся переселиться въ Симлу, Мюссури, въ Нини Таль, или въ другія здоровыя мѣста Гималая. Какъ я сожалѣлъ, что вмѣсто того, чтобы имѣть возможность послѣдовать ихъ примѣру, вынужденъ былъ направиться въ нездоровыя равнины Бегара! Но у меня не оставалось выбора: возвратиться въ Гималай — значило потерять шесть мѣсяцевъ, а въ шесть мѣсяцевъ я разсчитывалъ быть въ Парижѣ.

Выѣхавъ изъ Бенареса въ четыре часа утра, мы переѣхали на разсвѣтѣ Карамнасу, великолѣпную рѣку, которая недалеко отсюда впадала въ Гангъ. Эта рѣка есть Стиксъ индусовъ; тѣла, брошенныя въ ея воды, идутъ прямо въ мрачный Паталь, таинственное убѣжище демоновъ и змѣй; берега ея считаются проклятыми, а вода ядомъ, хотя она очень здорова и пріятна на вкусъ.

© ГПНТБ СО РАН

Край, по которому насъ уносилъ локомотивъ на всѣхъ парахъ, по наружному виду — плоскій и неживописный, былъ однако-же покрытъ хорошо воздѣланными полями и деревнями, свидѣтельствовавшими о его сильномъ процвѣтаніи. Главные обработываемые продукты — рисъ и опіумъ.

Въ девять часовъ мы переѣхали черезъ Сону по великолѣпному, трубчатому мосту, образцовому произведенію современнаго генія. Мы любовались изъ оконъ нашего вагона на великолѣпную рѣку, катившую, въ восьмидесяти футахъ подъ нами, свои голубыя, прозрачныя волны посреди бѣлаго, песчанаго моря, надъ которымъ возвышались, подобно дворцамъ, группы пальмъ съ густымъ, зеленымъ куполомъ на прямыхъ гладкихъ стволахъ.

Переѣхавъ рѣку, мы вступили въ Бегаръ, древнее царство Магада, котораго имя напоминаетъ безчисленныя Viharas или буддійскіе монастыри, покрывавшіе нѣкогда эту провинцію.

Можно было подумать, что простое прикосновеніе магической палочки перенесло насъ въ очарованный край: такъ роскошна, такъ избыточна была природа, смѣнившая тощую растительность только что проѣханныхъ нами равнинъ. Посреди изумрудной зелени безконечныхъ рисовыхъ полей подымались тамъ и сямъ пальмы, манговыя деревья, на-половину закрытыя густымъ пологомъ ліанъ и вьющихся растеній. Деревни совсѣмъ изчезали подъ бананами, финиковыми деревьями, плантаціями съ маслянистыми листьями и полями мака въ цвѣту. Мы опять очутились въ этой дѣйствительно тропической Индіи, съ которою распростились начиная отъ Бомбея.

Въ одиннадцать часовъ мы остановились въ Патнѣ, столицѣ Бегара, на протяженіи двѣнадцати километровъ растянувшейся своими обширными кварталами, перерѣзанными болотами и садами по правому берегу Ганга.

Послѣднія археологическія изысканія окончательно возстановили тождественность теперешней Патны съ древнею Палиботрою, столицею морасскихъ императоровъ, которую посѣтили греческіе послы наслѣдниковъ Александра.

Городъ не заключаетъ теперь ровно ничего, что напоминало-бы его славное прошлое. Его грязные, узкіе базары окаймлены уродливыми, кирпичными постройками, перемежающимися съ низенькими бамбуковыми хижинами. За то растительность, кажется, повсюду оспариваетъ мѣсто у человѣка и придаетъ этому городу видъ весьма живописный;

со всѣхъ сторонъ поднимаются пальмы, а крыши изчезаютъ подъ причудливыми узорами вьющихся растеній.

Жители Патны въ большинствѣ индусы; однако члены ихъ мускулистѣе, кожа чернѣе, чѣмъ у ихъ западныхъ родичей. Во время нашего прибытія, городъ былъ значительно оживленъ вслѣдствіе пріѣзда нѣсколькихъ раджей и земиндаровъ изъ провинцій Тиргутъ. Эти земиндары суть индійцы благороднаго происхожденія, у которыхъ англичане отняли всякую политическую власть, оставивъ имъ ихъ старинныя территоріальныя владѣнія. Большая часть ихъ занимается воздѣлываніемъ индиго и вообще они очень богаты.

Я остановился въ Патнѣ, впрочемъ, лишь для того, чтобы углубиться отсюда далѣе къ югу до Бегара и Гайа. Мнѣ хотѣлось познакомиться въ этой провинціи съ главнѣйшими буддійскими памятниками старины и описать путь Гіуэна-Чанга по священной землѣ Вигара.

Экскурсія отняла у насъ двѣ недѣли; я посѣтилъ одно за другимъ всѣ извѣстныя мѣста этой священной земли буддизма: Раягригу, излюбленное убѣжище Сакья; пещеру Ганза Тора, гдѣ былъ первый соборъ; Павапури, гдѣ умеръ божественный пророкъ; Гайю, гдѣ подъ священнымъ деревомъ онъ сопротивлялся сорокъ дней демону Майа (призраку) и подъ конецъ уничтожилъ его. Къ сожалѣнію, почти во всѣхъ этихъ мѣстахъ развалины представляютъ лишь безформенныя груды кирпичей, по коимъ, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, разбросаны кое-какіе изящные скульптурныя обломки, и гдѣ только лишь глазъ археолога, сличающаго китайскій и сингалезскій тексты, можетъ отыскать слѣды шаитій, топовъ и вигарасовъ, которые по своему удивительному великолѣпію и огромному числу дѣлали изъ этой прекрасной страны одно обширное святилище, одинъ безконечный монастырь. Я могъ бы попробовать разсказать читателю объ этихъ мѣстахъ, игравшихъ столь важную, хотя и малоизвѣстную роль какъ въ нашей философской и религіозной исторіи, такъ равно и въ исторіи самой Индіи; я могъ бы оживить эти развалины, прибѣгнувъ къ помощи Гіуэнъ-Чанга и Фа-Гіана, но у меня слишкомъ мало мѣста, чтобы затрогивать этотъ предметъ, и я ограничусь лишь нѣсколькими словами о Гайа и пещерахъ Бегара.

Гайа, переставъ быть однимъ изъ главныхъ центровъ буддизма, нынѣ простое мѣсто браминскаго богомолья, столь же извѣстное, какъ Бенаресъ или храмъ Жаггернаута. Болѣе стапятидесяти тысячъ пилигримовъ стекаются сюда ежегодно, чтобы выкупаться въ священныхъ

© ГПИБ ОРАН

водахъ Пальгу, извивающейся у подножія скалы, на которой стоитъ городъ, а въ особенности затѣмъ, чтобы преклониться передъ слѣдами ногъ Вишну въ знаменитомъ храмѣ Вишну-Падъ. Этотъ храмъ, возобновленный всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ королевою Ahélya Bhaï d'Holcar на мѣстѣ одного очень древняго зданія, стоитъ въ центрѣ настоящаго лабиринта дворовъ, храмовъ и весьма любопытныхъ по виду монастырей. Европейцы не допускаются къ созерцанію славнаго отпечатка, оставленнаго Вишну на скалѣ, при сошествіи на землю, для умерщвленія демона Гайя, слѣда, глубоко обозначившагося въ каменной глыбѣ, поставленной въ храма.

Сцена, которую представляла толпа, собравшаяся вокругъ храма, превосходила все, что когда либо я видѣлъ въ Покурѣ, въ Бенаресѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Всѣ эти несчастные фанатики казались погруженными въ экстазъ, который и обнаруживали дикими возгласами: мужчины и женщины тѣснились, толкались для того, чтобы приблизиться къ дверямъ святилища, куда допускались не прежде, какъ внеся брамінамъ извѣстную, довольно крупную дань. Иногда эти жадные священники, считая себя обиженными приношеніемъ какого-нибудь черезъ-чурь экономнаго богомольца, завладѣваютъ имъ, снимаютъ съ него одежды и, связавъ вмѣстѣ большіе пальцы рукъ, оставляютъ его нагимъ на площади. Странная вещь: кающійся принимаетъ это наказаніе безропотно!

Въ небольшомъ разстояніи на югъ отъ Гайи находятся развалины знаменитыхъ буддійскихъ построекъ, возвышавшихся нѣкогда вокругъ прославленнаго pîpal Bouddha, или дерева Будды. Браминскіе пилигримы еще до сихъ поръ являются поклоняться этому дереву или тому, которое, послѣдовательно смѣняя его въ продолженіе двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ, выростало на томъ же самомъ мѣстѣ. Теперешнее дерево не старѣе двухъ или трехъ сотъ лѣтъ и кажется не долго простоитъ, такъ какъ потеряло большую часть вѣтвей. Оно занимаетъ вершину террасы, въ подлинности буддійскаго происхожденія которой можно убѣдиться изъ разбросанныхъ вокругъ обломковъ перилъ, ея окружавшихъ и въ которыхъ ясно сказывается жанръ Санчи. Впереди священнаго дерева находится кирпичный храмъ, считаемый Куннингамомъ не безъ основанія за тотъ самый, который былъ воздвигнутъ Асокою за 250 лѣтъ до Р. Х.

Брамины, овладѣвшіе всѣми этими святилищами буддистовъ, посвятили ихъ божествамъ собственнаго пантеона; но, для того, конечно,

чтобы почтить привязанность народа къ его прежнимъ идоламъ, они ихъ сохранили и ограничились лишь тѣмъ, что представили ихъ воплощеніями Сивы или Вишну. Такимъ образомъ Будда изображаетъ теперь божество Вишнувисовъ, подъ именемъ Гаутамдео.

Гроты, или комнаты, высѣченные рукою человѣка, въ скалѣ, очень многочисленны въ окрестностяхъ Гайи и Бегара, и представляютъ сильный археологическій интересъ, такъ какъ они въ этомъ родѣ самые старинные памятники въ Индіи. Это по большей части маленькія кубическія залы, высѣченныя съ огромнымъ трудомъ въ сіенитскомъ гранитѣ скалы и совершенно лишенныя украшеній; только одна пещера Ломасъ-Ричи, на Барабарскомъ холмѣ представляетъ нѣсколько скульптурной рѣзьбы на своемъ наружномъ фасадѣ. Вообще, стѣны у всѣхъ внутри тщательно выровнены, чего мы не замѣчаемъ ни въ какомъ другомъ индійскомъ гротѣ. Между этими пещерами нѣкоторыя весьма глубокой древности и появились задолго до буддизма: такова, между прочимъ, пещера Саттапани, выдолбленная въ холмѣ Баибаргири, возлѣ Паяріга и которая считалась древнею уже въ то время, когда король Адьятатра назначилъ ее для перваго буддійскаго собора, 1-го іюля 543 года до начала нашей эры; еще и теперь видны на фасадѣ отверстія, въ которыя были вдѣланы балки комнаты, устроенной у входа въ гротъ, для помѣщенія пятисотъ духовныхъ лицъ, составлявшихъ соборъ.

Черезъ двѣ недѣли мы возвратились изъ нашей археологической экспедиціи и отправились по желѣзной дорогѣ, которая и доставила насъ въ нѣсколько часовъ изъ Патны въ Монгиръ.

Послѣдній городъ расположенъ на возвышенномъ мысѣ, господствующемъ надъ Гангомъ, который имѣетъ въ этомъ мѣстѣ, во время разлива до четырехъ километровъ ширины. Городъ населенъ преимущественно европейскими плантаторами, и его хорошенькіе домики, окруженные чисто содержимыми садиками, придаютъ ему очень веселый видъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи къ востоку, маленькіе, незначительной вышины холмы спускаются своими крутизнами къ самому берегу рѣки и заставляютъ дѣлать рѣку многочисленные изгибы.

Эти холмы образуютъ крайнюю точку той большой горной цѣпи Виндіасовъ, которая перерѣзываетъ Индію на двѣ части отъ запада къ востоку и которую мы прошли такимъ образомъ изъ одного конца въ другой, то есть отъ страны Баліевъ до Ганга. Въ южной части Монгира холмы дѣлаются уже гораздо значительнѣе и образуютъ жи-

ОТПЕЧАТОК

вописную цѣпь горъ Куррукпоръ, которая тянется между Бегаромъ и гористою областью Жунглей Терai.

Горы эти, коихъ самыя высокія вершины не превышаютъ четырехъ или пяти сотъ метровъ надъ поверхностью равнины, покрыты густыми лѣсами, гдѣ въ грубыхъ шалашахъ живутъ дикари кольской расы.

Кажется, горы изобилуютъ теплыми ключами. Ближайшія къ Монгиру находятся отъ него почти въ восьми километрахъ и называются Сита Кундъ; воды эти, коимъ индійцы приписываютъ чудесныя качества, по выходѣ изъ скалы, имѣютъ температуру отъ 70 до 80°, но кажется онѣ не содержатъ никакой соли въ растворѣ.

У подошвы горъ Куррукпоръ, въ южной части Монгира, растянулся Жамальпоръ, городъ новѣйшаго происхожденія, обязанный своимъ существованіемъ проведенію желѣзной дороги East-Indian. Это общество не преминуло устроить тутъ свои литейныя и плавильныя мастерскія и выстроило для многочисленнаго штата служащихъ европейцевъ и half-casts настоящій образцовый городъ съ изящными кирпичными домами, широкими улицами и чудесными скверами, обсаженными кругомъ деревьями. Высокія трубы заводовъ, длинные фасады различныхъ службъ и всѣ другіе характеристическіе признаки промышленнаго заведенія производятъ рѣзкій контрастъ съ окрестными полями, гдѣ привольно растутъ пальмы и съ начинающимися въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда горами, гдѣ тигръ и слонъ царствуютъ какъ полновластные хозяева.

Оставивъ въ Монгирѣ на непродолжительное время рельсовый путь, мы сѣли въ большую туземную лодку или dândi. Эти лодки бываютъ двухъ родовъ: у однѣхъ обшивка сдѣлана на европейскій ладъ, у другихъ же напротивъ, доски связаны веревками и тщательно законопачены. Онѣ поднимаютъ до тридцати тоннъ и ходятъ равно и подъ веслами и подъ парусами. Руль состоитъ изъ огромной машины, приводимой въ движеніе съ помощью очень длинной полосы. Лодочники принадлежатъ къ особой, спеціальной кастѣ, пополняемой жителями устьевъ Ганга; они поднимаются до Дели и Каунпора, и держатъ въ своихъ рукахъ монополію рѣчной торговли на протяженіи болѣе тысячи трехъ сотъ километровъ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли, вспомоществуемые вѣтромъ и теченіемъ, въ Султангунгъ, гдѣ намъ предложилъ гостепріимство одинъ обязательный плантаторъ индиго. Его бунгаловъ, единственная европейская постройка въ этой мѣстности, стоялъ на вершинѣ возвышенности на правомъ берегу рѣки; мѣстоположеніе было очень живописно: съ одной стороны можно было обнять отсюда взоромъ все теченіе Ганга, убѣгавшаго на востокъ и расширявшагося какъ море, съ другой же стороны открывались роскошныя зеленѣющія поля. У самаго подножія возвышенности выдвигался священный островъ Девината, любопытное нагроможденіе гранитныхъ осколковъ и остроконечій, которыя увѣнчиваетъ индусскій храмъ, посвященный Деви, любимой патронессѣ мореходовъ. По бокамъ скалы разсѣяно множество изображеній, но по грубому и первобытному характеру ихъ формъ можно догадываться объ ихъ глубокой старинѣ.

Султангунгъ, нынѣ простая земледѣльческая деревня, имѣла, вѣроятно, нѣкогда большое значеніе, такъ какъ въ послѣднее время, по близости ея, были найдены слѣды огромнаго буддійскаго монастыря. При раскопкахъ, въ серединѣ двора вигары, нашли великолѣпную бронзовую статую Будды, въ три метра вышины. Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ уцѣлѣвшихъ образчиковъ древняго индусскаго искусства.

Возвратившись въ Монгиръ, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Багульпоръ, небольшой англійскій городокъ, на правомъ берегу Ганга. Онъ занимаетъ мѣсто славной Чампы, одной изъ столицъ Магады.

Въ сорока километрахъ къ югу отъ Багульпора возвышается, въ центрѣ обширной равнины, отдѣляющей горы Куррукпоръ отъ Раджмагальскихъ горъ, одинокая скала странной формы, которую туземцы называютъ Мандаръ. М. Н*** нашъ любезный хозяинъ въ Султангунгѣ предложилъ намъ себя въ спутники для посѣщенія памятниковъ, весьма любопытныхъ по его словамъ, покрывающихъ эту гору, а также и въ надеждѣ повстрѣчаться съ тигромъ, которыхъ очень много по сосѣдству.

Раннимъ утромъ выѣхали мы изъ Багульпора верхомъ, и, умирая отъ жажды, полу-изжаренные солнцемъ, достигли въ одинадцать часовъ горы Мандаръ, у подошвы которой насъ уже ждалъ прекрасный завтракъ въ палаткѣ, отправленный наканунѣ предусмотрительнымъ М. Н*** на двухъ его слонахъ,

Давъ спасть жарѣ, мы отправились обозрѣвать скалу, голую гранитную массу, почти остроконечно поднимавшуюся на высоту двухъ сотъ метровъ. Съ первыхъ же шаговъ наткнулись мы на слѣды трудовъ человѣка, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что это, столь пустынное нынѣ мѣсто, служило, вѣроятно, когда нибудь въ древности цѣлью

благочестивыхъ путешествій. Повсюду виднѣлись обломки скульптурныхъ украшеній; на берегу небольшаго, полувысохшаго пруда валялись колонны.

Отсюда шла вверхъ высѣченная въ скалѣ лѣстница и, доходя почти до ея половины, оканчивалась у своеобразной пещеры, которую занимала исполинская голова. Эта грубо сдѣланная изъ камня голова, вышиною отъ шести до семи метровъ стояла на нѣкоторомъ возвышеніи и была украшена первобытною діадемою съ короною поверхъ этой послѣдней. Эпоха происхожденія этой фигуры положительно неизвѣстна; сами индійцы относятся къ ней безъ всякаго уваженія и считаютъ ее произведеніемъ Сонталовъ или Колей. На самой вершинѣ холма находится незначительный храмъ новѣйшей постройки.

Возвратившись въ нашу палатку, я справился въ книгѣ Гіуэнъ-Чанга, которая долгое время служила мнѣ непогрѣшимымъ руководителемъ, не говоритъ ли что нибудь добросовѣстный китайскій путешественникъ о горѣ Мандаръ и объ его колоссальномъ идолѣ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ достойный человѣкъ, находясь въ Чампѣ (современномъ Багульпорѣ), разсказываетъ что, согласно, мѣстной легендѣ, одинъ пастухъ, проникнувъ въ одну изъ сосѣднихъ лѣсныхъ пещеръ, нашелъ тамъ чудные плоды и похитилъ ихъ; собираясь выдти изъ пещеры, онъ замѣтилъ сторожившаго ея входъ генія, и, чтобы скрыть похищенное, онъ поспѣшно проглотилъ плоды одинъ за другимъ; мгновенно тѣло его раздулось и наполнило своимъ объемомъ горную впадину. «Съ теченіемъ времени, прибавляетъ Гіуэнъ-Чангъ, онъ мало по малу превратился въ камень, но сохранилъ человѣческій обликъ». Нынѣ, этотъ камень еще существуетъ Я думаю, нетрудно увидѣть, что въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ идолѣ Мандара, древность котораго можно отнести такимъ образомъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры, если не къ болѣе раннему періоду, такъ какъ уже въ седьмомъ вѣкѣ его зодчіе не были извѣстны.

Между тѣмъ какъ я занимался археологіею, нашъ спутникъ М. Н*** разговаривалъ съ туземцами, которые должны были намъ служить загонщиками. Въ виду того, что двумъ офицерамъ изъ Динапора, охотившимся недавно въ равнинѣ со стороны куррукпорскихъ горъ, посчастливилось убить двухъ тигровъ, наши загонщики совѣтовали намъ двинуться по противоположному направленію, то есть къ Раджмагальскимъ горамъ, если мы хотимъ встрѣтиться съ этими хищниками.

Мы провели по этому ночь у подошвы Мандара, и задолго еще до

Марварійскіе купцы.

разсвѣта направились къ Раджмагаламъ, протянувшимся на пятнадцать километровъ къ востоку.

Раджмагальскія горы, которыя считаются иногда отрогами Виндіасовъ, образуютъ совершенно отдѣльную, вполнѣ изолированную отъ этой цѣпи группу, принадлежащую къ совершенно опредѣленной геологической формаціи. Онѣ тянутся въ сѣверномъ направленіи по западной границѣ Бенгала, начиная отъ Бирбума до Ганга.

Въ этихъ горахъ живутъ сонталы, туземная расса, принадлежащая, какъ кажется, къ одному семейству съ гандсами, и малеры—племя еще болѣе первобытнаго типа.

Сонталы трудолюбивы и, въ противоположность другимъ туземнымъ рассамъ, занимаются земледѣліемъ. Они живутъ въ деревняхъ, состоящихъ обыкновенно изъ сотни хижинъ, весьма изящно сдѣланныхъ изъ плетенаго бамбука съ закругленною крышею и верандою! По природѣ гордые и неустрашимые, они, кажется, сильно привязаны къ своей независимости, которую неоднократно съумѣли отстаивать противъ самихъ англичанъ. Ихъ костюмы изъ самыхъ простыхъ: у мужчинъ тюрбаны на головѣ и кусокъ полотна вокругъ чресла; у женщинъ, кусокъ матеріи, обернутый вокругъ ногъ и бюста; послѣднія украшаются еще кромѣ того, безчисленными ожерельями изъ стеклянныхъ бусъ или раковинъ и тяжелыми мѣдными браслетами.

Религія санталовъ грубый натурализмъ; ихъ идолы четыреугольные деревянные обрубки, выкрашенные въ красную охру и увѣнчанные чѣмъ-то въ родѣ лингама, весьма топорной работы.

Они приносятъ въ жертву этимъ идоламъ буйволовъ, а всего чаще козъ. Священникъ или жрецъ однимъ ударомъ длиннаго ножа отсѣкаетъ у животнаго голову, затѣмъ онъ кропитъ идола и присутствующихъ кровью жертвы.

Вблизи деревень и около своихъ идоловъ сонталы воздвигаютъ легко бамбуковыя платформы, на которыя и кладутъ трофеи изъ лѣсныхъ звѣрей. Впрочемъ, они вообще очень смѣлые охотники и прогнали въ послѣднее время многочисленныя стада слоновъ, безпокоившихъ жителей и уничтожавшихъ посѣвы.

Сонталы раздѣлены на колѣна, подчиненныя избираемымъ вождямъ, по имени mândji, изъ коихъ выбирается совѣтъ старцевъ, при обсужденіи общественныхъ дѣлъ. Число всего племени опредѣляется теперь въ 85,000 душъ.

Малеры живутъ на болѣе возвышенныхъ частяхъ Раджмагальскихъ

© ГПНТБ СОРАН

горъ и много уступаютъ въ отношеніи физическихъ и моральныхъ качествъ сонталамъ, которые, будучи сами прогнаны съ равнины тибетскими и арійскими рассами, отодвинули тѣхъ, въ свою очередь въ самыя неприступныя части горъ; число ихъ равняется 35,000.

Мы расположились лагеремъ вблизи маленькой сонтальской деревеньки, и жители вскорѣ извѣстили насъ о присутствіи въ окрестностяхъ многихъ изъ тѣхъ животныхъ, которыхъ мы искали.

Какъ я уже сказалъ, апрѣль и май — самые благопріятные мѣсяцы для охоты на тигра. Палящій зной этого времени года скоро высушиваетъ лѣсныя болота, и тигръ вынужденъ оставить свои зимнія убѣжища и долженъ спуститься въ долины, чтобы утолить свою жажду около деревенскихъ водоемовъ и каналовъ. Онъ залегаетъ тогда обыкновенно въ какомъ нибудь оврагѣ, поросшемъ кустами, днемъ спитъ и выходитъ только передъ закатомъ солнца, чтобы выбрать себѣ добычу изъ стада домашнихъ животныхъ, идущихъ на водопой. Взрослый тигръ убиваетъ обыкновенно одного быка въ каждые 4 или 5 дней; онъ уноситъ его въ чащу и прячетъ недалеко отъ своего логовища, чтобы удалить гіенъ и шакаловъ, которые, впрочемъ чувствуютъ его близость и благоразумно держатся въ отдаленіи. Приблизительно можно сказать, что каждый тигръ убиваетъ ежегодно отъ 60 до 80 головъ крупнаго скота, что представляетъ наименьшую сумму въ 14 или 15 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, видно, что эти животныя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ много, причиняютъ значительные убытки.

Такъ, деревня Дарагаумъ, вблизи которой мы расположились лагеремъ, потеряла въ послѣднія двѣ недѣли 4-хъ быковъ, унесенныхъ двумя тиграми, избравшими своею резиденціею и по братски раздѣлившими между собою оврагъ въ разстояніи одного километра отъ построекъ шикари, или охотникъ въ деревнѣ по профессіи пробовалъ уже вытѣснять ихъ изъ этого оврага, но отсутствіе деревьевъ вблизи мѣшало ему поставить шалашъ, а одинъ пѣшкомъ онъ не смѣлъ пробраться въ густые кустарники, окружавшіе нуллу.

Мы отпривились съ шикари днемъ къ самому оврагу, съ цѣлію высмотрѣть подходы къ нему и сообразно съ этимъ составить планъ нападенія. Оврагъ, выходившій изъ густаго лѣса, образовалъ родъ широкой впадины съ неслишкомъ крутыми спусками. Дно было перерѣзано нѣсколькими небольшими лужами прозрачной воды, осѣненной большою чащею бамбуковъ и кустами. Тутъ-то и залегали оба тигра. Хорошо освоившись съ мѣстностью, мы увидѣли, что ни одно

дерево по близости не представляетъ удобства для постановки шалаша; съ другой стороны, проникнуть пѣшимъ сквозь эту чащу было бы безразсудною дерзостью; поэтому мы рѣшили употребить въ дѣло двухъ приведенныхъ нами слоновъ и атаковать тигровъ съ ихъ помощью поутру на другой же день.

До сихъ поръ я охотился на тигра только лишь изъ охотничьяго шалаша, или съ помощью загонщиковъ; только одинъ разъ, въ компаніи съ генераломъ Б., сидя на слонѣ преслѣдовалъ я одного изъ этихъ животныхъ въ лѣсахъ Нагоды. Такъ какъ этотъ способъ охоты на него самый трудный, то требуетъ основательнаго знакомства съ привычками страшной кошки.

«Обыкновенно представляютъ себѣ, говоритъ капитанъ Форситъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ объ охотѣ въ центральной Индіи, что достаточно лишь сѣсть на слона и отправиться въ джунгль, гдѣ намѣтили тигра, чтобы быть увѣреннымъ найти его и убить: это глубокое заблужденіе. Большое число охотниковъ, сидящихъ на слонахъ и ѣдущихъ вмѣстѣ по лѣсу, конечно, могутъ встрѣтить и убить нѣсколькихъ тигровъ, въ особенности въ томъ случаѣ, если имъ помогаетъ цѣлый полкъ туземныхъ загонщиковъ. Но нѣтъ охоты, которая требовала бы болѣе глубокаго знакомства съ привычками животнаго, болѣе осторожности и искусства, какъ преслѣдованіе тигра съ однимъ слономъ.

«Когда въѣзжаешь въ первый разъ въ джунгль, долго не можешь освободиться отъ нѣкоторой робости: до такой степени бываешь увѣренъ, что тигры будутъ встрѣчаться на каждомъ шагу, и только проѣхавъ нѣсколько дней въ безуспѣшныхъ поискахъ за ними, начинаешь отдавать себѣ отчетъ, какъ мало представляютъ эти животныя опасности въ джунгляхъ. Въ теченіе тѣхъ 10 лѣтъ, которыя я провелъ въ центральной Индіи, проходя пѣшкомъ мѣстности, наиболѣе опустошаемыя тиграми, мнѣ случилось только три раза встрѣтиться съ этими животными, тогда какъ я ихъ вовсе не искалъ. Дѣйствительно, если исключить мѣста, обитаемыя тиграми-людоѣдами, мѣста, которыя всѣ извѣстны наперечетъ, путешествіе по джунглю, не представляетъ ровно никакой непосредственной опасности.

«Много найдется охотниковъ, старающихся показать, что они пренебрегаютъ слонами при охотѣ на тигра, и много разсказываютъ о совершенныхъ ими подвигахъ, когда они мѣрялись съ нимъ лицомъ къ лицу. Надо принять общимъ правиломъ, что $^{9}/_{10}$ изъ всего числа тиг-

ровъ, якобы сраженныхъ *пѣшими* охотниками, были убиты лишь съ вершины какого нибудь шалаша, построеннаго на значительной высотѣ. При этомъ родѣ охоты часто случается, что тигръ бываетъ только раненъ и дѣйствительная опасность наступаетъ при погонѣ за нимъ въ его убѣжище, опасность, которой многіе спортсмены остерегаются подвергнуть себя. Тѣ немногіе охотники, которые ставятъ себѣ въ заслугу, что выходятъ на тигра только пѣшими, кончаютъ всегда или гибелью, или получаютъ рану, которая излечиваетъ ихъ на всегда отъ ихъ безразсудной удачи. Пѣшій человѣкъ въ густой чащѣ дѣлается беззащитнымъ противъ тигра. Ему не возможно видѣть далѣе, чѣмъ на метръ разстоянія и онъ самъ находится во власти тигра, который можетъ, по своему желанію, или совершенно отъ него укрыться, или же обойти его, не возбудивъ ничѣмъ его вниманія.

«Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что охота на тигра на слонѣ не представляетъ никакой опасности: охотникъ открытъ нападеніямъ тигра, который можетъ допрыгнуть до него, или даже опрокинуть его вмѣстѣ съ слономъ. Часто послѣдній, охваченный паническимъ страхомъ, въ ужасѣ спасается черезъ лѣсныя преграды и подвергаетъ опасности жизнь охотника. Впрочемъ, нельзя употребить слона для охоты на тигра, не давъ ему предварительной подготовки и не принудивъ его къ преодолѣнію инстинктивнаго отвращенія, внушаемаго ему видомъ и запахомъ кошекъ. Также очень трудно найти хорошаго магута, или вожака; отъ послѣдняго-то главнымъ образомъ и зависятъ всѣ качества слона. Начинаютъ обыкновенно пріучать слона къ звуку ружейныхъ выстрѣловъ, и затѣмъ уже пускаютъ его за оленями. Странная вещь: слонъ боится кабана несравненно болѣе тигра, и часто одинъ видъ этого животнаго обращаетъ его въ бѣгство».

По счастью, мы имѣли руководителя въ М. Н., который уже нѣсколько разъ охотился на слонѣ за тигромъ и былъ такимъ же доблестнымъ спортсменомъ, какъ и тотъ офицеръ, котораго интересныя замѣчанія я только что привелъ. Приведенныя имъ два слона были испытаны въ неоднократныхъ столкновеніяхъ съ тиграми, и мы могли вполнѣ разсчитывать на ихъ мужество и хладнокровіе.

Ночные тигры подходили нѣсколько разъ къ нашему лагерю и оглашали окрестности своимъ свирѣпымъ рычаніемъ.

Едва занялась заря, мы вышли изъ палатки и медленно направились къ оврагу.

Насъ сопровождали охотники и два загонщика; М. Н. сидѣлъ на одномъ слонѣ, я — на другомъ; каждаго изъ этихъ животныхъ велъ магутъ, привычный къ этой охотѣ.

Мы выѣхали нарочно рано, въ надеждѣ встрѣтить одного изъ двухъ животныхъ внѣ предѣловъ ихъ берлоги; но хотя на пескѣ нуллы, проходящей возлѣ деревни, по ложу которой мы шли, было множество свѣжихъ слѣдовъ, тигры однако уже возвратились къ себѣ.

Итакъ мы тихо продолжали нашъ путь къ оврагу; было рѣшено, что съ одного краю останусь я съ загонщикомъ, между тѣмъ какъ М. Н. обогнетъ нуллу и, спустившись на противуположномъ концѣ, выгонитъ тигровъ.

Едва достигъ я спуска лѣса, шедшаго вдоль оврага, какъ вдругъ увидѣлъ въ разстояніи сотни шаговъ предо мною одного изъ тигровъ, приближавшагося тихимъ, мѣрнымъ шагомъ; одно мгновеніе я пробылъ въ нѣмомъ созерцаніи этого прекраснаго животнаго, не обнаруживавшаго ни малѣйшаго безпокойства и казавшагося усталымъ и пресыщеннымъ отъ своихъ ночныхъ похожденій. Въ ту минуту, какъ я, зарядивъ ружье, хотѣлъ приложиться, звѣрь изчезъ за кустарникомъ. Нѣсколько минутъ спустя, М. Н. показался на противуположной отлогости, и тигръ, замѣтивъ его, вышелъ изъ кустарниковъ и, стелясь по землѣ, низко пригнувъ хвостъ, поползъ прямо на меня. Я былъ отъ него не болѣе какъ въ 60 метрахъ; прицѣлившись, я всадилъ ему пулю прямо въ бокъ, въ то время какъ онъ, не замѣчая меня, повернулъ голову, чтобы слѣдить за движеніями моего товарища. Испустивъ страшное рычаніе, онъ сдѣлалъ скачекъ въ пространствѣ и вошелъ опять въ чащу.

Мой магутъ все подгонялъ слона впередъ и вскорѣ мы очутились въ руслѣ нуллы; тогда мы увидѣли въ разстояніи 200 метровъ отъ насъ тигра, убѣгающаго по направленію къ лѣсу. М. Н., слѣдовавшій за его движеніями, устремился впередъ и остановилъ его выстрѣломъ. Тигръ, снова раненый, видя себя окруженнымъ, прямо пошелъ на моего товарища; его слонъ, испуганный этимъ маневромъ, повернулъ назадъ и пустился бѣжать, но страшный звѣрь вскорѣ настигъ его и однимъ прыжкомъ повисъ на его крестцѣ. У меня по тѣлу пробѣжала дрожь; я счелъ моего пріятеля погибшимъ. Насъ раздѣляло только всего нѣсколько метровъ, и мой магутъ подзадоривалъ крикомъ слона, когда М. Н., выстрѣливъ въ упоръ тигру въ голову, свалилъ его на землю. Это былъ дѣйствительно бѣшенный звѣрь, такъ какъ, поднявшись еще разъ, онъ бросился и на моего слона, явившагося на сцену

ОТПЕЧАТОРАГ

битвы, но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ прицѣпиться къ ногѣ моего слона, я ему раздробилъ спину и онъ упалъ бездыханный. Чтобы лучше удостовѣриться въ его смерти, каждый изъ насъ всадилъ въ него еще по пулѣ.

Я слѣзъ съ моего слона очень взволнованный и направился пожать руку моего друга и поздравить его съ выказаннымъ имъ хладнокровіемъ при первомъ скачкѣ тигра. Затѣмъ мы стали разсматривать нашу жертву. Это былъ прекрасный королевскій тигръ въ полномъ цвѣтѣ силъ; его оранжевая шкура была испещрена великолѣпными черными и бѣлыми полосами; мѣра его отъ морды до оконечности хвоста была немного болѣе трехъ метровъ, что составляетъ среднюю длину для взрослаго тигра.

Радость нашихъ слоновъ выражалась еще шумнѣе радости охотниковъ; эти огромныя животныя приходили обнюхивать трупъ своего убитаго врага, переворачивали его хоботомъ и затѣмъ испускали веселое мычаніе.

Другой тигръ благородно скрылся изъ оврага во время сумятицы, но на другой день М. Н. и Шаумбургъ встрѣтили его въ небольшомъ разстояніи отъ деревни.

Спустя нѣсколько дней намъ на долю выпало рѣдкое счастье убить пару медвѣдей въ прилегающемъ къ нашему лагерю лѣсу. Раджмагальскій медвѣдь гораздо меньше кашмирскаго; шерсть его длинная, черная, лапы очень широки и вооружены чрезвычайной длины когтями. Однако это очень безвредное животное и даже полезное, такъ какъ онъ питается главнымъ образомъ крысами, насѣкомыми, а иногда кореньями. Санталы называютъ его bajra balou или неуязвимымъ медвѣдемъ, такъ какъ его очень трудно убить и онъ остается на мѣстѣ не прежде, какъ послѣ многихъ нанесенныхъ ему ранъ.

26 мая мы возвратились въ Багульпоръ, застрѣливъ въ теченіе нашей экскурсіи, кромѣ двухъ тигровъ и двухъ медвѣдей, еще прекраснаго оленя нѣсколькихъ антилопъ, кабановъ и множество птицъ. Тутъ мы распростились съ М. Н., который доставилъ намъ удовольствіе послѣдней охотничьей экскурсіи въ *Индіи*.

LXV.

Бенгалія.

Ночь въ вагонѣ. — Двѣ тысячи восемъ сотъ девяносто семь километровъ въ семь съ половиною дней.—Бенгалъ.—Раджмагалъ.—Развалины Гаура.—Мурчедабадъ.—Бенгальцы.—Навабъ Ниццамъ.—Равнины дельты.—Колыбель холеры.—Кокосовыя деревья.—Бурдванъ.—Магараджа.

Мы взяли въ Багульпорѣ билеты до Азимганга, станціи, сообщающейся съ Мурчедабадомъ. Поѣздъ отходилъ въ два часа утра и поэтому мы попали въ одинъ изъ тѣхъ комфортабельныхъ спальныхъ вагоновъ, которые введены недавно на всѣхъ линіяхъ Общества East Indian Bailway. Эти вагоны состоятъ всего изъ двухъ, но очень просторныхъ отдѣленій. Въ каждомъ находится по скамейкѣ съ подвижнымъ сидѣньемъ, которое, приподнимаясь и прикрѣпляясь ремнями, образуетъ родъ кушетки, на подобіе тѣхъ, которые украшаютъ каюты кораблей. На противоположномъ концѣ отдѣленія находятся двѣ двери: одна ведетъ въ уборную, другая въ отхожее мѣсто. Такимъ образомъ, за нѣсколько увеличенную противъ обыкновенныхъ мѣстъ плату, можно путешествовать со всѣмъ комфортомъ, столь необходимомъ въ этой странѣ.

Впрочемъ, мнѣ уже было извѣстно это изобрѣтеніе со времени моего послѣдняго путешествія по линіи восточной дороги, о которомъ я умолчалъ, чтобы не прерывать теченія моего разсказа. Во время моего перваго пребыванія въ Агрѣ въ 1866 году, я написалъ въ Калькутту, чтобы мнѣ выслали изъ этого города химическіе продукты и стекла, которые мнѣ были необходимы для фотографіи. Такъ какъ мое письмо не дошло по назначенію, то я напрасно прождалъ нѣсколько дней; не

© ПНТБ СО РАН

получая ничего, я рѣшился ѣхать самъ въ Калькутту за предметами, безъ которыхъ я видѣлъ себя въ невозможности продолжать свое путешествіе. Выѣхавъ изъ Агры въ 6 часовъ утра, я прибылъ въ Калькутту три дня спустя, ночью. Послѣ 24-хъ-часоваго пребыванія въ этомъ городѣ, я возвратился въ Агру, сдѣлавъ такимъ образомъ въ 7 дней 2897 километровъ. Благодаря спальнымъ вагонамъ, я могъ проѣхать это огромное пространство безъ особенной устали, такъ какъ ночью спалъ на удобной кушеткѣ, а днемъ прогуливался взадъ и впередъ по моему отдѣленію. На станціяхъ, предшествовавшихъ тѣмъ, гдѣ устроены буфеты, къ путешественникамъ являлся слуга спросить о томъ, что они намѣрены заказать для обѣда, о чемъ и телеграфировалось на слѣдующую станцію, по пріѣздѣ куда вы уже находили завтракъ или обѣдъ совсѣмъ готовыми.

Англо-индійскія желѣзныя общества дѣлаютъ похвальныя усилія, чтобы сдѣлать возможными длинные переѣзды по желѣзной дорогѣ даже въ теченіе лѣтняго времени. Такъ, теперь путешественниковъ, которые отправляются изъ Бомбея въ Калькутту на поѣздахъ большой скорости, сажаютъ въ вагоны, обитые снаружи рогожами изъ индійскаго нарда, и внутри которыхъ нарочно устроенные резервуары постоянно поддерживаютъ влажность. Эта влажность, проникая въ вагонъ, доводитъ температуру до того градуса свѣжести, который дѣлаетъ невозможными случаи апоплексическихъ солнечныхъ ударовъ, столь частыхъ въ прежнее время при этихъ поѣздахъ.

Но возвратимся къ нашему путешествію изъ Багульпора въ Мурчедабадъ. Славно выспавшись на моей кушеткѣ, я увидалъ по пробужденіи, что солнце уже ярко озаряло прекрасныя зеленѣющія равнины, которыя тянулись вдоль живописной небольшой цѣпи холмовъ, выступавшихъ пирамидальными остроконечіями. Мы вступили въ собственно Бенгалію, и эти холмы составляли крайнюю точку Раджмагальскаго хребта. Съ этихъ поръ линія, которая, начиная отъ Агры, постоянно шла въ восточномъ направленіи, слѣдуя по теченію Джумны и Ганга, круто поворачивала и устремлялась къ югу параллельно Гугли самому западному рукаву обширной рѣчной сѣти нижняго Ганга.

Вскорѣ мы достигли станціи Тинъ-Пагаръ (три горы), названной такъ по причинѣ ея сосѣдства съ тремя любопытными вулканическими кратерами, изъ коихъ одинъ, какъ увѣряютъ, показываетъ отъ времени до времени признаки жизни.

Въ небольшомъ разстояніи отсюда, на востокѣ, находится Раджмагалъ,

древняя столица западнаго Бенгала, которая располагалась въ продолженіе вѣковъ на берегахъ Ганга, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вдругъ увидѣла себя покинутою имъ, такъ какъ рѣка перенесла свое ложе на нѣсколько километровъ далѣе. Бѣдный городъ, лишенный рѣки, которой онъ былъ обязанъ своимъ торговымъ значеніемъ, даже всѣмъ своимъ существованіемъ, былъ совершенно разоренъ этою катастрофою; и если не удастся возвратить ему воду, онъ будетъ вскорѣ покинутъ всѣми жителями.

Эти катастрофы во всѣ времена были очень часты въ нижнемъ Бенгалѣ. Гангъ господствуетъ какъ полновластный хозяинъ на этой почвѣ, которую онъ самъ же и образовалъ изъ грязи и тины оторванныхъ имъ съ гималайскихъ склоновъ и съ индустанскихъ равнинъ: то онъ выходитъ изъ береговъ, разливается по окрестностямъ, разоряетъ города, опустошаетъ посѣвы; потомъ, давъ почувствовать свою силу своимъ несчастнымъ подданнымъ, онъ совершенно оставляетъ свое прежнее теченіе и пролагаетъ себѣ по этой иловатой почвѣ новые пути къ морю. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одного уголка въ Бенгалѣ, который бы не составлялъ ложа какого нибудь изъ рукавовъ Ганга; часто, взрывая землю посреди рисоваго поля въ разстояніи нѣсколькихъ льё отъ рѣки, обнаруживаютъ остовы лодокъ и даже кораблей, потонувшихъ въ глубокихъ водахъ, покрывавшихъ нѣкогда теперешнее поле.

Одному изъ подобныхъ капризовъ Ганга славный Гауръ, великолѣпная столица Бенгаліи, обязанъ своимъ переходомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ самаго цвѣтущаго состоянія къ полнѣйшему разоренію. Рѣка, опустошивъ его, оставила его навсегда, отодвинувшись отъ него на нѣсколько льё далѣе. Теперь съ удивленіемъ взираешь на длинныя линіи набережныхъ, возвышающіяся своими лѣстницами съ безчисленными ступенями по срединѣ равнины, поросшей деревьями и кустарниками. Та же роковая судьба ждетъ не сегодня-завтра гордую Калькутту.

Въ 10 часовъ мы остановились на станціи Нуль-Гатти, откуда идетъ короткая вѣтвь къ Мурчедабаду.

Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Бенгалѣ, разстилается на протяженіи нѣсколькихъ километровъ по обоимъ берегамъ Ганга, называемаго здѣсь Багарати. Представьте себѣ нагроможденіе самыхъ отвратительныхъ по виду хижинъ, стѣны которыхъ представляютъ простыя рогожи, надѣтыя на колья, а крыши сдѣланы изъ пальмовой соломы, на-половину пробитыя дождемъ; грязныя, немощеныя улицы, поросшія травою, по которымъ свободно разливается неимѣю-

ОТПЕЧАТОРАТ

щая стока вода, такъ что нельзя сдѣлать шагу не поскользнувшись, въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, возвышающіеся поверхъ хижинъ, высокіе кирпичные дома съ террасами; затѣмъ городскіе памятники, тяжелыя сооруженія страннаго стиля, и величественные ряды колоннъ, окаймляющіе окна въ мавританскомъ стилѣ, черный однообразный цвѣтъ которыхъ, происходящій отъ сырости, напоминаетъ архитектурныя перспективы лондонскаго Pall-Mall. Представивъ себѣ все это, вы получите точное понятіе о Мурчедабадѣ и въ то же время о всѣхъ другихъ городахъ англійскаго Бенгала. Какъ далеко этимъ послѣднимъ до городовъ Раджастана и даже Индустана съ ихъ прекрасными базарами, изящными жилищами и великолѣпными дворцами! Представьте же теперь, что есть люди, которые позволяютъ себѣ судить о цѣлой Индіи по этимъ жалкимъ образчикамъ бенгальскихъ городовъ, такъ какъ они не видѣли ничего, кромѣ Калькутты и нѣкоторыхъ мѣстностей Бенгала.

А жители? Контрастъ здѣсь, можетъ быть, еще болѣе поразителенъ, Я не знаю, какое впечатлѣніе производитъ первый видъ бенгальца на путешественника, прибывающаго изъ Европы; но для меня, прибывшаго изъ внутренней Индіи, эти люди, съ ихъ бѣлыми тогами, безбородыми лицами, непокрытыми головами и прическою à la Titus, казавшіеся какими-то римлянами временъ упадка, представляли зрѣлище весьма поразительное. Какъ сравнить этихъ бенгальцевъ съ ихъ сухопарыми, вялыми членами, съ ихъ подлымъ, вѣроломнымъ и жестокимъ характеромъ, съ прекрасными, здоровыми сейками, съ честными, прямыми раджпутами или мужественными индустанцами. Бенгалецъ ничего не имѣетъ въ себѣ арійскаго, кромѣ языка, да еще тонкихъ чертъ лица; но во всемъ остальномъ—это желтый, членъ столь же близкій китайскому семейству какъ и бирманцы. Китай начинается за Раджмагаломъ.

По пріѣздѣ въ Мурчедабадъ я въ особенности желалъ увидѣть наваба Низама, послѣдняго представителя тѣхъ знаменитыхъ бенгальскихъ навабовъ, у которыхъ англичане успѣли, съ помощью тысячи интригъ, которымъ сама ихъ исторія даетъ теперь названіе «безсовѣстныхъ плутней», вырвать изъ рукъ эту богатою страну взамѣнъ пустаго титула и пенсіи въ 4 милліона. По этому я отправился во дворецъ и послалъ принцу наши карточки, сдѣлавъ на нихъ краткую замѣтку, чтобы поставить его въ извѣстность—кто мы такіе; но всемогущественный навабъ, истолковавъ, безъ сомнѣнія, въ другомъ смыслѣ наши намѣренія, велѣлъ мнѣ отвѣчать, что онъ можетъ удостоивать пріема лишь оффиціальныхъ лицъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ его выходящимъ изъ дворца, завернутымъ въ нѣчто, похожее на вышитый халатъ и съ бархатнымъ токомъ бабу на головѣ.

Тутъ я увидѣлъ, что подойти къ этимъ псевдо-государямъ несравненно труднѣе, чемъ къ гвиковарамъ и сциндіямъ, правящимъ 39 милл. людей, или къ королямъ Удейпура или Джейпура, представителямъ самыхъ древнихъ родовъ въ мірѣ.

Мнѣ, впрочемъ, было суждено увидѣть мурчедабадскаго наваба два года спустя, и гдѣ же? въ самомъ Парижѣ. Гордый бенгалецъ принималъ тогда въ Grand-Hôtel съ большою помпою многочисленныхъ, стекавшихся къ нему посѣтителей, и, внѣ себя отъ восторга, что его титулъ наваба былъ принятъ парижанами, равно какъ и самимъ правительствомъ серьезно, онъ счелъ необходимымъ, чтобы еще прибавить нѣчто къ своему величію, оставить свой обыкновенный костюмъ бабу и переодѣться раджпутомъ. Бабу въ раджпутскомъ костюмѣ! Надо пожить въ Индіи, чтобы понять всю чудовищность этого факта.

До пріѣзда въ Калькутту мнѣ оставалось еще попробовать посѣтить магараджу Бурдвана, одного изъ тѣхъ англійскихъ раджей, видѣть которыхъ мнѣ мѣшалъ до сихъ поръ или случай, или другое препятствіе. Поэтому мы отправились по бурдванской желѣзной дорогѣ. По возвращеніи на станцію Нуль-Гатти, мы направились снова къ югу. Здѣсь начались обширныя, однообразныя равнины, покрытыя одноцвѣтнымъ изумруднымъ ковромъ, усѣянныя тамъ и сямъ густыми купами деревъ и вѣерными пальмами. Манговое дерево Pipal, Nim, эти деревья съ огромными стволами, съ темною и густою листвою, характеризующія внутреннія равнины, почти совершенно исчезли.

Деревни представляли нагроможденія безобразныхъ хижинъ изъ пальмовыхъ листьевъ, изъ глины съ соломою, запрятанныя со всѣхъ сторонъ въ пышную окружавшую ихъ растительность, помѣщаясь на-половину въ болотахъ. Солнце, падая своими лучами на стоячую воду рисовыхъ полей, извлекало оттуда цѣлые столбы пара, образовывавшаго родъ синеватаго покрова, висѣвшаго надъ почвою и смутно обрисовывавшаго древесныя формы. Вода повсюду; лопата работника, взрывающаго слегка землю, обнаруживаетъ цѣлыя лужи и болота.

Такимъ образомъ почва этой обширной дельты представляетъ слой ила, едва прикрывающаго своимъ высохшимъ пластомъ огромную рѣку. Дѣйствительно, $^2/_3$ Бенгала нельзя назвать ни землею, ни водою, но это скорѣе просто какое-то жидкое мѣсиво, которому только тропическое солнце можетъ еще придавать нѣкоторую плотность. Во всякомъ другомъ кли-

матѣ Бенгалъ былъ бы непроходимымъ болотомъ. Изъ этой-то непрестанной борьбы между солнцемъ и водою рождаются тѣ міазмы, которые отъ гніенія богатой и необыкновенно сочной растительности, становятся ядовитыми. Этотъ ядъ есть ужасная азіатская холера, которая, зародившись на этихъ зеленѣющихъ равнинахъ, была занесена набожными индусами къ западнымъ святилищамъ, потомъ, при помощи мусульманскихъ богомольцевъ, добралась до Мекки, и затѣмъ отсюда проникла и въ нашу Европу. Холера упорно царитъ въ деревняхъ, потонувшихъ въ рисовыхъ поляхъ, опутанныхъ ліанами и запрятанныхъ подъ темные своды пальмъ, гдѣ пребываніе, какъ бы оно ни было кратковременно, для европейца всегда было гибельно.

Рисъ—богатство этихъ странъ; онъ почти ихъ единственный продуктъ; его длинному зеленому стеблю нравится въ этой разжиженной почвѣ, а зерна его становятся огромными отъ выдѣляющихся испареній. Каждое поле лежитъ между небольшими плотинами, въ нѣсколько футовъ вышиною, назначенными сдерживать воды и правильныя очертанія которыхъ дѣлаютъ изъ равнины одну исполинскую шашешницу.

При приближеніи къ Бурдвану разстилаются большія группы пальмъ, съ величественными стволами и длинными листьями, раскинувшимися въ видѣ купола: мы съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ; да вѣдь это кокосовыя пальмы? Да, дѣйствительно кокосовыя! Первыя, которыя мы увидѣли, съ тѣхъ поръ какъ оставили берега Камбейскаго залива. Я безъ устали любовался ихъ пышными султанами, качавшимися на вершинахъ гибкихъ стволовъ и имѣвшихъ видъ исполинскихъ ракетъ, которыя лопаются, оставляя позади себя длинный черный слѣдъ. Прожить 6 лѣтъ и приходить въ восторгъ передъ кокосовою пальмою это можетъ показаться читателю очень страннымъ. Онъ можетъ быть также будетъ удивленъ, когда я ему скажу, что кокосовая пальма распространена въ Индіи по прибрежью, что она ростетъ только въ близи моря, въ той узкой полосѣ, которую оживляетъ морской воздухъ, и что внѣ этой полосы, внутри обширнаго материка, она положительно неизвѣстна, считается рѣдкостью и поддается лишь съ большимъ трудомъ и съ большими издержками культурѣ въ дворцовыхъ садахъ. Отъ самой Бароды я едва встрѣтилъ какой нибудь десятокъ кокосовыхъ пальмъ, а большинство странъ Раджастана и Индустана не представляютъ путешественнику никакихъ другихъ видовъ пальмъ, кромѣ тощей финиковой, нисколько не толще и не производительнѣе той, которая растетъ по берегаъм Прованса.

Гостинница, въ которой мы остановились по пріѣздѣ въ Бурдванъ, находилась возлѣ самой станціи, и я тотчасъ же написалъ нѣсколько словъ магараджѣ, прося его удостоить насъ свиданіемъ.

Бурдванъ, одинъ изъ главныхъ городовъ западнаго Бенгала въ одно и то же время центральный пунктъ англійскаго округа и столица вассальнаго княжества. Округъ находится въ политической зависимости отъ англійской власти, но составляетъ положительную собственность индійскаго принца, магараджи, который управляетъ имъ по своей прихоти и платитъ правительству поземельный налогъ, какъ и всякій другой британскій подданный Этотъ же годовой налогъ, представляющій 40 % на сто съ чистаго дохода, доходитъ до 10 милліоновъ франковъ, цифры, которая даетъ понятіе о страшномъ богатствѣ этаго округа. Въ Индіи нѣтъ другаго болѣе богатаго и населеннаго округа; густота его населенія выше чѣмъ въ самыхъ населенныхъ частяхъ Китая. Думаютъ, что если бы цѣлая Индія была населена въ той же пропорціи, какъ Зилла Бурдвана, то она бы заключала 800 милл. жителей, вмѣсто 200 милліоновъ. Счастливый обладатель этой великолѣпной страны, настоящаго королевства въ 116 километровъ длины и 72 километра ширины, конечно, счастливѣйшій государь въ мірѣ; у него нѣтъ ни войска, ни администриціи; ему нечего опасаться революціи или войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ всѣми преимуществами королевской власти и громкими титулами; его чествуютъ и салютуютъ пушечными выстрѣлами.

Этотъ могущественный владѣтель болѣе общительный чѣмъ его товарищъ въ Мурчедабадѣ, прислалъ намъ въ отвѣтъ на мое письмо своего секретаря европейца и карету, которая должна была доставить насъ къ нему.

Бурдванъ не похожъ на большой могущественный городъ и напоминаетъ скорѣе лагерь землекоповъ, расположившихся посреди лѣса. Хижины еще первобытнѣе по виду, чѣмъ въ Мурчедабадѣ, отдѣляются одна отъ другой густыми чащами кокосовыхъ орѣховыхъ пальмъ, опутанныхъ причудливыми узорами ліанъ и растущихъ посреди лужъ стоячей воды, по которой стелится своими широкими листьями и перламутровыми чашечками лотусъ священный цвѣтокъ водъ. Улицы—широкія прекрасно содержимыя аллеи, подъ которыми деревья образуютъ тѣнистый сводъ. Жители самаго чистаго бенгальскаго типа ходятъ почти голыми, съ чреслами, перепоясанными узкимъ лоскутомъ матеріи, къ которому

богатые присоединяютъ еще тунику изъ прозрачнаго газа. Сами женщины носятъ лишь узкій, бѣлый сарри, едва прикрывающій грудь.

Дворецъ Раджи—обширная постройка въ англо-индійскимъ стилѣ, находится въ центрѣ прекраснаго сада, пересѣкаемаго великолѣпными прудами. Насъ принялъ на ступеняхъ большаго крыльца kamdar принца, и, проведя насъ по обширнымъ, увѣшаннымъ картинами заламъ, украшеннымъ статуями, меблированнымъ съ чисто европейскою роскошью, ввелъ насъ затѣмъ въ великолѣпную пріемную, которая ни въ чемъ не уступала комнатамъ нашихъ пышныхъ дворцовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прибытія, вошелъ магараджа, пожалъ наши руки и привѣтствовалъ насъ на отличномъ англійскомъ языкѣ; это человѣкъ лѣтъ сорока; его нѣсколько грубыя черты лица симпатичны и выражали умъ. Онъ былъ въ костюмѣ, присвоенномъ реформаторами школы Young-India (молодая Индія) т. е. въ вышитой золотомъ курткѣ европейскаго фасона, въ панталонахъ и высокомъ бархатномъ токѣ греческой формы. Я буду скоро имѣть случай говорить объ этой школѣ «молодой Индіи», которой магараджа считается однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ; мнѣ достаточно будетъ сказать, что въ настоящее время эти реформаторы лелѣютъ мысль дать индійскому народу гражданскія и религіозныя учрежденія, которыя, сохраняя въ цѣлости національныя традиціи, ближе подходили бы къ прогрессу современной цивилизаціи.

Послѣ долгаго, интереснаго разговора, магараджа просилъ насъ оставить гостинницу и принять на нѣсколько дней гостепріимство въ помѣщеніи, которое онъ нарочно велѣлъ выстроить для европейскихъ путешественниковъ посреди своего парка.

Паркъ бурдванскаго дворца разбитъ по европейскимъ образцамъ и имѣетъ чрезвычайно красивый видъ. Группы растеній, удачно расположенныя, представляютъ очаровательную смѣсь тропическихъ деревьевъ и деревьевъ умѣренныхъ поясовъ; вездѣ струятся источники; озера покрыты тысячами птицъ, между тѣмъ какъ по дернамъ прыгаютъ олени и дикія козы; наконецъ многочисленные кіоски и легкіе чатри даютъ возможность любоваться этимъ зрѣлищемъ со всѣми удобствами.

Въ одномъ углу сада находится паркъ слоновъ, заключающій до 30 этихъ животныхъ и великолѣпный звѣринецъ, гдѣ собраны обитатели индійскихъ лѣсовъ, какъ-то: обезьяны, тигры, медвѣди, буйволы и проч.

На другой день нашего пріѣзда магараджа сдѣлалъ намъ визитъ и мы отправились съ нимъ въ каретѣ, чтобъ посѣтить любопытную группу,

состоящую изъ 108 храмовъ, посвященныхъ Сивѣ и возвышающихся въ двухъ километрахъ отъ города, на берегу одного прелестнаго пруда. Эти храмы замѣчательны лишь по своей численности, но сами по себѣ они незначительны и выстроены изъ кирпича.

Пробывъ въ Бурдванѣ нѣсколько дней, мы отправились далѣе по желѣзной дорогѣ. Только 90 километровъ отдѣляютъ насъ теперь отъ Калькутты; но такъ какъ мы вовсе не торопимся прибыть въ этотъ городъ, гдѣ оканчивается наше долгое путешествіе, то мы останавливаемся опять въ деревнѣ Пундуа, находящейся недалеко отъ Бурдвана и заключающей въ себѣ много памятниковъ.

Пундуа былъ въ 1339 году столицею браминскихъ королей Бенгаліи. Въ эту эпоху мусульманскій посланникъ, присланный въ этомъ году делійскимъ императоромъ Ферозомъ-Тогакъ, желая отпраздновать рожденіе своего сына, пригласилъ своихъ друзей на пиръ, на которомъ угощалъ ихъ мясомъ быка, убитаго, по его приказанію, потихоньку. Чтобъ не скорблять предразсудковъ браминовъ, онъ велѣлъ зарыть кости животнаго; но, къ несчастью, шакалы отрыли ихъ, и народъ, увидѣвъ этотъ остовъ, такъ ожесточился, что потребовалъ отъ короля жизни убійцы быка; когда же государь отказалъ имъ въ этомъ, то фанатики напали на жилище посланника, который успѣлъ однакоже спастись бѣгствомъ; но несчастный ребенокъ, невольная причина этого дѣла, былъ взятъ и принесенъ въ жертву для искупленія преступленія. На слѣдующій годъ армія Тоглака была выслана противъ пундуарскаго короля, который былъ разбитъ въ одномъ сраженіи, подъ стѣнами своей столицы. Самый городъ былъ осажденъ мусульманами, которые взяли его однакожъ лишь послѣ долгой осады. По традиціи крѣпость заключала въ себѣ прудъ, съ чудодѣйственною водою, возвращавшею къ жизни солдатъ, убитыхъ въ сраженіи; но мусульмане, успѣвъ бросить туда четверть бычачьей говядины, осквернили священную воду, и индусы должны были сдаться.

Побѣдители, желая отпраздновать пундуарское сраженіе, отдавшее въ ихъ руки великолѣпную бенгальскую имперію, воздвигли по срединѣ долины памятникъ побѣды, въ видѣ высокой башни, которая видѣнется еще и теперь со станціи желѣзной дороги, находящейся отъ нея недалеко. Это кирпичное зданіе, достигающее 40 метровъ въ вышину; внутри ея заключается желѣзная полоса въ вышину башни, называемая Шахъ-Суфи-Ка-ла, или пика-Шахъ-Суфи, мусульманскаго генерала, одержавшаго побѣду. У подножія башни расположена превосходная ме-

четь, имѣющая очень строгій и мрачный видъ и снабженная 200-ми деревянными куполами, производящими удивительный акустическій эфектъ.

Слѣдующій поѣздъ отвезъ насъ на станцію Мугри, возлѣ которой находится гатъ Тривени, одно изъ самыхъ священныхъ мѣстъ Бенгаліи.

Этотъ Тривени, или пунктъ сліянія трехъ рѣкъ, точно такой-же какъ и Тривени Алабагада, уже извѣстный моимъ читателямъ; только здѣсь, вмѣсто того, чтобы обозначать пунктъ, гдѣ воды Ганга, Джумны и мистической Сарасвати сливаются вмѣстѣ, онъ обозначаетъ мѣсто, гдѣ эти три рѣки раздѣляются и текутъ, каждая отдѣльно, въ море; дѣйствительно, Гугли, или западный рукавъ Ганга, выпускаетъ здѣсь изъ себя вправо и влѣво два маленькіе канала, которые теряются въ запутанной сѣти дельты. Гатъ—это прекрасная огромная лѣстница, господствующая надъ самою живописною частью теченья Гугли: пилигриммы приходятъ туда издалеко либо для того, чтобы сожигать тамъ тѣла своихъ покойниковъ, либо для того, чтобы очищаться въ трижды священныхъ водахъ. Недалеко оттуда виднѣются развалины храма, весьма древняго, судя по первобытной формѣ его дверей и оригинальности его орнаментовъ. Въ сосѣдней долинѣ, въ началѣ настоящей эры, находился большой цвѣтущій городъ, знаменитый Саптаграма (городъ семи мудрецовъ), коммерческій портъ, который часто посѣщался римлянами, но деревня Садганъ, замѣнившая его, представляетъ незначительное мѣстечко.

Мы отправились далѣе по желѣзной дорогѣ и черезъ часъ остановились опять, но въ этотъ разъ уже на французской территоріи, въ Чандарнагорѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ станціи, я увидѣлъ съ волненіемъ трехцвѣтное знамя, гордо развѣвавшееся надъ деревьями; вскорѣ мы очутились посреди нашихъ соотечественниковъ и друзей, и услышали въ первый разъ послѣ четырехъ лѣтъ французскую рѣчь, исходящую изъ устъ французовъ.

Однакожъ, послѣ первыхъ минутъ пріятнаго волненія, которое всегда испытываешь, вступая послѣ долгаго отсутствія изъ отчизны на почву, на которой водружено знамя этой отчизны, сердце невольно сжимается при видѣ всего окружающаго васъ въ этой территоріи.

Не грустно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что наше владычество въ сѣверной Индіи ограничивается этимъ клочкомъ земли въ нѣсколько километровъ и этою агломераціею низкихъ и грязныхъ домиковъ, затапливаемыхъ водою и покрываемыхъ растительностью. Улицы пустыя и скучныя, базары безъ торговли, портъ безъ кораблей: вотъ что представляетъ нынѣ Чандарнагоръ, который затмѣвалъ въ 1740 году Калькутту и повелѣвалъ Бенгаліею. Къ чему Франціи упрямиться сохранять этотъ незначительный клочекъ земли? Не для того ли, чтобъ напоминать намъ, чѣмъ-бы мы могли быть въ Индіи и что мы есть? Въ военномъ отношеніи это мѣсто также не имѣетъ для насъ значенія, такъ какъ по договору мы не имѣемъ права содержать тамъ болѣе 15-ти человѣкъ солдатъ. Не лучше-ли было-бы изгладить всѣ эти грустныя воспоминанія и взять наше знамя изъ того мѣста, гдѣ оно унижено и оскорблено, если только не считать дань 300-тъ ящиковъ опіума, представляющихъ собою сумму отъ 200 до 300 тысячъ франковъ, которую намъ платитъ Англія съ условіемъ, чтобъ мы не подрывали ея монополіи, достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ эти униженія и оскорбленія.

Чандарнагоръ представляетъ великолѣпное живописное зрѣлище; онъ расположенъ на правомъ берегу Гугли; климатъ въ немъ сравнительно здоровый, и если Франція рѣшилась сохранять это владѣніе, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, воспользоваться этими природными выгодами. Для этого представлялся неожиданный случай, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда проводили желѣзную дорогу къ Дели и предлагали проложить ее чрезъ Чандарнагоръ. Въ Калькуттѣ образовалась компанія, чтобы сдѣлать изъ нашей колоніи родъ Сен-Клу индѣйской столицы; предполагалось тамъ выстроить виллы, театръ, увеселительныя мѣста, однимъ словомъ—привлечь туда европейцевъ, привлечь жизнь и движеніе, и, въ награду за это, компанія требовала отъ французскаго правительства уступки земли, необходимой для учрежденія дороги и станціи. Проектъ былъ посланъ въ Парижъ на разсмотрѣніе высшей власти и возвратился оттуда послѣ долгаго времени; правительство соглашалось на концесію земли, но съ условіемъ, чтобы всѣ служащіе на станціи и на части дороги, расположенной во французской территоріи, были французской національности. Что-же случилось? Англійская компанія отказалась отъ своего проекта и провела линію за предѣлами нашей территоріи, такъ что станція, вмѣсто того, чтобы находиться въ городѣ, удалена отъ него на три километра.

Нѣсколько человѣкъ офицеровъ, составляющихъ правительство колоніи, приняли насъ очень любезно, и мы провели съ ними нѣсколько дней, о которыхъ я сохранилъ наилучшія воспоминанія. Въ обществѣ доктора М... мы сдѣлали нѣсколько интересныхъ экскурсій въ окрест-

ОТПЕЧАТОРАН

ности: въ Гугли, гдѣ находится весьма замѣчательная мечеть совершенно своеобразнаго стиля; въ Бандель, гдѣ расположенъ самый древній христіанскій храмъ Бенгаліи, католическая церковь, основанная въ 1599 году, и въ Чинзурахъ, бывшую голландскую колонію. Послѣ этихъ экскурсій, обѣщавъ скоро возвратиться въ Чандарнагоръ, мы сѣли опять въ вагонъ и черезъ нѣсколько часовъ были въ Калькуттѣ..

LXVI.

Калькутта.

Городъ. — Базары. — Жители. — Бабу. — «Молодая Индія». — Рамъ - Могунъ-Рой. — Брама Сомаджъ. — Женская школа. — Бракъ вдовъ. — Кали. — Харакъ-Пуд-жа. — Европейская жизнь. — Страндъ. — Ботаническій садъ. — Циклоны. — Аргилахи. — Джагернаутъ. — Портъ Канингъ. — Зондербундъ. — Тигры и крокодилы. — Экскурсія въ Даку. — Гангъ и Брахмапутра. — Діамонтъ-Гарбо. — Взглядъ назадъ.

Немногіе изъ азіатскихъ городовъ были предмтеомъ столькихъ описаній какъ Калькутта. Начиная съ Жакмона, обрисовавшаго такъ вѣрно индо-европейское общество въ этомъ городѣ, и г-на Грандидье, описанія котораго были приведены въ этихъ самыхъ запискахъ, множество путешественниковъ описывали этотъ городъ, и потому я считаю лишнимъ распространяться о немъ и ограничусь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей, которыя могли ускользнуть отъ наблюденія моихъ предшественниковъ.

Если путешественникъ высаживается въ Калькуттѣ, пріѣзжая прямо изъ Европы, видъ индійской метрополіи производитъ на него сильное впечатлѣніе. Проходя черезъ низкія территоріи, почти затопленныя водою, которыя тянутся отъ моря, онъ видитъ вдругъ на окраинѣ огромной площади рядъ величественныхъ дворцовъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются колонны, колокольни, своды; портъ наполненъ огромными кораблями; набережные оживлены толпами людей; кареты, паланкины снуютъ взадъ и впередъ передъ его глазами; однимъ словомъ, все напоминаетъ ему, что передъ нимъ одинъ изъ наибольшихъ городовъ міра, столица имперіи, имѣющей 200 милліоновъ подданныхъ. Когда онъ

© ГПНТБ СО РАН

проникаетъ въ самый городъ, иллюзія продолжается еще. Онъ проходитъ по прекраснымъ скверамъ, достойнымъ Лондона, украшеннымъ великолѣпными садами и прелестными прудами; по обѣимъ сторонамъ улицъ тянутся роскошные магазины и дома съ фронтонами греческихъ храмовъ. Но скоро всѣ эти великолѣпія остаются позади него; вмѣсто широкихъ улицъ онъ видитъ передъ собою грязные, темные переулки, вдоль которыхъ тянутся грязные соломенные домики, теряющіеся изъ вида на горизонтѣ долины. Здѣсь кварталы не отдѣляются одинъ отъ другаго такъ рѣзко, какъ въ Бомбеѣ: отъ дворца къ хижинѣ нѣтъ переходныхъ ступеней.

Самое народонаселеніе не представляетъ того живописнаго разнообразія типовъ, которое дѣлаетъ изъ большаго коммерческаго города западнаго берега Индіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пунктовъ земнаго шара. За исключеніемъ нѣкоторыхъ китайцевъ и бирмановъ, жители принадлежатъ почти всѣ къ сѣвернымъ рассамъ полуострова. Тамъ встрѣчается много индустанцевъ, браминовъ, марварисовъ, занимающихся въ особенности коммерціею денегъ и тканей европейскаго издѣлія; носильщики—большею частью уроженцы Ориса или Бирмхума; но большинство народонаселенія и вся буржуазія состоитъ изъ бенгальцевъ; что же касается аристократіи, то она давно изчезла и уступила мѣсто разбогатѣвшимъ выскочкамъ.

Низшіе классы не заслуживаютъ особеннаго вниманія: они невѣжественны, суевѣрны и отличаются преимущественно своими пороками, какъ-то: трусостью, склонностью къ мошенничеству и фанатизмомъ; если индійцамъ вообще приписывали такъ часто эти недостатки, то именно благодаря этимъ классамъ, такъ какъ путешественники, изучая ихъ, составили себѣ понятіе, что всѣ націи обширнаго Индійскаго полуострова должны соотвѣтствовать этому типу.

Однакоже калькуттскій народъ представляетъ самый жалкій образецъ индусской рассы, чего никакъ нельзя сказать впрочемъ о буржуазіи, представляющей весьма интересный типъ для изученія.

Этотъ классъ, носящій названія бабу, будучи съ давнихъ временъ въ соприкосновеніи съ европейцами, разбогатѣвшій посредствомъ торговли, выдвинулся на путь прогресса и сталъ во главѣ движенія, которое ведетъ къ обновленію общества и можетъ имѣть самыя счастливыя послѣдствія для будущности индѣйской націи.

Бабу поняли съ самаго начала, что образованіе можетъ служить имъ лучшимъ орудіемъ для завоеванія равенства, въ которомъ имъ отказывали завоеватели. Они основали коллегіи и заставили своихъ дѣтей проходить всѣ европейскія науки: медицину, право, практическія искусства и проч. Къ великому удивленію англичанъ, молодые бенгальцы выдержали въ большомъ числѣ экзамены, дававшіе имъ право требовать отъ правительства допущенія къ занятію разныхъ должностей, и въ скоромъ времени бабу наводнили почты, телеграфы, желѣзныя дороги, суды, администраціи и стали захватывать въ свои руки промышленность и торговлю; но они понимали хорошо, что этотъ прогрессъ не могъ имѣть существеннаго значенія, пока они не избавятся отъ разныхъ узъ, налагаемыхъ на нихъ браминскимъ вѣроисповѣданіемъ и не отрекутся отъ старыхъ соціальныхъ обычаевъ, вкоренившихся гораздо глубже, чѣмъ самыя религіозныя идеи.

Оставить браманизмъ для христіанства было-бы опасно, такъ какъ, измѣняя своей вѣрѣ, они утратили бы вліяніе на народную массу, не имѣя въ виду быть достаточно вознагражденными со стороны англичанъ; переставая быть индусами, они становились-бы—half-cast, и бабу избрали другое средство: вмѣсто того, чтобы разрушать все старое, они стали преобразовывать. Одинъ изъ ихъ коноводовъ, Рамъ-Могунъ Рой, философъ, извѣстный и уважаемый въ Европѣ, гдѣ онъ долго путешествовалъ, далъ имъ основаніе новой религіи, Брамо-Сомаджъ, которая, подъ видомъ возвращенія къ ведизму, была въ сущности принятіемъ извѣстныхъ, современныхъ философскихъ идей.

Брамо-Сомаджъ признаетъ единственное божество—Браму, творческую силу, но предоставляетъ человѣку полную свободу дѣйствій и будущую жизнь его ставитъ въ зависимость отъ его поступковъ, а не отъ выполненія религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ, эта религія еще только возникаетъ; но ея связь съ древними традиціями и настоящій либерализмъ ручаются, что она сдѣлается въ скоромъ времени господствующею религіею въ Бенгаліи и даже во всей Индіи.

Однакожъ бабу предстояло опрокинуть еще болѣе серьезную преграду, которую они успѣли только пошатнуть, но не уничтожить еще:—это преграду старыхъ обычаевъ и предразсудковъ. Народъ смотрѣлъ холодно на образованіе Брамо-Сомаджъ; въ ихъ глазахъ это было не болѣе, какъ нарожденіе новой секты между тремя или четырьмя стами индусскими сектами, такъ какъ бабу сохраняли Браму и Веды; но когда онъ узналъ, что хотѣли предоставить ровноправность женщинамъ, образованіе дѣвушкамъ, права вторичнаге брака вдовамъ, то былъ страшно возмущенъ.

ОТКРЫТОЕ

Впрочемъ, самые рѣшительные члены этой партіи, присвоивающіе себѣ названіе «Молодой Индіи», пошли до конца; они открыли школу для дѣвочекъ, и многіе изъ нихъ женились на вдовахъ. День, въ которой свершились эти факты, въ сущности столь простые, обозначаетъ знаменательное число въ исторіи Индіи, число, которымъ заканчивается старая эра, эра тьмы и невѣжества, и съ котораго открывается новая эра, обѣщающая новый порядокъ вещей.

Чтобъ понять все значеніе этой соціальной революціи, нужно знать, что, по индусскимъ догматамъ, женщина должна оставаться въ невѣжествѣ; только женщины дурнаго поведенія могутъ читать и писать; что-же касается вдовъ, то религіозный законъ неумолимъ относительно ихъ. Какъ только женщина теряетъ своего супруга, родные должны раздѣть ее и, связавъ ей ноги, обрить ей голову; потомъ ее одѣваютъ въ самыя грубыя одежды и осуждаютъ на самыя тяжелыя хозяйственныя работы; она не смѣетъ болѣе носить ни шелка, ни золота, ни серебра; она не смѣетъ ѣсть за однимъ столомъ съ своими пріятельницами; она становится рабою и служанкою всѣхъ и каждаго; что-же касается вторичнаго брака, то это строго воспрещено, и человѣкъ, который рѣшился-бы жениться на вдовѣ, подвергался-бы исключенію изъ своей касты и гражданской смерти. Въ прежнія времена вдовы имѣли средства избѣгать этой мучительной жизни, подвергаясь сожженію вмѣстѣ съ тѣломъ своего мужа; нынче-же, когда англичане запретили эти жертвы, бѣднымъ вдовамъ не остается другаго исхода изъ невыносимаго положенія, какъ развратъ, карьера базарныхъ камелій.

И такъ реформаторы, подрывая этотъ варварскій обычай, совершили великое дѣло возстановленія справедливости; но выступить борцами противъ предразсудковъ, освященныхъ четырехтысячелѣтнею практикою, и глубоко вкоренившихся въ народѣ, было не легко и не безопасно; однакоже, храбрые дѣятели смѣло пошли на перекоръ общественнымъ понятіямъ, женясь на вдовахъ, и нынѣ насчитывается уже порядочное число послѣднихъ, сдѣлавшихся женами почтенныхъ бабу. Близокъ уже день, когда эти варварскіе обычаи изчезнутъ совсѣмъ.

Любимая богиня калькуттскаго народа—это кровожадная Кали, супруга Сива, богиня убійства: нѣкогда ея алтари обливались только человѣческою кровью; идолы, изображающіе ее, окружены всегда трупами и черепами; однимъ словомъ, не существуетъ во всемъ мірѣ болѣе ужаснаго и отвратительнаго культа.

Обыкновенно большой праздникъ въ честь Кали праздновался въ

іюлѣ или въ августѣ мѣсяцѣ. Толпа собиралась въ долинѣ, сосѣдней съ городомъ, чтобы присутствовать на большой церемоніи *Харакъ-Пуджа,*—что значитъ обожать вертясь. Эта церемонія заключалась въ слѣдующемъ: устроивался вертящійся столбъ въ родѣ столба каруселя съ деревянными лошадьми, на ручки вѣшались веревки съ острыми желѣзными крючками, которые фанатическіе сектанты Кали всаживали себѣ въ тѣло; когда машина приводилась въ движеніе, то бѣдняки волочились на веревкахъ вокругъ столба, пока крюкъ вырывался, прорѣзывая ихъ тѣло съ клочками мяса. Теперь же, когда англійское правительство запретило этотъ обычай, то фанатики довольствуются тѣмъ, что бросаются на землю съ какой нибудь высоты, ранятъ себѣ тѣло крюками и дѣлаютъ разныя безумства, чтобы угодить жестокой богинѣ Кали.

Находясь въ Калькуттѣ въ эпоху Харакъ-Пуджа, я былъ приглашенъ однимъ бабу присутствовать на этомъ праздникѣ; хотя это предложеніе меня удивило, но я принялъ его безъ всякихъ возраженій. Велико было мое изумленіе, когда, прибывъ на мѣсто торжества, я увидѣлъ, вмѣсто фанатической толпы, собраніе почтенныхъ бабу, сидѣвшихъ на стульяхъ вокругъ обширной луговины, посреди которой возвышалось не орудіе пытки Харакъ-Пуджа, но полное собраніе гимнастическихъ принадлежностей. Скоро на эту арену прибыли дѣти и молодые люди, принявшіеся исполнять весьма ловко разныя гимнастическія упражненія подъ управленіемъ двухъ англійскихъ солдатъ. Гимнасты скоро уступили мѣсто оркестру, составленному также изъ молодыхъ индѣйцевъ и сыгравшему намъ нѣсколько пьесъ; наконецъ, явился хоръ, составленный изъ дѣтей, пропѣвшій нѣсколько гимновъ на бенгальскомъ языкѣ. По окончаніи представленія дѣти получили призы и были приглашены сѣсть за столъ, уставленный вкусными яствами.

«Большинство этихъ дѣтей, сказалъ мнѣ мой товарищъ бабу, принадлежатъ къ самымъ бѣднымъ классамъ городскаго населенія, но между ними находится также большое число юныхъ бабу, которыхъ мы соединяемъ съ ними, съ цѣлью, объяснять вамъ которую считаю лишнимъ. Доставляя этимъ бѣднымъ дѣтямъ развлеченія и удовольствія, незнакомыя имъ, мы ихъ удаляемъ этимъ самымъ отъ кровавыхъ зрѣлищъ, которыхъ они были-бы свидѣтелями, возвышаемъ, однимъ словомъ, ихъ духъ и приготовляемъ сдѣлаться людьми. Въ то-же время примѣръ этихъ дѣтей дѣйствуетъ на ихъ родныхъ и стѣлоняетъ ихъ

мало-по-малу отъ старыхъ обычаевъ, позорящихъ нашу страну. Вотъ какъ мы празднуемъ Харакъ-Пуджа».

Изъ этого читатель можетъ видѣть, что калькутскіе бабу заслуживаютъ симпатій европейцевъ; англичане, испуганные ихъ возрастающимъ вліяніемъ, относятся къ нимъ съ ироніею и стараются представлять эти реформы за пустое хвастовство. Но я не раздѣляю этого мнѣнія: бабу—люди очень достойные и серьезные, и если въ нихъ есть что-либо странное и смѣшное, такъ это только ихъ названіе, столь-же странное на индѣйскоиъ языкѣ, какъ и на французскомъ, и которое я имъ-бы посовѣтовалъ измѣнить теперь, когда они находятся на пути реформъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этихъ реформъ, затѣянныхъ калькутскою буржуазіею, было почти полное уничтоженіе старой системы кастъ. «Президентъ Дармасабы въ Калькуттѣ,—говоритъ господинъ Максъ. Мюллеръ, констатирующій этотъ прогрессъ, принадлежитъ къ кастѣ Судра, тогда какъ секретарь—браминъ. Въ Бенгаліи три четверти браминовъ находится въ услуженіи людей прочихъ кастъ. Большое количество изъ нихъ занимается торговлею спиртными напитками, другіе доставляютъ бычачью говядину мясникамъ и носятъ башмаки изъ коровьей кожи.... Какъ только, прибавляетъ онъ, женское народонаселеніе Индіи будетъ выведено изъ его унизительнаго настоящаго положенія; какъ только образованіе и религія болѣе чистая внушатъ индѣйскимъ женщинамъ чувство нравственной отвѣтственности и самоуваженія; какъ только онѣ узнаютъ, что въ истинной любви женщины есть нѣчто высшее, чѣмъ законы касты и проклятія священниковъ—то ихъ вліяніе будетъ содѣйствовать болѣе всего уничтоженію искусственныхъ барьеровъ касты и поддержкѣ въ Индіи, какъ и вездѣ, истинной касты интилигенціи и характера».

Я не буду говорить о жизни, которую ведутъ европейцы въ Калькуттѣ; жизнь высшихъ англійскихъ классовъ тамъ та-же, что и жизнь высшихъ лондонскихъ кружковъ: тѣ-же танцы, тѣ-же обѣды, тѣ-же визиты въ черныхъ фракахъ и въ черныхъ шляпахъ, какъ и въ Бельгравіи. Вечеромъ вся европейская колонія выставляетъ напоказъ свои туалеты и экипажи на берегу рѣки; во время сезона, т. е. отъ октября до марта мѣсяца, это гуляніе представляетъ въ особенности оригинальное зрѣлище, такъ какъ индѣйскіе принцы и особы высоко поставленныя, находящіяся всегда въ большомъ количествѣ при дворѣ вице-короля, являются туда соперничать въ роскоши съ изящною толпою европейцевъ.

Гугли, рукавъ Ганга, омывающій городъ, достигаетъ въ этомъ мѣстѣ километра въ ширину; онъ величественно течетъ между низкими и живописными берегами. Нѣкогда по его поверхности плавало безчисленное множество труповъ, сопровождаемыхъ стаями хищныхъ птицъ, клевавшихъ ихъ передъ глазами гулявшей публики. Теперь англійское правительство запретило прибрежнымъ жителямъ бросать тѣла въ рѣку; но такъ какъ это дѣлалось людьми слишкомъ бѣдными, чтобы сжигать трупы своихъ родственниковъ на кострахъ, то пришлось устроить что-то въ родѣ муниципальнаго костра, обширной башни, гдѣ пылаетъ неугасаемое пламя, предназначенное для уничтоженія остатковъ бѣдняковъ.

На правомъ берегу рѣки, недалеко отъ города, тянутся великолѣпные ботаническіе сады, которыми натуралистъ Гуккеръ наградилъ Калькутту и которые могутъ назваться самыми обширными и самыми великолѣпными въ мірѣ. Тамъ собраны, не въ теплицахъ, но на открытомъ воздухѣ, чудеса африканской, американской, азіатской и океанической флоры. Главныя достопримѣчательности суть: одинъ сенегальскій баобабъ, стволъ котораго достигаетъ 15 метровъ въ объемѣ, и индѣйскій бананъ, покрывающій своими многочисленными развѣтвленіями болѣе квадратнаго километра; къ несчастью, послѣднее дерево было сильно повреждено большимъ калькуттскимъ циклономъ.

Циклонъ! это слово съ ужасомъ произносится въ большой индѣйской, метрополіи! Нѣтъ такого ужаснаго бѣдствія, которое могло-бы сравниться съ этимъ бичемъ, и все трепещетъ передъ его страшнымъ могуществомъ.

Всѣ слыхали, конечно, о великомъ циклонѣ, поставившемъ въ 1864 году Калькутту на два пальца отъ полнѣйшаго разрушенія. Вѣтеръ, отталкивая съ необыкновенною силою, теченіе Гугли назадъ, выбрасывалъ его воды, словно подвижные валы, изъ ихъ ложа, увлекая вмѣстѣ съ ними 240 кораблей, стоявшихъ на якорѣ и дробя ихъ одни объ другіе въ щепки. Этотъ метеоръ распространилъ опустошеніе и отчаяніе на обоихъ берегахъ рѣки, и послѣ этого перваго порыва обратился къ несчастному городу съ необыкновенною яростью и смелъ въ одно мгновеніе бѣдные кварталы прибрежныхъ жителей и изломалъ гибкія пальмы въ куски. Оставивъ 200 тысячъ несчастныхъ безъ крова подъ проливнымъ дождемъ, бичъ понесся далѣе искать болѣе серьезныхъ противниковъ и обрушился на тяжелыя зданія европейскаго города; онъ попортилъ тамъ

ОТПЕЧАТАН

стѣны, опрокинулъ на землю портики и колонны, оторвалъ желѣзные балконы и снесъ нѣсколько кровлей съ домовъ. Потомъ въ моментъ, когда трепещущее народонаселеніе потеряло всякую надежду на спасеніе, грозный метеоръ быстро удалился, настала вдругъ тишина,—городъ былъ спасенъ.

Но какою цѣною! 200 кораблей погибли или были раздавлены, сотни дворцовъ разрушены, тысячи хижинъ уничтожены въ прахъ и еще болѣе ужасная вещь, чѣмъ милліоны, которые представляли всѣ эти вещи собою: въ городѣ было 20 тысячъ труповъ и въ сосѣднихъ долинахъ 100 тысячъ; на всемъ пространствѣ нижней Бенгаліи деревни были разрушены, жатва уничтожена; и еслибы этотъ циклонъ былъ единственнымъ случаемъ! но не проходитъ года, чтобы явленія этого рода не обрушивались на несчастный городъ, менѣе ужасныя быть можетъ, чѣмъ этотъ ураганъ, но не менѣе опасныя однакожъ. Нельзя сомнѣваться, что Калькутта находится на пути этихъ феноменовъ и осуждена пасть подъ его ударами, какъ пало столько другихъ городовъ, развалины которыхъ покрываютъ Зондербундскія болота.

Во время моего пребыванія въ Калькуттѣ я былъ свидѣтелемъ одного изъ этихъ циклоновъ; еще наканунѣ барометрическіе инструменты испытывали сильныя и порывистыя колебанія, и на другой день, въ часъ по полудни, небо, на которомъ сіяло съ утра блестящее солнце, покрылось темными облаками, съ необыкновенною быстротою. Я былъ на площади и, при появленіи этихъ первыхъ признаковъ приближенія урагана, замѣтилъ большое движеніе въ гавани, корабли опускали свои паруса и, казалось, приготовлялись къ борьбѣ.

Вдругъ, осматриваясь кругомъ, я увидалъ, что всѣ бѣжали, какъ будто преслѣдуемые непріятелемъ. Однакожъ въ воздухѣ было еще тихо и я не могъ объяснить себѣ этой паники, пока не замѣтилъ на окраинѣ площади, со стороны крѣпости Вильямъ, нѣчто въ родѣ сѣроватаго облака пыли, которое приближалось съ необыкновенною быстротою. Тогда я въ свою очередь, пустился бѣжать и, признаюсь, не безъ страха, такъ какъ я оставался совершенно одинъ въ обширной долинѣ и нѣсколько сотъ метровъ отдѣляли меня отъ домовъ.

Наконецъ я достигъ улицы Дурумтола, какъ вдругъ, услышавъ крикъ позади себя, я обратился и увидѣлъ въ десяти шагахъ паланкинъ, поставленный посреди дороги и носильщиковъ, бѣжавшихъ отъ него безъ оглядки; крикъ, заставившій меня остановиться, исходилъ изъ устъ евро-

пейской дамы, сидѣвшей въ паланкинѣ и не находившей отъ страха изъ него выхода; въ ту минуту, когда я только что собирался подать ей помощь, насъ окружило облако дыма; непреодолимая сила сдавила мнѣ грудь и свалила съ ногъ.

Черезъ минуту я немного приподнялся; пыль изчезла, но за то дождь лилъ ливнемъ и вѣтеръ бушевалъ съ такою силою, что я не могъ держаться на ногахъ. Бѣдная дама, къ счастью, успѣла выйдти изъ паланкина, который вихрь отбросилъ къ балюстрадѣ эспланады, и лежала на землѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ удалось, ползкомъ, добраться до нея и, поднявшись общими усиліями на ноги, мы поспѣшили, поддерживая другъ друга, въ гостинницу Галле, расположенную въ сосѣдней улицѣ, но принуждены были еще долго ждать, пока намъ не отворили, такъ какъ всѣ выходы и входы гостинницы были старательно забаррикадированы.

Въ теченіе четверти часа вѣтеръ все усиливался и наконецъ стѣны дома начали такъ сильно дрожать, что хозяинъ гостинницы счелъ нужнымъ собрать всѣхъ въ одну комнату, расположенную, по мѣстному обычаю, въ центрѣ дома и стѣны которой настолько толсты, что въ состояніи были даже выдержать паденіе всего зданія. Но, къ счастью, намъ не пришлось испробовать солидности этого послѣдняго убѣжища, потому что вѣтеръ началъ значительно слабѣть, раскаты грома и молнія прекратились, и черезъ нѣсколько минутъ спокойствіе въ природѣ было снова возстановлено, и небо сдѣлалось такимъ чистымъ и голубымъ, какъ будто ничего и не происходило.

Послѣ бури, улицы представляли крайне плачевный видъ: повсюду виднѣлись черепицы, вѣтви деревьевъ, оторванныя вывѣски, обломки паланкиновъ, одежда и др. предметы, равнымъ образомъ сотни труповъ вороновъ, мышелововъ, коршуновъ и *аргила*; эти несчастныя птицы не въ состояніи были бороться съ вѣтромъ, который безпощадно ихъ убивалъ, бросая объ стѣны и крыши домовъ.

Буря однако, напомнила мнѣ, что я еще не познакомилъ читателя съ одною изъ достопримѣчательностей Калькутты: я говорю объ *аргила*, или адъютантахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего любопытнѣе для каждаго новоприбывшаго, какъ видѣть этихъ громадныхъ птицъ, ростомъ съ человѣка, важно расхаживающихъ въ толпѣ на улицѣ или сидящихъ на крышахъ домовъ. Ихъ голая, коростовая голова съ двумя небольшими круглыми и

красными глазами оканчивается громаднымъ, въ видѣ трубки, заостреннымъ клювомъ, способнымъ спрятать въ себѣ цѣлаго цыпленка и снабженнымъ внизу лиловымъ мѣшкомъ, служащимъ преддверіемъ къ огромному желудку. Помѣстите эту голову между плечами бѣлаго туловищъ съ двумя крыльями, окаймленными черною полоскою и похожими на двѣ руки, скрещенныя за спиною, прибавьте затѣмъ двѣ очень длинныя, желтыя ноги—и передъ вами будетъ аргила, котораго наука окрестила очень обыкновеннымъ именемъ *аиста съ мѣшкомъ*. Въ народѣ эта птица, по своей важной походкѣ и всегда задумчивому виду, извѣстна подъ названіемъ *философа*, или *адъютанта*.

Философы для Калькутты сущее благодѣяніе: они постоянно расхаживаютъ по улицамъ и подбираютъ всякія нечистоты. При сыромъ и жаркомъ климатѣ и природной неопрятности небогатаго населенія, въ такомъ значительномъ городѣ, какъ Калькутта, безъ подобныхъ помощниковъ, нельзя было-бы и думать о содержаніи улицъ въ болѣе или менѣе опрятномъ видѣ.

Поэтому они находятся вполнѣ подъ охраною мѣстныхъ законовъ, и за всякій, причиненный имъ вредъ, взимается штрафъ въ сто двадцать пять франковъ.

Аргила считается собственно предводителемъ значительной арміи подбирателей нечистотъ въ Калькуттѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ тысячъ ястребовъ, мышелововъ, коршуновъ, аистовъ и вороновъ; но всѣ эти послѣдніе держатся на значительномъ разстояніи отъ ужаснаго клюва аргила, и поэтому всѣ лучшіе куски попадаютъ прямо въ его обширный желудокъ. Прожорливость его, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенна; иногда уже, вполнѣ насыщенный, онъ схватываетъ по дорогѣ неосторожнаго ворона и мигомъ отправляетъ его въ свой мѣшокъ, гдѣ тотчасъ-же и начинается процессъ пищеваренія.

Каждый годъ, во время кладки яицъ, эти птицы покидаютъ Калькутту на три мѣсяца, но въ концѣ этого времени онѣ снова возвращаются на то же самое мѣсто, съ котораго улетѣли. Вѣрность этой примѣты доказывается тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ птицъ надѣвали на шею кольца и одна изъ нихъ съ такимъ кольцомъ въ теченіе тридцати лѣтъ прилетала всегда на крышу вицекоролевскаго дворца.

Такъ какъ я назначилъ срокомъ возвращенія во Францію сентябрь мѣсяцъ, то, чтобы воспользоваться оставшимися мнѣ еще двумя мѣсяцами, я поступилъ также, какъ и въ Бомбеѣ, въ началѣ моего путешествія: устроилъ свой операціонный пунктъ въ Калькуттѣ и оттуда дѣлалъ поѣздки къ замѣчательнымъ мѣстамъ сосѣднихъ провинцій. Цѣлью первой изъ такихъ поѣздокъ былъ храмъ Джагернаута, куда я прибылъ во время большихъ праздниковъ Ратъ; оттуда я отправился въ Бованешваръ и къ пещерамъ Удгири, пользующимся большимъ интересомъ, но которыя я не буду описывать, такъ какъ это сдѣлалъ уже г. Грандидье *).

По возвращеніи въ Калькутту, я направился на этотъ разъ къ южной части Дельты, странѣ еще мало изслѣдованной, которая хотя довольно уже высохла, но тѣмъ не менѣе ее еще нельзя назвать континентомъ. Эта страна въ настоящее время называется Сандарбандъ, или, по англійски, Зондербундъ.

Небольшая линія желѣзной дороги ведетъ до Порта-Каннинга, гавани, построенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Мутла, одномъ изъ устьевъ Ганга, болѣе широкомъ и гораздо болѣе доступномъ, чѣмъ Гугли. Но, не смотря на свое благопріятное положеніе, новый городъ, кажется, не долго будетъ конкурировать съ Калькуттою; на мои глаза, это небольшое мѣстечко съ нѣсколькими верфями, передъ которыми уныло стояли одно или два судна.

Въ Портъ-Каннингѣ я уговорился съ владѣльцемъ одной туземной барки, и онъ согласился сдѣлать со мною трехдневную прогулку по рѣчнымъ излучинамъ Зондербунда.

Со мною поѣхали Шаумбургъ и одинъ слуга. Провизіи мы взяли съ собою на нѣсколько недѣль, въ виду того, что противный вѣтеръ могъ сбить насъ съ пути и задержать болѣе назначеннаго времени.

Въ первый день мы начали подниматься по узкому каналу съ желтою и стоячею водою, извивавшемуся между низкими, болотистыми островками, покрытыми густымъ джунглемъ, надъ которымъ возвышались въ видѣ ракетъ нѣсколько кокосовыхъ деревьевъ. Берега канала совершенно изчезали подъ громаднымъ количествомъ корней и водяныхъ растеній, дѣлавшихъ ихъ почти неприступными. На этихъ смрадныхъ берегахъ обитали цѣлыя стаи птицъ, между которыми я замѣтилъ исполинскую цаплю, большаго чернаго аиста, аргила и темнаго ибиса. Всѣ эти

*) См. Индія и Цейлонъ. Съ рисункми. Грандидье. Изд. ред. журн. «Всемірный Путешественникъ».

голенастыя, стоя точно часовые на подпоркахъ изъ корнепуска, слѣдили за нами съ такимъ глупымъ видомъ и давали себя убивать съ такимъ стоицизмомъ, что все это намъ вскорѣ очень надоѣло. Даже въ водѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно было видѣть до сотни небольшихъ пернатыхъ пловцовъ и браминскихъ утокъ, а лысухи съ перьями пурпуроваго или ярко-синяго цвѣта безпрестанно перебѣгали по листьямъ лядвенца.

Я убилъ нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ птичекъ съ цѣлью ихъ сохранить; но едва мы подъѣзжали ближе, чтобы ихъ взять, какъ онѣ быстро исчезали подъ водою, привлекаемыя невидимою, силою. Вскорѣ мы узнали, кто были таинственные грабители нашей дичи: это были никто иные, какъ крокодилы, населяющіе эти воды, которые, боясь выстрѣловъ нашихъ ружей, держались осторожно подъ водою.

Около вечера мы имѣли случай удостовѣриться въ значительномъ количествѣ этихъ пресмыкающихся, живущихъ въ каналахъ Зондербунда. Хозяинъ нашей барки бросилъ на ночь якорь возлѣ небольшаго поселенія, и экипажъ сошелъ на берегъ для варки себѣ ужина. Рядомъ съ нашею стоянкою я замѣтилъ свайную перемычку, состоявшую изъ толстыхъ бревенъ, опущенныхъ въ воду и окружавшую собою часть воды, какъ видно для водопоя. Мой хозяинъ объяснилъ мнѣ, что туземцы принуждены были ограничиться этимъ пространствомъ воды для мытья бѣлья и другихъ потребностей, такъ какъ внѣ его они подвергались неминуемой гибели въ пасти крокодиловъ. Впрочемъ, какъ меня увѣряли, хитрые крокодилы и тутъ не оставляли въ покоѣ жителей: они берегомъ пробирались во внутренность изгороди, скрывались подъ водою и терпѣливо ожидали, пока женщина или ребенокъ не подойдутъ ближе: тогда они однимъ скачкомъ бросались на свою жертву, и утаскивали ее въ рѣку. Вообще не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы деревня не уплатила кровавой дани этимъ ужаснымъ животнымъ.

Но крокодилы еще ни единственные враги, съ которыми жители Зондербунда должны бороться изъ за своего существованія. Джунгли, окружающія ихъ со всѣхъ сторонъ, содержатъ въ себѣ множество кровожадныхъ звѣрей, между которыми тигры особенно изобилуютъ. Эти животныя свободно переплываютъ съ одного острова на другой и цѣлыми стадами атакуютъ несчастныхъ туземцевъ, которые принуждены

окружать свои жилища палисадами и выдерживать въ нихъ настоящіе приступы.

Такимъ образомъ, въ 1862 г., стадо тигровъ ворвалось въ домъ и загрызло всѣхъ служащихъ на телеграфной станціи, расположенной на оконечности острова Согора.

Съ своей стороны, туземцы ведутъ съ этими животными ожесточенную войну. Они роютъ ямы, усаженныя заостренными кольями изъ твердаго дерева, или устраиваютъ западни совершенно особенной формы. Для этого они выбираютъ молодое дерево, крѣпкое и гибкое, которое они перегибаютъ въ видѣ дуги, привязавъ верхушку веревкою къ столбу, врытому въ землю. Эта веревка поддерживаетъ приманку, которая расположена такимъ образомъ, что тигръ не можетъ до нея дотронуться, не всунувъ голову или лапу въ подвижной узелъ. При малѣйшемъ движеніи животнаго, узелъ затягивается, веревка, привязанная къ столбу, разматывается, а дерево, освобожденное отъ узъ, быстро выпрямляется и подымаетъ съ собою тигра, который, такимъ образомъ остается висящимъ на воздухѣ. Но чтобы онъ не могъ освободиться, наверху устраивается чурбанъ изъ крѣпкаго дерева такимъ образомъ, что въ ту минуту, когда дерево съ тигромъ подымается, онъ падаетъ вдоль веревки и наноситъ быстрый ударъ той части туловища животнаго, которая окажется въ узлѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане сдѣлали попытку развести въ Зондербундѣ рисовыя плантаціи, они снабдили туземцевъ стрихниномъ, и тигры массами погибали отъ яда. Но, тѣмъ не менѣе, число ихъ и до сихъ поръ довольно значительно, потому что ночью ужасный ревъ ихъ почти совсѣмъ не умолкалъ.

Жители Зондербунда носятъ названіе мюлангисовъ. Они очень черны, небольшаго роста и дурно сложены. Главная ихъ промышленность состоитъ въ добываніи соли изъ морской воды и рыбной ловлѣ. Изъ числа множества рыбъ, плавающихъ въ водахъ этой страны, первое мѣсто принадлежитъ mango fish, или манговой рыбѣ, самой дорогой на калькуттскихъ рынкахъ. Эта рыба золотистаго цвѣта и небольшой величины; ея бѣлое мясо, безъ костей, отличается особеннымъ вкусомъ.

Въ теченіе еще двухъ дней мы разъѣзжали по устьямъ Ганга, причемъ, попеременно, или мчались на всѣхъ парусахъ по широкимъ водянымъ пространствамъ, похожимъ на морскіе заливы, или же, на оборотъ, скользили по узкимъ каналамъ, надъ которыми деревья сплета-

лись въ видѣ тѣнистаго свода. Большая часть острововъ не имѣютъ другихъ жителей, кромѣ кровожадныхъ животныхъ, и ихъ сырая и ноздреватая почва не способна ничего воспроизвести. Впрочемъ, не лишнимъ считаю замѣтить, что въ настоящее время нѣкоторыя части Зондербунда находятся на пути къ процвѣтанію: такъ на островахъ, гдѣ поселились европейцы, видны уже великолѣпныя плантаціи риса, индиго и сахарнаго тростника.

Возвратившись въ Калькутту, я снова, черезъ нѣсколько дней, отправился по Eastern Bengal Railway, проѣхавъ по которой черезъ всю ширину дельты, я высадился въ Гоаландѣ, на правомъ берегу главнаго притока Ганга. Эта рѣка, истощенная безчисленными изворотами, нисколько не шире здѣсь, чѣмъ при Монгирѣ; она лѣниво катитъ свои волны между низменными и монотонными берегами.

На другой день пароходъ довезъ меня по Даласери, одному изъ притоковъ дельты, до Дакка. Даласери, хотя и соединяющійся съ Гангомъ, но, тѣмъ не менѣе, однако, собственно говоря, не принадлежитъ къ системѣ этой рѣки: онъ составляетъ крайній притокъ большаго западнаго рукава Брамапутры.

Дакка только меня разочаровалъ; я ожидалъ найти въ немъ славныя воспоминанія великой роли, которую онъ игралъ въ теченіе многихъ столѣтій въ качествѣ столицы восточнаго Бенгала, но, къ сожалѣнію, увидѣлъ только незначительныя руины. Нынѣшній городъ составляетъ одинъ изъ важныхъ коммерческихъ центровъ; его базары многолюдны, оживлены и представляютъ интересное смѣшеніе расъ; индокитайскій типъ встрѣчается тамъ также часто, какъ и индускій. Дакка считается крайнею восточною границею Индіи, а нѣсколько льё далѣе къ востоку, Мегна, большой притокъ Брахмапутры, составляетъ границу индусскаго племени, такъ какъ возвышенности, которыя можно видѣть на горизонтѣ, населены уже кугисами и лушайями, племенами, по крови и обычаямъ, принадлежащими индо-китайскому. Такимъ образомъ, въ этомъ году, я пересѣкъ Индію съ запада на востокъ, отъ Инда до Брахмапутры, въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ.

30-го августа я воротился въ Калькутту, а 1-го сентября я вступилъ на бортъ Ла-Бурдоннэ. Послѣ шестилѣтняго путешествія, работъ и трудовъ, я наконецъ собрался въ обратный путь и готовъ былъ сказать прости Индіи. Равнымъ образомъ нужно было проститься и съ моимъ преданнымъ и вѣрнымъ товарищемъ, котораго новые проекты

удерживали въ этой странѣ. Мой старый бера Деви, честный слуга, слѣдовавшій въ теченіе двухъ лѣтъ всюду за мною, прощался тоже со мною, обнимая мои колѣна.

Наконецъ, пришла послѣдняя минута: раздался звонокъ и я увидѣлъ Шаумбурга и стараго бера удалявшихся въ шлюбкѣ и посылавшихъ мнѣ послѣдній поклонъ; затѣмъ зашумѣли колеса и вскорѣ Калькутта изчезла изъ глазъ. Цѣлый день мы спускались по рѣкѣ среди цѣлаго флота судовъ всѣхъ національностей, подходившихъ къ порту или уходившихъ въ море; на слѣдующій день мы на минуту остановились у Діамондъ Гарбуръ, не большой гавани, устроенной у устья Гугли, гдѣ пароходы берутъ послѣднія письма и депеши, а затѣмъ вступили въ Бенгальской заливъ; вскорѣ берега скрылись и Индія изчезла за туманнымъ горизонтомъ.

Въ теченіи шести лѣтъ, проведенныхъ мною въ Индіи, съ 1863 по 1868 г. я выполнилъ и даже слишкомъ, программу, которую я начерталъ себѣ при отъѣздѣ изъ Парижа. Принимая во вниманіе остановки въ Мадрасѣ, Пондишери и на Цейлонѣ, которыя я дѣлалъ на обратномъ пути, могу сказать, что не осталось ни одного уголка на обширномъ полуостровѣ, который бы я не посѣтилъ. Я былъ попеременно, въ президентствѣ Бомбейскомъ, въ Деканѣ, Гузуратѣ, у восемнадцати независимыхъ принцевъ Раджпутана и центральной Индіи, въ землѣ Билей и Гундовъ, въ Пенджабѣ, въ западныхъ Гималаяхъ, Индустанѣ, Аудѣ, Бегарѣ и Бенгалѣ. Отъ юга къ сѣверу, отъ запада къ востоку, отъ Утакаманда до Симлы, отъ Пешавера до Дакка, я искрестилъ по всѣмъ направленіямъ эту необъятную страну, проѣхалъ 6150 километровъ по желѣзной дорогѣ, 3024 — въ каретѣ или повозкѣ, 1329 на спинѣ верблюда и 1145 — на спинѣ слона, слѣдовательно въ общемъ болѣе 11,600 километровъ.

Если я привелъ здѣсь перечень того, что я проѣхалъ, то это сдѣлано не съ цѣлью похвастать цифрою, нѣтъ: я хотѣлъ единственно показать, насколько успѣхъ моего предпріятія превысилъ самыя мои смѣлыя надежды. Этимъ успѣхомъ я по большей части обязанъ исключительнымъ случаямъ, которые я и намѣренъ объяснить читателю.

Всѣ видѣли, что путешествіе, предпринятое мною въ качествѣ простаго, скромнаго туриста, предоставленнаго только своимъ собственнымъ средствамъ, безъ всякой оффиціальной поддержки, приняло вскорѣ совершенно другой характеръ и сдѣлало изъ меня посланника великой

державы. Я углубился въэти страны, окруженный многочисленною и блестящею свитою, сопровождаемый со всѣми военными почестями, привѣтствуемый при въѣздѣ въ города пушечными выстрѣлами и удостоиваемый знаковъ расположенія у всѣхъ владѣтельныхъ индійскихъ князей въ то именно время, когда я мечталъ единственно о томъ, чтобы только позволили мнѣ предаться моимъ трудамъ и изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, хотя я и старался ограничиться краткимъ изложеніемъ фактовъ во всей ихъ правдивости и простотѣ, проходя молчаніемъ приключенія характера слишкомъ романическаго, но, тѣмъ не менѣе, я все-таки опасаюсь, что нѣкоторые изъ моихъ читателей могутъ подумать, что автору этого разсказа была поручена важная миссія, которую онъ держалъ въ секретѣ, или что онъ обладалъ средствами гораздо выше обыкновенныхъ. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не было. Пріемъ, оказанный мнѣ во время пребыванія моего въ Индіи, проистекалъ изъ другихъ причинъ.

Прежде всего, если вы перенесетесь къ 1863 г., т. е. когда я предпринялъ путешествіе, то вспомните, что Франція въ то время была на верху своей славы и могущества, и ея имя, можно сказать безъ хвастовства, было извѣстно всему свѣту. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ индійскіе принцы, видя во мнѣ хотя и неоффиціальнаго представителя этой великой державы, которой всѣ боялись, но тѣмъ не менѣе, все-таки ученаго путешественника той же націи, выражали почестями, оказанными французу, первому посѣтившему ихъ дворы, свое почтеніе и уваженіе къ имени Франціи. Такимъ образомъ, я принималъ только знаки расположенія, предназначенные моему отечеству. Я крайне сожалѣю, что Франція до сихъ поръ ничего не сдѣлала, чтобы познакомиться, путемъ оффиціальнаго посольства, со всѣми этими князьями, начальниками милліоновъ человѣкъ, роль которыхъ въ будущемъ не на столько незначительна, какъ это многіе думаютъ.

Со стороны англичанъ пріемъ отличался тѣмъ-же радушіемъ и учтивостью: ни одно подозрѣніе, ни одна интрига не были поставлены на моемъ пути къ розысканіямъ; наоборотъ, я встрѣчалъ вездѣ самое любезное гостепріимство, трогательное радушіе и даже искреннюю помощь. Во всѣхъ странахъ, гдѣ я проѣзжалъ, единственными представителями Англіи были офицеры королевской арміи, которые всегда увѣряли, что не забыли еще того времени, когда англичане и французы

сражались другъ возлѣ друга и ихъ знамена гордо развѣвались по всему свѣту.

Къ этимъ причинамъ, важность которыхъ читатель, конечно, поймётъ, я прибавлю съ своей стороны, что долговременныя подготовительныя работы, а также знаніе языковъ и знакомство съ климатомъ и условіями жизни въ Индіи способствовали также много успѣху моего предпріятія.

КОНЕЦЪ.

ОПИТБСОРАН